

ОБРАЗОВАНИЕ *и* ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители:

ФГБОУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве
Российской Федерации»,

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Издатель:

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Основан в 2009 году

Выходит один раз в месяц

ISSN 2076-1503 (print)

ISSN 2949-205X (online)

Индекс подписки

в каталоге «Пресса России» и
«Библиотечном каталоге»: 46138

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-36826 от 14 июля 2009 г.)

Журнал является сетевым изданием
(Свидетельство о регистрации СМИ
Эл. № ФС77-49683 от 5 мая 2012 г.)
Сайт: education.law-books.ru

Журнал включен в перечень рецензируемых
научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
доктора наук (список ВАК при Министерстве
образования и науки РФ) по отраслям науки:
5.1.1, 5.1.2, 5.1.3.

Журнал включен в Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в
Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

ОБРАЗОВАНИЕ и ПРАВО

научно-правовой журнал

**Председатель
редакционного совета:**
Светлана Иванова

Главный редактор:
Бадма Сангаджиев

Первый заместитель главного редактора:
Марат Шайхуллин

**Заместитель главного редактора
по научному развитию:**
Руслан Гандалоев

Заместитель главного редактора:
Валерий Рыжов

Литературный редактор:
Вероника Кроткова

Корректор:
Вера Козлова

Компьютерная верстка:
Марина Горячева

Дизайн:
Александр Черкасов

Ежемесячный аналитический
научно-правовой журнал, посвященный
актуальным вопросам философии,
социологии, педагогики, юриспруденции,
образования, а также правовому
мониторингу, инновационным технологиям
и реформе образования
в России и мире

Материал подготовлен
с использованием
СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес редакции (для писем):
111397, г. Москва,
Зеленый проспект, 22-302.

Home page:
www.education.law-books.ru

E-mail:
mail@law-books.ru

С 2011 года журнал «Образование и право» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

С 28 декабря 2015 г. журнал «Образование и право» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве образования и науки РФ) по специальностям: 12.00.01, 12.00.02.

С 20 июля 2022 г. журнал «Образование и право» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ) по специальностям:

- 5.1.1. “Теоретико-исторические правовые науки”;
- 5.1.2. “Публично-правовые (государственно-правовые) науки”;
- 5.1.3. “Частно-правовые (цивилистические) науки”.

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Образование и право» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Международный совет:

Ари Палениус, проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо.

Безерра Феликс Валуа Гуара – Juris Doctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсал оглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич – доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан, проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман – Juris Doctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии.

Ким Эшли – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лаи Дешенг, проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка, проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Нематов Акмал Рауфджонович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене, проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)

Пол Брэнд – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Сун Ян – старший преподаватель исследовательского управления идейно-политического воспитания Гуйчжоуского профессионального колледжа здравоохранения

Тепман Леонид Наумович – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

International Council:

Ari Palenius, prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena Rosyo Karnero – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo.

Bezerra Felix Valois Goira – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins.

Veliyev Isakhan Veysal Oglou – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan, prof., Deputy. Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia.

Kim Ashley – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng, prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka, prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Nematov Akmal Raufdzhonovich – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene, prof., University. Mykolas Romeris (Lithuania)

Paul Brend – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

宋 杨 – 讲师 思政教学研究部 贵州健康职业学院

Tepman Leonid Naumovich – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

Редакционный совет:

Председатель: С.А. Иванова – доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН, Почетный адвокат России

Э.Б. Абдуллин – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии и технологий педагогики музыкального образования, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование на протяжении жизни» Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, академик-секретарь отделения педагогики и психологии Международной академии наук педагогического образования, действительный член Международной академии наук высшей школы, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования

С.А. Барков – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ж.А. Бокоев – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики

В.Т. Волков – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, доктор экономических наук, доктор социологических наук, доктор технических наук, доктор физико-математических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, заведующий кафедрой «Естественные науки» ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения»

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.В. Гребенников – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Жуков – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

С.Д. Каракозов – доктор педагогических наук, профессор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Г.Б. Мирзоев – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бриджпортского Университета (США), Почетный доктор философии университета «EuroSwiss»

С.В. Молчанов – учёный секретарь ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования», кандидат юридических наук, доцент

А.В. Морозов – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»

Ф.Ш. Мухаметзянова – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГОУ ВПО «Казанский Государственный Институт Культуры»

Р.М. Мырзалимов – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики

Н.К. Потоцкий – доктор юридических наук, профессор, профессор Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

Л.А. Рапацкая – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации

К.Х. Рахимбердин – доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республика Казахстан (2007 г., 2013 г.).

Б.В. Сангаджиев – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

Л.А. Тхабисимова – доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

Б.С. Эбзеев – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России

Н.Д. Эриашвили – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

М.А. Эскиндаров – ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, член Научного Совета при Совете Безопасности Российской Федерации, действительный член РАЕН

Редакционная коллегия:

Главный редактор: **Б.В. Сангаджиев**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Первый заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора по научному развитию: **Р.Б. Гандалоев**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Научного исследовательского сектора Ингушского государственного университета.

Заместитель главного редактора: **В.Б. Рыжов**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Е.Г. Багреева – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

А.В. Барков – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

Н.И. Беседкина – кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Е.В. Богданов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

О.Н. Булаков – доктор юридических наук, профессор

Е.В. Виноградова – доктор юридических наук, профессор. И.о. первого заместителя директора Института государства и права Российской академии наук

Е.В. Воевода – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии, профессор кафедры английского языка № 2 Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

А.В. Гаврилин – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социологии Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, действительный член Академии педагогических и социальных наук

М.А. Газимагомедов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции, доцент кафедры прикладной информатики в юриспруденции Дагестанского государственного технического университета, член-корреспондент Российской академии естественных наук (РАЕН)

М.А. Гончаров – доктор педагогических наук, доцент, директор Института «Высшая школа образования», профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета

С.А. Гримальская – кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования эконо-

мической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

М.М. Дикажев – доктор юридических наук, доцент, профессор Ингушского государственного университета

И.В. Дойников – доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

В.Б. Израелян – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы

Р.А. Каламкарян – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

В.П. Камышанский – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Россинского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

А.С. Канюк – доктор педагогических наук, доцент, профессор РАО, проректор по научной, образовательной деятельности и молодежной политике ФГБОУ ВО «Гжельский государственный университет»

И.А. Конюхова – доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия

Н.Н. Косаренко – кандидат философских наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Н.В. Кроткова – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» Российской академии наук

В.Л. Кубышко – начальник Департамента кадрового обеспечения МВД России

З.И. Курцева – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры риторики и культуры речи Института филологии Московского педагогического государственного университета

А.Н. Левушкин – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

П.Г. Межидова – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований Академии Наук Чеченской Республики, г. Грозный

В.Э. Меламуд – доктор педагогических наук, член-корреспондент Международной академии менеджмента, Почетный работник общего образования РФ, директор Измайловской гимназии № 1508 г. Москвы

В.С. Месков – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования имени академика РАО В.А. Сластенина Института педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета

А.Х. Миндагулов – доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)

В.О. Миронов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Ю.В. Николаева – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Г.Б. Прончев – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова Российской академии наук, действительный член Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва

А.В. Рагулин – доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов

Г.М. Резник – кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, член Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

А.В. Рогова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики психолого-педагогического факультета Забайкальского государственного университета, член Научного Совета по проблемам истории образования и педагогической науки при Институте теории и истории педагогики РАО, Заслуженный учитель Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Н.В. Семенова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Педагогического института Тихо-океанского государственного университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

А.Б. Синельников – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

А.А. Соловьев – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории и истории государства и права Московского педагогического государственного университета (МПГУ)

Д.С. Сомов – доктор педагогических наук, врио ректора Гжелского государственного университета

Т.А. Сошникова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

А.А. Спектор – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

Р.Ф. Степаненко – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

Д.П. Стригунова – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В.Н. Ткачев – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

Н.Е. Толстая – доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, ректор Сергиево-Посадского гуманитарного института

А.Г. Тюриков – доктор социологических наук, профессор, профессор Департамента социологии ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

М.С. Халиков – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Н.П. Ходакова – доктор педагогических наук, профессор, профессор департамента методики обучения Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета

Г.Г. Черемных – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, нотариус г. Москвы, член Правления Московской городской нотариальной палаты

Х.С. Шагбанова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел ФГКУ ДПО «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России», член-корреспондент РАЕН

Г.Г. Шинкарецкая – доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

- Грудцына Л.Ю., Иванова С.А.** * Термин «искусственный интеллект» провоцирует когнитивную ошибку? 15
- Горбунова О.С., Кот Е.М., Малькова Ю.В., Пильникова И.Ф., Петрякова С.В., Радионова С.В.** * Возможности и вред ИИ-контента для образовательного процесса в высших учебных заведениях 24

ПОЛИТИКА И ПРАВО

- Эриашвили Н.Д., Григорьев А.И.** * Исполнение судебных актов в бюджетных правоотношениях: новый поворот в федеральном законодательстве Российской Федерации 30
- Барикаева А.Ф.** * Правовое регулирование доходов и расходов местных бюджетов в условиях социально-экономической трансформации 40
- Мазитов Ш.А.** * Взаимная детерминация правовой идеологии и правовой системы общества 45
- Чемшит А.А., Кальной И.И.** * Второй исторический вызов как реакция на уставшую государственность 49
- Васильева С.В., Федоскин Н.Н.** * Влияние санкций на правовое обеспечение внешнеэкономической деятельности 56
- Алексеев Н.С.** * Правовое регулирование искусственного интеллекта в инновационной деятельности в Российской Федерации: вызовы и перспективы 62

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

- Фетисова О.В.** * Приемная семья: взгляд на отдельные законодательные положения с учетом практики их применения 68
- Ястремский И.А.** * О необходимости юридического понятия «дефекта оказания медицинской помощи» в контексте спора пациента с клиникой пластической хирургии 76
- Малых В.А.** * Институциональный дуализм в системе защиты прав потребителей финансовых услуг 80
- Кособоков А.Л.** * Перспективы распространения статуса личности на эмбрионы in vitro 86
- Винокуров В.А., Шафигулин К.В.** * Обязанность государства информировать о фактах и обстоятельствах, создающих угрозу для жизни и здоровья людей 93
- Бровкин А.Н.** * Свобода предпринимательской деятельности в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект 101
- Шепель В.В.** * Конституционные права и свободы человека и гражданина на информацию в зарубежных странах и современной России 105
- Матвиенко С.В., Некрасова А.Ю.** * Проблемы лишения родительских прав 112

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

- Хорошева Ю.О.** * К вопросу об эффективности публичных слушаний проектов бюджета как инструмента обеспечения гласности в деятельности органов публичной власти 117
- Чуйков П.В.** * Антимонопольный комплаенс как элемент предупреждения нарушений и его трансформация под влиянием текущих геополитических изменений 123
- Воеводин Я.А.** * Исторический опыт формирования системы государственного управления охраной вод в России 128
- Купряшин В.С.** * Концепция Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации как инструмент систематизации законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности 133

ARTIFICIAL INTELLIGENCE

- Grudtsyna L.Yu., Ivanova S.A.** * The term “artificial intelligence” provokes cognitive error? 15
- Gorbunova O.S., Kot E.M., Malkova Yu.V., Pilnikova I.F., Petryakova S.V., Radionova S.V.** * Opportunities and harms of ai content for the educational process in higher education institutions 24

POLICY AND LAW

- Eriashvili N.D., Grigoriev A.I.** * Execution of judicial acts in budgetary legal relations: a new turn in the federal legislation of the Russian Federation 30
- Barikaeva A.F.** * Legal regulation of income and expenses of local budgets in the context of socio-economic transformation 40
- Mazitov Sh.A.** * Mutual determination of legal ideology and the legal system of society 45
- Chemshit A.A., Kalnoy I.I.** * The second historical challenge as a reaction to a weary state 49
- Vasilyeva S.V., Fedoskin N.N.** * The impact of sanctions on the legal support of foreign economic activity 56
- Alekseev N.S.** * Legal regulation of artificial intelligence in innovation activities in the Russian Federation: challenges and prospects 62

HUMAN RIGHTS

- Fetisova O.V.** * Foster family: a look at individual legislation provisions, taking into account the practice of their application 68
- Yastremsky I.A.** * On the need for a legal concept of “defect in medical care” in the context of a dispute between a patient and a plastic surgery clinic 76
- Malykh V.A.** * Institutional dualism in the system of consumer protection for financial services 80
- Kosobokov A.L.** * Prospects for extending personality status to embryos in vitro 86
- Vinokurov V.A., Shafigulin K.V.** * The duty of the state to inform about facts and circumstances that pose a threat to human life and health 93
- Brovkin A.N.** * Freedom of entrepreneurial activities in the Russian Federation: a constitutional and legal aspect 101
- Shepel V.V.** * Constitutional human and citizen rights and freedoms to information in foreign countries and modern Russia 105
- Matvienko S.V., Nekrasova A.Yu.** * Problems of deprivation of parental rights 112

PUBLIC LAW

- Khorosheva Yu.O.** * On the effectiveness of public hearings of budget projects as a tool for ensuring glassacity in the activities of public authorities 117
- Chuiikov P.V.** * Antimonopoly compliance as an element of violation prevention and its transformation under the influence of current geopolitical changes 123
- Voevodin Ya.A.** * Historical experience in the formation of the system of state management of water protection in Russia 128
- Kupryashin V.S.** * The concept of the emergency procedure code of the Russian Federation as a tool for systematizing legislation in the field of national security 133

Марков Р.С., Чепрасов М.Н., Юрина П.А., Мологина П.И. * Правореализация конституционной новеллы о федеральных территориях: к итогам первого пятилетия эксперимента 143

Мешкова Л.В. * Социально-психологический тренинг: развитие социальной активности будущих сотрудников ФСИН России 150

Саградян А.А. * Проблемы и вызовы в деятельности органов местного самоуправления в России 155

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Стахеева Л.М., Зарубина Е.В., Симачкова Н.Н., Горбунова О.С., Фатеева Н.Б., Фетисова А.В. * Система управления предприятием и механизм управления 160

Казakov А.И. * Гражданско-правовая ответственность бюджетных и казенных учреждений в системе государственного управления 168

Коносов Д.К. * Публично-правовые проблемы внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность таможенных органов Российской Федерации 174

Фролов А.А. * Концепция градуированной алгоритмической прозрачности в контрольно-надзорной деятельности: теория и механизмы реализации 180

Кочесок З.Х., Кулиев Ф.М. * Деструктивность концепции либеральной модели развития с точки зрения проблемы суверенитета государств 189

Стахеева Л.М., Малькова Ю.В., Зарубина Е.В., Симачкова Н.Н., Кошеленко Л.В., Пильников Л.Н. * Классификация и структура персонала предприятия 192

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Эриашвили Н.Д., Каламкьян Р.А., Мигачев Ю.И. * Международный суд Организации Объединенных Наций как административно-правовой орган обеспечения международного правопорядка 200

Аскерова Д.С. * Ретроспективный анализ оборота жилой недвижимости в России и КНР 206

Студеничник Г.Ю. * Соотношение национального и наднационального права при отправлении конституционного правосудия в Германии 210

Пахомов А.В. * Органы международного уголовного правосудия и его компетенция. Соотношение с национальными судебными органами 215

Антонов Д.И. * Правовое регулирование операций филиалов иностранных банков: ограничения и возможности 218

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Бочков А.А., Рыжик А.В. * Проблемы истории и методологии юридической науки 224

Василян Р.И. * Понятие и юридическая природа цифровой экосистемы: актуальные проблемы правовой идентификации 230

Храпский В.Ю. * Вопросы демографии в работах советских правоведов 238

Фурман Ф.П. * Судебная реформа в РСФСР во второй половине 1950-х - начале 1960-х гг. 247

Ельчанинова О.Ю. * «Буква закона» и «дух права»: к вопросу об особенностях толкования Соборного Уложения 1649 года 252

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Иванов Ф.В. * Конституционный Суд Российской Федерации в эпоху правового вызова: баланс между защитой прав личности и публичными интересами государства 261

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

Метельков А.Н. * Взаимодействие правовых режимов: теоретические аспекты 266

Markov R.S., Cheprasov M.N., Yurina P.A., Mologina P.I. * Implementing the constitutional novelty on federal territories: findings from the first five years of the experiment 143

Meshkova L.V. * Socio-psychological training: development of social activity among future employees of the Federal Penitentiary Service 150

Sagradyan A.A. * Problems and challenges in local government in Russia 155

CONTROL THEORY

Stakheeva L.M., Zarubina E.V., Simachkova N.N., Gorbunova O.S., Fateeva N.B., Fetisova A.V. * Plant control system and control mechanism 160

Kazakov A.I. * Civil liability of budgetary and state institutions in the public administration system 168

Konosov D.K. * Public law issues of implementing artificial intelligence technologies in the activities of customs authorities of the Russian Federation 174

Frolov A.A. * The concept of graduated algorithmic transparency in control and supervisory activities: theory and implementation mechanisms 180

Kochesokov Z.Kh., Kuliev F.M. * The destructive nature of the liberal development model in terms of the problem of state sovereignty 189

Stakheeva L.M., Malkova Yu.V., Zarubina E.V., Simachkova N.N., Koshelenko L.V., Pilnikov L.N. * Classification and structure of enterprise staff 192

HISTORY OF THE STATE AND RIGHTS OF FOREIGN COUNTRIES

Eriashvili N.D., Kalamkaryan R.A., Migachev Yu.I. * The international court of justice of the United Nations as an administrative and legal body for ensuring international law and order 200

Askerova D.S. * Retrospective analysis of the residential real estate turnover in Russia and China 206

Studenichnik G.Yu. * The relationship between national and supranational law in German constitutional adjudication 210

Pakhomov A.V. * International criminal justice bodies and their competence. Correlation with national judicial bodies 215

Antonov D.I. * Legal regulation of foreign bank branch operations: restrictions and opportunities 218

HISTORY OF THE STATE AND LAW OF RUSSIA

Bochkov A.A., Ryzhik A.V. * Problems of history and methodology of legal science 224

Vasiyan R.I. * The concept and legal nature of a digital ecosystem: current problems of legal identification 230

Khrapsky V.Yu. * Demographic issues in the works of soviet legal scholars 238

Furman F.P. * Judicial reform in the RSFSR in the second half of the 1950s - early 1960s 247

Elchaninova O.Yu. * «The letter of the law» and «the spirit of the law»: on the question of the specific interpretation of the cathedral code of 1649 252

CONSTITUTIONAL LITIGATION

Ivanov Ph.V. * Constitutional court of the Russian Federation in the era of legal challenge: the balance between the protection of individual rights and public interests of the state 261

INTERPRETATION OF LAW

Metelkov A.N. * Interaction of legal regimes: theoretical aspects 266

Балашов И.В. * К вопросу о соотношении понятий «воля» и «интерес» в российской цивилистике 274

Ковалев О.Г. * Правовая характеристика категорий должностных лиц исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, наделенных правом применять к осужденным, отбывающим лишение свободы меры поощрения и взыскания 283

Ланг П.П. * Гражданско-правовые способы защиты информации, полученной в ходе частной детективной деятельности: соотношение частного и публичного интереса 289

ИННОВАЦИИ

Опарин Д.Е. * Оценка угроз и последствий пожаров в Свердловской области в рамках экономического ущерба в ключевых секторах экономики 293

Велиева С.М. * Нормативно-правовое регулирование аддитивных технологий и современной биомедицины в сфере трансплантации органов 299

Бессонов М.Э., Мураев Н.П., Карапузиков А.А. * Мобильное двухходовое разветвление МДР 50 как средство повышения тактических возможностей звена ГДЗС при подаче двух стволов по одной рабочей линии 306

Афанасьева С.А. * Вопросы правового регулирования защиты персональных данных в туризме 316

Бондаренко П.К. * Анализ теоретических предпосылок и факторов, влияющих на формирование системы управления поставками на железнодорожном транспорте 321

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Буланова В.С. * Правовое регулирование платформенной экономики 327

Павлов А.В. * Цифровизация экономики: общие проблемы правового регулирования 331

Хмара Д.И. * Договорные отношения с участием самозанятых граждан: особенности конструкции и проблемы гражданско-правовой ответственности 338

Опарин Д.Е. * Актуальные вопросы укрепления экономической безопасности от пожаров в Свердловской области на региональном уровне 344

Рущицкая О.А., Кружкова Т.И., Куликова Е.С., Сопегина В.Т., Сбитнев Н.А. * Анализ внутренней среды организации АПК как фактор повышения конкурентоспособности 350

Кондратюк Д.И. * К вопросу о методе правового регулирования корпоративных отношений (с учетом континуально-комбинаторного метода) 354

Кот Е.М., Пильникова И.Ф., Горбунова О.С., Малькова Ю.В., Петрякова С.В., Радионова С.В. * Особенности учета и контроля затрат на производство продукции 358

ПРАВООБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Самохин В.А. * Понятие электронных средств платежа 364

Сивенков И.В. * Применение эстоппеля при недобросовестном поведении стороны на стадии досудебного урегулирования спора 367

Алпалыев Р.М., Муромцев Г.И. * Трансформация механизмов социального регулирования: от «верховенства права» к «верховенству кода» 371

Мураев Н.П., Карапузиков А.А. * Проблема получения ложных сигналов оповещения населением отдельных регионов в условиях ведения специальной военной операции 375

Кузьмин Д.С. * Объекты и субъекты правоотношений, освобождающих от юридической ответственности 382

Balashov I.V. * On the question of the relationship between the concepts of “will” and “interest” in russian civil law 274

Kovalev O.G. * Legal characteristics of the categories of officials of correctional institutions of the penal system authorized to apply incentive and punishment measures to convicted persons serving their sentences 283

Lang P.P. * Civil law methods of protecting information obtained during private detective activities: the ratio of private and public interest 289

INNOVATION

Oparin D.E. * Assessment of the threats and consequences of fires in the Sverdlovsk region within the framework of economic damage in key sectors of the economy 293

Velieva S.M. * Legal regulation of additive technologies and modern biomedicine in the field of organ transplantation 299

Bessonov M.E., Muraev N.P., Karapuzikov A.A. * MDR 50 mobile two-way branching as a means of increasing the tactical capabilities of the GDZS link when feeding two barrels along one working line 306

Afanasyeva S.A. * Legal regulation of personal data protection in tourism 316

Bondarenko P.K. * Analysis of theoretical prerequisites and factors influencing the formation of the supply management system in railway transport 321

LAW AND ECONOMICS

Bulanova V.S. * Legal regulation of the platform economy 327

Pavlov A.V. * Digitalization of the economy: general problems of legal regulation 331

Khmara D.I. * Contractual relations involving self-employed citizens: design features and problems of civil liability 338

Oparin D.E. * Current issues of strengthening economic security from fires in the Sverdlovsk region at the regional level 344

Rushchitskaya O.A., Kruzhkova T.I., Kulikova E.S., Sopenina V.T., Sbitnev N.A. * Analysis of the internal environment of an agro-industrial organization as a factor of increasing competitiveness 350

Kondratyuk D.I. * On the question of the method of legal regulation of corporate relations (taking into account the continual-combinatorial method) 354

Kot E.M., Pilnikova I.F., Gorbunova O.S., Malkova Yu.V., Petryakova S.V., Radionova S.V. * Features of accounting and control of production costs 358

LAW FORMATION AND LAW CREATION

Samokhin V.A. * The concept of electronic means of payment 364

Sivenkov I.V. * Application of estoppel in case of bad faith conduct of a party at the stage of pre-trial dispute settlement 367

Allalyev R.M., Muromtsev G.I. * Transformation of social regulation mechanisms: from the “rule of law” to the “rule of code” 371

Muraev N.P., Karapuzikov A.A. * The problem of receiving false warning signals by the population of certain regions in the context of a special military operation 375

Kuzmin D.S. * Objects and subjects of legal relations that exempt from legal liability 382

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Мардонзода С.Р. * О понятии и субъектах административной юрисдикции по делам о правонарушениях в сфере миграции в Российской Федерации и Республике Таджикистан (сравнительный анализ) 390

Малышев Е.А. * Понятие, сущность и система административно-правовых методов, применяемых органами исполнительной власти в сфере внешней трудовой миграции 399

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Сосорин К.Д. * Коллективное управление правами на использование аудиовизуальных произведений: правовые основы, глобальные тренды и технологическая трансформация в цифровую эпоху 403

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Володин Е.А. * Обеспечение прозрачности и объективности при использовании технологий искусственного интеллекта в судебном процессе: правовые проблемы и пути решения 409

Пахомов А.В. * Обеспечение принципа презумпции невиновности в современном международном уголовном процессе 415

Морозова С.Ю. * О видах подготовки дела к судебному разбирательству в административном судопроизводстве 418

Сокольская Л.В. * Процессуальные коллизии и материально-правовые риски в спорах о взыскании долгов 424

Нахова Е.А. * Общие вопросы предметной компетенции в цивилистическом процессе: понятие, предметный и субъектный критерии 429

Михайлова К.А. * Современные инструменты для доказывания в суде факта нарушения использования лесного фонда 436

Нимировский В.В., Нимировская Ю.К. * Биологические исследования в судебной практике как правовой инструмент в профессиональной подготовке обучающихся в высшей школе МВД России 441

Калитовский Т.В. * Арбитраж (третейское разбирательство) как способ разрешения административных споров: сравнительно-правовой анализ 446

Нахова Е.А. * К вопросу о правовом регулировании судебной компетенции по оказанию содействия арбитражам (третейским судам) в получении доказательств 455

Трусова Е.А. * Судебно-психиатрическая оценка психопатий 462

Валеева Г.А. * О единстве и взаимодействии институтов процессуальной и материально-правовой ответственности 468

Бадаева М.И. * К вопросу о возможности судебного оспаривания несовершеннолетними старше 14 лет воспитательного решения родителя (п. 2 ст. 56 Семейного кодекса Российской Федерации) 471

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Фетисова О.В. * Практико-ориентированный анализ роли органов опеки и попечительства при разрешении разногласий между родителями по вопросу участия отдельно проживающего родителя в жизни ребенка 478

Моисеенко М.И., Муталиева Л.С., Трескина П.К. * Обстоятельства непреодолимой силы (форс-мажор) в российском законодательстве 484

Коробов И.А. * Особенности имущественных отношений супругов в цифровом обществе 489

Васильев А.Ю. * Преддоговорные правоотношения сторон по договору долевого участия в строительстве 493

Ястремский И.А. * Правовой анализ врачебных ошибок и дефектов оказания медицинской помощи в пластической хирургии 500

Пшеницына М.И. * Правовые аспекты признания права на установление сервитута на земельный участок 505

ADMINISTRATIVE LAW

Mardonzoda S.R. * On the concept and subjects of administrative jurisdiction in cases of migration offences in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan (comparative analysis) 390

Malyshev E.A. * The concept, essence and system of administrative and legal methods applied by executive authorities in the sphere of external labor migration 399

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Sosorin K.D. * Collective management of rights to use audiovisual works: legal framework, global trends and technological transformation in the digital age 403

JUSTICE AND JURISPRUDENCE

Volodin E.A. * Ensuring transparency and objectivity in the use of artificial intelligence technologies in judicial proceedings: legal issues and solutions 409

Pakhomov A.V. * Ensuring the principle of presumption of innocence in the contemporary international criminal proceeding 415

Morozova S.Yu. * On the types of preparation of a case for trial in administrative proceedings 418

Sokolskaya L.V. * Procedural conflicts and substantive risks in debt collection disputes 424

Nakhova E.A. * General issues of subject competence in the civilization process: concept, subject and subject criteria 429

Mikhailova K.A. * Modern tools for proving in court the fact of violation of the use of the forest fund 436

Nimirovsky V.V., Nimirovskaya Yu.K. * Biological research in forensic practice as a legal instrument in professional training of students at the Russian ministry of internal affairs higher school 441

Kalitovsky T.V. * Arbitration as a means of administrative disputes resolution: comparative analysis 446

Nakhova E.A. * Implementation of the law of evidence in the issuance of judicial decisions 455

Trusova E.A. * Forensic psychiatric assessment of psychopathies 462

Valeeva G.A. * On the unity and interaction of procedural and substantive liability 468

Badayeva M.I. * On the issue of the possibility of judicial challenge by minors over the age of 14 of a parent's educational decision (paragraph 2 of article 56 of the Family code of the Russian Federation) 471

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Fetisova O.V. * A practice-oriented analysis of the role of guardianship and trusteeship authorities in resolving disputes between parents regarding the participation of a parent living elsewhere in the life of a child 478

Moiseenko M.I., Mutaliev L.S., Treskina P.K. * Circumstances of irresistible force (force majeure) in Russian legislation 484

Korobov I.A. * Features of property relations between spouses in the digital society 489

Vasilyev A.Yu. * Pre-contractual legal relations of the parties under the contract of shared participation in construction 493

Yastremsky I.A. * Legal analysis of medical errors and defects in the provision of medical care in plastic surgery 500

Pshenitsyna M.I. * Legal aspects of recognizing the right to establish a servitude on a land plot 505

Терлецкий Д.И. * Оспаривание сделок с ценными бумагами как инструмент защиты прав инвесторов	510
Кукина Т.Е. * Гражданско-правовые аспекты возмещения вреда, причиненного в результате эксплуатации беспилотного транспортного средства	519
Гармаш Д.А. * Установление земельного сервитута: проблемы правоприменительной практики	524
Ходус В.М. * Основные направления развития гражданско-правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации	529
Вильданова М.М. * Особенности фрагментации законодательства Российской Федерации в области жилищно-коммунального хозяйства	536
Сокк А.Д. * Особенности изъятия сельскохозяйственных земель в целях недропользования: нормативная доктрина и современная практика	542
Тарасова О.Е., Халимов Д.И. * Правовые основы противодействия недобросовестной и недостоверной рекламе	547
Чешин А.В. * Принципы договорного регулирования предпринимательских правоотношений	551
Евдокимов Д.А. * Последствия оспаривания подозрительной сделки и возможные действия должника для защиты своих прав	557
Ильясов О.Р., Пильников Л.Н., Стахеева Л.М., Голдина И.И., Копарулина А.Е., Пильникова И.Ф. * Актуальные вопросы пожарной безопасности на складах	562
СПОРТИВНОЕ ПРАВО	
Лутай С.В. * Теоретико-методические основы подготовки спортивного резерва в системе студенческого спорта	567
Гарифуллина А.О., Имангулов Р.Ш., Шакирова Р.В. * Физическая культура на рабочем месте: как внедрение активных перерывов и корпоративных спортивных мероприятий может повысить продуктивность сотрудников	573
Бартновская Л.А., Кравченко В.М., Черепанова А.И., Курбатов Н.А. * Исследование взаимосвязи между физической активностью, качеством сна и когнитивными функциями у студенческой молодежи	577
Хабибуллин А.Б., Ишмухаметова Н.Ф., Ильин С.Н. * Инклюзивный спорт для людей с ограниченными возможностями: расширение границ возможного	583
Шкапов П.Ю., Андрианов В.А., Дубровин Е.С., Алешин Е.А. * Молекулярно-биологические особенности адаптационных процессов во время физической нагрузки	586
Лозовой А.А., Ветрова И.В., Черепанова А.И. * Оценка эффективности различных стратегий восстановления студенческой молодежи после спортивных и учебных нагрузок	592
Васенков Н.В., Мартынов О.П., Мерхайдарова Н.Н., Семенова М.Г. * Методы профилактики профессиональных заболеваний киберспортсменов	597
Кокшаров Е.В. * Физическая культура пожарных: ключевые аспекты подготовки, профессиональная эффективность и развитие	601
МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	
Кот Е.М., Радионова С.В., Петрякова С.В., Пильникова И.Ф., Малькова Ю.В., Горбунова О.С. * Современное развитие образования в условиях дефицита кадров	607
Голдина И.И., Иовлев Г.А., Зорков В.С., Бабкина А.А., Пильников Л.Н. * Специфика учебной деятельности в аграрном вузе	611
Агарев С.В., Бугров Р.В., Пахомова Е.А. * Предложения о новациях в законодательстве для противодействия мошенническим практикам в цифровом медийном пространстве в сфере оказания образовательных услуг	617

Terletskiy D.I. * Challenging securities transactions as a tool for protecting investors' rights	510
Kukina T.E. * Civil law aspects of compensation for damages caused by the operation of an unmanned vehicle	519
Garmash D.A. * Establishment of a land easement: problems of law enforcement practice	524
Khodus V.M. * The main directions of development civil law regulation of digital financial assets in the Russian Federation	529
Vildanova M.M. * Features of the fragmentation of the legislation of the Russian Federation in the field of housing and communal services	536
Sokk A.D. * Features of agricultural land reclaims for subsoil management: regulatory doctrine and modern practice	542
Tarasova O.E., Khalimov D.I. * Legal basis for countering unfair and untrue advertising	547
Cheshin A.V. * Principles of contractual regulation of entrepreneurial legal relations	551
Evdokimov D.A. * Consequences of the suspicious transaction challenging and possible actions of the debtor to protect his rights	557
Ilyasov O.R., Pilnikov L.N., Stakheeva L.M., Goldina I.I., Koparulina A.E., Pilnikova I.F. * Topical issues in fire safety in warehouses	562
SPORTS LAW	
Lutai S.V. * Theoretical and methodological foundations of sports reserve training in the student sports system	567
Garifullina A.O., Imangulov R.Sh., Shakirova R.V. * Physical culture in the workplace: how the introduction of active breaks and corporate sports events can increase the productivity of employees	573
Bartnovskaya L.A., Kravchenko V.M., Cherepanova A.I., Kurbatov N.A. * A study of the relationship between physical activity, sleep quality, and cognitive functions in students	577
Habibullin A.B., Ishmukhametova N.F., Ilyin S.N. * Inclusive sport for people with disabilities: pushing the boundaries of what is possible	583
Shkapov P.Yu., Andrianov V. A., Dubrovin E.S., Aleshin E.A. * Molecular-biological features of adaptation processes during physical exercise	586
Lozovoi A.A., Vetrova I.V., Cherepanova A.I. * Strategies for recovering students after sports and educational loads	592
Vasenkov N.V., Martianov O.P., Merkhaidarova N.N., Semenova M.G. * Methods of prevention of occupational diseases of cybersportsmen	597
Koksharov E.V. * Physical education of firefighters: key aspects of training, professional effectiveness and development	601
MODERNIZATION OF EDUCATION	
Kot E.M., Radionova S.V., Petryakova S.V., Pilnikova I.F., Malkova Yu.V., Gorbunova O.S. * Contemporary education development in the context of a talent shortage	607
Goldina I.I., Iovlev G.A., Zorkov V.S., Babkina A.A., Pilnikov L.N. * Specific features of educational activities at an agrarian university	611
Agarev S.V., Bugrov R.V., Pakhomova E.A. * Proposals for legislative innovations to counter fraudulent practices in digital media space in the area of educational services	617

Казберов П.Н. * Вопросы подготовки пенитенциарных работников к реализации процесса психологической и медицинской реабилитации осужденных, страдающих наркологическими и аддиктивными заболеваниями	622
Скворцов К.В., Курьесев К.Н. * Влияние синдрома упущенной выгоды на формирование зависимости от просмотра коротких видеороликов среди обучающихся юридических вузов города Владимира	627
Канунников Р.И. * Критерии оценки успешности адаптации курсантов первого курса в вузе МВД России	632
Хальзова Н.А., Паночевный П.Н. * Принципы и подходы к управлению качеством образовательного процесса в вузе при обучении студентов из разных стран и регионов в условиях формирования межкультурного профессионального взаимодействия	636
Браженская Н.Е. * Теоретико-методологические основы преподавания юриспруденции в высшей школе: понятие, особенности и современные вызовы	643
Леконцева К.В. * Гуманитарное образование в высшей школе: анализ эффективности, ключевых направлений и влияния на становление личности и профессионала	647
Бучко Н.П. * Историко-правовые основы и современность высшего юридического образования: вызовы и перспективы	651
Малькова Ю.В., Кот Е.М., Горбунова О.С., Пильникова И.Ф., Петрякова С.В., Радионова С.В. * Методологические подходы и практические аспекты развития аналитического мышления у студентов	654
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Бугашев С.И. * «Основы Российской государственности» - новый вузовский курс (к вопросу об актуальности дисциплины)	660
Колесников В.А. * Правовое воспитание как инструмент формирования патриотического сознания: вызовы цифровизации и глобализации	665
Бахтамова Н.Г., Золотарева Ю.В. * Основные факторы профессионального выгорания преподавателей вузов	670
Бондарева Е.В. * Преподавание курса «Гидрологии в высшей школе»: алгоритм расчета скорости ветра над акваторией моря	673
Породенко В.А., Травенко Е.Н., Ломакина Г.В., Быстрова Е.И., Ильина А.В. * Вопросы семейно-бытового насилия как аспект медицинского образования и воспитания	680
Бурмистрова И.Х., Студников П.Е., Лунева К.С. * Интеграция историко-правовых дисциплин в высшей школе как фактор формирования правосознания и гражданской идентичности	692
Шаралдаева И.А., Цыремпиллова Е.А. * Проблемы доказывания по обстоятельствам отчисления обучающегося: отчисление студента за продажу контрольных и вмешательство в процедуру прокторинга	699
Святова Н.В., Васенков Н.В., Биккинина Л.И., Хамзина Р.Э. * Особенности организации и методики проведения занятий со студентами, имеющими ограниченные возможности здоровья	705
Одинцова О.В., Полякова Н.Ю. * Дистанционные тренировки и правовой вакуум кто отвечает за травму при онлайн-занятии	710
Субботина И.К. * Интермедиаальный анализ как инструмент формирования правовой культуры студентов юридических специальностей	715
Лаврова О.А. * Применение soft-skills в практике преподавания РКИ	722

Kazberov P.N. * Training of prison staff to implement the psychological and medical rehabilitation process for prisoners suffering from drug addiction and addictive disorders	622
Skvortsov K.V., Kurysev K.N. * The influence of fomo on short video addiction in Vladimir law students	627
Kanunnikov R.I. * Criteria for assessing the success of adaptation of first-year cadets at the university of the ministry of internal affairs of Russia	632
Khalzova N.A., Panochevny P.N. * Principles and approaches to managing the quality of the educational process at a university in the context of teaching students from different countries and regions and developing intercultural professional interaction	636
Brazhenskaya N.E. * Theoretical and methodological foundations of teaching jurisprudence in higher education: concept, characteristics, and current challenges	643
Lekontseva K.V. * Humanities education in higher education: an analysis of effectiveness, key areas, and impact on personal and professional development	647
Buchko N.P. * Historical and legal foundations and the current state of higher legal education: challenges and prospects	651
Malkova Yu.V., Kot E.M., Gorbunova O.S., Pilnikova I.F., Petryakova S.V., Radionova S.V. * Methodological approaches and practical aspects of the development of analytical thinking among students	654
PEDAGOGICAL SCIENCES	
Bugashev S.I. * "Fundamentals of Russian statehood" - a new university course. (on the issue of the relevance of the discipline)	660
Kolesnikov V.A. * Legal education as a tool for forming patriotic consciousness: challenges of digitalization and globalization	665
Bakhtamova N.G., Zolotareva Yu.V. * The main factors of professional burnout among university teachers	670
Bondareva E.V. * Teaching the course "hydrology in higher education": algorithm for calculating wind speed over sea	673
Porodenko V.A., Travenko E.N., Lomakina G.V., Bystrova E.I., Ilina A.V. * Family and domestic violence issues as an aspect of medical education and upbringing	680
Burmistrova I.Kh., Studnikov P.E., Luneva K.S. * Integration of historical and legal disciplines in higher education as a factor in the formation of legal awareness and civic identity	692
Sharaldaeva I.A., Tsyrempilova E.A. * Problems of proof in the circumstances of student expulsion: expulsion of a student for selling tests and interfering with the proctoring procedure	699
Svyatova N.V., Vasenkov N.V., Bikkinina L.I., Khamzina R.E. * Features of the organization and methods of conducting classes with students with disabilities	705
Odintsova O.V., Polyakova N.Yu. * Remote training and the legal vacuum: who is liable for injuries during online classes	710
Subbotina I.K. * Intermedial analysis as a tool for forming the legal culture of law students	715
Lavrova O.A. * The use of soft-skills in the practice of teaching Russian as a foreign language	722

ТРУДОВОЕ ПРАВО

- Кот Е.М., Радионова С.В., Петрякова С.В., Пильникова И.Ф., Малькова Ю.В., Горбунова О.С.** * Кадровая безопасность агропредприятия: как нехватка специалистов влияет на экономическую устойчивость 728
- Мироненко Е.И.** * Вопросы трансформации трудового законодательства в условиях увеличения доли платформенной занятости 733
- Кот Е.М., Горбунова О.С., Малькова Ю.В., Петрякова С.В., Радионова С.В., Пильникова И.Ф.** * Искусственный интеллект в развитии персонала 736

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Букалерова Л.А., Остроушко А.В., Полукаров А.В.** * К вопросу об уголовной ответственности за рекламирование порнографических материалов или предметов 740
- Шестак В.А., Петрова А.А.** * Проблемные вопросы распознавания признаков противодействия расследованию 747
- Муркштис М.И.** * Система профилактики незаконного оборота оружия в Российской Федерации: проблемы и перспективы совершенствования 753
- Магомедов Т.М., Алиева З.Р.** * Доктринальные проблемы определения понятия преступления в уголовном праве России 759
- Шестак В.А., Петрова А.А.** * Проблемные вопросы распознавания признаков противодействия расследованию 764
- Ковалев О.Г.** * Соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся под стражей в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы 770
- Абрамова Н.Г., Неустроева Н.Н.** * О перспективах цифровизации медицинского обеспечения в уголовно-исполнительной системе 776
- Магомедов Т.М., Алиев А.Ш.** * Особенности уголовно-правовой квалификации «телефонного мошенничества» в современных условиях 781
- Ковалев О.Г.** * Правовые и психологические особенности замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания лицам, отбывающим лишение свободы и принудительные работы 787
- Шестак В.А., Леонтьева А.А.** * Криминалистика и биометрия: преимущества, ограничения, проблемы конфиденциальности 793
- Малышев Д.А.** * Правовое положение кредиторов в процедурах банкротства, требования которых обеспечены уголовно-процессуальным арестом 799
- Нохрин М.Ю., Казначеев В.А., Михайлова Н.В., Алексеев К.А., Воробьев Ю.А.** * Обеспечение жилищных гарантий для сотрудников уголовно-исполнительной системы: правовые аспекты и практическая реализация 805
- Шестак В.А., Чайникова А.О.** * Сравнительно-правовая характеристика санкций уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за военные преступления комбатантов, по законодательству государств - членов ОДКБ 812
- Муркштис М.И.** * 3D-печатное огнестрельное оружие: вызовы для криминалистического оружейноведения в эпоху цифрового производства 820
- ## ЦИФРОВОЕ ПРАВО
- Матвиенко С.В.** * Актуальные проблемы обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в сети Интернет 829
- Красавина В.А., Скрынченко Б.Л.** * Цифровизация государственного и муниципального управления в условиях цифрового суверенитета России: вызовы, эффекты и перспективы 835

EMPLOYMENT LAW

- Kot E.M., Radionova S.V., Petryakova S.V., Pilnikova I.F., Malkova Yu.V., Gorbunova O.S.** * Staff security in agricultural enterprises: how a shortage of specialists affects economic sustainability 728
- Mironenko E.I.** * Issues of transformation of labor legislation in the context of an increase in platform employment 733
- Kot E.M., Gorbunova O.S., Malkova Yu.V., Petryakova S.V., Radionova S.V., Pilnikova I.F.** * Artificial intelligence in staff development 736

CRIMINAL LAW AND PROCESS

- Bukalerova L.A., Ostroushko A.V., Polukarov A.V.** * To the issue of criminal liability for advertising pornographic materials or objects 740
- Shestak V.A., Petrova A.A.** * Problematic issues of recognizing signs of counteraction to an investigation 747
- Murkshtis M.Y.** * The system for preventing illicit arms trafficking in the Russian Federation: problems and prospects for improvement 753
- Magomedov T.M., Alieva Z.R.** * Doctrinal problems in defining the concept of crime in Russian criminal law 759
- Shestak V.A., Petrova A.A.** * Problematic issues of recognizing signs of counteraction to an investigation 764
- Kovalev O.G.** * Respect for the rights and legitimate interests of juvenile suspects and accused of committing crimes held in custody in pre-trial detention facilities of the penal system 770
- Abramova N.G., Neustroeva N.N.** * On the prospects for digitalization of medical support in the penal system 776
- Magomedov T.M., Aliev A.Sh.** * Features of the criminal law qualification of telephone fraud in contemporary conditions 781
- Kovalev O.G.** * Legal and psychological features of replacing the unserved part of the punishment with a milder type of punishment for persons serving imprisonment and forced labor 787
- Shestak V.A., Leonteva A.A.** * Forensics and biometrics: advantages, limitations, and privacy concerns 793
- Malyshev D.A.** * Legal status of creditors in bankruptcy procedures, whose claims are secured by criminal procedural arrest 799
- Nohrin M.Yu., Kaznacheev V.A., Mikhailova N.V., Alekseev K.A., Vorobiev Yu.A.** * Ensuring housing guarantees for employees of the criminal system: legal aspects and practical implementation 805
- Shestak V.A., Chaiknikova A.O.** * Comparative legal characteristics of the sanctions of the criminal law norms establishing responsibility for the war crimes of combatants, according to the legislation of the CSTO member states 812
- Murkshtis M.Y.** * 3D-printing firearms: challenges for forensic firearms in the age of digital manufacturing 820
- ## DIGITAL LAW
- Matvienko S.V.** * Current issues of ensuring information security of minors on the Internet 829
- Krasavina V.A., Skrynchenko B.L.** * Digitalization of public and municipal administration in the context of digital surety of Russia: challenges, effects and prospects 835

Петрова К.Е. * Информационные технологии и цифровое право: подготовка кадров к вызовам кибербезопасности и электронного правосудия	842
Раевский Д.И. * Природа и будущее регулирование смарт-контрактов	847
Бажанов С.А. * Цифровая трансформация преступности и эволюция российской криминологической политики: виктимологические и информационно-аналитические аспекты	851
Бакаев Д.А. * Проблемы правопреемства цифровых активов: российская и зарубежная практика	857
Диброва О.К. * Формирование «цифрового двойника» компетенций работника ОПК как инструмент управления знаниями и обеспечения преемственности	862
Потапова Л.В., Зуенко Д.М. * Цифровизация наследственного права: механизмы защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (на примере России и зарубежных стран)	869
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО	
Опарин Д.Е., Карапузиков А.А. * К вопросу о применении ствола пробойника при ликвидации ландшафтных пожаров и пожаров в сельской местности	876
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА	
Чемшит Д.А. * Юридическое мировоззрение Бенедикта Спинозы	884
Шибанова Н.В. * Вариативность как один из основных признаков жанровой принадлежности текста (на материале статей из журнала «The Economist»)	890
Евдокименко В.В. * Культура речи и этические стандарты: взаимосвязь в юридической деятельности	894
Маруфенко Е.В., Данилова А.В. * Образ Сервилии: персональное сознание и исполнительские задачи	897
Фурман Т.Г. * Становление современной правовой и политической культуры России	903
Калашникова А.А., Дежина Т.П. * Профессиональная этика юриста в современной России: теоретические и практические аспекты	908
Антонова А.М., Шамсутдинова А.М. * Субкультуризация деструктивных движений «колумбайн» и «скулшутинг» среди российской молодежи	912
Рахимбаева И.Э., Таирова В.Р. * Импровизация в современной хореографии как форма производства знания практика как исследование: импровизация в современной хореографии как форма производства знания	918
ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ	
Полянская С.М. * «Inter arma enim silent leges?»: Вторая Мировая Война и формирование новой правовой системы в условиях вооруженных конфликтов	922
Егоров С.Г., Чупина И.П., Симачкова Н.Н., Синько В.Н., Шиловцев А.В. * «Правда» и «Серовский рабочий»: партийный контроль над районной прессой в 1946 году	929
Налётов М.А. * Право на благоприятный вид в Римской Империи в период 1 – 3 в. Н.Э на основе исследования институций и дигест Юстиниана I	934

Petrova K.E. * Information technology and digital law: training for the challenges of cybersecurity and e-justice	842
Raevsky D.I. * Responsibility of future entrepreneurs	847
Bazhanov S.A. * Digital transformation of crime and the evolution of russian criminological policy: victimological and information-analytical aspects	851
Bakaev D.A. * Problems of digital asset succession: russian and foreign practice	857
Dibrova O.K. * Developing an employee competency digital twin in the defense industry as a tool for knowledge management and succession planning	862
Potapova L.V., Zuenko D.M. * Digitalization of inheritance law: mechanisms for protecting the rights of orphaned children and children left without parental care (using the example of Russia and foreign countries)	869
ENVIRONMENTAL LAW	
Oparin D.E., Karapuzikov A.A. * On the issue of the use of a punch barrel in the elimination of landscape fires and fires in rural areas	876
HISTORY AND CULTURE	
Chemshit D.A. * Benedict Spinoza's legal worldview	884
Shibanova N.V. * Variability as one of the core features of textual genre classification (on the material of articles from «The Economist»)	890
Evdokienko V.V. * Culture speech and ethical standards: the relationship in legal practice	894
Marufenko E.V., Danilova A.V. * The image of Servilia: character consciousness and performance tasks	897
Furman T.G. * The formation of modern legal and political culture in Russia	903
Kalashnikova A.A., Dezhina T.P. * Professional ethics of a lawyer in modern Russia: theoretical and practical aspects	908
Antonova A.M., Shamsutdinova A.M. * Subculture of destructive movements «columbine» and «skullshooting» among russian youth	912
Rakhimbaeva I.E., Tairova V.R. * Improvisation in modern choreography as a form of knowledge production practice as research: improvisation in modern choreography as a form of knowledge production	918
LEGAL ARCHIVE	
Polyanskaya S.M. * «Inter arma enim silent leges?»: The Second World War and the formation of a new legal order in the context of armed conflicts	922
Egorov S.G., Chupina I.P., Simachkova N.N., Sinko V.N., Shilovtsev A.V. * Pravda and Serovsky rabochy: party control over the regional press in 1946	929
Naletov M.A. * Right to a favorable view in the Roman Empire during the 1st–3rd centuries A.D. based on the study of the institutes and the digest of Justinian I	934

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-15-23

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)»,
председатель Московской городской коллегии
адвокатов «Норма права»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
ORCID 0000-0001-7731-724X
<https://ludmilagru.academia.edu/research>
e-mail: ludmilagr@mail.ru

ИВАНОВА Светлана Анатольевна,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Российский экономический Университет им. Г.В. Плеханова»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
e-mail: ivanovasa1@yandex.ru

ТЕРМИН «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» ПРОВОЦИРУЕТ КОГНИТИВНУЮ ОШИБКУ?

Аннотация. В статье авторы с критических позиций рассматривают термин «искусственный интеллект» (ИИ) как неточное обозначение современных технологий, которые представляют собой не креативное мышление (аналогичное человеческому мышлению и творчеству), а статистическую комбинаторику, работу с большими объемами данных и быстрые вычисления. Обсуждаются позиции ученых США, стран Европейского Союза и Китая, подчеркивающие отсутствие подлинного (человеческого) интеллекта и творчества в ИИ. Приводятся цитаты ученых и научный анализ, подтверждающие, что термин «искусственный интеллект» может вводить в заблуждение и необходимо в современных научных исследованиях второй четверти XXI века переходить на более точную терминологию.

Ключевые слова: искусственный интеллект, искусственные вычисления, творчество, антропоморфизм, машинное обучение, большие языковые модели.

GRUDTSYNA Lyudmila Yuryevna,
Doctor of Law, Professor,
Professor in the Department of Constitutional and International Law
at the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Chairperson of the Moscow City Bar Association "Norma Prava",
Honorary Attorney of Russia, Russian Academy of Sciences expert,

IVANOVA Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Law, Professor, Professor in the Department
of State-Law and Criminal-Law Disciplines
at the Plekhanov Russian University of Economics,
Honorary Attorney of Russia,
Russian Academy of Sciences expert,

THE TERM “ARTIFICIAL INTELLIGENCE” PROVOKES COGNITIVE ERROR?

Annotation. *The article considers criticism of the term “artificial intelligence” (AI) as an inaccurate designation of modern technologies, which are not creative thinking (similar to human thinking and creativity), but combinatorics, working with large amounts of data and fast calculations. The positions of scientists from the United States, the European Union and China are discussed, emphasizing the lack of genuine (human) intelligence and creativity in AI. Quotes from scientists and scientific analysis are given, confirming that the term “artificial intelligence” can be misleading and it is necessary in modern scientific research the second quarter of the XXI century to switch to more accurate terminology.*

Key words: *artificial intelligence, artificial computing, creativity, anthropomorphism, machine learning, large language models.*

*“No, no, you are not thinking;
you are just being logical.”*

Otto Robert Frisch,
What Little I Remember,
Cambridge University Press,
1979, p. 95.

Введение

Термин «искусственный интеллект» (*artificial intelligence, AI*) был введен в 1956 г. на семинаре в Дартмутском колледже (Гановер, Нью-Гемпшир) и с тех пор стал доминирующим в описании технологий, имитирующих человеческие когнитивные процессы. Важно понимать, что Дж. Маккарти предложил этот термин для того, чтобы отделить свое направление от уже существовавших терминов, например, «кибернетика» или «теория автоматов».

Прошло 70 лет, термин «искусственный интеллект» (ИИ) исторически закрепился как удобное (и ставшее привычным) обозначение широкого спектра алгоритмов - от экспертных систем до современных нейросетевых моделей.

Однако сама конструкция термина «искусственный интеллект» (далее – ИИ), на наш взгляд, провоцирует когнитивную ошибку: приписывание вычислительным системам человеческих свойств (понимания, намерений, творчества, сочувствия, сопереживания, эмпатии и т.д.). Некоторые ученые утверждают, что это название неточно: современный искусственный интеллект (ИИ) не обладает настоящим интеллектом, подразумевающим человеческое творческое мышление, самосознание и понимание, а представляет собой сложные

алгоритмы, основанные на статистике, комбинаторике и вычислениях.

В статье обосновывается тезис о том, что в доминирующих практиках машинного обучения и генеративного моделирования речь идет прежде всего об искусственных вычислениях: оптимизационных процедурах, статистической комбинаторике и обработке знаков без гарантий семантического «понимания» и без человеческой творческой интенциональности. ИИ рискует создать иллюзию, что машины способны к подлинному мышлению (в человеческом его понимании), в то время как они лишь обрабатывают данные по предопределенным правилам, т.е. занимаются по сути искусственными вычислениями и комбинаторикой. Это приводит к гиперболизации возможностей ИИ и недооценке его ограничений.

Критика термина «искусственный интеллект»

Основная критика термина ИИ заключается, по мнению авторов настоящей статьи, в том, что он антропоморфизует технологии, приписывая им человеческие качества, которых у них нет. ИИ не творит (в понимании человеческого творчества), а комбинирует существующие данные на основе вероятностных моделей и быстрой обработки больших объемов данных. Например, системы вроде ChatGPT (<https://chatgpt.com>) генерируют ответы, опираясь на статистику появления слов в обучающих данных, но не понимают смысла ответов. Это не творчество, а алгоритмизированный поиск паттернов в огромных объемах информации, это не рождение новой идеи или теории, а статистическая комбинаторика.

Термин «искусственный интеллект» вводит в заблуждение, поскольку подразумевает наличие интеллекта, в то время как на деле это «искусственные вычисления» – продвинутые алгоритмы без сознания или креативности. Некоторые ученые предлагают альтернативы, такие как «комплексная обработка информации» или «машинное обучение». Кроме того, ИИ усиливает предвзятости данных и не способен к фундаментальным открытиям, оставаясь инструментом для постепенных улучшений.

Существуют и узкоспециализированные термины, которые описывают подмножества AI, но иногда используются как альтернативы для избежания общего термина «AI», особенно когда речь идет о конкретных технологиях:

- *Machine Learning* (Машинное обучение): подход, где алгоритмы улучшают производительность на основе данных. Часто предлагается как более точный термин для текущих «AI»-систем, таких как нейронные сети. “Machine learning, or ML: A subfield of AI where algorithms improve their performance on a specific task through experience.”

- *Expert Systems* (Экспертные системы): системы, имитирующие экспертизу человека в узкой области через правила и базы знаний.

- *Neural Networks* (Нейронные сети): структура, вдохновленная мозгом, для обработки данных. “Neural Networks: A subfield of machine learning inspired by the structure and function of the human brain.”

- *Intelligence Retrieval* (Интеллектуальный поиск): фокус на извлечении и обработке информации, без претензии на «интеллект».

- *Knowledge Engineering* (Инженерия знаний): процесс создания систем, управляющих знаниями.

Позиции американских ученых

«The human mind is not, like ChatGPT and its ilk, a lumbering statistical engine for pattern matching ...»

Noam Chomsky:
The False Promise of ChatGPT
(By Noam Chomsky, Ian Roberts and Jeffrey Watumull), March 8, 2023.

Американские ученые часто выступают с критикой термина «искусственный интеллект», подчеркивая его несоответствие реальности. Как подчеркивает Ноам Чомски, человеческий разум не является статистической машиной, как ИИ, и способен к абстрактному мышлению за пределами данных. Ноам Чомски подчеркивает, что ИИ

лишен настоящего понимания и творчества. Например, Гэри Маркус в обсуждении ограничений современных архитектур прямо фиксирует ошибку общественного восприятия: *«these things are not actually intelligent»* («эти штуки на самом деле не являются интеллектуальными»). [1]

Он связывает это с «архитектурными ограничениями» и иллюзией, что «больше данных» автоматически даст человеческий уровень рассуждения.

Ученый Джарон Ланьер, например, в статье «There Is No A.I.» утверждает: «Как компьютерный ученый, я не люблю термин ‘A.I.’. На самом деле, я думаю, что он вводит в заблуждение – возможно, даже немного опасен». [2] Дж. Ланьер считает ИИ инструментом, а не существом, и предупреждает, что мифологизация машинных процессов в «интеллект» (сопоставимый с человеческим творчеством) может привести к неправильному управлению технологиями в современном мире.

Исследования из Университета Чикаго и Цинхуа показывают, что ИИ повышает цитируемость работ, но сужает тематику и повышает повторяемость, не добавляя творчества в научные исследования.

Джеймс Зоу из Стэнфорда отмечает слабые стороны ИИ в распознавании ложных убеждений (фейков), подчеркивая отсутствие у ИИ человеческого уровня рассуждений. В целом, американские эксперты видят в ИИ только продвинутые вычисления, быструю работу с большими объемами данных, но не интеллект, и призывают к регуляции данного понятия для предотвращения возможных рисков в будущем.

Позиции европейских ученых

Европейские ученые активно критикуют гиперболизацию ИИ и его терминологию. Например, Пабло Сангуинетти пишет: «Термин «искусственный интеллект» способствует заблуждениям о возможностях, происхождении и природе дисциплины». [3]

Евгений Морозов заявляет: «Проблема с искусственным интеллектом? Он ни искусственный, ни интеллектуальный». [4] Е. Морозов предупреждает, что продолжение использования термина рискует убедить нас в единой логике мира, управляемой вычислениями.

Группа из более чем 70 ученых в открытом письме к Урсуле фон дер Ляйен призвала отозвать заявление о приближении ИИ к человеческому мышлению, называя это «ненаучным и неточным», основанным на маркетинге, а не на доказательствах. Они подчеркивают, что ИИ не достигает человеческого уровня, и гиперболизация подрывает доверие Европы. Кейт Кроуфорд в

«Atlas of AI» отрицает, что технология является «интеллектуальной» или «искусственной», подчеркивая ее материальную основу в ресурсах и труде.

Европейские позиции, таким образом, фокусируются на этических и регуляторных аспектах, видя в ИИ только инструмент, а не творческий разум.

Позиции китайских ученых

«I can have any formal program you like, but I still understand nothing»

Searle J. R. Minds, brains, and programs // *Behavioral and Brain Sciences*. 1980. Vol. 3, Iss. 3. P. 417–457.

Китайские ученые подчеркивают практические ограничения ИИ, фокусируясь на отсутствии креативности и фундаментальных прорывов. Сон-Чун Чжу предупреждает: «Китайский нарратив об ИИ страдает от «когнитивного предубеждения». Несмотря на успехи компаний вроде DeepSeek, Китаю все еще недостает оригинальных прорывов в фундаментальных технологиях искусственного интеллекта». Сон-Чун Чжу отмечает, что инновации практически остановились в своем развитии на уровне алгоритмов, без глубокого понимания человеческого интеллекта. Исследование в Nature показывает: «Генеративному ИИ недостает человеческой креативности для научных открытий с нуля». [5]

Джеймс Зоу (в сотрудничестве с Цинхуа) отмечает, что ИИ усиливает производительность, но эродирует разнообразие контента и не способствует настоящей креативности. На конференции Agents4Science¹ китайские и американские уче-

¹ Agents4Science 2025 - это первый открытый формат, где ИИ должен быть основным автором и рецензентом, а цель - публично наблюдать сильные/слабые стороны и выработать нормы (атрибуция, верификация, этика). Дата виртуальной конференции - 22 октября 2025 г. Первичный отбор научных материалов делался панелью нескольких ИИ-рецензентов, а финальный отбор - людьми, при обязательном раскрытии роли ИИ по стадиям исследования. По итогам было принято 48 работ. На основе отобранных научных материалов был сделан вывод о том, что ИИ-агенты полезны для вычислительного ускорения и черновой подготовки, но демонстрируют слабую подготовку в научном суждении - от фабрикация источников/фактов и потери кон-

ные продемонстрировали, что ИИ как «ученые» (т.н. ИИ-агенты) ограничены в оригинальности (есть примеры т.н. «галлюцинаций» ссылок на несуществующие работы или судебные решения), подтверждая отсутствие подлинного интеллекта. Китайские ученые подчеркивают необходимость фокуса на фундаментальных аспектах, видя ИИ как вычисления, а не творчество. При этом можно утверждать, что LLM-агенты (по состоянию на 2026 г.) сильны как «ускорители» и генераторы черновиков научных работ ученых, но слабы как автономные носители (и тем более – создатели) научного суждения.

Таким образом, ИИ-агенты не могут сравниться с учеными-людьми (с их творческим мышлением), а могут быть масштабируемыми когнитивными инструментами в руках ученых. Главная проблема ИИ-агентов - не «отсутствие творчества», а отсутствие продуманного (в т.ч. – правового) механизма ответственности: система может быть убедительна в своих аргументах, но при их тщательной проверке выявляются, например, фейки (формулирование выводов на фактах, которых не существовало).

Таким образом, термин «искусственный интеллект» неточен и вводит в заблуждение, поскольку современные системы – это искусственные вычисления, лишённые человеческого творчества и понимания. Ученые из США, Европы и КНР сходятся в том, что ИИ не достигает уровня настоящего (т.е. человеческого) интеллекта, и призывают к пересмотру терминологии для избежания гиперболизации понятия «искусственный интеллект» и неточного его использования. Это позволит лучше управлять технологиями, фокусируясь на их инструментарии. Дальнейшие исследования, на наш взгляд, должны акцентировать этические и регуляторные аспекты для гармоничного развития.

В таблице мы собрали альтернативные понятию «искусственный интеллект» термины, более точно отражающие суть и смысл осуществляемой компьютерными системами работы. Эти термины часто используются как прямые замены «AI» в научных, технических и популярных контекстах. Они акцентируют на вычислительной или алгоритмической природе.

текста до слабости в постановке интересных и актуальных исследовательских вопросов.

Таблица 1.

Термин (на английском)	Термин (на русском)	Описание и примеры использования	Цитаты и источники
Machine Intelligence	Машинный интеллект	Подчеркивает способность машин обрабатывать информацию, учиться и принимать решения без человеческого вмешательства. Часто используется в бизнесе и технических контекстах для описания систем, имитирующих когнитивные процессы.	"Machine intelligence refers to the ability of machines to process information, learn, and make decisions without direct human intervention." Также: "I think the phrase 'Machine Intelligence' would sound appropriate."
Computational Intelligence	Вычислительный интеллект	Описывает системы, которые эволюционируют и улучшаются со временем через нейронные сети, нечеткую логику или генетические алгоритмы. Популярно в академических и исследовательских кругах.	"Computational intelligence refers to AI systems that evolve and improve over time, often through neural networks, fuzzy logic, or genetic algorithms." "The most common ones are likely machine intelligence and computational intelligence."
Cognitive Computing	Когнитивные вычисления	Имитирует человеческие мыслительные процессы через алгоритмы, фокусируясь на взаимодействии человека и машины. Используется в AI для задач, связанных с восприятием и принятием решений.	"Cognitive computing mimics human thought processes through AI algorithms." Также упоминается как синоним AI в контексте симуляции человеческого поведения.
Algorithmic Intelligence	Алгоритмический интеллект	Функциональное определение, подчеркивающее алгоритмы вместо "искусственности". Подходит для описания систем, основанных на данных и логике, без претензии на творчество.	"My personal feeling is that we should be using: Algorithmic Intelligence which this is functional definition, and therefore more meaningful than 'artificial'."
Symbolic artificial intelligence.	Символический искусственный интеллект	Этот термин используется для обозначения методов, основанных на высокоуровневом «символическом» (человекочитаемом) представлении задач, логики и поиска. Он противопоставляется более современным подходам, таким как нейронные сети.	https://kartaslov.ru/карта-знаний/Вычислительный +интеллект
Cybernetics	Кибернетика	Наука о системах управления и коммуникации в машинах и живых организмах. Исторически связана с AI, но акцентирует на автоматизации и контроле.	Упоминается как синоним в контексте науки о вычислениях, автоматизации и контроле.

Таким образом, фундаментальная проблема заключается в том, что современные модели (включая большие языковые модели, LLM) демонстрируют убедительную имитацию интеллектуального поведения, но имитация не тождественна пониманию. Дж. Сёрл в классическом аргументе «китайской комнаты» формулирует это предельно жестко: «*I can have any formal program you like, but I still understand nothing*» («У меня может быть какая угодно формальная программа, но я всё равно ничего не понимаю»). [6]

Чтобы утверждать, что система обладает интеллектом в человеческом смысле, обычно требуется (минимум):

- семантическая осмысленность (связь символов с мышлением, а не только с формой);
- интенциональность (направленность на цели и смыслы как внутреннее состояние, а не внешнее описание);
- обобщение и причинное объяснение, устойчивое вне распределения обучающих данных;
- творчество как производство нового по смыслу (а не только статистически нового по форме) и как акт авторского намерения.

В прикладных ИИ-системах доминирует иное: оптимизация функции потерь, обучение на массиве примеров, вероятностная генерация продолжений (комбинаторика). Это не «мышление» как внутренний акт, а вычислительная процедура, дающая эффект, похожий на результат мышления.

Представляется, что альтернативами неточному и некорректному термину «искусственный интеллект» могут стать (в зависимости от контекста):

«искусственные вычисления» - когда нужно подчеркнуть, что результат получен оптимизацией/комбинаторикой; [7]

«машинное обучение» / «статистическое обучение» - когда речь о методе построения предсказаний;

«генеративные модели» - когда речь о синтезе текста/изображений/кода; **«искусственная агентность»** (по Флориде [8]) - когда важны автономность, взаимодействие и последствия действий, а не мифология «интеллекта». [8]

На наш взгляд, **термин «искусственный интеллект»** в массовом употреблении методологически вреден, потому что:

во-первых, «маскирует» под человеческое творчество вычислительную природу систем;

во-вторых, порождает ложное доверие («он понимает», следовательно, «ему можно делегировать ответственность», хотя на самом деле система «не понимает» так, как может это делать человек);

в-третьих, провоцирует правовые и этические ошибки.

Назовем несколько примеров таких случаев, иллюстрирующих ущербность применения термина «искусственный интеллект», способного приводить к серьезным правовым и этическим проблемам.

- Ошибки в распознавании лиц.

В США система распознавания лиц ошибочно идентифицировала 61-летнего Роберта Уильямса как вора, что привело к его ложному обвинению в ограблении магазина. В России учёный Александр Цветков был задержан по подозрению в серии убийств двадцатилетней давности из-за совпадения его фотографии с фотороботом, сгенерированным алгоритмом (совпадение составило 55%). Несмотря на алиби (в момент преступлений Цветков был в экспедиции), он провёл в заключении 10 месяцев, пока дело не закрыли. Эти случаи заставили правоохранительные органы пересмотреть подходы к использованию систем распознавания лиц: теперь для ордера на арест требуется независимое доказательство помимо алгоритмического совпадения. [9]

- Предвзятость алгоритмов.

Инструмент для найма от Amazon учился на резюме за последние 10 лет и систематически понижал рейтинг кандидатов-женщин, особенно на технические должности. Причина заключалась в том, что в прошлом компания нанимала преимущественно мужчин, и ИИ усвоил это как «правильный» паттерн успеха. **Алгоритм COMPAS** использовался в некоторых штатах США для оценки вероятности рецидива у подсудимых. Расследование ProPublica в 2016 году показало, что система ошибочно помечала темнокожих обвиняемых как лиц с высоким риском рецидива почти в два раза чаще, чем белых. [10]

Система Allegheny в Пенсильвании анализировала данные соцслужб и ставила семьям баллы риска. Расследование обнаружило, что алгоритм дискриминировал мигрантов, семьи с низким доходом, ограниченными возможностями и проблемами психического здоровья. Суд постановил, что система нарушает право на справедливое рассмотрение дела, так как семьи не могли оспорить логику её решений. **Streaming Tool** применялся МВД Великобритании для ранжирования заявок на визы с 2015 года. Через пять лет выяснилось, что алгоритм автоматически отправлял заявителей из Африки и Азии в медленную очередь, а граждане западных стран получали приоритет. Это привело к обвинениям в расизме и закрытию проекта. [9]

- Генерация ложной информации (т.н. «галлюцинации» ИИ).

В 2023 году американский адвокат представил суду меморандум с вымышленными судебными решениями, сгенерированными ChatGPT. Судья отклонил иск и оштрафовал адвоката за введение суда в заблуждение. Аналогичный случай произошёл с бывшим адвокатом Дональда Трампа Майклом Козном: его юрист использовал сгенерированные Google Bard ссылки на судебные решения в ходатайстве, которые позже оказались вымышленными. [9]

В Норвегии ChatGPT сгенерировал недостоверную информацию об осуждении гражданина за убийство детей, что привело к жалобе на OpenAI со стороны организации по защите данных. В Канаде 9 из 10 судебных решений, представленных в иске, оказались придуманы нейросетью, что привело к отказу в удовлетворении иска. [11]

- Утечки данных и нарушение конфиденциальности.

В 2023 году у ChatGPT произошёл сбой, из-за которого некоторые пользователи могли просматривать чужие личные данные и переписки с чат-ботом. [12]

Компания Clearview AI собрала базу данных из более чем 30 миллиардов фотографий лиц, скопировав их из социальных сетей без ведома пользователей. Эту базу данных она продавала правоохранительным органам, что вызвало многочисленные судебные иски и запреты в нескольких странах за массовое нарушение приватности. [10]

- Проблемы с авторским правом.

В начале 2023 года группа художников, включая Сару Андерсен и Келли Маккернан, подала коллективный иск против компаний Stability AI, Midjourney и DeviantArt, обвиняя их в использовании работ художников для обучения моделей без разрешения и компенсации. Getty Images подала в суд на Stability AI за незаконное копирование и обработку миллионов изображений из фотобанка. Бюро авторского права США в 2023 году постановило, что изображения, созданные ИИ без существенного творческого вклада человека, не могут быть защищены авторским правом. Это породило правовую неопределённость в креативной индустрии. [10]

Юридическая фирма *Hagens Berman Sobol Shapiro* оштрафована за ошибки ИИ в документах. В 2025 году федеральный судья в Калифорнии наложил санкции на юридическую фирму после того, как в материалах по делу против плат-

формы OnlyFans были обнаружены ссылки на несуществующие нормы права, сгенерированные ИИ. Окружной судья США Фред Слотер обязал фирму и её партнёра Роберта Кэри выплатить \$10 тысяч. Судья подчеркнул, что даже если руководство фирмы не знало о происхождении ошибок, оно обязано контролировать работу юристов и поддерживать профессиональные стандарты. [13]

Случай с адвокатом Стивеном Шварцем. В 2023 году адвокату из США Стивену Шварцу грозили санкции из-за ошибок в брифе дела его клиента, который был составлен с помощью чат-бота с ИИ. В документе упоминалось шесть несуществующих судебных решений. Правила адвокатской этики, установленные Американской ассоциацией юристов, требуют от юристов обеспечивать квалифицированное представительство и проверять точность информации, полученной с помощью технологий. Эксперты отметили, что слепо полагаться на генеративный ИИ для подготовки документов нельзя. [14]

Ошибки в медицине и распределение ответственности. В случае причинения вреда пациенту из-за ошибки алгоритма иск может быть предъявлен по нескольким правовым основаниям. Ответственность может нести: *врач или медицинская организация*, если они использовали ИИ-инструмент с нарушениями утверждённых протоколов или проигнорировали очевидные ошибки; *разработчик и производитель ПО*, если продукт оказался неисправным, небезопасным или имел скрытые дефекты (например, модель была обучена на нерепрезентативных данных); *клиника или медицинское учреждение*, которое интегрировало ИИ в рабочие процессы, если оно не обеспечило выбор надёжного разработчика, не зафиксировало гарантии и обязательства в контракте или не организовало внутренний контроль качества использования технологии. [11]

Эти примеры демонстрируют, что термин «искусственный интеллект» не отражает реальных возможностей современных технологий, завышает ожидания от них и может создавать ложное представление о наличии у машин подлинного интеллекта, сознания или субъектности. Интеллект — это способность решать неожиданные задачи без предварительной тренировки, а современные системы ИИ работают в рамках заложенных алгоритмов и данных. ИИ затрудняется с ответом на философские, этические или экзистенциальные вопросы, так как не может оперировать абстрактными категориями или учитывать субъективный опыт, т.е. не обладает этими ключевыми чертами человеческого разума.

Когда 70 лет назад впервые прозвучал термин «искусственный интеллект» - будущее его развития было неопределенно, а сама возможность применения подобных технологий была похожа на чудо. Сейчас стало очевидным, что до человеческого интеллекта искусственным вычислениям не дорасти. Ведь устройство человеческого мозга – неразгаданная загадка Вселенной.

Список литературы:

[1] Marcus G. Gary Marcus on AI and chatgpt [Электронный ресурс]. Lux Capital. 10.02.2023. URL: <https://www.luxcapital.com/content/gary-marcus-ai-and-chatgpt> (дата обращения: 31.01.2026).

[2] Lanier J. There Is No A.I. // The New Yorker. URL: <https://www.newyorker.com/science/annals-of-artificial-intelligence/there-is-no-ai> (дата обращения: 23.01.2026).

[3] Sanguinetti P. Why the Term 'Artificial Intelligence' Is Misleading // IE Insights. URL: <https://www.ie.edu/insights/articles/why-the-term-artificial-intelligence-is-misleading> (дата обращения: 23.01.2026).

[4] Morozov E. The problem with artificial intelligence? It's neither artificial nor intelligent // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/mar/30/artificial-intelligence-chatgpt-human-mind> (дата обращения: 23.01.2026).

[5] Stop overhyping AI, scientists tell von der Leyen // Euractiv. URL: <https://www.euractiv.com/news/stop-overhyping-ai-scientists-tell-von-der-leyen> (дата обращения: 29.01.2026).

[6] Searle J. R. Minds, brains, and programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. Vol. 3, Iss. 3. P. 417–457.

[7] Julia L. L'intelligence artificielle n'existe pas // [Электронный ресурс] (материалы/выдержка). URL: https://lesechos-formation.fr/wp-content/uploads/2021/07/Lintelligence-artificielle-nexiste-pas_Intro-1.pdf (дата обращения: 31.01.2026).

[8] Floridi L. AI as Agency without Intelligence: On Artificial Intelligence as a New Form of Artificial Agency and the Multiple Realisability of Agency Thesis SSRN. 2024 (posted; version history on SSRN). // [Электронный ресурс] URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?Abstract_id=5135645 (дата обращения: 31.01.2026).

[9] Почему ИИ не всемогущ: громкие провалы искусственного интеллекта // [Электронный ресурс] // <https://pravo.ru/story/258175/> (дата обращения: 02.02.2026).

[10] Темная сторона кода: этические дилеммы искусственного интеллекта, которые мы решаем уже сегодня // [Электронный ресурс]

<https://snob.ru/profile/412159/blog/3112635> (дата обращения: 02.02.2026).

[11] Ошибки ИИ в праве: обзор прецедентов // [Электронный ресурс] <https://platforma-online.ru/media/detail/oshibki-ii-v-prave-obzor-pretседentov/> (дата обращения: 02.02.2026).

[12] Проблемы ИИ: этика данных, экология, стереотипы и ошибки в искусственном интеллекте // [Электронный ресурс] <https://blog.skillfactory.ru/problemu-ii/> Почему ИИ не всемогущ: громкие провалы искусственного интеллекта // <https://pravo.ru/story/258175/> (дата обращения: 02.02.2026).

[13] Суд оштрафовал юридическую компанию за сделанные ИИ ошибки в документах // [Электронный ресурс] https://www.gazeta.ru/social/news/2025/12/26/27508345.shtml?Utm_auth=false (дата обращения: 02.02.2026).

[14] Адвокат из США ответит в суде за ошибки искусственного интеллекта // [Электронный ресурс] // <https://rapsinews.ru/> (дата обращения: 02.02.2026).

References:

[1] Marcus G. Gary Marcus on AI and ChatGPT [Electronic resource]. Lux Capital. February 10, 2023. URL: <https://www.luxcapital.com/content/gary-marcus-ai-and-chatgpt> (accessed on January 31, 2026).

[2] Lanier J. There Is No A.I. // The New Yorker. URL: <https://www.newyorker.com/science/annals-of-artificial-intelligence/there-is-no-ai> (accessed on January 23, 2026).

[3] Sanguinetti P. Why the Term 'Artificial Intelligence' Is Misleading // IE Insights. URL: <https://www.ie.edu/insights/articles/why-the-term-artificial-intelligence-is-misleading> (date accessed: 23.01.2026).

[4] Morozov E. The problem with artificial intelligence? It's neither artificial nor intelligent // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/mar/30/artificial-intelligence-chatgpt-human-mind> (date accessed: 23.01.2026).

[5] Stop overhyping AI, scientists tell von der Leyen // Euractiv. URL: <https://www.euractiv.com/news/stop-overhyping-ai-scientists-tell-von-der-leyen> (accessed on 29.01.2026).

[6] Searle J. R. Minds, brains, and programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. Vol. 3, Iss. 3. P. 417–457.

[7] Julia L. L'intelligence artificielle n'existe pas // [Electronic resource] (materials/extract). URL: https://lesechos-formation.fr/wp-content/uploads/2021/07/Lintelligence-artificielle-nexiste-pas_Intro-1.pdf (accessed on 31.01.2026).

[8] Floridi L. AI as Agency without Intelligence: On Artificial Intelligence as a New Form of Artificial

Agency and the Multiple Realisability of Agency Thesis SSRN. 2024 (posted; version history on SSRN). // [Electronic resource] URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=5135645 (accessed: 31.01.2026).

[9] Why AI is not omnipotent: High-profile failures of artificial intelligence // [Electronic resource] // <https://pravo.ru/story/258175/> (accessed: 02.02.2026).

[10] The Dark Side of Code: Ethical Dilemmas of Artificial Intelligence We're Solving Today // [Electronic resource] <https://snob.ru/profile/412159/blog/3112635> (accessed: 02.02.2026).

[11] AI Errors in Law: A Review of Precedents // [Electronic resource] <https://platforma-online.ru/>

[media/detail/oshibki-ii-v-prave-obzor-pretседentov/](https://platforma-online.ru/media/detail/oshibki-ii-v-prave-obzor-pretседentov/) (accessed: 02.02.2026).

[12] AI Problems: Data Ethics, Ecology, Stereotypes, and Errors in Artificial Intelligence // [Electronic resource] <https://blog.skillfactory.ru/problems-ii/Why-AI-Isn't-Omnipotent-High-Profile-Failures-of-Artificial-Intelligence/> // <https://pravo.ru/story/258175/> (accessed: 02.02.2026).

[13] Court Fines Law Firm for AI-Induced Errors in Documents // [Electronic resource] https://www.gazeta.ru/social/news/2025/12/26/27508345.shtml?utm_auth=false (accessed: 02.02.2026).

[14] A US lawyer will answer in court for the errors of artificial intelligence // [Electronic resource] // <https://rapsinews.ru/> (date accessed: 02.02.2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
 учебных и методических
 пособий, монографий,
 научных статей.

Профессионально.

В максимально
 короткие сроки.

Размещаем
 в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-24-29

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

ГОРБУНОВА Олеся Сергеевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета
e-mail: os-bakunova@mail.ru

КОТ Екатерина Михайловна,

доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета
e-mail: katekaterina@rambler.ru

МАЛЬКОВА Юлия Вадимовна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета
e-mail: malkova0404@mail.ru

ПИЛЬНИКОВА Ирина Федоровна,

ст. преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета
e-mail: pilnikova@mail.ru

ПЕТРЯКОВА Светлана Викторовна,

преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета
e-mail: uprkadr@mail.ru

РАДИОНОВА Светлана Владимировна,

преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета
e-mail: svr_svetlana@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ И ВРЕД ИИ-КОНТЕНТА ДЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Аннотация. Искусственный интеллект стремительно вошел в нашу жизнь, задевая все сферы жизнедеятельности, в том числе образовательную. Возможности ИИ-контента позволяют получить расширенный доступ к знаниям, персонализацию обучения, автоматизацию рутинных задач, что безусловно положительно влияет на образовательную среду. Но есть большая вероятность отрицательного влияния: деградация критического мышления, проблемы достоверности данных, этические дилеммы. Статья посвящена комплексному анализу влияния искусственного интеллекта на образовательную среду вузов, на основании которого предложена концепция «гибридной педагогики», предполагающая синтез человеческих знаний и технологических возможностей ИИ при сохранении педагога в роли куратора познавательного процесса.

Ключевые слова: искусственный интеллект, высшее образование, педагог, персонализация обучения, цифровая педагогика, этика, цифровые технологии.

GORBUNOVA Olesya Sergeevna,
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Economics, Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

KOT Ekaterina Mikhailovna,
Doctor of Economic Sciences, Head of the Department
of Economics, Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

MALKOVA Yulia Vadimovna,
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Economics, Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

PILNIKOVA Irina Fedorovna,
Senior Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

PETRYAKOVA Svetlana Viktorovna,
Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

RADIONOVA Svetlana Vladimirovna,
Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

OPPORTUNITIES AND HARMS OF AI CONTENT FOR THE EDUCATIONAL PROCESS IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Annotation. Artificial intelligence has rapidly entered our lives, touching all spheres of life, including educational. The capabilities of AI content allow you to get expanded access to knowledge, personalization of training, automation of routine tasks, which certainly has a positive effect on the educational environment. But there is a good chance of a negative impact: the degradation of critical thinking, data credibility issues, ethical dilemmas. The article is devoted to a comprehensive analysis of the influence of artificial intelligence on the educational environment of universities, on the basis of which the concept of “hybrid pedagogy” is proposed, which involves the synthesis of human knowledge and technological capabilities of AI while maintaining the teacher as the curator of the cognitive process.

Key words: artificial intelligence, higher education, teacher, personalization of learning, digital pedagogy, ethics, digital technologies.

Трансформация образовательного процесса под влиянием технологий искусственного интеллекта, особенно после появления массовых генеративных моделей (ChatGPT, Gemini, Claude и др.), представляет собой один из наиболее значимых вызовов современной высшей школы. Все большее количество ведущих университетов мира внедрило ИИ-инструменты в учебный процесс, однако нормативно-методологическая база их применения оста-

ётся недоработанной. В российском контексте проблема приобретает особую остроту в связи с задачами импортозамещения цифровых образовательных технологий и формированием национальной экосистемы искусственного интеллекта. Развитие цифровой образовательной среды в России осуществляется в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»[1], Стратегическим направлением в области

цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 года [2] и в рамках национального проекта Минпросвещения России «Цифровая образовательная среда», предусматривающего создание безопасной цифровой инфраструктуры и интеграцию современных компьютерных технологий в систему высшего образования.

Дискуссия об использовании искусственного интеллекта в образовании не прекращается: одни пользователи видят в нём инструмент приращения знаний и облегчения рутинных процессов, другие видят угрозу умственного развития и развития критического мышления. «Как отмечает ректор МГПУ Игорь Реморенко, три года назад, когда нейросети стали массовым явлением, образовательное сообщество стояло перед выбором: все запретить, сделать вид, что ничего не происходит, или договориться о понятных правилах совместной работы человека и алгоритма?» [9] Чтобы сделать такой нелегкий выбор необходимо разобратся в трансформационных возможностях и потенциальном вреде искусственного интеллекта для образовательного процесса.

Возможности можно рассматривать для всех пользователей и участников процесса.

Так, для профессорско-преподавательского состава генеративные модели позволяют создавать адаптивные учебные курсы, учитывающие индивидуальный темп обучения, когнитивные особенности и предварительную подготовку студента, а также комплекты оценочных средств. Российские исследования подтверждают эффективность персонализации: по данным опроса студентов ведущих вузов РФ, около 87% респондентов отмечают полезность ИИ-инструментов для адаптации учебных материалов под индивидуальные запросы [10].

Также системы искусственного интеллекта берут на себя значительную часть административной нагрузки: от проверки тестовых заданий до первичной оценки эссе по критериям структуры и грамматики. Это высвобождает время преподавателей для творческих задач — разработки учебных программ, менторства и научного руководства и написания научных трудов. Автоматизация рутинных задач может сократить административную нагрузку профессорско-преподавательского состава на 30–40%.

Другим положительным моментом являются ИИ-переводчики и генераторы контента в реальном времени, которые снижают языковые

барьеры, позволяя студентам и преподавателям из разных стран получать доступ к материалам ведущих университетов. Модели, адаптирующие контент для людей с ОВЗ, способствуют инклюзивности образовательной среды [4, 6].

Тем не менее исследования многих ученых подтверждают опасения, что чрезмерная зависимость от искусственного интеллекта для решения учебных задач приводит к атрофии метакогнитивных способностей: студенты теряют навыки формулирования вопросов, построения аргументации и саморефлексии. Российские педагоги также фиксируют снижение мотивации к самостоятельной интеллектуальной работе. По данным «исследования отношения учащихся вузов к современным технологиям на базе искусственного интеллекта (ИИ) на программах бакалавриата, магистратуры, аспирантуры, а также колледжей и профессиональных училищ, проведенного онлайн-кампусом НИУ ВШЭ» [8] более 40% российских студентов используют ИИ-технологии для выполнения учебных заданий, при этом лишь 12% критически перерабатывают сгенерированный контент. 85% российских студентов используют нейросети в учебной деятельности, при этом только 11% никогда не обращались к ИИ-технологиям.

Большое количество студентов использовали ИИ для выполнения домашних заданий без указания источника. В российских вузах проблема академической честности в условиях распространения ИИ остаётся недостаточно регламентированной. В Сколковском институте науки и технологий еще в 2025 году разработали и утвердили Положение о принципах использования искусственного интеллекта в образовательной деятельности. Но далеко не все университеты разработали внутренние регламенты использования ИИ-инструментов в учебном процессе.

Кроме того, неравный доступ к качественным ИИ-инструментам усугубляет существующее неравенство между элитными и региональными вузами. В российском контексте данная проблема усугубляется технологическим разрывом между федеральными университетами и региональными вузами, а также зависимостью от зарубежных платформ в условиях формирования национальной ИИ-экосистемы [7].

На основании рассмотренных возможностей и рисков ИИ-контента для образовательного процесса был проведен SWOT-анализ, результаты которого представлены на *рисунке 1*.

ПРЕИМУЩЕСТА (силы) ИИ снижает административную нагрузку преподавателей на 30–40%, позволяя фокусироваться на менторстве и разработке программ. В российских вузах автоматизация проверки тестов экономит до 15 часов преподавательского времени в неделю. В отличие от человека, ИИ-ассистенты доступны круглосуточно. 78% студентов используют ИИ вне аудиторных занятий для уточнения материала. Современные модели генерируют текст, изображения, код, аудио, что поддерживает мультимодальное обучение.	ВНУТРЕННИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ (слабости) Генеративные модели выдают ложную информацию в 15–30% случаев при ответах на специализированные вопросы (особенно в медицине и юриспруденции). ИИ не способен распознавать эмоциональное состояние студента и мотивировать в кризисных ситуациях. Преподаватели отмечают, что студенты теряют связь с «человеческим измерением» образования при избыточном использовании ИИ. Алгоритмы оценивают соответствие критериям, но не могут распознать новаторские идеи.
SWOT-анализ	
БЛАГОПРИЯТНЫЕ ФАКТОРЫ (возможности) Национальная стратегия ИИ РФ до 2030 г. и проект «Цифровая образовательная среда» создают институциональную поддержку внедрения ИИ. К 2027 г. планируется охватить ИИ-инструментами 100% федеральных университетов. Проекты «Яндекс.Учеба», «Сбер Салют Образование» и др. снижают зависимость от зарубежных решений и учитывают специфику российской ФГОС. Концепция преподавателя-куратора, использующего ИИ как инструмент дизайна обучения, позволяет сохранить педагогическую автономию при усилении технологических возможностей.	ВНЕШНИЕ РИСКИ (угрозы) Отсутствие законодательного регулирования авторства ИИ-генерированного контента создаёт правовую неопределённость. В РФ законопроект об ответственности за ИИ-контент находится в разработке с 2023 г. Блокировка зарубежных платформ в 2022–2024 гг. выявила уязвимость образовательной системы. 54% российских преподавателей столкнулись с перебоями в доступе к ИИ-инструментам.

Рисунок 1. SWOT-анализ применения ИИ в образовательной деятельности вузов.

Далее нами было проведено анкетирование студентов одного из Уральских вузов для определения статистики использования искусственного

интеллекта студентами: образование, развлечения, игры и другие цели (рисунок 2).

Рисунок 2. Цели использования ИИ-контента студентами высших учебных заведений.

Статистика однозначно демонстрирует, что образовательные цели доминируют в использовании ИИ студентами (90% пользователей используют для подготовки к экзаменам). Развлекательное применение остаётся вторичным и часто пересекается с учебными задачами (гибридное использование). Чисто игровые или развлекательные сценарии использования ИИ среди студентов пока не получили массового распространения (развлечения, планирование времени 22-27%).

То есть наблюдается более высокая концентрация использования ИИ для академических целей (52-90%), но значительно меньше по развлекательному сегменту.

Для преодоления дилеммы «Польза и вред ИИ-контента» предлагается модель «гибридной педагогики», основанная на следующих принципах:

Преподаватель как куратор получения знаний. Роль педагога смещается от источника информации к дизайнеру учебного опыта, который направляет взаимодействие студента с ИИ, задаёт критические вопросы и обеспечивает рефлексивное осмысление результатов. Возникает необходимость сохранения «человеческого измерения» образования как условия формирования ценностных ориентаций и этического суждения.

Прозрачность использования ИИ. Введение обязательного документирования применения ИИ-инструментов в учебной работе (аналогично цитированию источников) с указанием: а) какая задача решалась с помощью ИИ; б) каким образом результат был критически переработан студентом.

Оценка процесса, а не продукта. Смещение акцента с финального текста на демонстрацию мыслительного процесса: черновики, версии, аргументированный выбор между альтернативами, критический анализ ИИ-генераций.

Развитие ИИ-грамотности. Разработка и внедрение в учебные планы дисциплин и кратких курсов по использованию искусственного интеллекта.

Таким образом, ИИ-контент не является ни панацеей, ни угрозой для высшего образования — он представляет собой инструмент, эффект от которого определяется педагогическим контекстом его применения. Ключевым условием продуктивной интеграции ИИ становится развитие человеческих способностей, а не их замещению. В российских условиях особое значение приобретает формирование национальной нормативно-методической базы, учитывающей специфику отечественной образовательной традиции и задачи технологического суверенитета. Будущее высшей школы — не в запрете ИИ, а в формиро-

вании педагогических практик, цифровой этики и институциональных норм, которые направят потенциал искусственного интеллекта на усиление, а не ослабление критического, творческого и этического мышления — тех качеств, которые остаются исключительно человеческими.

Список литературы:

[1] Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

[2] Распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 июля 2025 г. № 1805-р «Стратегическое направление в области цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс.

[3] Горбунова О.С. Цифровая трансформация образования / О. С. Горбунова, Е. М. Кот, Ю. В. Малькова [и др.] // Образование и право. – 2025. – № 11. – С. 541-545.

[4] Городиский Э. А. Искусственный интеллект в образовании / Э. А. Городиский // Молодой ученый. – 2025. – № 43(594). – С. 306-307.

[5] Григорьева А. О. Искусственный интеллект в образовании: анализ возможностей и ограничений / А. О. Григорьева // Современные средства связи. – 2025. – Т. 1, № 1. – С. 305-306.

[6] Зарубина Е.В. Технологии взаимодействия с искусственным интеллектом / Е. В. Зарубина, О. С. Горбунова, С. Г. Егоров [и др.] // Российский научный вестник. – 2025. – № 10. – С. 351-356.

[7] Иванова Е. А. Искусственный интеллект в образовании: поиск баланса между инновациями и этикой / Е. А. Иванова, К. А. Новиков, Д. Н. Ткаченко // Цифровое общество: состояние, проблемы, перспективы, Москва, 12 мая 2025 года. – Москва: Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 2025. – С. 143-147.

[8] Более 40 % студентов используют технологии ИИ в учебе // URL: <https://rsr-online.ru/news/2024/4/15/bolee-40-studentov-ispolzuyut-tehnologii-ii-v-uchebe/> (дата обращения: 25.01.2026).

[9] Образование на троих // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8248541> (дата обращения: 25.01.2026).

[10] Российские студенты всё чаще используют ИИ // URL: <https://www.moneytimes.ru/news/neiroset/42608/> (дата обращения: 25.01.2026).

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus.

[2] Order of the Government of the Russian Federation of July 5, 2025 No. 1805-r "Strategic Direction in the Field of Digital Transformation of Science and Higher Education until 2030" // SPS ConsultantPlus.

[3] Gorbunova O.S. Digital Transformation of Education / O. S. Gorbunova, E. M. Kot, Yu. V. Mal'kova [et al.] // Education and Law. - 2025. - No. 11. - P. 541-545.

[4] Gorodisky E. A. Artificial Intelligence in Education / E. A. Gorodisky // Young Scientist. - 2025. - No. 43(594). - P. 306-307.

[5] Grigorieva A. O. Artificial Intelligence in Education: Analysis of Possibilities and Limitations / A. O. Grigorieva // Modern Means of Communication. - 2025. - Vol. 1, No. 1. - P. 305-306.

[6] Zarubina E. V. Technologies of Interaction with Artificial Intelligence / E. V. Zarubina, O. S. Gorbunova, S. G. Egorov [et al.] // Russian Scientific Bulletin. - 2025. - No. 10. - P. 351-356.

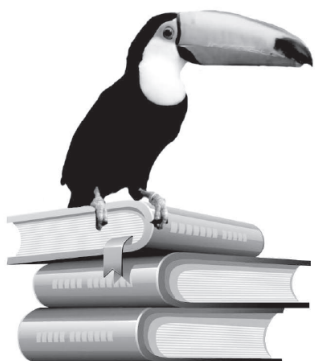
[7] Ivanova E. A. Artificial Intelligence in Education: Finding a Balance between Innovation and Ethics / E. A. Ivanova, K. A. Novikov, D. N. Tkachenko // Digital Society: Status, Problems, Prospects, Moscow, May 12, 2025. - Moscow: Plekhanov Russian University of Economics, 2025. - Pp. 143-147.

[8] More than 40% of Students Use AI Technologies in Their Studies // URL: <https://rsr-online.ru/news/2024/4/15/bole-40-studentov-ispolzuyut-tehnologii-ii-v-uchebe/> (accessed: 25.01.2026).

[9] Education for Three // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8248541> (accessed: 25.01.2026).

[10] Russian Students Are Increasingly Using AI // URL: <https://www.moneytimes.ru/news/neiroset/42608/> (accessed: 25.01.2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-30-39

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,
Московский университет МВД РФ
имени В.Я. Кикотя,
г. Москва, Россия
e-mail: info@law-books.ru

ГРИГОРЬЕВ Александр Иванович,
Российский государственный университет
им. А.Н. Косыгина,
г. Москва, Россия
e-mail: info@law-books.ru

ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ АКТОВ В БЮДЖЕТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ: НОВЫЙ ПОВОРОТ В ФЕДЕРАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Недоверие государства к гражданским институтам является конституционно несостоятельным. Кроме этого, недоверие к институтам власти вступает в явное противоречие с основополагающими конституционными принципами народовластия и верховенства прав и свобод человека. Данное противоречие обусловлено тем, что легитимация недоверия возможна лишь через признание наличия у государства собственных интересов, которые могут существенно отличаться от интересов гражданского общества. Следуя этим интересам, государство предпринимает меры по минимизации воздействия гражданского общества на процесс принятия решений и механизмы самоорганизации, что, в свою очередь, подрывает фундаментальные принципы демократического управления.

Внесенные федеральным законодателем изменения в действующее бюджетное законодательство Российской Федерации вызывают обоснованные сомнения относительно эффективности механизмов реализации судебных решений по искам к государству и его органам. Указанные законодательные трансформации могут породить правовые коллизии, требующие разрешения на конституционном уровне для обеспечения верховенства права и защиты прав и законных интересов граждан.

Ключевые слова: судебная власть, судебная защита, обязательность исполнения судебных актов, бюджет Российской Федерации, реализация исполнения судебных решений по искам к органами государственной власти и органам местного самоуправления, международная судебная практика.

ERIASHVILI Nodari Darchoevich,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after V. Ya. Kikotya,
Moscow, Russia

GRIGORIEV Alexander Ivanovich,
Russian State University named after A.N. Kosygina,
Moscow, Russia

EXECUTION OF JUDICIAL ACTS IN BUDGETARY LEGAL RELATIONS: A NEW TURN IN THE FEDERAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The State's distrust of civil institutions is constitutionally untenable. In addition, distrust of government institutions runs counter to the fundamental constitutional principles of democracy and the supremacy of human rights and freedoms. This contradiction is due to the fact that the legitimization of distrust is possible only through the recognition of the state's own interests, which may differ significantly from the interests of civil society. Following these interests, the State takes measures to minimize the impact of civil society on the decision-making process and self-organization mechanisms, which, in turn, undermines the fundamental principles of democratic governance. The amendments introduced by the federal legislator to the current budget legislation of the Russian Federation raise reasonable doubts about the effectiveness of mechanisms for implementing court decisions on claims against the state and its bodies. These legislative transformations may give rise to legal conflicts that require resolution at the constitutional level to ensure the rule of law and protect the rights and legitimate interests of citizens.*

Key words: *judicial power, judicial protection, the obligation to execute judicial acts, the budget of the Russian Federation, the implementation of the enforcement of court decisions on claims against state authorities and local governments, international judicial practice.*

Для начала несколько цифр статистики: согласно предварительным оценкам Минфина России, представленным в рамках анализа бюджета на 2025 финансовый год, исполнение федерального бюджета демонстрирует дефицит, который составляет около 2,6% валового внутреннего продукта. На основании предварительного анализа макроэкономических данных и бюджетного прогнозирования, можно констатировать, что дефицит федерального бюд-

жета Российской Федерации в 2025 году ожидается на уровне около 2,6% валового внутреннего продукта (ВВП).

В 2025 году нефтегазовые доходы достигли отметки в 8477 миллиардов рублей, что свидетельствует о снижении данного показателя на 23,8% по сравнению с предыдущим годом. Данный тренд обусловлен, главным образом, падением мировых цен на нефть, что оказало существенное влияние на финансовые результаты нефтегазового сектора.

**Таблица 1. Исполнение федерального бюджета за 2025 год
(предварительные данные) млрд. руб.**

	2025	2024	%, г/г
Доходы	37 284	36 709	+1,6%
Нефтегазовые доходы, в т.ч.:	8477	11 131	-23,8%
Базовые нефтегазовые доходы	8393	9831	-14,6%
НДС (производство и импорт)	14 571	13 523	+7,7%
Расходы	42 928	40 181	+6,8%
Дефицит	-5645	-3472	-2173
% ВВП	-2,6%	-1,7%	
Структурный баланс, % ВВП	-1,2%	-1,5%	+0,3 п.п.
Ненефтегазовый баланс, % ВВП	-6,5%	-7,3%	+0,8 п.п.

Источник: Минфин России, Экономика и жизнь. 2026. № 02

Согласно аналитическим данным Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), макрофинансовая политика в третьем квартале 2025 года приобрела отчетливо дестимулирующий характер, представляя собой симбиоз отрицательного бюджетного импульса (чистое изъятие доходов из экономики через фискальные механизмы) и высоких положительных процентных ставок. В случае сохранения данной тенденции за пределами «предположительно сезонных» факторов и ее закрепления в следующем году, прогнозируемое резкое замедление экономического роста представляется неизбежным [1].

Дефицит государственного бюджета стабилизировался в пределах 2,5–3% валового внутреннего продукта (ВВП). Данный макроэкономический показатель требует активизации механизмов привлечения заемных ресурсов и мобилизации резервных фондов.

В сентябре 2025 года сводный опережающий индикатор входа российской экономики в рецессию, рассчитываемый ЦМАКП, продолжил демонстрировать тенденцию к росту, что свидетельствует о высокой вероятности наступления рецессии в ближайшем скользящем периоде, охватывающем временной интервал до июля 2026 года.

В целом, по результатам 2025 года, по данным предварительного итога исполнения федерального бюджета, представленный Минфином России, можно зафиксировать отсутствие явного экономического кризиса в стране, так как нет оснований полагать, что экономика РФ находится в стадии рецессии, однако с начала 2026 года наблюдается существенное ее замедление, в связи с резким падением нефтегазовых доходов федерального бюджета, связанное с нестабильностью ценообразования на мировых рынках на углеводородные ресурсы, а также значительное повышение налоговой нагрузки на бизнес и население.

Согласно предварительным данным, представленным на официальном сайте Минфина России [2], в первом месяце текущего года исполнение федерального бюджета характеризовалось дефицитом в размере 1,718 триллиона рублей, что составляет 0,7% валового внутреннего продукта (ВВП). Этот дефицит, хотя и находится в пределах прогнозируемых значений, требует детального анализа с учетом текущих экономических тенденций и бюджетных стратегий. Следует отметить, что в соответствии с федеральным законом о бюджете на текущий финансовый год был предусмотрен дефицит в размере 3,786 триллиона рублей, что эквивалентно 1,6% ВВП. Таким

образом, уже в январе текущего года фактический дефицит составил почти половину от запланированного на год уровня.

Введение санкционных мер недружественными государствами и турбулентность на глобальных финансовых рынках оказывают негативное воздействие на экономику Российской Федерации. В частности, существенное снижение цен на нефтегазовые ресурсы, являющиеся ключевым источником доходов для страны, усугубляет экономическое положение и оказывает давление на макроэкономические показатели.

В свете последних законодательных инициатив и административных мероприятий становится очевидным, что органы законодательной и исполнительной власти Российской Федерации уделяют первостепенное внимание обеспечению соблюдения установленных параметров федерального бюджета на период с 2026 по 2028 годы. Вполне очевидно, что в этом тренде был принят федеральный закон от 21.04.2025 N 84-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и статьи 14 и 15 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации и об установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» (пункт 6, статья 1) (далее – Закон от 21.04.2025 N 84-ФЗ).

Со стороны финансового регулятора предлагаемая поправка в бюджетное законодательство и иные нормативные правовые акты, представляет собой, с их точки зрения, обоснованное и целесообразное решение. Вполне очевидно, что данная поправка в бюджетное законодательство Российской Федерации, а именно, в ст.215.1 БК РФ, несомненно улучшит прогностические способности бюджета в отношении потенциальных расходов по указанной статье, обеспечивая более точное планирование на основе предполагаемых финансовых ресурсов.

С точки зрения законодателя, целесообразность реализации предлагаемых мер подкрепляется тщательным анализом судебной практики, который выявляет, что, несмотря на формальное соблюдение процессуальных норм, суды при рассмотрении дел, связанных с исполнением судебных актов, не учитывают наличие или отсутствие достаточных финансовых ресурсов в бюджете для реализации исполнительного документа.

Иными словами, внесение поправки в статью 215.1 Бюджетного кодекса Российской Феде-

рации предусматривает возможность *государством не исполнять судебные решения, вынесенные против него, в той мере, в какой это не было предусмотрено в бюджете. Данное положение не распространяется на судебные акты, направленные на возмещение ущерба, причиненного физическим лицам.*

Следовательно, если объём бюджетных ассигнований, предназначенных для реализации судебных актов, окажется недостаточным, данное нововведение в Бюджетный кодекс Российской Федерации предусматривает, что судебное решение не будет приведено в исполнение.

Таким образом, в случае если судебный акт предписывает взыскание денежных средств в объеме, превышающем лимиты расходной части бюджета, - соответствующие финансовые операции не будут реализованы.

Ни у кого с правоведов не может возникнуть сомнения в том, что положения Закона от 21.04.2025 N 84-ФЗ вступили в явный конфликт с нормами федеральных конституционных законов и федеральными кодифицированными нормативными правовыми актами.

Например, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 октября 2023 года по делу № 39-КГ23-9-К1 (Истцы: Красникова Л.Л., Орищенко П.В.) была подчеркнута фундаментальная роль судебных актов в правовой системе Российской Федерации. Суд обратил внимание, что в соответствии со статьей 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и статьей 13 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ), судебные постановления, вступившие в законную силу, обладают императивным характером и обязательны для исполнения всеми субъектами правоотношений. К таким субъектам относятся органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения, должностные лица, а также физические и юридические лица.¹

Проводя анализ нормативной правовой базы федеральных кодифицированных законов, что несомненно носит императивный характер, следует безусловное и обязательное исполнение судебных актов, независимо от наличия или отсутствия соответствующего выделения ассигнований из того или иного бюджета Российской Федерации. Например, статья 13 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ)

нормативно закрепляет принцип обязательности исполнения судебных постановлений, что подтверждается решениями Арбитражного суда г. Москвы от 17 февраля 2023 г. по делу N А40-234583/2021 (АО «Технологическая компания «Центр», ИНН 7715918994) и от 22 февраля 2023 г. по делу N А40-256625/2022 (ГУ Государственного строительного надзора МО).²

В 2005 году Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая дело о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов о федеральном бюджете на 2003, 2004 и 2005 годы, а также Постановления Правительства Российской Федерации «О порядке исполнения Министерством финансов Российской Федерации судебных актов по искам к казне Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти либо должностных лиц органов государственной власти» (далее - Постановление КС РФ № 8-П), сформулировал ряд фундаментальных положений, имеющих существенное значение для теории и практики правоприменения [3].

Суд констатировал, что вступившие в законную силу судебные акты, вынесенные федеральными судами, мировыми судьями и судами субъектов Российской Федерации, в соответствии с положениями частей 1 и 2 статьи 6 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», являются обязательными для исполнения всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными объединениями, должностными лицами и иными физическими и юридическими лицами на всей территории Российской Федерации. Это требование носит императивный характер и подлежит неукоснительному соблюдению. В случае неисполнения судебного акта или проявления неуважения к судебной власти предусмотрены меры ответственности, регламентированные федеральным законодательством.

Особое внимание в Постановлении № 8-П было уделено внимание на обеспечение государством своих публичных функций, включая эффективную защиту прав и свобод граждан.

Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание на соблюдение конституционных норм граждан на судебную защиту, а

¹ Аналогичные выводы сформулированы в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 августа 2024 г. № 18-КГ24-128-К (Истец: Баринов С.Л.)

² Аналогичные нормы также содержатся в статье 392 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), статье 16 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ) и статье 16 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ). Эти законодательные положения обеспечивают системное функционирование судебной системы, гарантируя соблюдение прав и законных интересов всех участников процесса.

также на возможность возмещения вреда, причиненного незаконными действиями (бездействиями) органов государственной власти, органов местного самоуправления и их должностными лицами.

Конституция Российской Федерации, в частности статья 46 (часть 1), закрепляет право каждого на судебную защиту своих прав и свобод и, это положение должно стать непреодолимым препятствием со стороны государственных органов власти.

В связи с этим, государство обязано создавать эффективные механизмы для своевременного и полного исполнения судебных актов, что является необходимым условием для обеспечения принципа верховенства права и поддержания правовой стабильности [4].

Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» конкретизирует данное конституционное положение, устанавливая обязательный характер вступивших в законную силу судебных актов для всех субъектов права, независимо от их статуса (статья 6). Это положение подчеркивает императивность исполнения судебных решений и их ключевую роль в правовой системе Российской Федерации, обеспечивая их выполнение в рамках правового поля.

Высший судебный орган РФ также отметил, что *неправомерная задержка исполнения судебного акта должна рассматриваться как нарушение права на справедливое правосудие*. Данное нарушение предполагает необходимость компенсации лицу, которому был причинен вред в результате задержки [5]. В этом контексте индексация взысканных судом денежных сумм представляет собой один из механизмов такой компенсации. Индексация, которая заключается в увеличении взысканных сумм с применением определенных коэффициентов, является процессуальной гарантией защиты имущественных интересов взыскателя от негативных последствий инфляционных процессов, происходящих в период между вынесением судебного акта и его фактическим исполнением [6].

Обращаем еще раз внимание, что Конституционный Суд Российской Федерации в своих постановлениях неоднократно подчеркивал, что неопределенность содержания правовой нормы препятствует ее единообразному толкованию, создает предпосылки для злоупотребления исполнительной властью своими полномочиями и порождает противоречивую правоприменительную практику. Это, в свою очередь, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, может привести к правовому произволу и, соответственно, к нарушению принципов равенства и

верховенства закона. Более того, само по себе нарушение требования определенности правовой нормы, что влечет ее произвольное толкование правоприменителем, является достаточным основанием для признания такой нормы не соответствующей Конституции Российской Федерации [7].

Следует отметить, что при определении механизма исполнительного производства законодатель должен руководствоваться не произволом, а необходимостью обеспечения когерентного регулирования соответствующих правоотношений. Данный подход предполагает формирование устойчивой правовой базы, которая бы гарантировала соблюдение конституционного принципа исполнимости судебных актов [8].

В рамках анализа правового регулирования необходимо подчеркнуть существование в действующем законодательстве *института отсрочки или рассрочки* исполнения судебных актов. Этот механизм детально регламентируется положениями статьи 324 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ), что позволяет обеспечить гибкость и адаптивность судебной системы в различных правовых ситуациях.

В Апелляционном Определении Воронежского областного суда от 09 июня 2020 г. по делу N 33-3022/2020 судом отмечено, что статья 324 АПК РФ не содержит исключений о невозможности ее применения к судебному акту об утверждении мирового соглашения, так же как и не исключает возможности одновременного применения, как отсрочки, так и рассрочки исполнения судебного акта.

Как разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда от 17 ноября 2015 г. N 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», по смыслу положений статьи 37 Федерального закона «Об исполнительном производстве», статьи 434 ГПК РФ, статьи 358 КАС РФ и статьи 324 АПК РФ основаниями для предоставления отсрочки или рассрочки исполнения исполнительного документа могут являться *неустранимые на момент обращения в суд обстоятельства, препятствующие исполнению должником исполнительного документа в установленный срок*. [9]

Другими словами, разрешая вопрос о предоставлении рассрочки или отсрочки исполнения решения судебного акта, необходимо иметь в виду, что его исполнение должно осуществляться не произвольно, а с учетом необходимости обеспечения баланса прав и законных интересов взыскателей и должников, соблюдения требований справедливости и соразмерности, не отменяя при этом судебного вердикта. [10]

Резюмируя сказанному, можно отметить азбучную истину, что отправление правосудия, носит публичный характер, поскольку судопроизводство представляет собой обособленную ветвь государственной власти, выполняющую важную функцию в системе сдержек и противовесов, обеспечивающей баланс между различными институтами и предотвращающей концентрацию полномочий в одних руках.

Нам очень близка позиция С.К. Загайновой ввиду логики рассуждений относительно содержания и признаков определения документов, исходящих от органов судебной власти. Автором был сделан вывод о том, что «судебные акты - это юридические акты, выносимые судами при осуществлении функций правосудия и судебного управления, в которых реализуются цели судебной власти по обеспечению реализации прав, свобод, интересов субъектов правоотношений». [11]

Именно в процессе функционирования судебной системы, посредством которой формируются судебные акты, нормы материального права приобретают свое истинное значение, предписанное законодателем, компетентные судебные органы тщательно анализируют права и обязанности участников правоотношений, что позволяет обеспечить правильное рассмотрение и решение конкретных дел.

Судебное решение, как справедливо заметила Н. И. Масленникова, является важнейшим актом правоприменительной деятельности суда, сообщает норме материального права дополнительный «заряд энергии», необходимый для претворения в жизнь содержащихся в ней предписаний при отсутствии добровольного исполнения со стороны обязанных субъектов. [12]

Подводя итог к сказанному, отмечаем, что механизм принудительного взыскания задолженности с того или иного бюджета обладает уникальной спецификой, детерминированной публичным статусом должника и структурными особенностями бюджетного процесса. Во-первых, временной лимит на исполнение исполнительного документа составляет три месяца, в отличие от пятидневного срока, установленного для добровольного исполнения обязательств другими участниками гражданского оборота. Во-вторых, нормативное регулирование данного процесса осуществляется не на основании Закона об исполнительном производстве, [13] а в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации, что подчеркивает его особый правовой статус и требует учета специфических институциональных аспектов при его реализации. [14]

Положения статей 242.1—246.1-1 БК РФ регламентируют процессуальные аспекты исполнения судебных актов, дифференцируя их в зави-

симости от предмета судебного решения. В частности, детально урегулировано исполнение судебных актов о возмещении вреда и иных денежных взысканий, предъявленных к государственным и муниципальным органам. Кроме того, отдельно прописаны процедуры обращения денежных взысканий по обязательствам, возложенным на государственные или муниципальные учреждения.

Следует подчеркнуть, что отсутствие ассигнований в бюджете на текущий финансовый год не может служить основанием для неисполнения судебного решения. Этот вывод основывается на основополагающих принципах бюджетного права и финансовой дисциплины, а также на нормативных актах, регламентирующих бюджетный процесс и порядок исполнения судебных актов.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 мая 2019 г. N 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации (далее – Постановление Пленума ВС РФ) обращено внимание, что органы Федерального казначейства наделены полномочиями по организации исполнения исполнительных документов, предусматривающих взыскание денежных средств с казенных учреждений, имеющих лицевые счета в органах Федерального казначейства, и с главных распорядителей бюджетных средств, в чьем ведении находятся указанные юридические лица, при недостаточности лимитов бюджетных обязательств, доведенных казенным учреждениям для исполнения их денежных обязательств (пункт 7 статьи 161 БК РФ), - за счет средств соответствующего бюджета (статьи 242.3 - 242.6 БК РФ). Имущественные требования подлежат удовлетворению с выступающих самостоятельно в суде в качестве ответчиков казенных учреждений, осуществляющих свою деятельность за счет средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации и обеспечивающих исполнение денежных обязательств (пункты 2, 8, 9 статьи 161 БК РФ), а также с главных распорядителей бюджетных средств, в чьем ведении находятся эти учреждения, поэтому в резолютивной части судебных актов не содержится указания о взыскании денежных сумм за счет казны публично-правового образования.

Исполнение судебных актов по искам к Российской Федерации о возмещении вреда, причиненного гражданину или юридическому лицу незаконными действиями (бездействием) государственных органов Российской Федерации или их должностных лиц (статьи 1069, 1070 ГК РФ), в том

числе в результате издания государственными органами Российской Федерации актов, не соответствующих закону или иному нормативному правовому акту, возложено на Минфин России и осуществляется за счет казны Российской Федерации (пункт 1 статьи 242.2 БК РФ).

В процессе исследования нормативно-правового регулирования исполнения судебных актов, связанных с возмещением вреда, следует обратить особое внимание на пункт 20 Постановления Пленума ВС РФ № 13. Этот пункт четко указывает, что специальное правовое регулирование, закрепленное в пункте 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, не распространяется на правоотношения, возникающие в контексте исполнения судебных актов о взыскании денежных средств по обязательствам, вытекающим из государственных (муниципальных) контрактов.

В рамках рассматриваемой правовой ситуации, специфика исполнения судебных актов о взыскании денежных средств с казенных учреждений, регламентированная статьями 242.3–242.5 Бюджетного кодекса Российской Федерации (БК РФ), не может являться правовым основанием для освобождения должника от обязательства по уплате процентов, предусмотренных нормами статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ).

В Определении СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19 августа 2024 г. N 306-ЭС24-2423 по делу N А55-14221/2023 суд пришел к выводу, что ст. 395 ГК РФ установлена ответственность за неисполнение денежного обязательства (неправомерное удержание денежных средств, уклонение от их возврата, иной просрочки в их уплате) в виде начисления процентов на сумму долга. Проценты за пользование чужими средствами взимаются по день уплаты суммы этих средств кредитору, если законом, иными правовыми актами или договором не установлен для начисления процентов более короткий срок (пункт 3 указанной статьи).

Положения данной статьи применяются к любому денежному обязательству независимо от того, возникло ли оно в материальных или процессуальных отношениях, в том числе к обязательству, возникшему в результате взыскания судом суммы судебных расходов. [15]

Если исполнение судебного акта о присуждении указанной суммы в связи с рассмотрением спора с публично-правовым образованием осуществляется за счет казны публично-правового образования, применяются правила статьи 242.2 Бюджетного кодекса с учетом правового подхода, приведенного в пункте 23 Постановления Пленума ВС РФ N 13.

На основании проведенного анализа можно отметить, что реализация исполнительных документов, включая судебные решения и другие правовые акты, требующие финансового обеспечения из бюджета, возможна даже при дефиците бюджетных средств. Данный вывод основан на механизме перераспределения, установленном Бюджетным кодексом Российской Федерации. Этот механизм позволяет эффективно управлять бюджетными потоками и реструктурировать расходы, что способствует временному покрытию дефицита финансовых ресурсов.

На основании положений главы 24.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации можно отметить, что данная правовая норма регулирует процедуру исполнения судебных актов, касающихся взыскания денежных средств из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, а также бюджетов участников бюджетного процесса. Эта норма разработана с целью обеспечения четкой регламентации процедурных аспектов, что способствует правовой определенности и предсказуемости для всех вовлеченных сторон, тем самым укрепляя институциональную основу бюджетного правоприменения.

В то же время, положения Закона от 21.04.2025 N 84-ФЗ нарушают фундаментальное положение, закрепленное в статье 6 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в редакции от 31 июля 2023 года), где четко и категорично указано, что решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны для исполнения всеми органами государственной власти, включая представительные, исполнительные и судебные, а также органами местного самоуправления, юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями.

Недоверие государства к гражданским институтам общества – явно противоречит интересам самого государства и конституционных норм Основного Закона страны.

Конституционный Суд Российской Федерации, неоднократно утверждая тезис «о соблюдении баланса публичных и частных интересов», презюмирует обязанность государства, поставленного соблюдать интересы гражданских институтов и общества в целом, возлагая на них определенную ответственность, и, вместе с тем, добросовестность.

Недоверие государства противоречит основам народовластия и соблюдению положений Конституции РФ высшей ценностью, что в конечном итоге, подрывает доверие общества к принимаемым нормативным правовым актам.

Представляется, что в рассматриваемом Законе от 21.04.2025 N 84-ФЗ законодателем

допущено беспрецедентное смещение шкалы ценностей в пользу публичных интересов, в данном случае, государственных, что может привести к репрессивному характеру права, и неправомерному вторжению государства в право частной собственности.

Считаем, что для реализации Закона от 21.04.2025 N 84-ФЗ необходимо разработать механизмы, обеспечивающие четкое и однозначное понимание следующих аспектов: в каких случаях исполнение судебного решения может быть отложено, какие гарантии его последующего исполнения предусмотрены, а также какие компенсации предусмотрены для лица, ожидающего исполнения судебного решения. Это может включать кредитование с последующим погашением процентов по кредиту со стороны государства и другие меры поддержки.

Список источников:

- [1] Озеро для «черных лебедей» // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8316573> (дата обращения: 15.02.2026).
- [2] Предварительная оценка исполнения федерального бюджета за январь 2026 года // Минфин России. // URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=40186-predvaritelnaya_otsenka_ispolneniya_federalnogo_byudzheta_za_yanvar_2026_goda (дата обращения: 15.02.2026).
- [3] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 года № 8-П По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов о федеральном бюджете на 2003 год, на 2004 год и на 2005 год и Постановления Правительства Российской Федерации «О порядке исполнения Министерством финансов Российской Федерации судебных актов по искам к казне Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти либо должностных лиц органов государственной власти» в связи с жалобами граждан Э.Д. Жуховицкого, И.Г. Пойма, А.В. Понятовского, А.Е. Чеславского и ОАО «Хабаровскэнерго» (пункт 2).
- [4] Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2023 г. N 34-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 2 статьи 242.1 и пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации».
- [5] Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 N 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова».
- [6] Определения Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2008 г. N 989-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Бечина Валерия Тимофеевича, Козиновой Любови Александровны и других на нарушение их конституционных прав статьей 15 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьей 32 Жилищного кодекса Российской Федерации и статьей 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», от 13 февраля 2018 г. N 249-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Саакян Галины Ивановны и Черновой Елены Анатольевны на нарушение их конституционных прав частью первой статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и абзацем первым пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации», от 29 октября 2020 г. N 2442-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Качановой Ларисы Дмитриевны на нарушение ее конституционных прав статьей 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» и др.
- [7] Постановления Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. N 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н.Ситаловой», от 5 июля 2001 г. N 11-П «По делу о проверке конституционности постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года N 492-III ГД «О внесении изменения в постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан», от 6 апреля 2004 г. N 7-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 87 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2001 года N 538 «О деятельности негосударственных организаций по лоцманской проводке судов» в связи с жалобой международной общественной организации «Ассоциация морских лоцманов России» и автономной некоммерческой организации «Общество морских лоцманов Санкт-Петербурга».
- [8] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 года № 8-П.
- [9] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ N 2 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12 октября 2022 г.).
- [10] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г.

№ 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» (пункт 25).

[11] Загайнова С.К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: дис. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 69.

[12] Масленникова Н. И. Роль актов правосудия в регулировании правовых отношений // Вопросы эффективности судебной защиты субъективных прав. Свердловск, 1978. С. 88.

[13] Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

[14] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2025 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Магаданской области».

[15] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.09.2012 № 5338/12; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.10.2017 № 309-ЭС17-7211.

References:

[1] A Lake for “Black Swans” // Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8316573> (date accessed: 15.02.2026).

[2] Preliminary Assessment of Federal Budget Execution for January 2026 // Ministry of Finance of the Russian Federation. // URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=40186-predvaritelnaya_otsenka_ispolneniya_federalnogo_byudzheta_zayavar_2026_goda (date accessed: 15.02.2026).

[3] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2005 No. 8-P On the case concerning the review of the constitutionality of certain provisions of the Federal Laws on the federal budget for 2003, 2004 and 2005 and the Resolution of the Government of the Russian Federation “On the procedure for the execution by the Ministry of Finance of the Russian Federation of judicial acts on claims against the treasury of the Russian Federation for compensation for damage caused by illegal actions (inaction) of government bodies or officials of government bodies” in connection with the complaints of citizens E.D. Zhukhovitsky, I.G. Poyma, A.V. Ponyatovsky, A.E. Cheslavsky and Khabarovskenergo OJSC (paragraph 2).

[4] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 22, 2023 No. 34-P “On the case of reviewing the constitutionality of the provisions of Article 183 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, paragraphs 1 and 2 of

Article 242.1 and paragraph 6 of Article 242.2 of the Budget Code of the Russian Federation in connection with the request of the Supreme Court of the Russian Federation.”

[5] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 25, 2001 No. 1-P “On the case of reviewing the constitutionality of the provision of paragraph 2 of Article 1070 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens I.V. Bogdanov, A.B. Zernov, S.I. Kalyanov and N.V. Trukhanov.” [6] Rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 25, 2008 No. 989-O-O “On the refusal to accept for consideration the complaints of citizens Bechin Valery Timofeevich, Kozinova Lyubov Aleksandrovna and others regarding the violation of their constitutional rights by Article 15 of the Civil Code of the Russian Federation, Article 32 of the Housing Code of the Russian Federation and Article 208 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation”, of February 13, 2018 No. 249-O “On the refusal to accept for consideration the complaint of citizens Saakyan Galina Ivanovna and Chernova Elena Anatolyevna regarding the violation of their constitutional rights by part one of Article 208 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the first paragraph of clause 6 of Article 242.2 of the Budget Code of the Russian Federation”, of October 29, 2020 No. 2442-O “On the refusal to accept for consideration complaints of citizen Larisa Dmitrievna Kachanova regarding the violation of her constitutional rights by Article 208 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation”, etc.

[7] Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 25, 1995 No. 3-P “On the case of reviewing the constitutionality of parts one and two of Article 54 of the Housing Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen L.N. Sitalova”, of July 5, 2001 No. 11-P “On the case of reviewing the constitutionality of the Resolution of the State Duma of June 28, 2000 No. 492-III GD “On Amending the Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation “On Declaring an Amnesty in Connection with the 55th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945” in connection with the request of the Soviet District Court of the city of Chelyabinsk and complaints of a number of citizens”, of 6 April 2004 No. 7-P “On the case of verifying the constitutionality of the provisions of paragraph 2 of Article 87 of the Merchant Shipping Code of the Russian Federation and the Resolution of the Government of the Russian Federation of July 17, 2001 No. 538 “On the activities of non-governmental organizations in the pilotage of vessels” in connection with the complaint of the international public organization “Association of Maritime

Pilots of Russia" and the autonomous non-profit organization "Society of Maritime Pilots of St. Petersburg".

[8] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2005 No. 8-P.

[9] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2022) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on October 12, 2022).

[10] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 17, 2015, No. 50 "On the Application of Legislation by Courts When Considering Certain Issues Arising During Enforcement Proceedings" (paragraph 25).

[11] Zagaynova, S.K. Judicial Acts in Civil and Arbitration Proceedings: Theoretical and Applied Problems: Doctor of Law Dissertation. Yekaterinburg, 2008, p. 69.

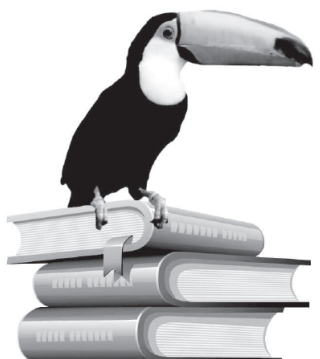
[12] Maslennikova, N.I. The Role of Acts of Justice in Regulating Legal Relations // Issues of the Effectiveness of Judicial Protection of Subjective Rights. Sverdlovsk, 1978, p. 88.

[13] Federal Law of October 2, 2007, No. 229-FZ "On Enforcement Proceedings".

[14] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 18, 2025 No. 39-P "On the case of verifying the constitutionality of paragraph 6 of Article 242.2 of the Budget Code of the Russian Federation in connection with the request of the Government of the Magadan Region."

[15] Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 18.09.2012 N 5338/12; Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 12.10.2017 N 309-ES17-7211.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-40-44

БАРИКАЕВА Айгуль Фаргатовна,
кандидат экономических наук, научный сотрудник
Международного научно-исследовательского центра
судебной экспертизы и исследований,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ МЕСТНЫХ БЮДЖЕТОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. На современном историческом этапе Российская Федерация переживает глубинную социально-экономическую трансформацию, обусловленную прошедшей всемирной пандемией COVID-19 и обострением украинского политического кризиса. Новый тип угроз требует создания новых механизмов реагирования на них, однако решающую роль играют уже имеющиеся в системе управления инструменты, благодаря функционированию которых государство способно адекватно отвечать на возникающие проблемы. Ярким примером подобного инструмента в современной России может служить местное самоуправление, благодаря функционированию которого государство на современном этапе своего существования способно более эффективно и своевременно ответить на серьезные вызовы, которые бросает нам наше время.

Ключевые слова: местное самоуправление, доходы местного бюджета, государственное управление, органы местного самоуправления, публичная власть.

BARIKAEVA Aigul Fargatovna,
Candidate of Economic Sciences,
Researcher at the International
Research Center for Forensic Science and Research

LEGAL REGULATION OF INCOME AND EXPENSES OF LOCAL BUDGETS IN THE CONTEXT OF SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATION

Annotation. At the present historical stage, the Russian Federation is experiencing a deep socio-economic transformation due to the past global pandemic COVID-19 and the aggravation of the Ukrainian political crisis. A new type of threat requires the creation of new mechanisms for responding to them, but the tools already available in the management system play a decisive role, thanks to the functioning of which the state is able to adequately respond to emerging problems. A striking example of such an instrument in modern Russia is local self-government, thanks to the functioning of which the state at the present stage of its existence is able to more effectively and in a timely manner respond to the serious challenges that our time poses.

Key words: local government, local budget revenues, public administration, local government, public power.

Российское государство не является единственной страной в мире, которая на данный момент находится в столь непростом и драматичном переходе в новую эпоху своего развития – абсолютно все международное сообщество охвачено глобальной нестабильностью, что требует решительных действий и немедленных ответов на указанные вызовы [2].

В социальной плоскости подобное состояние человечества можно воспринимать как проверку на прочность политико-правовых систем современных государств, которые демонстрируют свои институциональные и технологические возможности по мобилизации имеющихся в их распоряжении ресурсов и, что самое важное, по эффективному распределению указанных ресурсов в

целях своевременного решения проблем нового типа, не имеющих аналогов в прошлом. Безусловно, новый тип угроз требует создания новых механизмов реагирования на них, однако решающую роль играют уже имеющиеся в системе управления инструменты, благодаря функционированию которых государство способно адекватно отвечать на возникающие проблемы. Ярким примером подобного инструмента в современной России может служить местное самоуправление, благодаря функционированию которого государство на современном этапе своего существования способно более эффективно и своевременно ответить на серьёзные вызовы, которые бросает нам наше время [1].

Само по себе местное самоуправление является относительно новым публично-правовым институтом для нашей страны, появившись лишь в конце прошлого столетия после распада СССР и перехода к демократической системе, однако за три десятилетия своего существования он уже успел доказать как свою эффективность в решении широкого круга проблем россиян, так и соответствие реалиям современного мира и экономики. Благодаря органам местного самоуправления у населения определённой территории есть возможность оказывать прямое влияние на разрешение вопросов местного значения и благодаря этому удовлетворять имеющиеся у него потребности и интересы. В этом отношении местное самоуправление является важным демократическим элементом государственности России, так как перераспределяет нагрузку с органов государственной власти и одновременно расширяя контроль населения над принятием решений по широкому кругу вопросов, имеющих прямое отношение к жизни обычных граждан.

При этом, будучи уровнем публичной власти в Российской Федерации, местное самоуправление должно быть финансово обеспечено, что обусловлено как экономическими реалиями, так и потребностью в независимости муниципальных ведомств при принятии властных решений. Вопрос экономической независимости публично-правового образования при осуществлении им своих функций представляется принципиально важным, так как иначе органы местного самоуправления будут инструментом достижения личной корыстной выгоды для тех, от кого оно находится в финансовой и экономической зависимости, что напрямую противоречит интересам населения, проживающего в определённом муниципальном образовании. Именно для недопущения подобной ситуации в российском законодательстве предусмотрен такой значимый публично-правовой институт как бюджет, благодаря которому обеспечивается финансово-экономическая

беспристрастность деятельности органов управления при реализации ими властных полномочий. Бюджет публично-правовых образований является одним из важнейших признаков властного характера статуса и деятельности Российской Федерации, регионов и муниципальных образований, и представляет собой базовый элемент экономической основы деятельности данных субъектов, ввиду чего можно утверждать о том, что данный институт играет важную роль в функционировании российской государственности.

Одновременно с этим следует отметить, что, несмотря на свою безусловную схожесть и близость, бюджет муниципальных образований по своей юридической природе отличается от федерального и региональных бюджетов, так как указанные виды бюджетов предназначены для обеспечения нужд органов государственной власти, которые несоизмеримо больше, нежели нагрузка органов местного самоуправления, которая связана с финансированием полномочий данных ведомств по решению вопросов местного значения и реализации полномочий, делегированных органам муниципальной власти от государства [5].

Именно бюджет местного самоуправления служит материальной основой публичной власти муниципалитетов, благодаря которой муниципальные органы, как и органы государственной власти обоих уровней, способны реализовывать свои полномочия. В свою очередь, в контексте муниципальной власти указанные полномочия в основном направлены на решение вопросов местного значения, что напрямую оказывает влияние на уровень жизни проживающего в данном муниципальном образовании населения.

Ввиду этого, именно муниципальный бюджет фактически определяет, насколько эффективно и качественно органы местного самоуправления могут реализовывать свои полномочия и тем самым удовлетворять потребности и интересы местного населения. В этой связи. Местный бюджет необходимо рассматривать как комплексное многоаспектное явление, основой которого является именно нормативно-правовое регулирование отношений, связанных с бюджетом муниципальных образований, поскольку образование и исполнение публично-правовых бюджетов должно быть осуществлено в строгом соответствии требованиям законодательства, так как посредством этого реализуется экономическое обеспечение публичной власти, в данном случае муниципальной. В связи с этим, для формирования более полноценного представления о той роли, которую местный бюджет играет в системе муниципальной власти, необходимо ознакомиться и детально рассмотреть правовые нормы, регулирующие муниципальный бюджетный процесс [2].

Так, основными источниками нормативно-правового регулирования отношений, связанных с местным бюджетом, являются Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. (далее – БК РФ) и Федеральный закон от 06.10.2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ «О местном самоуправлении»). Строго выражаясь, указанные законодательные акты являются основными источниками бюджетного и муниципального права соответственно, однако следует учитывать, что проблематика местного бюджета лежит на пересечении двух перечисленных правовых отраслей, ввиду чего оба закона практически в одинаковой мере регулируют всю совокупность отношений, связанных с бюджетом муниципальных образований.

Разумеется, каждый из указанных нормативно-правовых актов осуществляют юридическое регулирование заявленного круга вопросов в контексте специфики своего основного предмета регулирования, что влияет на особенность местного бюджета как института права.

Например, в БК РФ местный бюджет представляет собой один из видов бюджета, который относится к третьему уровню публичной власти, местному самоуправлению, тем самым отличаясь бюджетами Федерации и регионов, которые представляют собой два уровня государственной власти.

В свою очередь, для ФЗ «О местном самоуправлении» местный бюджет является одним из элементов системы местного самоуправления, который, несмотря на свою значимость для функционирования органов муниципальной власти и в принципе её реализации как таковой, является лишь одним из объектов регулирования данного закона.

При этом, указанные акты именно в аспекте правового регулирования местных бюджетов невозможно рассматривать вне общей ситуации, связанной с нынешним законодательством, и которая обусловлена происходящей сейчас социально-экономической трансформацией всего мира в общем и нашей страны, в частности. Так, ввиду глобальной политической и экономической нестабильностью законодательства всех стран мира находятся в среднем положении между текущими внесениями поправок и целенаправленной реформой, что вообще в принципе характерно для правовых систем в периоды острых кризисов и катаклизмов.

С одной стороны, ежедневно органы законодательной и исполнительной ветвей власти любой страны ежедневно вносят различного рода изменения в свой нормативный корпус, что объясня-

ется потребностью в повышении эффективности регулирования общественных отношений со стороны государства, которая становится возможной только при учетывании реалий общественной жизни и экономической обстановки, изменения в которых должны быть отражены в законодательстве, так как в противном случае нормативно-правовое регулирование не достигнет своей цели упорядочивания общественных отношений.

С другой стороны, иногда изменения в реальной жизни доходят до такого критического уровня, что требуется комплексное изменение широкого круга нормативно-правовых актов, так как точечные изменения не приведут к коренному изменению существующих проблем. Такое системное воздействие представляет собой реформу законодательства и чаще всего осуществляется либо в рамках определённой законодательной отрасли или же в нескольких связанных между собой отраслях и происходит не на каждодневной основе, однако с определённой регулярности относительно всей правовой системы в целом.

В свою очередь, принципиальной особенностью нынешней ситуации является тот факт, что современный нам кризис воздействует на все сферы жизнедеятельности общества сразу, что естественным образом приводит к необходимости внесения изменений в законодательные и подзаконные акты, регулирующие общественные отношения во всех областях, однако основной целью внесения подобных изменений является не коренное изменение всей человеческой деятельности целиком, но формирование правовой системы, позволяющей государству и обществу более эффективно отвечать на потребности и вызовы, спровоцированные нынешней геополитической ситуацией.

В этой связи стоит отметить, что нынешняя ситуация по своей сути представляет собой нечто среднее между текущим изменением законодательства и полноценными реформами, что естественным образом может сказаться и на местном самоуправлении, в частности в отношении вопросов местного бюджета. Социально-экономическая трансформация, происходящая сейчас, бесспорно вызвана кризисными явлениями в сферах общественного здравоохранения и государственной безопасности, что однозначно является вызовом для местного самоуправления, которое является намного более уязвимым уровнем публичной власти по сравнению с федерацией и ее субъектами [6].

Именно поэтому вопросы, связанные местным бюджетом, приобретают особенно важный характер в настоящее время, так как муниципаль-

ные образования по всей территории России, включая ее экономически неблагоприятные регионы, должны обеспечить эффективное решение вопросов местного значения с целью удовлетворения потребностей и интересов местного населения и поддержания его достойного уровня жизни [3]. При этом следует отметить, что, учитывая непростую ситуацию, которая сложилась в мире к настоящему моменту, среди всей группы отношений, связанных с местным бюджетом, особо следует выделить отношения, возникающие по поводу доходов и расходов местных бюджетов.

В связи с тем, что согласно ст. 6 БК РФ, под бюджетом понимается форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления, следует отметить, что доходы и расходы являются ключевыми элементами бюджета, включая местный бюджет, и именно они коренным образом меняются или как минимум подвержены воздействию социально-экономической трансформацией, охватившей наше общество. Следовательно, именно исследование нормативно-правового регулирования доходов и расходов местного бюджета как представляющего собой центральный элемент нормативно-правового регулирования местного бюджета.

Так, в правовой доктрине проблематика доходов и расходов местных бюджетов достаточно широко освещена. Например, И.А. Ситнова, А.А. Барлыбаев, И.М. Рахматуллин и Г.И. Якимбетова рассматривают доходы и расходы местного бюджета в качестве основных элементов местных бюджетов, указывая на то, что сам по себе муниципальный бюджет представляет собой форму «образования и расходования денежных средств в расчете на финансовый год, которые предназначены для обеспечения задач и функций, отнесенных к предметам ведения местного самоуправления, путем исполнения расходных обязательств муниципального образования» [7].

На важность доходов и расходов местных бюджетов с точки зрения развития муниципальных образований, что имеет важнейшее значение в период происходящей сейчас в мире социально-экономической трансформации, указывают Р.М. Качалов, В.Н. Овчинников и В.В. Скорожеев: «формирование местных бюджетов, концентрирование в них денежных ресурсов предоставляют возможность муниципалитетам полностью проявлять финансово-хозяйственную самостоятельность в расходовании средств на социально-экономическое развитие территорий» [5]. Также Л.М. Игонина, И.В. Мамонова и М.М.

Сулейманов отмечают важное значение доходов и расходов местного бюджета в контексте деятельности органов муниципальной власти, так как «местные органы власти самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, определяют местные налоги и сборы [4].

Исходя из этого можно сделать справедливый вывод о том, что доходы и расходы местных бюджетов играют принципиальную роль в рамках этого публично-правового института, ввиду чего детальное рассмотрение их нормативно-правового регулирования и его доктринальное определение будут иметь актуальность в настоящее время, когда глобальная нестабильность бросает вызов российской государственности и благополучию нашего народа.

Список литературы:

- [1] Базарова, В.С. Собственные доходы местных бюджетов как важный элемент самостоятельности местного самоуправления / В. С. Базарова, Б. В. Жамбалов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 2- 2. – С.206-210.
- [2] Вихарев В.В. Трансформация социально-экономической системы: концептуальные подходы российских и зарубежных школ экономической мысли. В сборнике материалов Международной научно-практической конференции: «Российская экономическая модель: содержание и структура». – 2012. – С. 174-181.
- [3] Грудцына Л.Ю. Конституционализация цифрового пространства: доктринальный подход // Международный научный вестник. 2025. № 8. С. 30-34.
- [4] Игонина Л.Л., Мамонова И.В., Сулейманов М.М. Оценка эффективности стимулирующих налоговых льгот в системе управления региональными финансами // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6 (48). – С. 189.
- [5] Качалов Р.М., Овчинников В.Н., Скорожеев В.В. Экономико-правовые проблемы осуществления модернизации России: коллективная монография / Под редакцией Р.М.
- [6] Лихачев А.С. Изменение конституционной модели местного самоуправления: тридцатилетний опыт // Право и государственность. 2024. № 1 (2). С. 39–43.
- [7] Ситнова И.А., Барлыбаев А.А., Рахматуллин И.М., Якимбетова Г.И. Некоторые аспекты финансового обеспечения деятельности органов местного самоуправления / И.А. Ситнова, А.А. Барлыбаев, И.М. Рахматуллин, Г.И. Якимбетова // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2018. № 1 (107). – С. 5.

References:

[1] Bazarova, V.S. Sobstvennye dokhody mestnykh byudzhetrov kak vazhnyĭ ehlement samostoyatel'nosti mestnogo samoupravleniya / V. S. Bazarova, B. V. Zhambalov // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – No 2- 2. – S.206-210.

[2] Vikharev V.V. Transformatsiya social'no-ehkonomicheskoi sistemy: konceptual'nye podkhody rossiĭskikh i zarubezhnykh shkol ehkonomicheskoi mysli. V sbornike materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii: «Rossiyskaya ehkonomicheskaya model': sodержanie i strukturA». – 2012. – S. 174-181.

[3] Grudcyna L.YU. Konstitucionalizatsiya cifrovogo prostranstva: doktrinal'nyĭ podkhod // Mezhdunarodnyĭ nauchnyĭ vestnik. 2025. № 8. S. 30-34.

[4] Igonina L.L., Mamonova I.V., Suleĭmanov M.M. Ocenka ehffektivnosti stimuliruyushchikh

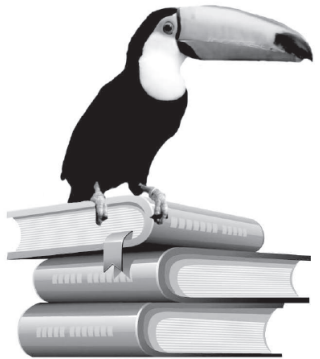
nalogovykh l'got v sisteme upravleniya regional'nymi finansami // Ehkonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2016. No 6 (48). – S. 189.

[5] Kachalov R.M., Ovchinnikov V.N., Skorozhered'ev V.V. Ehkonomiko-pravovye problemy osushchestvleniya modernizatsii Rossii: kollektivnaya monografiya / Pod redakcieĭ R.M.

[6] Likhachev A.S. Izmenenie konstitucionnoy modeli mestnogo samoupravleniya: tridcatiletnij opyt // Pravo i gosudarstvennost'. 2024. № 1 (2). S. 39–43.

[7] Sitnova I.A., Barlybaev A.A., Rakhmatullin I.M., Yakshimbetova G.I. Nekotorye aspekty finansovogo obespecheniya deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya / I.A. Sitnova, A.A. Barlybaev, I.M. Rakhmatullin, G.I. Yakshimbetova // Upravlenie ehkonomicheskimi sistemami: ehlektronnyĭ nauchnyĭ zhurnal. 2018. № 1 (107). – S. 5.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-45-48

МАЗИТОВ Шамиль Айратович,
аспирант юридического факультета,
Университет управления «ТИСБИ» г. Казань,
e-mail: incuren@gmail.com

ВЗАИМНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ И ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена раскрытию системной взаимосвязи правовой идеологии и правовой системы общества в контексте их структурного и функционального взаимодействия. Обосновывается положение о том, что правовая идеология выступает не только самостоятельным элементом правовой системы, но и её ценностно-концептуальным основанием, определяющим содержание права, направления правового регулирования и особенности правоприменительной практики. Раскрывается диалектический характер взаимного влияния правовой идеологии и правовой системы, проявляющийся в процессе формирования нормативных установлений, реализации права и воспроизводства правовых ценностей в общественном сознании. Делается вывод о значении правовой идеологии как фактора целостности, устойчивости и развития правовой системы общества.

Ключевые слова: правовая идеология; правовая система; правосознание; правоприменительная практика; правотворчество; структура правовой идеологии; правопорядок.

MAZITOV Shamil Ayratovich,
graduate student Faculty of Law,
University of Management «TISBI» Kazan

MUTUAL DETERMINATION OF LEGAL IDEOLOGY AND THE LEGAL SYSTEM OF SOCIETY

Annotation. This article explores the systemic relationship between legal ideology and the legal system of society in the context of their structural and functional interactions. It substantiates the proposition that legal ideology is not only an independent element of the legal system but also its value-based and conceptual foundation, determining the content of law, the directions of legal regulation, and the specifics of law enforcement practice. The dialectical nature of the mutual influence of legal ideology and the legal system is revealed, manifested in the process of forming normative provisions, implementing law, and reproducing legal values in the public consciousness. A conclusion is drawn regarding the importance of legal ideology as a factor in the integrity, stability, and development of a society's legal system.

Key words: legal ideology; legal system; legal consciousness; law enforcement practice; law-making; structure of legal ideology; legal order.

Идеология как системная категория объединяет в себе достаточно обширную культурную составляющую общественной «мысли». Правовая идеология в своем содержательном контексте объединяет своеобразие идей, и в то же время в функциональном выражении «пронизывает» всю правовую систему общества, воздействуя на систему права, правовое сознание, юридическую практику и другие категории правовой сферы. Применительно к оказываемому правовой идеологией влиянию нужно

отметить, что таковое приобретает прочный фундамент в случае, если способно оказывать воздействие на все уровни правового сознания. То есть недостаточно закрепить идеологическое содержание тех или иных воззрений на уровне легальных источников, необходимо, чтобы правовые идеи непосредственно влияли на сознание и поведение субъектов правовой системы путём закрепления и обновления системы ценностных ориентиров и целевых установок, формирования правовых представлений и установок в обще-

ственном и групповом правосознании. В этой связи интересным представляется мнение А.И. Клименко о наличии хоть и «минимальной», но базовой правовой идеологии в рамках любой государственной системы[1]. Такое мнение представляется вполне естественным, поскольку в основе правовой системы, и в «прото» вариации, закладываются ценностные ориентиры. Идеологический фундамент заложенный таким образом обеспечивают некоторую стабильность и легитимность, а также является отправной точкой для дальнейшего развития соответствующих правовых институтов. Так же следует привести в пример мнение Е.Г. Лукьяновой, которая раскрывает такие функции правовой идеологии как анализ и переосмысление существующего правопорядка, так и его концептуальное обоснование и легитимацию[2], что позволяет нам не сужать содержательную сторону «правовой идеологии» до анализа лишь позитивного права.

Возвращаясь к вопросу о понятии правовой идеологии, можно привести в пример позицию В.И. Карасева, который пишет об идеологии права как о системе отражённых в теории коренных интересов определённой страты, класса, группы, касающихся принципов, ценностей и идеалов в правовой сфере[3]. В данном случае рассматривается политико-социальный аспект правовой идеологии, то есть понятие дополняется такими возможными явлениями как механизм борьбы интересов, легитимации власти и т.д. Такое понимание явно сужает содержательную сторону понятия правовая идеология и сводит ее к классово-групповому контексту, заведомо делая ее конфликтной и игнорируя общесоциальный и общегосударственный уровень. А Н.С. Жукова определяет данную категорию как «систематизированные теоретические представления о праве, которые выражаются в юридических понятиях и категориях», и характеризует как высшую ступень правосознания. В данном случае понятие формулируется с позиции структурной составляющей правосознания. В целом такое понимание представляется верным, однако не совсем полным, поскольку оно не включает в себя так же процессы формирования моделей поведения, воспроизводство нормативных установок сознания и т.д. Поэтому более полно правовую идеологию можно охарактеризовать как целостный и внутренне согласованный, целенаправленно формируемый на основе правовых, философских и религиозных доктрин механизм влияния системы идей на общественное, групповое и индивидуальное правосознание, направленный на легитимацию либо делегитимацию позитивного права и юридической практики, обеспечение целостности и устойчивого воспроизводства правовой системы посредством

трансформации правовых идей в ценностно-нормативные установки сознания и закрепления соответствующих моделей правомерного поведения.

В контексте раскрытия взаимосвязи правовой системы общества и правовой идеологии немаловажным становится вопрос о структуре второго понятия. Как справедливо замечает А.И. Клименко, данная категория содержит в себе две взаимосвязанные части: юридическую государственную и гражданско-общественную идеологии. Система ценностей, лежащая в основе идеологии, по мнению автора, с одной стороны является воплощением идей порядка и справедливости, а с другой стороны идей свободы и ответственности. Правовая идеология в целом имеет социальную направленность, ориентируясь как на интересы общества, так и на потребности личности посредством утверждения ценностей справедливости и правопорядка; в этом и заключается смысловой подход к пониманию её внутренней структуры. Правовые ценности, будучи фундаментальными основами правовой идеологии, предшествуют соответственно и нормам права, определяя их «социальную» суть.

Не менее важным элементом формирования не только права, но и идеологического механизма являются принципы, которые представляет собой формы идеи, выполняют роль общего ориентира, направляющего практическую деятельность, а также выступают предпосылкой наличия у права идеологической функции[4]. Характеристика принципов как самостоятельных элементов идеологии справедлива еще потому, что они находят свое воплощение в символах, понятиях и категориях. Взаимосвязь правовой идеологии и принципов права носит двусторонний характер: идеология выступает идейным источником, а принципы в то же время выполняют транслирующую функцию по отношению к данной категории в законодательную сферу. Принципы служат своеобразным идеологическим каркасом правовой системы, обеспечивая ее ценностное единство и интеграцию правовой идеологии в систему права. Идеология в свою очередь задает аксиологический вектор, формирует содержательную основу и иерархию соответствующих концепций и идей. Как справедливо отмечал И.А. Ильин, право через свои принципы «воспитывает правовое чувство народа», превращая идеи в устойчивые убеждения[5]. Взаимный детерминирующий характер связи данных категорий хорошо прослеживается в исторической ретроспективе развития государственного-правового устройства той или иной страны.

В научной литературе идеология трактуется не только как система ценностных ориентиров, но

и как совокупность правовых мифов и устойчивых представлений о праве. Например, Вострокнутов рассматривает концепцию прав человека с «идеологической» стороны и утверждает, что современная концепция прав человека содержит «мифологизированные» элементы, что означает — в правовой идеологии присутствуют мифы, которые действуют как ценностно-идейная основа[6]. Важно понимать, что такие элементы должны пониматься не как ложные конструкции в обыденном выражении, а как упрощенные, символически насыщенные образы права, обеспечивающие его легитимный характер и социальную убедительность в общественном сознании.

В самой структуре правовой идеологии можно выделить типы идеологического механизма среди которых юридический, политический и универсальный. В контексте юридических механизмов необходимо сказать про средства и процедуры, которыми обладает государство. Идея приобретает определённую трактовку и конкретную форму реализации, легитимируясь посредством государственного волеизъявления, закреплённого в системе правовых норм. Помимо формально-юридических инструментов, существенное значение для правовой идеологии имеют и политические механизмы, в рамках которых на основе политического дискурса формируются и транслируются новые концептуальные основания. Механизмы политического регулирования в данном контексте являются каналами для передачи идеологических установок в реальность. Однако это может влиять и отрицательно на правовую систему, поскольку в большинстве своем формируется «одобряемая» интерпретация права, что приводит к конъюнктурности правовых ценностей. Как упоминалось ранее, мифы составляют содержательную часть идеологии, и относятся к универсальным механизмам. В рамках мифа отдельные, единичные факты под влиянием правового опыта приобретают нормативный характер и возводятся в ранг общезначимых образцов.

Структурными элементами правовой идеологии по мнению А.Ф. Байкова также могут быть и представления о праве, его сущности и функциях[7]; доктрины и концепции, систематизирующие и объединяющие разрозненные идеи в целостную идеологическую модель; теоретические знания и труды о развитии отдельных правовых систем и другие составляющие. Включение такого комплекса составных звеньев позволяют рассматривать правовую идеологию в качестве динамического феномена, генерирующегося и изменяющегося под воздействием процесса осмысления научно-правовой действительности. Такая вариация рассмотрения структуры право-

вой идеологии представляется более верной, поскольку позволяет преодолеть ценностно-декларативное понимание данного явления, а также представляет его как многоуровневую систему, включающую в себя теоретико-концептуальные конструкции, знания и мировоззренческие представления.

Об устойчивости правовой системы можно говорить при определенной степени согласованности содержания права и правовой идеологии. Идеологическое несоответствие между правом и общественными ожиданиями контрпродуктивно для развития правовой системы общества и часто ведет к кризисному состоянию. То есть можно говорить о правовой идеологии как о механизме социальной стабилизации правовой системы, поскольку она и ответственна за создание образа права в индивидуальном, групповом и общественном сознании.

Как мы видим, правовая идеология и правовая система находятся в отношениях устойчивого взаимодействия. Правовая идеология выступает ценностно-концептуальной основой правовой системы, определяя отправные точки для ее развития, ее содержательную часть и структурную составляющую, а правовая система в свою очередь обеспечивает институционализацию и практическую реализацию правовой идеологии. Практическая реализация в данном случае является одновременно и эмпирической основой эволюции правовой идеологии. Трансляция ценностных оснований в легальное поле позволяет должным образом «скорректировать» несовершенства и трансформировать их соответствующе. Данный пример и все вышесказанное в очередной раз иллюстрируют диалектический и комплексный характер взаимосвязи правовой системы и правовой идеологии, и позволяют рассматривать вторую категорию не только в контексте идейно-ценностного развития первой, но и обеспечения целостности, устойчивости и социальной значимости.

Список литературы:

- [1] Клименко А.И. Правовая идеология современного политически организованного общества. М.: Норма, 2021. 384 с.
- [2] Лукьянова Е. Г. Теория государства и права: учебник. М.: Норма, 2020. 232 с.
- [3] Карасева В.И. Гражданин. Выборы. Власть: научно-аналитический журнал. № 4. М.:2019. С 50-77.
- [4] Чернявский А.Г., Погребная Ю.К. Роль идеологии и идеологическая функция права в современном государстве: монография. М.: Русайнс, 2021. 560 с.

[5] Ильин И. А. Основные задачи правоведения в России. // Собрание сочинений: сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; М.: Русская книга, 1999. 512 с.

[6] Вострокнутов В.А. Мифологические основания концепции прав человека М.: Закон и право. 2014. № 3. С.22-27.

[7] Байков А.Ф. Правовая идеология: сущность и реализация в условиях правового государства: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. Екатеринбург, 2006. 176 с.

References:

[1] Klimenko A.I. Legal ideology of modern politically organized society. M.: Norma, 2021. 384 с.

[2] Lukyanova E. G. Theory of state and law: textbook. M.: Norma, 2020. 232 s.

[3] V.I. Karaseva Citizen. Elections. Power: scientific and analytical journal. № 4. M.:2019. FROM 50-77.

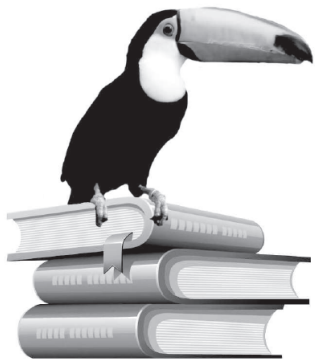
[4] Chernyavsky A.G., Pogrebnaya Yu.K. The role of ideology and the ideological function of law in the modern state: a monograph. M.: Rusines, 2021. 560 s.

[5] Ilyin I. A. The main tasks of law in Russia .// Collected works: comp. and comment. Yu. T. Foxes; M.: Russian Book, 1999. 512 s.

[6] Vostroknutov V.A. Mythological foundations of the concept of human rights M.: Law and law. 2014. № 3. S.22-27.

[7] Baikov A.F. Legal ideology: essence and implementation in the conditions of the rule of law: dissertation... Candidate of Law: 12.00.01. Yekaterinburg, 2006. 176 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-49-55

ЧЕМШИТ Александр Александрович,
доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры «Социально-философские и политические науки»
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
e-mail: aachemshit@mail.sevsu.ru

КАЛЬНОЙ Игорь Иванович,
доктор философских наук, профессор,
e-mail: igor_kalnoy@mail.ru

ВТОРОЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ КАК РЕАКЦИЯ НА УСТАВШУЮ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Аннотация. Статья посвящена проблеме, находящейся на стыке теории государства и права и социальной философии. Авторы привлекают внимание научной общественности к понятию системы общественных координат, обеспечивающих жизнь общества и жизнедеятельность общественного человека. Первой в истории людей системой общественных координат была «власть авторитета», понимаемого как непререкаемое подчинение, принимаемое по доброй воле. Историческими формами этой системы, последовательно сменяющими друг друга были кровный род, племя, община. С течением времени в обществе, структурно организованном по общинной модели, обнаружились кризисные явления, что означало исчерпание потенциала оптимального управления «властью авторитета». Это было время первого исторического вызова и запроса на новую парадигму общественного устройства. Этот вызов был реализован в форме «авторитета власти». На историческую авансцену выходит новая система общественных координат в виде системы государственно-правовых и политических институтов и рациональной бюрократии. Авторитет власти в лице государственности в течение нескольких веков обеспечивает основы существования индивида и общества. Вместе с тем, государство, как и любой другой социальный феномен имеет свою историю рождения, становления, расцвета и угасания, ибо всё, что имеет начало, имеет и свой конец. Авторам представляется, что нынешняя государственность в своём тотальном понимании стала демонстрировать усталость. Феномен глобализации существенно подорвал основы государственности. На лицо структурное перереформирование человечества: страны объединяются в блоки, союзы, центры силы и т.д. Утрата государственного суверенитета сегодня скорее норма, чем отклонение от неё. Вчерашняя базисная опора государства и права - бюрократия трансформируется в систему самообеспечения. Всё сказанное - есть аргумент в пользу нового, второго в истории вызова, как реакции на уставшее государство. Наш век востребует новую систему общественных координат, а которой мы знаем ничего, кроме того, что на неё появился запрос времени.

Ключевые слова: «власть авторитета», «авторитет власти», общество, государство, право, система общественных координат, исторический вызов.

CHEMSHIT Alexander Alexandrovich,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Professor of the Department of Social, Philosophical and Political Sciences
Federal State Educational Institution of Higher Education
“Sevastopol State University”

KALNOY Igor Ivanovich,
Doctor of Philosophy, Professor

THE SECOND HISTORICAL CHALLENGE AS A REACTION TO A WEARY STATE

Annotation. *The article addresses a problem that lies at the intersection of the theory of state and law and social philosophy. The authors draw the attention of the scientific community to the concept of a system of social coordinates that ensures the life of society and the vital activity of social individuals. The first system of social coordinates in human history was the “power of authority,” which was understood as unquestioned obedience accepted voluntarily. The historical forms of this system, which successively replaced each other, were the blood clan, the tribe, and the community. Over time, the society structured according to the communal model experienced crises, which signaled the exhaustion of the potential for optimal governance through “authority.” This was the first historical challenge and the demand for a new paradigm of social organization. This challenge was met through the establishment of “authority of power.” A new system of social coordinates emerged in the form of a system of state-legal and political institutions and a rational bureaucracy. For several centuries, the authority of the state has provided the foundations for the existence of individuals and society. However, like any other social phenomenon, the state has a history of birth, development, and decline, as everything that has a beginning also has an end. The authors believe that the current state, in its totality, has become tired. The phenomenon of globalization has significantly undermined the foundations of the state. There is a structural reformatting of humanity: countries are joining together in blocs, alliances, centers of power, etc. The loss of state sovereignty is now the norm rather than the exception. The bureaucracy, which was once the foundation of the state and the rule of law, is transforming into a self-sustaining system. All of this is an argument in favor of a new challenge, the second in history, as a response to the weary state. Our age requires a new system of social coordinates, but we know nothing about it except that it is a demand of the times.*

Key words: “power of authority”, “authority of power”, society, state, law, system of social coordinates, historical challenge.

В истории человечества современный исторический вызов в духе шекспировского вопроса – «быть или не быть» – является уже вторым, ибо он связан с метаморфозой системы общественных координат, обеспечивающих жизнь общества и жизнедеятельность общественного человека. Первой системой общественных координат была «власть авторитета», понимаемого как непрерываемое подчинение, принимаемое по доброй воле. Своими истоками она уходит в историю матриархата и последующего патриархата. Становление патриархата обусловлено развитием того способа производства и воспроизводства материальных благ, который обеспечил появление частной собственности и актуализировал вопрос её правонаследования, что и наложило свою печать на развитие семьи и внутрисемейных отношений. Этот процесс был сложным и противоречивым, но количественные изменения на определенном этапе обусловили новое качество семьи как социальной ячейки, как «строительного первокирпича» протообщества людей разного пола, возраста, разных желаний и интересов. В результате сложилась первая система общественных координат, в которой вертикаль власти и горизонталь коммуникаций осуществляли отцы семейств, а верхушку системы, её жизнедеятельность обеспечивало доверенное лицо этих отцов – старейшина рода. Он не только выступал в качестве первого авторитетного лица, регламентирующего жизнь доверенного общества, но и был хранителем первобытной культуры, её традиций и обычаев.

Время не стояло на месте. Оно фиксировало движение (развитие) системы общественных координат рода, а позже – племени и общины. История сохранила добротную память только о четырех общинах: азиатской, античной, славянской и германской. Каждая из них имела свою историю становления и развития, свой способ бытия в границах конкретного пространства, оставив для потомков информацию для размышления об их специфике, причинах развития и угасания.

У нашей читательской аудитории неподдельный интерес вызывает славянская община. Вероятно, этим объясняется повышенный спрос на книги Л.Н. Гумилева «От Руси до России» [5] и И.С. Аксакова «В чем сила России?» [1].

Запутавшись в современных проблемах, читатель обращается к истории с надеждой найти в прошлом знаки будущего. Для людей прошлого их реальность была проблемной современностью находок и потерь, представляющей интерес для современника, размышляющего над собственными проблемами.

Сканируя общее и различное в славянской общине, нельзя пройти мимо фрагмента её истории, где признавалась свобода самовыражения и самосовершенствования личности, но не в своем произволе и не в «праве на бунт». В случае крайнего эгоизма личность «властью авторитета» при поддержке общественным мнением исключалась из общины, объявлялась изгоем. Жизнедеятельность славянской общины реализовала возможность многообещающего артельного (коллективного) труда, теснившего культ индивидуального

труда. Хорошо это или плохо, покажет время, но, похоже, по этому случаю еще рано подводить итоги.

Как свидетельствует история, общественный человек любой общины, реализующей «власть авторитета», обретает определенный статус и цели, а также средства, ибо изначально он альфа и омега, начало и завершение любой истории. В своем становлении человек прошел длительный и сложный путь эволюции, который можно классифицировать по следующим основаниям:

1. Человек как «двуногое животное без перьев».
2. Человек как уникальное животное, способное преобразовывать себя, преобразуя природу как среду своего обитания.
3. Человек — нечто принципиально отличное от животного.
4. Человек — особое существо с претензией на особое место в мире.

По мере эволюции протообщества человек в статусе общественного существа заявил о своей способности к эстетическому и этическому отношению к миру. Он демонстрирует способность быть в случае необходимости по ту сторону выгоды, идти на самопожертвование, преодолевая волю к жизни; рефлексировать, оценивать и творить мир по канонам добра и красоты. При этом человек продолжает хранить тайну своего происхождения [2].

Похоже, что Природа сотворила человека в качестве особого зеркала, позволяющего при необходимости смотреться в него и редактировать своё дальнейшее развитие, в том числе и усилиями самого Человека.

Человека рассматривают в качестве творения Бога. Так, в трактате «Математические начала натуральной философии» Исаак Ньютон (1643–1727) предложил свою концепцию о перводвигателе. По его мнению, Бог сотворил земной мир, его красоту, предоставив человеку принять этот мир и дополнить его культом Добра. Получилось то, что получилось.

Основоположник философии космизма Н.Ф. Федоров (1828–1903) рассматривает человека в качестве Субъекта общего дела, направленного на устранение противостояния в системе «природа-общество-человек», чтобы обеспечить их гармонии.

Представители философии Нового времени рассматривали человека как принципиально особое существо, способное создавать и решать проблемы, возникающие в его жизни, ибо человек способен преодолеть «идолы рода, пещеры, рынка и театра» (Фрэнсис Бэкон), но в своей

жизни он не исключает возможность «войны всех против всех» [4]. Этот вывод Т. Гоббс делает не на пустом месте. До него о том же идет речь в «Опытах» Мишеля де Монтеня, где он, резюмируя, подводит итог: «жизнь [человека] сама по себе — ни благо, ни зло: она вместилище и блага, и зла, смотря по тому, во что вы сами превратили её» [7].

С определенной мерой достоверности, опираясь на имеющиеся результаты, можно сделать предварительный вывод о том, что антропогенез и социогенез были звеньями одной цепи. Антропо-социогенез стал реальностью благодаря трудовой деятельности людей в формате способа производства, элементами которого выступали производительные силы (объект труда — природа, средства труда — орудия труда) и соответствующие производственные отношения. Труд обеспечил способность изготавливать и применять средства производства благ, жизненно необходимых для удовлетворения насущных потребностей уже не просто человека, а общественного человека. Труд заявил о себе как фактор (сила) социализации. В орудиях труда и навыках закреплялись знания, накапливался профессиональный опыт, развивалось творческое начало, складывалась отрасль познания и проектирования желаемого. Труд стимулировал и развитие языка как средства общения и сохранения необходимой информации. Это был существенный вклад в развитие культуры, общественного и индивидуального сознания. Можно сказать, что труд и общение обеспечили оптимальный способ бытия общественного человека, но состояние его бытия всегда было отягчено реальностью трех проблем [9].

Первую проблему представляет основное противоречие между желаниями (интересами) индивида и структурно организованным табу ему подобных людей. Реальность этой проблемы ставит под сомнение совместное общежитие, подпитывает напряженность в обществе и является своеобразным потенциальным прологом «войны всех против всех». В каждую эпоху это противоречие обретает свои специфические формы проявления, демонстрируя свое бессмертие. Оно было, есть и, похоже, будет вечным спутником человеческого общежития, ослабляя веру и надежду, что завтрашний день будет лучше, чем вчера.

Другая проблема представлена отношениями мужчины и женщины. Мужчина и женщина отличаются друг от друга сильнее, чем Запад от Востока. Мужчина не лучше и не хуже женщины. То же можно сказать и о женщине, но в каждом случае это будет нечто иное, другое. Так распорядилась Природа. Различие полов — одна из основных проблем человечества. Их единство необходимо, чтобы обеспечить связь поколений,

но стремление к единству разных людей зачастую демонстрирует противоречия, несовместимость и завершается разрывом брака. Об этом свидетельствует статистика бракосочетаний и их расторжений. Семья как социальная ячейка общества далеко не всегда бывает на высоте, а потому и не отвечает ожиданиям. Любовь как фермент единства разных полов заявляет о себе как желаемые скрепы отношений мужчины и женщины, но праздник не всегда длится долго, уступая место семейным разборкам. Страдают взрослые, еще больше страдают их дети. И эта проблема также претендует на статус вечного спутника человечества, осложняя и усложняя процесс социализации общества, понижая эффективность системы общественных координат.

Различие мужчины и женщины и основное противоречие между индивидом и структурно организованным обществом ему подобных поставили под сомнение жизнеспособность «власти авторитета» как первой сложившейся системы общественных координат. Этот вывод вызывает сомнение, если говорить о человеке только на уровне абстракции, не рассмотрев потенциал таких ключевых понятий, как «человек», «индивид», «личность», «индивидуальность».

Человек – существо социальное, и таковым оно является, будучи включенным в определенную, конкретную систему общественных координат. Вместе с тем, человек – и природное существо, ибо, выйдя из Природы, он сохраняет с ней связь как на уровне общества, так и на уровне индивида. Наделенный психикой, человек заявляет о себе как существо духовное, способное пульс жизни трансформировать в пульс мысли с последующим оформлением в Слово и Дело. Благодаря незримой духовности и её последующим метаморфозам, человек обретает способность постигать тайны «бытия мира» с последующей организацией своего «бытия в мире». Человек сохраняет себя как родовое существо, обусловленное общечеловеческим генофондом и информационной памятью прошлых поколений. И наконец, человек не без основания претендует на статус космического существа. Космическое начало в нем представлено циклами и ритмами Вселенной, Галактики и Земли.

Все пять начал, демонстрируя взаимосвязь и взаимообусловленность, в своем единстве создают уникальность человека. В этом единстве «переплавляются» внутренние задатки человеческого «я» и внешние факторы среды его обитания; формируются сущностные силы человека: его воля, чувства, память, проторассудок, рассудок, интеллект.

Индивид – это отдельно взятый человек, проходящий по реестру статистических данных.

Личность – представитель конкретного общества, его гражданин с определенными правами и обязанностями.

Индивидуальность – отдельно рассматриваемый человек в его уникальной неповторимости, которая обеспечивается в первую очередь его духовностью.

Вся эта проведенная классификация свидетельствует о том, что рассматриваемое существо является «челом своего века», результатом единства субъективного фактора и объективных условий среды его обитания. Человек не только субъект активности, но и объект манипулирования. Он одновременно является и самооценностью, и средством решения проблем своего общества.

Это противоречие обретает разные формы и разную оценку. По мнению Данте Алигьери, автора «Божественной комедии», человек может подняться до заоблачных высот, а может опуститься до скотского состояния, ибо он – воплощенное единство биологического и духовного, материального и идеального, животного и человеческого (человечности). Человек может отдать свою жизнь за достойную, по его мнению, идею, а может продать себя за тарелку похлебки. Эта противоречивость человеческого «я» зависит от состояния его души. Если человек в повседневном быту ограничился только проявлением воли к жизни через обмен веществ своего организма с окружающей средой, он реализует модель «овоща». Если он трансформирует волю к жизни в волю к власти над собой, то он в своем развитии поднимается до уровня подлинного человеческого «я» с мерой ответственности за себя и окружающий его мир.

Всё вышеперечисленное несет в себе возможность определить человека как эксцентрическое существо. Он одарен разумом, волей выбора и словом. Он обладает даром любить и ненавидеть, верить и надеяться, творить добро и зло. Человек склонен к критике и самокритике, иронии и самоиронии. Он расположен к поиску смысла своей жизни. Он страдает от неудовлетворенности собой и окружающей средой. Пребывая в статусе общественного человека (личности конкретного общества), он задается вопросами: «Что я могу знать о среде своего обитания?», «Что я должен делать в этом мире?», «На что смею надеяться?», «Какова моя сущность и какова мера моего отношения к этому миру?». История постоянно пополняется новыми данными, свидетельствующими о том, что человек был и остается началом и завершением любой истории.

Печать неопределенности несет на себе и человечество. Возможно, это результат эволюции Природы. Мы были и остаемся её частью (части-

цей). Может, человечество – это творение Бога, но вышедшее в своем развитии за пределы божьего замысла. Поиск первопричины человечества продолжается.

В заявленной статье речь идет о развитии человечества, о тех кризисных ситуациях, которые заставляют вспомнить концепцию «круговорота» Дж. Вико (1668–1744). Используя метафору, мыслитель сравнивает подъемы и спады в развитии человечества с мифической птицей Феникс. Она сжигает себя, чтобы возродиться из пепла, оставляя открытым вопрос, повезет ли ей возродиться вновь в очередной раз.

Рассмотрение человека и человечества в истории их становления и развития позволяет авторам статьи сделать вывод о том, что развитие человечества осуществлялось и осуществляется в определенной системе общественных координат, которая организует жизнедеятельность людей в пределах ограниченного пространства. Поиск оптимальной системы уходит в далекое прошлое, связанное с процессом антропосоциогенеза. Первой формой протообщественной жизни был род. Его скрепами выступали кровнородственные связи. В своем развитии род совершил переход от биологической популяции особей прачеловека к социальной общности людей, заложив основание общественного сознания с ориентиром на формирование культуры, её традиций и обычаев. Род прошел две стадии развития: эпоху материнства и отцовства. Если в эпоху матриархата социальным основанием выступает весь род, то в эпоху патриархата в качестве социальной ячейки рода о себе заявляет семья. Семья образует сообщество с общей территорией, с принадлежностью к одному тотему, одному пантеону богов. Регламент этого протообщества осуществлялся «властью авторитета», проводником которой выступало первобытное равенство людей, чья свобода и личные интересы приносились в жертву вначале роду, племени, а позже и общине. Но община как целое, далеко выходящее за рамки рода, как разросшейся ассоциации семейств, столкнулась с проблемой сообщества людей, неравных по природе, по уровню физического и умственного развития, по избранному мировоззрению. «Власть авторитета» как первая система общественных координат не могла решить эту проблему. В обществе, структурно организованном по модели общины, начали появляться кризисные явления. Нарастание хаоса косвенно свидетельствовало, что «власть авторитета» исчерпала свой потенциал оптимального управления. Хотя община рождала гесиодовскую ностальгию о времени «золотого века, когда люди жили как боги» [8], она должна была уступить место многоплановой структуре

общества, которое нуждалось в иной системе общественных координат. Это было время первого исторического вызова.

В формате античной общины на этот вызов последовал ответ античной философии – от Пифагора и Сократа до Платона и Аристотеля. Платоновское «Государство» и «Политика» Аристотеля заявили о том, что проблема есть и её надо решать с учетом своей специфики. Античная община в этот период переживала свой кризис. Нарастающий хаос поставил под сомнение дееспособность парадигмы космоцентризма. Наступил переходный период. Он был связан в первую очередь с поиском новой парадигмы. Космоцентризм уступает место теоцентризму. В рамках новой парадигмы актуализируется поиск ответа на вопрос, что придет на смену «власти авторитета», какая система общественных координат обеспечит ожидаемый оптимальный режим (регламент) жизни общества и жизнедеятельности общественного человека. Это было время совершенствования традиционного общества, но еще не изменения его в пользу индустриального. Эпоха Ренессанса на поиск достойной замены «власти авторитета» отозвалась усилиями Н. Макиавелли [6], Ж. Бодена [3], М. Монтеня [7], Т. Гоббса [4] и др. Эти мыслители осуществили анализ традиционного общества и форм его функционирования в условиях античности и Средневековья, оценили и подготовили модель новой системы общественных координат, которую условно можно назвать «авторитетом власти». Основой новой системы стал уже не авторитет старейшины, опирающийся на сложившиеся традиции и обычаи, а также не дух предков пантеона, а институт государства.

Эта модель новой системы общественных координат в условиях перехода от традиционного общества к индустриальному заявила о способности средствами бюрократии реализовать вертикаль власти и горизонталь коммуникаций. Она заложила основание политики, права и морали, что позволило подготовить население к способности решать задачи, выходящие за пределы интересов индивида и его семьи. Востребованность государственности была ответом на реальность уже сложившегося товарного производства, которое заявило о себе становлением долгосрочной схемы: товар-деньги-капитал. Это был ответ на возможность включения конкретного государства в мировое сообщество.

Индустриальное общество вызвало к жизни вопросы о единых правилах общежития людей разного пола, возраста, профессиональной и религиозной ориентации, национальной, а позже и партийной (классовой) принадлежности; о

защите своего пространства от внешней экспансии; о решении вопросов здравоохранения, воспитания, обучения, социального обеспечения и т. д. Даже неполный перечень этих вопросов свидетельствовал, что они были уже не под силу даже очень уважаемой «власти авторитета».

Авторитет власти полифункционален. Распространившись во всех сферах жизни общества, власть формирует свои органы управления и организует органы защиты, охраны и воздаяния за преступное поведение. Индивид в статусе общественного человека обретает статус подданного, гражданина, наделенного определенными правами и обязанностями. Территория социального пространства объявляется неприкосновенной, о чем свидетельствуют пограничные столбы. Для осуществления работы управленческого аппарата с населения взимается подоходный налог.

По мере развития государственности созрела необходимость в трех ветвях власти: законодательной, исполнительной и судебной. Началом и завершением авторитета власти является Конституция – Основной Закон, регламентирующий жизнь общества и жизнедеятельность гражданина (общественного человека). Стержнем Конституции, как правило, является идеология.

Процесс становления государственности исчислялся временем десятков поколений. В конечном итоге он заявил о себе как ответ на первый исторический вызов. Сложившаяся социальная структура общества нашла свое выражение в политическом сознании общества и его личности с последующим закреплением в их правовом сознании. Но только с оформлением капиталистического способа производства и победой буржуазных общественных отношений политика, право и мораль предстают как отражение состояния общества, фетишизация товара, денег и капитала; отчуждение индивида от всего, от всех и от самого себя. В последнем акте в государственной машине просматривается «спящая клетка социальной онкологии». Это своеобразный маркер, свидетельствующий, что «авторитет власти» не выдержит проверку на прочность и абсолютное долголетие.

Длительный период государство дарило, организовывало, направляло и контролировало любую социально значимую деятельность людей, но пришло время, и «спящая клетка» проснулась.

Государственность стала демонстрировать усталость. Пристальное внимание к этому факту побудило мыслителей отреагировать на это состояние государства. Особо их беспокоила трансформация бюрократии из системы обеспечения регламента жизни общества в систему самообеспечения. Критический взгляд и анализ сложившейся ситуации побудил мыслителей Нового вре-

мени поднять вопрос о внесударственной общественной деятельности, которая могла бы частично компенсировать усталость государства, оказать ему существенную помощь. В работах Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье была представлена идея гражданского общества. Эта идея предполагала возможность внутри общества сформировать ассоциацию свободных, активно действующих людей, преследующих свои цели, но осознающих, что их личная жизнь протекает в лоне жизни общества и что от их усилий зависит благополучие всего общества. Такая постановка вопроса вызвала необходимость поиска взаимосвязи гражданского общества с институтом государства, поиска компромисса, ибо изначально гражданское общество заявило о себе в двух ипостасях. Оно – оппонент государства, но одновременно и его соучастник в решении актуальных проблем текущего момента. Гражданское общество – это не абстракция, а реальная ассоциация людей как подданных государства и как граждан свободного сообщества. Такое противоречие ставит под сомнение социальную целостность самого индивида, ставит его в каждом случае перед выбором. В конечном итоге это противоречие обретает характер противостояния «авторитета власти» и «власти авторитета» в образе народного согласия. Возникает эффект двойного статуса индивида, рождающий недоразумения. В границах гражданского общества индивид – активное, суверенное лицо. В границах государства он уже не субъект, а объект внимания, а подчас и манипулирования, заботы и наказания.

Казалось бы, появление гражданского общества – это дополнительная помощь государству, но это и индикатор, свидетельствующий о том, что «авторитет власти» в лице государственности исчерпал свой потенциал, и на повестке дня – поиск новой системы общественных координат.

Уже сейчас идет поиск ответа на вопрос о его замене. Что придет на его место? Схема «тезис-антитезис-синтез» (потенциально новый тезис) кроет в себе ответ. Вряд ли это будет гражданское общество, ибо оно имеет свою «ахиллову пята». В гражданском обществе все вопросы решаются в пользу большинства. Большинство – это действительно сила, но далеко не всегда истина. Противоречия между меньшинством и большинством, как правило, ведут к тяжбам и недоразумениям, что ставит под сомнение дееспособность гражданского общества. Гражданское общество можно рассматривать в качестве звена переходного периода, когда «верхи не могут, а низы не хотят», а поиск оптимальной системы общественных координат еще продолжается. Какой будет эта система, покажет время. Пока что можно предположить, что новая система что-то

возьмет от первой системы – «власти авторитета», а что-то и от «авторитета власти». Это «что-то» является положительным, наработанным и проверенным опытом.

Конечно, феномен государства многолик. Причина тому – далекое прошлое в форме общины как последней инстанции «власти авторитета». История сохранила только четыре типа общины, и их специфика не ушла в небытие. В каждом случае она вошла в культуру конкретной общности людей и продолжает жить в сложившихся традициях и обычаях. Вероятно, этим можно объяснить тот факт, что даже нынешняя национальная государственность разных стран отличается друг от друга спецификой прошлого общежития людей.

В целом, государство, как и любой другой феномен «бытия в мире», имеет свою историю рождения, становления, развития, расцвета и угасания, ибо все, что имеет свое начало, устремлено к своему завершению, к своей летальности. Не является исключением и государство. Его не было. Оно появилось в ответ на необходимость. Оно прекратит свое существование, когда исчезнет в нем потребность.

Первая и Вторая мировые войны, а также их последствия вызвали к жизни научно-техническую революцию XX века. Революция подарила человечеству триаду, которая существенно повысила производительность труда на производстве, внесла свой вклад в здравоохранение, образование, урбанизацию. Это: автоматизация, роботизация, компьютеризация. Но у прогресса есть своя тень – регресс. Новые возможности породили новые проблемы, и они обусловили возникновение феномена глобализации мира с намерением его последующего передела.

Глобализация и её первые последствия ускорили угасание государственности. Этому способствовала и новая триада очень сомнительного прогресса в формате цифровизации, чипизации и искусственного интеллекта. Эта триада подстегнула структурное переформатирование человечества: страны объединяются в блоки, союзы, центры силы. Национальная государственность теряет свой суверенитет. От государственности остается только флаг, гимн, герб и... нерешаемые социальные проблемы. В социальном «болоте» нарастает хаос и желание «поймать свою рыбку». Речь идет о том, что вчерашняя базисная опора и проводник государственной политики и права – бюрократия – из системы обеспечения регламента жизни общества и жизнедеятельности общественного человека трансформируется в систему самообеспечения, о чем свидетельствует коррупция (продажность), замешанная на обмане и самообмане.

Всё это свидетельствует о новом, втором историческом вызове, который можно рассматривать как реакцию на уставшее государство. «Авторитет власти» выполнил свое назначение, исчерпал свой потенциал и перед лицом новых проблем XXI века должен уступить место новой системе общественных координат.

Тезису «власть авторитета» противостоял антитезис «авторитет власти». А что будет в грядущем синтезе – вопрос остается открытым. Поиск новой системы общественных координат продолжается с надеждой на успех. Кто ищет, тот когда-нибудь найдет достойный ответ на современный исторический вызов.

Список литературы:

- [1] Аксаков И.С. В чем сила России?–М.: ЭКСМО, 2019. – 608 с.
- [2] Андреев И. Л. Происхождение человека и общества. – М.: Мысль, 1988. – 415 с.
- [3] Боден Ж. Шесть книг о государстве. – М., 2022. – 697 с.
- [4] Гоббс Т. Левиафан. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.
- [5] Гумилев Л.Н. От Руси до России.–М.: Изд-во АСТ, 2003. – 415 с.
- [6] Макиавелли Н. Государь. Рассуждения на первую декаду Тита Ливия. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 270 с.
- [7] Монтень М. Опыты. Кн. I, II. – СПб., 1993.
- [8] Тейлор Э. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
- [9] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 21. – С. 28–178.

References:

- [1] Aksakov I.S. What is the strength of Russia? –M.: EKSMO, 2019. - 608 s.
- [2] Andreev I. L. The origin of man and society. - M.: Thought, 1988. - 415 s.
- [3] Boden J. Six books on the state. - M., 2022. - 697 p.
- [4] Hobbes T. Leviathan. - M.: Thought, 2001. - 478 s.
- [5] Gumilyov L.N. From Russia to Russia. - M.: Publishing house AST, 2003. - 415 s.
- [6] Machiavelli N. Sovereign. Reasoning for the first decade of Titus Livius. - St. Petersburg: ABC Classic, 2007. - 270 s.
- [7] Montaigne M. Experiments. Kn. I, II. - St. Petersburg, 1993.
- [8] Taylor E. Primitive Culture. - M.: Politizdat, 1989. - 573 s.
- [9] Engels F. The origin of the family, private property and the state//Marx K., Engels F. Works. - 2nd ed. - VOL. 21. - S. 28-178.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-56-61

ВАСИЛЬЕВА Светлана Валерьевна,
К.ю.н., доцент кафедры юриспруденции
Смоленского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
e-mail: smol@ranepa.ru

ФЕДОСКИН Николай Николаевич,
К.п.н., доцент кафедры юриспруденции
Смоленского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
e-mail: nnfedoskin@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье анализируется санкционная политика западных стран в отношении Российской Федерации и правовые способы преодоления последствий во внешнеэкономической деятельности государства. Разработка эффективных правовых методов предотвращения, смягчения последствий санкций в настоящее время является актуальной проблемой. Санкционное давление оказывает комплексное воздействие как на субъекты внешнеэкономической деятельности (ВЭД), так и на государство в целом. Эти последствия затрагивают правовые, экономические и институциональные аспекты, требуя адаптации к новым условиям. В результате исследования, авторы приходят к выводу, что адаптация правового обеспечения в условиях санкций представляет собой сложный и противоречивый процесс. С одной стороны, она демонстрирует высокую гибкость и оперативность законодателя, способного в сжатые сроки создавать сложные правовые конструкции для решения острых экономических и социальных проблем, формирование новых правовых институтов. С другой стороны, эта адаптация сопряжена с системными издержками, среди которых рост роли публично-правовых, административных методов регулирования в ущерб частноправовым началам, правовая неопределенность, усиление конфронтации в международном праве и рост судебных рисков и как следствие потенциальное долгосрочное снижение инвестиционной привлекательности юрисдикции.

Ключевые слова: санкционная политика, международное право, внешнеэкономическая деятельность, правовая конструкция, гражданское право.

VASILYEVA Svetlana Valeryevna,
Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Legal Disciplines
of the Smolensk Branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation

FEDOSKIN Nikolay Nikolaevich
PhD.,
Associate Professor of the Department
of Legal Disciplines of the Smolensk Branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

THE IMPACT OF SANCTIONS ON THE LEGAL SUPPORT OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY

Annotation. *The article analyzes the sanctions policy of Western countries towards the Russian Federation and the legal ways to overcome the consequences in the foreign economic activity of the state. The development of effective legal methods to prevent and mitigate the effects of sanctions is currently an urgent problem. The sanctions pressure has a complex impact both on the subjects of foreign economic activity (FEA) and on the state as a whole. These consequences affect legal, economic and institutional aspects, requiring adaptation to new conditions. As a result of the study, the authors conclude that the adaptation of legal support in the context of sanctions is a complex and contradictory process. On the one hand, it demonstrates the high flexibility and efficiency of the legislator, who is able to create complex legal structures in a short time to solve acute economic and social problems, and form new legal institutions. On the other hand, this adaptation is associated with systemic costs, including the growing role of public law and administrative regulatory methods to the detriment of private law principles, legal uncertainty, increased confrontation in international law and increased judicial risks, and as a result, a potential long-term decrease in the investment attractiveness of the jurisdiction.*

Key words: *sanctions policy, international law, foreign economic activity, legal structure, civil law.*

Санкции – это ограничительные меры, вводимые государствами или международными организациями для достижения политических или экономических целей. Они оказывают значительное влияние на международные отношения, экономику и правовую систему стран-адресатов.

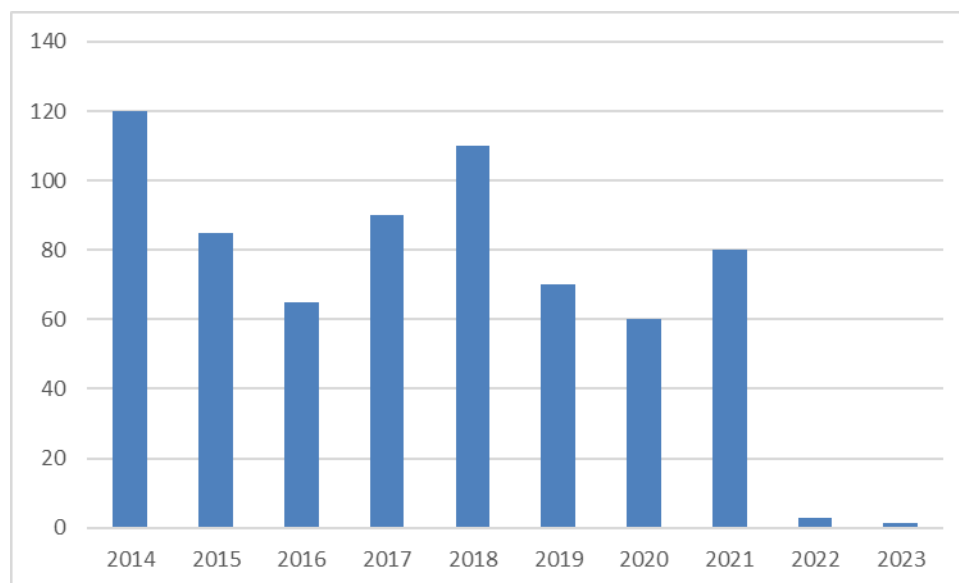
Современная система санкций представляет собой сложный многоуровневый механизм воздействия на государства. Анализ позволяет выделить следующие основные виды санкций (таблица 1):

Таблица 1. Классификация санкционных мер по различным критериям

Критерий классификации	Виды санкций	Характеристика	Примеры
По субъекту применения	Индивидуальные	Направлены против конкретных физических/юридических лиц	Санкции против российских бизнесменов (2022)
	Секторальные	Воздействуют на отдельные отрасли экономики	Ограничения на нефтегазовый сектор РФ
По характеру воздействия	Торговые	Ограничения экспорта/импорта	Эмбарго на поставки высокотехнологичной продукции
	Финансовые	Блокировка активов, ограничения расчетов	Отключение российских банков от SWIFT
По правовому основанию	Односторонние	Вводятся отдельными государствами	Санкции США против Ирана
	Многосторонние	Принимаются международными организациями	Резолюции Совета Безопасности ООН

Санкционная политика в отношении Российской Федерации за последнее десятилетие претерпела значительные изменения, отражая эволюцию геополитической обстановки. Диаграмма

представляет динамику введения ограничительных мер против России с 2014 по 2023 год, позволяя визуализировать ключевые этапы эскалации санкционного давления.

Динамика введения санкционных мер против РФ (2014-2023 гг.)

График демонстрирует резкий рост количества санкционных мер, введенных против России начиная с 2014 года. Можно выделить несколько ключевых периодов:

2014–2021 гг. – умеренный рост ограничений, связанных с событиями в Крыму и на востоке Украины. Основными инициаторами выступили США и ЕС, введя точечные санкции против отдельных лиц и компаний.

Февраль 2022 г. – переломный момент, характеризующийся экспоненциальным увеличением количества санкций.

Особый интерес вызывает период после февраля 2022 года, когда в ответ на специальную военную операцию на Украине западные страны предприняли беспрецедентные по масштабам ограничительные меры. В течение первых месяцев 2022 года были приняты пакеты жестких ограничений, затрагивающих банковскую сферу, торговлю, технологии и транспорт.

2022–2023 гг. – продолжение наращивания санкционного давления, включая расширение списка физических и юридических лиц, запреты на импорт/экспорт стратегических товаров и ужесточение финансовых ограничений.

Данная динамика наглядно иллюстрирует, как санкционная политика перешла от точечных ограничений к системному давлению на экономику России. Такая эскалация неизбежно повлекла за собой серьезные правовые и экономические последствия, которые требуют детального рассмотрения. В частности, нарастание санкций после 2022 года привело к необходимости масштабной адаптации российской правовой системы

к новым условиям, что проявилось в принятии ряда антисанкционных мер и корректировке внешнеэкономической деятельности.

Торговые ограничения (40%) - включают эмбарго на поставки товаров двойного назначения, нефтегазового оборудования и других стратегических товаров.

Финансовые санкции (30%) - заморозка активов, ограничения на операции с ценными бумагами, запрет на инвестиции.

Персональные ограничения (20%) - санкционные списки физических лиц и компаний (запрет на въезд, блокировка активов).

Иные меры (10%) - транспортные ограничения, запреты на услуги и т.д.

Диаграмма наглядно демонстрирует, что основу санкционной политики ЕС составляют торговые ограничения (40%), что отражает стремление ограничить доступ России к критическим технологиям и товарам. Финансовые санкции (30%) направлены на изоляцию российской экономики от международной финансовой системы. Персональные ограничения, хотя и составляют меньшую долю (20%), играют важную символическую и политическую роль. Последствия затрагивают правовые, экономические и институциональные аспекты, требуя адаптации к новым условиям. Последствия для субъектов внешнеэкономической деятельности:

1. Ограничение доступа к международным рынкам. Санкции приводят к сокращению возможностей ведения бизнеса с иностранными контрагентами, в частности, запреты на экспорт/импорт – компании сталкиваются с ограничениями на поставки определенных

товаров (например, высокотехнологичной продукции, энергоносителей).

Утрата ключевых рынков сбыта – санкционные меры могут блокировать доступ к традиционным партнерам, вынуждая искать альтернативные направления торговли (Китай, Индия, страны Ближнего Востока).

Сложности с логистикой – транспортные ограничения (закрытие воздушного пространства, запреты на судоходство) увеличивают сроки и стоимость поставок.

2. Усложнение расчетных операций. Финансовые ограничения создают значительные препятствия для международных платежей:
 - отключение от SWIFT – лишает банки возможности проводить транзакции в долларах и евро;
 - блокировка корреспондентских счетов – усложняет расчеты по внешнеторговым контрактам;
 - запреты на использование иностранных платежных систем (Visa, Mastercard) – ограничивает операции компаний и частных лиц.
3. Риски досрочного прекращения контрактов. Санкции провоцируют рост числа форс-мажорных ситуаций:
 - односторонний отказ зарубежных партнеров – из-за опасений вторичных санкций;
 - судебные споры – арбитражные разбирательства по вопросам исполнения обязательств;
 - проблемы с гарантиями и страхованием – международные страховые компании отказываются покрывать риски санкционных юрисдикций.

В 2022 году ряд западных компаний (Shell, BP) объявили о выходе из проектов в России, ссылаясь на санкционные риски [1].

В международной практике для преодоления негативных последствий прежде всего вносят изменения в национальное законодательство.

Коррекция правовой базы выражается в принятии антисанкционных законов и мер по защите экономики (например, запрет на вывод капитала, принудительное лицензирование иностранных активов). Вводят изменения в валютном регулировании путем ужесточения контроля за обменными операциями, протекционистская политика и поддержка бизнеса.

В РФ в 2022-25 гг. был принят ряд законов о «резидентских» юрисдикциях, позволяющих перерегистрировать иностранные активы под российскую юрисдикцию. Создаются альтернативные системы, снижающие зависимость от западных институтов:

- финансовые (национальные платежные системы, стимулирование расчетов в национальных валютах);

- технологические (импортозамещение в критических отраслях (IT, промышленность, локализация производств). Например, Россия расширила использование системы СПФС (аналог SWIFT) и перевела часть расчетов с Китаем на юани.

Санкции заставляют РФ корректировать внешнеполитический курс, приостановкой участия в соглашениях, где доминируют санкционные страны. Уделяется большое внимание созданию альтернативных союзов, прежде всего через углубление сотрудничества с недружественными к западным санкциям странами (БРИКС, ЕАЭС).

Действенным механизмом становятся «ответные ограничительные меры – контрсанкции (запрет на импорт товаров, ограничения для иностранных компаний)» [2]. В последние три года Россия ввела запрет на экспорт некоторых товаров в «недружественные страны» и ограничила деятельность иностранных IT-компаний.

Введение режимов ограничительных мер (санкций) иностранными государствами создает для национальной правовой системы экстраординарный вызов. Правовое обеспечение, выстроенное в период глобальной экономической интеграции, зачастую оказывается неэффективным или даже контрпродуктивным в новых условиях. Следовательно, возникает объективная необходимость в его адаптации – целенаправленном и системном преобразовании комплекса правовых норм, институтов и практик для нейтрализации негативных последствий санкций и обеспечения устойчивого функционирования экономики и социальной сферы. Адаптация не является разовым актом, а представляет собой непрерывный динамический процесс, включающий суверенизацию правового регулирования, стимулирование импортозамещения, поддержку бизнеса, защиту активов и стабилизацию финансовой системы.

Суверенизация правового регулирования предполагает ослабление зависимости от иностранных, прежде всего, западных, правовых стандартов, институтов и процедур.

Первым шагом в этом направлении стал пересмотр участия России в международных договорах и организациях, решения которых в новых условиях стали рассматриваться как угроза национальной безопасности и экономическому суверенитету. В качестве примера можно привести выход из Совета Европы и связанную с этим денонсацию Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это повлекло за собой кардинальную перестройку системы защиты прав человека на национальном уровне, включая создание механизма обжалования решений в новой, Третьей кассационной инстанции Верховного Суда РФ, которая взяла на себя функции, схожие с теми, что выполнял Европейский

Суд по правам человека. Суверенизация проявилась в создании автономных от международного влияния правовых режимов в критически важных отраслях. Ярким примером является законодательство о так называемом «принудительном лицензировании» (ст. 1362 ГК РФ) [3], позволяющее правительству в интересах обороны и безопасности разрешить использование изобретения, полезной модели или промышленного образца без согласия правообладателя, если последний является гражданином или юридическим лицом недружественного государства. Данная мера, с одной стороны, направлена на обеспечение технологической независимости, а с другой – создает серьезные риски для защиты интеллектуальных прав в долгосрочной перспективе.

В сфере частного международного права наблюдается тенденция к вытеснению иностранного права из договорных и корпоративных отношений. Законодатель активно вводит императивные нормы, обязывающие использовать российское право для регулирования сделок в определенных сферах (например, для концессионных соглашений, соглашений о государственном частном партнерстве). Кроме того, получил развитие институт «внутреннего права», позволяющий российским компаниям исключать применение иностранного права к своим корпоративным спорам. Адаптация правового обеспечения немыслима без комплекса мер, направленных на сохранение жизнеспособности отечественного бизнеса, столкнувшегося с разрывом цепочек поставок, блокировкой расчетов и технологическим эмбарго. В ответ на массовые банкротства, обусловленные западными санкциями, был введен беспрецедентный по своим масштабам мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям кредиторов в отношении лиц, подпавших под ограничительные меры (так называемый «антисанкционный» мораторий). В Федеральный закон № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» были внесены поправки [4] позволившие компаниям-«санкционкам» получить «передышку» для реструктуризации бизнеса и расчетов с контрагентами без угрозы немедленного банкротства. Параллельно были упрощены процедуры реструктуризации долгов для граждан и субъектов МСП, оказавшихся в сложной финансовой ситуации по причинам, не зависящим от них.

Инструментарий стимулирования импортозамещения был существенно расширен. Модель специальных инвестиционных контрактов была модернизирована (СПИК 2.0), сделав акцент на создание новых промышленных продуктов и технологий, не имеющих отечественных аналогов. В рамках таких контрактов инвесторам предоставляются меры государственной поддержки (субсидии, налоговые льготы, гарантии), а государство,

в свою очередь, получает обязательства по локализации производства. Правовой режим Особых экономических зон (ОЭЗ) также был скорректирован для привлечения резидентов, ориентированных на замещение импорта.

В условиях дефицита отдельных видов продукции и сырья были внесены временные изменения в законодательство о контрактной системе. В частности, был упрощен порядок закупок у единственного поставщика для обеспечения обороноспособности и безопасности государства. ФАС России получила полномочия по установлению временного порядка согласования сделок в рамках госконтроля за концентрацией, что позволило ускорить процессы реорганизации бизнеса, необходимые для адаптации [5, с.42].

Одной из наиболее чувствительных сфер воздействия санкций является финансовая и имущественная. В ответ были разработаны и внедрены механизмы, направленные на защиту активов российских юридических и физических лиц, а также на недопущение коллапса финансовой системы.

Наиболее резонансной мерой стал институт временного управления в отношении имущества лиц, связанных с недружественными государствами введенный Указом Президента РФ от 01.03.2022 N 81 (с изм. от 20.05.2024) «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» [6]. Данная мера, носящая ответный характер, позволила ввести внешнее управление в отношении активов, значимых для устойчивости российской экономики, но принадлежащих иностранным инвесторам из недружественных стран. В дальнейшем законодательство было дополнено возможностью их принудительного отчуждения в пользу российских юридических лиц или государства.

Для стабилизации финансового рынка и предотвращения оттока капитала были введены жесткие временные ограничения на валютные операции. Среди которых, следует выделить обязанность продажи валютной выручки экспортерами, ограничения на переводы средств за рубеж в пользу нерезидентов из недружественных стран, запрет на вывод средств в иностранной валюте с брокерских счетов. Эти меры, носящие чрезвычайный характер, позволили «заморозить» ситуацию и дать время финансовым властям и бизнесу на адаптацию, однако их долгосрочное применение может тормозить интеграцию в альтернативные финансовые системы.

Для минимизации последствий блокировки активов российских лиц за рубежом был введен специальный правовой режим, позволяющий обращать взыскание на имущество недружественных иностранных государств и их граждан на

территории РФ. Кроме того, законодательно закреплён принцип, согласно которому сделки с ценных бумагами, учитываемыми в российских депозитариях, регулируются российским правом, что призвано оградить инвесторов от иностранного санкционного законодательства [7].

Таким образом, адаптация правового обеспечения в условиях санкций представляет собой многогранный и противоречивый процесс. С одной стороны, она демонстрирует высокую гибкость и реактивность законодателя, способного в сжатые сроки создавать сложные правовые конструкции для решения острых экономических и социальных проблем. Были сформированы новые правовые институты (антисанкционные моратории, временное управление), модернизированы существующие (СПИК, ОЭЗ) и кардинально пересмотрены основы международно-правового позиционирования страны.

С другой стороны, эта адаптация сопряжена с системными издержками, среди которых следует отметить рост роли публично-правовых, административных методов регулирования в ущерб частноправовым началам; правовая неопределённость, вызванная быстрым изменением правил игры и применением «мер обратной силы»; усиление конфронтации в международном праве и рост судебных рисков; потенциальное долгосрочное снижение инвестиционной привлекательности отечественной юрисдикции. Эффективность адаптированного правового обеспечения будет определяться не только его способностью оперативно реагировать на вызовы, но и умением сохранить баланс между необходимостью защиты национальных интересов и соблюдением правовых гарантий, обеспечивающих устойчивое развитие в перспективе, что отмечалось в Указе Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [8].

Список литературы:

- [1] Индикаторы импортозамещения и структура импорта в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 25.01.2026).
- [2] Товарооборот между Россией и Китаем достиг рекордного уровня в 2024 году. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/20482000> (дата обращения: 26.01.2026).
- [3] «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.07.2025) // СЗ РФ. № 32. Ст. 3301.
- [4] Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ

(последняя редакция) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/

- [5] Рогова, Е. М. Роль государства в обеспечении экономической безопасности России в условиях внешнего давления / Е. М. Рогова // Экономика. Предпринимательство. Право. – 2023. – Т. 13, № 3. – С. 40–47.

[6] Указ Президента РФ от 01.03.2022 N 81 (с изм. от 20.05.2024) «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410578/

[7] Аналитический обзор по замещению импорта и развитию несырьевого экспорта. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://exportcenter.ru> (дата обращения: 26.01.2026).

[8] Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021, № 27. Ст. 5351.

References:

- [1] Import substitution indicators and import structure in Russia. - [Electronic resource]. - Access mode: <https://rosstat.gov.ru> (access date: 25.01.2026).
- [2] Trade between Russia and China reached a record high in 2024. - [Electronic resource]. - Access mode: <https://tass.ru/ekonomika/20482000> (access date: 26.01.2026).
- [3] "Civil Code of the Russian Federation (Part One)" dated 30.11.1994 N 51-FZ (as amended on 08.08.2024, as amended on 31.07.2025) //SZ RF. № 32. Art. 3301.
- [4] Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated 26.10.2002 N 127-FZ (latest edition)// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/
- [5] Rogova, E. M. The role of the state in ensuring the economic security of Russia in conditions of external pressure/E. M. Rogova//Economics. Entrepreneurship. Right. – 2023. - T. 13, NO. 3. - S. 40-47.
- [6] Decree of the President of the Russian Federation of 01.03.2022 No. 81 (as amended on 20.05.2024) " On additional temporary economic measures to ensure the financial stability of the Russian Federation " // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410578/
- [7] Analytical review on import substitution and development of non-primary exports. - [Electronic resource]. - Access mode: <https://exportcenter.ru> (access date: 26.01.2026).
- [8] Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation " //NW RF. 2021, № 27. Art. 5351.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-62-67

АЛЕКСЕЕВ Никита Сергеевич,
Московский университет имени С.Ю. Витте,
аспирант юридического факультета,
e-mail: nikitosalekseev@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Настоящая статья посвящена комплексному исследованию значимости искусственного интеллекта (ИИ) в инновационном развитии современного общества и экономики, а также возникающим при этом юридическим аспектам и вызовам. Проведен анализ правового регулирования ИИ в контексте инновационной деятельности в Российской Федерации. Рассмотрены важнейшие федеральные законы, формирующие правовую базу для функционирования ИИ-технологий: Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций», Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации». Отмечено, что указанные нормативные акты создают фундаментальные предпосылки для тестирования и коммерциализации инновационных разработок, но требуют дополнения и адаптации применительно к специфическим особенностям ИИ. Рассмотрено влияние ИИ на разные отрасли промышленности и социальной сферы, выделяя его потенциальные преимущества, среди которых ускорение научных открытий, повышение производительности труда, улучшение качества товаров и услуг, сокращение сроков выхода на рынок инновационных продуктов, снижение издержек производства и уменьшение риска ошибок. Одновременно отмечены имеющиеся барьеры и проблемы, препятствующие эффективному применению ИИ, включая потерю рабочих мест вследствие автоматизации, монополизацию рынка крупными игроками, нехватку четкого механизма распределения ответственности за действия автономных систем, неразрешенные вопросы авторского права и защиты интеллектуальной собственности.

Статья носит междисциплинарный характер, сочетая подходы юриспруденции, информатики, социологии и экономики, направлена на расширение научного понимания взаимодействия юридических норм и технологий искусственного интеллекта, формулирует конкретные законодательные инициативы, имеющие важное значение для дальнейшего развития цифрового сектора экономики Российской Федерации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, инновационная деятельность, правовое регулирование, юридическая ответственность, интеллектуальная собственность, инновационное развитие, вайбкодинг.

ALEKSEEV Nikita Sergeevich,
Moscow Witte University
graduate student of the Faculty of Law

LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN INNOVATION ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

Annotation. This article is devoted to a comprehensive study of the significance of artificial intelligence (AI) in the innovative development of modern society and economy, as well as the legal aspects and challenges arising from it. An analysis of the legal regulation of AI within the context of innovation activities in the Russian Federation has been conducted. The most important federal laws that form the legal framework for the functioning of AI technologies have been examined: Federal Law No. 258-FZ "On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations", Civil Code of

the Russian Federation, Federal Law №. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Protection of Information". It was noted that these regulatory acts create fundamental prerequisites for testing and commercialization of innovative developments but require supplementation and adaptation with regard to specific features of AI. The author provides an in-depth examination of the impact of AI on various industries and social sectors, highlighting its potential benefits such as acceleration of scientific discoveries, increase in labor productivity, improvement in quality of goods and services, reduction of time-to-market for new products, decrease in production costs, and minimization of error risks. At the same time, existing barriers and problems hindering effective application of AI are emphasized, including job losses due to automation, market monopolization by large players, lack of clear responsibility distribution mechanisms for autonomous systems' actions, unresolved issues regarding copyrights and intellectual property protection. The article has an interdisciplinary nature combining approaches from jurisprudence, computer science, sociology, and economics. Its aim is to expand scientific understanding of the interaction between legal norms and artificial intelligence technologies, proposing concrete legislative initiatives crucial for further development of Russia's digital economy sector.

Key words: artificial intelligence, innovative activity, legal regulation, legal liability, intellectual property, innovative development, vibe coding.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) играет ключевую роль в современной экономике и обществе, обеспечивая значительные преимущества в различных сферах жизнедеятельности человека. С помощью ИИ разрабатываются новые технологии, улучшаются производственные процессы и создаются уникальные продукты. Однако с ростом применения ИИ возникает необходимость в его правовом регулировании, которое обеспечит защиту прав граждан, бизнеса и государства.

До широкого внедрения ИИ в повседневную работу органов государственной власти, субъектов экономики и организаций различных сфер деятельности, написание программ осуществлялось в ручном формате реальным человеком-разработчиком. Но в 2025 году появилось такое понятие как вайбкодинг (англ. vibe coding – «интуитивное программирование») – современный подход к разработке программного обеспечения, при котором искусственный интеллект, в частности большие языковые модели (LLM), применяется для автоматического создания исходного кода с помощью нейросетевых агентов.

Данная технология позволяет преобразовывать текстовое описание задачи, сформулированное на обычном человеческом языке, в работоспособные программные инструкции) введённое в научный оборот словацко-канадским ученым-исследователем искусственного интеллекта Андреем Карпатым [7].

По мнению доктора юридических наук, профессора Бондаря Н.С. право в условиях цифровизации должно выступать регулятором научно-технологических процессов, «определять социально оправданный коридор вторжения человека в искусственный мир новых технологий» [2]. В ближайшей перспективе существует высокая вероятность признания интеллектуальных

устройств, основанных на технологиях ИИ, в качестве самостоятельных охраняемых объектов интеллектуальной собственности. Такие устройства, функционирующие за счёт интеграции микропроцессорных компонентов и специализированных алгоритмов машинного обучения, способны реализовывать инновационные архитектурные решения в области вычислительных систем. Их правовой статус может быть закреплён через включение в перечень охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, предусмотренный статьёй 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации [8] (ГК РФ), что потребует разработки новых механизмов регистрации исключительных прав.

Ключевым фактором развития ИИ выступает конвергентное знание, синтезирующее достижения математики, естественных наук и социально-гуманитарных дисциплин. Этот междисциплинарный подход порождает уникальные правовые категории, такие как «искусственный интеллект», «технологическое решение» и «массив данных», которые требуют адаптации традиционных цивилистических конструкций. Например, вопросы авторства в создании самообучающихся систем или определения ответственности за решения, сгенерированные алгоритмами, ставят перед законодателем задачи переосмысления классических норм.

Таким образом, эволюция правового регулирования в данной сфере будет связана не только с расширением перечня объектов охраны, но и с формированием специализированных критериев для защиты инновационных продуктов. Это позволит обеспечить баланс между стимулированием технологического прогресса и соблюдением интересов правообладателей в условиях цифровой трансформации.

В Российской Федерации развитие ИИ определено стратегическим приоритетом в соответствии с Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [9]. В данном Указе раскрывается понятие искусственного интеллекта, закладывается стратегия развития ИИ, а также указаны меры финансовой поддержки научных исследований, образовательных инициатив и проектов в области ИИ. Указ стал важным этапом в формировании политики Российской Федерации относительно развития искусственного интеллекта и представляет собой стратегический ориентир для государственных органов власти, бизнеса и научного сообщества, где ИИ выступает инструментом решения социально-экономических задач.

Федеральный закон № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций» [10] устанавливает правовые основы для проведения экспериментов с использованием новых технологий, включая ИИ. Этот закон позволяет органам государственной власти создавать специальные условия для тестирования инновационных решений, обеспечивая баланс между необходимостью защиты потребителей и стимулирования развития бизнеса.

Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [11] устанавливает общие принципы обработки персональных данных и защиты информации. Использование ИИ часто связано с обработкой больших объемов данных, что создает риски нарушения конфиденциальности и безопасности пользователей.

Несмотря на наличие указанных законов, существует ряд проблем, связанных с правовым регулированием ИИ. Одна из основных проблем заключается в отсутствии четких норм, определяющих ответственность за ущерб, причиненный действиями алгоритмов ИИ. Например, в случае аварии беспилотного автомобиля сложно определить, кто несет ответственность: производитель программного обеспечения, владелец транспортного средства или сам алгоритм.

Еще одной проблемой является защита интеллектуальной собственности. Разработка ИИ-технологий требует значительных инвестиций, однако отсутствие ясных механизмов защиты интеллектуальных прав снижает стимулы для инвестирования в инновационные проекты. Статья 1225 ГК РФ перечисляет объекты интеллектуальной собственности, однако созданные ИИ произведения и изобретения прямо не предусмотрены законом. Возникают вопросы о принадлеж-

ности авторских прав на результаты творчества ИИ, а также о возможности выдачи патентов на изобретения, сделанные машинами.

По мнению профессоров В.Н. Синельниковой и О.В. Ревинского, инновационные технологии по своей сути являются лишь инструментом. Итоговый продукт интеллектуальной деятельности, созданный с их помощью, порождает права, которые правомерно принадлежат авторам — программистам или разработчикам соответствующего оборудования [5].

На сегодняшний день судебная практика склоняется именно к этому мнению, что ИИ является лишь инструментом, а авторские права принадлежат физическому лицу, чей творческий вклад очевиден [12].

Кроме того, возникает проблема этического характера. Многие технологии ИИ способны принимать самостоятельные решения, влияющие на жизнь людей. Искусственный интеллект — это сила, которая нуждается в постоянном регулировании для гарантий от ее злоупотребления [1]. Это ставит перед законодателями задачу разработки норм, гарантирующих справедливость, безопасность и прозрачность принятия решений.

По мнению юриста-исследователя Соломонова Е.В., необходимо учитывать, что у ИИ априори отсутствуют эмпатия, представления о морали и нравственности (они не могут быть заменены программными запретами на причинение ущерба). Соответственно, с субъективной стороны совершённых деяний, повлёкших причинение вреда, не может идти и речи, сам ИИ не может осознавать последствия своих вредных действий и меры юридической ответственности неприменимы к нему [6].

Международный опыт показывает, что многие страны сталкиваются с аналогичными проблемами. Европейская комиссия разработала рекомендации по этическому использованию ИИ [3], включающие требования к прозрачности, справедливости и ответственности. Китай также принял меры по созданию правовой базы для регулирования ИИ, включая создание специальных зон для тестирования новых технологий.

Исследовав основные моменты правового регулирования искусственного интеллекта, его преимуществ и проблем, автор предлагает рассмотреть роль искусственного интеллекта в инновационной деятельности.

Искусственный интеллект (ИИ) занимает центральное положение в современном процессе инноваций, выступая катализатором изменений практически во всех отраслях экономики и социальной сферы. Его применение способствует повышению эффективности производственных процессов, улучшению качества товаров и услуг, а

также снижению временных и материальных затрат на реализацию инновационных проектов. Благодаря способности обрабатывать огромные объемы данных и выявлять скрытые закономерности, ИИ значительно сокращает сроки вывода новых продуктов на рынок и повышает точность принимаемых управленческих решений.

Успешное применение ИИ способно повысить эффективность работы экономики, снизить операционные издержки и увеличить конкурентоспособность на мировых рынках [4].

Примеры успешного внедрения ИИ в инновационную деятельность многочисленны. В медицине ИИ используется для диагностики заболеваний, разработки индивидуальных методов лечения и предсказания эпидемий. В сельском хозяйстве он оптимизирует процессы выращивания культур и ухода за животными, снижая затраты и увеличивая урожайность. В энергетике ИИ управляет энергосистемами, позволяя эффективно распределять энергоресурсы и предотвращать аварийные ситуации. В финансовом секторе ИИ обеспечивает быстрое принятие инвестиционных решений, выявление мошенничества и управление рисками.

Преимущества ИИ в инновационной деятельности многообразны и охватывают широкий спектр сфер человеческой деятельности:

- повышение производительности труда: автоматизация рутинных операций освобождает человеческий ресурс для творческой и стратегической деятельности;
- оптимизация расходов: сокращаются затраты на персонал, сырье и энергию благодаря точной настройке производственных процессов;
- обработка большого объема данных: ИИ позволяет обрабатывать огромные массивы информации быстрее и точнее, чем традиционные методы анализа. Это особенно важно в областях биологии, медицины, физики и инженерии, где требуются интенсивные вычислительные мощности для моделирования и симуляции экспериментов;
- прогнозирование результатов: модели глубокого обучения позволяют строить точные прогнозы относительно будущих состояний системы, снижая риски неудачных проектов и увеличивая вероятность успеха новых идей.

Вместе с тем, существуют и существенные недостатки ИИ в инновационной деятельности, которые требуют внимания:

- потеря рабочих мест: массовая автоматизация ведет к вытеснению человеческого труда, создавая социальную напряженность;

- неопределенность ответственности: возникают значительные трудности при определении лиц, несущих ответственность за последствия действий автономных систем ИИ. Особенно остро этот вопрос встает в ситуациях аварий, нарушений прав собственности или случаев нанесения вреда третьим лицам;
- невозможность точного определения авторства: создание произведений искусства, музыки, литературы и технических решений посредством ИИ порождает серьезные вопросы относительно принадлежности авторских прав, так как законом не установлено, кого считать автором: разработчика программы, владельца оборудования или саму систему;
- монополизация рынков: ведущие игроки получают конкурентные преимущества, способные подавлять стартапы и вытеснять мелких производителей.

Для устранения перечисленных недостатков и проблем предлагаются следующие меры:

Создание специализированного института судебной экспертизы, занимающегося расследованием случаев нанесения вреда системами ИИ. Современная судебная практика испытывает трудности с определением причин и обстоятельств возникновения вреда, связанного с работой ИИ. Обычные эксперты часто недостаточно компетентны в анализе алгоритмов и моделей машинного обучения. Создание данного института обеспечит квалифицированную оценку случаям нанесения вреда системами ИИ сформировав надежные экспертные заключения, позволяющие суду принимать обоснованные решения

В настоящий момент в Российской Федерации сформированы различные реестры, поэтому автором предлагается формирование реестра разработчиков и операторов ИИ-систем с обязательным страхованием гражданской ответственности. Часто возникают сложности с идентификацией ответственных лиц при возникновении ущерба, что затягивает рассмотрение дел и препятствует своевременной выплате компенсаций. Формирование вышеуказанного реестра даст четкое определение лиц, несущих ответственность за функционирование ИИ-систем.

Расширение списка охраняемых объектов интеллектуальной собственности, предусмотренных статьей 1225 ГК РФ, с учетом особенностей результатов деятельности ИИ. Современные нормы не позволяют однозначно отнести результаты деятельности ИИ к охраняемым объектам, что создает определенные правовые коллизии в гражданско-правовых отношениях.

Также автором предлагается принятие отдельного Федерального закона «О регулировании искусственного интеллекта», устанавливающего единые правила для всех сторон отношений с участием ИИ. Действующее законодательство фрагментарно и не отражает специфику современных реалий, что затрудняет правоприменение и правореализацию и создает пробелы в защите интересов граждан и бизнеса.

Принятие вышеуказанного закона объединит разрозненные нормы и создаст единую правовую базу, охватывающую все этапы жизненного цикла ИИ-систем: от проектирования и разработки до эксплуатации и утилизации. Одной из главных задач закона будет установление механизмов защиты результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием ИИ. Также будут установлены четкие критерии и процедуры определения ответственности за ущерб, нанесенный действием ИИ-систем.

Развитие искусственного интеллекта неизбежно приведет к глубоким изменениям в структуре экономики и общественной жизни. Правильное юридическое сопровождение этого процесса способно превратить вызовы в возможности, обеспечив гармоничное сосуществование человека и машины. Российская Федерация обладает всеми необходимыми предпосылками для лидерства в области правового регулирования ИИ, обладая мощным научным потенциалом, богатой культурной традицией и высоким уровнем образования населения.

Список литературы:

[1] Аминов, И. И. Правовое регулирование искусственного интеллекта: методологические принципы и подходы / И. И. Аминов, Ю. В. Лобанова // Устойчивое развитие: исследования, инновации, трансформация: Материалы XVIII Международного конгресса с элементами научной школы для молодых ученых. В 2-х томах, Москва, 08–09 апреля 2022 года / Отв. редакторы выпуска: А.В. Семёнов, П.Н. Кравченко. Том 1. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2022. – С. 1363-1370. – EDN YYAZIU.

[2] Бондарь, Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации / Н.С. Бондарь // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 25–42.

[3] Никитенко С.В. международно-правовое регулирование искусственного интеллекта: анализ текущего состояния и перспективы развития // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева № 2, том 1, 2021. – С. 156.

[4] Рыков Е.А. Инновационные процессы и методы с использованием искусственного интеллекта // Экономика и бизнес: теория и практика № 4-2 (98) С. 123.

[5] Синельникова В.Н., Ревинский О.В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. 2017. № 4. С. 17–27.

[6] Соломонов Е.В. юридическая ответственность искусственного интеллекта // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. – С. 65

[7] Практикум-блог// URL: <https://practicum.yandex.ru/blog/chto-takoe-vibe-coding/> (дата обращения: 26.01.2026).

[8] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 4) // Собрание законодательства РФ. – 25 декабря 2006. – № 52 (часть I). – Ст. 5496.

[9] Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»).

[10] Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 N 258-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 3 августа 2020. – № 31 (Часть I). – Ст. 5017.

[11] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»// Собрание законодательства РФ. – 31 июля 2006. – № 31 (Часть I). – Ст. 3448.

[12] Постановление Тринадцатого Арбитражного Апелляционного Суда от 6 февраля 2024 г. № 13АП-37912/23.

References:

[1] Aminov, I. I. Legal regulation of artificial intelligence: methodological principles and approaches/I. I. Aminov, Yu. V. Lobanova//Sustainable development: research, innovation, transformation: Materials of the XVIII International Congress with elements of a scientific school for young scientists. In 2 volumes, Moscow, April 08-09, 2022/Rev. editors of the issue: A.V. Semenov, P.N. Kravchenko. Volume 1. - Moscow: Moscow University. S.Yu. Witte, 2022. - S. 1363-1370. – EDN YYAZIU.

[2] Bondar, N. S. Information and digital space in the constitutional dimension: from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation/N. S. Cooper//Journal of Russian Law. – 2019. – № 11. - S. 25-42.

[3] Nikitenko S.V. International legal regulation of artificial intelligence: analysis of the current state and development prospects//Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev No. 2, volume 1, 2021. - S. 156.

[4] Rykov E.A. Innovative processes and methods using artificial intelligence//Economics and business: theory and practice No. 4-2 (98) P. 123.

[5] Sinelnikova V.N., Revinsky O.V. Rights to the results of artificial intelligence//Copyright. 2017. № 4. S. 17-27.

[6] Solomonov E.V. legal responsibility of artificial intelligence//Bulletin of Omsk University. "Right" series. 2025. - S. 65

[7] Practice blog//URL: <https://practicum.yandex.ru/blog/chto-takoe-vibe-coding/> (accessed on: 26.01.2026).

[8] Civil Code of the Russian Federation (Part 4)//Collection of Legislation of the Russian Federation. - December 25, 2006. - No. 52 (part I). - Art. 5496.

[9] Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 N 490 (as amended by

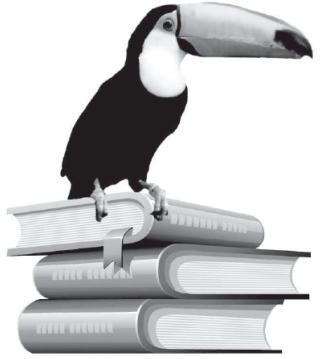
15.02.2024) "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030").

[10] Federal Law "On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital Innovations in the Russian Federation" of 31.07.2020 N 258-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. - August 3, 2020. - No. 31 (Part I). - Art. 5017.

[11] Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 "On Information, Information Technologies and Information Protection"//Collection of Legislation of the Russian Federation. - July 31, 2006. - No. 31 (Part I). - Art. 3448.

[12] Order of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated February 6, 2024 No. 13AP-37912/23.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-68-75

ФЕТИСОВА Оксана Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
независимый исследователь,
e-mail: offet@mail.ru

ПРИЕМНАЯ СЕМЬЯ: ВЗГЛЯД НА ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ С УЧЕТОМ ПРАКТИКИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию некоторых вопросов, касающихся приемной семьи, как формы семейного устройства детей, лишившихся родителей, которая, с одной стороны, строится по модели «стандартной» опеки (попечительства), а, с другой, характеризуется определенной «уникальностью» в виде договорного начала. Через детальное рассмотрение условий договора о приемной семье, автор делает вывод о возможности существования приемной семьи как опеки (попечительства) на возмездных началах вне плоскости договорных отношений. Второй вопрос, обозначенный автором, затрагивает реализацию права граждан на выбор варианта исполнения ими полномочий опекуна (попечителя), исходя из возможности получения вознаграждения. В результате автор обосновывает позицию, согласно которой выплата опекуну (попечителю) вознаграждения за воспитание «статусного» ребенка должна быть обусловлена исключительно уважительными причинами и оцениваться органами опеки и попечительства, исходя из интересов подопечного.

Ключевые слова: приемная семья, опека, попечительство, договор о приемной семье, устройство детей.

FETISOVA Oksana Vladimirovna,
PhD in law, Associate Professor,
independent researcher

FOSTER FAMILY: A LOOK AT INDIVIDUAL LEGISLATION PROVISIONS, TAKING INTO ACCOUNT THE PRACTICE OF THEIR APPLICATION

Annotation. This article explores several issues related to foster care as a form of family placement for children who have lost their parents. While this form is modeled on «standard» guardianship (custody), it is also characterized by a certain uniqueness in the form of a contractual arrangement. Through a detailed examination of the terms of the foster family agreement, the author concludes that foster families can function as paid guardianship (custody) outside of contractual relationships. The second issue raised by the author concerns the exercise of citizens' rights to choose how they exercise their guardianship (trustee) powers, based on their ability to receive compensation. Consequently, the author substantiates the position that the payment of compensation to a guardian (trustee) for raising a «status» child should be based solely on valid reasons and assessed based on the interests of the ward.

Key words: foster family, guardianship, trusteeship, foster family agreement, placement of children.

Неизменную на протяжении достаточно длительного времени правовую основу приемной семьи как способа, гаранти-

рующего детям, лишенным родительского попечения, права на семью, составляют правила, сформулированные в ст.ст. 152 - 153.2 Семейного

кодекса РФ [9] и в ст.ст. 14 и 16 Федерального закона РФ от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» [12] (Закон об опеке и попечительстве), «зарисованные» законодателем лаконичным способом, но с претензией на «уникальность» приемной семьи. Данные положения в основном сконструированы с применением особого метода, раскрывающегося в отсылке заинтересованных лиц к нормативным актам семейно-правового и гражданско-правового действия, регулирующим отношения по опеке (попечительству), что в целом соответствует общепринятому в настоящее время подходу к определению понятия приемной семьи, под которой понимается «опека или попечительство над несовершеннолетними детьми, обладающими специальным правовым статусом в силу утраты ими родительского попечения со стороны единственного или обоих родителей» [11], осуществляемые на возмездных началах, облеченных в форму договорных отношений.

Итак, отправной точкой в дальнейших рассуждениях выступает тезис о том, что приемная семья строится по модели «стандартной» опеки (попечительства), но с элементом договорного начала.

К кандидатам, выразившим желание стать опекунами (попечителями), а равно приемными родителями, предъявляются единые требования по их подбору, учету и подготовке, а также определен общий перечень лиц, которые в силу определенных причин (недостижение совершеннолетия, усеченная дееспособность, наличие строго поименованных заболеваний, судимости за совершение ряда преступлений, недобросовестное исполнение обязанностей родителя, усыновителя, опекуна (попечителя) в прошлом и пр.) исключаются из группы потенциальных претендентов на роль замещающих родителей «статусных» детей.

Логичным следствием единства вышеуказанных требований, предъявляемых к соискателям в данном случае, является обязательное получение заключения о возможности гражданина быть усыновителем или опекуном (попечителем) [7], новая форма которого утверждена Министерством просвещения РФ в 2024 году. Заключение представляет собой официальный документ правоупорождающего действия, который выдается органом опеки и попечительства после тщательной проверки представленных гражданином о себе сведений, обследования его жилищных условий, проведения социально-психологической диагностики, с положительным выводом о наличии у претендента возможности выполнять функцию опекуна (попечителя).

Принимая во внимание указанные закономерности, отметим, что, рассматривая кандидатуру претендента, орган опеки и попечительства оценивает его с позиции соответствия общим требованиям, предъявляемым к опекунам (попечителям), то есть на данном этапе не рассматривается вопрос о характере будущих отношений с точки зрения их возмездности или безвозмездности. Выбор формы опеки (попечительства) может быть сделан гражданином в дальнейшем. В случае принятия им решения о возмездном характере исполнения своих функций, соответствующее заявление в орган опеки и попечительства может быть подано непосредственно при приеме ребенка в семью, либо в любой момент в процессе исполнения опекуном (попечителем) своих полномочий на условиях безвозмездности.

Переход «безвозмездной» опеки (попечительства) в «возмездную» опеку (попечительство), в терминологии Семейного кодекса РФ - в приемную семью, не предполагает необходимости получения действующим опекуном (попечителем) нового «кандидатского» заключения, поскольку в данном случае речь не идет о смене формы семейного устройства оставшегося без родителей ребенка. Иное дело, если гражданин в статусе опекуна (попечителя) инициирует процедуру усыновления своего подопечного.

Правовой статус опекунов (попечителей), действующих безвозмездно, в полном объеме совпадает с правовым статусом приемных родителей, получающих плату за воспитание подопечных детей.

Орган опеки и попечительства, взаимодействуя с семьями опекунов (попечителей) и семьями приемных родителей, использует единый стандартный набор средств, с помощью которых осуществляется контроль за деятельностью замещающих родителей, направленных на оценку условий жизни подопечных детей и степени защищенности их прав, что выражается, например, в получении сведений из медицинских, образовательных организаций, которые посещают дети, в проведении плановых (внеплановых) проверок в установленные сроки, в запросе ежегодного отчета, отображающего источники и суммы доходов несовершеннолетнего подопечного, а также статьи расходов на его нужды.

Тождество также заключается и в том, что прекращение обязанностей опекунов (попечителей) и родителей-воспитателей (путем освобождения или отстранения) происходит по единым основаниям и правилам, установленным ст. 39 Гражданского кодекса РФ [1] и ст. 29 Закона об опеке и попечительстве.

С позиции действующего законодательства РФ заключение договора о приемной семье меняет характер отношений опеки (попечительства), переводя их в иную правовую форму - приемную семью.

Заключению договора о приемной семье всегда предшествует обязательный этап: издание органом опеки и попечительства акта о назначении гражданина опекуном или попечителем, исполняющим свои обязанности возмездно. Такой документ может издаваться в форме приказа, постановления или распоряжения в зависимости от подведомственности органа опеки и попечительства. Иными словами, акт всегда выступает первичным звеном в цепочке правоустанавливающих звеньев, за которым следует договор. В силу акта органа опеки и попечительства гражданин обретает статус опекуна (попечителя) в объеме всех предусмотренных законодательством прав и обязанностей, а также санкционируется его право на получение вознаграждения через процедуру подписания договора о приемной семье [5, с. 223].

Таким образом, акт органа опеки и попечительства, предусматривающий выплату опекуну (попечителю) вознаграждения, характеризуется двумя отличительными признаками. Первый из них фиксирует факт передачи ребенка под опеку (попечительство), в силу чего он переходит в разряд детей с семейным статусом, которого был лишен ранее. Второй признак характеризует положение лица, принимающего ребенка на воспитание. Он именуется в дальнейшем опекуном (попечителем) с соответствующим набором прав и обязанностей, включая право на вознаграждение.

В силу ст. 153.1 Семейного кодекса РФ в тексте договора о приемной семье надлежит указывать сведения о ребенке, передаваемом в семью, в части касающейся его фамилии, имени, отчества, возраста и статуса. При устройстве в семью ребенка, имеющего особенности физического и (или) умственного развития, что, как правило, сопряжено с наличием у него инвалидности, подобного рода информация также, с позиции законодателя, должна быть отражена в договоре, что обусловлено вероятно двумя факторами. Первый заключается в том, что наличие инвалидности у приемного ребенка напрямую влияет на сумму ежемесячного вознаграждения, выплачиваемого приемному родителю. Обращение к законам субъектов РФ, например, Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, определяющим величину вознаграждения родителей-воспитателей, показывает, что размер выплаты зачастую увеличивается в 1,5 - 2 раза, если в семью на воспитание передается ребенок-инвалид. Вторым фактором состоит в том, что наличие особенностей

развития у подопечного в большинстве случаев накладывает на принимающих родителей дополнительные (нестандартные) обязанности, определяющие необходимость создания для такого ребенка специальных, максимально комфортных условий для его проживания, получения им образования, специализированной медицинской помощи и пр. Так, с учетом характера заболевания и индивидуальных потребностей подопечного, ему может быть показано, например, обучение в специализированном образовательном учреждении, прохождение психолого-медико-педагогической комиссии, если у ребенка имеются трудности в освоении общеобразовательной программы или отмечаются сложности в адаптации и (или) социализации, либо посещение профильных специалистов. С учетом физического развития ребенка, обусловленного заболеванием, ему могут требоваться специальные технические средства (кресло-коляска, слуховой аппарат, специальная мебель, ортопедическая обувь и пр.), проведение реабилитационных и иных сопутствующих восстановительных мероприятий.

При этом ясно, что подобного рода условия отличаются своей вариативностью, ситуативностью, поскольку с течением времени состояние подопечного ребенка может улучшиться или наоборот ухудшиться, что повлечет неустребованность ранее установленных предписаний и породит необходимость в новых установках. По этой причине, представляется нецелесообразным перегружать договор такого рода «временными» пунктами.

Бесспорно и то, что принятие в семью ребенка с особыми потребностями вследствие состояния здоровья непосредственно влияет на объем обязанностей опекуна (попечителя) независимо от того, имеется ли или отсутствует у него право на вознаграждение.

По общему правилу, права и обязанности участников договора занимают существенную часть его содержания. В «обычных» договорных отношениях стороны вправе самостоятельно «наполнить» договор условиями, которые, по их суждению, являются значимыми для достижения итогового результата выполненной работы или оказанной услуги. Действует ли данное правило при разработке содержания договора о приемной семье?

Основой дальнейших рассуждений послужит анализ текста договора о приемной семье [8] (договор), который заключается органами опеки и попечительства с родителями-воспитателями в Москве, форма которого утверждена в 2024 году Департаментом труда и социальной защиты населения города Москвы.

Итак, в разделах 2 и 3 договора содержатся положения о правах и обязанностях его участников - органа опеки и попечительства и родителей-воспитателей.

Первые пункты договора закладывают базовые основы правового статуса родителя-воспитателя, а именно в них говорится о том, что «таковые реализуют права и обязанности аналогичные правам и обязанностям «обычных» (безвозмездных) опекунов (попечителей) с особым указанием на функцию по представлению интересов несовершеннолетнего подопечного в силу закона» (п.п. 2.1 -2.2 договора).

В качестве законных возможностей приемного родителя в договоре обозначены: право на информирование их относительно состояния здоровья подопечного, а также его родителей и родственников; право на сопровождение семьи, получение социальных услуг и вознаграждения в порядке, установленном законодательством города Москвы (п. 2.3 договора).

Как следует из п. 2.4 договора приемному родителю предписывается исполнять следующие обязанности:

- в образовательной сфере: обеспечить ребенку доступ к дошкольному, школьному и дополнительному образованию в аккредитованных учреждениях; регулярно мониторить его успеваемость, прохождение им промежуточной и итоговой аттестации по учебным дисциплинам, посещаемость образовательного учреждения и пр.;
- в области медицинского обслуживания: обеспечить посещение ребенком лечебного учреждения, прохождение им ежегодной обязательной диспансеризации, вакцинации согласно Национальному календарю профилактических прививок, снабдить необходимыми лекарственными препаратами, создать условия для санаторно-курортного лечения и пр.;
- защита имущественного статуса подопечного охватывает усилия приемного родителя по реализации наследственных, жилищных прав ребенка, его прав на социальное обеспечение и льготы. В распоряжение родителя-воспитателя поступают денежные средства, причитающиеся подопечному в виде пособия на содержание, пенсии (по инвалидности, по потере кормильца), региональной социальной доплаты, алиментов. Их расходование должно быть рациональным и целевым в зависимости от нужд и потребностей подопечного.
- личные неимущественные права несовершеннолетнего подопечного, состоящие в праве на воспитание, на заботу о здоровье и

развитии (духовном, физическом, психическом, нравственном) и защиту жизни и здоровья, имеют особую ценность и корреспондируют обязанность родителя-воспитателя по их обеспечению.

Далее место в договоре (раздел 3) отведено органу опеки и попечительства с указанием на его правомочия.

Орган опеки и попечительства осуществляет контроль и надзор, в том числе проводит плановые и внеплановые проверки условий жизни подопечного. В рамках этих полномочий он также имеет право запрашивать и получать необходимую информацию путем межведомственного взаимодействия из образовательных, медицинских и иных организаций, которые посещает ребенок. Проанализировав собранную информацию, органу опеки и попечительства надлежит оценить качество исполнения обязанностей приемным родителем. О выявленных недостатках или нарушениях орган опеки и попечительства должен незамедлительно проинформировать об этом родителя-воспитателя, сделав предписание об их устранении, установив четкие временные рамки для совершения необходимых действий. При этом орган опеки и попечительства должен оказать семье помощь в зависимости от характера возникших трудностей (предложить юридическое сопровождение семьи, работу с психологом с целью налаживания детско-родительских отношений или разрешения иных вопросов).

Согласно разделу 4 договора, орган опеки и попечительства принимает на себя финансовые обязательства, заключающиеся в предоставлении приемному родителю ежемесячного вознаграждения и ежемесячного содержания подопечному ребенку. Эти положения закрепляются без детализации конкретных размеров платежей и порядка их выплаты, поскольку данные вопросы находятся в исключительном ведении законодательных и исполнительных органов регионального уровня.

Раздел 5 договора посвящен вопросам ответственности участников договорных отношений по воспитанию ребенка в приемной семье. Положения детально не раскрыты, поскольку меры ответственности строго ориентированы на нормы гражданского, административного, уголовного и семейного законодательства РФ.

Все выше перечисленные условия договора о приемной семье в той части, в какой они касаются прав, обязанностей сторон, их ответственности, а также материального аспекта деятельности приемных родителей, демонстрируют его определенные особенности. Во-первых, подобного рода положения вытекают из закона, то есть являются нормативными установками, носят императивный

характер, в силу чего не подлежат корректировке, не допускается и произвольный отказ от них. Во-вторых, закрепленные в договоре о приемной семье права и обязанности его субъектов не носят исчерпывающий характер, поскольку охватить весь спектр правомочий невозможно ввиду многообразия правовых отношений, участниками которых в зависимости от ситуации могут выступить члены приемной семьи. Однако данный аспект не означает, что приемные родители освобождаются от исполнения тех обязательств, которые прописаны в законе, но не обозначены в договоре. Так, к примеру, родитель-воспитатель является законным представителем своего несовершеннолетнего подопечного, обязан осуществлять его надлежащее воспитание, образование и содержание, а ребенку, переданному на воспитание в семью, гарантировано право на получение ежемесячного содержания, независимо от того будут ли такого рода пункты частью договора или нет. Произвольная трактовка правомочий органа опеки и попечительства в договоре также не допускается.

Таким образом, правовой статус субъектов рассматриваемых правоотношений носит рамочный, строго регламентированный нормативно-правовыми актами характер, включающий, в том числе право приемного родителя на вознаграждение. Поскольку все юридически значимые грани, складывающихся взаимоотношений, имеют нормативное выражение прямого действия и не подлежат изменению соглашением сторон, то возникают сомнения в правовой обоснованности существования отношений по семейному устройству детей в договорном формате. Данный вариант выбивается из конструкции «классических» договорных отношений, так как договор о приемной семье «наполняется» условиями в виде законодательных установок без права их корректировки заинтересованными сторонами. С этой точки зрения видится возможность существования опеки (попечительства) на возмездных началах вне плоскости договорных отношений. Так, изданный органом опеки и попечительства акт с указанием на возмездный характер исполнения опекуном (попечителем) своих полномочий, представляется достаточным правовым основанием для назначения и выплаты ему вознаграждения. Указание на создание при необходимости особых условий воспитания и обучения ребенка с особенностями развития и (или) поведения может быть зафиксировано органом опеки и попечительства в акте первичного планового обследования. В дальнейшем орган опеки и попечительства, проводя плановые (внеплановые) проверки, сможет в динамике отслеживать выполнение опекуном (попечителем) соответствующих рекомендаций.

При необходимости они могут быть пересмотрены (отменены, дополнены) с отметкой по итогам дальнейших обследований.

Еще один вопрос, заслуживающий внимания в силу своей практической значимости ввиду отсутствия единообразной правоприменительной практики, касается права граждан выбирать вариант исполнения полномочий опекуна (попечителя) с точки зрения их возмездного или безвозмездного характера.

Действующее законодательство РФ в области опеки (попечительства) не предусматривает явных ограничений при заявлении гражданином притязаний на получение вознаграждения за воспитание подопечного ребенка, при условии наличия у него действующего заключения о возможности лица стать опекуном (попечителем), выданного органом опеки и попечительства. В роли «возмездного» опекуна (попечителя) могут выступать граждане безотносительно от состояния (несостояния) в родственных отношениях с подопечным, а также от момента выражения желания стать таковым.

По умолчанию опекунские (попечительские) полномочия выполняются безвозмездно. Исключения имеют место при фиксации их в законе.

При поступлении запроса от гражданина орган опеки и попечительства разрешает его, отталкиваясь исключительно от одного единственного критерия - «интересы подопечного ребенка» (п. 2 ст. 16 Закона об опеке и попечительстве). На лицо правовая конструкция, где оба участника правоотношения наделены правами: гражданин вправе заявить о своем желании получать вознаграждение, орган опеки и попечительства вправе удовлетворить запрос или отказать в нем. Иными словами, праву гражданина не соответствует обязанность ответного шага органа опеки и попечительства в виде положительного ответа. На лицо дискреционные полномочия последнего, состоящие в возможности действовать по своему усмотрению в рамках закона.

На практике граждане, выразившие намерение исполнять полномочия опекуна (попечителя) на возмездной основе, как правило, не могут дать мотивированное обоснование своему желанию, указывая лишь на возможность иметь дополнительный источник личного дохода. В свою очередь, орган опеки и попечительства, не имея в своем арсенале четких критериев разрешения рассматриваемого вопроса, в одних случаях «идет на поводу» у заявителей, назначая их опекунами (попечителями) на возмездной основе, в других - отказывает по формальным обстоятельствам. Подобное положение дел порождает непонимание, необъективность, а иногда и проявление

недобросовестности, причем с обеих сторон [2]. В связи с этим обратим внимание на несколько существенных, наш взгляд, моментов.

Так, граждане, ставшие воспитателями по договору на возмездных началах, являющемуся по своей природе гражданско-правовым (п. 2 ст. 152 Семейного кодекса РФ), относятся к категории занятых лиц, под которыми, в том числе понимаются те, кто осуществляет деятельность по оказанию услуг, направленную на извлечение дохода [13]. Отметим, что еще в 2010 году Министерство образования и науки РФ дало пояснения, указав на право родителей-воспитателей на включение в их страховой стаж периодов выполнения ими обязанностей по воспитанию приемных детей [6].

Основная дилемма - как же надлежит органу опеки и попечительства интерпретировать «интересы ребенка», разрешая вопрос об обоснованности или необоснованности запроса гражданина о возмездном исполнении обязанностей по опеке (попечительству)?

Однозначно, данная формулировка весьма пространна и не отличается прозрачностью, что, на наш взгляд, должно быть устранено путем указания конкретных критериев, руководствоваться которыми смогут и граждане, «оценивая свои перспективы на возмездное исполнение опекунских (попечительских) обязанностей, и органы опеки и попечительства, разрешая запрос на назначение вознаграждения» [10, с.131].

С учетом изложенного полагаем, что право на получение вознаграждения должно реализовываться исключительно для тех граждан, которые не могут осуществлять трудовую или иную оплачиваемую деятельность по обстоятельствам, обусловленным имеющимися или возникшими условиями непосредственно связанными с воспитанием, образованием подопечного ребенка, требующего постоянного ухода, присмотра, сопровождения. В основе таковых могут лежать как негативные, так и позитивные факторы. К первой группе можно отнести: ухудшение состояния здоровья подопечного, получение им травмы или увечий, прохождение длительных реабилитационных программ, невозможность обучения ребенка в общеобразовательном учреждении по очной форме обучения. Позитивными факторами могут служить: высокие достижения в спортивной или иной сфере, увеличение количества детей, воспитывающихся в семье.

Таким образом, внимание должно акцентироваться на ситуациях, когда гражданин пожелал принять на воспитание «статусного» ребенка, например, с особенностями развития, или действующий опекун (попечитель) столкнулся с обстоятельствами, при которых совмещение тру-

дового функционала и обязанностей по уходу за подопечным ребенком невозможно. Если гражданин принимает решение в пользу ребенка, увольняясь с работы или прекращая заниматься иной приносящей личный доход деятельностью, то именно в таком случае государство в лице органа опеки и попечительства должно поддерживать такого гражданина, назначив и выплачивая ему соответствующее вознаграждение в рамках выполнения им функций опекуна (попечителя).

В данном контексте интересным видится определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.03.022 по делу № КГ-1740/22 об обжаловании отказа органа опеки и попечительства в заключении договора о приемной семье гражданину в статусе опекуна на безвозмездной основе. «В процессе рассмотрения было установлено, что орган опеки и попечительства, принимая решение об отказе в назначении заявителя «возмездным» опекуном, исходил из того, что права и интересы подопечной не ущемляются, изменение статуса опекуна не повлечет за собой изменений в условиях содержания, воспитания и обучения ребенка, а также из отсутствия данных о том, что ребенок по состоянию здоровья или другим причинам требует особых условий ухода и нуждается в постоянном наблюдении и контроле со стороны опекуна. Доводы органа опеки и попечительства были приняты судами трех инстанций [4]. Рассматривая и другое дело, Второй кассационный суд общей юрисдикции пришел к выводу о том, что «для изменения формы семейного устройства подопечного ребенка с безвозмездной формы попечительства на приемную семью недостаточными являются доводы истца о необходимости улучшения материального положения семьи. Суд учел, что подопечный не является инвалидом, не требует особых условий воспитания и ухода, а размер денежных средств, выплачиваемых на его содержание, не изменится при изменении формы устройства» [3].

Таким образом, орган опеки и попечительства, разрешая вопрос о назначении гражданина опекуном (попечителем), исполняющим свои обязанности возмездно, или принимая решение о трансформации уже существующих на безвозмездной основе отношений по опеке (попечительству) в возмездную плоскость, должен руководствоваться четкими критериями, отвечающими признакам уважительности и адресности поддержки. Подобный подход позволит подчеркнуть особую социальную значимость деятельности тех опекунов (попечителей), которые сделали выбор в пользу благополучия детей, требующих особой заботы и внимания, поступившись собственными интересами.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (часть первая) (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - ст. 33.01.

[2] Матанцев Д.А. Теоретические проблемы понимания правового поведения и определения его границ // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4. С. 8-15.

[3] Определение от 15.06.2021 № 88-1124/2021 / Второй кассационный суд общей юрисдикции, [Судебная коллегия по гражданским делам]// Интернет-ресурс: Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

[4] Определение от 01.03.022 № КГ-1740/22 / Второй кассационный суд общей юрисдикции, [Судебная коллегия по гражданским делам] // Интернет-ресурс: Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

[5] Осуществление и защита прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: международные стандарты и российский опыт: учебное пособие / С.А. Бурьянов [и др.]. Волгоград: Дело, 2021. 380 с.

[6] Письмо Министерства образования и науки РФ от 31.08.2010 № 06-384 «О применении законодательства по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних» // Интернет-ресурс: Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

[7] Приказ Министерства просвещения РФ от 03.07.2024 № 461 «Об утверждении порядка формирования, ведения и использования государственного банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей» // Интернет-ресурс: Официальный портал правовой информации, <http://publication.pravo.gov.ru/document/>.

[8] Приказ Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы от 25.04.2024 № 280 «Об утверждении формы договора о приемной семье» // Интернет-ресурс: Официальный портал Мэра и Правительства Москвы, <https://dszn.ru/documents/2045>.

[9] Семейный кодекс Российской Федерации от 19.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.10.2025) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 1. - ст. 16.

[10] Сенотрусова Е.М. Прокурорский надзор за исполнением законодательства при передаче детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семью. Иркутск, 2022. 174 с.

[11] Ситкова О.Ю., Темникова Н.А., Куропатская Е.Г., Очеретько Е.А., Литвиненко Н.В. Комментарий к разделу VI «Формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей» Семейного

кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс: Справочно-правовая система «Гарант».

[12] Федеральный закон РФ от 24.04.2008 № 480-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (ред. от 29.09.2025) // Собрание законодательства РФ. - 2008. - № 17. - ст. 1755.

[13] Федерального закона РФ от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. - 2023. - № 51 (ч. 1). - ст. 9660.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 No. 51-FZ (Part One) (as amended on 31.07.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1994. - No. 32. - Art. 33.01.

[2] Matantsev D.A. Theoretical problems of understanding legal behavior and determining its boundaries // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4. S. 8-15.

[3] Determination dated 15.06.2021 No. 88-1124/2021/Second Court of Cassation of General Jurisdiction, [Judicial Collegium for Civil Cases] // Internet resource: Consultant-Plus Reference and Legal System.

[4] Determination dated 01.03.022 No. KG-1740/22/Second Court of Cassation of General Jurisdiction, [Judicial Collegium for Civil Cases] // Internet resource: Consultant-Plus Reference and Legal System.

[5] Implementation and protection of the rights of orphans and children left without parental care: international standards and Russian experience: a textbook/S.A. Buryanov [et al.]. Volgograd: Case, 2021. 380 s.

[6] Letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 31.08.2010 No. 06-384 "On the application of legislation on guardianship and guardianship in relation to minors" // Internet resource: Consultant-Plus Reference and Legal System.

[7] Order of the Ministry of Education of the Russian Federation of 03.07.2024 No. 461 "On approval of the procedure for the formation, maintenance and use of the state data bank on children left without parental care" // Internet resource: Official portal of legal information, <http://publication.pravo.gov.ru/document/>.

[8] Order of the Department of Labor and Social Protection of the Population of the City of Moscow dated 25.04.2024 No. 280 "On approval of the form of the contract on the foster family" // Internet resource: Official portal of the Mayor and the Government of Moscow, <https://dszn.ru/documents/2045>.

[9] Family Code of the Russian Federation of 19.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 30.10.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1996.- No. 1.- Art. 16.

[10] Senotrusova E.M. Prosecutorial supervision of the implementation of legislation when transferring children left without parental care to be raised in a family. Irkutsk, 2022. 174 pp.

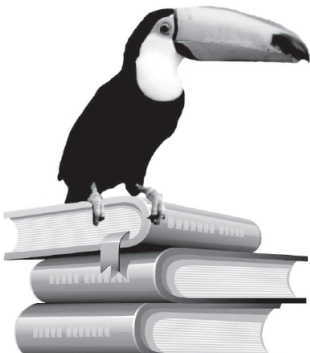
[11] Sitkova O.Yu., Temnikova N.A., Kuropatskaya E.G., Ocheretko E.A., Litvinenko N.V. Commentary on section VI "Forms of raising children left without parental care" of the Family Code of the Rus-

sian Federation [Electronic resource]//Internet resource: Reference and legal system "Garant."

[12] Federal Law of the Russian Federation of 24.04.2008 No. 480FZ "On Guardianship and Guardianship" (as amended on 29.09.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2008.- No. 17.- Art. 1755.

[13] Federal Law of the Russian Federation of 12.12.2023 No. 565-FZ "On Employment of the Population in the Russian Federation" (as amended on 08.08.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2023. - No. 51 (part 1). - Art. 9660.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-76-79

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,
ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов»
филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»,
адвокат,
e-mail: ur-fin@mail.ru

О НЕОБХОДИМОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ «ДЕФЕКТА ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ» В КОНТЕКСТЕ СПОРА ПАЦИЕНТА С КЛИНИКОЙ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ

Аннотация. В статье исследуется проблема отсутствия в российском законодательстве нормативно закреплённого юридического понятия «дефект оказания медицинской помощи» и обосновывается необходимость его формирования и внедрения в правоприменительную практику на примере споров между пациентами и клиниками пластической хирургии. Выявлены пробелы и противоречия, обусловленные отсутствием единого правового определения термина. Целью статьи является обоснование необходимости формирования и нормативного закрепления юридического понятия «дефект оказания медицинской помощи» как самостоятельной правовой категории. Делается вывод о том, что закрепление юридического понятия позволит повысить правовую определенность, а также сформировать единообразную судебную практику по делам, связанным с оказанием медицинских услуг по профилю пластической хирургии.

Ключевые слова: дефект оказания медицинской помощи, медицинская услуга, пластическая хирургия, ответственность клиники пластической хирургии, права пациента, качество медицинской помощи, медицинский риск, судебно-медицинская экспертиза, пластический хирург, гражданско-правовая ответственность, медицинские споры.

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,
NGO “Leningrad Regional Bar Association”
branch “Pelevin and Partners Law Firm”,
lawyer

ON THE NEED FOR A LEGAL CONCEPT OF “DEFECT IN MEDICAL CARE” IN THE CONTEXT OF A DISPUTE BETWEEN A PATIENT AND A PLASTIC SURGERY CLINIC

Annotation. The article examines the problem of the lack of a legally fixed legal concept of “medical care defect” in Russian legislation and substantiates the need for its formation and implementation in law enforcement practice using the example of disputes between patients and plastic surgery clinics. Gaps and contradictions have been identified due to the lack of a single legal definition of the term. The purpose of the article is to substantiate the need for the formation and regulatory consolidation of the legal concept of “medical care defect” as an independent legal category. It is concluded that the consolidation of the legal concept will increase legal certainty, as well as form a uniform judicial practice in cases related to the provision of medical services in the field of plastic surgery.

Key words: defect in medical care, medical service, plastic surgery, liability of plastic surgery clinic, patient rights, quality of medical care, medical risk, forensic medical examination, plastic surgeon, civil liability, medical disputes.

Введение

Термин «дефект оказания медицинской помощи» можно часто встретить в судебной и экс-

пертной практике, но, при этом, законодательно не определено его точное содержание. На практике это выражается в подмене юридической

оценки клиническими выводами и значительной зависимостью судебных решений от экспертных интерпретаций.

Специфика пластической хирургии еще больше усугубляет проблему, поскольку неблагоприятный исход медицинского вмешательства не всегда свидетельствует о наличии нарушения со стороны клиники пластической хирургии. Допустимый медицинский риск и индивидуальные особенности организма пациента требуют четкого разграничения между правомерным медицинским вмешательством и юридически значимым дефектом оказания медицинской помощи. Когда отсутствуют правовые критерии, растет риск негативных последствий при защите прав пластического хирурга или пациента. По представленным причинам тема исследования является актуальной и научно значимой.

Основная часть

В законодательстве РФ (в частности, в Федеральном законе № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») содержатся требования к качеству медицинской помощи и обязанности медицинских организаций, но отсутствует детальная дефиниция того, что именно считается дефектом оказания услуги [6]. Указанное понятие восполняется практикой экспертов и судебной практикой, но оно все-таки остается неточным в юридическом смысле.

Юридическая литература предлагает рассматривать дефект оказания медицинской помощи как несоответствие фактически оказанной помощи обязательным требованиям, предусмотренным законами, подзаконными актами, стандартами, клиническими рекомендациями или иным обязательным регламентам в момент оказания помощи [1]. Несоответствие может проявляться в нарушении процесса диагностики, лечения или организации лечения, которое привело или могло привести к ухудшению здоровья пациента.

В общем плане, термин «дефект оказания медицинской помощи» представляет собой отклонение от стандартов и порядков, утвержденных Минздравом РФ, включая приказ № 298н от 31.05.2018 г. в части пластической хирургии, где прописана необходимость информированного согласия и послеоперационного наблюдения [3]. Понятие дифференцируется от медицинских ошибок (неумышленных, связанных с недостатком квалификации) и казусов (непредотвратимых событий, как аллергическая реакция без известных противопоказаний), поэтому, можно установить причинно-следственную связь между действиями клиники пластической хирургии и вредом, подлежащим возмещению по ст. 15, 1064, 1095,

1098 ГК РФ, Закону о защите прав потребителя и Федеральному закону № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья в Российской Федерации».

Закрепление понятия, в первую очередь, необходимо для объективной защиты прав пациента как потребителя медицинских услуг. В гражданских делах при спорах о возмещении вреда суд обязан установить, в чем именно заключался дефект, поскольку без такого определения невозможно соотнести действия или бездействие с нарушением стандартов и наличием причинно-следственной связи медицинских манипуляций с возможным причинением вреда здоровью пациента. Можно определить несколько групп самых распространенных дефектов медицинской помощи [5]. Диагностические дефекты проявляются в неверной оценке противопоказаний или психологического состояния пациента, что приводит к необоснованным вмешательствам. В это же время, хирургические дефекты включают ошибки в объеме операции или оставление инородных тел. Подобные ошибки довольно часто выявляются экспертизой. Дефекты анестезии связаны с несоблюдением дозировок, а ошибки в документации — с отсутствием информирования о рисках, и это аннулирует согласие и увеличивает ответственность клиники пластической хирургии. По степени опасности выделяются деликты (виновные нарушения с вредом), ошибки (предотвратимые по неопытности) и казусные ситуации (без вины). В пластической хирургии преобладают деликты по небрежности, такие как, например, инфекции из-за антисанитарии или дефекты общения, приводящие к неправильному лечению.

Важным моментом для суда становится только то, что можно соотнести с обязанностями клиники пластической хирургии и пластических хирургов по закону и стандартам, так как, именно эти вопросы рассматриваются в гражданско-правовых (о возмещении вреда) и уголовно-правовых (о виновности действий) спорах. Без нормативного определения дефекта суды и эксперты могут полагаться только на экспертные заключения. Кроме того, законодательное понятие должно не только описывать несоответствие обязательным требованиям, но и содержать критерии для оценки влияния такого дефекта на исход лечения — это критично, например, для пластической хирургии, где осложнения могут быть следствием рискованной, но допустимой медицинской практики.

Для определения противоправности поведения клиники пластической хирургии российские судебные органы далеко не всегда используют формулировку «дефект медицинской помощи». Можно встретить, например, «недостатки оказания медицинской помощи» или другие варианты, близкие по смыслу, и практически всегда они свя-

заны с экспертизой. С их помощью суд обозначает причинно-следственную связь с дальнейшим выводом по возмещению морального ущерба или других требований. Например, в Определении СКГД Первого КСОЮ от 20 января 2025 г. по делу № 8Г-32067/2024), указано, что: «неудовлетворенность пациентки эстетическим результатом операции и несоответствие результата ожиданиям не свидетельствуют о дефектах медицинской помощи» [2]. Данная правовая позиция имеет принципиальное значение для понимания сущности дефекта оказания медицинской помощи именно в сфере пластической хирургии. Здесь наглядно прослеживается существующая проблема разграничения медицинского результата и юридической ответственности. Мнение суда фактически подтвердило позицию о невозможности отождествления неблагоприятного, либо нежелательного исхода медицинского вмешательства с ненадлежащим оказанием медицинской услуги.

В рассматриваемой ситуации можно отметить важный правовой подход, согласно которому, оценка качества медицинской помощи должна осуществляться не через призму субъективного восприятия результата пациентом, а с точки зрения соблюдения клиникой пластической хирургии обязательных требований к процессу оказания медицинской помощи. Суд тем самым посчитал, что юридически значимым является соответствие действий пластического хирурга установленным стандартам. Такая позиция соответствует сложившемуся в доктрине медицинского права пониманию медицинской помощи как деятельности, ориентированной на надлежащее исполнение профессиональных обязанностей, а не на гарантированный результат, особенно в тех областях медицины, где результат носит вероятностный и индивидуализированный характер.

В свою очередь, Кировский районный суд г. Уфы указал в судебном акте, что пластический хирург: «допустил дефекты оказания медицинской помощи (медицинской услуги)», которые заключались в возникновении послеоперационных осложнений [4]. В этом случае сразу возникают вопросы научного и правового характера. В медицине, послеоперационные осложнения могут быть обусловлены самой природой медицинского вмешательства, которая представляет собой деятельность с вероятностным результатом, зависящим и от индивидуальных особенностей организма пациента, а также от факторов, не поддающихся полному контролю со стороны пластического хирурга. Поэтому, возникшие осложнения не могут стать единственным доказательством дефекта оказания медицинской помощи.

Следовательно, юридическая квалификация осложнений требует дополнительного установления того, были ли они обусловлены нарушением обязательных требований, ошибками в диагностике, выборе метода лечения, технике операции, послеоперационном ведении пациента, либо недостатками информированного добровольного согласия.

Противоречие между позицией Кировского районного суда г. Уфы и подходом, сформулированным в Определении СКГД Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 января 2025 г., показало отсутствие единых правовых критериев дефекта оказания медицинской помощи. В одном случае суд прямо указал, что неудовлетворенность результатом и несоответствие ожиданиям не свидетельствуют о дефекте, в другом — фактически признал дефект через наступление осложнений, не раскрыв, в чем именно выразилось нарушение профессиональных или правовых обязанностей пластического хирурга. Разнонаправленность судебных выводов подрывает принцип правовой определенности и делает исход медицинских споров во многом непредсказуемым.

С научной точки зрения подобная практика подтверждает тезис о необходимости четкого разграничения между медицинскими и юридическими категориями. Послеоперационное осложнение является медицинским фактом, тогда как дефект оказания медицинской помощи — правовой категорией, предполагающей установление несоответствия действий пластического хирурга обязательным требованиям, действовавшим на момент оказания помощи. Без такого разграничения судебная оценка рискует трансформироваться в оценку результата, а не процесса оказания медицинской помощи. Все эти доводы противоречат базовым принципам медицинского права.

В сфере пластической хирургии данная проблема становится особенно острой, ведь именно здесь, осложнения и эстетически неудовлетворительные результаты чаще всего становятся основанием для предъявления исковых требований. Неопределенность в правовом поле позволяет судам по-разному интерпретировать одни и те же обстоятельства, что в одних случаях приводит к необоснованному возложению ответственности на клинику пластической хирургии, а в других — к отказу в защите прав пациента. Поэтому, возникла необходимость разработки и нормативного закрепления конкретного понятия «дефект оказания медицинской помощи», чтобы обеспечить единообразие судебной практики.

Заключение

Проведенный анализ научных подходов, норм действующего законодательства и судебной

практики позволил прийти к выводу о наличии системной проблемы правового характера, связанной с отсутствием в российском праве юридического понятия «дефект оказания медицинской помощи». Данная проблема особенно отчетливо проявилась в спорах между пациентами и клиниками пластической хирургии. Сравнительный анализ судебных актов показал неоднородность и противоречивость правоприменительной практики. С одной стороны, в позиции кассационного суда было указано, что неудовлетворенность пациента эстетическим результатом и несоответствие результата субъективным ожиданиям не могут рассматриваться как доказательство дефекта оказания медицинской помощи. С другой стороны, практика судов первой инстанции представила тенденцию к признанию дефекта медицинской помощи уже на основании факта наступления послеоперационных осложнений. Фактически, такой подход, привел к идентификации неблагоприятного исхода с ненадлежащим оказанием медицинской услуги.

Между тем, осложнение является объективным медицинским риском, присущим хирургическому вмешательству, тогда как дефект медицинской помощи, представляет собой юридически значимое нарушение, предполагающее несоответствие действий пластического хирурга или клиники пластической хирургии обязательным требованиям. В этой связи, введение специальной нормы в федеральное законодательство или подзаконные акты, определяющей дефект как отклонение от клинических рекомендаций и информированного согласия с причинной связью к вреду, обеспечит единообразие правоприменения.

Список литературы:

- [1] Данилов Е. О. Юридическая квалификация дефектов медицинской помощи // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 5 (126). С. 123-138.
- [2] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 января 2025 г. по делу № 8Г-32067/2024) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/344925158/> (дата обращения: 09.01.2026).
- [3] Приказ Минздрава России от 31.05.2018 г. № 298н (ред. от 14.08.2018) «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «пластическая хирургия» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.06.2018 № 51410) // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201806220061> (дата обращения: 08.01.2026).
- [4] Решение № 2-5801/2019 2-8/2020 2-8/2020(2-5801/2019;)~М-4725/2019 М-4725/2019 от 6 февраля 2020 г. по делу № 2-5801/2019 // Судебные и нормативные акты РФ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jqdTNsoi2RHD/> (дата обращения: 09.01.2026).
- [5] Судмедэкспертиза врачебных ошибок // Федерация судебных экспертов. URL: <https://fse.ms/sudmedkspertiza-vrachebnyh-oshibok-v-plasticheskoy-hirurgii/> (дата обращения: 09.01.2026).
- [6] Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Минздрав РФ. URL: https://minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/064/911/original/Федеральный_закон_от_21.11.2011_N_323-ФЗ.pdf?1702469292 (дата обращения: 08.01.2026).

References:

- [1] Danilov E. O. Legal qualification of defects in medical care//Actual problems of Russian law. 2021. № 5 (126). S. 123-138.
- [2] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the First General Jurisdiction Court of Cassation dated January 20, 2025 in case No. 8G-32067/2024)//Guarantor. URL: <https://base.garant.ru/344925158/> (access date: 09.01.2026).
- [3] Order of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 298n dated 31.05.2018 (as amended by 14.08.2018) "On Approval of the Procedure for the Provision of Medical Care in the Field of Plastic Surgery" (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation 22.06.2018 No. 51410)//Official publication of legal acts. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201806220061> (access date: 08.01.2026).
- [4] Decision No. 2-5801/2019 2-8/2020 2-8/2020(2-5801/2019;) ~ M-4725/2019 M-4725/2019 dated February 6, 2020 in case No. 2-5801/2019//Judicial and regulatory acts of the Russian Federation URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jqdTNsoi2RHD/> (date of reference: 09.01.2026).
- [5] Forensic medical examination of medical errors//Federation of forensic experts. URL: <https://fse.ms/sudmedkspertiza-vrachebnyh-oshibok-v-plasticheskoy-hirurgii/> (дата обращения: 09.01.2026).
- [6] Federal Law No. 21.11.2011 of 323-FZ (as amended by 23.07.2025) " On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation " // Ministry of Health of the Russian Federation. URL: https://minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/064/911/original/Федеральный_закон_от_21.11.2011_N_323-ФЗ.pdf?1702469292 (access date: 08.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-80-85

МАЛЫХ Владислав Александрович,
Студент 4 курса Юридического факультета
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации,
e-mail: vmalyh17@yandex.ru

Научный руководитель:
БЕЛОУСОВ Андрей Леонидович,
Кандидат экономических наук,
доцент Кафедры правового регулирования
экономической деятельности, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: andreybelousov@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДУАЛИЗМ В СИСТЕМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ

Аннотация. В статье рассматривается проблема институционального дуализма в системе государственного контроля на финансовом рынке РФ. Автор анализирует дихотомию пруденциального и поведенческого надзора, выявляя точки их противоречия и синергии. Особое внимание уделено коллизии компетенций Банка России и Роспотребнадзора на стыке финансового законодательства и норм о защите прав потребителей. В качестве решения предложены сценарии реформирования институтов во избежание регуляторной неопределённости.

Ключевые слова: банковский надзор, поведенческий надзор, пруденциальный надзор, Центральный Банк, Роспотребнадзор, институциональный дуализм, Служба по защите прав потребителей.

MALYKH Vladislav Aleksandrovich,
4th year student of the Faculty of Law,
Financial University under the Government
of the Russian Federation

Scientific supervisor:
BELOUSOV Andrey Leonidovich,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

INSTITUTIONAL DUALISM IN THE SYSTEM OF CONSUMER PROTECTION FOR FINANCIAL SERVICES

Annotation. The article examines the problem of institutional dualism within the state control system of the financial market in the Russian Federation. The author analyzes the dichotomy between prudential and behavioral supervision, identifying points of their contradiction and potential synergy. Special attention is paid to the collision of competencies between the Bank of Russia and Rospotrebnadzor at the intersection of financial legislation and consumer protection norms. As a solution, the author proposes scenarios for institutional reform aimed at eliminating regulatory uncertainty and improving the efficiency of the supervisory framework.

Key words: banking supervision, behavioral supervision, prudential supervision, Central Bank, Rospotrebnadzor, institutional dualism, Consumer Protection Service.

Введение.

Центральный банк Российской Федерации (далее — Банк России, ЦБ) — это публично-правовой институт, выполняющий функции государственного органа, обладающий исключительным правом эмиссии национальной валюты и наделённый полномочиями по защите и обеспечению устойчивости рубля (согласно ст. 75 Конституции РФ), развитию и обеспечению стабильности финансового рынка государства. ЦБ действует независимо от органов государственной власти и органов местного самоуправления (ст. 1 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»).

Для успешного достижения своих целей и поддержки стабильности финансового рынка Российской Федерации, ЦБ, помимо прочих действий, осуществляет несколько видов надзора, которые важно разграничивать:

- Пруденциальный надзор. Его суть заключается в создании экономико-правовой среды, которая сможет обеспечить стабильность финансовой системы. Способами реализации функции пруденциального надзора в том числе выступают издание Центральным Банком нормативных актов, установление нормативов и требований к лицензируемым им организациям, анализ отчётности и применение мер воздействия за обнаруженные нарушения.
- Поведенческий надзор. Рядом учёных он определяется как самостоятельный и обособленный от пруденциального вид надзора, нацеленный непосредственно на защиту прав и законных интересов потребителей финансовых услуг. В настоящее время нет легального закрепления понятия поведенческого надзора, но его конструктивные элементы можно проследить в нормативных актах и рекомендациях ЦБ, правоприменительной практике Службы по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг (далее — СЗПП) и дайджестах на информационных ресурсах ЦБ (Поведенческий надзор: практики и рекомендации | Банк России // Центральный банк Российской Федерации | Банк России URL: https://cbr.ru/protection_rights/behavioral_surveillance/ (дата обращения: 08.02.2026)).
- Текущий (операционный) надзор. Согласно ст. 56 и ст. 76.1 № 86-ФЗ, по общему правилу, Банк России не вмешивается в оперативную деятельность финансовых организаций. Однако, согласно ст. 45.2 № 86-ФЗ, ЦБ осуществляет постоянный мониторинг состояния финансового рынка РФ.
- Надзор в Национальной платёжной системе (НПС). Это относительно новое направление, регулируемое ст. 31 № 86-ФЗ и № 161-ФЗ от 27.06.2011. Центральным объектом НПС выступает не финансовая устойчивость, а бесперебойность и безопасность транзакций.
- Надзор за профессиональными участниками финансового рынка. Был введен в функционал ЦБ в 2013, когда в результате поглощения ФСФР в ведение ЦБ перешли брокеры, депозитари, страховщики и другие ПУФР.
- Надзор в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Осуществляется ЦБ совместно с Росфинмониторингом и основывается преимущественно на № 115-ФЗ. Его цель — определение законности происхождения денег и недопущения финансирования незаконной деятельности.
- Валютный контроль. Также осуществляется ЦБ совместно с иными уполномоченными органами на основе № 173-ФЗ от 10.12.2003 «О валютном регулировании и валютном контроле» для контроля оттока валюты за рубеж.

В рамках настоящей работы мы предлагаем остановиться на рассмотрении разграничения полномочий в рамках поведенческого надзора. Несмотря на отсутствие прямого законодательного указания, в Российской Федерации сформировалась система дуалистического надзора, где функции по защите прав и законных интересов потребителей финансовых услуг распределены между Центральным Банком и Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

Вопрос о государственном контроле и защите прав потребителей на финансовом рынке является предметом внимания широкого круга исследователей, что обусловлено социальной значимостью этой сферы. Социально-экономические предпосылки необходимости пристального государственного контроля и выработки особых защитных механизмов в своей работе «Защита прав и интересов потребителей финансовых услуг» раскрывает доцент И.В. Игнатьева [2], отмечая неравенство сторон финансовых правоотношений через сравнение рекордного роста рынка финансовых организаций и низкой правовой и финансовой грамотности населения, сопряжённых со сложным финансовым законодательством.

Институциональный аспект и структура властных субъектов выступают объектом внима-

ния магистранта О.В.Кошкаровой [3] в статье «Система органов, участвующих в защите прав потребителей банковских услуг». Автор анализирует систему властных институтов, участвующих в защите прав и законных интересов потребителей, как многоуровневый механизм. Вместе с тем, несмотря на научный интерес к проблеме разграничения полномочий надзорных институтов, проблема институционального дуализма — в частности, пересечения компетенций ЦБ и Роспотребнадзора — остаётся недостаточно разработанной.

По мнению авторов, такой дуализм контролирующих органов создаёт правовую неопределённость как для самих финансовых организаций, так и для потребителя. Компании оказываются под риском двойного административного давления, а потребители могут столкнуться с проблемой циклической переадресации своих обращений между ведомствами.

1. Дихотомия надзора: пруденциальный и поведенческий подходы.

В современной доктрине банковского права и правоприменительной практике Банка России сформировался дуалистический подход к надзорной деятельности, один из важнейших витков которого произошёл 3 марта 2014 года с созданием в составе центрального аппарата ЦБ Службы Банка России по защите прав потребителей финансовых услуг и миноритарных акционеров. Но для эффективного регулирования финансового рынка важно выстроить четкие границы взаимодействия и влияния схожих на первый взгляд пруденциального и поведенческого надзоров. Несмотря на применение различных инструментов и фокусировку на разных аспектах банковской деятельности, оба вида надзора преследуют единую цель — поддержание стабильности финансовой системы и её надёжности в глазах потребителей и других участников.

Пруденциальный надзор является базисом банковского регулирования. Он в первую очередь фокусируется на финансовом состоянии игроков рынка: возможности отвечать по обязательствам, размере их капитала, ликвидности и качестве активов.

Из объекта его внимания следует цель: защитить интересы кредиторов (в том числе вкладчиков) от риска потери средств и не допустить системные кризисы путём предотвращения неплатёжеспособности финансовых организаций. В основе пруденциального надзора лежит широкий спектр документов: от федеральных законов до положений, инструкций, базовых стандартов, указаний Банка России и входящих в них нормативов группы «Н». Как отмечают в своей работе доцент Белоусов А.Л. и Апостолов А., для обеспечения стабильности финансового рынка и преду-

преждения системных кризисов, для системно значимых кредитных организаций Центральный Банк могут разрабатываться особые нормативы [1]. Этот тезис, на наш взгляд, подчёркивает важность гибкости пруденциального надзора и возможность его разделения для финансовых организаций в зависимости от их влияния на финансовую систему.

В доктрине, в том числе профессором А.А. Ситником, выделяются несколько уровней пруденциального надзора в зависимости от того, на какое количество субъектов распространяется воздействие. Так, выделяется макропруденциальный надзор, осуществляемый с целью обеспечения стабильности финансовой системы в целом, и микропруденциальный, ориентированный на отслеживание устойчивости конкретной финансовой организации [5]. Таким образом, пруденциальный надзор можно охарактеризовать следующим вопросом: «сможет ли финансовая организация выполнить свои обязательства?».

Поведенческий надзор, как уже упоминалось выше, — относительно новый институт банковского надзора в российском праве, обусловленный созданием Службы Банка России по защите прав потребителей финансовых услуг и миноритарных акционеров (которая в дальнейшем была переименована в Службу по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг). Его фокус направлен не на финансовое состояние профессиональных участников финансового рынка, а на порядок их взаимодействия с потребителем: стандарты продаж, особенности предложения и реализации услуг, информационное взаимодействие с потребителем и качество раскрытия информации. Важным шагом развития поведенческого надзора является переименование СЗПП, которое указывает на расширение фокуса работы подразделения с пресечения нарушений на контроль за инклюзивностью и понятностью цифровых финансовых сервисов, что сокращает цифровой разрыв между различными категориями населения и повышает процент вовлечённого населения.

В отличие от пруденциального надзора, инструментарий которого включает широкий спектр документов, поведенческий надзор оперирует в первую очередь принципом добросовестности, закреплённом ст. 10 ГК РФ, и доверием потребителя и ЦБ к поставщикам финансовых услуг. Необходимость поведенческого надзора обусловлена неравенством участников: рядовой потребитель всегда обладает меньшей информацией и меньшим объёмом ресурсов в отличие от финансовой организации, куда он обратился, что создаёт почву для злоупотреблений. К таким злоупотреблениям относятся как широко известные

скрытые комиссии, сложные и неоднозначные условия договоров, так и менее известные широкому кругу лиц манипулятивные приёмы, используемые в UX-дизайне сайтов и приложений, предоставляющих доступ к финансовым услугам, несвоевременное или некачественное информирование клиентов о сложных финансовых продуктах и др. Более подробный список злоупотреблений и мер по борьбе с ними можно найти на сайте Банка России в специальном разделе, который регулярно обновляется и пополняется новыми практиками (Поведенческий надзор: практики и рекомендации | Банк России // Центральный банк Российской Федерации | Банк России URL: https://cbr.ru/protection_rights/behavioral_surveillance/ (дата обращения: 08.02.2026)). Таким образом, поведенческий надзор можно охарактеризовать следующим вопросом: «финансовая организация действует добросовестно или злоупотребляет своим финансовым превосходством над потребителем?».

Поскольку, несмотря на разные цели надзоров, они всё равно тесно связаны и дополняют друг друга, авторы считают излишним их распределение между несколькими органами. Помимо дублирования части функционала, создаётся риск повышения административной нагрузки на финансовые организации и циклической переадресации обращений потребителя между ведомствами.

2. Дихотомия институтов надзора.

В связи с неоднородностью способов регулирования Банком России правоотношений между финансовыми организациями и потребителями было необходимо также создать профильные органы, которые отвечали бы за них. Таким образом, в структуре ЦБ РФ появились профильные подразделения, отвечающие в первую очередь за пруденциальный надзор за финансовыми организациями (Служба текущего банковского надзора, Департамент страхового рынка, Департамент инвестиционных финансовых посредников и др.), и Служба по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг, которая осуществляет поведенческий надзор и соблюдение прав потребителей всеми видами финансовых организаций.

Важно отметить, что в субъектный состав органов защиты потребителей финансовых услуг, помимо СЗПП, входит также Роспотребнадзор. По мнению авторов, причиной институционального дуализма является коллизия правовых норм, ведущая к образованию значительных пробелов в праве. С одной стороны, деятельность финансовых организаций регулируется специальным законодательством, надзор за соблюдением которого возложен на Банк России. Примером прямого указания на это выступают ст. 16 «О потребительском

кредите (займе)» и ст. 10 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации». Возникающие таким образом ограничения Роспотребнадзора в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг раскрывает в работе аспирант МФЮА Л.А. Куракина [4], отмечая, что, по смыслу ст. 16 № 353-ФЗ, органы Роспотребнадзора не могут ссылаться при осуществлении надзорной деятельности на нормы ФЗ, надзор за соблюдением которых осуществляет Центральный Банк России, что ведёт к риску защиты нарушенных прав слабой стороны.

С другой стороны, по смыслу преамбулы и ст. 17 Закона РФ «О защите прав потребителей», становится ясным, что ЗоЗПП распространяется также на потребителей финансовых услуг, но с некоторыми особенностями. Защиту прав потребителей финансовых услуг также подтверждает и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», п.3 которого определяет дефиницию финансовой услуги по смыслу законодательства о защите прав потребителей, а п.51 разъясняет границы права кредитных организаций на уступку требований к физическим лицам по кредитным договорам.

Отдельный интерес вызывает факт того, что Положение о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека детально раскрывает полномочия Роспотребнадзора в сфере, например, санитарно-эпидемиологического надзора, но не содержит указаний на полномочия в сфере защиты потребителей финансовых услуг. Несмотря на это, ведомство всё равно осуществляет деятельность по защите прав потребителей финансовых услуг, что подтверждается следующим:

- Официальный сайт ведомства содержит информацию о наличии полномочий Роспотребнадзора в сфере защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг (О защите прав потребителей финансовых услуг // Роспотребнадзор URL: https://rospn.gov.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=9211 (дата обращения: 08.02.2026)). Также существует Письмо от 10.11.2008 № 01/12725-8-32 «О практике применения судами законодательства о защите прав потребителей (по делам с участием территориальных органов Роспотребнадзора)», которое обобщает правоприменительную практику в области государственного контроля за соблюдением требований законодательства о защите прав потребителей при предоставлении гражданам кредитов и иных финансовых услуг, но, на наш

взгляд, этого все ещё недостаточно для участия Роспотребнадзора в защите слабой стороны финансовых правоотношений, так как письма не являются нормативно-правовыми актами и не выполняют правоустанавливающие функции.

- Обширная судебная и административная практика, где Роспотребнадзор защищает права клиентов, пострадавших от недобросовестного поведения финансовых организаций. Например, дело А40-37144/2021, в рамках которого ПАО «Почта Банк» оспаривал решение Роспотребнадзора о привлечении его к ответственности за введение потребителя в заблуждение относительно потребительских свойств оказываемой услуги по предоставлению потребительского кредита (о размере выдаваемых кредитных средств и сроке их возврата, невозможности получения кредита без дополнительных платных услуг).
- В противоположность предыдущему примеру, где решение Роспотребнадзора о применении санкций в отношении финансовой организации было обоснованным, существует судебная практика, где ведомство допустило ошибки в квалификации правоотношений, из-за чего банку было необходимо доказывать свою правоту в нескольких инстанциях. В банковской практике распространено использование дополнительных соглашений между кредитором и заёмщиком, снижающих базовую процентную ставку при соблюдении определённых условий (например, на период получения заёмщиком заработной платы на счёт в банке, наличие трудовых отношений с партнёром банка и т.д.). При прекращении этих условий ставка возвращается к прежнему уровню. Роспотребнадзор, в свою очередь, нередко квалифицирует такой возврат как незаконное одностороннее изменение условий договора, ущемляющее права потребителя. Судебная практика демонстрирует неоднородность по данному вопросу, даже в отношении одних и тех же субъектов, что подчёркивают эксперты Ассоциации Российских Банков.

Ряд судов признаёт такие условия законными, рассматривая их как согласованное сторонами обусловленное исполнение обязательства. В соответствии с решением АС Псковской области по делу № А52-1691/2014 от 28.10.2014 г., оставленным в силе Постановлением АС СЗО от 14.04.2015 г., был признан недействительным пункт Предписания об устранении нарушений прав потребителей, вынесенного в отношении

ПАО «Росбанк» в связи с вышеуказанными условиями договоров с потребителями. Аналогичная позиция закреплена в Постановлении ФАС Поволжского округа от 03.12.2013 по делу № А72-3228/2013, а также в ряде актов судов общей юрисдикции.

Однако по аналогичным спорам, как было отмечено выше, позиции судов значительно отличаются. Так, в соответствии с Решением АСГМ по делу № А40-193516/2017 от 17.01.2018 г., заявление ПАО «Росбанк» об оспаривании постановления о привлечении к административной ответственности и предписания Управления Роспотребнадзора по Ивановской области, вынесенных по идентичным основаниям, было оставлено без удовлетворения.

Как следует из приведённых выше примеров, помимо участия Роспотребнадзора и Центрального Банка в делах по защите прав и законных интересов потребителей, возникает риск включения в соответствующие правоотношения третьего органа — Федеральной антимонопольной службы. Это заявление подкрепляется также анализом доктрины и юридической практики. Доктринальную предпосылку этого тезиса можно найти в статье доцента И.В. Игнатьевой [2], где отмечается, что понятия «финансовая организация» и «финансовые услуги» федерального закона «О защите конкуренции», изначально предназначенного для целей деятельности ФАС, нашли активное применение в судебной и иной юридической практике. Практическую предпосылку — в судебном деле № А74-18484/2018, где ООО «Эльдорадо» оспаривало решение регионального УФАС о привлечении к административной ответственности за нарушение законодательства РФ о рекламе. Было установлено, что за рекламируемой заявителем беспроцентной рассрочкой скрывался кредитный договор под определённый процент с третьими лицами. Этот прецедент указывает на то, как тесно может пересекаться компетенция разных органов в одной: компетенция ФАС в части рекламы, ЦБ или Роспотребнадзора — в части недобросовестно заключённого кредитного договора. Следовательно, без легального закрепления более детализированного распределения полномочий институтов может возникнуть конфликт разграничения предметов ведения, до разрешения которого может претерпевать вред и убытки сам потребитель.

Заключение.

Таким образом, можно сделать вывод, что в системе российских институтов надзора в финансовом секторе существует феномен дихотомии, имеющей предпосылки перерождения в ещё

более сложную систему — трихотомию. Такое разделение контролирующих органов создаёт правовую неопределённость как для самих финансовых организаций, так и для потребителя. Компании оказываются под риском двойного административного давления, а потребители могут столкнуться с проблемой циклической переадресации своих обращений между ведомствами. Следовательно, мы предлагаем обратить внимание на возможность проведения одного из двух экспериментов.

Суть первого эксперимента заключается в концентрации поведенческого контроля в руках мегарегулятора, обладающего необходимой экспертизой для оценки финансовых правоотношений. Кроме того, такая концентрация усилит синергию поведенческого и пруденциального надзоров, о которых было сказано в первом разделе настоящей статьи. Благодаря полному погружению Банка России в возникающие на потребительском рынке финансовых услуг правоотношения, регулятор будет иметь возможность быстрее выявлять повторяющиеся паттерны недобросовестности и трансформировать их в пруденциальные нормы.

Продолжая мысль магистранта О.В. Кошкарновой [3], суть второго предлагаемого нами эксперимента — нормативно закрепить порядок направления обращений в надзорные институты, установив их чёткую иерархию. В качестве первичного звена мы предлагаем закрепить Роспотребнадзор (и его территориальные органы), который более знаком потребителям и который сможет разрешать несложные споры, имеющие более массовый характер. Второй инстанцией — Центральный Банк (и его территориальные/региональные органы), обладающий большей экспертизой в решении и обжаловании сложных дел. Последней инстанцией защиты прав потребителей мы предлагаем закрепить судебную защиту в случае неудовлетворённости сторон вынесенными первыми двумя инстанциями решениями. По итогам проведения первого или второго эксперимента может быть принято решение либо о полной передаче полномочий по защите прав потребителей финансовых услуг в ведение СЗПП ЦБ РФ, либо о сохранении прежнего правового положения ведомств.

Список литературы:

- [1] Белоусов А.Л., Апостолов А. Генезис и регулирование системно значимых банков // Финансы и кредит. — 2019. — Т. 25, № 2. — С. 326 — 335. <https://doi.org/10.24891/fc.25.2.326>
- [2] Игнатьева, И. В. Защита прав и интересов потребителей финансовых услуг / И. В. Игнатьева. — Текст : непосредственный // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 2. — С. 226–229. — DOI: 10.47643/1815-1337_2025_2_226.
- [3] Кошкарлова, О. В. Система органов, участвующих в защите прав потребителей банковских услуг / О. В. Кошкарлова. — Текст : непосредственный // Вестник магистратуры. — 2021. — № 9-2 (120). — С. 79–82.
- [4] Куракина, Л. А. Особенности и актуальные проблемы защиты прав потребителей финансовых услуг / Л. А. Куракина. — Текст : непосредственный // Вестник МФЮА. — 2016. — № 4. — С. 176–184.
- [5] Ситник А. А. Поведенческий надзор на финансовом рынке // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 3. — С. 41–51. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.041-051.

References:

- [1] Belousov A.L., Apostolov A. Genesis and Regulation of Systemically Important Banks//Finance and Credit. — 2019. - T. 25, NO. 2. - S. 326-335. <https://doi.org/10.24891/fc.25.2.326>
- [2] Ignatiev, I.V. Protection of the rights and interests of consumers of financial services/I.V. Ignatiev. - Text: immediate//Law and state: theory and practice. — 2025. — № 2. - S. 226-229. — DOI: 10.47643/1815-1337_2025_2_226.
- [3] Koshkarova, O. V. System of bodies involved in protecting the rights of consumers of banking services/O. V. Koshkarova. - Text: direct//Bulletin of the magistracy. — 2021. — № 9-2 (120). - S. 79-82.
- [4] Kurakina, L. A. Features and current problems of protecting the rights of consumers of financial services/L. A. Kurakina. - Text: direct//MFLA Bulletin. — 2016. — № 4. - S. 176-184.
- [5] Sitnik A. A. Behavioral supervision in the financial market//Lex russica. — 2023. - T. 76. — № 3. - S. 41-51. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.041-051.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-86-92

КОСОВОКОВ Андрей Львович,
Советник отдела развития наднациональных институтов
в ЕАЭС Департамента евразийской интеграции
Минэкономразвития России,
e-mail: andreykos98@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СТАТУСА ЛИЧНОСТИ НА ЭМБРИОНЫ IN VITRO

Аннотация. Данная статья посвящена определению перспектив признания статуса личности за эмбрионами, созданными для проведения процедуры искусственного оплодотворения. В этих целях была исследована судебная практика США и ряда других государств по вопросу определения юридической судьбы эмбрионов в случае несовпадения волей доноров половых гамет. Было выявлено четыре подхода к разрешению подобных ситуаций и установлено, что в каждом из них конституционные права будущих родителей явно превалируют над потенциальными интересами эмбриона. Кроме того, было показано, как сами особенности медицинской процедуры приводят к необходимости уничтожения большого количества созданных эмбрионов, в связи с чем сделан вывод об отсутствии целесообразности признания за ними прав личности.

Ключевые слова: пренатальные права, правосубъектность, правовой статус личности, эмбрион *in vitro*, право на неприкосновенность частной жизни, репродуктивная автономия.

KOSOBOKOV Andrey Lvovich,
Advisor to the Department for the Development of Supranational
Institutions in the EAEU of the Department of Eurasian Integration
of the Ministry of Economic Development of Russia

PROSPECTS FOR EXTENDING PERSONALITY STATUS TO EMBRYOS IN VITRO

Annotation. This article is devoted to determining the prospects for recognizing the status of a person for embryos created for the procedure of artificial insemination. To this end, the judicial practice of the United States and a number of other states was investigated on the issue of determining the legal fate of embryos in the event of a mismatch between donors of sexual gametes. Four approaches to resolving such situations were identified and found that in each of them the constitutional rights of expectant parents clearly prevail over the potential interests of the embryo. In addition, it was shown how the very features of the medical procedure lead to the need to destroy a large number of created embryos, and therefore it was concluded that it was not advisable to recognize their individual rights.

Key words: prenatal rights, legal personality, legal status of the individual, embryo *in vitro*, right to privacy, reproductive autonomy.

Введение

В 2024 году Верховный суд Алабамы в деле *ЛеПейдж [16]* и другие против Центра репродуктивной медицины указал, что замороженные эмбрионы считаются несовершеннолетними детьми для целей закона, что позволяет заказчикам репродуктивных услуг подавать иски *wrongful death* (Иски, подающиеся членами семьи и ижди-

венцами против лиц, которые сознательно или по неосторожности стали причиной смерти близкого им человека) к клиникам экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) в случае гибели эмбрионов по вине медицинского учреждения. Дело касается нескольких пар родителей, хранивших созданные с помощью ЭКО эмбрионы в Центре репродуктивной медицины города Мобил. Паци-

ентка больницы, находившейся в том же медицинском комплексе, проникла на территорию криохранилища и случайно уничтожила несколько эмбрионов, что и привело к судебному разбирательству. Суд первой инстанции отклонил иски wrongful death, заключив, что эмбрионы не соответствуют определению «лица» или «ребенка» по смыслу законодательства штата, и, следовательно, их потеря не может служить основанием для таких исков, однако Верховный суд Алабамы в апелляционном порядке отменил решение нижестоящего суда, постановив, что закон распространяется на всех нерожденных детей, независимо от их местонахождения.

Стоит отметить, что для американской правовой системы приравнивание nasciturусов к уже рожденным лицам в правоотношениях, связанных с возмещением вреда, не является чем-то новым, однако данное дело является знаковым в силу того, что впервые такая экстраполяция применяется к эмбрионам, находящимся в пробирке.

Нельзя не сказать, что это решение суда оказало разрушительное воздействие на всю систему репродуктивной медицинской помощи штата, так как большое число клиник приостановило работу из-за рисков столкнуться с судебными исками за смерть эмбрионов, которая неизбежным образом сопровождает весь процесс применения ЭКО. Лишь благодаря вмешательству истеблишмента Республиканской партии США, включая Дональда Трампа, опасавшегося общественного напряжения в преддверии президентских выборов, был принят экстренный закон штата об иммунитете репродуктивных клиник от преследований за гибель нерожденных детей [17].

Идея признания за нерожденными детьми статуса субъекта права достаточно распространена в США, ряд конгрессменов практически ежегодно вносят в Палату Представителей и Сенат проекты биллей, признающих в том числе право на жизнь с момента зачатия [18]. Исходя из строгого толкования этой концепции криоконсервированные эмбрионы, видимо, также должны получить указанное право. И хотя конкретно в деле ЛеПейдж суд признал замороженный эмбрион ребенком лишь в определенных правоотношениях, полагаем, что данный прецедент будет использоваться и другими истцами в целях дальнейшего развития его правового статуса.

Вместе с тем необходимо отметить, что идея наделения нерожденного ребенка правами личности появилась значительно раньше технологий экстракорпорального оплодотворения, и изначально была нацелена на его защиту в утробе матери от проведения аборта. Не давая в данном исследовании оценку самой концепции столь ранней пренатальной правосубъектности, тем не

менее отметим, что в связи со сказанным выше попытки ее применения в сфере ЭКО могут иметь ряд проблем.

Отдельно отметим, что указанные проблемы в связи с растущей популярностью pro-life дискурса актуальны не только для США, но и для самого широкого круга государств.

Основная часть

В первую очередь, хочется отметить, что правовые споры, связанные с несанкционированным уничтожением эмбрионов, все еще остаются крайне редкими, а произошедшее в Алабаме является одним из самых вопиющих случаев. Вместе с тем самой распространенной категорией дел, связанных с экстракорпоральным оплодотворением, являются споры о распоряжении эмбрионами между супругами, поэтому вопрос о придании зародышам статуса субъектов права нельзя рассматривать в отрыве от правовых позиций судов по этим делам.

За последние 50 лет в разных государствах и правовых системах скопилась достаточно внушительная судебная практика по исследуемому вопросу, в связи с чем можно выделить несколько подходов к определению правовой судьбы эмбрионов и проанализировать их влияние на возможное признание за криоконсервированными эмбрионами статуса субъекта права.

Подход баланса интересов

Данный подход впервые был применен Верховным судом штата Теннесси в 1992 г. в деле Davis v. Davis [8]. Супруги Дэвис, ранее создавшие несколько эмбрионов для ЭКО, приняли решение о разводе. Женщина желала получить контроль над эмбрионами для будущей имплантации, а ее бывший муж на тот момент еще не определился с решением. Суд первой инстанции постановил, что эмбрионы являются детьми и в их интересах было бы родиться, однако апелляционный суд принял решение о совместном контроле до достижения сторонами компромисса. К моменту, когда дело попало на рассмотрение в Верховный суд штата, обе стороны вступили в новые брачные отношения и изменили позицию – женщина хотела пожертвовать эмбрионы бездетной паре, а мужчина – избежать нежелательного отцовства.

Верховному суду Теннесси предстояло решить два важных вопроса – каков статус эмбрионов и кому присудить право распоряжаться их судьбой. Касательно первого вопроса стоит сказать, что суд, отказавшись признать зародыш как личностью, так и собственностью, фактически уклонился от его решения, отнес эмбрионы скорее к моральной, чем к юридической «временной категории, пользующейся особым уважением» по

причине наличия у них жизненного потенциала. По второму вопросу суд постановил, что оба из родителей имеют право заключать договоры и принимать решения по эмбрионам, при этом контракты должны неукоснительно соблюдаться.

Однако в деле Дэвис пара не заключала никаких договоров, поэтому в основу своего решения суд положил оценку конституционно защищенных интересов обоих родителей и провел соотношение прав на неприкосновенность частной жизни (в аспекте репродуктивной автономии) матери и отца. Суд постановил, что право не становится родителем обычно перевешивает право им стать, если стороне доступна адекватная альтернатива, а именно усыновление или возможность родить в другом браке. Отдельно было отмечено, что если женщина настаивала бы на личном использовании эмбрионов, то дело было бы более сложным, однако в рассматриваемом случае ее интерес в передаче зародышей третьим лицам явно менее значим, чем интересы ее бывшего мужа, поэтому эмбрионы были переданы мужчине.

Столкнуться с определением правильного баланса интересов пришлось и Европейскому суду по правам человека в деле Эванс против Соединенного Королевства [12]. Согласно фабуле дела, заявительница совместно со своим мужем участвовала в программе ЭКО, причем созданные эмбрионы были ее последней возможностью родить, так как в связи с заболеванием ее яичники пришлось удалить. Оба супруга подписали форму информированного согласия, в которой было указано, что по действующему законодательству Великобритании любая сторона может отказаться от участия в программе путем оповещения клиники. Впоследствии отношения супругов ухудшились, в связи с чем муж госпожи Эванс пожелал, чтобы созданные эмбрионы были уничтожены. Английские суды отказались войти в положение Эванс, указав, что обещания и проявления нежности в личных отношениях не могут нести правоустанавливающих последствий. Желание супруга стать отцом было истинным, но никто не может обязать сохранять это намерение вечно. Европейский суд ожидаемо отклонил жалобу на нарушение статьи 2 (право на жизнь), так как не признает эмбрионы его носителями. Гораздо сложнее было решить вопрос о нарушении статьи 8 (право на уважение личной и частной жизни). Великобритания утверждает, что данное вмешательство было необходимым в демократическом обществе. Более того, заявительница, подписав форму, могла предположить, что существует вероятность такой ситуации. Большая палата поддержала ответчика, указав, что закон сформулирован предельно четко для предотвращения возможной

правовой неопределенности, а подобная строгость не является сама по себе нарушением статьи 8. Суд также отметил, что интересы истца и ответчика примирить нельзя, поэтому право не становится родителем перевешивает право заявительницы стать матерью генетически родного ребенка.

Более взвешенное, на наш взгляд, решение в контексте права на продолжение рода принял Верховный суд Пенсильвании в деле *Reber v. Reiss* [14]. Применяя тест на баланс интересов, он пришел к выводу, что интерес ныне бесплодного родителя в рождении ребенка перевешивает право другого супруга на отказ от нежелательного родительства. В деле *Reber v. Reiss* Суд отметил, что мужчина отказался от своего права не продолжать род, согласившись создать эмбрионы, а его супруга в то же время прошла множество этапов химиотерапии для излечения от рака, и эмбрионы были созданы как гарантия.

Анализ приведенных судебных дел в рамках этого подхода показывает, что в фокусе внимания судей, несмотря на попытки поднять вопрос о возможности обладания эмбриона правами, находились, прежде всего, вопросы конституционных прав их родителей. Репродуктивная автономия одного супруга, желающего родить ребенка, противостоит репродуктивной автономии другого, не согласного на этот шаг.

Вместе с тем отметим, что попытки учесть в этом подходе интересы не только родителей, но и эмбриона потерпели неудачу даже в одной из самых позитивно настроенных к защите нерожденной жизни юрисдикций. Так в деле *Roche v. Roche* [13], одна из сторон пыталась настоять на праве эмбрионов на жизнь. Особое значение этого дела состоит в том, что оно рассматривалось сначала Высоким, а затем и Верховным судом Ирландии во времена, когда аборт по требованию в стране были запрещены. В данном деле женщина, уже имеющая от своего мужа детей после проведения процедуры ЭКО, желала получить контроль над эмбрионами в ходе бракоразводного процесса. Высокий Суд заслушал показания свидетелей, принадлежащих к различным общественным группам, и в результате пришел к решению, что эмбрионы не являются «нерожденными» по смыслу ирландского законодательства, так как положение ирландской конституции, обеспечивающее нерожденным право на жизнь, имеет силу лишь для nasciturусов, находящихся в утробе матери, с чем согласился и Верховный суд страны.

Договорной подход

Данный подход предлагает ориентироваться на первоначальную волю супругов, закрепленную

в соглашении. В настоящее время его придерживаются многие штаты США. Так, в деле *Kass v. Kass* [9] суд Нью-Йорка постановил привести в исполнение подписанное супругами соглашение, согласно которому в случае их развода эмбрионы будут переданы для исследовательских целей. Супруга хотела отменить свое решение и использовать эмбрионы для имплантации, в чем ее поддержал суд первой инстанции, полагавший, что женщина имеет исключительный контроль над эмбрионами также, как и над внутриутробным плодом. Апелляционный суд отказался признать данный вывод. Действительно, если обращаться к делу *Roe v. Wade* [7], узаконившему аборт в США, то контроль над плодом вытекает из права на неприкосновенность частной жизни, а именно из невозможности принудить женщину вынашивать ребенка в своем чреве. В данном же деле эмбрион еще не был имплантирован, то есть женщина не несет всех тягот беременности, поэтому ее право на неприкосновенность частной жизни не нарушается.

В Российской Федерации суд также встал на сторону договорного подхода. Стоит сказать, что и уже не действующая, и ныне утвержденная в 2020 г. приказом Минздрава России формы информированного добровольного согласия (ИДС) на медицинское вмешательство с применением вспомогательных репродуктивных технологий и искусственной инсеминации предполагают лишь три варианта распоряжения эмбрионами после окончания программы ЭКО - криоконсервация, утилизация и донорство [2]. Однако рассмотренное Зюзинским районным судом [] дело демонстрирует иные возможные варианты решения данного вопроса. Согласно фабуле дела, супруги обратились в медицинское учреждение для совершения процедуры ЭКО, криоконсервации и хранения эмбрионов. Процедуры экстракорпорального оплодотворения не увенчались успехом, однако на хранении в клинике остались эмбрионы. Впоследствии брак был расторгнут, и бывший супруг обратился в клинику с требованием уничтожить эмбрионы, так как он больше не намерен их использовать. Отказывая в данном требовании, медицинская организация отметила, что согласно договору на оказание медицинских услуг, право на распоряжение эмбрионами переходит бывшей супруге. Стоит отметить, что вместе с договором была подписана форма ИДС, не соответствующая форме, утвержденной Минздравом России, в которой также было указано, что право распоряжения эмбрионами переходит к женщине. Однако Зюзинский районный суд признал, что договор и подписанная форма информированного согласия были направлены на закрепление прав и обязан-

ностей по отношению к эмбриону, и отказал истцу в праве одностороннего расторжения договора. Впоследствии данное решение было подтверждено Московским городским судом [4].

Кроме того, необходимо отметить еще одну особенность договорного подхода, которая заключается в навязывании клиниками форм согласия, воспринимаемыми некоторыми судами как договоры. Так, в деле *Litowitz v. Litowitz* [11] женщина хотела получить право распоряжения эмбрионами для себя, а ее бывший муж желал отдать их на имплантацию другой паре. Вместе с тем согласно подписанной форме, эмбрионы подлежали уничтожению через пять лет. Именно это и постановил исполнить Верховный суд Вашингтона. Итогом данной истории стало то, что эмбрионы были уничтожены, хотя родители определенно не желали этого.

Как можно заметить, договорной подход вовсе не оставляет места для дискуссии о потенциальных правах криоконсервированного эмбриона, так как значение имеет лишь заранее установленное согласование воли. Не менее важно и то, что при применении данного подхода даже желание обоих юридических акторов развития потенциал эмбриона далеко не всегда приводит к этому результату.

Кроме того, указанный подход не способствует учету потенциального права эмбриона на жизнь еще и по причине повышенного интереса самой медицинской организации. Так, формы информированного согласия и договоры всегда содержат положения об определении судьбы эмбриона. Клиника, несомненно, не заинтересована в длительном хранении эмбрионов, ведь основная ее задача (и источник ее заработка) — это проведение процедуры ЭКО [19]. В случае невозможности применения соглашения медицинское учреждение вполне обоснованно защищает свой интерес (и, тем самым, интересы других людей, желающих воспользоваться этой процедурой) в освобождении занимаемого эмбрионом места в криокамере.

Подход одновременного согласия

Третьей известной моделью является подход одновременного согласия, базирующийся на том, что обе стороны до имплантации могут изменить свое первоначальное решение, в том числе подписанный контракт, после чего суд запретит передачу эмбрионов до выработки устраивающего обе стороны решения. Пионером данного подхода стал Верховный суд Массачусетса, вынесший решение по делу *A.Z. v. B.Z.* [10]. Через несколько лет этот подход восприняли в Айове в деле *In re marriage of Witte* [5]. Очевидно, что дол-

гое хранение эмбрионов сопряжено с финансовыми издержками и длительным состоянием правовой неопределенности, поэтому Верховный суд Айовы возложил расходы по хранению эмбрионов на отказавшуюся от изначального соглашения сторону. Тем не менее, хочется отметить, что доктрина одновременного подхода не является решением проблемы, а лишь консервирует ее крайне длительный срок и не приводит к достижению цели ни одной из сторон.

Говоря об учете потенциальных интересов эмбриона при применении этого подхода, необходимо отметить и тот факт, что по всему миру в репродуктивных клиниках хранятся миллионы не востребуемых зародышей [6], большинство из которых никогда не родятся и впоследствии будут утилизированы. На данный момент не представляется возможным, каким путем это число могло бы быть снижено, ведь запрет замораживания избыточного числа эмбрионов в целях подстраховки сильно ударит по популярности и эффективности самой технологии ЭКО. В то же время это означает, что наделение криоконсервированного зародыша правами личности в таких обстоятельствах будет явно нерациональным шагом в силу отсутствия возможности их обеспечения.

Подход “приоритета рождения”

Согласно решению, принятому на законодательном уровне в Аризоне, эмбрионы в случае развода предписывается передавать той стороне, которая нацелена на рождение ребенка, освободив от родительских прав и обязанностей несогласную сторону [1].

По-видимому, данный подход в наибольшей степени способствует приданию значимости потенциальным правам криоконсервированного эмбриона. Вместе с тем необходимо отметить несколько деталей. Прежде всего отметим, что данный подход применяется лишь к случаям расторжения брака. Более того, в Статутах Аризоны указанная норма находится в разделе об имущественных спорах о разводе, что вновь указывает на ключевой характер интересов уже живущих лиц. Кроме того, нельзя не сказать и о причинах такого законодательного решения. Так, указанная новелла была принята легислатурой штата после резонансного юридического спора, в котором мужчина желал уничтожить эмбрионы, созданные им и его супругой перед лечением женщины от онкологического заболевания. Данное дело отчетливо перекликается с делом Эванс против Соединенного Королевства, и Верховный суд Аризоны пришел к тем же выводам - право не становится родителем перевешивает право им стать [15].

Принимая этот закон, парламент штата де-факто закрепил, что отныне право на неприкосновенность частной жизни одного из партнеров (желающего продолжить беременность) имеют неоспоримый приоритет над правом другого. Потенциальные же интересы эмбриона в рождении в таком случае становятся лишь побочным итогом регулирования прав и интересов рожденных людей.

Кроме того, нельзя не отметить, что в случае потери интереса обоих супругов к использованию эмбрионов, их потенциал к развитию практически полностью теряет значение для правовой системы штата. Потенциальные же попытки довести эмбрион до рождения против желания обоих его родителей явным образом будут идти вразрез с самой целью применения ЭКО, и, несомненно, станут грубейшим нарушением прав обоих супругов на неприкосновенность частной жизни, что может подорвать перспективы развития репродуктивной медицины из-за снижения доверия к ней.

Заключение

Анализ каждого из приведенных подходов к определению судьбы криоконсервированных эмбрионов в спорах между супругами показывает, что придание детям в пробирке субъектного статуса связано с рядом проблем как правового, социального и экономического характера. Процедура экстракорпорального оплодотворения является одной из важнейших технологий, созданной человечеством, так как она позволяет создавать новую жизнь, преодолевая те преграды, которые долгое время считались незыблемыми. В то же время особенности этой процедуры вынуждают отдавать предпочтение развитию не любой жизни, а лишь той, в которой заинтересованы доноры гамет.

Репродуктивная медицина существует исключительно в интересах тех, кто нуждается в продолжении своего рода, и если консенсус между потенциальным отцом и матерью не достигнут, то, как правило, это приводит к угасанию ценности потенциала созданной ими новой жизни, что одновременно позволяет защитить интересы других пар, имеющих твердое совместное желание создать и сохранить эмбрионы, жизненный потенциал которых, напротив, будет лишь расти. Необходимо сказать и о том, что признание субъектного статуса криоконсервированного эмбриона затруднено в связи с медицинскими аспектами данной процедуры. Так, для успешного оплодотворения в силу не самой высокой вероятности наступления беременности (около 40 процентов) необходимо подсаживать сразу несколько эмбрионов, однако в ряде случаев могут прижиться все

из них. Вместе с тем многоплодная беременность связана с рядом рисков для женского здоровья, в связи с чем нередко проводятся процедуры редукции “лишних” эмбрионов, то есть их уничтожения в целях обеспечения оптимального течения беременности. Как можно заметить, сохранение всех эмбрионов может противоречить самой цели проведения ЭКО.

В этой связи полагаем, что наделение криоконсервированного эмбриона как правом на жизнь, так и любыми иными правами, не может быть поддержано.

Список литературы:

- [1] Пересмотренные статуты Аризоны: // URL: <https://www.azleg.gov/viewdocument/?docName=https://www.azleg.gov/ars/25/00318-03.html> (дата обращения: 11.02.2026)
- [2] Приказ Минздрава России от 31.07.2020 N 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 11.02.2026)
- [3] Решение Зюзинского районного суда г. Москвы от 30 июня 2014 года по делу № 33-9401.
- [4] Апелляционное определение Московского городского суда от 24 марта 2015 г. по делу № 33-9401
- [5] Nancy S. Kim. In Re Marriage of Witten: Subordinating Contract to “Public Policy”// Florida State University law Review. ;№ 45. 2018. С. 994-998
- [6] Kamerlin SCL. In vitro fertilization and the ethics of frozen embryos // URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11239656/> (дата обращения: 11.02.2026)
- [7] Решение по делу Roe v. Wade (1973) // URL: https://en.wikisource.org/wiki/Roe_v._Wade/Opinion_of_the_Court (дата обращения: 11.02.2026)
- [8] Решение по делу Davis v. Davis (1992) // URL: <https://law.justia.com/cases/tennessee/supreme-court/1992/842-s-w-2d-588-2.html> (дата обращения: 11.02.2026)
- [9] Решение по делу Kass v. Kass (1998) // URL: <https://law.justia.com/cases/new-york/court-of-appeals/1998/91-n-y-2d-554-0.html> (дата обращения: 11.02.2026)
- [10] Решение по делу A.Z v. B.Z (2000) // URL: <https://law.justia.com/cases/massachusetts/supreme-court/volumes/431/431mass-150.html>
- [11] Решение по делу Litowitz v. Litowitz (2002) // URL: <https://law.justia.com/cases/washington/supreme-court/2002/70413-9-4.html> (дата обращения: 11.02.2026)

[12] Решение по делу Эванс против Соединенного Королевства (2007) // URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22001-80046%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-80046%22]}) (дата обращения: 11.02.2026)

[13] Решение по делу Roche v. Roche (2009) // URL: <https://www.bailii.org/ie/cases/IESC/2009/S82.html> (дата обращения: 11.02.2026)

[14] Решение по делу Reber v. Reiss (2012) // URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/pa-superior-court/1598692.html> (дата обращения: 11.02.2026)

[15] Решение по делу Terrel v. Torres (2020) URL: // <https://law.justia.com/cases/arizona/supreme-court/2020/cv-19-0106-pr.html> (дата обращения: 11.02.2026)

[16] Решение по делу LePage v. Center for Reproductive Medicine (2024) // URL: <https://law.justia.com/cases/alabama/supreme-court/2024/sc-2022-0579.html> (дата обращения: 11.02.2026)

[17] URL: <https://www.axios.com/2024/02/23/trump-ivf-alabama-2024-republicans> (дата обращения: 11.02.2026)

[18] URL: <https://www.pregnancyjusticeus.org/wp-content/uploads/2024/09/Fetal-personhood.pdf> (дата обращения: 11.02.2026)

[19] URL: // <https://www.mmginvest.com/post/fertility-clinics-outlook-us-market-analysis-through-2030#:~:text=In%20recent%20years%2C%20the%20share,quarter%20of%20the%20fertility%20dollar.> (дата обращения: 11.02.2026)

References:

- [1] Revised Arizona Statutes ://URL: <https://www.azleg.gov/viewdocument/?docName=https://www.azleg.gov/ars/25/00318-03.html> (Accessed: 11.02.2026)
- [2] Order of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 803n dated 31.07.2020 “On the Procedure for Using Assisted Reproductive Technologies, Contraindications and Restrictions on Their Use “//URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (accessed on: 11.02.2026)
- [3] Decision of the Zyuzinsky District Court of Moscow dated June 30, 2014 in case No. 33-9401.
- [4] Appeal ruling of the Moscow City Court dated March 24, 2015 in case No. 33-9401
- [5] Nancy S. Kim. In Re Marriage of Witten: Subordinating Contract to “Public Policy”// Florida State University law Review. ;№ 45. 2018. С. 994-998
- [6] Kamerlin SCL. In vitro fertilization and the ethics of frozen embryos // URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11239656/> (дата обращения: 11.02.2026)
- [7] Roe v. Wade (1973)//URL: https://en.wikisource.org/wiki/Roe_v._Wade/Opinion_of_the_Court (Accessed: 11.02.2026)

[8] Decision in Davis v. Davis (1992)//URL: <https://law.justia.com/cases/tennessee/supreme-court/1992/842-s-w-2d-588-2.html> (Accessed: 11.02.2026)

[9] Kass v. Kass (1998) Decision//URL: <https://law.justia.com/cases/new-york/court-of-appeals/1998/91-n-y-2d-554-0.html> (Accessed: 11.02.2026)

[10] Judgment in A.Z v. B.Z (2000)//

URL: <https://law.justia.com/cases/massachusetts/supreme-court/volumes/431/431mass150.html>

[11] Judgment in Litowitz v. Litowitz (2002)// URL: <https://law.justia.com/cases/washington/supreme-court/2002/70413-9-4.html> (Accessed: 11.02.2026)

[12] Evans v. United Kingdom (2007) Decision// URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre # {%22itemid%22: \[%22001-80046%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre # {%22itemid%22: [%22001-80046%22]}) (Accessed: 11.02.2026)

[13] Roche v. Roche (2009) decision//URL: <https://www.bailii.org/ie/cases/IESC/2009/S82.html> (Accessed: 11.02.2026)

[14] Reber v. Reiss (2012) Decision//URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/pa-superior-court/1598692.html> (Accessed: 11.02.2026)

[15] Terrel v. Torres (2020) Decision URL :// <https://law.justia.com/cases/arizona/supreme-court/2020/cv-19-0106-pr.html> (Accessed: 11.02.2026)

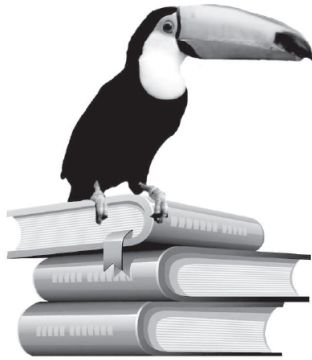
[16] LePage v. Center for Reproductive Medicine (2024) Decision//URL: <https://law.justia.com/cases/alabama/supreme-court/2024/sc-2022-0579.html> (Accessed: 11.02.2026)

[17] URL: <https://www.axios.com/2024/02/23/trump-ivf-alabama-2024-republicans> (Accessed On: 11.02.2026)

[18] URL: <https://www.pregnancyjusticeus.org/wp-content/uploads/2024/09/Fetal-personhood.pdf> (дата обращения: 11.02.2026)

[19] URL: // <https://www.mmcminvest.com/post/fertility-clinics-outlook-us-market-analysis-through-2030#:~:text=In%20recent%20years%2C%20the%20share,quarter%20of%20the%20fertility%20dollar.> (accessed on: 11.02.2026)

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-93-100

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

ВИНОКУРОВ Владимир Анатольевич,
профессор кафедры теории и истории государства и права
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы Министерства
Российской Федерации по делам гражданской обороны,
чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева»,
доктор юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Российской Федерации,
ORCID 0000-0003-0002-3010,
e-mail: tigp@igps.ru

ШАФИГУЛИН Кирилл Витальевич,
ведущий юрисконсульт федерального государственного
бюджетного учреждения «Всероссийский центр экстренной и
радиационной медицины имени А.М. Никифорова»
Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны,
чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий,
ORCID: 0009-0006-5273-1181,
e-mail: kusha1@bk.ru

ОБЯЗАННОСТЬ ГОСУДАРСТВА ИНФОРМИРОВАТЬ О ФАКТАХ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, СОЗДАЮЩИХ УГРОЗУ ДЛЯ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ЛЮДЕЙ

Аннотация. На основе нормы Конституции Российской Федерации, предусматривающей ответственность за сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, проанализированы требования российского законодательства, касающиеся обязанности государственных органов и органов местного самоуправления предупреждать население о возможных ситуациях, создающих угрозу для жизни и здоровья человека.

Подробно рассмотрены вопросы предупреждения конкретного физического лица о возможных угрозах его жизни и здоровья. Установлено, что предупреждение о возможных угрозах жизни и здоровья в индивидуальном порядке регулируются лишь Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», предусматривающим получение от пациента информированного добровольного согласия, которое является необходимым предварительным условием медицинского вмешательства. Выявлены недостатки в утвержденной Министерством здравоохранения Российской Федерации форме информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. Кроме того, исходя из положений Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», авторы пришли к выводу о необходимости дополнить типовую форму контракта о прохождении военной службы, являющуюся приложением 1 к Положению о порядке прохождения военной службы, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 года № 1237, обязанностью федерального органа государственной власти предупреждать о ситуациях, которые по службе могут создавать угрозу для жизни и здоровья военнослужащего.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, охрана здоровья, жизнь и здоровье людей, факты и обстоятельства, создающие угрозу для жизни и здоровья людей, информация об обстоятельствах, создающих опасность для жизни и здоровья людей, ответственность за сокрытие или искажение информации, создающих опасность для жизни и здоровья людей, информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство, типовая форма контракта о прохождении военной службы.

VINOKUROV Vladimir A.,

*Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Civil Defense,
Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters
named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev”,
doctor of law, associate professor,
honored lawyer of the Russian Federation*

SHAFIGULIN Kirill V.,

*Leading Legal Adviser to the Federal State
Budgetary Institution “All-Russian Center for Emergency and Radiation
Medicine named after A.M. Nikiforov” of the Ministry of Civil Defense,
Emergencies and Disaster Management of the Russian Federation*

THE DUTY OF THE STATE TO INFORM ABOUT FACTS AND CIRCUMSTANCES THAT POSE A THREAT TO HUMAN LIFE AND HEALTH

Annotation. *Based on the norm of the Constitution of the Russian Federation, which provides for responsibility for the concealment by officials of facts and circumstances that pose a threat to human life and health, the requirements of Russian legislation concerning the obligation of state bodies and local governments to warn the population about possible situations that pose a threat to human life and health are analyzed.*

The issues of warning a specific individual about possible threats to his life and health are considered in detail. It has been established that warnings about possible threats to life and health are individually regulated only by the Federal Law “On the Fundamentals of Public Health Protection in the Russian Federation”, which provides for obtaining informed voluntary consent from the patient, which is a prerequisite for medical intervention. Shortcomings have been identified in the form of informed voluntary consent for medical intervention approved by the Ministry of Health of the Russian Federation. In addition, based on the provisions of the Federal Law “On Military Duty and Military Service”, the authors came to the conclusion that it is necessary to supplement the standard form of the contract for military service, which is Annex 1 to the Regulation on the Procedure for Military Service, approved by Decree of the President of the Russian Federation dated September 16, 1999 No. 1237, with the responsibility of the federal state body The authorities should warn about situations that may pose a threat to the life and health of a serviceman.

Key words: *The Constitution of the Russian Federation, health protection, human life and health, facts and circumstances that endanger human life and health, information about circumstances that endanger human life and health, responsibility for concealing or distorting information that endanger human life and health, informed voluntary consent to medical intervention, standard form military service contract.*

Одним из основных прав человека и гражданина в нашей стране Конституция Российской Федерации [11] определяет право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь (из части 1 статьи 41), устанавливая при этом, что «сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом» (часть 3 статьи 41).

Обязанность органов публичной власти, организаций и их должностных лиц доводить до населения информацию о фактах и обстоятельствах, создающих угрозу для жизни и здоровья

людей, определена в ряде федеральных законов. Например, в Федеральном законе «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [12], по которому федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и организации обязаны оперативно и достоверно информировать население через средства массовой информации о состоянии защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и принятых мерах по обеспечению их безопасности, о прогнозируемых и возникших чрезвычайных ситуациях, о приемах и способах

защиты населения от них (из статьи 6). В Федеральном законе «О радиационной безопасности населения» [13] предусмотрено, что организация, осуществляющая деятельность с использованием источников ионизирующего излучения, обязана проинформировать о радиационной аварии население территорий, на которых возможно повышенное облучение (из статьи 20). К полномочиям Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [14] отнесено, в том числе своевременное и полное информирование граждан о санитарно-эпидемиологической обстановке, о возникновении или об угрозе возникновения инфекционных заболеваний (из статьи 5), а Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере охраны здоровья – информирование населения субъекта Российской Федерации, муниципального образования о возможности распространения социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих, на территории субъекта Российской Федерации, муниципального образования (соответственно), а также информирование об угрозе возникновения и о возникновении эпидемий (пункт 13 статьи 16, пункт 3 статьи 17).

Во исполнение Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» Правительством Российской Федерации утвержден Порядок сбора и обмена в Российской Федерации информацией в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [15], в соответствии с которым сбор и обмен информацией осуществляется в целях принятия мер по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, оценки их последствий, информирования и своевременного оповещения населения о прогнозируемых и возникших чрезвычайных ситуациях (пункт 2).

Ответственность за сокрытие информации, указанной в статье 41 Основного Закона государства, предусмотрена Уголовным кодексом Российской Федерации [16], в частности, в статье 237 определено наказание за «сокрытие или искажение информации о событиях, фактах или явлениях, создающих опасность для жизни или здоровья людей, ... совершенные лицом, обязанным обеспечивать население ... указанной информацией». Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [17] устанавливает административную ответственность, но не за весь спектр возможных фактов и обстоятельств, созда-

ющих угрозу для жизни и здоровья людей, а лишь за некоторые. В частности, предусмотрена ответственность за «несообщение или сокрытие информации о реакциях и об осложнениях, возникших у реципиентов в связи с трансфузией (переливанием) донорской крови и (или) ее компонентов» (часть 2 статьи 6.31), а также за «сокрытие, умышленное искажение или несвоевременное сообщение полной и достоверной информации о состоянии окружающей среды и природных ресурсов...» (часть 1 статьи 8.5), что может создавать угрозу для жизни и здоровья людей.

Проблемы, связанные с информированием населения, работой органов, организаций и должностных лиц, которые обязаны предупреждать людей о возможных негативных последствиях, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, ответственности за нарушение установленной конституционной нормы, рассматривались многими авторами. Так, А.И. Рарог в монографии «Медицинское уголовное право» подробно рассматривает все составляющие преступления, предусмотренного в статье 237 Уголовного кодекса Российской Федерации [1, с. 204–213]; А.Н. Тарасенкова анализирует вопросы распространения информации, обращая, например, внимание на то, что лица, организующие распространение информации в Интернете, должны, в числе прочего, обеспечивать, «возможность передачи электронных сообщений по инициативе государственных органов (прежде всего в целях информирования о нештатных ситуациях, которые могут создать угрозу жизни, здоровью, безопасности людей)», а также подробно останавливается на необходимости предоставлять информацию об угрозе безопасности туристов в стране временного пребывания [2, с. 24, 122–124]; С.Н. Братановский и С.Ю. Лапин, разбирая конституционные аспекты права на доступ к информации, замечают, что «...право на информацию является отражением прямого сотрудничества, общения государства и человека, где государство выступает как активный участник, обеспечивающий все условия к тому, чтобы человек воспользовался своим правом» [3, с. 4]. Ряд авторов для анализа рассматриваемых ими вопросов лишь цитирует конституционную норму, обосновывая ею свои выводы [4, с. 17; 5, с. 16; 6, с. 50].

Таким образом, вопросы, связанные с обеспечением государством права на получение населением информации о фактах и обстоятельствах, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, в отношении неограниченного числа лиц, урегулированы законодательством и регулярно подвергаются анализу со стороны ученых и специалистов, в том числе в области здравоохранения [7, с. 274].

Вопросы предупреждения конкретного физического лица о возможных угрозах его жизни и здоровья регулируются лишь в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», которым предусмотрено, что «необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является дача информированного добровольного согласия гражданина или его законного представителя на медицинское вмешательство на основании предоставленной медицинским работником в доступной форме полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи» (часть 1 статьи 20), что является предупреждением об обстоятельствах, создающих потенциальную угрозу для жизни и здоровья человека. Без такого согласия или при отказе от его подписания осуществление медицинского вмешательства невозможно, за исключением некоторых экстраординарных случаев (часть 9 статьи 20).

Приказами Министерства здравоохранения Российской Федерации утверждены формы информированного добровольного согласия, однако очень формальные и, как выясняется на практике, неполные по содержанию, то есть не предусматривающие отдельных моментов, которые должны защитить права пациента, врача, медицинской организации, предотвратив возможные споры и разбирательства [18]. Однако, в связи с возникающими в повседневной деятельности проблемами, медицинские учреждения разрабатывают свои формы информированного добровольного согласия, в которых подробно прописывают риски при определенном медицинском вмешательстве, вписывают разъяснения об абсолютных и относительных противопоказаниях, предупреждают о возможном недостижении того результата, на который рассчитывает пациент. Подобный подход сложился, в основном, из-за множества судебных решений в отношении медицинских организаций, которые, по мнению суда, нарушили право на информирование пациента о предоставляемых медицинских услугах, не указав, в частности, конкретные предполагаемые манипуляции (удаление, изменение, установка имплантатов, выправление и др.) с организмом человека, особенно при проведении оперативного вмешательства, что в последующем становится основанием для взыскания денежных средств в пользу последнего [19] или не проинформировав пациента о том, что конкретная медицинская услуга входит в территориальную программу госу-

дарственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, то есть может быть оказана бесплатно [20].

В этой ситуации Министерству здравоохранения Российской Федерации необходимо пересмотреть форму информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство, утвержденную приказом 12 ноября 2021 года № 1051н, включив в него позиции, которые по мнению Верховного Суда Российской Федерации должны быть прописаны, а также предусмотрев возможность медицинским организациям самостоятельно включать положения, о которых предупреждают пациента с учетом специфики учреждения и предполагаемых к проведению медицинских манипуляций, с которыми последний соглашается.

Особняком в вопросах охраны здоровья в части информирования о фактах и обстоятельствах, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, стоят военнослужащие. В соответствии с нормами Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» [21] прохождение военной службы гражданами Российской Федерации осуществляется по призыву и в добровольном порядке, то есть по контракту (пункт 2 статьи 2). И если гражданин, поступивший на военную службу по призыву, не подписывает никаких документов, определяющих его права и обязанности, поскольку они установлены законом, то в случае поступления на службу по контракту, с гражданином заключается контракт о прохождении военной службы, в котором закрепляются добровольность поступления гражданина на военную службу, срок, в течение которого обязуется проходить военную службу, и условия контракта. В условия контракта включаются обязанность гражданина проходить военную службу в соответствующих войсках, воинских формированиях или органах в течение установленного контрактом срока, добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности военнослужащих, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также право гражданина на соблюдение его прав и прав членов его семьи, включая получение социальных гарантий и компенсаций, установленных законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, определяющими статус военнослужащих и порядок прохождения военной службы (пункты 1–3 статьи 32).

Типовая форма контракта о прохождении военной службы установлена Положением о порядке прохождения военной службы, утвержденным Указом Президента Российской Федера-

ции от 16 сентября 1999 года № 1237 «Вопросы прохождения военной службы» [22]. В примечании к типовой форме контракта о прохождении военной службы содержатся указания на то, что «руководитель федерального органа исполнительной власти или федерального государственного органа, в котором предусмотрена военная служба, вправе указать в пунктах 2 и 3 типовой формы контракта конкретные права и обязанности военнослужащих, предусмотренные законодательством Российской Федерации и обусловленные особенностями их военной службы».

Приказами руководителей федеральных государственных органов типовой контракт дополнен обязанностями лица, поступающего на военную службу и в некоторых случаях тем, что должен сделать государственный орган в части создания необходимых условий для работы со сведениями, составляющим государственную тайну [23]. Лишь в приказе Министра обороны Российской Федерации от 18 сентября 2023 года № 625 «О контракте о прохождении военной службы» [24], наряду с одиннадцатью дополнительными обязанностями военнослужащего предусмотрен перечень дополнительных обязанностей военного ведомства, состоящий из десяти позиций.

При этом ни в одном из опубликованных приказов, вносящих дополнения в типовую форму контракта о прохождении военной службы, не предусматривается обязанность федерального государственного органа предупреждать военнослужащего, что в результате исполнения им обязанностей военной службы, в том числе в случаях «участия в боевых действиях, выполнения задач в период мобилизации, в условиях чрезвычайного или военного положения, военного времени, вооруженных конфликтов, а также участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности либо участия в операциях, проводимых Вооруженными Силами Российской Федерации, другими войсками, воинскими формированиями и органами, в том числе для выполнения задач по пресечению международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации», он может погибнуть (умереть) или получить увечья (ранения, травмы, контузии) либо заболевания, что следует из статьи 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

При этом исследователь сути военной службы Е.А. Глухов отмечает, что «Непосредственная задача по защите Отечества возлагается на военнослужащих. Законодательно установлено, что именно эта категория населения должна будет с риском для жизни и здоровья, с

оружием, беспрекословно подчиняться командиру (начальнику), защищать государство от внешнего врага» [8].

Российские ученые, рассматривая некоторые аспекты военной службы, отмечают, в частности, что в районах Крайнего Севера «имеются условия, угрожающие жизни и здоровью военнослужащих и членов их семей» [9, с. 88], что подтверждается нормой упомянутого выше Положения о порядке прохождения военной службы, предусматривающей плановую замену военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, а также местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями (статья 16). Обращают внимание исследователи также и на то, что условиями проведения тренировок и правилами соревнований не должна создаваться угроза жизни и здоровью лиц, занимающихся военно-прикладными видами спорта, что предусмотрено в качестве добровольной подготовки гражданина к военной службе [10] (статья 17 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»).

Необходимость указывать в контракте о прохождении военной службы фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей в случае направления военнослужащего для участия в боевых действиях, выполнения задач в период мобилизации, в условиях чрезвычайного или военного положения, военного времени, вооруженных конфликтов, включая специальную военную операцию [25], приобретает особое значение. Обязанность государства, вытекающая из нормы части 3 статьи 41 Конституции Российской Федерации, по которой факты и обстоятельства, создающие угрозу для жизни и здоровья людей, должны быть известны тем, кого это касается, включая конкретного субъекта правоотношения.

Полагаем, что в целях единообразного подхода к регулированию обязанностей государственных органов, в которых предусмотрена военная служба, в пункт 3 типовой формы контракта о прохождении военной службы, являющейся приложением 1 к Положению о порядке прохождения военной службы, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 года № 1237, необходимо дополнить словами следующего содержания: «, а также предупреждает, что при исполнении обязанностей военной службы, предусмотренных подпунктом «а» пункта 1 статьи 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», а также при направлении на службу в районы Крайнего Севера и при-

равненные к ним местности и местности с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, существует угроза для жизни и здоровья военнослужащего».

Предложенные изменения в нормативные правовые акты позволят соблюдать конституционные нормы в части обеспечения государством права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Список литературы:

- [1] Медицинское уголовное право: монография / А.А. Бимбинов, В.Н. Воронин, Т.Г. Понятовская и др.; отв. ред. А.И. Рарог. – Москва: Проспект, 2022. – 576 с.
- [2] Тарасенкова А.Н. Информационное право: возрастная маркировка, цифровая безопасность и другие вопросы. – Москва: Редакция «Российской газеты», 2019. Вып. 20. – 176 с.
- [3] Братановский С.Н., Лапин С.Ю. Конституционные аспекты права на доступ к информации // Российская юстиция. 2017. № 7. С. 2–5.
- [4] Алексеева М.В. О проблемных вопросах реализации конституционного права на информацию как одного из основных прав и свобод человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 7. С. 16–19.
- [5] Каменева З.В. Современное состояние нормативного регулирования медицинской деятельности // Законодательство и экономика. 2015. № 12. С. 15–21.
- [6] Травников Н.О. О правомочиях, образующих право на информацию // Российский юридический журнал. 2015. № 5. С. 48–55.
- [7] Шафигулин К.В. Отдельные проблемы реализации права граждан Российской Федерации при оказании медицинской помощи // Теория государства и права. 2024. №1 (35). С. 272–282.
- [8] Глухов Е.А. Увольнения и перемещения личного состава при приведении воинских частей и органов военного управления в высшие степени боевой готовности // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 4. С. 101–110.
- [9] Шанхаев С.В. Прохождение военной службы по контракту: практические рекомендации (комментарии и разъяснения, судебная практика, алгоритмы действий, образцы документов). Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». – М.: «За права военнослужащих», 2008. Вып. 89. – 208 с.
- [10] Уруков В.Н., Казаков С.Д., Полит О.И. Комментарий к Федеральному закону от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (постатейный) / отв. ред. Г.Н. Жуков // СПС КонсультантПлюс. 2012.
- [11] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>). 2022. 6 октября. № 0001202210060013. Для удобства восприятия текста настоящей статьи Конституция Российской Федерации далее также именуется как Основной Закон государства, Основной Закон страны.
- [12] Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35. Ст. 3648.
- [13] Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 141.
- [14] Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 14. Ст. 1650.
- [15] Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 1997 года № 334 «О порядке сбора и обмена в Российской Федерации информацией в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 13. Ст. 1545.
- [16] Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
- [17] Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.
- [18] См.: форму информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство, форму отказа от медицинского вмешательства, утвержденные приказом Минздрава России от 12 ноября 2021 года № 1051н, форму письменного информированного добровольного согласия на трансплантацию органов и (или) тканей человека, утвержденную приказом Минздрава России от 27 июля 2022 года № 508н; форму информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство по проведению искусственного прерывания беременности, утвержденную приказом Минздрава России от 19 марта 2025 года № 136н // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2021, 25 ноября. № 0001202111250019; 2022, 26 августа. № 0001202208260008; 2025, 11 апреля. № 0001202504110020.
- [19] См., например: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2022 года № 18-КГПР22-28-К4 (УИД 23RS0036-01-2019-005185-54) // Сайт юридической информационной системы «Легалакт» [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoy-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16052022-n-18-kgpr22-28-k4/?ysclid=mkxog4ygib950371310> (дата обращения: 28 января 2026 года).
- [20] См., например: определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2023 года № 307-ЭС23-1659 по делу № А21-192/2022 //

Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/news/1620831/?ysclid=mkxp1v8fjp683332506> (дата обращения: 28 января 2026 года).

[21] Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 13. Ст. 1475.

[22] Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 38. Ст. 4534.

[23] См.: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 22 ноября 2016 года № 124 «О контракте о прохождении военной службы»; приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 14 мая 2020 года №129 «О контракте о прохождении военной службы и признании утратившим силу приказа Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 5 октября 2018 г. № 450»; приказ Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации от 30 мая 2023 года № 70 «О контракте о прохождении военной службы»; приказ Федеральной службы охраны Российской Федерации от 2 октября 2024 года № 146 «О контракте о прохождении военной службы» // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>). 13 декабря 2016 года № 0001201612130056; 19 июня 2020 года № 0001202006190025; 4 июля 2023 года № 0001202307040022; 12 ноября 2024 года № 0001202411120015.

[24] Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>). 23 октября 2023 года. № 0001202310230008.

[25] О военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции на территории Украины или в отдельных местностях Российской Федерации, на территориях которых введено военное положение, говорится в Федеральном законе «Об особенностях применения и исполнения дисциплинарного ареста в отношении военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4927.

References:

[1] Medical criminal law: monograph/A.A. Bimbinov, V.N. Voronin, T.G. Ponyatovskaya et al.; resp. ed. A.I. Rarog. - Moscow: Prospect, 2022. - 576 p.

[2] A.N. Tarasenkova. Information law: age marking, digital security and other issues. - Moscow: Editorial office of Rossiyskaya Gazeta, 2019. No. 20. - 176 s.

[3] Bratanovsky S.N., Lapin S.Yu. Constitutional aspects of the right to access information//Russian justice. 2017. № 7. S. 2-5.

[4] Alekseeva M.V. On problematic issues of the implementation of the constitutional right to information as one of the fundamental rights and freedoms of man and citizen//Constitutional and municipal law. 2012. № 7. S. 16-19.

[5] Kameneva Z.V. The current state of regulatory regulation of medical activities//Legislation and economics. 2015. № 12. S. 15-21.

[6] Travnikov N.O. On the rights forming the right to information//Russian Law Journal. 2015. № 5. S. 48-55.

[7] Shafigulin K.V. Individual problems of the realization of the right of citizens of the Russian Federation in the provision of medical care//Theory of state and law. 2024. №1 (35). S. 272-282.

[8] Glukhov E.A. Dismissal and movement of personnel when bringing military units and military command and control bodies to the highest degrees of combat readiness//Law in the Armed Forces. 2017. № 4. S. 101-110.

[9] Shanghai S.V. Military service under contract: practical recommendations (comments and clarifications, judicial practice, algorithms of actions, sample documents). Series "Law in the Armed Forces - Consultant." - M.: "For the rights of military personnel," 2008. No. 89. - 208 s.

[10] Urukov V.N., Kazakov S.D., Polit O.I. Commentary to the Federal Law of March 28, 1998 No. 53-FZ "On Military Duty and Military Service" (article-by-article)/resp. ed. G.N. Zhukov//SPS ConsultantPlus. 2012.

[11] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993)// Official Internet portal of legal information (<http://www.pravo.gov.ru>). 2022. October 6. №0001202210060013. For the convenience of perception of the text of this article, the Constitution of the Russian Federation is also referred to as the Basic Law of the state, the Basic Law of the country.

[12] Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. № 35. Art. 3648.

[13] Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 3. Art. 141.

[14] Collection of legislation of the Russian Federation. 1999. № 14. Art. 1650.

[15] Decree of the Government of the Russian Federation of March 24, 1997 No. 334 "On the procedure for collecting and exchanging information in the Russian Federation in the field of protecting the population and territories from natural and man-made emergencies" //Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. № 13. Art. 1545.

[16] Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[17] Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part I). Art. 1.

[18] See: informed voluntary consent to medical intervention form, medical intervention waiver form approved by Order of the Ministry of Health of Russia No. 1051n dated November 12, 2021, written informed voluntary consent form for human organ and/or tissue transplantation approved by Order of the Ministry of Health of Russia No. 508n dated July 27, 2022; informed voluntary consent form for medical intervention for artificial termination of pregnancy, approved by order of the Ministry of Health of Russia dated March 19, 2025 No. 136n//Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru). 2021, November 25. № 0001202111250019; 2022, August 26. № 0001202208260008; 2025, April 11. № 0001202504110020.

[19] See, for example: definition of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 16, 2022 No. 18-KGPR22-28-K4 (UID 23RS0036-01-2019-005185-54)//Website of the legal information system "Legalact" [Electronic resource]//URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16052022-n-18-kgpr22-28-k4/?ysclid=mkxog4ygib950371310> (date of appeal: January 28, 2026).

[20] See, for example: ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of March 17, 2023 No. 307-ES23-1659 in case No. A21-192/2022//Information and legal portal ГАРАНТ.РУ [Electronic resource]//URL: <https://www.garant.ru/news/1620831/?ysclid=mkxp1v8fjp683332506> (date of appeal: January 28, 2026).

[21] Collection of legislation of the Russian Federation. 1998. № 13. Art. 1475.

[22] Collection of legislation of the Russian Federation. 1999. № 38. Art. 4534.

[23] See: Order of the Investigative Committee of the Russian Federation of November 22, 2016 No. 124 "On the contract for military service"; Order of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation dated May 14, 2020 No. 129 "On the contract for military service and recognition of the order of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation dated October 5, 2018 No. 450 as invalid"; Order of the Main Directorate of Special Programs of the President of the Russian Federation dated May 30, 2023 No. 70 "On the contract for military service"; Order of the Federal Security Service of the Russian Federation of October 2, 2024 No. 146 "On the contract for military service" //Official Internet portal of legal information (<http://www.pravo.gov.ru>). December 13, 2016 No. 0001201612130056; June 19, 2020 No. 0001202006190025; July 4, 2023 No. 0001202307040022; November 12, 2024 No. 0001202411120015.

[24] Official Internet portal of legal information (<http://www.pravo.gov.ru>). October 23, 2023. № 0001202310230008.

[25] On military personnel taking part in a special military operation on the territory of Ukraine or in certain areas of the Russian Federation in the territories of which martial law has been introduced, it is stated in the Federal Law "On the specifics of the application and execution of disciplinary arrest against military personnel taking part in a special military operation" //Collection of legislation of the Russian Federation. 2024. No. 33 (part I). Art. 4927.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-101-104

БРОВКИН Александр Николаевич,
соискатель Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя,
e-mail: mail@law-books.ru

СВОБОДА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. Свобода предпринимательской деятельности в современном российском конституционализме формулируется как право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Эта норма имеет двойной вектор: защита от произвольного вмешательства государства (негативная обязанность) и требование обеспечить институциональные и процедурные условия для реализации свободы (позитивная обязанность). В качестве таких условий выступают единство экономического пространства и поддержка конкуренции, запрет внутренних барьеров, судебная защита и доступ к правосудию.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, свобода, Конституция, экономическая деятельность, права и свободы человека.

BROVKIN Alexander Nikolaevich,
Postgraduate Student, Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

FREEDOME OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: A CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT

Annotation. Freedom of entrepreneurial activity in contemporary Russian constitutionalism is defined as the right of everyone to freely use their abilities and property for entrepreneurial and other economic activities not prohibited by law. This norm has a dual vector: protection from arbitrary state interference (negative obligation) and the requirement to ensure institutional and procedural conditions for the realization of freedom (positive obligation). These conditions include the unity of economic space and support for competition, the prohibition of internal barriers, judicial protection, and access to justice.

Key words: entrepreneurial activity, freedom, Constitution, economic activity, human rights and freedoms.

Современная эпоха развития российской государственности отличается от ее предшествующего опыта политико-правового бытия наличием ряда принципиально новых институтов, нехарактерных нашему прошлому. При этом важно отметить, что многие из них начинали зарождаться в определённые периоды отечественной истории, однако ввиду особенностей развития нашей страны в XX в. их развитие было прервано по идеологическим причинам, и лишь в последнее время они вернулись в повседневную жизнь нашего общества, по-новому себя проявляя в рамках российской действительности.

Одним из подобных институтов является предпринимательство, чьё социально-экономическое значение крайне велико для истории не только нашей страны, но и мира в целом. Предпринимательская деятельность существует с дописьменных времён и оказало сильное влияние не только на развитие экономики, но также религии, искусства, техники, науки и иных сфер человеческой жизнедеятельности. Ввиду этого предпринимательство всегда играло важную роль в обществе в независимости от уровня сложности его устройства и развития, и на сегодняшний день продолжает обладать глобальным характером. [1]

Значение этой экономической деятельности, в свою очередь, определяет значение его нормативно-правового регулирования, так как государственная власть непосредственным образом заинтересована в эффективности осуществления предпринимательства, вследствие чего логическим образом стремится контролировать ее. В современном мире качество юридического воздействия на бизнес во многом определяет степень его развития, и является таким же базовым его условием, как ресурсы, технологии, покупательская способность и стабильность в обществе. [2] В доктрине (Г.А. Гаджиев, Е.А. Суханов и др.) свобода предпринимательства рассматривается как пересечение частноправовой автономии и публично-правовых ограничителей, легитимируемых принципом пропорциональности. [3]

Нормативно-правовое регулирование предпринимательства в России прошло несколько этапов, обусловленных особенностями исторического опыта российского государства, пережившего значительное количество разного рода кризисов различной степени сложности, особенно в своей новейшей истории. Законодательство о предпринимательстве напрямую зависело от изменений отечественной экономики, в которой промышленность появилась во второй половине XIX в., что относительно экономик Западной Европы и США было достаточно поздно. Тем не менее, начавшаяся индустриализация существенным образом изменила структуру российской экономики, что не могло не отразиться на законодательстве Российской Империи в этой области. Разумеется, последующее технологическое развитие и интенсификация мировой экономики однозначно привели бы к усложнению предпринимательских отношений как таковых и соответственно их нормативно-правового регулирования, однако указанное эволюционное развитие данной сферы и регулирующего его законодательства было прервано в результате Октябрьской революции 1917 г.

Предпринимательство как явление в марксистско-ленинском учении считалось негативным во всех его проявлениях, и осуждалось морально, социально-экономически и политически. Социалистическая идеология требовала полного искоренения предпринимательской деятельности как феномена общественной действительности, что в юридическом измерении выражалось в его уголовно-правовом запрете. Наиболее тяжкий вид правовой ответственности подчёркивал по-настоящему онтологическую глубину неприятия бизнеса государственной властью нашей страны в тот исторический период и демонстрировал фундаментальный характер официальной идеологии для действовавшей в то время правовой системы.

Права и свободы личности, а также юридические ограничения рассматривались в конкретных мировоззренческих координатах, в рамках которых правосознание фактически становилось автономной областью господствовавшей системы взглядов в контексте реализации государственной политики.

Тем не менее, драматические изменения в историческом развитии отечественной государственности привели к тотальному пересмотру самих её устоев, что, разумеется, было зафиксировано в создававшемся тогда законодательстве. Несмотря на то, что в определённой степени действительно произошла идеологическая замена социалистической идеологии на либерально-демократическую, особенно в экономической плоскости, влияние последней в новой правовой системе было сильно ограничено уже на базовом уровне, что подтверждается как конституционным положением ст. 13 основного закона России о недопустимости обязательной государственной идеологии, а также проведённой в 2020 г. конституционной реформе, в рамках которой высший юридический документ государства был дополнен рядом норм и статей, отображающих прошедший опыт идеологического развития российского государства и общества в постсоветскую эпоху.

Таким образом, на очередном рубеже непростого исторического опыта России предпринимательство вернулось в структуру экономических отношений нашей страны, заняв в ней безусловно важнейшее место. Указанный факт привёл к необходимости к созданию нового законодательства в этой области, которое уже не могло в силу институционального и технологического развития человечества копировать подходы Российской Империи к регулированию предпринимательства, отечественному юридическому сообществу пришлось разрабатывать огромное количество правовых норм условно говоря с нуля, опираясь в некоторой степени на зарубежный опыт, однако, в первую очередь, учитывая возникшую тогда социально-экономическую действительность.

Например, Ю.Ю. Илюхина воспринимает конституционное право на предпринимательскую деятельность как основополагающий принцип осуществления экономической деятельности и свободы, поддерживаемый со стороны государства и законодателя. По её мнению, указанная деятельность предусматривает возможность свободного использования своих способностей и возможностей, имущества и финансовых активов для осуществления экономической деятельности. [4]

В контексте правовой природы более широкой свободы экономической деятельности С.А. Парашук считает, что что «по своему содержанию

же право на свободу экономической деятельности и включает в себя право каждого предпринимателя свободно вести свое дело на основе состязательности и свободы выбора». [5]

В.И. Бурунова подчёркивает, что свобода предпринимательства одного лица не может противоречить свободе предпринимательства остальных членов общества – «государство устанавливает определенные преграды, чтобы ограничить проявления всемерной экономической свободы отдельными представителями предпринимательской деятельности во имя защиты интересов и экономической свободы других участников предпринимательства, а также других субъектов рыночной экономики, общества в целом». [1, с. 34]

В свою очередь, Л.Ю. Зеко «признание права на предпринимательскую деятельность порождает для государства определенные обязанности, выступающие как гарантии этого права, более того, как содействие и помощь частному бизнесу». [6]

Исходя из вышеуказанного, научное юридическое сообщество нашей страны рассматривает свободу предпринимательства в качестве одного из важнейших прав личности, что в принципе соответствует современному подходу государственной власти к нормативно-правовому закреплению данной свободы, так как она в нынешней политико-правовой системе Российской Федерации признаётся также в качестве одной из базовых ценностей современного нам политического режима.

Рассматриваемая свобода закрепляется в ст. 8 Конституции РФ, которая в свою очередь расположена в гл. 1 документа, что свидетельствует об особой значимости этого положения. Указанная глава содержит в себе нормы, устанавливающие основы конституционного строя России, и наряду с гл. 2, закрепляющей основы конституционно-правового статуса личности в нашей стране, а также гл. 9, содержащей в себе положения о порядке изменения текста Конституции, она не может быть изменена в текущем порядке, посредством принятия федерального закона, но только пересмотрена решением Конституционного Собрания, которое может лишь подтвердить неизменность базовых положений документа, либо заменить его новым основным законом. Из этого следует, что содержание ст. 8 носит фундаментальный характер для российского законодательства, в связи с чем оно должно непосредственным образом соответствовать её положениям.

В свою очередь, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств также, как предыдущий аспект экономики, учитывая федеративное устройство нашей страны, подтверждает

экономическое единство России в отношении перераспределения материальных и нематериальных благ. В отношении свободы предпринимательства данный факт свидетельствует о наличии нормативно закреплённых возможностях разных форм реализации предпринимательской деятельности, которая сама по себе заключается в свободном движении перечисленных активов в рамках экономической системы. Таким образом, именно свободное перемещение товаров, услуг и финансов являются залогом свободы предпринимательства как явления, ввиду чего закрепление первого неизбежно ведет к закреплению второго.

Поддержка конкуренции непосредственным образом связана с понятием экономической свободы, так как предполагает осуществление со стороны государства экономической политики, направленной на создание условий, при которых все экономические субъекты, занимающиеся предпринимательском, будут обладать равными возможностями для реализации своей деятельности, без предоставления необоснованных преимуществ определённым предпринимателям или организациям. В данном случае конкуренция представляет собой базовое условие для предпринимательской деятельности, которая позволяет предпринимателям определять свою коммерческую деятельность исходя из фактических рыночных реалий, а не интересов более привилегированных конкурентов. Указанное в свою очередь по своей сути является одним из важнейших аспектов свободы предпринимательства, предполагающую защиту не от посягательства со стороны государства, а более сильных конкурентов, которые в целях собственного обогащения очень часто могут использовать своё экономическое, политическое или административное влияние для ограничения большинства более слабых предпринимателей. [5]

Представляется очевидным, что свобода экономической деятельности, закреплённая в ст. 8 Конституции РФ, является самым сущностно близким аспектом экономики к свободе предпринимательства, так как выступает по отношению к ней родовой категорией, понятийно охватывая её. Таким образом, конституционное закрепление свободы экономической деятельности как таковой одновременно с этим также означает установление свободы предпринимательства. В этой связи можно утверждать о том, что именно данное положение основного закона России является прямым закреплёнием свободы предпринимательства в отечественной правовой системе, обладающей высшей юридической силой, так как признаётся в качестве элемента одной из основ конституционного строя нашего государства. [7]

Список литературы:

[1] Бурунова В.И. Основы предпринимательства: учеб. пособие / В. И. Бурунова [и др.]; под ред. В. И. Буруновой. СПб.: СПбГАСУ – 2010. 106 с.

[2] Дерюгина Т.В. Предпринимательская или приносящая доход деятельность некоммерческих организаций: проблемы гражданско-правового регулирования // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 3. – С. 12-17.

[3] Рубцова Н.В. Определение предпринимательской деятельности в доктрине и современном российском законодательстве / Н.В. Рубцова, М.В. Голышев // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. – 2014. – № 31. – С. 95-98.

[4] Илюхина Ю.Ю. Содержание конституционного права человека и гражданина на предпринимательскую деятельность в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. – 2018. – № 11. – С. 19-27.

[5] Паращук С.А. Конкуренция: от экономической многозначности к правовой определенности. Право на конкуренцию // Хозяйство и право. – М., 1998, № 12. – С. 11-20.

[1] Бурунова В.И. Основы предпринимательства: учеб. пособие / В. И. Бурунова [и др.]; под ред. В. И. Буруновой. СПб.: СПбГАСУ – 2010. С. 34.

[6] Зeko Л. Ю. Свобода предпринимательства в Российской Федерации. Государственно-правовой аспект / Л. Ю. Зeko. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 4 (108). — С. 553-557.

[5] Паращук С.А. Конкуренция: от экономической многозначности к правовой определенности. Право на конкуренцию // Хозяйство и право. – М., 1998, № 12. – С. 11-20.

[7] Душкова Н. А. Менталитет российского предпринимателя в прошлом и настоящем / Н.А. Душкова, А.И. Родионов // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2020. – № 2(23). – С. 43-49.

References:

[1] Burunova V.I. Fundamentals of Entrepreneurship: a textbook / V.I. Brunova [et al.]; edited by V.I. Brunova. SPb.: SPbGASU – 2010. 106 p.

[2] Deryugina T.V. Entrepreneurial or Income-Generating Activities of Non-Commercial Organizations: Problems of Civil Law Regulation // Legal Bulletin of Samara University. 2018. Vol. 4. No. 3. – Pp. 12-17.

[3] Rubtsova N.V. Definition of Entrepreneurial Activity in Doctrine and Modern Russian Legislation / N.V. Rubtsova, M.V. Golyshev // Bulletin of the Siberian State Transport University. – 2014. – No. 31. – Pp. 95-98.

[4] Ilyukhina Yu.Yu. The Contents of the Constitutional Right of a Person and Citizen to Entrepreneurial Activity in the Russian Federation // Bulletin of Saratov University. New Series. Series Economics. Management. Law. – 2018. – No. 11. – Pp. 19-27.

[5] Parashchuk S.A. Competition: from Economic Ambiguity to Legal Certainty. The Right to Competition // Business and Law. – Moscow, 1998, No. 12. – Pp. 11-20.

[1] Burunova V.I. Fundamentals of Entrepreneurship: textbook / V.I. Brunova [et al.]; edited by V.I. Brunova. SPb.: SPbGASU – 2010. P. 34.

[6] Zeko L.Yu. Freedom of Entrepreneurship in the Russian Federation. State and Legal Aspect / L.Yu. Zeko. — Text: direct // Young Scientist. — 2016. — No. 4 (108). — P. 553-557.

[5] Parashchuk S.A. Competition: from economic ambiguity to legal certainty. The right to competition // Business and law. – M., 1998, No. 12. – P. 11-20.

[7] Dushkova N.A. Mentality of the Russian entrepreneur in the past and present / N.A. Dushkova, A.I. Rodionov // Problems of social and humanitarian sciences. – 2020. – No. 2 (23). – P. 43-49.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-105-111

ШЕПЕЛЬ Владимир Владимирович,
соискатель Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя,
e-mail: mail@law-books.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА НА ИНФОРМАЦИЮ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Настоящая статья направлена на сопоставление конституционного права на информацию в России и других странах, выделение различий и сходств, а также рассмотрение вопроса о применимости зарубежного опыта в отечественном законодательстве. В статье исследуется правовое регулирование права человека на информацию и доступ к ней на примере России, Германии, Норвегии посредством рассмотрения следующих аспектов: во-первых, изучение российского понимания права на информацию, во-вторых, определение правовой природы этого права в некоторых других странах, в-третьих, обоснование применимости зарубежного опыта к российскому законодательству.

Ключевые слова: право на информацию, сравнительное правоведение, права и свободы личности и гражданина, механизм реализации прав человека, право доступа к информации, свобода выражения мнения, защита прав.

SHEPEL Vladimir Vladimirovich,
PhD Candidate at the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

CONSTITUTIONAL HUMAN AND CITIZEN RIGHTS AND FREEDOMS TO INFORMATION IN FOREIGN COUNTRIES AND MODERN RUSSIA

Annotation. This article aims to compare the constitutional right to information in Russia and other countries, highlighting the differences and similarities, and examining the applicability of international experience to domestic legislation. The article examines the legal regulation of the human right to information and access to it using the examples of Russia, Germany, and Norway. This article examines the following aspects: first, examining the Russian understanding of the right to information; second, determining the legal nature of this right in some other countries; and third, substantiating the applicability of international experience to Russian legislation.

Key words: right to information, comparative law, rights and freedoms of the individual and citizen, mechanism for implementing human rights, right of access to information, freedom of expression, protection of rights.

Право на информацию может рассматриваться в узком и широком смыслах. В широком смысле право на информацию предполагает выделение этого права в обособленную группу, которая, хотя и связана с иными конституционными правами, но имеет отличительные черты и собственные способы защиты. Такой подход дает человеку возможность искать, распространять, совершать любые операции с любыми данными, ограничиваясь только общими пределами естественных прав [1]. Указанный взгляд закреплен в российском законодательстве

несмотря на то, что в Конституции России право на информацию прямо не упоминается, но содержится в нескольких статьях:

- в ч. 1 ст. 24, где фактически говорится о защите персональных данных (обработка информации о лице и его частной жизни допускается только с согласия лица);
- в ч. 2 ст. 24, где установлено право доступа человека к информации, которая прямо связана с его правами и интересами;
- в ч. 4 ст. 29, согласно которой человеку и гражданину предоставляется право на обра-

ботку данных (в этот термин далее включается поиск, распространение, производство, передача и любые иные действия с данными) законными способами;

- в ст. 42, где подчеркивается право любого человека получать достоверную информацию о состоянии окружающей среды [2].

Содержание права на информацию может различаться в зависимости от используемого критерия структуры права. Например, Т.В. Бушуева разграничивает право на информацию в зависимости от конкретных операций по обработке (определенных правомочий): поиск, получение, хранение, использование и иные [3]. Отдельно рассматривается правомочие (операция) по защите информации, так как оно связано не с регулятивным, а с охранительным правоотношением.

Указанная классификация права на информацию имеет прикладной характер, ее смысл и назначение становятся яснее после рассмотрения вопроса о том, что такое информация.

В российском законодательстве ответ на вопрос дан в п.1 ст.2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон № 149), информация – это сведения независимо от формы их представления [4].

Сложность заключается в определении, какие именно сведения являются информацией, доступ и возможность обработки которой должны быть предоставлены. С одной стороны, термин сформулирован максимально широко. С другой стороны, в ст.3 Закона № 149 указаны принципы, связанные с правом на информацию, из которых следует, что они не могут применяться к абсолютно любой информации.

Стоит отметить некоторые из них:

- во-первых, принцип неограниченной (свободной) обработки информации любым законным способом: он содержит в себе запрет неправомерной обработки данных, то есть запрещенной ч.3 ст.55 Конституции России, а также отраслевым законодательством о различных видах тайн (финансовой, банковской, служебной, государственной, коммерческой и иных); из этого следует, что обрабатываемая информация должна соответствовать закону, то есть она не является «любой»;
- во-вторых, принцип достоверности информации и своевременности ее предоставления: он отражает главное отличие информации от выражения мнения (в некоторых правовых порядках право на информацию отождествляется со свободой слова) – необходимость под-

тверждения сведений, то есть информация должна обладать качественным свойством истинности (хотя бы относительной), выражение же мнения человеком не требует предварительной проверки и его соответствия реальности;

- в-третьих, принцип неприкосновенности частной жизни: при регулировании права на информацию это означает ограниченность обработки сведений рамками личной сферы третьих лиц.

Из указанного следует, что, несмотря на обширное определение понятия «информация», далеко не любые сведения могут быть объектом права на информацию. Государство предоставляет защиту этому праву только если обработка информации осуществляется по законной процедуре, в отношении разрешенных категорий данных, является полной и достоверной. Именно с такой информацией человек и гражданин вправе работать: получать, передавать, создавать. Иная информация, например, полученная незаконным путем или ложная, не может обрабатываться, значит, не попадает под действие норм о регулировании и защите права на информацию.

В зависимости от вида информации действие принципов будет различным, разными будут и возможности обработки типов информации.

Например, служебную информацию допустимо получать лицу с соответствующим разрешением, он может ее изучать, однако не вправе разглашать третьим лицам (например, не работающим в организации), то есть у этого конкретного лица содержание права на эту информацию будет отличаться от лиц, не имеющих доступа к ней. Выполняемые с информацией операции напрямую зависят от ее вида, статуса лица, обрабатывающего ее, а потому с практической точки зрения такая классификация права на информацию позволяет определить, имеет ли это конкретное лицо право на операции с информацией, нужно ли правопорядку поощрять ее обработку или же пресечь и применить меры ответственности к нарушителю.

В.Д. Сатторов дополнительно разработал рассмотренную классификацию, указав на то, что обработка информации и соответствующие операции совершаются на разных этапах жизненного цикла информации:

- операции, связанные с созданием данных, реализуется на этапе генерации;
- передача информации, доступ и ее использование – на этапе эксплуатации;
- хранение и защита – на этапе обеспечения;
- уничтожение – на этапе уничтожения [5].

Выделяя на каждом этапе собственный правовой режим, В.Д. Сатторов тем самым система-

тизирует информационные правомочия, что помогает точнее определить законность обработки данных при каждом случае.

Иной классификации содержания права на информацию придерживается Е.Е. Никитина, она выделяет группы прав на информацию на основе сущностного критерия:

- право на информацию, позволяющую гражданину управлять обществом и государством, сюда включается право на получение информации о деятельности публичных органов власти, о способах защиты своих прав;
- право на информацию, связанную с реализацией иных прав, например, на труд (получая данные о вакансии, человек обращается к работодателю, продавая свою способность к труду) или на свободу творчества (узнавая о выставках или культурных мероприятиях художник может получить заказ на оформление продукта, создание дизайна, серии полотен);
- право на защиту персональных данных;
- охранительные права, не связанные с защитой персональных данных, то есть права по обеспечению информационной безопасности [6].

Указанная классификация не бесспорна, однако дает более глубокое представление о юридическом назначении права на информацию и позволяет оценить, какой вид информации и каким образом может быть защищен.

Таким образом, отечественное законодательство закрепляет право на информацию в широком смысле, не отождествляет его с правом на выражение мнения, правом на неприкосновенность частной сферы или любым иным конституционным правом, однако признает за ним характер комплексного и составного права, которое помогает реализовывать иные права и свободы.

Из ст.29 Конституции России можно сделать вывод о том, что право на информацию является относительным, то есть подлежит ограничению при наличии более важного, приоритетного интереса другого человека, общества или государства. Однако по умолчанию распространяемые сведения и все операции с ними совершаются открыто и доступны каждому.

Предел реализации права на информацию состоит в формуле, закрепленной в ч.3 ст.55 Конституции России и применяется, если имеется совокупность двух признаков:

- есть федеральный закон и в нем прямо предусмотрено подобное ограничение права;
- есть четкая цель для установления ограничения, и она связана с защитой прав и инте-

ресов человека, всего общества и государства или основ конституционного строя России.

В качестве примера того, как в практической плоскости разрешается вопрос о балансе интересов при обеспечении доступности информации и свободы в ее распространении, можно привести правовую позицию Конституционного Суда РФ, выраженную в постановлении от 25.05.2021 № 22-П [7].

В рассматриваемом деле на сайте prodoctorov.ru, ведением и администрированием которого занималось ООО «МедРейтинг», размещались отзывы пациентов о врачах, проводимых ими приемах, сведения о конкретных работниках сферы здравоохранения, места их работы, контакты. Все данные ООО «МедРейтинг» получало с официальных сайтов поликлиник и больниц.

На ресурсе были размещены негативные отзывы о враче Г., которая обратилась в суд с заявлением о признании действий ООО «МедРейтинг» незаконными.

Заявление было частично удовлетворено, суды обязали ООО «МедРейтинг» удалить с ресурса профиль гражданки Г., оплатить компенсацию морального вреда в 5 000 рублей. Отмечено, что ООО «МедРейтинг» позволяло публиковать отзывы пациентов в первоначальном виде, не подвергало их модерации и проверке на предмет наличия оскорбительных или иных унижающих достоинство личности высказываний.

ООО «МедРейтинг» обратилось в Конституционный Суд РФ с требованием признать неконституционным такой подход, полагая, что все данные получены законно, что сведения о врачах, их стаже и профессионализме имеют для населения важное значение, а потому могут размещаться на посторонних ресурсах. То есть ООО «МедРейтинг» акцентировало внимание на общественном интересе, превалировании права на свободное распространение информации над правом на частную жизнь врача.

Конституционный Суд РФ указал, что согласие врача на размещение сведений о нем на стороннем ресурсе не требуется в случае, если ранее на официальном сайте учреждения здравоохранения уже размещались аналогичные сведения (в том числе персональные данные).

Баланс интереса, по мнению Конституционного Суда РФ, выражается в том, что на подобных ресурсах должна размещаться информация, касающаяся исключительно профессиональной деятельности врача, то есть владелец ресурса все-таки должен модерировать поступившие отзывы, проверять содержащиеся в них сведения, а также предоставить возможность медицинскому работнику опубликовать опровержение.

В части ограничения права на информацию можно также обратиться к опыту Европейского Союза. В договоре о создании Европейского Сообщества содержится ст.255, согласно которой каждое лицо, отвечающее признаку «заземления» на территории государства-члена, имеет свободный доступ к информации, предоставляемой Европейским парламентом, Советом или Комиссией [8].

Далее эти нормы были дополнены указанием на то, что доступ к информации (документам) предоставляется независимо от их носителя при соблюдении принципов – в том числе баланса интересов [9].

Доступность информации ограничивается в соответствии со ст.4 Регламента № 1049/2001, в соответствии с этой нормой не разглашается информация, если она нарушает:

- общественный интерес (в том числе по вопросам обороны и безопасности, финансовой стабильности государства-члена);
- коммерческий или торговый интерес;
- частный интерес или процедуру раскрытия персональных данных;
- цели проверки, расследования, аудита;
- а также если запрашиваемый документ подготовлен для внутреннего доступа и итоговое решение по нему еще не принято [10].

В качестве примера можно привести дело Израильского технологического института Технион (Technion) и Фонда исследований и разработок против Европейской комиссии.

В соответствии с материалами дела организация запросила документы, связанные с деятельностью как компании Technion, так и связанных с ней организаций. Перечень запрашиваемых документов касался вопросов об уже проведенных проверках (ревизии и аудите) в отношении всех связанных компаний.

Европейская комиссия предоставила только часть документов в отношении самого просителя, а в остальной части отказала, так как компания Technion в тот же период проходила проверку на предмет соблюдения обязательных требований.

Европейский суд сослался на ст.4 Регламента № 1049/2001 и отметил правильность решения комиссии, так как предоставление сведений об уже проведенных проверках могло бы повлиять на результаты текущей: компания могла бы скрыть документы, привести их в соответствие или иным образом воспользоваться информацией в не вполне законном ключе [11].

Установление подобных ситуаций-ориентиров для правильного определения баланса интересов – один из инструментов понятной и прозрачной системы информационной доступности, однако это имеет в себе черты казуальности пра-

вового регулирования, что искажает принципы правовой абстракции и стремления законодательств разных стран к установлению базовых принципов с предоставлением судебным органам большей свободы усмотрения и независимости.

Возвращаясь к понятию права на информацию, следует отметить, что в узком смысле право на информацию подразумевает право на доступ к сведениям о различных сферах общественной и государственной жизни, в том числе о деятельности публичных органов власти, оно не выделяется и не защищается отдельно, входит в состав других конституционных прав

Например, в ст.53 Конституции Содружества Доминики право на информацию неразрывным образом связано с правом свободного выражения мнения и с правом на неприкосновенность, происходит из них: «Никому не должны чиниться препятствия в пользовании свободой слова, включая...свободу получения идей и информации без вмешательства извне...» [12].

В этом смысле право на доступ к информации служит одним из условий реализации иных естественных прав человека, его содержание рассматривается через призму других конституционных прав.

Право на неприкосновенность личности традиционно толкуется как право на невмешательство в частную сферу как со стороны государства, так и со стороны третьих лиц, то есть государство должно обеспечивать человеку возможность выбора своих действий, поведения, защищать эту сферу от посягательств, в том числе информационных [13]. Следовательно, право на доступ к информации означает возможность регулировать, с одной стороны, публичность сведений о самом человеке и его частной сфере, с другой, доступность информации об этих правах для их обеспечения и защиты.

Аналогичным образом право на свободное выражение мнения не может существовать без обмена и распространения информации в виде этого мнения, возможности знакомства с разными источниками сведений. То есть доступ к информации – предварительный этап реализации свободы выражать мнение.

Однако невключение отдельного права на информацию в конституцию страны не свидетельствует о том, что оно не признается или не защищается конкретным государством.

Так, в §100 Конституции Норвежского Королевства право на информацию не выделяется отдельно, в указанном параграфе закрепляется свобода выражения мнения: «Должна предоставляться свобода печати. Никто не может быть подвергнут наказанию за какое-либо произведение... если только он сознательно или открыто не прояв-

ляет неповиновения законам...Каждому дозволено свободно высказываться по поводу государственного управления и по всякому иному вопросу.» [14].

То есть рассмотренная статья гласит исключительно о праве свободного выражения мнения, однако именно она позволяет с помощью системного толкования обеспечивать право человека и гражданина на информацию.

Конституция Норвегии неоднократно изменялась, но в эту часть дополнения не вносились. Учитывая возраст документа (Конституция была принята в мае 1814 г.), вполне закономерно отсутствие иной группы прав, кроме прав первого поколения – гражданских и политических.

Конституция Норвегии представляет собой дань исторической традиции и регулирует, в первую очередь, внутреннее устройство государства, в то время как текущие законы раскрывают и подчеркивают право на информацию.

В Норвегии для защиты этого права принято несколько законов, в частности, Закон о свободе информации от 19.05.2006 [15] и Закон о прозрачности (транспарентности) информации от 01.07.2022 [16].

Закон о свободе информации обеспечивает доступность информации о деятельности публичных органов, а также организаций с высокой долей государственного участия (свыше 50 процентов).

Цель принятия Закона о свободе информации – это предоставить общественности возможность участвовать в управлении государством, а также получить доступ к документам о таком управлении, принятии решений (в том числе индивидуальных правовых актов).

Также обратимся к опыту Федеративной Республики Германия. В ст.5 Основного закона Германии закреплена свобода печати и информации, запрещено существование цензуры [17]. Самостоятельность право на информацию получило относительно недавно, считается, что это произошло после принятия Закона о доступе к информации от 05.09.2005 [18].

До принятия указанного закона документы, находящиеся в распоряжении публичных органов власти, публиковались и раскрывались не в полном объеме: по умолчанию действовал режим государственной тайны (на все, кроме законов).

Принятие Закона о доступе к информации позволило каждому лицу получать сведения, хранящиеся любом федеральном органе власти Германии.

В соответствии с п.3 § 7 Закона о доступе к информации информация может быть предоставлена устно, письменно или в электронном виде и, что важно, орган, предоставивший сведения, не обязан проверять ее точность. То есть обязателен

лишь обратный ответ от уполномоченного органа, однако законодатель освобождает его от проверки фактических сведений, содержащихся в документе.

Любопытно, что в законе содержится § 8, регламентирующий права третьих лиц. Если запрос может быть связан с интересами другого субъекта права, его обязательно уведомляют о поступлении запроса, после чего такой субъект может ходатайствовать об исключении сведений о нем из официальных актов. Указанная норма направлена на защиту персональных данных, коммерческой тайны и позволяет защищать интересы третьих лиц превентивно, в досудебном порядке.

Сложность представляет тот факт, что Германия – федеративное государство с сильной властью отдельных земель. Это усложняет унификацию права на информацию и приводит к тому, что не во всех землях существуют аналоги Закона о доступе к информации, что влияет на прозрачность и доступность сведений.

Список литературы:

- [1] Максимова О.И. Право человека на информацию в конституционном законодательстве РФ и зарубежных государств (сравнительно-правовой анализ) // Общество и право. 2010. №3 (30).
- [2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок по состоянию на 01 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 16.03.2020. № 11. Ст. 1416.
- [3] Бушуева Т.В. Основы правового регулирования прав граждан на получение и распространение информации // Труды института государства и права Российской академии наук. 2014. № 4.
- [4] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС КонсультантПлюс.
- [5] Саттаров В. Д. Право на информацию как инструмент повышения эффективности общественного контроля // Пермь: Пермский институт ФСИН России, 2021. С. 54 – 76.
- [6] Никитина Е.Е. Информационная безопасность как элемент конституционного статуса личности // Журнал российского права. 2024. № 1. С. 81 – 94.
- [7] Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2021 № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг» // СПС КонсультантПлюс.

[8] Договор, учреждающий Европейское сообщество (Подписан в г. Риме 25.03.1957) (с изм. и доп. от 26.02.2001) // СПС Консультант-Плюс.

[9] Талапина Э.В. Право на информацию в практике Суда Европейского союза // Судья. 2020. № 6. С. 47 – 52.

[10] Регламент № 1049/2001 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О доступе общественности к документам Европейского парламента, Совета ЕС и Европейской комиссии» от 30.05.2001 // СПС КонсультантПлюс.

[11] Judgment of the General Court (First Chamber) of 12 May 2015. Case T-480/11. Technion - Israel Institute of Technology and Technion Research & Development Foundation Ltd v European Commission. // [Электронный ресурс] URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62011TJ0480&qid=1749224102971> (дата обращения: 03.06.2025).

[12] Конституция Содружества Доминики от 25.07.1978 // Библиотека конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=3026> (дата обращения: 03.06.2025).

[13] Мочалов А. А., Кононенко Д. В. Конституционное право личности на неприкосновенность частной жизни: обзор судебной практики // Вестник науки. 2024. №6 (75).

[14] Конституция Норвежского Королевства от 17.05.1814 // Библиотека конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=142> (дата обращения: 03.06.2025).

[15] Act of 19 May 2006 №16 relating to the right of access to documents held by public authorities and public undertakings (short title: Freedom of Information Act). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyrilla.org/entity/6b9a9fxnzen?file=15887759810861rqdnwqsk3m.pdf&page=1> (дата обращения: 03.06.2025).

[16] Act of 01 July 2022 relating to enterprises' transparency and work on fundamental human rights and decent working conditions (Transparency Act). [Электронный ресурс]. URL: <https://lovdata.no/dokument/NLE/lov/2021-06-18-99> (дата обращения: 03.06.2025).

[17] Основной закон Федеративной Республики Германия от 23.05.1949 (с доп. и изм. от 2010.1997). [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=155> (дата обращения: 03.06.2025).

[18] Gesetz zur Regelung des Zugangs zu Informationen des Bundes (Informationsfreiheitsgesetz – IFG) vom 5. September 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/ifg/index.html> (дата обращения: 03.06.2025).

References:

[1] Maksimova, O.I. “The Human Right to Information in the Constitutional Legislation of the Russian Federation and Foreign States (a comparative legal analysis)” // Society and Law. 2010. No. 3 (30).

[2] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended as of July 1, 2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. March 16, 2020. No. 11. Article 1416.

[3] Bushueva, T.V. Fundamentals of Legal Regulation of Citizens' Rights to Receive and Disseminate Information // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2014. No. 4.

[4] Federal Law of July 27, 2006, No. 149-FZ (as amended on November 23, 2024) “On Information, Information Technologies, and the Protection of Information” // SPS ConsultantPlus.

[5] Sattarov, V.D. The Right to Information as a Tool for Improving the Effectiveness of Public Control // Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. Pp. 54–76.

[6] Nikitina, E.E. Information Security as an Element of the Constitutional Status of an Individual // Journal of Russian Law. 2024. No. 1. Pp. 81–94.

[7] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25.05.2021 No. 22-P “On the case of verifying the constitutionality of paragraph 8 of part 1 of article 6 of the Federal Law “On personal data” in connection with the complaint of the limited liability company MedRating” // SPS ConsultantPlus.

[8] Treaty establishing the European Community (Signed in Rome on 25.03.1957) (as amended and supplemented on 26.02.2001) // SPS ConsultantPlus.

[9] Talapina E.V. The right to information in the practice of the Court of Justice of the European Union // Judge. 2020. No. 6. Pp. 47–52.

[10] Regulation (EC) No. 1049/2001 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2001 on public access to documents of the European Parliament, the Council and the Commission // SPS ConsultantPlus.

[11] Judgment of the General Court (First Chamber) of 12 May 2015. Case T-480/11. Technion - Israel Institute of Technology and Technion Research & Development Foundation Ltd v European Commission. // [Electronic resource] URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX-%3A62011TJ0480&qid=1749224102971> (accessed: 03.06.2025).

[12] Constitution of the Commonwealth of Dominica of July 25, 1978 // Library of Constitutions by

Roman Pashkov. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=3026> (date of access: June 3, 2025).

[13] Mochalov A. A., Kononenko D. V. Constitutional Right of an Individual to Privacy: A Review of Judicial Practice // Science Bulletin. 2024. No. 6 (75).

[14] Constitution of the Kingdom of Norway of May 17, 1814 // Library of Constitutions by Roman Pashkov. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=142> (date of access: June 3, 2025).

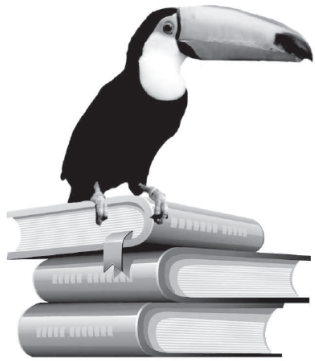
[15] Act of May 19, 2006 No. 16 relating to the right of access to documents held by public authorities and public undertakings (short title: Freedom of Information Act). [Electronic resource]. URL: <https://cyrilla.org/entity/6b9a9fxnzen?file=15887759810861rqdnwqsk3m.pdf&page=1> (access date: 06/03/2025).

[16] Act of 01 July 2022 relating to enterprises' transparency and work on fundamental human rights and decent working conditions (Transparency Act). [Electronic resource]. URL: <https://lovdata.no/dokument/NLE/lov/2021-06-18-99> (access date: 06/03/2025).

[17] Basic Law of the Federal Republic of Germany of 23.05.1949 (as amended in 2010.1997). [Electronic resource]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=155> (accessed on 03.06.2025).

[18] Federal Law on the Federal Republic of Germany (Informationsfreiheitsgesetz – IFG) of 5. September 2005. [Electronic resource]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/ifg/index.html> (accessed on 03.06.2025).

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-112-116

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

МАТВИЕНКО Софья Васильевна,
старший преподаватель Северо-Западного филиала
ФГБОУВО «Университета правосудия им В.М. Лебедева»
(г. Санкт-Петербург)
e-mail: karafizi.sofya@yandex.ru

НЕКРАСОВА Александра Юрьевна,
студентка 1 курса специалитета факультета
подготовки специалистов для судебной системы
(юридический факультет) Северо - Западного филиала
ФГБОУВО «Университета правосудия им В.М. Лебедева»
(г. Санкт-Петербург)
e-mail: sa5ha.nek@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

Аннотация. Статья посвящена анализу процессуальных аспектов процедуры лишения родительских прав, как важной меры семейно-правовой ответственности. В работе проанализированы материалы судебной практики, которые выявляют имеющиеся проблемы правового регулирования в данной области. Автор показывает, что в правоприменительной деятельности выявляются повторяющиеся ситуации в которых меры по разлучению детей с родителями и последующему прекращению родительских прав не находят адекватного юридического или фактического обоснования. В современной России институт лишения родительских прав выполняет функцию защиты детей от неблагополучных родителей, а также является индикатором системных проблем, связанных с деградацией семей. Отмечается, что уделяется недостаточное внимание профилактическим мерам и реабилитационным программам.

Ключевые слова: лишение родительских прав, родительские права, ребенок, родитель, жестокое обращение, суд, исковые требования.

MATVIENKO Sofya Vasilievna,
The head teacher NWB of FSBEIHE
«RSUJ named after V.M. Lebedev»
(St. Petersburg)

NEKRASOVA Alexandra Yurievna,
1st year student at the Faculty
of Specialist Training for the
Judicial System (Faculty of Law)
Northwest Branch Lebedev
University of Justice (St. Petersburg)

PROBLEMS OF DEPRIVATION OF PARENTAL RIGHTS

Annotation. The article is devoted to the analysis of the procedural aspects of the procedure for deprivation of parental rights, as an important measure of family-law responsibility. The work analyzes materials of judicial practice, which reveal the existing problems of legal regulation in this area. The author shows that in law enforcement activities; there are recurring situations in which measures to separate children from their parents and subsequently terminate parental rights do not find adequate legal or factual justification. In modern Russia, the institution of deprivation of parental rights serves as a means of protecting children from dysfunctional parents, and it also serves as an indicator of systemic problems related to the degradation of families. It is noted that insufficient attention is paid to preventive measures and rehabilitation programs.

Key words: deprivation of parental rights, parental rights, child, parent, abuse, court, claims.

Принудительное прекращение родительских прав – это санкция в рамках семейного законодательства, которая применяется судебными органами к лицам невыполняющими свои родительские обязанности.

Порядок принятия решения о применении данной меры строго урегулирована процессуальными нормами, однако имеющиеся противоречия семейного и гражданского процессуального законодательства, а также проблемы правоприменительной практики не всегда позволяют принять обоснованное решение.

Основная цель лишения родительских прав заключается исключительно в обеспечении безопасности и благополучия несовершеннолетних, так в семейном кодексе РФ статья 69 раскрывается перечень оснований, по которым родители могут быть лишены родительских прав [1].

Есть случаи, когда родители безответственно относятся к своим детям, подавляют интересы ребенка в последствии это может оказать влияние на асоциальное поведение несовершеннолетнего.

Семья выступает как социальный фундаментальный институт, играющий огромную роль в становлении личности ребенка. Именно в семье происходит усвоение базовых жизненных ценностей, определение приоритетов и формирование системы жизненных установок. Семейное окружение служит образцом для ребенка определяя его представления о нормах поведения в будущем. Признавая право каждого ребенка расти, развиваться в полной, гармоничной, благоприятной семье, приходится констатировать факт, что не все дети могут воспитываться в таких условиях. Есть случаи, когда родители не уделяют должного внимания своим детям или используют свое внимание во вред ребенку. Такое отношение вредит ребенку, что может сказаться на его будущем.

Дела по лишению родительских прав должны рассматриваться с особой тщательностью, учитывая все предоставленные суду документы. На практике часто встречается личный конфликт родителей ребенка. Например, когда один из родителей якобы действуя в интересах ребенка начинает ограничивать в правах другого родителя, но и настраивает ребенка против него. Родитель, которого ограничили в общении с ребенком недоумевает и противопоставляет уменьшение денежного содержания, мотивируя тем, что его ограничивают в общении с ребенком. В таких случаях родители наносят непоправимый вред психике ребенка, он вынужден слушать разговоры одного из родителей, что его не любят о нем не заботятся и он ему не нужен.

Родительских прав могут лишить и отца, и мать, в случае лишения родительских прав отца

он не сможет участвовать в жизни детей, а родительским капиталом мать не сможет воспользоваться. Лишение родительских прав сегодня в современной России является не только защитой ребенка от неблагополучных родителей, но и выявляются факторы деградации семей, где часто игнорируется профилактика и реабилитация.

В случае совершения родителями противоправных действий умышленного характера преступления против жизни и здоровья своих детей суд может применить лишение родительских прав [2, с. 25-29].

Сегодня нередки случаи, когда суды допускают ошибки при решении дел данного характера это и гражданско- процессуальные так и материально - правовые, что сказывается на сферах общественных отношений.

Процессуальной особенностью данной процедуры является строго определенный законом перечень лиц, уполномоченных обратиться в суд с иском о лишении либо ограничении прав родителей. Суд не примет исковое заявление, так как лица не имеют данного права.

Лишение родительских прав возможно по следующим причинам:

1. Умышленное или неумышленное нежелание выполнять обязанности родителей, в том числе злостное уклонение от родительской ответственности, сознательное пренебрежение обязанностью содержания ребенка, внушительный долг по алиментам, обман в отношении своих доходов, трудности с поиском недобросовестного родителя.

2. Отказ без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома (отделения) либо из иной медицинской организации, образовательной организации, организации социального обслуживания или из аналогичных организаций.

3. Незаконное и преступное пользование на правах родителя в ущерб ребенку (препятствия получить образование, попрошайничество, воровство).

4. Причинение вреда детям посредством физического, психического, сексуального насилия.

5. Наличие хронического алкоголизма или наркомании подлежит документальному подтверждению медицинскими документами. Наличие медицинских документов является обязательным условием для подтверждения хронического алкоголизма или наркомании.

6. Совершение умышленного преступления против жизни или здоровья своих детей, этот факт должен быть подтвержден судебным приговором

В случае возникновения обстоятельств, обуславливающих необходимость лишения роди-

тельских прав с соответствующим иском заявлением, могут обратиться близкие родственники ребенка, это могут быть:

- один из родителей ребенка, дедушка, бабушка, братья, сестры;
- органы и учреждения, на которые законом возложены обязанности по охране прав несовершеннолетних детей, включая органы опеки и попечительства;
- комиссии по делам несовершеннолетних, воспитательные учреждения;
- учреждения, предоставляющие полный цикл общего образования (от начального до среднего), а также специализированные образовательные программы (гимназии, лицеи), и организации выполняющие сопутствующие социальные функции.
- прокурора.

Процедура лишения родительских прав решается в соответствии с гражданско-процессуальным правом, по аналогии с порядком лишения прав родителей, обязательным является привлечение органов опеки и попечительства, а также прокурора. Органы опеки и попечительства проводят оценку жилищно – бытовых условий ребенка и выносят заключение в целесообразности применения мер ограничению или лишению родительских прав.

В процессе судебных разбирательств по лишению прав родителей дети старше 10 лет могут изъявить желание остаться в семье, и суд может пойти им навстречу, если это не противоречит их интересам.

В ходе судебного процесса по лишению прав родителей обязательным является обследование условий жизни ребенка и документ, составленный по результатам обследования предоставляется суду, также заслушивается мнение несовершеннолетнего по существу данного дела.

В правоприменительной практике нередко фиксируются прецеденты, когда изъятие ребенка из семьи и последующие процедуры лишения родительских прав оказываются необоснованными. Такие решения могут быть из-за таких факторов как проживание в аварийном жилище, низкий уровень материального обеспечения, неудовлетворительное санитарное состояние жилища [3, с.385-388]. Это может привести к нарушению права ребенка воспитываться в семье.

Судебная практика демонстрирует прецеденты, когда заявление о лишении прав родителей инициированные несовершеннолетним отклонялось судом, основанием для отказа служило то, что они не входят в круг лиц указанные в пункте 1 ст. 70 СК РФ. Данная судебная практика неприемлема, она идет в разрез с п. ст. 56 СК РФ, который четко определяет нарушение прав на защиту

несовершеннолетних при злоупотреблении родителями. Законодательное закрепление самостоятельного процессуального статуса ребенка уже был достаточно обоснован [4, с. 71–72].

В случае невыполнения или недобросовестного выполнения своих обязанностей по воспитанию и образованию, ребенок вправе самостоятельно обращаться в органы опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет - в суд. В соответствии с гражданским процессуальным правом дети, достигшие 14 лет могут самостоятельно обратиться в суд за защитой и на привлечение законных представителей к участию в процессе (п.4 ст.37 ГПК РФ). Таким образом, суды нередко отклоняют обращения несовершеннолетних и требуют обратиться в суд совместно с законным представителем. Представителем также может выступать работник органов опеки или прокурор.

Необходимо отметить, что создание судами препятствий для непосредственного обращения ребенка в суд для защиты своих прав, значительно затягивает процедуру разбирательства по делу, так как несовершеннолетний вынужден сначала обращаться в иные уполномоченные органы, ждать рассмотрения, а затем удовлетворения требований ребенка о необходимости подачи иска в суд. Изучив и проанализировав «Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей», утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011 г., для определения, кто имеет право выносить требование о лишении прав родителей нормы пункта 1 ст. 70 СК РФ следует обращаться к части 2 ст. 56 СК РФ. С учетом интересов несовершеннолетнего суд в обязательном порядке иницирует возбуждение дела по лишению родительских прав и привлекает органы опеки и попечительства к участию в этом деле.

Законодательное закрепление в ГПК РФ возможности обращения несовершеннолетнего ребенка в суд по делам, выходящим из семейных правоотношений способно исключить возможность необоснованного отказа в принятии искового заявления судами и упростить процедуру защиты ребенком своих прав. Ребенок и также взрослый в одинаковой степени имеют права и свободы, но права ребенка получили более расширенное регулирование и закреплены в международном праве и в законодательстве Российской Федерации. В связи с тем, что ребенка надо рассматривать, как еще незрелого физически и психологически его права интересы надо защищать. В целом ряде международно - правовых документов ООН, Совета Европы установлен запрет на жестокое обращение, унижение человеческого достоинства. Вниманию родителей (законных представителей) предусмотрена административ-

ная ответственность за ненадлежащее исполнение своих обязанностей по воспитанию, обучению и защите прав несовершеннолетних детей.

Лица, использующие в отношении несовершеннолетних физическое, сексуальное, психологическое насилие подлежат уголовной ответственности и это обстоятельство является основанием для лишения родительских прав ст.70 СК РФ, но четкого перечня действий, которые считаются жестоким обращением, законодательство не содержит.

Используя пункт 16 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 14.11.2017 N 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» точка зрения Верховного Суда заключается в физическом нанесении вреда здоровью ребенка, посягательство на половую неприкосновенность. Важно отметить, что данное определение не исчерпывает всех действий, которые по своей природе могут считаться жестоким обращением с ребенком, наносящим вред его нравственному, физическому или психическому развитию.

Физическое и психическое насилие, а также нарушения половой свободы ребенка всегда связаны с активными действиями по отношению к нему. Однако в действительности бывают случаи, когда родители проявляют бездействие, игнорируя потребности своего ребенка и не оказывая должной заботы, что наносит ему существенный психофизический вред.

Ответственность за подобное пассивное поведение родителей предусмотрена ст. 5.35 КоАП, при этом из текста нормы не следует, что оно является выражением жестокого обращения с детьми, а семейным законодательством понятие жестокого обращения никак не регламентировано.

В юридической науке этот вопрос относится к числу дискуссионных, ученые придерживаются разных подходов к определению «жестокого обращения». По нашему мнению, правильный подход отражен в работах Е.И. Цымбала, который относит причинение боли и страданий, бесчеловечное отношение к детям любые намеренные деяния или упущения со стороны родителей ответственные за жизнь, здоровье, воспитание ребенка, субъекты на которых возложена обязанность по надзору за несовершеннолетними, причинившими вред здоровью или вследствие которых нарушалось естественное развитие ребенка [5, с. 112].

Законодательное закрепление такого определения позволит восполнить имеющийся пробел в правовом регулировании, обеспечить единоо-

бразие применения судами данного основания в делах о лишении родительских прав, а также наиболее полную защиту интересов ребенка.

Семейные споры в соответствии с законодательством РФ решаются в порядке гражданского судопроизводства. Статья 39 Гражданского процессуального кодекса предоставляет ответчику право признать иск, что фактически означает полное согласие ответчика с аргументацией истца, заявленными исковыми требованиями, безоговорочное согласие на все, что указано в исковом заявлении.

Если ответчик согласен с иском, то суд удовлетворяет исковые требования истца, ссылаясь в мотивировочной части решения на то, что иск был признан ответчиком (абз.2 ст.198 ГПК РФ).

Суд, рассматривая дела, связанные с лишением либо ограничением родительских прав, должен учитывать ряд особенностей, решая вопрос о возможности применения последствий признания иска ответчиком. При этом необходимо учитывать положение п.2.ст. 39 ГПК, из которого следует запрет принятия заявления о подтверждении иска судом. В случае, если это не согласуется с законом или попирает права и законные интересы несовершеннолетних и иных лиц. Принцип равенства раскреплён в семейном законодательстве родители равны в обязанностях по отношению к детям.

Лишение родительских прав — это исключительная мера воздействия, используемая только в случае, когда все меры воздействия по защите детей были исчерпаны. Данная санкция вводится после постановки на учет, проведения профилактических бесед, контроля со стороны органов опеки и попечительства. Статья 69 СК РФ устанавливает перечень оснований для лишения родительских прав.

В практике встречаются, например случаи, когда родители по разнообразным причинам признают исковые требования о лишении их прав в отношении детей.

Например, в случае, если родители не проживают совместно, ребенок находится вместе с матерью, у которой появился новый супруг, заинтересованный в том, чтобы усыновить либо удочерить этого ребенка. Для реализации возможности усыновления или удочерения ребенка он пытается добиться признания иска о лишении родительских прав отца несовершеннолетнего. Другим примером является обращение родителя в суд с иском о лишении второго родителя имеющихся у него прав, чтобы в дальнейшем претендовать на государственные льготы и пособия по основанию неполной семьи, например выплаты матерям одиночкам.

В этом случае родитель, являющихся истцом, обращается с просьбой ко второму родителю согласиться с иском в суде, а суд в свою очередь не в праве удовлетворять исковые требования, так как это нарушает права детей. Используя исследования и анализируя случаи лишения родительских прав, суды нередко пренебрегают правами несовершеннолетних детей, так как это является необоснованное удовлетворение иска недостаточное изучение и исследование всех обстоятельств дела.

Так, Решением Каякентского районного суда Республики Дагестан от 16 января 2024 года по делу №2-1035/2023 удовлетворен иск отдела опеки и попечительства о лишении отца несовершеннолетней М. родительских прав. Как следует из материалов дела, мать несовершеннолетней девочки умерла, а отец проживал отдельно и редко общался с ребенком. После смерти матери девочка стала проживать с опекуном Н., а биологический отец практически не принимает участие в жизни и воспитании ребенка, проживает за пределами Республики Дагестан и имеет другую семью. Представитель ответчика предоставил суду заявление о признании исковых требований, судом разъяснены представителю последствия принятия судом заявления о признании иска, что было зафиксировано в протоколе судебного заседания.

Суд принял решения удовлетворить исковые требования, руководствуясь предоставленными материалами органов опеки и попечительства, а также в связи с согласием ответчика с исковыми требованиями в полном объеме.

Таким образом, суды, рассматривая дела, связанные с воспитанием детей обязаны наиболее полно изучить, исследовать все обстоятельства дела и учитывать то, что лишение прав родителей является крайней мерой, решая вопрос о ее применении нужно учитывать интересы ребенка и предусмотреть возможность применения более мягких мер, таких как предупреждение, с целью защиты интересов детей и недопустимости нарушения прав ребенка воспитываться в полной семье и сохранять общение с обоими родителями.

Список литературы:

[1] «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025). // СПС КонсультантПлюс.

[2] Беспалов Ю.Ф. Основания и порядок лишения родительских прав // Российская юстиция. 2000. № 12. С. 25-29.

[3] Борминцева А.С. Проблемы института лишения родительских прав в Российской Федерации / А.С. Борминцева // в сборнике: Научные достижения и открытия современной молодежи. Актуальные вопросы и инновации. Сборник статей победителей международной научно- практической конференции. Липецк, 2017. С. 385-388.

[4] Туманова Л. В. Самостоятельный процессуальный статус несовершеннолетнего // Российская юстиция. 2023. № 1. С. 70–74.

[5] Журавлева Т.М., Сафонова Т.Я., Цымбал Е.И. Помощь детям – жертвам насилия. М.: Генезис, 2006. С. 112.

References:

[1] «Semejnij kodeks Rossijskoj Federacii» ot 29.12.1995 N 223-FZ (red. ot 23.11.2024, s izm. ot 30.10.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 05.02.2025). // SPS Konsul'tanTPlyus.

[2] Bepalov YU.F. Osnovaniya i poryadok lisheniya roditel'skikh prav // Rossijskaya yusticiya. 2000. № 12. S. 25-29.

[3] Borminceva A.S. Problemy instituta lisheniya roditel'skikh prav v Rossijskoj Federacii / A.S. Borminceva // v sbornike: Nauchnye dostizheniya i otkrytiya sovremennoj molodezhi. Aktual'nye voprosy i innovacii. Sbornik statej pobeditelej mezhdunarodnoj nauchno- prakticheskoy konferencii. Lipeck, 2017. S. 385-388.

[4] Tumanova L. V. Samostoyatel'nyj processual'nyj status nesovershennoletnego // Rossijskaya yusticiya. 2023. № 1. S. 70–74.

[5] Zhuravleva T.M., Safonova T.YA., Cymbal E.I. Pomoshch' detyam – zhertvam nasiliya. M.: Genezis, 2006. S. 112.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-117-122

ХОРШЕВА Юлия Олеговна,
кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры государственно-правовых дисциплин,
Северо-Западный филиал федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева», г. Санкт-Петербурга
e-mail: newsafe@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПУБЛИЧНЫХ СЛУШАНИЙ ПРОЕКТОВ БЮДЖЕТА КАК ИНСТРУМЕНТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЛАСНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению роли института публичных слушаний в реализации принципа гласности в деятельности органов публичной власти, в частности при утверждении проекта бюджета местного и регионального уровней. Автор анализирует нормативные правовые источники, регламентирующие проведение публичных слушаний, статистические данные. В статье выявляются существующие проблемы, затрудняющие эффективную реализацию института публичных слушаний. Дается оценка эффективности публичных слушаний при утверждении проекта бюджета через анализ активности участия граждан в публичных слушаниях. Автором также анализируется механизм учёта предложений и замечаний, поступивших в ходе слушаний. В процессе исследования, посредством применения методов сравнительного анализа, формально-юридического, систематизации, статистического анализа, а также иных методов исследования выявлены тенденции развития института публичных слушаний. Сделаны промежуточные выводы о необходимости дальнейшего развития исследуемой формы непосредственной демократии как инструмента обеспечения гласности. Автором выделяются критерии оценки результативности публичных слушаний. Обосновывается необходимость дальнейшего изучения проблемы с целью выработки рекомендаций по развитию существующей модели взаимодействия общества и органов публичной власти. Предлагается внедрение цифровых технологий в исследуемый институт, а также проведение широкой просветительской работы с гражданами.

Ключевые слова: публичные слушания; проект бюджета; принцип гласности; эффективность деятельности органов публичной власти; формы непосредственной демократии; местное самоуправление.

KHORSHEVA Yuliia Olegovna,
candidate of law, senior lecturer
at the Department of State and Legal Disciplines,
North-West branch of the Federal State
Budget-Funded Educational Institution
of Higher Education "Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev",
Saint-Petersburg

ON THE EFFECTIVENESS OF PUBLIC HEARINGS OF BUDGET PROJECTS AS A TOOL FOR ENSURING GLASSACITY IN THE ACTIVITIES OF PUBLIC AUTHORITIES

Annotation. *The article examines the role of the public hearing institution in implementing the principle of publicity in the activities of public authorities, particularly in the approval of local and regional budget projects. The author analyzes the regulatory legal sources that govern the conduct of public hearings and statistical data. The article identifies existing problems that hinder the effective implementation of the public hearing institution. It assesses the effectiveness of public hearings in the approval of budget projects by analyzing the participation of citizens in public hearings. The author also analyzes the mechanism for considering suggestions and comments received during the hearings. In the course of the study, by applying the methods of comparative analysis, formal-legal analysis, systematization, statistical analysis, and other research methods, the trends in the development of the institution of public hearings were identified. The author draws interim conclusions about the need to further develop the studied form of direct democracy as a tool for ensuring transparency. The author identifies criteria for evaluating the effectiveness of public hearings. The author substantiates the need to further study the problem in order to develop recommendations for improving the existing model of interaction between society and public authorities. The author proposes the introduction of digital technologies into the studied institution, as well as the implementation of extensive educational work with citizens.*

Key words: *public hearings; budget draft; the principle of publicity; the effectiveness of public authorities; forms of direct democracy; local self-government.*

На сегодняшний день принципы правового регулирования деятельности органов публичной власти закреплены в ряде нормативных правовых актов, одним из которых является Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», определяющий основополагающие начала деятельности органов публичной власти в субъекте Российской Федерации. Одним из таких принципов законодатель в ст. 2 указанного закона выделяет обеспечение гласности в деятельности органов публичной власти, в том числе посредством предоставления доступа к информации о деятельности органов публичной власти [8]. Принцип гласности реализуется на всех уровнях публичной власти — федеральном, региональном и местном.

Следует отметить, что институт публичных слушаний охватывает реализацию сразу нескольких принципов — гласности, обеспечения соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, общественного контроля за деятельностью органов публичной власти, а также специального принципа бюджетной системы Российской Федерации — участия граждан в бюджетном процессе [9].

Мы рассмотрим институт публичных слушаний с точки зрения реализации принципа гласности. В широком смысле данный принцип означает возможность граждан получать, распространять информацию, касающуюся деятельности органов публичной власти, а также контролировать такую деятельность.

Регулирование публичных слушаний встречаем в ряде нормативных правовых актов. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Феде-

рации» определяет публичные слушания как собрание граждан, организуемое, в том числе органами публичной власти, для обсуждения вопросов, касающихся деятельности указанных органов и имеющих особую общественную значимость либо затрагивающих права и свободы человека и гражданина [10]. Публичные слушания в соответствии с вышеуказанной нормой проводятся публично и открыто с возможностью участников свободно высказывать свое мнение и вносить предложения и замечания по вопросу, вынесенному на публичные слушания.

Статьи 5.1 и 28 Градостроительного кодекса Российской Федерации предусматривают проведение публичных слушаний по градостроительным вопросам [11]. Более того до конца 2026 года упрощаются процедуры общественных обсуждений и публичных слушаний по проектам генпланов, правилам землепользования и застройки, планировки и межевания территорий [12]. На региональном уровне также могут быть предусмотрены нормы, определяющие порядок проведения публичных слушаний.

В Федеральном законе от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» определен перечень вопросов, по которым проводятся публичные слушания на уровне местного самоуправления, в том числе в обязательном порядке выносятся вопросы принятия проекта местного бюджета и отчета о его исполнении [13].

Таким образом, анализ нормативных правовых актов позволяет сделать промежуточный вывод о том, что наиболее урегулированным институт публичных слушаний остается на уровне местного самоуправления и регионов.

Сегодня ученые выделяют среди критериев оценки эффективности бюджетных расходов такой фактор как удовлетворение общественных потребностей [1, с. 136]. При этом правильное определение этих потребностей зависит в первую очередь от обратной связи от населения. Учитывая данное обстоятельство, реализация принципа гласности и принципа участия населения в бюджетном планировании становится краеугольным камнем успешности всего бюджетного процесса, одной из основных целей которого и является удовлетворение общественных потребностей. При этом «участие граждан в формировании бюджета нового цикла сохраняет преемственность задач прошлого и повышает качество выработки основных приоритетов при формировании расходов бюджета» [5, с. 324].

Следует отметить, что результаты публичных слушаний носят рекомендательный характер, что порождает дискуссии относительно эффективности этого института вообще [7, с. 84].

Проблемным вопросом остается вовлеченность граждан в бюджетный процесс. Анализ показывает, что довольно маленький процент граждан принимает участие в публичных слушаниях как по вопросу принятия проекта бюджета на будущий год, так и по вопросу принятия отчета об исполнении бюджета за прошлый.

Например, в ходе проведения публичных слушаний 21-22 октября 2025 г. по проекту закона Санкт-Петербурга «О бюджете Санкт-Петербурга на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» поступило всего 28 обращений [14]. По данным Росстата на 2025 год, численность населения Санкт-Петербурга составила 5 652 922 человек [15]. Таким образом, количество людей, принявших участие в публичных слушаниях, составило 0.0005 %, иными словами – проектом бюджета Санкт-Петербурга заинтересовался лишь каждый 201 890-ый человек, постоянно проживающий на этой территории. Такая проблема характерна и для других регионов. Например, на публичных слушаниях 01.02.2023 г. по рассмотрению документации по планировке территории в Центральном районе г. Хабаровска присутствовало 6 человек. На публичных слушаниях 30.01.2023 г. по рассмотрению документации по планировке территории в Железнодорожном районе г. Хабаровска присутствовало 6 человек [2, с. 118].

Основной причиной такого низкого показателя можно считать слабую информированность граждан о существовании института публичных слушаний вообще, а также возможности поучаствовать в бюджетном процессе, в частности. Исходя из уже рассмотренного нами Протокола

публичных слушаний по проекту закона Санкт-Петербурга «О бюджете Санкт-Петербурга на 2026 и плановый период 2027 и 2028 годов», проведенных Законодательным Собранием Санкт-Петербурга, усматривается, что информирование жителей Санкт-Петербурга о проведении публичных слушаний осуществлялось посредством официального сайта Законодательного Собрания Санкт-Петербурга и официального сайта Комитета финансов Санкт-Петербурга. К сожалению, проанализировать количество посетителей страниц, на которых была размещена информация, не представляется возможным. Однако, исходя из конечных результатов, можно предположить, что количество посетителей было не велико. Данное обстоятельство указывает на необходимость расширения баз размещения информации о проведении публичных слушаний.

Для расширения охвата граждан, которые потенциально могли бы поучаствовать в публичных слушаниях, Правительством Российской Федерации реализуются различные нововведения, в том числе связанные с цифровизацией института публичных слушаний. Так, Постановлением Правительства Российской Федерации от 03.02.2022 № 101 «Об утверждении Правил использования федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» в целях организации и проведения публичных слушаний» устанавливается порядок использования единого портала в целях организации и проведения публичных слушаний с участием жителей муниципального образования [16]. При этом данное Постановление определяет возможность цифровизации всех этапов проведения публичных слушаний – от размещения информации о дате и времени проведения мероприятия до возможности подачи замечаний и предложений (т.е. возможность дистанционного участия) и получения мотивированных ответов через личный кабинет единого портала. Цифровизация процесса проведения публичных слушаний позволит привлекать все большее количество участников ежегодно (по мере распространения информации о такой возможности, «привыкания» населения к использованию дистанционных технологий). Как показывает практика применения, например, дистанционного электронного голосования (ДЭГ), с каждым годом все большее количество граждан пользуются цифровизацией различных процессов, в том числе цифровизацией форм непосредственной демократии (выборы, публичные слушания, опросы граждан, обращения граждан в органы публичной власти). Цифровизация процесса позволяет выйти принципу гласности на

новый, более высокий и прозрачный уровень. При этом (в основном из-за определенной неосведомленности в технических процессах) остается доля населения, не доверяющая цифровым технологиям и опасаящаяся рисков, связанных с утечкой данных. Некоторыми авторами также предлагается внедрение возможности проведения публичных слушаний в формате видеоконференцсвязи [3, с. 48].

Институт публичных слушаний при принятии бюджета играет заметную роль не только в российском, но и в зарубежном правовом регулировании (например, Китайская Народная Республика, США, Германия, Япония) [4, с. 120]. Данное обстоятельство подчеркивает важность наличия института публичных слушаний в национальном законодательстве, что влечет за собой необходимость его совершенствования в связи с технологическим развитием государства.

Проявление активности со стороны граждан – это не только ответственность со стороны органов публичной власти, которая выражается в обеспечении доступа к информации и проведении публичных слушаний, но и ответственность самих граждан, которые должны проявлять свою гражданскую заинтересованность в процессах, происходящих на местном и региональном уровнях [6, с. 49].

Список литературы:

- [1] Белоусов Ю. В. Опрос граждан как инструмент выявления общественных потребностей и его использование в бюджетном планировании / Ю. В. Белоусов, О. И. Тимофеева // Теория и практика общественного развития. – 2024. – № 10(198). – С. 135-144.
- [2] Буланова М. А. Взаимодействие органов местного самоуправления с городским сообществом Хабаровска: социологический анализ / М. А. Буланова // Власть и управление на Востоке России. – 2023. – № 1(102). – С. 111-124.
- [3] Васильева Н. В. К вопросу об использовании форм непосредственной демократии в целях обеспечения участия общественности в бюджетном процессе муниципального образования / Н. В. Васильева, Ю. В. Пятковская // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 4(52). – С. 48-58.
- [4] Иванова Е. Ю. Права граждан на участие в формировании государственных бюджетов: опыт России и зарубежных стран / Е. Ю. Иванова // Байкальские компаративистские чтения : Материалы международной научно-практической конференции, Иркутск, 20–21 марта 2025 года. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2025. – С. 118-125.
- [5] Максимова С. Н. Инициативные проекты в Российской Федерации: конституционно-правовое осмысление / С. Н. Максимова // Академический юридический журнал. – 2023. – Т. 24, № 3(93). – С. 321-325.
- [6] Модникова Т. Н. Реализация конституционного принципа гласности в местном самоуправлении современной России (часть 2) / Т. Н. Модникова, В. Ф. Новиков // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 3А. – С. 45-51.
- [7] Сергеев С. А. Публичные слушания (общественные обсуждения) в региональном бюджетном процессе / С. А. Сергеев // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 8(200). – С. 83-85.
- [8] Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/b1cb0c1385c89e2396c3f614f4158981032a000e/ (дата обращения: 01.02.2026).
- [9] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/3f29b361958a6dc38ba72c4a629960be8f4d3cf0/ (дата обращения: 01.02.2026).
- [10] Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/0b72b7ab69fa60a702955be8560bba76682de815/ (дата обращения: 01.02.2026).
- [11] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 03.02.2026).
- [12] Федеральный закон от 14.03.2022 № 58-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=523268&dst=100043&field=134&rnd=O4TRuQ#WoSYAAVe08grHZn71> (дата обращения: 03.02.2026).
- [13] Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/5d1b5174c78b997b5d1ca9641cc99a7106174666/ (дата обращения: 03.02.2026).
- [14] Протокол публичных слушаний по проекту закона Санкт-Петербурга «О бюджете

Санкт-Петербурга на 2026 и плановый период 2027 и 2028 годов», проведенных Законодательным Собранием Санкт-Петербурга // Сайт Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. URL: https://www.assembly.spb.ru/lawmaking/directions/public_hearings/pages/10_10_2025.php (дата обращения: 24.01.2026).

[15] Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2025 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRJIUFoewruMEp1mgUcq-aDEeSA6_XtrqJMoEX_7R4SC88B2oh0DHQsSTgQocGzUNEwn_twFI3srBbx-botXGhu1tK4WkzFcctaOoUmBlxjoXsTn5GbIA5bqoRLd7DjVRY2FofOkrBQg%3D%3D%3Fsign%3DGhhF8zF87OWPls6kvdM20q34u7iAO058XW6q6ebTWYw%3D&name=Chisl_MO_01-01-2025.xls&nosw=1 (дата обращения: 24.01.2026).

[16] Постановление Правительства РФ от 03.02.2022 № 101 «Об утверждении Правил использования федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» в целях организации и проведения публичных слушаний» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_408518/ (дата обращения: 02.02.2026).

References:

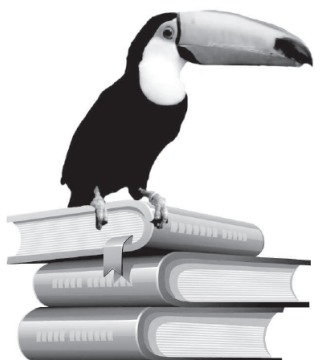
- [1] Belousov Yu. V. Citizen survey as a tool for identifying public needs and its use in budget planning / Yu. V. Belousov, O. I. Timofeeva // *Theory and practice of social development*. - 2024. - No. 10 (198). - P. 135-144.
- [2] Bulanova M. A. Interaction of local governments with the urban community of Khabarovsk: a sociological analysis / M. A. Bulanova // *Power and administration in the East of Russia*. - 2023. - No. 1 (102). - P. 111-124.
- [3] Vasilyeva N. V. On the issue of using forms of direct democracy in order to ensure public participation in the budget process of a municipality / N. V. Vasilyeva, Yu. V. Pyatkovskaya // *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. - 2020. - No. 4(52). - P. 48-58.
- [4] Ivanova E. Yu. Citizens' Rights to Participate in the Formation of State Budgets: Experience of Russia and Foreign Countries / E. Yu. Ivanova // *Baikal Comparativistic Readings: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, March 20–21, 2025*. - Irkutsk: Baikal State University, 2025. - P. 118-125.
- [5] Maksimova S. N. Initiative Projects in the Russian Federation: Constitutional and Legal Understanding / S. N. Maksimova // *Academic Law Journal*. - 2023. - Vol. 24, No. 3(93). - P. 321-325.
- [6] Modnikova T. N. Implementation of the Constitutional Principle of Glasnost in Local Self-Government in Modern Russia (Part 2) / T. N. Modnikova, V. F. Novikov // *Issues of Russian and International Law*. - 2021. - Vol. 11, No. 3A. - Pp. 45-51.
- [7] Sergeev S. A. Public Hearings (Public Discussions) in the Regional Budget Process / S. A. Sergeev // *Law and State: Theory and Practice*. - 2021. - No. 8 (200). - Pp. 83-85.
- [8] Federal Law of 21.12.2021 No. 414-FZ "On the General Principles of Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/b1cb0c1385c89e2396c3f-614f4158981032a000e/ (accessed: 01.02.2026).
- [9] Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998, No. 145-FZ // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/3f29b361958a6dc38ba72c4a629960be8f4d3cf0/ (accessed: 01.02.2026).
- [10] Federal Law of July 21, 2014 No. 212-FZ "On the Fundamentals of Public Control in the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/0b72b7ab69fa60a702955be8560b-ba76682de815/ (accessed: February 1, 2026).
- [11] Urban Development Code of the Russian Federation of December 29, 2004 No. 190-FZ // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (accessed: February 3, 2026).
- [12] Federal Law of 14.03.2022 No. 58-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus". URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=523268&dst=100043&field=134&rn d=O4TRuQ#WoSYAAVe08grHZn71> (accessed: 03.02.2026).
- [13] Federal Law of 20.03.2025 No. 33-FZ "On General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority" // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/5d1b5174c78b997b5d1ca9641cc99a7106174666/ (accessed: 03.02.2026).
- [14] Minutes of the public hearings on the draft law of St. Petersburg "On the budget of St. Petersburg for 2026 and the planning period of 2027 and 2028," held by the Legislative Assembly of St. Petersburg // Website of the Legislative Assembly of St. Petersburg. URL: <https://www.assembly.spb.ru/law->

making/directions/public_hearings/pages/10_10_2025.php (accessed: 24.01.2026).

[15] The permanent population of the Russian Federation by municipalities as of January 1, 2025 // Federal State Statistics Service. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXIUfoewruMEp1mgUcq-aDEeSA6_XtrqJMoEX_7R4SC88B2oh0DHQsSTgQocGzUNEwn_twFI3srBbx-botXGhu1tK4WkzFcctaOoUmBlx-joXsTn5GblA5bqoRLd7DjVRY2FofOkrBQg%3D%3D%3Fsign%3DGhhF8zF87OWPls6kvdM20q34u7iA

O058XW6q6ebTWYw%3D&name=Chisl_MO_01-01-2025.xlsx&nosw=1 (date of access: 24.01.2026).

[16] Resolution of the Government of the Russian Federation of 03.02.2022 No. 101 "On approval of the Rules for the use of the federal state information system "Unified Portal of State and Municipal Services (Functions)" for the purposes of organizing and conducting public hearings" // SPS "Consultant-Plus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_408518/ (date of access: 02.02.2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-123-127

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

ЧУЙКОВ Павел Вячеславович,
аспирант Департамента права,
Государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»,
e-mail: info@law-books.ru

Научный руководитель:
РОСТОКИНСКИЙ Александр Владимирович,
доктор юридических наук, доцент,
профессор департамента права,
Департамент образования и науки города Москвы,
Государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»,
г. Москва,
e-mail: RostokinskiiAV@mgpu.ru

АНТИМОНОПОЛЬНЫЙ КОМПЛАЕНС КАК ЭЛЕМЕНТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАРУШЕНИЙ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ТЕКУЩИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация. Настоящая статья исследует аспекты предотвращения нарушений антимонопольного законодательства, включая картельные сговоры, через призму института антимонопольного комплаенса в условиях текущих геополитических изменений. Насколько эффективен такой институт в борьбе с картелями, которые оказывают негативное влияние на рыночную конкуренцию в целом. Как меняется антимонопольный комплаенс под влиянием, внешних факторов, и на пользу ли такие изменения. Что есть антимонопольная комплаенс культура и достаточно ли иметь комплаенс политику «на бумаге».

Исследование оценивает эффективность современных комплаенс процедур, в условиях повышения штрафных санкций и роста активности регуляторов. Какие процессы происходят между странами БРИКС в части гармонизации подходов регуляторов и как бизнесу к ним адаптироваться.

Ключевые слова: комплаенс, антимонопольный комплаенс, комплаенс культура, картельные сговоры, программы снисхождения, цифровая экономика.

CHUIKOV Pavel Vyacheslavovich,
graduate student of the Department of Law,
State autonomous educational institution of higher education
of the city of Moscow, Moscow City Pedagogical University

Scientific Supervisor:
ROSTOKINSKY Alexander Vladimirovich,
Doctor of Law, Associate Professor
Professor, Department of Law
Department of Education and Science of the City of Moscow
State Autonomous Educational Institution
of Higher Education of the City of Moscow
Moscow City Pedagogical University

ANTIMONOPOLY COMPLIANCE AS AN ELEMENT OF VIOLATION PREVENTION AND ITS TRANSFORMATION UNDER THE INFLUENCE OF CURRENT GEOPOLITICAL CHANGES

Annotation. *This article explores the aspects of preventing violations of antitrust laws, including cartel agreements, through the lens of the antitrust compliance institution in the context of current geopolitical changes. It examines the effectiveness of this institution in combating cartels that have a negative impact on market competition. The article also explores how antitrust compliance is evolving under the influence of external factors and whether these changes are beneficial. Additionally, the article delves into the concept of antitrust compliance culture and whether it is sufficient to have a compliance policy on paper.*

The study assesses the effectiveness of modern compliance procedures in the context of increasing penalties and growing regulatory activity. It examines the processes taking place between BRICS countries in terms of harmonizing regulatory approaches and how businesses can adapt to them.

Key words: *compliance, antitrust compliance, compliance culture, cartel agreements, leniency programs, and the digital economy.*

До своего текущего состояния комплаенс (compliance), как системная функция, прошел долгий путь, последовательно и тесно развиваясь с развитием бизнеса, развитием нормативно-правовых актов и общества в целом. Со второй половины прошлого столетия, когда комплаенс в основном был призван предотвращать риски мошенничества в сфере финансов, как элемент внутреннего контроля, и до конца XX века, когда комплаенс стал ответом на крупные корпоративные и политические скандалы, был пройден серьезный путь в результате чего комплаенс обрел признаки системности, и пришел к единой концепции «корпоративного соответствия». В этот же момент зарождаются и элементы эффективной программы комплаенса (включая назначение ответственного, обучение, мониторинг, расследования и т.д.). Эти элементы становятся основой и образцом для законодательного закрепления комплаенса в разных странах мира и базисом для последующего развития в условиях глобализации и ужесточения санкций с 2000-х годов по настоящее время, когда можно выделить и классифицировать различные направления в комплаенс, таких как антикоррупционный, санкционный, антимонопольный и другие.

Таким образом комплаенс зародился как реакция на правовые вызовы, эволюционировал от формального следования правилам к интегральной системе управления рисками и этической культурой, и сегодня является неотъемлемым элементом корпоративного управления во многих организациях.

История развития комплаенса в России — это интересный и нелинейный процесс, прошедший множество этапов становления, отражающих как влияние глобальных трендов, так и уникальные

особенности российского бизнес-климата и регулирования.

Развитие комплаенса в России прошло путь от полного отсутствия концепции через импорт западных стандартов под внешним давлением к созданию собственной регуляторной базы. Сейчас комплаенс находится в фазе суверенной адаптации, а также в новой парадигме регулирования с фокусом на взаимодействие со странами БРИКС, о чем мы поговорим чуть ниже.

Что касается антимонопольного комплаенса в РФ — это система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства. Он представляет собой систему правовых и организационно-управленческих мер, предусмотренных внутренним актом (актами) лица, которые направлены на соблюдение требований антимонопольного законодательства и предупреждение его нарушения. Антимонопольный комплаенс обязателен для органов государственной власти и может быть внедрен в работу хозяйствующих субъектов [1].

Другими словами, это система внутренних мер, процедур и правил, разработанная компанией для предотвращения нарушений антимонопольного законодательства и минимизации связанных с ними рисков (штрафы, ущерб репутации, уголовная ответственность). Это критически важный элемент корпоративного управления в России, учитывая активную роль ФАС России.

Одним из первых официальных документов в Российской Федерации, в котором был упомянут антимонопольный комплаенс, является Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013–2024 годы, утвержденная 3 июля 2013 года Президиумом ФАС России [2]. Так, согласно ука-

занной Стратегии одним из элементов развития и совершенствование институтов, предупреждающих правонарушения в сфере антимонопольного законодательства, была определена разработка и внедрение на законодательном уровне норм, стимулирующих внедрение хозяйствующими субъектами антимонопольного комплаенса [3].

Уже после, в рамках национального плана развития конкуренции [4] были приняты изменения в Закон о защите конкуренции [5] и было введено определение антимонопольного комплаенса хозяйствующего субъекта, а кроме того, право хозяйствующих субъектов на внедрение в свою деятельность антимонопольного комплаенса, и более того возможность и порядок согласования хозяйствующим субъектом антимонопольного комплаенса с антимонопольным органом. ФАС России при этом вел последовательную работу по разъяснению положений в части антимонопольного комплаенса и давал практические рекомендации по разработке акта об антимонопольном комплаенсе и внедрения его в деятельность хозяйствующего субъекта.

Важно отметить, что, когда на определенном этапе развития антимонопольного законодательства в РФ, бизнес столкнулся с существенным набором запретов, нарушение которых отныне вело к внушительным штрафам, то первой реакцией бизнеса на повышающуюся роль ФАС России были попытки судебного обжалования решений антимонопольного органа, фиксировавших выявленные нарушения. Тем не менее, под влиянием формировавшейся практики по антимонопольным спорам в пользу антимонопольного органа и фокуса ФАС России на картельных сговорах со всей серьезностью ответственности за подобные деяния, бизнес последовательно перешел на перестройку внутренних процессов, направленных на предотвращение нарушений. Этому отчасти способствовало принятие «четвертого антимонопольного пакета» (2012-2016) [6], когда законодателем и ФАС России был внедрен институт освобождения от ответственности.

Программа смягчения ответственности (leniency) [7], когда первый участник картеля, добровольно заявивший в ФАС и предоставивший доказательства, полностью освобождается от штрафа. Смягчающий фактор — наличие compliance-программы: если у компании на момент нарушения была внедрена и реально работала система внутреннего обеспечения соблюдения антимонопольного законодательства, штраф мог быть снижен. Таким образом парадигма сместилась и компаниям стало выгодно инвестировать в превентивные меры, чтобы либо

избежать нарушения, либо существенно снизить издержки в случае санкций.

В дальнейшем можно отметить смещение фокуса на качество комплаенс программ, когда формальное наличие политик перестало быть достаточным. ФАС при рассмотрении ходатайств о снижении штрафа стала оценивать эффективность и реальную работу системы: проводятся ли тренинги, как расследуются инциденты, есть ли «тон сверху», а именно вовлечено ли руководство и доводит ли важность комплаенс до своих сотрудников, насколько в действительности развита комплаенс культура, разработана ли система сообщения о нарушениях и так далее.

Нельзя также не отметить тот факт, что последние три года происходит видоизменение привычных программ комплаенс в том числе за счет снижения активно применяющихся западных практик и трансформации программ комплаенс в части их суверенизации, и акцентом на новые приоритеты, такие как внутренний рынок и импортозамещение. В свете ужесточения контроля за сделками, особенно с участием иностранного капитала из «недружественных» стран, и за сделками, которые могут повлиять на безопасность внутреннего рынка, формируются новые направления комплаенс, ориентированные больше на внутренние практики, тогда как многие западные принципы комплаенс теряют свою былую значимость.

Благодаря активной позиции ФАС России и усилиям службы по внедрению антимонопольного комплаенс в России, в настоящее время — это одна из наиболее системных, структурированных и цельных, с точки зрения нормативно-правовой базы областей комплаенса в стране, и при должной реализации эффективный элемент корпоративного управления, поддерживаемый службой и государством в целом через соответствующие стимулы.

Относительно новым трендом можно также выделить антимонопольный комплаенс в странах БРИКС, что безусловно требует учета национальных особенностей законодательства и правоприменительной практики. Компаниям, планирующим и ведущим бизнес-активность со странами БРИКС будет не лишним адаптировать антимонопольные политики, под законодательство соответствующей страны, или ряда стран. Поскольку законодательство имеет свои отличия, то важно обучать сотрудников основам конкурентного права, включая запреты на картели, злоупотребление доминирующим положением, недобросовестную конкуренцию, а также опираться на примеры из практики местных регуляторов.

Важно мониторить практические кейсы и рекомендации местных антимонопольных органов, но и следить за развитием взаимодействия антимонопольных органов на межгосударственном уровне. Страны БРИКС усиливают сотрудничество в антимонопольной сфере, идут процессы по гармонизации антимонопольного комплаенса в странах БРИКС, но эти процессы развиваются не просто и поэтапно. Вряд ли можно говорить о полной унификации нормативно-правовых актов, как это реализовано в странах Европейского Союза, с другой стороны и задача такая не стоит, учитывая разность правовых систем, существенного отличия местного законодательства, различных принципов и приоритетов развития экономик. Тем не менее, можно говорить про сближение подходов, наличие диалога между антимонопольными органами и обмен лучшими практиками. Это неизбежные процессы, на фоне роста взаимной торговли и инвестиций между странами БРИКС, а также необходимостью противодействовать антиконкурентным практикам транснациональных корпораций.

Ключевая площадка диалога — рабочая группа по вопросам конкуренции в рамках БРИКС [8]. В её рамках проводятся регулярные заседания, сравнительные исследования рынков (например, фармацевтика, цифровая экономика), обсуждаются сложные кейсы, согласовываются подходы или принципы, создаются «дорожные карты» для бизнеса по комплаенсу в различных юрисдикциях БРИКС и т.п.

Таким образом гармонизация антимонопольного комплаенса в БРИКС — это процесс, развивающийся естественным образом через взаимодействие стран участниц, но не ставящий задачу разработки единых законов, а направленный на сближение правоприменительной практики, и выстраивание эффективных каналов взаимодействия.

Как видно комплаенс в целом, так и антимонопольный комплаенс в частности — это активно меняющийся и трансформирующийся элемент системы корпоративного управления, направленный на предотвращение нарушений, в том числе картельных сговоров, изменения которого обусловлены развитием общества, экономики, процессов, происходящих на внешнем контуре, и многих других причин. Именно поэтому так важно уделять повышенное внимание адаптации комплаенс политик, тренингов, и прочих процессов, составляющих в совокупности комплаенс культуру конкретной компании, чтобы оперативно и адекватно реагировать на современные вызовы и риски, повышать эффективность бизнес-процес-

сов, делать их предсказуемыми, прозрачными для регулятора с одной стороны, и безопасными для сотрудников, руководства компании и собственников бизнеса с другой стороны.

Список литературы:

[1] Антимонопольный комплаенс // Федеральная Антимонопольная Служба. URL: <https://fas.gov.ru/pages/antimonopolnyj-komplaens?ysclid=miu1u9rmht707491135> (дата обращения: 04.01.2026).

[2] Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013-2024 гг. // Федеральная Антимонопольная Служба. URL: https://fas.gov.ru/netcat_files/File/Str_razv_konk_i_antimonop_reg.pdf?ysclid=mivqvzlijq606189019 (дата обращения: 04.01.2026).

[3] История развития антимонопольного комплаенса в России // Федеральная Антимонопольная Служба. URL: https://fas.gov.ru/pages/antimonopolnyj-komplaens/istorija-razvitija-antimonopolnogo-komplaensa-v-rossii#_ednref1 (дата обращения: 04.01.2026).

[4] Национальный план развития конкуренции // Федеральная Антимонопольная Служба. URL: <https://plan.fas.gov.ru> (дата обращения: 04.01.2026).

[5] Федеральный закон от 01.03.2020 № 33-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» // СПС КонсультантПлюс.

[6] О применении «Четвертого антимонопольного пакета» // Федеральная Антимонопольная Служба. URL: <https://fas.gov.ru/documents/ia-74666-15?ysclid=miu4ne7g3l27131174> (дата обращения: 04.01.2026).

[7] FAS presented an overview of leniency programs in cartel cases in the BRICS countries // Federal Antimonopoly Service Of Russia URL: <https://en.fas.gov.ru/press-center/news/detail.html?id=55920> (дата обращения: 04.01.2026).

[8] В Казани прошло заседание рабочей группы БРИКС по исследованию вопросов конкуренции на цифровых рынках // BRICS Competition Law and Policy Centre URL: <https://bricscompetition.org/ru/ournews/meeting-of-the-brics-working-group-for-the-research-of-competition-issues-in-digital-markets-was-held-in-kazan> (дата обращения: 04.01.2026).

References:

[1] Antimonopoly compliance // Federal Antimonopoly Service. URL: <https://fas.gov.ru/pages/antimonopolnyj-komplaens?ysclid=miu1u9rmht707491135> (date of access: 04.01.2026).

[2] Strategy for the development of competition and antimonopoly regulation in the Russian Federation for the period 2013-2024 // Federal Antimonopoly Service. URL: https://fas.gov.ru/netcat_files/File/Str_razv_konk_i_antimonop_reg.pdf?ysclid=mivqv-zlijq606189019 (date of access: 04.01.2026).

[3] History of the development of antimonopoly compliance in Russia // Federal Antimonopoly Service. URL: https://fas.gov.ru/pages/antimonopolnyj-komplaens/istorija-razvitija-antimonopolnogo-komplaensa-v-rossii#_ednref1 (accessed: 04.01.2026).

[4] National Competition Development Plan // Federal Antimonopoly Service. URL: <https://plan.fas.gov.ru> (accessed: 04.01.2026).

[5] Federal Law of 01.03.2020 No. 33-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Protection of Competition" // SPS ConsultantPlus.

[6] On the Application of the "Fourth Antimonopoly Package" // Federal Antimonopoly Service. URL: <https://fas.gov.ru/documents/ia-74666-15?ysclid=mi-u4ne7g3l27131174> (accessed: 04.01.2026).

[7] FAS presented an overview of leniency programs in cartel cases in the BRICS countries // Federal Antimonopoly Service of Russia URL: <https://en.fas.gov.ru/press-center/news/detail.html?id=55920> (accessed: 04.01.2026).

[8] A meeting of the BRICS working group for the study of competition issues in digital markets was held in Kazan // BRICS Competition Law and Policy Centre URL: <https://bricscompetition.org/ru/ournews/meeting-of-the-brics-working-group-for-the-research-of-competition-issues-in-digital-markets-was-held-in-kazan> (date of access: 04.01.2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
 учебных и методических
 пособий, монографий,
 научных статей.

Профессионально.

В максимально
 короткие сроки.

Размещаем
 в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-128-132

ВОЕВОДИН Ярослав Андреевич,
аспирант,
Севастопольский государственный университет,
e-mail: voevodin@yandex.ru

Научный руководитель:
ЛОЗО Вячеслав Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
Севастопольский государственный университет,
e-mail: lvi.hc12@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ОХРАНОЙ ВОД В РОССИИ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования государственного управления охраной водных ресурсов в условиях возрастания антропогенной нагрузки. Рассматриваются основные этапы формирования системы органов государственного управления охраной вод в России. Установлено, что в советский период была сформирована институционально устойчивая модель, основанная на концентрации водохозяйственных и водоохраных полномочий и бассейновой организации управления. Сделан вывод о том, что сложившиеся условия требуют построения соответствующей экологической политики с доминантой восстановления природного потенциала, экологического оздоровления водных бассейнов и законодательного подчинения этому хозяйственной, коммерческой и инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: охрана вод; водное законодательство; история водного законодательства; государственные органы; органы охраны вод; водные ресурсы; Центрводохран; бассейновый принцип; ВК РФ.

VOEVODIN Yaroslav Andreevich,
graduate student Sevastopol State University

Scientific supervisor:
LOZO Vyacheslav Ivanovich,
Doctor of Law, Professor,
Sevastopol State University

HISTORICAL EXPERIENCE IN THE FORMATION OF THE SYSTEM OF STATE MANAGEMENT OF WATER PROTECTION IN RUSSIA

Annotation. The relevance of the research is determined by the need to improve state management of water protection under conditions of increasing anthropogenic pressure on water resources. The main stages of the formation of the system of state authorities responsible for water protection in Russia are examined. It is established that during the Soviet period an institutionally stable model was formed, based on the concentration of water management and water protection powers and the basin-based organization of management. The conclusion is made that the existing conditions require the development of an appropriate environmental policy focused on the restoration of natural potential, ecological rehabilitation of water basins, and the legislative subordination of economic, commercial, and investment activities to these objectives.

Key words: water protection; water legislation; history of water legislation; state bodies; water protection authorities; water resources; Tsentrovodokhran; basin principle; Water Code of the Russian Federation.

В начале XXI века проблема использования и охраны водных ресурсов приобретает особую актуальность в условиях роста антропогенной нагрузки на водные объекты. Несмотря на значительный объем текущих возобновляемых водных ресурсов в Российской Федерации (около 4565 км³), при сохранении существующего уровня правовой охраны вод и сложившейся практики водопользования к 2035 году в ряде регионов страны ожидается дефицит воды [3]. Особую актуальность исследование исторических моделей построения государственного управления охраной вод приобретает в условиях сложных природно-техногенных процессов вследствие перегруженности и нерациональной структуры производства и природопользования; загрязнения сточными водами больших и малых рек как результата несбалансированности и недальновидности в хозяйствовании; подтопления значительных территорий вследствие нерационального гидротехнического строительства и мелиорации; региональных наводнений, связанных с климатическими изменениями.

Обращение к историко-правовому анализу развития органов управления водным хозяйством и охраной вод имеет значение не только для реконструкции этапов становления водоохранной системы, но и для оценки преемственности и эффективности современных моделей государственного управления.

Отдельные аспекты правового регулирования водных отношений и охраны вод получили освещение в трудах О. С. Колбасова, Л. И. Дембо, М. М. Бринчука, Н. Г. Жаворонковой, Б. А. Воронина и др., однако основное внимание традиционно уделялось анализу нормативного содержания водного и экологического законодательства, тогда как система государственных органов управления водным хозяйством и охраной вод рассматривалась преимущественно фрагментарно. Рассмотрение динамики институционального развития позволяет выявить особенности формирования правового статуса указанных органов, изменения объема и характера их компетенции, а также определить место водоохранной функции в системе государственного управления.

Формирование системы началось в условиях переформатирования предшествующих административных структур и необходимости установления новых принципов взаимодействия общества с природной средой. Как отмечает Е.А. Абрамова, «одной из проблем новой власти было в том, что она не могла опираться на ранее существовавшие структуры управления, а новые не были созданы» [1, с. 8]. Несомненно, перед советским государством стояла задача создания качественно иной системы управления национализированными водными и другими природными

ресурсами, что, на наш взгляд, не исключало использования предшествующего научного и кадрового потенциала.

Уже в декабре 1918 года постановлением Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) и Народного Комиссариата Продовольствия «О Главном Управлении по рыболовству и рыбопромышленности» было образовано специализированный орган – Главрыба, на который, наряду с организационно-производственными задачами, возлагались функции по регулированию использования и охраны водных ресурсов, в том числе «для сбережения рыбных запасов».

В целях охраны вод от антропогенного воздействия постановлением ВСНХ от 20 февраля 1919 года был учрежден Центральный Комитет водоохранения – Центроводохран, который функционировал при Химическом Отделе ВСНХ. Задачей Центроводохрана, являлась «охрана водоемов от загрязнения сточными водами фабрик, заводов и других предприятий», обследование водных объектов, принимающих сточные воды, изыскание способов борьбы с вызываемыми ими загрязнениями, проведение экспертиз проектов очистных сооружений и разработку норм для предотвращения загрязнения. Преобразами подобных специализированных органов можно считать возникшую в начале 1919 года Временную комиссию по охране природы и созданный летом 1920 года Комитет по охране памятников природы. [2, с. 30]

Для решения инженерно-технических задач в области водоснабжения населения, промышленности и очистки вод Уставом, утвержденным Советом Труда и Оборона Союза ССР 13 января 1925 года, при ВСНХ СССР было учреждено Государственное водопроводное и санитарно-гидротехническое Бюро «Нептун», в задачи которого входили изыскания источников водоснабжения, проектирование водопроводов, канализационных систем, а также руководство строительством сооружений и разработкой методов очистки питьевых и сточных вод.

Развитие природоохранных структур продолжилось с созданием в 1925 году Государственного комитета по охране памятников природы, который в качестве межведомственного органа объединял специалистов из различных управленческих подразделений [4, с. 67]. В дальнейшем Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июня 1930 г. «Об охране и развитии природных богатств РСФСР» он был преобразован в Межведомственный комитет содействия развитию природных богатств РСФСР при Главном управлении научными и музейными учреждениями Народного комиссариата просвещения РСФСР. Комитет как координирующий орган был наделен полномочием требовать от ведомств, учреждений и орга-

низаций отчеты и материалы по вопросам охраны, развития и рационального использования природных богатств.

На фоне отраслевой и функциональной институализации проявляется тенденция к централизации управления водным хозяйством в целом. Постановлением СНК СССР от 17 июля 1929 г. «Положение о Всесоюзном Комитете водного хозяйства при Государственной Плановой Комиссии Союза ССР» был учрежден Всесоюзный Комитет водного хозяйства. На Комитет возлагалась разработка общесоюзных (генеральных, перспективных, годовых) планов водного хозяйства и контроль их выполнения, разработка водного законодательства, решение вопросов финансирования и удешевления строительства, подготовка кадров, а также координация научно-исследовательской работы и опубликование материалов в этой сфере.

Формирование отраслевой модели управления водным хозяйством утвердилось Постановлением СНК СССР от 11 января 1930 г. об учреждении в составе Наркомзема Союза ССР Всесоюзного Комитета водного хозяйства с включением регулирования охраны и использования водных ресурсов в комплекс аграрной политики государства, особенно с учетом развития мелиорации и орошения.

Комплексный подход к использованию вод был закреплён Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июня 1930 г. «Об охране и развитии природных богатств РСФСР» с межведомственным охватом всего диапазона природных ресурсов и структурированием управления ими.

Управление охраной вод в сфере коммунального хозяйства развивалось посредством экономических механизмов регулирования водопользования. Так, Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 августа 1931 г. «Об установлении в городах и рабочих поселках платы за спуск сточных вод» и Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1937 г. «О взимании с предприятий платы за спуск сточных неочищенных вод» закрепили порядок применения платежей за загрязнение вод и распределили соответствующие полномочия между органами коммунального хозяйства и местными органами власти.

В целом, в период 1930-х – 1950-х гг. оформилась централизованная и отраслево-ориентированная модель управления водным хозяйством, при которой водохозяйственные и водоохраные полномочия распределялись между аграрными, коммунальными, санитарными и иными органами, а использование и охрана вод осуществлялись в рамках плановой экономики и специальных правовых режимов.

Укрепление институционализации управления водным хозяйством и охраной вод в РСФСР

относится к началу 1960-х гг. с осознанием необходимости дифференцированного подхода к водным ресурсам как особому объекту правового регулирования с созданием специализированных государственных органов.

Нормативной предпосылкой этого этапа послужило Постановление Совета Министров СССР от 22 апреля 1960 г. № 425 «О мерах по упорядочению использования и усилению охраны водных ресурсов СССР», которое обязало советские республики сформировать особые структуры с бассейновыми инспекциями, а также Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об охране природы в РСФСР», впервые закрепивший на республиканском уровне систему органов контроля за природными ресурсами с акцентом на водоохранной функции.

В послевоенный период водохозяйственная деятельность интегрировалась в государственные программы аграрного и природоресурсного развития, где реализация мер возлагалась на отраслевые министерства, но, на наш взгляд, без достаточной централизации в рамках полномочного ведомства для осуществления долгосрочной стратегии в этой сфере. Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 г. № 3960 («Сталинский план преобразования природы») инициировано строительство прудов и ирригационных систем для борьбы с засухами, а Постановлением Совета Министров СССР от 3 января 1953 г. № 11 усилен санитарный надзор за водоемами.

До 1961 г. система оставалась фрагментарной: Главводхоз при Минсельхозе РСФСР (с 1946 г.) неоднократно реорганизовывался (1951 г. при Совмине РСФСР, ликвидация в 1953 г., возобновление в Минсельхозе в 1953 г., самостоятельный Минводхоз РСФСР в 1954–1957 гг., упразднение в 1957 и 1961 гг.), ориентируясь преимущественно на сельскохозяйственные нужды.

Реформы продолжились и в начале 1960-х годов. 11 апреля 1961 г. Постановлением Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совмина РСФСР № 417 Главводхоз был реорганизован в Госводхоз РСФСР; 3 июля Постановлением № 856 создана сеть из 14 бассейновых инспекций. И, наконец, 30 сентября 1961 г. Постановлением Совмина РСФСР № 1244 «О Государственном комитете Совета Министров РСФСР по водному хозяйству» было утверждено Положение о нем. Госводхоз РСФСР получил комплексные полномочия по строительству и эксплуатации систем, регулированию водопользования, охране от истощения и загрязнения, координации НИИ, что обеспечило переход к научно обоснованному управлению. В 1963 г. он преобразован в Госземводхоз РСФСР, а в 1965 г. — в Минводхоз РСФСР как союзно-республиканское министерство, завершив институционализацию комплексного регулирования.

Основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик 1970 г. закрепили единый государственный водный фонд и основные механизмы планирования, водопользования и контроля. Водный кодекс РСФСР 1972 г. конкретизировал компетенцию Совета Министров РСФСР, Минводхоза РСФСР и органов коммунального хозяйства в сфере управления использованием и охраной вод.

Дальнейшее развитие системы управления водными ресурсами было связано с внедрением бассейнового принципа. Постановление Совета Министров РСФСР от 11 ноября 1973 г. № 569 и утвержденное во исполнение его Положение о бассейновом (территориальном) управлении от 24 мая 1974 г. закрепили территориальный подход к управлению водами и наделили бассейновые управления полномочиями по регулированию водопользования, осуществлению государственного контроля и применению мер административного воздействия.

Так, в 1960-х – 1980-х гг. закрепились институционально устойчивая система органов управления водным хозяйством и охраной вод, основанная на специализации, кодифицированном регулировании и бассейновом принципе. Управление водными ресурсами приобрело комплексный и устойчивый организационно-правовой характер, качественно отличавшийся от предшествующей модели отраслевого и межведомственного распределения водохозяйственных функций.

Начало 1990-х гг. ознаменовалось радикальной трансформацией органов, обусловленной распадом СССР и демонтажем советской модели отраслевого управления. Реформа исполнительной власти привела к ликвидации союзных и союзно-республиканских органов водохозяйственного профиля. Указ Президента РСФСР от 28 ноября 1991 г. «О реорганизации центральных органов государственного управления РСФСР» установил новую модель распределения управленческих функций, не предусматривавшую восстановления специализированного водохозяйственного ведомства.

Изменение институциональных подходов сопровождалось пересмотром правового режима природных ресурсов и экологизацией управления. Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г. «О собственности в РСФСР» закрепил многообразие форм собственности на природные ресурсы, включая воды, а Закон РСФСР от 19 декабря 1991 г. «Об охране окружающей природной среды» включил водные объекты в систему экологической охраны, связав управление и охрану вод с деятельностью экологических органов.

В результате, водоохранные функции были перераспределены между экологическими и природоресурсными органами, прежде всего Госкомэ-

кологией Российской Федерации и Министерством охраны окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации. Управление водными ресурсами осуществлялось в рамках общей экологической компетенции, при отсутствии специализированного органа комплексной водохозяйственной компетенции, что означало отказ от отраслевой модели управления.

Водный кодекс Российской Федерации 1995 г. установил новые принципы регулирования водных отношений, включая платность водопользования и разграничение полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами (ст. 4–6). В 1990-е гг. возросла роль органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, однако разграничение компетенции между уровнями публичной власти отличалось нестабильностью и неоднократно корректировалось.

Современный этап нормативно оформился принятием Водного кодекса Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ, который установил публично-правовой характер водных отношений, основы управления использованием и охраной вод и разграничение полномочий между Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления (ст. 1, 2, 24). По своей правовой конструкции данная модель во многом опирается на институциональные решения, выработанные в советский период, однако реализует их в измененной, функционально разграниченной форме.

Как и в 1960–1980-е гг., современная система управления водными ресурсами исходит из признания вод единым объектом публичного управления и использования бассейнового принципа как основы территориальной организации управления. Нормативное закрепление бассейнового принципа в ст. 30 ВК РФ и его реализация через систему бассейновых водных управлений воспроизводят ключевые элементы советской модели, сформированной в 1970-е гг., и свидетельствуют о сохранении преемственности в понимании пространственной организации водохозяйственного управления.

Вместе с тем современная модель принципиально отличается от советской отказом от существования единого специализированного органа комплексной водохозяйственной компетенции. В отличие от системы Госводхоза и Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР и РСФСР, в рамках которых водохозяйственные и водоохранные функции были сосредоточены в одном отраслевом ведомстве, Водный кодекс РФ 2006 г. закрепил функциональное разграничение полномочий между различными федеральными органами исполнительной власти.

В современной системе государственного управления водными ресурсами Российской

Федерации, закреплённой Водным кодексом РФ от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ, функции выработки государственной политики и нормативно-правового регулирования возложены на Министерство природных ресурсов и экологии РФ; непосредственное управление использованием и охраной водных объектов федерального значения — на Федеральное агентство водных ресурсов (Росводресурсы); государственный надзор и контроль — на Федеральную службу по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор) и Федеральную службу по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор). Дополнительно задействованы территориальные структуры: 14 бассейновых водных управления (БВУ) в подчинении Росводресурсов для реализации бассейнового принципа; органы государственной власти субъектов РФ по охране и предоставлению водных объектов в пользование (ст. 25 ВК РФ); органы местного самоуправления по муниципальным водоемам (ст. 27 ВК РФ). Такая институциональная модель обеспечивает функциональное разделение полномочий между стратегическим регулированием, исполнительным управлением и контролем, принципиально отличаясь от советской системы высокой концентрации компетенций в специализированном министерстве.

Проведенный историко-правовой анализ позволяет установить ход поиска оптимальных подходов к формированию системы государственных органов управления охраной вод в России и выявить этапы их становления, обусловленные изменением роли водных ресурсов в системе публичного управления. В этой связи исторический опыт регламентации водохозяйственных и водоохраных функций и специализации органов управления на основе бассейнового подхода представляет интерес для моделирования как организационно-правового совершенствования механизмов координации и реализации водоохранной функции, так и функционального разграничения полномочий между различными органами в современных условиях.

С учетом вышеизложенного актуализируются такие стратегические цели как экологическое оздоровление и возобновление нарушенных экосистем, в первую очередь бассейновых; создание экологических предпосылок для перехода к устойчивому развитию, прежде всего на экологично депрессивных территориях; внутренняя интеграция экологических требований в секторальную политику; внедрение передовых международных стандартов, регламентов системного экологического управления и аудита, развитие корпоративных систем экологического управления; совершенствование процесса принятия решений и усиление ответственности за их выполнение.

Требуют разработки возможности внедрения интегрированного управления водными ресурсами с целью их сохранения и восстановления, ускорение перехода к управлению водопользованием по бассейновому принципу; улучшение экологического состояния рек, грунтовых вод и качества питьевой воды; формирование экологически сбалансированной системы природопользования на основе экологично безопасных технологий и адекватной структуры производственного потенциала в промышленности, энергетике, строительстве, сельском хозяйстве

Сложившиеся условия требуют построения соответствующей экологической политики с доминантой восстановления природного потенциала, экологического оздоровления водных бассейнов и законодательного подчинения этому хозяйственной, коммерческой и инвестиционной деятельности.

Список литературы:

- [1] Абрамова Е. А., Слащева А. В. Основные тенденции в становлении природоохранной деятельности в советский период // География: развитие науки и образования. — 2022. — С. 8-12.
- [2] Галкин О. В. История становления органов государственного экологического управления по охране природы специальной компетенции // Вопросы российской юстиции. — 2021. — №. 15. — С. 28-40.
- [3] Данилов-Данильян В. Дефицит воды в регионах России может наступить к 2035 году [Электронный ресурс] // Вести.ru. — 2020. — URL: <https://www.vesti.ru/article/2612827> (дата обращения: 08.02.2026).
- [4] Экология и власть, 1917-1990 / Сост.: В. И. Пономарева и др.; Вступ. ст. Н. Н. Моисеева. - Москва : Междунар. фонд "Демократия", 1999. — 428 с.

References:

- [1] Abramova E.A., Slashcheva A.V. The main trends in the formation of environmental activities in the Soviet period//Geography: the development of science and education. — 2022. - S. 8-12.
- [2] O.V. Galkin. History of the formation of state environmental management bodies for the protection of nature of special competence//Issues of Russian justice. — 2021. — №. 15. - S. 28-40.
- [3] Danilov-Danilyan V. Water scarcity in the regions of Russia may occur by 2035 [Electronic resource]// Вести.ru. — 2020. - URL: <https://www.vesti.ru/article/2612827> (access date: 08.02.2026).
- [4] Ecology and Power, 1917-1990/Comp.: V.I. Ponomareva et al.; Entry. Art. N. N. Moiseeva. - Moscow: International. Democracy Foundation, 1999. - 428 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-133-142

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

КУПРЯШИН Виктор Сергеевич,
Студент, Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы Министерства
Российской Федерации по делам гражданской обороны,
чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий
стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации
генерала армии Е. Н. Зиничева,
Россия, Санкт-Петербург,
e-mail: victorkupryashin@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Настоящее исследование посвящено обоснованию необходимости кодификации законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности через разработку и внедрение Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации (ЧПК РФ). Автор проводит критический анализ действующей нормативно-правовой базы, выявляя глубокие системные противоречия между федеральными конституционными законами о специальных правовых режимах и профильными актами, регулирующими деятельность МЧС, Прокуратуры, ФСБ, Росгвардии и МВД. В статье доказывается, что отсутствие единого процессуального регламента межведомственного взаимодействия детерминирует возникновение компетенционных конфликтов, «размывание» ответственности должностных лиц и неоправданные временные издержки при принятии управленческих решений. Основным результатом исследования выступает авторская концепция ЧПК, основанная на принципах процессуальной экономии, единоначалия и оперативной автономии субъектов на местах. В работе предлагается радикальная модель реформативного вертикали власти в зоне чрезвычайной ситуации, где МЧС наделяется статусом единоличного оперативного штаба, а Прокуратура — полномочиями превентивного «чрезвычайного надзора» с правом санкционирования экстренных мер в режиме реального времени. Целью статьи является привлечение внимания научного сообщества и законодательных органов к необходимости создания междисциплинарной рабочей группы на базе ведущих ведомственных вузов для разработки текста кодекса. Автор исходит из постулата, что упорядочивание чрезвычайного законодательства позволит сократить время реагирования на угрозы, где каждая выигранная минута напрямую конвертируется в спасенные жизни граждан. Итогом внедрения ЧПК должно стать укрепление национальной безопасности и повышение правовой устойчивости системы государственного управления перед лицом нарастающих техногенных и гибридных вызовов.

Ключевые слова: Чрезвычайно-процессуальный кодекс; национальная безопасность; Прокуратура; МЧС; межведомственное взаимодействие; специальные правовые режимы; кодификация законодательства; чрезвычайная ситуация; процессуальная экономия; юридическая коллизия.

KUPRYASHIN Victor Sergeevich,
Student Saint-Petersburg State Fire Service University
of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense,
Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters
named after the Hero of the Russian Federation,
Army General E.N. Zinichev,
Russia, Saint Petersburg

THE CONCEPT OF THE EMERGENCY PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A TOOL FOR SYSTEMATIZING LEGISLATION IN THE FIELD OF NATIONAL SECURITY

Annotation. *This study substantiates the necessity of codifying legislation in the field of national security through the development and implementation of the Emergency Procedure Code of the Russian Federation (EPC RF). The author conducts a critical analysis of the current regulatory framework, identifying profound systemic contradictions between federal constitutional laws on special legal regimes and specialized acts governing the activities of the Ministry of Emergency Situations (EMERCOM), the Prosecutor's Office, the FSB, Rosgvardia, and the Ministry of Internal Affairs. The article argues that the lack of a unified procedural regulation for interagency cooperation results in jurisdictional conflicts, the "blurring" of official responsibility, and unjustified time delays in administrative decision-making. The primary result of the study is the author's concept of the EPC, based on the principles of procedural economy, unity of command, and the operational autonomy of local actors. The paper proposes a radical model for reformatting the vertical of power within emergency zones, where the Ministry of Emergency Situations is granted the status of a sole operational headquarters, while the Prosecutor's Office is endowed with the powers of preventive "emergency supervision," including the right to authorize emergency measures in real-time. The purpose of the article is to draw the attention of the scientific community and legislative bodies to the need for creating an interdisciplinary working group based at leading departmental universities to draft the code. The author proceeds from the postulate that streamlining emergency legislation will reduce response times to threats, where every minute saved directly translates into lives saved. The implementation of the EPC is intended to strengthen national security and enhance the legal resilience of the public administration system in the face of growing technogenic and hybrid challenges.*

Key words: *Emergency Procedure Code; national security; Prosecutor's Office; EMERCOM; interagency cooperation; special legal regimes; codification of legislation; emergency situation; procedural economy; legal conflict.*

Введение

Современная правовая система обеспечения национальной безопасности Российской Федерации представляет собой архаичный конгломерат норм, лишенный внутреннего единства и процедурной связности. Существующий нормативный каркас, включающий ФКЗ № 1-ФКЗ «О военном положении», ФКЗ № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», а также множество федеральных законов (№ 390-ФЗ «О безопасности», № 68-ФЗ, № 35-ФЗ, № 114-ФЗ, № 226-ФЗ, № 3-ФЗ, № 40-ФЗ, № 151-ФЗ) и подзаконных актов (Постановление Правительства РФ № 794), образует то, что в доктрине справедливо именуется «правовым лоскутным одеялом». Это не просто метафора, а точная характеристика системы, где каждый новый вызов приводит к наложению очередного нормативного «лоскута» без интеграции в единую ткань, что порождает глубокие системные противоречия и деструктивные компетенционные конфликты. Объектом настоящего исследования выступает совокупность общественных отношений, возникающих в процессе обеспечения национальной безопасности и ликвидации чрезвычайных ситуаций в условиях специальных правовых режимов. Предметом исследования являются нормы федерального конституционного и федерального законодательства, регламентирующие

межведомственное взаимодействие силовых структур, а также процессуальные пробелы и коллизии, препятствующие эффективной реализации принципа единоначалия и прокурорского надзора в кризисных условиях.

Фундаментальная проблема начинается с отсутствия четкого конституционного концепта, что создает предпосылки для дальнейшей разобщенности на уровне отраслевого регулирования. «Итак, в Конституции употребляются следующие понятия — безопасность государства, безопасность, общественная безопасность, экологическая безопасность, обеспечение безопасности, безопасность личности, общества и государства, государственная безопасность. Приведенные дефиниции говорят о разобщенности основ обеспечения безопасности, содержащихся в Конституции, что не позволяет законодателю, правоприменителю, научному сообществу, гражданам и юридическим лицам в должной мере правильно понимать заложенный в Конституции смысл такого понятия, как "безопасность". Все это в своей совокупности неблагоприятно влияет на национальную безопасность России» [1, с. 104]. Эта концептуальная неопределенность транслируется на уровень отраслевого регулирования, детерминируя хаос ведомственных регламентов.

Детальный анализ диспозиций ключевых актов выявляет следующие противоречия: декларативный характер координационных функций в ФЗ № 390 (ст. 12) не обеспечен императивными процессуальными инструментами в ФЗ № 68 (ст. 4.1, 14); нормы, регулирующие деятельность ФСБ, МВД и Росгвардии (ФЗ № 40, № 3, № 226), закрепляя исключительную ведомственную подчиненность, парализуют принцип единоначалия руководителя ликвидации ЧС, установленный ФЗ № 151 (ст. 14). Завершает данную иерархическую дисфункцию Постановление Правительства № 794, чей подзаконный статус является юридически недостаточным для регламентации межведомственного взаимодействия министерств, обладающих равным правовым статусом. Таким образом, дефицит унифицированного процессуального регламента межведомственного взаимодействия субъектов обеспечения национальной безопасности в условиях правовых режимов повышенной готовности и чрезвычайной ситуации детерминирует возникновение коллизий компетенций, «размывание» ответственности и неоправданные временные издержки при принятии оперативных решений.

Теоретические основы и методы исследования

Методологический фундамент работы базируется на комплексном использовании общенаучных и специальных приемов познания. Применение системно-структурного подхода позволило рассмотреть архитектуру национальной безопасности как полицентричную систему, обладающую внутренними деструктивными связями на стыке ведомственных полномочий. Использование формально-юридического метода обеспечило детальный анализ диспозиций действующих нормативных актов на предмет выявления скрытых правовых противоречий, в то время как метод правового моделирования послужил основой для проектирования концептуально новой вертикали управления в рамках Чрезвычайно-процессуального кодекса. Сочетание прогностического метода с анализом правоприменительной практики в условиях особых режимов позволило обосновать необходимость внедрения упрощенных процессуальных циклов и расширения надзорных полномочий прокуратуры как необходимых условий для сохранения государственной устойчивости.

Авторский понятийный аппарат

1. Чрезвычайный процесс — это установленный федеральным законодательством регламентированный порядок для наиболее эффективного взаимодействия между сило-

выми структурами во время чрезвычайной ситуации, стихийного бедствия или военного положения.

2. Чрезвычайно-процессуальный кодекс (ЧПК) — это единый систематизированный федеральный закон, учитывающий всё законодательство Российской Федерации в области безопасности, четко устанавливающий вертикаль и горизонталь полномочий между силовыми структурами во время чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.
3. Субъекты чрезвычайной юрисдикции — наделенные специальными полномочиями должностные лица и органы государственной власти, осуществляющие правоприменительную, распорядительную и контрольно-надзорную деятельность в целях обеспечения безопасности в условиях экстраординарных правовых режимов.
4. Чрезвычайно-процессуальная форма — это нормативно установленная процедура совершения юридически значимых действий в условиях экстраординарных режимов, характеризующаяся упрощенным порядком документирования и сокращенными сроками реализации.
5. Оперативная субординация — временное переподчинение личного состава и ресурсов одного ведомства руководителю ликвидации ЧС или иному уполномоченному лицу другого ведомства на период действия чрезвычайного режима.
6. Процессуальный иммунитет гуманитарных миссий — правовой режим, гарантирующий беспрепятственное осуществление аварийно-спасательных и медико-санитарных мероприятий, приоритет которых не может быть ограничен действиями иных силовых структур, за исключением случаев прямой угрозы жизни персонала.
7. Чрезвычайный надзор — специфический вид прокурорской деятельности, осуществляемый в режиме реального времени непосредственно в зоне ЧС, направленный на мгновенное пресечение должностных правонарушений и санкционирование мер принуждения без обращения в судебные органы.

Обоснование создания ЧПК РФ как императива системной кодификации

Суть предлагаемой реформы заключается не в создании еще одного «поскута», а в разработке единого кодифицированного акта, который в условиях кризиса «замораживает» действие обычных ведомственных регламентов и включает

универсальный режим чрезвычайного процесса. Текущее состояние правового регулирования свидетельствует о том, что «действующая в Российской Федерации нормативно-правовая база по вопросам обеспечения национальной безопасности позволяет не только увидеть недостатки регулирования в данной сфере, но и определить пути ее дальнейшего совершенствования» [2, с. 69]. ЧПК и является предлагаемым кардинальным путем совершенствования, направленным на преодоление разобщенности через системную кодификацию. Актуальность такой реформы продиктована самой природой современных угроз. «При рассмотрении теоретико-методологических аспектов правового обеспечения национальной безопасности следует отметить, что происходящие преобразования российской действительности на фоне проблем международного характера обуславливают актуальность создания и поддержания эффективной системы обеспечения национальной безопасности. В настоящее время безопасность представляет собой состояние защищенности жизненно необходимых для общества и государства объектов от угроз внутреннего и внешнего характера» [3, с. 64].

Юридическая техника такого кодекса должна обеспечивать его верховенство над ведомственными ФЗ в условиях кризиса, гарантируя единообразие действий всех сил безопасности. Это означает переход от административного хаоса, основанного на межведомственных соглашениях и подзаконных актах, к процессуальному порядку, основанному на законе высшей юридической силы. Актуальность такого перехода подтверждается пониманием роли государственных систем: «Государственные системы обеспечения национальной безопасности играют ключевую роль в защите интересов страны, её граждан и сохранении территориальной целостности. Они представляют собой комплекс мер и структур, направленных на предотвращение внутренних и внешних угроз, а также на укрепление позиций государства на международной арене» [4, с. 286]. Однако эффективность комплекса определяется слаженностью его элементов, что невозможно без единого процессуального регламента, трансформирующего совокупность структур в единый организм.

Особенно ярко необходимость кодификации видна в сфере противодействия терроризму, где действует специальный закон, но отсутствует интеграция с общим режимом ЧС. «В данный момент в России антитеррористическая деятельность регламентируется Федеральным законом от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Данным федеральным законом в России

определены: организационные основы противодействия терроризму; условия и правовой режим проведения контртеррористических операций; силы и средства, привлекаемые для проведения контртеррористической операции; порядок возмещения вреда, причиненного в результате террористического акта, а также меры для пострадавших в результате террористического акта; правовая и социальная защита лиц, участвующих в борьбе с терроризмом; ответственность организаций за причастность к терроризму; вознаграждение за содействие борьбе с терроризмом» [5, с. 121]. Однако данный закон, будучи специализированным актом, создает изолированный правовой режим, который в реальной кризисной ситуации (например, при теракте, осложненном техногенной аварией) неминуемо вступает в конфликт с режимом ликвидации ЧС, регламентированным ФЗ №68. Только Чрезвычайно-процессуальный кодекс может стать наднациональным актом, интегрирующим все специальные режимы в единый алгоритм действий, устраняющий саму возможность подобных конфликтов.

Эмпирическое обоснование концепции ЧПК на основе статистического анализа государственных докладов МЧС России

Институциональная необходимость разработки Чрезвычайно-процессуального кодекса находит свое неопровержимое эмпирическое подтверждение в данных государственной статистики, которая фиксирует не просто рост числа инцидентов, а качественную трансформацию структуры угроз. Сравнительный анализ Государственных докладов МЧС России «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» за 2023 и 2024 годы демонстрирует тревожные тенденции, которые действующая разрозненная правовая система не в состоянии нивелировать.

Согласно статистике, при общем снижении количества ЧС в 2024 г. на 10,82% (с 305 до 272 случаев), наблюдается резкий рост масштаба и тяжести последствий происшествий. Количество ЧС федерального характера увеличилось в 3 раза (с 3 до 9), межрегиональных — в 2 раза (с 1 до 2), а региональных — на 21,2% (с 33 до 40). Снижение числа локальных (на 15,8%) и муниципальных (на 17,8%) происшествий на фоне роста глобальных угроз однозначно указывает на дефицит оперативного ресурса и недостаточность управленческих моделей существующих систем при ликвидации масштабных, трансрегиональных катастроф. Именно такие катастрофы требуют мгновенной мобилизации и бесшовной координации ресурсов

из разных субъектов Федерации и различных ведомственных «вертикалей», для чего текущие механизмы не приспособлены, что и обосновывает необходимость централизации полномочий в рамках единого ЧПК.

Наиболее критичной является динамика человеческих потерь, напрямую свидетельствующая о фатальных издержках несогласованности. Число погибших в 2024 г. увеличилось на 59,35%, достигнув 494 чел. (против 310 чел. в 2023 г.). При этом 96% этих смертей приходится на техногенный сектор. Катастрофически показателна низкая доля спасенных при техногенных ЧС — всего 2% (360 чел.) от общего числа спасенных в 2024 г., в то время как при природных ЧС спасено 98% (21 051 чел.). Этот чудовищный дисбаланс является прямым статистическим доказательством авторской гипотезы о фатальном влиянии временных издержек на межведомственное взаимодействие в условиях техногенных аварий. В отличие от природных катастроф, где угроза часто развивается предсказуемо, техногенная авария требует немедленной, в течение «золотого часа», слаженной реакции различных подразделений, подчиненных разным ведомствам. Дефицит чрезвычайного процесса ведет к невосполнимым потерям.

Число пострадавших в 2024 г. достигло 696 464 человек, увеличившись в 2,4 раза по сравнению с предыдущим периодом (287 595 чел.), что создает беспрецедентную нагрузку на социальную, медицинскую и правовую системы. Материальный ущерб в 2024 г. составил 70 641 275,249 тыс. руб., показав рост на 9,83% к 2023 году и почти в 9 раз (на 802%) по сравнению с 2022 годом (7,8 млрд руб.). Столь резкая интенсификация последствий при количественном снижении инцидентов доказывает, что текущая модель правового регулирования не соответствует масштабу и комплексности современных угроз. Внедрение ЧПК, устанавливающего четкие алгоритмы и ответственность, позволит нивелировать риски управленческого паралича и обеспечить правовую устойчивость государства в условиях прогрессирующего материального и демографического ущерба.

Концептуальные основы и архитектура Чрезвычайно-процессуального кодекса

Концептуальное проектирование Чрезвычайно-процессуального кодекса (ЧПК) РФ в рамках настоящего исследования направлено на формирование унифицированного правового алгоритма, заменяющего неопределенность и конфликт на порядок и подчинение в условиях дефицита времени и ресурсов. Оно базируется на трех ключевых, взаимосвязанных элементах: уни-

фикации субъектного состава, введении специальных процессуальных сроков и форм, а также создании сбалансированной системы мер принуждения.

В части субъектного состава концепция ЧПК предполагает радикальный переход от ведомственной разобщенности к строгой функциональной классификации сил. Предлагается законодательно закрепить дифференциацию субъектов чрезвычайной юрисдикции по их оперативной роли: аварийно-спасательные формирования, органы охраны правопорядка и службы материально-технического обеспечения. Такой подход позволит установить транспарентную вертикаль управления, при которой оперативное подчинение определяется не ведомственной принадлежностью, а спецификой доминирующей угрозы, обеспечивая тем самым реализацию принципа единоначалия на межинституциональном уровне.

Блок специальных процессуальных сроков и форм базируется на принципе оперативности и процессуальной экономии. Концепция предусматривает введение преклюзивных (пресекательных) сроков для принятия распорядительных действий (например, час на решение об эвакуации) и внедрение упрощенного порядка фиксации юридически значимых фактов. «Правовые средства механизма правового режима контртеррористической операции по характеру являются процессуальными. К процессуальным нормам относятся нормы, регулирующие процессуальный порядок. Это можно определить исходя из процессуальных особенностей правового режима контртеррористической операции, регулирование которых происходит путем временных ограничений прав и свобод граждан» [6, с. 105]. Эта логика применима ко всем режимам ЧС. Внедрение чрезвычайного-процессуальной формы (протоколирование по факту, использование фото- и видеофиксации с геотегами) легитимизирует упрощенные процедуры, превращая их из вынужденного нарушения в предусмотренную законом норму.

Раздел о мерах принуждения призван обеспечить баланс между интересами национальной безопасности и конституционными гарантиями. Процессуальное закрепление процедур ограничения прав должно сопровождаться жестким алгоритмом. При этом ключевым принципом должно оставаться правило, согласно которому «в условиях контртеррористической операции ограничения прав не должны быть чрезмерными, они должны быть соответствующими и сводиться к необходимому минимуму. Объем ограничения прав граждан в первую очередь связан с уровнем террористической опасности» [7, с. 189]. Четкие протоколы фиксации оснований и объема изъятия

частных ресурсов сформируют превентивный механизм защиты государства от последующих судебных исков. Как отмечают исследователи, «Юридические средства противодействия угрозам национальной безопасности обеспечивают законную основу для предотвращения и нейтрализации возможных вызовов, угроз и агрессий, направленных против государственного суверенитета, территориальной целостности, экономической стабильности и общественного порядка» [8, с. 62]. ЧПК, регламентируя меры принуждения в чрезвычайно-процессуальной форме, и выступает таким комплексным юридическим средством, легитимизирующим необходимые, но строго ограниченные действия государства в кризисе.

Вертикаль власти в ЧПК: МЧС как «директор кризиса» и Прокуратура как «гарант легитимности»

В рамках авторской концепции Чрезвычайно-процессуального кодекса предлагается радикальный пересмотр межведомственной субординации через установление жесткой, но четкой вертикали управления, увенчанной двумя ключевыми институтами: оперативным командованием МЧС и надзорным контролем Прокуратуры.

Центральным элементом оперативного управления выступает законодательное закрепление за МЧС России статуса единоличного оперативного центра («директора чрезвычайной ситуации»). В рамках ЧПК руководитель ликвидации от МЧС наделяется исключительным правом оперативной субординации всех задействованных сил, включая подразделения МВД, Росгвардии и приданные воинские формирования, находящиеся в зоне действия правового режима. Данная мера направлена на преодоление межведомственного дуализма и исключение противоречивых командных цепочек, которые в действующей системе РСЧС носят рекомендательный или координационный, но не директивный характер для иных силовых ведомств. Это полностью соответствует системной роли МЧС, поскольку, как отмечается в исследованиях, «все федеральные органы исполнительной власти тем или иным образом обеспечивают выполнение предписаний, заложенных в текст Стратегии национальной безопасности» [9, с. 51], но выделяет его как главного координатора и единоличного распорядителя в кризис.

Особое место в архитектуре ЧПК занимает институт чрезвычайного надзора Прокуратуры РФ. Прокурор наделяется полномочиями превентивного и непрерывного контроля непосредственно в месте дислокации оперативного штаба. В режиме реального времени он осуществляет

санкционирование экстренных мер, ограничивающих права граждан (от изъятия имущества до ограничения передвижения), и мониторинг законности распределения материальных ресурсов. Такой подход создает процессуальный заслон коррупционным факторам и обеспечивает немедленную правовую оценку действий должностных лиц. Данное предложение основано на понимании особого статуса прокуратуры, поскольку «в связи с тем, что в механизме государственной власти положение органов прокуратуры является особым, данные органы имеют возможность, используя средства прокурорского надзора, выявлять относящиеся к сфере национальной безопасности угрозы, осуществлять их нейтрализацию. При этом в силу общей целевой направленности деятельности данных органов они способствуют утверждению авторитета права, укреплению основ конституционного строя» [10, с. 195]. В условиях ЧС эта нейтрализация угроз правовому порядку должна быть немедленной.

Применительно к компетенции ФСБ России концепция предусматривает сохранение их главенствующей роли в оперативно-розыскном и силовом обеспечении при пресечении актов терроризма. «Терроризм представляет собой существенную угрозу безопасности, требующей от всех граждан, спецслужб, правоохранительных ведомств и органов власти всех уровней максимально скоординированных усилий, направленных на предотвращение террористической деятельности» [11, с. 32]. Однако для обеспечения этой координации ЧПК должен установить процессуальный иммунитет гуманитарных миссий: действия ФСБ не могут препятствовать выполнению МЧС задач по спасению жизни граждан. Напротив, устанавливается императивная обязанность содействия. Решение прокурора на месте является окончательным и может быть отменено только вышестоящим прокурором или Президентом РФ.

Горизонталь власти в ЧПК: процессуальная автономия и оперативная субординация на месте инцидента

Концепция ЧПК предполагает внедрение гибкой модели горизонтального взаимодействия, минимизирующей иерархические издержки и купирующей «командный паралич» в условиях дефицита времени, когда секунды решают судьбу человеческих жизней.

Предлагается легализовать процессуальную автономию субъектов низового и основного командного звена (младший и основной офицерский состав), наделив их правом принятия самостоятельных юридически значимых решений в

ситуации крайней необходимости. В рамках ЧПК устанавливается презумпция правомерности оперативных действий офицера, непосредственно находящегося на месте происшествия, если такие действия направлены на спасение жизни граждан или сохранение критически важного имущества. Такой подход соответствует пониманию процесса как динамической категории. «...процесс как категория в праве — это специальная, последовательно направленная и строго формально определенная форма реализации материальных и процессуальных норм, регулирующих правоотношения, возникающие между субъектами права, выраженная в строго определенных процессуальными нормами пределах и последовательности, именуемыми стадиями, с целью установления обстоятельств, необходимых для принятия решения по административным, гражданским и уголовным делам» [12, с. 139]. Чрезвычайный процесс как раз и требует специальной, но максимально гибкой и быстрой формы реализации норм на тактическом уровне, где стадии могут сжиматься до минут.

Горизонтальная коммуникация между представителями различных структур на месте ЧС должна осуществляться на основе принципа оперативной субординации, определяемой ЧПК. Офицер, первым прибывший на место или обладающий наиболее релевантной компетенцией в конкретном инциденте (например, офицер ФСБ, первым установивший периметр безопасности при обнаружении взрывного устройства), наделяется временными распорядительными полномочиями в отношении прибывающих сил иных оперативных служб до момента установления связи с вышестоящим штабом и прибытия официального руководителя ликвидации от МЧС. При этом в рамках горизонтального взаимодействия работники прокуратуры сохраняют абсолютный приоритет в вопросах надзора за законностью. Никто, включая руководителя ликвидации ЧС или командира на месте, не имеет права отдавать приказы прокурору или его помощникам, вмешиваясь в осуществление надзорных функций. Обязанность всех иных субъектов — беспрекословно исполнять законные требования прокурора, направленные на пресечение правонарушений. Такая модель сохраняет стратегическую вертикаль за МЧС в оперативном управлении, но гарантирует независимость и верховенство прокурорского надзора как механизма правового контроля.

Важнейшим процессуальным элементом ЧПК в данном аспекте является институт отложенной верификации. Все правовые и служебные разбирательства относительно целесообразности и законности действий, предпринятых в состоя-

нии крайней необходимости по упрощенным процедурам, императивно переносятся на посткризисный период. Это исключает ключевой риск превентивного отказа должностных лиц от активных действий из опасения последующего немедленного дисциплинарного или уголовного преследования, обеспечивая тем самым максимальную концентрацию ресурсов на выполнении гуманитарных задач в критической фазе развития катастрофы.

Принцип «Процессуальной экономии» как основа эффективности ЧПК

В контексте авторской концепции Чрезвычайно-процессуального кодекса принцип процессуальной экономии выступает не просто рекомендацией, а базисным императивом для радикального, но законного упрощения всей правоохранительной и административной деятельности в условиях кризиса. Этот принцип реализуется в нескольких ключевых направлениях.

Во-первых, предлагается внедрение упрощенного порядка следственных действий по составам, посягающим на национальную безопасность (терроризм, диверсии, саботаж), совершенным в зоне ЧС. Это предполагает сокращение формальных процедур до минимума, необходимого для неотложного закрепления доказательственной базы. «Преобладающее количество угроз национальной безопасности носит экзистенциальный характер и требует оперативной реализации мер, направленных на их элиминирование» [13, с. 205]. Процессуальная экономия и есть инструмент обеспечения этой оперативности в условиях, когда стандартные процедуры неэффективны и ведут к невозможным потерям.

Во-вторых, модернизируется институт прокурорского надзора. В ситуациях «абсолютной неотложности» прокурор в зоне ЧС наделяется правом единолично санкционировать оперативно-розыскные мероприятия и задержания, подозреваемых без предварительного судебного решения. Прокуратура в данной модели аккумулирует функции досудебного фильтра, оперативно пресекая противоправную деятельность на месте. Для обеспечения непрерывности такого надзора в зонах высокой опасности концепция предполагает привлечение военных прокуроров, обладающих необходимой подготовкой. Однако устанавливается строгая субординация: работник территориальной прокуратуры, назначенный руководителем надзора в зоне ЧС, обладает безусловным приоритетом.

В-третьих, ЧПК должен регламентировать особый порядок изъятия и исследования электронных носителей информации в режиме чрез-

вычайной ситуации. Процедура изъятия упрощается до факта фиксации прокурором или уполномоченным офицером, что позволяет немедленно приступить к криминалистическому анализу данных для блокировки цифровых каналов координации угроз, не дожидаясь длительной процедуры получения судебной санкции, которая в условиях разрушенной инфраструктуры может быть просто невыполнима.

Обоснование интеграции научно-экспертного потенциала в процесс разработки Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации

Масштабная реформа системы обеспечения национальной безопасности через кодификацию процессуальных норм требует консолидации интеллектуального потенциала ведущих правовых школ России. Глубина затрагиваемых межотраслевых связей (конституционное, административное, уголовное, уголовно-процессуальное право) и необходимость детальной проработки институтов субординации детерминируют создание междисциплинарной рабочей группы, способной трансформировать предложенную научную парадигму в жизнеспособный, технически безупречный федеральный закон. Актуальность этой работы многократно усиливается прогностическими оценками. «Прогноз развития социально-политической обстановки в России свидетельствует о том, что около 10 очагов напряженности в будущем готовы вылиться в вооруженные конфликты» [14, с. 8]. Правовая система должна быть готова к таким вызовам не постфактум, а заранее, что требует безотлагательного начала научно-проектной работы.

В качестве стратегической интеллектуальной площадки предлагается формирование на базе Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России совместно с Университетом прокуратуры Российской Федерации специализированного научно-исследовательского центра по разработке проекта ЧПК. Синергия уникального оперативного опыта спасательных служб и фундаментальной надзорной экспертизы позволит создать правовой инструмент, отвечающий вызовам завтрашнего дня. Этот призыв особенно актуален в свете констатации ведущих ученых о том, что «сегодня научное сообщество столкнулось с перспективой возвращения исследований в сфере общественной безопасности на доктринальный этап оспаривания и дискутирования всего признанного научной общественностью терминологического и сущностного понятийного аппарата» [15, с. 32]. Предлагаемые в статье авторский понятийный аппарат и концепция ЧПК являются непосредственным откликом на этот вызов, предлагая

новую доктринальную и понятийную основу для систематизации законодательства.

Настоящее исследование закладывает методологический фундамент и определяет архитектуру будущего кодекса. Автор призывает к широкой научной интеграции докторов и кандидатов юридических наук, специализирующихся на конституционном, административном, уголовном и международном праве, для содержательного наполнения предложенной концепции, проработки деталей и процедур. Объединение усилий ученых из силовых вузов (МЧС, прокуратуры, МВД, ФСБ) позволит преобразовать данную инициативу из теоретического проекта в полноценный, взвешенный законопроект, обеспечив государству надежный, легитимный и эффективный механизм управления в условиях любого кризиса.

Заключение

Подводя итог, следует констатировать, что разработка и внедрение Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации является не просто научно-теоретической задачей, но вопросом обеспечения жизнеспособности государства в условиях эскалации техногенных, природных и гибридных угроз, статистика по которым демонстрирует тревожный рост тяжести последствий. Формирование единого правового поля для деятельности силовых структур в кризисных ситуациях через кодификацию позволит купировать риски управленческого паралича и институциональных конфликтов, которые ежегодно уносят сотни жизней и десятки миллиардов рублей материального ущерба.

Принятие кодекса обеспечит существенное снижение нагрузки на судебную систему в посткризисный период. Четкая процессуальная регламентация экстренных мер в форме чрезвычайно-процессуальной формы сделает действия должностных лиц транспарентными и легитимными изначально, минимизируя вероятность массового оспаривания решений и предъявления регрессных исков к государству. Это создаст режим правовой определенности как для субъектов чрезвычайной юрисдикции, так и для населения.

Предложенная концепция выступает фундаментальным базисом, отправной точкой для глубокой доктринальной проработки научным сообществом под эгидой ведущих ведомственных вузов. Дальнейшее игнорирование необходимости кодификации чрезвычайного законодательства и сохранение текущего состояния правового лакунарства и коллизий неизбежно ведет к деградации правового поля национальной безопасности и снижению эффективности государственного реагирования на критические вызовы.

Список литературы:

- [1] Шеншин В.М. О правовом регулировании обеспечения безопасности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 103-106.
- [2] Пархоменко А.Г., Портнова Е.В. Обеспечение национальной безопасности как приоритетное направление развития Российского государства // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 1. С. 69-77.
- [3] Маилян А.В. Национальная безопасность: анализ проблем //Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 62-65.
- [4] Галимов Э.Р., Усманов А.К. К вопросу об обеспечении национальной безопасности в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 285-288.
- [5] Асеев И.И. Система борьбы с терроризмом в Российской Федерации и перспективы ее совершенствования в области национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 120-124.
- [6] Попков Д.В., Лукьянова А.В. Организационно-правовой механизм режима контртеррористической операции // Аграрное и земельное право. 2025. № 4. С. 105-108.
- [7] Попков Д.В., Фролова Л.В. Допустимые пределы ограничения конституционных прав граждан при введении контртеррористических мероприятий //Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 188-191.
- [8] Бидова Б.Б., Исмаилов М.А., Умарова М.А. Правовые средства противодействия угрозам национальным интересам и национальной безопасности //Аграрное и земельное право. 2025. № 6. С. 61-63.
- [9] Шеншин В.М., Назарова И.С., Уткин Н.И. О месте МЧС России в системе обеспечения национальной безопасности в Арктической зоне Российской Федерации //Право и государство: теория и практика. 2023. № 5(221). С. 50-55.
- [10] Ахмадуллина Р.Д. Вопросы правового регулирования статуса органов прокуратуры Российской Федерации в системе обеспечения национальной безопасности России // Вестник СГЮА. 2024. №3 (158). С. 195-200.
- [11] Асеев И.И. Терроризм — угроза национальной безопасности //Право и государство: теория и практика. 2024. № 11(239). С. 32-35.
- [12] Куковский А.А., Петров А.В. Некоторые подходы к пониманию и сущности категории «процесс» в праве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. №1. С. 138-142.

[13] Николаенко В.С. Оценка угроз национальной безопасности Российской Федерации /В.С. Николаенко // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 1 (108). С. 205-212.

[14] Зубарев Н.В., Попков Д.В. Роль и место войск национальной гвардии в пресечении внутреннего вооруженного конфликта // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 7-13.

[15] Гирько С.И. Концептуальные подходы и поиск вектора совершенствования научного обеспечения проблем национальной безопасности Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2024. № 3 (67). С. 28-34.

References:

- [1] Shenshin V.M. On the legal regulation of security//Law and state: theory and practice. 2025. № 4. S. 103-106.
- [2] Parkhomenko A.G., Portnova E.V. Ensuring national security as a priority direction of development of the Russian state//Electronic scientific journal "Science. Society. State." 2025. T. 13, NO. 1. S. 69-77.
- [3] Mayilyan A.V. National security: analysis of problems//Law and state: theory and practice. 2024. № 8(236). S. 62-65.
- [4] Galimov E.R., Usmanov A.K. On the issue of ensuring national security in the Russian Federation// Law and State: Theory and Practice. 2025. № 3. S. 285-288.
- [5] Aseev I.I. The system of combating terrorism in the Russian Federation and the prospects for its improvement in the field of national security//Law and state: theory and practice. 2024. № 9(237). S. 120-124.
- [6] Popkov D.V., Lukyanova A.V. Organizational and legal mechanism of the counter-terrorist operation regime//Agrarian and land law. 2025. № 4. S. 105-108.
- [7] Popkov D.V., Frolova L.V. Permissible limits for restricting the constitutional rights of citizens when introducing counter-terrorism measures//Agrarian and land law. 2025. № 3. S. 188-191.
- [8] Bidova B.B., Ismailov M.A., Umarova M.A. Legal means of countering threats to national interests and national security//Agrarian and land law. 2025. № 6. S. 61-63.
- [9] Shenshin V.M., Nazarova I.S., Utkin N.I. On the place of the EMERCOM of Russia in the system of ensuring national security in the Arctic zone of the Russian Federation//Law and State; theory and practice. 2023. № 5(221). S. 50-55.
- [10] R.D. Akhmadullina. Issues of legal regulation of the status of the prosecutor's office of the Rus-

sian Federation in the system of ensuring national security of Russia//Vestnik SSLA. 2024. №3 (158). S. 195-200.

[11] Aseev I.I. Terrorism - a threat to national security//Law and state: theory and practice. 2024. № 11(239). S. 32-35.

[12] Kukovsky A.A., Petrov A.V. Some approaches to understanding and essence of the category "process" in law//Bulletin of Udmurt University. "Economics and Law" series. 2024. №1. S. 138-142.

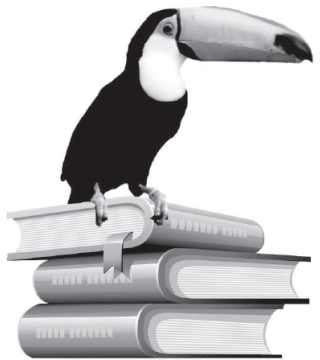
[13] Nikolayenko V.S. Assessment of threats to the national security of the Russian Federation/V.S.

Nikolayenko//Philosophy of law: scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 1 (108). S. 205-212.

[14] Zubarev N.V., Popkov D.V. The role and place of the National Guard troops in suppressing the internal armed conflict//Agrarian and land law. 2025. № 5. S. 7-13.

[15] Girko S.I. Conceptual approaches and the search for a vector for improving the scientific support of national security problems of the Russian Federation//Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 3 (67). S. 28-34.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-143-149

МАРКОВ Роман Станиславович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
e-mail: rsm-94@yandex.ru

ЧЕПРАСОВ Михаил Николаевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс»,
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
Липецкий филиал,
e-mail: minik.77@mail.ru

ЮРИНА Полина Анатольевна,
студент Института истории, права и общественных наук,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
e-mail: urinapolina@rambler.ru

МОЛОГИНА Полина Игоревна,
учитель математики, советник директора по воспитанию и
взаимодействию с детскими общественными объединениями,
Средняя школа № 21 г. Липецка,
студент магистратуры кафедры государственно-правовых дисциплин,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
e-mail: polina-mologina@mail.ru

ПРАВОРЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ НОВЕЛЛЫ О ФЕДЕРАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ: К ИТОГАМ ПЕРВОГО ПЯТИЛЕТИЯ ЭКСПЕРИМЕНТА

Аннотация. В статье анализируется становление института федеральных территорий (ч. 1 ст. 67 Конституции РФ), введенного конституционной реформой 2020 г. Показано, что в настоящее время в федеральном законодательстве отсутствуют единые параметры правового статуса федеральных территорий, включая порядок их образования и основы организации публичной власти. Обосновывается необходимость принятия рамочного федерального закона, который обеспечит конституционную определенность, установит пределы и процедуры федерального вмешательства в территориальную организацию субъектов РФ, обеспечит согласование нового института с отдельными сферами публично-правового регулирования.

Ключевые слова: федеральная территория, Сириус, конституционная реформа, федерализм, территориальная организация публичной власти, рамочный федеральный закон, неопределенность правового статуса.

MARKOV Roman Stanislavovich,
PhD in Law, Associate Professor
of Department of State and Legal Disciplines,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

CHEPRASOV Mikhail Nikolaevich,
PhD in Law, Associate Professor of Department
of Civil Law and Procedure, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch

YURINA Polina Anatolyevna,
Student of Institute of History,
Law and Social Sciences, Lipetsk State Pedagogical
P. Semenov-Tyan-Shansky University

MOLOGINA Polina Igorevna,
Mathematics Teacher, Adviser to the Principal
for Upbringing and Engagement with Children's Public
Associations, Secondary School No. 21, Lipetsk,
Master's student of Department of State and Legal Disciplines,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

IMPLEMENTING THE CONSTITUTIONAL NOVELTY ON FEDERAL TERRITORIES: FINDINGS FROM THE FIRST FIVE YEARS OF THE EXPERIMENT

Annotation. *The article examines the development of the institution of federal territories (Article 67(1) of the Constitution of the Russian Federation) introduced by the 2020 constitutional reform. It demonstrates that, at present, federal legislation lacks uniform parameters defining the legal status of federal territories, including the procedure for their establishment and the foundations of public governance. The authors substantiate the need for a framework federal law that would ensure legal certainty, set the limits and procedures of federal intervention in the territorial organization of the constituent entities of the Russian Federation, and align the new institution with specific areas of public-law regulation.*

Key words: *federal territory, Sirius, constitutional reform, federalism, territorial organization of public authority, framework federal law, legal-status uncertainty.*

Введение

Конституционная реформа 2020 г. закрепила в ч. 1 ст. 67 Конституции РФ возможность создания федеральных территорий. Для российского федерализма это означает появление особой формы территориальной организации публичной власти, которая отличается по статусу от субъекта РФ и не сводится к муниципальному уровню. Указанная конституционная модель допускает осуществление прямого федерального управления частью территории страны без предоставления ей статуса субъекта РФ.

Пятилетний период после внесения поправок позволяет оценить, каким образом конституционная формула получила развитие в текущем законодательном регулировании. На практике соответствующее положение реализовано через создание федеральной территории «Сириус» и принятие специального федерального закона, определяющего ее цели учреждения и систему органов публичной власти. Вместе с тем целостная нормативная конструкция данного института пока не сформирована: единое определение федеральной территории, порядок ее образова-

ния и базовые принципы организации публичной власти выводятся преимущественно из первого и единственного (и по существу экспериментального) примера.

Сложившаяся ситуация свидетельствует о наличии системной проблемы. При отсутствии общих правил усиливается зависимость статуса федеральной территории от дискреционных властных решений, затрудняется прогнозирование последствий для субъектов РФ и муниципальных образований, возрастает риск формирования неравномерной практики точечного вывода отдельных территорий из общего режима федеративных отношений. В статье анализируются результаты первых пяти лет реализации конституционной новеллы и обосновываются основные направления совершенствования правового регулирования.

1. Федеральные территории в теории и практике федерализма

В теории федерализма федеральные территории обычно характеризуются как части территории государства, которые находятся под прямой

юрисдикцией федерации и не обладают статусом субъекта федерации. Их создание, как правило, связывают с задачами, которые затруднительно решать в рамках субъекта федерации, например, формирование нейтрального федерального округа столицы, управление стратегическими инфраструктурными узлами, обеспечение режимов повышенной безопасности, охрана уникальных природных комплексов, урегулирование статуса спорных либо малонаселенных районов. В зарубежной практике выделяются модели, варьирующиеся от жестко централизованных до приближенных к условному «квазисубъектному» статусу, при котором территория получает значительный объем автономии, но сохраняется вне федеративного деления.

Опыт зарубежных федераций позволяет рассматривать нормативную определенность статуса как ключевое условие функционирования федеральных территорий. В научной литературе отмечается, что вопрос наличия и правового положения территорий с особым статусом каждая федерация решает самостоятельно, по этой причине особое значение приобретает предварительное конституционное закрепление основных параметров таких образований и порядка их изменения [1]. Такая постановка вопроса позволяет рассматривать федеральные территории как допустимый исключительный механизм, который, однако, требует повышенной юридической определенности, поскольку затрагивает принципы федерализма и народовластия.

Один из наиболее распространенных типов федеральной территории – федеральный округ, предназначенный для размещения центральных органов власти. Конституция США предусматривает полномочие Конгресса США осуществлять исключительное законодательство в отношении такого округа, что формирует режим прямого федерального управления. Другой тип составляют территории, которым предоставляется самоуправление на основании федерального закона при сохранении у федерации ключевых механизмов контроля. Австралийская столичная территория функционирует в заданной федеральным актом модели самоуправления, которая учреждает территориальные институты и определяет пределы их компетенции [2]. В Канаде внесубъектные территории также регулируются на федеральном уровне, а союзные территории в Индии – непосредственно Конституцией и федеральным законодательством, что показывает приоритет общенационального регулирования по отношению к региональной автономии.

С точки зрения конституционных ценностей федеральная территория неизбежно детерминирует конкуренцию между эффективностью управ-

ления и демократической легитимностью. Расширение полномочий федерации и увеличение прямого контроля в системе органов публичной власти территории обостряют вопрос о представительности и подотчетности перед населением. В этой связи зарубежный опыт подтверждает значимость минимальных гарантий участия жителей в принятии решений, прозрачности бюджетного процесса и доступности судебного оспаривания актов территориальных органов. Совокупность указанных гарантий обеспечивает защиту прав граждан и препятствует формированию особого управленческого режима, выведенного из-под общих правовых ограничений публичной власти.

В российской конституционно-правовой доктрине подчеркивается, что федеральные территории должны быть встроены в систему принципов территориального верховенства конституции, баланса федеративных и местных начал. Так, Р.М. Дзидзоев указывает на потребность в четком механизме образования федеральных территорий с учетом региональных интересов, включая регламентацию согласия субъекта федерации на изменение его территории [3].

2. Российский опыт создания федеральных территорий

Конституционализация федеральных территорий в России не сводилась исключительно к рецепции зарубежного опыта. В ходе обсуждения концепции конституционной реформы участник рабочей группы, председатель Тульской областной Думы С.А. Харитонов указывал на потребность в создании территориальных единиц, для которых устанавливается специальный порядок управления. При этом отмечалось, что в отношении территорий, имеющих значение с точки зрения безопасности и охраны окружающей среды, а равно требующих ускоренного социально-экономического развития, общий режим организации публичной власти оказывается недостаточно гибким и эффективным. Таким образом, федеральная территория рассматривалась как конституционный инструмент концентрации полномочий и ресурсов на ограниченной территории, что и обусловило поддержку инициативы федеральным законодателем [4].

Несмотря на конституционное закрепление института, федеральный законодатель пока не сформулировал универсальные параметры федеральной территории – легальное определение, критерии и процедуру образования, а также базовые принципы организации публичной власти. Вследствие этого правовое регулирование фактически опирается на единичное решение о федеральной территории «Сириус», что сохраняет про-

странство для разночтений и осложняет включение института в систему федеративных отношений.

Из содержания ч. 1 ст. 67 Конституции РФ происходит неоднозначность относительно модели правового регулирования создания федеральных территорий. Норма предусматривает, что организация публичной власти на таких территориях устанавливается в соответствии с федеральным законом. В этой связи возникает вопрос, сформулированный Н.С. Малютиным и О.А. Ежуковой: должен ли быть принят рамочный федеральный закон, который единообразно определит федеральную территорию как публично-правовое образование с особым статусом и закрепит порядок ее формирования и регулирования, либо каждая федеральная территория будет учреждаться на основании отдельного федерального закона, устанавливающего индивидуальные цели и особенности специального регулирования на соответствующей территории [5].

На сегодняшний день в России создана единственная федеральная территория «Сириус». Она учреждена в конце декабря 2020 г., и данный статус последовательно подчеркивается в официальном позиционировании территории. Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории „Сириус“» определяет ее как публично-правовое образование, имеющее общегосударственное стратегическое значение, и устанавливает особенности организации публичной власти, а также осуществления экономической и иной деятельности на ее территории.

Выбор «Сириуса» в качестве первой федеральной территории проясняет прикладную логику конституционной новеллы. Федеральный закон связывает особый режим управления с целями общегосударственного проекта, ориентированного на развитие образовательной, научно-технологической и культурной инфраструктуры. Предусмотрены собственные органы публичной власти, а также специальный порядок формирования представительного органа и администрации, что отличает федеральную территорию как от субъектов РФ, так и от муниципальных образований. Одновременно складывается модель, при которой федеральный центр получает возможность концентрировать управление и ресурсы на ограниченной территории без изменения федеративного устройства и без образования нового субъекта РФ. В этом смысле федеральная территория становится инструментом концентрации полномочий без сущностной трансформации Российской Федерации.

Траектория появления федеральных территорий не была случайной. Российское законодательство на протяжении десятилетий формиро-

вало особые территориальные режимы, перераспределяя полномочия и создавая специальные органы управления в рамках ЗАТО, наукоградов, особых экономических зон, территорий опережающего развития и научно-технологических центров. Как показывает Е.М. Бухвальд, федеральные территории продолжают линию выделения территорий с особым публично-правовым статусом как инструмента федеративной политики, при котором первостепенное значение приобретает согласование целей пространственного развития с конституционными гарантиями субъектности [6]. В этом контексте «Сириус» может рассматриваться как итоговый этап эволюции законодательства о территориях с особым статусом, получивший конституционное закрепление и одновременно выявивший наибольшую неопределенность общих правил регулирования.

Характерно, что конституционная норма отсылает к конкретному федеральному закону, не устанавливая ни рамочной модели регулирования, ни процедур образования федеральных территорий. Так, И.В. Лексин обращает внимание на семантическую многозначность термина «федеральная территория»: им может обозначаться как часть территории государства, находящаяся в прямом ведении Российской Федерации, так и конкретное публично-правовое образование, учрежденное федеральным законом, что осложняет доктринальное толкование конституционной новеллы [7]. После принятия поправок указанные трудности проявились в дискуссиях о разграничении компетенций, финансовой основе и гарантиях участия населения в управлении.

3. Проблемы и направления совершенствования

К пятилетнему рубежу отчетливо обозначилось противоречие между управленческой реализуемостью модели «Сириуса» и отсутствием общих процедурных гарантий образования федеральных территорий. Российское законодательство пока не предусматривает универсальной модели учета позиции субъекта РФ и населения территории, которая потенциально выводится из состава субъекта РФ и соответствующего муниципального образования. При сохранении индивидуального регулирования каждой территории отдельным федеральным законом любое новое образование будет учреждаться через политическое решение и последующее принятие индивидуального федерального закона. При этом пределы вмешательства в территориальную организацию публичной власти снова будут определяться *ad hoc*.

Вопрос о допустимых масштабах института приобретает принципиальное значение. Напри-

мер, Е.В. Кравцова предлагает рассматривать федеральные территории как исключение из общего конституционно-правового регулирования федеративного устройства и формулирует ограничение, согласно которому их совокупная площадь и численность населения не должны превышать 20% территории и 20% населения Российской Федерации, дабы сохранялась самостоятельность субъектов РФ [8]. Ценность данной позиции состоит в попытке задать количественные пределы институту, однако ее слабым местом является отсутствие юридически закрепленных и проверяемых критериев целесообразности создания федеральных территорий, которые позволили бы превратить исключение в проверяемую правовую конструкцию.

Недостаточная определенность проявляется и в определении правовой природы федеральной территории как публично-правового образования. В частности, И.В. Зернов отмечает, что федеральная территория отличается от субъекта РФ и муниципального образования порядком формирования исполнительного органа, экономической основой деятельности, а также отсутствием права на издание законов и иных актов представительного характера [9]. При расширении института без единых стандартов неизбежно возникнут различия в бюджетной самостоятельности, налоговых полномочиях и гарантиях участия населения, что будет затруднять обеспечение единообразия правового положения граждан на территории государства.

Организационная модель «Сириуса» одновременно выступает и примером, и источником дополнительных вопросов. Смешанный порядок формирования Совета федеральной территории сочетает территориальное представительство с механизмами федерального контроля, но вместе с тем не определено, какие элементы данной модели подлежат воспроизведению при создании иных федеральных территорий, а какие обусловлены особенностями «Сириуса» [10]. Это затрудняет оценку соответствия модели принципам народовластия и самостоятельности местного уровня, поскольку значительный массив вопросов местного значения переносится в сферу территориальной публичной власти.

Финансово-правовые проблемы тесно связаны с конституционной природой федеральной территории. Так, Н.В. Васильева подчеркивает необходимость теоретически выверенного федерального регулирования, которое увязывает цели создания территории и особенности организации публичной власти с финансово-имущественными основаниями ее функционирования в единую юридическую конструкцию [11]. В сложившейся

ситуации отдельные элементы статуса закрепляются фрагментарно, что затрудняет обоснованность решений о перераспределении публичных финансов и имущества, включая вопросы бюджетных трансфертов, налоговых поступлений и управления объектами инфраструктуры.

Отсутствие ясных правил отягощается и избранной законодательной стратегией. Как отмечает С.С. Стариков, уже на раннем этапе обсуждения концепции федеральных территорий высказывалась позиция об отказе от разработки единого закона, что фактически закрепляло курс на создание отдельных территорий посредством специальных федеральных законов [12]. При расширении института указанная стратегия будет воспроизводить асимметрию правовых режимов и повышать риск конфликтов компетенций между федерацией, ее субъектами и органами публичной власти федеральной территории.

Проведенный анализ показывает, что действующая модель регулирования, основанная на единичном специальном законе, не задает воспроизводимых процедур и минимальных стандартов статуса федеральной территории. При потенциальном расширении института это приведет к разнородности распределения компетенций, имущественных и финансовых механизмов, установленных индивидуальными законодательными решениями, что будет снижать определенность и стабильность федеративных отношений. В связи с этим обоснованным представляется принятие федерального закона рамочного характера, который закрепит ключевые элементы регулирования, включая:

- 1) легальное определение дефиниции «федеральная территория»;
- 2) территориальные параметры, включая предельные величины площади и численности населения федеральных территорий;
- 3) механизм образования федеральных территорий;
- 4) общие принципы организации публичной власти на федеральных территориях;
- 5) разграничение компетенций Российской Федерации, ее субъектов и органов местного самоуправления в пределах федеральной территории.

Принятие федерального закона позволит, с одной стороны, обеспечить управляемость случаев прямого федерального управления там, где это действительно необходимо, а с другой – установить предсказуемые пределы вмешательства в территориальную организацию субъектов РФ и систему местного самоуправления.

В части урегулирования процедурных вопросов целесообразно закрепить:

- перечень субъектов, уполномоченных инициировать создание федеральной территории;
- требования к обоснованию такой инициативы (описание целей и задач создания, связь с документами стратегического планирования и государственными программами, социально-экономическое и финансово-бюджетное обоснование);
- порядок установления и фиксации границ;
- правила оформления перехода имущества и обязательств от прежних публичных образований.

Необходимо предусмотреть и специальные правила переходного периода, в рамках которого определяется правовой статус и кадровый состав органов публичной власти, обеспечивается непрерывность предоставления государственных и муниципальных услуг, сохраняются действующие социальные гарантии.

Рамочный федеральный закон должен быть согласован с отраслевым правовым регулированием, прежде всего с бюджетным, налоговым и избирательным законодательством. В противном случае статус федеральной территории будет формироваться через разрозненные поправки и не обеспечит концептуально целостного правового режима. Отдельного регулирования требует порядок судебного контроля за актами органов федеральной территории, механизм их оспаривания, порядок разрешения споров о компетенции. Такие споры первыми выявляют дефекты разграничения полномочий, поэтому их эффективное разрешение имеет существенное значение как для публичного администрирования, так и для хозяйствующих субъектов, деятельность которых зависит от стабильности регуляторных требований.

Заключение

Итоги первых пяти лет реализации конституционной новеллы о федеральных территориях демонстрируют, что российская модель находится в стадии становления и пока ограничивается единичным, специально сконструированным примером, ориентированным на решение конкретной цели на определенной территории. Опыт «Сириуса» подтверждает, что федеральная территория может быть организована как публично-правовое образование с собственными органами публичной власти и специальными режимами управления без преобразования федеративного устройства. В целом данный подход приемственен по отношению к практике учреждения территорий с особым статусом, известной с начала 1990-х гг. Вместе с тем федеральные территории, будучи единствен-

ным прямо упомянутым в Конституции РФ образованием подобного рода, в настоящее время характеризуются наибольшей неопределенностью правового статуса.

Представляется, что уже сегодня опыт правореализации свидетельствует: конституционное положение без федерального закона рамочного характера не обеспечивает стабильности правового регулирования и единообразного статуса федеральных территорий. Переход от экспериментальной стадии к нормативно устойчивой конструкции неизбежно потребует легального закрепления основных параметров для федеральных территорий.

Список литературы:

- [1] Мархгейм М.В. Конституционные модели федеральных территорий: зарубежный опыт для российских перспектив // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 56–61. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-56-61.
- [2] Корольков В.В. Конституционно-правовой статус федеральных территорий в Австралийском Союзе // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 71–76. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-6-71-76.
- [3] Дзидзоев Р.М. Институт федеральных территорий в Российской Федерации (на примере федеральной территории «Сириус») // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 2. С. 2–8. DOI: 10.31429/20785836-13-2-2-8.
- [4] Сибилева А.Ю. К вопросу о правовом статусе федеральных территорий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 3. С. 49–56. DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-49-56.
- [5] Ежукова О.А., Малютин Н.С. Особенности организации публичной власти на отдельных территориях: опыт Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 13–23. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-12-13-23.
- [6] Бухвальд Е.М. Федеральные территории как новация политики пространственного развития в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2021. № 3. С. 44–46. DOI: 10.24158/tpor.2021.3.7.
- [7] Лексин И.В. Федеральные территории в России: перспективы и проблемы реализации конституционных нововведений // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 28–33. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-8-28-33.
- [8] Кравцова Е.А. К вопросу о влиянии образования федеральных территорий на самостоя-

тельность субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 7. С. 25–27. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-7-25-27.

[9] Зернов И.В. Конституционные особенности статуса федеральной территории: вопросы теории и практики // Пролог: журнал о праве. 2021. № 1. С. 14–23. DOI: 10.21639/2313-6715.2021.1.2.

[10] Чуклин А.В. К вопросу об организации публичной власти на федеральной территории // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 10. С. 11–14. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-10-11-14.

[11] Васильева Н.В., Праскова С.В., Пятковская Ю.В. Конституционный статус федеральных территорий в России: теоретические основы законодательного регулирования // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 1. С. 124–140. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(1).124-140.

[12] Стариков С.С. Конституционно-правовой статус федеральных территорий в России: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. М., 2022. 189 с.

References:

[1] Markhgeym M.V. Constitutional Models of Federal Territories: Foreign Experience for Russian Prospects. Socio-Political Sciences. 2020. Vol. 10. No. 3. P. 56–61. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-56-61.

[2] Korolkov V.V. The Constitutional and Legal Status of Federal Territories in the Commonwealth of Australia. Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 6. P. 71–76. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-6-71-76.

[3] Dzidzoev R.M. The Institute of Federal Territories in the Russian Federation (Using the Federal Territory “Sirius” as an Example). Legal Bulletin of Kuban State University. 2021. No. 2. P. 2–8. DOI: 10.31429/20785836-13-2-2-8.

[4] Sibileva A.Yu. On the Legal Status of Federal Territories. Scientific Notes of V.I. Vernadsky

Crimean Federal University. Legal Sciences. 2020. Vol. 6. No. 3. P. 49–56. DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-49-56.

[5] Ezhukova O.A., Malyutin N.S. Features of the Organization of Public Authority in Certain Territories: The Experience of the Russian Federation. Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 12. P. 13–23. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-12-13-23.

[6] Bukhvald E.M. Federal Territories as an Innovation in Spatial Development Policy in the Russian Federation. Theory and Practice of Social Development. 2021. No. 3. P. 44–46. DOI: 10.24158/tipor.2021.3.7.

[7] Leksin I.V. Federal Territories in Russia: Prospects and Problems of Implementing Constitutional Innovations. Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 8. P. 28–33. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-8-28-33.

[8] Kravtsova E.A. On the Impact of Establishing Federal Territories on the Autonomy of the Constituent Entities of the Russian Federation. Constitutional and Municipal Law. 2024. No. 7. P. 25–27. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-7-25-27.

[9] Zernov I.V. Constitutional Features of the Status of a Federal Territory: Issues of Theory and Practice. Prolog: Journal of Law. 2021. No. 1. P. 14–23. DOI: 10.21639/2313-6715.2021.1.2.

[10] Chuklin A.V. On the Organization of Public Authority in a Federal Territory. Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 10. P. 11–14. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-10-11-14.

[11] Vasil'eva N.V., Praskova S.V., Pyatkovskaya Yu.V. The Constitutional Status of Federal Territories in Russia: Theoretical Foundations of Legislative Regulation. Law Enforcement Review. 2021. Vol. 5. No. 1. P. 124–140. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(1).124-140.

[12] Starikov S.S. The Constitutional and Legal Status of Federal Territories in Russia: PhD (Law) Dissertation. 5.1.2. Moscow, 2022. 189 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-150-154

МЕШКОВА Любовь Владимировна,
научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
майор внутренней службы,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: mlv05@bk.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ: РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ ФСИН РОССИИ

Аннотация. В статье обосновывается необходимость развития социальной активности будущих сотрудников ФСИН России как ключевого фактора эффективности уголовно-исполнительной системы. Авторы подчеркивают, что современные реалии требуют от персонала не только профессиональных навыков, но и активной социальной позиции, направленной на ресоциализацию осужденных и снижение рецидивной преступности. В качестве решения предлагается программа социально-психологического тренинга (СПТ), основанная на личностно-ориентированном подходе (К. Роджерс, Л.А. Петровская) и направленная на трансформацию смысловых установок курсантов. Программа включает три этапа: организационно-ориентировочный, социально-продуктивный и индивидуально-продуктивный, каждый из которых реализуется через систему упражнений, соответствующих принципам постепенности, динамичности и эмоциональной вовлеченности. Особое внимание уделяется групповой динамике, включая фазы ориентации, фрустрации, продуктивной работы и интеграции, что обеспечивает глубинные личностные изменения. Теоретическая значимость исследования заключается в адаптации концепции СПТ к профессиональной подготовке сотрудников ФСИН России, а практическая – в разработке методики, способствующей формированию социальной ответственности, эмпатии и профессиональной рефлексии. Результаты апробации программы подтверждают ее эффективность в развитии ключевых компетенций, необходимых для взаимодействия с осужденными и обществом.

Ключевые слова: социальная активность, сотрудники ФСИН, социально-психологический тренинг, личностно-ориентированный подход, групповая динамика, профессиональная подготовка.

MESHKOVA Lubov Vladimirovna,
Researcher at the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation

SOCIO-PSYCHOLOGICAL TRAINING: DEVELOPMENT OF SOCIAL ACTIVITY AMONG FUTURE EMPLOYEES OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE

Annotation. The article substantiates the need to develop the social activity of future employees of the Federal Penitentiary Service of Russia as a key factor in the effectiveness of the penal system. The authors emphasize that modern realities require not only professional skills from staff, but also an active social position aimed at the rehabilitation of convicts and reducing recidivism. As a solution, a program of socio-psychological training (SPT) based on a personality-oriented approach is proposed. Rogers, L.A. Petrovskaya) and aimed at transforming the semantic attitudes of cadets. The program includes three stages: organizational and orientational, socio-productive, and individual-productive, each of which is implemented through a system of exercises that comply with the principles of gradualness, dynamism, and emotional involvement. Special attention is paid to group dynamics, including phases of orientation, frustration, productive work, and integration, which en-

sures deep personal changes. The theoretical significance of the study lies in adapting the concept of SPT to the professional training of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, while the practical significance lies in developing a methodology that promotes the formation of social responsibility, empathy, and professional reflection. The results of the program's testing confirm its effectiveness in developing the key competencies necessary for interacting with convicts and society.

Key words: *social activity, Federal Penitentiary Service employees, socio-psychological training, personality-oriented approach, group dynamics, and professional training.*

Исполнение уголовных наказаний в современных реалиях требует от сотрудников ФСИН России не только профессионализма, но и высокой степени социальной ответственности. Эффективность работы исправительных учреждений напрямую зависит от активной социальной позиции персонала, способного не просто выполнять свои обязанности, но и влиять на ресоциализацию осужденных и уменьшение риска рецидивов. Профессиональная подготовка будущих сотрудников ФСИН должна учитывать это, фокусируясь на развитии качеств, которые способствуют высокой социальной активности.

Понимание социальной активности как формы диалектического взаимодействия человека с действительностью, предложенное С.Л. Рубинштейном, особенно актуально в контексте профессиональной деятельности сотрудников ФСИН. Сотрудники исправительного учреждения должны не просто пассивно исполнять приказы, а активно участвовать в сложном социальном процессе, влияя на жизнь осужденных и, как следствие, на безопасность общества.

Повышение социальной активности будущих сотрудников ФСИН – это необходимая мера для эффективного исполнения уголовных наказаний и создания более гуманной социальной системы. Вклад в профессиональную подготовку, ориентированную на развитие социальной активности будущих сотрудников ФСИН, окупается снижением уровня повторно совершаемых преступлений и укреплением доверия общества к правоохранительной системе.

На современном этапе развитие социальной активности у курсантов образовательных организаций ФСИН России осуществляется недостаточно эффективно. Это создаёт противоречие между высокой общественной значимостью профессии сотрудника уголовно-исполнительной системы и недостаточной сформированностью у обучающихся осознания социальной роли их будущей профессиональной деятельности [5,6].

В виду важности формирования социальной активности курсантов в период их профессионального становления нами была определена цель – создание специальной программы развития социальной активности.

В качестве психологического инструмента, способствующего развитию социальной активности курсантов, нами был выбран социально-психологический тренинг (СПТ).

Следует отметить, что в научной среде отсутствует единое понимание термина «тренинг». Как указывает С.И. Макшанов, это приводит к избыточно широкой трактовке понятия, когда под тренингом подразумевают самые разнообразные методы, формы и техники, применяемые в психологической практике [13]. Например, М. Форверг рассматривает его как совокупность методов активного изучения социального поведения [15]. Ю.Н. Емельянов определяет тренинг как группу методик, направленных на развитие способностей к обучению и освоению сложных видов деятельности [3]. Л.А. Петровская акцентирует внимание на СПТ как инструменте формирования коммуникативных навыков, социальных установок и психологической компетентности в сфере межличностного взаимодействия [14]. Г.А. Ковалев относит социально-психологический тренинг к методам активного социального обучения, выделяя его социально-дидактическую направленность [7].

В данном исследовании мы придерживаемся определения, предложенного С.И. Макшановым, который рассматривает тренинг как многофункциональный метод целенаправленного изменения психологических характеристик личности, группы или организации, способствующий гармонизации профессиональной и личностной сфер человека [13].

Предлагаемая нами программа социально-психологического тренинга (СПТ) построена на принципах личностно-ориентированного подхода, опирающегося на теоретические разработки К. Роджерса и Л.А. Петровской.

Согласно их концепциям, СПТ способен оказывать значимое влияние на личностное развитие даже в относительно короткие сроки. В процессе тренинга происходят следующие изменения:

- повышение самоуважения и самодетерминации;
- уменьшение расхождения между идеальным и реальным «Я» (конгруэнтность);
- снижение авторитарности в межличностных отношениях;

- развитие эмпатии и принятия других людей;
- переосмысление ценностей, установок и поведенческих стратегий, определяющих стиль общения.

Как отмечают К. Роджерс (1984, 1993) и Л.А. Петровская (1982, 1989), тренинг способствует осознанию и трансформации внутренних установок, которые выступают ключевым звеном во взаимодействии человека с социальной средой. Именно эти теоретические положения легли в основу нашей программы.

Таким образом, выбранный формат СПТ направлен не только на развитие коммуникативных навыков, но и на глубинную личностную трансформацию, способствующую гармонизации отношений с собой и окружающими

В психологической литературе выделяются четыре ключевые фазы развития группы в рамках личностно-ориентированного СПТ, каждая из которых имеет специфические задачи и особенности динамики [4].

1. Фаза ориентации и ценностного самоопределения, в рамках которой создаются условия для осознания участниками своих жизненных ценностей и смыслов, формирования доброжелательной и поддерживающей атмосферы, мотивации на продуктивную работу в группе, установления групповых норм и правил взаимодействия.

Для этого этапа характерно повышенное эмоциональное напряжение, что требует особого внимания к созданию безопасного психологического пространства [1,2].

В результате участники определяют свою позицию относительно участия в группе, формулируют ожидания от работы в тренинге, актуализируют личностные ценности, договариваются о принципах совместной деятельности.

2. Фаза фрустрации и аутентичности характеризуется проявлением спонтанного раздражения и недовольства, кризисом привычных поведенческих паттернов, возникновением межличностных напряжений.

Позитивный эффект этой фазы заключается в отказе от социальных масок и ролей, переходе к аутентичному поведению, объективации личностных противоречий, формировании искренних отношений в группе.

3. Фаза продуктивной работы и смыслообразования предполагает проведение содержательных групповых дискуссий, обсуждение профессиональных целей и смыслов, рефлекссию ценностных оснований деятельности.

На этом этапе задача ведущего создать условия для глубокого осмысления участниками

профессиональной идентичности, обмена значимыми переживаниями, конструктивной обратной связи, продвижения к экзистенциальным смыслам.

4. Завершающая фаза интеграции включает систематизацию полученного опыта, осознание личностных изменений, рефлекссию групповой динамики, завершение групповых процессов.

Ключевыми факторами эффективности СПТ являются: субъект-субъектное взаимодействие, исключающее оценочные позиции; гуманистическая позиция ведущего, основанная на безусловном принятии; акцент на актуальных переживаниях и личностных смыслах; развитая культура обратной связи в группе; совместная рефлексия профессиональных ценностей и установок [14].

Особое значение имеет система отношений «ведущий-участники», где ключевым становится принцип равноправного диалога, исключающий директивные методы воздействия. Такая организация группового процесса позволяет достичь глубинных личностных изменений и способствует развитию профессиональной рефлексии [10,11].

Концептуальная основа программы базируется на формировании установки на социальную активность через трансформацию смысловых структур личности будущих сотрудников ФСИН. Это обеспечивает развитие профессиональной мотивации и личностного роста через формирование смысловой установки на профессиональное становление, развитие способности к осознанному жизненному проектированию, становление активной социально-психологической позиции.

Методологический фундамент программы составляют три аспекта развития субъектности:

- рефлексивный: формирование позитивного Я-образа и осознание социальной позиции;
- поведенческий: расширение навыков гармоничного взаимодействия;
- деятельностный: создание ценностей через механизмы самодетерминации.

Структура тренинговой программы включает три взаимосвязанных этапа:

- 1) Организационно-ориентировочный этап, на котором происходит знакомство с принципами и целями СПТ; организуется безопасная коммуникативная среда; формируются групповые нормы взаимодействия.
- 2) Социально-продуктивный этап включает развитие социальной перцепции, формирование эмпатических навыков, совершенствование группового взаимодействия.
- 3) Индивидуально-продуктивный этап позволяет интегрировать социальные и индивидуальные ценности, создать условия для

развития личностной рефлексии, осуществить построение профессиональных перспектив.

Отбор упражнений в рамках социально-психологического тренинга (СПТ) на каждом этапе социально-психологического тренинга осуществляется в соответствии с рядом методологических принципов, обеспечивающих эффективность процесса группового взаимодействия [8,12,9]:

- соответствие целевой направленности тренинга – упражнения должны быть ориентированы на достижение основных целей СПТ;
- принцип постепенности – последовательный переход от простых к сложным формам активности, способствующий поэтапному развитию групповой динамики;
- логическая взаимосвязь упражнений – обеспечение целостности восприятия программы за счёт содержательной и процессуальной преемственности между отдельными элементами тренинга;
- динамичность структуры занятий – чередование вербальных (обсуждения) и невербальных (практические действия) форм активности для поддержания оптимального уровня вовлечённости участников;
- вариативность форм взаимодействия – сочетание групповых, парных и индивидуальных упражнений с целью развития различных аспектов межличностной коммуникации;
- баланс активности участников – создание условий для равномерного распределения инициативы, предотвращение доминирования отдельных членов группы;
- свобода пространственной организации – использование упражнений, предполагающих физическое перемещение, для усиления спонтанности и естественности взаимодействия;
- эмоциональная вовлечённость – подбор методик, способствующих позитивному эмоциональному фону и снижению напряжения в группе;
- инклюзивность – обеспечение возможности участия всех членов группы в выполнении упражнений и последующей рефлексии.

Предлагаемая программа СПТ обеспечивает последовательное движение в рамках групповой работы к развитию социальных компетенций, создавая основу для профессионального становления будущих сотрудников ФСИН.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В. Развитие эмоционального интеллекта несовершеннолетних осужденных и

его роль при достижении воспитательных результатов на музыкально-эстетических занятиях / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 2(24). С. 84-93.

[2] Вилкова А. В. Социопатогенез личности несовершеннолетних и пути ранней психодиагностики и профилактики / А. В. Вилкова, Я. Н. Полякова // Прикладная юридическая психология. 2025. № 2(71). С. 128-136.

[3] Емельянов Ю.Н. Активное социально-психологическое обучение. – Л., 1985. 112 с.

[4] Иванова Н. В. Динамика ценностных ориентаций личности в зрелом возрасте в сфере профессиональной деятельности педагога): Автореф. дис... . канд. психол. наук. – М., 1994. 26 с.

[5] Кириллова Т. В. Профессионализм и саморазвитие преподавателя – условия повышения качества профессиональной подготовки в образовательных организациях ФСИН России / Т. В. Кириллова, Д. А. Казначеева, Р. Е. Свиридов // Глобальный научный потенциал. 2025. № 4(169). С. 253-256.

[6] Кириллова Т. В. Значение педагогической культуры преподавателя в патриотическом воспитании курсантов образовательных организаций ФСИН России / Т. В. Кириллова // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2024. С. 101-106.

[7] Ковалев Г.А. Основные направления использования методов активного социального обучения в странах Запада. // Психологический журнал. 1989. № 1. С. 4-13.

[8] Ковтуненко Л. В. Современные проблемы психологии, педагогики и образования / Л. В. Ковтуненко, И. А. Матвиенко, А. Б. Ковтуненко. Учебное пособие. Воронеж, 2024. 80 с.

[9] Литвишков В. М. Основные функции делового общения России / В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 170-173.

[10] Литвишков В. М. Организационно-педагогические условия профессиональной подготовки курсантов в образовательных организациях ФСИН России / В. М. Литвишков // Антропология. 2021. 3 1(1). С. 9-13.

[11] Литвишков В. М. Личностно-профессиональная надежность руководителей как психологическая проблема / В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2020. С. 177-182.

[12] Лукашенко Д. В. Сравнительный анализ исправления несовершеннолетних осужденных

женского и мужского полов / Д. В. Лукашенко // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2024. С. 102-110.

[13] Макшанов С.И. Психология тренинга: Теория. Методология. Практика. – СПб., 1997. 67 с.

[14] Петровская Л.А. Теоретические и методические вопросы социально-психологического тренинга. М.: Изд-во МГУ, 1982. 92 с.

[15] Форверг М., Альберг Т. Характеристика социально-психологического тренинга поведения // Психологический журнал. 1984. № 4. С. 12-15.

References:

[1] Vilkova A. V. Development of the emotional intelligence of juvenile convicts and its role in achieving educational results in musical and aesthetic studies/A. V. Vilkova, S. A. Fadeev//Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 2(24). S. 84-93.

[2] Vilkova A.V. Sociopathogenesis of the personality of minors and the ways of early psychodiagnosis and prevention/A.V. Vilkova, Y. N. Polyakova//Applied legal psychology. 2025. № 2(71). S. 128-136.

[3] Yemelyanov Yu.N. Active social and psychological training. - L., 1985. 112 s.

[4] Ivanova N.V. Dynamics of personal value orientations in adulthood in the field of professional activity of a teacher): Author. dis.... cand. psychol. sciences. - M., 1994. 26 pp.

[5] Kirillova T. V. Professionalism and self-development of the teacher are conditions for improving the quality of professional training in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia/T. V. Kirillova, D. A. Kaznacheeva, R. E. Sviridov//Global scientific potential. 2025. № 4(169). S. 253-256.

[6] Kirillova T.V. The importance of the teacher's pedagogical culture in the patriotic education of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia/T.V. Kirillova//In the collection: Scientific works of the PKU Research Insti-

tute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2024. S. 101-106.

[7] Kovalev G.A. The main directions of using methods of active social education in Western countries //Psychological journal. 1989. № 1. S. 4-13.

[8] Kovtunen L. V. Modern problems of psychology, pedagogy and education/L. V. Kovtunen, I. A. Matvienko, A. B. Kovtunen. Tutorial. Voronezh, 2024. 80 s.

[9] Litvishkov V. M. The main functions of business communication in Russia/V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 170-173.

[10] Litvishkov V. M. Organizational and pedagogical conditions for the professional training of cadets in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia/V. M. Litvishkov//Anthropology. 2021. 3 1(1). S. 9-13.

[11] Litvishkov V. M. Personal and professional reliability of managers as a psychological problem/V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2020. S. 177-182.

[12] Lukashenko D.V. Comparative analysis of the correction of female and male juvenile convicts/D.V. Lukashenko//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2024. S. 102-110.

[13] Makshanov S.I. Training psychology: Theory. Methodology. Practice. - St. Petersburg, 1997. 67 pp.

[14] Petrovskaya L.A. Theoretical and methodological issues of social and psychological training. M.: Publishing House of Moscow State University, 1982. 92 pp.

[15] Forverg M, Ahlberg T. Characterization of socio-psychological behavior training//Psychological journal. 1984. № 4. S. 12-15.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-155-159

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

САГРАДЯН Армен Араикович,
аспирант 2-го курса образовательной программы
«Теоретико-исторические правовые науки»
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»
e-mail: armen77881@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Аннотация. Исследование раскрывает актуальные направления совершенствования системы муниципального управления Российской Федерации. Глубокий анализ правовых, финансово-экономических и социальных компонентов деятельности муниципальных органов выявляет существенный дисбаланс между возложенными полномочиями и доступными ресурсами. Муниципальные образования сталкиваются с серьезными препятствиями при реализации своих функций, включая недостаточную профессиональную подготовку служащих, ограниченную финансовую автономию и распространенность коррупционных практик. Приоритетными задачами развития местного самоуправления становятся систематическое обучение персонала, формирование прогрессивной организационной среды и расширение механизмов гражданского участия в принятии решений. Предлагаемые направления реформирования нацелены на качественное преобразование муниципальной системы через оптимизацию взаимодействия всех субъектов управленческого процесса и повышение результативности их совместной работы.

Ключевые слова: муниципальное управление, местное самоуправление, кадровая политика, финансовые ресурсы, коррупция, участие граждан, правовая база, квалификация муниципальных служащих, экономическая самостоятельность, социально-экономическое развитие.

SAGRADYAN Armen Araikovich,
2nd year postgraduate student of the educational program
“Theoretical and Historical Legal Sciences” at the Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Moscow Pedagogical State University”

PROBLEMS AND CHALLENGES IN LOCAL GOVERNMENT IN RUSSIA

Annotation. This study explores current areas for improving the municipal governance system of the Russian Federation. A thorough analysis of the legal, financial, economic, and social components of municipal government activities reveals a significant imbalance between vested powers and available resources. Municipalities face serious obstacles in fulfilling their functions, including insufficient professional training of employees, limited financial autonomy, and the prevalence of corrupt practices. Priority tasks for the development of local self-government include systematic staff training, the creation of a progressive organizational environment, and the expansion of mechanisms for civic participation in decision-making. The proposed reform strategies are aimed at qualitatively transforming the municipal system by optimizing the interactions between all actors in the governance process and increasing the effectiveness of their collaboration.

Key words: municipal administration, local self-government, personnel policy, financial resources, corruption, citizen participation, legal framework, qualifications of municipal employees, economic independence, socio-economic development.

В современном мире развитие общества содержит понимание того, что правовое, демократическое государство невозможно без целостной, четко выработанной и успешно функционирующей основы местного самоуправления.

Говоря о зарождении в современной России модели местного самоуправления, стоит отметить принятие 6 октября 2003 года Федерального закона №131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации». Данный закон заложил единую национальную основу концепции местного самоуправления, а также ввел «общую рамку» для муниципальной организации, которая закреплена в Конституции России конкретной законодательной базой, в основе которой лежит европейский опыт организации местного самоуправления.

Премьер-министр России Д.А. Медведев, когда был на посту Президента, отметил работу по эффективному формированию местного самоуправления в качестве одной из главнейших задач страны – «местное самоуправление должно открывать гражданам возможность самостоятельно решать свои локальные проблемы без указаний и распоряжений сверху».

Местное самоуправление в Российской Федерации – это особая модель воплощение населением своей власти, определенная в пределах, указанных Конституцией Российской Федерации, а также федеральными законами, а в случаях, определенных законами, – законами субъектов Российской Федерации, независимое, самостоятельное и установленное под свою ответственность решение непосредственно населением и (или) органами местного самоуправления в рамках местных задач, с учетом интересов населения и местных и исторических традиций.

Правовая основа местного самоуправления предполагает единую систему нормативно-правовых актов, призванных организовывать и обеспечивать успешное выполнение поставленных вопросов и задач в работе местного самоуправления Российской Федерации. Правовую базу местного самоуправления главным образом составляет Конституция Российской Федерации, в которой закреплены основные положения об организации и функционировании местного самоуправления. Далее, особо важной правовой основой выступает Европейская Хартия о местном самоуправлении, в которой закреплены основные права местного самоуправления в соответствии с европейскими стандартами. Также правовую базу составляют федеральные законы, правовые акты Президента и Правительства РФ, уставы, нормы, и другие нормативно-правовые акты муниципальных образований и субъектов РФ.

Институт системы местного самоуправления играет важную роль в жизни всего гражданского общества, так как именно местное сообщество призвано выполнять основные права граждан и различные виды общественной активности. Еще одно важное значение органов местного самоуправления заключается в том, что именно местному самоуправлению предоставлена одна из главных задач современной России – сделать единым интересы государства и общества, ведь именно в этом и состоит вся суть управленческой деятельности, чтобы происходила гармонизация интересов государства на уровне каждой отдельной личности, прав и свобод гражданина.

Как было сказано выше, правовую базу местного самоуправления составляет весьма широкий спектр законов и правовых актов. Но, несмотря на наличие в них ряда удачных идей и проектов, основа местного самоуправления все еще нуждается в дополнительных доработках и внесении новых задач, способных устранить все недочеты и проблемы, которые препятствуют успешному функционированию местных органов власти.

Развитие местного самоуправления в Российской Федерации сталкивается с комплексом серьезных вызовов, требующих тщательного анализа. Масштабный разрыв между возложенными полномочиями органов местного самоуправления и доступными материально-финансовыми ресурсами создает существенные препятствия для эффективного функционирования муниципальных образований. Недостаточное финансирование муниципалитетов приводит к снижению экономической автономии и росту зависимости от дотаций вышестоящих бюджетов. Законодательно закреплённые гарантии местного самоуправления, включая неприкосновенность прав, обязательность исполнения решений граждан и должностных лиц, судебную защиту, зачастую остаются нереализованными на практике. Кадровый потенциал муниципальной службы во многих регионах страны характеризуется существенными проблемами, среди которых особенно остро выделяется недостаточный уровень профессиональной подготовки служащих [6].

Снижение профессиональных компетенций муниципальных служащих становится очевидным при анализе кадрового состава органов власти. Существенный отток специалистов среднего звена управления и старение персонала усугубляют сложившуюся ситуацию. Муниципальная служба испытывает дефицит устоявшихся профессиональных традиций и практик взаимодействия. Профессиональные стандарты работников местного самоуправления зачастую расходятся с

требованиями современной системы управления. Государственные и муниципальные структуры утратили конкурентные преимущества работодателя на рынке труда. Недостаточный уровень оплаты труда руководителей среднего звена муниципальных органов власти снижает престиж службы. Негативное восприятие муниципальной службы в обществе требует системных изменений кадровой политики. Развитие профессиональных навыков служащих органов местного самоуправления РФ нуждается в комплексном подходе. Методология расчета затрат на реализацию делегированных полномочий местного самоуправления остается несовершенной, создавая дефицит муниципальных бюджетов. Межбюджетные трансферты федеральных и региональных программ сохраняют позиции основного источника пополнения местных бюджетов [5].

Локальное управление в небольших населенных пунктах сталкивается с множественными административными нарушениями. Повсеместная антикоррупционная деятельность государства демонстрирует низкую эффективность в удаленных регионах и малых городах. Муниципальные служащие зачастую практикуют nepотизм, игнорируя профессиональные качества кандидатов при назначении на должности. Безответственное отношение чиновников к выполнению служебных обязанностей усугубляет ситуацию. Умышленное причинение вреда муниципальному управлению наблюдается повсеместно, затрагивая различные административные уровни.

Органы местного самоуправления различных государств сталкиваются с комплексом существенных затруднений, препятствующих результативной деятельности муниципальных властей. Проведенные реформы местного самоуправления зачастую не учитывали специфические характеристики регионов, включая территориальные масштабы, демографическую плотность, степень хозяйственного освоения, природно-климатические условия. Муниципальные органы власти испытывают значительные сложности правового, финансово-экономического и социального характера, требующие системного подхода к их разрешению.

Разрыв между теоретическими положениями и практической реализацией местного самоуправления создает существенные препятствия для развития муниципальных образований. Нормативно-правовое регулирование деятельности органов местного самоуправления осуществляется преимущественно федеральными и региональными властями, игнорируя специфику конкретных территорий. Законодательная база содержит множество внутренних противоречий,

связанных с распределением полномочий между различными уровнями власти, приводя к дублированию функций и размыванию ответственности.

Дефицит профессиональных кадров в муниципальном управлении усугубляется недостаточностью финансового обеспечения местных органов власти. Ограниченность собственных доходов муниципалитетов препятствует полноценной реализации возложенных полномочий и достижению стратегических целей развития территорий. Механизмы контроля деятельности муниципальной власти демонстрируют низкую эффективность.

Отсутствие комплексной концепции реформирования местного самоуправления на государственном уровне затрудняет системное развитие муниципальных институтов. Недостаточная политическая грамотность населения проявляется в слабом понимании структуры современной системы управления, низкой вовлеченности граждан в решение вопросов местного значения и пассивном электоральном поведении.

Ключевой проблематикой муниципального управления выступает дисбаланс между возложенными полномочиями и имеющимися материально-финансовыми ресурсами местных органов власти. Муниципальные образования сталкиваются с острой нехваткой средств для решения первостепенных задач жизнеобеспечения населения. Высокая степень централизации государственной бюджетной системы привела к зависимости муниципалитетов от межбюджетных трансфертов, при этом доходы от местных налогов и муниципального имущества играют второстепенную роль. Мировая практика демонстрирует устойчивую тенденцию к формированию зависимости местных органов власти от центрального финансирования, лишая их возможности самостоятельного решения локальных вопросов развития территорий.

Муниципальные образования получают дифференцированные полномочия в соответствии с имеющимися ресурсами, либо центральная власть предоставляет финансовую поддержку менее обеспеченным территориям. Практика государственных дотаций негативно влияет на развитие местного самоуправления, подрывая экономическую независимость муниципалитетов и сужая границы политической автономии через усиление административной зависимости от федерального центра.

Местным бюджетам с высокими показателями социально-экономического развития требуется замена централизованной финансовой поддержки на самостоятельные источники доходов, в то время как отстающие муниципальные образования должны получать государственные гаран-

тии при одновременном стимулировании их развития. Территории со смешанными полномочиями различных уровней власти нуждаются в четком разграничении компетенций государственных и муниципальных органов управления, с расширением сферы ответственности местного самоуправления [3].

Законодательство Российской Федерации требует существенного совершенствования механизмов обеспечения конституционных прав местного самоуправления. Муниципальные образования нуждаются в усилении правовых гарантий, закрепленных основным законом страны и действующими нормативными актами. Приоритетными направлениями реформирования муниципального управления выступают законодательное закрепление неприкосновенности прав местного самоуправления, формирование действенных механизмов реализации решений, принятых гражданами при непосредственном волеизъявлении, должностными лицами и органами муниципалитета. Судебная защита интересов муниципальных образований требует дополнительных гарантий. Модернизация нормативно-правовой базы местного самоуправления должна учитывать региональную специфику и многообразие условий развития территорий.

Низкая вовлеченность населения в деятельность муниципальных образований представляет существенную проблему местного самоуправления. Законодательство Российской Федерации определяет народ как единственный источник власти, реализующий свои полномочия через государственные и муниципальные органы управления [1].

Гражданское участие в государственном управлении сталкивается с существенными ограничениями и барьерами эффективности. Муниципальные органы власти редко выстраивают действенные каналы коммуникации с населением, а существующие площадки общественных обсуждений не позволяют достичь конструктивного диалога. Принятие ключевых решений происходит без вовлечения местных жителей и проведения прямого голосования, причем большинство граждан даже не осведомлены о своих правах участвовать в данных процессах. Подобная ситуация порождает отстраненность населения от органов местного самоуправления и снижает уровень доверия к муниципальной власти. Активное вовлечение граждан в работу органов местного самоуправления послужит укреплению легитимности принимаемых решений и позволит местным властям учитывать реальные общественные потребности, способствуя позитивному развитию муниципального образования.

Недостаток квалифицированных специалистов в области муниципального управления пред-

ставляет серьезный вызов для развития местного самоуправления. Многогранность кадровой проблематики охватывает несколько взаимосвязанных направлений, требующих комплексного анализа и решения.

Профессиональная подготовка служащих муниципальных органов характеризуется существенными недостатками в квалификационном уровне. Отсутствие системной работы по привлечению и развитию молодых специалистов на местах приводит к нарастающей неудовлетворенности персонала своей профессиональной деятельностью. Значительное преобладание сотрудников пенсионного возраста в структуре кадрового состава создает дефицит специалистов среднего звена в органах государственного и муниципального управления. По данным исследований, средний возраст муниципальных служащих превышает 50 лет.

Корпоративная культура муниципальных служащих требует существенной модернизации. Недостаточная регламентация организационных норм и принципов препятствует формированию единых стандартов профессионального поведения. Муниципальные служащие демонстрируют размытое понимание целей и задач организационной культуры. Руководящий состав испытывает затруднения в разъяснении ключевых аспектов корпоративных ценностей коллективу. Отсутствие четких поведенческих ориентиров негативно влияет на эффективность работы муниципальных структур.

Отсутствие необходимых знаний и навыков применения фундаментальных принципов корпоративной культуры негативно влияет на качество управленческих решений, создавая существенные препятствия для развития системы местного самоуправления [5].

Конкурентная борьба за рабочие места в государственном секторе и коммерческих структурах значительно превосходит аналогичные показатели в муниципальных учреждениях, создавая существенный разрыв между различными сегментами рынка труда.

Муниципальная служба заметно уступает государственному и коммерческому сектору в вопросах материального вознаграждения и возможностей карьерного развития персонала, что значительно снижает привлекательность профессиональной деятельности служащих местного самоуправления, несмотря на существенный объем выполняемых задач и высокую ответственность.

Низкая репутация муниципальных служащих требует незамедлительного внедрения комплексных мер по совершенствованию профессиональных компетенций сотрудников местного

самоуправления. Региональные и муниципальные программы развития кадрового потенциала должны включать механизмы стимулирования специалистов, систему подготовки и переподготовки управленческих кадров, формирование кадрового резерва из числа перспективных выпускников профильных учебных заведений. Результативное функционирование органов местного самоуправления достигается путем конструктивного взаимодействия граждан, муниципальных структур и государственных органов власти.

Список литературы:

- [1] Власова Н. Ю. Бюджетная сбалансированность муниципальных образований в контексте концепции шокоустойчивости / Н. Ю. Власова, В. В. Сулимин // Финансы и общество: новые реалии, новые форматы, новые финансовые инструменты: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 29 ноября 2022 года / Ответственный за выпуск М.С. Марамигин, ответственный редактор Н.А. Истомина. - Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2023. - С. 143-146.
- [2] Куликова Е. С. Маркетинг территорий как элемент экономической безопасности муниципальных образований / Е. С. Куликова // Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 30 марта 2023 года. - Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2023. - С. 150-154.
- [3] Лазарчик А. И. Использование показателей устойчивого развития и конкурентоспособности муниципальных образований в целях повышения эффективности управления / А. И. Лазарчик // Казанский экономический вестник. - 2019. - № 6 (44). - С. 26-30.
- [4] Мурзина Е. А. Разработка фундаментальных основ налоговой безопасности региона и методологического инструментария управления налоговым потенциалом региона и муниципального образования / Е. А. Мурзина, Т. В. Ялялиева // Инновационные технологии управления и права. - 2021. - № 1(30). - С. 24-27.
- [5] Прокопова Л. И. Разработка комплексных мероприятий по повышению эффективности системы управления муниципальным образованием на основе цифровой трансформации / Л. И. Прокопова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. - 2020. - Т. 10, № 4. - С. 226-234.
- [6] Сулимин В. В. Анализ использования искусственного интеллекта в цифровой экономике для улучшения прозрачности и эффективности государственного управления / В. В. Сулимин, В. В. Шведов // Теория и практика общественного развития. - 2023. - № 6(182). - С. 181-186.
- [7] Яковлева Е. Н. Применение проектного управления в целях экологически устойчивого развития муниципальных образований / Е. Н. Яковлева, Н. Н. Кудринская // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. - 2022. - Т. 32, № 3. - С. 488-493.

References:

- [1] Vlasova N. Yu. Budgetary balance of municipalities in the context of the shock resistance concept / N. Yu. Vlasova, V. V. Sulimin // Finance and society: new realities, new formats, new financial instruments: Proceedings of the 1st All-Russian scientific and practical conference, Yekaterinburg, November 29, 2022 / Responsible for the release M.S. Maramygin, editor-in-chief N.A. Istomina. - Yekaterinburg: Ural State University of Economics, 2023. - Pp. 143-146.
- [2] Kulikova E. S. Territorial marketing as an element of economic security of municipalities / E. S. Kulikova // Economic and legal problems of ensuring economic security: Proceedings of the VI International scientific and practical conference, Yekaterinburg, March 30, 2023. - Yekaterinburg: Ural State University of Economics, 2023. - Pp. 150-154.
- [3] Lazarchik A. I. Using Indicators of Sustainable Development and Competitiveness of Municipalities to Improve Management Efficiency / A. I. Lazarchik // Kazan Economic Bulletin. - 2019. - No. 6 (44). - P. 26-30.
- [4] Murzina E. A. Development of Fundamental Foundations of Regional Tax Security and Methodological Tools for Managing the Tax Potential of a Region and a Municipality / E. A. Murzina, T. V. Yalyaliev // Innovative Technologies of Management and Law. - 2021. - No. 1 (30). - P. 24-27.
- [5] Prokopova L. I. Development of Comprehensive Measures to Improve the Efficiency of the Municipal Management System Based on Digital Transformation / L. I. Prokopova // Bulletin of the South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management. - 2020. - Vol. 10, No. 4. - P. 226-234.
- [6] Sulimin V. V. Analysis of the Use of Artificial Intelligence in the Digital Economy to Improve the Transparency and Efficiency of Public Administration / V. V. Sulimin, V. V. Shvedov // Theory and Practice of Social Development. - 2023. - No. 6 (182). - P. 181-186.
- [7] Yakovleva E. N. Application of Project Management for the Aims of Environmentally Sustainable Development of Municipalities / E. N. Yakovleva, N. N. Kudrinskaya // Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. - 2022. - Vol. 32, No. 3. - P. 488-493.

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-160-167

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики, бухгалтерского
учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: staheeva53@mail.ru

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: ethos08@mail.ru

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета
e-mail: nikolina73@yandex.ru

ГОРБУНОВА Олеся Сергеевна,
кандидат экономических наук,
доцент, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: os-bakunova@mail.ru

ФАТЕЕВА Наталья Борисовна,
старший преподаватель кафедры
менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: natbor73@mail.ru

ФЕТИСОВА Анастасия Викторовна,
старший преподаватель кафедры
менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: victorovna_eburg@mail.ru

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ И МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Система управления предприятием и механизм управления предприятием актуальна в условиях глобализации управленческой системы, где всегда возникает огромное количество проблем организации и управления, требующих скорейшего решения. Успех в предпринимательстве во многом зависит от того, насколько эффективно и гибко выстроена система управления и насколько она готова к переменам. В работе поставлены цели и задачи, определены актуальность и методы исследования, и описана практическая значимость работы.

Авторами в данной научной статье рассматривается система управления предприятием и механизм управления. Поставленная цель исследования достигнута решением на-

меченных задач по ходу исследования: раскрыты понятие системы управления предприятием, описаны и на рисунке изображены взаимосвязь системы управления предприятием и механизм управления предприятием. Рассмотрены основные способы и инструменты системы управления, влияющие на эффективность работы сотрудников через мотивации персонала в системе управления персоналом, рассмотрена суть аппарата управления в системе управления предприятием, описаны механизмы управления предприятием. По результатам проведенного исследования сделано заключение: грамотно построенная система управления позволяет решать проблемы, выстраивая понятные процессы: от найма и адаптации до мотивации, учёта времени и оценки результатов при этом механизмы и задачи управления предприятием сводятся к двум тезисам: задача – чтобы все работало, механизм – взаимодействие частей для решения задачи.

Ключевые слова: система, управление предприятием, персонал, эффективность работы, способы, инструменты мотивация труда.

STAKHEEVA Lyubov Mikhailovna,
Ph.D. in Economics, Associate Professor,
Department of Economics, Accounting and Financial Control
Ural State Agrarian University

ZARUBINA Elena Vasilievna,
Ph.D., Associate Professor,
Assistant Professor of Philosophy
Ural State Agrarian University

SIMACHKOVA Natalya Nikolaevna,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Associate Professor
of the Department management and economic theory
Ural State Agrarian University

GORBUNOVA Olesya Sergeevna,
PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of Economics,
Accounting and Financial Control
Ural State Agrarian University

FATEEVA Natalia Borisovna,
Senior Lecturer, Department of Management and
economic theory Ural State Agrarian University

FETISOVA Anastasia Viktorovna,
Senior Lecturer, Department of Management and
economic theory Ural State Agrarian University

PLANT CONTROL SYSTEM AND CONTROL MECHANISM

Annotation. The enterprise management system and the enterprise management mechanism are relevant in the context of the globalization of the management system, where a huge number of organizational and management problems always arise that require an early solution. Success in entrepreneurship largely depends on how effectively and flexibly the management system is built and how ready it is for change. The paper sets goals and objectives, defines the relevance and methods of research, and describes the practical significance of the work.

The authors of this scientific article consider the enterprise management system and management mechanism. The research goal was achieved by solving the set tasks during the research: the concept of the enterprise management system is disclosed, the relationship between the enterprise management system and the enterprise management mechanism is described and depicted in the

figure. The main methods and tools of the management system affecting the efficiency of employees through staff motivation in the personnel management system are considered, the essence of the management apparatus in the enterprise management system is considered, the enterprise management mechanisms are described. According to the results of the study, the conclusion was made: A well-built management system allows you to solve problems by building understandable processes: from hiring and adaptation to motivation, taking into account time and evaluating results, while the mechanisms and tasks of enterprise management are reduced to two theses: the task is for everything to work, the mechanism is the interaction of parts to solve the problem.

Key words: system, enterprise management, personnel, work efficiency, methods, tools, labor motivation.

Целью исследования является система управления предприятием и механизм управления.

Цель научной статьи определила решение следующих задач:

- раскрыть понятие системы управления предприятием;
- описать взаимосвязь системы управления предприятием и механизм управления предприятием;
- рассмотреть способы системы управления, влияющие на эффективность работы сотрудников;
- рассмотреть основные способы и инструменты мотивации персонала в системе управления персоналом;
- рассмотреть суть аппарата управления в системе управления предприятием;
- описать механизмы управления предприятием;
- описать выводы по исследуемой теме.

В связи с невозможностью применения эксперимента использован теоретический, абстрактно-логический метод исследования и метод дедукции,

При исследовании были использованы интернет-ресурсы и специальные издания, приведенные в списке литературы.

Практическая значимость работы. Материалы исследования могут быть применены как лекционный материал для обучающихся среднего профессионального обучения и бакалавров по экономическим дисциплинам, а также в научных статьях с учетом специфики темы.

Основная часть.

Система управления предприятием это комплекс мероприятий позволяющих эффективно организовать деятельность предпринимательства, распределять ресурсы, ставить цели, задачи, контролировать и анализировать их исполнение во всех подразделениях [5, 8].

Система управления предприятием и механизм управления предприятием взаимосвязаны, хотя при этом имеют разные значения. Их взаимосвязь проявляется в том, что система управления включает элементы, которые формируют механизм управления и обеспечивает целенаправленное воздействие на объект управления для достижения поставленных целей, а механизм управления включает средства и рычаги воздействия на управляемый объект и обеспечивает передачу управляющих воздействий, обратную связь, инструменты принуждения, стимулирования и регулирования. [2, 10].

На *рисунке 1* представлена взаимосвязь системы управления предприятием с механизмом управления и главные элементы системы управления.

Система управления проектами - это совокупность процессов, инструментов, методов, методологий, ресурсов и процедур для управления проектом.

Рассматривая, систему управления предприятием следует рассмотреть взаимосвязь системы управления с персоналом.

Система управления персоналом - включает методики, технологии и шаги, направленные на организацию работы с коллективом. Цель — настроить рабочие процессы внутри компании так, чтобы они одновременно способствовали раскрытию потенциала сотрудников и решению бизнес-задач [3].

Система управления персоналом следует рассматривать как стратегический элемент бизнеса, так как грамотное выстраивание, своевременное оценивание, решение проблем повышают эффективность предприятия и производительность труда персонала, особенно в сферах, где производство напрямую зависит от команды. [4, 11].

В *таблице 1* представлены некоторые способы системы управления, влияющие на эффективность работы сотрудников.

Рисунок 1. Взаимосвязь системы управления предприятием с механизмом управления и главные элементы системы управления [9].

Таблица 1. Способы системы управления, влияющие на эффективность работы сотрудников

Способы	Инструменты	Результат
Подбор и адаптация	Включает инструменты для подбора, оценки соответствия кандидатов и выстраивания адаптационного маршрута.	Без этого адаптация затягивается, а мотивация падает с первых дней.
Оценка эффективности.	Сотрудники должны понимать, как оценивается их работа, а руководитель — видеть результат, и оценивать.	Оценка эффективности помогает выявлять сильных и отстающих сотрудников.
Управление рабочим временем и дисциплиной.	Учёт посещаемости и контроль времени	Говорит о равномерной загрузке и справедливой оплате
Мотивация и обучение.	Система управления должна включать программы обучения, проведение внутренние конкурсы, гибкую систему поощрений.	Если мотивация завязана только на оклад, люди работают по инерции.
Развитие и карьерное планирование.	Ротация кадров, прозрачные критерии повышения, регулярные оценки потенциала	Это позволяет удерживать ценных специалистов и планировать, кто через год-два сможет занять ключевые позиции.
Кадровое администрирование и документооборот.	Оформление, кадровых документов должны быть систематизированы и автоматизированы.	Чем меньше ручной работы, тем меньше ошибок и задержек

Как видно из таблицы 1, выстроен полный цикл способа системы управления, как найти нужного человека, ввести в курс дела, обеспечить условия для эффективной работы, следить за результатами, обучать тех, кто показывает потенциал.

Отсюда вытекает, грамотно построенная система управления позволяет решать проблемы, выстраивая понятные процессы, от найма и адаптации до мотивации, учёта времени и оценки результатов [5, 8].

В любой предпринимательской деятельности мотивация команды становится критически

важной для достижения эффективности. Низкая мотивация сотрудников может привести негативным последствиям, таким как снижение эффективности работы, возникновение конфликтов, повышению текучести ценных кадров, отсутствие активности со стороны сотрудников и всем этим ухудшается взаимодействие с заказчиками и потеря конкурентоспособности.

В *таблице 2* способы и инструменты, которые помогут создать эффективную систему мотивации в компании в системе управления персоналом.

Таблица 2. Эффективные способы и инструменты мотивации персонала.

Способы	Инструменты	Результат
Стиль управления.	От того, как руководитель взаимодействует с подчинёнными, зависит их энтузиазм и вовлечённость в работу.	Чем больше стиль управления соответствует потребностям сотрудников, тем больших результатов достигнет коллектив.
Доверительные отношения с руководителем.	Рабочая среда с высоким уровнем доверия укрепляет мотивацию сотрудников	Положительно сказывается на благополучии и производительности членов команды.
Карьерные перспективы.	План продвижения по корпоративной лестнице заставляет работать с большей вовлечённостью и отдачей.	Важно создать для сотрудников прозрачные процессы карьерного роста и сформулировать критерии продвижения.
Обучение и развитие	Новые знания и навыки дают членам команды чувство уверенности.	С ними легче ощущать свою ценность для компании и видеть новые карьерные горизонты.
Гибкий график.	Самостоятельно планируя своё рабочее время, сотрудники адаптируют рабочие часы под личные потребности.	Комфортно совмещают профессиональные и личные обязательства.
Похвала и признание	Признание заслуг помогает сотрудникам понять, что руководство замечает и ценит их работу.	Повышает самооценку и укрепляет уверенность в своих силах.

Способы и инструменты приведенные в таблице 2 показывают для каждого сотрудника действенными будут свои способы мотивации, которые зависят от возраста, уровня образования, состава семьи, жизненных приоритетов работника и др.

Эффективная система мотивации строится на принципах справедливости, прозрачности,

индивидуального подхода, простоты, динамичности [12].

Для эффективного функционирования системы, достижения целей, координации, организации и контроля процессов производства в системе управления предприятием нужен аппарат управления.

Аппарат управления в системе управления предприятием – представляет собой совокупность административных органов и исполнительных или управленческих структур. При этом важно отметить, что с точки зрения внутреннего устройства аппарата управления предприятием возникает с системой органов государственной власти. Таким же образом, обычно, на предприятиях имеются подразделения, отделы, ведомства, конторы или другие административные, или управленческие образования, выполняющие ту или иную часть функций и только ее, что позволяет использовать на таких должностях людей с высокой квалификацией и производить качественный отбор персонала. С другой стороны, управленческий аппарат предприятия, будь то отдельное предприятие, или предприятие в составе корпорации, представляет собой хозяйствующий субъект экономики, находящийся под влиянием или оказывающий влияние как на соседние предприятия в частности, так и на экономику страны в целом [7].

В свою очередь, управление предприятием также следует воспринимать и отдельно от конкретных людей и отделов. Прежде всего, это процесс организации и решения различных опросов, от чего прямым образом зависит работоспособность и жизнеспособность каждого отдельного предприятия [6].

Таким образом, при управлении предприятием ставятся различные задачи и используются различные механизмы.

Особенности задач управления предприятием при условии наличия единого центра управления и на самоуправлении

Вполне очевидно, что основной задачей именно управления предприятием является обеспечение качественной структурной и жизнеспособной организации предприятия. Таким образом, при выполнении этой большой задачи управлением решаются несколько более мелких: учреждение профсоюзов, рабочих комитетов, создание отделов, проведение агитационной и просветительской работы с сотрудниками, создание экономической базы для выплаты заработной платы, пособий, стимулирующих премий, отпускных и так далее [1]. При этом принципиальной разницы между частью корпорации и самостоятельным предприятием нет: структура будет развиваться по одним и тем же закономерностям, а результаты будут зависеть от действий центрального аппарата управления и удачной интеграции.

Принято выделять следующие задачи управления предприятием, они могут иметь изменения и особенности в зависимости от отрасли, вида деятельности предприятия, региона предприятия и наличия или отсутствия центрального управления [2, 4].

- Разработка стратегии. Ввиду того, что прогресс общества в целом не стоит на месте, для каждого предприятия важна постоянная проработка стратегии деятельности и развития. Предприятие, предоставляющее услуги или производящее продукцию должно идти в ногу с развитием общества и предлагать актуальные товары или услуги. Для осуществления этого процесса необходима стратегия на определенные периоды времени: на год, на 5 лет, 10 лет и так далее.

- Планирование. Планирование в отличие от стратегии предполагает краткосрочную перспективу управления. Как правило, составляются планы финансово хозяйственной, производственной деятельности. То, как был выполнен план, определяется по фактически заявленным показателям и позволяет производить регулярный мониторинг деятельности предприятия, и, как следствие, эффективности управления.

- Согласование действий. В зависимости от масштабов предприятия зачастую появляется много специализированных отделов, цехов, и других рабочих подразделений. Координация их деятельности, разработка оптимальной технологической цепочки напрямую сказывается как на удобстве работы персонала, так и на эффективности предприятия в целом.

- Контроль выполнения задач. Регулярный контроль выполнения поставленных руководством задач необходим для осуществления рациональной координации. Таким образом, задачи, поставленные директором предприятия, проходят через несколько исполнителей, контроль исполнения на каждом из этапов позволяет не только минимизировать человеческий фактор, но и производить оценку проф. пригодности сотрудников.

- Контроль качества. Контроль качества продукции внутри предприятия осуществляется с целью поддержания конкурентоспособности. Отдел контроля качества производит оценку конечной продукции или услуг предприятия, что, при наличии, например, брака, позволяет установить его причину, устранить издержки от возможной реализации такого товара и производить статистическую оценку производственных процессов.

- Управление финансами. Финансово-хозяйственная деятельность предприятия, как правило, остается в руках бухгалтерского управления предприятием. В эту сферу входит закупка расходных материалов, сырья, выдача зарплат, пособий и другая деятельность, связанная с распределением финансов. Нерациональное управление финансами может не просто снизить эффективность работы предприятия, но и привести к разорению.

- Антикризисное управление. Ввиду постоянно меняющейся геополитической ситуации с каждым предприятием регулярно случаются кризисные ситуации. Для этого, как правило, собираются специальные комиссии по антикризисной политике, позволяющие принимать рациональные решения по выходу из сложившейся ситуации. При этом для решения подобных вопросов следует привлекать все отрасли управления: управление кадрами, бухгалтерию, контроль качества и так далее.

Механизмы управления предприятием при условии наличия единого центра управления и на самоуправлении.

Механизмы управления предприятием — это особенные инструменты и процессы, которые обеспечивают превращение управленческих решений в конкретные действия [15].

Собственно, основной несущий механизм управления состоит из взаимодействия и согласованного совместного действия управляющих и административных частей и органов. Именно функционирование их в рамках работы предприятия, решение задач в области своей компетенции и является работой механизма. При этом, если это предприятие находится в иерархическом подчинении, является частью корпорации — то механизм управления будет включать в себя также и вышестоящие отделы, опосредовано через локальные аппараты управления, регулирующие деятельность всех организаций - частей корпорации. В таком случае все решения, направления работы будут подвержены влиянию общего вектора, оставляя меньше свободы в самоуправлении [11, 13]. При этом ограниченное самоуправление компенсируется общим бюджетом. Таким образом, аппарат управления предприятием имеет возможность распределять технические и финансовые средства между филиалами, переводя профицит из наиболее успешного региона или подразделения в менее успешное, что позволяет своевременно производить их переоснащение и, как следствие, увеличивает прибыль. Кроме того, масштабирование и разделение производства позволяет снизить себестоимость продукции, что положительно сказывается на прибыли [9].

В свою очередь, самоуправляющееся, индивидуальное предприятие имеет возможность свободно действовать, решать только свои задачи, и использовать суверенный механизм управления. Однако, отсутствие общей линии с другими предприятиями не позволяет быстро принимать необходимые изменения, реагировать на изменение рынка или вводить новые задачи и механизмы из практики других предприятий. То же сказывается и на техническом оснащении таких предприятий.

Как правило, самостоятельное предприятие вынуждено искать технические и финансовые средства самостоятельно, ввиду ряда причин масштабирование таких предприятий является затяжным процессом, в связи с чем сильно растет себестоимость за единицу продукции, что может как положительно, так и отрицательно сказываться на прибыли. В таком случае управляющий механизм предприятия вынужден постоянно искать различные решения и идти на риски, заключать соглашения о сотрудничестве с другими предприятиями отрасли или региона.

Централизованное управление возлагает часть функций на подведомственные структуры, регулирующие деятельность организаций на местах. В свою очередь, местное самоуправление даже в эпоху развитых информационных и коммуникационных технологий играет огромную роль в организации и управлении предприятиями, даже объединенными единым центром управления.

Эффективность механизмов управления зависит от обратной связи, которые позволяют своевременно корректировать как сами решения, так и способы их реализации, от соответствия организационной структуре и реализуемым функциям, критически важны механизмы разрешения конфликтов, экономии ресурсов и многокритериальной оценки результатов [14].

В заключение следует сказать, что грамотно построенная система управления позволяет решать проблемы, выстраивая понятные процессы: от найма и адаптации до мотивации, учёта времени и оценки результатов при этом механизмы и задачи управления предприятием сводятся к двум тезисам: задача — чтобы все работало, механизм — взаимодействие частей для решения задачи. Однако при более углубленном изучении выявляются некоторые интересные механизмы внутренних и внешних взаимодействий механизма управления и их следствий, которые постоянно «выходит» из состояния равновесия, переходя из одного состояния в другое. В постоянно меняющейся среде для решения глобальных проблем приходится искать решение мелких постоянно изменяющихся и обновляющихся задач.

Список литературы:

- [1] Артеменко А.П., Стахеева Л.М. Методы и инструменты управления социальной защитой работников // Молодежь и наука. 2016. № 6. С. 64.
- [2] Водопьянов И.В. Функции аппарата управления // Вологодские чтения. 2009. № 74. С. 99-101.
- [3] Горбунова О.С., Стахеева Л.М., Малькова Ю.В., Пильникова И.Ф., Петрякова С.В. Кадровый

потенциал организаций аграрной сферы и порядок проведения его оценки // Образование и право. 2022. № 5. С. 356-361.

[4] Манушина А.Ю., Чаусов Н.Ю. Стиль руководства и его влияние на эффективность управленческой деятельности // Гуманитарные научные исследования. – 2018. – № 1. – С. 20.

[5] Прангишвили И. В. Системные закономерности и системы оптимизации. М.: Синтег, 2000. 528 с.

[6] Терешкина О. С. Управление организацией (предприятием) : учебное пособие / О. С. Терешкина, Д. А. Гурнина. — Москва : РТУ МИРЭА, 2021. — 56 с.

[7] Фролов Ю. В. Теория организации и организационное поведение. Методология организации. М.: Юрайт, 2024. 116 с.

[8] Система управления организацией: понятие, виды и принципы построения. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.directum.ru>. (дата обращения: 07.01.2026).

[9] Главные элементы системы управления: структура, функции, механизмы. // [Электронный ресурс] URL: <https://sky.pro/wiki>. (дата обращения: 07.01.2026).

[10] Система управления: что это, ее основные виды и структура. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.gd.ru>. (дата обращения: 07.01.2026).

[11] Система Управления Персоналом, Функции и Цели Управления. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.leadertask.ru>. (дата обращения: 07.01.2026).

[12] Мотивация команды: как вдохновить сотрудников и повысить продуктивность. // [Электронный ресурс] URL: <https://uprav.ru>. (дата обращения: 07.01.2026).

[13] Система управления персоналом в организации: этапы построения и ключевые инструменты | БОСС Контроль. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.bosscontrol.ru>. (дата обращения: 07.01.2026).

[14] Главные элементы системы управления: структура, функции, механизмы. // [Электронный ресурс] URL: <https://sky.pro/wiki>. (дата обращения: 07.01.2026).

[15] Главные элементы системы управления: структура, функции, механизмы. // [Электронный ресурс] URL: <https://sky.pro/wiki>. (дата обращения: 07.01.2026).

References:

[1] Artemenko A.P., Stakheeva L.M. Methods and Tools for Managing Social Protection of Employees // Youth and Science. 2016. No. 6. P. 64.

[2] Vodopyanov I.V. Functions of the Management Apparatus // Vologda Readings. 2009. No. 74. Pp. 99-101.

[3] Gorbunova O.S., Stakheeva L.M., Malkova Yu.V., Pilnikova I.F., Petryakova S.V. Personnel Potential of Agricultural Organizations and the Procedure for its Assessment // Education and Law. 2022. No. 5. Pp. 356-361.

[4] Manushina A.Yu., Chaurov N.Yu. Leadership Style and Its Influence on the Effectiveness of Management Activities // Humanitarian Scientific Research. – 2018. – No. 1. – P. 20.

[5] Prangishvili I. V. System regularities and optimization systems. Moscow: Sinteg, 2000. 528 p.

[6] Tereshkina O. S. Organization (enterprise) management: a tutorial / O. S. Tereshkina, D. A. Gurnina. - Moscow: RTU MIREA, 2021. - 56 p.

[7] Frolov Yu. V. Organization theory and organizational behavior. Organization methodology. Moscow: Yurait, 2024. 116 p.

[8] Organization management system: concept, types and principles of construction. // [Electronic resource]. URL: <https://www.directum.ru>. (Accessed: 07.01.2026).

[9] Main elements of the management system: structure, functions, mechanisms. // [Electronic resource] URL: <https://sky.pro/wiki>. (Accessed: 07.01.2026).

[10] Management system: what it is, its main types and structure. // [Electronic resource] URL: <https://www.gd.ru>. (Accessed: 07.01.2026).

[11] Personnel Management System, Functions and Goals of Management. // [Electronic resource] URL: <https://www.leadertask.ru>. (Accessed: 07.01.2026).

[12] Team motivation: how to inspire employees and increase productivity. // [Electronic resource] URL: <https://uprav.ru>. (Accessed: 07.01.2026).

[13] Personnel management system in an organization: stages of construction and key tools | BOSS Control. // [Electronic resource] URL: <https://www.bosscontrol.ru>. (Accessed: 07.01.2026).

[14] Main elements of the control system: structure, functions, mechanisms. // [Electronic resource] URL: <https://sky.pro/wiki>. (Accessed: 07.01.2026).

[15] Main elements of the control system: structure, functions, mechanisms. // [Electronic resource] URL: <https://sky.pro/wiki>. (Accessed: 07.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-168-173

КАЗАКОВ Александр Игоревич,
студент, Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тихоокеанский государственный университет» (ТОГУ),
e-mail: sskazakovss@yahoo.com

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БЮДЖЕТНЫХ И КАЗЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу института гражданско-правовой ответственности бюджетных и казенных учреждений в контексте их роли как инструментов государственного управления. Автор исследует ключевую коллизию, возникающую на стыке гражданского и бюджетного права: с одной стороны, необходимость активного участия учреждений в хозяйственном обороте для выполнения государственных функций, а с другой — ограниченный режим их имущественной ответственности, установленный в публичных интересах. В работе последовательно рассматриваются три взаимосвязанных аспекта проблемы. Анализируются гражданско-правовые договоры как основной источник обязательств и связанных с ними рисков, выявляется противоречие между принципами гражданского оборота и бюджетными ограничениями. Также исследуются внутренние механизмы распределения финансовых рисков ответственности между учреждением и главным распорядителем бюджетных средств, делается вывод о преобладании ретроспективного карательного контроля над превентивным управлением рисками.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, бюджетное учреждение, казенное учреждение, государственное управление, субсидиарная ответственность, право оперативного управления, гражданско-правовой договор, риск-менеджмент, дефекты управления, публично-правовое образование.

KAZAKOV Alexander Igorevich,
Student, Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education Pacific National University (PNU)

CIVIL LIABILITY OF BUDGETARY AND STATE INSTITUTIONS IN THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM

Annotation. This article provides a comprehensive analysis of the civil liability of budgetary and state-owned institutions in the context of their role as instruments of public administration. The author explores a key conflict arising at the intersection of civil and budgetary law: on the one hand, the need for institutions to actively participate in economic activity to fulfill state functions, and on the other, the limited regime of their property liability established in the public interest. The paper consistently examines three interrelated aspects of the problem. It analyzes civil contracts as the primary source of obligations and associated risks, identifying the contradiction between the principles of civil turnover and budgetary constraints. It also examines the internal mechanisms for distributing financial liability risks between the institution and the primary administrator of budgetary funds, concluding that retrospective punitive control prevails over preventive risk management.

Key words: civil liability, budgetary institution, state institution, public administration, subsidiary liability, right of operational management, civil contract, risk management, management defects, public law entity.

Введение

Активное участие бюджетных и казенных учреждений в гражданском обороте является

неотъемлемым условием эффективного функционирования системы государственного управления и предоставления публичных услуг. Заклячая

договоры поставки, подряда, оказания услуг, эти субъекты выступают инструментом реализации государственных функций, что объективно порождает риски гражданско-правовой ответственности. Однако правовой режим их деятельности, основанный на нормах как гражданского, так и бюджетного права, создает уникальную и зачастую противоречивую конструкцию ответственности. Коллизия между принципами хозяйственной самостоятельности, заложенными в Гражданском кодексе РФ, и жесткими рамками бюджетной целесообразности, установленными Бюджетным кодексом РФ, формирует значительную правовую неопределенность. Эта неопределенность проявляется в вопросах реального объема ответственности учреждения, условий привлечения к субсидиарной ответственности публично-правового образования и эффективности механизмов защиты прав контрагентов, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Цель исследования заключается в комплексном анализе института гражданско-правовой ответственности бюджетных и казенных учреждений через призму их управленческой функции.

Научная новизна статьи заключается в синтезированном подходе к проблеме ответственности, который выходит за рамки традиционного догматического анализа норм о праве оперативного управления и субсидиарной ответственности. Новизна проявляется в рассмотрении гражданско-правового договора не просто как сделки, а как элемента системы государственного управления, что позволяет по-новому оценить природу возникающих обязательств.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу работы составили общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход), а также частно-научные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой и метод правового моделирования. Теоретическую базу исследования составили научные публикации и монографии ведущих российских цивилистов и специалистов в области финансового и административного права, посвященные проблемам правосубъектности публичных образований, ответственности юридических лиц и правового режима государственного имущества.

Результаты и обсуждения

1. Гражданско-правовые договоры как инструмент реализации государственных функций и риски ответственности

В современной парадигме государственного управления, характеризующейся отходом от исключительно императивных, властных методов в пользу гибких, диспозитивных механизмов,

гражданско-правовой договор приобретает качественно новое значение. Он перестает быть лишь техническим средством закупки товаров или услуг для нужд публичного образования, трансформируясь в ключевой инструмент непосредственной реализации государственных функций. Через договоры подряда осуществляется строительство инфраструктурных объектов, через договоры возмездного оказания услуг организуется социальное обслуживание населения, а через сложные контракты государственно-частного партнерства реализуются масштабные национальные проекты. Эта «контрактивизация» государственной деятельности, однако, порождает глубокую и не до конца осмысленную правовую коллизию, суть которой заключается в наложении частноправовой формы на публично-правовое содержание, что создает уникальный и повышенный режим рисков гражданско-правовой ответственности для бюджетных и казенных учреждений как основных «исполнителей» этой политики.

Природа рисков ответственности в данном контексте носит не случайный, а системный характер, проистекая из фундаментального противоречия между двумя регулируемыми системами. С одной стороны, гражданское законодательство, в рамках которого существует договор, базируется на принципах автономии воли, равенства сторон, диспозитивности и неотвратимости ответственности за нарушение обязательств. Учреждение, выступая стороной договора, формально подчиняется этой логике. С другой стороны, его деятельность целиком детерминирована публичной задачей, сформулированной в задании учредителя, и скована жесткими рамками бюджетного законодательства. Последнее вводит императивные требования к планированию (обоснование закупок), процедурам заключения, целевому и авансовому характеру расходования средств, а также к отчетности. Таким образом, воля учреждения на заключение и исполнение договора изначально не является свободной в классическом гражданско-правовом понимании; она опосредована и ограничена вышестоящим публичным решением и выделенными финансовыми лимитами.

Этот дуализм порождает первый пласт рисков – риски «правовой несостоятельности» обязательства. Речь идет о ситуациях, когда учреждение, действуя в рамках доведенных до него бюджетных полномочий и заданий, заключает договор, который впоследствии может быть оспорен или признан неисполнимым в силу обстоятельств, лежащих вне сферы его реального контроля. Например, последующий отказ главного распорядителя бюджетных средств (ГРБС) в осуществлении кассового расхода, изменение лимита

тов бюджетных обязательств в ходе исполнения бюджета или издание учредителем нормативного акта, изменяющего параметры государственного задания, делают исполнение договора экономически невозможным или юридически противоречивым для учреждения [4, с. 67]. В рамках гражданского права такие действия учредителя или ГРБС не являются непреодолимой силой в отношении учреждения, поскольку исходят из той же системы управления. Следовательно, учреждение оказывается виновным в неисполнении обязательства перед контрагентом, хотя его «вина» носит сугубо административный, управленческий характер. Субсидиарная ответственность публично-правового образования, предусмотренная статьей 123.22 ГК РФ [1], лишь частично смягчает последствия для кредитора, но не снимает с самого учреждения бремя судебного спора, негативных последствий в виде взыскания убытков с его ограниченного в обороте имущества (в случае казенного учреждения) или репутационного ущерба.

Второй, не менее значимый пласт образуют риски, связанные с содержанием публичной функции, «переложенной» на договорную конструкцию. Когда государственная услуга (например, организация питания в школе, техническое обслуживание медицинского оборудования или обеспечение безопасности объекта) опосредуется договором, к исполнителю (контрагенту) переходят риски качественного и своевременного оказания услуги. Однако конечная ответственность перед потребителем (гражданином) и перед учредителем за неисполнение или ненадлежащее исполнение государственной функции остается за учреждением как субъектом, наделенным соответствующими полномочиями [6, с. 39]. Таким образом, учреждение оказывается в роли своеобразного «гаранта» перед обществом за действия независимого контрагента. Гражданско-правовой механизм регрессного требования к недобросовестному исполнителю зачастую оказывается малоэффективным и длительным, не компенсируя оперативно нанесенный ущерб публичным интересам и репутации государственного института. Более того, сама процедура выбора контрагента по строгим, но формализованным правилам закупочного законодательства может привести к заключению договора с исполнителем, предлагающим минимальную цену, но не обладающим необходимым потенциалом для качественного выполнения социально значимой задачи, что изначально закладывает риск последующей ответственности [10, с. 202].

Наконец, третий аспект касается персональных рисков ответственности руководителя учреж-

дения, который де-факто является тем агентом, чьими действиями учреждение связывает себя договорными обязательствами. Руководитель оказывается в ситуации двойного давления: с одной стороны, он обязан действовать в рамках гражданского законодательства, обеспечивая исполнение договора и неся ответственность за его нарушение перед учреждением (вплоть до материальной ответственности по ст. 277 ТК РФ), а с другой – он жестко ограничен бюджетной дисциплиной и указаниями учредителя. Принятие оперативного решения, необходимого для исполнения договора, но выходящего за рамки доведенных лимитов или требующего согласования, ставит руководителя перед выбором между риском срыва контракта и риском нарушения бюджетных процедур [9, с. 206]. Эта коллизия создает питательную среду для правового нигилизма или, наоборот, для административного паралича.

Таким образом, гражданско-правовой договор как инструмент реализации государственных функций выступает не просто нейтральным юридическим фактом, а зоной концентрации системных правовых напряжений. Риски ответственности, возникающие в этой зоне, являются прямым следствием гибридной природы отношений, где частноправовая форма несет на себе груз публично-правового содержания [7, с. 98]. Управление этими рисками требует выработки нестандартных подходов, выходящих за рамки классического гражданского права. Необходима разработка специальных договорных конструкций и типовых условий, адекватно отражающих зависимость исполнения от решений публично-правового характера, а также создание внутренних комплаенс-процедур в учреждениях, позволяющих идентифицировать и минимизировать такие коллизионные ситуации на стадии планирования и заключения договора. Только признание и правовое оформление этой специфики может превратить договор из источника постоянной судебной угрозы в эффективный и предсказуемый механизм достижения публичных целей.

2. Внутренние механизмы контроля и распределения рисков ответственности между учреждением и главным распорядителем бюджетных средств

Современная система управления рисками гражданско-правовой ответственности в публичном секторе представляет собой сложную архитектуру, где бюджетное учреждение и главный распорядитель бюджетных средств (ГРБС) выступают не как независимые субъекты, а как взаимосвязанные элементы единой финансово-пра-

вовой цепи. Их взаимоотношения в контексте распределения рисков, порожденных договорной деятельностью учреждения, строятся не на принципах гражданско-правового равенства, а на логике административной подчиненности и бюджетной субординации [2, с. 100]. Эта логика формирует специфические внутренние механизмы контроля и распределения, которые, с одной стороны, призваны защитить публичные финансы, а с другой – зачастую усугубляют конфликт между хозяйственной самостоятельностью учреждения и его ответственностью перед контрагентами.

Центральным элементом этой системы является механизм доведения лимитов бюджетных обязательств (ЛБО) и бюджетных ассигнований. Сам по себе акт доведения ЛБО, формально являясь внутренним действием казначейства перед ГРБС, а ГРБС – перед подведомственным учреждением, приобретает ключевое рискообразующее значение. Он выступает не просто техническим разрешением на расходование средств, а юридическим фактом, создающим для учреждения принципиальную возможность принятия на себя гражданско-правовых обязательств. Отсутствие, несвоевременность или недостаточность доведенных ЛБО трансформируют любое договорное обязательство учреждения в изначально рискованное, поскольку его финансовая обеспеченность становится призрачной. Таким образом, ГРБС, обладая монополией на формирование и распределение ЛБО, де-факто предопределяет объем и границы договорных рисков, которые учреждение может на себя принять. Однако в гражданско-правовых отношениях с контрагентом этот внутренний административный акт не имеет юридической силы. Учреждение не может ссылаться на «недоведение лимитов» как на основание освобождения от ответственности за неисполнение договора (ст. 401 ГК РФ), что создает классическую ситуацию «заложника» между двумя правовыми порядками.

Вторым критически важным механизмом выступает система санкционирования расходов и кассового исполнения. Даже при наличии заключенного договора и доведенных ЛБО реальное перечисление средств контрагенту зависит от последующего положительного решения уполномоченного органа (казначейства) о совершении кассового расхода. Эта процедура, по сути, представляет собой повторный, постдоговорный контроль целесообразности и соответствия уже принятого учреждением обязательства. Риск здесь заключается в возможности отказа в кассовом расходе по формальным основаниям, не связанным непосредственно с исполнением договора

контрагентом (например, из-за изменений в бюджетной классификации, выявления технических ошибок в документах или в рамках мероприятий внутреннего финансового аудита) [5, с. 124]. Для учреждения такой отказ означает неизбежное нарушение денежного обязательства перед контрагентом со всеми вытекающими последствиями (неустойка, убытки). При этом бремя данного риска полностью ложится на учреждение, в то время как ГРБС, принявший решение о доведении ЛБО, и казначейство, осуществляющее контроль, гражданско-правовой ответственности перед контрагентом не несут. Распределение риска здесь явно диспропорционально: учреждение несет полную гражданскую ответственность, не обладая при этом полным контролем над финансовыми условиями ее исполнения [8, с. 50].

Третьим уровнем взаимодействия является механизм возмещения ущерба (взыскания убытков) в порядке субсидиарной ответственности и регресса. Когда с учреждения взыскиваются убытки за неисполнение договора, и эти убытки превышают возможности его обособленного имущества (особенно для казенного учреждения), в силу вступает субсидиарная ответственность собственника – публично-правового образования. Фактически ГРБС, представляющий интересы собственника, становится конечным плательщиком [3, с. 77]. Однако это не является окончательным распределением риска. Бюджетное законодательство предусматривает право ГРБС взыскать понесенные публичные расходы обратно с учреждения в порядке регресса. Это взыскание осуществляется не в рамках гражданского иска, а через механизм внутренних межбюджетных расчетов – путем сокращения ранее предоставленных учреждению ЛБО на будущие периоды. Таким образом, финансовый риск, материализовавшийся в виде судебного взыскания, совершает полный цикл: от контрагента к учреждению, от учреждения (через субсидиарную ответственность) к публичным финансам, и затем обратно к учреждению в форме ухудшения его финансового положения в следующем бюджетном цикле. Данный механизм носит исключительно компенсационный и карательный характер, будучи направленным на возмещение казне понесенного ущерба, но абсолютно не стимулирует превентивное управление рисками на стадии заключения договора.

Существующая система, таким образом, характеризуется разрывом между моментом принятия риска и моментом несения финансовых последствий. Учреждение принимает на себя договорные риски, будучи ограниченным в воз-

возможности реально оценить и застраховать их из-за зависимости от решений ГРБС. ГРБС, определяя финансовые параметры деятельности учреждения, дистанцирован от непосредственной гражданско-правовой ответственности перед третьими лицами. В результате формируется порочная практика, где превентивное управление рисками подменяется последующим финансовым наказанием учреждения. Для преодоления этого дисбаланса необходима институционализация процедур совместного риск-менеджмента. Это может включать создание согласительных комиссий по оценке рисков крупных или нестандартных договоров до их заключения, разработку типовых риск-ориентированных договорных конструкций для повторяющихся закупок, а также внедрение механизмов внутреннего «страхования», когда часть ЛБО резервируется ГРБС специально для покрытия потенциальных претензий по исполненным договорам. Только интеграция управления гражданско-правовыми рисками в процесс бюджетного планирования и исполнения позволит трансформировать текущую репрессивную модель в проактивную систему, обеспечивающую и стабильность гражданского оборота, и защиту публичных финансов.

Выводы

Проведенное исследование института гражданско-правовой ответственности бюджетных и казенных учреждений позволяет утверждать, что его современное состояние характеризуется глубокой системной противоречивостью, проистекающей из двойственной природы этих субъектов. С одной стороны, они выступают как самостоятельные участники гражданского оборота, а с другой — остаются интегрированными элементами системы государственного управления, чья деятельность детерминирована публичными задачами и бюджетными ограничениями. Эта двойственность не является фатальным недостатком, но требует осмысленного правового регулирования, которое в настоящее время носит фрагментарный и реактивный характер.

Анализ гражданско-правовых договоров как инструмента реализации государственных функций показал, что источником ключевых рисков ответственности является не столько само по себе участие в обороте, сколько конфликт регулятивных парадигм. Договор, регулируемый нормами ГК РФ, предполагает автономию воли и равную ответственность, в то время как бюджетное законодательство накладывает на его исполнение жесткие процедурные и целевые рамки. Это создает «правовые ловушки» как для контрагентов

учреждений, сталкивающихся с невозможностью взыскания в связи со специальным режимом имущества, так и для самих учреждений, чьи руководители оказываются в ситуации персонального риска при необходимости оперативного принятия решений в интересах государства.

Исследование внутренних механизмов контроля и распределения рисков между учреждением и главным распорядителем бюджетных средств выявило их преимущественно ретроспективный и карательный характер. Существующая система ориентирована на последующий аудит и возмещение ущерба в рамках межбюджетных отношений, но слабо стимулирует превентивное управление рисками и оперативное урегулирование споров. Субсидиарная ответственность публично-правового образования, формально выступая гарантией для кредиторов, на практике часто приводит к «моральному риску», снижая дисциплину и хозяйственную инициативу на уровне учреждения.

Таким образом, разрешение обозначенных проблем лежит не в пути дальнейшего ужесточения контроля или, напротив, механического распространения на учреждения общих норм о коммерческих организациях. Необходима разработка и законодательное закрепление специальной, целостной управленческо-правовой модели ответственности, которая:

1. Четко дифференцировала бы риски, возникающие из публичной деятельности (реализация государственного задания) и частно-правовой деятельности (оказание платных услуг, хозяйственные нужды), с различными режимами имущественной ответственности и источниками ее покрытия.
2. Внедряла бы на уровне учреждений превентивные механизмы риск-менеджмента (внутренний комплаенс, одобрение сделок с риском), интегрированные в систему государственного финансового контроля.
3. Устанавливала бы ясные, состязательные процедуры для предупреждения и разрешения внутренних управленческих конфликтов, обеспечивая баланс между оперативной самостоятельностью руководителя и законными интересами учредителя.

Только такой системный подход позволит трансформировать гражданско-правовую ответственность из источника постоянных правовых коллизий в эффективный инструмент балансировки интересов, обеспечивающий и финансовую дисциплину, и качественное выполнение государством своих социальных обязательств перед обществом.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Консультант Плюс, 2026 г.
- [2] Богданов Е. В. Сущность и ответственность юридического лица // Государство и право. 1997. № 10. С. 97—101.
- [3] Инновации, тенденции и проблемы в области экономики, управления и бизнеса / О. Л. Брянская, В. М. Глущенко, С. В. Глушков [и др.]. – Нижний Новгород : НОО «Профессиональная наука», 2020. – 234 с.
- [4] Минаков, А.В. Актуальные аспекты оценки эффективности управления государственным внешним долгом Российской Федерации как важного условия обеспечения экономической безопасности / А. В. Минаков // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 9-2(62). – С. 66-68.
- [5] Минаков, А. В. Развитие экономики и состояние бюджетно-налоговой системы России / А. В. Минаков // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. – 2013. – № 2(16). – С. 123-130.
- [6] Мозолин В. П. Гражданско-правовая ответственность в системе российского права // Журнал российского права. 2012. № 1. С. 33—40.
- [7] Политика развития малых городов: уроки зарубежного опыта для России / Дмитриева Л.В. // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2024. – Т. 21. № 3 (135). – С. 92–104.
- [8] Сябарева И. Ф. Правовое регулирование гражданско-правовой ответственности учреждений // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки, 2013 г. С. 49-56.
- [9] Турьян К.В. «Концепция модели финансового посредничества в постсоветских странах.», «Актуальные направления современных научных исследований и их роль в развитии общества, экономики и государства»: «Актуальные направления современных научных исследований и их роль в развитии общества, экономики и государства» сборник научных статей по итогам международной межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 26–27 января 2024 года, – СПб.: Изд-во СПбЦСА, 2024. ISBN 978-5-6047506-9-8 – 235 с., стр. 192–208.
- [10] Чешин, А. В. Использование фикций в гражданском праве: преимущества и недостатки / А. В. Чешин // Власть Закона. – 2023. – № 3(55). – С. 197-206.

References:

- [1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 N 51-FZ (rev. dated 31.07.2025, with rev. dated 25.11.2025) (with rev. and addendum, entry effective 01.08.2025) //Consultant Plus 2026
- [2] Bogdanov E.V. Essence and responsibility of a legal entity//State and law. 1997. № 10. S. 97-101.
- [3] Innovations, trends and problems in the field of economics, management and business/O. L. Bryanskaya, V. M. Glushchenko, S. V. Glushkov [and others]. - Nizhny Novgorod: LEO "Professional Science," 2020. - 234 s.
- [4] Minakov, A.V. Actual aspects of assessing the effectiveness of public external debt management of the Russian Federation as an important condition for ensuring economic security/A.V. Minakov//Economics and Entrepreneurship. – 2015. – № 9-2(62). - S. 66-68.
- [5] Minakov, A. V. Economic development and the state of the budgetary and tax system of Russia/A. V. Minakov//Research Financial Institute. Financial journal. – 2013. – № 2(16). - S. 123-130.
- [6] Mozolin V. P. Civil Liability in the Russian Law System//Journal of Russian Law. 2012. № 1. S. 33-40.
- [7] Small Town Development Policy: Lessons from Foreign Experience for Russia/L.V. Dmitriev// Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. – 2024. - VOL. 21. № 3 (135). - S. 92-104.
- [8] Syubareva I.F. Legal regulation of civil liability of institutions//Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences, 2013 pp. 49-56.
- [9] Turyan K.V. "The concept of a model of financial intermediation in post-Soviet countries.," "Actual directions of modern scientific research and their role in the development of society, economy and state": "Actual directions of modern scientific research and their role in the development of society, economy and state" collection of scientific articles based on the results of an international intercollegiate scientific and practical conference. St. Petersburg, January 26-27, 2024, - St. Petersburg: Publishing House SPbCSA, 2024. ISBN 978-5-6047506-9-8 - 235 pp., pp. 192-208.
- [10] Cheshin, A.V. Use of Fictions in Civil Law: Advantages and Disadvantages/A.V. Cheshin//The Power of Law. – 2023. – № 3(55). - S. 197-206.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-174-179

КОНОСОВ Дионис Канарисович,
аспирант 3 курса очной формы обучения
кафедра государственно-правовых дисциплин
Московский гуманитарный университет,
e-mail: konosov.dionis@mail.ru

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье исследуются публично-правовые проблемы, связанные с внедрением технологий искусственного интеллекта в деятельность таможенных органов Российской Федерации. Анализируется нормативно-правовая база применения искусственного интеллекта в системе таможенного администрирования, включая Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года и Стратегию развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года. Выявляются правовые пробелы, препятствующие эффективному использованию технологий искусственного интеллекта в таможенном контроле: отсутствие легальных дефиниций ключевых понятий в таможенном законодательстве, неопределённость правового режима решений, принимаемых с использованием искусственного интеллекта, проблемы распределения юридической ответственности. Исследуется зарубежный опыт правового регулирования применения искусственного интеллекта в таможенной сфере. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию законодательства, направленные на формирование целостного правового института электронной (цифровой) таможни.

Ключевые слова: искусственный интеллект, таможенные органы, таможенный контроль, цифровая таможня, электронная таможня, правовое регулирование, публично-правовые науки, система управления рисками, Стратегия развития таможенной службы до 2030 года, ЕАЭС.

KONOSOV Dionis Kanarisovich,
3rd year full-time postgraduate student
Department of State and Legal Disciplines
Moscow University for the Humanities

PUBLIC LAW ISSUES OF IMPLEMENTING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF CUSTOMS AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article examines public law issues related to the implementation of artificial intelligence technologies in the activities of customs authorities of the Russian Federation. The regulatory framework for the application of artificial intelligence in customs administration is analyzed, including the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030 and the Strategy for the Development of the Customs Service of the Russian Federation until 2030. Legal gaps hindering the effective use of artificial intelligence technologies in customs control are identified: the absence of legal definitions of key concepts in customs legislation, the uncertainty of the legal regime of decisions made using artificial intelligence, and issues of distributing legal liability. Foreign experience in the legal regulation of artificial intelligence in the customs sphere is examined. Specific measures to improve legislation aimed at forming an integral legal institution of electronic (digital) customs are proposed.

Key words: artificial intelligence, customs authorities, customs control, digital customs, electronic customs, legal regulation, public law sciences, risk management system, Strategy for the Development of the Customs Service until 2030, EAEU.

Введение

Цифровая трансформация государственного управления является одним из приоритетных направлений развития Российской Федерации. Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, определяющая искусственный интеллект как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека [1]. Внедрение данных технологий в деятельность органов публичной власти прямо предусмотрено стратегическими документами государства.

Таможенная сфера представляет собой одну из наиболее перспективных областей применения технологий искусственного интеллекта. Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года, утверждённая распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.05.2020 № 1388-р [2], определяет в качестве стратегической цели полномасштабную цифровизацию и автоматизацию, включая цифровую трансформацию технологий таможенного оформления и контроля, внедрение искусственного интеллекта, обработку больших объёмов данных.

Вместе с тем активное практическое внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность таможенных органов существенно опережает развитие соответствующего правового регулирования. В таможенном законодательстве отсутствуют легальные дефиниции ключевых понятий, не определён правовой режим решений, принимаемых с использованием или при содействии искусственного интеллекта, не решены вопросы юридической ответственности за ошибки алгоритмических систем. Данный разрыв между технологическими возможностями и правовым регулированием порождает значительные публично-правовые проблемы, исследованию которых посвящена настоящая статья.

Целью исследования является комплексный анализ публично-правовых проблем внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность таможенных органов Российской Федерации и разработка предложений по формированию целостного правового института цифровой таможни. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы.

1. Нормативно-правовая база применения искусственного интеллекта в таможенной деятельности

Правовое регулирование применения искусственного интеллекта в таможенной сфере носит многоуровневый характер и включает нормы международного, наднационального (в рамках ЕАЭС) и национального права. На международном уровне базовые положения содержатся в документах Всемирной таможенной организации (ВТамО), в частности в Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Киотская конвенция), которая закрепляет принцип максимального использования информационных технологий в деятельности таможенных органов.

На уровне Евразийского экономического союза статья 1 Таможенного кодекса ЕАЭС закрепляет принцип применения современных методов таможенного контроля и максимального использования информационных технологий в деятельности таможенных органов [3]. Однако Таможенный кодекс ЕАЭС не содержит специальных норм, регулирующих применение технологий искусственного интеллекта, и не определяет правовой статус решений, принимаемых автоматизированными системами.

На национальном уровне ключевым стратегическим документом является Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года [2]. Данный документ предусматривает создание модели «интеллектуального» пункта пропуска, внедрение методов и технологий анализа больших данных с применением элементов искусственного интеллекта, модернизацию системы управления рисками. Федеральная таможенная служба осуществляет программу цифровой трансформации, в рамках которой запущен ведомственный дата-центр в Твери, внедрены информационные системы «Правоохрана» и «Таможня и право» [4].

Существенное значение имеет Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», утвердивший Национальную стратегию развития искусственного интеллекта [1]. Стратегия содержит легальное определение искусственного интеллекта и устанавливает общие принципы его развития и применения, однако не содержит специальных норм для таможенной сферы.

Таким образом, действующая нормативно-правовая база характеризуется, с одной стороны, наличием стратегических документов, определяющих вектор цифровизации таможенной деятельности, а с другой стороны - отсутствием специального законодательного регулирования, устанавливающего правовой режим применения технологий искусственного интеллекта в таможен-

ном контроле. Стратегические документы задают цели и направления, но не формируют правовой институт цифровой таможни.

2. Правовые пробелы и проблемы применения искусственного интеллекта в таможенном контроле

Анализ действующего законодательства позволяет выявить ряд правовых пробелов, препятствующих эффективному и правомерному внедрению технологий искусственного интеллекта в деятельность таможенных органов.

Первая проблема - терминологическая неопределённость. В таможенном законодательстве Российской Федерации и Таможенном кодексе ЕАЭС отсутствуют определения таких понятий, как «электронная таможня», «цифровая таможня», «интеллектуальная таможня». Несмотря на то что данные концепции активно используются в стратегических документах и практической деятельности ФТС России, они не получили законодательного закрепления. Отсутствие единого понятийного аппарата затрудняет правоприменение и создаёт правовую неопределённость.

Вторая проблема - правовой статус решений, принимаемых с использованием искусственного интеллекта. Система управления рисками (далее - СУР), действующая в таможенных органах, всё активнее использует алгоритмы машинного обучения для профилирования участников ВЭД и определения объектов таможенного контроля. Согласно статье 376 Таможенного кодекса ЕАЭС под таможенным риском понимается вероятность несоблюдения международных договоров и национальных правовых актов. Алгоритмы искусственного интеллекта фактически определяют, какие товары и какие участники ВЭД будут подвергнуты более тщательному контролю. Однако правовой режим таких алгоритмических решений не урегулирован: не ясно, являются ли они ненормативными правовыми актами, могут ли быть обжалованы, каков порядок их принятия и пересмотра.

Третья проблема - это распределение юридической ответственности. Действующее законодательство исходит из модели, в которой решение принимается должностным лицом таможенного органа. Когда решение формируется алгоритмом искусственного интеллекта и лишь формально утверждается должностным лицом (или принимается автоматически без участия человека), возникает вопрос о субъекте ответственности за ошибочное решение. Ни Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [5], ни Кодекс Российской Федерации об административных право-

нарушениях не содержат норм, регулирующих ответственность за вред, причинённый ошибками алгоритмических систем.

Четвёртой проблемой можно назвать защиту прав участников ВЭД при автоматизированном принятии решений. Автоматический выпуск товаров или, напротив, автоматическое назначение таможенного досмотра на основании алгоритмов искусственного интеллекта затрагивает права и законные интересы участников ВЭД. При этом участник ВЭД зачастую не имеет информации о критериях, которые использовал алгоритм, и не может эффективно обжаловать решение, обоснованность которого зависит от непрозрачной логики машинного обучения. Данная ситуация противоречит принципу гласности таможенного регулирования, закреплённому в статье 1 Таможенного кодекса ЕАЭС.

Пятая проблема касается обеспечения информационной безопасности и защита персональных данных. Технологии искусственного интеллекта в таможенной сфере предполагают обработку значительных массивов данных, включая персональные данные физических лиц, коммерческую тайну участников ВЭД, сведения, составляющие таможенную тайну. Правовой режим обработки этих данных системами искусственного интеллекта требует специального регулирования, учитывающего как требования Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», так и специфику таможенных правоотношений.

3. Зарубежный опыт правового регулирования искусственного интеллекта в таможенной сфере

Анализ зарубежного опыта свидетельствует о разнообразии подходов к правовому регулированию применения искусственного интеллекта в таможенной деятельности.

В Европейском Союзе принят комплексный подход к регулированию искусственного интеллекта. Регламент ЕС об искусственном интеллекте (EU AI Act), вступивший в силу в 2024 году, устанавливает классификацию систем искусственного интеллекта по степени риска и определяет требования к их разработке и использованию. Системы, применяемые в пограничном и таможенном контроле, отнесены к категории высокого риска, что предполагает обязательную оценку воздействия, обеспечение прозрачности алгоритмов, контроль человека над процессом принятия решений и ведение технической документации.

В Китайской Народной Республике внедрение искусственного интеллекта в таможенную

деятельность осуществляется в рамках государственной программы «Сделано в Китае-2025» и плана развития нового поколения технологий искусственного интеллекта. В Китае функционируют пять «интеллектуальных» контрольно-пропускных пунктов, на которых применение искусственного интеллекта позволило существенно сократить время выпуска товаров [7]. Правовое регулирование опирается на комплекс стратегических документов и подзаконных актов.

В Соединённых Штатах Америки Таможенная и пограничная служба (СВР) применяет системы автоматизированного сканирования транспортных средств с элементами глубокого обучения, а также технологии распознавания лиц в пунктах пропуска. Правовое регулирование осуществляется через систему ведомственных актов и стандартов, а также через общие нормы о защите персональных данных и праве на обжалование решений государственных органов [8].

Сравнительный анализ показывает, что наиболее системным является подход Европейского Союза, который устанавливает единую правовую рамку для всех систем искусственного интеллекта, включая таможенные. Российское законодательство, напротив, характеризуется фрагментарностью: общие стратегические документы не подкреплены специальным отраслевым регулированием [10]. Заслуживает внимания возможность рецепции отдельных элементов европейского подхода, в частности классификации систем ИИ по степени риска и требований к прозрачности алгоритмов.

4. Предложения по совершенствованию правового регулирования

На основании проведённого исследования представляется возможным сформулировать следующие предложения по совершенствованию правового регулирования применения технологий искусственного интеллекта в деятельности таможенных органов.

Во-первых, необходимо законодательно закрепить понятийный аппарат цифровой таможни. Предлагается дополнить Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» определениями понятий «электронная таможня», «цифровая таможня», «интеллектуальная таможня», «автоматизированное принятие решений в таможенной сфере». Формирование единого понятийного аппарата является необходимой предпосылкой для создания целостного правового института.

Во-вторых, следует определить правовой режим решений, принимаемых с использованием технологий искусственного интеллекта. Представляется целесообразным закрепить правило о том,

что автоматизированное решение таможенного органа приравнивается к решению должностного лица и может быть обжаловано в порядке, установленном законодательством. При этом необходимо определить, что обязанность обоснования такого решения включает раскрытие общих критериев и факторов, использованных алгоритмом, без раскрытия технических деталей реализации системы управления рисками.

В-третьих, необходимо урегулировать вопросы юридической ответственности за вред, причинённый ошибками систем искусственного интеллекта в таможенной деятельности. Предлагается установить, что ответственность за вред, причинённый участнику ВЭД вследствие ошибки алгоритмической системы, несёт таможенный орган, применивший данную систему, по общим правилам ответственности за вред, причинённый государственными органами (статья 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В-четвёртых, целесообразно закрепить принцип «контроля человека» (human-in-the-loop) при принятии наиболее значимых таможенных решений [12]. По аналогии с подходом Европейского Союза к системам искусственного интеллекта высокого риска, решения о назначении таможенного досмотра, корректировке таможенной стоимости, привлечении к ответственности должны приниматься с обязательным участием должностного лица, а не исключительно алгоритмом.

В-пятых, на уровне ЕАЭС необходимо инициировать разработку единых стандартов применения технологий искусственного интеллекта в таможенном администрировании. Стратегия развития таможенного сотрудничества в ЕАЭС предусматривает расширение применения цифровых технологий и внедрение технологий, обеспечивающих автоматическое совершение таможенных операций. Однако для реализации этих целей необходимы единые правовые стандарты, которые обеспечат совместимость систем и взаимное признание результатов автоматизированного контроля [13].

В-шестых, следует разработать механизм аудита алгоритмов искусственного интеллекта, применяемых в таможенных органах. Независимый аудит должен проверять алгоритмы на предмет отсутствия дискриминации, соответствия принципу равноправия участников ВЭД, адекватности используемых критериев риска. Результаты аудита в обезличенной форме должны быть доступны для научного и экспертного сообщества.

Заключение

Проведённое исследование позволяет констатировать, что внедрение технологий искус-

ственного интеллекта в деятельность таможенных органов Российской Федерации порождает комплекс публично-правовых проблем, требующих законодательного разрешения. Действующая нормативно-правовая база характеризуется существенным разрывом между стратегическими целями цифровизации таможенной деятельности и уровнем специального правового регулирования.

Ключевыми проблемами являются: отсутствие легальных дефиниций понятий «электронная таможня», «цифровая таможня», «интеллектуальная таможня» в законодательстве; неопределённость правового режима решений, принимаемых с использованием искусственного интеллекта; нерешённость вопросов юридической ответственности за ошибки алгоритмических систем; недостаточная защита прав участников ВЭД при автоматизированном принятии решений.

Для формирования целостного правового института цифровой таможни необходим комплекс мер, включающий совершенствование понятийного аппарата законодательства, определение правового режима автоматизированных решений, закрепление принципа контроля человека, урегулирование вопросов ответственности, а также разработку единых стандартов на уровне ЕАЭС. Зарубежный опыт, в первую очередь опыт Европейского Союза, может быть использован при разработке отечественного правового регулирования с учётом специфики российской правовой системы и особенностей евразийской экономической интеграции.

Дальнейшее научное осмысление данной проблематики приобретает особую актуальность в свете подготовки Министерством цифрового развития Российской Федерации Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта до 2030 года, которая может стать основой для формирования специального правового регулирования в таможенной сфере.

Список литературы:

- [1] Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»).
- [2] Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года, утверждённая распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.05.2020 № 1388-р.
- [3] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза).

[4] Максимов Ю.А., Ворона А.А. Практика применения автоматизированных информационных систем для совершения таможенных операций // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2023. №3 (87).

[5] Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[6] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act).

[7] Агагомедова С.А. Цифровой таможенный контроль и надзор: эволюция и современные тенденции регуляции // Правовая информатика. 2023. № 4. С. 21–28.

[8] Банников И.А. Правовое регулирование цифровизации таможенного администрирования в Российской Федерации // Актуальные исследования. 2023. № 27. С. 45–53.

[9] Кожуханов Н.М. Отдельные аспекты использования искусственного интеллекта в контрольно-надзорной деятельности таможенных органов // Вестник Российской таможенной академии. 2023. № 2. С. 62–70.

[10] Лоншаков Л.М. Отечественный и зарубежный опыт применения интеллектуальных технологий в таможенных органах // Human Progress. 2023. №4. С. 38–47.

[11] Мантусов В.Б. Актуальные проблемы таможенного права: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

[12] Хруставчук Н.С. Искусственный интеллект в деятельности таможенных органов России и опыт зарубежных стран // Вестник науки. 2023. №11.

[13] Шахназаров Б.А. Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 9. С. 72–81.

References:

- [1] Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030").
- [2] Strategy for the development of the customs service of the Russian Federation until 2030, approved by order of the Government of the Russian Federation of 23.05.2020 No. 1388-r.
- [3] Customs Code of the Eurasian Economic Union (Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union).

[4] Maximov Yu.A., Vorona A.A. Practice of using automated information systems for customs operations//Scientific notes of the St. Petersburg V. B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy. 2023. №3 (87).

[5] Federal Law of 03.08.2018 No. 289-FZ "On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation."

[6] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act).

[7] Agamagomedova S.A. Digital customs control and supervision: evolution and modern regulatory trends//Legal informatics. 2023. № 4. S. 21-28.

[8] Bannikov I.A. Legal regulation of digitalization of customs administration in the Russian Federation//Actual research. 2023. № 27. S. 45-53.

[9] Kozhukhanov N.M. Certain aspects of the use of artificial intelligence in the control and supervisory activities of customs authorities//Bulletin of the Russian Customs Academy. 2023. № 2. S. 62-70.

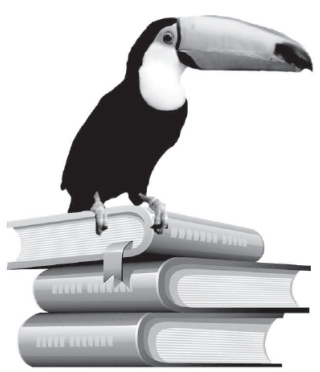
[10] Lonshakov L.M. Domestic and foreign experience in the application of intelligent technologies in customs authorities//Human Progress. 2023. №4. S. 38-47.

[11] Mantusov V.B. Topical problems of customs law: a textbook. M.: UNITY-DANA, 2017.

[12] Khrustavchuk N.S. Artificial intelligence in the activities of the customs authorities of Russia and the experience of foreign countries//Bulletin of Science. 2023. №11.

[13] Shakhnazarov B.A. Legal regulation of relations using artificial intelligence//Actual problems of Russian law. 2022. № 9. S. 72-81.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-180-188

ФРОЛОВ Александр Александрович,
аспирант кафедры государственного и муниципального управления,
Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева,
Саранск, Россия;
руководитель юридической службы АО «Орбита»,
Саранск, Россия, ORCID: 0009-0008-7131-1785,
e-mail: afrolov77@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ ГРАДУИРОВАННОЙ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ ПРОЗРАЧНОСТИ В КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности (КНД) в Российской Федерации создаёт вызовы по обеспечению прозрачности алгоритмических систем при защите критически важной информации. Традиционный бинарный подход — полное раскрытие либо полная секретность — не отвечает потребностям различных заинтересованных сторон. Статья развивает концепцию градуированной алгоритмической прозрачности, адаптированную к российским условиям КНД на основе международного опыта (Великобритания, Нидерланды, Новая Зеландия, Европейский союз). Предложена трёхуровневая модель доступа к информации об алгоритмических системах: публичная прозрачность (для всех граждан), специализированная прозрачность (для надзорных органов и экспертов) и полная техническая прозрачность (для государственных регуляторов). Разработана система из 20 механизмов реализации: нормативно-правовых (проект статьи 55.1 ФЗ № 248), организационно-технических (государственный реестр алгоритмических систем), процедурных, технологических (XAI, audit trails, model cards) и институциональных. Исследование вносит вклад в развитие правовой доктрины цифрового государственного управления и предлагает практические инструменты для совершенствования законодательства о КНД.

Ключевые слова: алгоритмическая прозрачность, контрольно-надзорная деятельность, искусственный интеллект, цифровизация государственного управления, государственный реестр алгоритмов, объяснимый ИИ, градуированный доступ, ответственное регулирование, подотчётность.

FROLOV Alexander Aleksandrovich,
Postgraduate student,
Department of State and Municipal Management,
National Research Mordovian State University
named after N.P. Ogarev, Saransk, Russia;
Head of the Legal Service of JSC “Orbita”,
Saransk, Russia

THE CONCEPT OF GRADUATED ALGORITHMIC TRANSPARENCY IN CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES: THEORY AND IMPLEMENTATION MECHANISMS

Annotation. The digitalization of control and supervisory activities (CSA) in the Russian Federation creates challenges in ensuring transparency of algorithmic systems while protecting critical information. The traditional binary approach—full disclosure or complete secrecy—does not meet the needs of various stakeholders. The article develops the concept of graduated algorithmic trans-

parency adapted to Russian CSA conditions based on international experience (United Kingdom, Netherlands, New Zealand, European Union). A three-tier model of access to information about algorithmic systems is proposed: public transparency (for all citizens), specialized transparency (for supervisory authorities and experts), and full technical transparency (for government regulators). A system of 20 implementation mechanisms has been developed: regulatory (draft Article 55.1 of Federal Law No. 248), organizational-technical (state register of algorithmic systems), procedural, technological (XAI, audit trails, model cards), and institutional. The research contributes to the development of legal doctrine of digital public administration and offers practical tools for improving CSA legislation.

Key words: *algorithmic transparency, control and supervisory activities, artificial intelligence, digitalization of public administration, government algorithm register, explainable AI, graduated access, responsible regulation, accountability.*

Введение

Цифровая трансформация контрольно-надзорной деятельности (КНД) в Российской Федерации приобретает системный характер. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 248) закрепил правовые основы применения информационных технологий в КНД, включая автоматизированные и интеллектуальные системы оценки рисков, профилирования контролируемых лиц и принятия решений о проведении контрольных мероприятий [1, с. 95–112]. Концепция цифровой трансформации КНД до 2030 года предусматривает масштабное внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ), машинного обучения и больших данных в деятельность контрольно-надзорных органов [2].

Использование алгоритмических систем в КНД порождает новые правовые проблемы, связанные с обеспечением прозрачности и подотчётности автоматизированных решений, затрагивающих права граждан и организаций. Традиционные механизмы государственного контроля предполагают возможность проверки обоснованности принятых решений, что требует понимания критериев отбора объектов контроля, логики оценки рисков и процедур принятия решений. В условиях применения сложных алгоритмических систем, особенно основанных на методах машинного обучения, обеспечение прозрачности становится критически важным условием легитимности КНД и доверия к государственным органам [3; 4, с. 780–810].

Вместе с тем полное раскрытие технических деталей алгоритмов КНД создаёт серьёзные риски для информационной безопасности и эффективности контроля: детальное описание критериев отбора контролируемых лиц может использоваться для целенаправленного уклонения от контроля («gaming the system»), а раскрытие архитектуры систем машинного обучения — для организации атак на критическую информационную инфраструктуру [5]. Кроме того, различные

категории заинтересованных сторон (граждане, экспертное сообщество, надзорные органы) имеют различные потребности в информации о алгоритмических системах КНД и различные возможности по её обработке.

Это противоречие между требованиями прозрачности и необходимостью защиты критически важной информации актуализирует разработку дифференцированных механизмов раскрытия информации о алгоритмических системах КНД. Зарубежный опыт последних лет демонстрирует переход от бинарного подхода к прозрачности (полное раскрытие либо полная секретность) к модели градуированной прозрачности, предполагающей различные уровни доступа к информации для различных категорий пользователей [6; 7].

Целью настоящего исследования является разработка концепции градуированной алгоритмической прозрачности, адаптированной к условиям российской КНД, и формирование системы механизмов её реализации на основе анализа международного опыта и российского правового регулирования.

Материалы и методы

Методологической основой исследования выступает комплекс общенаучных и специально-юридических методов. Формально-юридический метод применялся при анализе действующего законодательства Российской Федерации о КНД, включая ФЗ № 248, законодательства о защите персональных данных и информационной безопасности. Сравнительно-правовой метод использовался для изучения зарубежного опыта правового регулирования алгоритмической прозрачности в Великобритании (Algorithmic Transparency Recording Standard — ATRS), Нидерландах (Netherlands Algorithm Register), Новой Зеландии (Public Service AI Framework), а также регулирования Европейского союза в рамках AI Act. Метод правового моделирования применялся при разработке трёхуровневой модели градуированной прозрачности и проектировании механизмов её реализации.

Системно-структурный метод позволил выявить взаимосвязи между различными элементами концепции и существующим правовым регулированием. Историко-правовой метод использовался для анализа эволюции подходов к государственному контролю в условиях цифровизации.

Эмпирическую базу исследования составили: нормативные правовые акты Российской Федерации в сфере КНД; международные стандарты и документы (NIST AI Risk Management Framework, OECD AI Principles); официальные документы правительств Великобритании, Нидерландов, Новой Зеландии; научные публикации в рецензируемых журналах по искусственному интеллекту и цифровому государственному управлению; аналитические отчёты международных организаций (Global Partnership on AI, Ada Lovelace Institute, World Bank).

Результаты исследования

Теоретические основы концепции градуированной алгоритмической прозрачности

Проблематика бинарного подхода. Современная дискуссия о прозрачности алгоритмических систем в публичном секторе характеризуется доминированием двух крайних позиций.

Сторонники полного раскрытия («radical transparency») настаивают на публикации исходного кода, обучающих данных и технической документации всех государственных алгоритмических систем как необходимом условии демократической подотчётности [8; 9]. Противоположная позиция допускает широкое применение режима коммерческой тайны и государственной секретности для защиты алгоритмических систем от внешних угроз [10].

Оба подхода обладают существенными недостатками. Полное раскрытие создаёт риски информационной безопасности (возможность целенаправленных атак на критическую инфраструктуру), снижения эффективности контроля (стратегическое поведение контролируемых лиц) и нарушения прав на интеллектуальную собственность разработчиков систем [11].

Эмпирические исследования показывают, что публикация полных технических деталей систем машинного обучения может снизить их эффективность на 15–40% вследствие адаптивного поведения субъектов [12].

С другой стороны, полная секретность подрывает доверие граждан к государственным органам, препятствует выявлению системных ошибок и дискриминационных паттернов в работе алгоритмов, затрудняет общественный контроль и научные исследования [3; 4, с. 780–810]. Исследо-

вания показывают, что непрозрачность алгоритмических решений в публичном секторе снижает доверие граждан к соответствующим органам на 23–35% [13; 14, с. 478–493].

Различные заинтересованные стороны имеют различные потребности в информации о алгоритмических системах КНД. Граждане нуждаются в понимании общей логики принятия решений и факторов, влияющих на результат. Экспертное и научное сообщество заинтересовано в доступе к методологической документации и метрикам качества для оценки корректности алгоритмов. Государственные регуляторы и суды требуют полного доступа к техническим деталям для выполнения надзорных функций [15].

Концептуальные основы градуированной прозрачности.

Преодоление ограничений бинарного подхода требует разработки дифференцированной модели прозрачности, основанной на следующих принципах:

1. Принцип функциональной достаточности: объём раскрываемой информации должен соответствовать легитимным целям и возможностям её использования различными категориями пользователей [16; 17].
2. Принцип минимизации рисков: раскрытие информации не должно создавать неоправданных угроз информационной безопасности и эффективности контроля.
3. Принцип адаптивной детализации: глубина раскрытия технических деталей должна возрастать пропорционально уровню компетенции пользователей и их ответственности за конфиденциальность.
4. Принцип процедурной справедливости: все категории пользователей должны иметь доступ к информации, необходимой для реализации их прав и законных интересов, включая право на обжалование алгоритмических решений [18, с. 234–247].

Анализ международного опыта показывает, что наиболее эффективные модели алгоритмической прозрачности основаны на стратификации заинтересованных сторон и дифференциации режимов доступа к информации [19; 20; 21]. Британский Algorithmic Transparency Recording Standard (ATRS) устанавливает обязательную публикацию базовой информации о всех алгоритмических системах центральных департаментов правительства с февраля 2024 г., при этом детальная техническая документация предоставляется только по запросу аккредитованным экспертам и надзорным органам [22; 23]. По состоянию на май

2025 г. в британском реестре опубликовано 59 записей о алгоритмических системах, что повысило доверие граждан к цифровым государственным сервисам на 12% [24].

Голландский Algorithm Register, функционирующий с 2022 г., содержит более 1000 записей (по состоянию на июль 2025 г.) и также предусматривает два уровня доступа: публичная информация для граждан и расширенная документация для исследователей при условии подписания соглашения о конфиденциальности [25; 26]. Новозеландский Public Service AI Framework (январь 2025 г.) закрепляет градуированный подход к прозрачности как один из пяти принципов ответственного применения ИИ в публичном секторе [27].

На уровне Европейского союза AI Act устанавливает дифференцированные требования к прозрачности в зависимости от уровня риска алгоритмической системы: от базовой обязанности информирования пользователей для систем низкого риска до детальной технической документации и обязательных аудиторских следов для высокорискованных систем [28].

Трёхуровневая модель доступа к информации. Анализ международного опыта и специфики российской КНД позволяет обосновать оптимальность трёхуровневой модели градуированной прозрачности, согласующейся с рекомендациями Global Partnership on AI [29].

Первый уровень (публичная прозрачность) обеспечивает базовое право граждан на информацию о применении алгоритмических систем в КНД, закреплённое в ст. 29 Конституции РФ и ст. 8, 9 ФЗ № 248. Публичное раскрытие создаёт условия для общественного контроля и снижает информационную асимметрию между государством и гражданами [30].

Второй уровень (специализированная прозрачность) отвечает потребностям научного сообщества, независимых экспертов и надзорных органов в проведении углублённого анализа корректности и справедливости алгоритмических систем. Этот уровень согласуется с положениями ФЗ № 248 о привлечении экспертов к контрольной деятельности.

Третий уровень (полная техническая прозрачность) обеспечивает государственным регуляторам и судам доступ ко всей информации, необходимой для выполнения функций надзора и судебного контроля.

Система механизмов реализации концепции

Нормативно-правовое обеспечение. Реализация концепции требует внесения изменений в ФЗ № 248. Предлагается дополнить закон статьёй 55.1 следующего содержания:

«Статья 55.1. Прозрачность применения алгоритмических систем в контрольно-надзорной деятельности

1. Контрольный (надзорный) орган, применяющий алгоритмические системы для оценки рисков, отбора объектов контроля, прогнозирования правонарушений или принятия иных решений, затрагивающих права и законные интересы контролируемых лиц, обязан обеспечить прозрачность применения таких систем в соответствии с настоящей статьёй.
2. Информация об алгоритмических системах размещается в Государственном реестре алгоритмических систем контрольно-надзорной деятельности в объёме, установленном Правительством Российской Федерации.
3. Контролируемые лица имеют право на получение объяснения логики принятого решения, включая факторы, повлиявшие на результат. Объяснение предоставляется в течение пяти рабочих дней со дня получения запроса.
4. Специализированный доступ к расширенной информации об алгоритмических системах предоставляется по мотивированному запросу надзорным органам, аккредитованным экспертам и научным организациям. Полный технический доступ предоставляется государственным органам, судам и сертифицированным аудиторам по их запросам.
5. Нарушение требований настоящей статьи влечёт административную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Детальная регламентация требований должна осуществляться на уровне постановления Правительства РФ «Об утверждении Стандарта алгоритмической прозрачности в контрольно-надзорной деятельности» и приказа Минцифры России.

Организационно-технические механизмы. Государственный реестр алгоритмических систем КНД должен функционировать как централизованная информационная система, интегрированная с ГИС TOP КНД. Технические требования включают: открытый API для автоматизированного доступа; машиночитаемый формат данных (JSON, XML); поисковые и фильтрационные возможности; версионирование записей; уведомления об обновлениях.

По модели UK ATRS реестр должен быть обязательным для всех федеральных КНО с поэтапным распространением на региональные и муниципальные органы.

Система управления запросами на доступ уровней 2–3 должна обеспечивать: приём и регистрацию запросов; автоматизированную проверку полномочий заявителей; защищённую передачу информации; логирование всех операций доступа; механизм обжалования отказов.

Режим защищённого доступа для уровня 3 может реализовываться через «чистые комнаты» (clean rooms) – физические помещения с контролируемым доступом и запретом на вынос информации, либо виртуальные защищённые облачные среды с контролем всех операций пользователей.

Процедурные механизмы. Процедура первичного раскрытия (уровень 1) предусматривает, что КНО обязан в течение 30 дней с момента ввода алгоритмической системы в эксплуатацию внести соответствующую запись в Государственный реестр. При изменении параметров системы запись обновляется в течение 14 дней.

Процедура предоставления специализированной информации (уровень 2) включает рассмотрение запроса в течение 30 дней. Мотивированный отказ возможен только по исчерпывающему перечню оснований (угроза национальной безопасности, государственная тайна).

Процедура предоставления полной технической информации (уровень 3) для государственных регуляторов с надзорными полномочиями обеспечивает доступ в течение 5 рабочих дней по должностным полномочиям.

Технологические механизмы. Explainable AI (XAI) – объяснимый искусственный интеллект является ключевым технологическим инструментом. Для уровня 1 предусматриваются простые текстовые объяснения на естественном языке. Для уровня 2 – методы SHAP (SHapley Additive exPlanations), LIME (Local Interpretable Model-agnostic Explanations), counterfactual explanations [31]. Для уровня 3 – полная визуализация решающих деревьев, весов нейронных сетей, feature importance [32].

Audit trails (аудиторские следы) обеспечивают обязательное логирование всех решений алгоритмических систем с фиксацией: входных данных; результата решения; версии модели; даты и времени. Срок хранения логов – не менее 3 лет, для высокорискованных систем – 10 лет.

Model cards и datasheets представляют стандартизованную документацию моделей машинного обучения и датасетов, включающую: назначение модели; тренировочные данные; метрики производительности; ограничения; этические соображения [33].

Институциональные механизмы. Рекомендуется создание специализированного органа надзора за применением алгоритмических систем в

КНД с полномочиями по проверке соблюдения требований прозрачности, рассмотрению жалоб и методической поддержке КНО.

Предлагается формирование Общественного совета по алгоритмической подотчётности при Правительстве РФ с участием представителей гражданского общества, научного сообщества и государственных органов. Функции совета: обсуждение политики прозрачности; рассмотрение сложных этических кейсов; подготовка рекомендаций; проведение общественных слушаний.

Механизмы общественного контроля включают: публичные слушания при внедрении высокорискованных алгоритмических систем КНД; общественный мониторинг реестра; возможность подачи общественных запросов на проведение независимого аудита.

Примеры реализации принципов ответственного регулирования ИИ:

Принцип законности. Система оценки рисков ФНС России для отбора налогоплательщиков для выездных проверок основывается на ст. 88 Налогового кодекса РФ и Концепции системы планирования выездных налоговых проверок. Алгоритм анализирует критерии риска, формирует рейтинг рисков. Гарантии прав включают: публикацию критериев отбора; возможность самопроверки; право на обжалование; обязательность человеческого решения для инициирования проверки [34].

Принцип прозрачности. UK Algorithmic Transparency Recording Standard (ATRS) с февраля 2024 г. обязателен для центральных департаментов британского правительства. 59 записей опубликовано по май 2025 г. Эффект: повышение доверия граждан на 12%; снижение жалоб на непрозрачность на 18% [22; 24].

Netherlands Algorithm Register содержит более 1000 алгоритмов опубликовано по июль 2025 г. с возможностью для граждан комментировать записи. Эффект: выявление 15% ошибок в описаниях благодаря обратной связи [25; 26].

Принцип подотчётности. ITI AI Accountability Framework (США) предусматривает распределение ответственности между тремя ролями: Deployers (операторы) – ответственны за соответствие решений правовым требованиям; Developers (разработчики) – ответственны за качество моделей; Integrators (интеграторы) – ответственны за правильное внедрение [35].

Audit trails согласно требованиям EU AI Act обеспечивают ведение полных журналов работы для высокорискованных систем с фиксацией всех входных данных, решений и вмешательств операторов. Срок хранения – 10 лет [32; 34].

Принцип безопасности. NIST AI Risk Management Framework (RMF), обязательный для

федеральных агентств США с 2024 г., предусматривает четыре функции: Govern (управление), Map (картирование рисков), Measure (измерение), Manage (управление рисками) [36].

Adversarial testing (тестирование на устойчивость к атакам) систем распознавания образов моделирует попытки обмана системы и оценивает устойчивость к целенаправленным воздействиям [37].

Принцип справедливости. Fairness metrics в алгоритмах Нидерландов после реформ включают: demographic parity (равенство демографических групп); equalized odds (равенство ошибок); calibration within groups (калибровка внутри групп). Публикация результатов осуществляется в Algorithm Register [38].

Debiasing techniques - методы снижения предвзятости включают удаление признаков, сильно коррелирующих с защищёнными характеристиками; использование fairness constraints при обучении моделей; post-processing корректировку для достижения fairness метрик [39].

Participatory design при разработке системы оценки заявлений беженцев в Канаде предусматривает консультации с представителями уязвимых групп, правозащитными организациями и этическим комитетом на этапе проектирования алгоритма [40].

Обсуждение

Предложенная концепция градуированной алгоритмической прозрачности представляет собой попытку преодолеть существующее противоречие между требованиями демократической подотчётности и необходимостью защиты национальной безопасности в условиях цифровизации государственного управления.

Трёхуровневая модель доступа отражает социальный контракт между государством и гражданами: граждане имеют право на информацию о применении алгоритмических систем в соответствии со своей возможностью её использовать и с их возможностью обеспечить её конфиденциальность.

Система реализации концепции разработана с учётом российской правовой традиции и может быть внедрена поэтапно начиная с федеральных КНО и постепенно распространяясь на региональный и муниципальный уровни.

Критические замечания и вызовы. Первый потенциальный вызов связан с проблемой определения уровня риска алгоритмических систем, на основе которого должен быть дифференцирован доступ к информации. Существует риск, что органы власти будут стремиться завышать уровень риска, чтобы снизить степень прозрачности.

Второй вызов касается возможности адаптивных атак контролируемых лиц, которые смогут использовать даже ограниченную публичную информацию о критериях отбора для целенаправленного уклонения от контроля. Однако исследования показывают, что даже полное раскрытие критериев отбора снижает эффективность контроля лишь на 15–40%, что остаётся приемлемым, учитывая выигрыш в доверии и легитимности.

Третий вызов связан с необходимостью обеспечения надлежащего уровня компетентности экспертов второго уровня для корректной оценки алгоритмических систем. Требуется развитие образовательных программ и системы аккредитации экспертов.

Четвёртый вызов касается совместимости предложенного подхода с требованиями отечественного законодательства о защите государственной тайны и коммерческой тайны. Необходимо внесение уточняющих изменений в соответствующие законы.

Заключение

Исследование разработало комплексную концепцию градуированной алгоритмической прозрачности, адаптированную к условиям российской контрольно-надзорной деятельности. Концепция основана на трёхуровневой модели доступа к информации об алгоритмических системах и системе механизмов реализации.

Основные результаты исследования:

1. Обосновано, что традиционный бинарный подход к прозрачности (полное раскрытие либо полная секретность) не отвечает потребностям различных заинтересованных сторон и требует замены на градуированную модель.
2. Разработана трёхуровневая модель, различающая потребности граждан (публичная прозрачность), экспертов и надзорных органов (специализированная прозрачность) и государственных регуляторов (полная техническая прозрачность).
3. Сформирована система механизмов реализации, охватывающая нормативно-правовое, организационно-техническое, процедурное, технологическое и институциональное измерения.
4. Предложены конкретные формулировки проекта новой статьи 55.1 ФЗ № 248, определяющей правовые основы алгоритмической прозрачности в КНД.
5. Продемонстрирована возможность реализации пяти принципов ответственного регули-

рования ИИ (законность, прозрачность, подотчётность, безопасность, справедливость) на примерах действующих систем в России и за рубежом.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования разработанной концепции и системы механизмов для совершенствования законодательства о контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации. Предложенные инструменты могут служить основой для разработки стандарта алгоритмической прозрачности и регламента Государственного реестра алгоритмических систем КНД.

Научная новизна состоит в разработке первой комплексной концепции градуированной алгоритмической прозрачности, специально адаптированной к российской системе контрольно-надзорной деятельности, и в системном анализе механизмов её реализации.

Перспективы дальнейших исследований связаны с: разработкой методик оценки риска алгоритмических систем КНД; изучением проблем совместимости предложенного подхода с требованиями защиты государственной тайны; проведением пилотных проектов внедрения градуированной прозрачности в отдельных КНО; анализом социального воздействия изменений на доверие граждан и эффективность контроля.

Список литературы:

- [1] Talesh S. A. Regulating Algorithmic Discrimination: An Accountability Approach // *Yale Journal on Regulation*. 2018. Vol. 35. No. 2. P. 95–112.
- [2] Yeung K. Hypernudges: Private Digital Governance in the Data-Driven Society // *Harvard Journal of Law & Technology*. 2017. Vol. 32. No. 1. P. 123–151.
- [3] Citron D. K., Pasquale F. The Scored Society: Due Process for Automated Predictions // *Washington Law Review*. 2014. Vol. 89. No. 1. P. 780–810.
- [4] Barocas S., Selbst A. D. Big Data's Disparate Impact // *California Law Review*. 2016. Vol. 104. P. 671–732.
- [5] Brundage M., Anderljung M., Wang L., Garfinkel B., Andersson Y., Andersson C. Artificial Intelligence, Systemic Risk, and Scenario Simulation // *arXiv preprint arXiv:2306.00326*. 2023.
- [6] Selbst A. D., Barocas S., Braman J., Givone M., Nissenbaum H. Fairness and Abstraction in Sociotechnical Systems // *Proceedings of the Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*. PMLR. 2019. P. 59–68.
- [7] Ressayguier A., Rodrigues R. AI Ethics Should Not Remain Toothless! // *International Data Privacy Law*. 2020. Vol. 10. No. 2. P. 120–140.
- [8] Mittelstadt B. From Individual to Structural Accountability in Algorithms // *IEEE Technology and Society Magazine*. 2017. Vol. 36. No. 4. P. 50–58.
- [9] Kroll J. A., Huey J., Kulesza T., Doshi-Velez F., Greenwald M. B., Hilton J., et al. Accountable Algorithms // *Proceedings of the 17th International Conference on Privacy and Security*. 2016. P. 217–231.
- [10] Pasquale F. *The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Our Lives*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2015.
- [11] Fredrikson M., Jha S., Ristenpart T. Model Inversion Attacks That Exploit Confidence Information and Basic Countermeasures // *Proceedings of the 22nd ACM SIGSAC Conference on Computer and Communications Security*. 2015. P. 1322–1333.
- [12] Pujol J. M., Harrison Y., Poesse I. Avoiding Becoming a Victim of the Routing Attacks // *IEEE Communications Surveys & Tutorials*. 2015. Vol. 17. No. 4. P. 1937–1956.
- [13] Steinmann F. *The Ethics of AI: Recent Developments*. Springer. 2020.
- [14] Zweig K. A. *Algorithmic Transparency and Accountability*. Cham: Springer. 2019.
- [15] Richardson R., Schultz J. M., Crawford K. Dirty Data, Bad Predictions: How Civil Rights Violations Impact Police Data, Predictive Policing Systems, and Justice // *New York University Journal of Legislation and Public Policy*. 2019. Vol. 23. P. 1043–1074.
- [16] Fjeld J., Achten N., Hilligoss H., Nagy A. C., Srikumar M. Principled Artificial Intelligence: Mapping Consensus in Ethical and Rights-Based Approaches to AI Governance. Berkman Klein Center Research Publication No. 2020-1. 2020.
- [17] Ressayguier A., Rodrigues R. AI Ethics Should Not Remain Toothless! // *International Data Privacy Law*. 2020. Vol. 10. No. 2. P. 120–140.
- [18] Morley J., Machado C. C. V., Burr C., Cows J., Jansen I., Taddeo M., Floridi L. From What to How: An Initial Review of Publicly Available AI Ethics Tools, Methods and Research to Translate Principles into Practices // *Science and Engineering Ethics*. 2020. Vol. 26. No. 4. P. 2141–2168.
- [19] Selbst A. D., Barocas S. The Intuitive Appeal of Explainable Machines // *Fordham Law Review*. 2018. Vol. 87. No. 3. P. 1085–1139.
- [20] Yeung K. 'Hypernudges': Private Digital Governance in the Data-Driven Society // *Harvard Journal of Law & Technology*. 2017. Vol. 32. No. 1. P. 123–151.
- [21] Information Commissioner's Office (ICO). *Guide to the UK General Data Protection Regulation (UK GDPR)*. 2024.
- [22] Cabinet Office (UK). *Algorithmic Transparency Recording Standard*. Version 2. 2024.

- [23] Institute for the Future of Work. AI at Work Survey 2025. Oxford: University of Oxford Press. 2025.
- [24] Strobl C., Boulesteix A. L., Kneib T., Augustin T., Zeileis A. Conditional Variable Importance for Random Forests // BMC Bioinformatics. 2008. Vol. 9. No. 1. P. 307.
- [25] Dutch Government. Algorithm Register: Transparency and Accountability in Government Algorithms. The Hague: Ministry of Interior and Kingdom Relations. 2022.
- [26] Taddeo M., Floridi L. How AI Can Be a Force for Good // Science. 2018. Vol. 361. No. 6404. P. 751–752.
- [27] New Zealand Government. Public Service AI Framework. Wellington: Department of Internal Affairs. 2025.
- [28] European Parliament. Regulation (EU) 2024/1689 on Artificial Intelligence (AI Act). 2024.
- [29] Global Partnership on AI. Guardrails for AI: Introducing the Framework. Paris: GPAI. 2024.
- [30] Leavy B., O'Sullivan B., Siapera E. Data, Power and Bias in Artificial Intelligence // arXiv preprint arXiv:2108.07341. 2021.
- [31] Ribeiro M. T., Singh S., Guestrin C. "Why Should I Trust You?": Explaining the Predictions of Any Classifier // Proceedings of the 22nd ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining. 2016. P. 1135–1144.
- [32] Shrikumar A., Alexandari A., Poursalimi A., Hoffman J., Ermon S., Xing E. P. Learning Important Features Through Propagating Activation Differences // Proceedings of the 36th International Conference on Machine Learning. PMLR. 2019. P. 5191–5199.
- [33] Mitchell M., Wu S., Zaldivar A., Barnes P., Vasserman L., Hutchinson B., et al. Model Cards for Model Reporting // Proceedings of the Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. PMLR. 2019. P. 220–229.
- [34] US Department of Commerce. National Institute of Standards and Technology (NIST) AI Risk Management Framework. Version 1.0. Gaithersburg, MD: NIST. 2023.
- [35] Information Technology Industry Council (ITI). AI Accountability Framework. Washington, D.C.: ITI. 2021.
- [36] Eubanks V. Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor. New York: St. Martin's Press. 2018.
- [37] Goodfellow I., Papernot N., McDaniel P. Explaining and Harnessing Adversarial Examples // arXiv preprint arXiv:1412.6572. 2014.
- [38] Bolukbasi T., Chang K. W., Zou J. Y., Saligrama V., Kalai A. T. Man is to Computer Programmer as Woman is to Homemaker? Debiasing Word Embeddings // Advances in Neural Information Processing Systems. 2016. P. 4349–4357.
- [39] Hardt M., Price E., Srebro N. Equality of Opportunity in Supervised Learning // Advances in Neural Information Processing Systems. 2016. P. 3315–3323.
- [40] Buolamwini J., Gebru T. Gender Shades: Intersectional Accuracy Disparities in Commercial Gender Classification // Conference on Fairness, Accountability and Transparency. PMLR. 2018. P. 77–91.

References:

- [1] Talesh S. A. Regulating Algorithmic Discrimination: An Accountability Approach // Yale Journal on Regulation. 2018. Vol. 35. No. 2. P. 95–112.
- [2] Yeung K. Hypernudges: Private Digital Governance in the Data-Driven Society // Harvard Journal of Law & Technology. 2017. Vol. 32. No. 1. P. 123–151.
- [3] Citron D. K., Pasquale F. The Scored Society: Due Process for Automated Predictions // Washington Law Review. 2014. Vol. 89. No. 1. P. 780–810.
- [4] Barocas S., Selbst A. D. Big Data's Disparate Impact // California Law Review. 2016. Vol. 104. P. 671–732.
- [5] Brundage M., Anderljung M., Wang L., Garfinkel B., Andersson Y., Andersson C. Artificial Intelligence, Systemic Risk, and Scenario Simulation // arXiv preprint arXiv:2306.00326. 2023.
- [6] Selbst A. D., Barocas S., Braman J., Givone M., Nissenbaum H. Fairness and Abstraction in Sociotechnical Systems // Proceedings of the Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. PMLR. 2019. P. 59–68.
- [7] Rességuier A., Rodrigues R. AI Ethics Should Not Remain Toothless! // International Data Privacy Law. 2020. Vol. 10. No. 2. P. 120–140.
- [8] Mittelstadt B. From Individual to Structural Accountability in Algorithms // IEEE Technology and Society Magazine. 2017. Vol. 36. No. 4. P. 50–58.
- [9] Kroll J. A., Huey J., Kulesza T., Doshi-Velez F., Greenwald M. B., Hilton J., et al. Accountable Algorithms // Proceedings of the 17th International Conference on Privacy and Security. 2016. P. 217–231.
- [10] Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Our Lives. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2015.
- [11] Fredrikson M., Jha S., Ristenpart T. Model Inversion Attacks That Exploit Confidence Information and Basic Countermeasures // Proceedings of the 22nd ACM SIGSAC Conference on Computer and Communications Security. 2015. P. 1322–1333.
- [12] Pujol J. M., Harrison Y., Poese I. Avoiding Becoming a Victim of the Routing Attacks // IEEE Communications Surveys & Tutorials. 2015. Vol. 17. No. 4. P. 1937–1956.

- [13] Steinmann F. The Ethics of AI: Recent Developments. Springer. 2020.
- [14] Zweig K. A. Algorithmic Transparency and Accountability. Cham: Springer. 2019.
- [15] Richardson R., Schultz J. M., Crawford K. Dirty Data, Bad Predictions: How Civil Rights Violations Impact Police Data, Predictive Policing Systems, and Justice // New York University Journal of Legislation and Public Policy. 2019. Vol. 23. P. 1043–1074.
- [16] Fjeld J., Achten N., Hilligoss H., Nagy A. C., Srikumar M. Principled Artificial Intelligence: Mapping Consensus in Ethical and Rights-Based Approaches to AI Governance. Berkman Klein Center Research Publication No. 2020-1. 2020.
- [17] Rességuier A., Rodrigues R. AI Ethics Should Not Remain Toothless! // International Data Privacy Law. 2020. Vol. 10. No. 2. P. 120–140.
- [18] Morley J., Machado C. C. V., Burr C., Cows J., Jansen I., Taddeo M., Floridi L. From What to How: An Initial Review of Publicly Available AI Ethics Tools, Methods and Research to Translate Principles into Practices // Science and Engineering Ethics. 2020. Vol. 26. No. 4. P. 2141–2168.
- [19] Selbst A. D., Barocas S. The Intuitive Appeal of Explainable Machines // Fordham Law Review. 2018. Vol. 87. No. 3. P. 1085–1139.
- [20] Yeung K. 'Hypernudges': Private Digital Governance in the Data-Driven Society // Harvard Journal of Law & Technology. 2017. Vol. 32. No. 1. P. 123–151.
- [21] Information Commissioner's Office (ICO). Guide to the UK General Data Protection Regulation (UK GDPR). 2024.
- [22] Cabinet Office (UK). Algorithmic Transparency Recording Standard. Version 2. 2024.
- [23] Institute for the Future of Work. AI at Work Survey 2025. Oxford: University of Oxford Press. 2025.
- [24] Strobl C., Boulesteix A. L., Kneib T., Augustin T., Zeileis A. Conditional Variable Importance for Random Forests // BMC Bioinformatics. 2008. Vol. 9. No. 1. P. 307.
- [25] Dutch Government. Algorithm Register: Transparency and Accountability in Government Algorithms. The Hague: Ministry of Interior and Kingdom Relations. 2022.
- [26] Taddeo M., Floridi L. How AI Can Be a Force for Good // Science. 2018. Vol. 361. No. 6404. P. 751–752.
- [27] New Zealand Government. Public Service AI Framework. Wellington: Department of Internal Affairs. 2025.
- [28] European Parliament. Regulation (EU) 2024/1689 on Artificial Intelligence (AI Act). 2024.
- [29] Global Partnership on AI. Guardrails for AI: Introducing the Framework. Paris: GPAI. 2024.
- [30] Leavy B., O'Sullivan B., Siapera E. Data, Power and Bias in Artificial Intelligence // arXiv preprint arXiv:2108.07341. 2021.
- [31] Ribeiro M. T., Singh S., Guestrin C. "Why Should I Trust You?": Explaining the Predictions of Any Classifier // Proceedings of the 22nd ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining. 2016. P. 1135–1144.
- [32] Shrikumar A., Alexandari A., Poursalimi A., Hoffman J., Ermon S., Xing E. P. Learning Important Features Through Propagating Activation Differences // Proceedings of the 36th International Conference on Machine Learning. PMLR. 2019. P. 5191–5199.
- [33] Mitchell M., Wu S., Zaldivar A., Barnes P., Vasserman L., Hutchinson B., et al. Model Cards for Model Reporting // Proceedings of the Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. PMLR. 2019. P. 220–229.
- [34] US Department of Commerce. National Institute of Standards and Technology (NIST) AI Risk Management Framework. Version 1.0. Gaithersburg, MD: NIST. 2023.
- [35] Information Technology Industry Council (ITI). AI Accountability Framework. Washington, D.C.: ITI. 2021.
- [36] Eubanks V. Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor. New York: St. Martin's Press. 2018.
- [37] Goodfellow I., Papernot N., McDaniel P. Explaining and Harnessing Adversarial Examples // arXiv preprint arXiv:1412.6572. 2014.
- [38] Bolukbasi T., Chang K. W., Zou J. Y., Saligrama V., Kalai A. T. Man is to Computer Programmer as Woman is to Homemaker? Debiasing Word Embeddings // Advances in Neural Information Processing Systems. 2016. P. 4349–4357.
- [39] Hardt M., Price E., Srebro N. Equality of Opportunity in Supervised Learning // Advances in Neural Information Processing Systems. 2016. P. 3315–3323.
- [40] Buolamwini J., Gebru T. Gender Shades: Intersectional Accuracy Disparities in Commercial Gender Classification // Conference on Fairness, Accountability and Transparency. PMLR. 2018. P. 77–91.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-189-191

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

КОЧЕСОКОВ Заурбек Хамидбиевич,

доктор философских наук, кандидат юридических наук,
доцент, профессор кафедры правового обеспечения
деятельности органов власти,
Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС,
г. Пятигорск, Российская Федерация,
e-mail: kochesokov68@bk.ru

КУЛИЕВ Фарман Мурувват оглы,

доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории, права и гуманитарных дисциплин,
Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС,
г. Пятигорск, Российская Федерация,
e-mail: kuliev_farman@mail.ru

ДЕСТРУКТИВНОСТЬ КОНЦЕПЦИИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВ

Аннотация. *Нынешняя либерально-демократическая модель глобального развития оказалась разрушительной для развития государств, поскольку суверенитет не играет существенной роли в этой концепции и рассматривается как пережиток прошлого, от которого необходимо освободиться.*

Однако именно отсутствие суверенитета привело к хаосу и беспорядкам в России в 1990-х годах и нынешнему системному кризису в Европейском союзе.

Ключевые слова: *деструктивный, международные отношения, либерально-демократическая модель, государственный суверенитет, трансатлантическая солидарность, системный кризис.*

KOCHESOKOV Zaurbek Khamidbievich,

Doctor of Philosophy, Candidate of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Legal Support for the Activities
of Government Bodies, North Caucasus Institute –
Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Pyatigorsk, Russian Federation

KULIEV Farman Muruvvat oglu,

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of History, Law and Humanities,
North Caucasus Institute – branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
Pyatigorsk, Russian Federation

THE DESTRUCTIVE NATURE OF THE LIBERAL DEVELOPMENT MODEL IN TERMS OF THE PROBLEM OF STATE SOVEREIGNTY

Annotation. *The current liberal-democratic model of global development has proven to be destructive for state development, as sovereignty does not play a significant role in this concept and is seen as a relic of the past that needs to be freed from. However, it was the lack of sovereignty that led to the chaos and disorder in Russia in the 1990s and the current systemic crisis in the European Union.*

Key words: *destructive, international relations, liberal-democratic model, state sovereignty, transatlantic solidarity, systemic crisis.*

В настоящее время в мире происходят масштабные изменения, которые затрагивают международные отношения. Они претерпевают значительные изменения.

Нынешняя модель глобального развития оказалась разрушительной, поскольку она игнорирует суверенитет государств, несмотря на то, что когда-то эта концепция рассматривалась как основа процветания и сотрудничества между народами.

Дело в том, что в концепции либеральной модели развития суверенитет не играет значимой роли. В ней он рассматривается как пережиток прошлого, от которого нужно освободиться. В частности, постпозитивисты ставят его ценность под сомнение.

Чтобы понять суть либеральной модели общественного развития, достаточно обратиться к истории России, особенно в 1990-е годы, когда экономика страны была парализована, а государственные институты не могли нормально функционировать. Отношения между обществом и властью были очень напряженными.

Иными словами, российское общество в 90-е годы пребывало в хаосе и беспорядке. Конечно, выход из этой ситуации, в конечном итоге, был найден. В противном случае в настоящее время российское государство прекратило бы свое существование.

Благодаря новому политическому руководству был предотвращен развал государства, восстановлена экономика, укреплен вертикаль власти и бюрократический аппарат, что позволило остановить хаос и беспорядки.

Стоит обратить также внимание на то, что в 90-годы бизнес-структуры получили огромные «дивиденды» от сложившейся тогда ситуации, пытались вмешиваться в управление государством [1].

В тот период за пределы России ими были выведены сотни миллиардов долларов, принадлежавшие государству. Их активы за границей ныне составляют триллионы долларов.

По словам В. Путина, в 90-годы Россия утратила часть своего суверенитета [2], из-за чего, собственно говоря, возникли хаос и беспорядки, угроза существованию российского государства.

Этот период также характеризовалась для России еще тем, что пятая колонна в России также тормозила развитие страны, разрушая ее изнутри. Над Украиной работали отдельно [3].

Другой пример. Евросоюз, который на протяжении длительного времени придерживался концепции либеральной модели развития, в частности, либерально-демократической.

Однако, как показала история, либеральная доктрина и здесь ныне больше не соответствует происходящим в мире процессам и реальным политическим процессам в Европе.

Дело в том, что страны Евросоюза ныне утратили свой суверенитет. Для них в настоящее время характерно слепое подчинение курсу США. Они идут у них на поводу. Решения принимают даже во вред себе, лишь бы угодить «хозяину».

По словам Ж. Боррель [4], Евросоюз ныне не может самостоятельно обеспечить свою безопасность и оборону.

В контексте данного исследования также напомним, что Евросоюз был создан в 1957г. Основателями были шесть государств, среди которых Франция, Германия, Италия, Нидерланды, Бельгия.

Затем он расширился до известных ныне пределов. Были намерения включить в его состав государства, которые не имеют никакой принадлежности к Европе. Имеются в виду Грузия и Армения [5].

В настоящее время Евросоюз испытывает проблемы, которые являются экзистенциальными и грозят прямым распадом этого политического и экономического объединения. В этом они не могут не признаваться [6].

Отношения с США постепенно рушатся. НАТО и Евросоюз переживают глубокий кризис. В этом смысле дальнейшее существование трансатлантической солидарности представляется невозможным.

Трансатлантическая солидарность ныне существует в виде таких союзов, как НАТО, ВТО, Большая Семёрка. Роль и значение этих союзов в современном мире, как показывает анализ, также являются малозначительными.

Однако на экономическом форуме в Давосе мир стал свидетелем разрыва отношений между ЕС и Соединенными Штатами вместо масштабного пакета помощи Украине [7].

Основы ЕС были заложены Соединенными Штатами после Второй мировой войны. Однако их отношения были построены таким образом, что ЕС зависели от американской внешней политики.

Другими словами, Германия была полностью подчинена Соединенным Штатам, которые, в свою очередь, составляли ядро их взаимодействия [8].

Ныне только два государства - члена Европейского союза проводят независимую и суверенную политику. Это Венгрия и Словакия.

Добавим, что отношения между Россией и Европейским союзом в настоящее время оставляют желать лучшего. Более того, они готовятся к войне с Россией и уже начали подготовку к ней [9]. Об этом свидетельствуют заявления европейских лидеров. На самом деле, даже не пытаются этого скрывать.

Таким образом, страны ЕС в настоящее время оказываются на задворках цивилизации, постепенно теряя свои позиции в мировом развитии. Ныне переживают экономический спад [10].

В настоящее время происходит формирование новых цифровых технологий, под влиянием которых постепенно уходят в небытие расчеты в национальных валютах, также ослабевает роль евро и т.д. Они негативно влияют на значимость ЕС в системе международных отношений.

В рамках исследования проблемы развития современной системы международных отношений нельзя не вспомнить и про методологию постнеклассической парадигмы науки. Дело в том, что происходящие ныне события в мире легко укладываются в ее рамки.

В соответствии с этой парадигмой в настоящее время в мире идет процесс деиерархизации системы международных отношений, точнее сказать, меняется характер международных отношений.

Очевидно, что нынешняя система международных отношений распадается как сложноорганизованная. Вместо нее происходит рождение новой системы международных отношений под влиянием случайности [11].

Подводя итог всему сказанному, можно заключить, что с деструктивностью либерально-демократической модели развития связано нынешнее состояние международных отношений, иначе говоря, тот системный кризис в котором ныне пребывает Евросоюз.

По сути, господствовавшая концепция либеральной модели мирового развития не выдержала испытание временем.

Список литературы:

- [1] Выбор пути: альтернатива современному либерализму // https://ruskline.ru/news_rl/2010/9/23/vybor_puti_alternativa_sovrennomu_liberalizmu?ysclid=mkl0u33ve6914607975
- [2] Россия в 90-е годы утратила часть суверенитета, заявил Путин // <https://ria.ru/20211212/rossiya-1763349361.html?ysclid=mko2l95wqz742917045>
- [3] Путин: Запад работал с «пятой колонной» в России после распада СССР // <https://www.ntv.ru/novosti/2804508/?ysclid=mkphpoaofy389860415>
- [4] Боррель заявил, что США перестали быть главным союзником // <https://www.vesti.ru/article/4860066EC>
- [4] Является ли падение Европейского союза неизбежным? // <https://www.ir-press.ru/ru/2025/08/14/yavlyaetsya-li-padenie-evropejskogo-soyuza-neizbezhnym/?ysclid=mkkrs092mj353356469>
- [5] Евросоюз может потерять смысл своего существования, следует из доклада экс-главы ЕЦБ // <https://dzen.ru/a/ZuCuHx33LH3WYWbt?ysclid=mkkrj763f2321904795>
- [7] Эпичный скандал в Давосе. Сделайте глубокий вдох: Европа рвет отношения с США.

Брюссель взял курс на сближение с Москвой // <https://dzen.ru/a/aXlirdSrMzjMs1CC?ysclid=mkpobf8gj2272111439>

[8] Панина Е. Перспективы распада трансатлантической солидарности // <https://dzen.ru/a/Xy0DwZohziUZ11Z9>

[9] Лавров: Европа открыто готовится к большой войне против России // <https://www.kommersant.ru/doc/8195870?ysclid=mkpg792gcd753930442>

[10] Геополитический разлом на десятилетия: сможет ли Евросоюз вернуть доверие России // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26083305>

[11] Устойчивость развития и режимы с обострением // <https://cyberpedia.su/10xec4c.html?ysclid=mkksppkop1619712081>

References:

- [1] Choosing the path: an alternative to modern liberalism // https://ruskline.ru/news_rl/2010/9/23/vybor_puti_alternativa_sovrennomu_liberalizmu?ysclid=mkl0u33ve6914607975
- [2] Russia lost part of its sovereignty in the 90s, Putin said // <https://ria.ru/20211212/rossiya-1763349361.html?ysclid=mko2l95wqz742917045>
- [3] Putin: the West worked with the “fifth column” in Russia after the collapse of СССР // <https://www.ntv.ru/novosti/2804508/?ysclid=mkphpoaofy389860415>
- [4] Borrell stated that the United States has ceased to be the main ally // <https://www.vesti.ru/article/4860066EC>
- [4] Is the fall of the European Union inevitable? // <https://www.ir-press.ru/ru/2025/08/14/yavlyaetsya-li-padenie-evropejskogo-soyuza-neizbezhnym/?ysclid=mkkrs092mj353356469>
- [5] The European Union may lose the meaning of its existence, follows from the report of the ex-head of the ECB // <https://dzen.ru/a/ZuCuHx33LH3WYWbt?ysclid=mkkrj763f2321904795>
- [7] Epic Davos scandal. Take a deep breath: Europe is tearing up relations with the United States. Brussels headed for rapprochement with Moscow // <https://dzen.ru/a/aXlirdSrMzjMs1CC?ysclid=mkpobf8gj2272111439>
- [8] Panina E. Prospects for the collapse of transatlantic solidarity // <https://dzen.ru/a/Xy0DwZohziUZ11Z9>
- [9] Lavrov: Europe is openly preparing for a big war against Russia // <https://www.kommersant.ru/doc/8195870?ysclid=mkpg792gcd753930442>
- [10] Geopolitical fault for decades: will the European Union be able to regain Russia's trust // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26083305>
- [11] Developmental resilience and exacerbation regimes // <https://cyberpedia.su/10xec4c.html?ysclid=mkksppkop1619712081>

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-192-199

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики, бухгалтерского
учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: staheeva53@mail.ru

МАЛЬКОВА Юлия Вадимовна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики, бухгалтерского
учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета
e-mail: malkova0404@mail.ru

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: ethos08@mail.ru

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры
менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета
e-mail: nikolina73@yandex.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент, кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

ПИЛЬНИКОВ Леонид Николаевич,
старший преподаватель кафедры
техносферной и экологической безопасности
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: pilnikov960@mail.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ И СТРУКТУРА ПЕРСОНАЛА ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация. В статье рассматривается важность персонала для современного предприятия и сложности управления им. Описывается роль управления персоналом в успешном функционировании организации, включая принципы подбора, мотивации, продвижения и обучения сотрудников. Рассматривается структура персонала, включающая различные категории работников: рабочих и служащих. Уделяется внимание системному подходу к управлению человеческими ресурсами и влиянию управленческих решений на всю компанию. Представлена классификация персонала по категориям работников. Описываются четыре типовые модели карьерного роста: «лестница», «трамплин», «змея» и «перепутье», и рассматриваются последовательность этапов продвижения карьерного роста по модели «Лестница». Описано движение рабочей силы на предприятии, включая наем, обучение, мобильность и увольнение работников. Особое внимание уделяется трудовой силе как ключевому ресурсу, активно участвующему в экономической жизни страны. Уточняются понятия «рабочая сила» и «трудовые ресурсы» согласно международным стандартам, а также возрастные категории и состав рабочей силы.

Ключевые слова: управление персоналом, структура, рабочая сила, движение рабочей силы.

STAKHEEVA Lyubov Mikhailovna,
Ph.D. in Economics, Associate Professor,
Department of Economics, Accounting and Financial
Control Ural State Agrarian University

MALKOVA Yulia Vadimovna,
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Economics, Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

ZARUBINA Elena Vasilievna,
Ph.D., Associate Professor, Assistant Professor of Philosophy
Ural State Agrarian University

SIMACHKOVA Natalya Nikolaevna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department management and economic theory
Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov Vladimirovna,
PhD in Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

PILNIKOV Leonid Nikolaevich,
Senior Lecturer,
Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University

CLASSIFICATION AND STRUCTURE OF ENTERPRISE STAFF

Annotation. *This article examines the importance of personnel for a modern enterprise and the complexities of its management. It describes the role of personnel management in the successful functioning of an organization, including the principles of employee selection, motivation, promotion, and training. It examines the structure of personnel, including various categories of workers: blue-collar and white-collar. Attention is paid to a systems approach to human resource management and the impact of management decisions on the entire company. A classification of personnel by employee category is presented. Four typical career growth models are described: "ladder," "springboard," "snake," and "crossroads," and the sequence of career advancement stages according to the "ladder" model is examined. Workforce movement within an enterprise is described, including hiring, training, mobility, and dismissal of employees. Particular attention is paid to the workforce as a key resource actively involved in the economic life of the country. The concepts of "workforce" and "labor resources" are clarified according to international standards, as well as age categories and composition of the workforce.*

Key words: *personnel management, structure, workforce, workforce movement.*

Основная часть. Современное предприятие – это сложная система, где главную роль играет его персонал. Движение и структура этого важного ресурса, как трудовой силы, существенно влияют на успешное функционирование организации.

Управление персоналом – одна из сложнейших задач. Различные категории работников, начиная от топ-менеджеров и заканчивая исполнителями, составляют многоуровневую систему. В отличие от материальных активов, люди способны

принимать решения и оценивать требования, предъявляемые к ним.

Каждый член коллектива имеет свои интересы и реагирует на управленческие воздействия по-своему. Современное управление персоналом уделяет особое внимание личности сотрудника, его мотивации и способности формировать и корректировать их в соответствии с целями компании. Важно удовлетворять не только материальные, но и социальные потребности сотрудников [4, 8].

Принципы управления основаны на подборе персонала по деловым и личностным качествам. Хороший работник должен иметь знания, соответствующие области работы, быть разборчивым и ответственным. Руководство должно подбирать сотрудников, сочетая опытных и молодых для передачи знаний, поддерживать соревновательный дух за руководящие должности, проводить обучение с целью повышения квалификации, а также доверять своим сотрудникам и защищать их права.

Управление человеческими ресурсами требует системного подхода, где все аспекты формирования и управления кадрами компании должны быть гармонизированы: от подбора персонала и размещения, до обучения работников и повышения их квалификации, а также отбора и трудоустройства [11].

Каждое управленческое действие оказывает воздействие как непосредственно, так и косвенно на другие аспекты. Изменения в одном сегменте организации неизбежно вызывают изменения в других, что в конечном итоге влияет на всю компанию. Поэтому при принятии решений каждый

руководитель должен учитывать их влияние на общие результаты, а главная задача менеджмента заключается в объединении элементов организации и поиске способов сохранения ее целостности [7. с.1100].

Структура персонала включает в себя не только количество и квалификацию сотрудников, но и организационную иерархию, распределение обязанностей и ответственности, а также взаимодействие между различными подразделениями и уровнями управления.

Системный анализ рассматривает персонал как систему взаимосвязанных структур, разделяя их на категории по различным признакам. В литературе предложено много классификаций, основанных на разнообразии профессий и должностей, различного возраста сотрудников, существующего опыта в управлении и прочее. Базовой является предложенная в 1980-х годах постановлением Госкомтруда СССР, предусматривающая выделение двух основных частей персонала по участию в процессе производства: рабочие и служащие (рис. 1), [1].

Рисунок 1. Классификация персонала организации.

Рабочие – это сотрудники, основная роль которых в производстве является выполнение физического труда. Данную категорию подразделяют на сотрудников, непосредственно участвующих в процессе производства, а также на персонал, обслуживающий машины и оборудование, рабочие места основных и вспомогательных подразделений. На производстве большая часть процессов основана на физическом труде: прием, хранение и использование сырья и материалов, непосредственное производство продукции, его сбыт, а также сервисное обслуживание технологических линий и транспорта.

Другой основной категорией являются сотрудники, которые занимаются организацией и

управлением рабочего процесса, их работа основана на интеллектуальном труде. В обязанности служащих входит предпроизводственная подготовка, контроль выполнения производственных процессов, а также сотрудничество с различными организациями по поставке сырья, оборудования, а также сбыта готовой продукции. В предпроизводственную подготовку входит разработка стратегий, управленческих решений в организации производственного процесса, оптимизации труда, а также проведение анализа жалоб и предложений сотрудников по организации технологического процесса [3.с.356].

По уровню ответственности служащие подразделяются на высший, средний и низший персо-

нал. К персоналу, несущему высший уровень ответственности, относятся руководители организации, к среднему уровню относятся руководители подразделений, к низшему – служащие, работающие непосредственно с исполнителями. Все административные работники, выполняющие вспомогательные управленческие функции, (сотрудники кадровых служб) также относятся к руководителям, включая их заместителей.

К служащим также относятся сотрудники, которые занимаются решением производственных и управленческих вопросов – экономисты, юристы, инженеры и их помощники. Их работа заключается в интеллектуальной деятельности по внедрению новых знаний и технологий в производство.

Технические исполнители – третья группа сотрудников, относящихся к служащим. Вся подготовительная работа, документооборот и прочее – их зона ответственности. Это могут быть

кассиры, архивариусы, делопроизводители и другие сотрудники [6; 10.с.114].

Существует также деление сотрудников на производственный и непроизводственный персонал. Производственный персонал – это сотрудники, которые занимаются непосредственной деятельностью на производстве, связанной с выпуском продукции или предоставляющей услуги. К данной категории относятся все рабочие производства, обслуживающий персонал, пожарная и сторожевая охрана.

К непроизводственному персоналу относятся сотрудники, занятые обслуживанием транспорта, жилищно-коммунального хозяйства, а также сотрудники социального обеспечения.

Персонал предприятия является ключевым элементом слаженной работы. Зона ответственности каждого сотрудника определяется его должностью и ее местоположением в структуре (рис. 2).

Рисунок 2. Структура персонала.

Организационная структура подразумевает управление всеми структурными подразделениями предприятия. Функциональное – распределение обязанностей между сотрудниками и их отделами, а также контроль за выполнением обязанностей со стороны руководства. Ролевая структура оценивает участие сотрудников в творческой

деятельности, коммуникациям среди различных отделов. Штатная структура определяет состав подразделений, список существующих должностей, размеры окладов и фонд оплаты труда. Социальная структура подразделяет сотрудников по социальным параметрам: полу, возрасту, образованию, квалификации и прочее.

Разные авторы выделяют разные признаки для классификации персонала. Например, А.П. Егоршин доктор экономических наук, профессор (НИМБ), считает, что полная социальная структура может быть разделена на несколько признаков: пол, возраст, стаж работы, образование, национальность, прогрессивность, социальное происхождение, семейное положение, мотивация труда, уровень жизни [2].

По мнению авторов наибольшее значение в управлении персоналом имеют: прогрессивность, семейное положение, мотивация труда, уровень жизни.

Классификация сотрудников по различным признакам позволяет объединить экономический ресурс организации с индивидуальными особенностями личности сотрудников. Такой анализ обеспечивает повышение результативности в работе, объединяя сотрудников, схожих по уровню образования и знаний. Анализ профессионально-квалификационной структуры проводится не только на основе уровня образования (высшее, среднее профессиональное и прочее) и квалификации, но и на основе соответствия данного образования уровню знаний и опыта в данной сфере. Большую роль играет изучение соответствия уровня знаний требованиям рабочего места и вопросы обучения и повышения квалификации работников. Качество рабочей силы влияет на производительность труда, высококвалифицированные работники могут выполнять более сложные задачи, что приводит к более высокому качеству продукции и услуг [9, с. 227].

Также огромную роль играют индивидуальные особенности сотрудников. Так, сотрудники, заинтересованные в творческой деятельности, находят больше общих интересов и эффективнее выполняют свои обязанности, поскольку такие

работники стремятся к карьерному росту, к достижению своих личных целей, и целей организации [6].

А.П. Егоршин описывает четыре типовые модели карьеры: «лестница», «трамплин», «змея» и «перепутье» [12]:

Лестница. Предусматривает последовательное прохождение этапов служебной иерархии по ступенькам – фиксированное время занимаемой должности работника не более 5 лет.

Трамплин. Определяется с постепенным ростом потенциала работника, длительным подъёмом по служебной лестнице в результате приобретения знаний, опыта и квалификации

Змея. Предусматривает постоянную ротацию кадров в аппарате управления. в каждой должности специалист пребывает, как правило, не более 1–2 лет.

Перепутье. Предполагает пребывание работающего по трудовому договору в форме контракта сроком на 5 лет, с последующим прохождением комплексной аттестации, включая оценку потенциала, по результатам которой принимается решение о его повышении, перемещении или понижении в должности.

По мнению других авторов, многообразие вариантов деловой карьеры как процесса перехода со ступени на ступень получается за счет сочетания пяти основных моделей, выше рассматриваемым моделям добавляется модель «Карусель».

Карусель. Предполагает временную ротацию работника в пределах организации на другую должность или в другое подразделение, где ему приходится выполнять обязанности, отличающиеся от прежних работ [14].

На рисунке 3 представлена модель карьерного роста «Лестница»

Рисунок 3. Модель карьерного роста «лестница» [12].

Как видно из рисунка после занятия верхней должности начинается планомерный спуск по служебной лестнице с выполнением менее интенсивной работы, не требующей принятия сложных решений в экстремальных ситуациях, руководства большим коллективом. Чаще всего бывший руководитель и специалист может быть задействован в качестве консультанта, советника и т.п. Также в этой модели присутствуют факторы, которые способствуют ограничению вертикального роста:

- отсутствие свободных руководящих должностей в компании;
- необходимость дополнительных знаний, опыта для перехода на более высокую должность;
- боязнь человека к новому, где всё незнакомо и опасно;
- нежелание брать ответственность на себя за действия другого человека, предпочтение оставаться в роли исполнителя;
- неумение подать себя, если о достижениях сотрудника никто не знает, роста не будет;
- отказ от обучения, не желание сотрудника постоянно мониторить и обновлять навыки.
- пассивность, ожидание, что о карьере позаботится кто – то другой, оттягивает рост.

Движение рабочей силы на предприятии – это непрерывный процесс, охватывающий наем новых сотрудников, обучение и профессиональное развитие персонала, мобильность и повышение квалификации, а также увольнения и переходы между должностями. Этот процесс напрямую влияет на эффективность деятельности организации и конкурентоспособность на рынке.

Под движением рабочей силы обычно понимаются сложные социально-экономические и биологические процессы, в результате которых происходят изменения как количественных, так и качественных характеристик персонала. В узком смысле под движением рабочей силы понимается перемещение работников между рабочими местами.

Обычно разнообразие динамики выражается четырьмя формами: 1) социальная мобильность; 2) территориальная мобильность; 3) движение, связанное с трудовой деятельностью; 4) естественное движение.

Социальная мобильность представляет собой изменение места индивида в социальной структуре общества, переход из одного социального слоя в другой. Социальный слой определяется по таким признакам, как доходы, престиж, уровень образования и другие.

Территориальная мобильность означает перемещение работников между различными регионами или внутри одного региона. Часто тер-

риториальная мобильность сочетается с другими формами движения, так как изменение рабочего места обычно сопровождается изменением профессии и должности.

Эффективности трудовой деятельности.

Движение, связанное с трудовой деятельностью, включает в себя перемещения работников относительно рабочих мест и изменение их профессионально-квалификационных характеристик в процессе работы. Эти процессы могут происходить как внутри одного предприятия, так и между предприятиями одной отрасли или различными отраслями.

Естественное движение является следствием биологических процессов человека, в первую очередь изменения возрастных характеристик работников. Естественное движение является самостоятельным и не зависит от воли людей, не поддается целенаправленному контролю [5].

Особенность ресурса «трудовая сила» заключается в том, что люди не просто выполняют задания, а являются активными участниками процесса создания ценности для компании. Именно поэтому эффективное управление персоналом становится одним из ключевых факторов успеха любого бизнеса.

В мировых экономических теориях и статистических данных понятие «экономически активное население» часто заменяется термином «трудовая сила», который охватывает работающих людей старше 16 лет, независимо от того, имеют ли они работу, активно ищут ее или ждут возможности трудоустройства после увольнения.

В России (согласно международным стандартам) обследуемым возрастом при проведении обследования рабочей силы является возраст 15-72 года, основным показателем является численность трудоспособного населения. Трудовые ресурсы включают всех, кто способен работать, в то время как трудовая сила представляет собой активную часть этого населения.

Рабочая сила охватывает лиц в возрасте 15-72 лет, которые либо заняты, либо безработные в рассматриваемый период. Это ключевая часть общества, реально участвующая в экономической жизни страны и формирующая ее результаты. Рабочая сила состоит из двух категорий: работающие и безработные. Лица, не входящие в эту группу, – это люди 15-72 лет, которые не считаются ни занятыми, ни безработными в данный период времени.

Таким образом, карьерная лестница - это инструмент, помогающий сотрудникам видеть перспективы и двигаться к профессиональным целям, а компаниям создавать условия для удержания

жания и мотивации талантов персонала. Управление персоналом представляет собой сложную задачу, требующую системного подхода и учета различных факторов, связанных с личностью сотрудника, его мотивацией и способностями. Принципы управления персоналом включают в себя подбор персонала, мотивацию, продвижение, обучение и защиту прав работников. Структура персонала организации включает в себя не только количество и квалификацию сотрудников, но и организационную иерархию, распределение обязанностей и ответственности. Движение рабочей силы на предприятии включает наем, обучение, мобильность и увольнения работников, оказывая прямое влияние на эффективность деятельности организации. Рабочая сила представляет собой ключевой ресурс, активно участвующий в создании ценности для компании.

Список литературы:

- [1] Постановление Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС от 29.04.1980 N 111/8-51 «Об утверждении Положения о порядке и условиях применения труда женщин, имеющих детей и работающих неполное рабочее время» с последними изменениями.
- [2] Егоршин А.П. Управление персоналом : учебник для вузов / А. П. Егоршин. — 7-е изд., доп. и перераб.. — Нижний Новгород : НИМБ, 2010. — 1100 с.
- [3] Горбунова О.С., Стахеева Л.М., Малькова Ю.В., Пильникова И.Ф., Петрякова С.В. Кадровый потенциал организаций аграрной сферы и порядок проведения его оценки // Образование и право. 2022. № 5. С. 356-361.
- [4] Задорова Т.В. Оценка эффективности системы мотивации персонала организации / Т. В. Задорова, С. А. Шигильчева, Т. А. Богатова // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. — 2021. — № 4. — С. 559-566.
- [5] Кузнецов В.И. О движении персонала (статистические аспекты) / В.И. Кузнецов // Статистика и экономика. — 2007. — №4.
- [6] Кутлунин Е.А. Структура персонала организации и методы ее анализа / Е.А. Кутлунин // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. — 2004. — №2.
- [7] Никулина Н.Л. Системность как основа управления персоналом современной организации / Н.Л. Никулина // Актуальные вопросы экономических наук. — 2014. — №37.
- [8] Петрякова С.В., Горбунова О.С., Стахеева Л.М., Фатеева Н.Б. Совершенствование отбора персонала // Образование и право. 2020. № 2. С. 232-235.
- [9] Стахеева Л.М., Горбунова О.С., Малькова Ю.В. Производительность труда на предприятии // В сборнике: Современная аграрная экономика:

вопросы теории и практики. Материалы Всероссийской национальной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2022. С. 227-232.

[10] Рябова Т. Г. Управление персоналом : учебное пособие / Т. Г. Рябова, С. О. Медведев, А. В. Рубинская. — Красноярск : СибГУ им. академика М. Ф. Решетнёва, 2018. — 114 с.

[11] Управление персоналом организации: современные стратегии, технологии и методы. // [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.iteam.ru/upravlenie-personalom-organizatsii-sovremennye-strategii-tehnologii-i-metody/> (дата обращения: 21.02.2026).

[12] Основные модели и стратегии карьеры. // КиберПедия. URL: <https://cyberpedia.su/10xf7b7.html/organizatsii> (дата обращения: 21.02.2026).

[13] Модели и стратегии карьеры // [Электронный ресурс] URL: <https://helpiks.org/7-93286.html> (дата обращения: 21.02.2026).

[14] Перемещения, деловая карьера, работа с кадровым резервом // [Электронный ресурс] URL: <https://lektsii.org/8-19929.html> (дата обращения: 21.02.2026).

References:

- [1] Resolution of the State Committee on Labor of the USSR, Secretariat of the All-Union Central Council of Trade Unions of April 29, 1980 No. 111/8-51 "On Approval of the Regulation on the Procedure and Conditions for Employing Women with Children and Working Part-Time" with the latest amendments.
- [2] Egorshin, A.P. Personnel Management: a textbook for universities / A.P. Egorshin. - 7th ed., supplemented and revised. - Nizhny Novgorod: NIMB, 2010. - 1100 p.
- [3] Gorbunova, O.S., Stakheeva, L.M., Malkova, Yu.V., Pilnikova, I.F., Petryakova, S.V. Personnel Potential of Agricultural Organizations and the Procedure for Assessing It // Education and Law. 2022. No. 5. pp. 356-361.
- [4] Zadorova T.V. Evaluation of the effectiveness of the personnel motivation system of an organization / T. V. Zadorova, S. A. Shigilcheva, T. A. Bogatova // Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law. - 2021. - No. 4. - P. 559-566.
- [5] Kuznetsov V.I. On personnel movement (statistical aspects) / V.I. Kuznetsov // Statistics and Economics. - 2007. - No. 4.
- [6] Kutlunin E.A. Personnel structure of an organization and methods of its analysis / E.A. Kutlunin // Bulletin of Omsk State University. Series: Economics. - 2004. - No. 2.
- [7] Nikulina N.L. Systematicity as a basis for personnel management of a modern organization / N.L. Nikulina // Current issues in economic sciences. — 2014. — №37.

[8] Petryakova S.V., Gorbunova O.S., Stakheeva L.M., Fateeva N.B. Improving personnel selection // Education and Law. 2020. No. 2. Pp. 232-235.

[9] Stakheeva L.M., Gorbunova O.S., Malkova Yu.V. Labor productivity at the enterprise // In the collection: Modern agrarian economy: issues of theory and practice. Proceedings of the All-Russian national scientific and practical conference. Ekaterinburg, 2022. Pp. 227-232.

[10] Ryabova T.G. Personnel management: a textbook / T.G. Ryabova, S.O. Medvedev, A.V. Rubinskaya. — Krasnoyarsk: Siberian State University named after Academician M. F. Reshetnev, 2018. - 114 p.

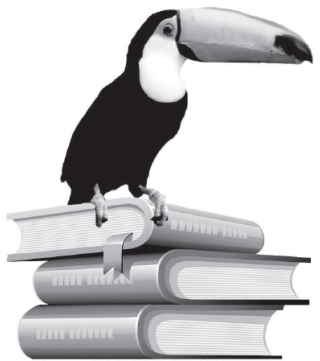
[11] Human Resource Management in an Organization: Modern Strategies, Technologies, and Methods. // [Electronic resource]. URL: <https://blog.iteam.ru/upravlenie-personalom-organizatsii-sovremennye-strategii-tehnologii-i-metody/> (accessed: 21.02.2026).

[12] Basic Career Models and Strategies. // CyberPedia. URL: <https://cyberpedia.su/10xf7b7.html> (accessed: 21.02.2026).

[13] Career Models and Strategies // [Electronic resource] URL: <https://helpiks.org/7-93286.html> (accessed: 21.02.2026).

[14] Transfers, business career, work with personnel reserve // [Electronic resource] URL: <https://lektcii.org/8-19929.html> (date accessed: 02/21/2026).

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-200-205

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,
доктор экономических наук, кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства Российской Федерации
в области науки и техники,
лауреат премии Правительства Российской Федерации
в области образования
e-mail: office@unity-dana.ru

КАЛАМКАРЯН Рубен Амаякович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
Лауреат премии имени Ф.Ф. Мартенса Президиума
Российской Академии наук (2007)
e-mail: p4mp@yandex.ru

МИГАЧЕВ Юрий Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры административного права и процесса
имени Л.Л. Попова Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: jimigachev@msal.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ КАК АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОРГАН ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОПОРЯДКА

Аннотация. В статье представлен анализ позиционирования Международного Суда ООН в качестве главного судебного органа Организации Объединенных Наций и его ключевой роли в обеспечении международного правосудия в рамках современного миропорядка, основанного на верховенстве права (Rule of Law). Авторы подчеркивают, что эволюция международного права из права координации в право мирового сообщества с вертикально действующей моделью потребовала создания действенного институционального механизма его обеспечения, каковым и выступил Международный Суд ООН. В работе прослеживается исторический контекст становления международных судебных институтов – от смешанных комиссий конца XVIII века до Постоянной палаты международного правосудия и современного Суда ООН – и обосновывается, что их создание было обусловлено фундаментальным принципом *Nemo iudex in re sua* (никто не может быть судьей в своем деле). Особое внимание уделяется миссии Суда по обеспечению юридической безопасности государств через беспристрастное разрешение споров, обязательную юрисдикцию и запрет *pop liquet*, что способствует предсказуемости, взаимному доверию и стабильности международных отношений. Делается вывод о том, что Международный Суд ООН, выступая

органом не только применения, но и прогрессивного развития международного права, вносит существенный вклад в поддержание целостности правовой системы и утверждение верховенства права в мировом масштабе.

Ключевые слова: Международный суд ООН, международный правопорядок, международное правосудие, верховенство права, целостность системы международного права.

ERIASHVILI Nodari Darchoevich,
Doctor of Economics, Candidate of Law,
Candidate of Historical Sciences, Professor,
Professor of the Department of Civil and Labor Law and Civil Procedure
at the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Honorary Worker of the Russian Federation in Education,
Laureate of the Russian Federation Government Prize in Science and Technology,
Laureate of the Russian Federation Government Prize in Education

KALAMKARYAN Ruben Amayakovich,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Human Rights and International Law
at the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Laureate of the F.F. Martens Prize of the Presidium
of the Russian Academy of Sciences (2007)

MIGACHEV Yuri Ivanovich,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Administrative Law and Procedure
named after L.L. Popov, Moscow State Law University
named after O.E. Kutafin (MSAL)

THE INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE OF THE UNITED NATIONS AS AN ADMINISTRATIVE AND LEGAL BODY FOR ENSURING INTERNATIONAL LAW AND ORDER

Annotation. The article presents an analysis of the positioning of the International Court of Justice as the main judicial body of the United Nations and its key role in ensuring international justice within the framework of the modern Rule of Law world order. The authors emphasize that the evolution of international law from the law of coordination to the law of the world community with a vertically operating model required the creation of an effective institutional mechanism to ensure it, which was adopted by the International Court of Justice. The paper traces the historical context of the formation of international judicial institutions – from the mixed commissions of the late 18th century to the Permanent Court of International Justice and the modern UN Court – and proves that their creation was conditioned by the fundamental principle of *Nemo iudex in re sua* (no one can be a judge in their own case). Special attention is paid to the Court's mission to ensure the legal security of States through impartial dispute resolution, mandatory jurisdiction and prohibition of non-liquid, which contributes to predictability, mutual trust and stability of international relations. It is concluded that the International Court of Justice, acting as a body not only for the application but also for the progressive development of international law, makes a significant contribution to maintaining the integrity of the legal system and the establishment of the rule of law on a global scale.

Key words: International Court of Justice of the United Nations, international legal order, international justice, rule of law, integrity of the international law system.

Позиционирование Международного суда Организации Объединенных Наций как главного судебного органа ООН обозначено объективной констатацией статуса Международного суда Организации Объеди-

ненных Наций в качестве административно-правового органа по обеспечению международного правосудия на пространстве современного миропорядка с целью поддержания законности и целостности системы международного права.

Миропорядок на основе верховенства права Rule of Law предусматривает упорядоченный (в рамках международно-правовых предписаний должного поведения) режим взаимодействия членов мирового сообщества в целях достижения общих целей человечества, как они обозначены в Уставе Организации Объединенных Наций.

Международное право как основа современного миропорядка по факту учреждения ООН прошло этапность своего горизонтального регулятивного воздействия в параметрах права координации. Из права, действующего исключительно в режиме координат взаимообразного общения государств, современное международное право приобрело качество права мирового сообщества с вертикально действующей (сверху-вниз, по всему субъектному составу участников), институционно-обустроенной (наличие системы ООН с упорядоченной структурой главных и вспомогательных органов) моделью бытия.

Обретя новое качество, международное право показало потребность в своем обеспечении, но уже в новом формате, как право мирового сообщества. Международный суд, будучи заявлен как главный судебный орган ООН, доказал своей практической деятельностью, что он успешно справляется с поставленной перед ним задачей по обеспечению права.

Позиционирование Международного суда в качестве органа по обеспечению права показывает себя через признанное за ним место в системе разрешения споров между государствами. В миропорядке на основе верховенства права споры между государствами (независимо от их формального деления на правовые и политические) подлежат быть урегулированы через Международный суд.

Международное право, будучи целостной и законченной системой права, создает все условия для решения Международным судом всех переданных ему дел. В развитие принципа запрета non-liquet суд как орган правосудия не может отказаться вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права. И Международный суд в полном соответствии с возложенной на него миссией по отправлению правосудия всецело олицетворяет в своем лице вершителя справедливости в общемировом масштабе.

Становление международных судебных институтов в их настоящем виде напрямую связано с развитием международно-правовой системы, частью которой они являются. До учреждения в 1797 г. первого органа международного правосудия (в рамках дела Бетси, Betsey Case) в лице англо-американских смешанных комиссий международное право по существу находилось в рамках права природы (Law of Nature), где спра-

ведливость достигалась исключительно и только через природу. А это в общепринятом понятии означало открытие военных действий, которые призваны быть осуществляемые согласно действовавшему на тот период международному праву. Международное право показывало свою «цивилизованность» через регулирование способов и методов ведения военных операций. На этом его функции исчерпывались.

С учреждением в 1920 г. первого действовавшего в постоянном режиме судебного органа (в лице Постоянной палаты международного правосудия) мировое сообщество обрело институт, призванный придать международному праву характер целостной по форме и законченной по содержанию системы. С действенным механизмом по обеспечению права и уже под новым обозначением именно как «право суд» (Law of Court) вместо прежнего обозначения как «право природы» (Law of Nature). Парижский договор 1928г. об отказе от обращения к войне в качестве орудия национальной политики проявил себя, как «политическая» составляющая качественно нового мирового порядка, где международное право призвано было быть основным и единственным способом разрешения споров между государствами.

Создание институционно-правовой системы ООН, знаменовавшей собой переход международного права из права координации в формат права мирового сообщества, обозначило режим верховенства права в качестве реально действующего юридического фундамента международных отношений (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.).

Международный суд в рамках институционно-правовой системы ООН выступает тем органом, который через разрешение споров не только содействует (как это воспринимается в общеизвестном порядке) поддержанию международного мира и безопасности, но и реально обеспечивает право, предписывая направления должного поведения государств по результатам переданного в суд конкретного дела.

В порядке выполнения своей функции по обеспечению права Международный суд через применение всей источниковой базы Международного суда (ст. 38 Статута суда) проводит толкование международного права и осуществляет свою не менее важную роль (по сравнению с ролью органа по обеспечению права), которая заключается в прогрессивном развитии международного права и его институтов.

Представленное исследование написано на основе и с учетом уже имеющегося академического потенциала работ российских и зарубежных ученых по проблематике деятельности международных судебно-арбитражных институтов, куда

входят имена таких юристов, как Л. Камаровский, А.Н. Стоянов, Ф. Мартенс, С.Б. Крылов, Н.Н. Полянский, Ф.И. Кожевников, Г.В. Шармазанов, А.М. Ладыженский, И.П. Блищенко, В.М. Шуршалов, А.Л. Колодкин, Н.А. Ушаков, А.Я. Капустин, Д.Б. Левин, Г.П. Жуков, М.И. Лазарев, В.С. Верещетин, А.Н. Вылегжанин, Ю.М. Колосов, Е.Т. Усенко, А.А. Ковалев, С.В. Черниченко, К.А. Бекашев, Ч.Ч. Хайд, Л. Оппенгейм, Ш. Розенн, Б.Ченг, Х. Логутерпахт, Э. Хамбро, Я. Броунли, Г. Шванцербергер, М. Хаусон. Новационный авторский вклад в развитие науки международной юриспруденции обозначен показом значимости Международного суда в деле построения миропорядка на основе верховенства права Rule of Law. Концептуальный позитив работы заявлен в плане востребованности продвижения постулатов должного поведения в формате верховенства права в систему современных международных отношений. Потенциальный практический позитив от установления постулатов верховенства права в рамках межгосударственного взаимодействия, взаимного доверия и юридической безопасности в общих параметрах членского состава мирового сообщества. Предсказуемость в поведении государства здесь понимается как востребованность придерживаться определенной (выбранной в рамках правовой свободы) международно-правовой позиции с обязательной нотификацией возможных ее изменений по обстоятельствам возникающих негативных последствий для других государств, добросовестно доверившихся поведению первого государства. Режим взаимного доверия здесь обеспечивается через строгое соблюдение всеми государствами - членами мирового сообщества в своем поведении требований, устанавливаемых принципом добросовестности. Предсказуемость с выходом на обеспечение взаимного доверия предметно ориентированы на достижение юридической безопасности государств с ее комплексным набором субъективных прав и законных интересов каждого члена мирового сообщества.

Включенность Международного суда как институционно-правового органа международного правосудия определяется его предметной ролью в деле поддержания общего режима юридической безопасности всех государств. Выход какого-либо из государств из общего режима юридической безопасности (как результат прямого нарушения права или недобросовестного его соблюдения) с прямыми последствиями нанесения ущерба субъективным правам и законным интересам другого государства призван по факту возникшего спора быть рассмотрен судом в рамках переданного ему дела.

По обстоятельствам переданного ему дела Международный суд как орган международного

правосудия принимает дело к производству и просто обязан представить соответствующее по нему решение. Суд не может отказаться вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права. Через процедуру вынесения решения Международный суд подтверждает свое качество институционного органа по обеспечению права в формате мирового сообщества на основе верховенства права.

Образование международных судебно-арбитражных органов явилось логическим следствием заинтересованности членов мирового сообщества обеспечить независимое и беспристрастное разбирательство дела, сторонами которого они являются.

Имманентно присущее каждому государству стремление осуществить соблюдение международного права как целостной и законченной системы права (и, конкретно, намерение государства поддержать в должном режиме свою юридическую безопасность) может в специальных случаях вполне естественно выливаться в спор, требующий своего разрешения.

А поскольку справедливое, вынесенное на основе международного права, решение может быть достигнуто только на условиях независимости и беспристрастности, то поэтому для мирового сообщества (на каком-то этапе его развития) стало востребованным создать орган, который бы выполнял миссию «вершителя» правосудия.

Именно так, по обстоятельствам предметной востребованности, пройдя исторические этапы своего становления, конституировался ныне признанный институт международного правосудия в лице Международного суда ООН. Имеющие свою юридическую значимость даты формирования международных судебно-арбитражных органов начинают свое развитие с момента создания в 1794г. англо-американских смешанных комиссий, далее следует отметить учреждение Постоянной палаты третейского суда (1902г.) и Постоянной палаты международного правосудия (1920г.). Действующий на основе международного права Международный суд явился олицетворением прямой заинтересованности государств решать возникающие между ними споры на основе независимости и беспристрастности.

Таким образом, общепринятым фактором при создании международных судебно-арбитражных органов показало себя всеобщее понимание того, что никто не может быть судьей в своем собственном деле. Принцип *Nemo Debet Esse Judex In Propria Sua Causa* и в сокращенном выражении *Nemo Judex In Re Sua* справедливо признан наукой [1] и практикой международного права (например, консультативное заключение Постоянной палаты международного правосудия 1925г. по делу Мосул). [2]

Международно-правовое значение принципа *Nemo Debet Esse Judex In Propria Sua Causa* (*Nemo Judex In Re Sua*) в плане содействия формирования органов международного правосудия изначально себя проявило уже в ходе проведения первого института международной юстиции в лице смешанных Англо-американских комиссий (1794-1797 гг.: дело Бетси, *Betsey Case*).

Показательный характер обозначенного юридического факта определяет себя по существу предмета исследования. Выдвигаемые в состав арбитражного суда национальные судьи после образования суда прекращали свою фактическую связь со своим государством и становились уже в юридическом плане судьями для обеих вовлеченных в дело сторон. Именно в таком направлении проявлял себя принцип *Nemo Debet Esse Judex In Propria Sua Causa* (*Nemo Judex In Re Sua*). Международное правосудие беспристрастно и призвано добиваться справедливости в своем реальном качестве.

Международный суд, обладая всеми преимуществами постоянно действующего органа (согласно ст. 1 Статута суда он учрежден в качестве главного судебного органа ООН), отвечает полностью требуемому для органа международного правосудия критерию беспристрастности. Международный суд, будучи коллегией независимых судей, избранных вне зависимости от их гражданства, с признанным авторитетом в области международного права, ориентирован на достижение справедливости в процессе решения переданных ему дел. И эта справедливость, лишённая своего формализованного понимания, проявляет себя в реальном режиме миропорядка на основе верховенства права.

Позитив права в плане обеспечения беспристрастного разбирательства в ходе процесса по отправлению международного правосудия поддерживается через предусмотренную возможность избрать одной стороной для участия в присутствии в качестве судьи лицо по своему выбору при обстоятельствах нахождения в составе судебного присутствия судьи – гражданина другой стороны. Регулятивная направленность действия принципа *Nemo Debet Esse Judex In Propria Sua Causa* (*Nemo Judex In Re Sua*) в деле обеспечения беспристрастности международного правосудия (в рамках Международного суда) достигается посредством установления возможности для каждой из сторон избрать для участия в присутствии в качестве судьи лицо по своему выбору в ситуации отсутствия в составе судебного присутствия ни одного судьи – гражданина какой-либо из сторон (п. 1,2 ст. 31 Статута суда).

Международный судебный процесс, как он представлен в рамках деятельности Международного суда, представляет собой целостный по форме и законченный по содержанию институт. Первое. Международный суд как авторитетный орган международного правосудия – главный судебный орган ООН знает права (*Jura novit curia*): он решает переданное ему дело через применение всей источниковой базы международного права или на основе справедливости (*ex aequo et bono*) при наличии на этот счет соответствующего согласия сторон. Второе. Международный суд как орган правосудия не может отказаться вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению норм права (запрет *non liquet*). Третье. Суд выносит свое решение в рамках переданного ему дела исключительно и только на основе юридического равенства сторон (*audiatur et altera pars*). Четвертое. Международный суд как независимый и беспристрастный орган международного правосудия представляет собой в историко-правовом масштабе воплощение в реальности всеобщего восприятия того, что никто не может быть судьей в своем собственном деле (*Nemo Debet Esse Judex In Propria Sua Causa*, *Nemo Judex In Re Sua*). Пятое. Вынесенное Международным судом решение находится в режиме юридической обязательности для сторон по данному делу (*res judicata*). Шестое. В рамках осуществляемого в Международном суде судопроизводства (письменного и устного) каждая сторона должна представить согласно установленным судом формам и срокам свои доводы по делу и весь набор доказательств (устных и письменных). При обстоятельствах неявки одной стороны в суд и не представления ею своих доводов Международный суд может (при наличии на этот счет просьбы другой стороны) разрешить дело в ее пользу (*Actore non probante reus absolvitur*). Юридическим основанием для суда при удовлетворении ходатайства соответствующей стороны является обязанность суда удостовериться в подсудности ему дела и определить, насколько данное притязание имеет достаточное фактическое и правовое обоснование.

Соединяя в себе все обозначенные здесь признаки независимого и беспристрастного органа международного правосудия, Международный суд в полной мере осуществляет возложенные на него задачи по содействию построению миропорядка на основе верховенства права *Rule of Law*.

Показательное позиционирование Международного суда Организации Объединенных Наций как главного судебного органа ООН определяется задачей обеспечения юридической безопасности

(совокупность субъективных прав и законных интересов) всего субъектного состава мирового сообщества. Позитив правоприменительной практики мирового сообщества в параметрах включенности Международного суда Организации Объединенных Наций как главного судебного органа ООН обозначен содействием поступательному развитию системы современных международных правоотношений.

Список литературы:

[1] См., например, Cheng B. The General Principles of Law as Applied by International Courts

and Tribunals. London, 1953, P. 258, 279-289; International Law. Being the Collected Papers of H. Lauterpacht. Cambridge, 1970. Vol.1. P.236, 245, 252.

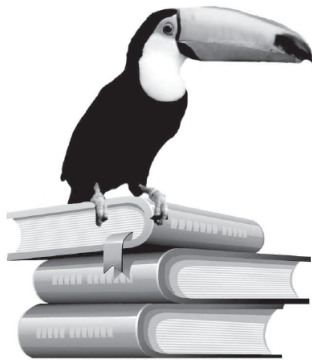
[2] P.C.I.J. Series B. N.12. P.32.

References:

[1] For example, Cheng B. The General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. London, 1953, pp. 258, 279-289; International Law. Being the Collected Papers of H. Lauterpacht. Cambridge, 1970. Vol.1. P.236, 245, 252.

[2] P.C.I.J. Series B. N.12. P.32.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-206-209

АСКЕРОВА Диана Салмановна,
Магистрант 2 курса, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: askerova.diana.law@gmail.com

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОБОРОТА ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ В РОССИИ И КНР

Аннотация. В статье проводится сравнительный ретроспективный анализ оборота жилой недвижимости в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Цель исследования стало выявление общих тенденций, национальных особенностей и ключевых этапов становления современных рынков жилья в обеих странах. Методология основана на сравнительно-правовом и историческом подходах, анализе статистических данных и нормативно-правовых актов, регулирующих жилищные отношения. В ходе исследования были выявлены и сопоставлены базовые модели перехода от планово-распределительной системы к рыночным механизмам в сфере жилой недвижимости, произошедшие в России в 1990-е годы и в Китае в рамках политики «реформ и открытости». Особое внимание уделяется анализу эволюции права собственности и роли государства в регулировании рынка. Установлено, что, несмотря на исходное сходство социалистических правовых систем, пути формирования рынков жилья существенно разошлись под влиянием национального законодательства, экономической политики и социальных факторов. В результате исследования автор приходит к выводу, что, несмотря на общее исходное наследие, модели оборота жилой недвижимости в России и Китае кардинально разошлись. Российский рынок характеризуется высокой степенью либерализации и сформировавшейся частной собственностью, но страдает от цикличности и недостатка долгосрочных стратегий. Китайский рынок представляет собой уникальный гибрид рыночных механизмов и государственного планирования, демонстрирующий высокие темпы роста, но также несущий в себе специфические системные риски, связанные с долговой нагрузкой и административным контролем. Ретроспективный анализ позволяет не только объяснить текущие структурные различия, но и прогнозировать потенциальные траектории развития обоих рынков в контексте глобальных экономических изменений.

Ключевые слова: жилищная реформа, право собственности, приватизация, сравнительный анализ.

ASKEROVA Diana Salmanovna,
2nd year Master's student, Financial University
under the Government of the Russian Federation

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE RESIDENTIAL REAL ESTATE TURNOVER IN RUSSIA AND CHINA

Annotation. The article presents a comparative retrospective analysis of the residential real estate market in the Russian Federation and the People's Republic of China. The aim of the research is to identify common trends, national specificities, and key stages in the formation of modern housing markets in both countries. The methodology is based on comparative legal and historical approaches, analysis of statistical data, and regulatory legal acts governing housing relations.

The study identifies and compares the fundamental models of transition from a planned-distribution system to market mechanisms in the residential real estate sector, which occurred in Russia in the 1990s and in China within the framework of the "reform and opening-up" policy. Particular attention is paid to the analysis of the evolution of property rights and the role of the state in market regulation. It is established that, despite the initial similarity of the socialist legal systems, the paths of housing market formation have significantly diverged under the influence of national legislation, economic policy, and social factors.

As a result of the research, the author concludes that, despite the common initial heritage, the models of residential real estate turnover in Russia and China have diverged fundamentally. The Russian market is characterized by a high degree of liberalization and established private ownership, but suffers from cyclicity and a lack of long-term strategies. The Chinese market represents a unique hybrid of market mechanisms and state planning, demonstrating high growth rates but also carrying specific systemic risks associated with debt burden and administrative control. Retrospective analysis allows not only to explain the current structural differences but also to forecast the potential development trajectories of both markets within the context of global economic challenges.

Key words: housing reform, property rights, privatization, comparative analysis.

Историко-правовой анализ реформы жилищной сферы представляет собой не простое изложение хронологической последовательности законодательных актов, а комплексное исследование фундаментальной трансформации правовой онтологии жилых помещений. Рассматриваемый процесс охватывает радикальный переход от советской модели, в которой жилье выступало объектом административного распределения и гарантией социального благосостояния, к современной российской модели, основанной на принципах товарности, вещно-правовой природы и автономии частного права.

Советская модель, действовавшая в период с 1917 по 1990 год, выстраивалась на идеологических представлениях, категорически отвергающих частную собственность на основные жизненные блага и средства производства. Конституционное право на жилище, провозглашенное в статье 44 Конституции СССР 1977 года, реализовывалось исключительно в административном порядке, минуя гражданско-правовые институты. Основным видом жилищных отношений выступала служебная аренда (административный наем), тогда как право собственности сводилось к минимальным проявлениям в рамках жилищных кооперативов и индивидуального жилищного фонда.

Административная схема распределения жилья порождала существенные системные искажения. Отрицание товарной природы жилья привело к формированию обширного теневого рынка, замещавшего отсутствующую легальную инфраструктуру гражданского оборота. В повседневной практике использовались фиктивные браки, схемы обмена с доплатой и прочие обходные пути. Хотя подобная практика могла временно компенсировать дефицит жилья, с правовой точки зрения она открывала серьезные конфликты между реально необходимым оборотом жилых помещений и законодательным запретом на осуществление сделок купли-продажи.

Переходный период конца 1980-х — начала 1990-х годов ознаменовал кардинальный поворот в развитии отечественного жилищного законодательства. Началась активная рецепция элементов

классической вещно-правовой системы, стремящаяся вписать формирующийся институт частной собственности в прежнюю экономику советского образца. Первым крупным нововведением стало введение в Союзе ССР в 1990 году права частной собственности граждан на жилые помещения, что означало коренной перелом традиционного восприятия жилища как объекта исключительно личного потребления.

Центральным событием последующего этапа стало принятие Закона РСФСР «О приватизации жилищного фонда» в 1991 году, начало широкомасштабного процесса бесплатной передачи прав собственности населению. Процесс привнес целый ряд позитивных последствий, выразившихся в появлении десятков миллионов собственников жилья, однако сопровождавшийся множеством серьезных дефектов, касавшихся прежде всего несовершеннолетних и семейного состава собственников [1, с. 124].

Следующим шагом стала первая часть Гражданского кодекса РФ, принятая в 1994 году, которая закладывала цивилистические основы для включения жилых помещений в полноценный гражданский оборот. Нормы Кодекса установили принципиальную обязанность государственной регистрации прав на недвижимость и ввели правило, согласно которому жилье признавалось самостоятельным объектом вещного права. Однако начальный этап внедрения института регистрации столкнулся с серьезными проблемами, такими как отсутствие необходимой инфраструктуры и высокая вероятность злоупотреблений, что проявлялось в двойных продажах и фальшивых записях.

Наиболее значимый вклад в развитие современной российской системы права внесли реформы 2000-х — 2010-х годов, направленные на создание целостной и функциональной системы регистрации, учета и специализированного регулирования. Среди важнейших шагов выделялся процесс кодификации, связанный с принятием в 2004 году Жилищного кодекса РФ, который предложил четкое разделение сфер отношений в жилищной сфере: права собственности, рыночные механизмы управления общим

имуществом многоквартирных домов и публично-правовые обязательства государства по предоставлению жилья нуждающимся категориям граждан.

Вторым направлением являлось формирование надежной инфраструктуры оборота недвижимости. Реорганизация регистрационной системы завершилась объединением ЕГРП и кадастрового учета в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН), введенный Федеральным законом № 218-ФЗ в 2015 году. Установленный принцип публичной достоверности позволил повысить надежность сделок и создать эффективные механизмы защиты добросовестных приобретателей.

Отдельно стоит подчеркнуть специальные меры регулирования, принятые российским законодательством для устранения системных рисков. Яркий пример такого подхода — реформа законодательства о долевом строительстве, начавшаяся с принятия Федерального закона № 214-ФЗ и завершившаяся внедрением механизма расчетов через специальные банковские счета (эскроу-счета). Благодаря данному механизму удалось резко снизить масштабы злоупотреблений в строительной отрасли и обеспечить надежную защиту прав инвесторов-дольщиков.

Значительное влияние на развитие рынка жилой недвижимости, открытости его для субъектов гражданского-правовых отношений законодательное закрепление такой меры социальной поддержки как материнский капитал. С точки зрения теории права: маткапитал создал комплексный межотраслевой правовой институт, связывающий нормы социального обеспечения, гражданского, семейного, жилищного и финансового права.

Становление жилищной системы в Китайской народной республике сопряжено с многоступенчатыми реформами в экономике. Реформирование сектора жилой недвижимости началось в 1979 году — были предприняты попытки коммерциализации жилья и перехода к рыночной системе. Изменения предполагали строительство домов государственными подрядчиками, передачу квартир предприятиям и дальнейшее распределение квартир предприятиями между работниками. В контексте этого механизма государство несло чрезмерно высокие расходы, поэтому было принято решение об отказе от механизма распределения жилья и о принятии рыночного инструмента купля-продажа [2, с. 21].

Значимым шагом для создания сбалансированных отношений в сфере жилищного оборота стала рыночная реформа 1988 года, повлекшая изменение статуса субъектов мелкого предпринимательства в сфере частного бизнеса и прав на

землепользование. Поправками в Конституцию 1988 г. (1-я сессия ВСНП 7-го созыва) легализованы частные хозяйства и установлена возможность передачи им в аренду земельных участков с правом землепользования [3, с. 37].

В результате правовых изменений в Китае произошел стремительный рост домовладения. Возник класс собственников жилья как основа нового социального порядка. Вместе с тем изменения привели к созданию «двойной системы» земли: государственная собственность на землю (по Конституции) и частная собственность на объекты недвижимости на ней. Эта уникальная конструкция стала фундаментом всей последующей системы.

В 1988 году на 15-ом ВСНП ЦК КПК продвигалась следующая мысль: «Пусть рынок играет фундаментальную роль под контролем государства», — и Госсовет КНР издал «Уведомление о дальнейшем углублении реформы городской жилищной системы и ускорении жилищного строительства» и отметил, что необходимо «на основе доступного жилья создать и улучшить многоуровневую городскую жилищную систему», «применить различные подходы жилищной политики к семьям с разными доходами: семьи с низкими доходами могут арендовать общественное жилье, предоставленное государством или кооперацией [4, с. 21].

Государство в КНР никогда не уходило с рынка полностью, оставаясь монополистом на первичном рынке земли и регулятором, способным на директивные вмешательства. Право собственности на жилье в Китае исторически носит более условный характер, будучи встроенным в систему социального контроля (например, через институт прописки — хукоу), чем в классических западных юрисдикциях.

На основе анализа становления жилищной системы и рынка недвижимости в сравниваемых странах можно сделать вывод, о том, что изначально Россия и Китай шли по одному пути — государственное регулирование жилищного вопроса. Именно государство распределяло жилищные ресурсы, определяя и удовлетворяя потребность населения в жилье. Распад СССР определил для отечественной системы новый виток в развитии рынка недвижимости — государство отстранилась от прежней функции. В современной России органы государственной власти выполняют контрольно-надзорные функции в сфере оборота жилой недвижимости. На законодательном уровне определены основные требования к жилым помещениям, условия их обороноспособности, порядков возникновения, изменения, прекращения прав на жилые помещения.

Список литературы:

[1] Меремьянина Н.Б. Некоторые аспекты правового регулирования приватизации жилых помещений // Инновационная наука. 2017. №4-4. С. 124-126.

[2] Хейфец Е.Е. Современная система земельно-правовых отношений и налогов на недвижимость в Китае // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 5. С. 19-33.

[3] Будаев К.А. Об изменениях и дополнениях, внесенных в Конституцию Китайской Народной Республики 1982 г., их роли в модернизации экономики страны и ее будущем развитии // Вестник Бурятского государственного университета. 2019. №2. С. 35-46.

[4] Сунь И., Гареев И.Ф. Сравнительная характеристика жилищных систем Китая и России // Жилищные стратегии. 2015. 2(3), С. 223-240.

References:

[1] N.B. Meremyanina. Some aspects of legal regulation of privatization of residential premises// Innovative science. 2017. №4-4. S. 124-126.

[2] Heifets E.E. Modern system of land-legal relations and property taxes in China//Property relations in the Russian Federation. 2017. № 5. S. 19-33.

[3] Budaev K.A. On changes and additions made to the Constitution of the People's Republic of China in 1982, their role in the modernization of the country's economy and its future development// Bulletin of Buryat State University. 2019. №2. S. 35-46.

[4] Sun I., Gareev I.F. Comparative characteristics of housing systems of China and Russia//Housing strategies. 2015. 2 (3), S. 223-240.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-210-214

СТУДЕНИЧНИК Глеб Юрьевич,
аспирант кафедры государственного права
юридического факультета РГПУ им. А.И. Герцена,
e-mail: mail@law-books.ru

СООТНОШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО И НАДНАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В ГЕРМАНИИ

Аннотация. Настоящая работа исследует неоднозначный и развивающийся аспект взаимоотношений между национальным конституционным правом Германии и правом Европейского союза (ЕС) в контексте отправления конституционного правосудия Федеральным конституционным судом Германии. Особое внимание уделяется принципам и, используемым ФКС для поддержания баланса между обязательствами по европейской интеграции и сохранением суверенности конституционного строя Германии. В рамках данной работы анализируются такие принципы, как *ultra vires*, формула *Solange*, оговорка о конституционной идентичности, а также рассматриваются знаковые дела, ставшие прецедентами и повлиявшими на развитие судебной практики.

Ключевые слова: конституционная юстиция, право ЕС, национальное право, федеральный конституционный суд.

STUDENICHNIK Gleb Yuryevich,
graduate student of the Department of State Law,
Faculty of Law, Russian State Pedagogical University
named after A.I. Herzen

THE RELATIONSHIP BETWEEN NATIONAL AND SUPRANATIONAL LAW IN GERMAN CONSTITUTIONAL ADJUDICATION

Annotation. This paper explores the ambiguous and evolving relationship between German national constitutional law and European Union (EU) law within the context of constitutional adjudication by the German Federal Constitutional Court (Bundesverfassungsgericht - BVerfG). Particular attention is paid to the principles employed by the BVerfG to maintain a balance between the obligations of European integration and the preservation of Germany's sovereign constitutional order. The study analyzes principles such as *ultra vires* review, the *Solange* formula, and the constitutional identity reservation, as well as examines landmark cases that have set precedents and influenced the development of judicial practice.

Key words: constitutional justice, EU law, national law, Federal Constitutional Court.

Немецкая модель конституционной юстиции считается одной из самых эффективных и влиятельных как в рамках Европейского союза, так и на международной арене в целом [6]. Конституционная юстиция в Германии сводится не только к судебным органам, но и включает Бундестаг, федеральный совет, федерального президента и федеральное правительство. Более того, помимо Федерального конституционного суда (ФКС) в данную систему входят земельные конституционные суды, расположенные в каждой из земель Германии. При этом ФКС и земельные суды действуют независимо, не

находясь в отношениях власти и подчинения, обеспечивая эффективный контроль за соблюдением Основного закона и конституций земель соответственно. Федеральный конституционный суд также имеет право объявлять законы неконституционными, придерживаясь при этом строгий рамок и действуя на основании Основного закона. Решение конституционного суда является обязательным для исполнения другими органами государственной власти и не может быть обжаловано.

Данная система деятельности органов конституционной юстиции в целом является схожей и с другими правовыми порядками, в том числе, Россий-

ской Федерацией. Тем не менее, имеет место обстоятельство, отличающее немецкую модель от других, а именно – влияние права Европейского союза на деятельность органов конституционной юстиции.

За последние годы роль судов Европейского союза, а именно Европейского суда (Court of Justice of the European Union) и Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ или European Court of Human Rights) существенно возросла, что несомненно сказалось и на положении национальных конституционных судов, которые в свою очередь утратили свою позицию окончательной инстанции. Несмотря на то, что положение о недопустимости апелляцияционного обжалования решения конституционного суда все также остается неизменным в контексте национального права, в контексте наднационального допустимы и иные варианты. В первую очередь это обусловлено тем фактом, что одно и то же дело может быть передано для рассмотрения в один из двух вышеупомянутых европейских судов, даже если уже имеется вынесенное и вступившее в силу решение национального конституционного суда. В немецком правовом поле знаковым примером такого дела является Ганновер против Германии (Case of Von Hannover V. Germany) [7]. Каролина фон Ганновер в судебном порядке требовала обеспечения неприкосновенности частной жизни, которая была нарушена ввиду публикации немецкими изданиями фотографий заявительницы и ее супруга без их согласия. В результате рассмотрения дела ФКС определил, что свобода прессы превосходит право на неприкосновенность частной жизни в следствие того, что Каролина являлась значимой и известной в широких кругах личностью. Повторное обращение с аналогичным заявлением в ЕСПЧ привело к вынесению противоположного решения – в пользу Каролины, отмены первоначального и признания нарушения права на уважение частной и семейной жизни. Впоследствии данное решение оказало влияние на практику ФКС и иных немецких судов, поскольку стало демонстрацией того, что решения наднациональных судебных органов могут влиять на толкование и применение национального конституционного права в государствах-членах.

В тексте решения по иному делу, немецкие правоведы явно выраженным образом усматривают, что отдельные положения, сформулированные судьями ФКС адресованы к Страсбургскому суду на случай их ознакомление с материалами дела в дальнейшем, если лицо решит подать жалобу в суд, что и произошло на практике [8].

На сегодняшний день можно говорить о формировании конституционного права Европейского союза и качественных изменениях в роли нацио-

нальных конституционных судов. В первую очередь становление конституционного права ЕС обусловлено верховенством и прямым действием права ЕС, а также расширением и проникновением права ЕС в правовые системы государств-членов ЕС. В полномочии суда ЕС отменять акты ЕС можно усмотреть аналогию с полномочием конституционных или верховных судов отменять нормы, противоречащие конституции. Также, граждане ЕС имеют право обращаться в суд ЕС непосредственно, без необходимости предварительного рассмотрения такого дела в национальных судах. Национальные суды государств-членов ЕС также уполномочены не применять те положения национального законодательства, которые противоречат законодательству ЕС. Все вышеперечисленное обусловило возникновение отдельных конфликтов наднациональных и национальных судебных органов [6].

Анализ потенциальных коллизий между правовым порядком Европейского Союза и национальными конституционными системами выявляет два принципиальных вектора расхождений. Первый тип конфликта возникает в обстоятельствах, когда первичное или вторичное право ЕС предусматривает более широкие гарантии основных прав, нежели национальное конституционное право, при этом последнее препятствует имплементации указанной расширенной защиты. Второй тип коллизии связан с ситуациями, когда национальное конституционное право обеспечивает более высокий стандарт защиты, но право ЕС не допускает его применения. Это может быть обусловлено либо достижением полной гармонизации правового регулирования на уровне ЕС, исключающей применение соответствующих национальных стандартов, либо риском подрыва эффективности европейского правового порядка при их использовании.

Германия, будучи государством-членом непосредственно является вовлеченной в данный процесс взаимодействия, тем не менее, именно Германия представляет собой заслуживающий внимания пример реагирования на действия и решения, предлагаемые на уровне ЕС. Германия, будучи ключевым государством-членом ЕС, активно участвует в формировании европейского правового порядка, но при этом стремится сохранить свою конституционную идентичность и суверенитет, что выражается в комплексном порядке регулирования правоотношений в данной сфере.

К основным принципам взаимодействия национального конституционного и наднационального права относят: в первую очередь, конституционно закрепленное положение о возможности передачи части прав на наднациональный уровень [9]. Данное право, в то же время, не явля-

ется безусловным и безграничным. Несомненно, деятельность органов ЕС и европейского суда, в частности, основывается на примате права ЕС над национальным правом государств-членов. В том случае, если положение национального законодательства противоречит праву ЕС, оно не становится недействительным, однако в спорной ситуации будет применяться наднациональная норма. Национальная норма может вновь стать применимой, например, в случае последующей отмены нормы права ЕС. Данный принцип в равной мере применим и в отношении национального конституционного права государств-членов. В то же время, ФКС Германии неоднократно указывал на то, что ЕС не представляет собой суверенное государство, а его компетенции состоят исключительно из делегированных ему государствами-членами. Следовательно, ЕС не наделен правом расширять свои полномочия и создавать компетенции самостоятельно.

Одним из важнейших принципов является принцип защиты конституционной идентичности, под которым понимается проверка федеральным конституционным судом актов и норм ЕС на предмет их соответствия определенным критериям, называемым «конституционной идентичностью». В данное понятие входят основополагающие принципы построения государства, как демократия, социальное равенство и справедливость, правовое государство и ряд других. Данное право федеральный конституционный суд впервые закрепил за собой в знаковых делах «Solange I» и «Solange II» [10], по результатам рассмотрения которых за ФКС было закреплено право проверки актов вторичного права ЕС на предмет их соответствия Основному закону Германии, поскольку при учреждении и в первые годы деятельности суда Европейского союза не обеспечивался достаточный уровень защиты основных прав и свобод. В последующие годы, с развитием судебной практики, такая необходимость отпала и на данный момент ФКС признает за судом высокий уровень защиты прав. На сегодняшний день европейское право не измеряется в соответствии с основными правами, тем не менее, Федеральный конституционный суд имеет право пересматривать определенные конституционные аспекты посредством применения принципа *ultra vires* [3]. Посредством данной процедуры, ФКС может объявить нормы ЕС неприменимыми для Германии. В рамках данной проверки ФКС оценивает, подпадает ли мера, предпринятая европейскими институтами, органами или агентствами, под полномочия, переданные ЕС национальным законодательным органом, поскольку ЕС обладает компетенцией только в отношении тех мер, которые ему поручены в соответствии с принципом передачи.

Резонансным в данном контексте стало решение ФКС по делу PSPP (Public Sector Purchase Programme – Программа закупок государственного сектора). Немецкий суд постановил, что у Европейского центрального банка (ЕЦБ) не было достаточных полномочий для покупки облигаций, а соответственно и решение суда ЕС не является правомерным, поскольку не было произведено надлежащей проверки действий ЕЦБ. Следовательно, суд ЕС, вынося решение о правомерности программы покупки облигаций действовал, выходя за пределы своих полномочий – *ultra vires*.

Таким образом, на данный момент за ФКС закрепляется так называемая «триада остаточный компетенций» (*Die Trias der Residualkompetenzen*) – принцип *ultra vires*, конституционная идентичность и практика, сформулированная в деле *Solange II* [5]. Приоритет применения права ЕС, с точки зрения ФКС, происходит из передачи суверенных прав, закрепленных в Статье 23 Основного закона Германии, однако для такой передачи суверенных прав должны быть установлены четкие границы, в то время как Европейский суд, необоснованно рано постулировал абсолютный приоритет применения права ЕС над законодательством государств-членов, включая национальное конституционное право. В следствие вышесказанного, суд ЕС считает остаточные компетенции национальных высших и конституционных судов несовместимыми с абсолютным приоритетом права ЕС, в то время как ФКС исходит из относительного приоритета применения права ЕС, защищая в первую очередь, суверенитет государств-членов.

Так или иначе, подавляющее большинство решений, выносимых ФКС за последние годы и оспаривающих, либо не признающих решения судов ЕС выступали в роли напоминания европейским органам о том, что их полномочия производны и исходят в первую очередь от государств-членов, и следовательно, должны основываться на их согласии. В то же время, ответом на данные действия Германии стал выпуск пресс-релиза [11], в котором устанавливается обязательность права ЕС и определения его как «высшего закона» для всех государств-членов.

Конфликты между правом ЕС и национальным конституционным правом не являются пространственными, однако, практически каждый такой случай становится резонансным и формирует дальнейшую практику на последующие годы. Основная тенденция разрешения таких конфликтов выражается в сближении интерпретационных подходов, которые могут быть реализованы на основе конструктивного диалога между Судом Европейского союза и национальными конститу-

ционными или верховными судами, тем не менее не всегда представляется возможным прийти к единому мнению. Германия по-прежнему является самой влиятельной европейской конституционной культурой и стремится продвигать собственные национальные идеи. В то же время, представляется очевидным укрепление роли судов ЕС в области прав человека, формирования обширной прецедентной базы в данной сфере. Таким образом, в рамках интеграционных процессов ЕС, для достижения наилучшего результата представляется логичным передача большего объема полномочий на наднациональный уровень и укрепление роли судов, агентств и служб ЕС, при одновременном ослаблении национальных органов и их постепенного включения в общую систему органов ЕС.

Список литературы:

- [1] Филатова М.А. Конфликты конституционных и наднациональных норм: способы преодоления (на примере Европейского союза и правовых систем государств-членов ЕС) // Международное правосудие. 2013. №4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikty-konstitutsionnyh-i-nadnatsionalnyh-norm-sposoby-preodoleniya-na-primere-evropeyskogo-soyuza-i-pravovyh-sistem-gosudarstv> (дата обращения: 10.06.2025).
- [2] Чайка К. Л. Суды интеграционных объединений и конституционные суды их государств-членов: от отрицания к принятию // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudy-integratsionnyh-obedineniy-i-konstitutsionnye-sudy-ih-gosudarstv-chlenov-ot-otritsaniya-k-prinyatiyu> (дата обращения: 10.06.2025).
- [3] L. Fischer Ultra-vires- und Identitätskontrolle. – Электронный ресурс. URL: <https://www.bpb.de/kurz-knapp/lexika/das-europalexikon/309454/ultra-vires-und-identitaetskontrolle/> (дата обращения: 10.06.2025).
- [4] Pötzsch H. Bundesverfassungsgericht und Verfassungsgerichte der Länder. – Электронный ресурс. URL: <https://www.bpb.de/themen/politisches-system/deutsche-demokratie/39394/bundesverfassungsgericht-und-verfassungsgerichte-der-laender/> (дата обращения: 10.06.2025).
- [5] Pracht R.A.C. „Die Trias der Residualkompetenzen des Bundesverfassungsgerichts – ultra vires, Solange II, Verfassungsidentität“ // Institut für deutsches und europäisches Verwaltungsrecht. – Электронный ресурс. URL: <https://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/31210/1/Pracht.pdf> (дата обращения: 10.06.2025).
- [6] Schnetter M. Constitutional Courts as Guarantors of EU Charter Rights: A Rhetorical

Perspective on Constitutional Change in Austria and Germany // *European Constitutional Law Review*. 2024. - 20(2). – P. 282-306.

[7] case of von hannover v. Germany (Application no. 59320/00) from the 24/06/2024. – Электронный ресурс. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/#%7B%22itemid%22:%5B%22001-61853%22%5D%7D> (дата обращения: 10.06.2025).

[8] Case of humpert and others v. Germany (Applications nos. 59433/18, 59477/18, 59481/18 and 59494/18). – Электронный ресурс. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-229726%22%5D%7D> (дата обращения: 10.06.2025).

[9] Статья 23 Основного закона ФРГ. – Электронный ресурс. URL: https://www.bpb.de/system/files/dokument_pdf/Grundgesetz%20Russisch.%20WEB_Zum%20Download.pdf (дата обращения: 10.06.2025).

[10] BVerfGE 37, 271 - Solange I. – Электронный ресурс. URL: <https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv037271.html#Opinion> (дата обращения: 10.06.2025).

[11] Press release following the judgment of the German Constitutional Court of 5 May 2020. – Электронный ресурс. URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2020-05/cp200058en.pdf> (дата обращения: 10.06.2025).

References:

- [1] Filatova M.A. Conflicts of constitutional and supranational norms: ways to overcome (on the example of the European Union and the legal systems of the EU member states)//International justice. 2013. №4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikty-konstitutsionnyh-i-nadnatsionalnyh-norm-sposoby-preodoleniya-na-primere-evropeyskogo-soyuza-i-pravovyh-sistem-gosudarstv> (дата обращения: 10.06.2025).
- [2] Chaika K. L. Courts of integration associations and constitutional courts of their member states: from denial to adoption//Journal of foreign law and comparative law. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudy-integratsionnyh-obedineniy-i-konstitutsionnye-sudy-ih-gosudarstv-chlenov-ot-otritsaniya-k-prinyatiyu> (дата обращения: 10.06.2025).
- [3] L. Fischer Ultra-vires- und Identitätskontrolle. - Electronic resource. URL: <https://www.bpb.de/kurz-knapp/lexika/das-europalexikon/309454/ultra-vires-und-identitaetskontrolle/> (дата обращения: 10.06.2025).
- [4] Pötzsch H. Bundesverfassungsgericht und Verfassungsgerichte der Länder. - Electronic resource. URL: <https://www.bpb.de/themen/politisches-system/deutsche-demokratie/39394/bundesverfassungsgericht-und-verfassungsgerichte-der-laender/> (дата обращения: 10.06.2025).

[7] case of von hannover v. Germany (Application no. 59320/00) from the 24/06/2024. - Electronic resource. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/#%7B%22itemid%22:%5B%22001-61853%22%5D%7D> (Accessed on: 10.06.2025).

[11] Press release following the judgment of the German Constitutional Court of 5 May 2020. – Electronic resource. URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2020-05/cp200058en.pdf> (access date: 10.06.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-215-217

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

ПАХОМОВ А.В.,

аспирант Университет управления «ТИСБИ»

г. Казань,

e-mail: pravoAVP@yandex.ru

ОРГАНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ И ЕГО КОМПЕТЕНЦИЯ. СООТНОШЕНИЕ С НАЦИОНАЛЬНЫМИ СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

Аннотация. В настоящей статье исследованы актуальные теоретико-правовые проблемы деятельности органов международного уголовного правосудия, соотношения и разграничения их полномочий с национальными судебными органами государства, а также рассмотрена судебная практика Международного уголовного суда по реализации своей юрисдикции и привлечения к ответственности лиц, совершивших преступления.

Ключевые слова: органы международной уголовной юстиции, международный уголовный суд, персонифицированная международная уголовная ответственность.

PAKHOMOV A.V.,

Postgraduate Student,

TISBI University of Management, Kazan

INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE BODIES AND THEIR COMPETENCE. CORRELATION WITH NATIONAL JUDICIAL BODIES

Annotation. This article examines the current theoretical and legal issues related to the activities of international criminal justice bodies, the relationship and delineation of their powers with national judicial bodies, and the judicial practice of the International Criminal Court in implementing its jurisdiction and bringing to justice individuals who have committed crimes.

Key words: international criminal justice bodies, international criminal court, and individual international criminal responsibility.

Взаимоотношения на международной арене и сложившаяся политическая обстановка в мире способствует повышению все большей актуальности темы исследования, а именно существования органов международного уголовного правосудия, их сущности, целесообразности, наделяемыми полномочиями и соотношения с национальными органами правосудия. В связи с указанным, целесообразным является научно-практически определить их правовой статус.

Целью исследования является анализ сущности, компетенции правового статуса органов международного уголовного правосудия в соотношении с органами национального правосудия.

Для достижения указанной цели необходимо решить ряд задач:

1. определить сущность, современные подходы к определению органов международ-

ного уголовного правосудия и их классификацию;

2. изучить проблематику существования органов международного уголовного правосудия и их соотношением с национальными судебными органами.

Исследуемый вопрос международных органов правосудия, в разрезе соотношения с национальными судебными органами исследовался в работах таких отечественных исследователей: Волеводза А.Г., Лямины М.Н., Рабадановой А.А., Рублева А.Г.

Идея создания международной уголовной юстиции не нова, основной задачей которой служило соблюдение принципа неотвратимости уголовного наказания за наиболее тяжкие преступления против мира и безопасности всего человечества, в том числе там, где национальное правосудие бессильно.

Международное уголовное правосудие — это система международного права, включающая ключевые юридические нормы и принципы, направленные на поддержание мира, защиту прав человека и обеспечение безопасности международного сообщества от особо серьезных нарушений международного правопорядка.

После окончания Первой мировой войны идея создания Международного уголовного суда была включена в Версальский договор 1919 года. Впервые эту мысль высказал Гюстав Муанье, президент Международного комитета Красного Креста, еще в 1872 году. Впоследствии были созданы Нюрнбергский и Токийский трибуналы, а также международные суды по делам Югославии и Руанды.

Однако первый постоянно действующий орган уголовной юстиции появился с принятием Римского статута 17 июля 1998 года, именно тогда начал функционировать Международный уголовный суд, который занимается уголовным преследованием лиц, ответственных за геноцид, военные преступления, преступления против человечности, а также преступления агрессии.

Как верно отмечает Волеводз А.Г., что в любом случае, международное правосудие представляет собой одно из направлений международного сотрудничества и заключается в осуществлении судами, учрежденными международным сообществом на основании или во исполнение международных договоров, рассмотрения и разрешения по существу дел о международных преступлениях [1].

На сегодняшний день известны следующие модели международной уголовной юстиции:

1. Международные уголовные трибуналы *ad hoc*, создаваемые Советом Безопасности в качестве вспомогательных органов.
2. Смешанные суды двух видов: создаваемые на основе договоров государств с ООН и формируемые временными администрациями ООН на территориях государств, где проводятся миротворческие операции.
3. Национальные суды, к юрисдикции которых отнесено рассмотрение дел о международных преступлениях с участием международных судей и иных участников уголовного судопроизводства.
4. Международный уголовный суд – постоянно действующий орган международного уголовного правосудия.

Хотя Международный уголовный суд был создан с благородными намерениями, некоторые страны мирового сообщества до сих пор не ратифицировали Римский статут.

Международный уголовный суд, учрежденный на основе Римского статута, призван дополнять национальные судебные системы, а не заменять их. Его основная задача — рассмотрение «серьезных преступлений, вызывающих озабоченность всего международного сообщества».

На дату написания настоящей статьи в Международном уголовном суде рассматривалось 12 уголовное дело по результатам рассмотрения ситуаций в двенадцати государствах [2].

Некоторые эксперты считают, что, несмотря на юрисдикцию Международного уголовного суда только в отношении самых тяжких преступлений, это может рассматриваться как нарушение государственного суверенитета.

Данное противоречие между положениями Римского статута и принципом международного права, закрепленным в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года, вызывает дискуссии. Вышеуказанный принцип гласит, что никто не может быть повторно осужден или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с национальным законодательством и уголовно-процессуальными нормами.

Взаимоотношения между международным уголовным правосудием и национальными судебными системами касаются только наиболее тяжких международных преступлений. Однако, например, дело, расследуемое Прокурором МУС в Бангладеш, касается предполагаемой насильственной депортации представителей народности рохинджа из Мьянмы в Бангладеш, квалифицировано как преступление против человечности по подпункту «d» пункта 1 статьи 7 Римского статута. При этом Мьянма не является участником данного международного договора.

Можно согласиться с мнением Рублева А. Г., что Международный уголовный суд постоянно подвергается критике со стороны следующих государств: России, Израиля и Китая, которые никогда не соглашались с ущемлением своей юрисдикции для защиты своих интересов [3].

На основании вышесказанного, можно сделать вывод, несмотря на то, что Международный уголовный суд имеет целью привлечение к международной уголовной ответственности высших должностных лиц государств, однако противоречия между положениями Римского статута и национальными правовыми системами могут вызывать юридические споры и дискуссии о том, какие суды имеют право рассматривать определённые дела, как следствие, имеет место вмешательство в внутренние дела государств, что подрывает их суверенитет.

Более того, на практике имеет место быть, когда в отношении не ратифицировавших Римский статут государств, выносились судебные акты, в связи с чем, возникает вопрос о законности таковых актов, выходе за пределы Международным уголовным судом своих полномочий, если суд не был ими наделен.

Список литературы:

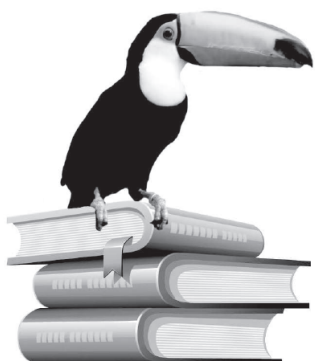
- [1] Волеводз А.Г. Современная система международной уголовной юстиции: понятие, правовые основы, структура и признаки / Международное уголовное правосудие: Современные проблемы / Под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. – М.: Институт права и публичной политики, 2009, С. 303-323;
- [2] Информация о делах, расследуемых Международным уголовным судом, опубликована на официальном сайте Суда — www.icc-cpi.org (дата заимствования — 25.01.2026);
- [3] Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2021 – Т. 7 (73). № 1 – С. 222-236;
- [4] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.01.2026);
- [5] Римский статут Международного уголовного суда. Принят в г. Риме 17.07.1998 Дипломати-

ческой конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.01.2026).

References:

- [1] Volevodz A.G. Modern system of international criminal justice: concept, legal basis, structure and features/International criminal justice: Modern problems/Ed. G.I. Bogusha, E.N. Trikoz. - M.: Institute of Law and Public Policy, 2009, S. 303-323;
- [2] Information on cases investigated by the International Criminal Court is published on the official website of the Court - www.icc-cpi.org (date of borrowing - 25.01.2026);
- [3] Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky Legal sciences. - 2021 - T. 7 (73). NO. 1 - S. 222-236;
- [4] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). URL: <http://pravo.gov.ru> (access date: 25.01.2026);
- [5] Rome Statute of the International Criminal Court. Adopted in Rome by the 17.07.1998 Diplomatic Conference of Plenipotentiaries under the auspices of the United Nations for the Establishment of the International Criminal Court//ATP Consultant Plus (date of appeal: 25.01.2026).

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-218-223

АНТОНОВ Д.И.,
ФГБОУВО «Российский государственный
университет правосудия»,
студент кафедры финансового права,
e-mail: denisigrvich@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОПЕРАЦИЙ ФИЛИАЛОВ ИНОСТРАННЫХ БАНКОВ: ОГРАНИЧЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация. Статья исследует правовое регулирование деятельности филиалов иностранных банков в России после принятия Федерального закона от 08.08.2024 № 275-ФЗ. Анализируется ограниченный перечень банковских операций, доступных филиалам и обосновываются существующие запреты на привлечение вкладов населения и розничное кредитование. В работе выявляются ключевые проблемы надзорной деятельности и предлагаются направления совершенствования законодательства для создания эффективной модели функционирования филиалов иностранных банков при обеспечении финансовой стабильности.

Ключевые слова: филиалы иностранных банков, банковские операции, Банк России, законодательные реформы, международный опыт.

ANTONOV D.I.,
Russian State University of Justice,
student of the Department of financial law

LEGAL REGULATION OF FOREIGN BANK BRANCH OPERATIONS: RESTRICTIONS AND OPPORTUNITIES

Annotation. The article examines the legal regulation of the activities of foreign bank branches in Russia following the adoption of Federal Law No. 275-FZ of 8 August 2024. It analyses the limited list of banking operations available to branches and justifies the existing prohibitions on attracting deposits from the public and retail lending. The paper identifies key problems in supervisory activities and proposes areas for improving legislation to create an effective model for the operation of foreign bank branches while ensuring financial stability.

Key words: branches of foreign banks, banking operations, Bank of Russia, legislative reforms, international experience.

В условиях глобализации финансовых рынков и трансформации международной банковской системы вопросы правового регулирования деятельности филиалов иностранных банков приобретают особую актуальность. Интеграция иностранного капитала в национальную банковскую систему представляет собой сложный процесс, требующий тщательного правового оформления и установления четких границ деятельности зарубежных финансовых институтов на территории принимающего государства. Принятие Федерального закона от 08.08.2024 № 275-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] ознаменовало новый

этап в развитии российского банковского законодательства, создав правовую основу для функционирования филиалов иностранных банков на территории Российской Федерации.

Необходимо подчеркнуть, что до принятия указанного законодательного акта иностранные банки могли осуществлять деятельность в России исключительно через дочерние кредитные организации, что создавало определенные барьеры для международного банковского сотрудничества. Филиальная форма присутствия иностранных банков обладает рядом преимуществ, включая более тесную интеграцию с материнской структурой, упрощенный доступ к капиталу головной организации и возможность использования единой системы управления рисками. Вместе с тем,

такая модель требует особого внимания со стороны регулятора в части обеспечения финансовой стабильности и защиты интересов национальной экономики.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ правового регулирования операций филиалов иностранных банков в Российской Федерации, выявление существующих ограничений и возможностей, а также формулирование предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере. Практическая значимость работы обусловлена необходимостью формирования эффективной модели взаимодействия национального регулятора с филиалами иностранных банков в условиях трансформации глобальной финансовой архитектуры.

Правовая природа филиала иностранного банка существенно отличается от статуса дочерней кредитной организации, что предопределяет особенности регулирования их деятельности. Филиал не является самостоятельным юридическим лицом и действует на основании положения, утвержденного создавшим его юридическим лицом. В контексте банковской деятельности это означает, что филиал иностранного банка осуществляет операции от имени и за счет головной организации, что создает особую конфигурацию правовых отношений и распределения ответственности.

Согласно положениям Федерального закона от 08.08.2024 № 275-ФЗ, филиал иностранного банка получает право на осуществление ограниченного перечня банковских операций на территории Российской Федерации. В частности, филиалы иностранных банков вправе осуществлять открытие и ведение банковских счетов юридических лиц, осуществление переводов денежных средств по поручению юридических лиц, инкассацию денежных средств и кассовое обслуживание, а также куплю-продажу иностранной валюты в наличной и безналичной формах. Такое ограничение операций направлено на минимизацию рисков для национальной финансовой системы и обеспечение эффективного надзора со стороны Банка России.

Установление ограничений на деятельность филиалов иностранных банков преследует множество целей, связанных с обеспечением финансовой стабильности и защитой национальных интересов. Во-первых, ограничительные меры направлены на предотвращение системных рисков, которые могут возникнуть в результате недостаточного контроля над деятельностью иностранных финансовых институтов. Во-вторых, ограничения призваны обеспечить защиту интересов российских вкладчиков и кредиторов, кото-

рые могут столкнуться с трудностями при взыскании задолженности с иностранного банка в случае возникновения проблемных ситуаций.

Важнейшей целью ограничений является обеспечение эффективности банковского надзора. Филиалы иностранных банков находятся под юрисдикцией как национального регулятора страны происхождения, так и Банка России, что создает сложную систему двойного надзора. В этой связи установление четких границ деятельности и требований к раскрытию информации позволяет Банку России осуществлять эффективный мониторинг операций филиалов и своевременно выявлять потенциальные угрозы финансовой стабильности. Как отмечает Прошунин М.М., важным аспектом остается принцип прозрачности (транспарентности) в финансовом мониторинге, предполагающий полное раскрытие информации о деятельности организации, включая выявленные нарушения нормативных и внутренних актов и, соответственно, готовность организации к раскрытию всех потенциальных и фактических нарушений [2].

Кроме того, ограничения на деятельность филиалов иностранных банков служат инструментом защиты национальной банковской системы от недобросовестной конкуренции. Иностранные банки, обладающие значительными финансовыми ресурсами и развитой инфраструктурой, могут получить необоснованные конкурентные преимущества перед российскими кредитными организациями, что негативно скажется на развитии национальной банковской системы. Установление ограниченного перечня операций и требований к минимальному размеру гарантийного депозита создает более равные условия конкуренции на российском банковском рынке.

Необходимо также отметить, что ограничения преследуют цель обеспечения соблюдения требований валютного законодательства и противодействия легализации доходов, полученных преступным путем. Филиалы иностранных банков могут использоваться для осуществления трансграничных операций, связанных с выводом капитала и уклонением от уплаты налогов. В этой связи установление жесткого контроля над операциями филиалов и требований к идентификации клиентов позволяет минимизировать риски использования банковской системы в противоправных целях.

Перечень операций, которые вправе осуществлять филиалы иностранных банков на территории Российской Федерации, определен статьей 5 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 08.08.2024 №

275-ФЗ. Законодатель избрал подход позитивного регулирования, четко определив виды операций, доступных для филиалов, что обеспечивает правовую определенность и снижает риски неоднозначного толкования норм.

В отношении операций с юридическими лицами филиалы иностранных банков вправе осуществлять открытие и ведение банковских счетов, что является базовой банковской услугой. Данная операция предполагает установление длительных правоотношений между банком и клиентом, включающих обязанность банка по хранению денежных средств, зачислению поступающих на счет сумм и выполнению распоряжений клиента о перечислении и выдаче средств. Филиалы иностранных банков также наделены правом осуществления переводов денежных средств по поручению юридических лиц, в том числе банков-корреспондентов, по их банковским счетам, что позволяет им участвовать в системе безналичных расчетов и обслуживать международные платежи своих клиентов.

Осуществление расчетов по банковским счетам регулируется главой 45 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] и нормативными актами Банка России. Филиалы иностранных банков обязаны обеспечить своевременное и правильное зачисление поступивших на счет клиента денежных средств и выполнение распоряжений клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм со счета. Особое значение для корпоративных клиентов имеет возможность осуществления международных расчетов через корреспондентскую сеть головной организации иностранного банка, что обеспечивает быстрое и эффективное проведение трансграничных платежей и является возможностью для отечественного бизнеса обойти существующие санкции.

Филиалы иностранных банков также наделены правом осуществления купли-продажи иностранной валюты в наличной и безналичной формах. Филиалы иностранных банков вправе осуществлять валютные операции как с резидентами, так и с нерезидентами, что открывает широкие возможности для обслуживания международных расчетов. Операции между резидентами и нерезидентами составляют основу внешнеэкономической деятельности и требуют соблюдения специальных требований валютного законодательства. Филиалы иностранных банков могут открывать счета нерезидентам в рублях и иностранной валюте, осуществлять зачисление и списание денежных средств по таким счетам в соответствии с требованиями валютного законодательства.

Филиалы могут осуществлять конверсионные операции для клиентов на внутреннем валютном рынке, обеспечивая обмен рублей на ино-

стрannую валюту и наоборот. Кроме того, филиалы иностранных банков могут осуществлять операции по купле-продаже иностранной валюты между уполномоченными банками в соответствии с Указанием Банка России от 28.04.2004 № 1425-У [4], что позволяет им участвовать в формировании валютного курса и обеспечивать ликвидность отечественного валютного рынка.

Как отмечает Костючков В.Ю., «Введение ограничений на операции в российских рублях поможет минимизировать курсовые риски» [5]. Осуществление валютных операций требует соблюдения требований валютного законодательства и нормативных актов Банка России, включая Инструкцию Банка России от 30.03.2004 № 111-И «Об обязательной продаже части валютной выручки на внутреннем валютном рынке Российской Федерации» [6], в том числе, с целью обеспечения предложения иностранной валюты на внутреннем валютном рынке для поддержания курса рубля по отношению к указанным валютам [7].

В отношении операций с физическими лицами возможности филиалов иностранных банков существенно ограничены. Филиалы вправе осуществлять переводы денежных средств без открытия банковских счетов, в том числе электронных денежных средств, за исключением почтовых переводов, которые не превышают в эквиваленте 5000 долларов США, определяемой с использованием официальных курсов иностранных валют к рублю в день [8].

Такое ограничение обусловлено необходимостью защиты прав потребителей финансовых услуг и обеспечения стабильности розничного сегмента банковского рынка.

Законодательство устанавливает четкий перечень операций, осуществление которых запрещено филиалам иностранных банков на территории Российской Федерации. Такая система запретов призвана обеспечить защиту наиболее уязвимых категорий клиентов банковских услуг и предотвратить возникновение системных рисков в национальной финансовой системе. Анализ законодательства позволяет выделить несколько категорий запрещенных операций, каждая из которых имеет собственное правовое обоснование.

Во-первых, филиалам иностранных банков запрещено осуществлять привлечение денежных средств физических лиц во вклады. Представляется, что данный запрет обусловлен необходимостью защиты прав вкладчиков, которые являются наиболее уязвимой категорией клиентов банков. Вклады физических лиц подлежат обязательному страхованию в системе страхования вкладов, однако распространение данной системы на филиалы иностранных банков создало бы допол-

нительные риски для фонда страхования вкладов и потребовало бы существенной модификации действующего законодательства. В случае возникновения проблем у головной организации иностранного банка взыскание средств с иностранного юридического лица может оказаться затруднительным, что создает угрозу для сохранности средств российских вкладчиков.

Во-вторых, филиалам иностранных банков запрещено осуществлять кредитование физических лиц. И хотя массовое кредитование населения даёт гибкость в решении кризисов, с которыми сталкивается государство [9], стоит учесть разграничение интересов национального банковского сектора с иностранным. Помимо этого, розничное кредитование представляет собой массовый вид банковских операций, требующий развитой инфраструктуры и эффективной системы управления рисками. Кроме того, розничное кредитование требует глубокого понимания специфики национального рынка и правовой системы, что может быть затруднительно для филиалов иностранных банков на начальном этапе их деятельности.

В-третьих, филиалам иностранных банков запрещено осуществлять операции с драгоценными металлами. Такие операции относятся к числу специфических банковских операций, требующих особой лицензии и соблюдения специальных требований законодательства о драгоценных металлах и драгоценных камнях. Запрет на осуществление таких операций филиалами иностранных банков обусловлен стратегическим значением рынка драгоценных металлов для национальной экономики и необходимостью обеспечения государственного контроля над оборотом драгоценных металлов.

В-четвертых, филиалам иностранных банков запрещено заниматься производственной, торговой и страховой деятельностью. Данный запрет является общим для всех кредитных организаций и направлен на обеспечение специализации банков на осуществлении банковских операций и предотвращение смешения банковской деятельности с иными видами предпринимательства. Вместе с тем, законодательство предусматривает ряд исключений из данного правила, позволяющих филиалам иностранных банков осуществлять определенные виды деятельности, связанные с обеспечением их функционирования.

Таким образом, данные запреты кажутся более чем оправданным, учитывая, что финансовая стабильность филиала иностранного банка зависит от головной организации, существующей вне рамок отечественной экономики, что существенно уменьшает возможности повлиять на такую организацию извне.

Отдельную категорию составляют операции, для осуществления которых филиалам иностранных банков требуется получение специального разрешения или лицензии Банка России. Система лицензирования отдельных видов банковских операций позволяет регулятору осуществлять дифференцированный подход к допуску филиалов иностранных банков на различные сегменты финансового рынка и обеспечивать поэтапное расширение их деятельности по мере накопления опыта работы на российском рынке.

Прежде всего, для осуществления операций в иностранной валюте филиалам иностранных банков требуется получение соответствующей лицензии Банка России. Валютные операции подлежат специальному регулированию в соответствии с Федеральным законом «О валютном регулировании и валютном контроле» [10] и требуют соблюдения требований валютного законодательства. Лицензия на осуществление операций в иностранной валюте предоставляет филиалу иностранного банка право на проведение широкого спектра валютных операций, включая открытие и ведение валютных счетов клиентов, осуществление валютных переводов и операций по купле-продаже иностранной валюты.

Кроме того, для осуществления профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг филиалам иностранных банков требуется получение соответствующей лицензии. Филиалы иностранных банков вправе осуществлять брокерскую деятельность, дилерскую деятельность и деятельность по управлению ценными бумагами, за исключением деятельности по доверительному управлению ценными бумагами, денежными средствами, предназначенными для совершения сделок с ценными бумагами, и заключения договоров, являющихся производными финансовыми инструментами. Данное ограничение обусловлено повышенными рисками, связанными с доверительным управлением, и необходимостью обеспечения дополнительных гарантий защиты прав инвесторов.

Необходимо также отметить, что для осуществления отдельных операций филиалы иностранных банков должны соответствовать дополнительным требованиям, установленным нормативными актами Банка России. В частности, для участия в системе электронных платежей и осуществления операций с использованием электронных средств платежа филиалы должны обеспечить соблюдение требований информационной безопасности и защиты персональных данных клиентов.

Кроме того, для осуществления операций на финансовых рынках филиалы иностранных бан-

ков должны соблюдать требования к достаточности капитала и ликвидности, установленные Банком России.

Вопрос о возможности и целесообразности расширения перечня операций, доступных филиалам иностранных банков, является предметом активной научной дискуссии. Либерализация режима деятельности филиалов иностранных банков может способствовать развитию конкуренции на банковском рынке, привлечению иностранных инвестиций и внедрению передовых банковских технологий. Вместе с тем, расширение операций филиалов должно осуществляться постепенно, с учетом накопленного опыта их деятельности и оценки рисков для финансовой стабильности.

Перспективным направлением является включение в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» механизма взаимного признания лицензий между Российской Федерацией и иностранными государствами. Такой механизм позволил бы филиалам иностранных банков, имеющим лицензию в стране происхождения, осуществлять определенные виды операций на территории России без получения дополнительных разрешений. Однако, внедрение механизма взаимного признания требует наличия соглашений о сотрудничестве между регуляторами и гармонизации требований к банковской деятельности.

В заключение необходимо отметить, что совершенствование правового регулирования деятельности филиалов иностранных банков должно осуществляться на основе комплексного подхода, учитывающего интересы всех участников банковского рынка. Либерализация режима деятельности филиалов должна сопровождаться укреплением системы банковского надзора и созданием эффективных механизмов защиты прав потребителей финансовых услуг. Только при соблюдении баланса между развитием конкуренции и обеспечением финансовой стабильности возможно создание эффективной модели функционирования филиалов иностранных банков в российской правовой системе.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 08.08.2024 N 275-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О внесении изменений в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ», 12.08.2024, N 33 (Часть I), ст. 4971.
- [2] Прошунин М. М., Консультативный банковский надзор, понятие и принципы, Финансовое право № 06/2023.

[3] «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 29.01.1996, N 5, ст. 410.

[4] Указание Банка России от 28.04.2004 N 1425-У «О порядке осуществления валютных операций по сделкам между уполномоченными банками» // «Вестник Банка России», N 33, 09.06.2004.

[5] Костюкевич В. Ю. Правовое регулирование деятельности филиалов иностранных банков // Российский внешнеэкономический вестник. 2009. № 11. С. 45-52.

[6] Инструкция Банка России от 30.03.2004 N 111-И (ред. от 29.03.2006) «Об обязательной продаже части валютной выручки на внутреннем валютном рынке Российской Федерации» // «Вестник Банка России», N 29, 13.05.2004.

[7] Сенина А. В. Репатриация и обязательная продажа резидентами части валютной выручки // Финансы и кредит. 2008. №27 (315). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/repatriatsiya-i-obyazatel'naya-prodazha-rezidentami-chasti-valyutnoy-vyruchki>.

[8] Указание Банка России от 30.03.2004 N 1412-У «Об установлении суммы перевода физическим лицом - резидентом из Российской Федерации без открытия банковских счетов» // «Вестник Банка России», N 22, 14.04.2004.

[9] Галяева Л.Е. Конинская О.А. Развитие ипотечного кредитования: история и перспективы [Текст] / Л.Е. Галяева, О.А. Конинская // Теория и практика «Экономика и социум» №4(23) 2016 www.iupr.ru 424 современной науки – 2016. № 3 (9). Электронный ресурс URL:[http://modernj.ru/domains_data/files/9/GALYaEVA%20L.E.%20\(OSNOVNOY\).pdf](http://modernj.ru/domains_data/files/9/GALYaEVA%20L.E.%20(OSNOVNOY).pdf).

[10] Федеральный закон от 10.12.2003 N 173-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О валютном регулировании и валютном контроле» // «Собрание законодательства РФ», 15.12.2003, N 50, ст. 4859.

References:

- [1] Federal Law No. 08.08.2024 dated 275-FZ (as amended by 28.12.2024) "On Amendments to the Federal Law "On Banks and Banking Activities" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation," 12.08.2024, No. 33 (Part I), Art. 4971.
- [2] Proshunin M. M., Advisory Banking Supervision, Concept and Principles, Financial Law No. 06/2023.
- [3] "Civil Code of the Russian Federation (Part Two)" dated 26.01.1996 N 14-FZ // "Collection of Legislation of the Russian Federation," 29.01.1996, No. 5, Art. 410.

[4] Bank of Russia Ordinance No. 28.04.2004, dated 1425-U, "On the Procedure for Foreign Exchange Transactions Between Authorised Banks" //Bank of Russia Bulletin, No. 33, 09.06.2004.

[5] Kostyukevich V. Yu. Legal regulation of the activities of branches of foreign banks //Russian Foreign Economic Bulletin. 2009. № 11. S. 45-52.

[6] Bank of Russia Instruction No. 30.03.2004 dated 111-I (rev. dated 29.03.2006) "On Mandatory Sale of Part of Foreign Exchange Earnings in the Domestic Foreign Exchange Market of the Russian Federation" //Bank of Russia Bulletin, No. 29, 13.05.2004.

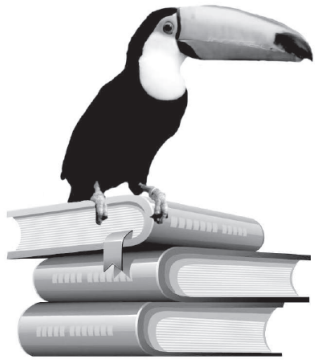
[7] Senina A.V. Repatriation and mandatory sale by residents of part of foreign exchange earnings //Finance and credit. 2008. №27 (315). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/repatriatsiya-i-obyazatel'naya-prodazha-rezidentami-chasti-valyutnoy-vyruchki>.

[8] Bank of Russia Ordinance No. 30.03.2004, dated 1412-U, "On Establishing the Transfer Amount by a Resident Individual from the Russian Federation without Opening Bank Accounts" //Bank of Russia Bulletin, No. 22, 14.04.2004.

[9] Galyaeva L.E. Koninskaya O.A. Development of mortgage lending: history and prospects [Text] /L.E. Galyaeva, O.A. Koninskaya //Theory and practice "Economics and Society" No. 4 (23) 2016 www.iupr.ru 424 of modern science - 2016. № 3 (9). Электронный ресурс URL: [http://modernj.ru/domains_data/files/9/GALYaEVA%20L.E.%20\(OSNOVNOY\).pdf](http://modernj.ru/domains_data/files/9/GALYaEVA%20L.E.%20(OSNOVNOY).pdf).

[10] Federal Law of 10.12.2003 N 173-FZ (as amended by 28.12.2024) "On Currency Regulation and Currency Control" //Collection of Legislation of the Russian Federation, 15.12.2003, No. 50, Art. 4859.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-224-229

БОЧКОВ Александр Александрович,
кандидат философских наук, доцент,
Беларусь, г. Витебск,
e-mail: mother15021933@gmail.com

РЫЖИК Андрей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор
кафедры теоретико-правовых дисциплин
и международного права РТА,
e-mail: info@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Аннотация. Статья посвящена проблемным вопросам дисциплины «История и методология юридической науки», связанным с содержательными аспектами: единством истории, методологии и юридической науки, её фундаментальной ролью в юриспруденции. Пока отсутствуют четкие критерии юридической научности по персоналиям и доктринам, говорить об этапах истории юридической науки можно только в рамках определенных подходов. Предлагаются меры по повышению значимости данной науки.

Ключевые слова: история, юридическая наука, методология, холистическая система знаний юриспруденции, тектология, синектический метод.

BOCHKOV Alexander Alexandrovich,
PhD in Philosophy, Associate Professor

RYZHIK Andrey Vladimirovich,
Doctor of Law, Professor
of the Department of Theoretical and Legal Disciplines
and International Law, Russian Academy of Turkmen Studies

PROBLEMS OF HISTORY AND METHODOLOGY OF LEGAL SCIENCE

Annotation. The article deals with the problematic issues of the discipline “History and Methodology of Legal Science” related to the substantive aspects: the unity of history, methodology and legal science, its fundamental role in jurisprudence. While there are no clear criteria for legal scholarship on personalities and doctrines, it is possible to talk about the stages of the history of legal science only within the framework of certain approaches. Measures are proposed to increase the importance of this science.

Key words: history, legal science, methodology, holistic knowledge system of jurisprudence, tectology, synectic method.

Важное место в системе юриспруденции занимает «История и методология юридической науки». Данный курс представляет собой историко-методологическое изложение наиболее злободневных, проблемных вопросов юридической науки. Он исходит из органического единства истории юридической науки, её методологии и содержательного доктриналь-

но-законодательного, правореализационного аспектов юриспруденции. В названии курса каждое слово – определяющее, многомерное, дискуссионное по содержанию и форме. Названный интегративный курс является фундаментом юриспруденции вместе с философией права, теорией государства и права, проблемами общей теории права, методологией правоведения. Это –

историческая и теоретико-методологическая, философско-правовая, мировоззренческая юридическая дисциплина. Она востребована задачами усвоения холистического юридического знания, связана с познанием, углублением правовой проблематики, проникновением в суть юридической реальности, помогает проведению исследований на высоком научном уровне. Несмотря на свою 150 – летнюю историю, изучение носит в значительной степени не системный, а фрагментарный, во многом субъективный характер, в зависимости от классовых, групповых, профессиональных, мировоззренческих предпочтений авторов. Записывать ли (и с каким знаком) К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, Н.А. Бердяева, М. Хайдеггера, К. Поппера, А.Н. Яковлева, С. М. Шахрая, и на какой странице истории юридической науки – большой вопрос, ответ на который во многом зависит от предпочтений и политической конъюнктуры. А что делать с «нечистыми» учеными-политиками: И.В. Сталиным, Н.С. Хрущевым, Л.И. Брежневым, М.С. Горбачевым, Б.Н. Ельциным и др. (в том числе иностранными) – однозначного ответа нет. Отсутствуют критерии юридической научности по персоналиям и доктринам. Поэтому, можно говорить лишь об определенных подходах к истории юридической науки. В эту энциклопедию попадают ученые-юристы с мировым именем, заслуги которых получили всеобщее признание и вышли за пределы национально-пространственно-временных границ. Их доктрины учитываются в международных и национальных документах, политике государственных деятелей. К сожалению, конъюнктурная переоценка их вклада в историю страны порой доходит до сноса памятников, переписывания учебников и фальсификации роли.

Обобщающих трудов по предмету «история и методология юридической науки» очень мало, также как специалистов в одном лице, «читающих» данный курс (историков, теоретиков, философов права и методологов права). Как правило, каждый, в зависимости от специализации (несмотря на программу, имеет свой «крэн»). Курс направлен на обеспечение практических навыков и умений, необходимых для ведения научно-исследовательской деятельности. Его цель – помочь профессионально получать, анализировать, синтезировать, «взвешивать» его на весах воспринимающего разума и мировоззрения, связывать теорию с нормативными правовыми актами (НПА), юридической практикой, обосновывать свою точку зрения в русле требований программы. Данная дисциплина должна знакомить с наиболее проблемными, жизненными юридическими вопросами. Курс должен помочь готовить научные статьи, монографии, учебные пособия, и как итог –

диссертацию. Важный аспект – овладение методами (методологией) юридической науки, способами изучения, взаимосвязи нормативного, концептуального, правоприменительного материала в его фактологическом, логическом, историческом, культурологическом, мировоззренческо-философском обосновании. Частные вопросы должны учитывать общие, основополагающие, фундаментальные понятия и их определения: наука, история, юриспруденция, юридическая наука, история юридической науки, методология, методы, современные проблемы юридической науки. Индуктивно-дедуктивный характер выведения знаний от частного к общему и наоборот, помогает понять механизм, структуру, элементы, взаимосвязь, прямые, косвенные, функциональные связи в холистической системе. Прежде чем разобраться с правогенезом, этимологией, признаками юриспруденции как науки, целесообразно обратиться в целом к причинам, закономерностям, происхождению, квалификации науки, как органического социального института, качественно преобразовавшего жизнь общества.

Система юридических наук – это концентрированное выражение государственных интересов, политико-социально-экономических потребностей в институционализированной, текстуальной научно-учебно-правовой форме.

Правовая реальность сложна и типична, многогранна и ограничена, статична и динамична, материальна и идеальна, контекстуальна и конвенциональна, казуальна и каузална [1, с. 41]. Юридическая наука – это исторически фундаментальная часть юриспруденции. Именно она дает точное, однозначное, доказательное, опирающееся на НПА и юридические факты измерения действительности. Она едина по объекту и различна по предмету [1, с. 42–43].

С точки зрения дореволюционного религиозного российского философа, математика, православно-священника П.А. Флоренского, история науки – это «ряд больших и малых потрясений, **разрушений**, и переворотов, взрывов и катастроф. История науки – это перманентная революция». «Жизнь меняет науку, эта перемена совершается вопреки ее строго консервативной сущности». «Время влачит упрямящуюся Науку. Время разбивает ее скалы». «Рабство Науки – в ее схемостроительстве из себя...» [2, с. 127–128, 130]. История юридической науки – это частный случай, специфическое отражение мировой, всеобщей, национальной истории, истории государства и права, истории политической и правовой мысли, как соотношение всеобщего, общего и единичного, выражение законов диалектики.

История – это «последовательность, преемственность, историческое, генетическое, менталь-

ное родство человеческой жизнедеятельности, взятое в движении, развитии прошлого, настоящего и будущего» [3, с. 20]. История – это «проекция субъективного, ценностно ориентированного сознания», опирающегося на исторические факты, – писал проф. В.Н. Жуков [4, с. 7]. Это деятельность, преследующих свои цели людей. Делают историю великие личности (пассионарии), а наполняют, «вращают её колесо» народные массы. Направление движения задает персонифицированный лидер с властной элитой, а успешность, скорость движения зависит от сплоченности общества, энергии, преданности государственного аппарата и народа друг другу [3, с. 20–23]. Если обратиться к дореволюционному юристу и философу Б.П. Вышеславцеву, который отрицал наличие «подлинных» законов истории, то он считал, что история творится не законом, а *верою*. В его представлении, «история есть трагедия и построена только в категориях трагического, как трагедия свободной судьбы, которая конструируется и избирается не иначе как *верою*. Историю творят не те народы и не те герои, которые пребывают в неподвижном *бытие закона*, или в отрешенном созерцании, презирующие действие и творчество..., а те беспокойные «странники и пришельцы на земле», которые вечно «ищут отечества», «стремятся к лучшему» [5, с. 24]. Предугадать и запланировать историю невозможно, можно – только вектор движения. В истории действуют детерминистские и вероятностные направления, в единстве долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных перспектив развития вечно соперничающих субъектов. Часто результат не соответствует цели. По словам английского историка и философа Т. Карлейля (1795–1881), всякую революцию задумывают романтики, осуществляют фанатики, а пользуются ее плодами отпетые негодяи [6, с. 8].

История юридической науки – это рациональное, объективированное концентрированное изложение истории государства и права, политических и правовых учений, политической и правовой мысли. Трудно, практически невозможно вычленить историю юридической науки, научность в истории политических и правовых учений, мысли, истории государства и права начиная со «Слова о законе и Благодати» митрополита Илариона в середине XI столетия и заканчивая цифровыми документами первой четверти XXI века. Это прежде всего история выдающихся ученых и их революционных открытий, получивших научное оформление и практическую реализацию, способствовавших улучшению жизни людей и внесших вклад в историю политической и правовой мысли. Уровень научности теорий, монографий, учебников, диссертаций практически невозможно установить. Если можно подсчитать отно-

сительный экономический эффект в определенных пространственно-временных рамках, то политический и социальный, в исчислении большинства населения – невозможно. В настоящее время процент научности синонимизировали с процентом оригинальности (умением обойти, обмануть машину). Представляется, что это еще ненаписанная историческая страница прошлого и настоящего собственно юридической науки. Наука появляется тогда, когда её представители увидели, поняли и сформулировали объективные законы и закономерности предмета исследования, соответствующие объективной реальности, проверенные на практике. Об истории юридической науки можно говорить с её зачатков, появления первых европейских университетов, где готовили профессиональных юристов («В первые минуты Бог создал институты, Адам его студентом первым был...», – шуточная студенческая песня). Говорить о юриспруденции как отрасли знаний и о подготовке профессиональных юристов (законников и «крючкотворов») можно со времени систематического и целенаправленного изучения права в университетах Европы (Болонский (1087 г.), Парижский, Оксфордский, Кембриджский, Неапольский, Тулузский, Карлов университет в Праге), конец XI – сер. XIV – XV вв. В Российской империи – Санкт – Петербургский (1725) и Московский (1755) университеты. Поэтому история государства и права по сути дела пока отождествляется с историей политических и правовых учений, историей государства и права России, историей государства и права зарубежных стран.

Стадии науки: натурфилософия, аналитическая наука, дифференциация наук, интеграция наук, цифровизация наук.

Проблема деления науки зависит от взаимосвязи, единства, либо разделенности мира на материальный и идеальный, потусторонний и посюсторонний, реальный и виртуальный, естественный и искусственный. Поэтому для оценки её качества требуется наукометрия. Если мир един, то все науки имеют общие основы, «родство», стремятся к взаимодействию, единству, непротиворечивому, гармоничному дополнению друг друга; отсюда вытекает целостная, холистическая, научно-ненаучная юриспруденция, объединяющая науку и систему различных мировоззренческих, методологических взглядов на право. Единство мира упирается в его источники, объединительное, объективно-субъективное начало (первоначало), зависит от концептуально-методологических позиций автора или школы (гены, атомы, материя, сознание, Бог, Абсолютная идея, Мировой разум, закон мироздания, жажда жизни, воля к власти, прибыль, идеология и т.д.). По мнению П.А. Флоренского, общее основначало всех

наук, неотделимое от их существа, есть то, что «все они суть **описания действительности**» [7, с. 124].

Традиционно науки классифицируются на следующие виды: естественные, технические, социальные; фундаментальные, поисковые, прикладные. Также делят на академическую, вузовскую, отраслевую и проводимую в инициативном, неорганизованном порядке (энтузиастами, в составе малых групп (за свой счет и в свободное время)).

Существует некоторое предубеждение и пренебрежение к историческим, теоретическим и фундаментальным юридическим дисциплинам с точки зрения их научности и практической значимости. Для отраслевиков, практиков и догматиков права, именно они – выразители научной юрисдикционной мысли, техники, владеющие прагматическими умениями и навыками. А историко-теоретический аспект – это ненаучный общий фон, интересная, познавательная «сказка» про шляпки, бантики и пряжки королей и цариц, не играющая никакой практической роли в догматической научной юриспруденции. Однако данный аспект имеет большое значение не только для развития интеллекта, мировоззрения, ораторского искусства, внутреннего убеждения, правопонимания, системы доказательств, методологического подхода, но и для квалификационной оценки нормативно-фактологического материала в рамках решения конкретного юридического дела.

Основным вопросом всего правоведения является понятие права в его концентрированном и расширенном виде, как отражение более 15 определений различных школ, калейдоскоп, мозаика которых создают целостную картину. При этом право выступает как тектологическая система (А.А. Богданов (1873–1928), нерасчлененный синтез политических, экономических, социальных, юридических, психологических знаний, организационного опыта. Право современного постнеклассического периода – это сложная (в ряде случаев унифицированная), открытая и закрытая, стабильная и хаотичная (полууправляемого хаоса), организуемая и самоорганизованная структура, обладающая программами воспроизводства и саморегулирования, характеризующаяся иерархической организацией элементов (акад. Т.Я. Хабриева). Происходит переход от лингвистически-коммуникативного, диалогово-антропологического, теоретического права к цифровому, машинообразуемому, практикореализуемому праву. Предпринимаются попытки его всеобъемлющего описания с позиций искусственной, цифровой, электронной, виртуальной, дополнительной, противоречивой государственно-правовой реальности.

История методологии юридической науки вытекает из национальной истории государства и права, определяется направленностью задач, стоящих перед страной. В значительной степени она носит комплексный, плюралистический, интегративный, междисциплинарный характер. Методология – это совокупность взглядов, подходов, оценок, принципов, категорий и методов исследования государственно-правовых явлений. Она включает знание, убеждение и квалификационную оценку изучаемого предмета. Метод должен стремиться быть истинным, научным, вытекать из достижений теории и практики, отражать объективные законы бытия и исходить из предмета изучения. Происходит опредмечивание метода и методизация предмета, однако первичным является предмет. В зависимости от последнего устанавливается методология, направление и цели исследования. Пока же отсутствует четкое соотношение предметов и методов исследования. Мы не знаем с помощью каких методов изучать то или иное явление, процесс. Общие методы исследования имеют преимущество перед частноправовыми. Собственно юридическая методология пока слабо разработана. Обычно к частноправовым методам относят: методы толкования (права, нормы, НПА, правоприменительного акта, судебного решения, концепции), компаративистики (в связи с западной политикой санкций востребованность изучения азиатских, африканских, латиноамериканских стран возрастает), технико-юридического анализа, правового моделирования, правовой экспертизы, правового эксперимента, критического правоведения и некоторые другие. Методологической основой современного правоведения называют единство всеобщих (философских), общих, специальных, конкретно-юридических и новых информационно-коммуникационных (ИКТ) методов. Таким методологическим фундаментом по-прежнему, являются: диалектическая, материалистическая (реалистическая), идеалистическая, метафизическая, синергетическая, феноменологическая, герменевтическая, экзистенциальная, междисциплинарная и мультидисциплинарная методологии.

Нужно учитывать действие в обществе как детерминистских, так и вероятностных связей, естественных и искусственных. Если с линейными все более или менее понятно, их можно изучать с помощью диалектико-материалистического метода, то что делать с нелинейными, открытыми социальными системами? Какие применять методы в «пограничных» ситуациях для «прозрения», при нейролингвистическом моделировании, насколько возможен синтез методологий естественных, технических и общественных наук? Как при изучении государственно-правовой реально-

сти можно использовать цифровые технологии, искусственный интеллект (ИИ), нейропрограммирование, Big Data?

Представляется, что диалектико-материалистическая методология (очищенная от абсолютизации, догматизации, вульгарного, классового подхода), остается основной, опорной, базовой. В неё хорошо вписывается герменевтический, экзистенциальный, коммуникативный, историко-софийный, антропологический, культурологический, синергетический, мультидисциплинарный методы. Конструировать социальные модели и воплощать их в жизнь нужно, опираясь на объективную государственно-правовую реальность, юридические факты, нормативные правовые акты, нормативные регуляторы, данные статистики, материалы судебной (правоприменительной) практики, позволяющие просчитывать наступающие результаты. Важно, чтобы они были достоверными, стремящимися к всесторонности, объективности, исходили из принципа бережливости, или закона экономии. Последнее называют принципом методологического редукционизма «бритвы У. Оккама»: «*Entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*» («Не следует множить сущности без необходимости») [8]. Теория проверяется через принципы верификации и фальсификации, оценивается с точки зрения их антропологической и аксеологической значимости. Для получения целостностного знания используются диалектически парные методы исследования (количественные и качественные показатели, анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение и аналогия, восхождение от конкретного к абстрактному и наоборот). Если верификация исходит из проверки проявления, действия гипотезы, предположения, категории, концепции, механизма на практике (практикоподтверждаемость), то фальсификация – предполагает выяснение истинности, научности, объективности через критику, вскрытие «узких» мест, «плюсов и минусов», провоцирование проявления противоречий, коллизий, столкновений. Методологический плюрализм нацелен на объективное познание правовой реальности в её целостности, противоречивости, многоаспектности, альтернативности, диалектичности. Однако он хорош только в том случае, если по словам проф. О.В. Мартышина, повышает уровень исследования, опирается на солидные культурные традиции, сочетается с серьезной борьбой идей, полемикой, нетерпим к непрофессионализму, псевдонаучности, халтуре [9, с. 21].

Методологической основой правоведения является доктринальная разработка метатеории права в новых цифровых условиях, ее законодательное закрепление и правореализующее воплощение.

Теория конвергенции, проникновение взаимоисключающих, интегрированных друг в друга дискретных понятий, включающих общий, рациональный, лично-экзистенциальный, иррациональный опыт, помогут лучше осознать окружающую действительность и построить эффективную программу взаимодействия [10, с. 13–15].

Холистический взгляд на вероятностные самоорганизующиеся системы в рамках инновационного детерминизма, синергетики, футурологии, когнитивной науки позволит рассмотреть парадоксальные проблемы с точки зрения законов диалектики. Если междисциплинарный метод представляет собой сумму заимствований, технологий и методов различных дисциплин, то трансдисциплинарный – выступает как функциональный синтез методологий естественных, технических и общественных наук. Он раздвигает логические метарамки, объединяет предмет изучения с индивидуальным опытом исследователя, рассматривает его на рационально-иррациональном, интуитивном уровнях.

Синектический метод (от др. греч. – совмещение разнородных элементов) – направлен на сравнение разнородных сущностей для нахождения аналогичных решений в различных областях знаний и практики, даже с использованием различных, порой взаимно исключающих подходов. Использует аналогию, инсайт (озарение, интуиция), ИИ, Big Data. Последний имеет положительные и отрицательные оценки. Положительные – связаны с охватом, стремлением к объективности, большими параметрами, объемом информации, скоростью накопления, количеством источников, возможностью проанализировать в масштабах электронного пространства. Создаются предпосылки выяснения действия законов и закономерностей, их перевода на юридический уровень. Учитывая мнение больших групп общества, можно моделировать социальные процессы, организовывать и управлять движением масс. Минусы являются продолжением плюсов, когда не учитывается вероятностный характер развития, возможность отклонений и случайностей, мнение меньшинства, преувеличение роли цифры и анкеты, программирование (навязывание) ответа и результата, учет преимущественно внешних (рациональных) факторов.

Дополнительное изучение действительности осуществляется с использованием художественно-эстетических, логико-лингвистических, социально-психологических методов. Это связано с истолкованием произведений искусства: архитектуры, живописи, графики, скульптуры, литературы, театра, музыки, хореографии, кино, телевидения, интернета и др. Здесь искусство как социальное явление становится моделью деятельности личности (народа) и отражением мира,

концентрированным выражением общественной практики, формой общественного сознания, анализирующей государственно-правовую действительность через художественное творчество и художественный образ. Обращение к субъективности, ярким, гротесковым образам облегчает восприятие и понимание, находит «знакомые» примеры, активизирует переживания и действия.

Выводы:

1. Для повышения концептуально-методологической значимости курса «История и методология юридической науки» необходимо усилить его научную составляющую: точность, доказательность, убедительность, функциональную наполненность понятий, определений, категорий, теорий.
2. Для повышения интереса обучающихся следует использовать жизненно-важные примеры из истории страны, её героического прошлого, становления и развития юридической науки.
3. Нужно совершенствовать методологию юридической науки в рамках плюралистического подхода, совмещая традиционные методы с новыми философскими, общенаучными, частно-научными, частно-юридическими, современными цифровыми подходами.
4. Необходимо усилить использование догматического, логико-структурного, мультимедийного материала, чтобы закрепить у учащихся фундаментальные знания для доктринального, законодательного, правоприменительного решения проблемных вопросов юриспруденции.

Список литературы:

- [1] Веденеев Ю.А. Открытие юриспруденции: эпохи и стиль / Государство и право. 2020. № 11. С. 40–48.
- [2] Флоренский П.А. Диалектика / П.А. Флоренский У водоразделов мысли Т.2. М., Изд.-во «Правда» 1990. С. 125–151.
- [3] Бочков А.А., Шагиева Р.В. Исторический процесс как основа классификации (типологии) государства и права / Аграрное и земельное право. 2024. № 1(229). С. 20–23.
- [4] Жуков В.Н. Юриспруденция как наука: возвращение к забытым истинам // Государство и право. 2017. № 9. С. 5–24.
- [5] Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса / Вступ. ст., сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Респ.-ка, 1994. 368 с.
- [6] Бочков А.А. Методологические основы современной юриспруденции / А.А. Бочков, П.В. Гурщенков, Г.Ш. Бочкова // Право. Экономика. Психология. Научно-практический журнал

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова 2021 № 1(21). С. 8. С. 3–11.

[7] Флоренский П.А. наука как символическое описание / П.А. Флоренский У водоразделов мысли Т.2. М., Изд.-во «Правда» 1990. – С. 109–124.

[8] Бритва Оккама. // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D0%9E%D0%BA%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B0. (дата обращения: 19.12.2025).

[9] Мартышин О.В. Об особенностях философско-правовой методологии / О.В. Мартышин // Государство и право. 2016. № 6. С. 20–30.

[10] Лазарев В.В. Философские основы имплементационной деятельности / В.В. Лазарев // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 5–18.

References:

- [1] Vedeneyev Yu.A. Discovery of Jurisprudence: Eras and Style / State and Law. 2020. No. 11. pp. 40–48.
- [2] Florensky P.A. Dialectics / P.A. Florensky At the Watersheds of Thought Vol. 2. Moscow, Pravda Publishing House, 1990. pp. 125–151.
- [3] Bochkov A.A., Shagieva R.V. Historical Process as the Basis for Classification (Typology) of State and Law / Agrarian and Land Law. 2024. No. 1 (229). pp. 20–23.
- [4] Zhukov V.N. Jurisprudence as a Science: Returning to Forgotten Truths // State and Law. 2017. No. 9. pp. 5–24.
- [5] Vysheslavtsev B.P. Ethics of the Transformed Eros / Introduction, compiled and commented by V.V. Sapova. - Moscow: Resp.-ka, 1994. 368 p.
- [6] Bochkov A.A. Methodological Foundations of Modern Jurisprudence / A.A. Bochkov, P.V. Gurshchenkov, G.Sh. Bochkova // Law. Economics. Psychology. Scientific and Practical Journal of the Educational Institution "Vitebsk State University named after P.M. Masherov 2021, No. 1 (21). P. 8. Pp. 3–11.
- [7] Florensky P.A. Science as a Symbolic Description / P.A. Florensky At the Watersheds of Thought, Vol. 2. M., Pravda Publishing House, 1990, pp. 109–124.
- [8] Occam's Razor. Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D0%9E%D0%BA%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B0. (Accessed: 19.12.2025).
- [9] Martyshin, O.V. On the Features of Philosophical and Legal Methodology. State and Law. 2016, no. 6, pp. 20–30.
- [10] Lazarev, V.V. Philosophical Foundations of Implementation Activities. Lazarev // Journal of Russian Law. 2020. No. 9. Pp. 5–18.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-230-237

ВАСИЯН Роман Иванович,
доцент Департамента гуманитарного и
социально-экономического образования ФГАОУ ВО
«Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина»
(Россия, Екатеринбург),
e-mail: R_Vasiyan@mail.ru

ПОНЯТИЕ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЫ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы правовой идентификации и определения понятия «цифровая экосистема». Автор анализирует генезис термина, его заимствование из биологии в экономику и право, а также существующие в научной литературе и нормативных актах разночтения в его трактовке. Особое внимание уделяется соотношению понятий «цифровая платформа» и «цифровая экосистема». Исследуются подходы к правовому регулированию цифровых экосистем в России и за рубежом. Обосновывается необходимость разработки и принятия системообразующего закона, устанавливающего основы правового регулирования цифровых экосистем в российской экономике, с учетом баланса между инновационным развитием, конкуренцией и защитой прав участников.

Ключевые слова: цифровая экосистема, цифровая платформа, правовая идентификация, правовое регулирование, антимонопольное законодательство, информационные технологии, бизнес-модель.

VASIYAN Roman Ivanovich,
Associate Professor of the Department
of Humanities and Socio-Economic Education,
Ural Federal University named after the first President of Russia
B.N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF A DIGITAL ECOSYSTEM: CURRENT PROBLEMS OF LEGAL IDENTIFICATION

Annotation. This article examines current issues in the legal identification and definition of the concept of “digital ecosystem.” The author analyzes the origins of the term, its adoption from biology into economics and law, and the discrepancies in its interpretation in scientific literature and regulations. Particular attention is paid to the relationship between the concepts of “digital platform” and “digital ecosystem.” Approaches to the legal regulation of digital ecosystems in Russia and abroad are explored. The need for the development and adoption of a system-forming law establishing the foundations for the legal regulation of digital ecosystems in the Russian economy is substantiated, taking into account the balance between innovative development, competition, and the protection of participants’ rights.

Key words: digital ecosystem, digital platform, legal identification, legal regulation, antitrust legislation, information technology, business model.

Введение

Для современных условий экономического развития характерным является формирование и развитие цифровых экосистем во многих сферах экономики. Так, по оценке экспертов McKinsey, к 2025 году на экосистемы может прийти около 30% глобального ВВП (60 трлн долл. США). По

данным исследований экспертов PWC, к концу 2021 года капитализация компаний Apple и Microsoft – превышала 2 трлн долл., а Saudi Aramco, Alphabet (Google) и Amazon – оценивалась более 1 трлн долл.

Специфический термин – «цифровые экосистемы» нередко используется в экономической

науке, предпринимательском правоведении и других исследованиях, однако его этимология (происхождение) нуждается в более глубоком гносеологическом осмыслении, поскольку это оказывает существенное влияние на понимание данного термина.

Материалы и методы исследований

Значительное осложнение в понимании феномена «цифровые экосистемы» привносит то обстоятельство, что как в зарубежной, так и в отечественной, литературе существуют различные направления при рассмотрении экосистем: «бизнес-экосистемы» («business ecosystems»), где исследование концентрируется на фирме и её окружении, среде; «инновационные экосистемы» («innovation ecosystems»), в рамках которых внимание фокусируется на определённой инновации, предложении новой ценности и группе акторов, поддерживающих её; платформенные (технологические) экосистемы («platform ecosystems»), где рассматриваются механизмы организации акторов вокруг технологической платформы и т. д.

Сама базовая часть – «экосистема» – рассматриваемого термина имеет биологическое значение и идентифицируется как биологическая система, состоящая из сообщества живых организмов (биоценоз), среды их обитания (биотоп), системы связей, осуществляющей обмен веществ и энергии между ними. Термин «экосистема» предложен А. Тенсли (1935), который считал, что экосистемы «с точки зрения эколога, представляют собой основные природные единицы на поверхности земли», в которые входит «не только комплекс организмов, но и весь комплекс физических факторов, образующих то, что мы называем средой биомы, – факторы местообитания в самом широком смысле» и т. д. [15].

Таким образом, уже из кратких выше отмеченных положений совершенно очевидно, что термин «экосистемы», с одной стороны, и «цифровые экосистемы» – с другой, – это разные феномены как по своей этимологии, так и по семантическому смысловому значению. Если «экосистемы» имеют естественно-природный генезис, то «цифровые экосистемы» – результат интеллектуальной деятельности человека и т. д.

В связи с этим логически возникает вопрос о том, насколько обосновано и оправдано введение в терминологический аппарат и понятийное «поле» экономической науки, а также и правоведения в сфере предпринимательства, нового термина «цифровые экосистемы».

С методологических позиций по этому поводу необходимо заметить следующее.

Прежде всего, следует иметь в виду то, что ситуации, когда термины из категориального аппарата одной науки используются в той или иной

знаниевой области другой науки, не является какой-то редкостью. Примеров таких достаточно много и вряд ли стоит здесь их воспроизводить.

Вместе с тем заимствованный из другой науки термин может по-разному соотноситься и взаимодействовать с категориями иной науки (реципиента), воспринявшей его. В этом контексте можно выделить несколько способов.

Во-первых, – это способ «консолидации» терминов и понятий иных наук в предметный категориальный строй экономической науки (другой отрасли знаний), когда «инородный» термин (понятие), относящийся по своему содержанию, субстанциональной сущности к предмету иной науки, используется в экономической науке как термин, имеющий качественно иное содержание, форму, целевое назначение, функции и т. д., по сравнению со своим исходным («первородным») прототипом, сохраняя при этом лишь некоторые лингвистические элементы (звучание) последнего.

Во-вторых, «ассоциированные» в систему экономических категорий и понятий термины иных наук, которые (термины) используются в экономических исследованиях, однако, не имея достаточного «статуса» экономических категорий, поскольку в процессе их использования у них ещё не сформировалось чёткого, определённого экономического смыслового содержания.

В-третьих, ряд категорий иных наук не могут использоваться в экономическом научном «поле» ни в качестве «консолидированных», ни в форме «ассоциированных» методологических инструментов в силу того, что имеют сугубо специфическое от определённой науки содержание, которое не способно «трансформироваться» («преобразоваться») и, таким образом, приобрести какое-либо другое смысловое значение. Такие термины (например, в физике – электрон, протон и т. д.) могут использоваться в экономике только в их исходном («первородном») смысловом значении.

С учётом выше отмеченного можно сделать вывод о том, что термин «цифровые экосистемы» применяется в экономической науке, а также в предпринимательском правоведении, сочетая при этом элементы «консолидированного» и «ассоциированного» способов использования биологического (экологического) по своей этимологии термина «экосистема» в качественно ином (экономическом) предметном пространстве.

Результаты и обсуждения

В самом деле, базовая часть – «экосистема» – (существительное) термина «цифровые экосистемы» используется в экономических исследованиях вместе с прилагательным – «цифровые», что не только придаёт специфическое лингвистическое звучание словосочетанию «цифровые экоси-

стемы», но и качественно трансформирует его содержание, функции, смысловое значение и т. д. в системе категориального аппарата экономической науки.

Вместе с тем следует заметить, что к настоящему времени термин «цифровые экосистемы» не интегрировался должным образом в систему экономических категорий, о чём свидетельствует то, что в литературе существует достаточно большой «разброс» различных мнений, взглядов и подходов авторов к пониманию феномена «цифровые экосистемы».

Прежде всего, во многих исследованиях «экосистема» понимается в «широком» и «узком» смысловых значениях. Так, родоначальник термина «экосистема» в сфере экономики Джеймс Мур подходил к его пониманию с широких позиций. По мысли данного автора, в экономике под «экосистемой» следует понимать экономическое сообщество, поддерживаемое базисом из взаимодействующих организаций и отдельных лиц.

Н. А. Молодчик и Д. С. Брагина, говоря о «цифровых экосистемах» в широком смысле, отмечают, что зачастую под экосистемой понимают модель ведения бизнеса, при которой существует система из взаимодействующих и взаимовлияющих элементов – организаций, процессов, проектов, сервисов, что создаёт благоприятную среду для сотрудничества и удовлетворения взаимовыгодных интересов [4].

При этом применение «экосистемного» подхода, как отмечают указанные авторы, возможно не только по отношению к внешней среде компании, но и внутри неё. Более того, появился концепт экосистемного анализа экономики.

По мысли А. В. Спиридоновой: «В широком смысле под экосистемами в сфере предпринимательской деятельности можно, на наш взгляд, рассматривать систему взаимодействия между хозяйствующими субъектами, которая основана на долгосрочном, взаимовыгодном, юридически оформленном сотрудничестве, которое позволяет удовлетворять интересы и цели каждого из членов такой системы» [5].

В литературе высказана и такая позиция, когда систему сквозных социальных и бизнес-процессов именуют «цифровой экосистемой деятельности» [2].

В соответствии с положением подпункта «с» пункта 4 утверждённого Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 документа – «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» – экосистема цифровой экономики определена как: «партнёрство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов,

аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан» [7].

В связи с этим и другими широкими подходами к рассмотрению категории «экосистема» следует заметить, что экономическая деятельность – особенно в современных условиях, – чаще всего, охватывает собой совокупность экономических и иных взаимовыгодных связей и интересов нескольких хозяйствующих субъектов – производитель товара, дистрибьютор (посредник), покупатель, рекламная организация и т. д., что с позиций «широкого подхода» может быть идентифицирована как «экосистема». Аналогично, взаимовыгодные длительные экономические связи холдинговых компаний с десятками поставщиков, покупателей, других хозяйствующих субъектов, основанные на общих программах, сервисах и т. д., также при таких условиях могут рассматриваться как «экосистема».

К тому же указанные системные взаимосвязи нередко включают в свой состав компетентные публичные органы, отношения с которыми носят зачастую властный, а не экономический характер.

Примечательно, в ранее действовавшей Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» термин «социально-экономические экосистемы» интерпретировался только в виде «локализованного комплекса организаций, бизнес-процессов, инновационных проектов и инфраструктурных образований», – понимание, которое вряд ли можно назвать релевантным, поскольку здесь в рамках одного понятия предпринята попытка объединить ряд разнородных явлений, процессов и т. д.

В контексте выше отмеченного термин «экосистема» становится весьма «аморфным» (неопределённым) обозначением, которое вряд ли может сейчас претендовать на «статус» научной экономической категории и пригодно, разве, для условного использования в каких-либо специфических исследовательских целях.

Что касается «узкого» понимания «экосистемы» – как «цифровые экосистемы», – то здесь во взглядах, наряду с единством, имеются и некоторые особенности.

По определению Н. А. Молодчик и Д. С. Брагиной, цифровая экосистема – «это совокупность взаимосвязанных и дополняющих друг друга цифровых сервисов, объединённых технологической платформой. Все сервисы, входящие в состав цифровой экосистемы, создают дополнительную ценность для клиентов компании» [4].

С разных точек зрения – технологической, экономической, организационной – рассматривает «цифровую экосистему» А. Н. Арзамаскин. В

частности, как полагает автор, с экономической точки зрения «цифровая экосистема – это среда, в которой создание добавочной стоимости проектов или продуктов осуществляется с помощью информации и технологий работы с большими данными» [1].

Также достаточно абстрактно определяет «цифровую экосистему» ассоциация электронных коммуникаций – как среду, состоящую из шести базовых «хабов»: «Государство и общество», «Маркетинг и реклама», «Финансы и торговля», «Инфраструктура и связь», «Медиа и развлечения», «Образование и кадры».

По мысли зарубежных авторов W. Li, Y. Vasdr: «Экосистемой цифровой экономики является система, способная к самоорганизации и масштабированию. Данная система состоит из различных по своим характеристикам элементов, которые взаимодействуют друг с другом, что, в свою очередь, способствует увеличению общей пользы, а также даёт новые возможности для распространения информации и инноваций» [8].

Из выше приведённых определений «цифровой экосистема» можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, констатируется, что цифровые экосистемы базируются на технологических платформах.

Во-вторых, сервисы, входящие в состав цифровой экосистемы, создают дополнительную ценность для её участников.

В-третьих, авторы нередко не проводят каких-либо различий между понятиями: «цифровая экосистема» и «цифровая платформа», которые, безусловно, неразрывно связаны между собой, однако это не идентичные феномены.

С учётом отмеченного можно сформулировать следующее определение.

Цифровая экосистема – это базирующаяся на одной (или более) цифровой платформе качественно специфическая среда в сфере экономики, в которой (среде) посредством взаимодействующих между собой технических средств, информационных технологий и сервисов осуществляются связи между её субъектами, для которых, таким образом, создаются различные продукты и услуги, дополнительно обеспечивающие им организационные удобства, финансовую привлекательность и другие ценности.

Что же касается соотношения феноменов «цифровая платформа» и «цифровая экосистема», то по этому поводу можно отметить следующее. При всей, безусловной, тесной, неразрывной взаимосвязи этих понятий, тем не менее, их нельзя отождествлять.

Нередко «цифровую платформу» идентифицируют как «совокупность аппаратного, программного обеспечения и услуг», а также как «бизнес-модель, основанную на создании территории, открытой для сторонних поставщиков, действующих автономно» [9].

Высказано и такое мнение, как-то: «По сути, цифровая платформа представляет собой техническое решение, используемое в сети Интернет для подключения как множества поставщиков, так и множества покупателей товаров, работ, услуг». При этом подчёркивается, что по отношению к лицу – владельцу цифровой платформы – в российском законодательстве в ряде случаев применяются такие обозначения, «оператор платформы», «владелец агрегатора информации о товарах (услугах)».

По мысли А. Н. Арзамаскина: «На сегодняшний день экосистемы представляют собой наиболее прогрессивную форму развития бизнес-модели», «процесс объединения цифровых платформ в экосистемы связан в первую очередь с высоким уровнем конкуренции» [1].

Из последнего положения, где говорится о процессе «объединения цифровых платформ в экосистемы», следует, что здесь также не проводится различие между понятиями «цифровая экосистема» и «цифровая платформа», которые, скорее, идентифицируются как равнозначные категории.

В контексте рассматриваемого вопроса о соотношении категорий «цифровая экосистема» и «цифровая платформа» некоторый интерес представляют отдельные положения, содержащиеся в российском законодательстве, касающиеся правового регулирования отношений в сфере информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Так, в соответствии с положением подпункта 1 пункта 1 статьи 2 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ инвестиционная платформа – информационная система в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», используемая для заключения с помощью информационных технологий и технических средств этой информационной системы договоров инвестирования, доступ к которой предоставляется оператором инвестиционной платформы [11].

В свою очередь, понятие «информационная система» используется в выше указанном Федеральном законе в значении, определённом в положении пункта 3 статьи 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ, согласно которому информационная система – это совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих её обработку информационных технологий и технических средств [12].

Таким образом, с учётом выше приведённых положений можно отметить следующее.

Во-первых, цифровая платформа представляет собой ни что иное, как информационную систему в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Во-вторых, содержание понятия «информационная система», а, следовательно, и «цифровая платформа», составляют такие элементы, как: информация, содержащаяся в базе данных; технологии и технические средства, обеспечивающие её обработку.

В-третьих, посредством указанных данных – информации, технологий и технических средств осуществляется заключение договоров между участниками цифровой платформы.

В-четвёртых, различные продукты/услуги, предоставляемые цифровой платформой её участникам на договорной основе, позволяют им значительно экономить время, сокращать транзакционные издержки, использовать современные цифровые формы экономических взаимосвязей и т. д.

Попытка разграничить понятия «цифровая платформа» и «цифровая экосистема» предпринята в Концепции общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы» (май, 2021) (далее – Концепция общего регулирования) [10].

Вместе с тем в указанном документе содержится оговорка: «Границы между цифровыми платформами и предоставляемыми ими продуктами/услугами и цифровыми экосистемами могут быть размытыми. Цифровые экосистемы являются следующей фазой развития цифровых платформ, в том числе могут включать несколько цифровых платформ. Также экосистемы зачастую основаны на современной технологической платформе».

Отсюда следует, что с точки зрения субстанциональной сущности «цифровая платформа» и «цифровая экосистема» – феномены почти идентичные с небольшой особенностью: «цифровые экосистемы» выступают лишь «следующей фазой развития «цифровых платформ» и могут включать в себя несколько цифровых платформ, что вряд ли можно признать в качестве существенных отличительных признаков.

В связи с этим необходимо заметить, что сугубо с чисто «технической» либо «экономической» позиций, возможно, что категоризация соотношения понятий «цифровая платформа» и «цифровая экосистема» не является столь значимой. Однако, поскольку указанные термины используются в действующем законодательстве и на практике, то для правового регулирования отношений, связанных с созданием цифровых

платформ, их использованием, выстраиванием моделей правовых взаимоотношений между их участниками и т. д. – это является достаточно важным.

В Концепции общего регулирования «цифровая платформа» определена как «бизнес-модель, позволяющая потребителям и поставщикам связываться онлайн для обмена продуктами, услугами и информацией (цифровыми сервисами), включая предоставление продуктов/услуг/информации собственного производства» [10].

В свою очередь, «цифровая экосистема» в Концепции общего регулирования идентифицирована как «клиентоцентричная бизнес-модель, объединяющая две или более группы продуктов, услуг, информации (собственного производства и/или других игроков) для удовлетворения конечных потребностей клиентов (безопасность, жильё, развлечения и т. д.)» [10].

Таким образом, основное отличие между выше приведёнными определениями, как можно понять, заключается в том, что если «цифровая платформа» определяется как «бизнес-модель», позволяющая её участникам связываться онлайн для обмена продуктами, услугами, информацией (цифровыми сервисами) для удовлетворения своих потребностей, то «цифровая экосистема» идентифицирована как «клиентоцентричная бизнес-модель», объединяющая несколько групп продуктов, услуг, информации для удовлетворения конечных потребностей клиентов.

Однако, строго говоря, и «цифровая платформа» – это тоже, в сущности, «клиентоцентричная» бизнес-модель. И тогда вновь возвращается ранее обозначенный вопрос: в чём же заключается существенное взаимное отличие концептов – «цифровая платформа» и «цифровая экосистема»?

В связи с этим примечательным является то, что в Концепции общего регулирования после определения «цифровой экосистемы» содержится пояснение: «Особенностью экосистем является то, что они объединяют продукты/услуги, создавая дополнительную ценность при пользовании более чем одним/одной продуктом/услугой с точки зрения удобства и/или финансовой привлекательности для своих поставщиков и потребителей, на основе технологических платформ».

Из приведённого «пояснения», как видно, следует, что особенностью «экосистем» является, в том числе, то, что они объединяют различные продукты/услуги «на основе технологических платформ». Иначе говоря, получается, что «экосистемы» базируются не на «цифровых платформах», а на основе «технологических платформ». В Концепции общего регулирования понятие «технологическая платформа», в отличие от определения «цифровой платформы», сформулировано

как то, что «это набор технологических переиспользуемых компонентов (как правило, облачных) на каждом уровне архитектуры (инфраструктура, хранение данных, технологические сервисы, бизнес-логика, прикладные решения, каналы приложения)» и других инструментов.

Таким образом, получается вместо того, чтобы сформулировать более чёткие определения «цифровая платформа» и «цифровая экосистема», в Концепции общего регулирования дополнительно введено специфическое определение – «технологическая платформа», что ещё более усложнило понимание указанных терминов.

На наш взгляд, соотношение и взаимосвязь таких феноменов, как «цифровая платформа» и «цифровая экосистема» можно представить в виде сложного явления, структурно состоящего из базового элемента – «ядра», в качестве которого выступает «цифровая платформа» и другого элемента – всего того, что окружает это «ядро» – формирует вокруг него специфическую цифровую среду в виде различных институциональных формирований, опосредствующих использование цифровых технологий (сервисов), технических средств и т. д. данной цифровой платформы с целью удовлетворения интересов и потребностей участников цифровой платформы. Указанная цифровая среда создаёт необходимые условия для развития «цифровой платформы» и связанных с ней информационных технологий, а также для эффективного взаимодействия участников «цифровой платформы».

Как представляется, содержание цифровой среды российской экономики включает в себя ряд институциональных формирований, которые определяют цифровую экосистему экономики в структурном и функциональном отношениях. Среди таких институциональных формирований в качестве основных можно выделить, в частности, следующие: цифровые платформы вместе с связанными с ними техническими средствами, цифровыми технологиями, производимыми платформенными продуктами и услугами; субъекты – участники цифровой платформы, вступающие между собой в различные экономические отношения с целью удовлетворения своих потребностей и интересов; институт публичных органов и общественных организаций, призванных оказывать содействие и поддержку в развитии цифровых технологий; институт привлечения инвестиций в развитие цифровой среды экосистемы экономики России; институт национальной стратегии и обеспечения безопасности России, а также прав и законных интересов граждан в цифровой среде в условиях её глобализации; научно-техническое и кадровое обеспечение развития цифровой среды экосистемы экономики России; институт междуна-

родного сотрудничества Российской Федерации с дружественными странами в формировании и развитии цифровой среды в рамках региональных и иных экономических объединений государств.

Оба обозначенных выше компонента – («ядро» цифровой экосистемы – «цифровая платформа» и «цифровая среда», охватывающая указанные выше и другие институциональные формирования, в совокупности образуют «цифровую экосистему» российской экономики.

Выводы

Поскольку «цифровые экосистемы» – относительно новый концепт, который крайне недостаточно отражён в российском законодательстве, в связи с чем остро нуждается в его категоризации.

Прежде всего, очевидно, это касается необходимости разработки и принятия системообразующего Закона об основах правового регулирования цифровых экосистем, на базе которого в дальнейшем должна формироваться законодательная и иная регуляторная «инфраструктура», обеспечивающая функционирование цифровых экосистем российской экономики.

Расширение сегментов экономики, на которых функционируют цифровые экосистемы, обуславливает необходимость разработки нормативных положений, препятствующих монополизации деятельности в указанных сферах, и соответствующих современным техническим, информационно-технологическим, социально-экономическим, а также политико-правовым требованиям. Антимонopolное регулирование, с одной стороны, должно предоставлять достаточную свободу экономической деятельности цифровых платформ, создавать условия для их инновационного развития, конкурентоспособности, а с другой – чётко обозначить критерии и допустимые пределы доминирующего влияния цифровых платформ на тех или иных сегментах экономики.

К числу важнейших при осуществлении правового регулирования цифровых экосистем, безусловно, также относятся вопросы, связанные с обеспечением защиты персональных данных клиентов, равноправного доступа субъектов к монетизируемой информации цифровых платформ, проверка качественных характеристик их контента.

И здесь, конечно, полезным представляется обратиться к наработанному положительному опыту зарубежных стран. Так, в КНР, где функционирование и правовая регламентация цифровых технологий достигли достаточно высокого уровня, деятельность цифровых платформ и экосистем поддерживается органами государственной власти, и их развитие в целом осуществляется в рамках свободного экономического и правового пространства. Однако это допускается до тех преде-

лов, когда цифровая платформа начинает занимать доминирующее положение на определённом сегменте экономики, в результате чего создаётся угроза подмены соответствующих функций государства её деятельностью. В частности, в 2019 – 2020 годы ряд исков антимонопольным органом КНР был предъявлен к таким крупным цифровым компаниям, как Alibaba, JD.com и Tencent о злоупотреблении доминирующим положением. В рамках цифровой регуляторной системы в КНР в 2019 году был принят Закон об электронной коммерции, предусматривающий, в том числе, положения о защите персональных данных и прав покупателей, необходимость борьбы с контрафактной продукцией, фейковыми отзывами.

В Европейском союзе для регуляторной системы в сфере упорядочения деятельности цифровых платформ и экосистем характерным является то, что в целом она направлена на обеспечение развития внутренних цифровых рынков и усиление требований к иностранным цифровым платформам и экосистемам. В 2020 году там был разработан ряд проектов нормативных регламентов, в части упорядочения функционирования цифровых рынков, больших данных, цифровых услуг. При этом основные акценты были сделаны на обеспечение прав пользователей, борьбе с нелегальным контентом, недопустимости злоупотребления доминирующим положением цифровых платформ и экосистем.

В регуляторной системе США в цифровой сфере экономики высоко развит институт антимонопольного законодательства, направленный на предотвращение ситуаций, связанных со злоупотреблением со стороны цифровых платформ своим доминирующим положением на определённом сегменте рынка [13].

При построении системы правового регулирования отношений в сфере цифровых экосистем в России, прежде всего, необходимо исходить из разработанного ФАС России Проекта базовых принципов взаимодействия участников цифровых рынков [14]. Среди таких принципов обозначены, в частности: разумная открытость платформ; нейтральность в отношении ко всем сторонам рынка; обеспечение самостоятельности пользователей платформ при взаимодействии с ними; обеспечение прав пользователей платформ.

Указанные базовые принципы подлежат применению в случае пробелов в законодательстве, и носят в значительной мере превентивный характер. Однако, думается, целесообразно было бы закрепить верифицированные практикой базовые принципы деятельности цифровых платформ на законодательном уровне, чётко прописав механизмы реализации этих принципов, формы и виды (меры) ответственности лиц за их нарушения и т. д.

В целом можно отметить, что формирующаяся в Российской Федерации регуляторная система в сфере цифровых экосистем должна быть сориентирована на создание открытых, прозрачных, недискриминационных условий деятельности субъектов – участников цифровых платформ, обеспечение технологического суверенитета и инновационного развития Российской Федерации, её конкурентоспособности на мировом рынке, а также реализацию конституционных прав граждан, в частности – свободу получения и распространения информации, неприкосновенность частной жизни.

Список литературы:

- [1] Арзамаскин А. Н. Цифровые экосистемы в современном российском обществе: понятие, общая характеристика, правовой аспект регулирования // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 2. С. 12.
- [2] Иншакова Е. И. Формирование экосистемы цифровой экономики Российской Федерации: институциональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2020. Т. 22. № 4. С. 7.
- [3] Кукушкин С. Н. Транзакционный анализ бизнес-экосистем // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2021. № 5. С. 138-139.
- [4] Молодчик Н. А., Брагина Д. С. Внешние и внутренние цифровые экосистемы: российские практики // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2023. № 1. С. 143.
- [5] Спиридонова А. В. Цифровые экосистемы // Университетские правовые диалоги «Право и предпринимательство»: материалы международной научно-практической конференции, 224-25 марта 2022 г. / под ред. В. В. Кваниной. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2022. Ч. 1. С. 140.
- [6] Руденко М. Н., Грибанов Ю. И. Тенденции цифровизации и сервисизации экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 2 (40). С. 5.
- [7] Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собр. Законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
- [8] Li W., Bacdr Y. Digital Ecosystems: Challenges and Prospects // International Conference of Management of Emergent Digital Ecosystems. 2012. P. 117.
- [9] Что такое цифровая платформа для ритейла // [Электронный ресурс] URL: <https://siddigital.com/article/chto-takoe-cifrovaya-platforma-dlya-ritejla/#tsifrovaya-platforma-kak-biznes-model> (дата обращения 20.08.2024).

[10] Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы» (май, 2021). // [Электронный ресурс] URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/koncepciya_21052021.pdf (дата обращения 20.08.2024).

[11] Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4418

[12] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собр. законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

[13] Международный опыт регулирования в США // [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/law/kontseptsia-obshchego-regulirovaniia-delatelnosti-grupp-kompanii-razvivaiushchikh/i/mezhdunarodni-opyt-pravovogo-regulirovaniia/v-ssha/> (дата обращения 25.12.2023).

[14] ФАС в СМИ: Экосистемный анализ: ФАС составила пять принципов работы цифровых платформ // [Электронный ресурс] URL: fas.gov.ru/publications/23202 (дата обращения 20.08.2024).

[15] Экосистема. Большая российская энциклопедия // [Электронный ресурс] URL: bigenc.ru/c/ekosistema-cb7f92 (дата обращения 20.08.2024).

[16] Третьяков О. В. Анализ факторов успеха создания, функционирования и развития цифровых экосистем в бизнесе // Московский экономический журнал. 2022. № 2. С. 644-647.

References:

[1] Arzamaskin A. N. Digital ecosystems in modern Russian society: concept, general characteristics, legal aspect of regulation // The rule of law: theory and practice. 2022. No. 2. P. 12.

[2] Inshakova E. I. Formation of the ecosystem of the digital economy of the Russian Federation: institutional aspect // Bulletin of Volgograd State University. Economics. - 2020. Vol. 22. No. 4. P. 7.

[3] Kukushkin S. N. Transactional analysis of business ecosystems // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. 2021. No. 5. P. 138-139.

[4] Molodchik N. A., Bragina D. S. External and internal digital ecosystems: Russian practices // Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences. 2023. No. 1. P. 143.

[5] Spiridonova A. V. Digital Ecosystems // University Legal Dialogues "Law and Entrepreneurship": Proceedings of the International Scientific and Practi-

cal Conference, March 24-25, 2022 / edited by V. V. Kvanina. Chelyabinsk: SUSU Publishing Center, 2022. Part 1. P. 140.

[6] Rudenko M. N., Gribanov Yu. I. Trends in Digitalization and Servisization of the Economy // Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technology. 2019. No. 2 (40). P. 5.

[7] Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030" // Coll. Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 20. Art. 2901.

[8] Li W., Bacdr Y. Digital Ecosystems: Challenges and Prospects // International Conference of Management of Emergent Digital Ecosystems. 2012. P. 117.

[9] What is a Digital Platform for Retail // [Electronic resource] URL: <https://siddigital.com/article/chto-takoe-cifrovaya-platforma-dlya-ritejla/#tsifrovaya-platforma-kak-biznes-model> (accessed 20.08.2024).

[10] Concept of General Regulation of the Activities of Groups of Companies Developing Various Digital Services Based on a Single "Ecosystem" (May 2021). // [Electronic resource] URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/koncepciya_21052021.pdf (accessed on August 20, 2024).

[11] Federal Law of August 2, 2019 No. 259-FZ (as amended on August 8, 2024) "On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Coll. legislation of the Russian Federation. 2019. No. 31. Art. 4418

[12] Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ (as amended on August 8, 2024) "On Information, Information Technologies, and the Protection of Information" // Coll. legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part 1). Art. 3448.

[13] International regulatory experience in the USA // [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/law/kontseptsia-obshchego-regulirovaniia-delatelnosti-grupp-kompanii-razvivaiushchikh/i/mezhdunarodni-opyt-pravovogo-regulirovaniia/v-ssha/> (accessed December 25, 2023).

[14] FAS in the Media: Ecosystem Analysis: FAS has developed five principles for the operation of digital platforms // [Electronic resource] URL: fas.gov.ru/publications/23202 (accessed on August 20, 2024).

[15] Ecosystem. The Great Russian Encyclopedia // [Electronic resource] URL: bigenc.ru/c/ekosistema-cb7f92 (accessed on August 20, 2024).

[16] Tretyakov, O. V., Analysis of Success Factors for the Creation, Functioning, and Development of Digital Ecosystems in Business // Moscow Economic Journal. 2022. No. 2. pp. 644-647.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-238-246

ХРАПСКИЙ Владимир Юрьевич,
аспирант Института законодательства и
сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации,
e-mail: ccvova@gmail.com

ВОПРОСЫ ДЕМОГРАФИИ В РАБОТАХ СОВЕТСКИХ ПРАВОВЕДОВ

Аннотация. В статье представлен обзор основных работ отечественных правоведов советского периода по вопросам демографии и демографической политики. Рассмотрен ряд теоретических аспектов правового регулирования демографических процессов. Представлены позиции авторов по таким вопросам как: выделение демографического законодательства в качестве самостоятельной отрасли законодательства, роль и эффективность права как инструмента демографической политики, пределы и возможности правового воздействия на демографические процессы, а также основные механизмы такого воздействия.

Ключевые слова: демография, демографическая политика, демографическое законодательство, правовое регулирование демографических процессов.

KHRAPSKY Vladimir Yurievich,
postgraduate student at the Institute
of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation

DEMOGRAPHIC ISSUES IN THE WORKS OF SOVIET LEGAL SCHOLARS

Annotation. The article provides a review of the main works of Soviet legal scholars on issues of demography and demographic policy. It examines a number of theoretical aspects of the legal regulation of demographic processes. The positions of various authors are analyzed with regard to such issues as the recognition of demographic legislation as an independent branch of legislation, the role and effectiveness of law as an instrument of demographic policy, the limits and possibilities of legal influence on demographic processes, and the principal mechanisms of such influence.

Key words: demography, demographic policy, demographic legislation, legal regulation of demographic processes.

Введение

Демографическая ситуация в современной России характеризуется «такими тенденциями, как снижение уровня рождаемости, отдаление вступления в брак и деторождения на более поздний период, переход к малодетным и однопоколенным моделям семьи, старение населения» [1]. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ) в России существенно отстаёт от уровня других развитых стран, при этом наблюдается существенный разрыв в ОПЖ между мужчинами и женщинами.

Беспокойство политиков и части общественности вызывает снижение рождаемости, иллюстрируемое, как правило, динамикой суммарного коэффициента рождаемости, ежегодное сниже-

ние которого началось с 2016 года [1]. При этом в контексте наметившегося в политической сфере консервативного поворота вопросам рождаемости уделяется особое внимание [2].

Эксперты, впрочем, отмечают, что алармистские ожидания относительно дальнейшего снижения рождаемости и перехода к преобладающей однодетности или даже бездетности могут быть несколько преувеличены [3]. Тем не менее, господствующая в общественно-политическом дискурсе точка зрения на демографическую ситуацию в стране предполагает восприятие её как кризисной.

Всё это обуславливает повышенное внимание государства к проблемам демографии. Так, повышение ряда демографических показателей

является одной из национальных целей развития Российской Федерации [4]. На её достижение направлены мероприятия государственных программ и проектов, в частности национальный проект «Демография».

Демографической проблематике посвящены документы стратегического планирования, такие как «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» [5] и «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы» [6].

Общественно-политический запрос, а также реальные последствия и вызовы сложившихся тенденций демографического развития страны обуславливают интерес к проблемам демографии со стороны представителей самых разных дисциплин, как тесно связанных с демографической наукой, так и порой весьма далёких от неё. Не являются исключением и правоведы.

Внимание правоведов к вопросам демографии представляется вполне обоснованным, поскольку демографическая политика реализуется, как правило, правовыми средствами. Отдельные институты и отрасли права прямо или косвенно воздействуют на демографическое поведение людей и тем самым влияют на демографические процессы, протекающие в рамках соответствующего правового порядка (например, семейное или миграционное право). Возможность такого влияния осознаётся законодателями [7].

В литературе подчёркивается роль юристов как «посредников, которые помогают формулировать государственную [демографическую] политику и разрабатывать инструменты её реализации» [8]. Отмечается, что «демографическая политика обычно представляет собой сложную балансировку интересов и мнений, а не простое издание законов о контрацепции, абортах, брачном возрасте и т.д.» [8]. В этой связи вовлечённость ученых-юристов в выработку правовых инструментов демографической политики представляется необходимой.

Результаты

Интерес отечественных правоведов к вопросам демографии прослеживается с начала 70-х годов прошлого века. Как видится, он был обусловлен тем, что «в начале 1970-х гг. о демографических проблемах и политике в области народонаселения заговорили на высоком государственном уровне, а демографическую политику в СССР начали трактовать как важную составную часть социально-экономической политики» [9, с. 42]. Государство ориентировало учёных в области естественных и социальных наук на проведение

демографических исследований для выработки научно обоснованной демографической политики, о чём свидетельствуют материалы XXV и XXVI съездов КПСС [10, с. 14].

Работы, посвящённые отдельным аспектам правового регулирования, влияющим на демографические процессы, например, правовому регулированию искусственного прерывания беременности, существовали и ранее. Вместе с тем, столь широко – о влиянии права на демографическую ситуацию в целом – вопрос был поставлен впервые.

Фокус внимания исследователя не на проблемах правового регулирования самого по себе, а на его влиянии на демографические процессы и демографических последствиях принятия тех или иных регуляторных решений, представляется критерием различения «обычных» работ юристов, скажем, по семейному праву, и работ правоведов, посвящённых вопросам права и демографии (В рамках настоящего обзора представляется возможным обозначить данное направление исследований как демографический анализ права или «право и демография», пользуясь аналогией с уже сложившимися направлениями – экономическим анализом права и «правом и обществом»).

В настоящем обзоре рассматриваются работы второго типа (В настоящий обзор вошли работы советских авторов, включённые в раздел «Policies» реферативного издания Population Index (выпускалось ежеквартально Центром демографических исследований Принстонского университета в период с 1935 по 1999 год (первые два года – под названием Population Literature)) в период с 1969 по 1991 год, и посвящённые вопросам правового регулирования). Но прежде чем перейти к их рассмотрению следует обозначить, о каких именно процессах и их связи с правом в таких работах идёт речь. Для этого необходимо выяснить, какие социальные процессы интересуют демографов. Иными словами, необходимо отметить на вопрос о том, что сами демографы считают предметом своей науки.

«Объектом изучения демографии является народонаселение, то есть это наука, которая изучает не отдельных людей, а массовые демографические процессы в населении» [11]. В свою очередь, предметом демографии являются закономерности воспроизводства народонаселения. Наконец, под воспроизводством населения понимается «постоянное обновление поколений в результате развития демографических процессов, в результате движения населения» [11].

Между тем, у понятия «воспроизводство населения» сложились различные толкования, определяющие подход к тому, что является предметом демографии [12]. В частности, воспроиз-

водство населения может пониматься узко и включать в себя рождаемость и смертность (то есть естественное движение населения), а также брачность и разводимость, как тесно связанные с ними процессы. При этом миграцию (механическое движение населения) сторонники данной точки зрения не относят к предмету демографии, утверждая, что она является предметом особой науки – миграциологии [12]. В свою очередь, широкий подход включает миграцию в предмет демографии.

Среди современных отечественных демографов господствующим является широкий подход. В этой связи в рамках настоящего обзора будут рассмотрены работы, посвящённые анализу связи права и следующих демографических процессов: рождаемости, смертности, брачности, разводимости, а также миграции.

Одной из первых таких работ является статья М.И. Коротковой «Народонаселение и право» [13], опубликованная в 1969 году. Автор знакомит читателя с одним из основных понятий демографической науки – движением населения, выделяя при этом три вида такого движения: естественное, механическое и социальное (Отнесение социального движения к предмету демографической науки представляется весьма сомнительным с точки зрения господствующих в настоящее время представлений о предмете демографии). М.И. Короткова отмечает, что «современное состояние научных знаний о тех или иных общественных явлениях характеризуется значительной дробностью вследствие того, что названные аспекты явлений предстают, как правило, обособленными друг от друга и самостоятельно изучаются разными науками» [13, с. 38]. В связи с этим автор указывает на необходимость объединения «методов различных наук для выявления и изучения закономерностей, управляющих движением населения» [13, с. 38]. При этом отмечается, что в рамках юридической науки проблемы народонаселения не разрабатываются, соответствующие исследования в правовой литературе отсутствуют. Отмечая тот факт, что законодательство регулирует широкий круг вопросов народонаселения, автор предостерегает от узкоотраслевого подхода к их изучению и указывает на необходимость комплексного рассмотрения проблемы эффективности законодательства в области воспроизводства населения.

Во второй части статьи М.И. Короткова обращается к вопросам правового воздействия на процессы рождаемости и миграции. Автор выделяет две составляющие влияния законодательства на уровень рождаемости: предоставление женщинам правовых гарантий, позволяющих им совместить рождение и воспитание детей с активным

участием в общественном производстве, а также воздействие на демографические процессы, влияющие на рождаемость, в том числе брачность и разводимость.

Оценивая современную ей ситуацию в сфере рождаемости как проблемную (в частности, М.И. Короткова указывает на риск возникновения в будущем нехватки трудовых ресурсов при сохранении наметившихся тенденций к снижению рождаемости), автор предлагает стимулировать рождаемость путём применения мер правового воздействия, относящихся к двум категориям: предоставление женщинам, воспитывающих детей, льгот по рабочему времени и отдыху, а также оказание материальной помощи семьям, имеющим детей. Отмечая неэффективность законодательства о поощрении многодетности, М.И. Короткова указывает на то, что материальная помощь семьям с детьми должна быть дифференцированной, то есть размер соответствующего пособия должен зависеть от душевого дохода на члена семьи.

Обращаясь к вопросам миграции, М.И. Короткова обозначает наметившуюся тенденцию к росту населения крупных городов при одновременной депопуляции малых городов, следствием чего может являться социально-экономический упадок последних, а также неоптимальная пространственная организация рабочей силы на территории страны, не соответствующая потребностям экономики.

В ответ на эти вызовы автор предлагает обеспечить регулирование условий труда переселенцев, дестимулирующие их территориальную мобильность, например, установить льготы, зависящие от стажа работы на предприятии. Одновременно М.И. Короткова предлагает некоторые послабления в регулировании института прописки, в том числе расширяющие возможную степень усмотрения местных властей при регулировании притока населения для учета условий конкретной территории.

Кроме того, М.И. Короткова обращает внимание на необходимость изучения качественных характеристик населения, подчёркивая существенное значение результатов таких исследований для развития криминологии.

Дальнейшее развитие тема влияния права на демографические процессы получила в статье И.М. Ворожейкина «Динамика народонаселения и право» [14], также опубликованной в 1969 году. Обращаясь к вопросу о роли права в решении проблем воспроизводства населения, автор приводит ряд примеров использования правовых средств стимулирования воспроизводства населения в законодательной практике Верховного

Совета СССР (установление почетного звания «Мать-героиня», ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» [15], введение налога на холостяков, одиноких и бездетных граждан [16], отмена [17] установленного в 1936 году запрета аборт [18]).

При этом И.М. Ворожейкин отмечает то обстоятельство, что «стимулированию рождаемости служат многие нормы, непосредственно на решение этой задачи не направленные: например, ст. 316 ГК РСФСР, устанавливающая жилищно-санитарную норму, одинаковую для взрослых и несовершеннолетних членов семьи», поскольку «введение для детей нормы меньшего размера могло бы служить препятствием увеличению числа детей в семье» [14, с. 25].

Автор также указывает на то, что право может влиять на рождаемость как прямо, так и опосредованно. Примерами прямого влияния права на рождаемость являются запрещение или разрешение абортов, установление возраста вступления в брак, определение правового статуса детей, рожденных вне брака. В свою очередь опосредованное влияние права на рождаемость происходит за счет воздействия права на факторы, в первую очередь связанные с материальным благосостоянием граждан, уровнем их образования и культуры, влияющие на рождаемость.

При этом автором отмечается, что одни и те же факторы неодинаково влияют на уровень рождаемости среди разных групп населения – различия могут быть обнаружены между союзными республиками, городским и сельским населением, представителями различных профессиональных групп. В этой связи И.М. Ворожейкин указывает на необходимость дифференцированного подхода при разработке мер, направленных на повышение рождаемости.

В завершение статьи автор приводит краткий обзор правовых мер стимулирования рождаемости, предпринятых в Народной Республике Болгарии (предоставление денежных пособий, связанных с рождением ребенка, введение налога на одиноких и бездетных граждан, предоставление отпуска по беременности и родам).

При этом И.М. Ворожейкин указывает на то, что возможные направления для стимулирования рождаемости правовыми средствами не ограничиваются приведенными примерами. Так, автором предлагается обеспечить предоставление:

- жилищных льгот в объеме, зависящем от числа детей в семье (например, снижение арендной платы);
- преференций для семей с детьми в рамках законодательства о жилищно-кооперативном строительстве, законодательства о купле-продаже в кредит;

- дополнительных льгот в рамках трудового законодательства (например, увеличение продолжительности очередного отпуска с увеличением числа детей в семье).

Спустя четыре года увидела свет работа Р.Ю. Кандисбрата и Я.И. Рубина «Демографическое законодательство: понятие и эффективность» [19], которая примечательна тем, что в ней впервые в отечественной правовой науке вводится понятие демографического законодательства, к которому и сегодня обращаются в своих работах правоведы, исследующие вопросы демографии и права.

Авторы выделяют ряд способов законодательного воздействия на демографические процессы: государственная регламентация повышения материального благосостояния многодетных семей, регулирование миграционного движения, регламентация вопросов семьи и брака, нормативные акты об абортах, производстве и использовании контрацептивов. В качестве цели такого воздействия постулируется «максимальное благоприятствование удовлетворению насущных общественных и индивидуальных потребностей членов общества» [19].

В работе вводится понятие демографического законодательства, понимаемого как «совокупность правовых норм, имеющих своей целью воздействие на режим воспроизводства населения» [19]. Отмечается, что «демографическое законодательство не есть простая механическая сумма правовых норм, извлечённых из действующих традиционных кодексов. Это – система норм, внутренне связанных единой целью: добиться оптимальности демографического роста» [19].

Вопрос обоснованности и целесообразности выделения демографического законодательства как самостоятельной отрасли законодательства остаётся дискуссионным и по сей день. Вместе с тем нельзя не отметить, что использование цели правового регулирования в качестве основания для такого выделения представляется неоспорным, в связи с тем, что в таком случае нормы, целью принятия которых не было воздействие на демографические процессы, но тем не менее такое воздействие оказывающие, не будут относиться к демографическому законодательству.

Авторы также выделяют предмет регулирования демографического законодательства – «общественные отношения, которые непосредственно формируют демографическое поведение людей». В свою очередь метод демографического законодательства «может быть как императивным, так и диспозитивным» [19].

В качестве аргумента в пользу выделения демографического законодательства как отрасли

законодательства авторы отмечают разобщенность норм, регулирующих разные стороны процесса воспроизводства населения, что затрудняет их исследование, а также разъяснение широким массам населения.

Нельзя не отметить, что авторами также используется понятие «демографическая норма», определение которому, впрочем, не приводится. Кроме того, в работе затрагивается вопрос эффективности демографического законодательства, вероятно, с целью повышения которой авторы выступают с предложением установить различный брачный для девушек и юношей (17 и 20 лет соответственно), что позволит устранить «ныне юридически закрепленное биологическое несоответствие между минимальным брачным возрастом юношей и девушек» [19].

Понижение брачного возраста для девушек до 17 лет (возраста окончания средней школы), по мнению авторов, «положительно сказалось бы на их моральной подготовленности к браку при подготовленности физической», а также обеспечило бы «продление самой активной части детородного периода». В свою очередь, повышение брачного возраста для юношей до 20 лет позволило бы «решить важную государственную проблему <...>: женитьба откладывалась бы до возвращения молодого человека из армии <...>, и его служба не отвлекалась бы заботой об оставленной семье» [19].

Примечательной является статья Б.Ц. Урланиса и С.А. Яни «Право как инструмент демографической политики социалистической Чехословакии» [20], представляющая собой пример совместной работы известного демографа и учёного-юриста.

Авторы определяют демографическую политику как «часть общей социальной политики государства, включающая мероприятия, прямо или косвенно влияющие на процессы естественного и механического движения населения, т.е. на тенденции изменения уровня рождаемости, брачности, интенсивности и направленности миграционных потоков (Отметим отсутствие здесь социального движения населения, упоминавшегося ранее)». При этом отмечается тесная связь демографической политики с правом, поскольку большинство мероприятий, направленных на воздействие на демографические процессы, проводится в жизнь в форме законодательных актов.

Несмотря на название, отсылающее к демографической политике во всей её широте, в работе рассматриваются исключительно мероприятия демографической политики, направленные на стимулирование рождаемости. В частности, авторами предлагается классификация таких мероприятий, предусматривающая следующие катего-

рии: экономические, экономико-юридические, юридические, социально-гигиенические и социально-психологические.

С точки зрения правоведа, как видится, наибольший интерес представляют экономико-юридические и юридические мероприятия. К первой категории «относится ряд положений трудового законодательства, регламентирующих, в частности, продолжительность отпуска по беременности и родам, возможность для женщин работать неполный рабочий день или неполную рабочую неделю; ряд положений пенсионного законодательства: возраст выхода на пенсию в зависимости от числа детей, включение времени ухода за маленьким ребёнком в трудовой стаж и т.д.». В свою очередь, ко второй группе «относится законодательство об абортах, законодательство о браке и семье (возраст вступления в брак, порядок оформления разводов и т.д.)» [20].

Впрочем, и другие мероприятия демографической политики могут являться предметом изучения ученых-юристов, поскольку реализуются посредством правовых инструментов. В первую очередь это относится к экономическим мероприятиям, направленным на повышение уровня жизни семей с детьми, которые могут осуществляться в форме денежных выплат, либо в форме разного вида льгот.

Авторы также описывают основные законодательные акты, направленные на стимулирование рождаемости, принятые в Чехословацкой Социалистической Республике в 1960-х годах. При этом авторы уделяют наибольшее внимание законодательным актам, регулирующим назначение пособий в связи с рождением детей.

Отдельно рассматривается вопрос эффективности законодательных актов, направленных на повышение рождаемости. Авторы приходят к выводу, что основным фактором наблюдавшегося в ЧССР с 1969 года роста рождаемости является принятие законодательных актов демографической направленности.

Свидетельством повышенного интереса советских ученых-юристов к проблемам демографии, пик которого, судя по количеству публикаций на тему демографии в юридической научной периодике, пришёлся на середину 1970-х годов, является опубликование в первом номере журнала «Советское государство и право» за 1975 год материалов круглого стола журнала на тему «Правовые аспекты демографической политики» [21].

В статье в сокращённом изложении приводится основное содержание докладов, представленных участниками круглого стола. Среди затронутых докладчиками вопросов можно выделить следующие: роль права в демографической политике, пределы и возможности правового воздей-

ствия на демографические процессы, правовые формы осуществления демографической политики (А.Ф. Шебанов выделяет две категории: «В одних случаях – это придание юридической формы экономическим решениям (например, установление в законе размеров пособий многодетным семьям), в других – выражение юридических решений в форме запретов, дозволений или поощрений» [21]), влияние демографических процессов на преступность.

Примечательно, что сразу несколькими участниками круглого стола (А.Ф. Шебановым и Г.А. Злобиным) озвучена позиция об отсутствии оснований для выделения в законодательстве отдельной отрасли демографического законодательства. А.Ф. Шебановым также обозначена задача юридической науки в сфере демографии: определение форм юридического влияния права на демографические процессы и выявление способов повышения их эффективности.

Следует также отметить опубликованную в том же году статью В.С. Тадевосяна «Демографическая политика и право» [22]. В ней автор рассуждает о влиянии права на рост численности населения и продолжительность жизни, а также о связи возрастной структуры населения и динамики правонарушений несовершеннолетних. Приводятся примеры нормативных правовых актов Верховного Совета СССР, призванных стимулировать рождаемость [15]. Отмечается необходимость учета различий в показателях воспроизводства населения между союзными республиками при определении мер поддержки рождаемости.

К вопросу о целесообразности выделения категории «демографическое законодательство» с применением системной методологии обращался Е.В. Павлодский в работе «Системный подход к понятию демографического законодательства» [23]. Полемизируя с авторами, выступавшими за создание отрасли демографического законодательства [14, 19], Е.В. Павлодский полагает необоснованным «выделение норм, имеющих целью воздействие на демографическое поведение людей, в самостоятельную отрасль законодательства» (продолжая, впрочем, использовать это понятие в тексте работы).

Обращаясь к центральному для системного анализа представлению о том, что система является чем-то большим, чем простая сумма её компонентов, автор обосновывает необходимость использования системного подхода при исследовании демографического законодательства. Так, Е.В. Павлодский отмечает, что «особенностью является наличие у целостного объекта «таких свойств и качеств, которые никак не могут быть присущи его частям». Нормы, объединяемые

понятием «демографическое законодательство», регулируя брачно-семейные, здравоохранительные, жилищные и многие другие отношения, в совокупности составляют новое целостное образование. Цель данного образования – добиться желаемого для общества ритма воспроизводства населения – отличается от основных для каждого нормативного предписания, рассматриваемого как первичный элемент данной системы».

Можно также упомянуть работу В.Д. Попкова «Демографическая политика советского государства и право» [24], в которой приводятся основные положения советского законодательства, закреплявшие приоритеты демографической политики СССР, а также кратко анализируются её результаты.

Правоведом, наиболее последовательно разрабатывавшим проблематику правового воздействия на демографические процессы в начале 80-х годов, является Г.И. Литвинова. Представляется, что ключевой её работой в сфере права и демографии является монография «Право и демографические процессы в СССР» [25] (В 1982 году Г.И. Литвинова также защитила одноименную диссертацию на соискание учёной степени доктора юридических наук: Литвинова Г.И. Право и демографические процессы в СССР: диссертация ... доктора юридических наук. – Москва, 1982. – 343 с.), до сегодняшнего дня остающаяся наиболее обстоятельным исследованием подобного рода. Работа содержит в себе как анализ ряда теоретических вопросов правового воздействия на демографические процессы, так и практические рекомендации для демографической политики (В сравнении с сегодняшними ориентирами российской демографической политики примечательны отразившиеся в работе представления о целях демографической политики 80-х годов: ориентация на 2-3 детную семью, скептическое отношение к многодетности, озабоченность различиями в темпах прироста численности различных этнических групп населения).

Так, например, автор рассматривает вопрос о возможности использования понятий «правовое регулирование» и «правовое воздействие» применительно к демографическим процессам, приходя к выводу о том, что следует говорить о «правовом воздействии» как понятии менее «жестком», чем «правовое регулирование», поскольку правовые меры имеют определённый предел воздействия на демографические процессы (например, в отношении смертности – биологический).

При этом Г.И. Литвинова отмечает, что воздействие права на демографические процессы может быть как прямым (например, запрет аборта), так и косвенным, «опосредованным отно-

шениями неправового характера: экономического, психологического, морального и т.д.». В этой связи автором отмечается некоторая условность деления методов демографической политики на экономические, правовые, медицинские и другие чётко разграниченные, поскольку зачастую механизм их действия является комплексным. Так, экономические по своей природе меры материального стимулирования рождаемости (например, единовременные выплаты при рождении ребёнка) тем не менее должны быть закреплены нормативно.

Г.И. Литвинова также вводит понятие демографического законодательства («система норм, внутренне связанных единой целью: добиться оптимального течения демографических процессов») и определяет его предмет («демографические отношения, связанные с воспроизводством населения, его социальной (Примечательно, что Г.И. Литвинова включает в понятие миграции также и социальную мобильность населения) и территориальной подвижностью»).

Более того, Г.И. Литвинова говорит о перспективе формирования новой отрасли – демографического права и поднимает вопрос о необходимости разработки Основ демографического законодательства Союза ССР и союзных республик. Основы, по мнению автора, должны были определять задачи демографической политики Советского государства, а также обеспечивать возможность проведения дифференцированной демографической политики в различных регионах страны в зависимости от складывающейся в них демографической ситуации.

В статье «Демографическое законодательство европейских социалистических стран» [26] Г.И. Литвинова анализирует законодательные меры стимулирования рождаемости, предпринимавшиеся в ряде стран Восточного блока.

Значительная часть идей, изложенных в этой и других статьях автора (например, представление о создании оптимального типа воспроизводства населения как цели демографической политики и сближении уровня рождаемости у разных народов как одной из её задач), представлены в вышеуказанной монографии, в связи с чем следует ограничиться краткой их характеристикой.

Весьма примечательно приведённое в данной статье определение качества населения, «под которым понимаются как биофизические и психические характеристики населения, так и уровень развития его интеллекта, улучшение его социальной, квалификационно-профессиональной, образовательной, этнонациональной, возрастной и других структур».

Также любопытны представления автора о механизме действия демографической политики: «Социалистическое государство и право, облег-

чая гражданам выбор оптимального демографического поведения, стремятся воздействовать через демографическую политику на сознание граждан и формирование у них демографических целей, адекватных демографическим целям государства и общества».

Еще одним, наряду с упомянутой ранее статьёй Б.Ц. Урланиса и С.А. Яни, примером сотрудничества правоведа и демографа является статья «Демографическая политика Советского Союза» [27], написанная Г.И. Литвиновой также в соавторстве с Б.Ц. Урланисом. По большей части статья представляет собой обзор основных мер демографической политики, предпринятых Советским государством в разные годы (в первую очередь правового характера), а также содержит несколько предложений по дальнейшему развитию достигнутых успехов.

Наконец, в работе «Государственно-правовое обеспечение демографической политики» [28] наряду с уже изложенными идеями автора заслуживает внимание позиция Г.И. Литвиновой относительно задач, решение которых предполагает правовое обеспечение демографической политики, как то: «определение места и назначения права в системе иных (неправовых) мер воздействия на демографическое поведение граждан», «уяснение пределов правового регулирования демографических процессов в соответствии с правами человека», «учёт отдалённых демографических последствий действия той или иной правовой нормы».

С наступлением перестройки заметные работы в области права и демографии появляться перестали (Во всяком случае, такие работы не попали в выпуски Population Index соответствующих лет), что, по всей видимости, объясняется изменением приоритетов руководства страны и выходом на первый план повестки, связанной с социально-экономическими реформами.

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что основными теоретическими вопросами, интересовавшими советских правоведов, обращавшихся к проблемам демографии, являлись: обоснованность и критерии выделения демографического законодательства как самостоятельной отрасли законодательства (а также демографического права как отдельной отрасли права), анализ роли права в качестве инструмента демографической политики, исследование пределов и возможностей правового воздействия на демографические процессы, классификация мер такого воздействия и объяснение механизма их влияния на демографические процессы.

В отношении вопросов демографической политики и её правового обеспечения следует отметить обилие практических рекомендаций, касающихся принятия тех или иных нормативных правовых актов (вплоть до предложения разработать Основы демографического законодательства Союза ССР и союзных республик), отстаивание необходимости проведения дифференцированной демографической политики, пристальное внимание к релевантному опыту стран Восточного блока.

Список литературы:

- [1] Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года, утверждённая распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р.
- [2] Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Антиабортная повестка в консервативном дискурсе современной России: идеологические кампании, правовые инициативы и региональные практики. // Демографическое обозрение. 2021. № 8(2). С. 27-50.
- [3] Захаров С.В. История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. 2022. № 10(1). С. 4-43.
- [4] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309.
- [5] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р.
- [6] Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622.
- [7] «Володин предложил ввести оценку регулирующего воздействия законов на демографию» // Интерфакс, 10 июля 2025 г. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1035605>.
- [8] Law and Population (Population Profiles № 2) United Nations Fund for Population Activities. – New York, 1976. – С. 42.
- [9] Демографическая политика в современной России: особенности реализации и методика оценки результативности: монография / Н.П. Гончарова, А.А. Еремин, Е.В. Тарасова. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 135 С.
- [10] Литвинова Г.И. Право и демографические процессы в СССР. Москва: Наука, 1981. – 200 С.
- [11] Демография. Электронный учебник. Под ред. Калабихиной И.Е. – Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2023. – 560 С.
- [12] Медков В. М. Демография: Учебное пособие. Серия «Учебники и учебные пособия». Ростов-н/Д.: Феникс, 2002. – 448 С.
- [13] Короткова М.И. Народонаселение и право // Советское государство и право. 1969. № 1. С. 37-43.
- [14] Ворожейкин И.М. Динамика народонаселения и право // Советское государство и право. 1969. № 9. С. 23-31.
- [15] Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» от 8 июля 1944 г.
- [16] Указ Президиума Верховного Совета СССР «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» от 21 ноября 1941 г.
- [17] Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещения аборт» от 23 ноября 1955 г.
- [18] Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» от 27 июня 1936 г.
- [19] Кандисбрат Р.Ю., Рубин Я.И. Демографическое законодательство: понятие и эффективность // Советское государство и право. 1973. № 12. С. 118-121.
- [20] Урланис Е.Б., Яни С.А. Право как инструмент демографической политики социалистической Чехословакии // Советское государство и право. 1974. № 2. С. 96-102.
- [21] Правовые аспекты демографической политики // Советское государство и право. 1975. № 1. С. 28-36.
- [22] Тадевосян В.С. Демографическая политика и право // Советское государство и право. 1975. № 8.
- [23] Павлодский Е.В. Системный подход к понятию демографического законодательства // Советское государство и право. 1976. № 6. С. 131-134.
- [24] Попков В.Д. Демографическая политика советского государства и право // Вестник Московского университета. Право. 1977. № 6. С. 11-14.
- [25] Литвинова Г.И. Право и демографические процессы в СССР. М.: «Наука», 1981. – 200 с.
- [26] Литвинова Г.И. Демографическое законодательство европейских социалистических стран // Советское государство и право. 1980. № 7. С. 67-75.

[27] Литвинова Г.И., Урланис Б.Ц. Демографическая политика Советского Союза // Советское государство и право. 1982. № 3. С. 38-46.

[28] Литвинова Г.И. Государственно-правовое обеспечение демографической политики // Народонаселение. 1983. № 42. С. 42-51.

References:

[1] Action strategy for the implementation of family and demographic policy, support for large families in the Russian Federation until 2036, approved by order of the Government of the Russian Federation of March 15, 2025 No. 615-r.

[2] Chernova J.V., Shpakovskaya L.L. Anti-abortion agenda in the conservative discourse of modern Russia: ideological campaigns, legal initiatives and regional practices. //Demographic review. 2021. № 8(2). S. 27-50.

[3] Zakharov S.V. Birth history in Russia: from generation to generation//Demographic review. 2022. № 10(1). S. 4-43.

[4] Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 No. 309.

[5] Order of the Government of the Russian Federation of March 15, 2025 No. 615-r.

[6] Decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018 No. 622.

[7] "Volodin proposed to introduce an assessment of the regulatory impact of laws on demography" //Interfax, July 10, 2025 URL: <https://www.interfax.ru/russia/1035605>.

[8] Law and Population (Population Profiles № 2) United Nations Fund for Population Activities. – New York, 1976. – S. 42.

[9] Demographic policy in modern Russia: implementation features and methodology for assessing performance: monograph/N.P. Goncharova, A.A. Eremin, E.V. Tarasova. – Moscow; Berlin: Direct Media, 2020. – 135 С.

[10] G.I. Litvinova. Law and demographic processes in the USSR. Moscow: Science, 1981. – 200 С.

[11] Demographics. Electronic textbook. Ed. Kalabikhina I.E. – Faculty of Economics, Moscow State University named after M.V. Lomonosov. – 2023. – 560 С.

[12] Medkov V. M. Demography: Textbook. "Textbooks and Tutorials" series. Rostov-on/D.: Phoenix, 2002. – 448 С.

[13] Korotkova M.I. Population and law//Soviet state and law. 1969. № 1. S. 37-43.

[14] Vorozheikin I.M. Population dynamics and law//Soviet state and law. 1969. № 9. S. 23-31.

[15] Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On increasing state assistance to pregnant women, large and single mothers, strengthening the protection of motherhood and childhood, establishing the honorary title" Mother Heroine "and establishing the Order of Maternal Glory and the Medal of Motherhood" dated July 8, 1944

[16] Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On the tax on bachelors, single and childless citizens of the USSR" of November 21, 1941

[17] Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On the abolition of the prohibition of abortion" of November 23, 1955

[18] Decree of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR "On the prohibition of abortion, an increase in material assistance to women in labor, the establishment of state assistance to multifamily families, the expansion of the network of maternity hospitals, nurseries and kindergartens, the strengthening of criminal punishment for non-payment of alimony and some changes in the legislation on divorce" of June 27, 1936

[19] Kandisbrat R.Yu., Rubin Y.I. Demographic legislation: concept and effectiveness//Soviet state and law. 1973. № 12. S. 118-121.

[20] Urlanis E.B., Jani S.A. Law as an Instrument of the Demographic Policy of Socialist Czechoslovakia//Soviet State and Law. 1974. № 2. S. 96-102.

[21] Legal aspects of demographic policy//Soviet state and law. 1975. № 1. S. 28-36.

[22] V.S. Tadevosyan. Demographic Policy and Law//Soviet State and Law. 1975. № 8.

[23] Pavlovsky E.V. Systematic approach to the concept of demographic legislation//Soviet state and law. 1976. № 6. S. 131-134.

[24] Popkov V.D. Demographic policy of the Soviet state and law//Bulletin of Moscow University. Right. 1977. № 6. S. 11-14.

[25] G.I. Litvinova. Law and demographic processes in the USSR. M.: "Science," 1981. – 200 s.

[26] Litvinova G.I. Demographic legislation of European socialist countries//Soviet state and law. 1980. № 7. S. 67-75.

[27] Litvinova G.I., Urlanis B.S. Demographic policy of the Soviet Union//Soviet state and law. 1982. № 3. S. 38-46.

[28] Litvinova G.I. State legal support of demographic policy//Population. 1983. № 42. S. 42-51.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-247-251

ФУРМАН Феликс Павлович,
доктор философских наук,
профессор кафедры общественных наук
Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при президенте РФ,
e-mail: mail@law-books.ru

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА В РСФСР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х - НАЧАЛЕ 1960-Х ГГ.

Аннотация. В данной статье осуществляется комплексный ретроспективный анализ судебной реформы в РСФСР, реализованной в период с середины 1950-х до начала 1960-х гг. Данные преобразования рассматриваются как детерминированный этап эволюции советской государственно-правовой парадигмы в контексте процессов десталинизации и масштабной трансформации общественно-политического дискурса. В статье последовательно эксплицируются политические, правовые и социокультурные детерминанты реформы. Детально верифицируется нормативно-правовой базис изменений, а также реконструируются ключевые векторы институционального реформирования системы судостроительства. Особый акцент сделан на актуализации правового статуса судей и народных заседателей, а также на качественной трансформации правоприменительной практики в русле доктрины «социалистической законности». По результатам проведенного исследования постулируется тезис об амбивалентном характере проведенных преобразований: при очевидной тенденции к укреплению правопорядка и повышению авторитета судебной власти, сохранялась существенная имманентная зависимость юстиции от партийно-государственного аппарата.

Ключевые слова: судебная реформа, РСФСР, десталинизация, советское правосудие, судостроительство, судебная власть, правовая система 1950–1960-е гг.

FURMAN Felix Pavlovich,
Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social Sciences
of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation

JUDICIAL REFORM IN THE RSFSR IN THE SECOND HALF OF THE 1950S - EARLY 1960S

Annotation. This article provides a comprehensive retrospective analysis of the judicial reform in the RSFSR, implemented during the period from the mid-1950s to the early 1960s. These transformations are examined as a determinate stage in the evolution of the Soviet state-legal paradigm within the context of de-Stalinization and the large-scale transformation of socio-political discourse. The study consistently explicates the political, legal, and socio-cultural determinants of the reform. The author provides a detailed verification of the regulatory and legal framework of these changes and reconstructs the key vectors of the institutional restructuring of the judicial system. Particular emphasis is placed on the actualization of the legal status of judges and lay assessors, as well as the qualitative transformation of law enforcement practices in line with the doctrine of «socialist legality». Based on the results of the study, the author postulates a thesis regarding the ambivalent nature of the implemented transformations: despite an evident trend toward strengthening the rule of law and enhancing the authority of the judiciary, a significant immanent dependence of the justice system on the party-state apparatus persisted.

Key words: judicial reform, RSFSR, de-Stalinization, Soviet justice, judicial system, judicial power, legal system of the 1950s–1960s.

Введение. Хронологические рамки второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. ознаменовали собой принципиально значимый этап в масштабной трансформации советской государственно-правовой системы. Следует констатировать, что процессы десталинизации, инициированные в постсталинский период и получившие мощный импульс после исторического XX съезда КПСС, экспоненциально затронули практически все ключевые сегменты общественной жизни, включая институциональные основы судебной власти.

В данном контексте судебная реформа в РСФСР позиционировалась высшим партийно-государственным руководством не просто как ведомственное преобразование, а как императивное условие упрочения основ социалистической законности. Представляется очевидным, что целью реформы выступала реставрация доверия гражданского общества к судебным институтам и последовательная нивелировка негативных последствий репрессивной парадигмы предшествующего периода. Таким образом, реформирование юстиции стало неотъемлемым элементом процесса либерализации и нормализации правоприменительного пространства в условиях социально-политической «оттепели».

Актуальность данного исследования детерминирована тем обстоятельством, что именно в рассматриваемый период была заложена фундаментальная основа для последующей эволюции советской модели судостроительства. В это время происходила кристаллизация ключевых подходов к диалектическому соотношению правовых институтов и политической конъюнктуры. Особую научно-практическую значимость представляет анализ уникальной исторической попытки глубокой институциональной реновации системы правосудия, осуществлявшейся в рамках существующих ограничений моноцентричной однопартийной системы.

Цель настоящей статьи заключается в осуществлении многоаспектного комплексного анализа сущностного содержания, специфики реализации и долгосрочных результатов судебной реформы в РСФСР во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг.

Основной материал. Представляется необходимым констатировать, что детерминация судебной реформы была обусловлена сложной конвергенцией политических, социально-правовых и идеологических факторов. Судебная архитектура РСФСР, сформировавшаяся в период 1930–1940-х гг., к середине столетия в значительной степени нивелировала признаки институцио-

нальной автономности, фактически трансформировавшись в репрессивный инструмент реализации государственной карательной стратегии [7].

В качестве фундаментальных предпосылок, инициировавших процесс реформирования, следует выделить ряд ключевых аспектов:

1. Политико-правовая переоценка. Официальная делегитимизация культа личности и публичное разоблачение системных нарушений принципов социалистической законности;
2. Правовосстановительный процесс. Масштабная реабилитация жертв политических репрессий, потребовавшая тотальной ревизии судебных производств прошлых лет;
3. Декларативно-гуманистический вектор. Провозглашение государственного курса на упрочение правопорядка и расширение сферы юридических гарантий личности;
4. Институциональный кризис доверия. Насущная потребность в реставрации авторитета судебной власти и легитимации судебных органов в восприятии населения.

Немаловажную роль в данном контексте сыграла эволюция правосознания советского общества. Данный процесс характеризовался постепенной эрозией репрессивных паттернов и ростом внимания к формально-юридическим процедурам как гаранту стабильности правовой системы [3].

Процесс реализации судебной реформы характеризовался выраженной этапностью и опирался на разветвленную иерархическую систему нормативно-правовых актов как общесоюзного, так и республиканского значения. В качестве фундаментальной детерминанты преобразований выступили «Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР и союзных республик» 1958 г. Данный акт фактически сформировал унифицированный концептуальный базис для функционирования судебных органов на всем пространстве СССР [6].

В развитие положений общесоюзного законодательства в 1960 г. был принят Закон «О судостроительстве РСФСР», который детально регламентировал институциональную структуру, функциональную компетенцию и процессуальный порядок деятельности судов [5]. При этом следует отметить, что данные законодательные инициативы были направлены на декларирование и нормативное закрепление основополагающих демократических принципов, в числе которых:

- исключительная прерогатива суда в сфере осуществления правосудия;
- принцип транспарентности (гласности) судебного производства;

- институт народного представительства, реализуемый через участие народных заседателей;
- универсальный принцип эгалитаризма (равенства субъектов перед законом и судом).

Вместе с тем, при анализе правовой природы реформы необходимо констатировать наличие внутренней антиномии. Несмотря на формально-правовое провозглашение независимости, нормативный массив того периода имплицитно сохранял приоритет партийно-политического руководства со стороны КПСС. Данное обстоятельство существенным образом лимитировало автономию судебной власти, предопределяя её инструментальный характер в системе органов государственной власти.

Одним из фундаментальных векторов рассматриваемого реформирования выступила комплексная оптимизация институциональной структуры судебных органов [2]. В рамках РСФСР была окончательно сформирована и законодательно закреплена трехуровневая (трехзвенная) децентрализованная система, включающая в себя:

1. Низовая инстанция: народные суды.
2. Среднее звено: краевые, областные и приравненные к ним суды.
3. Высшая инстанция: Верховный Суд РСФСР.

Принципиально важным аспектом десталинизации в правовой сфере стала ликвидация чрезвычайных судебных органов и внесудебных инстанций, которые в предшествующий период выступали основным инструментом репрессивной политики государства.

Параллельно с этим существенной трансформации подверглись институты предметной и территориальной подсудности. Наблюдалось системное перераспределение компетенций между различными уровнями юстиции. В частности, расширение полномочий народных судов по рассмотрению широкого спектра уголовных и гражданских производств позволило реализовать принцип транспарентности и обеспечить большую доступность правосудия для граждан [9].

Обобщая вышеизложенное, следует констатировать, что предпринятые меры оказали прогрессивное влияние на состояние правовой системы. Тем не менее, эффективность преобразований была нивелирована рядом деструктивных факторов: острым дефицитом квалифицированных кадров, организационной стагнацией, а также сохраняющейся детерминированностью судебных решений со стороны исполнительной вертикали власти.

В контексте институциональных преобразований существенной трансформации подверглось и правовое положение судейского корпуса. В рамках реформирования была предпринята попытка объективации квалификационных требований к профессиональной подготовке судей, а также расширения системы гарантий их неприкосновенности. Особое внимание законодатель уделил регламентации процедур наделения полномочиями и досрочного прекращения статуса судей [1]. Тем не менее, следует констатировать, что сохранение института выборности в существовавших тогда политических реалиях неизбежно детерминировало зависимость судебных кадров от директив партийных и советских органов власти.

В то же время, отдельного рассмотрения заслуживает статус народных заседателей, чье участие в процессах позиционировалось как фундаментальная репрезентация демократических начал в советском правосудии. Однако, при более детальном анализе правоприменительной практики, обнаруживается существенный разрыв между нормативной декларацией и фактическим положением дел [9]. В частности, следует отметить, что деятельность народных заседателей зачастую носила номинальный (формальный) характер, что нивелировало их реальное влияние на итоговую юридическую квалификацию деяний и процесс принятия судебных решений.

Результаты исследования. Практическая имплементация концептуальных положений судебной реформы в РСФСР на рубеже 1950-х – 1960-х гг. выступила в качестве мощного катализатора фундаментальных трансформаций в отечественной правоприменительной парадигме. Институционализация обновленных принципов судостроительства и расширение системы процессуальных гарантий детерминировали поступательную эрозию репрессивных механизмов правосудия, доминировавших в предшествующий исторический период.

В частности, в рассматриваемый хронологический отрезок в судебной деятельности кристаллизовалась устойчивая тенденция к минимизации удельного веса необоснованных обвинительных вердиктов. Данный феномен был обусловлен не только масштабной ревизией ранее вынесенных судебных решений, но и качественной переориентацией судов на верификацию полноты и релевантности доказательной базы.

Контрапунктом к предшествующей практике выступила заметная экспансия оправдательного дискурса. Ранее маргинализированные оправдательные приговоры обрели статус легитимного

результата состязательного процесса, перестав восприниматься системой как свидетельство профессиональной дисквалификации судьи. Наряду с этим фиксировалось системное усиление надзора за соблюдением императивных процессуальных норм, что выражалось в актуализации принципов гласности и безусловном обеспечении права на защиту. Реакция судебных органов на дефекты предварительного следствия — в форме возвращения дел на доследование и вынесения частных определений — позволяет объективно констатировать вектор на институциональную регенерацию авторитета судебной власти в русле доктрины «социалистической законности».

Тем не менее, комплексный анализ эмпирических данных вынуждает признать, что позитивная динамика блокировалась рядом рецидивных деструктивных характеристик институциональной среды. Пролонгированное политическое доминирование партийной номенклатуры, осуществляемое через механизмы «телефонного права» и прямые директивы, создавало условия для сохранения зависимости юстиции. Устойчивый процессуальный формализм и стагнация механизмов судебного контроля над деятельностью прокуратуры и следствия выступали существенными барьерами для правовой модернизации. Слэдовательно, диалектическое единство указанных факторов позволяет постулировать тезис об амбивалентности и имманентной незавершенности реформы, которая в своей основе носила компромиссный, паллиативный характер.

Выводы. Реализация судебной реформы в РСФСР в хронологических рамках второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. выступает в качестве репрезентативного этапа эволюции советской правовой парадигмы. Данные институциональные преобразования инициировали процессы частичной демократизации судопроизводства, способствовали реставрации доктринальных принципов законности и содействовали существенной актуализации роли судебных органов в общей архитектонике государственного механизма.

Вместе с тем, выявлено, что рассматриваемая реформа обладала ярко выраженным амбивалентным характером. Перманентная партийно-государственная опека над судебной системой создала непреодолимые препятствия для полноценной имплементации принципа независимости судей и классической концепции разделения властей. Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют квалифицировать судебную реформу данного периода как значимую, но

незавершенную попытку модернизации советского правосудия, которая была ограничена жесткими рамками существующей административно-командной системы.

Список литературы:

- [1] Биушкина Н.И. Анализ эволюции статуса советских судей (октябрь 1917–1991 гг.) // Юридическая техника. 2024. №18. С.57-62.
- [2] Большакова В.М. Динамика развития советской судебной системы в 1958-1991 гг // Право и государство: теория и практика. 2021. №2. С.60-66
- [3] Гамбарян А.С. Развитие права советскими судьями вопреки закону (*contra legem*) // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. №2. С.7-26.
- [4] Мочалин А.Ю. Формирование института следователя в России: историко-правовой анализ становления // Теория и практика общественного развития. 2025. № 7. С.242-247.
- [5] Семенова М.С. К вопросу о понятии и признаках судебной реформы // Образование и право. 2024. №10. С.239-243.
- [6] Семенова М.С. Кодификация уголовно-процессуального законодательства СССР и РСФСР в период проведения судебной реформы 1956-1964 гг. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2024. Т.1. №3. С.17-27.
- [7] Семенова М.С. Процесс и причины разработки судебной реформы 1956-1964 гг. В РСФСР // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2023. Т.1. №3. С.56-68.
- [8] Упоров И.В. Модернизация уголовного судопроизводства в СССР в период хрущевской «оттепели»(середина 1950-1960 гг.) // Евразийское Научное Объединение. 2020. №6. С.213-216.
- [9] Упоров И.В. Реформирование судопроизводства СССР в период «Оттепели» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №9. С.243-248.
- [10] Ящук Т.Ф. Форма государства в историко-правовых исследованиях советского периода // Правоприменение. 2021. Т.5. №3. С. 20-33.

References:

- [1] Biyushkina N.I. Analysis of the evolution of the status of Soviet judges (October 1917-1991)// Legal technique. 2024. №18. S.57-62.
- [2] Bolshakova V.M. Dynamics of the development of the Soviet judicial system in 1958-1991//Law and state: theory and practice. 2021. №2. S.60-66
- [3] Gambaryan A.S. Development of law by Soviet judges contrary to the law (*contra legem*) // Judicial power and criminal process. 2023. №2. S.7-26.

[4] Mochalin A.Yu. Formation of the Institute of Investigator in Russia: Historical and Legal Analysis of Formation//Theory and Practice of Social Development. 2025. № 7. P.242-247.

[5] M.S. Semenova. To the question of the concept and signs of judicial reform//Education and law. 2024. №10. P.239-243.

[6] Semenova M.S. Codification of the criminal procedure legislation of the USSR and the RSFSR during the judicial reform of 1956-1964. //Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2024. T.1. №3. S.17-27.

[7] Semenova M.S. Process and reasons for the development of judicial reform 1956-1964 in the

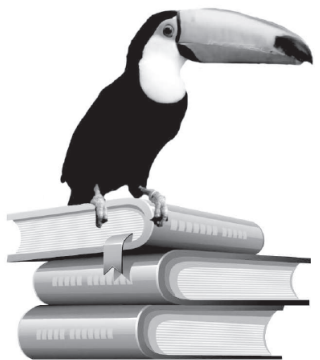
RSFSR//Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2023. T.1. №3. S.56-68.

[8] Uporov I.V. Modernization of criminal proceedings in the USSR during the Khrushchev" thaw" (mid-1950-1960)//Eurasian Scientific Association. 2020. №6. P.213-216.

[9] Uporov I.V. Reforming the judicial system of the USSR during the Thaw//International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. №9. P.243-248.

[10] Yashchuk T.F. Form of the state in historical and legal studies of the Soviet period//Law enforcement. 2021. T.5. №3. S. 20-33.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЕЛЬЧАНИНОВА Ольга Юрьевна,
кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний,
e-mail: olga220169_69@mail.ru

«БУКВА ЗАКОНА» И «ДУХ ПРАВА»: К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ТОЛКОВАНИЯ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ 1649 ГОДА

Аннотация. Статья посвящена анализу интерпретации смысла положений Соборного Уложения (далее – Уложение, свод законов). Рассматриваются понятие, виды, цели и способы толкования норм права. Автором выявлены особенности уяснения и разъяснения норм свода законов. Показана специфика применяемой юридической техники при структурировании правового массива Уложения. Установлено, что субъектами интерпретационного процесса выступали различные государственные и социальные институты, должностные лица, участвующие в правоприменительной практике. Дано описание участников официального и неофициального толкования. Определены специфические черты видов толкования Уложения по объему и по способам. Выявлено своеобразие буквального, расширительного и ограничительного толкования положений свода законов. Раскрываются отличительные качества грамматического способа толкования и уникальность применяемой в тексте Уложения юридической терминологии. Показано значение историко-правового способа толкования, помогающего понять исторический контекст создания свода законов, его источники и влияние на последующее законодательство. Раскрыт потенциал целевого способа толкования, позволяющего выяснить, какие задачи решались при закреплении тех или иных положений, какой социальный смысл вкладывался законодателем в статьях. Определена значимость системного способа толкования, который позволяет рассматривать Уложение как целостную правовую систему, где каждый элемент связан с другими и служит реализации общих целей – укрепления государственного порядка, сословной структуры, защиты интересов правящего класса. Сделан вывод о том, что процесс уяснения и разъяснения положений Уложения был многогранным и зависел от сочетания юридических, социальных, культурных и политических факторов.

Ключевые слова: Соборное Уложение, свод законов, толкование права, юридическая техника, интерпретационный процесс, норма права.

ELCHANINOVA Olga Yuryevna,
candidate of history, associate professor,
leading researcher, Research Institute
of the Federal Penitentiary Service

«THE LETTER OF THE LAW» AND «THE SPIRIT OF THE LAW»: ON THE QUESTION OF THE SPECIFIC INTERPRETATION OF THE CATHEDRAL CODE OF 1649

Annotation. This article analyzes the interpretation of the meaning of the provisions of the Cathedral Code (hereinafter referred to as the Code). It examines the concept, types, purposes, and methods of interpreting legal norms. The author identifies the specifics of understanding and explaining the norms of the Code. The specific legal techniques used in structuring the legal body of the Code are also demonstrated. It has been established that various state and social institutions, as well as officials involved in law enforcement, acted as subjects of the interpretative process. A description of the participants in official and unofficial interpretation is provided. Specific features of the various types of interpretation of the Code are identified by their scope and methods. The uniqueness of lit-

eral, expansive, and restrictive interpretations of the provisions of the Code is revealed. The distinctive qualities of the grammatical method of interpretation and the uniqueness of the legal terminology used in the text of the Code are revealed. The importance of the historical and legal method of interpretation is demonstrated, helping to understand the historical context of the creation of the Code of Laws, its sources, and its influence on subsequent legislation. The potential of the targeted method of interpretation is revealed, allowing us to clarify the objectives addressed in the codification of certain provisions and the social meaning invested by the legislator in their articles. The importance of a systemic method of interpretation is demonstrated, allowing the Code to be considered as a holistic legal system, where each element is interconnected and serves the common goals of strengthening state order, the class structure, and protecting the interests of the ruling class. It is concluded that the process of understanding and clarifying the Code's provisions was multifaceted and depended on a combination of legal, social, cultural, and political factors.

Key words: Cathedral Code, code of laws, legal interpretation, legal technique, interpretive process, legal norm.

Введение

Толкование права является неотъемлемым элементом правоприменительного процесса. Оно позволяет избежать неоднозначности формулировок, помогает понять смысл и значение юридических терминов, оценочных понятий («тяжкие последствия», «существенный вред» и т.д.), создает общую платформу для понимания и применения норм разными субъектами, способствует согласованности системы права в целом, формирует предсказуемость правового регулирования, укрепляет доверие к правовой системе. Акты толкования (особенно официального) служат ориентиром для законодателя при внесении изменений и дополнений в действующие нормативные акты. Иными словами, толкование права – это не просто интеллектуальная процедура, а важный, необходимый механизм, без которого невозможно ни правотворчество, ни правоприменение, ни соблюдение законности и обеспечение правопорядка.

Обращение к историческому опыту принятия того или иного законодательного акта обусловлено необходимостью понимания изначального замысла законодателя, целей правового регулирования, специфики эволюционирования норм и их значения для современного законодательства. Соборное уложение 1649 г. подвело итог правового развития в предшествовавшие исторические эпохи. Его принятие стало значительным шагом вперед в совершенствовании юридической техники (новые подходы к структуре, терминологии и систематизации норм). Поэтому актуальность изучения его как памятника отечественной юриспруденции [14, с. 1–2] вряд ли вызывает сомнения.

Ф.Л. Морошкин называл его «историческим первообразом русского законодательного ума, русского гражданского быта и юридического слова» [7, с.7]. Этим также продиктован интерес к специфике толкования норм Соборного уложения, которое являлось ключевым источником права, регулировало различные сферы обще-

ственных отношений в течение почти двух столетий, заложило основы правовой системы Российской империи.

Целью нашего исследования является рассмотрение процесса осмысления и разъяснения положений Соборного уложения, выявление его отличительных черт, технико-юридического своеобразия.

В качестве методологической основы исследования применялись: методы анализа и синтеза для обобщения и систематизации данных о Соборном уложении, выделения ключевых тенденций и закономерностей в развитии права; историко-правовой метод, позволивший изучить исторический контекст создания Уложения, включая социально-политические условия, причины его принятия и цели законодателя; сравнительно-правовой метод, с помощью которого автором были сопоставлены нормы Соборного уложения с другими правовыми актами – как предшествующими (Судебниками), так и последующими законодательными актами, что позволило выявить эволюцию правовых институтов, изменения в регулировании тех или иных отношений. На изучение орфографии, фонетики и морфологии текста Уложения, особенностей его юридической терминологии направлено применение лингвистического метода. Использование системного метода позволило рассматривать Уложение как целостную правовую систему, где каждый элемент связан с другими и служит реализации общих целей – укрепления государственного порядка, сословной структуры, защиты интересов правящего класса.

Не углубляясь в особенности структурирования Соборного уложения, лишь отметим, что оно разделено на 25 глав, объединяющих 967 статей [9]. При этом укажем, что такое деление вряд ли можно назвать строго логичным. По нашему мнению, главы следуют одна за другой без какой-либо внутренней связи [4, с. 42], что будет проиллюстрировано далее.

Первые пять глав Уложения носят специальный характер и содержат сугубо уголовно-правовые постановления. Глава VI включает 6 статей полицейского характера. Глава VII не упорядочена, не имеет связи с предыдущими и последующими главами и регламентирует порядок службы ратных людей Московского государства. Глава VIII состоит из 7 статей и закрепляет порядок сбора денег на выкуп пленных. В составе главы IX находится 20 статей, регламентирующих организацию деятельности в сфере путей сообщения [10]. Здесь мы также можем наблюдать противоречие между названием главы и ее содержанием, которое значительно шире, так как в ней речь идет не только о мытах, перевозах и мостах, но и о других путях сообщения. Глава X Уложения состоит из 287 статей, посвященных вопросам судопроизводства, является самой большой в Уложении. В то же время она обработана хуже других глав, так как при разнородности предметов содержания, она излагает их непоследовательно. Эта глава представляет собой пример смешения разных положений: уголовных, гражданских, процессуальных [4, с. 42]. Глава XI (34 статьи) регламентирует правовой статус разных категорий крестьян. Глава XII состоит из 3 статей, определяющих правовое положение патриарших людей. Глава XIII объединила 7 статей и содержит в себе постановления относительно компетенции Монастырского приказа. Гл. XIV включает 10 статей, определяющих разные основания обращения к процедуре крестоцелования, т.е. принесения присяги. В главе XV важное значение имеет 5 статья, которая была посвящена третейскому судопроизводству. В главе XVI собрано 69 статей, регламентирующих порядок ведения дел относительно поместного землевладения. Глава XVII состоит из 55 статей и включает постановления, касающиеся определения статуса вотчин. Глава XVIII в 71 статье закрепляет разные виды печатных пошлин, которая, по мнению С.Б. Веселовского, полностью базируется на делах Печатного приказа [1, с. 8]. Глава XIX состоит из 40 статей, закрепляющих юридическое положение посадских. По подсчетам М.А. Дьяконова из них по меньшей мере 12 статей (21–31, 33) имеют своим источником дела Сысского приказа [3, с. 240]. Глава XX в объеме 119 статей регламентирует статус холопов и их отношение к своим господам, но содержащиеся в них отдельные постановления отличаются непоследовательностью [4, с. 43]. В главах XXI, XXII и XXV изложены преимущественно нормы уголовного права. Уголовно-правовой характер этих глав отчетливо отразился в их названиях и содержании. Глава XXI в объеме 104 статей являлась ничем иным, как измененной версией Уставной

книги Разбойного приказа. Глава XXII в составе 26 статей определяет основания применения смертной казни и освобождения от нее. Глава XXIII, состоявшая из 3 статей, была посвящена вопросам судопроизводства по делам стрельцов. В главе XXIV был изложен указ об атаманах и казаках, который включал в себя 2 статьи. Глава XXV содержала статьи о преступлениях, связанных с содержанием корчмы, продажей вина, торговлей табаком [10].

Несмотря на отмеченные выше технико-юридические несовершенства, все же Соборное Уложение однозначно представляет собой успешный результат правотворческой деятельности своего времени.

Особенности толкования Соборного уложения

Исходя из устоявшейся классификации интерпретационного процесса, рассмотрим специфику толкования Соборного Уложения по субъектам, по объему и по способам.

Субъектами толкования Соборного уложения 1649 года выступали различные государственные и социальные институты, а также должностные лица, которые участвовали в правоприменительной практике и интерпретации норм этого свода законов. Условно можно виды толкования по субъектам представить как официальное и неофициальное. Официальное толкование могли осуществлять:

1. Царь и Боярская дума, которые как высшие органы власти играли ключевую роль в толковании норм Уложения. Боярская дума, совместно с царем, рассматривала спорные вопросы, давала разъяснения по применению законов и контролировала правоприменительную практику. Царь, обладая абсолютной властью, мог принимать окончательные решения в спорных случаях: «Царь государь указал», а бояре приговорили...».
2. Освященный собор, который объединял церковных иерархов и клира во главе с первосвященником (патриархом), участвующих в обсуждении и толковании норм, особенно тех, которые касались канонического права, преступлений против церкви и религии, взаимодействия светской и духовной власти.
3. Приказы – государственные учреждения, которые занимались различными сферами управления (например, Поместный приказ, Монастырский приказ), применяли нормы Уложения в своей деятельности и толковали их в рамках своих компетенций. Разрядный, Поместный, Разбойный приказы издавали «указные книги» – сборники толкований и

прецедентов. Дьяки и подьячие, работавшие в приказах, часто выступали в роли практиков, интерпретируя законы для решения конкретных дел.

Участниками процесса неофициального толкования могли выступать:

1. Воеводы, старосты, другие должностные лица, которые на местах давали толкование норм Соборного Уложения. Они интерпретировали и применяли законы в судебной практике, регулировали административные вопросы и разрешали споры на основе уложенных статей.
2. Стороны судебного процесса (истцы, ответчики, их представители), которые могли выдвигать аргументы, связанные с толкованием норм Уложения. Происходило так, что судебная практика формировала прецеденты, которые влияли на понимание и применение законов.
3. Образованные люди, знакомые с правовыми текстами и участвующие в дискуссиях о толковании норм. Здесь нужно пояснить, что хотя система подготовки профессиональных юристов еще не сформировалась, начиная с 20-х годов XVII века в структуре приказов стали открываться специальные школы для обучения подьячих приказному делопроизводству.

Их нельзя назвать учебными заведениями юридического профиля, но обучение в них предполагало также ознакомление с текстами законодательных актов. Одна из таких школ действовала при Посольском приказе с 1621 года.

После принятия Соборного уложения самой крупной школой для обучения приказному делопроизводству была школа при Поместном приказе, в которой одновременно обучалось от 30 до 90 человек. В течение одного-двух лет молодых приказных обучали не только навыкам быстрого и красивого письма, но и знакомили с содержанием Соборного уложения и Новоуказных статей, тем самым развивая у них способности интерпретации юридических документов [2, с. 103–107]. В дальнейшем, с развитием системы юридического образования, появились профессиональные юристы и ученые, предлагающие свои интерпретации положений Соборного уложения [5, 6, 12, 13, 14, 15, 18].

4. Выборные представители от дворян, посадских людей и других сословий, участвующие в Земском соборе при принятии Уложения, также могли влиять на понимание его норм в своих регионах и социальных группах. Их челобитные и предложения могли быть учтены при корректировке правоприменительной практики.

Интерпретационный процесс по выявлению смысла норм Соборного уложения по объему нам представляется можно дифференцировать по видам: буквальное, расширительное и ограничительное толкование.

Соборное уложение предполагало понимание норм в точном соответствии с их текстовым выражением. Поскольку Уложение было напечатано типографским способом, это уменьшало возможности для произвольной интерпретации по сравнению с предыдущими периодами, когда законы оглашались устно. Однако казуистический характер многих норм иногда затруднял однозначное понимание. Вместе с тем, Уложение содержит ряд норм, которые можно толковать буквально, так как они не предполагают широких интерпретаций и сформулированы достаточно четко. Эти положения касаются конкретных действий, наказаний, процедур и правовых статусов:

Пример 1: в главе II «О государьской чести» прямо указано, что за покушение на жизнь, здоровье или честь царя, а также за бунт, измену и выезд за границу с целью измены полагается смертная казнь [16, с. 50].

Пример 2: в главе IV «О подпичиких, и которые печати подделывают» и главе V «О денежных мастерах, которые учнут делати воровския деньги» четко прописаны санкции за подделку подписей, печатей и изготовление фальшивых денег – смертная казнь [16, с. 53].

Пример 3: в главе XX «Суд о холопех» указано, что обельным (полным) холопом признавался только холоп по рождению. Остальные холопы считались временными и служили по кабале (договору или отработывая долг). Превращение кабального холопа в обельного запрещалось [16, с. 122–123].

В приведенных примерах можно видеть, что формулировки в норме конкретны и не оставляют пространства для разночтений.

Отдельные нормы Соборного уложения 1649 года допускали расширительное толкование из-за их расплывчатой формулировки, отсутствия четких критериев или привязки к конкретным обстоятельствам. Это позволяло интерпретировать их в зависимости от ситуации, воли властей или судебной практики:

Пример 1: в статье 1 главы II говорилось о наказании за «злое умышление» против государя. Формулировка «умышление» была достаточно широкой и могла толковаться как замышление преступления, даже если оно не было доведено до конца [16, с. 50]. Это давало возможность привлекать к ответственности за подозрения в заговоре или измене, не дожидаясь совершения конкретного деяния.

Пример 2: в главе X («О суде») упоминались такие составы, как лихоимство (взяточничество, вымогательство), неправосудие, подлоги по службе [16, с. 55-67]. Отсутствие четких критериев для разграничения этих понятий давало возможность толковать их расширительно в зависимости от конкретной ситуации и воли судьи.

Отметим, что расширительное толкование было характерно для многих норм Соборного уложения и связано с его юридической техникой, сословным характером права и политическими реалиями эпохи. Полагаем, что укрепление абсолютизма и социальные конфликты мотивировали заинтересованность власти в широком толковании норм, защищающих государственные интересы.

В Соборном Уложении встречаются нормы, допускающие ограничительное толкование, то есть их применение могло быть сужено в зависимости от конкретных обстоятельств, социального статуса лиц или других факторов. Это позволяло ограничивать действие норм в определенных случаях или для определенных категорий лиц:

Пример 1: норма статьи 30 главы XI запрещала переводить крестьян из поместья в вотчину даже в пределах одного владения. Это ограничение было направлено на защиту прав новых владельцев поместья и предотвращение запустения земель [16, с. 95]. Таким образом, действие нормы ограничивалось конкретной ситуацией – переводом между разными формами землевладения.

Пример 2: согласно статье 16 главы XVI, если после дворян или детей боярских оставались бездетные жены, а вотчин или купленных вотчин после мужей не было, им полагался прожиток из выслуженных вотчин мужа. При этом вдовы не могли продавать, закладывать, передавать по наследству или использовать эти вотчины в качестве приданого. При выходе замуж, пострижении в монастырь или смерти вотчины возвращались родственникам умершего [16, с. 97].

Как видим, некоторые нормы Соборного Уложения содержали явные или подразумеваемые ограничения, которые сужали их применение в зависимости от конкретных условий, статуса лиц или обстоятельств дела.

Толкование норм Соборного уложения можно также разграничить по способам (методам), среди которых мы выделим: грамматический (лингвистический), историко-правовой, системный, телеологический (целевой).

Как известно, грамматический (лингвистический) способ толкования норм Соборного уложения применим для анализа текста документа с точки зрения его языковой структуры, орфографии, морфологии, синтаксиса и словоупотребления. Этот метод весьма важен, поскольку помо-

гает понять точный смысл норм, учитывая особенности терминологии, используемой при составлении Уложения. Как замечал филолог П.Я. Черных, язык Соборного Уложения «в общем является значительным шагом вперед в развитии национального русского языка» [19, с. 141].

Для его текста характерно использование терминов, возникших в русском языке в предыдущие исторические периоды; отражение новых черт орфоэпии того времени: аканье, перемещение ударения с существительного на предлог, наличие ударения в глаголах II спряжения на окончании, в префиксах глаголов – на префиксе; особенности морфологического строя: имена существительные мужского рода употребляются в родительном падеже единственного числа с окончанием -у, если ударение находится в слове на основе; имена существительные мужского и среднего рода употребляются в творительном падеже множественного числа с окончанием -ы/-и [19, с. 37].

Приведем ряд примеров применяемой юридической терминологии. Так, в Соборном уложении термин «суд» использовался в различных значениях: для обозначения судебной тяжбы, процедуры рассмотрения дела, судебного заседания, постановления, приговора, кары, наказания и др. Можно заметить, что в статье 4 главы IV, статье 7 главы VII, статьях 3, 12, 13 главы IX и других термин «суд» имеет разные смысловые значения. То есть при анализе конкретных статей необходимо учитывать контекст, чтобы определить, какой именно сущностный смысл законодатель имел в виду.

В ряде статей Соборного уложения термины «воровство», «вор» употребляются в значении, близком к современным понятиям «преступление», «преступник». Например, в статье 8 главы XXI указано: «А которые люди приведут в губу татя или разбойника, а те разбойники или тати учнут на тех людей, и на их дворовых людей, и на крестьян, которые их в губу приведут, говорить розбой, или татьбу, или иное какое воровство, и тому не верить для того, чтобы всяким людем безстрашно было воров имая в губу приводить» [11, с. 118]. Здесь «воровство» используется как обобщающее понятие для различных противоправных действий.

В статье 13 главы XXII говорится: «А которые воры чинят в людех смуту и затевают на многих людей своим воровским умыслением затейные дела, и таких воров за такое их воровство казнити смертию» [11, с. 130]. Здесь «воровство» используется в значении подстрекательства к бунту, а «воры» – лица, совершающие такие действия.

Другой пример. В Уложении фраза «бить челом» часто используется в значении «обращаться с прошением» или «жаловаться». Например, в статье 21 главы X (о суде) упоминается, что истец или ответчик может «бити челом» государю, если дело не решается в приказе [11, с. 33]. Термином «челобитная» в Соборном уложении обозначался документ, выражавший исковое требование, о чем свидетельствует и словосочетание «исковая челобитная». Так, об «исковой челобитной» речь идет в статьях 101, 102, 104 главы X [14, с. 49].

Использование грамматического способа толкования особенно необходимо при анализе казуальных норм Уложения, где их смысл зависит от конкретного словоупотребления и грамматической структуры положений.

Не менее важное значение в интерпретационном процессе имеет историко-правовой способ толкования, поскольку с его помощью становится возможным изучение исторического контекста создания Уложения, его источников и влияния на последующее законодательство. Например, в своде законов впервые законодательно утверждалось, что царь – источник всех законов, а его слово – закон. Это можно рассматривать как отражение процесса укрепления абсолютной монархии в России. Исторически это было связано с необходимостью консолидации власти после Смутного времени и укрепления авторитета династии Романовых. Нормы о самодержавии и наследственном характере власти царя закрепляли идею неразделимости власти и легитимности правления. Вместе с тем, по справедливому замечанию В.А. Томсинова, создание общерусских правовых установлений стало рассматриваться как дело не только царя с боярами, но «государево царьственное и земское дело» [14, с. 2].

Телеологический (целевой) способ толкования ориентирован на понимание целей, которые преследовал законодатель при создании Соборного Уложения, его конкретных норм. Этот способ позволяет нам выяснить, какие задачи решались при закреплении тех или иных положений, какой социальный смысл вкладывался в статьи. Например, в нормах, регулирующих государственное право, подчеркивалась идея неразделимости царской власти и закона: монарх выступал не просто как инициатор правотворчества, но как верховный гарант и источник справедливости. Или другой пример: в первой главе Уложения регламентированы преступления против церкви – богохульство, церковный мятеж, убийство, нанесение оскорблений в церкви во время богослужения [16, с. 49]. Исходя из смысла историко-правового

метода, мы видим высокий уровень влияния религиозной идеологии на правовую систему и цель укрепления позиций церкви в обществе.

Системный способ толкования позволяет нам рассматривать Соборное Уложение как комплексный правовой документ, где нормы систематизированы по отраслям права. С помощью этого способа интерпретации возможно установить взаимосвязь различных глав и статей, их место в общей структуре свода законов. Например, главы XI («Суд о крестьянах»), XIX

(«О посадских людях»), XX («Суд о холопах») упорядочивают нормы, регулирующие статус различных социальных групп. Это позволяет рассматривать нормы о сословиях не изолированно, а как часть единой системы социального устройства общества. Уложение закрепляло иерархию сословий, их права и обязанности, а также механизмы контроля над зависимыми категориями населения. На примере главы II («О Государьской чести, и как Его Государское здоровье оберегать»), главы III («О Государеве дворе, чтоб на Государеве дворе ни от кого никакого бесчинства и брани не было»), а также статьи о фальшивомонетничестве (глава V) и подделке документов (глава IV) можно видеть, что они образуют блок норм, направленных на защиту государственной власти и порядка [17]. Системный анализ показывает, что эти положения являются частью единого массива, включавшего также институты доносительства и ответственности за клевету, что укрепляло контроль государства над обществом. Резюмируя описанное ранее, можно констатировать, что системный способ толкования позволяет рассматривать Соборное уложение не как набор разрозненных норм, а как целостную правовую систему, где каждый элемент связан с другими и служит реализации общих целей – укрепления государственного порядка, сословной структуры, защиты интересов правящего класса.

Итак, рассматривая процесс толкования норм Соборного уложения, можно заметить, что он имел ряд особенностей, обусловленных социально-политическим контекстом эпохи, структурой документа и принципами правоприменения того времени.

Во-первых, толкование носило сословный характер. Соборное уложение учитывало сословное положение лиц при определении ответственности и привилегий. Так, сословный статус влиял на размер компенсации за оскорбление: за оскорбление представителя высшего сословия наказание было строже, чем за оскорбление человека низшего статуса. Также сословная принадлежность влияла на процессуальные права: в некоторых случаях приоритет в свидетельских показаниях отдавался представителям определенных

сословий (например, землевладельцам). Например, в статье 162 главы X предусматривалось, что при проверке свидетельских показаний «лучших людей» для очных ставок сначала привлекались представители церковных землевладений (патриарших, митрополичьих и т. д.), а затем – представители других сословий [16, с. 74-75]. Это положение отражало приоритетный статус духовенства в социальной иерархии.

Во-вторых, на процесс толкования оказывала влияние казуальность норм, то есть они формулировались через описание конкретных ситуаций, а не через абстрактные понятия. Хотя при анализе текста можно заметить термины, приближенные к абстрактным. Но в целом, толкование сводилось к выяснению деталей конкретного случая и сопоставлению его с описанной в законе ситуацией.

В-третьих, нередко толкование осуществлялось расширительно с учетом интересов государства. Особенно когда речь шла о преступлениях против государства или церкви. Так, под «злым делом» в контексте преступлений против государя могли понимать не только прямые действия, но и заговоры, бунты, а также любые посягательства на жизнь, честь государя или его семьи (статьи 1-4 главы II). Также ответственность могли возлагать на родственников преступника, если они знали о его замыслах (статья 6 главы II) [16, с. 50]. Такая общая формулировка открывала простор для расширительного толкования: под преступление могло подпадать любое действие, которое власти сочли бы противоречащим воле государя или общественному порядку, даже если оно не было прямо предусмотрено конкретными статьями Уложения.

В-четвертых, хотя в Соборном уложении заметно стремление законодателя к систематизации права, все же в его основе отчетливо просматривается использование судебной практики. Многие нормы были сформулированы на основе ранее существовавших указных книг приказов, где фиксировались решения по конкретным делам. Это означало, что при толковании часто опирались на сложившиеся правовые обычаи и ранее принятые судебные решения.

В-пятых, некоторые нормы требовали строгого соблюдения процессуальных форм. Например, статья 11 главы X обязывала протоколировать все дела в приказах: подьячие должны были фиксировать ход рассмотрения дел, а истец и ответчик – подписывать протокол [16, с. 54]. Это означало, что при толковании таких норм учитывались не только их содержание, но и соблюдение процедурных правил.

В-шестых, поскольку православная церковь играла важную роль в жизни российского обще-

ства, а царь признавался «Божьим помазанником», то нормы, связанные с преступлениями против церкви (богохульство, церковный мятеж), толковали с учетом религиозных догм и канонов. Например, богохульство трактовалось как публичное оскорбление Бога, Богородицы, святых угодников и церковных символов, к тому же преступление должно было быть совершено в церкви (глава I) [16, с. 49].

В-седьмых, юридическая терминология Соборного Уложения была многозначной. В своде законов использовалась смесь старославянизмов, отглагольных существительных и юридических формул, а также элементов народно-разговорной речи. Соборное уложение содержит примеры и русского делового языка («А збирать те денги погодно в Посольской приказ по новым переписным книгам, а не по сошному писму» (глава VIII «О искуплении пленных»)), сформировавшегося в городах Московии на протяжении XVI–XVII веков. Отдельные фрагменты (статья 10 главы XIV), целиком написаны на церковно-славянском языке и содержат церковные нормы о крестном целовании. Все это оказывало влияние на процесс толкования норм.

В-восьмых, по мере развития правовой системы Уложение дополнялось и корректировалось новыми указами и статьями (новоуказными статьями). Это заставляло толкователей учитывать не только текст самого Уложения, но и последующие законодательные акты.

Таким образом, толкование норм Соборного уложения было сложным процессом, который учитывал сословные различия, процессуальные требования, религиозный контекст и эволюцию правовых отношений.

Заключение

Подытоживая вышесказанное, отметим, что Соборное Уложение 1649 года являлось первым систематизированным сводом законов Русского государства. Процесс осмысления и разъяснения положений Уложения был многогранным и зависел от сочетания юридических, социальных, культурных и политических факторов. Среди одной из его особенностей было доминирование воли монарха и субъекта правотворчества. Это отражалось в языке правовых норм, где ключевыми были лексемы, связанные с понятиями «государь», «царь», «государев». В Уложении царь Алексей Михайлович подчеркивал свои законодательные полномочия, отходя от традиционного апеллирования к «старине». Толкование норм часто зависело от сословной принадлежности субъектов права. Например, наказания за одни и те же преступления могли различаться в зависимости от

сословной принадлежности виновного. Это отражало принцип сословного права, закрепленный в Уложении. Многие нормы были сформулированы через описание конкретных случаев (казусов), что требовало от толкователей умения адаптировать общие положения к конкретным ситуациям. Это усложняло однозначное понимание ряда положений. Нормы, связанные с церковным правом, преступлениями против религии или присягой, толковались с учетом канонов и решений церковных властей. Роль православной церкви в правовой системе значила, что религиозные аспекты могли влиять на интерпретацию даже светских норм. Юридическая терминология Уложения была многозначной. В его тексте использовалась смесь старославянизмов, отглагольных существительных и юридических формул, а также элементов народно-разговорного и делового языка того времени. Все это порождало неоднозначности и противоречия в правоприменении. Вместе с тем считаем, что изучение механизмов осмысления и разъяснения содержания норм Уложения позволяет глубже понять влияние интерпретации на правоприменительный процесс и эволюцию русского права в целом.

Список литературы:

- [1] Веселовский С.Б. Источники XVIII главы Уложения царя Алексея Михайловича: (посвящается М.К. Любавскому) / С. Веселовский. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1913. – 42 с.
- [2] Демидова Н. Ф. Обучение при Посольском и Поместном приказах // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времён до конца XVII в. – М., 1989. – 455 с.
- [3] Дьяконов М. А. Источники девятнадцатой главы Соборного уложения 1649 г. // Исторический архив. – 1919. – Кн. 1. – С. 224 – 254.
- [4] Ельчанинова, О.Ю. К вопросу о формировании российской правотворческой традиции в XVII в. // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – № 1(37). – С. 38 – 44.
- [5] Маньков А. Г. Уложение 1649 года - кодекс феодального права России. – Л.: Наука, 1980. – 273 с.
- [6] Маньков А.Г. Уложение 1649 года - кодекс феодального права России. – 2-е изд., испр. – М.: Гос. публич. ист. б-ка России, 2003. – 369 с.
- [7] Об Уложении и последующем его развитии. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского Университета ординарным профессором, доктором права Федором Морошкиным июня 10 дня 1839 года. – М.: Унив. тип., 1839. – 87 с.
- [8] Памятники русского права. Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко. – М.: Госюриздат, 1957. – 503 с.
- [9] Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 1-е с 1649 по 12 дек. 1825 г.]. Т. 1. – Санкт-Петербург: тип. 2 Отд-ния Собств. Его Императорского Величества канцелярии, 1830-1851. – 1206 с.
- [10] Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти томах / под общ. ред. О.И. Чистякова. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. – М.: Юридическая литература, 1985. – 519 с.
- [11] Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии / под ред. А.Г. Манькова. – Л.: Наука, 1987. – 451 с.
- [12] Тарановский Ф. В. Элементы основных законов в Уложении царя Алексея Михайловича. – Харбин: Типо-литография Л.М. Абрамовича. – 68 с.
- [13] Тихомиров М.Н. Соборное уложение 1649 года: учебное пособие для высшей школы / М.Н. Тихомиров и П.П. Епифанов. – М.: Издательство Московского университета, 1961. – 444 с.
- [14] Томсинов В. А. Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции // Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / сост., автор предисловия и вступительных статей В.А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2011. – 421 с.
- [15] Филиппов А. Н. История русского права. Ч. 1. Вып. 3. – Юрьев: К. Маттисен, 1907. – 732 с.
- [16] Хрестоматия по истории государства и права России учебное пособие / сост. Ю.П. Титов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 464 с.
- [17] Хрестоматия по истории русского права / сост. М.Ф. Владимирский-Буданов. Вып. 3. – М., 1885. – 253 с.
- [18] Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. – М.: Наука, 1978. – 420 с.
- [19] Черных П.Я. Язык Уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 371 с.

References:

- [1] Veselovsky S.B. Sources of the XVIII chapter of the Code of Tsar Alexei Mikhailovich: (dedicated to M.K. Lyubavsky) /S. Veselovsky. – M.: Print A.I. Snegireva, 1913. – 42 p.
- [2] Demidova N.F. Training at the Ambassadorial and Local Orders//Essays on the history of the

school and pedagogical thought of the peoples of the USSR from ancient times to the end of the XVII century. - M., 1989. - 455 p.

[3] Dyakonov M.A. Sources of the nineteenth chapter of the Cathedral Code of 1649//Historical Archive. - 1919. - Prince 1. - C. 224- 254.

[4] Yelchaninova, O.Yu. On the formation of the Russian law-making tradition in the 17th century//Bulletin of the Samara Law Institute. - 2020. - № 1(37). - S. 38 - 44.

[5] Mankov A. G. Code of 1649 - the Code of Feudal Law of Russia. - L.: Nauka, 1980. - 273 p.

[6] Mankov A.G. Code of 1649 - Code of Feudal Law of Russia. - 2nd ed., Rev. - M.: State. †. East of Russia, 2003. - 369 p.

[7] On the Code and its subsequent development. Speech delivered at the solemn meeting of the Imperial Moscow University by an ordinary professor, doctor of law Fedor Moroshkin on June 10, 1839. - M.: Univ. typ., 1839. - 87 p.

[8] Monuments of Russian law. No. 6. Cathedral code of Tsar Alexei Mikhailovich 1649/ed. K.A. Sofronenko. - M.: Gosyurizdat, 1957. - 503 p.

[9] Complete collection of laws of the Russian Empire: [Collection 1st. 1649 to 12 Dec 1825]. VOL. 1. - St. Petersburg: type. 2 Subsidiaries. His Imperial Majesty's Chancellery, 1830-1851. - 1206 p.

[10] Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes/under the general. ed. O.I. Chistyakova. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state/resp. ed. A.D. Gorsky. - M.: Legal literature, 1985. - 519 p.

[11] Cathedral Code of 1649: Text, comments/ ed. A.G. Mankova. - L.: Nauka., 1987. - 451 p.

[12] Taranovsky F.V. Elements of the basic laws in the Code of Tsar Alexei Mikhailovich. - Harbin: Type lithography

L.M. Abramovich. - 68 p.

[13] Tikhomirov M.N. Cathedral Code of 1649: a textbook for higher education/M.N. Tikhomirov and P.P. Epifanov. - M.: Moscow University Publishing House, 1961. - 444 s.

[14] Tomsinov V. A. Cathedral Code of 1649 as a monument to Russian jurisprudence//Cathedral Code of 1649. Legislation of Tsar Alexei Mikhailovich/ comp., Author of the preface and introductory articles V.A. Tomsinov. - M.: Zerkalo, 2011. - 421 s.

[15] Filippov A.N. History of Russian law. PART 1. No. 3. - Yuriev: K. Mattisen, 1907. - 732 p.

[16] Textbook on the history of the state and Russian law textbook/comp. Yu.P. Titov. - 2nd ed., Revised and add. - M.: TC Welby, Prospekt Publishing House, 2008. - 464 p.

[17] A reader on the history of Russian law/ comp. M.F. Vladimirovsky-Budanov. No. 3. - M., 1885. - 253 p.

[18] Cherepnin L.V. Zemsky cathedrals of the Russian state in the XVI-XVII centuries. - M.: Nauka, 1978. - 420 p.

[19] Black P.Ya. The language of the Code of 1649. Questions of spelling, phonetics and morphology in connection with the history of the Laid Book. - M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1953. - 371 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-261-265

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

ИВАНОВ Филипп Валерьевич,
аспирант, кафедра конституционного и
международного права, 3 курс
Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики,
e-mail: mail@law-books.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЭПОХУ ПРАВОВОГО ВЫЗОВА: БАЛАНС МЕЖДУ ЗАЩИТОЙ ПРАВ ЛИЧНОСТИ И ПУБЛИЧНЫМИ ИНТЕРЕСАМИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу роли Конституционного Суда Российской Федерации в обеспечении верховенства Конституции, защите прав и свобод граждан, а также в адаптации конституционной доктрины к динамично меняющимся социально-политическим и экономическим реалиям. Автор рассматривает особенности методологического подхода Конституционного Суда Российской Федерации, позволяющего гибко интерпретировать конституционные нормы в условиях трансформации социально-правовой действительности. На основе анализа ряда постановлений, автор показывает, как Конституционный Суд выстраивает сбалансированную модель взаимодействия между индивидуальными правами граждан и публичными интересами государства. Подчеркивается, что принцип разумной сдержанности остаётся центральным ориентиром судебной деятельности, а также рассматривается вопрос внедрения чётких процедурных механизмов пересмотра ранее изложенных правовых позиций.

Ключевые слова: Конституционный Суд, принцип разумной сдержанности, конституция, конституционное судопроизводство, конституционное правосудие, судебная практика, судебная доктрина.

IVANOV Philip Valerevich,
PhD student, Department of Constitutional and
International Law, 3rd year
St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics

CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE ERA OF LEGAL CHALLENGE: THE BALANCE BETWEEN THE PROTECTION OF INDIVIDUAL RIGHTS AND PUBLIC INTERESTS OF THE STATE

Annotation. The article is devoted to the analysis of the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in ensuring the supremacy of the Constitution, protecting the rights and freedoms of citizens, as well as in adapting the constitutional doctrine to dynamically changing socio-political and economic realities. The author considers the peculiarities of the methodological approach of the Constitutional Court of the Russian Federation, which makes it possible to flexibly interpret constitutional norms in the context of the transformation of social and legal reality. Based on the analysis of a number of decisions, the author shows how the Constitutional Court builds a balanced model of interaction between the individual rights of citizens and the public interests of the state. It is

emphasized that the principle of reasonable restraint remains the central guideline of judicial activity, and the issue of introducing clear procedural mechanisms for revising previously stated legal positions is also being considered.

Key words: *Constitutional Court, principle of reasonable restraint, constitution, constitutional proceedings, constitutional justice, judicial practice, judicial doctrine.*

Современный этап развития российской правовой системы характеризуется не только усилением регуляторной функции государства, но и возрастающей необходимостью защиты конституционных ценностей в условиях качественно новых вызовов, связанных с системной коррупцией, сложными схемами отмыwania активов, незаконного обогащения и иных форм правонарушений, угрожающих устойчивости правового государства. В этих условиях роль Конституционного Суда Российской Федерации (далее КС РФ) приобретает особое, стратегическое значение: он трансформируется из пассивного «стража» Конституции в активного архитектора правовой адаптации, способного синхронизировать устоявшиеся институты гражданского и процессуального права с новыми социально-правовыми реалиями.

Наделённый исключительной компетенцией по защите Конституции и не принадлежащий ни к одной из традиционных ветвей власти, КС РФ выполняет функцию конституционного арбитра, обеспечивая баланс между фундаментальными правами личности и публичными интересами государства. Эта уникальная институциональная позиция позволяет Суду не ограничиваться формальным применением норм, а наполнять их содержанием, выведенным из «духа» Конституции и адаптированным к контексту современных угроз. Такой подход, получивший в юридической науке название концепции «живой конституции», отражает способность конституционного правосудия эволюционировать, не теряя при этом привязки к ценностному ядру Конституции. [1 стр 127].

Формулируемая в настоящей статье научная позиция исходит из того, что в условиях динамичной трансформации социально-правовой реальности КС РФ последовательно развивает конституционно-правовую доктрину, используя собственно разработанные и выверенные правовые категории баланса между защитой прав личности (включая презумпцию невиновности, право собственности, стабильность гражданского оборота) и публичными интересами (борьба с коррупцией, защита экономического пространства, поддержание общественного доверия к правосудию). При этом возникающие сложности в толковательной практике обусловлены не недостатками судебной политики или «политизацией» Суда, как порой утверждают критики, а объективной необхо-

димостью адаптации устоявшихся правовых конструкций к новым формам правонарушений, требующим институционального ответа в рамках конституционного правопорядка [2. См например. Стр 68.].

Особенно ярко функция правовой адаптации проявилась в связи с введением в Гражданский кодекс (далее ГК РФ) нормы, позволяющей прокурору инициировать иски об обращении в доход государства имущества, происхождение которого не подтверждено законными доходами (п. 8 п. ч ст. 235). Эта новелла, по своей сути, имплементировала в гражданское право положения Конвенции ООН против коррупции и ввела в гражданское право презумпцию подозрения в коррупции, что принципиально отличает её от традиционных гражданско-правовых конструкций. Реализация данного механизма потребовала от КС РФ не просто формальной проверки конституционности нормы, а глубокого ценностно-нормативного анализа, направленного на сопоставление публичных и частных интересов, а также на выявление имманентных конституционных принципов, таких как недопустимость противоправного обогащения, обязанность государства обеспечивать справедливость и гарантии равенства перед законом [3].

Центральным методологическим достижением современного конституционного правосудия в России стало именно признание и последовательное развитие концепции «живой конституции». Эта концепция нашла устойчивое отражение в практике КС РФ, который не просто «применяет» Конституцию, но динамически наполняет её новым содержанием. При этом реализация идеи «живой конституции» не означает произвольного толкования или подмены юридического суждения политической волей. Напротив, КС РФ не просто разрешает конкретные споры, но формирует устойчивую конституционно-правовую доктрину, способную регулировать сложные правоотношения, ранее не известные российской правовой системе. Эта доктрина, как и подход КС РФ, предполагает, что конституционные нормы должны толковаться с учётом изменяющихся социальных, экономических и культурных реалий.

Следует подчеркнуть, что идея «живой конституции» представляет собой не только национальный, но и глобальный тренд в развитии конституционализма. Конституции стран перестают

быть статичными текстами и превращаются в своего рода «динамичные организмы», способные адаптироваться к вызовам цифровой эпохи, транснационализации и социальных трансформаций.

Более того, в условиях трансформации конституционализма, когда границы между национальным и международным правом всё больше стираются, роль КС РФ приобретает особую значимость. Суд становится не просто хранителем конституционного порядка, но и институтом, обеспечивающим конституционную идентичность Российской Федерации. Именно в этом контексте следует оценивать Постановление КС РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П, где был сформулирован критерий допустимости отклонения решений ЕСПЧ. Такой подход демонстрирует, что российский конституционализм развивается не в изоляции, а в условиях диалога с международными стандартами, но при сохранении суверенитета конституционного строя.

В этой связи КС РФ последовательно апеллирует к выводимым конституционным принципам, которые, не будучи прямо сформулированы в тексте Конституции, являются логическим следствием её основ. Ярким примером такого подхода является Постановление КС РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П. Анализируя вопрос о применимости исковой давности к антикоррупционным искам прокуратуры, Суд не ограничился формальной проверкой соответствия норм ГК РФ Конституции, а провёл глубокий ценностно-нормативный анализ, в котором главную роль сыграли такие конституционные принципы, как недопустимость противоправного обогащения (вытекающий из ст. 1, 17, 19, и 75.1 Конституции РФ) и необходимость обеспечения общественного доверия к правосудию и правопорядку. КС РФ прямо указал, что применение общих положений Главы 12 ГК РФ к антикоррупционным искам создаёт правовую лазейку, позволяющую уйти от ответственности по истечении десяти лет. Такая интерпретация, основанная на анализе материальной справедливости и публичного интереса, демонстрирует, что КС РФ понимает правовую систему не как совокупность формальных правил, а как динамичный организм, требующий своевременной корректировки.

Таким образом, КС РФ формулирует новый конституционный императив: там, где применение формальных гражданско-правовых механизмов (в частности, исковой давности) объективно препятствует реализации фундаментальных конституционных целей, а именно борьба с коррупцией, защита экономического пространства, восстановление справедливости, то такие механизмы не могут быть использованы как инструмент уклоне-

ния в определенной степени от конституционной ответственности. Этот подход позволяет КС РФ не просто реагировать на изменения, но превентивно формировать конституционно-правовую среду, в которой новые вызовы не остаются без правового ответа.

Важно подчеркнуть, что КС РФ при этом сохраняет лояльность к законодателю, не подменяя его, а рекомендуя внести необходимые изменения в законодательство. Это свидетельствует о том, что принцип разумной сдержанности, декларируемый в научной доктрине и практике, не является формальным лозунгом, а реально действующим регулятором судебной активности. [4, стр.60] Суд воздерживается от выполнения законодательной функции, а определяет конституционные рамки, в которых должен действовать законодатель, тем самым обеспечивая соблюдение принципа разделения властей.

Однако в современных условиях, в контексте принципа разделения властей, принцип разумной сдержанности приобретает новое измерение. Как отмечают ряд исследователей конституционный контроль всё чаще трансформируется из пассивного института сдерживания в активного участника нормативного процесса особенно в начале 21 века [5 стр 6]. Это связано не только с необходимостью защиты прав, но и с ростом сложности нормативных систем, где одна лишь буквальная интерпретация закона может привести к нарушению конституционных ценностей. В этой связи сдержанность КС РФ проявляется не в воздержании от решения сложных вопросов, а в тщательной аргументации, опоре на конституционные принципы и сохранении институциональных границ. То есть, сдержанность здесь - это не бездействие, а ответственность.

Одновременно с этим эволюция правовых позиций КС РФ, обусловленная логикой «живой конституции», порождает сложные коллизии с ранее сформированной судебной доктриной. Например, если в Постановлении от 24 июня 2009 г. № 11-П подчёркивалось, что «никто не может быть поставлен под угрозу возможного обременения на неопределённый или слишком длительный срок», то в Постановлении № 49-П Суд фактически исключает применение давностных норм к антикоррупционным искам. Однако такая трансформация не свидетельствует о непоследовательности, а отражает адаптацию конституционной доктрины к новым вызовам. В 2009 году основной угрозой виделась неопределённость сроков ответственности, угрожающая стабильности гражданского оборота. Однако к 2024 году социально-правовой контекст изменился кардинально. На первый план вышли новые угрозы

системного характера: масштабная коррупция в высших эшелонах власти, использование офшорных схем для сокрытия активов, легализация незаконных доходов под прикрытием формально «чистых» гражданско-правовых сделок. Именно в этих условиях и возникла коллизия между формальной правовой конструкцией (давность) и материальной справедливостью (недопустимость противоправного обогащения). КС РФ реагирует на изменение контекста, не отменяя прежние принципы, а уточняя сферу их применения.

Именно поэтому критически важной задачей становится не отрицание самой возможности эволюции, а создание прозрачных процедур, позволяющих осуществлять такой пересмотр в рамках правовой определённости. Без этого риск ситуативного или конъюнктурного толкования действительно возрастает. В этом контексте деятельность КС РФ выступает не только как судебная, но и как инициативная инстанция. Перед лицом трансформирующихся социально правовых вызовов КС РФ отходит от буквального прочтения норм в пользу гибкой и контекстуальной интерпретации. Вместо того чтобы цепляться за устаревшие со временем правовые конструкции, КС РФ инициирует переосмысление сложившихся подходов и тем самым запускает своего рода цепную реакцию: его позиции становятся импульсом как для юридической науки, так и для законодательной деятельности по корректировке правовых норм.

Допустимо утверждать, что применение концепции «живой конституции» в деятельности КС РФ не представляет собой отступление от принципа верховенства права, а, напротив, служит его адаптивным выражением. Концепция раскрывает его подлинную суть как способности правовой системы отвечать на вызовы времени, не теряя привязки к конституционным основам. Оставаясь верным духу и букве Конституции, КС РФ адаптирует её текст, обеспечивая устойчивость правопорядка не за счёт статичности, а посредством взвешенного и принципиального эволюционного подхода. Особенно остро это проявляется тогда, когда буквальное применение закона начинает подрывать сами конституционные ценности. Таким образом, ключевой вклад современного конституционного судопроизводства состоит не в формальном контроле за соответствием норм Конституции, а в том, что верность правовому государству означает не только следование нормативному тексту закона как таковому, но и умение видеть за ним живую правовую реальность и корректировать её в русле конституционных приоритетов.

Таким образом, КС РФ в современных условиях демонстрирует стратегическую зрелость, последовательно развивая конституционно-пра-

вовую доктрину в ответ на вызовы эпохи. Его решения следует рассматривать не как произвольное вмешательство или подмену законодателя, а как сбалансированную попытку сохранить верховенство Конституции в новых обстоятельствах. Современная практика КС РФ убедительно демонстрирует, что институт конституционного правосудия перестал быть пассивным стражем текста Конституции и превратился в активного участника правовой эволюции.

Сложности в толковательной практике возникают не из-за внутренних противоречий, а из-за естественной напряжённости между стабильностью права и необходимостью его адаптации. КС РФ, будучи конституционным арбитром, несёт ответственность за то, чтобы эта адаптация происходила в рамках правового государства, без ущерба для фундаментальных прав, но и без слепого следования формализму. Тем не менее, в условиях нарастающей сложности правовых коллизий и ускоряющейся трансформации нормативной среды возникает необходимость в институциональном укреплении механизма конституционного судопроизводства. Важно, чтобы изменение судебной позиции происходило не стихийно, а в рамках установленной процедуры с указанием круга субъектов которые могут обратиться с обращением о пересмотре, с обязательным обоснованием причин корректировки, анализа преюдициального значения предыдущих решений и учёта социальных последствий. В связи с чем видится целесообразным рассмотреть данное направление законодательного совершенствования.

В конечном счёте, КС РФ остаётся тем институтом, который не просто охраняет Конституцию, но и сохраняет её живую и действенную силу в меняющемся правовом контексте. Его роль как архитектора адаптивного конституционализма будет только возрастать, особенно в условиях системного давления на правовую систему. Для того чтобы эта роль реализовывалась максимально эффективно, требуется не только правовая мудрость самого Суда, но и соответствующая законодательная база, способная обеспечить баланс между гибкостью и стабильностью, активизмом и сдержанностью, национальным суверенитетом и с учётом международных обязательств Российской Федерации. Именно такой подход позволит российскому конституционному правосудию оставаться опорой правового государства в 21-м веке.

Список литературы:

[1] Червонюк В. И. Трансформация идеи «живой конституции» в современной доктрине конституционного права // Право и государство. 2020. № 2. С. 124–132.

[2] Джавакян, Г. З. Правотворческая активность Конституционного Суда Российской Федерации :Юридизация политики или политизация конституционного правосудия ? /Г. З. Джавакян. // Конституционное и муниципальное право. -2016. - № 3. - С. 64 – 69.

[3] Постановление КС РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П.

[4] Трунов И. Л. Конституционное судопроизводство в России: проблемы, перспективы и политический контекст // Представительная власть — XXI век. 2025. № 1. С. 1–9.

[5] Джавакян Г. З. Принцип разумной сдержанности в конституционном правосудии: самоограничение или самоустранение? // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 54–61.

[6] Поярков С.Ю. Судебный конституционный контроль и трансформация современного конституционализма: проблемы гармонизации и развития // Юридические исследования. 2025. № 6. С. 90-111.

[7] Постановление КС РФ от 24 июня 2009 г. № 11-П.

References:

[1] Chervonyuk V.I. Transformation of the idea of a “living constitution” in the modern doctrine of constitutional law//Law and state. 2020. № 2. S. 124-132.

[2] Javakyan, G.Z. Legal activity of the Constitutional Court of the Russian Federation: Juridization of politics or politicization of constitutional justice ?/G. Z. Javakyan .//Constitutional and municipal law. -2016. - № 3. - S. 64 - 69.

[3] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 31, 2024 No. 49-P.

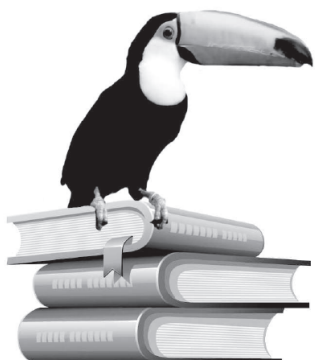
[4] Trunov I. L. Constitutional legal proceedings in Russia: problems, prospects and political context// Representative power - XXI century. 2025. № 1. S. 1-9.

[5] Javakyan G.Z. The principle of reasonable restraint in constitutional justice: self-restraint or self-elimination ?//Constitutional and municipal law. 2018. № 6. S. 54-61.

[6] Poyarkov S.Yu. Judicial constitutional control and transformation of modern constitutionalism: problems of harmonization and development//Legal research. 2025. № 6. S. 90-111.

[7] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 11-P dated June 24, 2009.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-266-273

МЕТЕЛЬКОВ Александр Николаевич,
доцент кафедры прикладной математики и
безопасности информационных технологий
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России,
кандидат юридических наук,
ORCID: 0000-0002-6113-8981,
e-mail: metelkov5178@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Целью статьи является исследование механизма взаимодействия правовых режимов как микросистемных образований в системе права. Актуальность разработки этой теоретической проблемы обусловлена практической необходимостью урегулирования вопросов согласованного функционирования не менее двух правовых режимов в одних и тех пространственно-временных условиях. Теоретические аспекты продемонстрированы на примере анализа взаимодействия режима чрезвычайной ситуации и правового режима контртеррористической операции, что подтверждается практикой одновременного введения этих двух режимов на территории отдельных субъектов Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции.

Обоснование взаимодействия правовых режимов в теории права автором строится на идеях коммуникативного, диалогического и реалистического подходов с учетом конструктивных аспектов символического интеракционизма и других теорий в исследовании правовых явлений. Юридические нормы как фундаментальные структурные элементы права являются основным связующим звеном правовой системы, образуют содержание правовых режимов и составляют юридическую основу их взаимодействия, обеспечивают интеграцию и функциональное единство всех иных компонентов права — институтов, отраслей, подотраслей и системы права в целом. В результате исследования сформировано понимание корреляции правовых режимов как процесса координации и согласования различных правовых средств, конструирующих такие режимы. Взаимное действие осуществляется посредством процедуры правового общения уполномоченных субъектов права.

Ключевые слова: правовой режим, коммуникация, диалог, взаимодействие, правовые средства.

METELKOV Alexander Nikolaevich,
candidate of law, Associate Professor of the Department
of Applied Mathematics and Information Technology Security,
St. Petersburg University of the Ministry
of Emergency Situations of Russia

INTERACTION OF LEGAL REGIMES: THEORETICAL ASPECTS

Annotation. The purpose of this article is to study the mechanism of interaction between legal regimes as microsystemic entities within the legal system. The relevance of this theoretical problem stems from the practical need to regulate the coordinated functioning of at least two legal regimes within the same spatiotemporal conditions. The theoretical aspects are demonstrated through an analysis of the interaction between a state of emergency and the legal regime of a counter-terrorism operation, as evidenced by the practice of simultaneously introducing these two regimes in certain

constituent entities of the Russian Federation during a special military operation. The author's justification for the interaction of legal regimes in legal theory is based on the ideas of communicative, dialogic, and realistic approaches, taking into account the constructive aspects of symbolic interactionism and other theories in the study of legal phenomena. Legal norms, as fundamental structural elements of law, are the main connecting link of the legal system, forming the content of legal regimes and constituting the legal basis for their interaction, ensuring the integration and functional unity of all other components of law—institutions, branches, subbranches, and the legal system as a whole. The study developed an understanding of the correlation of legal regimes as a process of coordination and harmonization of the various legal instruments that construct such regimes. This mutual interaction is achieved through legal communication between authorized legal entities.

Key words: legal regime, communication, dialogue, interaction, legal means.

В юридической литературе понятие «взаимодействие правовых норм» относится к системным, скоординированным или конфликтным отношениям между различными юридическими нормами, принципами и положениями как в рамках одной правовой системы, так и между различными правовыми системами. Оно анализируется как механизм поддержания согласованности, толкования права, управления правовым плюрализмом и разрешения противоречий при создании и применении права. В учебнике по теории государства и права рассмотрению принципов «взаимодействия правовых средств» [1, с.434] А.В. Малько выделил отдельный параграф. Как известно, правовые режимы представляют совокупность (комплекс, систему) таких юридических средств.

Взаимодействие как процесс возможно благодаря целенаправленной предметной и мотивированной деятельности субъектов. Е.В. Тимошина неслучайно при анализе творческой деятельности Л.И. Петражицкого, выделила процессуальность как характеристику постклассической онтологии права, вышедшую «на первый план во многих правовых теориях (А. Кауфманна, Дж. Холла, М. ван Хука, А. В. Полякова, И. Л. Честнова и др.)» [2, с.23].

Взаимодействие всегда конкретно, оно отражает отношение элементов какой-либо целостной системы (например, правовой системы, системы права, отрасли права, правового режима и т.п.). Содержание взаимодействия обусловлено природой составляющих его компонентов, изменение которых, как правило, характеризует целесообразное движение данной системы. В случае полного или частичного совпадения целей целенаправленность определяет сотрудничество как форму взаимодействия или, наоборот, при несовпадении целей – конфликта. Возможны и смешанные варианты.

При анализе социального взаимодействия правоведы традиционно раскрывают его сущность через категорию «субъект» согласно субъект-субъектной модели. Представляется обоснованным охват социальным взаимодействием ряда

взаимосвязанных процессов, позволяющих «рассматривать его как систему, в которой в единстве выступают субъект – субъектные, субъект – объектные связи» [3, с. 477-479].

Правовое взаимодействие в свою очередь охватывается социальным взаимодействием. В сложном правовом взаимодействии при описании правовых режимов в юридической литературе часто используют термины «совокупность», «комплекс», «система» юридических средств. Правовой режим С.С. Алексеев мыслил как особую систему «регулятивного воздействия, характеризующуюся специфическими способами регулирования...» [4, с.245], Д.Н. Бахрах как «систему закрепленных юридическими нормами правил осуществления определенных действий...» [5, с.42-43], Г.С. Беляева как «системное образование» [6, с.290]. Нами разделяется подход к рассмотрению правового режима как системы. В связи с этим взаимодействие юридических режимов, исходя из обобщенного понимания правового режима как системы правовых средств, представляется в форме взаимодействия совокупностей или отдельных таких средств, включенных в разные режимы.

Как известно, корни общей теории систем можно проследить до древних философов, но некоторые идеи были развиты лишь с появлением трудов австрийского биолога Людвиг фон Берта-ланфи. В широком смысле она стала пониматься как совокупность принципов, инструментов, методов и технологий, связанных с системами. Теория рассматривает расположение определенных компонентов, взаимосвязанных для образования некоего целого, которое в смысловом измерении больше, чем сумма составляющих его частей. Формальное определение выражает систему как «совокупность объектов вместе с отношениями между объектами и между их атрибутами» [7, с. 18].

В познании взаимодействия правовых режимов опорой служат коммуникативная теория права, теория диалогизма, конструктивные идеи символического интеракционизма, теория систем и другие подходы.

В последние годы все больше научный поиск в теории права сфокусирован на проблемах коммуникации. Идея коммуникации исследована немецкими философами права («В. Кравиц, Н. Луман, Г. Шельски, Ю. Хабермас, Г. Тойбнер»), но она не чужда и российскому правовому дискурсу» [8, с.95]. Коммуникативные взгляды проявляются в трудах Л.И. Петражицкого и представителей петербургской школы философии права, которые в начале XX в. сформулировали проблематику правовой коммуникации и попытались исследовать её в философских терминах своего времени. В разработанной А.В. Поляковым современной теории правовая коммуникация опосредуется правовыми текстами, которые в научном понимании представляют собой семиотическую систему, где нормы выступают как юридические знаки, подлежащие интерпретации для конституирования правового смысла. Данная интерпретация обеспечивает регулятивную функцию права, реализуемую через установление юридических прав и обязанностей субъектов правоотношений. В результате, правовой текст функционирует как нормативная система, формирующая поведенческие границы в пределах правопорядка. Правовой текст учёный рассматривает как систему знаков, интерпретация которых создаёт определённый правовой смысл, направленный на регулирование поведения субъектов через установление их юридических прав и обязанностей. В действительности, при чтении любого, в том числе правового текста, как полагает А.Н. Леонтьев, представленными «в сознании являются только мысли, их выражение, внешняя сторона текста может лишь оказаться сознаваемой» [9, с.233].

Применительно к анализу правовых режимов вполне можно согласиться с утверждением И.Л. Честнова о практичности коммуникативной концепции права в смысле ее ориентированности «на действия людей, процессуальность, постоянное изменение права: действия, включающие ментальные психические процессы интерпретации окружающего мира» [10, с.55]. В этих процессах смысл заключается не в извлечении его из нормативного правового акта или воли законодателя, а в синтезировании понимания «при пересечении интенции сознания актора правовой коммуникации с ситуацией в связи с нормативной системой» [10, с.57]. Значение — это не статичный социально-оценочный образ определённого явления или процесса, а устойчиво воспроизводимое общественным сознанием представление о юридически возможном, обязательном или запрещённом в пределах действующей правовой системы. Такое представление формируется и транслируется через правовые нормы, правоприменительную практику, юридическую науку и

повседневное правосознание граждан. Оно не сводится к индивидуальному мнению, а имеет социальную обусловленность и повторяемость, что позволяет считать его элементом объективного права или правовой реальности, воспроизводящей нормативную регуляцию поведения в обществе.

Заслуживающей внимания концепцией, разрабатываемой И.Л. Честновым, является диалогическая теория права, позволяющая в определенной мере исследовать и объяснять взаимодействие правовых режимов. Содержанием юридической коммуникации, с позиции ученого, выступает диалог «как принятие точки зрения социально значимого Другого» [10, с.55] и как основание социальности и права, внутреннее принятие Другого как ожидание поведения от носителя этого статуса. И. Л. Честнов отмечает, что диалог является не просто толкованием правовых текстов и достижением взаимопонимания, а соотносением «образа ситуации, ее юридической процессуальной типизации (знания и навыка о возможном, должном или запрещенном проведении в контексте ситуации) с личностной мотивацией» [10, с.55]. Коммуникация позволяет интегрировать и демонстрировать комплементарность субъектов права, смыслов, норм права и действий. Таким образом, И. Л. Честнов определяет реализацию права в определенной правовой культуре как «действия людей по конкретизации и уточнению информации, сформулированной людьми на стадии нормотворчества и воплощение ее» [11, с.137] в поведенческих и ментальных практиках

В своих подходах современные ученые-правоведы нередко опираются на идеи М.М. Бахтина. В труде «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965) Бахтин развил идеи диалогизма путем анализа ситуации подчинения «Я» другому или «одержания» «Я» другим в пространстве карнавала, в котором временно отменяются социальные иерархии, а амбивалентность становится одним из инструментов диалога культуры. Любой диалог, по мнению М.М. Бахтина «происходит как бы на фоне ответного понимания незримо присутствующего третьего, стоящего над всеми участниками диалога» [12, с. 305-306]. Следуя в русле движения мысли М.М. Бахтина, можно предположить, что в случае взаимодействия правовых режимов «третьим» в нашем представлении может быть как право в целом, так и правовая система, система права, действующее законодательство, правовые принципы, общественное правосознание, корреспондирующие нормы права, нормы религии и морали и т.п.

В теории символического интеракционизма коммуникация понимается как взаимодействие между людьми посредством разнообразных символов, знаков, а социальный процесс трактуется как процесс выработки и изменения социальных значений, постоянного определения и переопределения ситуаций взаимодействия их участниками.

В современных условиях бурного развития информационно-телекоммуникационных технологий и их внедрения во все сферы жизнедеятельности человека, включая право, структурный функционализм помогает постигнуть мир информационного общества. Структурный функционализм как направление в праве используют структурно-функциональный анализ для исследования реального мира массовой коммуникации. Социальный феномен средств массовой коммуникации интерпретируется в виде самоорганизующейся и самоконтролируемой подсистемы, существующей для поддержания функционирования общества. Благодаря коммуникативным процессам возникают взаимообусловленность и взаимодополнительность системы права и социума, а юридические категории наполняются социальным содержанием.

Понятие коммуникации в междисциплинарных исследованиях перестали отождествлять с «передачей сообщения», а представляют как сложный феномен. Коммуникация по Н. Луману представляет собой синтез трех селекций, объединяющих информацию, сообщение и понимание [13, с.205]. Коммуникации пронизаны смыслом, который Н. Луман рассматривает как «продукт операций, использующих смысл.... Поэтому не существует никакой идеальности, отделенной от реальности фактического переживания и процесса коммуникации» [13, с.46].

В коммуникативной теории право понимается как разновидность intersubjectивной деятельности. В современной интерпретации intersubjectивные формы социального опыта обеспечивают возможность взаимопонимания субъектов права и составляют основу коммуникации. Право невозможно отделить от сознания социальных субъектов, оно существует как часть общественного правосознания.

В процессе взаимодействия правовых режимов друг с другом субъекты права должны учитывать, что делают или собираются делать другие, и они вынуждены направлять свое поведение или обращаться со своими ситуациями исходя из того, что они учитывают. В связи с этим деятельность остальных субъектов права служит конструктивным фактором формирования их собственного поведения, так как «ввиду действий других можно

отказаться от намерения или цели, пересмотреть ее, проверить ее или отсрочить, усилить или сменить» [14, с.46].

Идея связанности правовых режимов возникла у автора при осмыслении явлений практики в сфере борьбы с проявлениями ядерного терроризма, где правовой режим противодействия ядерному терроризму [15, с.5] оказывает существенное воздействие на многие другие правовые режимы. Для преодоления относительной замкнутости правовых режимов в условиях их совместного сосуществования в единых пространственно-правовых границах с другими правовыми режимами в различных отраслях права необходимо наличие своеобразных кросс-норм права, связывающих в необходимых пределах корреспондирующие правовые режимы. Основная черта правовой нормы поведения состоит в наделении одного субъекта права правомочием, а другого обязанностью, таким образом правовая норма устанавливает связь между субъектом права и субъектом обязанности и «указывает, что может требовать один и что может сделать другой» [16, с.29]. С точки зрения психических процессов юридическая норма поведения отличается от других аналогичных норм свойством двусторонности: «ее сознание или переживание всегда сопровождается приписыванием тех или иных полномочий (прав) одним и тех или иных обязанностей» [16, с.31].

Коммуникативный подход акцентирует внимание на действии права, на наполнении социальным содержанием юридических категорий. Коммуникативные процессы инициируют появление взаимообусловленности и взаимодополнительности системы права и социума, а право отвечает на запросы общества и, в свою очередь, воздействует на социальные процессы. Обоснование возможности универсального правопонимания.

Идеи сторонников коммуникативной концепции права позволяют дать более глубокое представление о праве и правовых институтах, вводя «правовую догматику в контекст социальной коммуникации» [8, с.80] и открывая перспективу правовой реальности. Смещение акцентов на действие права, «социальной валидности, обеспечивающей и моральную, и формально-юридическую (догматическую) валидность» [8, с.80]. Привнесением временного параметра в модель функционирования правового режима системная теория взаимодействия правовых режимов получает недостающие ей динамические характеристики, которые связаны с предусмотренной законодателем возможностью генерации и пространственно-временной изменчивости совокупности юридических средств.

Коммуникативная теория права позволяет посмотреть на взаимодействие правовых режимов, возможную взаимосвязь правовых средств разных режимов под более широким углом зрения. Как известно, правовые режимы опираются на упорядоченную совокупность таких средств, которые как микроэлементы в системе права находятся в состоянии взаимодействия. В правовых режимах может быть заложена идея генерализации совокупности правовых средств в зависимости от юридической ситуации и других факторов окружающей среды – других элементов системы права и правовой системы в целом. Для построения теории взаимодействия правовых режимов представляется плодотворной мысль М.А. Басина о представлении динамики взаимодействия в виде графа структур и событий, одной из координат которой является время, а узлами – акты взаимодействия (события). В результате таких актов «происходит качественная трансформация структур, в них участвующих» [17, с.3].

Правовой режим не является застывшим статичным трафаретом правой модели особого порядка таргетированного регулирования. Он интегрирует правовые тексты, их интерпретацию управомоченным субъектом права, волевые действия (или бездействия) правоприменителя в определённом пространстве и времени с применением выбранного им набора правовых норм, в конкретной обстановке и юридической ситуации. Совокупности правовых средств, на основе которых формируются коррелирующие правовые режимы, могут по воле правоприменителя в определённом законодателем правовом пространстве переключаться, формируя определённые комплексы юридических средств и пути эволюции реальных микросистем правовых режимов, и ветвиться в процессе бифуркации. Такие многочисленные деривации (ответвления) могут оказывать существенное влияние на функционирование других юридических средств, объединяемых в рамках корреспондирующих правовых режимов.

Взаимодействие правовых режимов продемонстрируем на примере правового режима контртеррористической операции (КТО) и правового режима в сфере безопасности дорожного движения. В случае введения согласно ст.11 Федерального закона «О противодействии терроризму» ограничения движения транспортных средств на улицах и дорогах эта правовая мера неминуемо отразится на правовом режиме безопасности дорожного движения. В частности, таким решением руководителя КТО перекрываются установленные в статье 6 Федерального закона «О безо-

пасности дорожного движения» полномочия определенных законодателем органов местного самоуправления в этой сфере деятельности на объектах улично-дорожной сети.

В правовом контексте важно дифференцировать направленность правового действия и вектор правовой реактивности. Под реактивностью понимается ответное действие, вызванное поведением субъекта права, которое, будучи обусловлено инициативой другого субъекта, тем не менее сохраняет признаки субъектной активности. С юридической точки зрения, субъект, осуществляющий реактивное поведение, не утрачивает своего статуса субъекта правоотношения, поскольку его действия обладают признаками волевого акта, осознанности и правовой значимости. Инициация правового взаимодействия одним из участников не влечёт за собой превращение другого участника в объект правового воздействия. Напротив, ответные действия свидетельствуют о его субъектной позиции в правоотношении. Следовательно, оба участника, независимо от инициативности, выступают субъектами правового взаимодействия, поскольку обладают правоспособностью, дееспособностью и способностью самостоятельно реализовывать свои права и обязанности. отождествление иницирующего участника с субъектом, а реагирующего с объектом, расходится с принципом равенства субъектов права однопорядковых правовых режимов и ведёт к искажению природы правоотношения как двустороннего, взаимного и юридически значимого взаимодействия. Правовой объект — это вещь, результат труда, нематериальные блага или иное, по отношению к которому осуществляется правовое воздействие. Он лишён способности к активному поведению. В то время как реактивное поведение субъекта — это проявление его правосубъектности, а не пассивности. Следовательно, реактивность не отменяет субъектности, а лишь определяет ответный вектор правового поведения.

Взаимодействие, «диалог» субъектов права – руководителя КТО и руководителя ликвидации ЧС во многом определяют основополагающие права человека на жизнь, собственность и свободу [18, с.228-234]. Варьирование элементов правового режима в его динамике непосредственно отражается на этих правах. Варьирование является «отклоняющимся воспроизводством элементов системы» [13, с.494] в установленных законодателем рамках. Для наглядности рассуждений о варьировании юридических средств и динамической составляющей правового режима рассмотрим крайние ситуации на конкретном примере правового

режима КТО. Законодателем на период проведения такой операции в рамках введенного правового режима КТО допускается применение 14 групп мер и временных ограничений, которые могут вообще не применяться или могут применяться все одновременно. Это крайние возможные варианты использования юридических средств. В действительности уполномоченным субъектом права могут генерироваться и применяться различные комбинации из юридических средств, таких как приостановления, ограничения и запреты. Теоретически таких комбинаций может быть большое множество. Например, в случае правового режима КТО возможно $14!$ (факториал) или множество всевозможных 8778291200 совокупностей правовых средств. В результате такого огромного по человеческой мерке объема комбинаций правовой режим можно представить как большую сложную систему, представляющую широкие возможности правоприменителю. В отношении «больших» систем И. Пригожин полагает, что в них доминирует «непериодическое поведение», и в таком случае динамическая система «характеризуется хаотическим поведением» [19, с.14]. Такие возможные множественные изменения совокупности юридических средств в доминирующем правовом режиме (например, правовом режиме военного положения, введенного на всей территории государства) безусловно отражается в крайнем случае на всех или большинстве взаимодействующих правовых режимах, которые будут в рассматриваемом гипотетическом случае действовать как бы «внутри» этого режима в период его реализации (например, режим передвижения иностранцев, режим свободной экономической зоны, паспортный режим и т.п.). Кроме того, эти комбинации могут меняться по решению руководителя КТО в течении продолжительного по времени соответствующего правового режима. В реальной жизни, исходя из сложившейся обстановки, используется необходимое ограниченное число таких юридических средств. Динамическая характеристика правового режима заключается в выборе уполномоченным лицом совокупности юридических средств для регулирования социальных отношений на определенном этапе проведения КТО и возможности ее изменения во времени.

Взаимодействие правовых режимов можно также показать на примере ограничения применения информационных технологий. Использования юридического средства при правовом режиме КТО на территории ее проведения в виде приостановления оказания услуг связи юридическим и физическим лицам или ограничение использования сетей связи и средств связи вполне очевидно

отразится на правовом режиме денежного обращения в цифровой форме и любом из действующих на этой территории экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций. Цифровые финансовые активы технически работают на основе технологии блокчейн и смарт-контрактов. Технология цифровых финансовых активов (ЦФА) позволяет создавать цифровые права на активы, существующие в виртуальной форме. ЦФА оформляют в виде записи в информационной системе на основе блокчейна — технологии распределённого реестра. Для исполнения сделок используются смарт-контракты — программы, автоматически выполняющие действия (денежные переводы, вычисления) на базе блокчейна. В правовом режиме денежного обращения подверженном трансформации, обусловленной цифровизацией финансовой сферы посредством внедрения передовых платежных технологий, получает обособление совокупность правовых норм, формирующих правовой режим цифровых платежных средств, прежде всего цифрового рубля и иных цифровых валют, которые с правовой точки зрения выступают предметом общественных отношений в сфере денежного обращения и расчетов [20, с.433].

Безусловно, введение ограничительных мер по использованию сетей и средств связи непосредственно воздействует на инновационные публично-правовые режимы [21, с.124]. Устанавливаемые в сфере цифровых и технологических инноваций экспериментальные правовые режимы могут вводиться в соответствии с законодательством по ряду направлений апробации и внедрения цифровых и технологических инноваций в различных сферах человеческой деятельности (медицина, транспорт, сельское хозяйство, финансовый рынок, торговля, строительство, промышленность и др.). Они также зависимы от принятого решения о введении в нашем примере правового режима КТО и установления ограничений на использование сетей и средств связи.

В результате исследования можно сделать определенные выводы. Правовой режим рассматривается как устойчивая система юридических средств, функционирующих в определённой сфере общественных отношений и объединённых единым целевым назначением. В сфере действия коммуникативной теории права и диалогического подхода взаимодействие между правовыми режимами понимается как процесс координации и согласования через механизм правового общения уполномоченных субъектов права различных правовых средств, входящих в коррелирующие режимы.

Юридическая норма является фундаментальным структурным элементом права, образующим содержание правовых режимов. Будучи основным связующим звеном правовой системы, норма обеспечивает интеграцию и функциональное единство всех иных структурных компонентов права — институтов, отраслей, подотраслей и системы в целом права. Тем самым норма составляет юридическую основу построения и действия всей правовой системы.

Список литературы:

[1] Проблемы теории государства и права: Учебник / под ред. А.В. Малько. — М.: Юрлитинформ, 2012. 592 с.

[2] Тимошина, Е.В. Теория и социология права Л.И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: автор. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Тимошина Елена Владимировна. Москва, 2013. 44 с.

[3] Жекибаева Б.А. Основные характеристики категории «взаимодействие» в психологической науке // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 10-3. С. 477-479.

[4] Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 245.

[5] Бахрах Д.Н. Важные вопросы науки административного права // Государство и право. М.: Наука, 1993, № 2. С. 37-45

[6] Беляева Г.С. Правовой режим: понятие и признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 1. С. 281–293.

[7] Hall A. D. and Fagen R. E., Definition of System, «General Systems», vol. I, 1956, p. 18–28

[8] Антонов М. В., Поляков А.В., Честнов И. Л. Коммуникативный подход и Российская теория права // Правоведение. 2013. № 6 (311). С. 78–95.

[9] Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. Москва : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1959. 495 с

[10] Честнов И. Л. Практическое измерение коммуникативной теории права // Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 50–58.

[11] Социальные функции права: материалы круглого стола / под ред. проф. А.Г. Чернявского. - Москва : Русайнс, 2016. 215 с.

[12] Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

[13] Луман Н. Общество общества. М.: Издательство «Логос», 2011. 640 с.

[14] Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод/ пер. с англ. А.М. Корбут. Москва: Элементарные формы, 2017. 346 с.

[15] Метельков А.Н. Правовой режим противодействия ядерному терроризму.// История государства и права. 2008. № 5. С.5–6.

[16] Сорокин П. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2009. 240 с.

[17] Басин М.А. Волны. Кванты. События: Волновая теория взаимодействия структур и систем. Часты I. СПб.: Норма, 2000. 168 с.

[18] Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления: Монография. Харьков: Право, 2002. С.228-234.

[19] Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С.3-19.

[20] Андриевский К. В. Финансово-правовые режимы: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.04. Москва, 2022. 503 с.

[21] Дегтярев М. В. Инновационные публично-правовые режимы: что делает их инновационными? Некоторые первичные размышления // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. №11 (99). С.117-127.

References:

[1] Problems of the Theory of State and Law: Textbook (2012) / pod red. A.V. Mal'ko. M.: Yurлитинформ, 592 p. (in Russ.)

[2] Timoshina, E.V. (2013). Theory and Sociology of Law of L.I. Petrazytsky in the Context of Classical and Postclassical Understanding of Law: avtor. dis. ... d-ra yurid.nauk: 12.00.01 / Timoshina Elena Vladimirovna. Moskva. 44 p. (in Russ.)

[3] Zhekibaeva B.A. Main Characteristics of the Category of "Interaction" in Psychological Science (2013)// Mezhdunarodny'j zhurnal prikladny'x i fundamental'ny'x issledovanij. no. 10-3, pp. 477- 479. (in Russ.)

[4] Alekseev S.S. General Theory of Law: in 2 volumes. M., 1981. Vol. 2, p. 245. (in Russ.)

[5] Baxrax D.N. (1993). Important Issues of the Science of Administrative Law // Gosudarstvo i pravo. M.: Nauka, no. 2, pp. 37–45 (in Russ.)

[6] Belyaeva G.S. (2021). Legal Regime: Concept and Features // Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. Vol. 25, pp. 281– 293. (in Russ.)

[7] Hall, A. D., Fagen, R. E. (1956). Definition of System, «General Systems», vol. I, p. 18 – 28.

[8] Antonov, M. V., Polyakov A.V., Chestnov I. L. (2013). The Communicative Approach and the Russian Theory of Law // Pravovedenie. no. 6 (311), p. 78–95. (in Russ.)

[9] Leont'ev, A.N. (1959). Problems of the Development of the Psyche. Moskva: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR. 495 p. (in Russ.)

[10] Chestnov, I.L. (2015) The Practical Dimension of the Communicative Theory of Law // *Pravovedenie*. no. 4 (321), pp. 50 –58. (in Russ.)

[11] Social Functions of Law: Materials of the Round Table / pod red. prof. A.G. Chernyavskogo. - Moskva: Rusajns, 2016. - 215 p. (in Russ.)

[12] Baxtin M. M. Aesthetics of Verbal Creativity. – M.: Iskustvo, 1979. (in Russ.)

[13] Luman N. Society of Society. M.: Izdatel'stvo «Logos», 2011. 640 p. (in Russ.)

[14] Blumer G. Symbolic Interactionism: Perspective and Method / per. s angl. A.M. Korbut. Moskva: E'lementarny'e formy', 2017. 346 p. (in Russ.)

[15] Metel'kov A.N. Legal Regime for Countering Nuclear Terrorism // *Istoriya gosudarstva i prava*. 2008. no.5, pp. 5-6. (in Russ.)

[16] Sorokin P. Elementary Textbook of General Theory of Law in Connection with the Doctrine of the

State. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta, 2009. 240 s. (in Russ.)

[17] Basin M.A. Volny'. Kvanty'. Soby'tiya: Volnovaya teoriya vzaimodejstviya struktur i sistem. Chast' I. SPb.: Norma, 2000. 168 p. (in Russ.)

[18] Maksimov S.I. Legal Reality: An Experience of Philosophical Understanding: Monograph. Xar'kov: Pravo, 2002. P.228-234. (in Russ.)

[19] Prigozhin I. Rediscovery of Time // *Voprosy filosofii*. 1989. no.8, p.3-19. (in Russ.)

[20] Andrievskij K. V. Financial and legal regimes: diss. ... Doctor of Law: 12.00.04. Moskva, 2022. P. 503 (in Russ.)

[21] Degtyarev M. V. Innovacionny'e publichno-pravovy'e rezhimy': chto delaet ix innovacionny-mi? Nekotory'e pervichny'e razmy'shleniya // *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*. 2022. no.11 (99), p.117-127.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

БАЛАШОВ Иван Владимирович,
соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин
Института технологий управления РТУ МИРЭА,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ВОЛЯ» И «ИНТЕРЕС» В РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИСТИКЕ

Аннотация. В статье представлена историческая эволюция доктринального восприятия понятий «воля» и «интерес» в отечественном праве от дореволюционного периода до современных кодификаций; приводится догматический анализ действующих норм ГК РФ о сделках и защите прав, а также обобщение судебной практики по спорам, связанным с конфликтом волеизъявления и охраняемых интересов; формулируются практические рекомендации по гармонизации правоприменительных подходов, направленные на повышение стабильности гражданских правоотношений.

Ключевые слова: воля; волеизъявление; условия действительности сделок; оспори-
мые сделки; правосубъектность.

BALASHOV Ivan Vladimirovich,
Candidate of the Department of State and Legal Disciplines
at the Institute of Management Technologies of RTU MIREA

ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF “WILL” AND “INTEREST” IN RUSSIAN CIVIL LAW

Annotation. The article presents the historical evolution of the doctrinal perception of the concepts of “will” and “interest” in Russian law from the pre-revolutionary period to modern codifications; provides a dogmatic analysis of the current norms of the Civil Code of the Russian Federation on transactions and protection of rights, as well as a generalization of judicial practice in disputes related to the conflict of will and protected interests; formulates practical.

Key words: will; expression of will; conditions of validity of transactions; disputed transactions; legal personality.

В российской цивилистической доктрине понятия «воля» и «интерес» традиционно занимают центральное место как фундаментальные категории, определяющие природу субъективных прав и юридически значимых действий. Правовая неопределённость в вопросе приоритета воли или интереса при разрешении споров о недействительности сделок порождает существенные сложности в правоприменительной практике [25,30,32]. Анализ судебных решений последних лет выявляет противоречивые подходы к оценке значимости дефектов волеизъявления по сравнению с нарушением охраняемых интересов [1,3], что снижает предсказуемость гражданско-правового регулирования и создаёт риски для стабильности имущественного оборота.

Значимость, обсуждаемого вопроса, обусловлена двумя взаимосвязанными факторами: продолжающейся модернизацией гражданского законодательства России и ростом количества сложных споров в сфере договорных обязательств. Реформы последних десятилетий, направленные на гармонизацию отечественного права с международными стандартами, остро поставили вопрос о необходимости пересмотра традиционных цивилистических конструкций с учётом современных экономических реалий. Особую значимость приобретает выработка единых доктринальных подходов к соотношению воли и интереса, которые позволили бы преодолеть фрагментарность судебной практики [36,23]. Необходимость такого согласования продикто-

вана не только потребностями правоприменения, но и задачей повышения уровня правовой определённости для участников гражданского оборота в условиях цифровизации экономики и глобализации рыночных отношений.

Начиная с исторического анализа, заявленной проблематики, следует отметить, что в дореволюционной российской цивилистике первоначальное понимание воли формировалось под влиянием естественно-правовых концепций, заимствованных из западноевропейской юридической мысли. Теоретики права рассматривали волю как выражение индивидуальной автономии субъекта, подчеркивая её метафизическую природу и связь с нравственными началами. Данный подход отражал идеи либеральной философии, признававшей волю основополагающим элементом правосубъектности. Ключевые представители российской юриспруденции второй половины XIX века видели в воле источник возникновения гражданских прав и обязанностей [22, 28, 16].

С развитием позитивистской методологии в конце XIX века произошла существенная трансформация трактовки воли в гражданско-правовой науке, а именно, юристы стали отказываться от метафизических обоснований, сосредоточившись на формально-догматическом анализе правовых явлений. В свою очередь, позитивистский подход требовал рассматривать волю не как философскую категорию, а как юридически значимый факт, подлежащий объективной интерпретации, что привело к переосмыслению роли воли в структуре правоотношений и механизмах правового регулирования. Формализация понятия воли выразилась в разработке строгих критериев её определения и закрепления в гражданском законодательстве, цивилисты позитивистского направления акцентировали внимание на внешнем выражении воли, а не на её внутреннем содержании. Такой подход позволял минимизировать субъективные факторы при оценке правовых действий, обеспечивая стабильность гражданского оборота. В результате воля стала рассматриваться как технико-юридический элемент сделки, требующий четкой процессуальной фиксации [35, 34].

В поздний дореволюционный период классическая волевая теория столкнулась с критикой со стороны учёных, указывавших на её ограниченность в объяснении сложных правовых явлений. Поиск компромисса между естественно-правовыми и позитивистскими подходами привёл к разработке синтетических концепций, учитывающих как субъективные намерения, так и объективные проявления воли. Российские цивилисты начали признавать необходимость сочетания волевого момента с другими элементами правоотношения,

включая интерес и социально-экономические условия [18]. Эти тенденции подготовили почву для дальнейшей эволюции понятия воли в советский период.

Понимание же интереса в российской цивилистике дореволюционного периода формировалось как производного элемента от волеизъявления. Субъективное право рассматривалось через призму воли управомоченного лица, где интерес выступал вторичной категорией. Эта позиция основывалась на влиянии немецкой пандектистики, подчёркивавшей примат воли в правоотношениях. Как отмечал Д.И. Мейер, «интерес есть цель, для которой право существует» [28], что отражало инструментальный подход к данной категории.

Во второй половине XIX века происходит теоретическое переосмысление роли интереса в гражданско-правовой доктрине. Д.И. Мейер обосновывал самостоятельное значение интереса, связывая его с целеполаганием правового регулирования. Его работы заложили методологическую основу для анализа интереса как самостоятельного элемента правоотношений, не сводимого исключительно к волевым актам [26]. Дальнейшее развитие концепции связано с трудами Г.Ф. Шершеневича и Н.М. Коркунова, которые углубили теоретическое обоснование интереса. Г.Ф. Шершеневич утверждал, что «право есть защищённый интерес» [35], подчёркивая его нормативную значимость. М.Н. Коркунов развивал эту идею, рассматривая интерес как объективную основу для правовой защиты, что свидетельствовало о постепенном переходе от волевой теории к более комплексному пониманию правообразующих факторов [19].

Практическое применение категории интереса в Российской империи нашло отражение в судебной практике и законодательных актах. При разработке проекта Гражданского уложения 1905 года интерес рассматривался как критерий при оценке действительности сделок. Устав гражданского судопроизводства 1864 года закреплял защиту законных интересов сторон, что проявлялось в институтах обеспечения иска и предварительных мер. Эти положения демонстрировали постепенное признание интереса в качестве самостоятельного элемента правовой системы.

Советский период ознаменовался принципиальным пересмотром классических цивилистических концепций воли и интереса под влиянием марксистско-ленинской идеологии. Индивидуалистические начала гражданского права, характерные для дореволюционного периода, были объявлены пережитком буржуазного общества. Теоретики советского права, опираясь на работы классиков марксизма, рассматривали волю не как

автономное выражение личности, а как социально обусловленное явление. «В условиях социалистического строя воля участников гражданских правоотношений не может противопоставляться интересам трудящихся масс», — подчеркивал О.С. Иоффе в своих работах [14]. Правовая доктрина советского периода последовательно отрицала самостоятельное значение воли индивида, подчиняя её интересам государства. В Гражданском кодексе РСФСР 1922 года принцип свободы воли был существенно ограничен нормами планово-административного регулирования. Д.М. Генкин отмечал, что «советское гражданское право исходит из примата общественных интересов над индивидуальными, что исключает абсолютизацию волевого момента» [12]. Это положение находило отражение в институтах признания сделок недействительными по основаниям противоречия государственным интересам.

Концепция коллективной воли стала методологической основой советской цивилистики, отражая приоритет общественных интересов в условиях плановой экономики. Коллективная воля трактовалась как выражение интересов всего социалистического общества, реализуемое через государственное планирование и регулирование хозяйственной деятельности. И.Б. Новицкий указывал, что «единство воли всего советского народа, руководимого коммунистической партией, является гарантией правильного сочетания личных и общественных интересов» [29]. Данный подход закреплялся в нормах об обязательности плановых заданий и ограничении договорной свободы хозяйствующих субъектов.

Категория интереса в советском гражданском праве приобрела инструментальный характер, став механизмом государственного регулирования хозяйственных отношений. Законодательство последовательно проводило идею приоритета охраны интересов социалистического государства над частными интересами отдельных граждан и организаций. С.Н. Братусь подчеркивал, что «интерес в советском праве всегда носит общественно значимый характер, отражая цели социалистического строительства» [9]. Это проявлялось в особом порядке защиты государственной собственности, преимущественном обеспечении обязательств перед социалистическими организациями и расширенных основаниях расторжения договоров в интересах народного хозяйства.

Переходя к вопросу о доктринальных моделях соотношения воли и интереса, следует отметить, что в классической российской цивилистике воля традиционно рассматривается как фундаментальный элемент, определяющий юридическую природу сделки. Этот подход восходит к трудам дореволюционных правоведов, подчёркивав-

ших психический акт свободного волеизъявления как источник возникновения обязательств. Теоретики гражданского права исходили из примата внутреннего решения субъекта над внешними формами его выражения, что закрепляло автономию воли в качестве краеугольного камня сделочной конструкции. Данная позиция получила развитие в работах представителей немецкой пандектной школы, чьи идеи оказали существенное влияние на российскую юридическую мысль. Даже в случаях несоответствия сделки требованиям закона классическая доктрина признаёт наличие волевого акта как исходной точки правового анализа. В случаях, когда договор признаётся (судом) незаключённым, нельзя отрицать наличие волеизъявления сторон, направленного на определённые последствия, но такое последствие не соответствует требованиям закона [21]. Это положение демонстрирует устойчивость традиционного подхода, согласно которому воля сохраняет своё первичное значение независимо от конечной действительности сделки [25]. Таким образом, данная концепция отражает представление о воле как имманентном свойстве гражданско-правового отношения, предшествующем его нормативному оформлению.

Современные исследователи предлагают концепцию «модифицированной воли» [33], адаптированную к условиям усложнившегося гражданского оборота, она сохраняет автономию волеизъявления как ключевого элемента сделки, но учитывает влияние внешних факторов — экономических, технологических и социальных. В целом же цифровизация договорных отношений и глобализация хозяйственных связей потребовали переосмысления классических постулатов без отказа от их базовых принципов [31].

С другой стороны, критика абсолютизации волевого начала выявила необходимость его корреляции с объективированными формами выражения, отмечается, что чрезмерный акцент на внутренней воле субъекта создаёт трудности в правоприменительной практике, особенно при разрешении споров о действительности сделок. В свою очередь, это привело к разработке концепций, предполагающих единство внутреннего волевого процесса и его внешнего проявления, и в целом, современная цивилистика стремится к балансу между признанием значимости воли и требованием её адекватного формального закрепления [32].

Юридический интерес в цивилистической доктрине определяется как социально значимая потребность субъекта, находящаяся под охраной объективного права [10]. Данная категория отражает осознанную необходимость в обладании материальными или нематериальными благами

для удовлетворения жизненных потребностей. В отличие от психологической воли, интерес характеризуется внешней направленностью на конкретные объекты гражданского оборота. Правовая природа интереса проявляется через его признание и защиту нормами гражданского законодательства. Объективированный характер интереса позволяет отделить юридически значимые потребности от субъективных желаний и предпочтений. Такое понимание закладывает основу для системного анализа функций интереса в механизме правового регулирования [13].

Систематизация интересов в гражданском праве осуществляется по критерию их носителя, выделяя частноправовые и публично-правовые разновидности. К первой группе относятся индивидуальные интересы конкретных лиц и групповые интересы объединений участников оборота. Публичный аспект представлен общественными интересами населения и государственными интересами, обеспечивающими функционирование публичного порядка.

Функциональная роль интереса проявляется в обеспечении динамики гражданских правоотношений и ограничении злоупотреблений субъективными правами. Как движущий фактор гражданского оборота, интерес стимулирует правомерную активность субъектов, формируя основу для возникновения обязательств. Одновременно интерес выполняет ограничительную функцию, устанавливая пределы реализации субъективных прав в целях защиты интересов других участников правоотношений [24].

Подводя итоги историческому анализу следует отметить, что в дореволюционной российской цивилистике доминирование волевой теории базировалось на философских концепциях автономии личности, восходящих к кантовской идее самоопределяющегося субъекта. Классические цивилисты, включая Д.И. Мейера и Г.Ф. Шершеневича, рассматривали волю как первооснову гражданско-правовых отношений, отводя интересу подчинённую роль. «Воля составляет существенный элемент сделки, без которого последняя немыслима», — подчёркивал И.Б. Новицкий [29], отражая устойчивость данного подхода в ранней советской доктрине. Такая позиция соответствовала индивидуалистической парадигме частного права, где свобода волеизъявления признавалась краеугольным камнем. Таким образом, даже в советский период, несмотря на идеологическое давление, концепция примата воли сохранила влияние в цивилистической науке, хотя и претерпела существенные корректировки. Теоретики социалистического права, такие как М.М. Агарков, пытались адаптировать волевую теорию к новым экономическим реалиям, сохранив её формаль-

но-догматический каркас [11]. Однако усиление публичного начала в гражданском праве постепенно подготовило почву для пересмотра классических воззрений. Этот переходный этап характеризовался противоречивым сочетанием традиционных постулатов с классовым подходом к регулированию имущественных отношений.

Современная доктрина баланса интересов сформировалась под влиянием усложнения гражданского оборота и появления новых договорных моделей, требующих повышенной защиты слабой стороны. Расширение практики присоединения к стандартным условиям договора, развитие потребительского законодательства и рост значения публичного порядка обусловили переоценку традиционных подходов. Как отмечает В.С. Ем, «интерес выступает объективным критерием, позволяющим оценивать правомерность поведения участников оборота вне зависимости от их субъективных намерений» [12]. Данный сдвиг отражает переход от индивидуалистической к социально ориентированной модели частного права. Концепция баланса интересов представляет собой синтетическую модель, интегрирующую элементы волевой теории с функциональным анализом социально-экономических последствий реализации прав. Она предполагает не отрицание значения воли, а её системное согласование с охраняемыми законом интересами участников правоотношений и общества в целом. «Динамика частного права требует постоянного поиска равновесия между автономией воли и социальной функцией институтов», — констатирует М.И. Брагинский [8]. Такой подход позволяет учитывать как субъективные намерения сторон, так и объективные условия гражданского оборота.

Переходя к вопросу нормативного оформления, анализируемого вопроса, следует отметить, что принцип свободы воли находит своё нормативное закрепление в ст. 1 Гражданского кодекса РФ, провозглашающей свободу договора в качестве одного из основополагающих начал гражданского законодательства. Данный принцип конкретизируется в статье 421 ГК РФ, устанавливающей право субъектов гражданского права самостоятельно определять условия заключаемых договоров. Такое регулирование отражает частноправовую природу гражданского права, обеспечивающую автономию воли участников оборота. Законодательное признание свободы воли создаёт необходимые предпосылки для развития гражданского оборота. Как отмечает П.В. Крашенинников, «свобода договора составляет ядро принципа автономии воли, позволяя сторонам самостоятельно формировать свои правоотношения» [20]. Вместе с тем реализация данного принципа не носит абсолютного характера, что подтверждает

ется правовой позицией Конституционного Суда РФ о необходимости соблюдения баланса частных и публичных интересов. Нормативное содержание свободы воли включает не только возможность свободного волеизъявления, но и ответственность за его последствия. Это соответствует общей тенденции современного гражданского права, направленной на обеспечение стабильности гражданского оборота. Важным аспектом реализации принципа свободы воли выступает его взаимосвязь с диспозитивным методом правового регулирования. Согласно ст. 421 ГК РФ, стороны вправе заключать договоры как предусмотренные, так и не предусмотренные законом или иными правовыми актами. Данное положение подчеркивает производный характер законодательных норм от волеизъявления участников правоотношений. Диспозитивные нормы гражданского права выполняют восполнительную функцию, применяясь лишь при отсутствии иного соглашения сторон. Таким образом, свобода воли проявляется в возможности отступления от общих правил, если это не противоречит императивным требованиям закона.

Пределы реализации свободы воли установлены ст. 10 ГК РФ, запрещающей злоупотребление правом, а также иными нормами, направленными на защиту публичных интересов, основ правопорядка и нравственности. В частности, ограничения свободы договора могут выражаться в установлении императивных правил, запрете определённых видов сделок, необходимости получения разрешений или согласований. Как указал Верховный Суд РФ, «свобода воли не может быть реализована в ущерб правам и законным интересам третьих лиц» [1]. Кроме того, особые ограничения предусмотрены для защиты слабой стороны договора, что характерно для потребительских и трудовых отношений [17].

Таким образом, законодательные рамки свободы воли отражают компромисс между частной автономией и публичными интересами.

Говоря о защите интересов участников гражданского оборота, следует отметить, что гражданское законодательство РФ предусматривает комплексный механизм защиты, включающий судебные и внесудебные формы. Судебная защита реализуется через исковое производство, специальные процедуры оспаривания сделок и механизмы восстановления нарушенных прав. Внесудебные формы включают претензионный порядок, медиацию, а также самозащиту гражданских прав в установленных законом пределах. Данная система направлена на обеспечение баланса между автономией воли субъектов и охраной их законных интересов. Особое значение в системе внесудебных механизмов приобретают вопросы

доказывания при оспаривании сделок. Несмотря на то, что данное требование предъявляется к обоим видам сделок, в своей практической реализации применительно к внеуставным и безлицензионным сделкам оно существенно различается. Для признания внеуставной сделки недействительной требуется доказать, что другая сторона в сделке определённо знала о выходе своего контрагента за пределы его правоспособности, например, знакомилась с его учредительными документами или была извещена об этом иным образом, что создает дополнительные гарантии защиты добросовестных участников оборота [7].

Таким образом, эффективность защиты интересов оценивается через призму достижения баланса между частными и публичными интересами. Законодательные ограничения свободы договора, институт злоупотребления правом и механизмы защиты слабой стороны направлены на предотвращение дисбаланса в гражданском обороте. При этом, однако, сохраняется приоритет автономии воли как основополагающего начала гражданского права. Тогда как, критерием эффективности выступает способность правовых механизмов минимизировать конфликты без чрезмерного вмешательства в свободу договора.

Взаимодействие воли и интереса при совершении сделок проявляется через необходимость соответствия волеизъявления действительным намерениям сторон. Данный механизм обеспечивает баланс между автономией воли участников правоотношений и защитой их объективных интересов. Нормативное регулирование требует одновременного учёта как волевого элемента, так и целевой направленности действий субъектов. Коллизии между волеизъявлением и действительным интересом разрешаются через институты оспаривания и недействительности сделок. Несовпадение внешнего выражения воли внутреннему намерению может привести к признанию сделки недействительной по основаниям, предусмотренным статьями 170-179 ГК РФ. Законодатель дифференцирует последствия в зависимости от характера нарушения: ничтожные сделки противоречат публичным интересам, тогда как оспоримые затрагивают частные интересы сторон. Мнимые и притворные сделки представляют классические примеры расхождения между декларируемой и действительной волей участников. В таких случаях правоприменительная практика руководствуется принципом приоритета действительных интересов над формальным волеизъявлением. Установление истинной направленности воли сторон осуществляется через системное толкование условий сделки и фактических обстоятельств её совершения. Институты реституции и компенсации убытков служат восстановительным

механизмом при разрешении конфликтов между волей и интересом. Эти правовые средства направлены на устранение последствий недействительных сделок и защиту добросовестных участников оборота. Судебная практика демонстрирует тенденцию к поиску баланса между формальным соблюдением принципа свободы воли и материальной защитой законных интересов субъектов права.

Переходя к анализу судебной практики, следует отметить, что последняя демонстрирует многочисленные коллизии между волей и интересом участников гражданских правоотношений. Наиболее типичными случаями выступают споры о признании сделок недействительными вследствие пороков воли либо противоречия существенным интересам сторон [2]. Суды вынуждены устанавливать приоритет между действительными намерениями сторон (фактической волей) и объективно существующими интересами, защищаемыми законом. Особую сложность представляют дела, где формальное волеизъявление не соответствует подлинным целям участников правоотношения.

При разрешении указанных коллизий суды применяют различные критерии толкования противоречий между волей и интересом. Преобладает подход, основанный на установлении действительных намерений сторон через системное исследование фактических обстоятельств дела. Однако в случаях, когда волеизъявление явно противоречит охраняемым законом интересам (например, интересам недееспособных лиц), суды склонны руководствоваться объективным критерием разумности и справедливости. Данная практика отражает поиск баланса между принципом автономии воли и необходимостью защиты слабой стороны.

Решения, основанные на доминировании одного элемента, порождают неоднозначные последствия для стабильности гражданского оборота. Несмотря на существенные достоинства подобного предложения в регулировании семейных отношений, его нельзя назвать совершенным. Не исключается возможность появления в корпоративных отношениях некомпетентных лиц при наличии у них «существенного интереса в использовании данных объектов». Так, законодатель усложняет процесс правоприменения, используя оценочные категории, что может за собой повлечь затягивание судебных тяжб. Подобная неопределенность создает риски увеличения количества оспариваемых сделок и снижения предсказуемости судебных актов [15].

Таким образом, системный анализ правоприменительных проблем выявил отсутствие единых подходов к соотношению воли и интереса.

Ключевой сложностью остается неоднозначность критериев определения «существенного интереса» и «подлинной воли» в спорных ситуациях. Отсутствие четких ориентиров приводит к противоречивой судебной практике по аналогичным делам, подрывая принцип правовой определенности. Указанные проблемы актуализируют необходимость разработки унифицированных правовых позиций высшими судебными инстанциями.

Переходя к практическим предложениям следует отметить, что первостепенное значение для гармонизации рассматриваемых категорий имеет разработка иерархических критериев определения приоритета воли или интереса в зависимости от вида гражданского правоотношения. В договорных отношениях следует исходить из приоритета волеизъявления сторон при условии соблюдения баланса охраняемых законом интересов. В обязательствах из причинения вреда или неосновательного обогащения акцент должен смещаться на защиту имущественного интереса потерпевшего лица. Четкое разграничение сфер применения данных критериев позволит минимизировать субъективизм при разрешении правовых коллизий.

Эффективным инструментом преодоления противоречий между волей и интересом может стать формирование методики толкования, основанной на системном анализе фактических обстоятельств и правовых последствий. Такой подход предполагает последовательную оценку: условий возникновения правоотношения, характера взаимодействия сторон, степени влияния внешних факторов на формирование воли. Комплексный учёт объективных и субъективных элементов позволит выявить доминирующий элемент в конкретной правовой ситуации без нарушения системности гражданско-правового регулирования.

Совершенствование процессуальных механизмов установления действительной воли участников сделок требует внедрения специализированных процедур доказывания. В частности, в п. 7.2. Концепции совершенствования гражданского законодательства Российской Федерации предусматривалось решить на законодательном уровне вопрос о возможности закрепления признания договора незаключенным в качестве способа защиты прав и охраняемых законов интересов, а также определить его правовые последствия [15]. Представляется, что реализация данного предложения позволит четко дифференцировать последствия дефектов волеизъявления от нарушения охраняемых интересов.

Для обеспечения единообразия правоприменительной практики целесообразно создать систему рекомендаций по применению доктри-

нальных положений о балансе воли и интереса. Такие рекомендации должны включать типовые алгоритмы оценки конфликтных ситуаций, критерии определения злоупотребления правом и примеры судебных решений по различным категориям дел. Систематизация подходов высших судебных инстанций послужит основой для формирования стабильной и предсказуемой правовой среды.

Подводя заключительные итоги данной статьи, представляется необходимым сделать следующие выводы:

- 1) историко-правовой анализ эволюции категорий «воля» и «интерес» выявил их динамическую трансформацию в российском гражданском праве. От доминирования волевой теории в дореволюционный период произошел переход к идеологически обусловленному пониманию в советскую эпоху, где коллективные интересы превалировали над индивидуальным волеизъявлением. Современная парадигма характеризуется балансом этих категорий, где интерес выступает корректирующим фактором свободной воли в условиях усложнившегося гражданского оборота;
- 2) доктринальные модели соотношения воли и интереса демонстрируют эволюцию от монистических концепций к плюралистическим подходам. Если ранние теории абсолютизировали либо волю как основу сделки, либо интерес как первичную категорию, то современные подходы сохраняют волю в качестве базового элемента гражданских правоотношений. При этом интерес выполняет двоякую функцию: ограничивает злоупотребления свободой волеизъявления и катализирует защиту добросовестных участников, что соответствует потребностям диверсифицированного гражданского оборота;
- 3) общие нормы действующего ГК РФ отражают диалектическое взаимодействие исследуемых категорий: принцип свободы воли (ст. 1, 421) системно ограничивается институтами защиты интересов (ст. 10, 178, 179). Однако, отсутствие четких законодательных критериев их соотношения в конкретных нормах порождает правоприменительные коллизии, что особенно остро проявляется при квалификации оспоримых сделок, когда суды вынуждены самостоятельно определять приоритетность воли или интереса без единообразных ориентиров.
- 4) анализ судебной практики подтвердил необходимость разработки унифицированных

критериев баланса воли и интереса. Предложенная модель ситуационного приоритета предполагает допустимость ограничения воли интересами лишь при наличии системных рисков для гражданского оборота или необходимости защиты слабой стороны. Представляется, что такой подход позволит повысить предсказуемость судебных решений, обеспечив стабильность гражданско-правовых отношений без ущерба для принципа автономии воли участников гражданского оборота.

Список литературы:

- [1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.
- [2] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2021. №1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021) // СПС Консультант Плюс.
- [3] Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2025 года административных, гражданских, уголовных дел // <https://www.vsr.ru/documents/statistics/34611>
- [4] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 07.04.2025 №№ Ф03-672/2025, А04-6522/2021 // СПС Консультант Плюс.
- [5] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.02.2024 № Ф05-35047/2023 по делу № А40-282201/2022 // СПС Консультант Плюс.
- [6] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.04.2025 № Ф05-3339/2025 по делу № А40-137830/2024 // СПС Консультант Плюс.
- [7] Алексеева М.А. Условия признания сделки недействительной по ст. 173 ГК РФ. Проблемы судебной практики // Российское правоведение: трибуна молодого ученого. - Томск, 2011. С. 137–138.
- [8] Брагинский М.И. Интерес и воля как критерии действительности сделки // Закон и право. 2022. №3. С. 34–37.
- [9] Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. - М.: Гос. изд-во юр. лит., 1950. – 198 с.
- [10] Гончарова А.Н. Проблема согласования общественных и личных интересов в процессе построения гражданского общества: монография. – Красноярск, 2001. – 241 с.
- [11] Гражданское право / Под ред. проф. М.М. Агаркова и проф. Д.М. Генкина, М.: Юриздат, 1944, Т. 1. – 263 с.

[12] Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики: сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Евгения Алексеевича Суханова / Сост. В.С. Ем [и др.]. - М.: Статут, 2018. С. 67-72.

[13] Иванец, Г. И. Право как нормативное выражение согласованных интересов: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. - М., 2001. - 25 с.

[14] Иофе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. - М.: Статут, 2020. - 217 с.

[15] Испирян Г.К. Еще раз о правовом режиме конструкции незаключенного договора // Российское правоведение: трибуна молодого ученого. Томск, 2021. С. 78-81.

[16] Кавелин К.Д. Избранные произведения по гражданскому праву. - М.: ЮРИНФОРМЦЕНТР, 2003. - 239 с.

[17] Калинин А.Ю. К вопросу о применении Закона «О защите прав потребителей» к правоотношениям в сфере образования // В сборнике: Право и государство, общество и личность: история, теория, практика. сборник научных статей участников X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием ГСГУ. Государственный социально-гуманитарный университет. Коломна, 2021. С. 45-51.

[18] Климов И.П. Государственная школа в российской историко-правовой науке XIX века // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. №3. С. 216-219.

[19] Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Издательство Мартынова, 1909. - 312 с.

[20] Крашенинников П.В. Свобода воли как критерий действительности сделки // Право и образование. 2023. №5. С. 45-48.

[21] Кузьмич А.П., Рылко Е.И. Гражданское право (часть 1): - Горки: БГСХА, 2023. - 149 с.

[22] Куницын А.С. Западная философия права и Российская естественно-правовая мысль: опыт соотношения идей и почвы // Ленинградский юридический журнал. 2015. №3 (41). С. 34-39.

[23] Максименко Е.И. О соотношении категорий «воля и «интерес» государства: теоретико-правовое исследование // Мир Закона. 2022. № 11-12 (247-248). С. 25-32.

[24] Малько А.В. Законные интересы как правовая категория. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. - 214 с.

[25] Манджиев А.Д. Свобода воли в договорных правоотношениях. - М.: Статут, 2017. - 217 с.

[26] Мейер Д.И. Русское гражданское право. - М., 1873. - 175 с.

[27] Мейер Д.И. Избранные труды: В 3 томах. - М.: Статут, 2022.

[28] Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях. Казань, 1854. - 178 с.

[29] Новицкий Б.И. История советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1957. - 242 с.

[30] Родина Т.Ю., Козин Д.А. Феномен воли и волеизъявления в недействительной сделке // Экономика. Социология. Право. 2023. №1 (29). С. 91-98.

[31] Сергеева О.В. Влияние цифровизации на регулирование преддоговорных отношений в международном частном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. №3. С. 162-184.

[32] Темерев С.О. Воля и пороки воли в сделке // Вестник науки. 2025. № 7 (88). С. 157-165.

[33] Усач С.П., Борисова-Жарова В.Г. Проблемы правового регулирования сделок с недвижимостью в условиях цифровизации: анализ рисков ответственности // Столыпинский вестник. 2025. №4. С. 4-8.

[34] Чичерин Б.Н. Собственность и государство Ч.1. - М.: Тип. Мартынова, 1882. - 372 с.

[35] Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1911. - 316 с.

[36] Шуваев Е.А. Интересы и воля через призму теорий о юридическом лице // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 6А. С. 121-133.

References:

[1] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 "On the Application by the Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" //SPS Consultant Plus.

[2] Review of the jurisprudence of the Supreme Court of the Russian Federation. 2021. No. 1 (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 07.04.2021) //ATP Consultant Plus.

[3] Review of statistical data on the consideration of administrative, civil and criminal cases in the Supreme Court of the Russian Federation in the first half of 2025// <https://www.vsr.ru/documents/statistics/34611>

[4] Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of 07.04.2025 No. F03-672/2025, A04-6522/2021//SPS Consultant Plus.

[5] Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 06.02.2024 No. F05-35047/2023 in case No. A40-282201/2022//SPS Consultant Plus.

[6] Decision of the Arbitration Court of the Moscow District of 08.04.2025 No. F05-3339/2025 in case No. A40-137830/2024//SPS Consultant Plus.

[7] M.A. Alekseeva. Terms of invalidation of the transaction under Article 173 of the Civil Code of the

Russian Federation. Problems of judicial practice// Russian jurisprudence: tribune of a young scientist. - Tomsk, 2011. S. 137-138.

[8] Braginsky M.I. Interest and will as criteria for the validity of the transaction//Law and law. 2022. №3. S. 34-37.

[9] Brotherly S.N. Subjects of civil law. - M.: State. Publishing House Jurassic lit., 1950. - 198 s.

[10] Goncharova A.N. The problem of coordination of public and personal interests in the process of building a civil society: monograph. - Krasnoyarsk, 2001. - 241 s.

[11] Civil Law/Ed. Prof. M.M. Agarkova and prof. D.M. Genkina, M.: Yurizdat, 1944, T. 1. - 263 p.

[12] Civil law: modern problems of science, legislation, practice: a collection of articles for the anniversary of Doctor of Law, Professor Evgeny Alekseevich Sukhanov/Comp. V.S. Em [et al.]. - M.: Statute, 2018. S. 67-72.

[13] Ivanets, G.I. Law as a normative expression of agreed interests: abstract. dis.... cand. juris sciences. - M., 2001. - 25 s.

[14] Iofe O.S. Selected works on civil law. From the history of civilistic thought. Civil relations. - M.: Statute, 2020. - 217 s.

[15] Ispiryan G.K. Once again about the legal regime of the construction of an open treaty//Russian jurisprudence: tribune of a young scientist. Tomsk, 2021. S. 78-81.

[16] Cavelin C.D. Selected Works in Civil Law. - M.: YURINFORM CENTER, 2003. - 239 p.

[17] Kalinin A.Yu. On the application of the Law "On Protection of Consumer Rights" to legal relations in the field of education//In the collection: Law and the state, society and personality: history, theory, practice. collection of scientific articles by participants of the X All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation of the SSSU. State Social and Humanitarian University. Kolomna, 2021. S. 45-51.

[18] Klimov I.P. State School in Russian Historical and Legal Science of the 19th Century//Bulletin of Tyumen State University. 2011. №3. S. 216-219.

[19] Korkunov N.M. Lectures on the general theory of law. St. Petersburg: Martynov Publishing House, 1909. - 312 s.

[20] Krashennnikov P.V. Free will as a criterion for the validity of a transaction//Law and education. 2023. №5. S. 45-48.

[21] Kuzmich A.P., Rylko E.I. Civil law (part 1): - Slides: BSHSA, 2023. - 149 s.

[22] Kunitsyn A.S. Western Philosophy of Law and Russian Natural Legal Thought: Experience of Correlation of Ideas and Soil//Leningrad Law Journal. 2015. №3 (41). S. 34-39.

[23] Maksimenko E.I. On the ratio of the categories "will and "interest" of the state: theoretical and legal research//World of Law. 2022. № 11-12 (247-248). S. 25-32.

[24] Malko A.V. Legitimate interests as a legal category. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. - 214 s.

[25] Mandzhiev A.D. Free will in contractual legal relations. - M.: Statute, 2017. - 217 s.

[26] Meyer D.I. Russian civil law. - M., 1873. - 175 s.

[27] Meyer D.I. Selected Works: In 3 volumes. - M.: Statute, 2022.

[28] Meyer D.I. On legal fiction and speculation, on covert and feigned acts. Kazan, 1854. - 178 s.

[29] Novitsky B.I. History of Soviet civil law. M.: Gosyurizdat, 1957. - 242 s.

[30] Homeland T.Yu., Kozin D.A. Phenomenon of will and will in an invalid transaction//Economics. Sociology. Right. 2023. №1 (29). S. 91-98.

[31] Sergeeva O.V. Impact of digitalization on the regulation of pre-contractual relations in private international law//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. №3. S. 162-184.

[32] Temerev S.O. Will and the vices of will in the transaction//Bulletin of Science. 2025. № 7 (88). S. 157-165.

[33] Usach S.P., Borisova-Zharova V.G. Problems of legal regulation of real estate transactions in the context of digitalization: analysis of liability risks//Stolypinsky Bulletin. 2025. №4. S. 4-8.

[34] Chicherin B.N. Property and State Ch.1. - M.: Type. Martynova, 1882. - 372 p.

[35] Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law. M., 1911. - 316 s.

[36] Shuvaev E.A. Interests and will through the prism of theories about a legal entity//Questions of Russian and international law. 2022. VOL. 12. № 6A. S. 121-133.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-283-288

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАТЕГОРИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, НАДЕЛЕННЫХ ПРАВОМ ПРИМЕНЯТЬ К ОСУЖДЕННЫМ, ОТБЫВАЮЩИМ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ МЕРЫ ПООЩРЕНИЯ И ВЗЫСКАНИЯ

Аннотация. Целью исследования выбрана правовая характеристика категорий должностных лиц исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, наделенных правом применять в отношении осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы меры поощрения и взыскания в соответствии с национальным уголовно-исполнительным законодательством. Для ее достижения применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации, материалы деятельности исправительных учреждений уголовно-исполнительной по применению мер поощрения и взыскания к осужденным. Эффективность применения мер поощрения и взыскания к осужденным, содержащимся в ИУ, определяется комплексом организационно-правовых и психолого-педагогических факторов, к числу которых относятся: правовая регламентация порядка и процедуры реализации мер поощрения и взыскания; применение конкретной модели воспитательной работы к осужденным к лишению свободы; использование актуальной тактики психолого-педагогического воздействия на осужденных в контексте их исправления, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации; характеристики категорий должностных лиц ИУ, наделенных правом применения к осужденным мер поощрения и взыскания. Национальный уголовно-исполнительный закон (статья 119 УИК РФ) указывает конкретные категории должностных лиц ИУ, применяющих к осужденным к лишению свободы меры поощрения и взыскания, регламентированных уголовно-исполнительным законодательством. К ним относятся: начальники ИУ и лица их замещающие, а также начальники отрядов ИУ. Принципиальной правовым посылом здесь является наделение законодателем начальников ИУ и лиц, их замещающих, правом применения мер поощрения и взыскания в полном объеме. Значительно меньше прав имеют начальники отрядов ИУ по применению к осужденным к лишению свободы мер поощрения и взыскания. Подобный подход основан на наделении начальников ИУ и лиц, их замещающих всей полнотой власти, в том числе по применению мер поощрения и взыскания к осужденным. Порядок и процедура применения к осужденным, отбывающим лишение свободы в ИУ, является предметом ведомственного контроля со стороны вышестоящих органов (ГУФСИН, УФСИН субъектов федерации и ФСИН России), а также прокурорского надзора, осуществляемого специализированными прокурорами за законностью исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, соблюдения прав и свобод осужденных.

Ключевые слова: должностные лица, исправительные учреждения, осужденные, лишение свободы, меры поощрения, меры взыскания, ведомственный контроль, прокурорский надзор.

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

LEGAL CHARACTERISTICS OF THE CATEGORIES OF OFFICIALS OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM AUTHORIZED TO APPLY INCENTIVE AND PUNISHMENT MEASURES TO CONVICTED PERSONS SERVING THEIR SENTENCES

Annotation. *The purpose of the study is to select the legal characteristics of the categories of officials of correctional institutions of the penal enforcement system who are authorized to apply incentive and punishment measures in accordance with the national penal enforcement legislation against convicts serving a criminal sentence in the form of imprisonment. To achieve this goal, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were applied. The legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific publications, and materials on the activities of correctional institutions of the penitentiary system for the application of measures of encouragement and punishment to convicts were analyzed. The effectiveness of the application of measures of encouragement and punishment to convicts held in detention facilities is determined by a set of organizational, legal, psychological and pedagogical factors, which include: legal regulation of the procedure and procedures for the implementation of measures of encouragement and punishment; the application of a specific model of educational work to those sentenced to imprisonment; the use of relevant tactics of psychological and pedagogical influence on convicts in the context of their correction, re-socialization, social adaptation and social rehabilitation; characteristics of categories of law enforcement officials authorized to apply measures of encouragement and punishment to convicts. The National Penal Enforcement Law (Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation) specifies specific categories of law enforcement officials who apply incentive and punishment measures to persons sentenced to imprisonment, regulated by penal enforcement legislation. These include: the heads of the IU and their deputies, as well as the heads of the IU detachments. The fundamental legal premise here is that the legislator grants the heads of the law enforcement agencies and their surrogates the right to apply incentive and penalty measures in full. The chiefs of the IU detachments have significantly fewer rights to apply incentive and punishment measures to those sentenced to imprisonment. This approach is based on giving the heads of the criminal police and persons replacing them full authority, including the application of measures of encouragement and punishment to convicts. The procedure and procedure for applying to convicted persons serving imprisonment in a penal institution is the subject of departmental control by higher authorities (the Federal Penitentiary Service, the Federal Penitentiary Service of the subjects of the Federation and the Federal Penitentiary Service of Russia), as well as prosecutorial supervision carried out by specialized prosecutors over the legality of the execution of criminal penalties in the form of imprisonment, respect for the rights and freedoms of convicted persons.*

Key words: *officials, correctional institutions, convicts, imprisonment, incentive measures, penalties, departmental control, prosecutorial supervision.*

Введение. Своевременное, широкое и активное применение к осужденным, отбывающим уголовное наказание в виде лишения свободы мер поощрения и взыскания регламентировано национальным уголовно-исполнительным законодательством, ведомственными правовыми актами, директивными документами Правительства Российской Федерации в сфере организации исполнения уголовных наказаний (Концепции развития уголовно-исполнительной системы (далее УИС) на период до 2030 года) [1].

Подобный подход можно рассматривать в качестве современного направления реализации уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики [2, с. 70-77]. Действенным элементом воспитательной работы с осужденными, к лишению свободы, профилактики их противоправного пове-

дения в процессе отбывания наказания в условиях исправительных учреждений (далее ИУ) [3, с. 160-167].

Таким образом, эффективность применения мер поощрения и взыскания к осужденным, содержащимся в ИУ, определяется комплексом организационно-правовых и психолого-педагогических факторов, к числу которых относятся:

- правовая регламентация порядка и процедуры реализации мер поощрения и взыскания;
- применение конкретной модели воспитательной работы к осужденным к лишению свободы [4, с. 265-270];
- использование актуальной тактики психолого-педагогического воздействия на осужден-

ных в контексте их исправления, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации;

- характеристики категорий должностных лиц ИУ, наделенных правом применения к осужденным мер поощрения и взыскания.

В связи с этим существует объективная потребность междисциплинарного изучения роли и значения различных категорий должностных лиц ИУ, применяющих меры поощрения и взыскания.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовой характеристики категорий должностных лиц исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, наделенных правом применять в отношении осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы мер поощрения и взыскания в соответствии с национальным уголовно-исполнительным законодательством, применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации, материалы деятельности исправительных учреждений уголовно-исполнительной по применению мер поощрения и взыскания к осужденным.

Основные результаты. Национальный уголовно-исполнительный закон в статье 119 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации указывает конкретные категории должностных лиц ИУ, применяющих к осужденным к лишению свободы мер поощрения и взыскания, регламентированных в статьях 113 и 115 УИК РФ.

В рассматриваемом контексте закон выделяет две основные категории должностных лиц ИУ, наделенных указанным правом. К ним относятся начальники ИУ и лица их замещающие, а также начальники отрядов ИУ [5].

В данной связи выбор законодателем этих категорий должностных лиц ИУ, на наш взгляд, объясняется тем, что начальники ИУ и лица, их замещающие, обладают всей полнотой власти и принятия решений в учреждениях. Начальники же отрядов ежедневно контактируют с осужденными, активно участвуют в реализации средств исправления осужденных, регламентированных статьей 9 УИК РФ. Проводят воспитательную работу, участвуют в организации общественно полезного труда осужденных, их учебной деятельности и профессиональной подготовке [6, с. 79-84]. Обладают значительным объемом информации относительно социально-демографических, уголов-

но-правовых, криминологических и психологических характеристик осужденных к лишению свободы.

Важным правовым посылом, содержащимся в части первой статьи 119 УИК РФ, является наделение законодателем начальников ИУ и лиц, их замещающих, правом применения мер поощрения и взыскания в полном объеме. Здесь выделяются такие меры поощрения, закрепленные в первой части статьи 113 УИК РФ как:

- благодарность;
- награждение подарком;
- денежная премия;
- разрешение на получение дополнительной посылки или передачи;
- предоставление дополнительного краткосрочного или длительного свидания (дополнительно до четырех краткосрочных или длительных свиданий в год);
- разрешение дополнительно расходовать деньги в размере до трех тысяч рублей на покупку продуктов и предметов первой необходимости;
- увеличение времени прогулки осужденным, содержащимся в строгих условиях отбывания наказания в исправительных колониях и тюрьмах до трех часов в день на срок до одного месяца;
- досрочное снятие ранее наложенного взыскания;
- разрешение на проведение за пределами колонии-поселения (далее КП) праздничных дней;
- представления к замене судом неотбытой части наказания более мягким видом наказания в соответствии со статьей 80 УК РФ [7].

При условии соблюдения осужденными к лишению свободы определенных обязанностей и требований, к которым относятся: хорошее поведение; добросовестное отношение к труду и обучению; активное участие в воспитательных мероприятиях.

Начальники ИУ и лица, их замещающие, в соответствии с частью первой статьи 115 УИК РФ могут применять к осужденным, отбывающим лишение свободы такие меры взыскания как:

- выговор (в устной и письменной форме);
- дисциплинарный штраф в размере от одной тысячи до двух тысяч рублей (за нарушения, перечисленные в части первой статьи 116 УИК РФ: употребление спиртных напитков, либо наркотических средств или психотропных веществ, мелкое хулиганство, отказ от работы или прекращение работы без уважительных причины и другие);

- водворение осужденных, содержащихся в исправительных колониях (далее ИК) или тюрьмах в штрафной изолятор (далее ШИЗО);
- перевод осужденных мужчин, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, содержащихся в ИК общего и строгого режимов в помещения камерного типа (далее ПКТ), а в ИК особого режима и в тюрьмах – в одиночные камеры (далее ОК) на срок до шести месяцев;
- перевод осужденных мужчин, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания в единые помещения камерного типа (далее ЕПКТ) на срок до одного года;
- перевод осужденных женщин, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, в ПКТ на срок до трех месяцев.
- отмена права проживания вне общежития и запрещение выхода за пределы общежития в свободное от работы время на срок до 30 дней для осужденных, отбывающих лишение свободы в КП [8].

Существенно меньше прав имеют начальники отрядов ИУ по применению к осужденным к лишению свободы мер поощрения (в соответствии с частью второй статьи 119 УИК РФ). К ним относятся:

- объявление благодарности;
- разрешение дополнительно расходовать деньги на покупку продуктов питания и предметов первой необходимости [9, с. 62-67];
- досрочное снятие взыскания, ранее наложенного начальником отряда.

К мерам взыскания, которые могут применять начальники отрядов ИУ, в контексте части третьей анализируемой правовой нормы, относится право налагать выговор устно [10].

Порядок и процедура применения к осужденным, отбывающим лишение свободы в ИУ, является предметом ведомственного контроля со стороны вышестоящих органов (ГУФСИН, УФСИН субъектов федерации и ФСИН России) [11, с. 231-236]. Прокурорского надзора со стороны органов прокуратуры, осуществляющих системный и постоянный надзор за законностью исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, соблюдения прав и свобод осужденных [12].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

- VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и

общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;

- V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий), состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;
- 10 Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия» в Пермском институте ФСИН России 15.04.2023. Доклад на тему: «Современная оперативно-розыскная политика в УИС и ее влияние на комплексное обеспечение безопасности пенитенциарных учреждений»;
- XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
- 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».

Заключение. Эффективность применения мер поощрения и взыскания к осужденным, содержащимся в ИУ, определяется комплексом организационно-правовых и психолого-педагогических факторов, к числу которых относятся: правовая регламентация порядка и процедуры реализации мер поощрения и взыскания; применение конкретной модели воспитательной работы к осужденным к лишению свободы; использование актуальной тактики психолого-педагогического воздействия на осужденных в контексте их исправления, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации; характеристики категорий должностных лиц ИУ, наделенных правом применения к осужденным мер поощрения и взыскания.

Национальный уголовно-исполнительный закон (статья 119 УИК РФ) указывает конкретные категории должностных лиц ИУ, применяющих к осужденным к лишению свободы мер поощрения и взыскания, регламентированных уголовно-исполнительным законодательством. К ним относятся: начальники ИУ и лица их замещающие, а также начальники отрядов ИУ.

Принципиальной правовым посылом здесь является наделение законодателем начальников ИУ и лиц, их замещающих, правом применения мер поощрения и взыскания в полном объеме. Значительно меньше прав имеют начальники отрядов ИУ по применению к осужденным к лишению свободы мер поощрения и взыскания. Подобный подход основан на наделении начальников ИУ и лиц, их замещающих всей полнотой власти, в том числе по применению мер поощрения и взыскания к осужденным.

Порядок и процедура применения к осужденным, отбывающим лишение свободы в ИУ, является предметом ведомственного контроля со стороны вышестоящих органов (ГУФСИН, УФСИН субъектов федерации и ФСИН России), а также прокурорского надзора, осуществляемого специализированными прокурорами за законностью исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, соблюдения прав и свобод осужденных.

Список литературы:

- [1] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // Consultant.ru (дата обращения 26.01.2026).
- [2] Ковалев О.Г., Зайцева С.И. Современная уголовно-правовая политика и ее воздействие на пенитенциарную преступность в местах лишения свободы // Эпомен: юридические науки. 2023. № 2. С. 70-77.
- [3] Ковалев О.Г., Иконников Д.С., Семенова Н.В. Проблемы организации воспитательной работы в исправительных учреждениях в процессе профилактики противоправного поведения осужденных // Перспективы науки. 2024. № 3 (174). С. 160-167.
- [4] Ковалев О.Г. Современные модели организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы // Международный научный вестник. 2025. № 6. С. 265-270.
- [5] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.
- [6] Ковалев О.Г., Ковтуненко Л.В. Учебная деятельность и профессиональная подготовка в исправлении осужденных // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Тверь, 2025. С. 79-84.
- [7] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.
- [8] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.
- [9] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Гуманистический подход в реализации права осужденных к лишению свободы на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости // Российский научный вестник. 2025. № 10. С. 62-67.
- [10] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.
- [11] Ковалев О.Г. Роль ведомственного контроля за соблюдением законности и обеспечением прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей // Международный научный вестник. 2025. № 4. С. 231-236.
- [12] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л.,

Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

References:

[1] Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r "On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030" // Consultant.ru (accessed 26.01.2026).

[2] Kovalev O.G., Zaitseva S.I. Modern criminal law policy and its impact on penitentiary crime in Russia places of imprisonment // Epomen: legal sciences. 2023. No. 2. pp. 70-77.

[3] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S., Semenova N.V. Problems of organizing educational work in correctional institutions in the process of preventing illegal behavior of convicts. Perspektivy nauki. 2024. No. 3 (174). pp. 160-167.

[4] Kovalev O.G. Modern models of organization of educational work with prisoners sentenced to imprisonment // International Scientific Bulletin. 2025. No. 6. pp. 265-270.

[5] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A. Moscow, 2006. 148 p.

[6] Kovalev O.G., Kovtunen L.V. Educational activity and professional training in the correction of convicts // In the collection: Spiritual and moral education of the individual in the penitentiary system:

pedagogical and socio-psychological aspects. Tver, 2025. pp. 79-84.

[7] Russian criminal law. Special part: Textbook // Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007. 374 p.

[8] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[9] Kovalev O.G., Semenova N.V. A humanistic approach to the realization of the right of persons sentenced to imprisonment to purchase food and basic necessities. // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 10. pp. 62-67.

[10] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[11] Kovalev O.G. The role of departmental control over the observance of legality and ensuring the rights of convicts and persons in custody // International Scientific Bulletin. 2025. No. 4. pp. 231-236.

[12] The prosecutor's desk book in 2 parts Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanov N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and add.) Moscow, 2018. 481 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-289-292

ЛАНГ Петр Петрович,
доктор юридических наук,
доцент, профессор кафедры ФГАОУ ВО
Самарский государственный
экономический университет,
e-mail: mail@law-books.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ, ПОЛУЧЕННОЙ В ХОДЕ ЧАСТНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СООТНОШЕНИЕ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА

Аннотация. Статья посвящена исследованию гражданско-правового режима информации, формируемой в процессе частной детективной деятельности, и способов ее защиты. Акцент делается на анализе конфликта интересов, возникающего между заказчиком, стремящимся использовать полученные сведения для реализации своих прав, лицом, в отношении которого осуществляется частное расследование, обладающим правом на конфиденциальность, и публичным интересом государства в обеспечении правопорядка. Автор указывает на отсутствие в действующем законодательстве ясного определения правовой природы такого информационного ресурса, что порождает противоречия в регулировании и ограничивает эффективность традиционных средств гражданско-правовой защиты.

Ключевые слова: частная детективная деятельность, информация, конфиденциальность, защита информации, гражданско-правовые способы защиты, частный интерес, публичный интерес, правовой режим информации.

LANG Petr Petrovich,
Doctor of Law, Associate Professor
Professor of the Department Samara State
University of Economics

CIVIL LAW METHODS OF PROTECTING INFORMATION OBTAINED DURING PRIVATE DETECTIVE ACTIVITIES: THE RATIO OF PRIVATE AND PUBLIC INTEREST

Annotation. The article is devoted to the study of the civil law regime of information generated in the course of private detective activities and the methods of its protection. The focus is on the analysis of the conflict of interests that arises between the customer who seeks to use the information obtained to exercise their rights, the person who is the subject of the private investigation and has the right to confidentiality, and the public interest of the state in ensuring law and order. The author points out that the current legislation does not clearly define the legal nature of such an information resource, which leads to contradictions in regulation and limits the effectiveness of traditional means of civil law protection.

Key words: private detective activities, information, confidentiality, information protection, civil law methods of protection, private interest, public interest, legal regime of information.

Актуальность темы исследования обусловлена спецификой информации, формируемой в процессе частной детективной деятельности. Данная информация представляет собой ресурс, имеющий существенную правовую и экономическую значимость. Так, получаемые сведения нередко соприкасаются с

охраняемой законом сферой частной жизни граждан, могут включать в себя элементы коммерческой или служебной тайны, а также представлять собой персональные данные.

Вследствие этого возникает правовая коллизия между различными охраняемыми интересами. Частный интерес заказчика, намеревающегося

использовать полученные данные для защиты своих гражданских прав, сталкивается с частным интересом лица, в отношении которого осуществляется частное расследование, направленным на сохранение конфиденциальности его личной жизни. Помимо этого, в указанное соотношение вмешивается публичный интерес государства, заинтересованного в поддержании правопорядка и пресечении действий, подменяющих собой установленные законом процедуры.

Таким образом, отсутствие в нормативном поле внятной гражданско-правовой модели, которая определяла бы правовой статус и режим подобной информации, порождает высокие риски злоупотреблений, приводит к противоречивости судебных решений и в конечном счете сдерживает становление легального рынка частных детективных услуг в качестве эффективного механизма охраны прав и законных интересов.

В рамках отечественной цивилистической науки вопрос о правовой природе сведений, получаемых в результате деятельности частного детектива, остается дискуссионным. Среди ученых не выработано единой позиции, что обусловлено сложным, гибридным характером данного информационного ресурса.

Одним из направлений научной мысли является попытка подвести указанную информацию под классические категории объектов интеллектуальных прав. Представители этого направления, например А.П. Сергеев [1] и В.А. Дозорцев [2], акцентируют внимание на возможностях творческого подхода в ходе отбора и анализа собранных фактов, что позволяет рассматривать «итоговый результат» как составную часть базы данных. Однако, такая позиция сталкивается с обоснованной критикой, поскольку основой работы частного детектива выступает не «творческая переработка», а целенаправленный, зачастую «рутинный» процесс добывания объективных фактических данных. Следовательно, квалификация результата через призму интеллектуальной собственности представляется искусственной и не отражает действительную природу деятельности.

Иной взгляд на проблему связан с приоритетным рассмотрением режима конфиденциальности собранной информации. Ученые, такие как В.М. Каневский [3] и М.А. Рожкова [4], исходят из того, что подобные сведения в силу целей договора и специфики оказываемых услуг изначально носят конфиденциальный характер. В связи с этим, они предлагают распространять на них правовой режим охраны коммерческой или иной охраняемой законом тайны. Данная концепция обладает практической убедительностью, поскольку находит свое подтверждение в судеб-

ных решениях по спорам, вытекающим из нарушения обязательств о неразглашении. Тем не менее, обозначенный подход, акцентируя внимание на отношениях между частным детективом и заказчиком, не в полной мере учитывает публично-правовую составляющую и права третьих лиц.

На сегодняшний день, ключевой проблемой выступает отсутствие в действующем законодательстве четких критериев для определения субъекта, которому должны принадлежать правомочия в отношении собранных материалов [5]. Неразрешенным остается вопрос о том, является ли законным владельцем частный детектив, действующий в рамках специального разрешения (лицензии), или же правообладателем становится заказчик, поскольку именно его имущественный интерес инициировал деятельность и был компенсирован оплатой услуги. Данная неопределенность, по мнению автора, порождает правовые коллизии, касающиеся дальнейшей юридической судьбы информации: правомерности ее передачи третьим лицам, возможности тиражирования или уничтожения по завершении договора.

Данная проблема также усугубляется конфликтом правовых режимов, применимых к одним и тем же сведениям. Так, с одной стороны, правовые нормы, такие как законодательство о защите персональных данных и гражданско-правовой запрет на вторжение в частную жизнь, устанавливают жесткие ограничительные рамки. С другой стороны, частный интерес заказчика, стремящегося использовать информацию для защиты своих прав и законных интересов в рамках имущественных или семейных споров, требует доступа к подобным сведениям. Отечественный законодатель не устанавливает объективных критериев, позволяющих разграничить правомерный сбор доказательств, необходимых для реализации права на судебную защиту, и неправомерное посягательство на охраняемую законом тайну личности. Как следствие, такая смысловая расплывчатость создает обширное поле для злоупотреблений как со стороны частных детективов, так и со стороны заказчиков, одновременно ставя под угрозу основные права объектов частного расследования.

Наконец, даже в случаях, когда нарушение признано, классический инструментарий гражданско-правовой защиты показывает свою недостаточную эффективность. Например, предъявление иска о возмещении убытков, возникших вследствие разглашения конфиденциальной информации, влечет существенные процессуальные препятствия, прежде всего необходимость доказывания как размера реального ущерба, так и прямой причинно-следственной связи между действиями

нарушителя и наступившими негативными последствиями. Как отмечает, Д.А. Мальбин [6], иск, направленный на пресечение действий, нарушающих право на конфиденциальность, обладает превентивным потенциалом, однако его действенность ограничивается периодом, предшествующим фактическому разглашению охраняемых сведений. После того как сведения стали доступны неопределенному кругу лиц, восстановить статус-кво средствами частного права становится практически невозможно. Такая ситуация, по мнению автора, закономерно смещает центр тяжести в сторону публично-правовых механизмов ответственности — административной или уголовной, что, однако, не отменяет потребности в развитии адекватных гражданско-правовых способов защиты, способных компенсировать причиненный частным интересам ущерб.

В этой связи, пути решения обозначенных проблем лежат в плоскости развития цивилистической доктрины и внесения адресных изменений в нормативно-правовую базу.

Первым шагом представляется внесение изменений в специальное законодательство, в частности в Закон Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [7]. Целью такой модификации должно стать легальное закрепление особого правового статуса «рабочей информации частного детектива». Так, статус должен непосредственно вытекать из существа заключенного с заказчиком договора и императивно устанавливать, что право на использование информации строго в тех целях, которые были согласованы сторонами, принадлежит заказчику. При этом, на частного детектива как исполнителя должна быть возложена обязанность по обеспечению конфиденциальности и ответственность за подтверждение законности способов получения каждого блока сведений. Ключевым отличием предлагаемых мер является отказ от автоматического подведения всей подобной информации под режим коммерческой тайны. Вместо этого, защита должна предоставляться в силу прямого указания закона, признающего ее конфиденциальный характер в рамках частной детективной деятельности, что снимает излишние формальные барьеры и учитывает специфику.

Параллельно необходима проработка и формализация на уровне гражданского законодательства и судебной практики материально-правовых критериев, позволяющих отграничить правомерный сбор сведений от неправомерного вмешательства в частную сферу. Основой таких критериев, по мнению автора, должен стать принцип соразмерности и поиск разумного баланса сталки-

вающихся интересов. Так, правомерность сбора информации может быть обоснована, если частный интерес заказчика, например, в установлении местонахождения имущества для обращения взыскания или в выяснении обстоятельств, затрагивающих интересы ребенка, имеет существенную социальную значимость. При этом, необходимо установить, что достижение законной цели невозможно с помощью альтернативных способов, сопряженных с наименьшим вмешательством в частную сферу, таких как обращение в уполномоченные государственные органы. Сами методы получения информации должны быть поставлены в четкие правовые рамки, исключающие применение прямого обмана, угроз, понуждения, а также любые формы нарушения конституционных прав, в частности, неприкосновенности жилища.

В завершении отметим, что информация, формируемая в процессе осуществления частного расследования, представляет собой сложный, гибридный объект правового регулирования, который в силу своей природы вовлекает в сферу «правового напряжения» разнонаправленные социальные интересы. Частноправовой интерес клиента, нацеленный на получение и последующее использование данной информации для защиты своих прав, вступает в правовую коллизию с не менее охраняемым частным интересом лица, в отношении которого осуществляется частное расследование, заключающимся в сохранении неприкосновенности его личной сферы. Кроме того, в это взаимодействие неизбежно включается публичный интерес, выражающийся в стремлении государства поддерживать правопорядок и предотвращать действия, подменяющие собой установленные законом процедуры.

Список литературы:

[1] Сергеев, А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации : учебник / А. П. Сергеев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : ТК Велби, 2003. — 752 с. — Допущено Министерством образования Российской Федерации в качестве учебника для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». — ISBN 5-98032-049-1 (в пер.).

[2] Дозорцев, В. А. Интеллектуальные права : понятие, система, задачи кодификации : сборник статей / В. А. Дозорцев ; Исследовательский центр частного права. — Москва : Статут, 2005. — 413, [2] с., [1] л. портр. ; 21 см. — ISBN 5-8354-0168-X.

[3] Каневский, В. М. Гражданско-правовая охрана информации в режиме коммерческой тайны в России и США : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юри-

дических наук : специальность 12.00.03 <Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право> / В. М. Каневский ; Российский государственный институт интеллектуальной собственности. — Москва, 2008. — 30 с. ; 21 см.

[4] Рожкова, М. А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора [Текст] / М. А. Рожкова. — Москва : Волтерс Клувер, 2006. — 392, [1] с. : ил. ; 21 см + 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). — ISBN 5-466-00126-0.

[5] Кресс, В. В. Информация как объект гражданских прав / В. В. Кресс // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 18, № 5 (162). — С. 30–40. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.030-040.

[6] Мальбин, Д. А. Превентивная функция негативного иска / Д. А. Мальбин // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18, № 7 (152). — С. 86–96.

[7] О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 : (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 49 (ч. 5), ст. 7067 ; 2021. — № 27 (ч. 1), ст. 5055.

References:

[1] Sergeev, A.P. Intellectual Property Law in the Russian Federation: Textbook/A.P. Sergeev. - 2nd ed., Revised and add. - Moscow: TK Welby, 2003. - 752 p. - Admitted by the Ministry of Education of the

Russian Federation as a textbook for university students studying in the specialty "Jurisprudence." - ISBN 5-98032-049-1 (in translation).

[2] Dozortsev, V. A. Intellectual rights: concept, system, codification tasks: collection of articles/V. A. Dozortsev; Private Law Research Center. - Moscow: Statute, 2005. - 413, [2] p., [1] l. portr.; 21 see ISBN 5-8354-0168-X.

[3] Kanevsky, V. M. Civil protection of information in the mode of trade secrets in Russia and the USA: abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences: specialty 12.00.03 <Civil law; business law; family law; private international law >/V. M. Kanevsky; Russian State Institute of Intellectual Property. - Moscow, 2008. - 30 s.; 21 cm.

[4] Rozhkova, M. A. Means and methods of legal protection of the parties to a commercial dispute [Text]/M. A. Rozhkova. - Moscow: Volters Kluver, 2006. - 392, [1] p.: ill.; 21 cm + 1 electron. wholesale disc (CD-ROM). — ISBN 5-466-00126-0.

[5] Kress, V.V. Information as an object of civil rights/V.V. Kress//Actual problems of Russian law. — 2024. - Т. 18, NO. 5 (162). - S. 30-40. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.030-040.

[6] Malbin, D. A. The preventive function of a negative lawsuit/D. A. Malbin//Actual problems of Russian law. — 2023. - Т. 18, NO. 7 (152). - S. 86-96.

[7] On private detective and security activities in the Russian Federation: Law of the Russian Federation of March 11, 1992 No. 2487-1: (ed. 02.07.2021) //Collection of legislation of the Russian Federation. — 2011. - No. 49 (part 5), Art. 7067; 2021. - No. 27 (part 1), article 5055.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-293-298

ОПАРИН Дмитрий Евгеньевич,
старший преподаватель кафедры безопасности в ЧС,
Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург,
e-mail: mail@law-books.ru

ОЦЕНКА УГРОЗ И ПОСЛЕДСТВИЙ ПОЖАРОВ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В РАМКАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЩЕРБА В КЛЮЧЕВЫХ СЕКТОРАХ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы оценки пожарных рисков как ключевого элемента обеспечения экономической безопасности Свердловской области. Проведен анализ динамики пожаров за 2020–2024 годы. Выделены три основные зоны риска: лесные массивы, промышленные объекты и жилой сектор. Автор исследует структуру прямого и косвенного экономического ущерба в зависимости от типа пожарной угрозы и уровня развития противопожарной инфраструктуры. Обоснована необходимость риск-ориентированного подхода и системного мониторинга для минимизации потерь в ключевых муниципалитетах региона.

Ключевые слова: экономический ущерб, пожарные риски, Свердловская область, лесные пожары, техногенные пожары, региональная безопасность.

OPARIN Dmitry Evgenievich,
Senior Lecturer at the Department of Emergency Safety,
Ural Institute of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
Yekaterinburg

ASSESSMENT OF THE THREATS AND CONSEQUENCES OF FIRES IN THE SVERDLOVSK REGION WITHIN THE FRAMEWORK OF ECONOMIC DAMAGE IN KEY SECTORS OF THE ECONOMY

Annotation. The article discusses the issues of fire risk assessment as a key element of ensuring the economic security of the Sverdlovsk region. The analysis of the dynamics of fires in 2020–2024 is carried out. There are three main risk zones: forests, industrial facilities and the residential sector. The author examines the structure of direct and indirect economic damage depending on the type of fire threat and the level of fire infrastructure development. The necessity of a risk-based approach and system monitoring to minimize losses in key municipalities of the region is substantiated.

Key words: economic damage, fire risks, Sverdlovsk region, forest fires, man-made fires, regional security.

Оценка пожарных рисков является фундаментальной задачей для обеспечения экономической безопасности территории, поскольку именно масштаб и характер этих рисков определяют необходимость и направление инвестиций, проактивные и реагирующие меры [1]. В Свердловской области, благодаря своему уникальному сочетанию природных

богатств, развитой промышленности и плотной застройке, выделяются три ключевые зоны с особыми рисками: лесные массивы, промышленные зоны и жилые районы. Анализ этих рисков (табл. 1) показывает, что они носят разнородный характер, однако их совокупное воздействие создает комплексную угрозу для стабильности региональной экономики [2].

Табл. 1. Основные показатели обстановки с пожарами за 2020-2024 годы в Свердловской области

Основные показатели	Годы				
	2020	2021	2022	2023	2024
Количество пожаров, ед.	9811	11365	8363	8483	6566
Прямой материальный ущерб, тыс. руб.	608526	142729	1471368	1821717	423310
Погибло, чел.	273	312	250	240	231

Как следует, из таблицы 1, в 2024 году наметилась тенденция к понижению количества пожаров, и, соответственно уменьшился прямой материальный ущерб. Кроме того, наблюдается динамика уменьшения числа погибших людей от пожаров [3].

Анализ экономической безопасности территорий на уровне отдельных муниципалитетов Свердловской области и в целом по региону в рамках пожарной безопасности представлен двумя уровнями. Общерегionalный предполагает выявление системных рисков и тенденций по Свердловской области в целом; муниципальный уровень работает с дифференциацией угроз, инфраструктурной обеспеченностью и экономическими последствиями по ключевым муниципалитетам. Увеличение высотности и плотности жилой застройки, строительство крупных спортивных сооружений и торгово-развлекательных центров сложной архитектуры повышают уровень

пожарной опасности урбанизированных территорий и увеличивают комплексный ущерб от пожаров [4].

Системные риски с учетом география области и природных условий Свердловская область (площадь — около 194 тыс. км²) характеризуется (табл. 2):

- высокой лесистостью (~60% территории), преимущественно хвойные леса (сосна, ель), что повышает пожарную опасность;
- континентальным климатом с жарким летом и частыми засухами, особенно в южных и центральных районах;
- развитой промышленностью, сконцентрированной в Уральской агломерации (Екатеринбург и прилегающие города);
- неравномерным расселением населения: 70% населения проживает в городах, но значительная часть территории - малонаселённые районы с труднодоступными лесами.

Табл. 2. Основные типы пожарных рисков

Тип риска	Характеристика	Региональная значимость
Лесные пожары	Наиболее масштабные по площади, сезонные (май–сентябрь), часто вызваны грозами или человеческим фактором (поджоги травы, неосторожное обращение с огнём).	Высокая угроза биоразнообразию, углеродному балансу, экономике ЛПХ. Особенно актуально для северных и восточных районов (Североуральск, Карпинск, Ивдель).
Промышленные пожары	Возникают на предприятиях металлургии, машиностроения, химической промышленности, складах. Часто связаны с нарушением техники безопасности. Концентрация в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Верхней Пышме, Каменске-Уральском	Критическая угроза производственным цепочкам, экологии, инвестиционному

Жилищно-коммунальные пожары	Самые частые по количеству случаев. Причины: изношенная электропроводка, неисправные печи, бытовой газ, неосторожность.	Массовый характер - высокие социальные издержки, нагрузка на бюджет. Распространены повсеместно, особенно в старом жилом фонде и сельской местности

Риск возникновения пожаров в лесных массивах представляет собой одну из наиболее значимых угроз, затрагивающих как экологию, так и экономику Свердловской области. Лесной сектор является неотъемлемой частью социально-экономического уклада региона, внося существенный вклад в его доходы и обеспечивая занятость населения. Любой крупный лесной пожар наносит прямой удар по этому сектору, уничтожая ценную древесину, нарушая циклы заготовки и переработки, а также снижает потенциальные налоговые поступления в бюджеты всех уровней [5]. Факт того, что лесной план является основным документом лесного планирования в регионе свидетельствует о наличии функционирующей системы управления лесными ресурсами. Однако сам факт существования такого плана не гарантирует его эффективность в предотвращении и контроле пожаров. Ключевой аналитический вопрос заключается в эффективности лесного планирования и интеграции противопожарных мероприятий (полосы, системы раннего обнаружения) в работу лесничеств.

Для обеспечения пожарной безопасности в соответствии с требованиями риск-ориентированного подхода процедуру целесообразно проводить в следующем порядке:

- уровень подверженности объекта риску;
- анализ типа пожарной нагрузки;
- разработка сценариев влияния опасных факторов;
- профилактические мероприятия и их актуализация [6].

Риск пожаров на промышленных объектах следует рассматривать как прямую угрозу производственному потенциалу Свердловской области. Регион исторически является одним из ключевых промышленных центров России, что подтверждается наличием у муниципалитетов стратегий развития, ориентированных на поддержание благоприятного инвестиционного климата.

Высокая концентрация производственных активов, складских помещений, энергетических объектов и транспортных узлов автоматически увеличивает общее количество потенциальных очагов возгораний. Пожар на промышленном предприятии вызывает немедленные и серьезные прямые потери, включая уничтожение дорогостоящего оборудования, сырья, готовой продукции и

производственных площадей. Однако более долгосрочными и глубокими являются косвенные финансовые потери. Они проявляются в прерывании производственных цепочек, которые могут затронуть не только само пострадавшее предприятие, но и десятки других компаний, зависящих от его поставок компонентов или полуфабрикатов. Это может привести к простою всей отрасли или даже целого экономического кластера. Кроме того, крупные промышленные аварии с элементом горения могут иметь серьезные экологические последствия, что влечет за собой дополнительные расходы на ликвидацию последствий и штрафы.

Риск пожаров в жилых районах представляет собой массовую проблему, где суммарный экономический и социальный ущерб может быть весьма значительным. Жилой фонд Свердловской области огромен, он включает как многоквартирные дома в городах, так и частный сектор на приусадебных участках. Пожары в этих условиях являются наиболее распространенным типом происшествий. Хотя одно такое событие может не нанести прямого экономического ущерба, сравнимого с промышленным или лесным пожаром, где их высокая частота приводит к значительным накопленным потерям. Основной экономический ущерб в данном случае выражается преимущественно в косвенных потерях. К ним относятся расходы на эвакуацию граждан, их временное размещение, ремонт поврежденных инженерных сетей (водоснабжения, электроснабжения), восстановление жилого фонда. Кроме того, пожары в жилых районах создают колоссальную нагрузку на систему здравоохранения и социальной защиты, что транслируется в дополнительные расходы бюджета на медицинскую помощь пострадавшим, психологическую помощь и поддержку семей погибших или оставшихся без крова. Как и в случае с промышленными объектами, отсутствие в предоставленных материалах конкретных данных о пожарах в жилом фонде является критическим недостатком для объективной оценки этого риска. Для его корректной калибровки требуется анализ детализированной статистики за последние годы, которая позволила бы выявить наиболее уязвимые микрорайоны и определить причины возникновения большинства пожаров.

В таблице 3 представлено сравнительное качественное описание рисков пожаров в трех ключевых зонах Свердловской области.

Табл.3. Дифференциация рисков по ключевым муниципалитетам

Муниципалитет	Особенности пожарных рисков	Инфраструктурная обеспеченность	Экономические последствия
Североуральск	Высокая пожароопасность лесов (летние засухи); удалённость от крупных центров.	Низкая: недостаток техники, слабая авиационная поддержка, мало водоёмов.	Потери в лесной промышленности; угроза водосборникам (р. Сосьва).
Ивдель	Аналогично Североуральску; частые торфяные пожары.	Очень низкая: слабая связь, труднодоступность	Долгосрочное загрязнение почв и воды; миграция населения.
Карпинск	Комбинированный риск: леса + угольная промышленность (заброшенные шахты).	Низкая: ограниченные ресурсы МЧС.	Социально-экономический дефицит усиливается пожарами.

Основанная на категорировании городских территорий комплексная оценка ущерба от пожаров с учетом дифференциации рисков по ключевым муниципалитетам позволит создать статистическую базу, которая будет содержать информацию об ущербе от пожаров в городе Екатеринбурге при разработке администрацией города превентивных противопожарных мероприятий [7].

Таким образом, комплексный анализ рисков показывает, что ни одна из зон не может рассматриваться в отрыве от других. Эффективная система экономической безопасности должна быть многоуровневой и учитывать специфику каждого типа риска, начиная от государственного лесного хозяйства и заканчивая правилами пожарной безопасности в каждом доме.

Различия в экономической безопасности регионов проявляются в плотности населения субъекта РФ. Так в Центральном округе на 1 км² территории приходится 60 тысяч населения, в Южном Федеральном – 38,5, в Приволжском – 29,3, в Уральском – 6,7 [8].

Инфраструктурное обеспечение противодействия пожарам напрямую зависит от эффективности системы пожарной безопасности региона с учетом двух ключевых факторов: уровня развития противопожарной инфраструктуры и ее равномерности распределения по всей территории. Именно эти два параметра определяют способность оперативно реагировать на возгорания,

локализовать их и минимизировать наносимый ущерб. В Свердловской области, чья протяженность с севера на юг составляет более 400 километров и, которая включает в себя как густонаселенные городские агломерации, так и обширные труднодоступные лесные массивы, вопросы инфраструктурного обеспечения приобретают особую остроту.

Основой любой системы противодействия пожарам являются подразделения профессиональной пожарной охраны и соответствующий им парк техники. В регионе действует сеть пожарных депо, расположенных в административных центрах районов и крупных городах. Наличие современных пожарных машин с большой дальностью подачи воды критически важно для борьбы с лесными пожарами, так же как достаточное количество единиц техники в городских депо необходимо для оперативного реагирования на тысячи вызовов в жилом фонде.

Вторым важнейшим компонентом инфраструктуры является водоснабжение. Пожарная безопасность невозможна без доступа к большим объемам воды.

Этот аспект имеет двойное значение. Во-первых, это наличие искусственных и естественных водоемов (рек, озер, прудов) вблизи населенных пунктов и промышленных объектов. Во-вторых, это развитая система противопожарного водоснабжения, включающая пожарные

гидранты, резервуары и насосные станции. Важно отметить, что для лесных пожаров решающее значение имеют естественные водоемы, доступные для забора воды авиационной техникой (самолетами-амфибиями) или наземными средствами. Распределение этих ресурсов по территории области крайне неравномерно. Основная концентрация как техники, так и наиболее доступных водоисточников сосредоточена в Екатеринбурге и других крупных городах. Это может создавать критическую задержку в реакции на пожар, возникший в удаленных лесных массивах или на окраинах городов, что позволяет огню быстро набрать силу и перейти в сложно устранимый процесс.

Наконец, третьим элементом инфраструктуры являются противопожарные полосы, особенно актуальные для лесных массивов и границ населенных пунктов. Эти полосы, лишенные деревьев и кустарников, служат своеобразным барьером, который должен остановить или замедлить распространение огня. Их наличие и состояние напрямую влияют на возможность локализации пожара. В Свердловской области, где леса занимают значительную часть территории, эффективность противопожарных полос играет ключевую роль в минимизации площади, охватываемой лесными пожарами. Несвоевременное проведение работ по созданию и обслуживанию противопожарных полос может свести на нет усилия по тушению пожара. В таблице ниже представлен обобщенный анализ компонентов противопожарной инфраструктуры в Свердловской области на основе доступной информации.

Вне зависимости от наличия физической инфраструктуры, ее эффективность во многом определяется внедрением современных технологий. Системы раннего обнаружения, включая спутниковый мониторинг, позволяют выявлять очаги возгорания на самых ранних стадиях, когда их еще можно ликвидировать малыми силами. Единая диспетчерская служба обеспечивает координацию действий всех подразделений и оперативную передачу информации. Мобильные приложения для граждан позволяют сообщать о пожаре непосредственно с места происшествия, сокращая время реакции.

Таким образом, комплексный анализ рисков показывает, что ни одна из зон не может рассматриваться изолированно. Эффективная система экономической безопасности должна учитывать региональную специфику: например, плотность населения в Уральском округе (6,7 чел/км²) значительно ниже, чем в Центральном (60 чел/км²), что осложняет оперативность реагирования в удаленных районах [8].

Инфраструктурное обеспечение зависит от двух факторов: уровня развития и равномерности

распределения сил МЧС. При протяженности области более 400 км с севера на юг концентрация ресурсов в агломерациях создает риски для периферии. Важнейшими компонентами остаются: парк спецтехники, доступ к водоисточникам (в т.ч. для авиации) и создание противопожарных разрывов. Внедрение современных технологий мониторинга (спутники, ЕДДС) является необходимым условием минимизации ущерба в современных условиях.

Список литературы:

[1] Опарин, Д. Е. Экономические последствия от пожаров / Д. Е. Опарин, А. А. Карапузиков // Менеджмент в социальных и экономических системах : Сборник докладов XVI Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Пенза, 15–16 ноября 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. – С. 130-134. – EDN IGRXHO.

[2] Карапузиков, А. А. Аспекты экономики пожарной безопасности / А. А. Карапузиков, Н. П. Мураев // Правовые и социально-экономические проблемы современной России: теория и практика : Сборник статей XI Международной научно-практической конференции, Пенза, 15–16 ноября 2023 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 149-152. – EDN RXLRTG.

[3] Сравнительный анализ основных показателей по пожарам на территории Свердловской области за 2021 год / А. А. Карапузиков, А. Д. Низяков, С. В. Папулов, Р. И. Тимерханов // Ресурсосберегающие технологии и технические средства для производства продукции растениеводства и животноводства : Сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Пенза, 14–15 февраля 2022 года / Под научной редакцией Н.П. Ларюшина, О.Н. Кухарева. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2022. – С. 46-49. – EDN FKYHFR.

[4] Опарин, Д. Е. Оценка комплексного ущерба от пожаров в городских агломерациях с учетом социально-экономического районирования / Д. Е. Опарин, И. Д. Опарин // Актуальные вопросы пожаротушения : сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, Иваново, 26 мая 2023 года. – Иваново: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ивановская пожарно-спасательная академия Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий», 2023. – С. 300-303. – EDN IQRZIX.

[5] Карапузиков, А. А. Дистанционный мониторинг лесных пожаров / А. А. Карапузиков, М. П. Мураев, Д. С. Белкин // Природопользование и устойчивое развитие регионов России : Сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 15–16 июня 2023 года / Под редакцией И.А. Байракова, И.А. Лушкина. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 46-49. – EDN HWFPAM.

[6] Анализ общественной опасности пожаров на территории РСО-Алания / Д. Е. Опарин, И. Д. Опарин, З. Т. Гугкаев, А. Ф. Дзигоев // Инициативы молодых - науке и производству : сборник статей VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых и студентов, Пенза, 08–09 июля 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. – С. 710-713. – EDN EHTREC.

[7] Опарин, Д. Е. Категорирование городских территорий в аспекте оценки ущерба от пожаров на примере города Екатеринбурга / Д. Е. Опарин, И. Д. Опарин // Актуальные вопросы пожаротушения : Сборник материалов III Всероссийского круглого стола, Иваново, 28–29 марта 2024 года. – Иваново: Ивановская пожарно-спасательная академия Государственной противопожарной службы МЧС РФ, 2024. – С. 190-192. – EDN VSAQKK.

[8] Опарин, Д. Е. Вопросы экономической безопасности Республики Ингушетия / Д. Е. Опарин, И. Д. Опарин, М. А. Пугоев // Проблемы социально-экономической устойчивости региона : Сборник статей XXII Международной научно-практической конференции, Пенза, 27–28 января 2025 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – С. 184-187. – EDN CAAWJL.

References:

[1] Oparin, D. E. Economic consequences from fires/D. E. Oparin, A. A. Karapuzikov//Management in social and economic systems: Collection of reports of the XVI International Scientific and Practical Conference. In 2 parts, Penza, November 15-16, 2024. - Penza: Penza State Agrarian University, 2024. - S. 130-134. – EDN IGRXHO.

[2] Karapuzikov, A. A. Aspects of fire safety economics/A. A. Karapuzikov, N. P. Muraev//Legal and socio-economic problems of modern Russia: theory and practice: Collection of articles of the XI International Scientific and Practical Conference, Penza, November 15-16, 2023. - Penza: Penza State Agrarian University, 2023. - S. 149-152. – EDN RXLRTG.

[3] Comparative analysis of the main indicators of fires in the Sverdlovsk region for 2021/A. A. Kara-

puzikov, A. D. Nizyakov, S. V. Papulov, R. I. Timerkhanov//Resource-saving technologies and technical means for the production of crop and livestock products: Collection of articles VII of the International Scientific and Practical Conference, Penza, February 14-15 2022/Under the scientific editorship of N.P. Laryushin, O.N. Kukhareva. - Penza: Penza State Agrarian University, 2022. - S. 46-49. – EDN FKYHFR.

[4] Oparin, D. E. Assessment of complex damage from fires in urban agglomerations taking into account socio-economic zoning/D. E. Oparin, I. D. Oparin//Actual fire extinguishing issues: collection of materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference, Ivanovo, May 26, 2023. - Ivanovo: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters," 2023. - S. 300-303. – EDN IQRZIX.

[5] Karapuzikov, A. A. Remote monitoring of forest fires/A. A. Karapuzikov, M. P. Muraev, D. S. Belkin//Nature management and sustainable development of Russian regions: Collection of articles of the V All-Russian Scientific and Practical Conference, Penza, June 15-16, 2023/Edited by I. A. Bayrakov, I. A. Lushkina. - Penza: Penza State Agrarian University, 2023. - S. 46-49. – EDN HWFPAM.

[6] Analysis of the public danger of fires in the territory of North Ossetia-Alania/D. E. Oparin, I. D. Oparin, Z. T. Gugkaev, A. F. Dzigoev//Initiatives of young people - science and production: a collection of articles of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists and Students, Penza, 08-09 July 2024. - Penza: Penza State Agrarian University, 2024. - S. 710-713. – EDN EHTREC.

[7] Oparin, D. E. Categorization of urban areas in terms of assessing damage from fires on the example of the city of Yekaterinburg/D. E. Oparin, I. D. Oparin//Actual fire extinguishing issues: Collection of materials of the III All-Russian Round Table, Ivanovo, March 28-29, 2024. - Ivanovo: Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation, 2024. - S. 190-192. – EDN VSAQKK.

[8] Oparin, D. E. Issues of economic security of the Republic of Ingushetia/D. E. Oparin, I. D. Oparin, M. A. Pugoev//Problems of socio-economic stability of the region: Collection of articles of the XXII International Scientific and Practical Conference, Penza, January 27-28, 2025. - Penza: Penza State Agrarian University, 2025. - S. 184-187. – EDN CAAWJL.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-299-305

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

ВЕЛИЕВА Сабина Мухтаровна,
Заместитель директора колледжа ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)»,
Россия, Махачкала,
e-mail: sabina.velieva.05@yandex.ru

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АДДИТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И СОВРЕМЕННОЙ БИОМЕДИЦИНЫ В СФЕРЕ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ

Аннотация. Совершенствование технологии биопринтинга (3D-биопечати) если не решит полностью, то хотя бы улучшит ситуацию с нехваткой донорских органов путем 3D-печати органов и тканей человека. Однако, нормативно-правовое регулирование отстает от новелл достижений медицины, препятствуя таким образом дальнейшему прогрессу или внедрению достижений научной мысли в повседневную врачебную практику.

Системный кризис в правовом регулировании не позволяет объективно оценить какие научные изыскания уже попали в сферу действия законодательства, а какие еще только ожидают своего черед. Необходимо выявить проблемные аспекты правового регулирования и правоприменительной практики, а самое важное, правильно оценить возможные риски при использовании новых технологий.

В работе использовался сравнительно-правовой метод при исследовании зарубежного опыта. А также метод анализа и статистический метод. Предлагается внести изменения и дополнения в действующее законодательство.

Ключевые слова: биопечать органов и тканей человека, аддитивные технологии, 3D-биопечать, закон, регулирование, биофармацевтика, биомоделирование, трансплантация органов, нормативное регулирование.

VELIEVA Sabina Mukhtarovna,
Deputy Director of the College of Dagestan
State University (Makhachkala),
Russia, Makhachkala

LEGAL REGULATION OF ADDITIVE TECHNOLOGIES AND MODERN BIOMEDICINE IN THE FIELD OF ORGAN TRANSPLANTATION

Annotation. The improvement of bioprinting technology (3D-bioprinting) will, if not completely solve, at least improve the situation with the shortage of donor organs by 3D-printing human organs and tissues. However, the legal and regulatory framework lags behind the latest medical advancements, hindering further progress or the implementation of scientific discoveries in everyday medical practice.

The systemic crisis in legal regulation does not allow for an objective assessment of which scientific research has already been included in the legislation and which is still waiting to be included. It is necessary to identify the problematic aspects of legal regulation and law enforcement practices, and most importantly, to properly assess the potential risks associated with the use of new technologies.

The work used a comparative legal method in the study of foreign experience. As well as the method of analysis and the statistical method. It is proposed to make changes and additions to the current legislation.

Key words: bioprinting of human organs and tissues, additive technologies, 3D bioprinting, law, regulation, biopharmaceutics, biomodeling, organ transplantation, regulatory regulation.

Введение

Современное российское законодательство, регулирующее порядок предоставления высокотехнологичной медицинской помощи в сфере трансплантации органов и тканей человека, не актуально с точки зрения нормативного регулирования медико-технологических прорывов. Использование аддитивных технологий таких как 3D-био-печать органов и тканей человека представляет собой огромный потенциал для значительного улучшения ситуации, связанной с нехваткой органов для трансплантации, и открывает новые возможности как для граждан многие годы надеющихся получить орган для пересадки себе или своим близким, так и для практикующих в данной орган сфере врачей, которые иногда годами наблюдают за угасающим пациентом, для которого нет, подходящего для пересадки органа. Наука развивается настолько стремительно, что использование возникающих новых технологий не всегда успевают нормативно урегулировать. Опять же сфера трансплантации органов и тканей человека представляет собой сложную конструкцию как с морально-этической, так и на применения на практике. Что тоже является причиной по которой законодатель не успевает осуществлять нормативно-правовое регулирование результатов технологического прорыва.

Несовершенство правового регулирования данной сферы создает искусственные барьеры, препятствуя внедрению современных технологий в повседневную практику российского здравоохранения.

И речь сейчас идет не о каком-то одном нормативном акте, требующем доработки или обновления, а о наличии системных пробелов в данной сфере. Текущая ситуация в сфере биопринтинга донорских органов предполагает необходимость проведения мониторинга ситуации в исследуемой сфере, с целью выявления проблемных аспектов, нуждающихся в правовом регулировании, выявлении рисков развития новых технологий.

Внедрение биопринтинга представляется очень актуальной научной разработкой в сфере трансплантации органов. Официальная статистика разных стран подтверждает наличие существенного дефицита органов для трансплантации. Опять же органы, которые в настоящее время не рассматриваются как объекты донорства, могут стать трансплантабельными с внедрением 3D-био-печати. Анализ нормативных актов, определяющих этот перечень, показывает его динамичность. В 2001 г. он составлял восемь позиций [5], потом, стало 25 [6]. Ныне действующий Приказ Минздрава России N 150н, РАН N 1 от 25.03.2025

«Об утверждении перечня объектов трансплантации», утверждает перечень объектов трансплантации из 25 пунктов [7].

Из приведенного перечня и динамики его обновления, мы видим, что существует определенная тенденция к расширению.

Влияние инновационных технологий в современной биомедицине трудно переоценить, ведь они показывают непрерывный прогресс, а в ряде ситуаций революционные прорывы, кардинально влияющие на привычные протоколы оказания медицинской помощи. А к прорывным технологиям относится биопринтинг. Биопринтинг или 3D-био-печать прогрессивные аддитивные технологии, позволяющие напечатать биологические объекты.

Современная биомедицина с помощью инновационных технологий совершенствует биофармацевтику, биомоделирование и 3D-печать объектов для оказания медицинской помощи. Ученые заметили, что «законодатель подчеркивает сложность в толковании продуктов биопечати - искусственных органов и тканей человека, намерено давая расширительное наименование «объект»[1, 108-121]».

Верно подмечен факт, «возникновения учетных, юридических и этических вопросов несмотря на имеющиеся нормативно-правовое регулирование деятельности по забору и пересадке органов (тканей) человека» [2].

Нормативно-правовое регулирование биопечати

Так каким же должно быть нормативно-правовое регулирование биопечати? К общему или специальному законодательству склониться? Принятая Стратегия развития аддитивных технологий в Российской Федерации на период до 2030 г, утверждённая Распоряжением Правительства РФ от 14 июля 2021 г. N 1913-р [8]. Многие страны придерживаются подобного подхода в принятии базовых программных документов. Но у стран с более амбициозным подходом и желанием выбиться в лидеры в данном сегменте рынка можно наблюдать специальное регулирование аддитивных технологий. В частности, Китайская Народная Республика, объединяет всех заинтересованных субъектов в консорциум[3]. Саудовская Аравия создает специальные экосистемы и кластеры для внедрения инноваций с 2023 г.[4]. Индия создала Национальный центр, осуществляющий управленческие функции, направленные на развитие и совершенствование новых технологий, и приняла Стратегию аддитивного производства [9].

Все эти стратегии объединяет отсутствие закрепления особенностей биопринтинга. Фактически 3D-биопечать просто одна из аддитивных технологий и входит в общую концепцию их развития. Хотя биопринтинг и перечислен в числе наиболее приоритетных направлений, это не помогает нормативному регулированию его особенностей использования, в частности при трансплантации тканей и органов.

Еще две Стратегии рамочно определяют перспективы развития аддитивных технологий. Это Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [10], утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400, и Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [11], утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. N 208. Аддитивные технологии отмечены как элемент промышленного суверенитета необходимый для создания условий инновационного развития [12]. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в пункте 76 подчеркивается, что для достижения цели научно-технологического развития Российской Федерации необходимо решение следующих задач:.... «14) развитие перспективных высоких технологий в т.ч. нанотехнологий, медицинских, биологических, геномной инженерии, аддитивных и иных. Достигаться эти цели должны путем производства лекарств и медицинских изделий [13].

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года содержит в п.18 основные задачи в том числе в сфере биотехнологий и аддитивных технологий [14].

В Государственной программе Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2019 г. N 377 речь идет о переходе к персонализированной, предиктивной и профилактической медицине, высокотехнологичному здравоохранению и технологиям здоровьесбережения [15]. Но не смотря на наличие в Программе перспективных фундаментальных научных исследований, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. N 3684-р 3D-биопечать и биопринтинг не нашли персонального закрепления, хотя речь идет в т.ч. о создании искусственных органов [16]. В программе отмечается, что регенеративная медицина объединяет высококлассных специалистов по различным научным специальностям. Но в этом перечне специалистов нет упоминания о юристах. Без должного нормативного регулирования все эти достижения науки будет просто невозможно использовать на законных основаниях.

Интересным представляется мнение авторов, отмечающих, что «вследствие отсутствия

специального нормативного регулирования для аддитивного производства и биопечати как его подвида снижает число ограничений и запретов» [1, 108-121]. Мы не можем сбрасывать со счетов общий правовой режим установленный Федеральными законами «О науке и государственной научно-технической политике» [17] и «О промышленной политике в Российской Федерации» [18], действующих во всех инновационных сферах, в частности в сфере биопечати. Обратная сторона общего нормативно-правового регулирования отбрасывает особенности 3-D печати тканей и органов человека с целью их дальнейшей трансплантации. Жизненно необходимы новые подходы в регулировании перспективных разработок. Базовым для экспериментальных правовых режимов стал Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [19]. Детализирует этот НПА Постановление Правительства РФ от 28 октября 2020 г. N 1750 [20], содержащее перечень технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, в том числе в аддитивном производстве. В число сфер, к которым может применяться особый правовой режим была отнесена и медицинская деятельность, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан, фармацевтическая деятельность [21]. Но дальнейшего нормативно-правового регулирования деятельность по биопринтингу не получила.

Так как в дальнейшем были Постановления Правительства РФ от 18 июля 2023 г. № 1164 о телемедицине [22] и от 9 декабря 2022 г. №2276 о цифровых помощниках [23].

Следовательно, на сегодняшний день к 3D-биопечати в Российской Федерации применяется общий правовой режим. Принятые отдельные нормативно-правовые акты не учитывают всех нюансов биопринтинга. А возникновение проблем, при введении в протоколы лечения 3D-биопечати допускается. Подобные сложности в нормативном регулировании присутствуют в большинстве стран [1, 108-121].

Если отследить развитие законодательства в разных странах по вопросу 3D-биопечати, то можно будет увидеть такие закономерности. Во-первых, в большинстве стран отсутствуют специальные законы и действует общий правовой режим в сфере биопринтинга. Во-вторых, сами конечные продукты биопечати в подавляющей массе государств никак нормативно не урегулированы. Сам процесс биопечати во многих правовых системах регулируется общими правилами для медицинских устройств, защиты прав на резуль-

таты интеллектуальной собственности и персональных данных на продукты биопечати, а о нормативном регулировании использования результатов 3D биопечати тканей и органов человека с целью их дальней трансплантации в большинстве государств речь вообще пока не идет. Исследования наших коллег из зарубежных стран подтверждают, что следует вырабатывать специальные правила, отражающих особенности биопринтинга. Конечно, в настоящий момент, биопечать находится в стадии разработки во всем мире, и фактически ее уровень не позволяет осуществлять полноценную трансплантацию органов и заменить действующие в настоящее время донорство от родственников или постмортальное донорство. Но отсутствие должного нормативно-правового регулирования создает серьезные трудности для развития науки, да и в дальнейшем, когда уже биопринтинг будет способен заменить органы от трупов для целей трансплантации, нужно будет иметь принципиально новый подход к нормативному регулированию. Пробелы в действующем законодательстве различных стран, в том числе нашей, пока еще не имеют глобальных негативных последствий именно из-за несовершенства 3D-биопечати. Технология еще не совсем совершенна. Но законодательство должно не только догонять развитие технологий, но и опережать их.

Так как мы видим сотрудничество права и 3D-биопечати органов и тканей человека? С одной стороны перспективные направления биопринтинга для печати органов и тканей человека, с другой, если появятся злоупотребления, связанные с биопринтингом, вызванные пробелами правового регулирования, то это может свести к нулю все благие начинания ученых в сфере трансплантации органов. Не для кого не секрет общемировой дефицит объектов трансплантологии. Действительно органов для пересадки не хватает. К тому же биопринтинг может помочь в решении проблемы пересадки органов, которые не используются сейчас как объекты донорства.

В биоформации и биомедицине используется как 3D-печать, так и 3D-биопечать. 3D-печать задействована в челюстно-лицевой хирургии для изготовления имплантов и индивидуальных ортодонтических скоб. А печать суставов и костей оперативнее и дешевле других способов производства. При этом технологическая цепочка настроена на персональный подход. Кроме того, 3D-печать позволяет создавать биоразлагаемые импланты и лекарственные препараты, направленные на постепенное высвобождение лекарства или регенерацию тканей.

Функции у продуктов биопечати системно различаются с законодательно установленными признаками, характерными для медицинских

изделий [24]. Например, «общее разграничение медицинского изделия и лекарственного средства» [1, 108-121]. Коллеги справедливо отмечают «совмещение понятий из-за создания изделий комбинированного действия и предлагают внесение законодательных изменений, закрепляющих понятие многофункционального медицинского изделия» [1, 108-121]. Подобные проблемы являются общемировой практикой.

Биопечать органов уже не является чем-то фантастическим. Например, биомоделирование является элементом хирургического планирования. Действующее российское законодательство пока закрывает потребность в нормативном регулировании таких правоотношений. Однако, ряд авторов отмечают необходимость «уточнения понятия анатомического дара, поскольку пациент будет передавать собственные биологические объекты для последующего использования в учебном процессе» [1, 108-121]. В частности, необходимо расширить юридическое понимание личности и распространения понятия правосубъектности на органоид головного мозга, то есть на трёхмерный комок клеток, выращенный из стволовых клеток человека. Данный органоид не может мыслить, но воспроизводит базовую структуру и клеточный состав настоящего эмбрионального мозга, обладая важнейшими клетками центральной нервной системы.

Заключение

В трансплантологии пока не используются органы, напечатанные на биопринтере, хотя последние научные разработки оставляют место для оптимизма. Нельзя спрогнозировать через сколько лет или десятилетий биопечать органов для трансплантации будет поставлена на поток, но одно очевидно уже сейчас, действующая модель донорства органов человека однозначно будет претерпевать изменения. При успехе 3D-биопечати будет необходимо внести изменения ст. 47 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», посвященной донорству органов и тканей человека и их трансплантации (пересадке) [25]. Предлагаем п. 1 статьи 47 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» изложить в следующей редакции: Донорство органов и тканей человека и их трансплантация (пересадка)

1. Трансплантация (пересадка) органов и тканей человека от живого донора, трупа или созданных с помощью технологии биопечати (3D-биопечати) может быть применена только в случае, если другие методы лечения не могут обеспечить сохранение жизни пациента (реципиента) либо восстановление его здоровья.

Появится необходимость изменения Закона РФ от 22 декабря 1992 г. N 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [26], начиная с появления общей допустимости напечатанных органов в медицинской практике. В частности, абзац 1 Статьи 1. Условия и порядок трансплантации органов и (или) тканей человека предлагается изложить в такой редакции:

Трансплантация органов и (или) тканей от живого донора, трупа или созданных с помощью технологии биопечати (3D-биопечати) может быть применена только в случае, если другие медицинские средства не могут гарантировать сохранения жизни больного (реципиента) либо восстановления его здоровья.

Минздраву России потребуется принять значительное число нормативных актов или внести изменения в действующие. А начинать нужно с правового режима органа, полученного в результате биопринтинга, который должен учитывать биоэтические нормы, интересы пациентов и компаний, осуществляющих биопечать, а также необходимость проработки новых контрольно-надзорных полномочий органов власти.

Список литературы:

- [1] Романовский Г.Б., Романовская О.В. Право и 3D-биопечать: проблемы, риски, перспективы // Журнал российского права. 2024. N 12. С. 108 - 121.
- [2] Николаева Т. Трансплантация и забор органов и (или) тканей человека: правовой аспект, оформление и бухгалтерский учет («Бюджетные учреждения здравоохранения: бухгалтерский учет и налогообложение», 2007, N 8) СПС Консультант-Плюс
- [3] Wang Lei, Lu Bingheng. Development of Additive Manufacturing Technology and Industry in China // Strategic Study of CAE. 2022. Vol. 24. No. 4. P. 202 - 211. DOI: 10.15302/J-SSCAE-2022.04.018.
- [4] Radwan N., Bhat C., Prajapati M.J. et al. Role of Additive Manufacturing in Sustainability and Circular Economy of Growing Emerging Economies: A Case Study of India, Indonesia, and Saudi Arabia. January 2024. DOI: 10.2139/ssrn.4768380.
- [5] Приказ Минздрава России и РАМН от 13 декабря 2001 г. N 448/106
- [6] Приказ Минздрава России и РАН от 4 июня 2015 г. N 306н/3 в ред. от 27 октября 2020 г.
- [7] Приказ Минздрава России N 150н, РАН N 1 от 25.03.2025 «Об утверждении перечня объектов трансплантации»
- [8] Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2021 N 1913-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Стратегии развития аддитивных технологий в Российской Федерации на период до 2030 года»
- [9] National Strategy for additive Manufacturing. Ministry of Electronics and Information Technology. New Delhi. December 2020. URL: <https://sesei.eu/wp-content/uploads/2020/12/National-Strategy-for-Additive-Manufacturing.pdf>.
- [10] Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 03.07.2021, «Собрание законодательства РФ», 05.07.2021, N 27 (часть II), ст. 5351
- [11] Указ Президента РФ от 13.05.2017 N 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 15.05.2017, «Собрание законодательства РФ», 15.05.2017, N 20, ст. 2902
- [12] Пп. 14 п. 76 Указа Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. N 27 (часть II). Ст. 5351.
- [13] П. 66 и пп. 12 п. 67 Указа Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. N 27 (часть II). Ст. 5351.
- [14] Пп. 5, пункт 18 Указа Президента РФ от 13.05.2017 N 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 15.05.2017, «Собрание законодательства РФ», 15.05.2017, N 20, ст. 2902
- [15] Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 N 377 (ред. от 15.05.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»
- [16] Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 N 3684-р (ред. от 22.07.2024) «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021 - 2030 годы)».
- [17] Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О науке и государственной научно-технической политике» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)
- [18] Федеральный закон от 31.12.2014 N 488-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О промышленной политике в Российской Федерации»
- [19] Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации»
- [20] Постановление Правительства РФ от 28.10.2020 N 1750 «Об утверждении перечня тех-

нологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций»

[21] Пп. 2, п 2, ст. 1 (в ред. Федерального закона от 28.12.2024 N 523-ФЗ) Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации»

[22] Постановление Правительства РФ от 18.07.2023 N 1164 (ред. от 01.02.2025) «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан»

[23] Постановление Правительства РФ от 09.12.2022 N 2276 (ред. от 11.12.2024) «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности с применением технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозов граждан в отношении реализации инициативы социально-экономического развития Российской Федерации «Персональные медицинские помощники»

[24] Ст. 38 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»

[25] Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026)

[26] Закон РФ от 22.12.1992 N 4180-1 (ред. от 01.05.2022) «О трансплантации органов и (или) тканей человека»

References:

[1] Romanovsky G.B., Romanovskaya O.V. Law and 3D bioprinting: problems, risks, prospects// Journal of Russian Law. 2024. N 12. S. 108-121.

[2] Nikolaeva T. Transplantation and sampling of human organs and (or) tissues: legal aspect, registration and accounting ("Budgetary healthcare institutions: accounting and taxation," 2007, N 8) SPS ConsultantPlus

[3] Wang Lei, Lu Bingheng. Development of Additive Manufacturing Technology and Industry in China // Strategic Study of CAE. 2022. Vol. 24. No. 4. P. 202 - 211. DOI: 10.15302/J-SSCAE-2022.04.018.

[4] Radwan N., Bhat C., Prajapati M.J. et al. Role of Additive Manufacturing in Sustainability and

Circular Economy of Growing Emerging Economies: A Case Study of India, Indonesia, and Saudi Arabia. January 2024. DOI: 10.2139/ssrn.4768380.

[5] Order of the Ministry of Health of Russia and RAMS of December 13, 2001 N 448/106

[6] Order of the Ministry of Health of Russia and the Russian Academy of Sciences of June 4, 2015 N 306n/3 as amended on October 27, 2020

[7] Order of the Ministry of Health of Russia No. 150n, RAS No. 1 dated 25.03.2025 "On Approval of the List of Transplantation Objects"

[8] Order of the Government of the Russian Federation of 14.07.2021 N 1913-r (ed. 21.10.2024) "On approval of the Strategy for the development of additive technologies in the Russian Federation for the period up to 2030"

[9] National Strategy for additive Manufacturing. Ministry of Electronics and Information Technology. New Delhi. December 2020. URL: <https://sesei.eu/wp-content/uploads/2020/12/National-Strategy-for-Additive-Manufacturing.pdf>.

[10] Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 N 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 03.07.2021, "Collection of Legislation of the Russian Federation," 05.07.2021, N 27 (part II), Art. 5351

[11] Decree of the President of the Russian Federation of 13.05.2017 No. 208 "On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2030" Official Internet Portal of Legal Information, <http://www.pravo.gov.ru> 15.05.2017, "Collection of Legislation of the Russian Federation," 15.05.2017, No. 20, Art. 2902

[12] Sub-item 14 p. 76 of the Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 N 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" //SZ RF. 2021. N 27 (part II). Art. 5351.

[13] p. 66 and p. 12 p. 67 of the Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 N 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" //NW RF. 2021. N 27 (part II). Art. 5351.

[14] Sub-item 5, clause 18 of Decree of the President of the Russian Federation of 13.05.2017 No. 208 "On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2030" Official Internet Portal of Legal Information, <http://www.pravo.gov.ru> 15.05.2017, "Collection of Legislation of the Russian Federation," 15.05.2017, No. 20, Art. 2902

[15] Decree of the Government of the Russian Federation of 29.03.2019 No. 377 (as amended by 15.05.2025) "On Approval of the State Program of the Russian Federation "Scientific and Technological Development of the Russian Federation"

[16] Order of the Government of the Russian Federation No. 3684-r dated 31.12.2020 (as amended

on 22.07.2024) “ On Approval of the Program of Fundamental Scientific Research in the Russian Federation for the Long Term (2021 - 2030). “

[17] Federal Law of 23.08.1996 N 127-FZ (ed. 24.06.2025) “ On Science and State Scientific and Technical Policy” (amended and supplemented, entry effective from 01.09.2025)

[18] Federal Law No. 31.12.2014 dated 488-FZ (rev. dated 28.12.2025) “ On Industrial Policy in the Russian Federation”

[19] Federal Law of 31.07.2020 N 258-FZ (as amended by 31.07.2025) “ On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation”

[20] Decree of the Government of the Russian Federation of 28.10.2020 No. 1750 “On approval of the list of technologies used in the framework of experimental legal regimes in the field of digital innovation”

[21] Sub-item 2, paragraph 2, Art. 1 (as amended by Federal Law of 28.12.2024 N 523-FZ) Federal Law of 31.07.2020 N 258-FZ (as amended by 31.07.2025) “ On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation”

[22] Decree of the Government of the Russian Federation of 18.07.2023 No. 1164 (ed. 01.02.2025) “ On the establishment of an experimental legal regime

in the field of digital innovations and the approval of the Program of an experimental legal regime in the field of digital innovations in the field of medical activities, including the use of telemedicine technologies and technologies for collecting and processing information about the state of health and diagnoses of citizens”

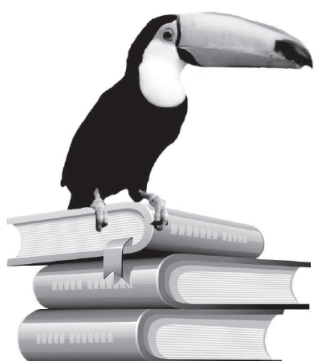
[23] Decree of the Government of the Russian Federation of 09.12.2022 No. 2276 (ed. 11.12.2024) “ On the establishment of an experimental legal regime in the field of digital innovations and the approval of the Program of an experimental legal regime in the field of digital innovations in the field of medical activity using technologies for collecting and processing information on the state of health and diagnoses of citizens in relation to the implementation of the initiative socio-economic development of the Russian Federation “Personal medical assistants”

[24] Art. 38 of Federal Law No. 323-FZ dated November 21, 2011 “On Fundamentals of Public Health Protection in the Russian Federation”

[25] Federal Law of 21.11.2011 N 323-FZ (ed. 23.07.2025) “ On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation” (amended and supplemented, entry effective from 01.01.2026)

[26] Law of the Russian Federation No. 4180-1 dated 22.12.1992 (as amended 01.05.2022) “ On transplantation of human organs and (or) tissues”

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
 учебных и методических
 пособий, монографий,
 научных статей.

Профессионально.

В максимально
 короткие сроки.

Размещаем
 в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-306-315

БЕССОНОВ Максим Эдуардович,
преподаватель кафедры
пожаротушения и аварийно-спасательных работ
Уральский институт ГПС МЧС России,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

МУРАЕВ Николай Павлович,
канд. пед. наук, доцент,
профессор кафедры безопасности в ЧС,
Уральский институт ГПС МЧС России,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

КАРАПУЗИКОВ Александр Анатольевич,
канд. пед. наук, доцент,
начальник кафедры безопасности в ЧС,
Уральский институт ГПС МЧС России,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

МОБИЛЬНОЕ ДВУХХОДОВОЕ РАЗВЕТВЛЕНИЕ МДР 50 КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ТАКТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЗВЕНА ГДЗС ПРИ ПОДАЧЕ ДВУХ СТВОЛОВ ПО ОДНОЙ РАБОЧЕЙ ЛИНИИ

Аннотация. В статье рассмотрена проблема ограниченной тактической эффективности звена газодымозащитной службы (ГДЗС) при подаче огнетушащих веществ (ОВ) в задымленной среде, обусловленная традиционной схемой подачи одного ствола по одной рабочей линии. Предложено техническое решение — мобильное двухходовое разветвление МДР 50, обеспечивающее подачу двух стволов одним звеном ГДЗС через одну рабочую линию с подключением двух коротких рукавов. Приведены назначение, конструктивные особенности, тактика применения, технико-эксплуатационные параметры, а также результаты гидравлических расчетов, демонстрирующие влияние внедрения МДР 50 на требуемый напор на насосе. Показано, что применение МДР 50 позволяет увеличить количество подаваемых струй на одном направлении без пропорционального увеличения численности личного состава, сохранить целостность звена и повысить маневренность в ограниченных пространствах.

Ключевые слова: боевое развертывание, рабочая рукавная линия, мобильное разветвление, подача двух стволов, безопасность.

BESSONOV Maxim Eduardovich,
Lecturer at the Department of Fire Fighting and Rescue Operations,
Ural Institute of the State Emergency Service of the Ministry
of Emergency Situations of Russia, Ekaterinburg, Russia

MURAEV Nikolay Pavlovich,
Candidate of Pedagogical Sciences, Docent,
Professor of the Department of Safety in Emergency Situations,
Ural Institute of the State Emergency Service of the Ministry
of Emergency Situations of Russia, Ekaterinburg, Russia

KARAPUZIKOV Alexander Anatolievich,
Candidate of Pedagogical Sciences, Docent,
Head of the Department of Safety in Emergency Situations,
Ural Institute of State Emergency Situations Ministry
of Emergency Situations of Russia, Ekaterinburg, Russia

MDR 50 MOBILE TWO-WAY BRANCHING AS A MEANS OF INCREASING THE TACTICAL CAPABILITIES OF THE GDZS LINK WHEN FEEDING TWO BARRELS ALONG ONE WORKING LINE

Annotation. The article considers the problem of limited tactical effectiveness of the gas and smoke protection service (GSPS) when supplying fire extinguishing agents (s) in a smoky environment, due to the traditional scheme of supplying one barrel along one working line. A technical solution is proposed — a mobile two-way fork MDR 50, which provides the supply of two trunks by one link of the GSPS through one working line with the connection of two short sleeves. The purpose, design features, application tactics, technical and operational parameters, as well as the results of hydraulic calculations demonstrating the effect of the introduction of MDR 50 on the required pressure at the pump are presented. It is shown that the use of MDR 50 makes it possible to increase the number of jets supplied in one direction without a proportional increase in the number of personnel, maintain the integrity of the link and increase maneuverability in confined spaces.

Key words: combat deployment, working sleeve line, mobile branching, two-barrel feeding, safety.

Введение

Эффективность тушения пожаров в зданиях и сооружениях в значительной степени определяется скоростью подачи огнетушащих веществ, устойчивостью гидравлического режима, а также возможностью гибко перераспределять усилия по направлениям тушения [1,2]. В условиях ограниченного количества личного состава и необходимости одновременно выполнять разведку, прокладку рукавных линий, обеспечение звена ГДЗС и подачу ствола первой помощи, тактические возможности первого отделения нередко оказываются недостаточными для одновременного воздействия на очаг и снижения температуры объеме помещения. В сложной обстановке (высокая температура, сильное зажимление задымление, интенсивное тепловое излучение) применение одной водяной струи на направлении может привести к затягиванию локализации пожара: часть расхода вынужденно тратится на защиту и охлаждение, при этом интенсивность воздействия непосредственно на очаг остается недостаточной. С другой стороны, подача двух стволов на одном направлении традиционно требует привлечения двух звеньев ГДЗС, что в реальных условиях первых минут часто недостижимо вследствие некомплекта и времени прибытия подкрепления [3,4].

Одним из практических путей повышения эффективности тушения на ранней стадии является создание технических решений, позволяющих одному звену ГДЗС обеспечивать работу двух стволов без существенного увеличения времени разворачивания и без нарушения требований

охраны труда (в частности, без разрыва звена в задымленной среде). Этому требованию соответствует предложенное мобильное двухходовое разветвление МДР 50.

Цель работы — Обосновать целесообразность применения мобильного двухходового разветвления МДР 50 для подачи двух стволов одним звеном ГДЗС, описать методику боевого применения, оценить тактические эффекты и изложить расчетные положения, связанные с изменением требуемого напора на насосе при включении МДР 50 в схему подачи.

Методы исследования:

В работе использованы: анализ практики боевых действий подразделений пожарной охраны при тушении пожаров в зданиях; функционально технический анализ предлагаемого устройства; сравнительный анализ схем подачи (одна рабочая линия — один ствол; две рабочие линии — два ствола; одна рабочая линия — два ствола через МДР 50); расчетные методы оценки потерь напора в рукавных линиях и элементах схемы подачи на основе типовых методик гидравлических расчетов пожарных рукавных линий и арматуры.

Основная часть

В условиях пожара одним из ключевых факторов, ограничивающих эффективность работы звена, является снижение видимости в непригодной для дыхания среде, что приводит к росту времени продвижения и усложняет ориентирование

[5,6]. Показатели времени работы звена ГДЗС в непригодной для дыхания среде (НДС) зависят от совокупности воздействий (тепловая, психологическая, физическая и интеллектуальная нагрузки) [7]. В типовом варианте сформированное звено ГДЗС продвигается к очагу с рабочей линией и обеспечивает подачу одного ствола. Такая схема обладает очевидными преимуществами по простоте управления и маневрирования пожарного ствола с рабочей линией, однако имеет следующие тактические ограничения: невозможность одновременного решения задач подавления очага и охлаждения газовой среды в требуемой мере одним стволом при ограниченном расходе; снижение темпа локализации, особенно при развитии пожара в помещении значительного объема либо при наличии интенсивного теплового слоя в верхней зоне; необходимость привлечения дополнительного звена для подачи второго ствола, что увеличивает потребность в личном составе (в практическом выражении — до двух звеньев плюс посты безопасности).

Попытка прокладки двумя газодымозащитниками двух рабочих линий на одно направление повышает трудозатраты и снижает мобильность.

На ограниченных проходах и лестничных маршах увеличивается вероятность перекручивания и запутывания рукавов, осложняется маневр ствольщиков, ухудшается тактильный контроль между газодымозащитниками. Кроме того, авторами экспериментально подтверждено, что прокладка двух отдельных рабочих линий одним звеном ГДЗС приводит к значительному увеличению времени продвижения, запутыванию рукавов, повышенному расходу рукавов и ограничению маневренности. Это снижает тактические возможности и увеличивает риск развития пожара.

Указанные тактические ограничения прокладки двух рабочих линий силами двух газодымозащитников делают актуальным поиск решения, позволяющего снизить трудоемкость рукавной работы без потери требуемого расхода ОТВ на направлении. Логичным подходом является вынесение точки разделения потока ближе к позиции ствольщиков, чтобы основная линия оставалась одной, а разветвление выполнялось на минимальной длине в зоне активных действий. В качестве такого технического средства рассматривается МДР 50 (рис. 1).

Рис. 1. Мобильное двухходовое разветвление (МДР-50)

МДР 50 предназначено для разделения потока ОТВ в рабочей рукавной линии на два потока с возможностью подключения двух стволов через короткие рукава (ориентировочно длиной 2 м). Концептуально устройство занимает

место между обычным разветвлением и ствольным звеном: оно устанавливается вблизи позиции ствольщиков, работает в зоне активных действий и должно быть достаточно компактным, чтобы не препятствовать продвижению (рис.2).

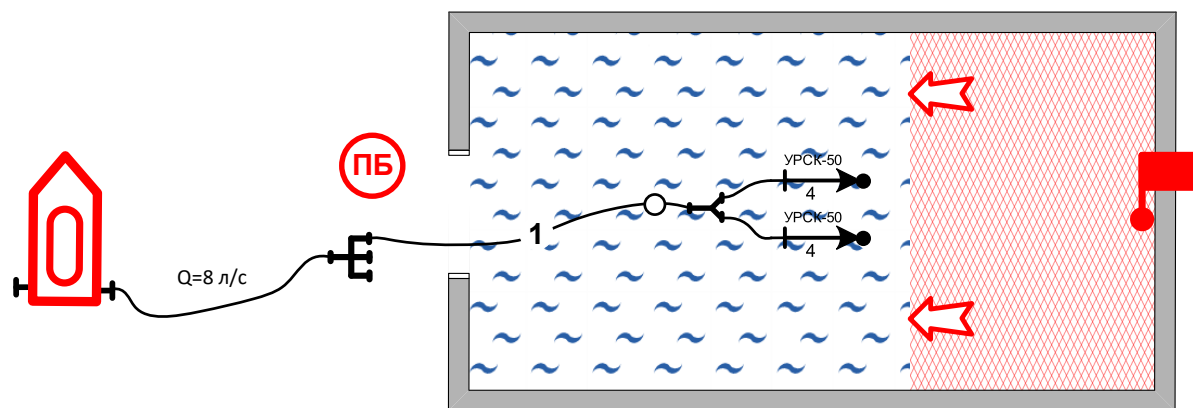

Рис. 2. Схема подачи двух стволов с использованием МДР-50

Конструктивно МДР 50 представляет собой компактный трубный узел (сварная конструкция), оснащенный тремя соединительными головками (полугайками) условного прохода 51 мм: один вход и два выхода. Для переноски и удержания предусмотрена рукоятка. В базовой версии заявлены следующие характеристики: рабочее давление: до 1,2 МПа; условный проход: вход 51 мм, выходы 2×51 мм; масса: порядка 1,65 кг; габариты: порядка 180×255×130 мм; пропускная способность (для базовой модели): до 10,2 л/с (по входной головке D51). Возможны модификации по диаметру входного патрубка (51/66/77 мм) для адаптации к особенностям насосно рукавной схемы и требуемым расходам не вынуждая звено прибегать к нестандартным переходам или усложненной прокладке линий. Это напрямую поддерживает предлагаемую методику, ориентированную на соблюдение требований безопасности работ в СИЗОД: сокращается количество операций с рукавами и стволами в зоне ограниченной видимости, уменьшается время нахождения в опасной среде и риск потери тактильного контакта или разрыва звена при маневрировании. В результате сохраняется целостность звена в задымленной среде при сохранении требуемых гидравлических параметров подачи.

Несмотря на то, что применение МДР 50 требует дополнительно перенести к месту работ само устройство, два коротких рукава D51 (около 2 м) и два ручных ствола, суммарное увеличение носимого имущества для звена из трех человек остается несущественным и не меняет принципиально организацию выдвижения по рабочей линии. Поэтому целесообразно заранее определить порядок ввода МДР 50 в работу и действия звена на позиции тушения.

Алгоритм действий:

- Отделение прокладывает рабочую линию к зоне работ по стандартной схеме, обеспечивая подачу первого ствола (ствол первой помощи) по ходу продвижения.
- По достижении позиции, позволяющей безопасно вести тушение, и при подтверждении достаточности длины рабочей линии звено временно прекращает подачу, отсоединяет ствол и устанавливает МДР 50 на конец рабочей линии.
- К двум выходам МДР 50 подключаются короткие рукава, далее — два ствола.
- Два ствольщика располагаются на одной позиции (в пределах тактильной и визуальной/голосовой связи), выполняя тушение по заранее распределенным зонам ответственности (рис. 3).

Рис.3. Подача двух стволов с использованием МДР-50

Ключевой организационный эффект состоит в том, что за счет коротких подводок ствольщики находятся рядом, в результате сохраняется связь внутри звена, а риск разрыва звена и потери ориентирования уменьшается.

Применение МДР 50 формирует ряд потенциальных преимуществ по сравнению с классическим вариантом «одно звено — один ствол»:

- Зонирование очага пожара. Наличие двух струй позволяет разделить площадь тушения: по вертикали: один ствольщик работает по очагу или нижней зоне, второй — по верхней зоне (охлаждение слоя дымовых газов и ограждающих конструкций); по горизонтали: перекрытие фронта горения или защита соседних участков при одновременном воздействии на основной очаг (рис. 4).

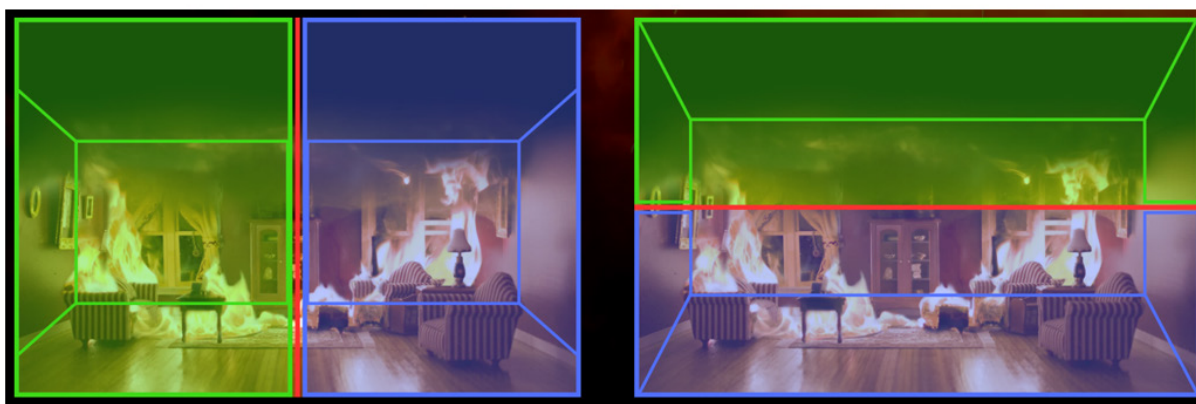

Рис. 4. Схема распределения подачи струй воды по зонам в помещении

- Различные режимы струй на одном направлении. Возможна комбинация компактной и распыленной струи с другой тактической задачей: компактная — для доставки воды на дистанцию и воздействия на активное горение; распыленная — для охлаждения среды и создания водяной завесы в верхней зоне для снижения температуры и осаждение дыма.
- Снижение тепловой нагрузки и повышение устойчивости работы. Две струи позволяют эффективнее управлять температурой в помещении и в зоне пребывания газодымозащитников, что может увеличить длительность эффективной работы звена до критических значений по тепловой нагрузке и ускорить создание условий для продвижения.
- Снижение количества рукавов и упрощение логистики

Прокладывается одна рабочая линия вместо двух, что уменьшает количество рукавов, снижает

вероятность их запутывания, облегчает протяжку по лестничным маршам и в узких коридорах, а также потенциально снижает общий расход воды за счет более адресного воздействия.

Таким образом, выполнение боевого развертывания при тушении пожара в зданиях определяется не только организационно-тактической последовательностью действий личного состава, но и обеспеченностью требуемых параметров подачи огнетушащего вещества [8]. В практических условиях достижение нормативного времени развертывания должно сопровождаться гарантированным обеспечением расхода и напора на ручных стволах, поскольку именно гидравлические характеристики рукавной линии лимитируют эффективность тушения [9].

Расчетная постановка соответствует типовым гидравлическим расчетам рукавных линий: требуемый напор на насосе определяется как сумма требуемого напора на стволе и суммарных потерь напора по пути движения воды (формула 1).

$$H_{\text{тр}} = n_{\text{м/л}} \cdot S_{\text{р}} \cdot Q^2 + H_{\text{ств}} + H_{\text{разв}} + n_{\text{р}} \cdot S_{\text{р}} \cdot q^2 + H_{\text{мдр}} \quad (1)$$

где:

- $n_{\text{м/л}}$ – количество рукавов в магистральной линии;
- $S_{\text{р}}$ – сопротивление одного рукава;
- Q – расход в магистральной линии, л/с;
- $H_{\text{ств}}$ – требуемый напор на стволе, м;
- $H_{\text{разв}}$ – потери напора на трехходовом разветвлении, м;
- $n_{\text{р}} \cdot S_{\text{р}} \cdot q^2$ – потери напора в рабочей линии, м;
- $H_{\text{мдр}}$ – потери напора на мобильном двухходовом разветвлении, м [10].

Получены значения гидравлических расчетов представлены в *табл. 1*.

Таблица 1. Значения требуемого набора на насосе и количества рукавов в магистральной линии

Количество рукавов в м/п, рук.	Общий расход 2х стволов, л/с.	Длина магистральной линии, м.	Потерим напора в рабочей линии из двух рукавов d=51 мм., м.	Потери напора на трехходовом разветвлении, м.	Потери напора на МДР, м	Требуемый напор на насосе, м.
1	8	20	16,64	5	5	67,6
2	8	40	16,64	5	5	68,56
3	8	60	16,64	5	5	69,52
4	8	80	16,64	5	5	70,48
5	8	100	16,64	5	5	71,44
6	8	120	16,64	5	5	72,4
7	8	140	16,64	5	5	73,36
8	8	160	16,64	5	5	74,32
9	8	180	16,64	5	5	75,28
10	8	200	16,64	5	5	76,24
11	8	220	16,64	5	5	77,2
12	8	240	16,64	5	5	78,16
13	8	260	16,64	5	5	79,12
14	8	280	16,64	5	5	80,08
15	8	300	16,64	5	5	81,04
16	8	320	16,64	5	5	82
17	8	340	16,64	5	5	82,96
18	8	360	16,64	5	5	83,92
19	8	380	16,64	5	5	84,88
20	8	400	16,64	5	5	85,84
21	8	420	16,64	5	5	86,8
22	8	440	16,64	5	5	87,76
23	8	460	16,64	5	5	88,72
24	8	480	16,64	5	5	89,68
25	8	500	16,64	5	5	90,64

Результаты зависимости напора на пожарном насосе от количества рукавов в магистральной линии представлены на рисунке 5.

Рис. 5. Зависимость напора на пожарном насосе от количества рукавов в магистральной линии

Гидравлические расчеты: показывают, что при прокладке магистральной линии из двух рукавов диаметром 77 мм с установкой трехходового разветвления, и подачей двух стволов УПСК-50 с расходом 4 л/с по двум рабочим рукавам, требуе-

мый напор на насосе составляет 56 метров водного столба. При подключении к этой схеме второго ствола с таким же расходом через МДР, требуемый напор на насосе увеличивается до 68 метров водного столба (рис.6).

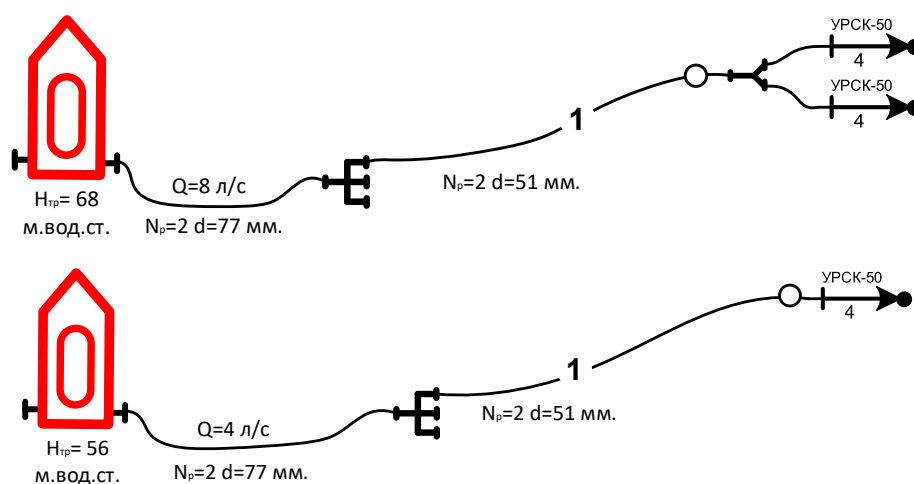

Рис. 6. Схема требуемого напора на насосе

Применение МДР 50 наиболее целесообразно, когда выполняются следующие условия:

- имеется необходимость двух струй на одном направлении при дефиците личного состава;
- условия продвижения (лестницы, коридоры, дверные проемы) делают вторую рабочую линию чрезмерно трудозатратной;
- возможна насосная подача с напорным резервом для компенсации дополнительных потерь;
- личный состав обучен распределению задач между ствольщиками и работе в тесной связке.

Ограничениями выступают:

- недостаточный напорный ресурс насосного оборудования (или значительные потери в линии при большой протяженности);
- гидравлическая неустойчивость системы при неправильном выборе стволов (насадков), когда один ствольщик «перетягивает» расход;
- необходимость стандартизации применения (чек листов включения, команд, типовых схем), чтобы избежать ошибок на раннем этапе тушения.

Заключение

Предложенное мобильное двухходовое разветвление МДР 50 является техническим решением, направленным на расширение тактических возможностей одного звена ГДЗС за счет организации подачи двух стволов через одну рабочую линию. Применение МДР 50 позволяет сократить потребность в личном составе для выполнения задачи «две струи на одном направлении», повысить маневренность и безопасность работы в задымленной среде, а также обеспечить тактическое зонирование тушения по вертикали и горизонтали. Расчетные положения показывают, что подключение второго ствола приводит к увеличению требуемого напора на насосе, однако данный рост прогнозируем и должен учитываться при выборе схемы подачи и режима работы насосного оборудования.

Перспективность дальнейшего внедрения МДР 50 связана с проведением комплексных испытаний, формированием типовых методик применения и обучением личного состава, а также с разработкой модификаций для различных диаметров рукавных линий и уровней требуемого расхода.

Список литературы:

[1] Алигаджиев Ш.Л. Особенности управления и техническое оснащение подразделений при тушении пожаров в зданиях повышенной этажности / Алигаджиев, Ш.Л., Глебов А.Д., Машаев Т.К.,

Чернышов А.С., Багажков И.В. Сборник материалов XIII Всероссийской научно-практической конференции Надежность и долговечность машин и механизмов Иваново: Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2022. С. 15-21. EDN: QHSKNZ

[2] Галкина О.В. Критерии анализа управления силами и средствами пожарно-спасательного гарнизона по защите города и его объектов / Галкина О.В., Багажков И.В. Сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию образования гражданской обороны. - Иваново: Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2022. С. 73-76. EDN: RVOSSC

[3] Брушлинский, Н. Н. О нормировании времени прибытия пожарных подразделений к месту пожара / Н. Н. Брушлинский, С. В. Соколов // Пожаровзрывобезопасность. – 2011. – Т. 20, № 9. – С. 42-48. – EDN OFXCVT.

[4] Кочегаров, А. В. Оптимизация прибытия пожарных подразделений в городском округе / А. В. Кочегаров, А. Б. Плаксицкий, О. А. Логачев // Альтернативные источники энергии в транспортно-технологическом комплексе: проблемы и перспективы рационального использования. – 2015. – Т. 2, № 2(3). – С. 771-775. – DOI 10.12737/19561. – EDN XRKEVJ.

[5] Кашин, А. Н. О продвижении пожарных в непригодной для дыхания среде в условиях изменения видимости / А. Н. Кашин, А. Д. Ищенко // Технологии техносферной безопасности. – 2024. – № 1(103). – С. 128-139. – DOI 10.25257/TTS.2024.1.103.128-139. – EDN IZLGWB.

[6] Естехин, В. Г. Методика подготовки газодымозащитников для работы в условиях нулевой видимости / В. Г. Естехин, Ю. Е. Галактионов // Актуальные вопросы совершенствования инженерных систем обеспечения пожарной безопасности объектов : сборник материалов X Всероссийской научно-практической конференции, Иваново, 20 апреля 2023 года. – Иваново: Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2023. – С. 213-218. – EDN VJCTGX.

[7] Алексеев М. А., Степанов О. И., Худякова С. А., Юдичев А. А. К вопросу о допустимом времени проведения аварийно спасательных работ в средствах индивидуальной защиты органов дыхания // Техносферная безопасность. 2022. № 2 (35). С. 91–104.

[8] К вопросу об эффективности применения в тушении пожаров компрессионной пены технологии NATISK / А. А. Карапузиков, М. Р. Шавалеев, А. А. Палло [и др.] // Техносферная безопасность. – 2019. – № 3(24). – С. 30-35. – EDN HRUFMZ.

[9] Эффективность тушения горючих жидкостей с использованием распыленных струй / С. А.

Бараковских, Е. А. Карама, А. А. Карапузиков [и др.] // Техносферная безопасность. – 2018. – № 4(21). – С. 133-138. – EDN VUNPRC.

[10] Иванников В.П., Ключ П.П. Справочник руководителя тушения пожара. М.: Стройиздат, 1987. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001370729/.

References:

[1] Aligadzhiev Sh. L. Peculiarities of management and technical equipment of units when extinguishing fires in buildings of increased number of storeys/Aligadzhiev, Sh. L., Glebov A.D., Mashaev TK, Chernyshov A.S., Baghkov I.V. Collection of materials XIII All-Russian Scientific and Practical Conference Reliability and Durability of Machines and Mechanisms Ivanovo: Ivanovskaya Fire and Rescue Academy of the State Fire Service EMERCOM of Russia, 2022. S. 15-21. EDN: QHSKNZ

[2] Galkina O.V. Criteria for analyzing the management of the forces and means of the fire and rescue garrison for the protection of the city and its facilities/Galkina O.V., Bagagkov I.V. Collection of materials of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 90th anniversary of the formation of civil defense. - Ivanovo: Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service EMERCOM of Russia, 2022. S. 73-76. EDN: RVOSSC

[3] Brushlinsky, N. N. On rationing the time of arrival of fire brigades to the place of fire/N. N. Brushlinsky, S. V. Sokolov//Fire and explosion safety. – 2011. - T. 20, NO. 9. - S. 42-48. – EDN OFXCVT.

[4] Kochegarov, A. V. Optimization of the arrival of fire departments in the urban district/A. V. Kochegarov, A. B. Plaksitsky, O. A. Logachev//Alternative energy sources in the transport and technological

complex: problems and prospects for rational use. – 2015. - T. 2, NO. 2 (3). - S. 771-775. – DOI 10.12737/19561. – EDN XRKEVJ.

[5] Kashin, A. N. On the advancement of fire-fighters in an environment unsuitable for breathing in conditions of changing visibility/A. N. Kashin, A. D. Ishchenko//Technosphere safety technologies. – 2024. – № 1(103). - S. 128-139. – DOI 10.25257/TTS.2024.1.103.128-139. – EDN IZLGWB.

[6] Estekhin, V. G. Methodology for training gas and smoke defenders to work in zero visibility conditions/V. G. Estekhin, Yu. E. Galaktionov//Topical issues of improving engineering systems for ensuring fire safety of facilities: collection of materials x All-Russian Scientific and Practical Conference, Ivanovo, April 20, 2023. - Ivanovo: Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia, 2023. - S. 213-218. – EDN VJCTGX.

[7] Alekseev M.A., Stepanov O.I., Khudyakova S.A., Yudichev A.A. On the permissible time for emergency rescue operations in personal respiratory protective equipment//Technosphere safety. 2022. № 2 (35). S. 91-104.

[8] To the question of the effectiveness of the use of compression foam technology NATISK in extinguishing fires/A. A. Karapuzikov, M. R. Shavaleev, A. A. Pallo [et al.]//Technosphere safety. – 2019. – № 3(24). - S. 30-35. – EDN HRUFMZ.

[9] Effectiveness of extinguishing combustible liquids using atomized jets/S. A. Barakovsky, E. A. Karama, A. A. Karapuzikov [et al.]//Technosphere safety. – 2018. – № 4(21). - S. 133-138. – EDN VUNPRC.

[10] V.P. Ivannikov, P.P. Klyus. Directory of the fire extinguishing manager. M.: Stroyizdat, 1987. [Electronic resource]. Access mode: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001370729/.

ЮРКОПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-316-320

АФАНАСЬЕВА Светлана Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры культуры мира и демократии
(Кафедра ЮНЕСКО) Российского государственного
гуманитарного университета,
e-mail: rivz20071@rambler.ru

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ТУРИЗМЕ

Аннотация. В представленной статье рассматриваются отдельные аспекты правового регулирования использования и защиты персональных данных, обрабатываемых с использованием технологий искусственного интеллекта в сфере туризма. Автор обращается к истории становления и развития законодательства, регулирующего вопросы правовой охраны персональных данных, уделяя отдельное внимание формированию нормативной законодательной базы в сфере использования и защиты персональных данных в Российской Федерации, характеристике федерального закона «О персональных данных» и действию его норм в отношении субъектов туристской индустрии. Кроме того, автор на практических примерах демонстрирует правила работы субъектов туристской индустрии с конфиденциальной информацией, выявляет проблемы в этой сфере, делает вывод о целесообразности, трудоемкости такой работы и необходимости в целях обеспечения безопасности хранения и передачи персональных данных в исследуемой сфере дальнейшего совершенствования законодательства.

Ключевые слова: искусственный интеллект, туристская индустрия, персональные данные, обеспечение безопасности, клиенты, туроператоры, турагенты, правовая охрана.

AFANASYEVA Svetlana Anatolyevna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Culture of Peace and Democracy
(UNESCO Chair) at the Russian State University for the Humanities

LEGAL REGULATION OF PERSONAL DATA PROTECTION IN TOURISM

Annotation. This article examines certain aspects of legal regulation of the use and protection of personal data processed using artificial intelligence technologies in tourism. The author examines the history and development of legislation governing the legal protection of personal data, paying particular attention to the formation of the regulatory framework for the use and protection of personal data in the Russian Federation, the characteristics of the Federal Law "On Personal Data," and the application of its provisions to entities in the tourism industry. Furthermore, the author uses practical examples to demonstrate how tourism industry entities handle confidential information, identifies challenges in this area, and draws conclusions about the feasibility and complexity of such work, as well as the need for further legislative improvements to ensure the secure storage and transmission of personal data in this area.

Key words: artificial intelligence, tourism industry, personal data, security, clients, tour operators, travel agents, legal protection.

В настоящее время развитие влияния технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) на современные процессы общественной жизни и бизнеса, включая сферу туризма, является очевидным. Несмотря

на очевидные достоинства, использование ИИ в сфере туризма сталкивается с рядом проблем, одной из которых является обеспечение безопасности и конфиденциальности данных. Туристы предоставляют огромные объемы персональной

информации, и важно, чтобы она была защищена от несанкционированного доступа и использования. Разработчики и компании должны внедрять строгие меры безопасности, чтобы обеспечить защиту этих данных и доверие пользователей, что определяет особую важность всестороннего и полноценного правового регулирования использования персональных данных, обрабатываемых с использованием технологий ИИ.

Вопросы правовой охраны персональных данных решались и решаются уже много лет во всем мире [4, с. 52-59]. С начала 60-х годов прогресс в области электронной обработки данных и появление первых ЭВМ позволило государственным органам и крупным предприятиям создавать обширные банки данных для повышения эффективности и увеличения сбора, обработки взаимосвязанных личных данных. Хотя такое развитие событий привнесло значительные преимущества с точки зрения эффективности и производительности, в свою очередь, это породило и явную тенденцию к массовому электронному хранению данных, касающихся частной жизни людей [6]. Принципы защиты персональных данных в автоматизированных банках данных в частном и государственном секторе впервые были установлены в начале 70-х годов. Цель состояла в том, чтобы привести в движение развитие национального законодательства на основе этих резолюций. Однако в ходе подготовки этих документов стало очевидно, что комплексная защита персональных данных будет эффективной только через дальнейшее укрепление таких национальных правил посредством обязательных международных норм. Это же предложение было сделано на Конференции европейских министров юстиции в 1972 году.

Только в 1981 году, после четырех лет переговоров, была заключена Конвенция «О защите физических лиц при автоматизированной обработке данных личного характера», известная как Конвенция 108. Договаривающиеся Стороны Конвенции должны предпринимать необходимые меры во внутреннем законодательстве для реализации принципов, изложенных в Конвенции 108, в отношении персональных данных каждого гражданина на их территории. Эта Конвенция была первым юридически обязательным международным документом мирового значения о защите данных.

В Российской Федерации данная Конвенция была подписана лишь в начале двухтысячных годов, после чего началось формирование нормативной законодательной базы в сфере использования и защиты персональных данных, принципы Конвенции были взяты за основу при формировании российского законодательства о персональ-

ных данных. В 2006 году был принят базовый закон – Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных», который четко регламентировал все вопросы, касающиеся получения, использования, передачи и других действий с персональными данными, а также вопросы их защиты, закон впервые закрепил базовые термины и понятия, которые используются и в настоящее время при охране персональных данных, обрабатываемых с использованием технологий ИИ.

В 2023 году Федеральная служба по финансовому мониторингу издала Приказ «Об организации работы с персональными данными в Федеральной службе по финансовому мониторингу и ее территориальных органах» от 18 апреля 2023 г. № 84, согласно которому было установлено, что согласия для обработки персональных данных для целей использования и обучения ИИ, полученных в результате обезличивания персональных данных для ИИ, не требуется. На данный момент продолжают вестись активные обсуждения и споры в части требований к обезличиванию персональных данных для целей обработки ИИ.

Основу правового регулирования использования персональных данных, обрабатываемых с использованием технологий ИИ в туризме заложило Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р «О Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г.». Все субъекты туристской индустрии, включая турфирмы и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих обработку и распространение персональных данных своих клиентов-туристов, попадают под действие Федерального закона «О персональных данных». Организации или индивидуальные предприниматели, которые обрабатывают персональные данные, выступают в качестве операторов персональных данных. Они могут делать это сами или передавать полномочия третьей стороне по отдельному договору.

На практике [1, с. 26-72] обработка персональных данных может выглядеть так: турагент или туроператор собирает информацию, загружает её в специальную таблицу, а потом использует систематизированные материалы для рассылки персональных предложений. При этом, эти субъекты должны регистрироваться как операторы персональных данных в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор). Также турагенты и туроператоры должны направлять в то же ведомство и другие уведомления, например, информацию о передаче данных туристов в зарубежную страну для последующего оформления поездки туда; сведения о неправомерной передаче информации.

Большинство туроператоров и турагентов зачастую полагают, что для соблюдения закона о персональных данных достаточно получить согласие на обработку персональных данных от туриста, что является заблуждением, которое грозит не только получением многомиллионных штрафов на имя турфирмы, но и на ее должностных лиц, ответственных за обработку персональных данных. Персональными данными туриста выступает любая информация, которая прямо или косвенно относится к нему, а также необходима для реализации туристического продукта. Чаще всего к таким данным относятся: ФИО, данные имеющихся паспортов, пол, дата рождения, фотография, информация о трудовой деятельности и другие персональные данные. Уведомлять Роскомнадзор при обработке персональных данных необходимо о всех значимых фактах при обработке персональных данных туристов-клиентов. Турагентства, которые отправляют личную информацию своих клиентов-граждан РФ на территорию стороннего государства, осуществляют трансграничную передачу персональных данных – ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ.

Трансграничная передача персональных данных осуществляется в соответствии с Федеральным законом «О персональных данных» и международными договорами Российской Федерации. С 01.03.2023 вступил в законную силу приказ Роскомнадзора от 05.08.2022 № 128 «Об утверждении перечня иностранных государств, обеспечивающих адекватную защиту прав субъектов персональных данных которым установлен перечень зарубежных стран, обеспечивающих адекватную защиту прав субъекта персональных данных». Часть стран из этого перечня является стороной Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных («Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» (Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) (вместе с Поправками к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (СДСЕ № 108), позволяющими присоединение европейских сообществ, принятыми Комитетом Министров в Страсбурге 15.06.1999), а другая часть, хоть и не является стороной Конвенции, но имеет в наличии уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных, да и в целом налаженную нормативную правовую сферу защиты персональных данных.

В качестве примера приведем процедуру бронирования номера в египетском и турецком отелях для российских граждан. Чаще всего для регистрации постояльца требуется предоста-

вить сведения в отношении его паспортных данных, пола, гражданства, номера телефона и т.д. Указанная информация может быть передана иностранному государству только после определения его «адекватности» по порядку защиты прав субъекта персональных данных. Отсутствие Египта или любой другой страны в списке Роскомнадзора не подразумевает запрет на передачу им персональных данных, но накладывает обязанность на субъектов турбизнеса по совершению следующих действий: необходимо провести оценку соблюдения иностранным партнером мер по адекватной защите прав субъектов персональных данных. От отеля или гостиницы потребуются запросить сведения о мерах по защите персональных данных и об условиях прекращения их обработки; о правовом регулировании в области персональных иностранных государства; о самом лице, которому планируется трансграничная передача персональных данных (наименование либо ФИО, номера телефона, почтовый или электронный адрес). Сделать такую оценку придется, поскольку Роскомнадзор может запросить ее или иные подтверждающие документы, если у него возникнут сомнения относительно достоверности сведений, указанных в уведомлении о намерении провести трансграничную передачу данных. Оценка или иные подтверждающие документы предоставляется в течение 10 рабочих дней с даты получения запроса Роскомнадзора предоставить запрашиваемые сведения. А если требуется больше времени, то можно увеличить срок не более чем на 5 рабочих дней путем направления мотивированного уведомления с указанием уважительной причины такого продления. Далее необходимо подготовить и направить уведомление в Роскомнадзор о намерении провести трансграничную передачу данных и дожидаться ответа от Роскомнадзора. Если в течение 10 рабочих дней не поступит запрет или ограничение на передачу персональных данных туриста, то все в порядке – передача разрешена с соблюдением правил защиты информации. В случае направления Роскомнадзором запроса рассмотрение уведомления приостанавливается до даты предоставления оператором запрошенной информации. До истечения срока проверки уведомления трансграничная передача персональных данных за границу запрещена. В случае если оператор, не дожидаясь ответа от ведомства, все-таки направил персональные данные туриста для бронирования номера, а потом и вовсе получил запрет или ограничение на передачу, то он будет обязан обеспечить уничтожение иностранным контрагентом полученных данных, иначе больших штрафов не избежать. Бронирование номера в

турецком отеле или в стране с «адекватной» защитой прав субъекта персональных данных чуть проще – существенной разницей при работе с контрагентами, т.е. отелями из «адекватных стран», является возможность осуществление трансграничной передачи сразу после отправки уведомления в Роскомнадзор без ожидания ответа, т.е. срока в 10 рабочих дней. В остальном алгоритм действий аналогичный вышеуказанному.

При этом ограничений по количеству и частоте подачи уведомлений о трансграничной передаче в Роскомнадзор не предусмотрено. По выбору оператора может быть отправлено как одно уведомление сразу на все цели трансграничной передачи и на все страны, так и заполняться форма на каждую отдельную цель и страну. В случае каких-либо изменений в трансграничной передаче уведомление подается повторно с новыми вводными.

Количество локальных документов, обязательных для обработки персональных данных (клиентов, работников, соискателей), зависит в большей степени от объема целей, определенных в уведомлении о начале или осуществлении любой обработки персональных данных, в том числе при уведомлении о намерении провести трансграничную передачу данных. В обязательном порядке подготавливается согласие на обработку персональных данных (получить письменное согласие необходимо от соискателей, работников, клиентов и т.д., причем на каждый субъект составляется отдельное согласие, поскольку в нем всегда указывается конкретная цель в единственном числе (например, для оформления трудовых отношений и т.д.). Если обработка персональных данных осуществляется в целях исполнения договора, одной из сторон которого является субъект персональных данных, то согласие не потребуется.

Для продвижения своих услуг и повышения доверия новых клиентов турагентство часто на своем сайте публикует отзывы клиентов, содержащие ФИО, фотографию и другую личную информацию или помогает от имени клиента отправить заявку на бронирование билетов, номера и т.п. В таких случаях речь идет о раскрытии персональных данных, на что требуется получить отдельное согласие субъекта на распространение персональных. В случае если турист отказывается дать согласие на обработку, оператор обязан будет проинформировать его в письменной форме о последствиях такого отказа.

Важным документом, определяющим правила работы со всей конфиденциальной информацией, не только с персональными данными турфирмы, является политика в отношении обра-

ботки персональных данных. Политика не только обязательна к размещению на сайте, она должна размещаться на каждой электронной странице/вкладке сайта турагентства. Кроме того, при составлении проекта указанного документа следует полностью соблюдать требования законодательства в части субъектов персональных данных, без содержания условий, ущемляющих права работников турагентства и клиентов-туристов.

В обязательном порядке подготавливается также документ, которым устанавливается порядок обработки персональных данных, а также происходит закрепление сотрудника, осуществляющего внутренний контроль за соблюдением законодательства РФ о персональных данных, приказ о назначении ответственного за работу с персональными данными. Документ является внутренним, поэтому публикации или представлению в общем доступе не подлежит, но его наличие может проверить Роскомнадзор.

Существуют и другие административно-распорядительные документы, определяющие права сотрудников по работе с персональными данными (например, приказ об утверждении места хранения информации с личными данными; список или журнал лиц, обрабатывающих эти данные; иные положения, регламенты, инструкции и т.д.).

На сегодняшний день практически все субъекты туристской индустрии, осуществляют обработку персональных данных с использованием компьютерной техники, в связи с чем, операторы, использующие средства автоматизации, должны заботиться также и о технических мерах защиты, прежде всего в компании должны быть приняты: модель угроз безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах; матрица доступа к техническим, программным средствам информационной системы персональных данных и т.п. Туристические фирмы работают с огромным массивом конфиденциальной информации, поступающей от клиентов. Обязанность не раскрывать третьим лицам и не распространять данные без согласия клиента должна фиксироваться не только в агентском договоре, но и в обязательстве о неразглашении персональных данных, которое подписывается всеми сотрудниками, у которых есть доступ к сведениям о клиентах.

Таким образом, объем документов, составляемых для обеспечения безопасности хранения и передачи персональных данных в сфере туризма, достаточно велик, и их подготовка требует квалифицированных сотрудников в этой области, большого запаса во времени, комплексного анализа действующих норм законодательства о персональных данных и его совершенствования с учетом цифровых реалий.

Список литературы:

- [1] Афанасьева С. А. Правовые и этические аспекты внедрения искусственного интеллекта в туризме / С. А. Афанасьева. – Саратов: Саратовский источник, 2026. – 112 с.
- [2] Влияние искусственного интеллекта на индустрию туризма // [Электронный ресурс]. – URL: <https://mpost.io/ru/the-impact-of-artificial-intelligence-on-the-travel-industry/> (дата обращения: 14.02.2026).
- [3] Искусственный интеллект в туризме // [Электронный ресурс]. – URL: <https://developers.sber.ru/help/gigachat-api/ai-in-tourism> (дата обращения: 14.02.2026).
- [4] Михеева И.В. Законодательство о защите персональных данных: неопределенность vs конкретности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2023. - № 3(17). – С. 52-59.
- [5] Приходько Т.П. Туризм и индустрия гостеприимства России в современных реалиях // Управление стратегическим развитием основных сфер и отраслей народного хозяйства в условиях современных вызовов. Донецк: ДОНАУИГС, 2024. 810 с.
- [6] Сергиенко С.Ю. Правовое обеспечение обработки персональных данных в сфере реализации туристского продукта: современные тенденции и цифровизация // Юридические исследования. 2025. №8. // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-obespechenie-obrabotki-personalnyh-dannyh-v-sfere-realizatsii-turistskogo-produkta-sovremennye-tendentsii-i> (дата обращения: 15.02.2026).

References:

- [1] Afanasyeva S. A. Legal and Ethical Aspects of Implementing Artificial Intelligence in Tourism / S. A. Afanasyeva. - Saratov: Saratov Source, 2026. - 112 p.
- [2] The Impact of Artificial Intelligence on the Tourism Industry // [Electronic resource]. - URL: <https://mpost.io/ru/the-impact-of-artificial-intelligence-on-the-travel-industry/> (accessed: 14.02.2026).
- [3] Artificial Intelligence in Tourism // [Electronic resource]. - URL: <https://developers.sber.ru/help/gigachat-api/ai-in-tourism> (accessed: 14.02.2026).
- [4] Mikheeva I.V. Legislation on the Protection of Personal Data: Uncertainty vs. Specificity // Theoretical and Applied Jurisprudence. – 2023. - No. 3(17). – P. 52-59.
- [5] Prikhodko T.P. Tourism and the hospitality industry of Russia in modern realities // Management of strategic development of the main spheres and branches of the national economy in the context of modern challenges. Donetsk: DONAUIGS, 2024. 810 p.
- [6] Sergienko S.Yu. Legal support for the processing of personal data in the field of tourism product sales: modern trends and digitalization // Legal research. 2025. No. 8. // [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-obespechenie-obrabotki-personalnyh-dannyh-v-sfere-realizatsii-turistskogo-produkta-sovremennye-tendentsii-i> (date of access: 15.02.2026).

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-321-326

БОНДАРЕНКО Павел Константинович,
аспирант Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail: info@law-books.ru

АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК И ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПОСТАВКАМИ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Аннотация. Автор в своей научной статье проводит анализ эволюции логистических систем на примере железнодорожного вида транспорта, осуществляет рассмотрение различных факторов, влияющих на систему управления транспортными потоками, ряд специфических характеристик, влияющих на управление цепями поставок, которыми обладает железнодорожный транспорт.

Ключевые слова: логистическая система, железнодорожный транспорт, груз, товар, транспортные потоки, пассажир, перевозка, маршрут, логистика, маркетинг, инновация, экономика, эволюция, глобализация, грузопотоки.

BONDARENKO Pavel Konstantinovich,
Postgraduate student of the Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev

ANALYSIS OF THEORETICAL PREREQUISITES AND FACTORS INFLUENCING THE FORMATION OF THE SUPPLY MANAGEMENT SYSTEM IN RAILWAY TRANSPORT

Annotation. In this research article, the author analyzes the evolution of logistics systems using rail transport as an example. He examines various factors influencing transport flow management and a number of specific characteristics affecting supply chain management for rail transport.

Key words: logistics system, rail transport, cargo, goods, traffic flows, passenger, transportation, route, logistics, marketing, innovation, economics, evolution, globalization, freight flows.

Являясь основой транспортной инфраструктуры, железнодорожный транспорт играет ключевую роль в эффективном освоении природных богатств, оптимальном распределении производственных мощностей и углублении региональной специализации страны.

Как вид мультимодальной логистической системы позволяет реализовывать на безопасном уровне транспортировку товаров, грузов и пассажиров и в то же время одновременно является важным фактором обеспечения национальной безопасности.

На дальних расстояниях железные дороги сохраняют свое лидирующее положение, что обусловлено их уникальными достоинствами: возможностью перевозить огромные объемы грузов, гарантированной регулярностью движения вне зависимости от внешних факторов, способностью

создавать прямые логистические цепочки между ключевыми промышленными и добывающими центрами, а также высокой эффективностью и низкой стоимостью при транспортировке массовых грузов на значительные дистанции.

На дальних маршрутах железнодорожный транспорт сохраняет свое доминирующее положение благодаря ряду неоспоримых преимуществ:

- 1) Масштабность и пропускная способность: Способность перевозить огромные объемы грузов.
- 2) Надежность: Стабильность и регулярность движения, не зависящие от внешних условий.
- 3) Прямые связи: Возможность организации прямого сообщения между крупными производственными и добывающими предприятиями.

- 4) Экономичность: Высокая грузоподъемность и, как следствие, относительно низкая себестоимость перевозок массовых грузов на большие расстояния.

Стратегическое развитие железнодорожных перевозок неразрывно связано с формированием систем управления цепочками поставок.

Реализация этой задачи требует комплексного подхода, включающего проектирование логистических систем и применение логистических принципов в деятельности всех участников.

Эффективная работа данного вида транспорта является фундаментом для модернизации, инновационного развития и устойчивого роста национальной экономики, а также для укрепления лидерства России на глобальном уровне.

От состояния и качества железнодорожной инфраструктуры зависят не только перспективы социально-экономического развития, но и способность государства выполнять ключевые функции: обеспечение национальной безопасности, удовлетворение потребностей граждан в перевозках и содействие сбалансированному развитию регионов.

В условиях глобализации и меняющихся мировых экономических связей Россия сталкивается с необходимостью оптимального применения своего уникального географического положения. Активное развитие транзитного потенциала страны позволит не только получить экономическую выгоду от международных перевозок, но и укрепить ее позиции на мировой уровне, помогая образованию новейших финансовых центров и долгосрочных партнерских отношений. Распределение товаров и услуг является критически важным аспектом транспортной и производственной деятельности, особенно в сфере грузо- и пассажироперевозок.

Изначально эту функцию выполняли маркетологи. Однако сегодня логистика и маркетинг неразрывно связаны: без удовлетворения потребностей потребителей и создания для них ценности, достижение прибыли становится невозможным.

В первой половине XX века системы распределения товаров и услуг были спонтанными и не имели четкой организации. Их компоненты и этапы были слабо связаны, и доставка продукции в основном ограничивалась районами, близкими к местам производства. Появление концепции логистики стало переломным моментом, позволив интегрировать эти разрозненные процессы в единую систему. Чтобы понять, насколько далеко продвинулось распределение на железнодорожном транспорте, необходимо изучить его эволюцию с исторической точки зрения.

Железнодорожные перевозки пассажиров и грузов начали свое становление в середине XIX века.

Железнодорожный транспорт прошел долгий путь развития, став ключевым звеном в перевозках на обширных территориях и завоевав доверие как пассажиров, так и бизнеса.

В современном мире, где экономика глобализируется, а устойчивое развитие становится приоритетом, система управления логистическими цепочками, включая железнодорожные перевозки, требует серьезной модернизации.

Эволюция логистических систем неизбежна. Логистический подход к управлению железными дорогами начал формироваться еще в 1918 году.

Именно тогда, по инициативе В. И. Ленина, был основан Экспериментальный институт путей сообщения. Здесь впервые начали изучать, как такие факторы, как расположение станций, их оснащение, взаимодействие между ними, наличие складов и расписание движения поездов, влияют на общую стоимость перевозок. Г. М. Кржижановский, возглавлявший ГОЭЛРО, предложил комплексный план управления народным хозяйством, подчеркнув важность планомерности всех производственных процессов.

Применительно к транспорту это означало координацию различных видов перевозок для эффективного использования их мощностей и инфраструктуры.

В 1926 году И. И. Васильев разработал методику оценки эффективности специализации поездов, учитывая их направление и грузопотоки.

Его подход позволял оптимизировать использование вагонов и сокращать транспортные расходы.

Параллельно начались работы по оптимизации маршрутов и составлению расписаний движения поездов для крупнейших узлов.

Начиная с 1936 года, разработка планов формирования поездов заложила фундамент системного подхода в логистике. Результатом стало улучшение управления вагонопотоками и сокращение времени в пути.

Одновременно началось проектирование инфраструктуры для сортировки и перегрузки.

В 1940-х годах появление экономико-математических методов от Канторовича, Немчинова и Новожилова позволило находить оптимальные транспортные решения, которые остаются востребованными.

Со временем возникла объективная необходимость усовершенствования данного вида транспортной логистики в области транспортировок.

Это включало разработку принципов для создания слаженной последовательности дей-

ствий, учитывающей интересы всех сторон и синхронизирующей графики разных видов транспорта, что в итоге вело к ускорению доставки грузов. В. В. Звонков сыграл ключевую роль в развитии теории смешанных перевозок.

В 1953 год был ознаменован разработкой и внедрением новых управленческих решений в виде планирования и управления такими перевозками, а также предложил решения для оптимального применения транспортных средств. Звонков подчеркивал важность согласованности графиков движения в смешанных перевозках, чтобы обеспечить ритмичное прибытие и отправление подвижного состава в перевалочных пунктах, тем самым повышая эффективность их работы.

Скорейшее внедрение в практику контактных графиков движения, несомненно, приблизит скорости доставки грузов к техническим скоростям движения составов, чем будет решена важнейшая государственная задача по ускорению доставки грузов, в котором непосредственное участие принимали известные ученые, такие как: К. Ю. Скалов, М. Ф. Антонов, В. А. Персианов и Н. С. Усков, чей вклад является очень весомым и значимым, способствовавший дальнейшему развитию данного вида транспорта.

На базе Всероссийского научно-исследовательского института железнодорожного транспорта была создана комплексная межотраслевая система под названием «Ритм».

Эта система основывалась на логистических принципах, предполагающих тесную интеграцию всех участников процесса перевозки и доставки грузов, с акцентом на своевременность поставок. Система «Ритм» обеспечивала слаженное взаимодействие между движением поездов и работой железнодорожных станций.

Вопросы, связанные с зависимостью объемов грузоперевозок от эффективности транспортно-экономических систем, привлекали внимание не только специалистов в области транспорта, но и экспертов в сфере материально-технического снабжения.

При этом транспортно-энергетические системы формируются не только особенностями транспортных путей, но и различными формами материально-технического снабжения, а также схемами прикрепления поставщиков к потребителям.

Идея взаимосвязи эффективности грузоперевозок с экономическими показателями находит отражение в научных трудах таких исследователей, как Г. П. Кобылковский, С. Д. Генцис, Г. Д. Кунахович, Л. П. Лебедева, А. И. Журавель, А. А. Митаишвили и других.

Несмотря на очевидную тесную связь между транспортом и снабжением при перемещении продукции от производителя к конечному потребителю.

Исходя из своих исследований, Л. И. Лебедева пришла к выводу о целесообразности создания интегрированных структур, объединяющих снабженческие, сбытовые и транспортные предприятия.

По мнению автора, такие объединения позволили бы достичь гармоничного соотношения между количеством грузов и возможностями их перевозки, а также повысить точность учета.

Этот сквозной документ должен был бы обеспечивать комплексную увязку всех грузопотоков, будь то транзитные перевозки или операции через складские комплексы.

Структурно, «транснабсбытовой баланс» включал бы приходную часть, отражающую поступление грузов на склады, и расходную часть, фиксирующую их отгрузку.

В итоге, идея создания единой системы для всех участников транспортного процесса заложила основу для формирования упорядоченного транспортного потока, бесперебойность которого напрямую зависит от тщательного планирования.

Несовершенство транспортно-логистической системы является серьезным препятствием для экономического роста российских регионов. В России стоимость транспортировки грузов на одинаковое расстояние в три раза выше, чем в европейских странах, при этом время, затрачиваемое на перевозку, также значительно больше.

Ключевые трудности в возникающих в организации логистики в России связаны можно обозначить следующие:

Недостаточным развитием партнерских отношений в цепочках поставок.

Неразвитой логистической инфраструктурой.

Касательно особенностей железнодорожного транспорта как вида мультимодальной логистической системы перевозок, то с точки зрения управления цепями поставок целесообразно отметить, что железнодорожный транспорт обладает рядом специфических характеристик, влияющих на управление цепями поставок, а именно:

1) Экономичность на дальние расстояния: благодаря большим объемам перевозок грузов и пассажиров на значительные расстояния, железнодорожный транспорт является экономически выгодным.

2) Высокая капиталоемкость: требует значительных инвестиций в инфраструктуру, включая пути, локомотивы, вагоны, системы управления движением, информационные технологии и безопасность.

3) Длительные подготовительные и заключительные операции.

4) Значительные временные и ресурсные затраты связаны с подготовкой подвижного состава, его комплектацией, погрузкой/разгрузкой, маневрированием, соблюдением графиков, техническим обслуживанием и ремонтом.

5) Сложная вертикальная структура управления: характеризуется высокой степенью государственного участия в принятии стратегических решений и реализации направлений развития отрасли.

6) Разнообразие используемых ресурсов: Широкий спектр ресурсов, отличающихся по количеству и качеству, приводит к значительным потерям в цепях поставок из-за межфункциональных барьеров, число которых увеличивается при децентрализации отрасли.

7) Необходимость поддержания запасов: для обеспечения бесперебойности перевозок и выполнения обязательств перед клиентами требуется поддержание повышенного уровня запасов.

8) Сложность согласования интересов: трудно согласовать экономические интересы многочисленных участников перевозочного процесса, несмотря на их общую ориентацию на удовлетворение потребностей конечных потребителей.

9) Специфическая модель предоставления услуг: услуги предоставляются по принципу «конвейера», где потребители перемещаются к местам обслуживания (станциям, пунктам ТО и ремонта), получая необходимые ресурсы. В процессе перемещения потребители могут получать дополнительные товары и услуги.

10) Растущая конкуренция: железнодорожный транспорт сталкивается с усилением конкуренции со стороны автомобильного, авиационного, водного и трубопроводного транспорта, а также с развитием смешанных и комбинированных перевозок.

11) Перспективы внедрения логистического подхода: существуют широкие возможности для применения логистических принципов в управлении железнодорожным транспортом.

12) Управление потоками ресурсов, трейлерные и контрейлерные перевозки, и бимодальные технологии, а также лихтеровозные системы и иные инновационные системы.

Управление цепями поставок (SCM) на железной дороге – это развитие идей производственного менеджмента и маркетинга, основанное на логистическом подходе.

Логистика является фундаментом SCM, без нее управление цепями поставок невозможно.

Логистический подход в управлении фокусируется на:

1) **Ценности для клиента:** Что действительно важно для потребителя.

2) **Потоке:** Оптимизация движения товаров и информации.

3) **Устранении барьеров:** Снятие ограничений между отделами и компаниями.

4) **Управлении запасами:** Минимизация излишних запасов.

5) **Сокращении потерь:** Избежание упущенных возможностей и неэффективности.

6) **Синхронизации:** Согласование действий всех участников цепи.

7) **Глобальной оптимизации:** Улучшение всей системы, а не отдельных ее частей.

8) **Устойчивом развитии:** Долгосрочная эффективность и экологичность.

Сегодня железнодорожные компании стремятся создавать ценность для конечных потребителей, предлагая им все более персонализированные и уникальные услуги.

Для этого необходимы гибкие цепи поставок, способные быстро адаптироваться к меняющимся потребностям клиентов.

Например, Wi-Fi в вагоне может быть не обязательным условием поездки, но он создает дополнительную ценность для пассажиров, удовлетворяя их индивидуальные потребности.

Ориентация на клиента – это способность поставщика транспортных услуг учитывать и предвосхищать потребности заказчика, что позволяет ему выгодно отличаться от конкурентов:

1) **Ценность** – это уникальный набор характеристик продукта или услуги, которые важны для потребителя и влияют на его состояние (материальное, психическое, духовное).

Ценность отличается от просто потребности тем, что она воспринимается потребителем как нечто особенное, а от привычного образа жизни – тем, что зависит от текущего состояния потребителя.

С точки зрения логистики, особенно важны такие формы ценности, как **поток** и **запас**.

Поток ценности – это последовательность уникальных характеристик, которые потребитель ощущает в процессе получения товара или услуги, и которые влияют на его состояние.

В контексте логистики, как системы управления, особое внимание уделяется двум ключевым формам ценности: потоку и запасу.

- 2) Поток ценности – это последовательность уникальных характеристик товаров и услуг, а также связанных с ними процессов, которые потребитель воспринимает в определенное время и в определенном месте.

Эти характеристики формируются и ощущаются в зависимости от текущего состояния потребителя – будь то его материальное положение, эмоциональное состояние или духовные потребности.

Запас ценности представляет собой набор уже созданных или находящихся в процессе создания уникальных характеристик товаров и услуг, а также связанных с ними процессов.

Потребитель стремится использовать эти запасы в определенное время и в определенном месте, исходя из своих материальных, эмоциональных или духовных потребностей.

Логистическая деятельность охватывает все действия, связанные с перемещением, приобретением, продажей и хранением различных видов потоков: материальных, информационных, финансовых и других.

На железнодорожном транспорте, как и в любой другой сфере, движение товаров или услуг (материального потока) немыслимо без параллельного движения сопутствующих информационных и финансовых потоков.

Современные цифровые технологии, в том числе в логистике, предоставляют инструменты для повышения эффективности как отдельных участников, так и целых систем, объединяющих множество звеньев.

В завершение проведенной работы необходимо подчеркнуть ключевые результаты относительно применения логистической концепции к управлению цепочками поставок:

- 1) Главная задача управления цепочками поставок заключается в формировании, обмене и предоставлении клиентам, партнерам и обществу предложений, обладающих значимой потребительской стоимостью.
- 2) Приверженность созданию стоимости в управлении предполагает использование логистического подхода. Этот подход базируется на двух элементах: потоках потребительской ценности, которые воспринимаются конкретным потребителем, и потоках товаров/услуг, которые эти ценности обеспечивают.
- 3) Устойчивость цепочек поставок обусловлена стабильной работой потоков ценности и товарно-сервисных потоков. Для достижения устойчивости необходимо задействовать концепцию управления цепочками ценностей параллельно с концепцией управления цепочками поставок.

- 4) Стабильность потоков обеспечивается за счет безотказной работы систем и процессов, которые занимаются консолидацией, перемещением и разделением различных типов потоков: материальных, информационных, денежных и человеческих ресурсов. Другими словами, речь идет об интегрированных потоковых процессах.

- 5) Ключевую роль в этих процессах играют взаимосвязи и взаимодействие между участниками цепочек поставок.

В упрощенном виде, канал поставок может состоять из поставщика и потребителя, которые на разных этапах управления выполняют различные задачи и имеют отличающееся содержание деятельности.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 09.05.2011, N 19, ст. 2716.
- [2] Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Том II. Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2011. С. 56.
- [3] Садиков О.Н. Правовое регулирование международных перевозок. М., 1981. С. 242.
- [4] Смирнов В.Т. Правовое регулирование грузовых перевозок в СССР: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Л., 1970. С. 7.
- [5] Соколов А.М. Особенности договора железнодорожной перевозки // Опыты цивилистического исследования: Сборник статей / Статут, 2016, с. 253–288.
- [6] Стригунова Д.П. Обязанности сторон обязательства по перевозке груза // Современное право. 2013. N 4. С. 79 - 83.
- [7] Стригунова Д.П. Ответственность перевозчика за нарушение обязательств, связанных с перевозкой груза // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 5. С. 27-32.
- [8] Тихенко Т.Ю. Договор об организации перевозок и рамочный договор: соотношение понятий // Власть Закона. 2015. N 4. С. 204 - 210.
- [9] Трофимов С.В. Нормативное регулирование ответственности грузоперевозчиков в гражданском и транспортном законодательстве // Адвокат. 2017. N 2. С. 43 - 47.

References:

- [1] Federal Law "On Licensing of Certain Types of Activities" dated 04.05.2011 No. 99-FZ // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 09.05.2011, No. 19, Art. 2716.
- [2] Russian Civil Law: Textbook: In 2 volumes. Volume II. Law of Obligations / Ed. E.A. Sukhanov. Moscow, 2011. P. 56.

[3] Sadikov O.N. Legal Regulation of International Transport. Moscow, 1981. P. 242.

[4] Smirnov V.T. Legal Regulation of Freight Transport in the USSR: Abstract of Doctor of Law Dissertation. Leningrad, 1970. P. 7.

[5] Sokolov A.M. Features of the contract of railway transportation // Experiences in civilistic research: Collection of articles / Statute, 2016, pp. 253-288.

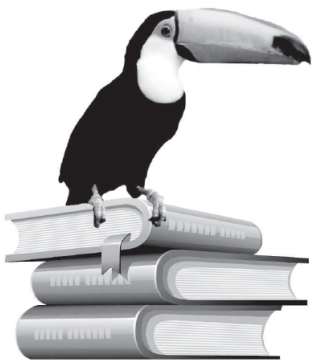
[6] Strigunova D.P. Obligations of the parties to the obligation to transport cargo // Modern law. 2013. No. 4. pp. 79-83.

[7] Strigunova D.P. Liability of the carrier for breach of obligations related to the transportation of cargo // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 5. pp. 27-32.

[8] Tikhenko T.Yu. Agreement on the organization of transportation and framework agreement: the relationship of concepts // Power of Law. 2015. No. 4. pp. 204-210.

[9] Trofimov S.V. Normative regulation of the liability of carriers in civil and transport legislation // Lawyer. 2017. N 2. P. 43-47.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-327-330

БУЛАНОВА Валерия Сергеевна,
кандидат юридических наук,
Московский медицинский университет Ревиз,
e-mail: Valeria777@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования платформенной экономики в Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики». Рассматриваются предпосылки формирования платформенной модели хозяйствования, ее влияние на трансформацию экономики и публичного управления, а также место нового закона в системе информационного и гражданского законодательства. Автор исследует соотношение понятий «цифровая платформа», «электронная платформа» и «информационная система», выявляет пробелы и противоречия законодательной техники, а также ограниченность сферы применения закона, ориентированного преимущественно на маркетплейсы. Делается вывод о том, что нормативный акт является лишь первым этапом формирования комплексного правового регулирования платформенной экономики и требует дальнейшей доработки для устранения коллизий, обеспечения системности законодательства и баланса интересов государства, бизнеса и пользователей.

Ключевые слова: платформенная экономика, цифровая платформа, информационная система, правовое регулирование, цифровое право, маркетплейсы, законодательные коллизии.

BULANOVA Valeria Sergeevna,
Candidate of Law,
Moscow Medical University "Reviz"

LEGAL REGULATION OF THE PLATFORM ECONOMY

Annotation. This article analyzes the legal regulation of the platform economy in the Russian Federation in connection with the adoption of Federal Law No. 289-FZ of July 31, 2025, "On Certain Issues of Regulating the Platform Economy." The article examines the prerequisites for the formation of the platform economic model, its impact on the transformation of the economy and public administration, and the place of the new law in the system of information and civil legislation. The author examines the relationship between the concepts of "digital platform," "electronic platform," and "information system," identifying gaps and contradictions in legislative frameworks, as well as the limited scope of application of the law, which is primarily focused on marketplaces. It is concluded that this regulatory act is only the first step in developing comprehensive legal regulation of the platform economy and requires further refinement to eliminate conflicts, ensure the consistency of legislation, and balance the interests of the state, business, and users.

Key words: platform economy, digital platform, information system, legal regulation, digital law, marketplaces, legislative conflicts.

С первого октября вступает в силу Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации». Официальный текст данного документа опубликован и ряд его положений вызвал неоднозначную реакцию у юридического сообще-

ства и представителей бизнеса. Мы полностью согласны с Ю.А. Тихомировым, что преимущества платформенной модели ведут к качественной перестройке как бизнеса, так и государственного управления. Платформенный подход в настоящее время становится ведущим практически во всех сферах [1].

Принятие данного нормативного правового акта обусловлено тем, что «де факто» повсеместно информационно-коммуникационная инфраструктура, основанная на цифровых технологиях, используется для взаимодействия множества независимых участников с целью создания не только обмена ценностями, но оказания услуг в публичной сфере. Банк России в 2021 году отмечал, что переход к платформенной экономике, наблюдаемый в настоящее время практически на всех мировых рынках, является естественным следствием совокупности нескольких факторов: это накопленные технологические изменения, совершившие качественный переход от этапа прорыва к этапу практического внедрения, запрос на изменения и снятие географических барьеров со стороны спроса, исчерпание возможностей традиционных бизнес-моделей, в первую очередь с точки зрения маржинальности бизнеса и генерации привычного роста дохода акционеров. Особенности платформенной бизнес-модели, эксплуатирующие в равной степени как технологические, так и поведенческие изменения, могут привести к качественной перестройке бизнеса [2].

Регуляторика цифровых платформ в российском законодательстве сильно отстает от общемировых тенденций [3]. По своей идеологии вновь принятый закон должен был закрыть, правовой вакуум в данной области. Мы полностью поддерживаем мнение В.Ф. Попондопуло, Д.А. Петрова и Е.В. Силиной, что Правительством Российской Федерации в ходе законопроектной деятельности [4] подразумевалась цель создания безопасной цифровой среды на цифровых платформах, разработка правовых условий развития и функционирования таких платформ [5].

Заметим, что формирование и развитие цифровых платформ в России активно поддерживается на государственном уровне. Так в Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» особое внимание уделено созданию и запуску к 2030 году цифровых платформ в различных отраслях. Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы в настоящее время из инновационного тренда, преобразована в национальную цель развития Российской Федерации [6]. Платформенные решения бизнеса должны тесно взаимодействовать с платформами государственного управления.

Основу регулирования платформенной экономики заложили:

- Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», установивший, что - электронная платформа -

финансовая платформа, информационная система, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов;

- Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», урегулировавший отношения по использованию информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов;
- Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» и ряд других актов.

В Правительстве РФ и Государственной Думе РФ активно ведется работа над созданием нормативной базы для реализации технологий платформенной занятости граждан [7], под которой понимается опосредованное взаимодействие трудящихся и заказчиков через алгоритмизированные сервисы [8].

Нормативно-правовое регулирование создания и использования цифровых платформ до вступления закона (октябрь 2026 года) существует в условиях отсутствия единого специализированного закона, что порождает необходимость применения сложной мозаики норм из различных отраслей права. Принятый закон должен был занять главенствующую роль среди норм, регулирующих платформенную экономику, гармонизировать ранее принятые акты и послужить базой для развития системы законодательства в данной сфере. Потенциально нам видится необходимость в принятии двух основополагающих законов, регулирующих платформенные решения. Ведь по своей сути цифровая платформа это информационная система (совокупность информационных систем) - совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. Согласно ст. 13 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационные системы подразделяются на - государственные информационные системы, муниципальные информационные системы и иные информационные системы. Таким образом необходимо отдельно урегулировать платформы, участвующие в реализации функций публичного управления и платформы, обеспечивающие экономическую деятельность.

Федеральный закон от 31.07.2025 N 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» частично выполнил функции второго. Его сфера применения указана, как «регулирование отношений, возникающие между операторами посреднических цифровых платформ, их партнерами, пользователями и иными лицами в связи с продажей товаров, выполнением работ, оказанием услуг».

Положительным является то, что он внес в юридическую практику легальные определения терминов платформенная экономика - совокупность организационных и имущественных отношений, складывающихся в результате взаимодействия неограниченного круга лиц посредством цифровых платформ для осуществления предпринимательской деятельности или в иных целях, в том числе не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности; цифровая платформа - информационная система, и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг и ряда других необходимых.

В нем нашло свое подтверждение, что цифровая платформа представляет собой сложный многосторонний технологический и бизнес-инструмент, сущность которого выходит за рамки традиционных понятий Гражданского права, где платформа чаще всего квалифицируется как агент или комиссионер (Глава 52 ГК РФ), действующий от своего имени, но за счет клиента, или ее роль определяется как оказание возмездных услуг по предоставлению платформенного решения (Глава 39 ГК РФ) или как организация электронной торговой площадки (аналог ст. 448 ГК РФ о торгах).

В то же время закон получился однобоким, так как проблема заключается в том, что он не устранил подмену терминов «электронная платформа» и «цифровая платформа» применительно к сходным правоотношениям с привлечением информационных систем. Детальное знакомство с текстом нормативного акта показывает, что он не применяется к информационным ресурсам, через которые их владельцы реализуют только свои товары и услуги, а также к аудиовизуальным сервисам, финансовым платформам (которые тоже посреднические), агрегаторам по продаже

программного обеспечения, операторам площадок в сферах банкротства, приватизации и госзакупок, операторам инвестиционных платформ и пр.

Законодатель при формулировании основных понятий вступает в противоречие с информационным законодательством, подменяя понятие информационной системы не вполне корректным расширенным толкованием. Так же исследователи подмечают иные концептуальные ошибки законодательной техники [5].

Кроме того, анализ показывает, закон в основном ориентирован на регулирование отношений с маркетплейсами. Указанные выше общие положения о цифровых платформах также сформулированы с ориентацией на торговые площадки, и их невозможно применить к абсолютно любой разновидности цифровой платформы. Частично законодатель завуалировал эту проблему озаглавив акт «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики...», но тогда по логике специальный закон не должен содержать терминологию общую для целой сферы правового регулирования.

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод, что для обеспечения дальнейшего устойчивого и сбалансированного развития платформенной экономики необходимо сформировать систему ее правового регулирования. Закон о платформенной экономике — это первый шаг к созданию механизмов регулирования отношений в данной сфере. С одной стороны, он несет в определенные преимущества, с другой не лишен противоречий и коллизий, которые влекут дополнительные риски, что отдельные его положения создадут барьеры как бизнеса, так и для потребителей товаров и услуг.

К сожалению, закон не в полной мере решает вопросы закрепления правовых основ платформенной экономики в Российской Федерации. Это сложный процесс, который требует учета множества факторов и согласования интересов государства, бизнеса, пользователей [9].

Однако, правильно выстроенная система может стать мощным инструментом развития платформенной экономики России. В связи с чем законодателю необходимо уделить дополнительное внимание данному акту с для его доработки с целью: устранения неопределённости регулирования, ликвидации дублирования и неоднозначности терминологии, обеспечения системности законодательства, сохранение преемственности с ранее принятыми актами, регулирующими платформенные решения.

Список литературы:

- [1] Право и виртуальное пространство: монография / Л.Н. Васильева, О.О. Журавлева, П.П. Кабытов и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. Москва: Проспект, 2025. 176 с.
- [2] Экосистемы: подходы к регулированию: Доклад для общественных консультаций. М.: Банк России, 2021. 46 с.
- [3] Патракова А. 4 задачи по построению платформенной экономики в России // URL: https://www.cnews.ru/articles/2025-01-20_4_zadachi_po_postroeniyu_platformennoj. (дата обращения: 10.02.2026).
- [4] Паспорт проекта Федерального закона N 959244-8 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (в части регулирования деятельности цифровых платформ)».
- [5] Попондопуло В.Ф., Петров Д.А., Силина Е.В. Развитие конкуренции как цель нового законодательства о платформенной экономике в Российской Федерации // Конкурентное право. 2025. N 4. С. 2 - 5.
- [6] Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество». // СПС КонсультантПлюс.
- [7] Платформенная занятость: вызовы и возможные решения. // URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/6ca/krk89ha0yxx3ystja243obvc7ly8bntv.pdf> (дата обращения: 27.04.2025).
- [8] Новиков Д.А. Цифровая трансформация трудовых отношений: правовые вызовы искусственного интеллекта и платформенной занятости // Трудовое право в России и за рубежом. 2025. N 4. С. 12 - 14.
- [9] Олейник Н. М. Платформенная экономика: условия, принципы и перспективы развития / Н. М. Олейник // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2025. – № 11. – С. 62-67.

References:

- [1] Law and Virtual Space: Monograph / L.N. Vasilyeva, O.O. Zhuravleva, P.P. Kabitov, et al.; ed. Yu.A. Tikhomirov. Moscow: Prospect, 2025. 176 p.
- [2] Ecosystems: Approaches to Regulation: Report for Public Consultations. Moscow: Bank of Russia, 2021. 46 p.
- [3] Patrakova, A. 4 Tasks for Building a Platform Economy in Russia // URL: https://www.cnews.ru/articles/2025-01-20_4_zadachi_po_postroeniyu_platformennoj. (Accessed: 10.02.2026).
- [4] Passport of the draft Federal Law No. 959244-8 "On Certain Issues of Regulating the Platform Economy in the Russian Federation" (in terms of regulating the activities of digital platforms).
- [5] Popondopulo V.F., Petrov D.A., Silina E.V. Development of Competition as the Goal of the New Legislation on the Platform Economy in the Russian Federation // Competition Law. 2025. No. 4. pp. 2-5.
- [6] Resolution of the Government of the Russian Federation of 15.04.2014 No. 313 "On Approval of the State Program of the Russian Federation "Information Society". // SPS ConsultantPlus.
- [7] Platform Employment: Challenges and Possible Solutions. // URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/6ca/krk89ha0yxx3ystja243obvc7ly8bntv.pdf> (accessed: 27.04.2025).
- [8] Novikov D.A. Digital transformation of labor relations: legal challenges of artificial intelligence and platform employment // Labor law in Russia and abroad. 2025. No. 4. pp. 12-14.
- [9] Oleinik N.M. Platform economy: conditions, principles and development prospects / N.M. Oleinik // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and law. - 2025. - No. 11. - pp. 62-67.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-331-337

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

ПАВЛОВ Александр Васильевич,
юрист, лауреат I Всероссийского
профессионального конкурса «Правовая Россия»,
e-mail: pavlov.aleksandr.2024@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Объектом настоящего исследования являются регулируемые правом общественные отношения, формирующиеся по поводу цифровизации экономики; предметом исследования – возникающие при этом отдельные общие проблемы. Научная новизна заключается в обозначении наиболее значимых правовых проблем, при этом, основной акцент исследования сосредоточен на усилении роли законодательного регулирования при формировании нормативной правовой базы, для чего вносятся предложения по внесению соответствующих изменений в законодательство. Целью исследования является освещение правовых проблем в данном сегменте общественных отношений, выявление общих закономерностей и противоречий, поиск путей устранения возникающих проблем. В юридической науке степень разработанности исследуемой тематики не является достаточной, и требует дальнейшего изучения. В процессе исследования, применялись следующие методы: компаративистский, системный, исторический, логический, формально-юридический, теоретического исследования, и т.д.

Ключевые слова: проблема, законодательство, информатизация, цифровизация экономики, терминологический аппарат, иерархия, отрасль права.

PAVLOV Alexander Vasilyevich,
lawyer, winner of the First All-Russian
professional competition «Legal Russia»

DIGITALIZATION OF THE ECONOMY: GENERAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Annotation. The object of this research is the legal relations that are formed in connection with the digitalization of the economy; the subject of the research is the individual general problems that arise in this process. The scientific novelty of the research lies in identifying the most significant legal problems, while the main focus of the research is on strengthening the role of legislative regulation in the formation of the regulatory legal framework, for which proposals are made to introduce relevant changes to the legislation. The purpose of the research is to highlight the legal problems in this segment of social relations, identify general patterns and contradictions, and find ways to address the emerging problems. In legal science, the degree of development of the subject matter under study is insufficient and requires further research. The following methods were used in the study: comparative, systemic, historical, logical, formal-legal, and theoretical research.

Key words: problem, legislation, informatization, digitalization of the economy, terminology, hierarchy, branch of law.

Введение

В силу создания, внедрения, применения инновационных цифровых технологий во всех социальных сферах российского общества, предполагается, что правовым регулированием общественных отношений по поводу цифровизации экономики, должны быть охвачены права, сво-

боды, иные законные интересы граждан, при этом, актуально формирование нормативной правовой базы с ведущей в ней ролью федеральных законов. Отчасти это обусловлено тем, что конечным получателем результатов цифровизации экономики является население России, что корреспондирует со статьей 2 Конституции Российской

Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), в соответствии с которой, человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства. Цифровизация экономики не отменяет основные права и свободы граждан и не умаляет их, в этом аспекте, справедливо утверждение о том, что «в большинстве своем новые технологии и инновационные разработки порождают не новые права, а новые средства и способы реализации базовых общепризнанных прав» [1, с. 54].

Также является общепризнанным, что законодательное нормотворчество по сравнению с иными видами способно обеспечить более качественный уровень правового регулирования общественных отношений. Обзор нормативных правовых актов относительно цифровизации дает основание утверждать о наличии отдельных проблем в правовом регулировании в исследуемых отношениях, и о необходимости внесения в законодательство изменений, направленных на их устранение.

Основная часть

Тема количественного или пропорционального соотношения между законодательными актами и актами органов исполнительной власти не являлась предметом широкого освещения в российской правовой науке. Является общепризнанным, что число нормативных правовых актов органов исполнительной власти в структуре источников права всегда больше, чем законодательных актов, что вполне объяснимо – законы регулируют преимущественно ключевые, наиболее значимые общественные отношения с установлением предписаний, дозволений, запретов относительно должного поведения их участников. Однако, в Российской Федерации в настоящее время сложилось существенно неравномерное соотношение между законодательными и подзаконными актами относительно цифровизации экономики – практически, в виде отсутствия первых, и значительного числа вторых. Так, по состоянию на начало 2026 года по данным российских информационных правовых систем и иных источников, значится свыше пяти тысяч действующих нормативных правовых актов относительно цифровизации экономики, из которых лишь несколько являются законодательными актами, причем, содержащими незначительное число регулятивных норм относительно цифровой тематики. Например, предмет правового регулирования Федерального закона РФ от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О цифровых финансовых активах,

цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» является ограниченным, равно как и его терминологический аппарат (всего 3 термина); Федеральный закон от 27.07.2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» группу общественных отношений по поводу цифровых технологий и систем на предмет их регулирования не выделяет – за исключением единственной нормы – статьи 10.5 – по поводу эфирного цифрового наземного вещания, что явно недостаточно для широкой сферы цифровых отношений. Регулирование исследуемых отношений нормами Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 №54-ФЗ, также является недостаточным – всего несколько норм (ст. 128; п.1 ч.2 ст. 140; ст. 141.1). Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных» практически не содержит норм относительно цифровизации, несмотря на очевидную актуальность охраны информации, отнесенной к персональным данным. Остальные свыше пяти тысяч нормативных правовых актов изданы органами исполнительной власти, что указывает на существенную количественную диспропорцию между законодательными и подзаконными актами. В данном аспекте, под диспропорцией предлагается понимать явное несоответствие числа законов в той пропорции по отношению к актам органов исполнительной власти, которая складывалась исторически между ними в конкретной сфере общественных отношений. Указанная диспропорция является первой общей правовой проблемой в данном сегменте регулируемых отношений. С одной стороны, справедливо утверждение о том, что «большое количество принятых законов далеко не всегда соотносится с качеством правовой системы. Это как раз тот случай, когда не столь количество, сколько качество квалифицированно подготовленных и принятых правовых актов играет решающую роль» [2, с.13]. С другой стороны, отсутствие регулирования общественных отношений федеральными законами в сегменте внедрения и использования цифровых технологий, определенно несет в себе издержки качества нормотворчества. В теории права под законом понимается «принятый в особом порядке первичный правовой акт по основным вопросам жизни государства, непосредственно выражающий общую государственную волю, и обладающий высшей юридической силой» [3, с. 448]. Также является практически хрестоматийной, позиция о том, что «по своей социальной природе и регулятивным свойствам закон в наибольшей степени способен обеспечивать устойчивость регулирования общественных отношений, юридическую целостность законодательства, повысить эффек-

тивность реализации самих правовых норм» [4, с. 242]. При этом, в науке и практике высокая значимость подзаконного нормотворчества не подвергается сомнению, научный интерес представляет оптимальная пропорция между актами исследуемых ветвей власти, которая в различных сферах экономики является дифференцированной. При оценке роли законодательства в процессе цифровизации экономики в литературе ранее обоснованно отмечалось, что «законодатель с опозданием реагирует на возникновение новых групп общественных отношений. Происходит смещение баланса от законов к подзаконным нормативным актам, что негативно влияет на устоявшуюся модель правового регулирования [5, с. 33]». Существующая ситуация осложняет реализацию прав участников отношений в условиях цифровизации экономики, поскольку реформы и иные аналогичные с ними мероприятия реально затрагивают уровень жизни населения, что с начального их этапа требует усиления регулирования общественных отношений на уровне федерального закона: его надлежащее исполнение способно в значительной мере обеспечить реализацию прав граждан. В публикациях обоснованно отмечалось, что «нормативные акты Президента (а также постановления Правительства), принятые по вопросам, относящимся к законодательной области, имеют соответствующую, близкую к закону юридическую силу до принятия и вступления в силу закона по данному вопросу. Но по своей юридической сути они остаются подзаконными документами» [6, с. 83]. Вне сомнения, в регулировании актами органов исполнительной власти частично усматривается определенный прагматизм положительного характера – когда в отсутствие закона органы исполнительной власти оперативно восполняют имеющиеся пробелы регулирования изданием соответствующих актов. Однако, применение подобного правового механизма не может быть перманентным, и может быть оправдано в ограниченном объеме исключительно социально значимыми целями, а после реализации целей и задач регулирования акта органа исполнительной власти, на смену ему может (или должен) быть издан соответствующий законодательный акт. В силу того, что ряд общественных отношений подлежит регулированию исключительно федеральными конституционными законами, существующие пробелы исключительно ими и могут быть устранены. При этом, необходим механизм временного устранения пробелов правового регулирования на уровне всех видов правовых форм, с сохранением оперативности, отвечающей интересам общества. Однако, в настоящее время в России отсутствует федеральный конституционный закон, определяющий

диапазон предмета регулирования между правовыми формами (источниками) права, в том числе, объем и периодичность восполнения пробелов законодательного регулирования. Например, в подобной ситуации сложно определить, обоснованно ли указанное восполнение, и восполняется отсутствие законодательного регулирования подзаконными актами систематически, либо эпизодически (в силу сложившейся ситуации, требующей немедленного решения в интересах общества). Аргументация в пользу усиления законодательного регулирования в сфере цифровизации экономики на ее современном этапе объясняется возможностью ускорения социально-экономических процессов инновационными техническими процессами, которое способно приводить как к улучшению социально-экономического положения населения, так и (в отдельных случаях) – к его ухудшению. Цифровизация, при всей ее очевидной полезности для общества, несет в себе возможные риски и угрозы, наиболее известными из них с применением цифровых технологий являются: хищение, мошенничество, незаконное разглашение и утечка персональных данных, и т.д. Самоустранение парламентов государств от формирования законодательной базы с начальных этапов цифровизации экономики с передачей в полном объеме этой функции органам исполнительной власти, с большой долей вероятности способно привести к коллизиям правовых норм: законодательное и подзаконное нормотворчество диалектически едины и неделимы; разделение их на ветви является условным; их абсолютная автономность неприемлема.

Следующая проблема выступает в виде отсутствия системообразующего федерального закона, объединяющего все нормативные акты и отдельные нормы относительно регулируемых ими общественных отношений в процессе цифровизации экономики. Наличие такого закона обеспечило бы эффективность правового регулирования – в силу обладания им комплексом правовых средств, обеспечивающих единое понимание законодательства всеми субъектами отношений и качественное правоприменение по сравнению с другими источниками права. С проблемой отсутствия единого системообразующего законодательного акта связана дискуссия о кодификации в России правовых норм и правовых актов относительно цифровизации экономики. В научной среде мнение относительно принятия кодифицированного акта по этому вопросу неоднозначно, поскольку имеются как его сторонники, так и противники; статистические данные отсутствуют. Министерство цифрового развития, связи и коммуникаций Российской Федерации (в дальнейшем – «Минцифры») начало работу по подготовке кон-

цепции федерального закона «Цифровой кодекс Российской Федерации» (далее – «Цифровой кодекс»). Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (далее – «Совет») в своем Решении от 1.12.2023г. №235-1/2023 указал на отсутствие предпосылок для принятия в России Цифрового кодекса. Одновременно Совет указал Минцифры на возможное направление осуществляемой последней работы по кодификации: «Законодательство об информации, информационно-коммуникационных технологиях должно совершенствоваться не путем его кодификации, а путем систематизации действующих законодательных актов в указанной сфере и, при необходимости, принятия специальных федеральных законов по отдельным вопросам правового регулирования».

В теории права под кодексом понимается «единый, сводный, юридически и логически цельный, внутренне согласованный закон, иной нормативный акт, обеспечивающий полное, обобщенное и системное регулирование данной группы общественных отношений» [5, с. 85]. Установление иерархии нормативных правовых актов, с приданием приоритета кодифицированным и приравненным к ним актам, было характерно для правовой системы СССР. В ней приоритетное значение помимо Конституции СССР (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) имели Основы законодательства Союза СССР и союзных республик, кодексы, и т.д. Также в силу отсутствия кодексов в определенных сферах таковыми могли признаваться акты союзных и республиканских органов законодательной и исполнительной власти, общесоюзные отраслевые правовые акты, например, Воздушный кодекс Союза ССР от 11.05.1983 N 9275-X, Кодекс торгового мореплавания Союза ССР от 17.09.1968, Устав железных дорог Союза ССР от 06.04.1964 N 270, Устав внутреннего водного транспорта Союза ССР от 15.10.1955 N 1801 и др. На уровне Российской Советской Социалистической Республики (РСФСР) выступали значимые кодифицированные акты, обладающие приоритетом: Конституция РСФСР, Указы Президиума Верховного Совета РСФСР, кодексы, Устав автомобильного транспорта РСФСР от 8 января 1969 г. N 12, акты Правительства РСФСР, и т.д. Верховенство указанных кодифицированных актов перед иными нормативными правовыми актами, провозглашалось в самих кодифицированных актах. Так, статьей 74 Конституции СССР устанавливался приоритет общесоюзного закона: в случае расхождения закона союзной республики с общесоюзным

законом, действовал закон СССР, что имело целью охрану суверенитета СССР. Части 1 и 2 статьи 3 ГК РСФСР указывали на приоритет Основ по отношению к указанному кодексу. Приоритет ГК РСФСР перед гражданско-правовыми нормами и нормами правовых актов, содержащих нормы гражданского права, следовал из статьи 2 Закона РСФСР от 11 июня 1964 г., которой Верховному Совету РСФСР поручалось установить порядок введения в действие ГК РСФСР и привести законодательство РСФСР в соответствие с ГК РСФСР. Как представляется, в структуре источников советского права наличие кодексов (и приравненных к ним актов) с приданием им приоритета над другими источниками в конкретных отраслях права (преимущественно, в фундаментальных), оправдывало существовавшую в то время их иерархию. В теории права значению кодифицированных актов придавалась должная оценка: «это не просто результат систематизации юридических норм, но прежде всего результат одного из важнейших видов правотворчества, существенной отличительной чертой которого являются нормативные обобщения, формулирование общих норм» [7, с. 55]. С прекращением СССР и формированием российской правовой системы, ситуация изменилась. Конституция РФ не предусматривает такого правового акта, как кодекс, высшей юридической силой обладают федеральные конституционные законы. Федеральные законы между собой равнозначны и ни один из них не обладает каким-либо приоритетом по отношению друг к другу, что неоднократно подтверждалось актами высших судебных инстанций. Иные законодательные акты, имеющие в названии слово «кодекс», «устав», «правила», и т.д., по своей сути являются федеральными законами, регулирующими, как правило, определенную отраслевую сферу общественных отношений. В отраслях права (не являющихся фундаментальными) в силу отсутствия кодифицированного или иного системообразующего нормативного правового акта, возникающие неясности и неопределенности в правовой регламентации общественных отношений, нередко нуждаются в разъяснении и толковании правоприменительными органами. В связи с чем, вопрос о кодификации нормативных правовых актов в отдельных отраслях экономики в виде принятия кодексов или приравненных к ним актов, с установлением в регулируемой сфере иерархии форм (источников) права, объективно отражает сложившуюся в нормотворчестве потребность. Оптимально осуществленная отраслевая кодификация способна сократить массив федеральных законов и обеспечить единое понимание в отрасли (сфере) законодательства, в том числе, в сфере цифровизации

экономики. Относительно правовых форм в юридической литературе обоснованно указывается на необходимость соотношения их между собой на основе принципов системности и иерархии: «Иерархия форм права, равно как и их системность объективно необходимы для любой правовой системы – для ее сохранения и эффективного функционирования. Без этого нет и не может быть никакой правовой системы, а вместе с тем – никакой упорядоченности общественных отношений, объективно необходимой для нормального развития любого общества и государства» [2, с. 113]. Как показывает история государства и права, а также законодательная практика, отсутствие иерархии в системе нормативных правовых актов способно привести к неопределенности в механизме правового регулирования, и как результат – к излишним коллизиям. К этому следует добавить, что результатом кодификации не обязательно должен быть кодекс, им может быть системообразующий федеральный закон, верховенство которого в конечном счете будет определяться не его видовым наименованием и структурой, а содержанием, сущностью и наличием необходимых правовых средств.

Отраслевая кодификация актов с установлением между федеральными законами и иерархии и подчинением кодифицированному или приравненному к нему акту, должна осуществляться дифференцировано – с учетом сформировавшейся нормативной правовой базы. Так, общественные отношения, складывающиеся по поводу цифровых технологий и цифровых систем, подпадают под признаки информационных, отдельные отношения регулируются гражданским законодательством. В России в части регулирования общественных отношений по поводу цифровизации экономики, системообразующим федеральным законом мог бы выступить усовершенствованный Федеральный закон от 27.07.2006 г. №149-ФЗ, правовой инструментарий которого содержит достаточный для этого объем средств, и в котором могли бы получить развитую правовую регламентацию общественные отношения по поводу цифровых услуг и продуктов (цифровых технологий и систем). При этом, установление правовых принципов, объекта правового регулирования, правосубъектности, мер гражданско-правовой ответственности и других важных институтов, «генетически» определяющих границы должного поведения участников регулируемых отношений, должны осуществляться гражданским законодательством. Издание Цифрового кодекса РФ – вне связи с положениями Федерального закона №149-ФЗ (являющемуся базовым актом для регулирования общественных отношений, имеющих

информационную составляющую), а также ГК РФ, видится сомнительным путем, способным в ряде случаев создать им неосновательную конкуренцию, породить дублирование норм, дуализм (триализм) в правоприменении, и как результат – внести неясность и неопределенность в информационное законодательство, гражданское, а с принятием Цифрового кодекса и легитимации цифровых правоотношений – дополнительно и в цифровое.

Следующая проблема, тесно связанная с предыдущими, заключается в том, что в России массив нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения по поводу цифровизации экономики, до сих пор не имеет единого терминологического аппарата, несмотря на то, что число подобных актов составляет свыше пяти тысяч. Отчасти подобное положение можно объяснить рядом причин, в том числе, отсутствием единого системообразующего законодательного акта, способного привести в единую систему массив нормативных правовых актов по поводу цифровизации экономики. Актуальность создания подобного аппарата заключается в том, что формируемые в его составе термины должны точно отображать сущностные признаки явлений реальной действительности и не вступать в противоречия – ни между собой, ни с иными нормами на межотраслевом уровне. С позиции права, это объясняется тем, что в зависимости от корректности изложения норм и их эффективности, к участникам правоотношений могут быть применены соответствующие меры регулятивного воздействия, либо социально-экономического стимулирования, и т.д., влекущие за собой конкретные правовые, экономические, социальные, и т.д., последствия. Относительно проблем терминологии в литературе указывалось, что включение гражданских прав в перечень объектов гражданских правоотношений противоречит теории гражданского права и законам (правилам) формальной логики [8, с. 52-53]. Также в литературе отмечалась значимость формирования терминологического аппарата в действующем законодательстве: «научные познания немыслимы без умелого обращения с базовыми терминами и понятиями, непосредственно относящимися к исследуемому правовому явлению, поскольку, не зная их истинного значения, нельзя постигнуть и их подлинную сущность» [9, с. 183]. Обоснования формирования терминологического и (или) понятийного аппарата по поводу цифровизации экономики представлялись в научных публикациях [10, 11].

С вышеуказанными проблемами связана проблема отсутствия обобщенной структуры правовых норм, правовых актов относительно цифровизации экономики, что позволило бы в процессе

правоприменения использовать специальные правовые формы. Разрозненность правовых норм, регулирующих отношения по поводу цифровизации экономики, отсутствие системообразующего закона, способного объединить исследуемые нормы, отсутствие единого терминологического аппарата, а также ряд иных факторов, не позволяют судить о наличии в российском законодательстве структуры норм в форме отрасли (подотрасли), института цифрового права (цифрового законодательства). Общеизвестно, что основными критериями деления права на подобные структурные образования права (законодательства), являются предмет и метод правового регулирования. В юридической науке указывают и на дополнительные критерии: особый механизм правового регулирования; специфические отраслевые принципы; наличие обособленного (как правило, кодифицированного) законодательства [7, с. 137]. В правоотношениях по поводу цифровизации экономики, в силу отсутствия указанных критериев разграничения, и ряда иных, отсутствуют основания признания сформировавшихся новых отраслей – цифрового права или цифрового законодательства.

По мере устранения проблем, и по мере развития в структуре информационного права цифрового законодательства, последнее со временем, после надлежащей апробации способно выделиться в самостоятельное правовое структурное образование (отрасль, подотрасль, институт). С учетом изложенного, имеются основания полагать о том, что в России условия для формирования подобных структур, в настоящее время не сложились.

Заключение

Представляется что регулирования общественных отношений по поводу цифровизации экономики практически лишь на уровне актов органов исполнительной власти недостаточно, усматривается необходимость усиления регулирования на уровне федеральных законов. Общеизвестно, что законодательное нормотворчество по сравнению с иными видами способно обеспечить более качественный уровень правового регулирования общественных отношений в исследуемой сфере. С целью устранения имеющихся проблем правового регулирования, возникающих в процессе цифровизации экономики, предполагается ряд мер по усовершенствованию системы нормативных правовых актов, заключающихся:

- в формировании системы нормативных правовых актов относительно цифровизации при ведущей в ней роли федеральных законов;

- в издании системообразующего законодательного акта, предусматривающего единую терминологию.

С учетом изложенного, система нормативных правовых актов относительно цифровизации экономики, в силу наличия в ней проблем, нуждается в определенных изменениях в законодательстве, способных обеспечить охрану прав участвующих в ней лиц.

Список литературы:

- [1] Чепенко, Я. К. Особенности реализации и защиты конституционных прав граждан Российской Федерации в условиях цифровизации / Я. К. Чепенко // Закон. Право. Государство. – 2023. – № 3(39). – С. 53-55.
- [2] Марченко, М. Н. Источники права : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / М. Н. Марченко ; М.Н. Марченко; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Юридический факультет. – Москва : Издательство Проспект, 2006. – 759 с.
- [3] Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 576 с.
- [4] Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / Под общей ред. докт. юрид. наук, профессора А.С. Пиголкина. М.: ОАО «Издательский Дом «Городец», 2003. – 544. с.
- [5] Пашенцев, Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу / Д. А. Пашенцев // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 3(43). – С. 31-39.
- [6] Алексеев, С. С. Право: азбука-теория-философия: опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – Москва : ООО «Издательство «СТАТУТ», 1999. – 712 с.
- [7] Алексеев, С. С. Проблемы теории права : Основные вопросы общей теории социалистического права: курс лекций в 2 томах / С. С. Алексеев. Том 1. – Свердловск : Свердловский юридический институт, 1972. – 396 с.
- [8] Павлов, А. В. Цифровизация экономики: терминологический аспект / А. В. Павлов // Цифровое право. – 2025. – № 4. – С. 50-55.
- [9] Кохман, Д. В. К вопросу о целесообразности правильного использования понятийно-категориального и терминологического аппарата в правотворческой и правоприменительной практике / Д. В. Кохман, Н. И. Полищук // Теория государства и права. – 2022. – № 4(29). – С. 183-193.
- [10] Терещенко, Л. К. Трансформация понятийного аппарата информационного права в усло-

виях цифровизации / Л. К. Терещенко // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, № 12. – С. 98-110.

[11] Жилкин, М. Г. Терминологические и содержательные аспекты понятий, связанных с описанием использования цифровых технологий в уголовно-правовых отношениях / М. Г. Жилкин // Союз криминалистов и криминологов. – 2024. – № 4. – С. 7-12.

References:

[1] Chepenko, Ya. K. Features of the implementation and protection of the constitutional rights of citizens of the Russian Federation in the context of digitalization/Ya. K. Chepenko//Law. Right. State. – 2023. – № 3(39). – S. 53-55.

[2] Marchenko, M. N. Sources of law: textbook for university students studying in the specialty 021100 "Jurisprudence" /M. N. Marchenko; M.N. Marchenko; Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law. - Moscow: Prospekt Publishing House, 2006. - 759 s.

[3] Alekseev S.S. General theory of law: study. - 2nd ed., Revised. and add. M.: TC Welby, Prospekt Publishing House, 2008. - 576 p.

[4] Theory of state and law: Textbook for law schools/Under the general ed. doct. jurid. Sciences, Professor A.S. Pigolkin. M.: Publishing House Gorodets OJSC, 2003. – 544. from.

[5] Pashentsev, D. A. The main directions and features of the development of legislation in the con-

text of digitalization and the transition to a new technological structure/D. A. Pashentsev//Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. – 2021. – № 3(43). – S. 31-39.

[6] Alekseev, S. S. Law: ABC-theory-philosophy: experience in complex research/S. S. Alekseev. - Moscow: STATUT Publishing House LLC, 1999. - 712 s.

[7] Alekseev, S. S. Problems of the theory of law: The main questions of the general theory of socialist law: a course of lectures in 2 volumes/S. S. Alekseev. Volume 1. - Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute, 1972. - 396 p.

[8] Pavlov, A.V. Digitalization of the economy: terminological aspect/A.V. Pavlov//Digital law. – 2025. – № 4. - S. 50-55.

[9] Kokhman, D.V. To the question of the advisability of the correct use of the conceptual-categorical and terminological apparatus in law-making and law enforcement practice/D.V. Kokhman, N.I. Polishchuk//Theory of state and law. – 2022. – № 4(29). - S. 183-193.

[10] Tereshchenko, L.K. Transformation of the conceptual apparatus of information law in the context of digitalization/L.K. Tereshchenko//Journal of Russian Law. – 2022. - T. 26, NO. 12. - S. 98-110.

[11] Zhilkin, M. G. Terminological and substantive aspects of concepts related to the description of the use of digital technologies in criminal law relations/M. G. Zhilkin//Union of Criminologists and Criminologists. – 2024. – № 4. - S. 7-12.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-338-343

ХМАРА Денис Игоревич,
аспирант,
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия», Россия, Москва,
e-mail: kd7473@gmail.com

ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ С УЧАСТИЕМ САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН: ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу договорных отношений с участием самозанятых граждан и возникающих в их рамках проблем гражданско-правовой ответственности. Рассматривается эволюция нормативных предпосылок участия самозанятых в гражданском обороте, показано, что их правовое положение формируется преимущественно за счет общих положений гражданского законодательства и договорной практики при отсутствии целостного специального режима. В статье обосновано, что профессиональный характер деятельности самозанятого оказывает непосредственное влияние на содержание договорной модели, трансформируя гражданско-правовое обязательство в профессиональное по своей сути, но не по форме. Проанализированы особенности распределения гражданско-правовых рисков, выявлена тенденция их концентрации на стороне исполнителя и показано, что договор в таких отношениях нередко выполняет функцию замещения системного правового регулирования. Отдельное внимание уделено неопределенности пределов гражданско-правовой ответственности самозанятого, проблеме соразмерности применяемых мер ответственности и влиянию возможной переквалификации договоров на устойчивость обязательственного режима. Сделан вывод о том, что существующая модель договорной автономии при участии самозанятых граждан не обеспечивает необходимого баланса интересов сторон и воспроизводит правовую неопределенность, для чего требуется дальнейшее теоретическое осмысление и уточнение границ допустимого перераспределения ответственности в гражданском праве.

Ключевые слова: самозанятые граждане, договорные обязательства, гражданско-правовая ответственность, свобода договора, профессиональная деятельность, переквалификация договоров.

KHMARA Denis Igorevich,
postgraduate student,
Moscow Financial and
Industrial University «Synergy»,
Russia, Moscow

CONTRACTUAL RELATIONS INVOLVING SELF-EMPLOYED CITIZENS: DESIGN FEATURES AND PROBLEMS OF CIVIL LIABILITY

Annotation. The article examines contractual relations involving self-employed individuals and the problems of civil liability arising in this context. It analyzes the professional nature of the self-employed person's activity and its influence on the contractual model, as well as the redistribution of civil law risks between the parties. Special attention is paid to the uncertainty of the limits of civil liability and to the impact of contract requalification on the stability of the liability regime. Based on the analysis, the article substantiates the conclusion that the existing model of contractual autonomy does not ensure a balanced allocation of risks and responsibility and requires further doctrinal clarification.

Key words: self-employed citizens, contractual obligations, civil liability, freedom of contract, professional activity, retraining of contracts.

Договорные отношения с участием самозанятых граждан за последние годы перестали быть периферийным явлением гражданского оборота. Они все чаще выступают основной формой включения физических лиц в профессиональную деятельность, ориентированную на систематическое извлечение дохода, при этом оставаясь вне рамок классических конструкций предпринимательства. Юридическое оформление такой деятельности фактически сведено к договору, который одновременно выполняет функции легализации, распределения рисков и определения объема ответственности сторон.

Именно договор становится тем юридическим инструментом, посредством которого компенсируются недостатки целостного гражданско-правового статуса самозанятого. Через условия о предмете, качестве, сроках и последствиях нарушения обязательства стороны конструируют модель поведения исполнителя, ориентированную на профессиональный результат. При этом формальное равенство участников обязательства не устраняет различий в их экономическом положении. Как указывает А. А. Булах, «правовой статус самозанятого в гражданском праве характеризуется сочетанием элементов предпринимательской и непредпринимательской деятельности, что порождает сложности в определении объема его прав и обязанностей» (Булах, 2022).

В действующем гражданском законодательстве ответственность самозанятого гражданина не выделена в качестве самостоятельного правового явления, поскольку она выводится из общих положений об ответственности граждан по обязательствам, хотя фактические условия осуществления деятельности сближают положение самозанятого с профессиональными участниками оборота. Особую сложность представляет то обстоятельство, что договоры с участием самозанятых нередко выполняют функцию замещения иных форм правового регулирования. В ряде случаев через гражданско-правовую конструкцию фактически оформляются устойчивые отношения зависимости, что повышает риск переквалификации обязательства и радикально изменяет правовые последствия допущенных нарушений.

В результате мера и характер гражданско-правовой ответственности самозанятого оказываются подвижными и во многом зависят от последующей правовой оценки отношений.

В этих условиях обращение к анализу договорной конструкции приобретает принципиальное значение для понимания природы ответственности самозанятых граждан.

Включение самозанятых граждан в имущественный оборот осуществляется без формирования самостоятельной конструкции их гражданско-правового статуса. В отличие от индивидуального предпринимателя, положение которого в обязательственных отношениях опосредовано специальными нормами, самозанятый формально остается гражданином, реализующим общую гражданскую правоспособность.

Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) формализовала общие правила-принципы, обеспечивающие возможность самостоятельной экономической активности граждан: свободу осуществления гражданских прав и свободу экономической деятельности, общую правоспособность граждан и их способность самостоятельно вступать в обязательственные отношения, а также допустимость извлечения дохода посредством гражданско-правовых договоров вне рамок трудовых отношений и корпоративных форм (ст. 1, 17, 18, 23, 307 ГК РФ).

Однако основным шагом на пути оформления статуса самозанятых стало принятие Федерального закона от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» (далее – Закон о НПД), который формализовал новые подходы к учету и налогообложению самостоятельной профессиональной деятельности, но и заложил основу для интеграции миллионов граждан, осуществляющих систематическую работу без оформления статуса индивидуального предпринимателя, в легальное экономическое пространство.

Такое положение приводит к тому, что участие самозанятого в обязательстве формально подчиняется общим правилам, применимым к гражданам, однако фактически выходит за их пределы. Самозанятый не ограничивается разовым распоряжением своими способностями или имуществом, а вступает в устойчивые обязательственные связи, ориентированные на извлечение дохода. Как подчеркивает В. В. Долинская, «гражданское законодательство создало правовую базу для обеспечения новой социально-экономической политики, включая легализацию различных форм самостоятельной экономической активности» (Долинская, 2021).

Изложенное позволяет рассматривать самозанятость как специфическую форму осуществления гражданином индивидуальной предпринимательской деятельности, основанной на профессиональном труде, имущественной ответственности и свободе выбора экономически полезных действий, которая реализуется без образования юри-

дического лица и без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Как указывают Ю. Д. Жукова и А. С. Подмаркова, «деятельность самозанятых граждан по своему экономическому содержанию во многих случаях носит предпринимательский характер, несмотря на отсутствие формального статуса предпринимателя» (Жукова, Подмаркова, 2021).

Характерно, что договорные обязательства с участием самозанятого зачастую выстраиваются по моделям, традиционно используемым в предпринимательской сфере. Условия о сроках исполнения, стандартах качества, ответственности за недостатки результата и возмещении убытков формулируются исходя из предположения о профессиональной компетентности исполнителя. При этом гражданско-правовая форма обязательства сохраняется, что позволяет заказчику опираться на общие механизмы защиты своих интересов без предоставления самозанятому специальных гарантий, характерных для иных форм профессиональной деятельности.

Указанная конструкция порождает внутреннее напряжение между формальным равенством сторон обязательства и фактическим распределением обязанностей. Самозанятый, действуя самостоятельно и на свой риск, принимает на себя значительный объем ответственности, не обладая при этом теми организационными и имущественными ресурсами, которые обычно предполагаются у профессионального участника оборота. Как отмечает Л. Т. Кокоева, «самозанятость формируется как самостоятельная гражданско-правовая категория, требующая специальных требований к договорам и сделкам с участием таких лиц» (Кокоева, 2021).

В результате самозанятый гражданин в договорных обязательствах выступает как субъект с неопределёнными границами правового положения. Его участие в обязательстве нельзя свести ни к классической модели гражданина, совершающего разовую сделку, ни к предпринимателю в строгом смысле. Договор заполняет этот промежуток, но одновременно закрепляет его, создавая предпосылки для последующего анализа гражданско-правовой ответственности и устойчивости обязательственного режима.

Переход от эпизодического участия гражданина в гражданском обороте к устойчивой самостоятельной деятельности, ориентированной на систематическое извлечение дохода, объективно трансформирует характер договорных связей. В случае самозанятых граждан именно профессиональная направленность деятельности становится тем фактором, который определяет содер-

жание договорной модели, даже при отсутствии формального признания предпринимательского статуса. Договор в таких отношениях изначально заключается не как средство разового обмена, а как инструмент регулярного предоставления результата, соответствующего ожиданиям рынка. Как отмечает В. В. Варакосова, «правовое регулирование статуса самозанятых граждан в настоящее время носит фрагментарный характер и требует системного уточнения с позиций гражданского права» (Варакосова, 2023).

Профессиональный характер деятельности самозанятого проявляется, прежде всего, в стандартизации условий исполнения обязательства. Заказчик ориентируется не на личные качества исполнителя, а на предполагаемую компетентность, устойчивость и воспроизводимость результата. В отличие от физического лица, совершающего разовую сделку, самозанятый воспринимается контрагентом как лицо, обладающее специальными знаниями и навыками, применяемыми на постоянной основе. Это предположение не нуждается в дополнительном доказывании и нередко закладывается в договор как самоочевидное. В результате на самозанятого возлагается обязанность обеспечить надлежащее исполнение независимо от внешних обстоятельств, а любые отклонения от ожидаемого результата оцениваются через призму профессиональной ответственности.

Характерной особенностью таких обязательств становится смещение акцента с процесса исполнения на его итог. Для заказчика утрачивает значение способ достижения результата, если он не соответствует установленным требованиям. Профессиональный характер деятельности самозанятого оказывает влияние и на продолжительность договорных связей. Даже при формальном заключении отдельных договоров фактически складываются устойчивые отношения, предполагающие повторяемость исполнения.

В результате договор с участием самозанятого приобретает черты профессионального обязательства, не будучи при этом включенным в систему специальных правовых режимов. В договорной практике с участием самозанятых нередко фиксируется концентрация рисков на стороне исполнителя. Риски, связанные с невозможностью исполнения, неблагоприятными изменениями внешних условий, ошибками в оценке объема работ или услуг, как правило, возлагаются на самозанятого. При этом договор редко предусматривает механизмы их компенсации. Как указывает В. В. Долинская, «взаимодействие частного и публичного права проявляется прежде всего в

правовом регулировании экономической деятельности, где автономия воли ограничивается публичными интересами» (Долинская, 2020).

Формальное равенство сторон обязательства маскирует фактическую асимметрию их договорных позиций. Заказчик, как правило, располагает большей свободой в определении условий договора и возможностью выбора исполнителя, тогда как самозанятый ориентирован на сохранение источника дохода и вынужден принимать предложенную модель обязательства. Установление штрафных санкций, расширенных оснований для одностороннего отказа от договора, возмещения убытков и иных мер ответственности формирует ситуацию, при которой самозанятый несет ответственность, сопоставимую с ответственностью профессионального предпринимателя, не располагая при этом сопоставимыми средствами управления рисками. Как указывает А. В. Нестерович, «использование самозанятости в качестве альтернативы трудовым отношениям создает повышенные риски для исполнителей, связанные с отсутствием трудовых и гражданско-правовых гарантий» (Нестерович, 2024).

Дополнительным фактором перераспределения рисков становится неопределенность правовой квалификации отношений. Возможность последующей переквалификации договора и изменения применимого правового режима усиливает неопределенность последствий нарушения обязательства.

В совокупности указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что договорная конструкция в отношениях с участием самозанятых выполняет функцию не нейтрального инструмента согласования интересов, а механизма концентрации гражданско-правовых рисков.

Ответственность самозанятого гражданина в договорных обязательствах формально выстраивается по общим правилам гражданского права. В отсутствие специальных норм она подчиняется универсальным конструкциям вины, причинной связи и возмещения убытков. Как подчеркивает Н. Е. Савенко, «отсутствие правовой регламентации отдельных элементов статуса самозанятого физического лица свидетельствует об их непоименованности и порождает неопределенность правоприменения» (Савенко, 2022).

Самозанятый, оставаясь гражданином, отвечает по обязательствам всем принадлежащим ему имуществом. При этом в договорной практике ответственность нередко конструируется исходя из представления о профессиональном исполнителе, способном прогнозировать и контролировать риски, обеспечивать устойчивое качество результата и компенсировать возможные потери контрагента.

Проблематичным остается и соотношение личного имущества самозанятого с имуществом, используемым им в профессиональной деятельности. В отличие от предпринимательских конструкций, здесь отсутствуют механизмы функционального обособления активов и ограничения имущественного риска. Неопределенность усиливается и в вопросе применения критериев вины. В договорах с самозанятыми нередко используется повышенный стандарт ответственности, ориентированный на ожидаемый профессиональный уровень исполнения. Это приводит к тому, что границы допустимой неосторожности сужаются, а освобождение от ответственности становится затруднительным. Фактически самозанятый оценивается как субъект, обязанность которого заключается в достижении определенного результата независимо от сложности и изменчивости условий исполнения. Как отмечают Т. А. Скворцова и Р. Р. Скворцов, «право на осуществление предпринимательской деятельности выступает базовым элементом правового статуса хозяйствующего субъекта, включая самозанятых граждан» (Скворцова, Скворцов, 2025).

Одной из наиболее чувствительных зон договорных отношений с участием самозанятых граждан является возможность их последующей переквалификации. Формальная гражданско-правовая оболочка таких обязательств не всегда обеспечивает стабильность применимого правового режима, поскольку при определенных условиях суды склонны переоценивать фактическое содержание отношений, исходя из их реального характера. Переквалификация договора, заключенного с самозанятым, в трудовой влечет не только перерасчет налоговых обязательств, но и изменение всей структуры гражданско-правовых связей между сторонами.

Переквалификация договора влечет не только изменение применимых норм, но и радикальную трансформацию режима ответственности сторон. Меры гражданско-правовой ответственности, рассчитанные на профессиональное обязательство, могут утратить значение либо, напротив, быть признаны несоразмерными в новой правовой оценке. Регулярность выполнения работ, интеграция в организационные процессы контрагента, ограниченность самостоятельности при определении условий исполнения создают предпосылки для переосмысления характера обязательства. При этом первоначально согласованная договорная модель ответственности может быть подвергнута пересмотру, а отдельные условия — признаны не подлежащими применению.

Для самозанятого такая ситуация означает принятие на себя двойного риска. На стадии

заключения и исполнения договора он исходит из гражданско-правовой модели ответственности, ориентированной на результат и имущественную компенсацию. После возникновения спора эта модель может быть утрачена, а правовые последствия нарушения обязательства определены исходя из иной квалификации отношений. Ответственность самозанятого гражданина в договорных обязательствах неизбежно ставит вопрос о судьбе его имущества, поскольку в отсутствие специальных механизмов обособления имущественного риска любые неблагоприятные последствия исполнения обязательства непосредственно затрагивают личную имущественную сферу исполнителя. В этом смысле показательно, что «юридическая судьба отражает динамику правового состояния субъекта и предопределённость правовых последствий его действий» (Тарасов, 2025).

Договорная автономия традиционно рассматривается как одно из базовых начал гражданского права, обеспечивающее участникам оборота возможность самостоятельно определять содержание своих обязательств. Формально самозанятый гражданин вступает в договор на равных основаниях с контрагентом, реализуя принадлежащую ему свободу усмотрения. Однако фактические условия реализации этой свободы существенно различаются. Экономическая зависимость от заказчика, ориентированность на стабильный доход и отсутствие альтернативных источников защиты интересов ограничивают возможность влиять на содержание договора.

Решение данной проблемы возможно только через корректировку гражданского законодательства, для чего необходимо внести изменение в статью 929 ГК РФ, изложив ее пункт 2 в следующей редакции:

«2. По договору имущественного страхования могут быть застрахованы имущественные интересы самого страхователя, а также иного лица, в пользу которого заключен договор страхования. В частности, могут быть застрахованы:

- 1) риск утраты (гибели), недостачи или повреждения определенного имущества;
- 2) риск ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, а также риск ответственности по договорам;
- 3) предпринимательский риск лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, а равно риск лица, применяющего специальный налоговый режим налога на профессиональный доход».

Закрепление в указанной норме прямого указания на возможность страхования риска

лицом, применяющим налог на профессиональный доход, позволит устранить правовую неопределенность и приравнять самозанятых к предпринимателям в части использования страховой защиты.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что договорные отношения с участием самозанятых граждан формируются в условиях отсутствия целостной гражданско-правовой конструкции их статуса. Договор в таких отношениях выполняет расширенную функцию, одновременно оформляя профессиональную деятельность, распределяя риски и определяя объем гражданско-правовой ответственности. Профессиональный характер деятельности самозанятого объективно сближает его положение с профессиональными участниками оборота, тогда как применяемые модели ответственности продолжают опираться на общегражданские конструкции. Сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что дальнейшее развитие договорных отношений с участием самозанятых требует уточнения пределов договорной автономии и более ясного разграничения допустимых моделей перераспределения гражданско-правовых рисков.

Список литературы:

- [1] Булах А. А. (2022). Статус самозанятого в российском гражданском праве // Вопросы российской юстиции. № 17. С. 235–252.
- [2] Варакосова В. В. (2023). Правовой статус самозанятых граждан // Матрица научного познания. № 4-2. С. 369–373.
- [3] Долинская В. В. (2020). Взаимодействие частного и публичного права как системное направление развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. № 1. С. 7–19. DOI 10.18384/2310-6794-2020-1-7-19.
- [4] Долинская В. В. (2021). Развитие гражданского права и Конституции России: вопросы имущественных отношений, экономической деятельности и предпринимательства // Труды Института государства и права Российской академии наук. Т. 16, № 2. С. 107–127. DOI 10.35427/2073-4522-2021-16-2-dolinskaya.
- [5] Жукова Ю. Д., Подмаркова А. С. (2021). Самозанятые граждане: правовая квалификация деятельности и перспективы формирования специального режима // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 4. С. 49–79. DOI 10.17323/2072-8166.2021.4.49.79.
- [6] Кокоева Л. Т. (2021). Самозанятость как новая гражданско-правовая категория // Право и государство: теория и практика. № 4 (196). С. 101–103. DOI 10.47643/1815-1337_2021_4_101.

[7] Нестерович А. В. (2024). Индивидуальное предпринимательство и самозанятость как инструмент бизнеса для обхода трудового законодательства // Тенденции развития науки и образования. № 109-8. С. 112–117. DOI 10.18411/trnio-05-2024-429.

[8] Савенко Н. Е. (2022). К вопросу о непоименованных элементах статуса самозанятого физического лица в гражданском обороте // Вестник Сургутского государственного университета. № 1 (35). С. 107–115. DOI 10.34822/2312-3419-2022-1-107-115.

[9] Скворцова Т. А., Скворцов Р. Р. (2025). Права субъектов предпринимательской деятельности в условиях диверсификации // International Law Journal. Т. 8, № 3. С. 139–145.

[10] Тарасов О. И. (2025). Судьба как категория юридического знания: философско-правовые интерпретации // Юридическая наука. № 4. С. 42–47.

References:

[1] A. A. Bulakh (2022). Self-employed status in Russian civil law//Issues of Russian justice. № 17. S. 235-252.

[2] Varakosova V.V. (2023). Legal status of self-employed citizens//Matrix of scientific knowledge. № 4-2. S. 369-373.

[3] Dolinskaya V. V. (2020). Interaction of private and public law as a systemic direction of development//Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. № 1. S. 7-19. DOI 10.18384/2310-6794-2020-1-7-19.

[4] Dolinskaya V.V. (2021). Development of civil law and the Constitution of Russia: issues of property relations, economic activity and entrepreneurship//Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. VOL. 16, NO. 2. S. 107-127. DOI 10.35427/2073-4522-2021-16-2-dolinskaya.

[5] Zhukova Yu. D., Podmarkova A. S. (2021). Self-employed citizens: legal qualifications of activities and prospects for the formation of a special regime//Law. Journal of the Higher School of Economics. № 4. S. 49-79. DOI 10.17323/2072-8166.2021.4.49.79.

[6] L. T. Kokoeva (2021). Self-employment as a new civil category//Law and state: theory and practice. № 4 (196). S. 101-103. DOI 10.47643/1815-1337_2021_4_101.

[7] Nesterovich A.V. (2024). Individual entrepreneurship and self-employment as a business tool to circumvent labor legislation//Trends in the development of science and education. № 109-8. S. 112-117. DOI 10.18411/trnio-05-2024-429.

[8] Savenko N.E. (2022). On the issue of unnamed elements of the status of a self-employed individual in civil circulation//Bulletin of Surgut State University. № 1 (35). S. 107-115. DOI 10.34822/2312-3419-2022-1-107-115.

[9] Skvortsova T. A., Skvortsov R. R. (2025). Rights of business entities in the context of diversification//International Law Journal. Т. 8, NO. 3. S. 139-145.

[10] Tarasov O. I. (2025). Fate as a category of legal knowledge: philosophical and legal interpretations//Legal science. № 4. S. 42-47.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-344-349

ОПАРИН Дмитрий Евгеньевич,
старший преподаватель кафедры безопасности в ЧС,
Уральский институт ГПС МЧС России,
г. Екатеринбург,
e-mail: mail@law-books.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УКРЕПЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОТ ПОЖАРОВ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы укрепления экономической безопасности Свердловской области в условиях пожарных рисков. Показана территориальная неоднородность пожарной угрозы и связанных с ней экономических последствий: для промышленно-городских агломераций характерны высокие прямые потери, для северных и лесных территорий — долгосрочные природно-экологические последствия, для сельско-пригородных зон — социально-бытовые риски и бюджетные издержки. Обоснована необходимость территориально дифференцированной стратегии управления рисками, опирающейся на межведомственное взаимодействие, развитие мониторинга и раннего обнаружения, модернизацию техники и связи, а также профилактику в населённом секторе. Систематизированы основные элементы прямого и косвенного ущерба от пожаров и предложены практические рекомендации по созданию единой цифровой базы данных и платформы мониторинга, приоритизации финансирования и повышению устойчивости региональной экономики к пожарным угрозам.

Ключевые слова: экономическая безопасность, пожарные риски, ущерб от пожаров, Свердловская область, региональное управление, межведомственное взаимодействие, мониторинг, раннее обнаружение, противопожарная инфраструктура.

OPARIN Dmitry Evgenievich,
Senior Lecturer at the Department of Emergency Safety,
Ural Institute of the State Fire Service of the Ministry
of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg.

CURRENT ISSUES OF STRENGTHENING ECONOMIC SECURITY FROM FIRES IN THE SVERDLOVSK REGION AT THE REGIONAL LEVEL

Annotation. The article discusses current issues of strengthening the economic security of the Sverdlovsk region in the context of fire risks. The territorial heterogeneity of the fire threat and related economic consequences is shown: industrial and urban agglomerations are characterized by high direct losses, long-term natural and environmental consequences for northern and forest territories, and social and household risks and budgetary costs for rural and suburban areas. The necessity of a geographically differentiated risk management strategy based on interdepartmental cooperation, the development of monitoring and early detection, modernization of equipment and communications, as well as prevention in the populated sector is substantiated. The main elements of direct and indirect fire damage are systematized and practical recommendations are proposed for creating a unified digital database and monitoring platform, prioritizing financing and increasing the resilience of the regional economy to fire threats.

Key words: economic security, fire risks; fire damage, Sverdlovsk region, regional administration, interagency cooperation, monitoring, early detection, fire protection infrastructure.

Экономическая безопасность Свердловской области в контексте пожарной угрозы неоднородна по территории. В южных и центральных районах угроза носит преимущественно промышленно-городской характер и сопровождается высокими прямыми потерями (ущерб имуществу, оборудованию, инфраструктуре). На севере и востоке области

превалируют природно-экологические риски, в том числе лесные пожары, формирующие длительные последствия для экосистем и экономики. В пригородных и сельских зонах преобладает социально-бытовой риск (частный сектор, дачные массивы, печное отопление), приводящий к демографическим и бюджетным издержкам (табл. 1).

Табл. 1. Районирование территорий Свердловской области по группам

Группы	Характеристика агломераций
Промышленно-городские агломерации	Высокая плотность населения, развитая промышленность
Лесопромышленные и северные территории	Низкая плотность населения, высокая лесистость
Сельско-пригородные и аграрные районы	Частный сектор, дачные массивы, сельхозпроизводство

Вопросы экономической безопасности становятся всё более актуальными, особенно в контексте растущих угроз и рисков, происходящих в различных отраслях промышленности [1,2]. Под угрозами экономической безопасности понимается сочетание внешних и внутренних обстоятельств, которые создают прямые помехи для достижения финансовых целей компании. Такие негативные тренды и явления не только мешают реализации интересов конкретной организации, но и несут риск для её деловых партнеров и других участников рыночного взаимодействия. По сути, это комплекс дестабилизирующих факторов, способных нанести ущерб стабильности предприятия и подорвать благополучие всей цепочки связанных с ним контрагентов [3].

Стратегия укрепления экономической безопасности должна быть территориально дифференцированной, основанной на данных, а не на усреднённых подходах. Только такой подход позволит минимизировать экономические потери и повысить устойчивость региона к пожарным рискам.

Центральным элементом системы управления рисками является межведомственное взаимодействие. Эффективное противодействие пожарам требует координации между ведомствами и организациями. Ключевую роль играет МЧС России как оперативный орган по тушению пожаров. Вместе с тем для предупреждения и снижения последствий пожаров необходимо участие профильных структур: органов, отвечающих за лесной фонд и природопользование (в части лесных

пожаров), Росгидромета (в части прогнозирования погодных условий и пожароопасных периодов), администраций муниципалитетов (организация работы на местах), а также промышленных и коммерческих организаций.

Практически значимыми являются механизмы постоянного обмена данными, формирование рабочих групп, совместное планирование учений и оценка готовности, позволяющие получать объективную картину состояния рисков и возможностей реагирования.

Сравнительная характеристика пожарной угрозы по муниципалитетам Свердловской области представлена в табл. 2.

Свердловская область стремится поддерживать благоприятный инвестиционный климат для привлечения капитала. Однако если инвесторы, руководствуясь принципом минимизации затрат, не учитывают пожарные риски при выборе площадки для строительства или при закупке оборудования, формируются долгосрочные уязвимости экономической безопасности региона. Система регулирования должна не только устанавливать стандарты безопасности, но и обеспечивать их реальное применение через надзор и контроль.

Эффективность системы пожарной безопасности определяется не только наличием инфраструктуры, но и качеством механизмов планирования, регулирования и управления рисками. Эти механизмы формируют нормативно-правовую базу, устанавливают ответственность, регламентируют действия структур и обеспечивают их взаимодействие.

Табл.2. Сравнительная характеристика пожарной угрозы по муниципалитетам Свердловской области

Муниципалитет	Особенности пожарных рисков	Инфраструктурная обеспеченность	Экономические последствия
Белоярский район	Частые пожары в дачных кооперативах и сельских домах; поджоги сухой травы	Низкая: пожарные части только в райцентре.	Потери домовладений, страховые выплаты, миграция в город
Артёмовский район	Сочетание лесов, садоводств и небольших предприятий	Умеренная	Сезонные пики ущерба весной и осенью
Талицкий район	Широкое распространение печного отопления	Низкая	Высокая смертность среди пожилых, зимние пожары

На макроуровне важным документом, затрагивающим вопросы пожарной безопасности, является «Лесной план Свердловской области». Как основной плановый документ лесного хозяйства, он должен содержать положения, регламентирующие противопожарную деятельность в лесах: правила землепользования, противопожарные режимы, создание и содержание противопожарных полос, организацию сил и средств для борьбы с лесными пожарами. Эффективность плана напрямую зависит от исполнения его требований: проведения учебных тревог, поддержания противопожарных разрывов, оповещения населения, работы лесничеств в период пиков пожарной опасности.

Для повышения эффективности предлагается реализовать организационные меры регионального уровня:

- создать единую цифровую платформу мониторинга пожаров с детализацией по муниципалитетам (интеграция данных МЧС, органов лесного хозяйства, Росгидромета);
- дифференцировать финансирование противопожарных мероприятий, направляя больше ресурсов в территории с выраженным инфраструктурным дефицитом;
- разработать долгосрочную региональную программу модернизации пожарной техники и систем связи.

Разнородность застройки динамично развивающихся городов и агломераций повышает пожарную опасность и осложняет тушение пожаров, а также оценку комплексного ущерба. Существенными факторами выступают рост этажности и плотности жилой застройки [4].

На муниципальном уровне целесообразно:

- усилить контроль соблюдения требований пожарной безопасности при строительстве и эксплуатации объектов, развивать современные системы обнаружения и тушения на объектах массового пребывания людей и в жилых комплексах;
- в северных районах — развивать базирование сил, ориентированных на работу в лесном массиве, системно обучать лесничих и привлекать подготовленных добровольцев;
- последовательно развивать раннее обнаружение пожаров (спутниковый мониторинг, беспилотные системы);
- в сельских районах — проводить регулярные профилактические мероприятия по проверке печного оборудования и электропроводки, а также информационные кампании по недопущению палов сухой растительности.

Для минимизации экономических последствий от пожаров необходим интегрированный подход, включающий подготовку населения, профилактику и управление рисками [5].

Экономический ущерб от пожаров носит многоуровневый характер и в совокупности оказывает существенное влияние на финансовое состояние пострадавших субъектов и региональную экономику. Оценка экономических последствий, включающая прямые и косвенные потери и их квантификацию, является ключевым этапом анализа, поскольку переводит риски в плоскость измеримых финансовых показателей и обосновывает необходимость инвестиций в превентивные и реагирующие меры.

Прямые потери — наиболее очевидная и измеримая часть ущерба: стоимость имущества, уничтоженного или повреждённого огнём. Для лесных пожаров — стоимость лесных насаждений и защитных лесных участков; для промышленности — оборудования, производственных линий, складов, сырья и продукции; для жилого сектора — стоимость жилья, имущества граждан, оцениваемая страховыми организациями или экспертными комиссиями.

Косвенные потери обычно более значимы и сложнее для точного расчёта. Они включают:

- потери производственных возможностей: остановка предприятия ведёт к потере выручки и валового дохода; при недостаточном страховом покрытии возрастает риск банкротства и массовых увольнений [6];
- каскадные эффекты: снижение спроса у поставщиков и подрядчиков, ухудшение ситуации в сфере услуг, падение налоговой базы;
- бюджетные расходы: эвакуация и размещение граждан, ликвидация последствий, восстановление инфраструктуры, социальная поддержка;
- социальные издержки: медицинская и психологическая помощь, поддержка семей пострадавших, восстановление объектов социальной инфраструктуры;
- ухудшение инвестиционного климата: повторяемость и масштабность пожаров повышают воспринимаемый риск территории и могут снижать инвестиционную привлекательность;
- экологический ущерб, имеющий экономическую оценку (например, снижение углеродной ёмкости лесов).

Потеря рабочих мест в одном ключевом предприятии может иметь каскадный эффект на всю региональную экономику, затронув компании-поставщики, обслуживающие фирмы и местные сервисные точки. Вторая группа косвенных потерь относится к расходам бюджета. На ликвидацию последствий пожаров, эвакуацию и временное размещение граждан, восстановление инфраструктуры и оказание социальной помощи пострадавшим расходуются средства всех уровней бюджета. К третьей группе относятся социальные издержки, включающие расходы на медицинское обслуживание пострадавших, психологическую помощь, поддержку семей погибших, а также затраты на восстановление социальной инфраструктуры, поврежденной в результате пожара.

Не маловажным аспектом является воздействие на инвестиционный климат. Инвестиционный климат является одним из ключевых факто-

ров успеха региона, и любые факторы, его подрывающие, напрямую угрожают экономической безопасности. Повторяющиеся или масштабные пожары могут подорвать доверие инвесторов, которые будут рассматривать территорию как высокого риска. Это может привести к снижению инвестиционной привлекательности региона, что негативно скажется на его долгосрочном экономическом росте и развитии. Наконец, нельзя забывать и об экологическом ущербе, который также имеет экономическую оценку. Например, уничтожение лесов снижает их углеродную ёмкость, что является потерей для глобального климатического регулирования.

Проведенный анализ ключевых аспектов пожарной безопасности в Свердловской области в контексте экономической безопасности выявляет сложную взаимосвязь между природными, промышленными и социальными рисками и состоянием системы противодействия им. Исследование подтверждает, что пожары являются не случайными событиями, а измеримыми экономическими рисками, управляемыми системой мер, направленных на их предотвращение и ликвидацию [7]. В то же время, оно выявляет ряд критических пробелов в информации, которые препятствуют формированию целостной и объективной картины. Основной вывод заключается в том, что инвестиции в пожарную безопасность, будь то развитие инфраструктуры, внедрение новых технологий или усиление регулирования, являются прямыми инвестициями в экономическую стабильность и устойчивость региона.

Проведённый анализ пожарной безопасности в Свердловской области в контексте экономической безопасности показывает взаимосвязь природных, промышленных и социально-бытовых рисков с состоянием системы противодействия пожарам. Пожары выступают измеримыми экономическими рисками, управляемыми через комплекс мер по предупреждению и ликвидации последствий [7]. Одновременно выявляется дефицит информации и сопоставимых данных, затрудняющий формирование целостной картины и приоритизацию решений.

Ключевой вывод заключается в том, что инвестиции в пожарную безопасность (инфраструктура, технологии, регулирование, подготовка населения) являются прямыми инвестициями в экономическую устойчивость региона.

В качестве практических рекомендаций предлагается:

1. создание единой базы данных (реестра) по пожарной безопасности, включающей статистику пожаров, сведения о состоянии инфраструктуры, результаты надзорной деятельности, показатели ущерба;

2. проведение количественной оценки рисков по территориям на основе собранных данных, что позволит обосновывать территориально адресные меры и оценивать ожидаемый экономический эффект от инвестиций; система предотвращения пожаров с комплексной оценкой ущерба способна повысить пожарную безопасность городских территорий и обеспечить основу экономического развития хозяйственных систем различного уровня [8];
3. выявление инфраструктурных «белых пятен» и приоритизация финансирования уязвимых кластеров (муниципалитетов, районов, промышленных зон);
4. модернизация и расширение противопожарной инфраструктуры, включая обновление техники, особенно для борьбы с лесными пожарами, и развитие пожарных подразделений в удалённых районах;
5. внедрение технологий раннего обнаружения (спутники, БПЛА), создание единой цифровой платформы диспетчеризации, а также сервисов для оперативных сообщений о пожарах и получения предупреждений;
6. институционализация межведомственного взаимодействия: постоянные рабочие группы, регулярные совместные учения, а также механизмы стимулирования бизнеса к соблюдению требований пожарной безопасности (в том числе через страховые инструменты).

Таким образом, экономическая безопасность Свердловской области в значительной степени зависит от способности региона эффективно противостоять пожарным рискам. Реализация системных мер, основанных на территориальной дифференциации и управлении данными, может существенно повысить устойчивость региональной экономики к данным угрозам.

Список литературы:

- [1] Опарин, Д. Е. Безопасность территориальной системы предотвращения пожаров в рамках социально-экономического районирования и противопожарного страхования / Д. Е. Опарин // Образование и право. – 2025. – № 10. – С. 169-173. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-10-169-173. – EDN DQBYVX.
- [2] Карапузиков, А. А. Аспекты экономических затрат на тушение пожаров / А. А. Карапузиков, С. В. Попова // Организационно-экономические и инновационно-технологические проблемы модернизации экономики России : Сборник статей XIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 19–20 июня 2023 года / Под научной редакцией В.Н. Лазарева, Б.Я. Тарских. –

Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 52-54. – EDN ZGKGUX.

[3] Смирнова, О. П. Актуальные аспекты развития экономической безопасности строительного комплекса региона / О. П. Смирнова, А. О. Пономарева // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15, № 9(378). – С. 1666-1680. – DOI 10.24891/ni.15.9.1666. – EDN SVSTLK.

[4] Опарин, Д. Е. Актуальные вопросы экономической политики при оценке ущерба от пожаров в секторе жилой застройки регионов / Д. Е. Опарин, И. Д. Опарин // Природноресурсный потенциал, экология и устойчивое развитие регионов России : Сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 20–21 января 2025 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – С. 153-157. – EDN NHEDDZ.

[5] Опарин, Д. Е. Экономические последствия от пожаров / Д. Е. Опарин, А. А. Карапузиков // Менеджмент в социальных и экономических системах : Сборник докладов XVI Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Пенза, 15–16 ноября 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. – С. 130-134. – EDN IGRXHO.

[6] Федорец, Е. А. Потери от пожаров и их экономическая оценка / Е. А. Федорец, Л. Г. Агапитова // Неделя молодежной науки-2023 : Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции, Тюмень, 01–31 марта 2023 года. – Тюмень: Государственный аграрный университет Северного Зауралья, 2023. – С. 1660-1667. – EDN BEYSTB.

[7] Карапузиков, А. А. Аспекты экономики пожарной безопасности / А. А. Карапузиков, Н. П. Мураев // Правовые и социально-экономические проблемы современной России: теория и практика : Сборник статей XI Международной научно-практической конференции, Пенза, 15–16 ноября 2023 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 149-152. – EDN RXLRTG.

[8] Опарин, Д. Е. Категорирование городских территорий в аспекте оценки ущерба от пожаров на примере города Екатеринбурга / Д. Е. Опарин, И. Д. Опарин // Актуальные вопросы пожаротушения : Сборник материалов III Всероссийского круглого стола, Иваново, 28–29 марта 2024 года. – Иваново: Ивановская пожарно-спасательная академия Государственной противопожарной службы МЧС РФ, 2024. – С. 190-192. – EDN VSAQKK.

References:

- [1] Oparin, D. E. Safety of the territorial fire prevention system within the framework of socio-economic zoning and fire insurance/D. E. Oparin//Educa-

tion and law. – 2025. – № 10. – С. 169-173. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-10-169-173. – EDN DQBYVX.

[2] Karapuzikov, A. A. Aspects of the economic costs of extinguishing fires/A. A. Karapuzikov, S. V. Popova//Organizational, economic and innovation and technological problems of modernizing the Russian economy: Collection of articles of the XIII International Scientific and Practical Conference, Penza, June 19-20, 2023/Edited by V.N. Lazarev, B.Ya. Tar sky. – Penza: Penza State Agrarian University, 2023. – С. 52-54. – EDN ZGKGUX.

[3] Smirnova, O.P. Actual aspects of the development of the economic security of the construction complex of the region/O.P. Smirnova, A.O. Ponomareva//National interests: priorities and security. – 2019. – Т. 15, NO. 9 (378). – С. 1666-1680. – DOI 10.24891/ni.15.9.1666. – EDN SVSTLK.

[4] Oparin, D. E. Topical issues of economic policy when assessing damage from fires in the residential sector of the regions/D. E. Oparin, I. D. Oparin// Natural resource potential, ecology and sustainable development of the regions of Russia: Collection of articles of the XXIII International Scientific and Practical Conference, Penza, January 20-21, 2025. – Penza: Penza State Agrarian University, 2025. – С. 153-157. – EDN HHEDDZ.

[5] Oparin, D. E. Economic consequences from fires/D. E. Oparin, A. A. Karapuzikov//Management in

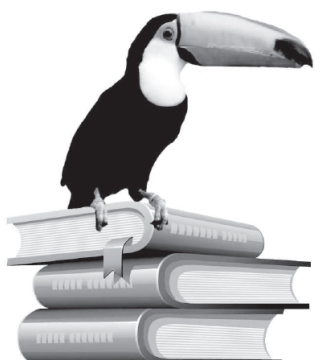
social and economic systems: Collection of reports of the XVI International Scientific and Practical Conference. In 2 parts, Penza, November 15-16, 2024. – Penza: Penza State Agrarian University, 2024. – С. 130-134. – EDN IGRXHO.

[6] Fedorets, E. A. Losses from fires and their economic assessment/E. A. Fedorets, L. G. Agapitova//Youth Science Week-2023: Collection of Works of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Tyumen, March 01-31, 2023. – Tyumen: State Agrarian University of the Northern Trans-Urals, 2023. – С. 1660-1667. – EDN BEYSTB.

[7] Karapuzikov, A. A. Aspects of fire safety economics/A. A. Karapuzikov, N. P. Muraev// Legal and socio-economic problems of modern Russia: theory and practice: Collection of articles of the XI International Scientific and Practical Conference, Penza, November 15-16, 2023. – Penza: Penza State Agrarian University, 2023. – С. 149-152. – EDN RXLRTG.

[8] Oparin, D. E. Categorization of urban areas in terms of assessing damage from fires on the example of the city of Yekaterinburg/D. E. Oparin, I. D. Oparin//Actual fire extinguishing issues: Collection of materials of the III All-Russian Round Table, Ivanovo, March 28-29, 2024. – Ivanovo: Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation, 2024. – С. 190-192. – EDN VSAQKK.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-350-353

РУЩИЦКАЯ Ольга Александровна,
доктор экономических наук,
профессор кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: olgaru-arbitr@mail.ru

КРУЖКОВА Татьяна Ивановна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: rustale@yandex.ru

КУЛИКОВА Елена Сергеевна,
доктор экономических наук,
профессор кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: e.s.kulikova@mail.ru

СОПЕГИНА Вера Терентьевна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: sopegina_01@mail.ru

СБИТНЕВ Николай Анатольевич,
кандидат технических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: n.sbitnev@mail.ru

АНАЛИЗ ВНУТРЕННЕЙ СРЕДЫ ОРГАНИЗАЦИИ АПК КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы исследования факторов внутренней среды организации АПК.

В период нестабильной экономической ситуации в России, вызванной санкциями со стороны стран Западной Европы и США, необходимо регулярно проводить мониторинг факторов внутренней среды организации. Особое значение для продовольственной безопасности нашей страны имеет анализ внутренней среды организаций агропромышленного комплекса. Целью исследования является оценка влияния факторов внутренней среды агропромышленного предприятия на эффективность его функционирования. Исследование факторов внутренней среды, включающих долю рынка, трудовые ресурсы и их квалификацию, влияние сезонных колебаний, качество продукции - способствуют принятию инновационных управленческих решений и повышению конкурентоспособности предприятий АПК. Также регулярный мониторинг внутренней среды позволяет разработать эффективный план стратегического развития.

Ключевые слова: факторы, swot-анализ, сильные стороны организации, слабые стороны организации, внутренняя среда организации, организации АПК.

RUSHCHITSKAYA Olga Aleksandrovna,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Department of Management and Economic Theory
Ural State Agrarian University

KRUZHKOVA Tatyana Ivanovna,

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of Management and Economic Theory
Ural State Agrarian University*

KULIKOVA Elena Sergeevna,

*Doctor of Economic Sciences, Professor,
Department of Management and Economic Theory at the
Ural State Agrarian University*

SOPEGINA Vera Terentyevna,

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Department of Management and Economic Theory
at the Ural State Agrarian University*

SBITNEV Nikolai Anatolyevich,

*Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Department of Management and Economic Theory
at the Ural State Agrarian University*

ANALYSIS OF THE INTERNAL ENVIRONMENT OF AN AGRO-INDUSTRIAL ORGANIZATION AS A FACTOR OF INCREASING COMPETITIVENESS

Annotation. *This article examines theoretical and practical aspects of studying internal environmental factors in agricultural enterprises.*

During the unstable economic situation in Russia caused by sanctions imposed by Western European countries and the United States, it is essential to regularly monitor internal environmental factors. Analysis of the internal environment of agricultural enterprises is of particular importance for food security in our country. The purpose of this study is to assess the impact of internal environmental factors on the performance of an agricultural enterprise. Research into internal environmental factors, including market share, labor force and their qualifications, the impact of seasonal fluctuations, and product quality, facilitates innovative management decisions and increases the competitiveness of agricultural enterprises. Regular monitoring of the internal environment also enables the development of an effective strategic development plan.

Key words: *factors, SWOT analysis, strengths of the organization, weaknesses of the organization, internal environment of the organization, agro-industrial complex organizations.*

Основные факторы успеха – одна или несколько причин, по которым лидер отрасли добивается высокого положения [1, с. 200].

Выгодное месторасположение – географический фактор, обеспечивающий конкурентное преимущество при необходимости освоения новых рынков.

Профессиональный кадровый состав – человеческие ресурсы, имеющие большой и уникальный опыт работы в организациях АПК и адаптированные к сложным условиям труда.

Уникальное изобретение, защищенное патентом, являющееся – интеллектуальной собственностью организации.

Передовые технологии и новое оборудование.

В условиях современной жесткой конкуренции предприятия должны стремиться к защите своей системы ценностей, учитывая при этом, что чем сложнее продукт, тем больше его ценность на рынке [8, с. 1227].

Итак, экономическая эффективность деятельности организации во многом зависит от изменений внутренней среды, выявленных в ходе исследования:

- Необходимо постоянное увеличение объемов производства – так называемое реактивное изменение, являющееся следствием реакции на текущую ситуацию на рынке;
- Ввод в действие новых мощностей – то есть проактивное изменение, направленное на удовлетворение потребностей рынка в будущем;

- Модернизация существующего оборудования – также реактивное изменение, направленное на удовлетворение более жестких требований к качеству;
- Рост затрат на производство и персонал, являющийся результатом инфляции и повышения цен на энергоресурсы;
- Дефицит квалифицированных кадров как результат оттока из сельской местности.

При наличии названных изменений внутренней среды, положение организации нельзя назвать сильной. В таком случае необходимо совершенствовать систему управления, включающую следующие факторы:

- Расширение клиентской базы в России и других дружественных странах;

- Привлечение квалифицированного персонала;
- Внедрение инновационных изобретений;
- Максимальное использование имеющихся мощностей;
- Улучшение качества продукции;
- Умение удерживать потребителя;
- Способность быстро реагировать на изменение рыночной ситуации.

При этом необходимо учитывать не только внутренние факторы, но и внешние. Для эффективного реагирования на различные воздействия извне можно составить матрицу swot-анализа, представленную в *таблице 1*.

Таблица 1. Матрица SWOT-анализа

Сильные стороны: - Географическое расположение предприятия на Урале позволяет вести продажи продукции во многих странах мира; - Известность организации в регионе и в России; - Хорошая материально-техническая база; - Собственные изобретения; - Энергичная команда менеджеров; - Динамичное развитие; - Постоянные инвестиции в развитие организации;	Слабые стороны: - Недостаточное знание российского рынка; - Отсутствие подробного анализа рынка по каждому продукту; - Низкая заинтересованность работников в качественной продукции; - Недостаточно автоматизированные процессы – требуется много «ручной» тяжелой физической работы; - Необходимость модернизации;
Возможности внешней среды - Потребление готовой сельскохозяйственной продукции и полуфабрикатов увеличивается с каждым годом - Развитие аграрного сектора в России в настоящее время идет небывалыми темпами	Угрозы внешней среды - Качественная конкуренция - Ценовая конкуренция - Финансирование отрасли

Проанализируем факторы дифференциации продукции организаций агропромышленного сектора с целью определения основных критериев их стратегического развития предприятия и эффективности.

Во-первых, продукт должен соответствовать всем требованиям потребителей по качеству;

Во-вторых, имеющиеся производственные мощности и знания, позволяющие предложить более качественный продукт, чем у конкурентов;

В-третьих, предоставление гарантии на продукцию;

В-четвертых, возможность поставки продукции в любую точку страны, если требует заказчик;

В-пятых, срок поставки должен быть меньше, чем у конкурентов;

Дифференциация позволяет повышать цену в разумных масштабах, открывает доступ к новым потребителям, формирует узнаваемость продукции.

Список литературы:

[1] Зуева П.В., Озеров С.Л., Захаров А.К. Взгляд практиков на преимущества открытых

инноваций // Инновации в управлении социально-экономическими системами (RCIMSS-2021). - Иваново, 2022. - С. 192-201.

[2] Капустина Н.В. Формирование комплексной системы оценки эффективности проектного управления на основе интеграции количественных и качественных методов в условиях ресурсных ограничений // Вестник евразийской науки. - 2025. - Т. 17, № 1.

[3] Костюкова Е.И. Разработка системы контроллинга устойчивого развития аграрных формирований // Труды Кубанского государственного аграрного университета. - 2022. - № 95. - С. 44-53.

[4] Москвина, М. М. Внутренняя и внешняя среда организации / М. М. Москвина, П. И. Чурсина, А. С. Сухова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 18 (465). — С. 118-131. — URL: <https://moluch.ru/archive/465/102326>.

[5] Потуруй К. Инструменты аналитики для управления маркетингом компаний малого бизнеса // Индустриальная экономика. - 2023. - № 3. - С. 52-59.

[6] Селезнёва И.Е., Клочков В.В. Организация крупномасштабных инновационных проектов: проблемы и механизмы // Россия: тенденции и перспективы развития. - 2022. - № 17-1. - С. 21

[7] Филько С.В. Анализ эволюции методологии контроллинга // Контроллинг. - 2022. - № 4(86). - С. 60-67.

[8] Фоменко Н.М. Проектное управление и управление проектами: опыт, отличия, тенденции и перспективы развития // Лидерство и менеджмент. - 2024. - Т. 11, № 3. - С. 1215-1232.

[9] Халикова Э.А. Инструментарий оперативного контроллинга в системе проектного менеджмента в вертикально интегрированных нефтегазодобывающих компаниях // Экономика и управление: научно-практический журнал. - 2024. - № 1(175). - С. 111-118.

[10] Широкова В.Е. Анализ проблем и перспектив управления инновационными проектами в условиях цифровизации и глобальной нестабильности // Россия и Азия. - 2020. - № 5(14). - С. 72-86.

References:

[1] Zueva P.V., Ozerov S.L., Zakharov A.K. Practitioners' Views on the Benefits of Open Innovations // Innovations in the Management of Socio-Economic Systems (RCIMSS-2021). - Ivanovo, 2022. - Pp. 192-201.

[2] Kapustina N.V. Formation of an Integrated System for Assessing the Effectiveness of Project Management Based on the Integration of Quantitative and Qualitative Methods in the Context of Resource Constraints // Bulletin of Eurasian Science. - 2025. - Vol. 17, No. 1.

[3] Kostyukova E.I. Development of a System for Controlling the Sustainable Development of Agrarian Formations // Proceedings of the Kuban State Agrarian University. - 2022. - No. 95. - Pp. 44-53.

[4] Moskvina, M. M. Internal and external environment of the organization / M. M. Moskvina, P. I. Chursina, A. S. Sukhova. — Text: direct // Young scientist. — 2023. — No. 18 (465). — Pp. 118-131. — URL: <https://moluch.ru/archive/465/102326>.

[5] Poturuy K. Analytical tools for managing marketing of small businesses // Industrial Economy. - 2023. - No. 3. - Pp. 52-59.

[6] Selezneva I.E., Klochkov V.V. Organization of large-scale innovative projects: problems and mechanisms // Russia: trends and development prospects. - 2022. - No. 17-1. - P. 21

[7] Filko S.V. Analysis of the evolution of the controlling methodology // Controlling. - 2022. - No. 4 (86). - P. 60-67.

[8] Fomenko N.M. Project management and project management: experience, differences, trends and development prospects // Leadership and management. - 2024. - Vol. 11, No. 3. - P. 1215-1232.

[9] Khalikova E.A. Operational controlling tools in the project management system in vertically integrated oil and gas producing companies // Economics and Management: scientific and practical journal. - 2024. - No. 1 (175). - P. 111-118.

[10] Shirokova V.E. Analysis of problems and prospects of managing innovative projects in the context of digitalization and global instability // Russia and Asia. - 2020. - No. 5(14). - P. 72-86.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-354-357

КОНДРАТЮК Диана Лукинична,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс»
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Севастопольский государственный университет»,
Россия, г. Севастополь
e-mail: kondratuk@inbox.ru

К ВОПРОСУ О МЕТОДЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ (С УЧЕТОМ КОНТИНУАЛЬНО- КОМБИНАТОРНОГО МЕТОДА)

Аннотация. Статья посвящена отдельным проблемам метода гражданско-правового регулирования корпоративных отношений, в том числе, проявлению в них континуально-комбинаторного метода правового регулирования. Выявлено, что дискуссионность вопроса о методе правового регулирования корпоративных отношений обусловлена как изменением подходов к категории самого метода гражданско-правового регулирования, так и спецификой корпоративных отношений, влекущей неоднозначность подходов к вопросу, - присущи ли корпоративным отношениям свойства метода гражданско-правового регулирования (равенство участников, автономия воли, их имущественная самостоятельность). В статье обосновывается целесообразность анализа метода правового регулирования корпоративных отношений через призму континуально-комбинаторного метода.

Ключевые слова: корпоративные отношения, метод гражданского права, метод гражданско-правового регулирования корпоративных отношений, континуально-комбинаторный метод правового регулирования, императивные и диспозитивные начала в корпоративном праве, равенство участников корпоративных отношений, автономия воли, имущественная самостоятельность участников.

KONDRATYUK Diana Lukinichna,
candidate of Juridical Sciences,
associate professor of department «Civil law and process»
of Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Sevastopol state university»

ON THE QUESTION OF THE METHOD OF LEGAL REGULATION OF CORPORATE RELATIONS (TAKING INTO ACCOUNT THE CONTINUAL-COMBINATORIAL METHOD)

Annotation. The article is devoted to certain problems of the method of civil law regulation of corporate relations, including the manifestation of the continuum-combinatorial method of legal regulation in them. It is revealed that the debatable issue of the method of legal regulation of corporate relations is due to both a change in approaches to the category of the method of civil law regulation itself, and the specifics of corporate relations, which entail ambiguity of approaches to the question of whether the properties of the method of civil law regulation are inherent in corporate relations (equality of participants, autonomy of will, their property independence). The article substantiates the expediency of analyzing the method of legal regulation of corporate relations through the prism of the continuum-combinatorial method.

Key words: corporate relations, method of civil law, method of civil law regulation of corporate relations, continuum-combinatorial method of legal regulation, imperative and dispositive principles in corporate law, equality of participants in corporate relations, autonomy of will, property independence of participants.

Корпоративные отношения, с одной стороны, представляют собой одну из наиболее исследованных групп общественных отношений, составляющих предмет гражданского права России, а с другой стороны, по поводу них продолжаются научные дискуссии. Так, в доктрине отсутствуют единые подходы к правовой природе корпоративных отношений, обоснованности включения их в предмет гражданского права, к принципам, предмету, методу их регулирования, структуре, соотношению в них императивных и диспозитивных начал, и др. [1, с. 6].

Как верно отмечает Т.В. Дерюгина, для обеспечения стабильности гражданского оборота российское гражданское законодательство нуждается в усилении императивных начал и ограничении свободы усмотрения, что подтверждается положениями Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации. [2].

И, как следствие разногласий в научных подходах к вышеуказанным теоретическим положениям корпоративного права, поводом для научных дискуссий стала и неоднозначная судебная практика по различным категориям корпоративных споров [3, с. 3]. Неоднозначность научных подходов и правоприменительной практики в данной сфере обусловлена присущей корпоративным отношениям спецификой по сравнению с иными гражданско-правовыми отношениями. Как обоснованно отмечает И.С. Шиткина, их специфика проявляется, прежде всего, в методе правового регулирования и судебном толковании норм корпоративного права. [1, с. 18] Поэтому исследование метода правового регулирования корпоративных отношений является весьма актуальным.

В правовой доктрине вопрос о методе правового регулирования корпоративных отношений представляется наиболее дискуссионным в связи со следующими обстоятельствами:

- ввиду чрезвычайной дискуссионности категории самого метода гражданско-правового регулирования;

- ввиду неоднозначности подходов к применению к корпоративным отношениям поименованных в ст. 2 ГК РФ таких элементов метода, как равенство, автономия воли, имущественная самостоятельность участников корпоративных отношений;

- в силу отсутствия единой позиции по поводу соотношения диспозитивности и императивности в нормах, которые регламентируют отношения участников хозяйственных обществ.

Для определения специфики метода правового регулирования корпоративных отношений представляется необходимым прежде рассмотреть вопрос о современном понимании метода гражданского права. Такие факторы, как происхо-

дящая в России в последнее десятилетие интенсивная цифровизация всех сфер гражданского оборота, обусловившая появление новых общественных отношений, требующих их урегулирования нормами гражданского права; усиление влияния в праве публичных элементов по сравнению с частными; неоднозначность элементов метода гражданско-правового регулирования потребовали пересмотра его концепции. [4, с. 6]

На современном этапе в правовой доктрине сформировалась достаточно обоснованная позиция о необходимости изменения концепции метода гражданского права. [6, с. 26].

Континуальность в контексте метода правового регулирования проявляется, прежде всего, в конструировании длящихся правовых состояний. Как отмечает А.Я. Рыженков, присущая методу правового регулирования характеристика континуальности проявляется, если общественные отношения представляются как целостные модели непрерывных правовых состояний, а не как множество локальных элементов поведения. Автор приводит в качестве примеров таких правовых состояний цифровые права, обязательство и др. [7, с. 40]

В настоящее время в российской правовой доктрине существует множество подходов применительно к методу правового регулирования корпоративных отношений. Можно выделить следующие подходы:

- отрицание особого метода регулирования корпоративных отношений. Так, например, по мнению И.С. Шиткиной, отсутствует специфический метод регулирования корпоративных отношений, являющийся критерием их отграничения от других видов гражданских правоотношений; [1]

- к регулированию корпоративных отношений применяется гражданско-правовой метод, так как данным отношениям присущи все его признаки (равенство, автономия воли, имущественная самостоятельность участников), например, так считают А.А. Кулик [8], А.В. Камин (при этом последний автор исходит из понимания равенства в том, что все участники гражданских правоотношений наделяются... мерой социальных возможностей в сфере применения права) [9];

- метод регулирования корпоративных отношений отличается императивностью ввиду наличия в них субординации, поэтому нельзя считать применимым к ним в полной мере гражданско-правовой метод. Так, О.В. Гутников считает, что в корпоративных отношениях отсутствует равенство субъектов (*участник – юридическое лицо*), так как управомоченный субъект подчиняет волю обязанного (при этом автор исходит из понимания равенства как отсутствия какой-либо властной принужденности одной стороны другой); [10]

- отсутствует необходимость и возможность выработать единый метод правового регулирования всех корпоративных отношений, поэтому его определяют законодатель и правоприменитель, в зависимости от множества факторов (сущность, характер каждого вида общественных отношений и др.) [11], также есть и иные подходы. [9]

Представляется, что в правовом регулировании отношений участников хозяйственных обществ довольно значительная роль отведена императивным началам, что подтверждается, в том числе, наличием в числе корпоративных прав таковых, отдельные правомочия которых трансформируются в обязанности при возникновении отдельных обстоятельств. Так, например, исходя из содержания статьи 65.2 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 8 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», статей 31 – 32 Федерального закона «Об акционерных обществах», право на участие в управлении деятельностью корпорации может трансформироваться в обязанность участника принимать участие в принятии решений корпорации при условии, что они критически важны для ее деятельности. [12] Однако, категория «важности» таких решений нуждается в ее дальнейшей формализации.

Осуществление участниками корпоративных прав (например, права на участие в управлении деятельностью корпорации) возможно при участии других участников корпорации, поэтому такой присущий методу гражданского права признак, как автономия воли, проявляется в корпоративных отношениях весьма относительно. Как отмечает В.К. Андреев, «...корпоративные права и обязанности участников не имеют полной индивидуализации, являясь превращенной формой гражданских прав и обязанностей юридического лица». [13]

В контексте упоминаемого выше континуально-комбинаторного метода правового регулирования гражданских правоотношений, состоящего в применении различных императивных и диспозитивных средств регулирования для обеспечения целостности и непрерывности гражданско-правового пространства, и, с учетом наличия императивных и диспозитивных начал в правовом регулировании корпоративных отношений представляется возможным распространение указанного метода и на сферу корпоративных отношений.

Список литературы:

[1] Шиткина И.С. Корпоративное право России: состояние и вектор развития // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. - 2017. - № 4. - С. 3 - 28.

[2] Дерюгина Т.В. Комментарий к статьям А.А. Рыженкова, опубликованным в журнале «Современное право» № 1-2022 и № 2-2022. / Т.В. Дерюгина // [Электронный ресурс]. - URL: <https://sovpravo.press/stati/evoljuciya-metoda-grazhdansko-pravovogo-regulirovaniya-v-rossii-s-7-14/#comment-12> (дата обращения: 24.12.2025).

[3] Осипенко О.В. Право как обязанность: корпоративно-управленческий аспект. Часть 1 // Вестник арбитражной практики. 2021. № 2. С. 13 - 23.

[4] Кондратюк Д.Л. К вопросу о методе правового регулирования (в обоснование свойства континуальности) // Современное право, 2023. № 5. С. 5 – 9.

[5] Рыженков А.А. Эволюция метода гражданско-правового регулирования в России // Современное право, 2022. № 1. С. 7 – 14.

[6] Рыженков А.А. К вопросу о методе правового регулирования в связи с публичными и частными интересами // Современное право. 2022. № 8. С. 24 – 28.

[7] Рыженков А.А. Континуальность как характеристика метода правового регулирования // Современное право. 2023. № 4. С. 38 – 43.

[8] Кулик А.А. Корпоративные права в системе гражданских прав: автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.А. Кулик. Москва, 2009. 35 с.

[9] Камин А.В. Принцип-метод равенства осуществления корпоративных прав // Гражданское право. 2022. № 4. С. 30 - 33.

[10] Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: монография / О.А. Беляева, С.А. Бурлаков, М.М. Вильданова и др.; отв. ред. О.В. Гутников. Москва: ИЗИСП, Статут, 2021. 528 с.

[11] Мамагеишвили В.З. Преобладающий метод правового регулирования в корпоративном праве // Соотношение императивных и диспозитивных начал в корпоративном праве. Сборник статей под ред. И.С. Шиткиной. – М. Статут. – 2017. – С. 6 – 29.

[12] Мельник Д.Э. К вопросу о ситуационной трансформации корпоративных прав и обязанностей // Гражданское право. 2025. № 5. С. 25 - 29.

[13] Андреев В.К. Субъективное гражданское право и иные проявления воли и интереса в деятельности юридических лиц // Журнал российского права. 2018. N 8. С. 58 - 68.

References:

[1] Shitkina I.S. Corporate Law of Russia: Status and Development Vector // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. - 2017. - No. 4. - pp. 3 - 28.

[2] Deryugina T.V. Commentary on the articles by A.Ya. Ryzhenkov, published in the journal "Modern Law" No. 1-2022 and No. 2-2022. / T.V. Deryugina // [Electronic resource]. - URL: <https://sovpravo.press/stati/evoljuciya-metoda-grazhdansko-pravovogo-regulirovaniya-v-rossii-s-7-14/#comment-12> (accessed: 24.12.2025).

[3] Osipenko O.V. Law as a Duty: Corporate Management Aspect. Part 1 // Bulletin of Arbitration Practice. 2021. No. 2. pp. 13 - 23.

[4] Kondratyuk D.L. On the Method of Legal Regulation (in Substantiation of the Property of Continuity) // Modern Law, 2023. No. 5. pp. 5 - 9.

[5] Ryzhenkov A.Ya. Evolution of the Method of Civil Law Regulation in Russia // Modern Law, 2022. No. 1. pp. 7 - 14.

[6] Ryzhenkov A.Ya. On the Method of Legal Regulation in Connection with Public and Private Interests // Modern Law. 2022. No. 8. Pp. 24–28.

[7] Ryzhenkov A. Ya. Continuity as a Characteristic of the Method of Legal Regulation // Modern Law. 2023. No. 4. Pp. 38–43.

[8] Kulik A. A. Corporate Rights in the System of Civil Rights: Abstract of the Dissertation of a Candidate of Legal Sciences / A. A. Kulik. Moscow, 2009. 35 p.

[9] Kamin A. V. The Principle-Method of Equality of Exercise of Corporate Rights // Civil Law. 2022. No. 4. Pp. 30–33.

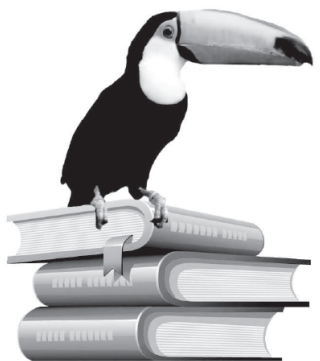
[10] Modern Corporate Law: Actual Problems of Theory and Practice: Monograph / O. A. Belyaeva, S. A. Burlakov, M. M. Vildanova, et al.; Responsible for Ed. O. V. Gutnikov. Moscow: IZiSP, Statut, 2021. 528 p.

[11] Mamageishvili V. Z. The Prevailing Method of Legal Regulation in Corporate Law // The Correlation of Mandatory and Dispositive Principles in Corporate Law. Collection of Articles edited by I. S. Shitkina. – M. Statut. – 2017. – Pp. 6–29.

[12] Melnik D. E. On the Issue of Situational Transformation of Corporate Rights and Obligations // Civil Law. 2025. No. 5. Pp. 25–29.

[13] Andreev V. K. Subjective Civil Law and Other Manifestations of Will and Interest in the Activities of Legal Entities // Journal of Russian Law. 2018. N 8. P. 58 - 68.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-358-363

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

КОТ Екатерина Михайловна,
доктор экономических наук, заведующий кафедрой
экономики, бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: katekaterina@rambler.ru

ПИЛЬНИКОВА Ирина Федоровна,
ст. преподаватель кафедры
экономики, бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: pilnikovai@mail.ru

ГОРБУНОВА Олеся Сергеевна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономики, бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: os-bakunova@mail.ru

МАЛЬКОВА Юлия Вадимовна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономики, бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: malkova0404@mail.ru

ПЕТРЯКОВА Светлана Викторовна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: uprkadr@mail.ru

РАДИОНОВА Светлана Владимировна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: svr_svetlana@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА И КОНТРОЛЯ ЗАТРАТ НА ПРОИЗВОДСТВО ПРОДУКЦИИ

Аннотация. Учет и контроль затрат на производство продукции является одной из ключевых для любого предприятия, особенно в условиях современной экономики России, характеризующейся растущей конкуренцией, изменением спроса потребителей и экономическими кризисами.

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся поля учета, анализа и внутреннего контроля производственных затрат, которые являются главным объектом управленческого влияния для любого типа предприятия. Проведено исследование всех направлений учета затрат, которые вместе с аналитическим процессом формируют поле внутреннего контроля себестоимости. Создание эффективных систем учета и анализа затрат является залогом высокого качества контрольной функции.

Ключевые слова: затраты, себестоимость, учет затрат, калькулирование себестоимости, метод учета затрат, анализ производственных затрат, внутренний контроль затрат, место возникновения затрат, центры ответственности за затраты, цеховая себестоимость, производственная себестоимость, полная себестоимость.

KOT Ekaterina Mikhailovna,
Doctor of Economic Sciences,
Head of the Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

PILNIKOVA Irina Fedorovna,
Senior Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

GORBUNOVA Olesya Sergeevna,
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

MALKOVA Yulia Vadimovna,
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

PETRYAKOVA Svetlana Viktorovna,
Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

RADIONOVA Svetlana Vladimirovna,
Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

FEATURES OF ACCOUNTING AND CONTROL OF PRODUCTION COSTS

Annotation. *Accounting and control of production costs is a key issue for any enterprise, especially in the modern Russian economy, characterized by increasing competition, changing consumer demand, and economic crises.*

This article examines issues related to the accounting, analysis, and internal control of production costs, which are the primary focus of management influence for any type of enterprise. A study was conducted of all cost accounting areas, which, together with the analytical process, form the field of internal cost control. The development of effective cost accounting and analysis systems is the key to high-quality control.

Key words: *costs, cost, cost accounting, cost calculation, cost accounting method, production cost analysis, internal cost control, cost center, cost responsibility centers, shop floor cost, production cost, full cost.*

Затраты – выраженные в денежной форме расходы предприятий на производство, обращение и сбыт товаров или услуг [1]. Затраты – это стоимостная оценка материальных, природных, трудовых, финансовых, информационных и других видов ресурсов на производство и реализацию продукции за определенный период времени [2].

Важность эффективного управления затратами производства обусловлена несколькими факторами:

1. Повышение конкурентоспособности. Эффективный контроль над расходами позволяет предприятию снизить себестоимость своей продукции, что повышает конкурентоспособность товара на рынке. Это становится критически важ-

ным фактором выживания бизнеса в современных рыночных реалиях, когда потребители часто выбирают продукцию исходя из соотношения цена-качество.

2. Обеспечение прибыльности. Контроль расходов помогает оптимизировать структуру затрат и выявить неэффективные элементы производственного процесса. Анализируя расходы и устраняя излишние затраты, предприятие способно повысить свою рентабельность и устойчивость к экономическим колебаниям.

3. Улучшение качества управленческих решений. Правильная организация учета производственных затрат способствует принятию обоснованных управленческих решений. Руководству необходимы точные и своевременные данные о структуре расходов, чтобы своевременно реагировать на изменения внешней среды и оперативно адаптироваться к новым условиям рынка.

4. Соответствие законодательным требованиям. Законодательство России предъявляет строгие требования к ведению бухгалтерского учета и отчетности предприятий. Контроль затрат позволяет соблюдать установленные нормы и избегать штрафов и санкций со стороны контролирующих органов.

Учет затрат представляет собой процесс систематического сбора информации в отношении всех видов затрат на производство продукции. Учетная работа специалистов на данном участке является достаточно широким полем и предполагает построение модели классификации затрат, создание экономического обоснования их целесообразности, определение метода учета затрат и калькулирования себестоимости. Учет затрат осуществляется в системе учетной деятельности по разным направлениям учета (рисунки 1) [3].

Рисунок 1. Виды учета затрат на производство продукции.

Можно выявить общую цель для всех существующих видов учета: накопление, систематизация и интерпретация информации о каждом виде затрат, а также сохранение для разработки и принятия различных видов управленческих решений.

Все затраты в своей совокупности формируют себестоимость предприятия. Калькулирование себестоимости, т.е. процесс подсчета общей суммы производственных затрат, необходимых для выпуска единицы изделия или производственной программы становится правильным при верном определении метода учета затрат [4].

Метод учета затрат представляет собой конкретный способ обработки информации о производственных затратах в системе бухгалтерского учета. Его выбор определяется спецификой организации производства и системы управления им. На современном этапе выделяют четыре базовых метода учета затрат:

1. Нормативный метод (применяется при полностью стандартизированном производстве, где формируются четкие нормы расхода ресурсов при производстве продукции).
2. Позаказный метод (применяется при изготовлении продукции на основе заказов, что

требует индивидуального подсчета затрат по каждому заказу).

3. Попроцессный метод (применяется в отдельных производствах в целом по производственному процессу, без калькулирования себестоимости на каждой фазе производства)
4. Попередельный метод (используется при изготовлении массовой продукции на основе применения однородного исходного сырья и при преобладании в технологическом процессе физико-химических операций).

Область учета затрат на производство является областью формирования базы данных по ним. Все содержащиеся в ней сведения являются исходной информацией для калькулирования цеховой, производственной и полной себестоимости.

Цеховая себестоимость – совокупность прямых затрат на производство продукции и затрат на обслуживание производственного процесса (общепроизводственные затраты) на конкретном производственном участке или в конкретном цехе.

Производственная себестоимость определяется совокупностью цеховых расходов и общехозяйственных расходов, требуемых предприятию для осуществления производственной деятельностью в целом.

Полная себестоимость определяется как сумма производственной себестоимости и затрат по продвижению и сбыту продукции на рынке [5].

Данная внутренняя информация используется в полном цикле управления затратами в процессе анализа затрат на производство продукции.

Анализ производственных затрат представляет собой раздел экономического анализа, связанный с исследованием затрат предприятия, целью которого является получение данных о внутренних резервах их оптимизации и сокращения себестоимости.

Современная методология экономического анализа имеет свою архитектуру и представлена следующими основными разделами [6]:

1. Анализ видов затрат предприятия в динамике и сравнении с плановыми показателями.
2. Анализ цеховой, производственной, полной себестоимости.
3. Анализ структуры полной себестоимости по различным классификациям затрат.
4. Факторный анализ себестоимости произведенной продукции.
5. Оценка уровня затрат на один рубль товарной продукции (оценка доходности затрат).
6. Анализ рентабельности (прибыльности) затрат.

Посредством проведения анализа исходные данные о затратах на производство, формируемые в системе внутреннего учета трансформируются и интерпретируются с точки зрения необходимости выявления определенной специфики в их динамике. Итоговые результаты анализа являются основой для разработки управленческих решений, а также для системы оперативного производственного учета и составления текущих и оперативных планов с учетом мероприятий по сокращению себестоимости либо оптимизации процессов управления затратами.

Внутренний управленческий контроль затрат представляет собой систему мероприятий по обеспечению соответствия исполнения принятых управленческих решений в области управления затратами, информационная основа которой создается в совокупности баз данных бухгалтерского и управленческого учета. Внутренний управленческий контроль ориентирован на определенные объекты контроля: места возникновения затрат и центры ответственности за затраты.

Место возникновения затрат – определенные структурные единицы производства и управления бизнесом (предприятие в целом, производственный сектор, отдельный бизнес, цехи, участки, стадии, переделы) и отдельные процессы (основные и вспомогательные) [7].

Центры ответственности – подразделения, по которым можно контролировать выполнение менеджерами установленных для них административных обязанностей.

Несмотря на очевидную важность, учет и контроль затрат сталкиваются с рядом проблем, затрудняющих эффективное управление производством:

1. Недостаточная точность учета затрат. Нередко производственные предприятия сталкиваются с проблемами точности учета затрат, возникающими вследствие устаревших методов расчета себестоимости, отсутствия автоматизации процессов учета и недостаточной квалификации персонала бухгалтерии.

2. Сложность выявления резервов снижения затрат. Производственный процесс включает большое количество операций и этапов, каждый из которых имеет собственную специфику формирования затрат. Определение потенциальных зон экономии требует тщательного анализа каждого этапа, что увеличивает сложность системы учета и контроля.

3. Низкий уровень прозрачности финансовых потоков. Отсутствие четкого разделения статей расходов может привести к проблемам идентификации конкретных видов затрат и соответственно невозможности оценить эффективность отдельных подразделений предприятия.

4. Ограниченные возможности оперативного реагирования. Недостаточное использование современных технологий учета и аналитики ограничивает способность руководства быстро выявлять отклонения фактических показателей от запланированных значений и своевременно вносить необходимые корректировки.

Для преодоления указанных трудностей важно внедрять современные методы и инструменты управления производственными затратами:

- использование автоматизированных систем ERP (Enterprise Resource Planning), позволяющих интегрировать процессы планирования, учета и контроля всех аспектов производственной деятельности;

- регулярное проведение внутреннего аудита финансовой отчетности и эффективности организации системы учета затрат;

- разработка методологии калькулирования себестоимости, соответствующей особенностям конкретного предприятия и отрасли промышленности;

- применение современных инструментов анализа затрат, таких как ABC-анализ, факторный анализ и бенчмаркинг.

Таким образом, эффективная система учета и контроля затрат является залогом успешного функционирования и развития предприятия в условиях жесткой конкуренции и нестабильной рыночной ситуации. Ее внедрение и совершенствование требуют значительных усилий, однако окупаются повышением производительности труда, снижением себестоимости продукции и увеличением прибыли.

Таким образом, в соответствии с собственным сформированным видением, учет затрат представляет собой систему обработки информации по хозяйственным фактам, связанным с движением затрат и формированием полной себестоимости. Затраты являются главным объектом одновременно в нескольких системах учета затрат, где ведущая роль отводится бухгалтерскому и управленческому учету. Принципы учета затрат в первую очередь полноты, достоверности и своевременности отражения информации о движении затрат в информационной базе предприятия. Правильно организованная работа в поле учетной деятельности обеспечивает аналитический процесс полностью объективной и полной информацией для проведения разностороннего исследования производственных затрат. В своей совокупности учетная и аналитическая деятельность формируют область внутреннего управленческого контроля, где преобладают исключительно внутренние интересы в отношении цикла

управленческого воздействия на затраты. Для систем внутреннего управленческого контроля на современных предприятиях крайне важно не только организация бухгалтерского учета, который согласно нормам действующего законодательства является регламентированным и обязательным для ведения видов учета, но и управленческого учета с учетом специфики состава затрат, методов организации системы управления ими, форматом аналитической работы. Только комплексный подход к формированию системы внутреннего управленческого контроля затрат обеспечит избежание и снижение организационных рисков, связанных с их управлением.

Список литературы:

[1] Гончарова Н. А. // В сборнике: Проблемы и перспективы развития учетно-аналитического, финансового и контрольного обеспечения деятельности экономических субъектов. Материалы национальной (Всероссийской) научно-практической и методической конференции. Воронеж. – 2021. – С. 154 – 158.

[2] Дрогина Т. А., Грекова В. А. Сущность и значение понятия «затраты» и задачи их учета в процессе производства // Форум молодых ученых. 2018. №11-1 (27). С. 627-623.

[3] Воронова Е. Ю. Управленческий учет. Учебник / Е.Ю. Воронова. - М.: Юрайт, 2022. - 430 с.

[4] Рыбакова О. В. Бухгалтерский управленческий учет и управленческое планирование / О.В. Рыбакова. - М.: Финансы и статистика, 2024. - 464 с.

[5] Григорьева Е. А. Система учета производственных затрат и их классификация // [Электронный ресурс] URL: https://nalog-nalog.ru/buhgalterskij_uchet/vedenie_buhgalterskogo_ucheta/sistema_ucheta_proizvodstvennyh_zatrat_i_ih_klassifikaciya-nn/ (дата обращения: 05.01.2026).

[6] Туляков А.Н. Бухгалтерский учет и анализ / А. Н. Туляков. – М.: ИЦ ВЕГА-М, 2019. - 454 с.

[7] Методы учета затрат на производство // [Электронный ресурс] URL: <https://glavkniga.ru/situations/k502694> (дата обращения: 05.01.2026).

[8] Кот Е.М., Пильникова И.Ф. Теоретические и исторические аспекты бухгалтерского учета затрат, расходов и издержек на производство продукции / Е.М. Кот, И.Ф. Пильникова - Аграрный вестник Урала. 2014. № 12 (130). С. 78-83.

References:

[1] Goncharova N. A. // In the collection: Problems and prospects for the development of accounting, analytical, financial and control support for the activities of economic entities. Proceedings of the

national (All-Russian) scientific, practical and methodological conference. Voronezh. - 2021. - Pp. 154 - 158.

[2] Drogina T. A., Grekova V. A. The essence and meaning of the concept of "costs" and the tasks of their accounting in the production process // Forum of young scientists. 2018. No. 11-1 (27). Pp. 627-623.

[3] Voronova E. Yu. Management accounting. Textbook / E. Yu. Voronova. - M.: Yurait, 2022. - 430 p.

[4] Rybakova O. V. Accounting management accounting and management planning / O.V. Rybakova. - M.: Finance and Statistics, 2024. - 464 p.

[5] Grigorieva E. A. System of accounting of production costs and their classification // [Electronic

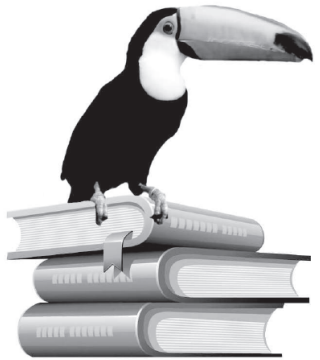
resource] URL: https://nalog-nalog.ru/buhgalterskij_uchet/vedenie_buhgalterskogo_ucheta/sistema_ucheta_proizvodstvennyh_zatrat_i_ih_klassifikaciya-nn/ (date of access: 05.01.2026).

[6] Tulyakov A. N. Accounting and analysis / A. N. Tulyakov. - M.: IC VEGA-M, 2019. - 454 p.

[7] Methods of accounting for production costs // [Electronic resource] URL: <https://glavkniga.ru/situations/k502694> (date of access: 05.01.2026).

[8] Kot E.M., Pilnikova I.F. Theoretical and historical aspects of accounting for costs, expenses and expenses for production of products / E.M. Kot, I.F. Pilnikova - Agrarian Bulletin of the Urals. 2014. No. 12 (130). Pp. 78-83.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-364-366

САМОХИН Василий Александрович,
аспирант,
УВО «Университет управления «ТИСБИ»,
e-mail: vasiliysamohin@mail.ru

ПОНЯТИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

Аннотация. В настоящей статье рассмотрено понятие «электронные средства платежа», возникновение и развитие данного явления. Произведено сравнение различных подходов к данному термину, сложившихся в научной доктрине. С учетом изложенных точек зрения, можно прийти к выводу, что электронные деньги по своей сути являются лишь новой формой безналичных денег. Также проанализированы основные различия между основными их видами - банковскими картами и электронными кошельками.

Ключевые слова: электронные средства платежа, электронные деньги, платежные системы, онлайн-платежи, безналичные расчеты.

SAMOKHIN Vasilii Aleksandrovich,
Postgraduate Student,
Higher Education Institution "University of Management TISBI"

THE CONCEPT OF ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT

Annotation. This article examines the concept of "electronic means of payment," as well as the emergence and development of this phenomenon. A comparison of various approaches to this term that have developed in academic doctrine is carried out. Taking into account the presented viewpoints, it can be concluded that electronic money, in its essence, represents merely a new form of cashless money. The article also analyzes the main differences between their principal types—bank cards and electronic wallets.

Key words: electronic means of payment, electronic money, payment systems, online payments, cashless settlements.

В современном мире электронные средства платежа являются неотъемлемой частью жизни большей части общества. Совершенствование и развитие современных технологий, цифровизация общества стимулируют их дальнейшее развитие, тем самым обуславливая актуальность на ближайшее время. В настоящее время при помощи разных электронных средств платежа можно купить любую продукцию или услугу, использовать для критически необходимых платежей, таких как оплата налогов, штрафов, коммунальных услуг, государственной пошлины и т.п.

Рассматривая исторический аспект возникновения таких платежей, следует отметить, что прообразом стала операция по телеграфному переводу денежных средств, произведенная в 1918 году. Успешная реализация данного платежа дала толчок последующему развитию, совершенствованию и внедрению в жизнь общества подоб-

ных операций. Указанное стало возможно, в том числе, в связи с процессом электронизации всей денежно-кредитной отрасли, стремительно начавшемся во второй половине XX века. Данные явления, в основном, смогли структурировать саму систему управления платежами, существенно уменьшили расчетные и кредитные риски на уровне платежей [1].

В научной среде термин «электронные деньги» впервые нашел свое отражение в научной литературе примерно в конце 1970-х годов Дэвидом Чоумом. Современный подход большей части европейских экономистов характеризует электронные денежные средства в качестве электронного хранения (запаса) денежной стоимости при помощи технического устройства с целью реализации платежей [2].

Что касается подходов, применяемых в российской научной доктрине, то следует отметить, что подавляющее большинство авторов представ-

ляют данное понятие в качестве схемы безналичных расчетов с применением денег в банковском компьютере, которые пересылаются по банковским сетям.

Так, например, позиция, сформулированная В.Ю. Ивановым заключается в том, что электронные денежные средства по своей сути представляют предоплаченный финансовый продукт. Указанный аргумент во многом опирается на положения Указания Банка России от 03.07.1998 № 277-У «О порядке выдачи регистрационных свидетельств кредитным организациям-резидентам на осуществление эмиссии предоплаченных финансовых продуктов» (в ред. от 15.11.1999)», в которых отражено, что предоплаченные финансовые продукты выявлялись в качестве денежных обязательств кредитного учреждения, которые заменяли в ходе их обращения требования юридических или физических лиц по оплате продукции или работ, и в включая денежные обязательства, подготовленные в электронном виде.

Принципиально иной подход заключается в том, что электронные денежные средства представляют собой исключительно информация в запоминающих устройствах электронно-вычислительных систем. Так, по мнению М.М. Мариной фактическое владение носителем вкупе с знанием ПИН-кода определяет титульное правообладание данными, содержащимися на носителе, и являющихся электронными деньгами.

Также следует выделить точку зрения относительно того, что электронные денежные средства одновременно обладают как признаками наличных денежных средств (в частности, это передача от лица к лицу без применения банковского счета), так и признаками безналичных денежных средств (выражено в том, что передача реализуется при помощи технологических устройств).

С учетом рассмотренных подходов, можно сформулировать вывод, о том, что что электронными средствами платежа являются постоянно видоизменяющийся инновационный платежный инструмент, облеченный в материальную или нематериальную форму, предоставляющий удаленный доступ к банковскому счету, а также предоставляющий возможность осуществить перевод денежных средств без открытия банковского счета.

В свою очередь, на уровне нормативно-правовых актов закрепить понятие электронных средств платежа и рассмотреть потенциальный порядок их использования законодатель предпринял попытку еще в 2011 году, после принятия Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». Указанный нормативно-правовой акт ввел следующую

дефиницию: электронное средство платежа — это средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств. Кроме того, так или иначе понятие электронных средств платежа также раскрывается в Федеральном законе от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Положении ЦБ РФ от 29.06.2021 № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств», Налоговом кодексе Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ и т.д.

Анализируя применение электронных средств платежа в современном обществе, можно выделить тот факт, что самыми распространенными электронными средствами платежа являются банковские карты и электронные кошельки. Отчасти неограниченность состава понятия «электронных средств платежа» обусловлена приведенной выше дефиницией из Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», позволяющей использовать достаточно широкую трактовку, а также дальнейшее динамичное развитие технологий, способствующее появлению новых форм, увеличению скорости и масштабов совершения платежных операций.

Дополнительно следует отметить также точку зрения, согласно которой к электронным средствам платежа также следует отнести и криптовалюту. По своей сути, криптовалюту можно представить как платежное средство, учет операций с которыми происходит децентрализованно на основе заранее установленных правил (протокола) без участия внешнего администрирования [3]. В настоящее время отношение государств к криптовалюте разительно отличается. Так, в частности Европейский суд отнес операции, совершаемые с использованием криптовалют, к операциям с валютами, в законодательстве Китая криптовалюта представляет собой некий товар, а в Швейцарии законодатель отнес биткоин к иностранной валюте, при этом в ряде азиатских стран криптовалюта и вовсе запрещена.

На дальнейшее развитие криптовалют как средства платежа оказывает влияние скорость проведения расчетов и невозможность их подделки, тот факт, что осуществление платежей может быть произведено без финансовых посредников. В свою очередь, колебания курса и стреми-

тельный рост мошеннических операций оказывают негативный эффект на их широкое применение.

Таким образом, электронные платежи представляют собой закономерный этап развития телекоммуникационных технологий. Системы электронных платежей планомерно вошли в повседневное использование современным обществом. Последующее развитие технологий и их внедрение стимулирует, в том числе, их нормативно-правовое регулирование и отражение в нормативно-правовой базе Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Балашев Н.Б., Ахмедова Е.И. Развитие электронных платежных технологий // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2019. - №5-4. - С. 91-94.

[2] Болотнова Е.А. Экономический анализ финансовой устойчивости организации как фактор повышения эффективности принятия управленческих решений/ Болотнова Е.А., Храмченко А.А.// Естественно-гуманитарные исследования. 2019. № 25 (3). С. 29-33.

[3] Кузнецов В.А., Якубов А.В. О подходах в международном регулировании криптовалют (BITCOIN) в отдельных иностранных юрисдикциях // Деньги и кредит. 2016. № 3. С. 20 — 29.

[4] Михайленко А.А. Электронные средства платежа: налоговый учет // Форум молодых ученых. 2018. №12-3.

[5] Караол А.Л., Шмырева А.И. Аспекты развития электронных средств платежа // Финансы и кредит. 2018. №10 (778).

[6] Е. А. Болотнова, Д. П. Позоян, Н. В. Гомолко Анализ развития электронных средств платежа // Вестник Академии знаний. 2020. №3 (38).

References:

[1] Balashev N.B., Akhmedova E.I. Development of electronic payment technologies//International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2019. - №5-4. - S. 91-94.

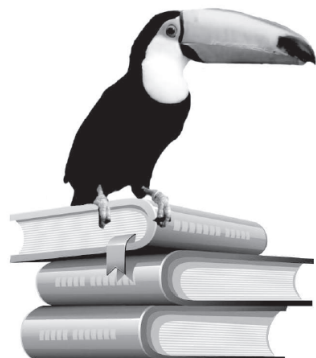
[2] Bolotnova E.A. Economic analysis of the financial stability of the organization as a factor in increasing the efficiency of management decision-making/Bolotnova E.A., Khranchenko A.A.// Natural-humanitarian studies. 2019. № 25 (3). S. 29-33.

[3] Kuznetsov V.A., Yakubov A.V. On approaches in the international regulation of cryptocurrencies (BITCOIN) in individual foreign jurisdictions//Money and credit. 2016. № 3. S. 20-29.

[4] Mikhailenko A.A. Electronic means of payment: tax accounting//Forum of young scientists. 2018. №12-3.

[5] Karaol A.L., Shmyreva A.I. Aspects of the development of electronic means of payment// Finance and credit. 2018. №10 (778).

[6] E. A. Bolotnova, D. P. Pozoyan, N. V. Gomolko Analysis of the development of electronic means of payment//Bulletin of the Academy of Knowledge. 2020. №3 (38).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-367-370

СИВЕНКОВ Игорь Витальевич,
Магистрант 2 курса ИЭУП ГАОУ ВО МГПУ,
e-mail: ingvarsiv@yandex.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ЭСТОППЕЛЯ ПРИ НЕДОБРОСОВЕСТНОМ ПОВЕДЕНИИ СТОРОНЫ НА СТАДИИ ДОСУДЕБНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРА

Аннотация. Досудебное урегулирование является элементом решения спора, однако не всегда стороны проявляют необходимую добросовестность, чем подрывают доверия полагающейся стороны. В статье автор рассматривает аспекты применения «запрета на возражения», то есть эстоппель в случаях, когда недобросовестное и противоречивое поведение стороны было обнаружено на стадии досудебного урегулирования спора.

Ключевые слова: право, закон, договор, добросовестность, арбитражный процесс, злоупотребление правом, бремя доказывания, обязательства, судопроизводство, автономия воли.

SIVENKOV Igor Vitalievich,
2nd year Master's student, Institute of Economics and Law,
Moscow State Pedagogical University

APPLICATION OF ESTOPPEL IN CASE OF BAD FAITH CONDUCT OF A PARTY AT THE STAGE OF PRE-TRIAL DISPUTE SETTLEMENT

Annotation. Pre-trial settlement is an element of dispute resolution, but parties do not always demonstrate the necessary good faith, thereby undermining the trust of the relying party. In this article, the author examines the application of the "bargaining estoppel" in cases where a party's bad faith and inconsistent conduct is discovered during the pre-trial dispute resolution stage.

Key words: law, contract, good faith, arbitration process, abuse of rights, burden of proof, obligations, legal proceedings, autonomy of will.

Одним из фундаментальных принципов гражданского законодательства, в том числе разграничивающего его с публичным правом, выступает принцип автономии воли. Субъекты гражданского оборота свободны заключать сделки, действовать по своему усмотрению, выбирать и вести переговоры с контрагентами. Круг дозволенности данных действий урегулирован законом.

Стороны также свободны урегулировать спор, возникший вследствие нарушения договорных обязательств, без обращения в суд. В условиях повышенной нагрузки на суды такие попытки приветствуются как государством, так и самими сторонами, ведь это не приводит к дополнительным судебным расходам, увеличению сроков решения спорной ситуации.

Термин «досудебное урегулирование» раскрывается Верховным судом РФ. В контексте темы настоящей статьи под ним понимается деятельность сторон договора или третьих лиц, осу-

ществляемая ими самостоятельно до обращения в суд, например, проведение переговоров, претензионный порядок или с привлечением уполномоченного органа [7].

Некоторую схожесть правовой природы досудебного урегулирования можно увидеть с проведением переговоров о заключении договора. И в том и другом случае стороны находятся в стадии переговоров, обмена позициями, требованиями, возражениями, пытаются достигнуть определенной цели. Российское законодательство также распространяет требование о добросовестности к переговорам до заключения основного договора, согласования всех условий [8].

В литературе отмечаются такие схожие черты переговоров на стадии досудебного урегулирования и переговоров о заключении договоров как: наличие интересов сторон, направленность на достижение тех или иных договоренностей, наличие поэтапного процесса, свобода волеизъявления сторон [6, С. 59-63].

Круг вопросов, решаемых при досудебном урегулировании спора при наличии договорных отношений между сторонами ограничен самим договором.

Вместе с тем, гражданским законодательством презюмируется добросовестное поведение участников спора. Определение того, какое именно поведение считается добросовестным осуществляется судом в каждом конкретном случае.

В научном сообществе выделяется несколько главных функций принципа добросовестности: конкретизирующая, дополняющая, ограничительная, корректирующая [4, С. 72-75].

Важно то, что добросовестность рассматривается не только в качестве субъективной добросовестности (извинительного незнания каких-либо обстоятельств) [2, С. 4], но и как объективная добросовестность, т.е. некоего требования к надлежащему поведению, которое правопорядок предъявляет участникам оборота [1, С. 17]. Задачей принципа доброй совести является сдерживание проявления личного эгоизма там, где этот эгоизм начинает выступать препятствием для жизни социума [2, С. 4].

Говоря о соотношении понятий «недобросовестность» и «злоупотребление правом», отмечают три позиции: отождествление понятий, соотношение как общее и частное и как частное и общее [3, С. 245].

Правило эстоппель регулирует вопрос защиты пострадавшей от злоупотребления правом на стадии досудебного урегулирования спора и позволяет суду блокировать право стороны ссылаться на обстоятельства, если поведение этой стороны ранее было противоречивым и недобросовестным.

Подчеркивается, что одного непоследовательного поведения стороны недостаточно, важно, чтобы подобная противоречивость подрывала разумное доверие второй стороны и влекла явную несправедливость [5, С. 745].

В научной доктрине предлагается обозначить три обязательных условия для применения правила эстоппель, в том числе и в рамках досудебного урегулирования: возникновение доверия у другой стороны должно быть вменено лицу, которому противопоставляется эстоппель, возникновение обоснованного доверия у добросовестной стороны, явная несправедливость подрыва доверия [5, С. 746-747].

По вопросу условий применений эстоппель рассуждает в своем определении ВС РФ. Так, суд отмечает, что ключевым при применении эстоппель является защита доверия стороны, которое хотя и противоречит формальной правовой или фактической действительности, но может быть

признано разумным, оправданным. Важным является выяснение того факта знала ли сторона, о том, что ее ожидания не соответствуют действительности [9].

На стадии досудебного урегулирования следующие факты могут свидетельствовать о недобросовестном поведении стороны: умолчание стороной о важном для решения спора факте, изменение своей позиции, подрывающее доверие второй стороны и порождающее соответствующую несправедливость, ложь, оказание давление, намеренное затягивание процесса, неуведомление стороны.

При этом необходимо понимать, что данный перечень не является исчерпывающим. Количество примеров недобросовестного поведения зависит от множества ситуаций, возникающих в гражданском обороте.

Бремя доказывания злоупотребления правом или ненадлежащего поведения стороны распределяется таким образом, что факт недобросовестности должна доказать сторона, заявляющая об этом [10]. При этом оговорки о том, что это должна быть именно сторона, право которой нарушаются недобросовестным поведением, не содержится.

Если же заявляющая сторона все же представила такие доказательства, обвиненная в недобросовестности сторона вправе эти доказательства опровергнуть, то есть несет бремя доказывания добросовестности своих действий [11].

Некоторые исключения из применения принципа эстоппель можно отметить при анализе судебной практики.

Ответчик не заявлял встречные требования в период действия договоров и на стадии досудебного урегулирования, впервые заявил об этом при рассмотрении дела в первой инстанции. Однако, суд не увидел в этом недобросовестного поведения по нескольким причинам. Во-первых, у кредитора отсутствует обязанность уведомлять должника о желании реализовать свое право на взыскание неустойки сразу после ее возникновения вследствие нарушения договорных обязательств. Во-вторых, подобные действия не нарушают права и законные интересы должника [12].

Не является и злоупотреблением правом длительное необращение в суд с иском о взыскании задолженности по договору, даже если такое бездействие увеличивает размер неустойки [13].

Также досудебной порядок считается надлежаще соблюденным, если истец не смог представить необходимые для урегулирования спора документы, но представленные документы свидетельствуют о существовании и размере требований или необходимые документы уже есть у второй стороны [14].

Не является и злоупотребление правом направление претензионного письма после подачи искового заявления, если к моменту принятия иска срок на добровольное удовлетворение требований претензии истек [15].

Таким образом, применение принципа эстоппель является эффективным механизмом восстановления справедливости в правоотношениях сторон, где недобросовестным действием или бездействием одной из сторон были нарушены права и интересы второй доверившейся стороны.

При этом, установленные факты недобросовестного поведения на стадии досудебного урегулирования будут иметь негативный правовой эффект для подорвавшей доверие стороны уже на стадии судебного процесса, когда суд блокирует право этой стороны ссылаться на те или иные обстоятельства.

Список литературы:

- [1] Егоров А. В. Новые положения о добросовестности и злоупотреблении правом. Какую пользу изменения принесут на практике / А. В. Егоров// Юрист компании «Аktion право». -2013. -№7. — URL: <https://elaw.ru/314832> (дата обращения: 10.02.2026). - Текст: электронный.;
- [2] Егоров А.В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы. Legal insight 2013. № 2. — С. 4-10.;
- [3] Лузик А. А. К вопросу о соотношении категорий злоупотребления правом и добросовестности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. №1. — С. 244-251.;
- [4] Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики [Электронное издание] / К. В. Нам. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: М-Логос, 2023. — 388 с.;
- [5] Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2020. — 1469 с.;
- [6] Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе: монография / под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. - Москва: Статут, 2023. - 272 с. - ISBN 978-5-8354-1882-4. - Текст: электронный. - URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2133912> (дата обращения: 18.02.2026).
- [7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
- [8] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. ч. 2 ст. 434.1.
- [9] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.10.2024 N 300-ЭС24-6956 по делу N СИП-295/2023 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. — URL: <https://www.vsrp.ru>.
- [10] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.09.2015 по делу N 5-КГ15-92 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. — URL: <https://www.vsrp.ru/>.
- [11] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2015) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. — URL: <https://www.vsrp.ru/>.
- [12] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.06.2025 N Ф05-8354/2025 по делу N А40-246397/2024 [Электронный ресурс] // Карточка арбитражный дел. — URL: <https://kad.arbitr.ru>.
- [13] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.02.2023 N Ф05-36142/2022 по делу N А40-93280/2022 [Электронный ресурс] // Карточка арбитражный дел. — URL: <https://kad.arbitr.ru>.
- [14] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.11.2024 N 09АП-63894/2024 по делу N А40-146744/2024 [Электронный ресурс] // Карточка арбитражный дел. — URL: <https://kad.arbitr.ru>.
- [15] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.11.2022 N Ф05-29165/2022 по делу N А40-76785/2022 [Электронный ресурс] // Карточка арбитражный дел. — URL: <https://kad.arbitr.ru>.

References:

- [1] Egorov A. V. New provisions on good faith and abuse of law. What benefit will the changes bring in practice/A. V. Egorov//Lawyer of the company "Aktion Pravo." -2013. -№7. - URL: <https://elaw.ru/314832> (access date: 10.02.2026). - Text: electronic.;
- [2] Egorov A.V. The principle of good faith in the Civil Code of the Russian Federation: the first steps of reform. Legal insight 2013. № 2. - S. 4-10.;
- [3] Luzik A. A. On the question of the ratio of categories of abuse of law and good faith//Scientific

notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences. 2022. №1. - S. 244-251;

[4] Nam K.V. Principle of conscientiousness: development, system, problems of theory and practice [Electronic edition] /K.V. Nam. - 2nd ed., Revised and add. - Moscow: M-Logos, 2023. - 388 p.;

[5] Basic provisions of civil law: article-by-article commentary to Articles 1-16.1 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Version 1.0] /A.V. Asoskov, V.V. Baybak, R.S. Bezenko [et al.]; resp. ed. A. G. Karapetov. - Moscow: M-Logos, 2020. - 1469 p.;

[6] Negotiations in civil law and civil process: monograph/ed. E. I. Nosyreva, D. G. Filchenko. - Moscow: Statute, 2023. - 272 p. - ISBN 978-5-8354-1882-4. - Text: electronic. - URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2133912> (access date: 18.02.2026).

[7] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.06.2021 No. 18 "On some issues of pre-trial settlement of disputes considered in civil and arbitration proceedings" [Electronic resource] /Official Internet portal of legal information. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

[8] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ/Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301. part 2 of article 434.1.

[9] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 08.10.2024 N 300-ES24-6956 in

case N SIP-295/2023 [Electronic Resource] /Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. — URL: <https://www.vsrfr.ru>.

[10] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.09.2015 in case No. 5-KG15-92 [Electronic Resource] /Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. — URL: <https://www.vsrfr.ru/>.

[11] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2015) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 26.06.2015) [Electronic resource] /Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. — URL: <https://www.vsrfr.ru/>.

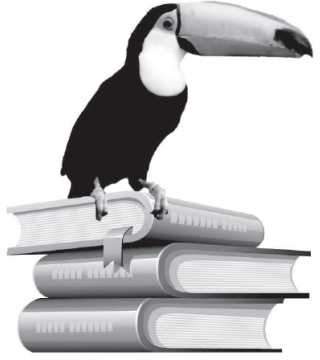
[12] Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District of 18.06.2025 N F05-8354/2025 in case N A40-246397/2024 [Electronic resource] /Card file of arbitration cases. — URL: <https://kad.arbitr.ru>.

[13] Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District of 10.02.2023 N Ф05-36142/2022 in case N A40-93280/2022 [Electronic resource] /Card file of arbitration cases. — URL: <https://kad.arbitr.ru>.

[14] Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 12.11.2024 N 09AP-63894/2024 in case N A40-146744/2024 [Electronic resource] /Card file of arbitration cases. — URL: <https://kad.arbitr.ru>

[15] Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District of 14.11.2022 N Ф05-29165/2022 in case N A40-76785/2022 [Electronic resource] /File cabinet of arbitration cases. — URL: <https://kad.arbitr.ru>.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-371-374

АЛЛАЛЫЕВ Руслан Мурадович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры публичного и международно-правового
обеспечения национальной безопасности,
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
e-mail: allalyev_rm@pfur.ru

МУРОМЦЕВ Геннадий Илларионович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории права и государства,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
e-mail: muromtsev_gi@pfur.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ОТ «ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА» К «ВЕРХОВЕНСТВУ КОДА»

Аннотация. В статье исследуется фундаментальная трансформация правовых систем в условиях цифрового капитализма, характеризующаяся как переход от «верховенства права» (rule of law) к «верховенству кода» (rule of code). На основе анализа работ Ш. Зубофф, С. Розенбрюна, М. Хильдебрандт и других авторов доказывается, что технологические корпорации, внедряя алгоритмические системы контроля, осуществляют де-факто цифровой колониализм, подменяя публично-правовые нормы частными, непрозрачными алгоритмическими директивами. Авторы рассматривают конкретные проявления данного феномена: эрозию приватности, подрыв демократических процедур через замену голосования «поведенческой обратной связью», а также риски, связанные с внедрением ИИ в государственное управление и правоприменение. Авторы приходят к выводу о необходимости переосмысления идеи верховенства права в эпоху алгоритмов.

Ключевые слова: верховенство права, верховенство кода, цифровой колониализм, алгоритмическое управление, искусственный интеллект в праве, поведенческие данные, демократия, технократия.

ALLALYEV Ruslan Muradovich,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Public and International Legal Support of National Security,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas
(National Research University)

MUROMTSEV Gennadiy Illarionovich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Professor of the Department of Theory of Law and State,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

TRANSFORMATION OF SOCIAL REGULATION MECHANISMS: FROM THE “RULE OF LAW” TO THE “RULE OF CODE”

Annotation. This article examines a fundamental transformation of legal systems under conditions of digital capitalism, characterized as a shift from the “rule of law” to the “rule of code”. Based

on an analysis of works by S. Zuboff, S. Rosenbrunn, M. Hildebrandt, and other scholars, it is argued that technology corporations, by implementing algorithmic control systems, are de facto enacting digital colonialism, substituting public legal norms with private, opaque algorithmic directives. The authors examine specific manifestations of this phenomenon: the erosion of privacy, the undermining of democratic procedures through the replacement of voting with "behavioral feedback," as well as the risks associated with the implementation of AI in public administration and law enforcement. The conclusion is drawn on the necessity to rethink the idea of the rule of law in the algorithmic age.

Key words: rule of law, rule of code, digital colonialism, algorithmic governance, artificial intelligence in law, behavioral data, democracy, technocracy.

Новые этапы исторического развития идеи верховенства права зачастую были реакцией на конкретные социальные страхи: произвол абсолютной монархии, административное вмешательство, угрозы тоталитаризма. Как отмечает профессор Пол Берджесс, современный страх перед алгоритмическим произволом искусственного интеллекта (ИИ) обладает аналогичным потенциалом. Этот страх материализуется в наблюдаемом глобальном тренде, в рамках которого технологические корпорации (Big Tech) все активнее подменяют легальные и легитимные правовые нормы собственными алгоритмическими системами контроля. Данный процесс можно обозначить как переход от идеи верховенства права к идее «верховенства кода» (rule of code), который не просто модернизирует правоприменение, но ставит под вопрос саму гуманистическую суть права, превращая гражданина из субъекта права в источник поведенческих данных [2, р. 124-136].

Концептуальную рамку исследований в этой сфере образует теория «цифрового колониализма» Шошаны Зубофф, в которой приватность и автономия индивида становятся жертвами логики «капитализма наблюдения». Как показывает Зубофф, поведенческие данные, извлекаемые в беспрецедентных масштабах, являются сырьём для нового типа власти, предсказывающей и модифицирующей человеческое поведение [8]. Профессор Себастьян Розенгрюн непосредственно связывает эту логику с правовым полем, утверждая, что ИИ в эпоху цифрового капитализма трансформирует правовые системы, позволяя частным акторам (Google, Amazon, Meta) через алгоритмы поиска, рекомендаций, ранжирования и модерации де-факто регулировать социальные и экономические взаимодействия, одновременно создавая параллельную, неподотчётную публичному контролю нормативность [6]. Инструментами этого регулирования выступают психометрия и микротаргетирование, продемонстрировавшие свою мощь в скандале с Cambridge Analytica [3]. Способность не просто собирать данные, но и незаметно формировать убеждения,

сводя на нет автономию воли, представляет собой прямой вызов либеральной правовой традиции, основанной на рациональном и информированном субъекте.

Наиболее радикальным проявлением «верховенства кода» является его претензия на замену ключевых демократических институтов. Формируется модель «пост-голосового общества», где традиционное голосование объявляется устаревшим, а его место занимает непрерывный мониторинг «цифровых следов» (покупки, перемещения, активность в соцсетях). Эта модель, иногда облекаемая в риторику «аристотелевского правления разума» на основе «объективных данных», на практике же предлагает заменить демократию как систему публичной обратной связи на автоматизированную систему «реактивного» управления [7]. Первым шагом к подобной модели являются муниципальные алгоритмы, анализирующие данные с датчиков и камер в реальном времени для корректировки политики в сфере транспорта или ЖКХ. Однако системный недостаток данной модели выражен в её редуccionизме и слепоте к нормативной составляющей. К примеру, алгоритм, рекомендуя сократить финансирование малопосещаемых музеев, игнорирует необходимость сохранения культурного наследия.

Более того, такой подход ставит под сомнение необходимость общественного договора, который по своей природе не сводится к агрегации сиюминутных поведенческих паттернов. Это своего рода управление без «легитимности» в традиционном её понимании, во многом подменяющее политический выбор технократической оптимизацией.

Профессор Мирей Хильдебрандт выделяет две ключевые модели алгоритмического регулирования, каждая из которых проблематична для права. Первая модель, code-driven regulation (регулирование на основе кода), страдает от потери юридического контекста и гибкости при переводе правовых норм в алгоритмические инструкции, однако её достаточно для решения простых задач, к примеру, для автоматического расчёта налогов [5]. В этом смысле более опас-

ным является data-driven regulation (регулирование на основе данных), используемое в предиктивной судебной аналитике. Здесь возникает проблема «чёрного ящика», невозможность объяснить и оспорить логику принятия решений, что противоречит базовому принципу правовой определённости и процессуальных гарантий [2, p. 124–136].

Профессор Анна Леанде указывает на сопутствующий феномен «whitelisting» — создания списков одобренных субъектов (клиентов, поставщиков, граждан)[4]. Этот технократический инструмент, повышая управленческую эффективность, одновременно девальвирует традиционные правовые процедуры доказывания и состязательности, создавая новую «топологию регулирования», где власть алгоритма не требует публичной аргументации.

Проникновение алгоритмов в правовую систему создаёт состояние «правовой энтропии». С одной стороны, искусственный интеллект анализирует прецеденты и предсказывает решения, повышая точность, эффективность и предсказуемость. С другой стороны, распадаются связующие ткани правопорядка — публичная легитимность, подотчётность, возможность критики и правовой дискурс [1, с. 785]. Если идея верховенства права традиционно была направлена на ограничение человеческого произвола, то вопрос ограничения произвола алгоритмического требует существенного переосмысления прежних представлений. Вероятно, необходима разработка доктрины «алгоритмической подотчётности», своего рода аудита алгоритмов, влияющих на права граждан, и созданию правовых механизмов обжалования алгоритмических решений. Принцип «правления народа и для народа» должен быть переосмыслен как требование к цифровой легитимности, где каждый этап делегирования властных полномочий алгоритмам остается под публичным контролем и судебным надзором.

Цифровой колониализм корпоративных платформ, подмена демократической обратной связи поведенческим слежением, непрозрачность data-driven регулирования — всё это вехи на пути к «пост-голосовому» обществу, где гражданин низводится до объекта управления. Однако, как и исторические страхи перед абсолютной властью породили классические представления о верховенстве права, современный страх перед алгоритмическим арбитражем может и должен стать катализатором для новой правовой концепции. Её ядром должна стать защита человеческой агентности и публичной сферы от поглощения логикой частного технократического контроля.

Список литературы:

[1] Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. — 758 с.

[2] Burgess, Paul. The Rule of Law, Science Fiction, and Fears of Artificial Intelligence // Law, Technology and Humans. 2022. Vol. 4, № 2. P. 124–136. <https://doi.org/10.5204/lthj.2461>.

[3] Cadwalladr C. Revealed: 50 million Facebook profiles harvested for Cambridge Analytica in major data breach [Электронный ресурс] // The Guardian. — 2018. — 17 March. — URL: <https://www.theguardian.com/news/2018/mar/17/cambridge-analytica-facebook-influence-us-election> (дата обращения: 25.12.2025).

[4] Heupel, Monika, Reinold, Theresa. The Rule of Law in Global Governance. — London: Palgrave Macmillan, 2016. <https://doi.org/10.1057/978-1-349-95053-9>.

[5] Hildebrandt, Miet. Algorithmic regulation and the rule of law // Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences. 2018. Vol. 376, № 2128. Art. № 20170355. <https://doi.org/10.1098/rsta.2017.0355>.

[6] Rosengrün, S. Why AI is a Threat to the Rule of Law // DISO. 2022. Vol. 1. Art. № 10. <https://doi.org/10.1007/s44206-022-00011-5>.

[7] Smart City Charta = Хартия умного города : Digital Transformation gemeinsam gestalten [Электронный ресурс]. — Berlin : Bundesministerium des Innern, für Bau und Heimat (BMI), 2021. — 44 с. — URL: <https://www.smart-city-dialog.de/wissen/publikationen/smart-city-charta> (дата обращения: 25.12.2025).

[8] Zuboff, Shoshana. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. — New York: Public Affairs, 2019. — 691 p.

References:

[1] Jamison, F. Postmodernism, or Cultural Logic of Late Capitalism/trans. From the English D. Kralechkin; under scientific. ed. A. Oleinikova. - M.: Publishing House of the Gaidar Institute, 2019. - 758 p.

[2] Burgess, Paul. The Rule of Law, Science Fiction, and Fears of Artificial Intelligence // Law, Technology and Humans. 2022. Vol. 4, № 2. P. 124–136. <https://doi.org/10.5204/lthj.2461>.

[3] Cadwalladr C. Revealed: 50 million Facebook profiles harvested for Cambridge Analytica in major data breach [Электронный ресурс] // The Guardian. — 2018. — 17 March. — URL: <https://www.theguardian.com/news/2018/mar/17/cambridge-analytica-facebook-influence-us-election>

theguardian.com/news/2018/mar/17/cambridge-analytica-facebook-influence-us-election (дата обращения: 25.12.2025).

[4] Heupel, Monika, Reinold, Theresa. The Rule of Law in Global Governance. – London: Palgrave Macmillan, 2016. <https://doi.org/10.1057/978-1-349-95053-9>.

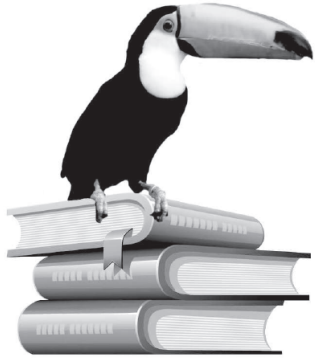
[5] Hildebrandt, Miet. Algorithmic regulation and the rule of law // Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences. 2018. Vol. 376, № 2128. Art. № 20170355. <https://doi.org/10.1098/rsta.2017.0355>.

[6] Rosengrün, S. Why AI is a Threat to the Rule of Law // DISO. 2022. Vol. 1. Art. № 10. <https://doi.org/10.1007/s44206-022-00011-5>.

[7] Smart City Charta = Smart City Charter: Digital Transformation gemeinsam gestalten [Electronic Resource]. – Berlin : Bundesministerium des Innern, für Bau und Heimat (BMI), 2021. – 44 с. – URL: <https://www.smart-city-dialog.de/wissen/publikationen/smart-city-charta> (дата обращения: 25.12.2025).

[8] Zuboff, Shoshana. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. – New York: Public Affairs, 2019. – 691 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-375-381

МУРАЕВ Николай Павлович,
канд. пед. наук, доцент,
профессор кафедры безопасности в ЧС,
Уральский институт ГПС МЧС России,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

КАРАПУЗИКОВ Александр Анатольевич,
канд. пед. наук, доцент,
начальник кафедры безопасности в ЧС,
Уральский институт ГПС МЧС России,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМА ПОЛУЧЕНИЯ ЛОЖНЫХ СИГНАЛОВ ОПОВЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЕМ ОТДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Аннотация. В настоящей статье рассматривается вопрос несанкционированного вмешательства в системы городского оповещения, вследствие чего происходит ложное оповещение граждан о чрезвычайных ситуациях и различных опасностях. Подобные события носят негативный характер и направлены на дестабилизацию работы органов власти и жизнедеятельности населения соответствующих муниципальных образований. Основной посыл статьи – рассмотреть события, имевшие место быть по несанкционированному оповещению населения, выявить причины их возникновения и сформулировать предложения по недопущению подобных случаев впредь.

Ключевые слова: защита информации в системе оповещения, оповещение населения, сигналы оповещения, системы защиты систем оповещения населения.

MURAEV Nikolay Pavlovich,
Candidate of Pedagogical Sciences, Docent,
Professor of the Department of Safety in Emergency Situations,
Ural Institute of the State Emergency Service of the Ministry
of Emergency Situations of Russia, Ekaterinburg, Russia

KARAPUZIKOV Alexander Anatolievich,
Candidate of Pedagogical Sciences, Docent,
Head of the Department of Safety in Emergency Situations,
Ural Institute of State Emergency Situations Ministry
of Emergency Situations of Russia, Ekaterinburg, Russia

THE PROBLEM OF RECEIVING FALSE WARNING SIGNALS BY THE POPULATION OF CERTAIN REGIONS IN THE CONTEXT OF A SPECIAL MILITARY OPERATION

Annotation. This article examines the issue of unauthorized interference in urban notification systems, resulting in false notification of citizens about emergency situations and various hazards. Such events are negative in nature and are aimed at destabilizing the work of the authorities and the livelihoods of the population of the relevant municipalities. The main message of the article is to con-

sider the events that took place due to unauthorized notification of the population, identify the causes of their occurrence and formulate proposals to prevent such cases in the future.

Key words: *information protection in the notification system, public notification, warning signals, public notification systems protection systems.*

Введение

24 февраля 2022 года по приказу Верховного Главнокомандующего Вооруженные силы Российской Федерации начали специальную военную операцию (далее – СВО) на территории Украины. Данное столкновение носит характер вооруженного противостояния.

В этих условиях риски для жизни граждан отдельных регионов страны значительно повышаются вследствие нанесения ударов противником различными средствами поражения по объектам экономики и социальной инфраструктуры.

Указанное обстоятельство накладывает серьезный отпечаток на деятельность органов государственной власти на местах, органов повседневного управления единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (далее – РСЧС), телевизионных и радиовещательных компаний, а также территориальных органов МЧС России, отвечающих за своевременное и достоверное информирование населения о возникающих угрозах.

В то же время в средствах массовой информации время от времени появляются сведения о несанкционированном запуске систем оповещения и доведении до населения ложных сообщений о событиях и опасностях, которые либо вовсе не имели места, либо лишь потенциально могут возникнуть в ближайшее время. Подобные информационные вбросы преследуют цель нарушить слаженную работу местных органов власти и органов повседневного управления РСЧС, а также посеять неразбериху и панику в обществе [1].

Принимая во внимание вышеизложенное, в качестве целевой установки исследования можно определить проведение анализа событий несанкционированного срабатывания систем оповещения населения, определения причин их возникновения и выработку предложений по недопущению подобных случаев.

Основная часть

Прежде всего следует подчеркнуть, что государственная политика и нормативное регулирование в сфере оповещения и информирования населения, а также создания, поддержания в состоянии готовности и использования систем оповещения осуществляются на основе требований, действующих законодательных и иных нормативных правовых актов

Правовую основу организации оповещения населения составляют нормативно-правовые

акты такие как: федеральные законы; указы Президента Российской Федерации; постановления Правительства Российской Федерации; нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти (далее – ФОИВ); правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации (далее – ОГВ) и органов местного самоуправления (далее – ОМСУ); решения Правительственной комиссии по чрезвычайным ситуациям и обеспечению пожарной безопасности (далее – КЧС и ОПБ); решения Рабочей группы Правительственной КЧС и ОПБ по координации создания и поддержания в постоянной готовности систем оповещения населения; национальные стандарты; планы действий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС); планы гражданской обороны и защиты населения.

К основным нормативным правовым актам, регламентирующим рассматриваемую область, относятся федеральные законы Российской Федерации, определяющие основы гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, а также регулирования в сфере связи [2-8].

Уместно отметить, что в соответствии с Положением о системах оповещения населения такие системы создаются на различных уровнях (региональном, муниципальном, объектовом) функционирования единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Решение о приведении в действие региональных, муниципальных и локальных систем оповещения принимается, соответственно, высшими должностными лицами субъектов Российской Федерации (руководителями высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ), руководителями органов местного самоуправления (главами местных администраций), а также руководителями организаций [8].

Другими словами, процесс оповещения населения строго регламентирован. Проблема, рассматриваемая в статье, кроется в его технической составляющей, а именно в тех элементах системы с помощью которых происходит передача информации населению, озвучивание и визуализация событий. Указанные элементы являются составной частью структуры системы оповещения, представляющей собой совокупность взаимодействующих компонентов, включающих специальные программно-технические средства оповещения, средства комплексной системы экстренного оповещения населения,

общероссийской комплексной системы информирования и оповещения населения в местах массового пребывания людей, громкоговорящие средства на подвижных объектах, мобильные и носимые средства оповещения, а также обеспечивающие ее функционирование каналы и линии связи, сети передачи данных единой сети электросвязи Российской Федерации.

Для обеспечения своевременной передачи населению сигналов оповещения и экстренной информации в комплексе могут использоваться: сети электрических и электронных сирен, а также мощные акустические системы; сети проводного радиовещания; сети уличной радиификации; сети кабельного телерадиовещания; сети эфирного телерадиовещания; сети подвижной радиотелефонной связи; сети местной телефонной связи, включая таксофоны, предназначенные для оказания универсальных услуг телефонной связи с функцией оповещения; сети связи операторов связи и ведомственные сети; сети систем персонального радиовызова; информационно телекоммуникационная сеть «Интернет»; громкоговорящие средства на подвижных объектах, а также мобильные и носимые средства оповещения [8].

При этом основным способом оповещения населения является передача сигналов оповещения и экстренной информации по сетям связи, предназначенным для распространения программ телевизионного и радиовещания, так как это значительно сокращает время распространения информации и позволяет быстро сориентировать граждан о том, что случилось и какие действия необходимо предпринять немедленно. В свою очередь это не может полностью исключать возможность использования сетей всесторонней коммуникации, в первую очередь теле- и радиоэфиров, для умышленного дезинформирования населения относительно произошедших или перспективных опасных событий, чрезвычайных ситуациях, наступление которых может создать угрозу для жизни и здоровья людей и серьезно нарушить условия их жизнедеятельности. Благодаря этому, сегодня, в условиях проведения специальной военной операции, системы оповещения населения ряда регионов России становятся объектами хакерских атак, что еще несколько лет назад было немыслимо.

Актуальность обозначенной проблемы можно проследить по ряду событий, имевших место быть на территории страны в период с 2023 по 2025 годы.

1 марта 2023 года.

По сообщению МЧС России, комплексная проверка готовности систем оповещения на всей

территории Российской Федерации была перенесена на неопределенный срок в связи с хакерскими атаками. Планировалось, что 1 марта состоится проверка с запуском электросирен и временным замещением программ теле- и радиовещания, однако накануне злоумышленникам удалось вывести в эфир ложные сообщения о воздушной тревоге. Причем подобные сообщения были зафиксированы в нескольких субъектах Российской Федерации. В Подмосковье, Ленинградской области, Казани, Саратове и ряде других городов в эфире телеканалов 2x2 и ТНТ4 вместо привычного вещания транслировалось предупреждение о ракетной угрозе, а в Крыму, а также в Белгородской и Воронежской областях аналогичные сообщения были переданы по радио [10].

Москва, 12 августа 2025 г.

Хакеры взломали систему оповещения одного из московских перевозчиков. Пассажирам автобусного маршрута № 191 объявили, о готовящейся ядерной атаке со стороны Украины, и попросили срочно проследовать в ближайшее защитное сооружение. Позже выяснилось, что неизвестные хакеры взломали систему оповещения коммерческого перевозчика ООО «Трансавтолиз» и пытались дезориентировать жителей данной информацией.

Новороссийск, 24 ноября 2025 г.

По сообщению мэра города Андрея Кравченко, во время атаки дронов на объекты инфраструктуры города в муниципальной системе оповещения произошел технический сбой, в результате которого в некоторых районах города прозвучало некорректное сообщение о радиационной, химической опасности и штормовой угрозе, хотя в реальности таких угроз не было. Давая комментарий случившемуся, глава города заявил: «Произошло несанкционированное вмешательство в систему городского оповещения».

И это далеко неполный список городов и событий, где были зафиксированы подобные случаи.

Возникает вопрос, кто за этим стоит, каким образом и почему это стало возможным и что делать, чтобы подобные случаи больше не повторялись?

По мнению специалистов, занимающихся научными разработками в области создания телекоммуникационных систем с большой долей вероятности «взлом был осуществлен не без участия иностранных спецслужб так как, взломать подобные системы — дело достаточно трудоемкое, но для них это не составляет большого труда. Явно прослеживается то, что взломали системы опове-

щения, которые находились в зоне ответственности коммерческих телекомпаний и радиокompаний» [10].

С технической стороны, процесс вмешательства в системы городского вещания (а он может быть санкционированный и несанкционированный) называется «перехват». В данном случае «перехват телевизионного цифрового сигнала со спутника произошел при помощи мощной антенны с Земли». Если точнее, то

«спутник воспринимает сигналы от телеканалов только с определенными техническими параметрами и мощностью (рис. 1). При этом спутник технически не может определить, откуда именно поступает сигнал. Поэтому, если с внешней антенны — в том числе расположенной на территории другого государства — отправить на спутник сигнал с такими же параметрами, как у телеканала, но большей мощности, произойдет подмена оригинального сигнала.

Рис.1. Трансляция телевизионного цифрового сигнала со спутника
(источник: https://museumgagarin.ru/news/iskusstvennyy_sputnik_zemli_televizionnogo_veshchaniya_ekran/?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera)

Объективности ради стоит отметить, что сигналы телеканалов шифруются для защиты от несанкционированного вмешательства, однако уровень применяемого шифрования может отличаться. В итоге именно от этого уровня зависит, насколько трудно подменить сигнал на спутнике. В случаях, описанных в статье, нарушители наверняка действовали там, где уровень технической защиты систем был достаточно низкий. То есть данные системы были не категоризованы и не защищены должным образом.

Есть еще один нюанс на который указывают эксперты по информационной безопасности. События, о которых речь шла выше, стали возможными потому, что в нашей стране системы оповещения на протяжении долгого времени создавались практически без учета требований безопасности: защита обеспечивалась на минимальном уровне. Предполагалось, что это коммерческая инфраструктура и ее безопасность будут обеспечивать сами владельцы ресурсов,

однако они, разумеется, старались на этом сэкономить. Поэтому отчасти неудивительно, что и сегодня на телеканалах и радиостанциях требования информационной безопасности, как правило, реализованы слабо. Этими вопросами занимаются сотрудники IT-подразделений при почти полном отсутствии отдельных специалистов, отвечающих именно за информационную безопасность [11]. Последствия налицо.

Результаты и их обсуждения

Исследование фактов и причин взлома систем оповещения в ряде субъектов РФ позволяет сформулировать вопрос - в чью компетенцию входят вопросы защиты систем оповещения населения, и кто должен сделать выводы из случившегося?

За ответом, в первую очередь, обратимся к положениям Федерального закона № 68, в содержании которого представлены полномочия органов государственной власти субъектов Россий-

ской Федерации и органов местного самоуправления в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций [3]. Данный документ определяет, что в компетенции органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления находятся вопросы предоставления имеющихся технических устройств для распространения продукции средств массовой информации, выделении эфирного времени в целях своевременного оповещения и информирования населения о чрезвычайных ситуациях и подготовки населения в области защиты от чрезвычайных ситуаций; создания и поддержания в постоянной готовности систем оповещения и информирования населения о чрезвычайных ситуациях.

Иными словами, на органы власти возлагается обязанность по созданию и поддержанию в постоянной готовности систем оповещения. Для этого они организуют и проводят комплексные и технические проверки их работоспособности и готовности к использованию.

Что касается вопросов обеспечения безопасности, то они отражены в Приложении 1 Положения о системах оповещения, где в требованиях к функциям систем прописано, что они должны обладать защитой от несанкционированного доступа. По сути, это требование к телекоммуникационному оборудованию, программному обеспечению, каналам связи, которое должно быть реализовано при создании технического проекта системы, выбора оборудования и т.д. Здесь важно иметь в виду то, что непосредственно Разработка системы защиты системы оповещения населения организуется государственным заказчиком-координатором и выполняется генеральным подрядчиком (исполнителем) в соответствии с техническим заданием на создание системы оповещения и системы её защиты, с учётом требований ГОСТ Р 59793 2021, ГОСТ Р 51583 2014, а также нормативных актов субъекта РФ.

Процесс разработки системы защиты включает два этапа: 1) проектирование системы защиты системы оповещения населения; 2) подготовку эксплуатационной документации на систему защиты.

При проектировании определяются объекты защиты, к которым относятся: информация о параметрах (состоянии) технических средств оповещения (ТСО) и процесса оповещения (входная и выходная, управляющая, контрольно-измерительная и иная критически важная технологическая информация); сами ТСО: технические средства (АРМ, промышленные серверы, телекоммуникационное оборудование, каналы связи, ПЛК, исполнительные устройства, за исключением оконечных средств оповещения — громкоговорите-

лей и электросирен), программное обеспечение (микропрограммное, общесистемное, прикладное), а также средства защиты информации.

К вышеизложенному стоит добавить еще один важный пункт. В 2021 году вступило в силу Положение о системах оповещения населения. Пункт 6 данного Положения вводит новые требования к обеспечению информационной безопасности в системах оповещения населения. Теперь необходимо обеспечивать защищенность систем оповещения населения согласно Приказам ФСТЭК России № 17 и 31 в зависимости от уровня значимости обрабатываемой в системе информации.

Пункт 6 «Требования к защите информации» указанного Положения определяет классы защищенности для систем оповещения:

- РАСЦО и КСЭОН должны соответствовать классу защищенности не ниже 2.
- Муниципальные и локальные системы оповещения (МАСЦО и ЛСО) населения должны соответствовать классу защищенности не ниже 3.

Таким образом органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в большинстве своем придерживаются выполнения требований законодательства в области обеспечения информационной безопасности систем оповещения, используя при этом системы оповещения в защищенном исполнении или как их еще называют категоризованные системы оповещения, имеющие достаточную высокую степень защиты. И надо отметить, что на сегодняшний момент успешных попыток взломов таких систем не зафиксировано.

Другое дело коммерческие и негосударственные компании и организации, которые оказывают услуги по оповещению населения в рамках официально заключенных договоров (соглашений) о взаимодействии с органами власти и где вопросы обеспечения безопасности систем оповещения целиком и полностью относятся к их компетенции и решаются как видно из проведенного выше анализа не всегда успешно.

В этой связи постоянно действующие органы управления территориальных подсистем РСЧС, организации – владельцы систем оповещения, а также организации и операторы связи, телерадиокомпании и редакции средств массовой информации обязаны на регулярной основе проводить комплекс организационных и технических мероприятий, направленных на недопущение несанкционированного задействования систем оповещения и передачи сигналов оповещения и экстренной информации населению, привлекая для выполнения таких мероприятий специалистов, обладающих необходимой компетенцией в дан-

ных областях. Такая, качественно проведенная работа, позволит исключить совсем или минимизировать последствия от возможной реализации угроз несанкционированного вмешательства в системы муниципального оповещения.

Каковы могут быть последствия от непринятия должных мер по недопущению стороннего вмешательства в системы оповещения?

Даже непериодическое успешное повторение подобных хакерских атак на системы оповещения может в перспективе принести достаточно неприятный эффект, а именно:

- 1) граждане попросту утратят доверие к городским системам оповещения;
- 2) старт получит процесс нарастания критической ситуации в сфере доверия населения к органам власти, медиа и негосударственным организациям;
- 3) у злоумышленников появляются дополнительные возможности по расширению сферы и видов провокаций, что в перспективе может привести к снижению эффективности реагирования на возникающие чрезвычайные ситуации и опасности.

Среди возможных решений проблемы нам представляется следующее:

- 1) усиление контроля за обеспечением кибербезопасности телеканалов и радиостанций со стороны регуляторов;
- 2) использование более современных методов и средств защиты систем оповещения. Например, активное внедрение системы обнаружения вторжений (IDS), для выявления несанкционированной и вредоносной активности в компьютерных сетях [11].
- 3) внедрение мультифакторной аутентификации пользователей при доступе к любым информационным ресурсам и сетевой инфраструктуре компаний, имеющим договора на распространение информации по оповещению населения.
- 4) включение в штат органов и организаций, в ведении которых находятся системы оповещения, специалистов по информационной безопасности и наделение их полномочиями в объеме решаемых ими задач.
- 5) повышение требований к категорированию систем оповещения населения.

Список литературы:

- [1] Положение о системах оповещения населения // Гражданская защита. – 2021. – № 2(546). – С. 35-38. – EDN NKKZFK.
- [2] Федеральный закон Российской Федерации от 12.02.98 г. № 28 «О гражданской обороне» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17861/. (Дата обращения: 16.01.2026г.).

- [3] Федеральный закон Российской Федерации от 21.12.1994 г. №68 «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/. (Дата обращения: 16.01.2026г.).

- [4] Федеральный закон Российской Федерации от 07.07.2003 г. № 126 «О связи». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/. (Дата обращения: 16.01.2026г.).

- [5] Указ Президента Российской Федерации от 13.11.2012 г. № 1522 «О создании комплексной системы экстренного оповещения населения об угрозе возникновения или о возникновении чрезвычайных ситуаций». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36332>. (Дата обращения: 16.01.2026г.).

- [6] Постановление Правительства Российской Федерации от 28.12.2020 г. №2322 «О порядке взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления с операторами связи и редакциями средств массовой информации в целях оповещения населения о возникающих опасностях» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/400165402/>. (Дата обращения: 16.01.2026г.).

- [7] Постановление Правительства Российской Федерации от 17.05.2023 г. №769 «О порядке создания, реконструкции и поддержания в состоянии постоянной готовности к использованию систем оповещения населения» (вместе с «Правилами создания, реконструкции и поддержания в состоянии постоянной готовности к использованию систем оповещения населения») [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://42.mchs.gov.ru/uploads/resource/2024-01-31/5-1-2-postanovleniya-pravitelstva-rf_170667113461871060.pdf. (Дата обращения: 16.01.2026г.).

- [8] Приказ МЧС России, Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 31.07.2020 г. №578/365 «Об утверждении Положения о системах оповещения населения» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74723317/>. (Дата обращения: 16.01.2026г.).

- [9] Приказ МЧС России, Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 31.07.2020 г. №579/366 «Об утверждении Положения по организации эксплуатационно-технического обслуживания систем

оповещения населения» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/74812884/>. (Дата обращения: 16.01.2026г.).

[10] Проверку систем оповещения в России отложили из-за хакерских атак [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://news.rambler.ru/disasters/50295203/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylinkhttps://news.rambler.ru/disasters/50295203-proverku-sistem-opovescheniya-v-rossii-otlozhili-iz-za-hakerskih-atak/. (Дата обращения: 16.01.2026г.).

[11] Опять ложная тревога: теперь взломали спутник медиа-холдинга «Газпром». В Саратове МЧС отменило сирены [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.business-vector.info/opyat-lozhnaya-trevoga-teper-158431/>. (Дата обращения: 16.01.2026г.).

References:

[1] Regulation on public warning systems//Civil protection. – 2021. – № 2(546). - S. 35-38. – EDN NKKZFK.

[2] Federal Law of the Russian Federation of 12.02.98 No. 28 “On Civil Defense” [Electronic Resource]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17861/. (Accessed 16.01.2026).

[3] Federal Law of the Russian Federation of 21.12.1994 No. 68 “On the Protection of the Population and Territories from Natural and Man-Made Emergencies” [Electronic Resource]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/. (Accessed 16.01.2026).

[4] Federal Law of the Russian Federation No. 126 dated 07.07.2003 “On Communications.” [Electronic resource]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/. (Accessed 16.01.2026).

[5] Decree of the President of the Russian Federation of 13.11.2012 No. 1522 “On the creation of an integrated system for emergency notification of the population about the threat or occurrence of emergency situations.” [Electronic resource]. Access mode: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36332>. (Accessed 16.01.2026).

[6] Decree of the Government of the Russian Federation of 28.12.2020 No. 2322 “On the Procedure for Interaction of Federal Executive Bodies,

Executive Bodies of Constituent Entities of the Russian Federation, Local Self-Government Bodies with Telecom Operators and Editorial Offices of the Media in Order to Notify the Population of Emerging Dangers” [Electronic Resource]. Access mode: <https://base.garant.ru/400165402/>. (Accessed 16.01.2026).

[7] Decree of the Government of the Russian Federation of 17.05.2023 No. 769 “On the procedure for creating, reconstructing and maintaining in a state of constant readiness for the use of public warning systems” (together with “Rules for creating, reconstructing and maintaining in a state of constant readiness for the use of public warning systems”) [Electronic resource]. Access mode: https://42.mchs.gov.ru/uploads/resource/2024-01-31/5-1-2-postanovleniya-pravitelstva-rf_170667113461871060.pdf. (Accessed 16.01.2026).

[8] Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia, the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation of 31.07.2020 No. 578/365 “On Approval of the Regulation on Public Warning Systems” [Electronic Resource]. Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74723317/>. (Accessed 16.01.2026).

[9] Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia, the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation of 31.07.2020 No. 579/366 “On approval of the Regulation on the organization of operational and technical maintenance of public warning systems” [Electronic resource]. Access mode: <https://base.garant.ru/74812884/>. (Accessed 16.01.2026).

[10] Verification of warning systems in Russia was postponed due to hacker attacks [Electronic resource]. Режим доступа: https://news.rambler.ru/disasters/50295203/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylinkhttps://news.rambler.ru/disasters/50295203-proverku-sistem-opovescheniya-v-rossii-otlozhili-iz-za-hakerskih-atak/. (Дата обращения: 16.01.2026г.).

[11] False alarm again: now the satellite of the Gazprom media holding has been hacked. In Saratov, the Ministry of Emergency Situations canceled sirens [Electronic resource]. Access mode: <https://www.business-vector.info/opyat-lozhnaya-trevoga-teper-158431/>. (Accessed 16.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-382-389

КУЗЬМИН Дмитрий Сергеевич,
аспирант департамента публичного права,
Тольяттинский Государственный университет,
старший преподаватель,
e-mail: mr.kuzmin323@mail.ru

Научный руководитель:
ЛИПИНСКИЙ Дмитрий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: info@law-books.ru

ОБЪЕКТЫ И СУБЪЕКТЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ, ОСВОБОЖДАЮЩИХ ОТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. Структура статьи построена с использованием дедуктивного метода. Следуя логике от общего к частному, автор начинает с определений философских понятий «объект» и «субъект». После уяснения их содержания, автор обращает внимание на их тесную взаимосвязь. Проводя ретроспективный анализ содержания понятия «субъект правоотношений» в период с XIX в и до настоящего времени, автор приходит к выводу, что доминирующей точкой зрения остается мнение о тождественности субъектов правоотношений и субъектов права. Эта позиция подвергается автором критике. Высказывается мнение, что наличие правосубъектности является лишь предпосылкой участия в правоотношениях. Оно аргументируется и аналогичным суждением такого авторитетного ученого как С.С. Алексеев. Также подробно автор анализирует содержание понятия «объект права», приводя мнения ученых, являющихся сторонниками плюралистической и монистической теории. Не отдавая предпочтения ни одной из теорий, в дальнейших рассуждениях под понятием «объект правоотношений» автор понимает общепризнанную точку зрения о том, что объект правоотношения это «...то, ради чего возникает само правоотношение». Далее, автор исследует субъектный состав правоотношений юридической ответственности. Ссылаясь на мнения ученых и действующее законодательство, автор приходит к выводу, что субъектами правоотношений юридической ответственности являются государство и правонарушитель. Этот вывод распространяется и на правоотношения, освобождающие от нее, т.к. освобождение от юридической ответственности является субинститутом юридической ответственности. Исследуя мнения ученых об объекте правоотношений юридической ответственности, автор приходит к выводу об отсутствии единодушия в этом вопросе. Автор высказывает собственное мнение, что объектом правоотношений, освобождающих от юридической ответственности, является их цель, состоящая в примирении конфликтов, восстановлении нарушенного правоотношения, предупреждении новых правонарушений.

Ключевые слова: объект, субъект, правоотношение, юридическая ответственность, освобождение от юридической ответственности, объекты правоотношений, субъекты правоотношений.

KUZMIN Dmitry Sergeevich,
Postgraduate student of the Department of Public Law,
Togliatti State University, Togliatti, Russia
Senior lecturer

Scientific supervisor:
LIPINSKY Dmitry Anatolyevich,
Doctor of Law, Professor

OBJECTS AND SUBJECTS OF LEGAL RELATIONS THAT EXEMPT FROM LEGAL LIABILITY

Annotation. *The structure of the article is based on the deductive method. Following the logic of general to particular, the author begins with the definitions of the philosophical concepts of "object" and "subject." After clarifying their content, the author draws attention to their close relationship. By conducting a retrospective analysis of the content of the concept of "subject of legal relations" from the 19th century to the present, the author concludes that the dominant view remains that subjects of legal relations and subjects of law are identical. The author criticizes this position. It is argued that the presence of legal personality is only a prerequisite for participation in legal relations. This is supported by a similar statement made by the authoritative scholar S.S. Alekseev. The author also provides a detailed analysis of the concept of "object of law," citing the opinions of scholars who support both the pluralistic and monistic theories. Without favoring any particular theory, the author uses the term "object of legal relations" in their subsequent discussions.*

Key words: *object, subject, legal relationship, objects of legal relations, subjects of legal relations, legal responsibility, exemption from legal responsibility.*

Понятия «субъект» и «объект», используемые в определениях понятий «субъект правоотношений» и «объект правоотношений», представляют собой философские категории.

В философии понятие «субъект» (лат. *subjectus*) трактуют как «источник активности, направленной на объект» [1, с. 363]. Под «объектом» (позднелат. *objectum*) подразумевают «то, что противостоит субъекту, на что направлена его предметно-практическая и познавательная деятельность» [1, с. 231]. Нетрудно заметить, что понятия «субъект» и «объект» упоминаются в определении друг друга и играют в каждом из них существенную роль, т.к. определяются друг через друга.

Поэтому, можно утверждать, что понятия «субъект» и «объект» являются взаимосвязанными компонентами, с помощью которых можно описать процесс познания. Более того, отношения между ними характеризуются определенной взаимозависимостью: то, что в одном отношении выступает субъектом, в другом может трансформироваться в объект, и наоборот. В этом смысле между «субъектом» и «объектом» кроется момент относительности.

Изолированное существование субъекта и объекта не представляется возможным, т.к. наличие субъекта неизбежно подразумевает наличие объекта, точно так же как существование объекта требует присутствия субъекта. Таким образом, «субъект» и «объект» образуют единую взаимосвязь, системы, в которой их роли могут меняться в зависимости от контекста и содержания отношения.

В юриспруденции категории «субъект» и «объект», также, являются парными. [2, с. 72].

В юридической науке, начиная с дореволюционного периода и до наших дней, сформиро-

вался устойчивый подход, при котором понятия «субъекты права» и «субъекты правоотношений» фактически используются как равнозначные. При этом, исследователи традиционно рассматривают субъектов права именно через призму их участия в правоотношениях, не делая существенного различия между этими категориями. Такой подход прослеживается как в советской, так и в современной российской правовой литературе, что свидетельствует об его устойчивости и традиционности в правовой доктрине.

В своё время Е.Н. Трубецкой считал, что «Элементами всякого правоотношения являются: правомочие, обязанность, субъект, обладающий правом, и объект права» [3, с. 396]. В толковании указанных им терминов не было разницы между субъектами правоотношения и субъектами права. С его точки зрения субъектами права могут быть физические лица, обладающие правоспособностью и дееспособностью [3, с. 397 - 399] и юридические лица [3, с. 399]. Е.Н. Трубецкой полагал, что «...объектом права является все то, что может ... сделаться предметом человеческого господства» [3, с. 404]. К объектам он относил вещи, физических и юридических лиц и их действия [3, с. 404].

Еще в 1907 г. В.М. Хвостов высказывал мнение, что «Юридическое отношение возможно как между двумя лицами, так и между лицом и вещью» [4, с. 44]. С точки зрения В.М. Хвостова, объектами правоотношений являются как личность субъекта, так и вещи, действия других лиц, и даже нематериальные блага [4, с. 110].

В начале XX века Г.Ф. Шершеневич сформулировал концепцию правоотношения, отражающую специфику правопонимания данного периода. В своей интерпретации он рассматривал правоотношение как сложную систему взаимодействия между субъектами, основанную на

взаимосвязи их прав и обязанностей. Согласно позиции указанного автора, субъектами правоотношения являются, с одной стороны, лица, на которых возложена обязанность совершать определённые действия, а с другой — лица, извлекающие выгоду из соблюдения указанной обязанности [5, с. 570]. Таким образом, уже на данном этапе прослеживается идея корреспондирующего характера прав и обязанностей.

Особое значение в концепции Г.Ф. Шершеневича имеет определение объекта правоотношения. Он исходил из того, что объектом является не материальная вещь и не само действие как таковое, а определённый интерес, в силу которого один субъект вынужден действовать определённым образом, выгодным для другого [5, с. 570]. Данная трактовка позволяет сделать вывод, что автор акцентировал внимание на социально-ценностной природе правоотношения, рассматривая его как инструмент обеспечения интересов участников.

Еще один известный ученый - правовед начала XX века, Н.М. Коркунов, отстаивал точку зрения, согласно которой «...юридические отношения возможны только между людьми, а следовательно, и субъектами юридических отношений могут быть только люди» [6, с. 147].

К различным теориям юридического лица, как участника «юридических отношений», активно разрабатывавшимся немецкими правоведом того времени, Н.М. Коркунов относился критически. Соглашаясь с их существованием лишь «...для удобства юридического анализа...» [6, с. 149] и рассматривая их как «...особый технический прием, упрощающий определение взаимных отношений заинтересованных при этом людей» [6, с. 149].

В юридической доктрине конца XIX — начала XX вв. преобладала позиция о совпадении субъектов права и субъектов правоотношений, а также наблюдалась теоретическая неопределенность в вопросе о сущности и классификации объектов правоотношений.

Во второй половине двадцатого века один из авторитетных советских ученых в области гражданского права, А.В. Венедиктов, высказывал мнение, что «субъектами ... правоотношений ... являются советские граждане, социалистические организации (государственные и общественные) ...за которыми советский закон признает способность быть носителями прав и обязанностей...» [7, с. 18]. Поэтому, можно сделать выводы о том, что субъектами правоотношений признавались физические и юридические лица, а также, об отождествлении субъектов права и субъектов правоотношений.

Не вдаваясь в вопрос о требованиях к субъектам правоотношений, Р.О. Халфина указывала, что субъектами правоотношений являются «...человек или определенным образом организованное общественное образование» [8, с. 115].

Говоря об объекте правоотношения, Р.О. Халфина отмечает, что «...объект правоотношения имеет значение для возникновения и развития многих видов правоотношений и для их структуры, не являясь вместе с тем элементом структуры» [8, с. 217].

В рамках разработанной С. С. Алексеевым теоретико-правовой концепции объект правоотношения определяется через категорию материальных и нематериальных благ, функционально ориентированных на удовлетворение потребностей и интересов управомоченного субъекта. Таким образом, в центре его концепции находится не само действие, а благо, способное реализовать интерес участника правоотношения. В отличие от более ранних подходов, ориентированных преимущественно на обязанность и поведение, С.С. Алексеев существенно расширяет понимание объекта, включая в него как материальные ценности (вещи, имущество), так и нематериальные [9, с. 157].

По мнению О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородского объекты правоотношений могут быть двух видов: юридическими и материальными. Юридические объекты - это «поведение обязанного лица» [10, с.230], а материальные «...это тот объект, которым обладает лежащее в его основе и закрепляемое им общественное отношение» [10, с. 231].

Н.И. Матузов и А.В. Малько характеризуют **субъектов правоотношений** как любых носителей прав и обязанностей — физические и юридические лица, а также иные субъекты права, наделенные правоспособностью и дееспособностью для участия в правовом взаимодействии [11, с. 380]. Объектами правоотношений выступают социально значимые блага и ценности, являющиеся предметом правового воздействия и удовлетворяющие интересы субъектов. К их числу относятся как **материальные** (вещи, ценности), так и **нематериальные** объекты (жизнь, здоровье, честь, достоинство, свобода), а также **поведение участников, результаты услуг, продукты духовного творчества, ценные бумаги и официальные документы**. [11, с. 391]. Таким образом, Н.И. Матузов и А.В. Малько подчеркивают, что правоотношения структурируются через взаимодействие субъектов вокруг определенных объектов, обеспечивая реализацию юридических прав и обязанностей и регулирование общественных отношений.

В современной юридической доктрине начала XXI века сохраняется доминирующая концепция тождества субъектов права и субъектов правоотношений, согласно которой носители правоспособности и дееспособности одновременно выступают участниками конкретных правовых связей. Согласие с этой позицией высказывают В.И. Червонюк [12, с. 192], Р.Т. Мухаев [13, с. 424], Р.А. Ромашов [14, с. 357], В.Н. Хропанюк [15, с. 284].

В целом, эту позицию разделяет и Ю.И. Гревцов [16, с. 666]. Он, также, обращает внимание на то, что «...пребывание человека в качестве субъекта права не означает одновременно нахождения его в юридических отношениях» [16, с. 669].

С точкой зрения о тождественности субъектов правоотношений и субъектов права вряд ли можно согласиться, т.к. наличие правосубъектности является лишь предпосылкой, необходимым условием участия в правоотношениях. Для приобретения статуса участника правоотношений необходимо совершить определенные действия, которые повлекут возникновение прав и обязанностей.

Критику этой позиции можно найти и у других авторов. Например, еще в 1982г., т.е. более двадцати лет назад, С.С. Алексеев отмечал, что «Субъект права – это лицо, ... потенциально (вообще) способное быть участником правоотношений. А субъект правоотношения – это реальный участник данных правоотношений» [9, с. 140].

Не является новым и мнение А.В. Мицкевича о субъектах правоотношений. Под ними он понимает людей и их организации [17, с. 372]. К «организациям людей» указанный автор относит «...государство, его органы, предприятия, учреждения, общественные объединения граждан, религиозные организации» [17, с. 372].

А. С. Бондарев обосновывает дифференцированный подход к пониманию структуры правоотношений, выделяя в их системе статусные и ролевые (личные) разновидности. При характеристике статусных правоотношений субъект рассматривается не как конкретное физическое или юридическое лицо, а как носитель определенного правового статуса, включенного в систему юридически закреплённых прав и обязанностей. Такой подход смещает акцент с индивидуальных характеристик участника правоотношения на его социально-правовое положение и выполняемую им функцию в структуре правовой системы. В свою очередь, анализ ролевых правоотношений позволяет автору утверждать, что их субъектами выступают как индивидуальные физические лица, так и коллективные субъекты права, осуществляющие юридически значимую деятельность в рамках вза-

имосвязанных социальных статусов, формируемых и регламентируемых нормами объективного права [18, с. 11].

Таким образом, необходимо сделать вывод, что под субъектами правоотношений понимали и понимают их участников, т.е. физических и юридических лиц.

По поводу объектов правоотношений мнения ученых не так похожи.

В частности, А.С. Бондарев в отношении объектов правоотношений является сторонником плюралистической теории, указывая на абстрактный характер этих объектов в статусных правоотношениях, т.е. на невозможность приобретения и распоряжения ими. В ролевых (личностных) правоотношениях объекты являются реальными, т.е. их можно приобретать и распоряжаться ими [18, с. 12].

В.И. Червонюк объектами правоотношений считает объекты, указанные в ст.128 ГК РФ [12, с. 194]. В качестве объектов он, также, выделяет документы, а для процессуальных отраслей – поведение субъектов [12, с. 195].

Также, являясь сторонником плюралистической теории, Р.Т. Мухаев понимает под объектом правоотношения материальное или нематериальное благо, а также поведение лица, в целях достижения которых и возникает правоотношение [13, с. 431].

Р.А. Ромашов называет объектами правоотношений «...целевые установки, которыми руководствуются субъекты ... Совокупность таких установок образует *единый объект правоотношения*» [14, с. 356].

В.Н. Хропанюк объектами правоотношений признает «...*фактическое поведение его участников*» [15, с. 284].

Несмотря на различие мнений, перечисленных выше, общепринятой точкой зрения по вопросу объектов правоотношений считается мнение, уже указанное выше, что ими являются «...то, ради чего возникает само правоотношение» [8, с. 390]. В дальнейших своих рассуждениях мы будем исходить именно из этого мнения.

Рассматривая субъектный состав правоотношений юридической ответственности, Б.Т. Базылев выделял их неравенство и называл их «отношениями, складывающимися по вертикали: субъекты данного отношения не равны между собой» [19, с. 80]. К субъектам правоотношения юридической ответственности он относил государство и правонарушителя. Государство «... всегда обладает правомочием и фактической способностью к реализации карательно-принудительного воздействия» [19, с. 80]. В то же время, правонарушитель является «Стороной, обязанной

принять, понести, реализовать в своем поведении определенное наказание в рамках юридической ответственности» [19, с. 82].

С мнением Б.Т. Базылева о неравенстве субъектов правоотношения юридической ответственности фактически соглашаются Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский, полагающие, что «С одной стороны правоотношения выступает лицо, наделенное правами и обязанное совершить определенные действия, а с другой стороны – субъект, обладающий правом и обязанностью требовать совершения определенных в правовой норме действий или бездействия» [20, с. 546].

Думается, что в субъектный состав правоотношений юридической ответственности следует включить с одной стороны государство и с другой – лицо, совершившее неправомерные действия. Таким лицом может быть как физическое, так и юридическое лицо. Это утверждение можно обосновать примером из действующих нормативных актов. Статья 2.9. (Возможность освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения) Кодекса РФ об административных правонарушениях [21], ст. 1066 (Причинение вреда в состоянии необходимой обороны), ст. 1067 (Причинение вреда в состоянии крайней необходимости) ГК РФ [22], нормы гл. 11 УК РФ [23], ст. 431, глава 51.1. УПК РФ [24], п.п. 3, 4 ст. 81, п.п. 7, 11 ст. 25.14 НК РФ [25]. Кроме того, в ранее проведенных исследованиях мы пришли к выводу, что под правоотношениями, освобождающими от юридической ответственности, необходимо понимать «...производное материально-правовое властеотношение, возникающее между государством в лице уполномоченных органов и правонарушителем, на основе императивного и (или) поощрительного метода правового регулирования, содержанием которых выступают позитивные действия правонарушителя, влекущие возможность освобождения его от ответственности, а также, действия уполномоченной стороны, направленные на исключение дополнительных обязанностей правонарушителя» [26, с. 50].

Последовательное изучение понятия «субъект правоотношений» позволяет сделать вывод, что субъектами правоотношений, освобождающих от юридической ответственности, являются их участники, а именно, государство в лице уполномоченных органов и правонарушитель.

По поводу объекта правоотношений юридической ответственности, в позициях ученых нет единодушия.

Например, по мнению Б.Т. Базылева объектом этих правоотношений являются «волевые действия сторон, направленные на реализацию прав и обязанностей» [19, с. 88].

А.В. Кирсанова считает, что объектом правоотношений ретроспективной и позитивной юридической ответственности является «правой статус» лица, совершившего либо правонарушение, либо правомерный поступок [27, с. 98]. А.П. Чирков под объектом правоотношения ответственности предлагает понимать «нарушенное позитивное правоотношение», восстанавливаемое правоотношением ответственности [28, с. 38].

Интересен вывод И.А. Кузьмина, полагающего, что объектом правоотношений юридической ответственности выступает «правовое состояние «наказанности» [29, с. 100].

По нашему мнению, «правовой статус лица, совершившего правонарушение» и состояние «наказанности» это не то, «для достижения чего...» складывается общественное отношение юридической ответственности. Правовое положение «наказанности» или «правовой статус лица, совершившего правонарушение», возникающие в результате осуществления мер юридической ответственности, не являются смыслом этих правоотношений, а лишь одним из способов достижения их целей. Цель же этих правоотношений, по нашему мнению, состоит в формировании в сознании правонарушителя устойчивого препятствия, не позволяющего ему совершать новые правонарушения.

Наиболее убедительной, на наш взгляд, является точка зрения Д.А. Липинского, на которую ссылается Ю.П. Степнова. Согласно этому мнению, объект правоотношений юридической ответственности это «...поведение самого правонарушителя, которого принуждают к ...правомерному поведению» [30, с. 186].

Мнение Д.А. Липинского Ю.П. Степнова экстраполирует и на объект правоотношений, освобождающих от юридической ответственности [30, с. 186]. При этом регулирование объектов освобождения от различных видов ответственности осуществляется множеством разрозненных законодательных актов [33, с. 34].

В предыдущих исследованиях, мы пришли к выводу, что освобождение от юридической ответственности следует воспринимать как «...субинститут института юридической ответственности, направленный на регулирование отношений, содержанием которых является устранение неблагоприятных для правонарушителя правовых последствий, в целях достижения баланса интересов общества и личности путем изменения оценки правонарушения и (или) личности правонарушителя» [31, с. 115]. Поэтому, с возможностью распространения выводов, сделанных в отношении объекта правоотношений юридической ответственности на правоотношения, освобождающие от нее, следует согласиться.

Соглашаясь с точками зрения Д.А. Липинского и Ю.П. Степновой, считаем необходимым обратить внимание и на другой аспект вопроса об объекте правоотношений, освобождающих от юридической ответственности. Правомерное поведение правонарушителя, само по себе, не является конечной целью правоотношений, освобождающих от юридической ответственности. Правомерное поведение членов общества необходимо для «...примирения конфликтов, восстановления нарушенного правоотношения, предупреждения новых правонарушений» [32, с. 84], т.е. для достижения состояния общественных отношений, характеризуемого как правопорядок.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что:

1) субъектами правоотношений, освобождающих от юридической ответственности, являются государство и правонарушитель. Правонарушитель может быть физическим либо юридическим лицом.

2) объектом правоотношений, освобождающих от юридической ответственности, является их цель, состоящая в примирении конфликтов, восстановлении нарушенного правоотношения, предупреждении новых правонарушений, восстановлении и сохранении правопорядка.

Список литературы:

- [1] Философский словарь / авт.-сост. С.Я. Подопрigора, А.С. Подопрigора. – Изд.3-е, перераб. – Ростов н/Д : Феникс, 2015. С. 478.
- [2] Максуров А.А. «Субъект» и «объект» как парные категории теории юридической координации // Евразийское научное объединение. 2015 - № 5 (5). С. 72-75.
- [3] Радько Т.Н. Хрестоматия по теории государства и права/под общей ред. И.И. Лизиковой. 2-е изд., -М.: Проспект, 2014. 718 с.
- [4] Хвостов В.М. Система римского права. Общая часть. Конспект лекций профессора Московского Университета В.М. Хвостова. Издание третье. -М.: типография Вильде. 1907. 207 с.
- [5] Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Выпуск третий. -М.: Издание бр. Башмаковых. 1911. 698 с.
- [6] Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М.: Издательство Юрайт, 2024. 352 с.
- [7] Венедиктов А.В. О субъектах социалистических правоотношений // Советские государство и право. 1955. № 6. С. 17-28.
- [8] Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид.лит., 1974. 340 с.
- [9] Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в 2 т. Т.2. М.: Юр.лит., 1982. 360 с.
- [10] Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права: М.: Юрид.лит., 1961. 381 с.
- [11] Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 5-е изд. М.: Изд. Дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 528 с.
- [12] Червонюк В.И. Теория государства и права: Учебное пособие. -М.: ИНФРА-М, 2003. 256 с.
- [13] Мухаев Р.Т. Теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «юриспруденция»/ Р.Т. Мухаев. – 2-е изд., перераб и доп. -М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 543 с.
- [14] Ромашов Р.А. Теория государства и права: учебник/под общ.ред. О.В. Мартышина. -М.: Норма, 2007. 496 с.
- [15] Хропанюк В.Н. Теория государства и права: учебник для бакалавров/ В.Н. Хропанюк; под ред. В.Г. Стрекозова. – 11-е изд., стер. – М.: РИПОЛ классик; Издательство «Омега-Л», 2017. 323 с.
- [16] Гревцов Ю.И. Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах/ отв. Ред. М.Н. Марченко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007 Том 2: Право. 816 с.
- [17] Мицкевич А.В. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов/Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. -М.: Норма, 2008. 832 с.
- [18] Бондарев А.С. Два типа правоотношений в обществе: их единство и различия// Вестник пермского университета. 2011 - № 1 (11). С. 7-18.
- [19] Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы): монография. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1985. 120 с.
- [20] Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. Санкт-Петербург: Юридический центр-Пресс, 2007. 934 с.
- [21] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях текст с изм. и доп. вступ. в силу с 21.10.2024: [принят Государственной Думой 20 декабря 2001 года: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года]. М., 2024. // СПС КонсультантПлюс.
- [22] Гражданский кодекс РФ (часть вторая) текст с изм. и доп. вступ. в силу с 12.09.2023: [принят Государственной Думой 22 декабря 1995 года: одобрен Советом Федерации]. М., 2023. // СПС КонсультантПлюс.
- [23] Уголовный кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 02.10.2024: [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 05 июня 1996 года]. М., 2024. // СПС КонсультантПлюс.
- [24] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. вступ. в

силу с 02.10.2024: [принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 05 декабря 2001 года]. М., 2024. // СПС КонсультантПлюс.

[25] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) текст с изм. и доп. вступ. в силу с 30.09.2024: [принят Государственной Думой 16 июля 1998 года: одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 года]. М., 2024. // СПС КонсультантПлюс.

[26] Кузьмин Д.С. К вопросу о понятии правоотношений, освобождающих от юридической ответственности // Наука. Общество. Государство. 2024. Т.12, № 3. С. 44-52.

[27] Кирсанова А.В. Правоотношение юридической ответственности: монография/под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. Самара: изд-во СаГА, 2009. 174 с.

[28] Чирков А.П. Ответственность в системе права : учеб. пособие / А. П. Чирков. – Калининград : изд-во Калининградского университета, 1996. – 77 с.

[29] Кузьмин И.А. Объект материального правоотношения юридической ответственности // Вестник ВГУ. 2013. № 1. С. 92-100.

[30] Степнова Ю.П. Механизм освобождения от юридической ответственности : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 5.1.1 «теоретико-исторические правовые науки» — Самара, 2023. 241 с.

[31] Кузьмин Д.С. О понятии освобождения от юридической ответственности // Теория государства и права. 2024. - № 2 (36). С. 111-122.

[32] Скакун О.Ф. Институт освобождения от юридической ответственности (теоретико-правовой и историко-правовой аспекты) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. Вернадского, серия «Юридические науки» том 21 (60). 2008. № 2. С. 82-91.

[33] Махсунов М. Р. Нормативное регулирование дисциплинарных взысканий в советский и современный периоды развития института государственной службы / М. Р. Махсунов // Право и государственность. 2025. № 4(9). С. 31-35.

References:

[1] Philosophical Dictionary / compiled by S. Ya. Podoprigora, A. S. Podoprigora. - 3rd edition, revised. - Rostov n / D: Phoenix, 2015. P. 478.

[2] Maksurov A. A. "Subject" and "object" as paired categories of the theory of legal coordination // Eurasian Scientific Association. 2015 - No. 5 (5). Pp. 72-75.

[3] Radko T. N. Reader on the Theory of State and Law / edited by I. I. Lizikova. 2nd edition, - Moscow: Prospect, 2014. 718 p.

[4] Khvostov V. M. The System of Roman Law. General Part. Lecture Notes by Professor of Moscow University V. M. Khvostov. Third edition. - M.: Wilde Printing House. 1907. 207 p.

[5] Shershenevich G.F. General Theory of Law. Third Edition. - M.: Bashmakov Brothers Publishing House. 1911. 698 p.

[6] Korkunov N.M. Lectures on the General Theory of Law. M.: Yurait Publishing House, 2024. 352 p.

[7] Venediktov A.V. On the Subjects of Socialist Legal Relations // Soviet State and Law. 1955. No. 6. pp. 17-28.

[8] Khalfina R.O. General Doctrine of Legal Relations. M.: Juridical Literature, 1974. 340 p.

[9] Alekseev S.S. General Theory of Law. Course in 2 volumes. Vol. 2. M.: Yuridicheskaya Literature, 1982. 360 p.

[10] Ioffe O.S., Shargorodsky M.D. Issues in the Theory of Law: M.: Yuridicheskaya Literature, 1961. 381 p.

[11] Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of State and Law: Textbook. 5th ed. M.: RANEPa Delo Publishing House, 2021. 528 p.

[12] Chervonyuk V.I. Theory of State and Law: Textbook. - M.: INFRA-M, 2003. 256 p.

[13] Mukhaev R.T. Theory of State and Law: Textbook for University Students Majoring in Jurisprudence / R.T. Mukhaev. - 2nd ed., revised and enlarged. - M.: UNITY-DANA, 2005. 543 p.

[14] Romashov R.A. Theory of State and Law: textbook/under the general editorship of O.V. Martyshin. - M.: Norma, 2007. 496 p.

[15] Khropanyuk V.N. Theory of State and Law: textbook for bachelors/V.N. Khropanyuk; edited by V.G. Strekozov. - 11th ed., reprinted - M.: RIPOL classic; Omega-L Publishing House, 2017. 323 p.

[16] Grevtsov Yu.I. General Theory of State and Law. Academic Course in Three Volumes/responsible. Ed. M.N. Marchenko. - 3rd ed., revised and enlarged. - M.: Norma, 2007, Vol. 2: Law. 816 p.

[17] Mitskevich A.V. Problems of the General Theory of Law and State: Textbook for Universities/ Under the general editorship of V.S. Nersesyants. -M.: Norma, 2008. 832 p.

[18] Bondarev A.S. Two Types of Legal Relations in Society: Their Unity and Differences// Bulletin of Perm University. 2011, No. 1 (11). Pp. 7-18.

[19] Bazylev B.T. Legal Liability (Theoretical Issues): Monograph. Krasnoyarsk: Publishing House of Krasnoyarsk University, 1985. 120 p.

[20] Khachaturov R.L., Lipinsky D.A. General Theory of Legal Liability: Monograph. Saint Petersburg: Legal Center-Press, 2007. 934 p.

[21] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, text with amendments and additions, entered into force on 21.10.2024: [adopted by

the State Duma on 20.12.2001: approved by the Federation Council on 26.12.2001]. Moscow, 2024. // SPS ConsultantPlus.

[22] Civil Code of the Russian Federation (Part Two), text with amendments and additions, entered into force on 12.09.2023: [adopted by the State Duma on 22.12.1995: approved by the Federation Council]. Moscow, 2023. // SPS ConsultantPlus.

[23] Criminal Code of the Russian Federation: text with amendments and additions, entered into force on English: In force since 02.10.2024: [adopted by the State Duma on 24 May 1996: approved by the Federation Council on 05 June 1996]. Moscow, 2024. // SPS ConsultantPlus.

[24] Criminal Procedure Code of the Russian Federation: text with amendments and additions. In force since 02.10.2024: [adopted by the State Duma on 22 November 2001: approved by the Federation Council on 05 December 2001]. Moscow, 2024. // SPS ConsultantPlus.

[25] Tax Code of the Russian Federation (part one) text with amendments and additions. In force since 30.09.2024: [adopted by the State Duma on 16 July 1998: approved by the Federation Council on 17 July 1998]. M., 2024. // SPS ConsultantPlus.

[26] Kuzmin D.S. On the Concept of Legal Relationships Exempting from Legal Liability // Science. Society. State. 2024. Vol. 12, No. 3. Pp. 44-52.

[27] Kirsanova A.V. Legal Relationship of Legal Liability: Monograph / edited by Doctor of Law, Professor R.L. Khachaturov. Samara: SaGA Publishing House, 2009. 174 p.

[28] Chirkov A.P. Liability in the Legal System: Textbook / A.P. Chirkov. - Kaliningrad: Kaliningrad University Publishing House, 1996. - 77 p.

[29] Kuzmin I.A. The object of the material legal relationship of legal liability // Vestnik of VSU. 2013. No. 1. Pp. 92-100.

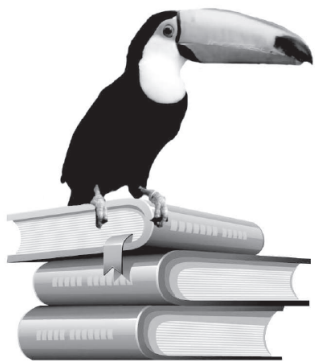
[30] Stepnova Yu.P. Mechanism of release from legal liability: dissertation for the degree of candidate of legal sciences: 5.1.1 "Theoretical and historical legal sciences" - Samara, 2023. 241 p.

[31] Kuzmin D.S. On the concept of release from legal liability // Theory of state and law. 2024. - No. 2 (36). Pp. 111-122.

[32] Skakun O.F. Institute of release from legal liability (theoretical and legal and historical and legal aspects) // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. Vernadsky, series "Legal sciences" volume 21 (60). 2008. No. 2. P. 82-91.

[33] Makhsunov M. R. Normative regulation of disciplinary sanctions in the Soviet and modern periods of development of the civil service institute / M. R. Makhsunov // Law and statehood. 2025. No. 4 (9). P. 31-35.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-390-398

МАРДОНЗОДА Сафармухаммад Рахматулло,
адъюнкт 3 факультета
Академии управления МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

О ПОНЯТИИ И СУБЪЕКТАХ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ ПО ДЕЛАМ О ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. В статье рассматривается одна из наиболее актуальных проблем административного права – определении понятия и круга субъектов административной юрисдикции применительно к правонарушениям в сфере миграции, в частности, связанным с незаконным пребыванием иностранных граждан в Российской Федерации и Республике Таджикистан. Автор анализирует существующий в научной доктрине плюрализм относительно того, какие именно органы и должностные лица обладают признаками субъекта административной юрисдикции в контексте миграционных правонарушений.

Ключевые слова: незаконное пребывание, миграция, административная юрисдикция, субъекты административной юрисдикции, МВД РФ, административные суды.

MARDONZODA Safarmuhammad Rahmatullo,
adjunct of the 3rd faculty of the Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON THE CONCEPT AND SUBJECTS OF ADMINISTRATIVE JURISDICTION IN CASES OF MIGRATION OFFENCES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN (COMPARATIVE ANALYSIS)

Annotation. The article considers one of the most pressing problems of administrative law - the definition of the concept and circle of subjects of administrative jurisdiction in relation to offenses in the field of migration, in particular, related to the illegal stay of foreign citizens in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. The author analyzes the pluralism existing in the scientific doctrine regarding which bodies and officials have the characteristics of a subject of administrative jurisdiction in the context of migration offenses.

Key words: illegal stay, migration, administrative jurisdiction, subjects of administrative jurisdiction, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, administrative courts.

Незаконная миграция представляет собой одну из наиболее значимых и острых проблем для государств в XXI веке требующих многомерного анализа. Несомненно, трудовая миграция продолжит существовать и оставаться проблемой имеющей серьезные последствия и в ближайшие годы. Незаконная миграция является угрозой любому национальному государству, поэтому заградительные меры от нее принимаются исключительно из соображений безопасности.

Общество, сталкиваясь с необходимостью противодействия правонарушениям в сфере незаконной миграции, требует эффективно функционирующего механизма судебных и административных институтов, чья деятельность в Российской Федерации непрерывно совершенствуется. Центральное место в этой системе занимают субъекты административной юрисдикции, чье определение в российской правовой доктрине варьируется.

Так, А.Ю. Гулягин акцентирует двойственную природу их деятельности, сочетающей управленческие и юрисдикционные функции, что, по его мнению, формирует правовой статус таких органов как части правоохранительной системы государства [4, с. 26-30]. Е.В. Елфимова расширяет трактовку, включая в понятие не только органы, но и должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела и принимать решения в установленных формах [5, с. 99-107].

Однако наиболее обоснованной представляется позиция Д.Р. Канищева, который, опираясь на нормы КоАП РФ, определяет субъектов административной юрисдикции как органы власти и их представителей, обладающих компетенцией применять меры ответственности и обеспечивать производство по делам [8, с. 25-29]. Именно этот подход, интегрирующий законодательные основания, отражает системный характер их полномочий, что подчеркивает необходимость соотношения теоретических конструкций с существующими правовыми реалиями [13, с. 254-256].

Действующее законодательство Российской Федерации, в частности ст. 22.1 и глава 23 КоАП РФ, устанавливает перечень органов и должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, что формирует двухуровневую систему субъектов административной юрисдикции. Федеральный блок охватывает судей, комиссии по делам несовершеннолетних, федеральные органы исполнительной власти и Банк России, чья компетенция распространяется на нарушения, предусмотренные федеральными нормами.

Региональный блок, закрепленный в ч. 2 ст. 22.1 КоАП РФ, включает субъекты, рассматривающие дела по законам субъектов РФ, что подчеркивает единство системы при сохранении иерархии: региональные нормы формируются в рамках федеральной правовой матрицы, обеспечивая согласованность. Однако формирование региональной подсистемы не является исключительной прерогативой субъектов РФ, так как правовое положение ключевых институтов, таких как мировые судьи или комиссии по делам несовершеннолетних, определяется как федеральным, так и региональным законодательством, что отражает их двойственную природу [13, с. 254-256].

Пределы полномочий региональных субъектов устанавливаются законами субъектов РФ, однако качество регионального законодательства зачастую вызывает вопросы. Исследователи, включая Хорькова В.Н., отмечают его несовершенство с точки зрения юридической техники и соответствия КоАП РФ, а также фрагментарность: лишь в отдельных регионах, таких как Калининградская, Томская и Волгоградская области, при-

няты кодифицированные акты. Это создает правовую неоднородность и усложняет унификацию применения норм.

Классификация субъектов административной юрисдикции основывается на нескольких критериях, среди которых способ принятия решений (коллегиальный или единоличный), характер компетенции (общая, специальная, отраслевая) и порядок образования (избираемые, назначаемые). Некоторые авторы предлагают расширить основания классификации, однако такой подход критикуется как избыточный, поскольку действующая система критериев позволяет достаточно четко дифференцировать субъекты, учитывая их функциональные и организационные особенности. Таким образом, существующая модель, несмотря на региональные дисбалансы, сохраняет системность, обеспечивая баланс между федеральным регулированием и региональной спецификой [13, с. 254-256].

Дискуссионность института административной юрисдикции проявляется в отсутствии единой трактовки: ученые, включая Л.Л. Попова, Ю.М. Козлова и Д.М. Овсянко, предлагают узкое и широкое понимание этого понятия. В узком смысле административная юрисдикция сводится к внесудебному разрешению споров исполнительными органами с применением мер ответственности, однако авторы подчеркивают, что такое определение не охватывает всего спектра принудительных мер.

Ключевой аргумент исследователей заключается в том, что значительная часть мер принуждения (предупредительных и пресекательных) не связана с административной ответственностью или правовыми спорами, а инициируется органами власти в одностороннем порядке, затрагивая интересы физических и юридических лиц. Эти меры, хотя и закреплены в санкциях норм, не требуют наличия спора для применения, что отличает их от классических юрисдикционных процедур. При этом их реализация может породить последующие споры при обжаловании, однако на этапе применения они остаются административно-властными действиями, требующими правовой оценки. На этом основании авторы предлагают расширить понятие административной юрисдикции, включив в него как судебные, так и внесудебные процедуры применения принуждения, что отражает комплексный характер этого института, объединяющего материальные и процессуальные аспекты в контексте защиты публичных интересов [7, с. 192-199].

Профессор Ю.М. Козлов в своем учебнике «Административное право» пишет о том, что сущность административной юрисдикции проявляется в правовой оценке поведения участников

административно-правовых споров, а также в применении предусмотренных законодательством мер государственного принуждения при выявлении нарушений режима пребывания иностранных граждан [9]. Автор выделяет три ключевых признака административной юрисдикции, формирующих ее сущность.

Первый признак связан с предметом – административно-правовым спором или конфликтом, причем ученый разграничивает эти понятия: конфликт может разрешаться, бесспорно, через предупредительные или профилактические меры, тогда как спор предполагает правовое противостояние. Отсутствие спора или принуждения исключает юрисдикцию, что методологически обосновывает включение контрольно-надзорной деятельности, генерирующей превентивные меры, в рамки административно-юрисдикционного процесса.

Второй признак – административное содержание – выражается в обязательной правовой оценке поведения сторон в рамках расследования, сближающей юрисдикцию исполнительных органов с судебной практикой. Третий признак, результативность, акцентирует юридически-властный характер решений, принимаемых по итогам оценки спора, что закрепляет властный статус уполномоченных органов.

Особенность юрисдикционной деятельности в рассматриваемой сфере заключается в том, что она осуществляется преимущественно во внесудебном порядке, при этом принудительные меры реализуются через систему административных наказаний и дисциплинарных воздействий. В случаях возникновения административно-правовых споров, связанных с нарушением режима пребывания иностранных граждан, одной из сторон всегда выступает исполнительный орган или должностное лицо, действия или решения которого становятся предметом рассмотрения. При этом правовая оценка поведения участников спора является обязательным условием для принятия окончательного решения по делу.

Важно отметить, что юрисдикция в области контроля за пребыванием иностранных граждан включает не только рассмотрение спорных ситуаций, но и применение административно-принудительных мер превентивного характера, направленных на предупреждение и пресечение нарушений режима пребывания.

Эволюция понятия административной юрисдикции прослеживается в расширении его доктринальных границ за счет интеграции материально-правовых норм, включая меры принуждения. Профессор М.А. Лапина в монографии 2013 года предлагает комплексный подход, определяя административную юрисдикцию как внесудебную

правоприменительную деятельность по разрешению споров и применению санкций, что дополняет ее концепцию трехзвенной структуры административного процесса: процедуры (регламентация позитивной деятельности), юстиция (судебные споры) и юрисдикция (внесудебное принуждение).

Этот подход подчеркивает системность административного процесса, где юрисдикция выступает механизмом реагирования на нарушения, обеспечивая защиту правоотношений через принуждение, что согласуется с идеей Ю.М. Козлова о неразрывности конфликта и властного вмешательства.

Таким образом, развитие концепции отражает стремление объединить теоретические основы с практикой применения принуждения, сохраняя баланс между предупреждением, пресечением и разрешением споров в рамках единого административного процесса [7, с. 192-199].

Современные дискуссии сосредоточены на определении субъектов. Ряд ученых, таких как В.Г. Розенфельд и В.В. Серегина, исключают суды из перечня, относя к субъектам лишь органы исполнительной власти, местного самоуправления и общественные организации [12, с. 17-19]. Профессор Д.Н. Бахрах разграничивает административную и судебную юрисдикции, подчеркивая, что первая не является правосудием, а направлена на расширение правовых гарантий через административно-процессуальные нормы [1, с. 10].

Противоположную позицию занимают И.В. Панова, А.К. Соловьева и К.С. Бельский, утверждающие, что судьи при рассмотрении административных дел выполняют юрисдикционную функцию, но не осуществляют правосудие, поскольку руководствуются административно-процессуальными нормами и действуют от своего имени, а не от имени судебной власти [11, с. 131; 14, с. 225; 3]. Такие разногласия отражают сложность классификации юрисдикционной деятельности в условиях смешения административных и судебных процедур, что актуализирует поиск баланса между функциональным назначением институтов и принципами разделения властей [6, с. 82-87].

Споры о природе административной юрисдикции сохраняют актуальность, разделяя ученых на тех, кто считает ее исключительной прерогативой судов, и тех, кто включает в нее внесудебные органы.

П.И. Кононов предлагает отказаться от термина «административная юрисдикция» из-за его неоднозначности, заменяя его понятием «правоохранительная деятельность», охватывающим все меры административного принуждения [10, с. 713-719]. Однако такая замена игнорирует устояв-

шуюся доктринальную значимость юрисдикции как базового института, что делает ее исключение нецелесообразным.

Концепция реформы КоАП РФ, напротив, акцентирует необходимость четкого определения субъектов административной юрисдикции, предлагая перераспределить полномочия между судами и коллегиальными органами субъектов РФ, особенно, в части правонарушений, регулируемых региональным законодательством. Это предполагает уточнение компетенций федеральных и региональных органов исполнительной власти, а также органов местного самоуправления, включая наделение их правом составления протоколов, проведения расследований и назначения наказаний, таких как обязательные работы [6, с. 82-87].

П.И. Кононов отмечает проблему неопределенности правового статуса органов и организаций, наделенных отдельными государственными или публичными полномочиями. Несмотря на прямое указание в главах 22 Кодекса административного судопроизводства РФ и 24 Арбитражно-процессуального кодекса РФ на возможность привлечения таких субъектов в качестве ответчиков по административным делам, законодатель не раскрывает их понятия, признаков и критериев отнесения к данной категории, что порождает дискуссии в доктрине и противоречия в судебной практике.

Отсутствие законодательного закрепления критериев «публичности» создает сложности при определении круга субъектов, уполномоченных возбуждать дела о нарушениях режима пребывания иностранных граждан. Если органы миграционного контроля МВД и пограничные службы обладают явными властными полномочиями, то статус многофункциональных центров, государственных корпораций или публично-правовых компаний остается спорным. Например, могут ли организации, оказывающие публичные услуги в сфере миграционного учета, быть привлечены к ответственности за неправомерные решения, если их полномочия не закреплены в нормативных актах?

Судебная практика, как следует из текста, вынуждена опираться на доктринальные трактовки, что приводит к разночтениям. Одни суды признают ответчиками организации, выполняющие делегированные государством функции (например, МФЦ, осуществляющие прием документов на патент), другие ограничиваются традиционными органами власти. Такая неоднозначность затрудняет защиту прав иностранных граждан, поскольку непрозрачность статуса ответчика осложняет доказывание вины и обжалование решений.

Проблема усугубляется тем, что ряд организаций, формально не входящих в систему публичной администрации (например, государственные унитарные предприятия, участвующие в квотировании рабочих мест для трудовых мигрантов), де-факто реализуют властные полномочия. Отсутствие четких законодательных критериев их административной юрисдикции создает риски злоупотреблений и нарушений процессуальных гарантий, что особенно критично в контексте деликатного регулирования миграционных процессов.

Таким образом, необходимость законодательного определения признаков «публичности» для органов и организаций становится ключевым условием обеспечения правовой определенности как для субъектов юрисдикции, так и для иностранных граждан, чьи права затрагиваются их решениями.

Государственные учреждения, такие как многофункциональные центры, формально не входящие в систему МВД, но участвующие в предоставлении услуг по оформлению патентов или разрешений на временное проживание, могут быть признаны субъектами административной юрисдикции, если их полномочия включают принятие решений, влекущих юридические последствия для иностранных граждан. Например, отказ в приеме документов или выдача заключений, влияющих на правовой статус мигранта, требуют четкого нормативного закрепления их административно-распорядительных функций, что актуально для предотвращения злоупотреблений.

Особый интерес представляют непубличные организации, такие как частные охранные предприятия, участвующие в обеспечении режима пребывания через контроль доступа на охраняемые объекты. Несмотря на отсутствие прямых властных полномочий, их действия (например, задержание лиц без документов) могут создавать основания для возбуждения административных дел, что поднимает вопрос о пределах делегирования государственных функций коммерческим структурам. Коллегиальные органы, включая комиссии по миграционным вопросам, наделенные правом лишать разрешений на работу, также требуют анализа на соответствие критерию «публичности», особенно если их решения влияют на депортацию или запрет на въезд.

Проблема заключается в том, что действующее законодательство не всегда четко определяет, какие из перечисленных структур (например, государственные экспертные учреждения, проводящие медико-социальные экспертизы для продления виз) вправе инициировать административное производство. Это создает риски процессуальных нарушений, поскольку иностранные граждане могут столкнуться с предъявлением

требований со стороны организаций, чей статус не подкреплён нормативными актами. Систематизация таких субъектов должна сопровождаться внесением ясности в их компетенцию, особенно в части применения мер ответственности, что критически важно для защиты прав мигрантов и соблюдения принципа законности в административном судопроизводстве.

Еще раз подчеркнем. Структура субъектов административной юрисдикции, закреплённая в ст. 22.1 КоАП РФ, показывает ее неоднородность. Закон разделяет полномочия между федеральными и региональными органами: первые рассматривают дела по нормам КоАП, вторые – по правонарушениям, установленным субъектами РФ. При этом региональная система, формально самостоятельная, остается зависимой от федерального законодательства, которое определяет ее нормативную основу, что подтверждает взаимосвязанность субъектов юрисдикции.

К ним относятся не только суды, но и органы исполнительной власти, комиссии по делам несовершеннолетних, административные коллегияльные органы, а также учреждения, осуществляющие надзорные функции. Такая множественность отражает попытку совместить централизованное управление с учетом региональной специфики, однако порождает проблему согласованности их действий, особенно в контексте дуализма правовых оснований [6, с. 82-87].

Таким образом, административная юрисдикция остается сложно структурированным институтом, сочетающим судебные и внесудебные механизмы, что требует баланса между унификацией процедур и гибкостью правоприменения. Неоднородность субъектов, вовлеченных в этот процесс, подчеркивает необходимость четкого разграничения их компетенций для минимизации конфликтов юрисдикций и обеспечения единства правового пространства.

Проблема соотношения внесудебного применения мер административного принуждения с существующими видами административно-юрисдикционной деятельности остается дискуссионной в науке административного права. Традиционная классификация, включающая производства по жалобам, делам об административных правонарушениях и дисциплинарным проступкам, не охватывает специфику мер принуждения, применяемых органами исполнительной власти. Как отмечал Ю.М. Козлов, критическим аргументом против отнесения этих мер к производству по правонарушениям является их формальное несоответствие критериям КоАП РФ: они налагаются за деяния, не признанные законодателем административными проступками, а их перечень не входит в исчерпывающий список наказаний по ст. 3.2 КоАП РФ [7, с. 192-199].

Внесудебное применение принуждения, будучи властным актом, не укладывается в рамки классических юрисдикционных производств, что обосновывает необходимость признания его самостоятельным видом административно-юрисдикционной деятельности. Такое выделение отражает реалии правоприменения, где превентивные и пресекающие меры, не связанные с ответственностью или спором, требуют отдельной процессуальной формы, обеспечивающей баланс между публичными интересами и защитой прав субъектов [7, с. 192-199].

Применение статьи 18.8 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за нарушения правил въезда и пребывания мигрантов в России, иллюстрирует теоретические проблемы внесудебного применения мер административного принуждения. Несмотря на то, что сама статья относится к производству по делам об административных правонарушениях, ее отдельные аспекты демонстрируют необходимость выделения внесудебных мер в самостоятельный вид юрисдикционной деятельности.

Например, меры, предусмотренные ч. 1.1 (отсутствие документов или уклонение от выезда), на практике могут применяться миграционными органами в упрощенном порядке, включая административное выдворение или штрафы, без полноценного судебного разбирательства. Это соответствует концепции внесудебного принуждения, так как решения часто принимаются должностными лицами на основании протоколов, что формально относится к производству по правонарушениям, но фактически исключает элементы спора. Более того, региональная специфика (ч. 3, 3.1, 5) усиливает фрагментацию правоприменения: меры в Москве, Санкт-Петербурге и их областях ужесточаются, что требует дополнительных подзаконных актов и инструкций, усложняющих унификацию процедур.

Таким образом, применение ст. 18.8 КоАП РФ подтверждает необходимость выделения внесудебного принуждения в отдельную категорию. Это позволит четче регламентировать процедуры, особенно в контексте миграционного контроля, где оперативность мер сочетается с высокими рисками нарушения прав. Разделение юрисдикционных производств на «спорные» (правонарушения, жалобы) и «бесспорные» (превентивное принуждение) обеспечит баланс между эффективностью государственного управления и гарантиями законности.

Внесудебный порядок применения мер по ст. 18.8 КоАП, несмотря на оперативность, создает риски нарушения прав мигрантов. Например, решение о выдворении часто принимается на основе протокола, составленного инспектором,

без глубокой проверки обстоятельств (например, уважительных причин нарушения сроков пребывания). Отсутствие четких процессуальных гарантий (сроки обжалования, доступ к переводчику) в рамках внесудебных процедур усиливает дисбаланс между публичными интересами и правами граждан.

В целом, статья 18.8 КоАП РФ служит иллюстрацией общей тенденции к расширению внесудебного административного принуждения. Ее реализация подтверждает, что традиционная триада административно-юрисдикционных производств (правонарушения, жалобы, дисциплинарные дела) не охватывает всего спектра мер, особенно превентивных и пресекательных. Это обосновывает необходимость законодательного закрепления самостоятельного вида производства для внесудебного принуждения, который бы устанавливал единые процессуальные стандарты, гарантии прав лиц и четкие критерии применения мер.

Такая реформа позволила бы снизить риски произвола и повысить прозрачность в таких сферах, как миграционный контроль, где баланс между эффективностью и законностью особенно важен.

В отношении лиц без гражданства (далее – ЛБГ) Россия и Таджикистан применяют различные подходы к регулированию их пребывания на территории своих государств. В России ЛБГ обязаны регистрироваться по месту пребывания аналогично иностранцам, в то время как Таджикистан часто предоставляет временное разрешение на проживание, хотя процедура получения такого разрешения является довольно длительной.

В последние годы миграционная политика обеих стран претерпела существенные изменения. Россия, столкнувшись с ростом нелегальной миграции в период 2023–2025 годов, усилила контроль за мигрантами и начала активно внедрять биометрические данные в систему учета мигрантов. Таджикистан, стремясь привлечь инвестиции, пошел по пути либерализации миграционного законодательства, упростив визовый режим для бизнесменов, при этом страна активно сотрудничает с Российской Федерацией в рамках Евразийского экономического союза по вопросам депортации.

Существенные различия в миграционной политике проявляются в роли судебной системы, где в Таджикистане суды участвуют во всех делах о выдворении, тогда как в России МВД может применять выдворение без судебного вмешательства в отдельных случаях. Кроме того, санкции за нарушения миграционного законодательства в Таджикистане менее строгие, если производить пересчет в доллары США, в то время как Россия демонстрирует более активную позицию, внедряя циф-

ровые системы учета, что позволяет эффективнее контролировать миграционные потоки на своей территории.

В Республике Таджикистан, где административное судопроизводство долгое время ассоциировалось исключительно с Кодексом об административных правонарушениях, современные инициативы по созданию административной юстиции актуализируют вопрос о специализации судов или квазисудебных органов для разрешения споров граждан, включая иностранцев, с государственными структурами.

Исторический опыт, отраженный в деятельности квази-судей и смешанных губернских присутствий, демонстрирует традицию рассмотрения административно-правовых конфликтов через призму баланса между властными полномочиями и правами подчиненных субъектов. В условиях современных миграционных вызовов это наследие может быть переосмыслено для формирования институтов, способных эффективно рассматривать дела, связанные с нарушениями режима пребывания, такими как незаконное продление виз, депортация или отказ в предоставлении статуса.

В современных исследованиях рассматриваемой проблемы подчеркивается необходимость процессуальной автономии административной юстиции, что особенно значимо для дел с участием иностранных граждан, где решения государственных органов часто носят дискреционный характер. Создание специализированных судов позволило бы обеспечить прозрачность процедур обжалования действий миграционных служб, пограничного контроля или органов внутренних дел, чьи решения напрямую влияют на правовой статус иностранцев.

Отсутствие в Таджикистане единой системы административных судов приводит к фрагментарности судебной практики, когда споры с участием мигрантов рассматриваются судами общей юрисдикции без учета специфики публично-правовых отношений. Это создает риски нарушения процессуальных гарантий, таких как право на своевременное уведомление, доступ к переводчику или обжалование решений о депортации. Внедрение административной юстиции, опирающейся на международный опыт, могло бы стандартизировать подходы к определению подсудности подобных дел, разграничив полномочия между общими и специализированными судами.

Ключевым аспектом остается вопрос о подготовке судебных кадров, способных работать с тонкостями миграционного законодательства и международными нормами. Укрепление «правовой дисциплины» должно включать не только создание новых институтов, но и развитие экспер-

тизы в области прав иностранцев, что особенно важно в свете трудовой миграции и транзитных потоков через территорию Таджикистана.

Существует необходимость институционального оформления специализированных органов, способных обеспечить баланс между публичными интересами государства и правами мигрантов. Расширение судебного контроля за действиями органов власти, отмеченное в законодательстве России и частично Таджикистана, актуализирует вопрос о создании административных судов или квазисудебных структур, чья компетенция охватывала бы споры, связанные с ограничением прав иностранцев, такими как аннулирование виз, принудительная депортация или отказ в предоставлении временного убежища.

В условиях Таджикистана, где теория административной юстиции остается малоразработанной, отсутствие четких критериев подсудности дел, связанных с режимом пребывания иностранцев, может приводить к противоречивой практике. Например, решения пограничных служб о запрете въезда, формально относящиеся к административным актам, зачастую обжалуются в судах общей юрисдикции, не обладающих достаточной экспертизой в миграционном праве.

Опыт России, где Кодекс административного судопроизводства 2015 года систематизировал процедуру обжалования действий власти, демонстрирует потенциал специализированного процессуального регулирования. Для Таджикистана внедрение аналогичных норм могло бы усилить защиту прав иностранцев, особенно в контексте трудовой миграции, где часты случаи оспаривания незаконных увольнений или задержек выплат.

Институционализация административной юстиции, как подчеркивает Н.Г. Салищева, должна сопровождаться обучением судей тонкостям миграционного законодательства, включая аспекты интеграции с нормами Евразийского экономического союза, что особенно актуально для стран Центральной Азии. Акцент на разрешение административно-правовых споров исключительно судебной властью, как предлагается для Таджикистана, требует четкого определения компетенции судов в контексте миграционных дел.

Расширение полномочий судов общей юрисдикции, отмеченное в судебной статистике, не исключает рисков фрагментации практики, особенно при рассмотрении жалоб на нормативные акты, регулирующие депортацию или въездные ограничения. Создание административных судов способно обеспечить единообразие в применении миграционного законодательства, минимизируя противоречия между решениями пограничных служб и судебными постановлениями.

Таким образом, по результатам темы исследования можно выделить следующих субъектов административной юрисдикции, уполномоченных возбуждать и рассматривать дела о правонарушениях в области режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства. Ключевыми субъектами юрисдикции являются:

1. Органы внутренних дел (МВД России, МВД РТ) возбуждают дела о нарушениях правил въезда, пребывания, транзита иностранных граждан; рассматривают нарушения, связанные с отсутствием регистрации, проживанием без документов, несоблюдением сроков пребывания (ст. 18.8 КоАП РФ, ст. 499 КоАП РТ).
2. Судьи районных (городских) судов рассматривают дела, если правонарушение влечет административное выдворение, а также принимают решения о депортации, аннулировании разрешений на работу/пребывание (ч. 3 ст. 18.8, ст. 18.11 КоАП РФ).
3. Пограничные органы ФСБ России выявляют нарушения на границе (например, попытка въезда с поддельными документами), составляют протоколы и передают материалы в МВД или суды (ст. 18.1 КоАП РФ).
4. Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД РФ и ее территориальные органы осуществляют контроль за соблюдением миграционного учета, реализуют полномочия по рассмотрению дел о нарушениях правил привлечения иностранной рабочей силы (ст. 18.15–18.17 КоАП РФ).

В целом, субъекты административной юрисдикции – это государственные органы, должностные лица или суды, уполномоченные законом рассматривать дела об административных правонарушениях, применять меры административной ответственности и обеспечивать исполнение решений.

Деятельность субъектов административной юрисдикции регулируется нормами административного права (например, КоАП РФ, КоАП РТ). Субъекты административной юрисдикции обладают властными полномочиями, позволяющими им возбуждать дела, проводить расследования и выносить постановления.

Их полномочия специализированы и ограничены конкретными категориями дел, такими как миграционный режим, что обеспечивает им процессуальную самостоятельность, они действуют в рамках кодекса об административных правонарушениях.

Уполномоченные субъекты административной юрисдикции выполняют двойственную функцию: с одной стороны, они рассматривают и раз-

решают административно-правовые споры, с другой – осуществляют надзор за соблюдением миграционного законодательства и применяют соответствующие меры принуждения при выявлении нарушений.

Создание коллегии по административным делам в Верховном Суде Таджикистана обеспечит единообразие практики, особенно в контексте решений о выдворении или ограничении передвижения иностранных граждан и лиц без гражданства, где нередки коллизии между национальными и международными правовыми стандартами.

Таким образом, интеграция административной юстиции в существующую судебную систему, с учетом поэтапной специализации, представляется наиболее реалистичным путем укрепления правовой защиты иностранных граждан и лиц без гражданства в условиях роста миграционных потоков и ужесточения режимных требований.

Список литературы:

[1] Бахрах Д.Н. Нужна специализация судей, а не судов // Российская юстиция. – 2003. – № 2. – С. 10-11.

[2] Бахрах Д.Н. Юридический процесс и административное судопроизводство // Журнал российского права. – 2000. – № 9. – С. 10.

[3] Бельский К.С. Полицейское право: лекционный курс / под ред. А.В. Куракина. М.: Дело и Сервис, – 2004. – 814 с.

[4] Гулягин, А.Ю. Административно-юрисдикционная деятельность прокуратуры // Административное право и процесс. – 2013. – №3. – С. 26-30.

[5] Елфимова, Е.В., Вновь о контроле, надзоре и административной юрисдикции / Е.В. Елфимова, Д.В. Осинцев // Российский юридический журнал. – 2015. – № 4. – С. 99-107.

[6] Еремеев В.Ю. Определение круга субъектов административной юрисдикции в рамках административно-деликтного законодательства Российской Федерации / В.Ю. Еремеев, И.И. Ларинбаева, И.Р. Шагапов, Д.Р. Ягулов // Образование и право. – 2022. – № 10. – С. 82-87.

[7] Карпухин Д.В. Проблемы применения мер административного принуждения субъектами административной юрисдикции / Д.В. Карпухин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2015. – № 8. – С. 192-199.

[8] Канищев, Д.Р. Современные тенденции административной юрисдикции таможенных органов // Таможенное дело. – 2014. – № 4. – С. 25-29.

[9] Козлов М.Ю. Административное право: учебник. – М.: Юрист, 1999. – 320с.

[10] Кононов, П.И. Органы и организации, наделенные отдельными государственными или иными публичными полномочиями, как субъекты

административных и административно-процессуальных правоотношений / П. И. Кононов // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Сорокина Валентина Дмитриевича в связи со 100-летием со дня рождения, Санкт-Петербург, 29 марта 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. – С. 713-719.

[11] Панова И.В. Административно-процессуальное право России: монография (4-е изд., пересмотр.). М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – С. 131.

[12] Розенфельд В.Г., Серегина В.В. Административное принуждение (понятие, виды административного принуждения, процессуальное регулирование их применения). Воронеж, 1993. – С. 17.

[13] Соколов Е.С. Понятие, виды, классификации и система субъектов административной юрисдикции / Е.С. Соколов, И.Ю. Пекер // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 11. – С. 254-256.

[14] Соловьева А.К. Процессуальные проблемы рассмотрения дел об административных правонарушениях (по материалам судебной практики Санкт-Петербурга) // Административная ответственность: вопросы теории и практики. Сборник статей. М.: Изд-во ИГиП РАН, 2015. – С. 225.

References:

[1] Bakhrah D.N. We need the specialization of judges, not courts//Russian justice. – 2003. – № 2. – S. 10-11.

[2] Bakhrah D.N. Legal Process and Administrative Proceedings//Journal of Russian Law. – 2000. – № 9. – S. 10.

[3] Belsky K.S. Police law: lecture course/ed. A.V. Kurakina. M.: Case and Service, - 2004. - 814 s.

[4] Gulyagin, A.Yu. Administrative and jurisdictional activities of the prosecutor's office//Administrative law and process. – 2013. – №3. - S. 26-30.

[5] Elfimova, E.V., Again on Control, Supervision and Administrative Jurisdiction/E.V. Elfimova, D.V. Osintsev//Russian Law Journal. – 2015. – № 4. - S. 99-107.

[6] Eremeev V.Yu. Determination of the range of subjects of administrative jurisdiction within the framework of the administrative and tort legislation of the Russian Federation/V.Yu. Eremeev, I.I. Larinbaeva, I.R. Shagapov, D.R. Yagulov//Education and law. – 2022. – № 10. - S. 82-87.

[7] Karpukhin D.V. Problems of the application of administrative coercion measures by subjects of administrative jurisdiction/D.V. Karpukhin//Bulletin of the O. E. Kutafin University. – 2015. – № 8. – S. 192-199.

[8] Kanishchev, D.R. Current trends in the administrative jurisdiction of customs authorities// Customs. – 2014. – № 4. – S. 25-29.

[9] Kozlov M.Yu. Administrative law: textbook. – M.: Lawyer, 1999. – 320s.

[10] Kononov, P.I. Bodies and organizations endowed with separate state or other public powers, as subjects of administrative and administrative-procedural legal relations/P.I. Kononov//Actual problems of administrative and administrative-procedural law (Sorokin readings): Collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference dedicated to the memory of Valentin Dmitrievich Sorokin, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, in connection with the 100th anniversary of his birth, St. Petersburg,

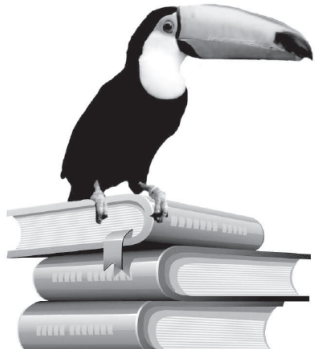
March 29, 2024. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – S. 713-719.

[11] Panova I.V. Administrative and procedural law of Russia: monograph (4th ed., Revision.). M.: Norm: INFRA-M, 2016. – S. 131.

[12] Rosenfeld V.G., Seregina V.V. Administrative coercion (concept, types of administrative coercion, procedural regulation of their application). Voronezh, 1993. – S. 17.

[13] Sokolov E.S. Concept, types, classifications and system of subjects of administrative jurisdiction/E.S. Sokolov, I.Yu. Pecker//International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2017. – № 11. – S. 254-256.

[14] Solovyova A.K. Procedural problems of considering cases of administrative offenses (based on the materials of the judicial practice of St. Petersburg)//Administrative responsibility: questions of theory and practice. Collection of articles. M.: Publishing House of IGiP RAS, 2015. – S. 225.

Юрическое издательство
«ЮРКОПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-399-402

МАЛЫШЕВ Евгений Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Северо-Западный филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия
им. В.М. Лебедева»,
e-mail: e_malishev31@rambler.ru

ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И СИСТЕМА АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ МЕТОДОВ, ПРИМЕНЯЕМЫХ ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Аннотация. В статье исследуются административно-правовые методы, применяемые органами исполнительной власти в сфере внешней трудовой миграции, с позиций современной доктрины административного права. Обосновывается необходимость разграничения методов государственного управления и методов административного права как отрасли, а также раскрывается специфика административно-правовых методов как юридически легитимированных способов публично-властного воздействия на миграционные правоотношения.

Автором показано, что сущность административно-правовых методов в сфере внешней трудовой миграции выражается в их двуединой природе, сочетающей деятельный аспект реализации функций публичного управления и инструментальный аспект использования юридических средств и процедур. Устанавливается, что система административно-правовых методов формируется на основе стратегического целеполагания государственной миграционной политики и реализуется посредством согласованного применения экономических, административно-властных и организационных методов.

Особое внимание уделяется роли административных процедур и административных производств как процессуальной формы реализации административно-правовых методов. Делается вывод о том, что согласованное применение данных методов в рамках единого административного процесса обеспечивает упорядочение, охрану и развитие миграционных правоотношений, связанных с выездными и въездными трудовыми потоками, при одновременной защите конституционных прав субъектов внешней трудовой миграции.

Ключевые слова: административно-правовые методы, внешняя трудовая миграция, органы исполнительной власти, миграционная политика, административные процедуры, административный процесс, публичное управление.

MALYSHEV Evgenii Alexandrovich,
candidate of law, associate professor,
associate professor of the department of state and legal disciplines,
North-West branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
«Russian state university of justice
named after V.M. Lebedev»

THE CONCEPT, ESSENCE AND SYSTEM OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL METHODS APPLIED BY EXECUTIVE AUTHORITIES IN THE SPHERE OF EXTERNAL LABOR MIGRATION

Annotation. The article examines administrative and legal methods applied by executive authorities in the field of external labor migration from the standpoint of modern administrative law doctrine. The author substantiates the necessity of distinguishing between methods of public admin-

istration and methods of administrative law as a branch of law, and reveals the specificity of administrative and legal methods as legally legitimized means of public authority influence on migration relations.

It is demonstrated that the essence of administrative and legal methods in the sphere of external labor migration is expressed in their dual nature, combining an activity-based aspect of implementing public administration functions and an instrumental aspect of applying legal means and procedures. The article establishes that the system of administrative and legal methods is formed on the basis of strategic goal-setting of state migration policy and is implemented through the coordinated application of economic, administrative-authoritative and organizational methods.

Special attention is paid to administrative procedures and administrative proceedings as procedural forms for the implementation of administrative and legal methods. It is concluded that their coordinated application within a unified administrative process ensures the regulation, protection and development of migration relations associated with inbound and outbound labor flows, while safeguarding constitutional rights of subjects of external labor migration.

Key words: *administrative and legal methods, external labor migration, executive authorities, migration policy, administrative procedures, administrative process, public administration.*

Проблематика внешней трудовой миграции сохраняет высокую актуальность для современной Российской Федерации в силу динамичного характера миграционных процессов и их значимого влияния на социально-экономическое развитие государства. Эффективность публичного управления в данной сфере в существенной степени определяется применяемыми органами исполнительной власти административно-правовыми методами, что обуславливает необходимость их теоретического осмысления.

В административно-правовой доктрине отсутствует единое легальное определение административно-правового метода. Вместе с тем в научной литературе метод государственного управления традиционно рассматривается как способ организующего воздействия субъекта управления на управляемый объект с целью реализации публичных функций [1, с. 249-250]. В отличие от методов административного права, направленных на нормативное упорядочение управленческих отношений, методы государственного управления ориентированы на практическое достижение управленческих результатов [2, с. 71; 3, с. 159–160].

Административно-правовые методы, применяемые органами исполнительной власти в сфере внешней трудовой миграции, представляют собой юридически оформленные способы и приемы публично-властного воздействия, реализуемые в пределах установленной компетенции и направленные на упорядочение, охрану и развитие миграционных правоотношений, связанных с выездными и въездными трудовыми потоками.

Ю. Е. Аврутин справедливо замечает, что «административно-правовые средства, являясь правовыми ценностями, должны не разрушать, а охранять и защищать иные социальные ценности,

среди этих ценностей – конституционное право человека на достойную жизнь (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ)» [4, с. 9]. Разделяя указанную точку зрения, полагаем, что административно-правовые методы призваны охранять и защищать конституционные права и свободы человека и гражданина, лежащие в основе единой правовой природы внешней трудовой миграции (эмиграции и иммиграции). Речь идет о праве на свободный труд и свободу передвижения, включая право свободно покидать любую страну и возвращаться в страну своей гражданской принадлежности.

Сущность административно-правовых методов, применяемых органами исполнительной власти в сфере внешней трудовой миграции, выражается в их двуединой природе. С одной стороны, они обеспечивают реализацию функций публичного управления (деятельный аспект), с другой – предполагают использование юридических средств и процедур (инструментальный аспект), посредством которых достигаются цели государственной миграционной политики при одновременной защите конституционных прав субъектов внешней трудовой миграции.

Система административно-правовых методов формируется на основе стратегического целеполагания государственной миграционной политики [11] и носит комплексный характер. Она включает экономические методы, методы прямого административно-властного воздействия и организационные методы гарантирования административно-правового статуса субъектов внешней трудовой миграции.

Реализация указанных методов осуществляется посредством административных процедур и административных производств, образующих единый административный процесс как юридическую форму деятельности органов исполнительной власти [5, с. 155].

Понимание внешней трудовой миграции как единого социально-правового явления, корректирующее целеполагание его правового регулирования, обуславливает изменения роли и значения различных групп административно-правовых методов.

Ведущую роль приобретает программно-установочный метод, требующий разработки и реализации федеральных и региональных программ в сфере внешней трудовой миграции [6, с. 20].

По мнению Президента РФ, «надо, прежде всего, оперативно отладить все административные процедуры, связанные с миграцией, максимально перевести их в «цифру», сделать понятными, четкими и доступными» [12].

Анализируя административные процедуры как специальные юридические средства внесудебного и судебного механизмов административно-процессуального регулирования, А.И. Стахов «разделяет их на два автономных вида: во-первых, внесудебные (исполнительные) административные процедуры; во-вторых, судебные административные процедуры (судебно-административные процедуры)» [7, с. 44–45].

А.Н. Жеребцов и Е.А. Чабан считают, что «административные процедуры образуют два основных вида: (1) административные процедуры позитивного государственного управления и (2) административные юрисдикционные процедуры, включающие в себя многообразные виды административных производств, образующие в конечном виде единый административный процесс» [8, с. 155].

Развитие представлений об административных процедурах связано с исследованиями в области административного процесса, поскольку сами процедуры являются разновидностью административных производств, составляющих административный процесс [9, с. 37]. Четко прослеживается устойчивая тенденция соотносить понятия «процесс» и «производство» как общее и особенное: процесс – есть сумма производств; производство – органическая часть процесса [10, с. 92].

Административные процедуры, применяемые публичной администрацией в сфере внешней трудовой миграции, отличаются значительным многообразием. Представляется обоснованным их разделение на два вида: процедуры позитивного государственного управления и административные юрисдикционные процедуры. Данные процедуры служат инструментами реализации регулятивных и охранительных административно-правовых методов в рамках соответствующих административных производств.

Таким образом, административно-правовые методы в сфере внешней трудовой миграции сле-

дует рассматривать как системно организованный инструмент публичного управления, обеспечивающий согласование выездных и въездных трудовых потоков в интересах государства и общества.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Административно-правовые методы, применяемые органами исполнительной власти в сфере внешней трудовой миграции, представляют собой юридически оформленные способы и приемы публично-властного воздействия, реализуемые в пределах установленной компетенции и направленные на упорядочение, охрану и развитие миграционных правоотношений, связанных с выездными и въездными трудовыми потоками.
2. Сущность административно-правовых методов выражается в их двуединой природе. С одной стороны, они обеспечивают реализацию функций публичного управления (деятельный аспект), с другой – предполагают использование юридических средств и процедур (инструментальный аспект), посредством которых достигаются цели государственной миграционной политики при одновременной защите конституционных прав субъектов внешней трудовой миграции.
3. Система административно-правовых методов формируется на основе стратегического целеполагания государственной миграционной политики и носит комплексный характер. Она включает экономические методы, методы прямого административно-властного воздействия и организационные методы гарантирования административно-правового статуса субъектов внешней трудовой миграции. Реализация указанных методов осуществляется посредством административных процедур и административных производств, образующих единый административный процесс как юридическую форму деятельности органов исполнительной власти.

Список литературы:

- [1] Попов Л.Л. Государственное управление и исполнительная власть: содержание и соотношение / Л. Л. Попов, Ю. И. Мигачев, С. В. Тихомиров ; под ред. Л. Л. Попов. – Москва: НОРМА: ИНФРА-М, 2011. – 319 с.
- [2] Чуряев А.В. К вопросу о системе административно-правовых методов государственного управления // Административное и муниципальное право. – 2011. – № 11. – С. 70-75.
- [3] Макарейко Н. В. Глава 9. Методы государственного управления / Н. В. Макарейко //

Административное право: Учебник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. – С. 159-174.

[4] Аврутин Ю.Е. Проблемы законодательной модернизации механизма административно-правового регулирования в контексте обеспечения надлежащего публичного управления // Административное право и процесс. – 2015. – № 8. – С. 7-14.

[5] Малышев Е. А. О материальных и процессуальных формах реализации методов государственного управления в сфере внешней трудовой миграции / Е. А. Малышев // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 2(32). – С. 153-156.

[6] Очерedyкo В. П. Внешняя трудовая миграция в современной России: необходимость пересмотра концептуальных основ / В. П. Очерedyкo, Е. А. Малышев // Российское правосудие. – 2021. – № 5. – С. 13-21.

[7] Стахов А.И. Теория административно-процессуального регулирования контрольно-надзорных отношений: Учебное пособие. – М.: РГУП, 2020. – 192 с.

[8] Жеребцов А. Н. Административные процедуры: понятие, сущность, проблемы осуществления и нормативно-правового регулирования / А. Н. Жеребцов, Е. А. Чабан. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. – 164 с.

[9] Меркулов В. Г. Административные регламенты в деятельности МВД России / В. Г. Меркулов, С. А. Старостин, В. Ю. Ухов. – Санкт-Петербург: ООО «Р-КОПИ», 2016. – 132 с.

[10] Сорокин В. Д. Административный процесс и административно-процессуальное право / В. Д. Сорокин. – Санкт-Петербург: Издательство Юридического института, 2002. – 474 с.

[11] Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 – 2030 годы» // СПС Гарант.

[12] Ильина В. Путин призвал комплексно посмотреть на проблему миграции // Российская газета 20.03.2023 URL: <https://rg.ru/2023/03/20/putin-prizval-kompleksno-posmotret-na-problemu-migracii.html> (дата обращения 25.01.2026).

References:

[1] Popov L.L. Public Administration and Executive Power: Content and Correlation / L. L. Popov, Yu. I. Migachev, S. V. Tikhomirov; edited by L. L. Popov. – Moscow: NORMA: INFRA-M, 2011. – 319 p.

[2] Churyaev A.V. On the System of Administrative-Legal Methods of Public Administration // Administrative and Municipal Law. – 2011. – No. 11. – Pp. 70-75.

[3] Makareyko N.V. Chapter 9. Methods of Public Administration / N.V. Makareyko // Administrative Law: Textbook. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – Pp. 159-174.

[4] Avrutin Yu.E. Problems of legislative modernization of the mechanism of administrative-legal regulation in the context of ensuring good public administration // Administrative law and process. – 2015. – No. 8. – P. 7-14.

[5] Malyshev E. A. On the substantive and procedural forms of implementing public administration methods in the sphere of external labor migration / E. A. Malyshev // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – No. 2 (32). – P. 153-156.

[6] Ocheredyk V. P. External labor migration in modern Russia: the need to revise the conceptual foundations / V. P. Ocheredyk, E. A. Malyshev // Russian justice. – 2021. – No. 5. – P. 13-21.

[7] Stakhov A.I. Theory of administrative-procedural regulation of control and supervisory relations: A tutorial. – Moscow: RGUP, 2020. – 192 p.

[8] Zherebtsov A. N. Administrative procedures: concept, essence, problems of implementation and legal regulation / A. N. Zherebtsov, E. A. Chaban. – Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. – 164 p.

[9] Merkulov V. G. Administrative regulations in the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia / V. G. Merkulov, S. A. Starostin, V. Yu. – St. Petersburg: ООО «R-KOPI», 2016. – 132 p.

[10] Sorokin V. D. Administrative process and administrative-procedural law / V. D. Sorokin. – Saint Petersburg: Publishing House of the Law Institute, 2002. – 474 p.

[11] Decree of the President of the Russian Federation of October 15, 2025 No. 738 “On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026-2030” // SPS Garant.

[12] Ilyina V. Putin called for a comprehensive approach to the migration problem // Rossiyskaya Gazeta, March 20, 2023. URL: <https://rg.ru/2023/03/20/putin-prizval-kompleksno-posmotret-na-problemu-migracii.html> (accessed January 25, 2).

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-403-408

СОСОРИН Кирилл Дмитриевич,
Аспирант,
Российский университет кооперации,
г. Мытищи,
e-mail: logika_pro@mail.ru

КОЛЛЕКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРАВАМИ НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. В настоящей статье проанализирован институт коллективного управления авторскими правами в области аудиовизуального искусства. Рассмотрена правовая природа аудиовизуального произведения как сложной синтезированной структуры, объединяющей результаты интеллектуальной деятельности целого ряда правообладателей. В статье представлен анализ механизма функционирования организаций, занимающихся управлением правами на коллективной основе (ОКУП), рассмотрена роль этих организаций в поддержании равновесия между интересами авторов, продюсеров и пользователей в условиях динамичного процесса цифровизации медиарынка. Особый акцент сделан на изменении в системе лицензирования под воздействием распространения стриминговых сервисов, глобальных OTT-платформ и технологий искусственного интеллекта. В исследовании также рассмотрена проблема сбора и распределения вознаграждения, вопросы «buy-out» контрактов и перспективы введения блокчейн-решений с целью автоматизации управления роялти. Предлагаются пути модернизации законодательной системы для эффективной защиты интеллектуального капитала.

Ключевые слова: аудиовизуальное произведение, авторское право, коллективное управление правами, ОКУП, цифровые платформы, роялти, интеллектуальная собственность, блокчейн, стриминг, смарт-контракты, искусственный интеллект, право на вознаграждение.

SOSORIN Kirill Dmitrievich,
PhD student,
Russian University of Cooperation,
Mytishchi

COLLECTIVE MANAGEMENT OF RIGHTS TO USE AUDIOVISUAL WORKS: LEGAL FRAMEWORK, GLOBAL TRENDS AND TECHNOLOGICAL TRANSFORMATION IN THE DIGITAL AGE

Annotation. This article analyzes the institute of collective copyright management in the field of audiovisual art. The legal nature of an audiovisual work is considered as a complex synthesized structure combining the results of intellectual activity of a number of copyright holders. The article presents an analysis of the mechanism of functioning of organizations involved in the management of rights on a collective basis (CCG), examines the role of these organizations in maintaining a balance between the interests of authors, producers and users in the context of the dynamic process of digitalization of the media market. Special emphasis is placed on changes in the licensing system

under the influence of the spread of streaming services, global OTT platforms and artificial intelligence technologies. The study also examines the problem of collecting and distributing remuneration, issues of "buy-out" contracts, and the prospects for introducing blockchain solutions to automate royalty management. The ways of modernization of the legislative system for effective protection of intellectual capital are proposed.

Key words: *audiovisual work, copyright, collective management of rights, payback, digital platforms, royalties, intellectual property, blockchain, streaming, smart contracts, artificial intelligence, the right to remuneration.*

Введение

Эволюция авторского права тесно связана с техническим прогрессом, постоянно расширяющим рамки творческого самовыражения и способы его коммерческого использования. В XXI столетии аудиовизуальные произведения заняли центральное место в мировой креативной индустрии. Они бывают совершенно разных форматов: полнометражные художественные фильмы, короткометражный мультимедийный контент, многосерийные драмы для стриминговых платформ [12]. Специфика аудиовизуальных произведений заключается в их синтетическом характере. В них объединяется множество разнообразных элементов: литературная основа, то есть сценарий, музыкальное сопровождение, визуальный ряд (постановочная и операторская работа), актерская игра. Такая многоуровневость определила возникновение сложной системы правообладателей, в которой интересы авторов, создающих произведения, вступают в конфликт с притязаниями продюсеров и инвесторов [11].

В период аналогового вещания контроль за применением аудиовизуальных произведений отличался централизованностью. Наступление цифровой эпохи кардинальным образом изменило ситуацию. Одновременное массовое использование контента на многочисленных онлайн-платформах в любой точке мира сделало индивидуальное лицензирование невозможным чисто физически для большинства авторов [10]. Режиссеры, композиторы и сценаристы не имеют возможности постоянно самостоятельно мониторить глобальную сеть Интернет, выявлять любой случай демонстрации произведения в эфире и фиксировать каждое нарушение своих прав. В такой непростой ситуации ОКУП выступает важнейшим юридическим образованием, способным обеспечить определенное соблюдение прав представителей современных творческих профессий.

ОКУП (Организации по управлению правами на коллективной основе) выполняют значимую функцию институционального посредника и сокращают транзакционные издержки как для авторов, так и для пользователей. Цифровым платформам и вещателям ОКУП предоставляют возможность законного использования масштабных объемов контента. Они действуют на основе принципа

«единого окна» и избавляют авторов от необходимости заключать огромное число индивидуальных договоров. Для авторов данный принцип является единственным способом реализации их законного права на получение вознаграждения, который предоставляет им материальную независимость и мотивирует на дальнейшее творчество [7].

Актуальность настоящей статьи определена необходимостью рассмотрения вопросов, связанных с адаптацией уже сформированных, на сегодняшний момент, механизмов коллективного управления к изменяющимся условиям цифрового рынка середины 2020-х годов. В ситуации, когда аудиовизуальный контент занял нишу главного продукта интеллектуальной собственности, и границы между традиционным телевидением и интернетом полностью разрушились, имеются определенные лакуны в законодательной системе, в первую очередь, в вопросах взаимодействия ОКУП с международными OTT-сервисами и нейросетевыми системами, которые способны приводить к обесцениванию авторского труда и кризису доверия в отношениях между креативными индустриями. Поэтому рассмотреть подробнее эти лакуны и раскрыть более глубоко связанные с ними проблемы является очень актуальным.

Цель статьи состоит в проведении анализа принципов коллективного управления правами на аудиовизуальный контент, обнаружении основных противоречий в деятельности современных ОКУП в период алгоритмического потребления и прослеживании перспектив по преобразованию института коллективного управления авторскими правами в высокотехнологичный сервис, отличающийся большой степенью прозрачности и справедливости.

Материалы и методы

При написании статьи был использован достаточно обширный пласт источников: научные работы, изданные журналах ВАК и РИНЦ за последние несколько лет, актуальные юридические материалы, опубликованные на интернет-ресурсах, правовые документы. В ходе исследования были применены теоретический, практический и сравнительный методы.

Результаты и обсуждения

Юридическая природа аудиовизуального произведения как предмета коллективного управления правами во многом обусловлена его статусом «сложного» произведения. Часто в создании такого произведения принимают участие множество субъектов – непосредственно творческие единицы (те, кто придумывает и воплощает идеи в зрительной и аудиальной форме), продюсеры (те, кто организует создание произведения и продвигает его), финансовые единицы, инвесторы (те, кто спонсирует создание и продвижение произведений) [12].

В современной концепции права интеллектуальной собственности аудиовизуальная сфера характеризуется определенным распределением правомочий. Исключительное право на произведение традиционно сосредоточено у продюсера. Основные авторы – сценарист, режиссер-постановщик, композитор – имеют на законодательном уровне право на получение вознаграждения при исполнении произведения перед публикой, демонстрации его в эфире либо по кабелю. Право на вознаграждение обладает специфической природой. В классическом смысле оно не является исключительным правом, а выступает в роли имущественного притязания, которое в силу закона может быть осуществлено лишь через ОКУП [3]. Данная схема обязательного коллективного управления (по-другому, расширенной аккредитации) должна защищать авторов от давления, оказываемого крупными медиакорпорациями и препятствовать полному отчуждению экономических интересов авторов на этапе заключения договора на производство контента. В данной ситуации ОКУП выступают как фидуциарные (доверительные) агенты, лицензирующие использование контента и выполняющие сложную аналитическую деятельность по идентификации правообладателей и расчету причитающихся им долей вознаграждения [2].

В 2026 году экономическая эффективность организаций коллективного управления правами прямым образом зависит от их возможности работать с большими данными (Big Data). Процесс сбора вознаграждения перестал, как ранее, быть линейным. В настоящее время он представляет собой аккумулирование платежей от многих инстанций: кабельных операторов, кинотеатральных сетей, спутниковых провайдеров (глобальных OTT-платформ и др.). Данная система характеризуется излишней сложностью и достаточной размытостью, поэтому значительное число собранного вознаграждения годами остается нераспределенным вследствие невозможности точно идентифицировать всех правообладателей.

Особое внимание следует уделить кризису традиционного лицензирования в эпоху господства стриминговых сервисов. Крупные платформы такого плана, как Netflix, Disney+, Кинопоиск, действуют в международном пространстве, что вступает в определенные противоречия с территориальной спецификой деятельности ОКУП. Данное обстоятельство выявляет проблему фрагментации прав, когда одна и та же организация не имеет возможности выдать лицензию на эксплуатацию контента за границами своей юрисдикции. Для этого требуется применение сложной системы договоров с зарубежными партнерами о взаимном представительстве.

Еще одной серьезной проблемой является распространение практики «buy-out» контрактов, означающей выкуп авторских прав. Согласно «buy-out», авторам выплачивают фиксированную сумму («flat fee») за отказ от каких-либо претензий на роялти (регулярное вознаграждение). Данная практика подрывает саму природу авторского права, когда создатель произведения может пользоваться результатами своих достижений.

В ответ на такое положение дел в европейской законодательной системе и в практике Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) в 2020-х годах была сформирована концепция неотчуждаемого и непередаваемого права автора на справедливое вознаграждение. Согласно указанной концепции, создатель произведения должен получать вознаграждение, даже если он передал исключительные права продюсеру. Данный механизм возможно эффективно осуществлять только через ОКУП, которые выступают главным гарантом общественной справедливости в креативной индустрии.

Бурное развитие технологий к середине 2020-х годов открыло новые возможности для коллективного управления авторскими правами. Отказ от бумажных отчетов и абсолютный переход на автоматизированные системы идентификации контента, такие как EIDR (Entertainment Identifier Registry) и ISAN (International Standard Audiovisual Number), дает возможность ОКУП непосредственно интегрироваться в API вещательных онлайн-площадок [6]. В Европе наиболее перспективным решением проблемы прозрачности видят в применении смарт-контрактов на основе блокчейн-технологий. Ряд европейских стран уже обращаются к ним. В России же, несмотря на введение ряда законов, регулирующих электронную и цифровую сферу [4], к данным технологиям пока относятся с недоверием, так как существует неопределенность правового статуса и законодательных норм. Российское законода-

тельство в настоящий момент находится на пути усовершенствования технологий смарт-контрактов для внедрения их в авторском праве [1].

Смарт-контракт представляет собой программный алгоритм, автоматически выполняющий условия сделки сразу между несколькими сторонами на базе технологии блокчейн [13]. Он дает возможность запрограммировать распределение средств так, что во время совершения пользователем транзакции за просмотр фильма, платеж мгновенно расщепляется в автоматическом режиме [9]. Одна часть денежных средств уходит продюсеру, другая – платформе, третья – в ОКУП для моментального начисления вознаграждения авторам. Данная система предотвращает задержки в выплатах, которые при традиционном способе могут достигать двух лет. Кроме того, сокращаются риски коррупции и нецелевого использования средств внутри самой организации ОКУП.

В середине 2020-х годов наиболее остро выявилась еще одна проблема, связанная с применением искусственного интеллекта. В 2025-2026 годах аудиовизуальные произведения начали широко применять в качестве обучающих данных (datasets) для нейросетевых платформ типа Runway и Sora. ОКУП взяли также на себя функцию правового регулирования процесса машинного обучения. Они разработали тарифы на использование аудиовизуальных произведений и стали выполнять роль коллективных переговорщиков.

В связи с интенсивным развитием ИИ-технологий во многом происходит пересмотр классической концепции авторского права. Применение эпизода фильма нейросетью с целью генерации нового продукта не является показом в традиционном понимании, но представляет собой разновидность коммерческой эксплуатации творческих достижений авторов. В случае с применением ИИ коллективное управление выступает единственным гарантом того, что тысячи авторов смогут получать компенсацию за использование их творческого вклада и интеллектуальных усилий [8].

Таким образом, институт коллективного управления правами в аудиовизуальном сегменте находится на стадии активного развития. Из пассивного и инертного сборщика платежей он превращается в активную технологическую площадку, осуществляющую управление метаданными и обеспечивающую юридическую чистоту во всемирном цифровом пространстве. Однако для того, чтобы ОКУП функционировали полноценно и особо продуктивно, требуется усовершенствование международного сотрудничества в плане формирования единых реестров прав и унификации отчетных стандартов для цифровых плат-

форм. Это даст возможность наиболее эффективно защищать права авторов на вознаграждение при трансграничном потреблении аудиовизуального контента.

Вопросы коллективного управления правами на использование аудиовизуальных произведений в настоящее время начинают привлекать внимание исследователей. За последние годы был опубликован ряд научных работ, касающихся данной проблемы.

Исследователи Л.В. Шварц, Н.М. Чепурнова и М.Ю. Соловьев рассматривают аудиовизуальное произведение как сложный, многоуровневый объект с точки зрения определения авторского права и говорят о необходимости установления административно-правового режима и публично-правовой охраны аудиовизуальных произведений [11, 12].

Правовед И. Куницын подробно освещает проблемы авторского права на использование аудиовизуального контента. Он отмечает, что за год радио- и телеканалы эксплуатируют произведения десятков тысяч композиторов, исполнителей, поэтов, и для правомерного использования данного контента каждый канал ранее был вынужден заключать тысячи лицензионных договоров. Куницын указывает, что для упрощения такой деятельности и большего правового контроля введение механизма коллективного управления правами в медиасфере является крайне важным шагом. ОКУП способны выдавать такие лицензии, которые дают возможность вещателям использовать неограниченное количество результатов интеллектуальной деятельности любых правообладателей [7].

Ряд исследователей – Д.Е. Бавин, Э.В. Жагун-Линник, Н.В. Мамаева, С.А. Якушкин, И.В. Осипов – считают, что применение самых актуальных, на сегодняшний день, цифровых технологий (смарт-контрактов, блокчейн) способны максимально эффективно решить проблему регулирования авторских прав на аудиовизуальный контент в цифровой медиасфере. Они понимают имеющиеся недостатки этих систем и полагают, что сейчас крайне важно направить все силы на доработку данных технологий в законодательном плане [1, 6, 9, 13].

Выводы

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что институт коллективного управления правами в аудиовизуальном сегменте находится сейчас на этапе глубоких структурных преобразований, связанных с переходом от аналоговых к алгоритмическим моделям распространения контента. Сложная синтезированная природа аудиовизуальных произведений, объединяющая в себе творческий

вклад многочисленных авторов и масштабные вложения продюсеров и инвесторов, делает систему Организаций по управлению правами на коллективной основе единственным эффективным инструментом, который способен поддерживать более-менее справедливый баланс между интересами авторов контента и потребностями социума в законном доступе к нему.

В ходе исследования было обнаружено, что традиционные модели лицензирования и сбора вознаграждения, сформированные в период физических носителей и эфирного телевидения, сталкиваются с масштабными проблемами и противоречиями в ситуации господства с глобальных цифровых площадок и стриминговых сервисов. Ключевая проблема заключена в своего рода информационной асимметрии между владельцами контента и организациями, занимающимися управлением правами. Эта информационная неравномерность приводит к некорректному распределению роялти и ущемлению интересов авторов, чье право на вознаграждение часто игнорируется при международных транзакциях. Буквально сейчас – в середине 2020-х годов – система коллективного управления авторскими правами находится на стадии активной доработки и совершенствования. Очевидно, что дальнейшее развитие данной отрасли будет идти по пути интенсивной цифровизации самих ОКУП. Повсеместное внедрение смарт-контрактов, автоматизированных распределительных реестров, высокоточных систем идентификации контента, модернизированных алгоритмов визуальных и акустических цифровых отпечатков (fingerprinting) даст возможность свести к минимуму транзакционные издержки, а также человеческий фактор, и обеспечит надежную выплату вознаграждения авторам в режиме, максимально приближенном по времени к реальному потреблению произведения.

На законодательном уровне необходимо уточнение статуса создателей аудиовизуальных произведений в цифровом пространстве и защита их от «buy-out» контрактов, а также серьезное усиление как государственного, так и общественного контроля за деятельностью аккредитованных учреждений. Данный контроль должен касаться ограничения административных расходов, обязательного аудита распределительных алгоритмов и внедрения открытых баз данных.

Благодаря гармонизации международного законодательства, формированию единых общемировых реестров метаданных и цифровой модернизации ОКУП можно будет в полной мере гарантировать, что авторы аудиовизуальных произведений будут получать достойное вознаграждение за свое творчество, а законодатель-

ная система сможет своевременно и целесообразно отвечать на технологические запросы времени, среди которых особенно важной в настоящее время является проблема лицензирования контента для обучения искусственного интеллекта.

Таким образом, коллективное управление правами в аудиовизуальной области должно окончательно преобразоваться из сугубо бюрократического и юридического посредника в высокотехнологичную сервисную онлайн-площадку, максимально эффективно защищающую интеллектуальный капитал и поддерживающую культурное многообразие в мировом цифровом поле. Это может стать надежной базой для развития креативной экономики, в которой технологический прогресс будет инструментом поддержки, а не обесценивания человеческого таланта.

Список литературы:

[1] Бавин Д.Е. Использование смарт-контрактов в России: проблемы правоприменения и перспективы правового регулирования // Молодой ученый. – 2025. – № 24 (575). – С. 314-316.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026). Статья 1244. Государственная аккредитация организаций по управлению правами на коллективной основе // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/490d12044228b17af0153380340c144a9b19a603/ (дата обращения: 26.01.2026).

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026). Статья 1245. Вознаграждение за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/05a9aa672f2c8f2a8f436739ce7e2bc7e73dd9ac/ (дата обращения: 26.01.2025).

[4] Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 26.01.2026).

[5] Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ // КонсультантПлюс: [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 26.01.2025).

[6] Жагун-Линник Э.В. Применение современных технологий в сфере управления и защиты авторских и смежных // Молодой ученый. – 2020. – № 8 (298). – С. 138-140.

[7] Куницын И. Коллективное управление авторскими и смежными правами в сфере онлайн-вещания // Адвокатская газета [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advice/kollektivnoe-upravlenie-avtorskimi-i-smezhnymi-pravami-v-sfere-onlayn-veshchaniya/> (дата обращения: 26.01.2026).

[8] Лукашова А.В. Авторское право и произведения, сгенерированные нейросетью // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 28. – С. 122-132.

[9] Мамаева Н.В. Смарт-контракты и их особенности // Наука и образование сегодня. – 2018. – № 2 (25). – С. 6-7.

[10] Онуприенко К.А. Трансформация традиционных телевизионных жанров на новых технологических платформах // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2021. – № 3 (42). – С. 99-108.

[11] Чепурнова Н.М., Соловьев М.Ю. Аудиовизуальное произведение как правовая категория: межотраслевой аспект // Закон и право. – 2022. – № 6. – С. 99-106.

[12] Шварц Л.В. Аудиовизуальное произведение как сложный объект авторского права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2023. – № 3 (17). – С. 30-36.

[13] Якушкин С.А. Осипов И.В. Блокчейн-технология: значение, категории, правовая перспектива // Бюллетень науки и практики. – 2019. – Т. 5. – № 8. – С. 134-139.

References:

[1] Bavin D.E. Use of smart contracts in Russia: problems of law enforcement and prospects for legal regulation//Young scientist. – 2025. – № 24 (575). – S. 314-316.

[2] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended 23.07.2025) (with amendments and additions, entry by virtue of 04.01.2026). Article 1244. State accreditation of collective rights management organizations// [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/490d-12044228b17af0153380340c144a9b19a603/ (access date: 26.01.2026).

[3] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended

23.07.2025) (with amendments and additions, entry by virtue of 04.01.2026). Article 1245. Remuneration for free reproduction of phonograms and audiovisual works for personal purposes//ConsultantPlus [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/05a9aa672f2c-8f2a8f436739ce7e2bc7e73dd9ac/ (access date: 26.01.2025).

[4] Federal Law “On Electronic Signature” dated 06.04.2011 No. 63-FZ (latest edition)//Consultant-Plus [Electronic Resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (access date: 26.01.2026).

[5] Federal Law “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated 31.07.2020 No. 259-FZ//ConsultantPlus: [Electronic Resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (access date: 26.01.2025).

[6] Zhagun-Linnik E.V. Application of modern technologies in the field of management and protection of copyright and related//Young scientist. – 2020. – № 8 (298). – S. 138-140.

[7] Kunitsyn I. Collective management of copyright and related rights in the field of online broadcasting//Lawyer newspaper [Electronic resource]. – URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advice/kollektivnoe-upravlenie-avtorskimi-i-smezhnymi-pravami-v-sfere-onlayn-veshchaniya/> (дата обращения: 26.01.2026).

[8] Lukashova A.V. Copyright and works generated by the neural network//Issues of Russian justice. – 2023. – № 28. – S. 122-132.

[9] Mamaeva N.V. Smart contracts and their features//Science and education today. – 2018. – № 2 (25). – S. 6-7.

[10] Onuprienko K.A. Transformation of traditional television genres on new technological platforms//Current issues of modern philology and journalism. – 2021. – № 3 (42). – S. 99-108.

[11] Chepuranova N.M., Soloviev M.Yu. Audiovisual work as a legal category: intersectoral aspect// Law and law. – 2022. – № 6. – S. 99-106.

[12] Schwartz L.V. Audiovisual work as a complex object of copyright//Theoretical and applied jurisprudence. – 2023. – № 3 (17). – S. 30-36.

[13] Yakushkin S.A. Osipov I.V. Blockchain technology: meaning, categories, legal perspective// Bulletin of Science and Practice. – 2019. – VOL. 5. – № 8. – S. 134-139.

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-409-414

ВОЛОДИН Евгений Анатольевич,

Аспирант

АНО ВО «Московский гуманитарный университет»,

e-mail: Volodin.zhen@yandex.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЗРАЧНОСТИ И ОБЪЕКТИВНОСТИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуются правовые проблемы обеспечения прозрачности и объективности при использовании технологий искусственного интеллекта в судебном процессе. На основе анализа зарубежного опыта (прежде всего практики применения алгоритма COMPAS в судах США, положений Регламента ЕС 2024/1689 об искусственном интеллекте и Руководств ЮНЕСКО 2025 года) и российских инициатив в сфере цифровизации правосудия автор выявляет ключевые риски, связанные с непрозрачностью алгоритмов, автоматизационной предвзятостью и утратой индивидуального подхода при принятии судебных решений. Обосновывается, что прозрачность и объективность искусственного интеллекта в правосудии не являются техническими характеристиками, а представляют собой правовые требования, реализация которых предполагает формирование системы обязательного аудита алгоритмов, обеспечение объяснимости результатов работы систем и сохранение за судьёй решающей роли в процессе. Предлагаются конкретные правовые меры, направленные на минимизацию выявленных рисков.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судебный процесс, прозрачность, объективность, алгоритмическая предвзятость, объяснимый искусственный интеллект, COMPAS, EU AI Act, цифровизация правосудия.

VOLODIN Evgenii Anatolyevich,

Postgraduate Student,

ANO VO "Moscow University for the Humanities"

ENSURING TRANSPARENCY AND OBJECTIVITY IN THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN JUDICIAL PROCEEDINGS: LEGAL ISSUES AND SOLUTIONS

Annotation. The article examines legal challenges in ensuring transparency and objectivity when artificial intelligence technologies are used in judicial proceedings. Drawing on an analysis of international experience — primarily the use of the COMPAS algorithm in U.S. courts, the provisions of EU Regulation 2024/1689 on Artificial Intelligence, and the 2025 UNESCO Guidelines — as well as Russian initiatives in the field of judicial digitalization, the author identifies key risks associated with algorithmic opacity, automation bias, and the loss of individualized approach in judicial decision-making. It is argued that the transparency and objectivity of artificial intelligence in the judiciary are not merely technical characteristics but legal requirements whose implementation requires a system of mandatory algorithmic auditing, explainability of AI outputs, and the preservation of the judge's decisive role in the process. Specific legal measures aimed at mitigating the identified risks are proposed.

Key words: artificial intelligence, judicial proceedings, transparency, objectivity, algorithmic bias, explainable artificial intelligence, COMPAS, EU AI Act, digitalization of justice.

Введение

Цифровизация судебной системы — одна из устойчивых тенденций развития правосудия как в России, так и за рубежом. Технологии искусственного интеллекта (далее - ИИ) уже применяются в разных странах мира для автоматизации делопроизводства, анализа судебной практики, расшифровки аудиозаписей заседаний и даже для подготовки проектов судебных актов [1]. Прогресс в этой области обещает существенное повышение эффективности правосудия: по данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, в 2024 году российскими судами было рассмотрено более 38 миллионов гражданских, административных дел и материалов [2], и автоматизация части этой работы способна заметно разгрузить судейский корпус.

Вместе с тем внедрение ИИ в судебный процесс порождает фундаментальные правовые вопросы, центральными из которых являются прозрачность и объективность алгоритмических систем. Если решение суда основано, хотя бы отчасти, на рекомендации алгоритма, стороны процесса должны иметь возможность понять логику этой рекомендации и при необходимости оспорить её. Между тем современные модели машинного обучения, особенно глубокие нейронные сети, нередко функционируют как «чёрный ящик»: их внутренняя логика непрозрачна даже для разработчиков [3]. Это ставит под угрозу конституционные гарантии на справедливое судебное разбирательство и подрывает доверие граждан к правосудию.

Цель настоящей статьи - выявить ключевые правовые риски, связанные с дефицитом прозрачности и объективности ИИ в судебном процессе, и предложить систему правовых мер, способных эти риски минимизировать. Методологическую основу исследования составляет сравнительно-правовой анализ зарубежного и отечественного опыта, а также доктринальный анализ понятий прозрачности и объяснимости применительно к алгоритмическим системам.

1. Прозрачность и объективность как правовые требования к судебному ИИ

Прозрачность и объективность ИИ в судебном процессе не сводятся к техническим характеристикам программного обеспечения. Это прежде всего правовые требования, вытекающие из принципов справедливого судопроизводства: права на мотивированное решение, права на обжалование и принципа состязательности. Если суд использует алгоритм при формировании позиции по делу, а стороны не могут ни проверить, ни оспорить машинную рекомендацию, нарушается сам фундамент процессуальной справедливости.

В зарубежной правовой доктрине активно развивается концепция объяснимого искусственного интеллекта (Explainable AI, XAI), которая ставит задачу сделать процесс принятия решений алгоритмом понятным для человека. Исследователи подчёркивают, что непрозрачность моделей способна подорвать чувство справедливости и доверия граждан, особенно когда речь идёт об уголовном правосудии, где от алгоритмической рекомендации может зависеть свобода лица [3]. Однако существует и важное предостережение: XAI нельзя рассматривать как этическую панацею. Как показал систематический обзор литературы, представленный на конференции ACM FAccT в 2024 году, типичные утверждения о способности объяснимого ИИ обеспечить справедливость зачастую расплывчаты, лишены нормативного обоснования или плохо соотносятся с реальными возможностями существующих технологий [4].

Объективность алгоритма - не менее сложное понятие. Машинное обучение основано на статистических закономерностях, извлечённых из исторических данных. Если эти данные содержат системные искажения (например, отражают существующее неравенство в правоприменении), алгоритм воспроизводит и усиливает эти искажения, создавая иллюзию объективности [5]. Таким образом, объективность ИИ в судебном процессе требует не только технической корректности модели, но и содержательной проверки данных, на которых она обучена, а также нормативного определения допустимых критериев для алгоритмической оценки.

2. Зарубежный опыт: уроки COMPAS и формирование регуляторных стандартов

Наиболее известным примером проблем прозрачности и объективности ИИ в правосудии является алгоритм COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions), разработанный компанией Northpointe (ныне Equivant) и применяемый в судах ряда штатов США для оценки риска рецидива подсудимых. В 2016 году журналистское расследование ProPublica выявило, что система систематически завышала показатели риска для подсудимых негров и занижала их для белых, хотя компания-разработчик утверждала обратное [6]. Дискуссия вокруг COMPAS показала, что единого математического определения справедливости не существует, а различные метрики справедливости могут быть взаимно несовместимы.

Знаковым стало дело *State v. Loomis* (2016), рассмотренное Верховным судом штата Висконсин. Подсудимый оспаривал использование оценки COMPAS при вынесении приговора, ссы-

лаясь на нарушение права на надлежащую правовую процедуру (due process), поскольку проприетарный характер алгоритма не позволял проверить методологию расчёта. Суд отклонил жалобу, постановив, что баллы COMPAS могут учитываться при назначении наказания, однако обязал сопровождать их предупреждениями об ограничениях инструмента [7]. Это решение подвергается обоснованной критике в юридической литературе: судьи не имеют доступа ни к алгоритму, ни к обучающим данным и видят лишь итоговый балл, что в сочетании с феноменом автоматизационной предвзятости (automation bias), т.е. склонности людей избыточно доверять машинным рекомендациям, создаёт серьёзные риски для индивидуализации наказания [8].

Исследование 2024 года, опубликованное в журнале *Artificial Intelligence and Law*, продемонстрировало, что встроенная в COMPAS предвзятость в пользу более жёстких решений может быть существенно сокращена с одновременным повышением общей точности прогноза. Авторы справедливо подчёркивают, что нормативный выбор между интересами потенциально невиновных подсудимых и интересами потенциальных жертв не должен быть скрыт в программном коде: он должен быть прозрачным и принадлежать законодателю и суду [9].

На регуляторном уровне в мировой практике важнейшим шагом стал Регламент ЕС 2024/1689 об искусственном интеллекте (EU AI Act), вступивший в силу 1 августа 2024 года. Регламент относит ИИ-системы, используемые в отправлении правосудия, к категории высокого риска, что влечёт обязательства по обеспечению прозрачности, документированию, человеческому надзору и оценке соответствия. При этом EU AI Act прямо подтверждает, что использование ИИ может поддерживать судебную деятельность, однако не должно подменять полномочия судьи по принятию решений [10].

Похожие шаги предлагается внедрять и на международном уровне: так, в декабре 2025 года ЮНЕСКО представила Руководства по использованию ИИ в судах и трибуналах, включающие 15 принципов, среди которых аудируемость, информационная безопасность и обязательность человеческого контроля на всех этапах жизненного цикла системы [11].

3. Российский контекст: состояние и проблемы регулирования

В России внедрение ИИ в судебную систему находится на начальном этапе и осуществляется преимущественно точечно. В 2021 году в Белгородской области был запущен пилотный проект по использованию ИИ в судопроизводстве [12]. В

рамках суперсервиса «Правосудие онлайн» планируется применять технологии ИИ для автоматизированного составления проектов судебных актов на основе анализа процессуальных обращений и материалов дела [13]. В ноябре 2025 года председатель Верховного суда РФ И. В. Краснов поручил ускорить внедрение ИИ в работу российских судов, подчеркнув при этом, что окончательное решение по делу всегда должно оставаться за человеком [14].

Вместе с тем перспективы внедрения ИИ в российское правосудие сопряжены с технологической неопределённостью. Отечественные языковые модели и нейросетевые решения пока уступают зарубежным аналогам по качеству обработки естественного языка, глубине юридического анализа и объёму обучающих данных. Использование же иностранных моделей (таких как GPT, Claude или Gemini) в судебной системе сопряжено с рисками: передача материалов дел на серверы иностранных компаний создаёт угрозу утечки персональных данных и конфиденциальной информации, а зависимость критической государственной инфраструктуры от зарубежных технологий противоречит взятому нашей страной курсу на цифровой суверенитет. Примечательно, что даже само понятие «судебный ИИ» остаётся нормативно и технически неопределённым: ни в одном действующем акте не закреплёно, какая именно технология (большая языковая модель, экспертная система, алгоритм машинного обучения или что-то еще) должна лечь в основу автоматизации правосудия, каковы требования к её верификации и сертификации и кто несёт ответственность за ошибки в её работе. Таким образом, Россия оказывается перед дилеммой: необходимость модернизации судопроизводства очевидна, однако инструментарий для этого до сих пор не определён.

Отметим, что по состоянию на начало 2026 года в России отсутствует специальный нормативный акт, регулирующий использование ИИ в судебном процессе. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, к сожалению, носит рамочный характер и не содержит специальных положений о применении ИИ в правосудии. Как справедливо отмечается в литературе, к числу основных барьеров относятся не только отсутствие правовых норм, но и дефицит доверия к алгоритмическим решениям со стороны как судейского сообщества, так и граждан [15]. Председатель Совета судей РФ В. В. Момотов ранее выразил позицию, согласно которой ИИ при назначении наказания чужд принципам справедливости и гуманизма и не способен выявить дух законодательства [16]. Эта позиция заслуживает внимания, однако не означает пол-

ного отказа от технологий; она скорее указывает на необходимость определения чётких границ допустимости использования ИИ и создания правовых гарантий его прозрачности (тем более, если речь идет об уголовном процессе).

Существенным пробелом является отсутствие в российском праве требования объяснимости алгоритмических решений, используемых в государственном управлении и правосудии. Если в ЕС AI Act прямо предусматривает обязательства по обеспечению прозрачности систем высокого риска и право граждан на информацию о том, что в отношении них применяется ИИ, то в российской правовой системе аналогичные нормы пока не сформированы. Это означает, что внедрение ИИ-инструментов в российских судах может происходить в условиях регуляторного вакуума, что само по себе создаёт риски для прав участников процесса.

4. Правовые меры по обеспечению прозрачности и объективности судебного ИИ

На основе проведённого анализа можно сформулировать комплекс правовых мер, направленных на обеспечение прозрачности и объективности ИИ в судебном процессе.

Во-первых, необходимо закрепить на законодательном уровне требование обязательного аудита алгоритмических систем, применяемых в правосудии. Такой аудит должен включать проверку обучающих данных на предмет системных искажений, тестирование модели на различных демографических группах и оценку соответствия результатов работы алгоритма принципам справедливости. Опыт американской системы COMPAS убедительно демонстрирует, что без внешнего аудита встроенные предвзятости алгоритма могут оставаться незамеченными годами. Аудит, на наш взгляд, должен проводиться как до внедрения системы (*ex ante*), так и в процессе её эксплуатации (*ex post*), по аналогии с требованиями Закона ЕС об искусственном интеллекте к системам высокого риска [10].

Во-вторых, необходимо нормативно обеспечить объяснимость результатов работы ИИ-систем в судебном процессе. Это означает, что каждая рекомендация алгоритма, используемая при принятии процессуального решения, должна сопровождаться понятным для участников процесса обоснованием: какие факторы учтены, какой вес им присвоен и как именно сформирован итоговый результат. В этом отношении продуктивным представляется подход, предложенный в рамках концепции «Legal XAI», ставящей в центр не разработчика алгоритма, а его конечного пользователя – судью, адвоката, подсудимого и других

участников судопроизводства [17]. Выбор формата и уровня детализации объяснения должен определяться потребностями целевой аудитории, а не техническим удобством.

В-третьих, ключевым принципом должно оставаться сохранение за судьёй решающей роли в процессе принятия решения. ИИ может быть инструментом поддержки, но не заменой судебного усмотрения. Данный принцип уже зафиксирован в Законе ЕС об искусственном интеллекте и Руководствах ЮНЕСКО. Представляется, что его закрепление в российском процессуальном законодательстве представляется первоочередной задачей. При этом важно не ограничиваться декларативными формулировками. Необходимо предусмотреть конкретные процессуальные механизмы: обязанность судьи мотивировать отступление от рекомендации алгоритма (или, напротив, следование ей), право сторон ознакомиться с результатами работы ИИ и представить контраргументы, а также запрет на использование ИИ в качестве единственного основания для принятия решения по существу дела.

Наконец, целесообразно создание специализированного органа (или наделение соответствующими полномочиями Судебного департамента при Верховном Суде РФ), ответственного за сертификацию и мониторинг ИИ-систем, используемых в судах. Такой орган мог бы разрабатывать стандарты прозрачности и объяснимости, проводить или заказывать независимый аудит и публиковать результаты в открытом доступе, обеспечивая тем самым не только процессуальные, но и общественные гарантии объективности правосудия.

Заключение

Использование технологий искусственного интеллекта в судебном процессе способно повысить эффективность правосудия, однако лишь при условии, что прозрачность и объективность алгоритмических систем будут обеспечены не на уровне деклараций, а через систему конкретных правовых механизмов. Зарубежный опыт, проиллюстрированный в данной статье, показывает, что регулирование ИИ в правосудии неизбежно и что промедление с его формированием создаёт реальные риски для прав участников процесса.

Для российской правовой системы, находящейся на начальном этапе внедрения ИИ в суды, это означает возможность учесть чужие ошибки и выстроить регулирование превентивно, а не в режиме запоздалой реакции на уже возникшие проблемы. Минимально необходимые, на наш взгляд, элементы будущей системы регулирования – это обязательный аудит алгоритмов, требо-

вание объяснимости, сохранение решающей роли судьи и создание специализированного контролирующего органа. Без этих элементов цифровизация правосудия рискует превратиться в источник новых угроз, а не решение существующих проблем.

Список литературы:

[1] OECD. Governing with Artificial Intelligence: AI in Justice Administration and Access to Justice. Paris: OECD Publishing, 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/2025/06/governing-with-artificial-intelligence_398fa287.html (дата обращения: 05.02.2026).

[2] Зуйков С. А. Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе России // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 3 (49). С. 125–129.

[3] Richmond K.M. et al. Explainable AI and Law: An Evidential Survey // Digital Society. 2023. №3. DOI: 10.1007/s44206-023-00081-z.

[4] Deck L., Schoeffer J., De-Arteaga M., Kühl N. A Critical Survey on Fairness Benefits of Explainable AI // Proceedings of the 2024 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT '24). Rio de Janeiro, 2024. P. 1–17.

[5] Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine Bias: There's Software Used Across the Country to Predict Future Criminals. And It's Biased Against Blacks // ProPublica. 2016. May 23. URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing> (дата обращения: 05.02.2026).

[6] Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. How We Analyzed the COMPAS Recidivism Algorithm // ProPublica. 2016. May 23. URL: <https://www.propublica.org/article/how-we-analyzed-the-compas-recidivism-algorithm> (дата обращения: 05.02.2026).

[7] State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016).

[8] Park A.L. Injustice Ex Machina: Predictive Algorithms in Criminal Sentencing // UCLA Law Review. 2019. URL: <https://www.uclalawreview.org/injustice-ex-machina-predictive-algorithms-in-criminal-sentencing/> (дата обращения: 05.02.2026).

[9] Engel C. et al. Code is Law: How COMPAS Affects the Way the Judiciary Handles the Risk of Recidivism // Artificial Intelligence and Law. 2024. DOI: 10.1007/s10506-024-09389-8.

[10] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. L Series. 2024. 12 July.

[11] UNESCO. AI in the Courtroom: UNESCO's New Guidelines for the Judiciary. Paris, 2025. URL:

<https://www.unesco.org/en/articles/ai-courtroom-unesco-new-guidelines-judiciary> (дата обращения: 05.02.2026).

[12] Правосудие будущего: как искусственный интеллект меняет суды // Softline Digital. 2024. 26 сентября. URL: <https://softline.ru/about/blog/pravosudie-budushego-kak-iskusstvennyj-intellekt-menyaet-sudy> (дата обращения: 05.02.2026).

[13] Лаптев В. А. Искусственный интеллект в суде — одна инстанция // Право.ру. 2024. URL: <https://pravo.ru/opinion/254748/> (дата обращения: 05.02.2026).

[14] Глава Верховного суда поручил ускорить внедрение ИИ в российскую судебную систему // CNews. 2025. 5 ноября. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-11-05_predsedatel_verhovnogo (дата обращения: 05.02.2026).

[15] Искусственный интеллект в судах // TAdviser. 2024. URL: <https://www.tadviser.ru/> (дата обращения: 05.02.2026).

[16] Момотов В. В. [Позиция по использованию ИИ в правосудии] // Цит. по: Правосудие будущего: как искусственный интеллект меняет суды // Softline Digital. 2024.

[17] Sele D. et al. Explaining eXplainable AI // SSRN Electronic Journal. 2025. DOI: 10.2139/ssrn.4972085.

References:

[1] OECD. Governing with Artificial Intelligence: AI in Justice Administration and Access to Justice. Paris: OECD Publishing, 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/2025/06/governing-with-artificial-intelligence_398fa287.html (дата обращения: 05.02.2026).

[2] Zuykov S. A. Prospects for the use of artificial intelligence in the judicial system of Russia // Journal of the Court for Intellectual Rights. 2025. № 3 (49). S. 125–129.

[3] Richmond K.M. et al. Explainable AI and Law: An Evidential Survey // Digital Society. 2023. №3. DOI: 10.1007/s44206-023-00081-z.

[4] Deck L., Schoeffer J., De-Arteaga M., Kühl N. A Critical Survey on Fairness Benefits of Explainable AI // Proceedings of the 2024 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT '24). Rio de Janeiro, 2024. P. 1–17.

[5] Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine Bias: There's Software Used Across the Country to Predict Future Criminals. And It's Biased Against Blacks // ProPublica. 2016. May 23. URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing> (дата обращения: 05.02.2026).

[6] Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. How We Analyzed the COMPAS Recidivism Algorithm // ProPublica. 2016. May 23. URL: <https://www.propublica.org/article/how-we-analyzed-the-compas-recidivism-algorithm>

propublica.org/article/how-we-analyzed-the-compass-recidivism-algorithm (дата обращения: 05.02.2026).

[7] State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016).

[8] Park A.L. Injustice Ex Machina: Predictive Algorithms in Criminal Sentencing // UCLA Law Review. 2019. URL: <https://www.uclalawreview.org/injustice-ex-machina-predictive-algorithms-in-criminal-sentencing/> (дата обращения: 05.02.2026).

[9] Engel C. et al. Code is Law: How COMPAS Affects the Way the Judiciary Handles the Risk of Recidivism // Artificial Intelligence and Law. 2024. DOI: 10.1007/s10506-024-09389-8.

[10] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. L Series. 2024. 12 July.

[11] UNESCO. AI in the Courtroom: UNESCO's New Guidelines for the Judiciary. Paris, 2025. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/ai-courtroom-unescos-new-guidelines-judiciary> (дата обращения: 05.02.2026).

[12] Justice of the future: how artificial intelligence is changing the courts//Softline Digital. 2024. September 26. URL: <https://softline.ru/about/blog/pravosudie-budushego-kak-iskusstvennyj-intellekt-menyaet-sudy> (дата обращения: 05.02.2026).

[13] Laptev V. A. Artificial intelligence in court - one instance// Право.ру. 2024. URL: <https://pravo.ru/opinion/254748/> (access date: 05.02.2026).

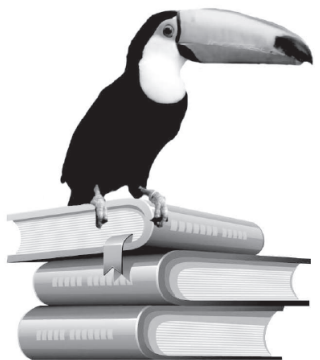
[14] The head of the Supreme Court instructed to accelerate the introduction of AI into the Russian judicial system//CNews. 2025. Nov. 5. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-11-05_predsedatel_verhovnogo (access date: 05.02.2026).

[15] Artificial intelligence in the courts//TAdviser. 2024. URL: <https://www.tadviser.ru/> (access date: 05.02.2026).

[16] Momotov V.V. [Position on the use of AI in justice]//Cit. by: Justice of the future: how artificial intelligence is changing the courts//Softline Digital. 2024.

[17] Sele D. et al. Explaining eXplainable AI // SSRN Electronic Journal. 2025. DOI: 10.2139/ssrn.4972085.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-415-417

ПАХОМОВ А.В.,
аспирант
Университет управления «ТИСБИ»,
г. Казань,
e-mail: pravoAVP@yandex.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В настоящей статье исследованы актуальные теоретико-правовые проблемы обеспечения презумпции невиновности в деятельности органов международного уголовного правосудия, а также рассмотрена международная судебная практика по реализации данного принципа в своей деятельности.

Ключевые слова: органы международной уголовной юстиции, международная юстиция, международные уголовные суды и трибуналы, персонифицированная международная уголовная ответственность, международное право.

PAKHOMOV A.V.,
Postgraduate Student,
TISBI University of Management,
Kazan

ENSURING THE PRINCIPLE OF PRESUMPTION OF INNOCENCE IN THE CONTEMPORARY INTERNATIONAL CRIMINAL PROCEEDING

Annotation. This article explores the current theoretical and legal issues of ensuring the presumption of innocence in the activities of international criminal justice bodies, as well as examines international judicial practice in implementing this principle in their activities.

Key words: international criminal justice bodies, international justice, international criminal courts and tribunals, individual international criminal responsibility, international law.

Актуальность исследования обусловлена значимостью презумпции невиновности как основополагающего принципа уголовного права, закреплённого в международных правовых актах и национальных законодательствах многих стран. Этот принцип устанавливает, что лицо считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке. В контексте международного уголовного правосудия данный принцип реализуется через систему гарантий, однако его практическое применение сопряжено с рядом трудностей.

Целью исследования является анализ соблюдения и обеспечения презумпции невиновности при привлечении к уголовной ответственности в рамках международной юстиции.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Изучить правовую базу, регулирующую презумпцию невиновности лиц, привлекае-

мых к международной уголовной ответственности.

2. Выявить проблемы, связанные с соблюдением презумпции невиновности в процессе международной уголовной юстиции.
3. Проанализировать судебную практику по вопросам привлечения к международной уголовной ответственности высших должностных лиц государств и определить основные проблемы правоприменения в данной сфере.

Тема международной уголовной ответственности высших должностных лиц государства, исследовалась в работах отечественных исследователей, как: С.В. Глотова, А.Б. Мезяев, А. Ю. Скуратова, П.В. Шамаров.

Международная ответственность высших должностных лиц является важным инструментом предотвращения международных преступлений. Однако её практическая реализация сталкивается с рядом сложностей, включая необходимость

соблюдения принципа презумпции невиновности при привлечении к уголовной ответственности на международном уровне.

Презумпция невиновности — это ключевой принцип, закреплённый как в национальных правовых системах, так и на международном уровне. Он гарантирует, что лицо может быть привлечено к уголовной ответственности только при наличии неопровержимых доказательств его вины, а также исключает возможность привлечения к ответственности невиновных.

Основные элементы презумпции невиновности включают: бремя доказательства вины лежит на обвинении; право обвиняемого не свидетельствовать против себя; право обвиняемого на временное освобождение до суда; право обвиняемого на компенсацию в случае оправдания; право обвиняемого на то, что любые сомнения трактуются в его пользу.

Эти положения закреплены в международных документах, таких как Всеобщая декларация прав человека (статья 11), Международный пакт о гражданских и политических правах (статья 14) и Римский статут Международного уголовного суда (статья 66). Эти документы гарантируют, что каждый обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в соответствии с законом.

На практике реализация презумпции невиновности сталкивается с определёнными трудностями. Например, право обвиняемого на временное освобождение часто ограничивается основным правилом заключения под стражу.

Правовое регулирование временного освобождения обвиняемого в Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии регулируется правилом 65 Правил процедуры и доказывания и устанавливает, что обвиняемый не может быть освобожден, иначе чем по решению судебной палаты и только при условии, что судебная палата будет уверена, что обвиняемый не представляет угрозу для жертв, свидетелей и других лиц.

Кроме того, в практике международных трибуналов сложился прецедент, когда оправданные лица могут оставаться под стражей, если сторона обвинения подала апелляцию на приговор суда. Это создаёт дополнительные сложности для реализации презумпции невиновности.

Однако существуют примеры успешного применения презумпции невиновности на практике. Например, Специальный суд по Ливану освободил обвиняемых, находившихся в следственном изоляторе в Гааге, со ссылкой на решение Комитета по правам человека по делу Хилл против Испании (от 2 апреля 1997 года).

В решении от 29 апреля 2009 г., со ссылкой на решение Комитета по правам человека по делу Хилл против Испании (от 2 апреля 1997 г.), суд отметил, что «досудебное тюремное заключение является исключением», и было принято решение об освобождении обвиняемых, находившихся в следственном изоляторе Специального суда в Гааге.

Также в Международном трибунале по бывшей Югославии и Международном трибунале по Руанде обвиняемым иногда были вынуждены доказывать обстоятельства, необходимые для временного освобождения или опровергать получение признательных показаний под давлением. Это свидетельствует о том, что презумпция невиновности остаётся важным принципом международного уголовного правосудия, но её применение может варьироваться в зависимости от конкретного трибунала и суда.

Таким образом, презумпция невиновности остаётся основополагающим принципом международного уголовного правосудия, который закреплён в международных соглашениях и национальном законодательстве. Однако его применение на практике может варьироваться в зависимости от конкретных трибуналов и судов, что иногда приводит к сложностям в интерпретации и реализации этого принципа, в некоторых случаях право и практика международных трибуналов не полностью соответствуют действующим международным договорам по правам человека, касающимся реализации презумпции невиновности. Для повышения эффективности его применения необходимо продолжать совершенствовать процессуальные нормы и обеспечивать их неукоснительное соблюдение.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (ред. от 04.10.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31.
- [2] Мезяев А.Б. Международный трибунал по бывшей Югославии: некоторые правовые аспекты // Российский юридический журнал. — 2007. — № 2. — С. 46–49.
- [3] Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. — N 67 — 05.04.1995.
- [4] Международный пакт о гражданских и политических правах: принят ООН 16 декабря 1966 г. // Международное гуманит. право в документах. — С. 40–59.
- [5] Римский статут Международного уголовного суда. Принят в г. Риме 17.07.1998 Дипломатической конференцией полномочных представите-

лей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.01.2026).

[6] Устав ООН. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter>.

[7] Устав МТБЮ. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml>

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) (ed. 04.10.2022) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2014. – № 31.

[2] Mezyaev A.B. International Tribunal for the Former Yugoslavia: Some Legal Aspects//Russian Law Journal. – 2007. – № 2. - S. 46-49.

[3] Universal Declaration of Human Rights: adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948//Rossiyskaya Gazeta. – N 67 – 05.04.1995.

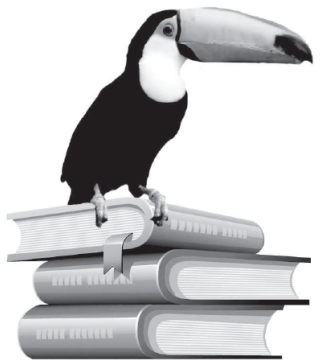
[4] International Covenant on Civil and Political Rights: adopted by the UN on December 16, 1966//International Humanite. right in documents. - S. 40-59.

[5] Rome Statute of the International Criminal Court. Adopted in Rome by the 17.07.1998 Diplomatic Conference of Plenipotentiaries under the auspices of the United Nations for the Establishment of the International Criminal Court//ATP Consultant Plus (date of appeal: 30.01.2026).

[6] UN Charter. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter>.

[7] ICTY Charter. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml>

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-418-423

МОРОЗОВА София Юрьевна,
аспирант сектора процессуального права
Института государства и права
Российской академии наук,
e-mail: sofia1706@bk.ru

О ВИДАХ ПОДГОТОВКИ ДЕЛА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена теоретическому обоснованию дифференциации подготовки административного дела к судебному разбирательству на два вида: классическую (совместную) и единоличную (камеральную). Автор обосновывает положение о том, что подготовка дела является обязательным процессуальным этапом каждой стадии административного судопроизводства, направленным на достижение общей цели правосудия — защиты нарушенных или оспариваемых публичных прав, свобод и законных интересов. На основании анализа норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 41 и научных трудов ведущих процессуалистов доказываем, что подготовка не является самостоятельной стадией процесса, поскольку не имеет собственной конечной цели, отличной от цели соответствующей стадии. Классическая подготовка представляет собой административное процессуальное правоотношение между судом и участниками процесса, включающее проведение предварительного судебного заседания, уточнение предмета иска, определение круга доказательств и содействие примирению сторон. Единоличная подготовка осуществляется судьей без вызова участников в упрощенных формах производства (приказом, упрощенном) и заключается в анализе представленных документов и проверке законности требований. Автором обосновывается необходимость введения протокола единоличной подготовки дела для повышения прозрачности процесса и качества правосудия, что позволит обеспечить эффективный судебный надзор и сократить количество отменяемых решений в вышестоящих инстанциях.

Ключевые слова: подготовка дела к судебному разбирательству, административное судопроизводство, классическая подготовка, единоличная подготовка, этап процесса, КАС РФ, Пленум Верховного Суда, протокол подготовки, публичные права, судебная защита.

MOROZOVA Sofia Yurievna,
graduate student of Procedural Law Sector
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

ON THE TYPES OF PREPARATION OF A CASE FOR TRIAL IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Annotation. The article is devoted to the theoretical substantiation of the differentiation of the preparation of an administrative case for trial into two types: classical (joint) and sole (cameral). The author substantiates the position that case preparation is a mandatory procedural stage at every stage of administrative proceedings aimed at achieving the common goal of justice, which is to protect violated or disputed public rights, freedoms, and legitimate interests. Based on an analysis of the Administrative Procedure Code of the Russian Federation, the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 17, 2024, No. 41, and the scientific works of leading proceduralists, it is proven that preparation is not an independent stage of the process, as it does not have its own final goal that differs from the goal of the corresponding stage. Classical preparation is an administrative procedural relationship between the court and the participants in the process, which includes holding a preliminary court session, clarifying the subject of the claim, determining the range of evidence, and facilitating the reconciliation of the parties. Single-person prepa-

ration is carried out by the judge without summoning the participants in simplified forms of proceedings (order proceedings, simplified proceedings), and consists of analyzing the submitted documents and verifying the legality of the claims. The author substantiates the need to introduce a protocol for sole preparation of a case in order to increase the transparency of the process and the quality of justice, which will ensure effective judicial supervision and reduce the number of decisions that are overturned by higher courts.

Key words: *preparation of a case for trial, administrative proceedings, classical preparation, sole preparation, stage of the process, Administrative Procedure Code of the Russian Federation, Plenum of the Supreme Court, preparation protocol, public rights, judicial protection.*

Подготовка административного дела к судебному разбирательству выступает в качестве обязательного процессуального этапа, входящего в структуру каждой стадии административного судопроизводства. Целевые установки и задачи данного этапа находятся в прямой зависимости от целей и задач той стадии процесса, в рамках которой осуществляется подготовка, при этом все они соотносятся с общей целью правосудия. Таким образом, подготовка дела к разбирательству представляет собой неотъемлемый компонент любой стадии административного процесса, без которого невозможно реализовать основную цель правосудия — защиту нарушенных или оспариваемых публичных прав, свобод и законных интересов участников процесса. Выполнение задачи подготовительного этапа, заключающейся в обеспечении правильного и своевременного рассмотрения дела, непосредственно способствует достижению указанной цели и является обязательным требованием для всех категорий административных дел, подлежащих рассмотрению в соответствии с нормами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

В научной литературе подготовка дела к судебному разбирательству неоднократно становилась предметом исследования, однако ее правовая природа и место в системе административного процесса до сих пор остаются дискуссионными. Большинство исследователей, включая В.В. Яркова, Ю.Н. Старилова, Е.В. Михайлову, последовательно настаивают на том, что подготовка дела к судебному разбирательству не может рассматриваться как самостоятельная стадия, поскольку не имеет самостоятельной цели, отличной от цели соответствующей стадии. Такая позиция представляется обоснованной, поскольку этап подготовки действительно не обладает собственной конечной целью, которая была бы независимой от целей той стадии процесса, в рамках которой он осуществляется.

В.В. Ярков утверждает, что подготовка дела к судебному разбирательству — это неотъемлемая часть первой инстанции, призванная создать условия для эффективного и справедливого судебного разбирательства, но не заменяющая

его. Он неоднократно подчеркивал, что эффективность любой стадии судебного процесса напрямую зависит от качества ее подготовки. Подготовительная часть — это фундамент, без которого здание правосудия будет шатким [1]. Данная метафора точно отражает суть подготовительного этапа: без тщательной и всесторонней подготовки невозможно обеспечить качественное рассмотрение дела по существу, а следовательно, и вынесение законного, обоснованного и справедливого судебного акта.

Аналогичную позицию занимает Ю.Н. Старилов, который акцентирует внимание на том, что именно на этапе подготовки дела формируется полная и объективная картина спорных правоотношений, что критически важно для защиты публичных интересов и прав граждан. По его мнению, пренебрежение этим этапом ведет к «судебным ошибкам», которые впоследствии приходится исправлять в вышестоящих инстанциях, расходуя государственные ресурсы и подрывая доверие к правосудию [2]. Грамотная подготовка позволяет суду «увидеть» будущий процесс целиком, спланировать ход судебного заседания, предвидеть возможные сложности и своевременно их предотвратить, что в конечном итоге способствует вынесению законного и обоснованного решения [3].

Практика показывает, что часть отменяемых решений связана именно с недостаточной подготовкой дела к судебному разбирательству: неустановленными обстоятельствами, непроверенными доказательствами, неразрешенными ходатайствами сторон. Это подтверждает мысль о том, что качество подготовки напрямую влияет на эффективность всего правосудия: она предотвращает процессуальные ошибки, способствует рациональному использованию судебных ресурсов, обеспечивает соблюдение разумных сроков судопроизводства и повышает предсказуемость судебной защиты.

Более того, в условиях высокой судебной нагрузки и растущих требований к эффективности правосудия, этап подготовки приобретает профилактическую функцию: он позволяет выявить возможность урегулирования спора без судебного разбирательства (например, через примирение), а также исключить необоснованные иски. Это

соответствует целям рационального использования судебных ресурсов и обеспечения разумных сроков судопроизводства [4].

Важнейшее значение для понимания правовой природы подготовки административного дела имеет Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 года № 41 «О подготовке административного дела к судебному разбирательству в суде первой инстанции», в котором подчеркивается обязательность подготовки дела (п. 1), ее цель — обеспечение правильного и своевременного рассмотрения дела (п. 2), а также конкретизируются задачи подготовки: уточнение обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения административного дела, предварительная квалификация спорного публичного правоотношения, определение состава лиц, участвующих в деле, проверка достаточности доказательственной базы и содействие примирению сторон (п. 3). При этом Пленум указывает, что перечень процессуальных действий судьи при подготовке дела не является исчерпывающим и определяется исходя из задач подготовки (ст. 135 КАС РФ), что предоставляет судье определенную свободу усмотрения при адаптации подготовки к специфике каждого конкретного дела (п. 5) [5].

Однако подготовка дела к судебному разбирательству в административном судопроизводстве не является монолитной процедурой, а представляет собой дифференцированный институт, включающий как совместную (классическую), так и единоличную (камеральную) формы. Обе они направлены на достижение общей цели — защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов. При этом они реализуют единые задачи этапа: обеспечение правильного и своевременного рассмотрения дела, законности и обоснованности судебного акта, но делают это разными процессуальными средствами, в зависимости от вида производства, характера спора и степени участия сторон.

Классическая (совместная) подготовка представляет собой административное процессуальное правоотношение, складывающееся между судом и участниками административного судопроизводства. Данный вид подготовки предполагает активное взаимодействие суда с лицами, участвующими в деле, и включает следующие элементы: вызов сторон и иных участников процесса; проведение предварительного судебного заседания (статья 132 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации); разъяснение сторонам их процессуальных прав и обязанностей; уточнение предмета и оснований административного иска; определение круга необходимых доказательств; разрешение ходатайств (об

истребовании доказательств, обеспечении иска, привлечении третьих лиц и др.); выяснение возможности примирения сторон.

Классическая подготовка — это активный, диалоговый процесс, где суд выступает не только в роли арбитра, но и как организатор процесса, содействующий сторонам в подготовке дела к эффективному разрешению. Именно в рамках классической подготовки реализуется принцип состязательности и равенства сторон: каждая из них получает возможность сформулировать свою позицию до начала основного разбирательства. Такая форма подготовки направлена на максимальное раскрытие обстоятельств дела и предотвращение «процессуальных сюрпризов» в ходе судебного заседания. В рамках классической подготовки судья может предложить сторонам урегулировать спор без судебного разбирательства, если это допустимо по закону; разъяснить сторонам их права и обязанности, порядок их реализации; определить круг обстоятельств, подлежащих установлению по делу; разрешить вопросы о привлечении к участию в деле третьих лиц; назначить экспертизу; истребовать доказательства, находящиеся у других лиц; направить копии процессуальных документов всем участникам процесса; а также соединить или разъединить несколько административных исковых требований в целях обеспечения всестороннего и объективного рассмотрения дела.

Вторым видом подготовки является единоличная (камеральная) подготовка судьи. Указанный вид подготовки применяется в упрощенных формах производства, где участие сторон не требуется или ограничено, а судебное разбирательство может отсутствовать совсем. К таким производствам относятся в первую очередь приказное производство (глава 11.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации) по делам о взыскании обязательных платежей и санкций, а также упрощенное производство (глава 33 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации). Камеральная подготовка обладает рядом особенностей: отсутствие вызова сторон в суд; минимизация судебных расходов и ускорение рассмотрения дела; уменьшение нагрузки на судей и повышение эффективности правосудия.

Судья самостоятельно принимает меры по подготовке дела, проверяя наличие достаточных оснований для вынесения решения либо направляя дело на дальнейшее рассмотрение. Такое решение принимается исключительно на основании представленных материалов и не требует присутствия сторон. Преимущество такой подготовки заключается именно в повышении доступности правосудия для граждан. Благодаря сокра-

щению сроков рассмотрения простых споров лица получают возможность оперативного восстановления нарушенных прав без значительных временных затрат [6]. В этой связи уместно согласиться с позицией Д.М. Чечота, который полагал, что расширение полномочий суда на этапе подготовки дела позволит повысить качество принимаемых решений и снизить нагрузку на суды [7].

При этом важно подчеркнуть: единоличная подготовка — не «отсутствие подготовки», а ее специфическая форма, адаптированная к природе упрощенных производств. Она также направлена на выполнение задачи — обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела, что служит достижению единой цели административного судопроизводства: защиты прав и законных интересов. Приказное производство представляет собой дифференциацию процессуальной формы, где объем процессуальных действий суда и сторон минимизирован до предела, но при этом сохраняются гарантии защиты прав, выражающиеся в возможности отмены судебного приказа по заявлению должника [8].

В приказном производстве подготовка сливается с самим разрешением дела, поскольку судья не разделяет эти этапы во времени и содержании. Однако логически и функционально подготовительная работа совершается: судья проверяет соответствие заявления требованиям закона, наличие бесспорного основания для взыскания, достаточность представленных документов. Эти действия просто не оформляются как отдельное процессуальное действие. Упрощенное производство является примером принципа процессуальной экономии, где суд, исходя из характера дела и объема требований, может отказаться от устного разбирательства, но при этом гарантирует сторонам право на представление доказательств и изложение своих позиций в письменном виде [9].

Важно подчеркнуть: отсутствие вызова сторон не означает отсутствия процессуальной деятельности суда по подготовке. Напротив, именно на этом этапе судья принимает ключевое решение — выносить ли судебный акт или отказать в удовлетворении требования. Следовательно, единоличная подготовка — это не «отсутствие подготовки», а ее специфическая, адаптированная форма, соответствующая природе дел упрощенного и приказного производства. Этот подход позволяет преодолеть формальный дуализм между «подготовкой» и «отсутствием подготовки» и признать, что любое судебное решение, даже вынесенное без проведения судебного заседания, предваряется определенной процессуальной работой суда, которую правомерно квалифицировать как подготовительную.

Такая единоличная подготовка, проводимая судьей, является по своей сути документарной. Еще в дореволюционной юридической науке К.И. Малышев отмечал, что в так называемом «обыкновенном порядке» судопроизводства слушанию дела обязательно предшествует «обмен бумагами» [10]. Эта мысль сохраняет свою актуальность и в современных условиях, особенно в контексте распространения упрощенных процедур, где основанием для вынесения судебного акта служат исключительно письменные материалы. Развивая идею К.И. Малышева, следует признать, что ограничение понятия подготовки дела только рамками совместной деятельности суда и участников процесса с обязательным вызовом сторон и проведением беседы не соответствует современной реальности. Широкое применение приказного и упрощенного производств требует более гибкого и функционального понимания института подготовки, адаптированного к специфике бесспорных дел.

В научной литературе действительно неоднократно высказывалась позиция о том, что в приказном производстве подготовка дела к судебному разбирательству не проводится, поскольку само разбирательство отсутствует [11]. Однако такое суждение, на наш взгляд, ошибочно, поскольку оно исходит из формального, а не функционального подхода к процессуальным институтам. Подготовка дела к судебному разбирательству не просто формальность, связанная с проведением заседания, а совокупность процессуальных действий, направленных на обеспечение законности и обоснованности судебного акта. В приказном производстве судья до вынесения судебного приказа или определения об отказе в его вынесении должен: проверить соответствие заявления требованиям закона (статья 123 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации); установить наличие бесспорного основания для взыскания; изучить приложенные документы (расчеты, выписки, решения органов власти и др.); при необходимости направить запросы в государственные органы, в том числе с использованием системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ); выяснить, не нарушены ли права третьих лиц.

Все указанные действия носят подготовительный характер, поскольку они предшествуют принятию окончательного решения и направлены на формирование судебного убеждения в правомерности требования. Как справедливо отмечает Н.А. Чечина, даже в бесспорных делах суд не может быть пассивным регистратором воли заявителя, а обязан проверить законность требования [12], и эта проверка и есть суть подготовки.

Отсутствие участия сторон на данном этапе не означает отсутствия подготовки как таковой. Подготовка проводится, но в форме единоличной, камеральной деятельности судьи, а не в классическом варианте с участием процессуальных оппонентов.

Важно также отметить, что этап подготовки традиционно менее формализован, чем судебное разбирательство. Его результаты, за исключением протокола предварительного судебного заседания, не фиксируются в едином процессуальном документе. Это создает определенные трудности как для самого судьи (риск упущения важных обстоятельств), так и для вышестоящих инстанций при проверке законности и обоснованности судебного акта. В этой связи представляется целесообразным ввести практику составления протокола единоличной подготовки дела — документа, в котором судья фиксировал бы все совершенные подготовительные действия: изученные материалы, направленные запросы, установленные обстоятельства, имеющие значение для дела. Такой протокол повысил бы качество подготовки, поскольку судья, зная о необходимости документального оформления, тщательнее подходил бы к анализу материалов дела; обеспечил бы прозрачность и проверяемость подготовительного этапа судебного разбирательства; упростил бы апелляционный и кассационный контроль, позволяя вышестоящим судам объективно оценить, был ли соблюден принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела даже в упрощенных формах производства.

Особое внимание этому вопросу уделяла М.С. Шакарян, которая подчеркивала необходимость строгого соблюдения судьей всех процессуальных действий, связанных с подготовкой дела к судебному разбирательству. Вместе с тем она отмечала, что конкретное содержание подготовки должно определяться судом индивидуально в каждом деле, с учетом его материально-правовой специфики, характера спора и объема представленных доказательств [13]. Данная позиция представляется абсолютно верной, поскольку универсальный подход к подготовке дела неприемлем в условиях разнообразия категорий административных дел. Судья должен обладать определенной свободой усмотрения при определении объема и содержания подготовительных действий, но при этом не должен уклоняться от выполнения своих процессуальных обязанностей.

Таким образом, подготовка административного дела к судебному разбирательству должна рассматриваться как ключевой процессуальный институт, обеспечивающий не только своевременность и правильность рассмотрения дела, но и

реализацию конституционных гарантий судебной защиты. Ее эффективность напрямую зависит от четкого разграничения этапов процесса, строгого соблюдения процессуальных границ, обязательного протоколирования совершённых подготовительных действий и надлежащего исполнения судом его активной роли в условиях публично-правового характера административного судопроизводства. Подготовка в административном судопроизводстве дифференцируется на две формы: классическую (совместную) с активным участием сторон и единоличную (камеральную), осуществляемую судьей без вызова участников. Обе формы, несмотря на различия в содержании и степени участия сторон, едины по цели и задачам: создать условия для вынесения законного, обоснованного и справедливого судебного акта. В связи с этим представляется целесообразным ввести обязательный протокол единоличной подготовки дела, фиксирующий все действия судьи. Такой документ станет важным инструментом как для самоконтроля судьи, так и для эффективного судебного надзора со стороны вышестоящих судебных инстанций, что позволит повысить качество правосудия, обеспечить прозрачность судебного процесса и создать дополнительные гарантии законности и обоснованности судебных актов, выносимых в упрощенных формах производства.

Список литературы:

- [1] Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (постатейный, научно-практический) / [Д. Б. Абушенко и др.] ; под ред. В. В. Яркова ; Уральский гос. юридический ун-т. — Москва : Статут, 2016
- [2] Курс общего административного права : В 3 т. / Ю. Н. Старилов. — Москва : Изд-во НОРМА, 2002
- [3] Рыжаков А.П. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации, 2015
- [4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»
- [5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2024 N 41 «О подготовке административного дела к судебному разбирательству в суде первой инстанции»
- [6] Правообразование и правообразующие факторы в праве / Н. А. Придворов, В. В. Трофимов. — Москва : Норма, ИНФРА-М, 2012
- [7] Чечот Д.М. Участники гражданского процесса / Д.М. Чечот. - М.: Госюриздат, 1960

[8] Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса : учебное пособие / Д. А. Фурсов. — Москва : Статут, 2009

[9] Терехова Л.А. Особенности обжалования судебных приказов и решений по делам упрощенного производства / Арбитражный и гражданский процесс, 2018, N 11

[10] Малышев, К.И. Курс гражданского судопроизводства: в 3 тт. / К.И. Малышев. — СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1874–1879. Т. 1.

[11] Ефимова Ю.В. Специализация гражданско-процессуальной деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 24 – 25

[12] Избранные труды по гражданскому процессу / Н. А. Чечина ; Санкт-Петербургский государственный университет. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2021

[13] Шакарян М.С. Избранные труды. СПб.: Юридический центр, 2014.

References:

[1] Commentary on the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation (article-by-article, scientific and practical) / D. B. Abushenko et al.; ed. V.V. Yarkova; Ural State Legal University - Moscow: Statute, 2016

[2] Course of general administrative law: In 3 vols. /Yu. N. Starilov. - Moscow: Publishing House NORMA, 2002

[3] A.P. Ryzhakov. Commentary to the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, 2015

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2022 No. 21 "On Certain Issues of Application by Courts of the Provisions of Chapter 22 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and Chapter 24 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation"

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.12.2024 No. 41 "On the preparation of an administrative case for trial in a court of first instance"

[6] Legal formation and legal factors in law/N. A. Privorov, V. V. Trofimov. - Moscow: Norma, INFRA-M, 2012

[7] Chechot D.M. Participants in the civil process/D.M. Chechot. - M.: Gosyurizdat, 1960

[8] Modern understanding of the principles of civil and arbitration process: a textbook/D. A. Fursov. - Moscow: Statute, 2009

[9] L.A. Terekhova. Features of Appeal of Court Orders and Decisions in Summary Proceedings/Arbitration and Civil Procedure, 2018, No. 11

[10] Malyshev, K.I. Course of civil proceedings: in 3 vols. /K.I. Malyshev. - St. Petersburg: Type. M. Stasyulevich, 1874-1879. VOL. 1.

[11] Efimova Yu.V. Specialization of civil procedure activity: Author. dis.... cand. jurid. sciences. Saratov, 2005. S. 24-25

[12] Selected works on civil procedure/N. A. Chechin; St. Petersburg State University. - 2nd ed. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2021

[13] Shakaryan M.S. Selected works. St. Petersburg: Legal Center, 2014.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-424-428

СОКОЛЬСКАЯ Людмила Викторовна,
декан юридического факультета
ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-
технологический университет,
e-mail: cokol4512@yandex.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ КОЛЛИЗИИ И МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ В СПОРАХ О ВЗЫСКАНИИ ДОЛГОВ

Аннотация. Взыскание долгов в современном российском праве представляет собой многоступенчатый процесс, который неизбежно сталкивается с правами третьих лиц, вопросами собственности и процессуальными лабиринтами. В данной статье на основе анализа судебной практики 2023–2025 гг. по взысканию долгов автор исследует проблемы, возникающие при попытке кредитора получить удовлетворение своих требований за счет имущества должника. Более подробно рассмотрены проблемы «скрытых залогов», споры об общих долгах супругов при смене собственника залога, вопросы процессуального правопреемства. Изучена также практика изъятия в доход государства активов по ст. 169 ГК РФ. В заключении сформулирован вывод о том, что минимизация правовых рисков требует фиксации целевого назначения займа, получения согласия супруга и обеспечения немедленной публичности залога через внесение сведений в государственные реестры. Унификация подходов судов при рассмотрении аналогичных дел защитит добросовестных участников процесса.

Ключевые слова: общие долги супругов, банкротство физических лиц, процессуальное правопреемство, право собственности, взыскание задолженности, залог, публичность залога, юридические коллизии.

SOKOLSKAYA Lyudmila Viktorovna,
Dean of the Faculty of Law State
Humanitarian and Technological University

PROCEDURAL CONFLICTS AND SUBSTANTIVE RISKS IN DEBT COLLECTION DISPUTES

Annotation. Debt collection in modern Russian law is a multi-stage process that inevitably encounters third-party rights, property issues, and procedural complexities. In this article, based on an analysis of judicial practice in debt collection from 2023 to 2025, the author examines the problems that arise when a creditor attempts to satisfy its claims using the debtor's property. The article examines in detail the problems of «hidden pledges», disputes over joint debts between spouses when the pledge owner changes, and issues of procedural succession. The practice of seizing assets for state use under Article 169 of the Civil Code of the Russian Federation is also examined. The conclusion is that minimizing legal risks requires specifying the intended purpose of the loan, obtaining the spouse's consent, and ensuring immediate publicity of the pledge by entering information into state registries. Standardizing court approaches when considering similar cases will protect bona fide participants in the process.

Key words: common debts of spouses, bankruptcy of individuals, procedural succession, property rights, debt collection, pledge, publicity of pledge, legal conflicts.

Введение

Взыскание долгов в современном российском праве перестало быть линейной процедурой «кредитор-должник-пристав». Сегодня это сложный многоступенчатый процесс, который неизбежно сталкивается с правами третьих лиц, вопро-

сами собственности и процессуальными лабиринтами. Статистика Федеральной службы судебных приставов показывает, что у них в исполнении ежегодно находятся миллионы производств на триллионы рублей, однако эффективность взыскания часто упирается в невозможность обра-

тить взыскание на актив из-за правовой неопределенности его статуса. На основе анализа конкретных судебных дел в 2023–2025 гг. выявлены проблемы, возникающие при попытке кредитора получить удовлетворение своих требований за счет имущества должника, и предложены пути их разрешения. Теоретико-методологической основой исследования послужили принципы системного и междисциплинарного анализа, позволяющие рассматривать процесс взыскания долгов не как линейную процедуру «кредитор-должник-пристав», а как сложный многоступенчатый процесс. Анализ судебной практики по взысканию долгов подтверждает, что основным способом обеспечения долга является залог. Залог как способ обеспечения возвратности долгов исследуется в научных работах Д. Р. Акманова, В.Е. Лобашука М. В. Макаричева, А. Н. Фролова, С. И. Черепанова и др. Однако сегодня существуют определенные процессуальные коллизии и материально-правовые риски при возврате долга, его обеспечении, государственной регистрации залога и его учете.

Результаты исследования и их обсуждение.

Одним из основных способов обеспечения возвратности долгов является залог. Однако его эффективность напрямую зависит от принципа публичности (внесения сведений в реестр). Как показывает анализ, проведенный В.Е. Лобашуком, на практике существует проблема «двойных стандартов» регистрации и «скрытых залогов» [1].

Законодатель предусмотрел механизм защиты добросовестного приобретателя: если покупатель не знал и не мог знать о залоге (если, например, в реестре уведомлений о залоге движимого имущества отсутствует запись), залог прекращается (п. 1 ст. 352 ГК РФ). Однако в судебной практике можно найти немало примеров, которые свидетельствуют о наличии проблем, возникающих в спорах о взыскании долгов. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

1. Последствия отсутствия сведений о регистрации залога для покупателя. Показательным является дело, рассмотренное Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда РФ (Определение от 28.05.2024 № 44-КГ24-4-К7). Факты дела: Гражданин Л. приобрел транспортное средство, которое, как выяснилось позже, было заложено. Покупатель проверил машину по базам ГИБДД и не нашел ограничений. Однако он не проверил купленное транспортное средство по реестру уведомлений о залоге движимого имущества, размещенном в свободном доступе на официальном сайте Феде-

ральной нотариальной палаты. Хотя там ранее были размещены сведения о залоге на данное транспортное средство с указанием его марки и идентификационного номера. В процессе разбирательства суд установил, что препятствий, объективно не позволяющих покупателю осуществить такую проверку, не имелось. Нижестоящие суды отказали гражданину Л. в признании его добросовестным, указав, что запись непосредственно в нотариальном реестре создает презумпцию осведомленности («эффект видимости»). Верховный Суд поддержал эту позицию, фактически указав, что отсутствие данных в ГИБДД не освобождает покупателя от проверки нотариального реестра, размещенном в свободном доступе на официальном сайте Федеральной нотариальной палаты [7]. Данный пример из судебной практики подтверждает строгий подход к наличию «правоподтверждающей» регистрации. Даже если покупатель проявил осмотрительность, но посмотрел «не в тот» реестр, рискует потерять имущество.

2. Последствия отсутствия регистрации залога для кредитора. Обратную ситуацию иллюстрирует постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.05.2022 по делу № А60-32807/2020. Факты дела: Подана жалоба Банком «ФК Открытие» об ошибочных выводах суда первой инстанции о том, что отсутствие записи в реестре уведомлений о залоге движимого имущества исключает возможность признания статуса залогового кредитора. Банк полагает, что данные правила распространяются исключительно на отношения залогодержателя с третьими лицами, также являющимися залогодержателями одного и того же имущества должника. Отказ суда в признании залогового статуса банка был предопределен нарушением принципа публичности. «Исследовав и оценив представленные в материалы дела доказательства, приняв во внимание вышеприведенные положения закона, исходя из того, что сведения о залоге имущественных прав до введения в отношении должника процедуры конкурсного производства и заявления возражений не были внесены в реестр уведомлений о залоге движимого имущества, доказательств осведомленности иных кредиторов о наличии у Банка «ФК Открытие» залоговых прав на вышеуказанное имущество не представлено, суды первой и апелляционной инстанций правомерно отказали в установлении требований Банка «ФК Открытие» как обеспеченных

залогом имущества должника» [8]. Как следует из вышеизложенного ключевую роль в данном случае сыграл временной фактор. Сведения об обременении появились в реестре уведомлений уже после возбуждения дела о несостоятельности и поступления возражений от иных кредиторов. Применив п. 4 ст. 339.1 ГК РФ, суды указали на отсутствие свойства противопоставимости у незарегистрированного залога. Тем самым было подтверждено, что в контексте банкротства запись в реестре трансформируется из технической формальности в конститутивный элемент, без которого кредитор утрачивает право на приоритетное удовлетворение требований.

3. Трансформация личных долгов супругов в общие (бремя доказывания). Самой острой категорией споров остаются дела о взыскании долгов с супругов. Кредиторы стремятся признать долг общим, чтобы обратить взыскание на все имущество семьи, а не только на долю должника. Ранее суды часто исходили из презумпции: если кредит взят в браке, значит, он пошел на нужды семьи. Однако, как отмечает Е.В. Буторина, практика 2024–2025 годов кардинально изменилась, возложив бремя доказывания на кредитора, что создает для банков серьезные трудности [2].

Поворотным моментом в распределении бремени доказывания стало Определение Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 10-КГ24-1-К6. Высшая инстанция сформулировала жесткий критерий. Ссам по себе факт получения кредита одним из супругов в период брака не порождает презумпцию общности долга. Юридически значимым обстоятельством теперь выступает не дата договора, а целевое использование средств. Суд подчеркнул, что именно истец-кредитор обязан представить неопровержимые доказательства того, что заемные средства были потрачены на нужды семьи (например, на приобретение общего имущества), а не на личные цели заемщика. Данный подход на практике уже применяется в судах нижней инстанции. Так, Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 14.02.2024 по делу № А40-98168/2020 поддержал отказ о взыскании долга с супруги банкрота. Кассация отметила, что аргументы банка, основанные на тезисе «деньги в семье общие», носят вероятностный характер и не могут подменять собой прямые доказательства расходования средств на семейные нужды.

Еще более сложная правовая коллизия, касающаяся конкуренции банкротных процедур, была разрешена в Определении Верховного суда

РФ от 20.05.2024 № 306-ЭС23-26737. В данном деле банк пытался признать долг общим в рамках банкротства мужа, несмотря на то, что его супруга ранее уже прошла процедуру личного банкротства и была освобождена от исполнения обязательств. Верховный Суд пресек попытку кредитора обойти закон, указав на недопустимость ревизии итогов завершеного банкротства. После завершения процедуры реализации имущества одного из супругов в силу пункта 1 статьи 408 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.28 Закона о банкротстве общие обязательства этого и второго супругов трансформируются в личные обязательства второго супруга, которые погашаются за счет его имущества и его доли в общем имуществе супругов в соответствии с положениями пункта 1 статьи 45 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве [9]. Поскольку супруга была освобождена от долгов, обязательство трансформировалось в сугубо личный долг мужа. Этим решением Суд фактически заблокировал для кредиторов возможность «заходить с черного входа» – то есть пытаться взыскать уже списанный долг через банкротство второго супруга, тем самым защитив институт освобождения гражданина от обязательств.

4. Процессуальные проблемы при отчуждении спорного имущества. Серьезным вызовом для кредитора остается ситуация, когда должник успевает произвести отчуждение предмета залога (квартиры или автомобиля) непосредственно в ходе судебного разбирательства. На актуальность проблемы процессуального правопреемства в таких спорах указывает в своем исследовании Д.Р. Акманов [3].

На практике суды нижестоящих инстанций нередко допускают ошибку, продолжая рассматривать требования к первоначальному собственнику, утратившему титул. Показательным примером служит позиция Второго кассационного суда по гражданским делам общей юрисдикции, отраженная в Определении от 06.10.2020 по делу № 88-18091/2020. В рамках этого спора суд первой инстанции вынес решение об обращении взыскания на автомобиль, несмотря на то что ответчик продал его до завершения процесса. Кассационная инстанция отменила данный акт, подчеркнув его заведомую неисполнимость: юридически невозможно обратить взыскание на имущество, которое более не принадлежит ответчику. Суд разъяснил, что в подобных случаях необходимо либо привлечь нового собственника в качестве соответчика, либо оформлять процессуальное правопреемство. Однако данная правовая конструкция создает для истцов существенные риски.

Необходимость постоянного обновления круга ответчиков позволяет недобросовестным должникам использовать тактику «каскадных продаж» для намеренного затягивания судебного процесса.

5. Антисоциальные сделки: пределы вмешательства государства. Заметной тенденцией правоприменения 2023–2025 годов стала активизация прокурорских исков об изъятии активов в доход государства на основании ст. 169 ГК РФ (сделки, противные основам правопорядка). На противоречивость формирующейся практики по данной категории дел и риски расширительного толкования закона обращает внимание Э. И. Девицкий [4].

На протяжении длительного периода суды демонстрировали лояльность к таким требованиям, взыскивая в бюджет средства, полученные в результате мнимых сделок или коррупционных схем. Однако как отмечает Э.И. Девицкий произошли существенные изменения в практике применения судами положений ст. 169 ГК РФ. «Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации последовательно отменила несколько решений о взыскании в доход государства денежных средств, полученных по антисоциальным сделкам, связанным с совершением преступлений, которые были оставлены в силе судами апелляционной и кассационной инстанций. Основная аргументация Верховного Суда Российской Федерации сводится к тому, что взыскание на основании ст. 169 ГК РФ в доход Российской Федерации всего полученного по такой сделке возможно в случаях, предусмотренных законом [4, с. 94]. Следовательно, если прокурор не подкрепляет требование ссылкой на специальный закон (например, законодательство о противодействии коррупции), взыскание в доход государства невозможно. Эта позиция фактически ставит заслон практике «гражданской конфискации» без достаточных правовых оснований.

6. Исполнительная надпись нотариуса. Институт исполнительной надписи позиционируется как способ разгрузки судов, однако на практике он порождает массу споров, особенно при взыскании движимого имущества (лизинг, залог). Г.О. Такишева, анализируя опыт нотариусов Казахстана и России, указывает на проблему оценки стоимости [5]. В нотариальной практике сложилась тупиковая ситуация: чтобы взыскать предмет лизинга, нотариус должен исчислить тариф от стоимости имущества. Но кто должен делать оценку? Если взыскатель принесет свой отчет, он не будет бесспорным для должника. Это подтверждается практикой

отказов нотариусов в совершении надписи при истребовании движимого имущества, так как механизм расчета тарифа и подтверждения бесспорности стоимости законодательно не урегулирован. В России аналогичные риски возникают при попытках расширить применение надписи на долги ЖКХ, где споры о качестве услуг и тарифах делают требование далеко не бесспорным. [6]

Заключение.

Вышеизложенные факты судебной практики позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Трансформация стандарта добросовестности. Критерии осмотрительности приобретателя ужесточились: проверки баз ГИБДД недостаточно, обязательным условием стала верификация сведений в нотариальных реестрах. Судебная практика закрепляет безусловный приоритет принципа публичности (наличия формальной записи) над фактом субъективной неосведомленности покупателя.
2. Перераспределение бремени доказывания. В спорах о взыскании задолженности с супругов правоприменительный вектор сместился в сторону защиты интересов супруга, не являющегося стороной кредитного договора. Обязанность доказать расходование средств на нужды семьи возложена на кредитора. При отсутствии прямых документальных подтверждений (платежных документов, договоров) признание долга общим становится практически нереализуемым.
3. Процессуальное правопреемство. Императивность процессуальных норм требует учета перехода права собственности на спорное имущество непосредственно в ходе судебного разбирательства. Вынесение решения в отношении прежнего собственника влечет отмену судебного акта как неисполнимого. Что обязывает истцов своевременно инициировать привлечение новых владельцев к участию в деле.
4. Пределы применения конфискационных мер. Верховный Суд РФ сузил сферу действия ст. 169 ГК РФ в части обращения имущества непосредственно в доход государства. Установлен запрет на расширительное толкование нормы: применение конфискационных санкций допустимо исключительно при наличии прямого указания в специальном законе.

Таким образом, от превентивных действий кредитора на стадии оформления обязательства зависит непосредственно эффективность взыска-

ния напрямую. Минимизация правовых рисков требует фиксации целевого назначения займа, получения согласия супруга и обеспечения немедленной публичности залога через внесение сведений в государственные реестры.

Список литературы:

[1] Лобашук В. Е. Принцип публичности залога имущественных прав: проблемы правоприменительной практики и законодательные риски // Право и политика. 2025. № 5. С. 1–14.

[2] Буторина Е. В. Основания и порядок признания обязательств общим долгом супругов // Государственная служба и кадры. 2025. № 1. С. 122–126.

[3] Акманов Д. Р. Влияние отчуждения предмета залога на надлежащий состав лиц, участвующих в деле об обращении взыскания на заложенное имущество // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2025. № 5. С. 55–63.

[4] Девицкий Э. И. Проблемы применения норм о взыскании в доход государства имущества, полученного по сделкам, противным основам правопорядка или нравственности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 2 (106). С. 91–97.

[5] Такишева Г. О. Можно ли взыскать движимое имущество по исполнительной надписи или это еще один «пробел» нашего законодательства? // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. 2025. № 3 (80). С. 143–155.

[6] Михайлова Е. В. Внесудебное взыскание задолженностей по жилищно-коммунальным платежам на основании исполнительной надписи нотариуса: постановка проблемы // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 2 (80). С. 52–58.

[7] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28.05.2024 № 44-КГ24-4-К7 // Кодексы online <https://gkrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28052024-n-44-kg24-4-k7-uid-59rs0007-01-2022-004801-48/>

[8] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.05.2022 по делу № А60-32807/2020 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. <https://sudrf.cntd.ru/document/54865840918>.

[9] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от

20.05.2024 № 306-ЭС23-26737 // Правовой портал. <https://nerralaw.ru/tpost/0ejmrpb2g1-verhovnii-sud-razyasnil-posledstviya-pri>

References:

[1] Lobashchuk V.E. The principle of publicity of the pledge of property rights: problems of law enforcement practice and legislative risks//Law and politics. 2025. № 5. S. 1-14.

[2] Butorina E.V. Grounds and procedure for recognizing obligations as a common duty of spouses//Public service and personnel. 2025. № 1. S. 122-126.

[3] D.R. Akmanov. Impact of Alienation of the Collateral on the Proper Composition of Persons Involved in Foreclosure Proceedings//Electronic Appendix to the Russian Law Journal. 2025. № 5. S. 55-63.

[4] Devitsky E. I. Problems of applying the rules on the recovery of property received under transactions contrary to the foundations of law and order or morality into state revenue//Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2025. № 2 (106). S. 91-97.

[5] Takisheva G. O. Is it possible to recover movable property according to the executive inscription or is this another "gap" in our legislation?//Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2025. № 3 (80). S. 143-155.

[6] Mikhailova E.V. Extrajudicial collection of debts on housing and communal payments on the basis of the notary's executive inscription: posing a problem//State of law: theory and practice. 2025. № 2 (80). S. 52-58.

[7] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.05.2024 No. 44-KG24-4-K7//Codes online <https://gkrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28052024-n-44-kg24-4-k7-uid-59rs0007-01-2022-004801-48/>

[8] Decision of the Arbitration Court of the Ural District dated 12.05.2022 in case No. А60-32807/2020//Archive of decisions of arbitration courts and courts of general jurisdiction. <https://sudrf.cntd.ru/document/54865840918>.

[9] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 20.05.2024 No. 306-ES23-26737//Legal Portal. <https://nerralaw.ru/tpost/0ejmrpb2g1-verhovnii-sud-razyasnil-posledstviya-pri>

НАХОВА Елена Александровна,
доктор юридических наук,
доцент кафедры гражданского процессуального права,
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail: nahova.elena@yandex.ru

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПРЕДМЕТНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ, ПРЕДМЕТНЫЙ И СУБЪЕКТНЫЙ КРИТЕРИИ

Аннотация. В статье автор дает общую характеристику предметной компетенции в цивилистическом процессе, определяет ее понятие, анализирует предметный и субъектный критерий разграничения подведомственности дел судам общей юрисдикции, арбитражным судам, третейским судам. В исследовании автор анализирует понятие и правовую основу предметной компетенции дел судам, освещает виды подведомственности, а также правовые последствия ее несоблюдения. Автор анализирует характер спорного материального правоотношения как один из критериев определения подведомственности. **Вторым критерием выступает субъектный состав спорного материального правоотношения.** Автор приходит к выводу, что первый критерий выступает как определяющий для предметной компетенции арбитражных судов. В статье также исследована специальная компетенция арбитражных судов. Для предметной компетенции судов общей юрисдикции определяющим выступает субъектный состав спорного материального правоотношения. Для арбитражей предметным критерием выступает наличие спора, вытекающего как из гражданских, так из экономических правоотношений. Ключевым также является отсутствие публичного элемента как в первом, так и втором критерии. Автор приходит к выводу, что отказаться от категории «подведомственности» не представляется возможным ни на уровне процессуальной доктрины, ни в действующем законодательстве, ни в судебной практике, поскольку базовые положения доктрины о подведомственности дел, позволяющие правильно разграничивать предметную компетенцию судов в Российской Федерации.

Ключевые слова: цивилистический процесс; предметная компетенция; предметный и субъектный критерии; понятие и виды предметной компетенции.

NAKHOVA Elena Aleksandrovna,
Doctor of Law, Associate Professor
of the Department of Civil Procedural Law,
North-West Branch of the Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev

GENERAL ISSUES OF SUBJECT COMPETENCE IN THE CIVILIZATION PROCESS: CONCEPT, SUBJECT AND SUBJECT CRITERIA

Annotation. In this article, the author provides a general description of subject-matter jurisdiction in civil law proceedings, defines its concept, and analyzes the subject-matter and subject-matter criteria for delimiting the jurisdiction of cases between courts of general jurisdiction, arbitration courts, and arbitration tribunals. In this study, the author analyzes the concept and legal basis for the subject-matter jurisdiction of courts, highlights the types of jurisdiction, and the legal consequences of its non-compliance. The author analyzes the nature of the contentious substantive legal relationship as one of the criteria for differentiating the subject-matter jurisdiction of arbitration courts, arbitration tribunals, and courts of general jurisdiction in the consideration and resolution of civil and administra-

tive cases. The article examines the subject-matter composition of the contentious substantive legal relationship as a second criterion for differentiating the subject-matter jurisdiction of arbitration courts, arbitration tribunals, and courts of general jurisdiction in the consideration and resolution of civil and administrative cases. The author concludes that the first criterion is decisive for the subject-matter jurisdiction of arbitration courts. The article also examines the specialized jurisdiction of arbitration courts. For courts of general jurisdiction, the subject matter of the disputed substantive legal relationship is decisive. For arbitration courts, the subject matter criterion is the existence of a dispute arising from both civil and economic legal relationships. The absence of a public element in both criteria is also key. The author concludes that abandoning the concept of "jurisdiction" is impossible, either at the level of procedural doctrine, current legislation, or judicial practice, since the fundamental principles of the doctrine of jurisdiction allow for the proper delineation of the subject matter jurisdiction of courts in the Russian Federation.

Key words: *civil law process; subject competence; subject and subject criteria; concept and types of subject competence.*

Предметную компетенцию (подведомственность) характеризует круг дел, отнесенных федеральным законом к рассмотрению и разрешению судами судебной системы, третейскими судами (арбитражами) и иными юрисдикционными органами.

Проблематика предметной компетенции в настоящее время не утрачивает актуальности, в настоящее время можно выделить множество фундаментальных работ, посвященных исследованию подведомственности, как монографического характера [5, 14, 16, 29], так и диссертационных исследований [6, 15, 24], а также научных статей [1-4, 7-13, 17-23, 25-28].

В настоящее время законодатель сохранил термин «подведомственность» только для административного судопроизводства, указанные изменения были обусловлены процессуальной экономией, поскольку в настоящее время законодательно урегулирована возможность передачи дел по подсудности между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, если неподсудность дела обнаруживается в стадии подготовки дела к судебному разбирательству или в стадии судебного разбирательства. В случае установления неподсудности дела на стадии принятия искового заявления к производству, исковое заявление подлежит возвращению.

Общие правила о подведомственности дел арбитражному суду установлены ст. 27 АПК РФ [30], ст. 22 ГПК РФ [31], ст. 17 КАС РФ [32], ст. 1 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [33], ст. 1 Закона РФ от 07.07.1993 № 5338-1 (ред. от 30.12.2021) «О международном коммерческом арбитраже» [34], ст. 33 АПК РФ, ст. 22.1 ГПК РФ. Подведомственность (предметная компетенция) может быть охарактеризована как исключительная (специальная), если закон относит рассмотрение дела к ведению лишь одного органа, и как альтернативная (множественная), если заин-

тересованному лицу предоставлена возможность выбора между несколькими юрисдикционными органами.

Исключительная предметная компетенция арбитражных судов, критерием которой выступает не субъектный состав, а исключительно характер спора, устанавливается прямым указанием закона, что находит свое выражение, в частности, в ч. 6 ст. 27 АПК РФ. К исключительной подведомственности дел судам (общей юрисдикции или арбитражным судам) относятся также дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение.

Видами множественной подведомственности выступают договорная, императивная (условная) и альтернативная предметная компетенция. При **договорной (добровольной)** предметной компетенции выбор органа осуществляется по взаимному соглашению (волеизъявлению) сторон спора, как правило, посредством заключения арбитражного соглашения. **Императивная (условная)** подведомственность предполагает обращение в один юрисдикционный орган обязательным предварительным условием для последующего обращения в другой (например, обязательный досудебный (претензионный или административный) порядок урегулирования спора). **Альтернативная предметная компетенция (по выбору истца)** предполагает право окончательного выбора одного из нескольких равнозначных с точки зрения закона органов заявителю (истцу). Так, например заинтересованное лицо вправе выбирать «вертикальный» порядок обжалования незаконного действия вышестоящему должностному лицу либо его оспаривание в судебном порядке.

Процессуальным законодательством предусмотрены правовые последствия несоблюдения правил подведомственности: отказ в принятии искового заявления (административного искового заявления), в том числе, и в связи с отсутствием предметной компетенции (ч. 1 ст. 127.1 АПК РФ, ч.

1 ст. 134 ГПК РФ, ч. 1 ст. 128 КАС РФ). Несоблюдение истцом (административным истцом) императивного (претензионного или административного) досудебного порядка урегулирования спора создает препятствие для реализации судом своей предметной компетенции, которое носит временный характер. В зависимости от стадии процесса данное нарушение влечет за собой одно из двух установленных законом последствий: оставление поданного искового заявления (административного искового заявления) без движения (ч. 1 ст. 128 АПК РФ, ст. 136 ГПК РФ, ст. 130 КАС РФ) либо его оставление без рассмотрения (ч. 2 ст. 148 АПК РФ, ст. 222 ГПК РФ, ст. 196 КАС РФ).

Дифференциация предметной компетенции осуществляется по двум основным критериям: по характеру спорного материального правоотношения; по субъектному составу спорного материального правоотношения.

Характер спорного материального правоотношения. **Споры, связанные с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности, выступают материально-правовым критерием, определяющим компетенцию арбитражных судов.** Споры, возникающие из гражданских правоотношений в широком смысле, как-то гражданские, трудовые, земельные, семейные споры выступают предметом деятельности судов общей юрисдикции. Так, например, «подведомственность споров, вытекающих из договора добровольного имущественного страхования, определяется в зависимости от субъектного состава и цели деятельности. Согласно ч. 1 ст. 27 и ст. 28 АПК РФ арбитражным судам подведомственны дела, связанные с предпринимательской или иной экономической деятельностью юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В случае обращения в суд гражданина, имеющего статус индивидуального предпринимателя, ключевым критерием для разграничения подсудности между арбитражным судом и судом общей юрисдикции является целевой характер страхования: если имущество застраховано для личных, семейных, домашних или иных нужд, не связанных с предпринимательством, иск подлежит рассмотрению в суде общей юрисдикции» [35].

Также можно привести другой пример из судебной практики: «разграничение подведомственности корпоративных споров основано на организационно-правовой форме и целях создания корпорации. Арбитражные суды рассматривают споры, возникающие в связи с деятельностью коммерческих корпораций, государственных и муниципальных предприятий, а также некоммерческих организаций, созданных для взаимодействия субъектов предпринимательства (ассо-

циаций, союзов, саморегулируемых организаций). В свою очередь, судам общей юрисдикции подведомственны споры, связанные с корпорациями в форме некоммерческих организаций, не имеющих экономической или предпринимательской направленности» [36].

В рамках административного судопроизводства суды общей юрисдикции уполномочены рассматривать публично-правовые споры, направленные как на защиту субъективных прав и законных интересов граждан и организаций, так и на осуществление судебного контроля за властной деятельностью органов государственной власти и их должностных лиц государственных и муниципальных служащих, за исключением дел, отнесенных к компетенции Конституционного Суда РФ. **Ключевым полномочием, образующим исключительную компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, является осуществление конституционного контроля, выражающегося в проверке на соответствии нормативных правовых актов Конституции Российской Федерации, имеющей высшую юридическую силу.** «Сфера применения КАС РФ ограничена публично-властными отношениями, в которых один субъект наделен полномочиями по принятию обязательных решений в отношении другого. Данный порядок не распространяется на споры, имеющие гражданско-правовые последствия, даже если они вытекают из оспаривания актов публичной власти. В частности, изъяты из подведомственности по КАС РФ служебные конфликты, дела о социальном обеспечении (пенсии, льготы, субсидии), а также споры, связанные с предоставлением жилья на условиях социального найма или найма специализированного жилищного фонда» [37].

Дифференциация публично-правовых споров, которые рассматриваются по правилам публичного производства арбитражными судами и по правилам административного судопроизводства судами общей юрисдикции, осуществляется также по субъектному и предметному критерию. Арбитражные суды рассматривают публично-правовые споры между индивидуальными предпринимателями, юридическими лицами и публичными образованиями, вытекающими из предпринимательской и иной экономической деятельности. Суды общей юрисдикции рассматривают административные споры с участием физических лиц и организаций в связи с оспариванием незаконных актов и решений, действий и бездействия и осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий. Так, например, «разграничение компетенции между судами общей юрисдикции и арбитраж-

ными судами в сфере контроля за деятельностью судебных приставов-исполнителей формируется на основе системного толкования специализированных процессуальных норм (ст. 29 АПК РФ, ст. 17 КАС РФ) и материального закона, регулирующего исполнительное производство (ч. 2, 3 ст. 128 Федерального закона «Об исполнительном производстве»)) [38].

Предметным критерием для третейских судов (арбитражей) выступают споры, возникающие из гражданских правоотношений, споры, возникающие из предпринимательской и иной экономической деятельности, как с участием физических и юридических лиц, индивидуальных предпринимателей. Публичный элемент в этих спорах отсутствует, причем действующим арбитражным процессуальным и гражданским процессуальным законодательством установлены категории дел, которые не могут быть переданы на рассмотрение третейского суда (арбитража).

Для государственных арбитражных судов предметный критерий является определяющим, о чем свидетельствует ч. 6 ст. 27 АПК РФ.

Субъектный состав спорного материального правоотношения. В гражданском судопроизводстве субъектный критерий выступает как определяющий критерий – гражданские дела с участием физических лиц и организаций. В арбитражном судопроизводстве, как уже было указано, участвуют индивидуальные предприниматели, юридические лица, публичные образования. В административном судопроизводстве участниками выступают физические лица и организации, государственные органы и органы местного самоуправления, их должностные лица, государственные и муниципальные служащие, публичные образования. В третейском разбирательстве в силу его частного характера субъектный состав правоотношений представлен, физическими и юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями.

Указанные критерии разработаны цивилистической процессуальной доктриной, могут быть охарактеризованы как устоявшиеся, и в настоящее время не утрачивают свою актуальность, позволяют дифференцировать компетенцию между различного вида юрисдикционными органами, в том числе и судами.

Таким образом, приходим к следующему выводу, что отказаться от категории «подведомственности» не представляется возможным ни на уровне процессуальной доктрины, ни в действующем законодательстве, ни в судебной практике, поскольку базовые положения доктрины о подведомственности дел, позволяют правильно разграничивать предметную компетенцию судов в Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Афанасьев С.Ф., Ермаков А.Н. О судебной подведомственности, или компетенции, и ее роли в механизме реализации права на обращение в суд (права на предъявление иска) // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2024. № 9. С. 46 – 51.

[2] Брежнев О.В. Оспаривание нормативных правовых актов органов публичной власти в порядке конституционного и административного судопроизводства: проблемы разграничения подведомственности // *Российский судья*. 2025. № 1. С. 39 – 44.

[3] Величко М.Б. Решение проблем подведомственности в административном судопроизводстве, а также разграничения указанного вида судопроизводства с гражданским, обеспечивающее «комфортный» доступ к правосудию для граждан // *Вестник гражданского процесса*. 2025. № 1. С. – 318.

[4] Гнатко Д.С., Гнатко Е.А., Мариненко О.И. Подведомственность дел арбитражным судам и судам общей юрисдикции: незакрытая дискуссия // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2022. № 2. С. 24 – 27.

[5] Гурвич М.А. Право на иск. М.; Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. 216 с.

[6] Дружков П.С. Судебная подведомственность споров о праве и иных правовых вопросов, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1966. 21 с.

[7] Жукова Ю.Д., Подмаркова А.С. Неопределенность правового статуса самозанятых. Обзор судебной практики // *Закон*. 2022. № 12. С. 168 – 178.

[8] Каратаев И.А. Подведомственность и компетенция в цивилистическом процессуальном праве // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2025. № 7. С. 24 – 29.

[9] Костин А.А. Оспаривание сделок в российском суде в рамках иностранного банкротства // *Вестник гражданского права*. 2021. № 1. С. 197 – 218.

[10] Михайлова Е.В. Проблемы, связанные с отказом от использования института подведомственности // *Мировой судья*. 2021. № 8. С. 32 – 39.

[11] Михайлова Л.В. Правовое регулирование деятельности оперативных подразделений правоохранительных органов в морских пространствах // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. № 4. С. 174 – 183.

- [12] Невоструев А.Г. К вопросу о подведомственности в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. №5. С.13 – 17.
- [13] Невоструев А.Г. К вопросу о подведомственности в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 5. С. 13 – 17.
- [14] Осипов Ю.К. Подведомственность и подсудность гражданских дел. М.: Госюриздат, 1962. 112 с.
- [15] Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск: СЮИ, 1974. 34 с.
- [16] Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел: учебное пособие, Свердловск: СЮИ, 1973. 123 с.
- [17] Павлова М.С. Реформа института подведомственности: содержание и итоги // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 6. С. 34 – 39.
- [18] Полуян Д.А. О подведомственности споров с участием самозанятых // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 1. С. 22 – 26.
- [19] Рожкова М.А. К вопросу о содержании понятий «компетентный суд» и «подведомственность дела» // Журнал российского права. 2006. № 1. С.19 – 29.
- [20] Султанов А.Р. Подведомственность споров по облигациям, или Дело о неиспользованной третейской оговорке // Вестник гражданского процесса. 2025. № 4. С. 299 – 334.
- [21] Суркова С.В. Компетенция судов и подсудность гражданских дел // СПС Консультант-Плюс.
- [22] Туктамышев В.Д. Арбитрабельность: содержание понятия // Вестник гражданского процесса. 2023. № 1. С. 257 – 275.
- [23] Туктамышев В.Д. Подведомственность: перспективные направления исследования // Вестник гражданского процесса. 2024. № 4. С. 225 – 232.
- [24] Чудиновских К. А. Подведомственность в системе гражданского и арбитражного процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 22 с.
- [25] Шикин С.А. Особенности разрешения корпоративных споров в арбитражных судах. Часть 1 // Право и экономика. 2022. № 5. С. 5 – 13.
- [26] Шикин С.А. Проблемы подведомственности в корпоративных спорах. Часть 2 // Право и экономика. 2022. № 6. С. 11 – 17.
- [27] Щеглов В.Н. Основы подведомственности гражданских дел // Основы гражданского законодательства и основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Вопросы теории и практики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981. С.126 – 131.
- [28] Ярков В.В. Исключительная подведомственность нотариусов в судебной практике Верховного Суда РФ // Нотариальный вестник. 2023. № 8. С. 24 – 31.
- [29] Ярков В.В. Подведомственность: последствия реформ и тенденции развития // Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике: к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: монография / Д.Б. Абушенко, М.А. Алиэскеров, Т.К. Андреева и др.; отв. ред. В.В. Молчанов. М.: Статут, 2023. 480 с.
- [30] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Российская газета. № 137. 27.07.2002.
- [31] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Российская газета. № 220. 20.11.2002.
- [32] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Российская газета. № 49. 11.03.2015.
- [33] Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. № 1 (часть I). Ст. 2.
- [34] Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 (ред. от 30.12.2021) «О международном коммерческом арбитраже» // Российская газета. № 156. 14.08.1993.
- [35] Пункт 108 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» // Российская газета. № 148. 09.07.2024.
- [36] Пункт 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 140. 30.06.2015.
- [37] Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Российская газета. № 222. 03.10.2016
- [38] Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 (ред. от

19.11.2024) «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Российская газета. № 270. 30.11.2015.

References:

- [1] Afanasyev S.F., Ermakov A.N. On judicial jurisdiction, or competence, and its role in the mechanism for exercising the right to apply to court (the right to file a claim) // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2024. No. 9. pp. 46–51.
- [2] Brezhnev O.V. Challenging regulatory legal acts of public authorities in constitutional and administrative proceedings: problems of delimiting jurisdiction // *Russian judge*. 2025. No. 1. pp. 39–44.
- [3] Velichko M.B. Resolving issues of jurisdiction in administrative proceedings, as well as the delimitation of this type of proceedings from civil ones, ensuring “comfortable” access to justice for citizens // *Bulletin of civil procedure*. 2025. No. 1. Pp. – 318.
- [4] Gnatko D.S., Gnatko E.A., Marinenko O.I. Jurisdiction of cases of arbitration courts and courts of general jurisdiction: an open discussion // *Arbitration and civil procedure*. 2022. No. 2. Pp. 24–27.
- [5] Gurvich M.A. Right to sue. Moscow; Leningrad: Publishing house and 2nd type. Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1949. 216 p.
- [6] Druzhkov P.S. Judicial jurisdiction of disputes on law and other legal issues considered in civil proceedings: author’s abstract. diss. ... cand. sciences (law). Sverdlovsk, 1966. 21 p.
- [7] Zhukova Yu.D., Podmarkova A.S. Uncertainty of the Legal Status of the Self-Employed. Review of Judicial Practice // *Law*. 2022. No. 12. pp. 168–178.
- [8] Karataev I.A. Jurisdiction and Competence in Civil Procedural Law // *Arbitration and Civil Procedure*. 2025. No. 7. pp. 24–29.
- [9] Kostin A.A. Challenging Transactions in a Russian Court within the Framework of Foreign Bankruptcy // *Bulletin of Civil Law*. 2021. No. 1. pp. 197–218.
- [10] Mikhailova E.V. Problems Associated with the Refusal to Use the Institution of Jurisdiction // *Justice of the Peace*. 2021. No. 8. Pp. 32–39.
- [11] Mikhailova L.V. Legal regulation of the activities of operational units of law enforcement agencies in maritime spaces // *Current issues of Russian law*. 2021. No. 4. Pp. 174–183.
- [12] Nevostuev A.G. On the issue of jurisdiction in civil proceedings // *Arbitration and civil procedure*. 2022. No. 5. Pp. 13–17.
- [13] Nevostuev A.G. On the issue of jurisdiction in civil proceedings // *Arbitration and civil procedure*. 2022. No. 5. Pp. 13–17.
- [14] Osipov Yu.K. Jurisdiction and venue in civil cases. Moscow: Gosyurizdat, 1962. 112 p.
- [15] Osipov Yu.K. Jurisdiction of Legal Cases: Abstract of Doctor of Law Dissertation. Sverdlovsk: SYul, 1974. 34 p.
- [16] Osipov Yu.K. Jurisdiction of Legal Cases: Textbook, Sverdlovsk: SYul, 1973. 123 p.
- [17] Pavlova M.S. Reform of the Institution of Jurisdiction: Contents and Results // *Arbitration and Civil Procedure*. 2023. No. 6. pp. 34–39.
- [18] Poluyan D.A. On the Jurisdiction of Disputes Involving the Self-Employed // *Arbitration and Civil Procedure*. 2024. No. 1. Pp. 22–26.
- [19] Rozhkova M.A. On the Content of the Concepts of “Competent Court” and “Jurisdiction of the Case” // *Journal of Russian Law*. 2006. No. 1. Pp. 19–29.
- [20] Sultanov A.R. Jurisdiction of Disputes over Bonds, or the Case of an Unused Arbitration Clause // *Bulletin of Civil Procedure*. 2025. No. 4. Pp. 299–334.
- [21] Surkova S.V. Competence of Courts and Jurisdiction of Civil Cases // *SPS ConsultantPlus*.
- [22] Tuktamyshev V.D. Arbitrability: Content of the Concept // *Bulletin of Civil Procedure*. 2023. No. 1. Pp. 257–275.
- [23] Tuktamyshev V.D. Jurisdiction: Promising Research Directions // *Bulletin of Civil Procedure*. 2024. No. 4. Pp. 225–232.
- [24] Chudinovskikh K.A. Jurisdiction in the System of Civil and Arbitration Procedural Law: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Ekaterinburg, 2002. 22 p.
- [25] Shikin S.A. Features of Resolving Corporate Disputes in Arbitration Courts. Part 1 // *Law and Economics*. 2022. No. 5. Pp. 5–13.
- [26] Shikin S.A. Problems of Jurisdiction in Corporate Disputes. Part 2 // *Law and Economics*. 2022. No. 6. Pp. 11–17.
- [27] Shcheglov V.N. Fundamentals of Jurisdiction of Civil Cases // *Fundamentals of Civil Legislation and Fundamentals of Civil Procedure of the USSR and Union Republics. Theoretical and Practical Issues*. Saratov: Publishing House of Saratov University, 1981. Pp. 126–131.
- [28] Yarkov V.V. Exclusive Jurisdiction of Notaries in the Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation // *Notarial Bulletin*. 2023. No. 8. Pp. 24–31.
- [29] Yarkov V.V. Jurisdiction: Consequences of Reforms and Development Trends // *Russian Procedural Lawyers on Law, Legislation, and Judicial Practice: on the 20th Anniversary of the Civil Procedure Code of the Russian Federation: Monograph / D.B. Abushenko, M.A. Alieskerov, T.K. Andreeva, et al.; ed. V.V. Molchanov*. Moscow: Statut, 2023. 480 p.
- [30] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended

on December 15, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2026) // Rossiyskaya Gazeta. No. 137. July 27, 2002.

[31] Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 15.12.2025, as amended on 22.12.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2026) // Rossiyskaya Gazeta. No. 220. 20.11.2002.

[32] Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of 08.03.2015 No. 21-FZ (as amended on 29.12.2025) // Rossiyskaya Gazeta. No. 49. 11.03.2015.

[33] Federal Law of 29.12.2015 No. 382-FZ (as amended on 08.08.2024) "On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 04.01.2016. No. 1 (Part I). Art. 2.

[34] Law of the Russian Federation of 07.07.1993 No. 5338-1 (as amended on 30.12.2021) "On International Commercial Arbitration" // Rossiyskaya Gazeta. No. 156. 14.08.1993.

[35] Clause 108 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of

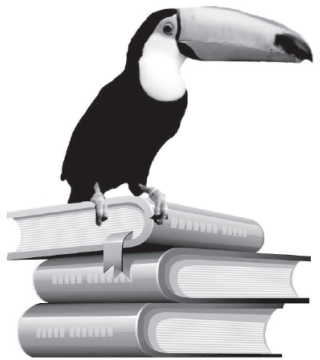
25.06.2024 No. 19 "On the Application of Legislation on Voluntary Property Insurance by the Courts" // Rossiyskaya Gazeta. No. 148. July 9, 2024.

[36] Clause 30 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. No. 140. June 30, 2015.

[37] Clause 1 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2016 No. 36 (as amended on December 17, 2024) "On Certain Issues of the Application by Courts of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. No. 222. October 3, 2016

[38] Clause 3 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 17, 2015 No. 50 (as amended on November 19, 2024) "On the application of legislation by courts when considering certain issues arising during enforcement proceedings" // Rossiyskaya Gazeta. No. 270. November 30, 2015.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
 учебных и методических
 пособий, монографий,
 научных статей.

Профессионально.

В максимально
 короткие сроки.

Размещаем
 в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-436-440

МИХАЙЛОВА Карина Алексеевна,
2 курс магистратуры Финансового
Университета при Правительстве РФ,
Россия, Санкт-Петербург,
e-mail: mikha-karina@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ ДОКАЗЫВАНИЯ В СУДЕ ФАКТА НАРУШЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЕСНОГО ФОНДА

Аннотация. В контексте роста экологических и экономических потерь от лесонарушений традиционные методы судебного доказывания демонстрируют свою недостаточную эффективность. В статье исследуется потенциал современных цифровых инструментов для преодоления этих ограничений. Проведен анализ проблем, связанных с использованием актов осмотра и свидетельских показаний, включая их субъективность, низкую оперативность и трудности верификации, особенно в удаленных районах. Рассматриваются возможности применения геоинформационных систем (ГИС), данных дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) и блокчейн-технологий для фиксации, анализа и обеспечения неизменности доказательств при разрешении судебных споров. Выявлено, что интеграция этих технологий позволяет не только значительно ускорить процесс выявления нарушений, но и повысить объективность и достоверность доказательной базы в суде. В качестве ключевой рекомендации обоснована необходимость разработки единой государственной цифровой платформы, которая объединила бы данные мониторинга и судебные органы, а также унификации стандартов использования цифровых доказательств.

Ключевые слова: судебное доказывание, незаконные рубки, лесные нарушения, цифровизация, геоинформационные системы (ГИС), дистанционное зондирование Земли (ДЗЗ), блокчейн, доказательства, экологическое право, лесное хозяйство.

MIKHAILOVA Karina Alekseevna,
2nd master's degree course of the Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Russia, St. Petersburg

MODERN TOOLS FOR PROVING IN COURT THE FACT OF VIOLATION OF THE USE OF THE FOREST FUND

Annotation. In the context of increasing environmental and economic losses from forest damage, traditional methods of judicial evidence demonstrate their insufficient effectiveness. The article explores the potential of modern digital tools to overcome these limitations. The analysis of the problems associated with the use of inspection certificates and witness statements, including their subjectivity, low efficiency and difficulties of verification, especially in remote areas. The possibilities of using geographic information systems (GIS), remote sensing data, and blockchain technologies to record, analyze, and ensure the immutability of evidence in resolving legal disputes are being considered. It has been revealed that the integration of these technologies not only significantly speeds up the process of identifying violations, but also increases the objectivity and reliability of the evidence base in court. As a key recommendation, the need to develop a unified state digital platform that combines.

Key words: judicial evidence, illegal logging, forest violations, digitalization, geoinformation systems (GIS), remote sensing of the Earth (RSE), blockchain, evidence, environmental law, and forestry.

Введение

В последние годы проблема незаконных лесных рубок стала одной из наиболее острых

экологических и правовых тем, вызывающих общественное беспокойство и требующих активного вмешательства со стороны государства и

правоохранительных органов. Леса играют ключевую роль в поддержании экологического баланса, сохранении биоразнообразия и обеспечении жизнедеятельности многих сообществ. Однако, несмотря на существующие законы и меры по охране лесов, случаи незаконных рубок все равно существуют, что ставит под угрозу не только природные ресурсы, но и экономическую стабильность регионов, зависящих от лесного хозяйства.

В условиях, когда традиционные методы сбора доказательств для предоставлений в судах часто оказываются недостаточно эффективными, особенно в удалённых и труднодоступных районах, исследование современных цифровых методов становится особенно актуальным. Использование современных технологий открывает новые горизонты для борьбы с лесными правонарушениями, позволяет точно фиксировать факты незаконных рубок, обеспечивать прозрачность и доступность информации для всех заинтересованных сторон.

Цифровизация судебных процессов в области охраны лесов приобретает всё большую значимость, так как она способствует улучшению процесса сбора и анализа доказательств, повышая объективность и достоверность судебных решений. Эффективное использование цифровых инструментов не только ускоряет рассмотрение дел, но и снижает вероятность ошибок в судебной практике. В условиях, когда каждое решение может иметь далеко идущие последствия, важно обеспечить максимальную точность и справедливость в процессе правоприменения.

Таким образом, исследование современных цифровых методов для доказательства в судебных спорах о незаконных лесных рубках становится не только необходимостью, но и важным шагом к созданию более эффективной и справедливой системы охраны лесов.

Цель данной статьи:

- 1) Проанализировать существующие цифровые технологии, используемые для доказательства фактов незаконных лесных рубок;
- 2) Оценить их эффективность и применение в судебной практике;
- 3) Определить перспективы дальнейшего развития цифровых методов в борьбе с незаконными лесными рубками.

Задачи данной статьи:

- 1) Изучить современные цифровые инструменты и методы, применяемые для мониторинга лесных ресурсов;
- 2) Выявить проблемы и ограничения, с которыми сталкиваются правозащитники и судебные органы при использовании цифровых доказательств;

- 3) Предложить рекомендации по улучшению применения цифровых методов в правоприменительной практике.

1. Проблемы доказывания по судебным делам о незаконных рубках

В современных условиях в России основными методами сбора доказательств в делах о незаконных рубках являются акты лесного надзора, протоколы осмотра мест происшествий и фотоматериалы. Эти инструменты используются для фиксации фактов нарушения лесного законодательства, определения ущерба и установления виновных лиц.

Так, в 2024 году было зафиксировано около 8 тысяч случаев незаконной рубки леса, а ущерб составил около 9 миллиардов рублей. А в первом полугодии 2025 года количество случаев незаконной рубки в России сократилось в 1,6 раза, а объём незаконно заготовленной древесины в 3,5 раза [10, с. 586].

Ранее существовавшие методы сбора доказательств в делах о незаконных рубках имели ряд существенных недостатков, которые отражались на судебной практике. Одной из ключевых проблем являлось отсутствие точности и объективности в оценке ущерба, что часто вызывало споры в судебных разбирательствах. Традиционные методы, такие как фотосъемка, не всегда позволяют однозначно установить причастность конкретных лиц к нарушению, что усложняет процесс доказательства вины. Этот факт подчеркивает необходимость разработки новых методик, способных повысить эффективность судебного доказывания.

Объективность доказательств в делах о незаконных рубках играет ключевую роль в обеспечении справедливости судебного разбирательства. Однако в большинстве случаев используемые методы сбора доказательств, такие как свидетельские показания и визуальные осмотры, подвержены субъективным интерпретациям. Это снижает объективность анализа, так как человеческий фактор может вносить существенные искажения. Данные пробелы указывают на необходимость внедрения современных технологий для повышения объективности доказательной базы.

В качестве реального примера из судебной практики, показывающий необходимость внедрения современных технологий доказывания в судах факта незаконной рубки деревьев, стало дело, рассмотренное в 2017 году в Советском районном суде Кировской области [4]. В ходе судебного разбирательства, суд не принял собранные доказательства о незаконной рубке во внимание в качестве достаточных для установления вины. Основной причиной для отказа судом стал тот факт, что

представленные доказательства (включая объяснения лесничего и схему места происшествия) не содержат достоверных сведений о том, кто именно совершил незаконную рубку, отсутствовали фото-видеофиксации.

Этот случай подчеркивает важность развития современных технологий и методов для сбора доказательств в делах о незаконных рубках лесов, чтобы избежать ошибок и обеспечить справедливость в судебных разбирательствах. Данные факты затрудняют объективную оценку и создают предпосылки для судебных ошибок. Активное применение цифровых технологий может существенно повысить качество и достоверность доказательств.

Отсутствие единой цифровой платформы для учета лесных ресурсов является одним из ключевых препятствий для эффективного сбора и анализа доказательств в делах о незаконных рубках. Согласно выводам из отчёта Счётной палаты РФ за прошлый 2024 год, в России отсутствует единая государственная система лесоучетных работ, из-за чего информация о лесных ресурсах разнится. В прошлом году актуальными были сведения только о 17% земель лесного фонда [12, с. 7]. Учёт лесов в части их количественных и качественных характеристик проводился в ходе двух государственных работ: государственной инвентаризации лесов и лесоустройства, которые не имели комплексного характера. Кроме того, отсутствие актуальных данных о лесах, по мнению Счётной палаты, не позволяет использовать федеральную государственную информационную систему лесного комплекса (ФГИС ЛК), введение в действие которой началось с 1 января 2025 года, а это, в свою очередь означает то, что применение ФГИС ЛК при судебных разбирательствах может быть пока затруднено.

Для решения проблемы Счетной палатой предложено создать единую систему лесоучетных работ на основе государственной инвентаризации лесов и лесоустройства с применением современных технологий, в том числе искусственного интеллекта, а также данных дистанционного зондирования Земли и беспилотной авиации.

Отсутствие цифровой интеграции в процессах учета и анализа лесных ресурсов существенно влияет на судебные разбирательства. Еще одним примером из судебной практики, в которой были использованы традиционные и устаревшие методы доказывания незаконной рубки деревьев является дело, рассмотренное Апшеронским районным судом Краснодарского края в 2025 году. В ходе судебного разбирательства был использован метод патрулирования лесов, который, по сути, не фиксирует именно момент рубки деревьев, а фиксирует только результат противозаконного дей-

ствия. Таким образом, внедрение цифровых технологий становится необходимым условием для повышения эффективности и надежности судебного доказывания в делах о незаконных рубках.

2. Роль цифровизации в улучшении судебного доказывания в сфере лесных нарушений

На сегодняшний день одним из современных способов доказывания незаконной рубки лесов является внедрение геоинформационных систем (ГИС) и технологий дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ). Из ключевых преимуществ использования ГИС и ДЗЗ является сокращение времени на обнаружение нарушений. Это особенно актуально в условиях, когда оперативность вмешательства играет решающую роль в предотвращении значительного ущерба. Платформа ГИС также позволяет уменьшить время, необходимое для выполнения рутинных операций. Использование геоинформационных систем (ГИС) и дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) играет ключевую роль в решении судебных споров, связанных с незаконными рубками лесов. Эти технологии позволяют не только ускорить процессы выявления нарушений, но и обеспечить более точное и объективное документирование фактов, что является критически важным в судебных разбирательствах.

ГИС предоставляет возможность интеграции и анализа пространственных данных, что позволяет визуализировать изменения в лесных массивах, выявлять зоны вырубki и оценивать масштабы ущерба. С помощью ГИС можно создавать карты, на которых четко обозначены границы лесных участков, а также места, где были зафиксированы незаконные рубки. Это позволяет суду наглядно увидеть масштабы нарушения и его последствия.

Дистанционное зондирование, в свою очередь, предоставляет данные о состоянии лесов в реальном времени. Спутниковые снимки и аэрофотосъемка позволяют отслеживать изменения в растительности, выявлять участки, где произошли вырубki, и фиксировать их динамику. Эти данные могут служить доказательством в суде, подтверждая факты незаконной деятельности.

Кроме того, использование ГИС и ДЗЗ способствует более эффективному сбору и обработке доказательств. Например, автоматизированные системы могут обрабатывать большие объемы данных, выявляя закономерности и аномалии, что позволяет оперативно реагировать на нарушения и готовить обоснованные материалы для судебных разбирательств.

Таким образом, интеграция ГИС и ДЗЗ в процессы мониторинга и контроля за лесными ресурсами не только оптимизирует выполнение повсед-

невных задач, но и значительно повышает эффективность работы правоохранительных органов и судебных инстанций в борьбе с незаконными рубками лесов. Это, в свою очередь, способствует более справедливому и обоснованному разрешению судебных споров в данной области.

Кроме того, в последние годы систему дистанционного спутникового зондирования земли дополнили технологией искусственного интеллекта. Данный метод стал особенно актуальным для выявления незаконной вырубki лесов. Данная система также позволяет сформировать состояние лесов, увеличить объемы проведения лесоустройства, выявлять риски возникновения пожаров в лесу. Благодаря новой системе выезд инспектора для создания доказательной базы не потребуется, а это, в свою очередь, экономит время для сбора доказательств с дальнейшим предоставлением его в суде.

Планируемая интеграция алгоритмов искусственного интеллекта в ФГИС лесного комплекса направлена на автоматизацию ключевых процессов: выявление изменений в лесном покрове, прогнозирование лесохозяйственных событий и интеллектуальное наполнение Гослесреестра. Данный функционал призван дополнить и усилить существующие системы дистанционного мониторинга, переведя их на качественно новый уровень, однако он сохранит за судом возможность принятия окончательного решения.

Создание единой цифровой платформы для судебной и надзорной деятельности в сфере лесных нарушений является важным шагом в повышении эффективности управления и контроля за использованием лесных ресурсов. Одной из ключевых потребностей является обеспечение оперативного сбора, обработки и анализа данных о нарушениях. Внедрение единой платформы будет способствовать не только улучшению оперативности и точности судебного доказывания, но и общему повышению прозрачности и доверия к процессу контроля за лесными ресурсами.

Для эффективного использования цифровых технологий в судебной практике необходимо создание единой цифровой платформы, объединяющей данные контролирующих органов и судебной системы. Такая платформа должна обеспечивать доступность актуальной информации и поддержку анализа доказательств. Также важно разработать стандарты для цифровых доказательств и внедрить программы обучения для судей и специалистов, что позволит повысить их компетентность в использовании новых технологий. Таким образом, эти меры способны существенно улучшить процесс судебного разбирательства и способствовать более эффективной защите лесных ресурсов.

Список литературы:

- [1] Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 50. – Ст. 5278.
- [2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
- [3] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.
- [4] Постановление Советского районного суда Кировской области № 5-121/2017 от 28 сентября 2017 г. по делу № 5-121/2017 // СудАкт: судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HWNu26LgZgWU/> (дата обращения: 29.10.2025).
- [5] Решение Апшеронского районного суда Краснодарского края № 2-598/2025 2-598/2025-М-422/2025 М-422/2025 от 28 апреля 2025 г. по делу № 2-598/2025 // СудАкт: судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/SNyWu54VP55J/?regular-txt=незаконная+рубка&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1762087806160&snippet_pos=330#snippet
- [6] Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 3 января 2020 г. по делу № А56-105382/2017 2025 // СудАкт: судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/05rvs87B0bLv/>
- [7] Анисимов А.П. Экологическое право России: учебник для вузов / А.П. Анисимов, А.Ю. Рыженков, А.Я. Рыженков. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 455 с.
- [8] Боголюбов С.А. Актуальные проблемы экологического права: монография / С.А. Боголюбов. – М.: Норма, 2022. – 384 с.
- [9] Полянская Е.Г. Цифровая трансформация правоприменения: новые вызовы и возможности / Е.Г. Полянская // Цифровое право. – 2021. – № 2. – С. 15–25.
- [10] Синицын Р.С. Уголовная ответственность за незаконную рубку лесных насаждений / Вестник науки. – 2023. – № 12. – 586-590.
- [11] Кичигин, Н.В. К вопросу об использовании данных дистанционного зондирования Земли в качестве доказательств по делам о лесонарушениях / Н.В. Кичигин // Экологическое право. – 2023. – № 4. – С. 18–23.
- [12] Мамедов С. Бюллетень Счетной палаты РФ / Инвентаризация лесов /. – 2024. – № 12. – с.-5-34.

[13] Петров, А.В. Проблемы доказывания в делах о незаконных рубках лесных насаждений и пути их решения с применением ГИС-технологий / А.В. Петров, И.С. Сидорова // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 5 (93). – С. 112–120.

[14] Чижов И.А. Актуальные проблемы правового регулирования искусственного интеллекта / Проблемы правоохранительной деятельности. – 2024. – № 3. – С. 48–52.

References:

[1] Forest Code of the Russian Federation dated 04.12.2006 No. 200-FZ (as amended on 24.04.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – № 50. - Art. 5278.

[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 24.04.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. - No. 52 (part I). - Art. 4921.

[3] Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technologies and Information Protection” (as amended by 02.07.2021) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. - No. 31 (1 hour). - Art. 3448.

[4] Resolution of the Sovetsky District Court of the Kirov Region No. 5-121/2017 of September 28, 2017 in case No. 5-121/2017//CourtAct: judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HWNu26LgZgWU/> (accessed on: 29.10.2025).

[5] Decision of the Absheron District Court of the Krasnodar Territory No. 2-598/2025 2-598/2025 ~ M-422/2025 M-422/2025 of April 28, 2025 in case No. 2-598/2025//Court: judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/SNyWu54VP55J/?regular-txt=незаконная+рубка&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_pos=330#snippet

[6] Decision of the Arbitration Court of the city of St. Petersburg and the Leningrad Region dated January 3, 2020 in case No. A56-105382/2017 2025//CourtAct: judicial and regulatory acts of the Russian Federation.URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/05rvs87B0bLv/>

[7] Anisimov A.P. Environmental Law of Russia: a textbook for universities/A.P. Anisimov, A.Yu. Ryzhenkov, A.Ya. Ryzhenkov. - 5th ed., Revised and add. - M.: Yuright Publishing House, 2023. - 455 s.

[8] Bogolyubov S.A. Actual problems of environmental law: monograph/S.A. Bogolyubov. - M.: Norma, 2022. - 384 p.

[9] Polyanskaya E.G. Digital transformation of law enforcement: new challenges and opportunities/E.G. Polyanskaya//Digital law. – 2021. – № 2. - S. 15-25.

[10] Sinitsyn R.S. Criminal liability for illegal felling of forest plantations/Bulletin of Science. – 2023. - № 12. – 586-590.

[11] Kichigin, N.V. On the use of Earth remote sensing data as evidence in cases of forest violations/N.V. Kichigin//Environmental law. – 2023. – № 4. - S. 18-23.

[12] Mamedov S. Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation/Inventory of forests/. – 2024. - № 12. - p.-5-34.

[13] Petrov, A.V. Problems of evidence in cases of illegal logging of forest plantations and ways to solve them using GIS technologies/A.V. Petrov, I.S. Sidorova//Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). – 2022. – № 5 (93). - S. 112-120.

[14] Chizhov I.A. Actual problems of legal regulation of artificial intelligence/Problems of law enforcement. – 2024. – № 3. - S. 48-52.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-441-445

НИМИРОВСКИЙ Виталий Валерьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственного и международного права
Санкт-Петербургского государственного морского
технического университета, г. Санкт-Петербург,
e-mail: sktmk1@mail.ru

НИМИРОВСКАЯ Юзефа Казимировна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры педагогики и психологии
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: yuzefa_nimirovskaya@mail.ru

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ КАК ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ МВД РОССИИ

Аннотация. В статье обсуждается важность приобретения знаний по использованию биологических исследований, значимых в правоохранительной деятельности. Именно использование результатов биологических исследований становится доказательной ценностью в судебно-медицинской идентификации. В статье особый акцент сделан на правовую основу для сбора биологического материала при определении личности преступника или жертв преступлений, что предполагает формирование необходимых знаний, обеспечивающих профессиональную компетентность обучающихся в ведомственных образовательных организациях высшего образования.

Ключевые слова: образовательный процесс, биологический материал, ДНК-профиль, идентификация, генодиагностика.

NIMIROVSKY Vitaly Valerievich,
Candidate of Law, Associate Professor
at the Department of State and International Law
at the St. Petersburg State Marine Technical University,
St. Petersburg

NIMIROVSKAYA Yuzefa Kazimirovna,
PhD in Pedagogy, Associate Professor
at the Department of pedagogy and psychology,
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russian Federation

BIOLOGICAL RESEARCH IN FORENSIC PRACTICE AS A LEGAL INSTRUMENT IN PROFESSIONAL TRAINING OF STUDENTS AT THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS HIGHER SCHOOL

Annotation. *The article discusses the importance of acquiring knowledge on the use of biological research that is significant in law enforcement activities. It is the use of the results of biological research that becomes an evidentiary value in forensic medical identification. The article places a special emphasis on the legal basis for collecting biological material in determining the identity of criminals or victims of crimes, which implies the formation of the necessary knowledge that ensures the professional competence of students in departmental higher education institutions.*

Key words: *educational process, biological material, DNA profile, identification, and genodiagnostics.*

В образовательных организациях высшего образования МВД России затрагивается проблема дидактического обеспечения образовательного процесса. Понимание сущности учебной информации в процессе профессиональной подготовки в рамках юридических дисциплин рассматривается применение не просто совокупности знаний, но и способности применить их на практике. Так, судебная биология изучает различные виды биологического материала человеческого, животного или растительного происхождения, которые в криминалистике называются биологическими следами. К ним обычно относятся пятна крови, волосы, следы спермы и жировых отложений пота, а также фрагменты растений, которые обнаруживаются при осмотре мест преступлений (например, убийств, грабежей, краж со взломом, изнасилований и т. д.), а также преступников и жертв преступлений. Цель этих исследований чаще всего состоит в обнаружении и определении того, является ли данное вещество биологическим материалом, определении его вида и источника, а также идентификации личности.

Открытие групп крови АВО Карлом Ландштейнером (1901 г.), а также описание модели молекулы ДНК Ф. Криком и Дж. Уотсоном (1953 г.) и последующее введение метода «ДНК-дактилоскопии» Алек Джеффрисом (1985 г.) заложили основу для идентификации людей.

Актуальность темы статьи и ее значимость определяется развитием генетических и биологических исследований значимых в правоохранительной деятельности. Использование результатов биологических исследований сделала их доказательной ценностью в судебно-медицинской идентификации.

В этой ситуации представляется целесообразным обратить внимание на метод ДНК-тестов. Биологические следы с мест преступлений направляются в криминалистические лаборатории районных управлений полиции. Оттуда, после проведения анализов, маркированные генетические профили в электронном виде переносятся в базу данных ДНК. Каждый новый ДНК-профиль, внесенный в базу данных, сравнивается с уже зарегистрированными в ней профилями, а полученные результаты передаются в полицейские

подразделения, которые его зарегистрировали. Благодаря своей структуре ДНК обладает способностью к репликации (удвоению). В процессе репликации копируется комплементарная нить. Каждая нить служит матрицей для новой комплементарной нити. Однако при нагревании до температуры около 100°C происходит процесс денатурации ДНК. Надо отметить так же, что генетические тесты становятся конкурирующим инструментом. Анализы крови, сывороточных белков и ферментов эритроцитов в судебной медицине уже в значительной степени вытеснены анализом ДНК и используются в основном для первичного отбора биологических следов.

В международном праве имеются ряд документов, затрагивающие этический вопрос улучшения генома человека. К ним относятся: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950) [4]; Конвенция о правах человека и биомедицине (1997) [5].

ДНК считается наиболее точной биометрической характеристикой, однако, в современных условиях эта технология применяется в основном для решения экспертных задач. У лиц, прошедших судебно-медицинскую экспертизу, берут мазок из полости рта с помощью специально разработанных наборов, каждый из которых помечен индивидуальным штрихкодом. Эту процедуру проводят сотрудники полиции, прошедшие обучение в этой области, а в особо обоснованных случаях — уполномоченные медицинские работники или научные или специализированные учреждения, уполномоченные проводить генетическое тестирование.

Об этом в своей работе пишут Фролова Е. Ю., Кошлыкова Ю., А. Вместе с тем отмечают, что «основная проблема заключается в том, что зачастую геномный материал сложно изъять из-за недостаточного объема или возможного наложения биологических следов. Изъять и выделить интересующий след из множества оставленных на объекте иногда затруднительно по причине того, что в биологии нет понятия «последние руки»: изымая с предмета какой-либо клеточный материал, эксперт собирает всю массу клеточного материала, который был оставлен на предмете на протяжении его существования» [3, с. 167].

Необходимо учитывать, что в судебно-медицинской практике биологические следы делятся главным образом по анатомическим и физиологическим признакам, и выделяются следующие группы:

- источник тканей (например, кровь, кожная ткань, мягкие ткани, волосы и мех, ногти и когти, кости, зубы, фрагменты растений, яйца и личинки насекомых).
- секреты (например, слюна, сперма, вагинальные выделения, пот),
- выделения (например, кал и моча).

Кровь — это жидкая ткань, состоящая из плазмы и клеток крови (эритроцитов, лейкоцитов и тромбоцитов), взвешенных в ней. После выхода из сосуда кровь сворачивается и меняет цвет с красного на ржавый. Кровь является наиболее ценным материалом для биологической идентификации.

Кожа состоит из трех слоев: эпидермиса, дермы и подкожной жировой клетчатки. В судебно-медицинской практике наиболее важными следами являются отслоившиеся участки эпидермиса. Прикосновение к различным предметам (орудиям преступления) оставляет следы пото-жирного вещества, содержащего клетки эпидермиса, или ссадины с эпидермиса, которые представляют собой ценный материал для генетической идентификации. Клетки эпидермиса, или, точнее, эпителиальные клетки, также обычно обнаруживаются в слюне, что определяет ее идентификационную ценность.

Мягкие ткани — это части человеческого или животного тела. Они подвержены быстрым процессам гниения, которые со временем приводят к полному разрушению биологического материала.

Носовая слизь, слезы, пот и сальные выделения также содержат клеточный материал, являющийся источником ДНК.

Экскременты — это вещества, образующиеся в организме в результате метаболических процессов и выводящиеся с мочой. К экскрементам относятся кал, моча и рвота. Они играют меньшую роль в судебно-медицинских экспертизах, хотя могут также содержать клеточный материал.

Каждый человек, за исключением однояйцевых близнецов, имеет уникальный генетический код. Даже небольшое количество крови, слюны, пота или спермы, собранных на одежде жертвы или подозреваемого, может содержать достаточно ДНК для проведения индивидуального анализа. Также возможно использовать для генетического анализа неидентифицируемые отпечатки пальцев (компонент пота и жира) с предметов, которые держал (касался) преступник, таких как пистолет, нож, руль, внутренние поверхности

латексных перчаток, фрагмент одноразового полотенца или даже тело жертвы. Это также могут быть идентифицируемые отпечатки пальцев, но в таких случаях их изображение должно быть сначала сохранено для исследования (например, фотографически или с использованием порошков и фольги для отпечатков пальцев), а затем должен быть сохранен биологический материал (например, путем промывания их влажным стерильным тампоном или консервирования с субстратом). Но затем их изображение необходимо сначала зафиксировать для целей исследования отпечатков пальцев (например, фотографически или с помощью порошков и фольги для снятия отпечатков пальцев), а затем необходимо обеспечить сохранность биологического материала (например, промыв его влажным стерильным тампоном или обозначив его принадлежность, закрепив его вместе с субстратом).

В качестве эталонного материала для генетического тестирования чаще всего используются мазки слюны или образцы крови, взятые у подозреваемого. Также могут быть использованы образцы волосных фолликулов или секрета.

В судебно-генетической экспертизе наиболее широко используемым методом является ПЦР (полимеразная цепная реакция), которая позволяет синтезировать любое количество копий любой последовательности геномной ДНК. Это позволяет идентифицировать людей даже по самому малому количеству генетического материала, обнаруженного в биологических следах. Первый этап тестирования включает выделение (экстракцию) и оценку качества и количества ДНК, за которым следует репликация) выбранных сегментов ДНК, их обнаружение (секвенирование) и интерпретация результатов.

Существует ряд различных методов выделения ДНК, выбор которых зависит от типа биологического следа. ДНК-тестирование, помимо идентификации личности и человеческих останков, также используется для установления отцовства и материнства, родства (в целях иммиграции), идентификации подмененных новорожденных и пропавших детей, а также в антропологии. Ведутся исследования в области судебно-медицинской ДНК-фенотипизации, которая включает определение внешнего вида и физически наблюдаемых характеристик человека на основе биологических следов, оставленных им на месте преступления. Эта работа направлена на определение характеристик пигментации, таких как цвет глаз, волос и кожи человека, оставившего следы, его возраста, роста, морфологии лица и биогеографического происхождения. Достижение достаточной точности в этом отношении позволит использовать ДНК

не только для идентификации, но и для характеристики внешнего вида преступников. Также потребуется закрепление правовых норм.

Подобно автоматизированным системам идентификации отпечатков пальцев, также функционируют компьютеризированные генетические базы данных, позволяющие идентифицировать отдельных лиц и тела, а также выявлять преступников на основе биологических следов с мест преступлений и генетических кодов лиц, подлежащих судебно-медицинской регистрации. Первая база данных ДНК была создана в 1995 году в Англии.

Основой для получения экспертной оценки является проведение идентификационных тестов в рамках экспертизы после сбора сравнительных материалов от лиц, указанных компьютерной системой.

Правовая основа генетических исследований в Российской Федерации закреплена ФЗ от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности». Данный закон определяет правовой режим генодиагностики, генетического консультирования.

На основании Федерального закона от 3 декабря 2008 г. №242-ФЗ «О государственной геномной регистрации» в биологических отделах экспертно-криминалистических центров МВД России формируется база данных о гражданах. Для идентификации личности неизвестных трупов используется метод сравнительного ДНК-анализа и установления биологического родства, который, несомненно, более эффективен по сравнению с традиционными методами биологических исследований [2, с.202].

В России экспертное применение ДНК-идентификации началось во второй половине 80-х гг. XX в. В настоящее время эта технология успешно используется в десятках лабораторий экспертно-криминалистической и судебно-медицинской служб. Оснащение в последние годы экспертных подразделений автоматизированными системами ДНК-анализа создало предпосылки для реализации программы федеральной системы ДНК-регистрации [1, с. 83].

Подготовка к созданию генетической базы данных в России началась в 2000 году с создания соответствующей правовой основы. Согласно пункту 3. статьи 1 измененного Федерального Закона от 3 декабря 2008 года №242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» на ФЗ от 06.02.2023 №8 «геномная информация – биометрические персональные данные, включающие кодированную информацию об определенных фрагментах дезоксирибонуклеиновой кислоты физического лица или неопознанного трупа [6].

Стоит также упомянуть метод определения личности преступников, называемый семейным поиском. Положительный результат поиска зависит от размера базы данных ДНК. Он использует феномен определенного «наследования» криминальных наклонностей. Это доказывает необходимость решения правоохранительными органами задачи, среди прочего, ведения баз данных, содержащих информацию о результатах анализа дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК).

Таким образом, обзор результатов теоретических исследований по проблеме использования генетического материала, содержащегося в биологических следах, хотя и не является категоричным, но высоко ценится правоохранительными органами и судами.

Как показывает практический педагогический опыт, качество сформированных компетенций в процессе профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов напрямую зависит от содержания дидактического материала.

Список литературы:

[1] Глазунова И.В. Проблемные аспекты правового регулирования идентификации личности по дактилоскопической и геномной информации. Вестник Российской таможенной академии. 2016 №1. – С.83.

[2] Пяткин А.Н. Актуальные проблемы взаимодействия органов, осуществляющих мероприятия по установлению личности неизвестных трупов, с экспертно-криминалистическими подразделениями в Российской Федерации. Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2011. №1(9). – С.202.

[3] Фролова Е. Ю., Кошлыкова Ю. А. Идентификация человека по биометрическим данным: обзор современных технологий // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 3. С. 167-174.

[4] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом № 1 (подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)). // [Электронный ресурс]: «Консультант Плюс». [Официальный сайт]: URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 18.01.2026 г.).

[5] Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (Овьедо, 04.04.1997) // Conventions. URL: https://www.conventions.ru/view_base.php?id=1075 (дата обращения: 18.01.2026).

[6] Федеральный Закон от 3 декабря 2008 года №242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», с изм. и доп. 06.02.2023 г. №8) // [Электронный ресурс]: «Консультант Плюс». [Официальный сайт]: URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 18.01.2026 г.).

References:

[1] Glazunova I.V. Problematic aspects of legal regulation of personal identification by fingerprinting and genomic information. Bulletin of the Russian Customs Academy. 2016 №1. - S.83.

[2] Pyatkin A.N. Topical problems of interaction between bodies carrying out measures to establish the identity of unknown corpses and forensic units in the Russian Federation. Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. №1(9). - S.202.

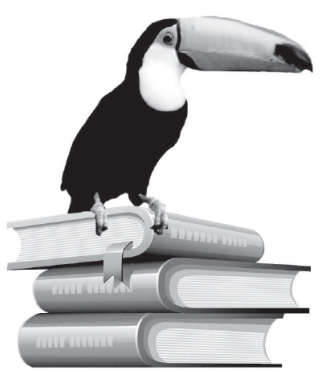
[3] Frolova E. Yu., Koshlykova Yu. A. Human identification by biometric data: an overview of modern technologies // North Caucasian Legal Bulletin. 2022. № 3. S. 167-174.

[4] Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (concluded in Rome 04.11.1950) (rev. dated 13.05.2004) (together with Protocol No. 1 (signed in Paris 20.03.1952), Protocol No. 4 on ensuring certain rights and freedoms in addition to those already included in the Convention and the first Protocol thereto (signed in Strasbourg 16.09.1963), Protocol No. 7 (signed in Strasbourg 22.11.1984)) // [Electronic resource]: "Consultant Plus." [Official site]: URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed 18.01.2026).

[5] Convention for the Protection of Human Rights and Dignity in Connection with the Application of Advances in Biology and Medicine (Oviedo, 04.04.1997) // Conventions. URL: https://www.conventions.ru/view_base.php?id=1075 (access date: 18.01.2026).

[6] Federal Law No. 242-FZ dated December 3, 2008 "On State Genomic Registration in the Russian Federation," amended and supplemented 06.02.2023 No. 8 // [Electronic Resource]: "Consultant Plus." [Official site]: URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed 18.01.2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
 учебных и методических
 пособий, монографий,
 научных статей.

Профессионально.

В максимально
 короткие сроки.

Размещаем
 в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-446-454

КАЛИТОВСКИЙ Тимофей Валентинович,
студент 2 курса магистратуры
Международно-правового факультета
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»
e-mail: me@kalitovskiy.ru

АРБИТРАЖ (ТРЕТЕЙСКОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО) КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ СПОРОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье рассматривается возможность применения арбитража (третейского разбирательства) как одного из способов разрешения административно-правовых споров. В работе анализируются основные нормативные правовые акты и правовая доктрина следующих правовых порядков: Россия, Португалия, Соединенные Штаты Америки.

Особое внимание уделяется категориями административных споров, которые могут быть переданы в третейское разбирательство, препятствиям, которые возникают при введении соответствующего механизма разрешения административных споров, а также особенностям административного арбитража в каждой из рассматриваемых юрисдикций.

Ключевые слова: административный спор, арбитраж, третейское разбирательство, арбитр, арбитражный процесс, административное судопроизводство, административный контракт, административный акт, государственная служба.

KALITOVSKIY Timofey Valentinovich
2nd year master's student at the International Law School
of the Federal state autonomous institution of higher education
"Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation"

ARBITRATION AS A MEANS OF ADMINISTRATIVE DISPUTES RESOLUTION: COMPARATIVE ANALYSIS

Annotation. The article focuses on the possibility of using arbitration as one of the means of administrative disputes resolution. The research paper analyzes the main regulations and legal doctrine of the following jurisdictions: Russia, Portugal, United States of America.

Particular attention is paid to the categories of administrative disputes that may be referred to arbitration, the obstacles that arise when introducing the respective administrative disputes resolution mechanism, and specifics of administrative arbitration of each jurisdiction reviewed.

Key words: administrative dispute, arbitration, arbitrator, economic court procedure, administrative litigation, administrative contract, administrative act, civil service.

Введение.

В доктрине административные споры определяются как «разногласия между субъектами административно-правовых отношений по поводу различно понимаемых взаимных прав и обязанно-

стей и (или) законности административных актов, возникающие в связи с реализацией, применением, нарушением либо установлением правовых норм в сфере публичного управления и разрешаемые в рамках определенной правовой проце-

дуры» [15]. Административные споры в классическом понимании связаны с осуществлением публичной власти: одна из сторон действует *jure imperii*, то есть реализует властные полномочия, руководствуясь при этом публичными интересами. По этой причине административные споры воспринимаются как споры, для которых характерен минимум автономии воли сторон, а их разрешение традиционно отнесено к компетенции судебных органов. В то же время достаточно активно развиваются т. н. альтернативные способы разрешения споров (англ. ADR – *Alternative Dispute Resolution*, далее также – APC), которые позволяют сторонам прибегнуть к процедурам, отличным от судебного разбирательства и предоставляющим сторонам большую автономию и возможность значительно уменьшить затраты на разрешение спора.

Применение такого альтернативного способа разрешения споров как арбитраж¹ в административной сфере осложняется тем, что административный спор нередко требует проверки законности административного акта, оценки границ усмотрения органа государственной власти или должностного лица (государственного служащего), затрагивает интересы третьих лиц (например, при обжаловании нормативных административных актов или разъясняющих актов, обладающих нормативными свойствами), предъявляет повышенные требования к публичности, мотивированности и единообразию решений.

Тем не менее, можно выделить правопорядки, в которых административные споры могут быть переданы на рассмотрение в арбитраж. Так, например, административный арбитраж как способ разрешения споров предусмотрен в Соединенных Штатах Америки (далее – США) и Португалии, причем последняя может считаться первооткрывателем в области административного, в том числе налогового, арбитража [10]. При этом, как будет указано ниже, административный арбитраж в значительной мере ограничен как видами споров, которые могут быть переданы на рассмотрение в арбитраж, так и обязательными требованиями, предъявляемыми к самому процессу разрешения спора.

Целью настоящей работы является исследование теоретических основ арбитража как способа разрешения административных споров, а также практических особенностей его реализации.

Для достижения указанной цели были поставлены задачи, которые состоят в том, чтобы

(1) определить круг административных споров, которые могут быть переданы в арбитраж в каждом из рассматриваемых правопорядков, (2) выявить основные правовые гарантии, делающие административный арбитраж возможным, или, наоборот, препятствия, блокирующие его, (3) выявить основные признаки административного арбитража и тенденции его развития.

Административный арбитраж в Российской Федерации.

Согласно федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29.12.2015 № 382-ФЗ (далее – Закон об арбитраже) под арбитражем (третейским судом) понимается процесс разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом (арбитражного решения), третейский суд, в свою очередь, означает единоличного арбитра или коллегия арбитров (ст. 2 Закона об арбитраже). В «Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ (далее – КАС РФ) отсутствует положение о возможности передачи споров, рассматриваемых в порядке, установленном КАС РФ, в арбитраж. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (далее – АПК РФ) напрямую исключает возможность передачи споров, возникающих из публичных правоотношений, на рассмотрение третейскому суду (ст. 33 АПК РФ), а Закон об арбитраже устанавливает, что передать спор в арбитраж могут лица, являющиеся участниками гражданско-правовых отношений, то есть основная сфера действия закона – частноправовые споры.

В то же время считается дискуссионным вопрос о возможности и необходимости допущения рассмотрения споров, связанных с государственным контрактами в третейском суде. В качестве обоснования подобного подхода, как правило, указывается, что несмотря на свой очевидный публично-правовой статус, государство при заключении государственных контрактов выступает в качестве субъекта гражданского права, обладающего гражданской правоспособностью, а заключаемые контракты являются гражданско-правовыми по своей природе [14]. К в определенной степени схожему выводу также пришел и Президиум Высшего Арбитражного суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) в Постановлении от 28 января 2014 г. № 11535/13, в котором, однако, указал, что споры в сфере контрактной системы не являются исключительно частными, а данные контракты «имеют публичную основу, преследуют публичный интерес и направлены на достижение результата, необходимого в публич-

¹ Для целей настоящего исследования под арбитражем понимается третейское разбирательство.

ных целях для удовлетворения публичных нужд, достигаемого за счет траты бюджетных средств». В дальнейшем данный подход поддерживался Верховным судом Российской Федерации (далее – ВС РФ), например, в определении СК по экономическим спорам ВС РФ от 28 июля 2017 г. N 305-ЭС15-20073 по делу N A40-188599/2014.

Однако необходимо учитывать, что законодатель исходит из потенциальной возможности передачи споров в сфере закупок в третейский суд при соблюдении соответствующих условий. Несмотря на запрет, установленный ст. 33 АПК РФ и ст. 22.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), данные нормы носят временный характер: согласно ст. 13 федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29.12.2015 № 409-ФЗ п. 6 ч. 2 ст. 33 АПК РФ и п. 6 ч. 2 ст. 22.1 ГПК РФ применяются до тех пор, пока не будет принят федеральный закон, который устанавливает порядок определения постоянно действующего арбитражного учреждения, имеющего право администрировать споры в сфере государственных контрактов. Однако на данный момент соответствующий законодательный акт все еще не принят.

Более благоприятная для арбитража ситуация складывается в сфере закупок по федеральному закону «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ (далее – Закон о закупках). В процессуальном законодательстве напрямую не установлен запрет на передачу подобных споров в третейское разбирательство, а ВС РФ подчеркнул возможность арбитража подобных споров в «Обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018) (далее – Обзор). ВС РФ объяснил это тем, что законодатель рассматривает отношения, складывающиеся в рамках Закона о закупках как гражданско-правовые, стороны таких отношений являются юридически равноправными и не обладают каким-либо властными полномочиями по отношению к другой стороне (п. 16 Обзора). Тем не менее, ВС РФ указал, что суды вправе отказывать в признании арбитражных решений, если имеются нарушения публичного порядка. При этом, по мнению Суда, для вывода о нарушении публичного

порядка можно ссылаться на такие элементы публичного порядка, как отношения о несостоятельности (банкротстве), о государственной контрактной системе, отношения в сфере добросовестной конкуренции, опеки и попечительства, затрата бюджетных средств. На практике некоторые суды отказывают в признании арбитражных решений, ссылаясь на то, что «приведение в исполнение решения иностранного арбитражного суда, ответчиком по которому выступает организация, конечным бенефициаром которой является Российская Федерация, и в рамках которого обращается взыскание на имущество лица, конечным бенефициаром которого также является Российская Федерация, может нанести ущерб бюджету Российской Федерации в результате вывода денежных средств на счета иностранных компаний» (определение Арбитражного суда города Москвы от 21 ноября 2018 г. по делу №А40-117331/18).

В настоящее время тенденция продолжается: суды все так же отказывают в признании арбитражных решений, вынесенных в сфере закупок, аргументируя это наличием в заключаемых контрактах публичного элемента, исключающего возможность третейского разбирательства по данным спорам. В целом, аргументация судов схожа с правовыми позициями высших судов РФ относительно споров в рамках контрактной системы (например, определение Арбитражного суда города Москвы от 20 мая 2025 г. по делу № А40-68835/2025, определение Арбитражного суда Саратовской области от 30 октября 2025 г. по делу № А57-13780/2025; названные судебные акты были оставлены в силе судами кассационной инстанции).

Исходя из изложенного, можно проследить общую тенденцию: публично-правовые споры, как правило, неарбитрабельны, за исключением споров, в которых частноправовой характер преобладает и связь с государством является в значительной степени опосредованной – в сфере закупок, осуществляемыми государственными корпорациями, публично-правовыми компаниями, государственными унитарными предприятиями и т. д. Однако, фактически, ни один из рассмотренных видов споров не может быть эффективно рассмотрен арбитражем из-за достаточно расплывчатых формулировок о публичном порядке и публичных интересах, которые могут трактоваться судами по-разному.

Административный арбитраж в Португалии.

Особый интерес представляет правовое регулирование арбитража в Португалии. Счита-

ется, что арбитраж может быть полноценной альтернативой административным судам, и Конституция Португальской Республики от 1976 г. (с поправками от 2005 г.) (далее – Конституция Португалии), фактически, не закрепляет контроль над административной деятельностью исключительно за государством, то есть не создает государственной монополии на рассмотрение административных споров [11]. С конституционной точки зрения арбитражные трибуналы не признаются органами, осуществляющими государственную власть (*entities that exercise sovereignty*) (ст. 110 Конституции) [10] (хотя, однако, имеются и противоположные мнения относительно места арбитражных трибуналов в системе органов власти [7])¹, тем не менее их создание непосредственно предусмотрено Конституцией Португалии (ст. 209). Подчеркивается, что арбитражные трибуналы, как и суды, осуществляют юрисдикционные функции [7], при этом указывается, что для исполнения арбитражного решения нет необходимости обращаться в судебные органы для содействия или получения экзекватуры – арбитражное решение исполняется так же, как и решения судов [10].

Таким образом, является общепризнанной допустимость административного арбитража, и основной вопрос заключается в определении видов конфликтов, которое могут быть переданы на рассмотрение подобного арбитража, а именно определение юрисдикции *ratione materiae*.

В Кодексе административного судопроизводства Португалии от 22 февраля 2002 г. (Закон № 15/2002) (далее – Кодекс административного судопроизводства), в ст. 180, установлено, что могут быть образованы арбитражные трибуналы для разрешения следующих категорий споров.

Споры, относящиеся к административным контрактам, включая отмену или объявление недействительным административного акта, относящегося к их исполнению. Возможность обращения в арбитраж с соответствующим требо-

ванием, помимо Кодекса административного судопроизводства, также предусмотрена ст. 476 Кодекса о государственных закупках от 29 января 2008 г. (Декрет-закон №18/2008). Согласно ст. 307 данного законодательного акта заявления, которые совершаются органом власти, например, содержащие заявление об одностороннем изменении положений договора, одностороннем прекращении договора, уступке прав по договору третьему лицу, должны быть оформлены как административный акт, действительность которого может быть оспорена соответствующим образом.

Споры, связанные с внедоговорной ответственностью, включая регресс или компенсацию, права на которые закреплены в законе, в рамках административных правоотношений. Данное положение можно понимать как *prima facie* связанную с действиями органов власти, осуществляемых в связи с реализацией ими публичных полномочий, но в то же время это могут быть и действия частноправового характера, если разрешение соответствующих споров отнесено к юрисдикции административных судов [10].

Споры, касающиеся действительности административных актов. При этом необходимо понимать, что под административным актом имеется в виду индивидуальный правовой акт, который порождает определенные правовые последствия в «индивидуальной и определённой» ситуации (ст. 51 Кодекса административного судопроизводства). Нормативные правовые акты не могут выступать предметом арбитражного разбирательства, подобные требования рассматриваются исключительно в судебных органах (ст. 72 и далее Кодекса административного судопроизводства) [10].

Споры, связанные с публичной службой, в случаях, если не затрагиваются неотчуждаемые права, или данные споры не связаны с несчастным случаем на производстве или профессиональным заболеванием.

Согласно ст. 185 Кодекса административного судопроизводства предметом арбитражного разбирательства не может быть ответственность за ущерб, возникший в результате осуществления государством законодательных и политических функций или отправления правосудия, а по спорам о законности (действительности) арбитры не могут высказываться о целесообразности административных действий, а также выносить решение на основании справедливости.

При этом, как указано выше, данное ограничение связано со спорами о законности, под которыми, как правило, понимают споры о действительности административных актов, однако

¹ Однако данный вопрос можно считать закрытым, если учитывать позицию Конституционного суда Португалии, который в Постановлении № 230/86 от 1986 г. указывал, что арбитражные трибуналы не являются государственными органами, поскольку (1) они создаются волей сторон, (2) не являются постоянными органами, (3) арбитры не являются «карьерными» судьями, то есть не являются государственными служащими. В то же время интересна позиция Европейского суда по делу *Ascendi*, который признал налоговый арбитраж судом для целей применения ст. 267 Договора о функционировании Европейского союза. Суд отметил, что арбитражные трибуналы включены в список национальных судов, предусмотренных Конституцией Португалии, налоговый арбитраж в определенной степени обладает признаками постоянства, несмотря на изменчивость своего состава.

вопрос о применении данной нормы в отношении дел, связанных с действительности административных контрактов, является открытым [11]. Представляется, что указанный запрет призван обеспечить предсказуемое применение публично-правовых норм и не допустить возможность их обхода. К тому же, смысл проверки акта на законность заключается в проверке его соответствия положениям закона и иных нормативных актов. Данная цель изначально предопределяет невозможность разрешения данного вопроса «по справедливости». В противном случае, могла бы возникнуть ситуация, при которой административный акт формально является незаконным, однако арбитры могли бы сохранить его силу, признав его справедливым. Это могло бы подорвать стабильность правового регулирования и создать правовую неопределенность, поскольку справедливость является крайне абстрактной и оценочной категорией.

Запрет на разрешение вопроса «по справедливости» потенциально может быть выделен в качестве одного из признаков публично-правового арбитража, отличающим его от частноправового арбитража, в котором стороны могут уполномочить арбитров разрешить спор *ex aequo et bono* (см., например, регламент Международной Торговой Палаты). Например, в Бельгии установлена общая обязанность арбитров действовать в строгом соответствии с законом, если одной из сторон по делу выступает публично-правовое образование [11].

Кодексом административного судопроизводства предусмотрено право государства разрешать создание арбитражных центров (институционализированного арбитража), для разрешения описанных выше споров, в том числе в сферах публичной службы, социальной защиты и градостроительства (ст. 187), при этом прямого запрета на использование арбитража *ad hoc* для административных споров нет. Наиболее известным арбитражным центром для разрешения административных споров в порядке арбитража является Центр административного арбитража (*Centro de Arbitragem Administrativa, CAAD*).

Предъявляются достаточно строгие требования к квалификации арбитров. Так, арбитрами по налоговым делам могут быть люди с не менее чем десятилетним опытом в области налогового права (ими могут быть, например, бывшие судьи, налоговые инспекторы, преподаватели вузов). Определенные требования предъявляются к председательствующим арбитрам в зависимости от суммы налогового спора: если сумма спора выше 500 тысяч евро, председательствующий должен иметь как минимум степень магистра в

области налогового права, если сумма спора больше 1 миллиона евро – степень кандидата наук [7].

Прорывным достижением права Португалии можно считать внедрение налогового арбитража, правовой основой которого является Закон-декрет Министерства финансов и публичного управления №10/2011 от 20 января 2011 г. (далее – Закон о налоговом арбитраже). Данный правовой акт называет три основные цели налогового арбитража, а именно эффективную защиту прав и законных интересов налогоплательщиков, более быстрое разрешение споров между налоговыми органами и налогоплательщиками и снижение количества дел, рассматриваемых административными и налоговыми судами.

Согласно ст. 4 Закона о налоговом арбитраже налоговые органы подчиняются юрисдикции арбитража, если это предусмотрено решением членов Правительства, к чьему ведению отнесены вопросы финансов и юстиции. При этом в соответствии с Приказом Министерства финансов и публичного управления № 112-Ф/2011 от 22 марта 2011 г. налоговые органы подчиняются юрисдикции арбитражного центра, если сумма спора не превышает 10 миллионов евро. Следовательно, для налогоплательщика обращение в арбитраж – это право, которое он может реализовать, или же обратиться в суд. Для государства же – обязанность (при обращении налогоплательщика в арбитраж) [10].

Одной из причин внедрения налогового арбитража в правовое поле Португалии является продолжительный финансовый кризис, который нашел свое выражение, в том числе, в невозможности государства обеспечить налоговую стабильность, что выражалось, в частности, в чрезмерной перегрузке налоговых судов [2].

Достаточно показательной является информация о сроках рассмотрения налоговых дел в судебных органах: дела могли рассматриваться от 3 до 5 лет [5]. При этом нерассмотренные налоговые дела по состоянию на 2011 г. составляли примерно 3,9% валового внутреннего продукта (далее – ВВП) Португалии [13]. Согласно данным Всемирного банка, ВВП Португалии в 2011 г. составляло примерно 245 миллиардов евро. Соответственно, совокупное значение нерассмотренных дел составляло около 9,5 миллиардов евро.

В соответствии с Меморандумом о взаимопонимании, заключенным между Португалией, Европейской Комиссией, Европейским Центральным Банком и Международным Валютным Фондом, Португалия взяла на себя обязательства не только по поиску способов разгрузки судов, но и

по реформированию судебной системы в общем [12]. Одной из таких реформ и стало внедрение налогового арбитража [8].

Административный арбитраж в США.

Соединенные Штаты Америки также занимают более открытый подход к возможности использования APC для разрешения административных споров по сравнению с российским регулированием.

Основным законодательным актом, который устанавливает возможность использования APC в административной сфере, является Закон о разрешении административных споров 1996 г. (*Administrative Dispute Resolution Act*) (далее – Закон 1996 г.). При принятии данного закона Конгресс США указывал, что введение APC в область административных правоотношений позволит повысить эффективность административных ведомств, снизить издержки, количество формальных процедур и сохранить доброжелательные отношения между сторонами при достижении решений на основе согласия. Принятие закона было воспринято очень положительно [4].

Закон 1996 г. наделяет административное ведомство право на использование APC для целей разрешения спора, если стороны указанного спора согласны на использование подобных процедур (5 U.S.C.A § 572), при этом такое согласие может быть получено как до, так и после возникновения спора. Законодательно установлены общие ориентиры для ведомств с целью содействия в определении дел, в рамках которых применение APC будет являться наиболее надлежащим, а также установлено требование о необходимости принятия ведомствами политики в отношении APC, назначении соответствующего персонала и обеспечении их обучения методикам APC [1].

Можно выделить следующие принципы административного арбитража, закрепленные в Законе 1996 г. (5 U.S.C.A § 575, 5 U.S.C.A § 580):

1. Добровольность – арбитражное разбирательство может быть инициировано только при наличии согласия всех сторон спора;
2. Ограничение ответственности – арбитражное соглашение должно содержать ограничение в отношении выносимого решения (например, максимально возможную взыскиваемую сумму);
3. Полномочность на передачу спора в арбитраж – должностное лицо административного ведомства должно обладать полномочиями на мирное разрешение спора или иным образом быть уполномоченным ведомством на обращение в арбитраж;

4. Отсутствие прецедентного и преюдициального значения – арбитражное решение, вынесенное по рассматриваемому закону, не может иметь преюдициального значения или выступать в качестве прецедента.

В рамках арбитражного разбирательства арбитр, действуя в более неформальной обстановке по сравнению с процессом в судах, самостоятельно разрешает дело, принимая окончательное решение, основываясь на собственном толковании применимого законодательства, что, по мнению некоторых исследователей, порождает предположения о нарушении оговорки о надлежащей правовой процедуре (*Due Process*) [4, 9].

В то же время высказываются иные опасения, в частности, о действительной нейтральности арбитра. Так, например, ведомство, которое часто прибегает к арбитражу, будет иметь преимущества перед неопытной стороной при выборе арбитра, поскольку ведомство может предпочесть арбитра, который раньше выносил решения в пользу ведомства. К тому же, есть вероятность, что арбитр будет стремиться к тому, чтобы ведомство одобрило его решение, поскольку ведомство с большей вероятностью, чем частное лицо, обеспечит ему будущую работу [9].

Административный арбитраж порождает некоторые вопросы о его возможной неконституционности, в первую очередь возникают вопросы о несоответствии обязывающего арбитража ст.ст. I, II, III Конституции США от 1787 г. (далее – Конституция США).

Прежде всего возникают опасения о несоответствии статье III Конституции США передачи полномочий по рассмотрению спора не судьям и не должностным лицам административного ведомства, а частным лицам – арбитрам. Верховный Суд США высказался по данному вопросу в деле *Thomas v. Union Carbide Agr. Products Co.* В данном деле заявители пытались оспорить возможность применения арбитража в соответствии с федеральным законом об инсектицидах, фунгицидах и родентицидах 1947 г. Верховный Суд США указал, что статья III Конституции США не запрещает Конгрессу устанавливать возможность обращения в обязывающий арбитраж, а также возможность наделения полномочиями по разрешению споров трибуналов, которые не являются судами по смыслу ст. III Конституции США.

Вопрос о несоответствии ст. II Конституции США возникает в рамках оговорки о назначении (*Appointment Clause*) и оговорки об обязанности Президента США добросовестно следить за исполнением законов (*Take Care Clause*). Неконституционность обязывающего арбитража выводилась из того, что назначение третьего нейтраль-

ного лица для разрешения споров с участием ведомства наделяет указанное третье лицо частью полномочий исполнительной власти, при этом данное лицо не подчиняется Президенту США, не находится под дисциплинарным контролем ведомства, не назначается по конституционно предусмотренной процедуре назначения административных должностных лиц. Министерство Юстиции США сначала занимало позицию, что назначение административным ведомством независимого арбитра нарушало Appointment Clause, однако затем в 1995 г. поменяло свое мнение, указав, что данная оговорка затрагивается, если лицо принимается на позицию занятости в рамках федерального правительства и наделяется значительными полномочиями [6]. Внешний арбитр, разово назначаемый для разрешения конкретного вопроса, очевидно, таковым не является. В дальнейшем позиция Министерства Юстиции США была поддержана Претензионным судом США (например, в деле *Tenaska Washington Partners II, L.P. v. United States*).

Вопрос о несоответствии ст. I Конституции США возникает в случае, если делегирование полномочий по разрешению споров осуществляется с расплывчатыми формулировками или без установления соответствующих стандартов [1].

Арбитраж может быть как обязывающим (*binding*), так и консультативным (*advisory*). Для того, чтобы административное ведомство могло использовать обязывающий арбитраж, необходимо, чтобы глава такого ведомства предварительно проконсультировавшись с Генеральным прокурором США, принял методические указания о надлежащем использовании обязывающего арбитража с указанием на то, в каких случаях должностное лицо или работник ведомства обладают полномочиями на разрешение спора подобным образом (5 U.S.C.A § 575). Арбитражные решения являются обязательными для всех сторон, в том числе федерального правительства, и могут быть исполнены в порядке, предусмотренном федеральным законом об арбитраже (5 U.S.C.A § 580).

Из всего разнообразия административных ведомств, лишь малое количество ведомств приняло соответствующие методические указания, среди которых Федеральное управление гражданской авиации, Служба внутренних доходов США, Федеральная корпорация по страхованию вкладов. Всего таких ведомств шесть [3]. Соответственно, только эти шесть ведомств могут использовать обязывающий арбитраж как способ разрешения административных споров.

При этом, учитывая, что в рамках арбитража не могут разрешаться важные вопросы политики

или права, методические указания достаточно сильно ограничивают круг тех вопросов, которые могут быть разрешены в порядке арбитража. Например, Служба внутренних доходов США (ст. 35.5.5.1 Налогового руководства) согласна передавать в арбитраж вопросы, связанные исключительно с вопросами факта, или совокупность вопросов, где вопрос факта может быть выделен, и которые не имеют значительной важности.

В некоторых федеральных законах США прямо указана возможность обращения в арбитраж для разрешения споров с участием административных ведомств. Так, например, Закон о регулировании сельского хозяйства (*Agricultural Adjustment Act*) наделяет Министра сельского хозяйства (или любое другое должностное лицо или работника, которые назначены Министром) правом на передачу споров, связанных с продажей или сбытом молока, в арбитраж.

Особое внимание следует уделить основаниям для отмены арбитражных решений. Ранее главы административных ведомств, которые выступали в качестве стороны арбитражного разбирательства, могли отказаться от проведения такого разбирательства или же отменить арбитражное решение до того, как оно вступило в силу [4]. На данный момент указанное положение исключено. Соответственно, арбитражное решение может быть отменено исключительно по основаниям, предусмотренным Федеральным законом об арбитраже.

В данном законе, помимо классических оснований для отмены арбитражного решения, также предусмотрено специальное основание для отмены решения, вынесенного в рамках административного арбитража, а именно по заявлению лица, не являющегося стороной арбитражного разбирательства, права или законные интересы которого затрагиваются или нарушаются этим решением, если использование арбитража либо само арбитражное решение явно не соответствуют факторам, указанным в 5 U.S.C.A § 572. При этом важно понимать, что данное основание применяется к лицам, не являющимся сторонами разбирательства, что отличает его от иных (классических) оснований (например, мошенничество, взяточничество, превышение полномочий), которые могут быть предъявлены только сторонами спора. К тому же, исходя из формулировки закона, необходимо одновременное наличие двух условий: (1) посягательство или нарушение прав лица и (2) нарушение положений 5 U.S.C.A § 572. Если какое-либо из обстоятельств отсутствует, лицо не может заявить о необходимости отмены решения.

Заключение.

Арбитраж как способ разрешения административных споров является достаточно новым правовым феноменом, который еще находится на стадии своего бурного развития. Преимущества арбитража по сравнению с разбирательством в судах очевидны, в то же время очевидны и причины нежелания государства передавать публично-правовые споры в арбитраж.

Наиболее ограниченная модель административного арбитража сложилась в Российской Федерации. Фактически, никакой административный спор не может быть передан в арбитраж. Португалия и США занимают более открытую позицию в отношении административного арбитража, который, в свою очередь, не может быть всеобъемлющим. Законодательствами данных юрисдикций устанавливаются значительные ограничения на виды споров, которые могут рассматриваться в таком порядке, предъявляются жесткие требования к формальной организации разбирательства и полномочиям арбитров.

В то же время подчеркивается, что вопрос об административном арбитраже – это скорее вопрос об уровне правовой культуры, влиянии традиций, стереотипов, а не теоретической или практической допустимости такого способа разрешения споров. По мере демократизации российского общества и сокращения дистанции между административной властью и частными лицами арбитраж может стать полноценным институтом, дополняющим административную юстицию [15].

Список литературы:

- [1] Aman A. C., Jr. *Administrative Law* (Hornbook Series) / Aman A. C., Jr., Rookard L. W., Mayton W. T. – 4th ed. – St. Paul, MN : West Academic Publishing, 2023. – 829 p.
- [2] Da Câmara F. S. Arbitration as a means of resolving tax disputes // *European Taxation*. – 2014. – V. 54. – № 11. – P. 491-505
- [3] Calabrese M. Deciding Without an Appointment: Examining the Appointments Clause and Administrative Arbitration // *Georgetown Law Journal*. – 2022. – V. 111. – P. 343-380.
- [4] Dauber C. B. The Ties That Do Not Bind: Nonbinding Arbitration in Federal Administrative Agencies // *Administrative Law Journal of The American University*. – 1995. – V. 9. – P. 165-189.
- [5] David Pickstone. *The Tax Disputes and Litigation Review*. – 10th ed. – London : Law Business Research Ltd, 2022. – P. 229-240.
- [6] Dellinger W. Constitutional Limitations on Federal Government Participation on Binding Arbitration // *Opinions of the Office of Legal Counsel (Op. O.L.C.)*. – 1995. – V. 19. – P. 208-234.

[7] Ferreira R. F., Guerra J. C., Pires J. M. Tax arbitration in Portugal: a new tax dispute resolution model // *Comparative Law Yearbook of International Business*. – 2013. – №. 35. – P. 189-204.

[8] International Monetary Fund. Portugal: Request for a Three-Year Arrangement Under the Extended Fund Facility // *IMF Country Report*. – 2011. – P. 121.

[9] Laing M. Ohio Administrative Law and Arbitration: An Argument for Adopting Binding Arbitration for Administrative Hearings // *Ohio State Journal in Dispute Resolution* – 2020. – V. 35. – P. 435-453.

[10] Pereira da Fonseca A. *International Arbitration in Portugal* / Pereira da Fonseca A., Moura Vicente D., França Gouveia M. [et al.]. – Alphen aan den Rijn : Kluwer Law International, 2020. – 504 p.

[11] Portocarrero M. Arbitration in administrative affairs: The enlargement scope of Ratione Materiae in Portugal // *Central European Public Administration Review*. – 2020. – V. 18. – P. 203-2018.

[12] Sousa M. B. et al. Building a robust judiciary: The major reforms in Portugal // *Lex Humana*. – 2024. – V. 16. – №. 4. – P. 98-125.

[13] Thomsen P. M., Roaf J. Portugal: First Review Under the Extended Arrangement // *IMF Country Report*. – 2011. – V. 11. – №. 279. – 105 p.

[14] Беляева О. А., Габов А. В. Арбитрабельность споров, возникающих в сфере закупок // *Журнал российского права*. – 2017. – №. 5 (245). – С. 46-55.

[15] Зеленцов А. Б. *Административно-правовой спор: вопросы теории: Монография*. Изд. 2-2, испр. и доп. – М: РУДН, 2009. – 692 с.

References:

- [1] Aman A. C., Jr. *Administrative Law* (Hornbook Series) / Aman A. C., Jr., Rookard L. W., Mayton W. T. – 4th ed. – St. Paul, MN: West Academic Publishing, 2023. – 829 p.
- [2] Da Câmara F. S. Arbitration as a means of resolving tax disputes // *European Taxation*. – 2014. – V. 54. – No. 11. – P. 491-505
- [3] Calabrese M. Deciding without an Appointment: Examining the Appointments Clause and Administrative Arbitration // *Georgetown Law Journal*. – 2022. – V. 111. – P. 343-380.
- [4] Dauber C. B. The Ties That Do Not Bind: Nonbinding Arbitration in Federal Administrative Agencies // *Administrative Law Journal of The American University*. – 1995. – V. 9. – P. 165-189.
- [5] David Pickstone. *The Tax Disputes and Litigation Review*. – 10th ed. – London: Law Business Research Ltd, 2022. – P. 229-240.
- [6] Dellinger W. Constitutional Limitations on Federal Government Participation on Binding Arbitra-

tion // Opinions of the Office of Legal Counsel (Op. O.L.C.). – 1995. – V. 19. – P. 208-234.

[7] Ferreira R. F., Guerra J. C., Pires J. M. Tax arbitration in Portugal: a new tax dispute resolution model // Comparative Law Yearbook of International Business. – 2013. – No. 35. – P. 189-204.

[8] International Monetary Fund. Portugal: Request for a Three-Year Arrangement Under the Extended Fund Facility // IMF Country Report. – 2011. – P. 121.

[9] Laing M. Ohio Administrative Law and Arbitration: An Argument for Adopting Binding Arbitration for Administrative Hearings // Ohio State Journal in Dispute Resolution – 2020. – V. 35. – P. 435-453.

[10] Pereira da Fonseca A. International Arbitration in Portugal / Pereira da Fonseca A., Moura Vicente D., França Gouveia M. [et al.]. – Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2020. – 504 p.

[11] Portocarrero M. Arbitration in administrative affairs: The enlargement scope of Ratione Materiae in Portugal // Central European Public Administration Review. – 2020. – V. 18. – P. 203-218.

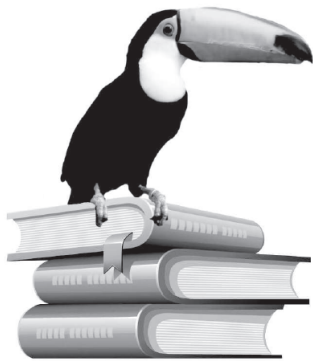
[12] Sousa M. B. et al. Building a robust judiciary: The major reforms in Portugal // Lex Humana. – 2024. – V. 16. – No. 4. – P. 98-125.

[13] Thomsen P. M., Roaf J. Portugal: First Review Under the Extended Arrangement // IMF Country Report. – 2011. – Vol. 11. – No. 279. – 105 p.

[14] Belyaeva O. A., Gabov A. V. Arbitrability of Disputes Arising in the Sphere of Procurement // Journal of Russian Law. – 2017. – No. 5 (245). – P. 46-55.

[15] Zelentsov A. B. Administrative-Legal Dispute: Theoretical Issues: Monograph. Publ. 2-2, corrected. and add. – M: RUDN, 2009. – 692 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

НАХОВА Елена Александровна,
доктор юридических наук,
доцент кафедры гражданского процессуального права,
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail: nahova.elena@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СУДЕБНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПО ОКАЗАНИЮ СОДЕЙСТВИЯ АРБИТРАЖАМ (ТРЕТЕЙСКИМ СУДАМ) В ПОЛУЧЕНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. В статье автор дает общую характеристику правового регулирования судебной компетенции по оказанию содействия арбитражам (третейским судам) в получении доказательств. В исследовании автор приходит к выводу, что законодательстве присутствует пробел, исключающий применение указанного механизма в рамках третейского разбирательства *ad hoc*. Этот дисбаланс порождает неравенство сторон в доступе к процессуальным гарантиям в зависимости от избранной формы третейского разбирательства, что вступает в противоречие с конституционным принципом равенства. Также право на обращение за судебным содействием должно быть предоставлено третейским судам независимо от места проведения арбитража. Данный механизм должен использоваться как при внутреннем, так и при трансграничном арбитраже. Кроме того, автором отмечается, что, в частности, в процессуальном законодательстве отсутствует прямое указание на право стороны, с согласия арбитража, обратиться в государственный суд за содействием в истребовании доказательств. Подобный законодательный пробел, по меньшей мере, вступает в противоречие с принципом состязательности третейского разбирательства. Автору представляется обоснованным внести в процессуальные кодексы отдельную главу в рамках раздела, посвященного содействию судов общей юрисдикции и арбитражных судов третейскому разбирательству и контролю над ним, которая детально регламентировала бы процедуру исполнения запросов третейских судов об истребовании доказательств. Кроме того, следует законодательно закрепить право государственного суда извещать о времени и месте судебного заседания иных лиц, чьи права и законные интересы могут быть затронуты исполнением запроса арбитража, а также обязанность компетентного суда учитывать представленные ими сведения при разрешении и исполнении указанного запроса. Автор приходит к выводу, что параллельно необходимо предоставить таким заинтересованным лицам право на обжалование судебного определения об оказании содействия третейскому суду в получении доказательств. Следующим шагом в оптимизации процедуры должно стать закрепление возможности принудительного исполнения судебного определения о содействии третейскому суду.

Ключевые слова: арбитраж (третейское разбирательство); доказывание и доказательства; судебная компетенция по оказанию содействия арбитражам (третейским судам).

NAKHOVA Elena Aleksandrovna,
Doctor of Law,
Associate Professor of the Department of Civil Procedural Law,
North-West Branch of the Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev

IMPLEMENTATION OF THE LAW OF EVIDENCE IN THE ISSUANCE OF JUDICIAL DECISIONS

Annotation. *In this article, the author provides a general overview of the legal regulation of judicial competence to assist arbitral tribunals (arbitral tribunals) in obtaining evidence. The author concludes that a legislative gap precludes the application of this mechanism in ad hoc arbitration proceedings. This imbalance creates inequality in access to procedural guarantees for parties depending on the chosen form of arbitration, which conflicts with the constitutional principle of equality. Furthermore, the right to seek judicial assistance should be granted to arbitral tribunals regardless of the location of the arbitration. This mechanism should be used in both domestic and cross-border arbitration. Furthermore, the author notes that, in particular, procedural legislation lacks a direct reference to the right of a party, with the consent of the arbitral tribunal, to apply to a state court for assistance in obtaining evidence. Such a legislative gap, at the very least, conflicts with the adversarial nature of arbitration proceedings. The author believes it would be appropriate to include a separate chapter in the procedural codes within the section devoted to assistance and oversight of arbitration proceedings by courts of general jurisdiction and arbitration courts. This chapter would detail the procedure for executing arbitral tribunals' requests for evidence. Furthermore, the right of the state court to notify other persons whose rights and legitimate interests may be affected by the execution of an arbitral tribunal's request of the time and place of the court hearing should be legally enshrined, as well as the obligation of the competent court to consider the information they provide when deciding and executing the request. The author concludes that, in parallel, it is necessary to grant such interested persons the right to appeal a court order to assist the arbitral tribunal in obtaining evidence. The next step in streamlining the procedure should be to establish the possibility of compulsory enforcement of a court order to assist the arbitral tribunal.*

Key words: *arbitration (arbitration proceedings); proof and evidence; judicial competence to assist arbitrations (arbitration courts).*

В 2015 году были законодательно закреплены полномочия третейских судов на обращение за содействием в государственный компетентный суд (ст. 63.1 ГПК РФ [12], ст. 74.1 АПК РФ [13]) в случае возникновения необходимости получения доказательств [14]. Законодательство большинства зарубежных стран предусматривает наделение государственных судов определенными полномочиями по содействию и контролю в отношении третейского разбирательства. Нормативное закрепление института содействия и контроля обеспечивает сторонам арбитража процессуальную возможность обращения в государственные суды для урегулирования отдельных вопросов на различных стадиях арбитража. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (1985 г.) лег в основу имплементации рассматриваемого института в национальные правовые системы различных государств [4, с.36-40]. В современной научной литературе не существует единой позиции относительно правовой природы судебной функции содействия третейским судам. Функция судебного содействия арбитражу не носит исключительно вспомогательный характер, поскольку включает в себя элементы контроля. Такой синтез представляется правомерным, так как обеспечивает возможность своевременного реагирования государственной юрисдикции на незаконные действия и злоупотребления правами в ходе третейского разбирательства [10, с.54-62]. По справедливому замечанию Л.А. Тереховой, функция содействия в получении доказательств

содержит в себе выраженные элементы процессуального контроля. Эти элементы проявляются в установленных законом ограничениях, которые можно систематизировать по трем направлениям: 1) ограничение круга уполномоченных судов и допустимых видов средств доказывания; 2) контроль за содержанием запрашиваемой информации с целью недопущения нарушения прав третьих лиц и разглашения охраняемых законом тайн; 3) проверка правомерности самого запроса на предмет его соответствия требованиям арбитрабельности и допустимости доказательств [10, с.54-62]. Статья 30 Закона об арбитраже (третейском разбирательстве) [15] устанавливает процессуальный механизм судебного содействия в истребовании доказательств. Указанная норма предоставляет третейскому суду, администрируемому постоянно действующим арбитражным учреждением, осуществляющему разбирательство, а также стороне (с согласия третейского суда) право на обращение с запросом к компетентному суду об оказании содействия в получении доказательств. Рассмотрение и разрешение указанного запроса компетентным судом, включая возможность отказа в его удовлетворении, осуществляется в установленном процессуальным законодательством Российской Федерации порядке и по предусмотренным им основаниям. Третейский суд, место арбитража которого находится на территории Российской Федерации (за исключением судов ad hoc), при необходимости истребования доказательств для разрешения спора вправе обратиться за содействием в соот-

ветствующий государственный суд по месту нахождения доказательств. Применяемая процедура (в порядке, установленном статьей 57 ГПК РФ либо статьей 66 АПК РФ) и выбор конкретной судебной инстанции (районный суд или арбитражный суд субъекта Федерации) определяются нормами процессуального законодательства, регулирующими компетенцию данных судов. Третейский суд также правомочен передать (выдать) подготовленный запрос стороне разбирательства для его последующего самостоятельного направления данной стороной в компетентный государственный суд. Направляемый запрос должен содержать указание на обстоятельства, подлежащие установлению, а также на конкретные доказательства, подлежащие истребованию. Предметом запроса могут являться письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, а также иные документы и материалы. Исполнение надлежаще оформленного запроса возлагается на суд, которому он адресован, и должно быть осуществлено в срок, не превышающий тридцати дней с момента его получения. Основаниями для отказа в исполнении судебного запроса о содействии в получении доказательств являются: несоответствие предмета запроса законному перечню доказательств, допустимых для истребования в рамках данной процедуры; создание реальной угрозы нарушения прав и охраняемых законом интересов третьих лиц, не являющихся участниками соответствующего третейского разбирательства; связь запроса со спором, отнесенным законом к исключительной компетенции государственных судов (неарбитрабельным спором); представляется обоснованной позиция, согласно которой вывод государственного суда о неарбитрабельности спора, сформулированный в рамках разрешения запроса о судебном содействии, не обладает преюдициальной силой [8]; данный процессуальный механизм создает правовые основания для истребования и предоставления сведений, отнесенных к государственной тайне; служебной, коммерческой, банковской или иной охраняемой законом тайне в отношении лиц, не участвующих в третейском разбирательстве. Отрицательное решение по запросу оформляется судом, его получившим, в виде определения, направляемого в адрес инициировавшего запрос третейского суда. Принятое определение носит окончательный характер и обжалованию не подлежит. Рассмотрение запроса осуществляется в рамках судебного заседания в соответствии с процедурой, регламентированной процессуальным законодательством. Стороны третейского разбирательства уведомляются о времени и месте его проведения. Неявка указанных лиц, надлежащим образом извещенных о времени и месте судеб-

ного заседания, не препятствует его проведению, если это не противоречит существу запроса. По результатам рассмотрения суд выносит определение. В случае удовлетворения запроса данное определение вместе с истребованными материалами в трехдневный срок направляется в третейский суд либо при наличии прямой оговорки в запросе, передается стороне арбитража, представившей его. Если исполнение объективно невозможно, данное обстоятельство отражается в мотивировочной части определения. Институциональное закрепление указанных процедурных норм в обновленном законодательстве об арбитраже и процессуальных кодексах основывается на апробированных практикой международного коммерческого арбитража моделях. Общие положения оказания судебного содействия международному коммерческому арбитражу со стороны государственных судов закреплены в статье 27 Закона Российской Федерации от 7 июля 1993 года № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» [16]. В практике МКАС при ТПП РФ положения статьи 27 Закона о международном коммерческом арбитраже находили свое практическое применение. Так, например, в практике арбитража имели место случаи, когда стороне (истцу) предоставлялось право обратиться в компетентный государственный суд за содействием в истребовании доказательств, а для реализации данного права разбирательство в МКАС в другом деле подлежало отложению [6]. Существовал и противоположный подход, при котором арбитражи отказывали в удовлетворении подобных ходатайств. Основаниями для отказов служили, во-первых, необходимость соблюдения процессуальных сроков, установленных регламентом для представления доказательств и рассмотрения дела, а во-вторых, наличие у сторон права на самостоятельное обращение в государственный суд за судебным содействием [5]. Практика реализации запросов внутреннего арбитража компетентным судом в России незначительна [17]. Комплексный анализ действующего процессуального законодательства, доктринальных положений и сложившейся судебной практики позволяет выявить ряд проблем правового регулирования в исследуемой сфере. Действующее правовое регулирование ограничивает право на обращение за судебным содействием в получении доказательств случаями институционального арбитража. Таким образом, в законодательстве присутствует пробел, исключающий применение указанного механизма в рамках третейского разбирательства *ad hoc* [8]. В случае соответствия запроса нормам действующего законодательства, его направление становится обязательным для государственного суда [9, с.51-57]. Сложившееся в

правовом регулировании различие между процессуальными статусами арбитража *ad hoc* и арбитража, администрируемого постоянно действующим учреждением, лишено позитивного обоснования и должно быть охарактеризовано как правовой недостаток. Этот дисбаланс порождает неравенство сторон в доступе к процессуальным гарантиям в зависимости от избранной формы третейского разбирательства, что вступает в противоречие с конституционным принципом равенства. В связи с изложенным, в действующее законодательство требуются внесение соответствующих изменений. При этом действие указанной нормы обусловлено местом проведения арбитража в Российской Федерации и не зависит от регламента конкретного арбитражного института, администрирующего разбирательство. Нормы о судебном содействии применяются к разбирательствам по регламенту иностранного арбитражного института исключительно при условии, что данный институт получил разрешение Правительства РФ и, следовательно, признается в качестве постоянно действующего арбитражного учреждения в соответствии с российским законодательством о третейских судах. В противном случае, если местом арбитража является иностранное государство, российский суд не уполномочен оказывать соответствующее процессуальное содействие третейскому суду [8]. Сравнительный анализ показывает, что в праве ряда зарубежных государств, например, Германия, Австрия, США, право на обращение за судебным содействием предоставлено третейским судам независимо от места проведения арбитража. Данный механизм может использоваться как при внутреннем, так и при трансграничном арбитраже, что закреплено, в частности, в § 1025(2) и 1050 Гражданского процессуального уложения Германии, § 577(2) и 602 Гражданского процессуального уложения Австрии, § 1782 Раздела 28 Кодекса США [8]. В целях совершенствования правового регулирования представляется целесообразным учесть позитивный зарубежный опыт и имплементировать соответствующие положения в российское законодательство об арбитраже (третейском разбирательстве). Отдельного внимания требует проблема унификации формулировок, содержащихся в процессуальных кодексах и статье 30 Закона об арбитраже. В частности, в процессуальном законодательстве отсутствует прямое указание на право стороны, с согласия арбитража, обратиться в государственный суд за содействием в истребовании доказательств. Подобный законодательный пробел, по меньшей мере, вступает в противоречие с принципом состязательности третейского разбирательства, закрепленным в статье 18 названного Закона. В литературе высказана позиция на необ-

ходимость закрепления такого права стороны третейского разбирательства [5; 3, с. 274-294; 2, с. 103-117]. Вместе с тем, судебная практика исходит из того, что «не исключается возможность рассмотрения судом вопроса об обеспечении доказательств по заявлению стороны третейского разбирательства» [11, с. 127-154] [18].

Порядок исполнения государственным судом запроса третейского суда определяется по правилам статей 57 ГПК РФ или 66 АПК РФ, с учетом специальных положений, установленных статьями 63.1 ГПК РФ и 74.1 АПК РФ соответственно. По итогам рассмотрения запроса суд выносит определение, которое имеет окончательный характер и обжалованию не подлежит. Представляется обоснованным внести в процессуальные кодексы отдельную главу в рамках раздела, посвященного содействию судов общей юрисдикции и арбитражных судов третейскому разбирательству и контролю над ним, которая детально регламентировала бы процедуру исполнения запросов третейских судов об истребовании доказательств. Кроме того, следует законодательно закрепить право государственного суда извещать о времени и месте судебного заседания иных лиц, чьи права и законные интересы могут быть затронуты исполнением запроса арбитража [8]. Параллельно необходимо предоставить таким заинтересованным лицам право на обжалование судебного определения об оказании содействия третейскому суду в получении доказательств. Следующим шагом в оптимизации процедуры должно стать закрепление возможности принудительного исполнения судебного определения о содействии третейскому суду. Это обусловлено выявленной на практике проблемой неисполнения таких актов отдельными органами и должностными лицами, которая сохраняется несмотря на применение к ним штрафных санкций. В доктрине обосновывается необходимость законодательной корректировки действующей модели судебного содействия в получении доказательств для третейского разбирательства. На основе анализа французского опыта и отечественной процедуры обеспечения иска предлагается внедрение двухэтапного механизма обращения сторон за указанным содействием. Данная гибридная модель призвана синтезировать преимущества различных существующих подходов к реализации судами содействующих функций [5]. Следует также констатировать, что сфера судебного содействия в рамках действующего регулирования не распространяется на все виды доказательств, предусмотренные процессуальными кодексами. Значительным пробелом, в частности, является отсутствие механизма получения свидетельских показаний при содействии государственного суда, что представ-

ляет собой существенный недостаток правовой регламентации данной процедуры. Сравнительно-правовой анализ показывает, что законодательство ряда государств включает в механизм судебного содействия такую форму, как получение свидетельских показаний, например, статья 44 Английского закона об арбитраже 1996 года, параграф 1050 Гражданского процессуального уложения Германии. Так, в соответствии с параграфом 1050 германского Гражданского процессуального уложения, компетентный государственный суд по запросу арбитража или стороны (с санкции арбитража) уполномочен провести допрос свидетеля. При этом арбитры сохраняют право присутствовать на данном судебном заседании и участвовать в допросе, задавая вопросы [6; 8]. В доктрине обоснованно указывается на отсутствие в российском процессуальном законодательстве специальных норм, регламентирующих обеспечение доказательств до или после обращения в третейский суд, что снижает процессуальную эффективность данной меры. В данной связи механизм, предусмотренный в арбитражном процессуальном законодательстве, представляется более предпочтительным, поскольку он в большей степени гарантирует защиту процессуальных прав сторон [5].

В литературе выделены и другие недостатки правового регулирования процессуальной формы оказания содействия арбитражам (третейским судам) в истребовании доказательств:

1) отсутствие законодательного закрепления «базовых правил, которые должны предъявляться к тексту запроса об истребовании, а также не содержат перечня документов, который следует к нему приложить, отсутствие в связи с изложенным института оставления без движения и возвращения указанного запроса» [3, с. 274-294];

2) «базовая идея невмешательства государства в третейское разбирательство - по существу не работает при обращении за содействием по вопросу истребования доказательств. Суд, при поступлении заявления о содействии, должен рассмотреть его ровно так же, как и ходатайство об истребовании доказательств, заявленное в рамках разрешения гражданского дела по правилам процессуального законодательства» [3, с. 274-294];

3) действие принципа конфиденциальности и его неоднородное содержание не действует при исполнении запроса государственным судом: доступными становятся сведения не только о сторонах арбитража, о заявленном требовании и цене иска, но и о доказательствах, которые должны быть исследованы и оценены третейским судом при рассмотрении дела [3, с. 274-294];

4) отсутствие единообразных подходов в практике судов общей и арбитражной юрисдикции [7, с. 180-188];

5) «в настоящее время процессуальный статус третейского суда как лица, направляющего в государственный суд запрос о содействии в получении доказательств, законодательно не определен» [1, с. 169-175; 2, с. 103-117];

6) не закреплено на законодательном уровне «право компетентного суда приглашать арбитров на судебные заседания по делам об исполнении запросов, и право арбитров отслеживать назначение таких заседаний в картотеке дел соответствующих судов и принимать в них личное участие» [1, с. 169-175; 2, с. 103-117];

7) отсутствие законодательной регламентации механизма истребования доказательств, находящихся за границей в рамках соответствующей процедуры [1, с. 169-175; 2, с. 103-117];

8) потенциальная возможность расширения на законодательном уровне перечня доказательств, которые могут быть истребованы в рамках соответствующей процедуры (например, свидетельские показания, показания эксперта) [1, с. 169-175; 2, с. 103-117] и другие.

Таким образом, можно заключить, что действующая процессуальная модель судебного содействия в истребовании доказательств для нужд третейского разбирательства требует существенной доработки. Ее совершенствование должно основываться на синтезе апробированных зарубежных правовых подходов и учете складывающейся практики отечественного внутреннего арбитража.

Список литературы:

[1] Андреев Д.А. Проблемы взаимодействия третейских и государственных судов в контексте Постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвященного третейскому разбирательству // Третейский суд. 2020. № 1/2. С. 169 - 175.

[2] Андреев Д.А. Содействие государственных судов третейским судам в получении доказательств // Третейский суд. 2021. № 2. С. 103 - 117.

[3] Артемова Ю.С. Процессуальные формальности, затрудняющие содействие государственного суда арбитражу // Вестник гражданского процесса. 2024. № 6. С. 274 - 294.

[4] Горленко А.А., Кролл М.Э. Новые нормы процессуального законодательства о содействии и контроле в отношении арбитража. Отражение в новых арбитражных регламентах // Судья. 2018. № 8. С. 36 - 40.

[5] Зверева Н.С. Взаимодействие альтернативных методов урегулирования споров и гражданских судов

данского судопроизводства в праве России и Франции / под ред. В.В. Яркова. М.: Статут, 2017. 384 с.

[6] Курочкин С.А. Государственные суды в третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже. М.: Волтерс Клувер, 2008. 296 с.

[7] Можиян С.А. Особенности исполнения государственными судами запросов об оказании содействия в получении доказательств третейским судам // Арбитражные споры. 2024. № 3. С. 180 - 188.

[8] Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / М.Н. Акуев, М.А. Акчурина, Т.К. Андреева и др.; под общей ред. В.В. Хвалея. М.: РАА, 2017. 935 с.

[9] Сорокин В.П. Изменение правового регулирования размера государственной пошлины при обращении в суд как продолжение российской третейской реформы // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2018. № 1. С. 51 - 57.

[10] Терехова Л.А. Выполнение судами функций содействия в отношении третейских судов // Вестник гражданского процесса. 2016. № 6. С. 54 - 62.

[11] Черникова И.В. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» и судебная практика его применения // Арбитражные споры. 2021. № 1. С. 127 - 154.

[12] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Российская газета. № 220. 20.11.2002. // СПС КонсультантПлюс.

[13] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Российская газета. № 137. 27.07.2002. // СПС КонсультантПлюс.

[14] Федеральный закон от 29.12.2015 № 409-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Российская газета. № 297. 31.12.2015.

[15] Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 08.08.2024 № 251) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Российская газета. № 297. 31.12.2015.

[16] Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 (ред. от 30.12.2021) «О международном коммерческом арбитраже» (вместе с «Положением о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации», «Положением о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации») // Российская газета. № 156. 14.08.1993.

[17] Определение Арбитражного Суда Республики Татарстан от 04 октября 2017 года по делу № А65-28191/2017// URL: <http://tatarstan.arbitr.ru/> (дата обращения 22.01.2026).

[18] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Российская газета. № 291. 25.12.2019.

References:

[1] Andreev D.A. Problems of interaction between arbitration and state courts in the context of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dedicated to arbitration proceedings // Arbitration court. 2020. No. 1/2. pp. 169-175.

[2] Andreev D.A. Assistance of state courts to arbitration courts in obtaining evidence // Arbitration court. 2021. No. 2. pp. 103-117.

[3] Artemova Yu.S. Procedural formalities that hinder state court assistance to arbitration // Bulletin of civil procedure. 2024. No. 6. pp. 274-294.

[4] Gorlenko A.A., Kroll M.E. New norms of procedural legislation on assistance and control in relation to arbitration. Reflection in the new arbitration rules // Judge. 2018. No. 8. pp. 36-40.

[5] Zvereva N.S. Interaction of Alternative Dispute Resolution Methods and Civil Procedure in the Law of Russia and France / edited by V.V. Yarkov. Moscow: Statut, 2017. 384 p.

[6] Kurochkin S.A. State Courts in Arbitration Proceedings and International Commercial Arbitration. Moscow: Wolters Kluwer, 2008. 296 p.

[7] Mozhilyan S.A. Features of the Execution of Requests for Assistance in Obtaining Evidence by Arbitration Courts by State Courts // Arbitration Disputes. 2024. No. 3. pp. 180-188.

[8] Scientific and Practical Article-by-Article Commentary on the Legislation on Arbitration Courts / M.N. Akuev, M.A. Akchurina, T.K. Andreeva, et al.; edited by V.V. Khvalei. Moscow: RAA, 2017. 935 p.

[9] Sorokin V.P. Changes in the legal regulation of the amount of state fees when applying to court as

a continuation of the Russian arbitration reform // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2018. No. 1. pp. 51-57.

[10] Terekhova L.A. Performance of assistance functions by courts in relation to arbitration courts // Bulletin of civil procedure. 2016. No. 6. pp. 54-62.

[11] Chernikova I.V. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.12.2019 No. 53 "On the Performance by the Courts of the Russian Federation of the Functions of Assistance and Control in Relation to Arbitration Proceedings, International Commercial Arbitration" and the Judicial Practice of its Application // Arbitration Disputes. 2021. No. 1. pp. 127-154.

[12] Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 15.12.2025, as amended on 22.12.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2026) // Rossiyskaya Gazeta. No. 220. 20.11.2002. // SPS ConsultantPlus.

[13] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24.07.2002 No. 95-FZ (as amended on 15.12.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2026) // Rossiyskaya Gazeta. No. 137.27.07.2002. // SPS ConsultantPlus.

[14] Federal Law of 29.12.2015 No. 409-FZ (as amended on 03.07.2016) "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Recognition as Invalid of Clause 3 of Part 1 of Article

6 of the Federal Law "On Self-Regulatory Organizations" in Connection with the Adoption of the Federal Law "On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. No. 297. 31.12.2015.

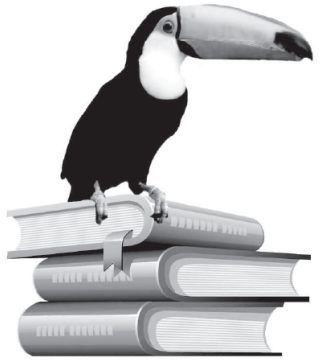
[15] Federal Law of 29.12.2015 No. 382-FZ (as amended on 08.08.2024 No. 251) "On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. No. 297. 31.12.2015.

[16] Law of the Russian Federation of 07.07.1993 No. 5338-1 (as amended on 30.12.2021) "On International Commercial Arbitration" (together with the "Regulations on the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation", "Regulations on the Maritime Arbitration Commission at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation") // Rossiyskaya Gazeta. No. 156. 14.08.1993.

[17] Determination of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan dated 04 October 2017 in case No. A65-28191/2017// URL: [http://tatarstan.arbitr.ru/\(date of access 22.01.2026\)](http://tatarstan.arbitr.ru/(date of access 22.01.2026)).

[18] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.12.2019 No. 53 "On the performance by the courts of the Russian Federation of the functions of assistance and control in relation to arbitration proceedings, international commercial arbitration" // Rossiyskaya Gazeta. No. 291. 25.12.2019.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-462-467

ТРУСОВА Елена Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя,
Россия, Москва,
e-mail: etrus.elena@yandex.ru

СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПСИХОПАТИЙ

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам судебно-психиатрической экспертной практики в отношении лиц с расстройствами личности психопатического круга. В работе рассматривается недостаточность традиционных клинико-нозологических оценок для решения экспертных задач и обосновывается необходимость перехода к функционально-динамическому анализу. Особое внимание уделяется влиянию структурно-динамических особенностей психопатической личности в криминально значимый период на способность к осознанию фактического характера и общественной опасности своих действий, а также к волевому контролю над ними. Автор подчеркивает, что ключевым фактором для экспертного заключения является не сам по себе диагноз, а глубина и специфика дезинтеграции психической деятельности в момент правонарушения. На основе проведенного анализа предлагаются принципы комплексной оценки, сочетающей клинико-психопатологический, психологический и ретроспективный анализ, направленные на повышение объективности и доказательности судебно-психиатрических выводов. Результаты исследования имеют важное значение для совершенствования экспертной практики и судебного правоприменения.

Ключевые слова: судебно-психиатрическая экспертиза, психопатии, расстройства личности, вменяемость, ограниченная вменяемость, невменяемость, экспертная оценка, осознание действий, способность руководить действиями, криминальная ситуация.

TRUSOVA Elena Anatolyevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia

FORENSIC PSYCHIATRIC ASSESSMENT OF PSYCHOPATHIES

Annotation. This article addresses current issues in forensic psychiatric assessments of individuals with psychopathic personality disorders. The paper examines the inadequacy of traditional clinical and nosological assessments for resolving expert problems and substantiates the need to transition to functional-dynamic analysis. Particular attention is paid to the influence of the structural and dynamic characteristics of a psychopathic personality during the criminally significant period on the ability to understand the actual nature and social danger of one's actions, as well as to exert volitional control over them. The author emphasizes that the key factor in an expert opinion is not the diagnosis itself, but the depth and specificity of the disintegration of mental activity at the time of the offense. Based on the conducted analysis, principles of a comprehensive assessment are proposed, combining clinical, psychopathological, psychological, and retrospective analysis, aimed at increasing the objectivity and evidence-based nature of forensic psychiatric findings. The results of the study are of significant importance for improving expert practice and judicial law enforcement.

Key words: forensic psychiatric examination, psychopathy, personality disorders, sanity, limited sanity, insanity, expert assessment, awareness of actions, ability to direct actions, criminal situation.

Введение

Актуальность проблемы судебно-психиатрической оценки лиц с расстройствами личности психопатического круга обусловлена их значительной представленностью в криминальной среде и сложностью экспертной диагностики. Психопатии, как стойкие аномалии характера, занимают пограничное положение между психической болезнью и психическим здоровьем, что порождает непрекращающиеся дискуссии в теории и практике судебной психиатрии. Ключевые трудности связаны с установлением влияния данных расстройств на способность лица в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими в момент инкриминируемого деяния. Неоднозначность экспертных решений в отношении данной категории обследуемых определяет необходимость дальнейшего углубленного изучения критериев их оценки.

Целью данной работы является комплексный анализ методологических и клинко-критериальных основ судебно-психиатрической экспертизы при психопатиях. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: систематизировать современные критерии и методологические подходы к диагностике психопатий в экспертной практике; исследовать влияние структурно-динамических особенностей конкретного типа психопатии (степени выраженности, фазы декомпенсации, наличия сопутствующих расстройств) на глубину нарушений критических и волевых функций.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе, объединяющем клинко-динамический анализ психопатии с требованиями уголовно-правового критерия невменяемости. Работа направлена на преодоление формального, «статистического» подхода к оценке психопатий через детализацию связи между конкретными структурными компонентами расстройства личности (аффективным, когнитивным, волевым) и степенью нарушения способности к осознанно-волевой регуляции поведения в юридически значимой ситуации.

Материалы и методы исследований

Методологической основой исследования выступили принципы отечественной судебной психиатрии, системный и клинко-динамический подходы. В качестве материалов для теоретического анализа использованы современные научные публикации в рецензируемых отечественных и зарубежных журналах, монографии ведущих специалистов в области судебной психиатрии и психологии личности, руководящие методические материалы, а также положения действующего уго-

ловного законодательства Российской Федерации. Основными методами исследования являются: сравнительно-аналитический метод для изучения и систематизации существующих диагностических критериев; метод структурно-динамического анализа клинических наблюдений; логико-юридический метод для сопоставления клинических феноменов с правовыми конструкциями.

Результаты и обсуждения

1. Критерии и методологические подходы к судебно-психиатрической диагностике психопатий

При судебно-психиатрической оценке психопатия отличается от нормы или акцентуаций характера тем, что её патологические черты проявляются постоянно и всесторонне, что приводит к проблемам в обществе. При экспертизе важно смотреть на это не как на что-то застывшее, а как на процесс взаимодействия человека и преступной ситуации. Лучше анализировать не психопатию в целом, а конкретное психопатическое состояние в прошлом. Это состояние включает в себя несколько связанных факторов: насколько сильно нарушена психика, какие именно эмоциональные проблемы есть (тревога, плохое настроение, перепады эмоций), насколько сужено или затуманено сознание, насколько хорошо человек понимает и предвидит последствия. Эти факторы показывают, как сильно особенности личности повлияли на способность человека понимать, что он делает и насколько это опасно для общества, а также на его способность контролировать свои действия.

В данном случае очень важно разделять психопатическую личность и психопатическую реакцию. Первое – это про врождённые черты или приобретённый характер, а второе – про острое состояние, когда человек срывается и у него проявляются разные психические отклонения [8, с. 93-94].

При оценке с точки зрения психиатрии и права главное – анализировать именно психопатическую реакцию, её структуру и насколько она сильная. К примеру, если у человека истерическая реакция и ему кажется, что он умирает, или он вообще впадает в ступор, это совсем другое дело, чем когда истерик просто привлекает к себе внимание, но в целом ведёт себя нормально. Аналогично, если у человека с неустойчивой психикой случается приступ ярости и он теряет контроль над собой, это нужно оценивать иначе, чем если он заранее всё спланировал и совершил агрессивное действие, исходя из своих особенностей характера.

Это приводит к центральной методологической проблеме – дифференциации вменяемости, ограниченной вменяемости и невменяемости. Применение критерия невменяемости к психопатиям правомерно лишь в исключительных случаях, когда психопатическая реакция достигает психотического уровня. Речь может идти о тяжелых реактивных состояниях (депрессии, параноиды) с бредовыми интерпретациями, глубоких диссоциативных расстройствах (сумеречные состояния неэпилептического генеза), где происходит кардинальное, качественное нарушение отражения реальности. Гораздо более частой и сложной является задача обоснования ограниченной вменяемости. Её констатация не может быть автоматическим следствием установленного диагноза психопатии. Она требует доказательства причинно-следственной связи: необходимо показать, как конкретные структурные особенности личностного дефекта (например, эмоциональная неустойчивость, ригидность аффекта, патологический склад мышления) в условиях конкретной психотравмирующей ситуации привели не просто к асоциальному поведению, а к существенному, но не полному, снижению возможности осознавать и/или руководить своими действиями [3, с. 102]. Методологически это достигается путем ретроспективного психопатологического анализа, изучения материалов дела, свидетельствующих о поведении до, во время и после правонарушения, и данными экспериментально-психологического исследования, выявляющего актуальную структуру психических процессов.

2. Влияние структурно-динамических особенностей психопатии на способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий

Способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, являющаяся интеллектуальным компонентом вменяемости, при психопатиях не нарушается тотально, как при психотических расстройствах. Её дефицит носит избирательный, парциальный и ситуационно-обусловленный характер, что напрямую вытекает из специфики структурно-динамической организации психопатической личности. Ключевым для понимания этого влияния является не статический набор патологических черт, а анализ их динамики в момент криминальной ситуации, когда под воздействием внутреннего напряжения или внешних обстоятельств происходит декомпенсация, обнажающая и искажающая базовые механизмы восприятия, оценки реальности и прогноза последствий [5, с. 18].

Структурные особенности личности, такие как ригидность аффекта и мышления, присущие

паранойальным психопатам, формируют специфический фильтр восприятия. В состоянии декомпенсации сверхценные идеи ревности, сутяжничества или изобретательства приобретают характер доминирующего, тотально захватывающего сознание переживания. Фактический характер действий субъект осознаёт (например, понимает, что наносит удар ножом), однако смысловая, социальная оценка этого действия подменяется его восприятием через призму сверхценного комплекса. Действие оценивается не как общественно опасное посягательство, а как акт «восстановления справедливости», «самозащиты от преследователей» или «наказания изменщика». Таким образом, формальное знание о запретности уступает место субъективной, патологически искажённой логике, что существенно ограничивает полноту осознания общественной опасности.

У возбудимых (эксплозивных) психопатов ведущим динамическим фактором выступает катастрофически нарастающий аффект гнева или ярости, сопровождающийся сужением сознания. В кульминационной фазе аффективного взрыва происходит регресс психической деятельности, при котором способность к сложной переработке информации, взвешиванию альтернатив и прогнозу отдалённых последствий резко снижается. Сознание фокусируется на сиюминутном устранении источника фрустрации. В таком состоянии субъект может осознавать непосредственный физический характер своих действий, но их социальный смысл и отдалённая опасность вытесняются из поля актуального осознания. Способность к абстрактной оценке «общественной опасности» блокируется конкретно-ситуативным, биологически окрашенным стремлением к разрядке напряжения.

Иная картина наблюдается у истерических психопатов, для которых структурной доминантой является потребность в признании, демонстративность и склонность к психогенным реакциям. В кризисной ситуации, воспринимаемой как удар по самооценке или угроза потере внимания, может развиваться острая истерическая реакция с явлениями суженного сознания или диссоциации. В этих состояниях, часто внешне драматичных, совершаемые действия могут быть направлены не на достижение конкретного преступного результата, а на демонстрацию страдания, мести или привлечение сочувствия. Осознание фактического характера действий может быть искажено их символическим, «игровым» значением для личности, а понимание общественной опасности — отодвинуто на второй план более актуальной внутриличностной драмой, разыгрываемой перед реальной или воображаемой аудиторией [4, с. 504].

У психопатов неустойчивого и астенического круга способность к осознанию часто подрывается не грубыми искажениями, а хроническим дефицитом волевой регуляции и прогностической функции. Их действия носят импульсивный, подчинённый сиюминутным желаниям или, наоборот, пассивно-зависимый характер. Осознание опасности может присутствовать на абстрактном уровне, но оно не приобретает качества реального, внутреннего запрета, способного структурировать поведение [9, с. 57]. Для них характерен разрыв между знанием социальных норм и невозможностью применить это знание в ситуации выбора, когда доминируют примитивные влечения или страх перед окружением.

Таким образом, влияние структурно-динамических особенностей психопатии на интеллектуальный критерий вменяемости проявляется не в утрате знания о нормах, а в сложном механизме их «отключения» или патологической трансформации в момент правонарушения [6, с. 33]. Это происходит путём сужения сознания под влиянием аффекта, подмены объективной социальной оценки субъективной патологической логикой сверхценного образования, диссоциативного искажения смысла действий или хронической неспособности актуализировать знание норм в качестве реального регулятора. Следовательно, судебно-психиатрическая оценка должна быть направлена на реконструкцию не того, знал ли субъект формально о запрете, а того, как именно работали его сознание и мышление в конкретный момент времени, и каким образом структурные личностные аномалии, актуализированные в динамике декомпенсации, определили качество и глубину осознания содеянного.

3. Проблемы разграничения вменяемости, ограниченной вменяемости и невменяемости у лиц с расстройствами личности психопатического круга

Дифференциальная диагностика вменяемости, ограниченной вменяемости и невменяемости у лиц с психопатиями представляет собой одну из наиболее сложных и дискуссионных задач судебной психиатрии. Эта сложность коренится в самой природе расстройств личности, которые, в отличие от психозов, не предполагают глобального распада психических функций, а характеризуются дисгармонией и ригидностью эмоционально-волевой и поведенческой сферы. Ключевая проблема заключается в необходимости квалифицировать не статический диагноз, а степень и качество влияния этой дисгармонии на конкретные способности, составляющие юридический критерий, в момент совершения инкриминируемого деяния. При этом границы между состояниями являются

не чёткими категориями, а континуумом, что требует от эксперта тонкого и аргументированного анализа.

Невменяемость при психопатиях является исключительным, а не рядовым выводом. Её правомерная констатация возможна лишь в тех случаях, когда в рамках психопатической декомпенсации развивается состояние, достигающее психотического уровня и кардинально меняющее сознание и критику субъекта. Речь идёт о тяжёлых психогенных реактивных психозах (например, параноиде, депрессии с бредовыми идеями самообвинения или преследования), острых транзиторных диссоциативных расстройствах с сумеречным помрачением сознания, где личность утрачивает способность адекватно отражать реальность [2, с. 5]. В этих ситуациях патологическое расстройство психики носит не характер усиления или искажения личностных черт, а представляет собой качественно новое, болезненное состояние, при котором интеллектуальный критерий (осознание) нарушается тотально: действия субъекта полностью определяются бредовой логикой или суженным сознанием. Основная методологическая ошибка здесь — смешение глубокой, но не психотической, аффективной реакции с психозом.

Значительно более частой и методологически неоднозначной является проблема разграничения вменяемости и ограниченной вменяемости (ст. 22 УК РФ) [1]. Ограниченная вменяемость не является «половинчатой» или «уменьшенной» невменяемостью; это самостоятельное правовое понятие, констатирующее, что хроническое психическое расстройство (коим является психопатия) не исключало, но существенно ограничивало способность осознавать или руководить. Основная трудность — доказать не просто наличие расстройства, а наличие причинно-следственной связи между конкретными структурными дефектами личности и конкретным ограничением психических функций в криминальной ситуации. Формальный подход, при котором сам диагноз психопатии автоматически влечёт вывод об ограниченной вменяемости, недопустим и дискредитирует саму идею этого правового института.

Критерием для вывода об ограниченной вменяемости должно служить доказанное существенное, но не полное, снижение регуляторных возможностей [10, с. 42]. Например, у возбудимого психопата в состоянии аффективной вспышки способность к волевому контролю может быть резко ослаблена импульсивностью и сужением сознания, однако при этом сохраняется, хоть и искажённо, осознание фактического характера действий. У паранойяльного психопата, действующего под влиянием сверхценной идеи, может быть грубо искажено осознание общественной

опасности (действие воспринимается как спрavedливое), но при этом полностью сохранена способность к сложному планированию и контролю исполнения. Задача эксперта — выявить этот дисбаланс, показав, какое именно звено в структуре осознанно-волевой деятельности оказалось дефектным и насколько. Важным признаком является ситуационная обусловленность этого снижения: способности ограничиваются не «вообще», а именно в условиях психотравмирующей, фрустрирующей или конфликтной ситуации, актуализировавшей личностную уязвимость.

Вменяемость при психопатиях констатируется тогда, когда личностные аномалии, хотя и обусловили противоправный способ реагирования, не привели к существенному ограничению способности осознать или руководить. Это характерно для многих криминальных действий, совершаемых в состоянии относительной компенсации, где патологические черты (агрессивность, безэмоциональность, манипулятивность) выступают не как фактор, разрушающий регуляцию, а как её личностное содержание. Преступление в этом случае является закономерным, хотя и асоциальным, способом реализации устойчивых моделей поведения, а не следствием временного срыва адаптационных механизмов. Разграничение здесь проходит по линии анализа мотивации, планирования, поведения после деяния и данных о глубине аффективных нарушений в инкриминируемый период.

Выводы

Настоящее исследование позволило сформулировать ряд ключевых выводов, касающихся актуальных проблем судебно-психиатрической оценки лиц с расстройствами личности психопатического круга. В ходе анализа установлено, что традиционные диагностические критерии психопатий, будучи необходимым основанием, оказываются недостаточными для решения экспертных задач в уголовном процессе. Центральным вопросом остается не констатация наличия личностной аномалии, а определение степени и характера ее влияния на психические функции, непосредственно связанные со способностью к осознанно-волевой регуляции противоправных действий.

Проведенный анализ подтверждает, что решающее значение для экспертного заключения имеет оценка структурно-динамических особенностей психопатии в кризисный период, связанный с совершением инкриминируемого деяния. Установлено, что глубина и тотальность дезинтеграции личности, выраженность аффективных нарушений и уровень социальной дезадаптации в конкретный временной отрезок являются более значимыми факторами, чем статичный диагноз [7,

с. 9]. Именно эти параметры определяют способность субъекта в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Особое внимание в работе уделено методологической сложности разграничения состояний вменяемости, ограниченной вменяемости и невменяемости. Доказано, что применение критерия ограниченной вменяемости к психопатиям не должно носить формального характера и требует доказательства причинно-следственной связи между структурой личностного дефекта и конкретным снижением регуляторных возможностей в криминальной ситуации. Невменяемость может быть констатирована лишь в исключительных случаях при развитии глубоких, психотического уровня реактивных состояний, кардинально меняющих сознание и критику.

Таким образом, судебно-психиатрическая оценка психопатий должна базироваться на комплексном, динамическом и функциональном подходе, выходящем за рамки нозологической диагностики. Перспективным направлением представляется дальнейшая разработка и стандартизация психологических и патопсихологических методик, направленных на объективную оценку состояния высших психических функций в ретроспективном аспекте, что позволит повысить доказательность и объективность экспертных решений в данной сложной и социально значимой области.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // СПС КонсультантПлюс.
- [2] Баева А. С., Васюков С. А. Расстройства личности и их судебно-психиатрическая оценка в рамках критерия «Иное болезненное состояние психики» ст. 21 УК РФ // Российский психиатрический журнал. 2009. С. 4-9.
- [3] Булыгина В.Г., Кудрявцев И.А. Психологические основы профилактики опасных действий психически больных. М.: Спринтер, 2016. 418 с.
- [4] Герасимов М.В. Психолого-педагогическая безопасность в системе профессионального обучения: вызов современности и инновационные решения // Образование и право. — 2025. — № 7. — С. 499–504.
- [5] Горинов В. В., Корзун Д. Н., Васюков С. А., Илюшина Е. А., Шеховцова Е. С. Клинические и судебно-психиатрические аспекты смешанного расстройства личности // Российский психиатрический журнал. 2017. С. 17-22.
- [6] Кудрявцев И. А. Теоретические и экспертные аспекты развития концепции психопатиче-

ских расстройств личности // Российский психиатрический журнал. 2020. С. 30-37.

[7] Рязанова А.Ю. Дифференциальная психодиагностика основных вариантов органического расстройства личности при военноврачебной экспертизе подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук / А.Ю. Рязанова. -СПб., 2009. 26 с.

[8] Смулевич А.Б. Расстройства личности. Траектория в пространстве психической и соматической патологии. М.: МИА, 2012. 336 с.

[9] Черявко Е. Д. Предупреждение и пресечение незаконного оборота огнестрельного оружия - необходимая мера по борьбе с преступностью // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). 2024. Т. 10, № 2(26). С. 55-63.

[10] Шостакович Б.В. Расстройства личности (психопатии) в судебно-психиатрической практике. М., 2006. 372 с.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 29.12.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 20.01.2026) // SPS ConsultantPlus.

[2] Baeva A.S., Vasyukov S.A. Personality disorders and their forensic psychiatric assessment within the framework of the criterion "Other morbid mental state" of Article 21 of the Criminal Code of the Russian Federation // Russian Psychiatric Journal. 2009. pp. 4-9.

[3] Bulygina V.G., Kudryavtsev I.A. Psychological foundations for the prevention of dangerous

actions of the mentally ill. Moscow: Sprinter, 2016. 418 p.

[4] Gerasimov M.V. Psychological and pedagogical safety in the system of vocational training: the challenge of modern times and innovative solutions // Education and Law. - 2025. - No. 7. - P. 499-504.

[5] Gorinov V. V., Korzun D. N., Vasyukov S. A., Ilyushina E. A., Shekhovtsova E. S. Clinical and forensic psychiatric aspects of mixed personality disorder // Russian Journal of Psychiatry. 2017. Pp. 17-22.

[6] Kudryavtsev I. A. Theoretical and expert aspects of the development of the concept of psychopathic personality disorders // Russian Journal of Psychiatry. 2020. Pp. 30-37.

[7] Ryazanova A. Yu. Differential psychodiagnostics of the main variants of organic personality disorder during military medical examination of adolescents: author's abstract. diss. ... cand. psychology. Sciences / A. Yu. Ryazanova. - St. Petersburg, 2009. 26 p.

[8] Smulevich A. B. Personality Disorders. Trajectory in the Space of Mental and Somatic Pathology. Moscow: MIA, 2012. 336 p.

[9] Cheryavko E. D. Prevention and Suppression of Illegal Firearms Trafficking - a Necessary Measure to Combat Crime // Novelty. Experiment. Traditions (N. Ex. T). 2024. Vol. 10, No. 2(26). P. 55-63.

[10] Shostakovich B. V. Personality Disorders (Psychopathy) in Forensic Psychiatric Practice. Moscow, 2006. 372 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-468-470

ВАЛЕЕВА Гузель Анваровна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
e-mail: info@law-books.ru

О ЕДИНСТВЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ИНСТИТУТОВ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ И МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. Анализируются процессуальная и материально-правовая ответственность в аспекте их единства и взаимодействия. Обосновывается, что единство и взаимодействие процессуальной и материально-правовой ответственности проявляется на уровне наличия у них общих функций и целей. Кроме того, взаимодействие характеризуется основанностью на единых принципах, использованием общих норм-дефиниций. Кроме того, при помощи отношений процессуальной ответственности обеспечивается движение материально-правовых отношений юридической ответственности.

Ключевые слова: процессуальная ответственность, юридическая ответственность, материально-правовая ответственность, функции ответственности, взаимодействие и единство.

VALEEVA Guzel Anvarovna,
Candidate of historical sciences, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law
Kazan (Volga Region) Federal University

ON THE UNITY AND INTERACTION OF PROCEDURAL AND SUBSTANTIVE LIABILITY

Annotation. Procedural and substantive liability are analyzed in terms of their unity and interaction. It is substantiated that the unity and interaction of procedural and substantive liability is manifested in their shared functions and goals. Furthermore, this interaction is characterized by being based on common principles and the use of common definitional norms. Furthermore, procedural liability relationships facilitate the development of substantive legal liability relationships.

Key words: procedural liability, legal liability, substantive liability, liability functions, interaction and unity.

В последние годы в связи с изменением общественных отношений, а также действующего законодательства в сфере регулирования юрисдикционного процесса, существенно развился межотраслевой институт процессуальной ответственности. Согласно существующему принципу дихотомии, а также исходя из деления на макроуровне системы права на материальное и процессуальное, процессуальной ответственности противостоит материально-правовая ответственность. Можно также предположить, что они являются парными юридическими категориями. Одной из характеристик парности выступает единство и взаимодействие двух явлений. При этом согласно философским представ-

лениям, взаимодействие это динамика единства или ее момент. Разграничивать взаимодействие и единство можно только теоретически. В начале параграфа также укажем, что термин «материально-правовая ответственность» мы употребляем не в значении юридической ответственности работника по нормам трудового права, а включаем в его содержание юридическую ответственность, закрепленную в нормах материального права.

Думается, что единство и взаимодействие процессуальной и материально-правовой ответственности выражается по нескольким направлениям. Во-первых, они относятся к макроуровню системы юридической ответственности. Во-вто-

рых, на уровне всей системы юридической ответственности выступают в виде двух глобальных подсистем. В-третьих, являются структурными элементами системы юридической ответственности. В-четвертых, являются средствами охраны и регулирования правопорядка и защиты общественных отношений. В-пятых, основываются на ряде общих принципов [1, с. 12]: справедливости, гуманизма, законности, неотвратимости и виновности [2, с. 20]. Причем общие принципы являются своеобразной «цементирующей» основой для двух подсистем юридической ответственности.

Взаимодействие процессуальной и материально-правовой ответственности заключается в наличии у них общих целей и функций. В конечном итоге глобальными целями юридической ответственности будь она материально-правовой или процессуальной является обеспечение и/или достижение необходимого уровня правопорядка, предупреждение правонарушений, а также создание состояния урегулированности (упорядоченности) общественных отношений. Названные глобальные цели достигаются через реализацию функций материально-правовой и процессуальной ответственности. Причем, одинаковые функций, исходящие от норм с процессуальной и материально-правовой принадлежностью усиливают действие каждой в отдельности. Это достигается благодаря тому, что некоторые одинаковые по содержанию обязанности могут быть закреплены одновременно материально-правовыми и процессуальными нормами. При их соблюдении и/или исполнении происходит реализация позитивной процессуальной и материально-правовой ответственности в чем можно увидеть не только взаимодействие, но и их самодвижение, что в свою очередь выступает еще одной характеристикой парных юридических категорий.

Раскрывая взаимодействие двух систем ответственности необходимо указать на обеспечение с помощью отношений процессуальной ответственности движения материально-правовых отношений юридической ответственности. Однако оно носит не непосредственный, а опосредованный характер. Все существо состоит в механизме действия негативной процессуальной ответственности. Она обеспечивает движение других процессуальных отношений, а они уже в свою очередь направлены на реализацию основного материально-правового отношения юридической ответственности. Взаимодействие материально-правовой и процессуальной ответственности происходит и на основе разносторонней охраны прав и свобод участников процессуальных отношений. Так, участники процессуальных отношений являются носителями не только процессу-

ального статуса, но и иных отраслевых статусов. При помощи материально-правовой ответственности охраняются их жизнь, здоровье, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, собственность и так далее. В этом смысле процессуальная ответственность участвует в комплексной охране (защите) участников процессуальных отношений, она также содействует обеспечению их безопасности. Оно (взаимодействие) материально-правовой и процессуальной ответственности заключается также в использовании общих для них законодательных конструкций и научных дефиниции, воспринимаемые правоприменительной практикой, которые должны иметь одинаковое значение как в отраслях материального, так и процессуального права. Например, правонарушение, свидетель, потерпевший, вина и так далее. Речь как правило идет здесь о категориях, которые обладают как минимум межотраслевым значением.

Как уже указывалось ранее, для исследования парных юридических категорий важно также определить взаимосвязи с парами более высокого уровня. Безусловно на ступень выше в существующей иерархии находится материальное и процессуальное право. Материально-правовая ответственность представляет «сердцевину» материального права. Она во многом обеспечивает соблюдение и исполнение, закрепленных в нормах материального права предписаний, стимулирует участников общественных отношений к правомерному поведению. Однако однозначно указать на процессуальную ответственность как на «сердцевину» процессуального права сложно. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, относительно небольшим удельным весом норм процессуальной ответственности. Во-вторых, развитой системой институтов мер защиты, обеспечения и иных правовых средств, при помощи которых обеспечивается реализация предписаний норм процессуального права.

Вполне понятно, что процессуальная ответственность также направлена на обеспечение реализации норм процессуального права. Если сравнивать количественные характеристики мер защиты и мер ответственности с количественными показателями в процессуальном праве с аналогичными характеристиками в материальном праве, то в первой системе будут преобладать различные правовые средства, не являющиеся юридической ответственностью, а во второй, наоборот. В чем проявляется не только взаимодействие с парами более высокого порядка, но и количественно-качественные неравноценности двух исследуемых правовых явлений.

Материальное и процессуальное право взаимодействуют на общественные отношения при

помощи различных функций. Так, обе подсистемы осуществляют охранительную функцию. Понятие «охранительная функция» достаточно обобщенное, включающее в свою структуру подфункции, реализуемые различными правовыми средствами, в том числе и юридической ответственностью как в материальном, так и в процессуальном праве. Материально-правовая и процессуальная ответственность осуществляют карательную, восстановительную и превентивную функции. На уровне институциональных образований юридической ответственности они являются самостоятельными функциями, а на уровне материального и процессуального права подфункциями охранительной функции права [3, с. 37]. Поэтому, рассматривая взаимосвязи с парами более высокого уровня следует указать на участие функций материально-правовой и процессуальной ответственности в реализации охранительной функции права. Следует отметить, что некоторые ученые выделяют в качестве самостоятельных функций права превентивную [4, с. 10] и восстановительную функцию [5, с. 12], но теоретический спор являются ли эти функции самостоятельными или входят в содержание охранительной функции не входит в предмет нашего исследования. Мы только укажем, что если выделять эти функции в качестве самостоятельных, то логически возникает вопрос, а какое содержание тогда остается в охранительной функции, и будет получаться что она складывается исключительно из карательной функции юридической ответственности. Очевидно, что такой подход не приемлем. Как материальное право, так и процессуальное осуществляют регулятивную функцию, в которой выражается инструментальная ценность права. Материально-правовая и процессуальная ответственность участвуют в реализации регулятивной функции права через свои регулятивные функции. Регулятивная функция материально-правовой и процессуальной ответственности «непосредственно не закрепляет права и обязанности субъектов, но участвует в развитии динамики, регулируемых общественных отношений». [6, с. 130]

Специфика регулятивной функции процессуальной ответственности предопределена тем, что юрисдикционный процесс возникает после совершения правонарушения (реального или предполагаемого), тогда как регулятивная функция материально-правовой ответственности упорядочивает два диаметрально противоположных вида общественных отношений. Таким образом, можно сделать вывод, что материально-правовая и процессуальная ответственность взаимодействуют с материальным и процессуальным правом, в том числе и через участие в осуществлении

регулятивной и охранительной функции. Любая из функций носит целевой характер и цели определяют функции. Поэтому из взаимодействия на уровне функций логически вытекает и взаимодействие на уровне целей. В рамках данной статьи мы детально не исследуем вопрос о видах целей, стоящих перед процессуальной и материально-правовой ответственностью, так как этот вопрос не входит в предмет нашей работы. Мы только укажем, что функции двух подсистем юридической ответственности в конечном итоге направлены на достижение глобальной цели – обеспечение необходимого уровня правопорядка.

Список литературы:

- [1] Липинский Д.А. Принципы и правоотношения юридической ответственности. – М.: Nota Bene, 2003. – 180 с.
- [2] Иванов А.А. Принцип законности юридической ответственности. – Тольятти: Тольяттинский гос. ун-т, 2010. – 160 с.
- [3] Малько А.В., Липинский Д.А. О подфункциях охранительной функции права // Юридическая наука и практика: Вестник нижегородской академии МВД России. – 2017. - № 2. – С. 34-39
- [4] Данченко А.А. Превентивная функция российского права: Дис. ... канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 2002. – 192 с.
- [5] Торопов А.А. Восстановительная функция права: вопросы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 1988. – 179 с.
- [6] Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. – М.: Юридический центр Пресс, 2003. – 380 с.

References:

- [1] Lipinsky D.A. Principles and Legal Relations of Legal Responsibility. Moscow: Nota Bene, 2003. 180 p.
- [2] Ivanov A.A. The Principle of Legality of Legal Responsibility. Tolyatti: Tolyatti State University, 2010. 160 p.
- [3] Malko A.V., and Lipinsky, D.A. On the Subfunctions of the Protective Function of Law // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. - No. 2. – Pp. 34-39
- [4] Danchenko A.A. Preventive function of Russian law: Dis. ... cand. jurid. sciences. – N. Novgorod, 2002. – 192 p.
- [5] Toropov A.A. Restorative function of law: issues of theory and practice: Dis. ... cand. jurid. sciences. – Yaroslavl, 1988. – 179 p.
- [6] Lipinsky D.A. Problems of Legal Responsibility. – Moscow: Legal Center Press, 2003. – 380 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-471-477

БАДАЕВА Марита Ильдаровна,
адвокат,
адвокатское бюро «Шварц и Партнеры»,
e-mail: mbadayeva@gmail.com

**К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНОГО ОСПАРИВАНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ СТАРШЕ 14 ЛЕТ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО
РЕШЕНИЯ РОДИТЕЛЯ (П. 2 СТ. 56 СЕМЕЙНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

Аннотация. Предметом исследования является вопрос толкования ч. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса и п. 2 ст. 56 Семейного кодекса РФ в следующем проблемном аспекте: действительно ли их возможно понимать как позволяющие детям старше 14 лет предъявить против своих родителей иск из ненадлежащего исполнения последними родительских обязанностей?

Актуальность исследования подтверждается высокой значимостью защиты (в том числе правовой) семьи, материнства, отцовства и детства, являющейся приоритетом государственной политики Российской Федерации. Работа характеризуется новизной, поскольку в обозначенном в работе аспекте названная проблема ранее в отечественной литературе предметом самостоятельного исследования не становилась.

Используя методы анализа и синтеза, научного абстрагирования, автор приходит к выводу о том, что нормы ч. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса и п. 2 ст. 56 Семейного кодекса РФ следует толковать ограничительно, поскольку допущение судебного оспаривания ребенком воспитательных решений родителей порождает ряд неразрешимых проблем, дезавуирующих саму суть воспитания. Судебное рассмотрение внутрисемейных споров вне зависимости от исхода такого «дела» является обоюдоострым оружием, так как одновременно ограничивает право родителя, поведение которого безупречно, на принятие воспитательного решения и право ребенка воспитываться родителями, а не субъектом публичной власти. Автор приходит к выводу, что, несмотря на буквальный смысл обсуждаемых норм, иски ребенка против родителя об оспаривании воспитательных решений являются недопустимыми.

Ключевые слова: Гражданское процессуальное право, семейное право, гражданская процессуальная дееспособность, гражданская процессуальная правоспособность, субъективное право, права ребенка, родительские права.

BADAYEVA Marita Ildarovna,
Saint Petersburg State University,
postgraduate student

**ON THE ISSUE OF THE POSSIBILITY OF JUDICIAL
CHALLENGE BY MINORS OVER THE AGE OF 14 OF A PARENT'S
EDUCATIONAL DECISION (PARAGRAPH 2 OF ARTICLE 56
OF THE FAMILY CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Annotation. The subject of the study is the interpretation of Part 4 of Article 37 of the Code of Civil Procedure and paragraph 2 of Article 56 of the Family Code of the Russian Federation in the following problematic aspect: is it really possible to understand them as allowing children over the age of 14 to sue their parents for improper performance of parental duties by the latter? The relevance of the study is confirmed by the high importance of the protection (including legal protection) of the family, motherhood, fatherhood and childhood, which is a priority of the state policy of the

Russian Federation. The work is characterized by novelty, since in the aspect indicated in the work, the named problem had not previously been the subject of independent research in the Russian literature.

Using methods of analysis and synthesis, scientific abstraction, the author comes to the conclusion that the norms of Part 4 of Article 37 of the Code of Civil Procedure and paragraph 2 of Article 56 of the Family Code of the Russian Federation should be interpreted restrictively, since allowing a child to challenge the educational decisions of parents generates a number of unsolvable problems that disavow the very essence of education. Judicial review of intra-family disputes, regardless of the outcome of such a "case", is a double-edged weapon, since it simultaneously restricts the right of a parent whose behavior is impeccable to make an educational decision and the right of a child to be raised by parents and not by a subject of public authority. The author comes to the conclusion that, despite the literal meaning of the norms discussed, the child's claims against the parent for challenging educational decisions are unacceptable.

Key words: *Civil procedural law, family law, civil procedural capacity, civil procedural legal capacity, subjective law, child rights, parental rights, parental authority, individual autonomy, right to claim.*

В соответствии с п. 2 ст. 56 Семейного кодекса Российской Федерации при нарушении прав и законных интересов ребенка, в том числе при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребенка либо при злоупотреблении родительскими правами, ребенок вправе самостоятельно обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд.

Данная норма соотносится с ч. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса РФ, в соответствии с которой в случаях, предусмотренных федеральным законом, по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых и иных правоотношений, несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вправе лично защищать в суде свои права, свободы и законные интересы. Буквальное содержание данных норм приводит нас к выводу о том, что дети старше 14 лет вправе предъявить в суд против своих родителей иск из ненадлежащего исполнения ими обязанностей по воспитанию. При этом широта формулировок п. 2 ст. 56 Семейного кодекса дает основания считать, что почти любые разногласия между родителями и детьми могут стать предметом судебного разбирательства, поскольку любое родительское принуждение можно истолковать как посягательство на то или иное право ребенка.

Рассмотрим данный тезис на примерах.

В Семейном кодексе РФ особо выделяется, что ребенок имеет право, в частности, на всестороннее развитие, на обеспечение его интересов, уважение его человеческого достоинства (п. 2 ст. 54 Семейного кодекса РФ), на получение содержания от своих родителей (п. 1 ст. 60 Семейного кодекса РФ).

По букве приведенных норм отказ родителя устроить ребенка в школу, выбранную несовер-

шеннолетним, может быть расценен как ненадлежащее выполнение родителем обязанности по образованию ребенка, неудовлетворение просьбы ребенка оплатить посещение им музыкальной школы, спортивной секции и т. п. – права на всестороннее развитие, применение строгого наказания, не нарушающего, однако, публично-правовые запреты (например, словесные наказания, отнятие мобильного телефона или иных личных вещей, запрет покидать дом без разрешения родителей) – права на уважение человеческого достоинства, предоставление недостаточного по мнению ребенка количества карманных денег – права на получение содержания от родителей. Перечень таких примеров можно продолжать.

Необходимо сделать две оговорки.

Во-первых, в настоящей работе не рассматривается вопрос о том, как в каждом конкретном случае следует квалифицировать то или иное действие родителя: проблему исследования составляет не право ребенка на удовлетворение, а право на предъявление соответствующего иска к родителю. Приведенные выше примеры призваны показать, что, если ограничиться буквальным толкованием закона, то можно прийти к выводу о том, что такие вопросы могут стать предметом судебного разбирательства по иску ребенка против родителя. Вопрос о том, при каких условиях такой иск подлежит удовлетворению, не входит в предмет данного исследования.

Во-вторых, мы не имеем в виду случаи, когда поведение родителя нарушает публично-правовые нормы и является основанием для лишения/ограничения родительских прав.

Проблема настоящей работы состоит в том, как следует понимать нормы п. 2 ст. 56 Семейного кодекса и ч. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса РФ: действительно ли можно ограничиться буквальным толкованием данных норм и считать, что верность воспитательного решения

принципиально проверяема государством и ребенок может «вызвать» в суд собственного родителя и оспорить родительское веление? Оспорима ли родительская власть? Верна ли гипотеза о том, что родительское принуждение, не нарушающее публично-правовых запретов, принципиально может быть квалифицировано как правонарушение в том смысле, что не позволяет ребенку реализовывать его права в соответствии с его, ребенка, волей?

В литературе вопрос толкования п. 2 ст. 56 Семейного кодекса РФ поднимается редко и, как правило, вне обозначенной нами проблемной плоскости. Авторы либо констатируют право ребенка на самостоятельное обращение в суд после достижения 14-летнего возраста в том числе против своих родителей [1, с. 265], [2, с. 318], либо ограничиваются указанием на проблемность фактической реализации этого права с точки зрения сложности юрисдикционных процедур, финансовых затрат и пр. [3, с. 198].

Представляется, что для нахождения верного ответа на указанные вопросы нельзя ограничиться буквальным прочтением приведенных норм права.

Конфликт отцов и детей в любых его проявлениях представляет собой сложный социокультурный, философский, психологический феномен и не может быть исследован без погружения в соответствующие области знаний.

В настоящей работе не ставится задачи провести исчерпывающий и всеобъемлющий анализ вопроса и дать на него окончательный ответ, однако предпринимается попытка перенести рассматриваемый конфликт на более высокий уровень абстракции, то есть определить, конкуренция каких правовых и общесоциальных институтов предопределяет возникновение обсуждаемой юридической коллизии и как то или иное решение поставленного вопроса на них влияет.

В первую очередь необходимо определить, какой социальный конфликт стоит за спором родителя и ребенка, не согласного с родительским воспитательным решением. Представляется, что в аксиологической плоскости такой спор – это проявление конфликта двух правовых и нравственных ценностей: родительской власти и автономии личности ребенка.

Термин «родительская власть» в лексике современного законодателя не применяется, однако обозначаемый этим понятием правовой институт существует со времен римского права.

Родительская власть была закреплена в Своде законов Российской империи, где предусматривалось, что «власть родительская простирается на детей обоего пола и всякого возраста» (том X, ст. 164) и что от детей на родителей «в лич-

ных обидах или оскорблениях ... не приемлется никакого иска, ни гражданским, ни уголовным порядком» (том X, ст. 168). Вот как комментировали это положение в доктрине: «родительская власть есть полное (конечно, в разумном согласно с нынешними понятиями смысле) подчинение детей указаниям родителей во всей их частной, а иногда и общественной жизни, с правом родителей, конечно, понуждать детей, иногда мерами довольно строгими, к следованию этим указаниям» [4, с. 513].

Как писал Д. И. Мейер, личные отношения между родителями и детьми «сводятся к праву власти, принадлежащей родителям по отношению к детям». Это право «давать те или другие приказания и вытекающее отсюда обязательство подвластного повиноваться приказаниям; это право на лицо, чуждое всякого имущественного характера» [5, с. 761].

После 1917 г. термин «родительская власть» был заменен словами «права и обязанности родителей». Как указывал профессор А. Г. Гойхбарг, «родительская власть должна быть предоставлена не как право, а как обязанность по отношению к детям...и лишь постольку, поскольку осуществление этой власти не навредит интересам детей и не нарушает их личных прав» [6, с. 68].

Изменение словоупотребления, однако, не означало отказа законодателя от признания института родительской власти. В современном российском законе существует множество примеров, подтверждающих признание за родителями власти над их детьми (в пределах, ограниченных публично-правовыми запретами).

Так, в п. 31 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) установлено, что родители признаются самостоятельными участниками образовательных правоотношений. Это означает, что они не просто выступают как законные представители своих детей, то есть дополняют недостающий объем дееспособности последних, но имеют собственные права и собственный интерес в образовании детей.

Родители вправе выбирать до завершения получения ребенком основного общего образования (которое обычно завершается к 16 годам) с учетом мнения ребенка, а также с учетом рекомендаций психолого-медико-педагогической комиссии (при их наличии) формы получения образования и формы обучения, организации, осуществляющие образовательную деятельность, язык, языки образования, факультативные и элективные учебные предметы, курсы, дисциплины (модули) из перечня, предлагаемого организацией, осуществляющей образовательную деятельность. Кроме того, родители имеют право дать

ребенку дошкольное, начальное общее, основное общее, среднее общее образование в семье (подп. 1, 2 п. 3 ст. 44 Закона об образовании).

В свою очередь, за детьми право выбора организации, осуществляющей образовательную деятельность, формы получения образования и формы обучения признается только после получения основного общего образования или после достижения восемнадцати лет (подп. 1 п. 1 ст. 34 Закона об образовании).

Еще один пример признания законодателем родительской власти находим в нормах, регулирующих врачебную тайну несовершеннолетних.

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в его нынешней редакции особым образом регулирует врачебную тайну несовершеннолетних: в ч. 2 ст. 22 он устанавливает, что информация о состоянии здоровья несовершеннолетних старше 15 лет предоставляется не только им, но и их законным представителям.

Это положение, введенное в текст закона в 2022 году, активно обсуждалось на страницах юридических изданий. В литературе можно встретить как позитивные комментарии, так и критические замечания. В частности, авторы отмечали проблемы нерешенности вопроса о том, обязаны ли врач сообщать родителю медицинскую информацию о его ребенке по своей инициативе или только по запросу родителя, а также о том, какую именно информацию врач передает родителю: только о диагнозе и лечении либо также иную личную информацию, сообщенную ребенком при приеме.

Приведенные положения закона, а также еще не нашедшие закрепления в позитивном праве, но обсуждаемые общественностью положения (например, звучащие в общественных дискуссиях предложения на законодательном уровне запретить детям пользование социальными сетями без разрешения родителей) – примеры, подтверждающие реальность и живость института родительской власти как в позитивном праве, так и в общественном правосознании.

В исследуемом конфликте родительской власти, как мы обозначили ранее, противопоставит институт автономии личности ребенка.

Под автономией личности несовершеннолетнего, прежде всего, понимается, что ребенок является самостоятельным носителем конституционных прав (в т. ч. на свободу и личную неприкосновенность, личную тайну, тайну переписки и пр.), достоинство его личности охраняется государством. В современном российском законе отсутствует норма, устанавливающая обязанность детей подчиняться родителям. При таких

условиях личная автономия ребенка становится препятствием на пути реализации родительской власти, поскольку легального основания для родительского принуждения в позитивном праве мы не находим.

На «коллидирующий характер» интересов родителей и детей (выражающийся в противостоянии власти родителей и самостоятельности ребенка) указывал еще И. А. Покровский. Более того, проблему личности в сфере семейных отношений он относил к одной из основных проблем гражданского права [7, с. 163].

Проанализируем, каковы последствия передачи в суд спора родителя и ребенка для родительской власти, личной автономии ребенка и семейных отношений.

Прежде чем перейти к обсуждению влияния судебного спора ребенка с родителем на родительскую власть, необходимо более подробно остановиться на ее социальных функциях, аспектах ее социальной значимости.

Первый аспект, конечно, заключается в том, что родительская власть обеспечивает возможность воспитания, поскольку последнее по своему существу предполагает ту или иную степень принуждения. В этой части речь идет о внутрисемейной стороне проявления родительской власти.

В этой связи институт родительской власти находится в непримиримом противоречии с гипотетической возможностью судебных споров с родителями по вопросам воспитания. Судебное оспаривание ребенком принятых в отношении него родительских воспитательных решений принципиально отрицает, исключает родительскую власть. Сам факт рассмотрения такого дела в суде вне зависимости от его исхода неизбежно означает подрыв родительского авторитета и фактическую невозможность нормального воспитания ребенка в дальнейшем. То обстоятельство, что родитель окажется перед необходимостью в суде доказывать перед ребенком свою правоту в воспитании последнего, ставит родителя в положение оправдывающегося, почти подвластного, что, очевидно, ставит крест на власти родителя и противно существу отношений родителя и ребенка.

В доктрине указывают и на вторую, внешнюю функцию родительской власти, которая состоит в том, что она ограждает семью от любых вмешательств извне. У профессора Г. Ф. Шершеневича можно прочитать следующие слова: «Праву личной власти соответствует обязанность всех вообще не ставить себя в такое отношение к жене, детям, опекаемым, которое противоречило бы этой власти...права личной власти отмечены абсолютным характером» [8, с. 677]. Под «абсо-

лютым характером» Г. Ф. Шершеневич понимает то, что обязанность невмешательства распространяется на неопределенный круг лиц, в который входит и государство.

Так, профессор отмечал, что «семья представляет собой основную ячейку государственного организма и пользуется некоторой автономией. Государство охраняет по возможности неприкосновенность внутренней жизни семьи, опасаясь излишним вмешательством повредить мирным ее отношениям» [8, с. 676].

Итак, второй, «внешней» функцией родительской власти является то, что она выступает стержнем автономии семьи, ограждает семью от вмешательства извне, в том числе от вмешательства государственного: родители, а не третьи лица или государство облечены властью решать важнейший семейный вопрос – вопрос воспитания. Автономия семьи, ее «закрытость» от несоразмерного вмешательства государства – это самостоятельная конституционная ценность, определяющая право родителя воспитывать ребенка по своему усмотрению, вырастить его с убеждениями и ценностями, разделяемыми родителем. Иными словами, до пределов публично-правовых запретов родитель свободен в выборе методов воспитания.

На конституционно-правовую ценность непрерывности родительской власти, ее уважения государством указывают и зарубежные авторы [9, с. 23].

В этой связи интересно обратиться к комментарию авторов Гражданского уложения к норме Свода законов Российской Империи об обязанности ребенка оказывать родителю почтение, которые писали, что запрещаться должны лишь те поступки, которые выражают непочтительное отношение к родителю и видимо *оскорбляют чувства общественного порядка* и мира в семейных отношениях» [4, с. 493].

В комментарии обращает на себя внимание тезис о том, что проявление непочтения к родителям принципиально способно «оскорбить чувство общественного порядка». Иными словами, порядок общественный связывается с порядком внутрисемейным, а почтительное отношение к родителям воспринимается как общесоциальная ценность, элемент правильной социальной организации.

С точки зрения «внешнесоциального» аспекта значимости родительской власти также необходимо прийти к выводу о ее несовместимости с исками ребенка против родителя.

Во-первых, рассмотрение судом такого «дела» означает как минимум раскрытие суду информации, защищенной личной и семейной тайной, в том числе против воли родителей, кото-

рые в подобной ситуации оказываются втянутыми в судебный процесс по инициативе ребенка. Конечно, обсуждаемые гипотетические судебные разбирательства должны были бы осуществляться в закрытых судебных заседаниях, однако едва ли родитель-ответчик желал бы сообщать подобные сведения в том числе судье.

Во-вторых, судья, агент государственной власти, в подобных спорах становится на место родителя, что на более абстрактном уровне означает передачу в руки государства воспитательной функции (пусть и по конкретному вопросу). Едва ли несогласие несовершеннолетнего, например, с родительским выбором школы может быть поводом для столь серьезного вмешательства государства в частную жизнь семьи, лишения ее той самой «автономии», о которой писал профессор Г. Ф. Шершеневич, и, в сущности, лишению родителя права влиять на принятие воспитательного решения.

В сущности отказ родителю в принятии воспитательного решения можно квалифицировать как определенную степень ограничения родительского права на воспитание. Такое ограничение, при том, что оно производится не в связи с противоправным или аморальным поведением родителя, а лишь на основании противоречия воли родителя воле ребенка, представляется несоразмерным.

Необходимо предостеречь себя от опрометчивого предположения о том, что если решение суда по гипотетическому спору о воспитании при каких-то условиях может наилучшим образом защитить тот или иной интерес ребенка, то обращение в суд можно считать полезной и желательной мерой для развития ребенка в целом.

Проведем мысленный эксперимент и предположим, что в рамках рассмотрения такого дела по итогам получения консультаций нескольких специалистов абсолютно достоверно (сделаем такое допущение для чистоты мысленного эксперимента) установлено, что складу ума, характера, физическим и психическим способностям ребенка больше соответствуют, к примеру, желаемые им спортивные занятия, а не школа с литературным уклоном, на которой настаивают родители. Суд выносит соответствующее решение, обязывающее родителей направить ребенка на обучение именно в спортивную школу (вопрос об исполнимости такого решения – самостоятельный аспект рассматриваемой проблемы и здесь не исследуется).

Трудно возразить против того, что таким решением в полной мере защищено право ребенка на учет его мнения по касающимся его вопросам (ст. 57 Семейного кодекса РФ) и, по-видимому, в большой степени – право на всесторон-

нее развитие (п. 2 ст. 54 Семейного кодекса РФ). Одновременно такое решение, как представляется, наносит существенный урон праву ребенка «жить и воспитываться в семье», то есть «праву на воспитание *своими родителями*» (п. 2 ст. 54 Семейного кодекса РФ). Интерес ребенка состоит не только и не столько в том, чтобы жить в наилучших условиях для реализации своих способностей. Не меньшим (а с нашей точки зрения – большим) благом ребенка, охраняемым Семейным кодексом, является возможность воспитываться в соответствии с родительской волей, расти в лоне ценностей, убеждений и идей собственной семьи, будучи одновременно огражденным от навязывания извне. Иначе говоря, расти в условиях, когда родительская воля (безусловно, не выходящая за пределы законодательных запретов) непрекращаема для государства и не может быть сломлена в том числе по иску несогласного с ней подростка – самостоятельный интерес ребенка, имеющий, как представляется, ключевое значение.

Сказанное означает, что передача спора родителя и ребенка в суд вне зависимости от его исхода влечет поражение в правах и интересах как ребенка, так и родителя. В конкуренцию при этом, как мы увидели, вступают не только интересы, с одной стороны – ребенка, с другой – родителя, но и разного порядка интересы ребенка между собой.

Наконец, пронаблюдаем, каково влияние гипотетического судебного спора на личную автономию несовершеннолетнего. Представляется, что, передавая «дело» о споре со своим родителем в суд, ребенок в действительности не защищает, а, напротив, ограничивает свою самостоятельность: в конечном итоге решение все равно принимается за него, только уже не родителем, а судьей, то есть посторонним для несовершеннолетнего истца человеком. Наивно было бы считать, что судья разрешит внутрисемейный спор «лучше», чем бы его разрешили родители. Едва ли судья, увидевший ребенка впервые в жизни, способен понять его интересы вернее, чем бы это сделал воспитывающий его родитель.

По этой причине предъявление подобного иска неверно понимать как средство защиты автономии личности ребенка. Скорее, оно выступает средством исключительно «побороть», поставить под сомнение родительскую власть. Едва ли возможно признать законный интерес в подобном стремлении, так как он противоречит базовым принципам семейного права.

Не случайно, что Философы эпохи Просвещения, идеи которых легли в основу современного представления о правах человека и автономии личности, не отвергали родительской власти и не провозглашали независимости детей от роди-

телей. Наоборот, философы Нового времени (Дж. С. Милль, Дж. Локк, Ж. Ж. Руссо) придавали семейному воспитанию огромную значимость в построении гражданского общества, так как именно в семье, по их мнению, должно произойти постепенное становление личности, соответствующей идеалам Эпохи Просвещения: зрелой, ответственной, инициативной, с развитым чувством долга и чести [10, с. 23; 11, с. 275; 12, с. 174].

Приведенные рассуждения приводят нас к выводу о том, что нормы ч. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса и п. 2 ст. 56 Семейного кодекса РФ неверно понимать как позволяющие предъявлять подросткам иски против родителей об оспаривании принятых ими воспитательных решений. Такое толкование данных норм порождает ряд неразрешимых проблем и пагубных последствий, многократно превышающих по своей значимости возможный позитивный эффект данного подхода. Так, передача суду споров подростков с родителями о воспитании дезавуирует родительскую власть, отнимает у родителя право на принятие воспитательного решения в данном конкретном случае и во многом блокирует возможность нормального воспитания в будущем. Представляется, что такое решение является несоразмерным вмешательством государства во внутреннюю жизнь семьи и безосновательным отстранением родителя от воспитания ребенка. Одновременно гипотетическое судебное вмешательство, будучи направлено на защиту прав и интересов ребенка, парадоксально ограничивает его первейшее семейное право – право воспитываться в семье, собственными родителями. В то же время автономия личности несовершеннолетнего, выступающая противостоящей родительской власти ценностью, также не получает сколько-нибудь значимой защиты, поскольку ребенок в гипотетическом процессе все равно остается объектом власти, но уже не родительской, а государственной.

Список литературы:

- [1] Антокольская М. В. Семейное право: учебник / М. В. Антокольская. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 432 с.
- [2] Ильина О. Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации : диссертация...доктора юридических наук : 12.00.03. – Москва, 2006.
- [3] Права несовершеннолетних: правовое регулирование и проблемы реализации в условиях современного общества : сборник материалов / О. С. Рыбакова, Э. И. Атагимова, А. Т. Потемкина [и др.] ; под ред. О. С. Рыбаковой. — Москва : Русайнс, 2022. — 237 с.

[4] Гражданское уложение. Книга вторая. Семейственное право. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения. Том первый. Ст. 1 – 349. С объяснениями. – Санкт-Петербург, 1902.

[5] Мейер, Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Статут, 2021. – 846 с.

[6] Гойхбарг, А. Г. Новое семейное право: введение; вступление в брак; недействительные браки; прежние браки; прекращение брака и развод; отношения супругов; родители и дети; опека / А. Г. Гойхбарг. – Москва : издание военно-юридического книжного магазина «Правоведение» И. К. Голубева, 1918. – 88с.

[7] Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 6-е изд., стереот. – М.: Статут, 2013. – 353 с.

[8] Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – 10-е изд. – Москва : издание Бр. Башмаковых, 1912. – 951 с.

[9] Guggenheim, Martin. What's Wrong with Children's Rights, Harvard University Press, 2007. – 306 p.

[10] Милль Д. С. О свободе / пер. М. И. Ловцовой. СПб.: Изд-во В. И. Губинского, 1901 г. – 237 с.

[11] Локк, Джон. Два трактата о правлении / Дж. Локк ; пер. с англ. Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова. — 4-е изд., эл. — 1 файл pdf : 496 с. — Москва ; Челябинск : Социум, 2020.

[12] Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. — М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – 416 с.

References:

[1] Antokolskaya M.V. Family law: textbook/M.V. Antokolskaya. - 3rd ed., Revised and add. - M.: Norm: INFRA-M, 2013. - 432 s.

[2] Ilyina O. Yu. Private and public interests in family law of the Russian Federation: dissertation... Doctor of Law: 12.00.03. - Moscow, 2006.

[3] Rights of minors: legal regulation and problems of implementation in the conditions of modern society: a collection of materials/O. S. Rybakov, E. I. Atagimov, A. T. Potemkin [and others]; ed. O.S. Rybakova. - Moscow: Rusines, 2022. - 237 s.

[4] Civil Code. Book two. Family law. Draft of the Highly Established Drafting Committee for the Drafting of the Civil Code. Volume one. Art. 1 – 349. With explanations. - St. Petersburg, 1902.

[5] Meyer, D. I. Russian Civil Law/D. I. Meyer. - 4th ed., Rev. and add. - Moscow: Statute, 2021. - 846 p.

[6] Goikhbarg, A. G. New Family Law: Introduction; marriage; invalid marriages; former marriages; termination of marriage and divorce; relationship of spouses; parents and children; guardianship/ A. G. Goikhbarg. - Moscow: publication of the military legal bookstore "Jurisprudence" by I.K. Golubev, 1918. - 88s.

[7] Pokrovsky I. A. The main problems of civil law. 6th ed., Stereot. - M.: Statute, 2013. - 353 s.

[8] Shershenevich, G.F. Textbook of Russian civil law/G.F. Shershenevich. - 10th ed. - Moscow: edition Br. Bashmakovs, 1912. - 951 p.

[9] Guggenheim, Martin. What's Wrong with Children's Rights, Harvard University Press, 2007. – 306 p.

[10] Mill D.S. On freedom/per. M.I. Lovtsova. St. Petersburg: Publishing House of V.I. Gubinsky, 1901 - 237 p.

[11] Locke, John. Two treatises on rule/J. Locke; per. From English. E. S. Lagutina, Yu. V. Semenova. - 4th ed., El. - 1 pdf file: 496 p. - Moscow; Chelyabinsk: Society, 2020.

[12] Rousseau J. J. On social contract. Treatises/Per. from fr. - M.: "CANON-press," "Kuchkovo field," 1998. - 416 s.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-478-483

ФЕТИСОВА Оксана Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
независимый исследователь,
e-mail: offet@mail.ru

ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ РОЛИ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ РАЗНОГЛАСИЙ МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ ПО ВОПРОСУ УЧАСТИЯ ОТДЕЛЬНО ПРОЖИВАЮЩЕГО РОДИТЕЛЯ В ЖИЗНИ РЕБЕНКА

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов компетентности органов опеки и попечительства при разрешении споров о порядке общения отдельно проживающего родителя с ребенком. Автор анализирует отдельные аспекты практической деятельности органов опеки и попечительства и приходит к выводу о том, что данные органы не обладают с точки зрения действующего законодательства достаточными полномочиями для оказания квалифицированной, действенной помощи гражданам, чье право на общение с ребенком под воздействием разнообразных обстоятельств нарушается. Одновременно автор подчеркивает значимость выбора гражданами мирного способа урегулирования семейного конфликта, обращая внимание на важность просветительской работы.

Ключевые слова: отдельно проживающий родитель, порядок общения, орган опеки и попечительства, семейный конфликт, презумпция добросовестного родительства, суд.

FETISOVA Oksana Vladimirovna,
PhD in law, Associate Professor,
independent researcher

A PRACTICE-ORIENTED ANALYSIS OF THE ROLE OF GUARDIANSHIP AND TRUSTEESHIP AUTHORITIES IN RESOLVING DISPUTES BETWEEN PARENTS REGARDING THE PARTICIPATION OF A PARENT LIVING ELSEWHERE IN THE LIFE OF A CHILD

Annotation. This article examines the competence of guardianship and trusteeship authorities in resolving disputes over communication between a parent living separately and their child. The author analyzes specific aspects of the practical work of guardianship and trusteeship authorities and concludes that, under current legislation, these authorities lack sufficient authority to provide qualified and effective assistance to citizens whose right to contact with their child is violated under various circumstances. At the same time, the author emphasizes the importance of citizens choosing a peaceful method for resolving family conflicts, drawing attention to the importance of educational efforts.

Key words: separately residing parent, communication procedure, guardianship and trusteeship authority, family conflict, presumption of good faith parenting, court.

Орган опеки и попечительства, как и любой иной орган, являющийся частью государственного аппарата, независимо от уровня его принадлежности, наде-

лен полномочиями, которые характеризуются своей определенностью, регламентированностью, исключительностью и процедурностью. Неисполнение или ненадлежащее исполнение

вмененных правомочий, а также выход за границы законодательно установленной компетенции может повлечь за собой привлечение к ответственности виновных должностных лиц.

Анализ действующего законодательства РФ федерального и регионального значения в сфере опеки и попечительства показывает, что органы опеки и попечительства реализуют порядка 74 полномочий по защите детей и взрослых граждан с измененной дееспособностью. Оставив за рамками внимания последних, подчеркнем, что главным ориентиром деятельности органов опеки и попечительства являются «статусные» дети, то есть те, которые утратили единственного или обоих родителей, в связи с чем забота о них ложится на государство. В отношении таких несовершеннолетних органы опеки и попечительства призваны в полной мере обеспечивать защиту их личных и имущественных прав и интересов применительно к любым правоотношениям, в которые они вовлечены или могут быть вовлечены. Возлагая исполнение данных обязанностей на других лиц, например, при устройстве детей в семьи граждан или организации, органам опеки и попечительства вменяются полномочия по контролю и надзору за их деятельностью.

Помимо детей, лишившихся родительского попечения, в поле зрения органов опеки и попечительства оказываются и, так называемые, «родительские дети». Применительно к детям данной категории, следует отметить, что случаи, при которых таковые становятся объектом внимания государства в лице органов опеки и попечительства, весьма ограничены. Вовлечение государства в семейные дела скорее рассматривается как исключение, а не правило, поскольку семья является частной сферой жизни граждан, в виду чего любое вмешательство должно быть обоснованным, а не произвольным. В этом контексте нельзя не отметить и «презумпцию добросовестного родительства», которой пронизано российское семейное законодательство, и предполагающую, что родители по умолчанию надлежаще справляются со своими родительскими обязанностями, реализовывая их во благо своих детей, до момента, пока не будет установлено обратное. Всесторонняя забота о ребенке и защита его прав входят в исключительную зону ответственности его родителей.

В действительности существует лишь два «сценария», при которых допускается легальное нарушение семейной автономии со стороны органов опеки и попечительства. При этом каждый из них охватывает ситуации неблагоприятного характера, дифференцируемые лишь по первопричинами их возникновения.

Первый из них проявляется во всех ситуациях, где негативные факторы возникают под влиянием обстоятельств, свидетельствующих либо о социально опасном положении (асоциальный образ жизни родителей, их пренебрежительное отношение к основным нуждам ребенка в жилье, еде, одежде, обучение), либо о тяжелой жизненной ситуации, обусловленной, например, потерей работы родителями, их болезнью и пр. Неизбежно обе ситуации приводят к нарушению обычного уклада жизни семьи и, как правило, характеризуются недостатком внутренних ресурсов для самостоятельного преодоления кризиса. Социальное сопровождение таких семей является не столько правом органов опеки и попечительства, сколько их прямой обязанностью, сопряженной с необходимостью преодоления семейного неблагополучия.

Второй «сценарий» сопряжен со случаями, связанными, как правило, с распадом семьи, разездом родителей, что ставит перед ними необходимость разрешения множества, весьма острых с эмоциональной точки зрения, вопросов, связанных с расторжением брака, разделом имущества, определением дальнейшего места жительства детей, выплатой алиментов на их содержание и установлением порядка осуществления родительских прав для отдельно проживающего родителя. К сожалению, в современном российском обществе так и не сформировалась культура «бережного расставания супругов» («экологичный развод», «цивилизованный развод»), когда граждане, реализуя позитивные поведенческие модели, конструктивно, основываясь на уважительном (корректном) отношении друг к другу, разрешали бы все вышеуказанные вопросы. В целом такой вариант распада семьи способен смягчить негативные последствия прекращения семейных отношений, в том числе и минимизировать степень травмирующей обстановки для детей.

В действительности в большинстве своем развод сопровождается затяжными и ожесточенными конфликтами, подпитываемыми взаимными чувствами обиды и мести, что является «топливом» для их вражды на многие годы. В определенный момент дети неизбежно оказываются в эпицентре родительского противостояния.

Одним из основополагающих и неизменных принципов российского семейного права, задекларированным в ст. 61 Семейного кодекса РФ [6], выступает равенство родительских прав и обязанностей. Данный принцип подлежит безусловному соблюдению при любых обстоятельствах независимо от наличия или отсутствия зарегистрированного брака между родителями, а также от их

совместного или раздельного проживания. При реализации своих родительских прав и обязанностей в области воспитания, образования и материального обеспечения ребенка отец и мать должны следовать началам взаимности и уважения, действовать согласованно, исходя из интересов ребенка и интересов друг друга.

Наиболее полное и гармоничное воплощение принципа равенства родительских прав и обязанностей достигается в случае совместного проживания матери, отца и ребенка в составе одной семьи. Как правило, каждый из родителей реализует свои функции, основываясь на личном опыте и собственном представлении о том, какими навыками, знаниями и качествами должен обладать ребенок в том или ином возрасте. Поскольку механизм распределения воспитательных и иных функций между родителями не предусмотрен, то по смыслу каждый из них вносит равный вклад в развитие ребенка, что обеспечивается ими по умолчанию или по устной договоренности.

При раздельном проживании родителей детско-родительские отношения приобретают двухвекторную структуру: ребенок выстраивает одну линию отношений с родителем, с которым он проживает, другую - с родителем, проживающим отдельно от него. Хотя принцип равенства прав и обязанностей родителей продолжает действовать де-юре, де-факто лишается содержания, превращаясь в формальную декларацию.

Несмотря на то, что ст. 66 Семейного кодекса РФ гарантирует отдельно проживающему родителю свободный, беспрепятственный доступ к ребенку, однако его участие в жизни и воспитании ребенка зачастую носит фрагментарный характер, что заведомо делает невозможным всестороннее вовлечение такого родителя в жизнь ребенка. Да и тот факт, что реализация правомочий отдельно проживающим родителем осуществляется на основании либо достигнутых между родителями договоренностей (устных, письменных), либо на основании решения суда, которые определяют формат участия такого родителя в воспитании и содержании ребенка, также свидетельствует о неполноте, прерывистости и эпизодичности общения такого родителя с ребенком.

Целесообразно подчеркнуть и то, что объем взаимодействия отдельно проживающего родителя с ребенком на прямую зависит от таких обстоятельств как: возраст ребенка, его состояние здоровья и мнение, место проживания. Например, если ребенок и родитель проживают в разных регионах страны, то преимущественно их общение может быть «виртуальным» посредством телекоммуникационных средств связи, очное же общение возможно в каникулярный

период или в продолжительные выходные (праздничные) дни. Если ребенок грудного возраста, то коммуникация отца с ним может быть ограничена полуторачасовыми прогулками в парке несколько раз в неделю.

Отдельно отметим ситуации, когда родитель, не проживающий совместно с ребенком, оказывается полностью или частично «выключенным» из его жизни. Это может быть результатом его личной отстраненности, либо намеренно созданных преград со стороны другого родителя, что часто бывает следствием неразрешенных конфликтов.

Нарушенное право отдельно проживающего родителя на общение с ребенком, а равно и права ребенка на общение с каждым из родителей, подлежит защите. Исходя из буквального трактования ст. 66 Семейного кодекса РФ, следует, что законодательно установлен лишь судебный способ защиты. Кроме того, отсутствует требование об обязательном досудебном урегулировании «детского» спора.

Однако, столкнувшись с трудностями в выполнении родительских функций, граждане, рассчитывая на «целительные способности» органов опеки и попечительства, обращаются к ним за помощью в разрешении конфликтной ситуации и восстановлении своего родительского статуса. В основе такого поведения часто лежит не стремление к активным, самостоятельным и позитивным действиям и попытке разрешить проблему посредством личных усилий, а делегирование как ответственности, так и самого процесса ее решения органам опеки и попечительства [1, с. 87].

Анализ практики органов опеки и попечительства по работе с обращениями отдельно проживающих родителей, по вопросам реализации ими своих родительских функций позволяет выделить несколько типовых требований:

- об определении порядка общения с ребенком;
- об изменении ранее установленного решением суда или соглашением графика общения с ребенком;
- об обеспечении принудительного исполнения решения суда о порядке общения с ребенком или соглашения о порядке осуществления родительских прав отдельно проживающим родителем;
- о привлечении к ответственности родителя, с которым проживает ребенок, за создание препятствий к общению с ребенком, а также за неисполнение ранее установленного решением суда или соглашением порядка общения с ребенком;
- об обязанности родителя, с которым проживает ребенок, не препятствовать общению с ним;

- о принятии мер по восстановлению нарушенных родительских прав.

Разбирая подобного рода требования, обоснованно возникает вопрос о наличии у органа опеки и попечительства соответствующих «рабочих» компетенций для удовлетворения запросов заявителей, о чем далее пойдет речь.

Из текста ст. 66 Семейного кодекса РФ прямо следует, что вопрос определения порядка осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, находится в поле зрения самих родителей или суда.

Родители вправе самостоятельно определить четкий и удобный для обеих сторон порядок времяпрепровождения отдельно проживающего родителя с ребенком, избегая неопределенности и конфликтных ситуаций. Они могут гибко выстроить этот график с учетом наиболее важных факторов, таких как: распорядок дня ребенка, его занятость в образовательном учреждении и учреждениях дополнительного образования, а также возможностей отдельно проживающего родителя по участию в организации досуга и отдыха ребенка в зависимости от его занятости на работе, графика работы, отпускного периода и пр. При этом семейное законодательство никоим образом не ограничивает «полет мыслей» родителей. Они обладают свободой при наполнении соглашения условиями, посредством детальной и тщательной проработки каждого из них.

Представляется, что такой подход является не только гарантом соблюдения прав родителей и детей, но и закладывает фундамент надлежащего исполнения всех договоренностей в долгой перспективе.

В ситуации, когда согласие о порядке реализации родительских прав между родителями, проживающими раздельно, не достигнуто, заинтересованная сторона вправе инициировать судебное разбирательство путем подачи искового заявления.

При этом из содержания ст. 66 Семейного кодекса РФ явно проглядывает определенная последовательность действий при урегулировании ситуации, когда отдельно живущий родитель имеет намерении непосредственно участвовать в воспитании ребенка.

Первый этап - переговорный процесс, имеющей своей целью достижение договоренностей, приемлемых для обеих сторон. Иными словами, отдельно проживающий родитель, а равно и родитель, с которым проживает ребенок, должны инициировать обсуждение, направив, например, письменное уведомление об этом. Одновременно может быть подготовлен и представлен проект соглашения о варианте (вариантах) участия отдельно проживающего родителя в жизни

ребенка, его воспитательном и образовательном процессе. Подобного рода обмен мнениями может завершиться либо заключением соглашения, либо в случае недостижения согласия в целом или по ряду пунктов, заинтересованное лицо вправе прибегнуть к судебному способу урегулирования разногласий.

Второй этап - судебный. Зачастую граждане сами обходят стороной (игнорируют) возможность внесудебного урегулирования спора, изначально инициируя судебное разбирательство, формально указывая в исковом заявлении, что достичь компромисса о порядке общения с ребенком не удалось, не представляя этому никаких подтверждений. В ходе судебного процесса нередко выясняется, что к родителю, с которым проживает ребенок, второй родитель не обращался с какой-либо просьбой об организации встреч с ребенком.

Выбрав судебное разбирательство как первичный способ урегулирования «детского» спора, граждане не всегда учитывают, что это приводит к еще большим сложностям, которых можно было бы избежать, если бы стороны изначально попытались найти мирное решение. Судебный процесс предполагает значительные временные затраты, а также сопровождается финансовой и эмоциональной нагрузкой, а само судебное решение не дает абсолютной гарантии того, что в последствии установленный судом порядок общения родителя с ребенком будет неукоснительно соблюдаться. Отметим и то, что суд, определяя порядок осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, использует универсальные, зачастую усеченные и размытые формулировки с использованием таких оборотов, как: «исходя из интересов ребенка», «по согласованию с родителем, с которым проживает ребенок» «с учетом мнения ребенка» [5, с. 9-10], а также «не менее двух раз в неделю; не менее 14 дней в летний период; не менее трех дней в новогодние праздничные дни» без конкретизации времени, дней недели и места организации встреч. Это делает судебный акт в конечном счете неисполнимым, а само обращение в суд за защитой - бесполезным.

Длящийся характер семейных отношений предполагает возможность корректировки ранее установленного порядка общения с ребенком в любой момент при возникновении такой необходимости по инициативе любого из родителей. Это может быть связано с взрослением ребенка, сменой места жительства, изменением графика работы родителя, состоянием здоровья, изменением семейного положения и пр.

Обновить действующий порядок общения родителя с ребенком можно лишь тем способом,

которым он был установлен. Если стороны ранее подписали соглашение о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, то они вправе его изменить самостоятельно, поскольку данный вариант отличается своей гибкостью и может корректироваться сторонами по мере необходимости.

В случае нежелания одного из родителей менять ранее достигнутые договоренности по графику общения с ребенком, а также учитывая, что письменное соглашение, в том числе нотариально удостоверенное, не обладает принудительной исполнительной силой, в связи с чем не может быть обращено к исполнению через службу судебных приставов, один из родителей вправе обратиться в суд с требованиями о расторжении соглашения и определении нового порядка общения с ребенком [7, с. 118], предоставив суду доказательства того, что прежний порядок более не отвечает его интересам. При этом обращении в суд в данном случае должен предшествовать этап досудебного урегулирования по правилам, установленным ст. 452 Гражданского кодекса РФ [2].

В случае, когда график общения с ребенком изначально был определен судебным актом, его пересмотр возможен только в судебном порядке путем инициации заинтересованным родителем нового судебного разбирательства по исковому требованию об изменении ранее установленного порядка общения.

Принудительное исполнение судебных актов, в том числе определяющих порядок общения с ребенком, находится в исключительной компетенции службы судебных приставов. Основанием возбуждения исполнительного производства является исполнительный лист, выданный судом.

Поскольку, как отмечалось выше, соглашение об осуществлении родительских прав отдельно проживающим родителем, в том числе нотариально удостоверенное, не обладает силой исполнительного документа, то в случае нарушения его условий заинтересованный родитель вправе обеспечить защиту своих прав и прав ребенка в судебном порядке, при условии соблюдения правила о досудебном урегулировании возникших разногласий.

Во многих случаях родитель, с которым проживает ребенок, преднамеренно ограждает его от любой коммуникации с другим родителем, даже при наличии действующего решения суда или заключенного сторонами соглашения.

Действующее законодательство РФ устанавливает ряд мер ответственности, к которым могут быть привлечены недобросовестные родители в таких случаях. В частности речь идет об административной ответственности за правонарушения,

предусмотренные ч.ч. 2, 3 ст. 5.35 и ст. 17.15 Кодекса об административных правонарушениях РФ [3].

В рамках правил подведомственности составление административных протоколов входит в круг обязанностей либо Комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, либо служб судебных приставов соответственно.

Изложенное свидетельствует о том, что орган опеки и попечительства при разрешении между родителями споров об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, не вправе принимать решения об установлении порядка общения с ребенком, об обязанности другого родителя предоставлять ребенка для общения, обеспеченных принудительным исполнением, а также разрешать вопрос о привлечении к ответственности родителя, создающего преграды к общению ребенка со вторым родителем.

Вместе с тем, п. 4 ст. 65 Семейного кодекса РФ возлагает на органы опеки и попечительства полномочие в виде «оказания содействия» гражданам в разрешении «детских» споров. Под «оказанием содействия» следует понимать: проведение беседы с обоими родителями на предмет выявления причин имеющихся разногласий, разъяснение каждому из них негативных последствий и мер ответственности за ненадлежащее исполнение возложенных обязанностей, информирование их о возможных путях разрешения разногласий и возможных последствиях, дача рекомендаций и предоставление им информации о доступных услугах (психологической, медиативной помощи).

Строго говоря, орган опеки и попечительства не обладает ресурсами по принудительному урегулированию семейного конфликта. В данном случае разрешение спора возможно только при готовности и доброй воле самих родителей к диалогу и поиску компромисса. Поскольку в основе семейного конфликта преимущественно лежат межличностные противоречия, то его разрешение на начальном этапе не может быть обеспечено юридическим инструментарием. Применение данного механизма целесообразно только после достижения сторонами консенсуса, поэтому на начальном этапе родителям, а зачастую и самому ребенку, требуется помощь не юриста, а психолога, психотерапевта, медиатора, задача которых помочь сторонам выявить глубинные причины конфликта, наладить эффективную коммуникацию, справиться с эмоциональным напряжением, обидами, агрессией, выработать стратегию позитивного поведения [4]. И лишь после устранения внутренних противоречий, достижения взаимоприемле-

мых договоренностей и выражения готовности их зафиксировать, следует обращаться к юридическим процедурам.

На основании изложенного можно заключить, что органы опеки и попечительства в рамках разрешения споров о детях с правовой точки зрения «безоружны». Отсутствие ожидаемой реакции в виде полного разрешения конфликта, часто ошибочно оценивается гражданами как неэффективное, формальное отношение специалистов органов опеки и попечительства к своим обязанностям, либо как вовсе нежелание их исполнять должным образом. Представляется, что активная просветительская работа, ориентирующая граждан на мирное урегулирование семейных конфликтов, следствием которых является разобщению детей и родителей, нарушение детско-родительских связей, поможет существенно снизить их число.

Список литературы:

- [1] Горожанкина Е.Н. Рассмотрение и разрешение споров, связанных с воспитанием детей: дис. канд. юрид. наук. М., 2025. 164.
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (часть первая) (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - ст. 33.01.
- [3] Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 32912.2025) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 1. - ст. 1.
- [4] Матанцев Д.А. Методологические вопросы типологии правового поведения // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 4. С. 21-27.

[5] Нинчиева Т.М. Раздельное проживание родителей: семейно-правовые основы // Евразийский научный журнал. - № 3. - 2017. - С. 9.

[6] Семейный кодекс Российской Федерации от 19.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.10.2025) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 1. - ст. 16.

[7] Система семейно-правовых договоров: монография / С.С. Шевчук, О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. Санкт-Петербург: СЮА, 2022. 212 с.

References:

- [1] Gorozhankina E.N. Consideration and resolution of disputes related to the upbringing of children: dis. cand. jurid. sciences. M., 2025. 164.
- [2] Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 No. 51-FZ (Part One) (as amended on 31.07.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1994. - No. 32. - Art. 33.01.
- [3] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation dated 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 32912.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 1. - Art. 1.
- [4] Matantsev D.A. Methodological issues of typology of legal behavior//Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4. S. 21-27.
- [5] Nintsieva T.M. Separation of parents: family legal basis//Eurasian scientific journal. - № 3. - 2017. - S. 9.
- [6] Family Code of the Russian Federation of 19.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 30.10.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 1. - Art. 16.
- [7] System of family law contracts: monograph/S.S. Shevchuk, O.S. Zyбина, A.E. Tolstova. St. Petersburg: SUA, 2022. 212 pp.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-484-488

МОИСЕЕНКО Михаил Иванович,
доцент кафедры административного права и процесса, к.ю.н.,
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России
имени Героя Российской Федерации Генерала армии
Е.Н. Зиничева,
e-mail: mail@law-books.ru

МУТАЛИЕВА Лэйла Сасыкбековна,
доцент кафедры административного права и процесса, к.ю.н.,
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России
имени Героя Российской Федерации Генерала армии
Е.Н. Зиничева,
e-mail: mail@law-books.ru

ТРЕСКИНА Полина Константиновна,
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России
имени Героя Российской Федерации Генерала армии
Е.Н. Зиничева,
e-mail: mail@law-books.ru

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ (ФОРС-МАЖОР) В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовой природы и классификации обстоятельств непреодолимой силы («форс-мажор») в гражданском законодательстве Российской Федерации, правовым аспектам и практике применения обстоятельств непреодолимой силы при исполнении обязательств. В работе рассматриваются форс-мажорные обстоятельства как объективные события чрезвычайного характера, которые могут освободить субъектов гражданско-правовых отношений от ответственности за неисполнение обязательств вследствие наступления непредвиденных обстоятельств. Анализируются примеры из судебной практики, иллюстрирующие применение обстоятельств непреодолимой силы. Особое внимание уделяется последствиям признания форс-мажорных обстоятельств для сторон договора, включая возможность приостановления исполнения обязательств и изменения условий договора. Исследование подчеркивает необходимость четкой регламентации форс-мажора в гражданских договорах, а также актуальные тенденции в правоприменительной практике, что способствует повышению правовой определенности и защите интересов сторон.

Ключевые слова: обстоятельства непреодолимой силы, форс-мажор, природные катаклизмы, социальные факторы, технологические катастрофы, решения государственных органов.

MOISEENKO Mikhail Ivanovich,
Associate Professor of the Department of Administrative Law and Procedure,
Candidate of Juridical Sciences Saint Petersburg University
of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero
of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev

MUTALIEVA Leila Sasykbekovna,
Associate Professor of the Department of Administrative Law and Procedure,
Candidate of Juridical Sciences Saint Petersburg University
of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero
of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev

TRESKINA Polina Konstantinovna,
St. Petersburg University GPS of the Ministry of Emergency Situations
of Russia named after the Hero of the Russian Federation
Army General E.N. Zinichev

CIRCUMSTANCES OF IRRESISTIBLE FORCE (FORCE MAJEURE) IN RUSSIAN LEGISLATION

Annotation. *The article is devoted to the study of the legal nature and classification of force majeure circumstances ("force majeure") in the civil legislation of the Russian Federation, legal aspects and practice of force majeure circumstances in the performance of obligations. The paper considers force majeure circumstances as objective events of an extraordinary nature that can release subjects of civil law relations from responsibility for non-fulfillment of obligations due to the occurrence of unforeseen circumstances. The examples from judicial practice illustrating the use of force majeure circumstances are analyzed. Special attention is paid to the consequences of recognizing force majeure circumstances for the parties to the agreement, including the possibility of suspending the fulfillment of obligations and changing the terms of the agreement. The study highlights the need for clear regulation of force majeure in civil contracts, as well as current trends in law enforcement practice, which contributes to increased legal certainty and protection of the interests of the parties.*

Key words: *circumstances of irresistible force, force majeure, natural disasters, social factors, technological disasters, and government decisions.*

Гражданское законодательство определяет – обязательства должны исполняться надлежащим образом, соответствовать условиям обязательства, требованиям закона и иных правовых актов. Поскольку в любой момент присутствует вероятность наступления факторов, влияющих на должное исполнение обязанностей, то определение границ ответственности сторон становится необходимой задачей, чем и обусловлена актуальность данного исследования. Тема обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) в российском законодательстве получила существенное освещение в диссертационных исследованиях, что ещё раз подчёркивает устойчивый научный интерес к рассматриваемой проблематике [7].

Настоящее исследование преследует цель проведение подробного анализа правовой природы и специфики института непреодолимой силы в российском гражданском законодательстве, изучение условий признания различных факторов обстоятельствами непреодолимой силы, последствий такого признания для договорных обязательств сторон, а также освобождение участников гражданско-правовых отношений от ответственности при наступлении объективно непреодолимых событий.

Традиционно к обстоятельствам непреодолимой силы относят: природные катаклизмы, социальные факторы, технологические катастрофы, решения государственных органов, т.е. такие объективные факторы, которые в силу закона освобождают одну из сторон граждан-

ско-правового обязательства от исполнения и ответственности. При этом должно быть учтено, что сторона не имела возможности предотвратить событие, либо устранить последствия своими силами, действовала добросовестно, при той степени заботливости и осмотрительности, которая от неё требовалась по характеру обязательства, условиям оборота и принимала возможные меры для надлежащего исполнения обязательства.

Согласно п. 3 ст. 401 Гражданского Кодекса Российской Федерации непреодолимая сила – это чрезвычайные и непредотвратимые при конкретных условиях обстоятельства, делающие невозможным надлежащее исполнение обязательства [1].

Е.С. Каплунова предлагает возможное доктринальное определение понятия непреодолимой силы: «непреодолимая сила, как разновидность объективного случая, представляет собой внешнее по отношению к поведению субъекта природное или социальное явление, объективная непредотвратимость (независимо от предвидения) последствий которого исключает юридическую ответственность» [7, с. 7].

Н.П. Коршунова определяет понятие непреодолимой силы следующим образом: «Непреодолимой силой признаются обстоятельства, возникающие после заключения договора независимо от волевого поведения либо связанные с ним, отвечающие критериям, установленным законом, и распространяющие свое действие на любого субъекта гражданского права, оказавшегося в зоне действия непреодолимой силы» [10, с. 9].

В российском законодательстве отсутствует чёткое юридическое определение понятия «форс-мажор». Данный термин, сформировавшийся в деловой практике, используется для обозначения обстоятельств непреодолимой силы, которые препятствуют исполнению договорных обязательств. В рамках научных исследований ведётся разработка данной проблематики.

А.А. Андреев в диссертационном исследовании предлагает в целях оптимизации правоприменительной практики законодательно закрепить внешний характер непреодолимой силы в качестве её необходимого признака и дополнить п. 3 ст. 401 Гражданского Кодекса Российской Федерации абзацем 2 изложив его в следующей редакции: «Непреодолимая сила - это чрезвычайные, непредотвратимые обстоятельства, имеющие внешний характер по отношению к должнику, возникшие после заключения договора и влекущие за собой его нарушение» [9, с. 6].

В пункте 1 статьи 416 Гражданского кодекса Российской Федерации прописано: «обязательство прекращается невозможностью исполнения, если она вызвана наступившим после возникновения обязательства обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает» [1].

Фактическое отсутствие возможности выполнить обязательство, вне всякого сомнения, свидетельствует о том, что оно не зависит от воли или действий должника, и, следовательно, делает выполнение обязательства неосуществимым в соответствии с законодательством или договорными условиями, независимо от личного участия должника или привлечения им третьих лиц.

А.А. Андреев предлагает ввести в научный оборот понятие «договорная форс-мажорная оговорка» дополнив ст. 401 ГК РФ п. 5. Указанное научное определение даст возможность не признавать сторону ответственную за неисполнение какого-либо обязательства. При этом необходимо будет доказать: неисполнение явилось результатом препятствия, находящегося вне её контроля; от неё нельзя было разумно ожидать в момент заключения договора принятия во внимание данного препятствия или его последствий для исполнения договора; она не могла разумно избежать или преодолеть такое препятствие или его последствия [7, с. 7].

Обстоятельства непреодолимой силы традиционно характеризуются тремя определяющими признаками: чрезвычайность, непредотвратимость и непреодолимость.

О.Н. Захарова анализируя понятие непреодолимой силы, выделяет её существенные признаки: «внешний характер по отношению к деятельности ответственного лица, чрезвычайность обстоятельства, а также непредотвратимость

последствий обстоятельства» и указывает: «Признак внешнего характера является обязательным для характеристики понятия непреодолимой силы, так как непреодолимая сила всегда, в отличие от случая, является обстоятельством внешним по отношению к деятельности ответственного лица» [10, с. 8].

Необходимо подчеркнуть, что возникновение форс-мажорных обстоятельств само по себе не влечёт автоматического прекращения обязательства должника, если после их устранения исполнение становится возможным. В подобных ситуациях сторона, как правило, освобождается от необходимости возмещения убытков, уплаты неустойки и иных санкций, связанных с просрочкой исполнения обязательства (ст. 401, 405, 406, 417 ГК РФ).

В случае несоблюдения хотя бы одного из условий, упомянутых выше, сторона, безусловно, не может быть освобождена от ответственности за невыполнение обязательств [6].

К обстоятельствам непреодолимой силы, как правило, не относятся нарушения обязательств со стороны контрагентов должника, а также отсутствие необходимых товаров на рынке или недостаток денежных средств у должника и др.

Кроме того, к обстоятельствам непреодолимой силы обычно не причисляют ситуации, зависящие от воли или возможностей обязанного лица, такие как несоблюдение санитарных норм или уклонение от уплаты налогов. Эти ситуации, очевидно, находятся в зоне контроля и ответственности обязанного лица.

В настоящее время торгово-промышленная палата Российской Федерации (ТПП РФ) представляет собой значимый институт, выполняющий функцию верификации наступления форс-мажорных обстоятельств в контексте внешнеторговой деятельности.

Согласно законодательству Российской Федерации, ТПП РФ уполномочена подтверждать возникновение форс-мажорных ситуаций на территории страны. К форс-мажорным обстоятельствам относятся различные явления, такие как природные катаклизмы (например, землетрясения или наводнения), эпидемии, военные конфликты и другие события, которые существенно затрудняют или делают невозможным исполнение договорных обязательств [2].

В данную категорию также входит введения иностранными государствами запретов или ограничений в отношении Российской Федерации, что особенно важно при прекращении деятельности компетентных органов иностранных государств.

Кроме того, ТПП РФ имеет полномочия удостоверять форс-мажорные обстоятельства, прои-

зошедшие на территориях, не являющихся суверенными государствами, позволяя обеспечивать защиту интересов российских участников внешнеэкономической деятельности в различных международных контекстах.

Процесс удостоверения форс-мажора включает оформление и выдачу сертификата, который подтверждает наличие соответствующих обстоятельств. Следует отметить, что данный сертификат служит официальным документом, подтверждающим правомерность освобождения от ответственности за неисполнение обязательств по внешнеторговым договорам.

В судебной практике Российской Федерации можно встретить разнообразные случаи применения института непреодолимой силы обстоятельств. В качестве примеров можно привести несколько дел, связанных, например, со стихийными бедствиями и пандемиями.

Так, в деле №А40-199718/2022 Арбитражный суд города Москвы признал наводнение, обстоятельством непреодолимой силы, освободив компанию от ответственности за убытки. Суд установил, что данное событие было непредвиденным и неизбежным, что исключило возможность исполнения обязательств [3].

Аналогичным образом в деле №А73-9889/2022 суд признал форс-мажорными обстоятельства, связанные с введением ограничений из-за пандемии COVID-19. Компания не смогла выполнить обязательства по поставке товара из-за закрытия границ [4].

Основными условиями для признания обстоятельств форс-мажором являются непредвиденность события, неизбежность последствий и влияние на исполнение обязательств [5]. Недостаточное документальное подтверждение обстоятельств, в свою очередь, может стать поводом для отказа в признании форс-мажора.

Таким образом, определение обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) в российском законодательстве является важным аспектом российского гражданского права, поскольку позволяет освобождать участников гражданско-правовых отношений от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств вследствие объективных непредотвратимых факторов. Обстоятельства непреодолимой силы подразделяются на природные явления, техногенные катастрофы, социальные конфликты, законодательные изменения, каждое из названных явлений имеет свои отличительные особенности и правовые последствия. Анализируя положения законодательства и научные исследования данного вопроса можно выделить существенные условия понятия непреодолимой силы, таковыми можно назвать: чрезвычайность, непредотврати-

мость, внешний характер и влияние данных обстоятельств на исполнение договора.

Понимание института форс-мажора играет значимую роль для участников гражданского оборота, что позволяет заранее оценить риски и предусмотреть соответствующие условия в договорах, тем самым минимизируют правовые риски и возможные убытки.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 20.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законов РФ, 05.12.1994, №32, ст 401, 416.
- [2] Закон РФ от 07.07.1993 N 5340-1 (ред. от 12.12.2023) «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации», ст. 15.
- [3] Решение Арбитражного суда города Москвы от 21 июля 2023 г. по делу № А40-199718/2022.
- [4] Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 27 апреля 2023 г. по делу № А73-9889/2022
- [5] Простолупова А. А., Коробов П. А. Обстоятельства непреодолимой силы (форс-мажор) // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 2 (41). С. 66–72. DOI 10.35853/vestnik.gu.2023.2(41).07.
- [6] Энциклопедия решений. Обстоятельства непреодолимой силы (форс-мажор) и последствия их наступления [Электронный ресурс] // СПС Гарант.Ру (дата обращения: 23.03.2025).
- [7] Андреев А. А. Эвентуальная ответственность в гражданском праве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03. — Рязань, 2011. — 25 с.
- [8] Иванова С. Н. Обстоятельства непреодолимой силы в современном гражданском праве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03. — Москва, 2009. — 26 с.
- [9] Каплунова Е. С. Непреодолимая сила и смежные с ней понятия: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.03. — Томск, 2005. — 25 с.
- [10] Захарова О.Н. Непреодолимая сила и гражданско-правовая ответственность: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03. — Москва, 2005. — 24 с.
- [11] Коршунова Н. П. Обстоятельства, освобождающие от ответственности за нарушение договора: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: — Москва, 2007. — 31 с.
- [12] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 20.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 08.08.2024) //Collection of Laws of the Russian Federation, 05.12.1994, No. 32, Articles 401, 416.

[2] Law of the Russian Federation of 07.07.1993 No. 5340-1 (as amended by 12.12.2023) "On Chambers of Commerce and Industry in the Russian Federation," Article 15.

[3] Decision of the Moscow Arbitration Court of July 21, 2023 in case No. A40-199718/2022.

[4] Decision of the Arbitration Court of the Khabarovsk Territory dated April 27, 2023 in case No. A73-9889/2022

[5] Prostolupova A. A., Korobov P. A. Force majeure circumstances//Bulletin of the Humanitarian University. 2023. № 2 (41). S. 66-72. DOI 10.35853/vestnik.gu.2023.2(41).07.

[6] Solution Encyclopedia. Force majeure circumstances and the consequences of their occur-

rence [Electronic resource]//SPS Garanti.Ru (date of appeal: 23.03.2025).

[7] Andreev A. A. Eventual liability in civil law: abstract dis.... Candidate of Law: 12.00.03. - Ryazan, 2011. - 25 s.

[8] Ivanova S.N. Force majeure circumstances in modern civil law: abstract dis.... Candidate of Law: 12.00.03. - Moscow, 2009. - 26 s.

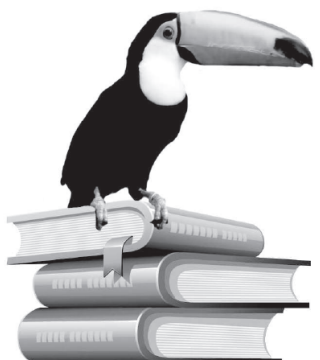
[9] Kaplunova E. S. Irresistible force and related concepts: abstract dis.... Candidate of Law: 12.00.03. - Tomsk, 2005. - 25 s.

[10] Zakharova O.N. Irresistible force and civil liability: abstract dis.... Candidate of Law: 12.00.03. - Moscow, 2005. - 24 s.

[11] Korshunova N.P. Circumstances exempting from liability for violation of the contract: abstract dis.... Candidate of Law: - Moscow, 2007. - 31 s.

[12] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.03.2016 No. 7 (ed. 22.06.2021) "On the application by the courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for violation of obligations"

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-489-492

КОРОБОВ Илья Андреевич,
аспирант, Негосударственное образовательное
частное учреждение высшего образования
«Московской финансово-промышленный
университет синергия»
e-mail: ya.korobov6@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Цель: Целью исследования является выявление и анализ правовых коллизий, возникающих в процессе регулирования имущественных отношений супругов относительно цифровых активов в условиях цифровизации гражданского оборота и отсутствия профильных норм.

Методы: В работе применены формально-юридический метод, сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства, а также метод системного толкования норм семейного и гражданского права применительно к объектам цифровой среды.

Результаты: Автором выявлены существенные пробелы в СК РФ в части квалификации цифровых прав как совместной собственности, обоснована необходимость внедрения смарт-контрактов в семейно-правовую сферу и определены основные проблемы доказывания владения активами.

Выводы: В ходе исследования сделан вывод о необходимости внесения изменений в семейное законодательство для легализации статуса цифровых активов. Установлено, что текущая судебная практика сталкивается с невозможностью эффективного раздела криптовалют и аккаунтов без расширения перечня электронных доказательств. Предлагается внедрение концепции «цифрового профиля семьи» для минимизации рисков сокрытия имущества и обеспечения равенства прав супругов в условиях глобальной цифровой трансформации социума.

Ключевые слова: цифровые активы, супруги, криптовалюта, брачный договор, смарт-контракт, совместная собственность, цифровые права, раздел имущества, электронные доказательства, блокчейн.

KOROBOV Ilia Andreevich,
Postgraduate student,
Non-state private higher education institution
«Moscow Financial and Industrial
University Synergy»

FEATURES OF PROPERTY RELATIONS BETWEEN SPOUSES IN THE DIGITAL SOCIETY

Annotation. Objective: The study aims to identify and analyze legal collisions arising in the process of regulating property relations of spouses regarding digital assets in the context of the digitalization of civil turnover.

Methods: The work employs the formal-legal method, comparative legal analysis of Russian and foreign legislation, and the method of systematic interpretation of family and civil law norms concerning digital objects.

Results: The author identified significant gaps in the Family Code regarding the qualification of digital rights as joint property and substantiated the need for introducing smart contracts into the family law sphere.

Conclusions: The study concludes that it is necessary to amend family legislation to legalize the status of digital assets. It has been established that current judicial practice faces the impossibility of effective division of cryptocurrencies and accounts without expanding the list of electronic evidence. The introduction of the "digital family profile" concept is proposed to minimize the risks of property concealment and ensure the equality of spouses' rights.

Key words: *digital assets, spouses, cryptocurrency, prenuptial agreement, smart contract, joint property, digital rights, property division, electronic evidence, blockchain.*

Введение (Introduction)

Современное общество характеризуется стремительным переходом имущественных ценностей из материальной формы в цифровую.

Имущественные отношения супругов, традиционно базирующиеся на нормах Семейного кодекса РФ, сегодня сталкиваются с вызовами, которые не могли быть в полной мере предвидены при формировании базовых положений семейного права.

Появление таких объектов, как криптовалюты, токены (NFT), цифровые финансовые активы и коммерциализированные аккаунты в социальных сетях, порождает правовую неопределенность.

Основная проблема заключается в том, что законный режим имущества супругов, закрепленный в ст. 34 СК РФ, оперирует категориями «вещи» и «доходы», в то время как цифровые активы обладают специфической правовой природой и анонимностью.

Актуальность темы обусловлена необходимостью гармонизации норм семейного и гражданского права для защиты интересов членов семьи в цифровой реальности.

Материалы и методы (Materials and methods)

В качестве эмпирической базы исследования выступили нормы Гражданского кодекса РФ, Семейного кодекса РФ, Федерального закона «О цифровых финансовых активах», а также актуальные постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Методологическую основу составил диалектический подход, позволивший рассмотреть цифровые активы в динамике их развития.

Использовался метод сравнительного правоведения для сопоставления подходов РФ и зарубежных стран (Новая Зеландия, Великобритания).

Применялся логический метод для выявления противоречий между нормами семейного законодательства и правовым режимом цифровых прав в гражданском обороте.

Литературный обзор (Literature Review)

Проблема цифрового имущества активно обсуждается в трудах Е. А. Вотиной и Е. Н. Сырко-

вой, которые подчеркивают дуализм правовой природы цифровых прав. Вопросы использования смарт-контрактов в брачно-семейных отношениях поднимаются в работах Д. Е. Матыцина и Н. Г. Хачатурян, указывающих на перспективы автоматизации исполнения обязательств супругов. Процессуальные аспекты раздела виртуальных активов и специфика электронных доказательств детально проанализированы В. А. Тертышным и А. Д. Крюковой на примере аккаунтов в социальных сетях. Зарубежный опыт, представленный исследованиями S. L. Tang и J. Botha, вносит значительный вклад в понимание методов поиска скрытых криптоактивов при разводе. Большинство авторов, включая А. Ф. Пьянкову и Т. В. Шершень, сходятся во мнении о наличии глубокой коллизии между консервативным семейным правом и современными цифровыми реалиями.

Обсуждение (Discussion)

Одной из ключевых коллизий в российском праве является несоответствие перечня объектов совместной собственности, указанного в ст. 34 СК РФ, и категорий объектов гражданских прав, закрепленных в ст. 128 ГК РФ. С введением в гражданский оборот «цифровых прав» возник вопрос об их автоматическом включении в состав общего имущества супругов. Согласно позиции Е. А. Вотиной, «Цифровые права как новый объект гражданских прав неизбежно попадают в сферу действия семейного законодательства, однако отсутствие их прямого упоминания в СК РФ создает риски правовой неопределенности» [1].

Проблема усугубляется тем, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 (в ред. от 06.02.2007) дает расширительное толкование состава имущества, но не учитывает специфику блокчейн-технологий. Коллизия заключается в том, что по ГК РФ цифровые финансовые активы (ЦФА) признаются имуществом, но по СК РФ режим их раздела не ясен из-за отсутствия физической формы и привязки к конкретному владельцу через закрытые ключи. Как отмечает Е. Н. Сыркова, «Цифровая валюта по своей сути является имуществом, но ее анонимный характер вступает в противоречие с презумпцией равенства долей супругов, так как один из них может полностью контролировать актив без ведома другого» [3]. Здесь мы видим

столкновение ст. 35 СК РФ (владение, пользование и распоряжение общим имуществом) и технологической невозможности реализации согласия супруга на совершение транзакции в децентрализованной системе.

Развитие технологий распределенного реестра ставит вопрос о трансформации договорного режима имущества супругов. В соответствии со ст. 41 СК РФ, брачный договор требует обязательного нотариального удостоверения. Однако смарт-контракт, по своей сути являющийся само-исполняемым кодом, предлагает автоматизацию раздела имущества при наступлении определенных условий (например, факта расторжения брака, зафиксированного в реестре ЗАГС).

А. В. Захаркина и В. П. Ладыгина подчеркивают, что «Включение положений о ЦФА в брачный договор позволяет заранее определить судьбу волатильных активов» [2]. Однако здесь возникает коллизия между ст. 42 СК РФ, ограничивающей содержание договора только имущественными отношениями, и техническими возможностями смарт-контракта, который может быть привязан к неимущественным триггерам. Д. Е. Матыцин указывает на то, что «Перспектива применения смарт-контрактов в РФ ограничена требованием о письменной форме и подписи, что делает необходимым создание гибридных моделей: нотариальный договор с приложением в виде программного кода» [6]. Зарубежный исследователь L. Sisák добавляет, что «Смарт-брачные контракты могут решить проблему уклонения от исполнения обязательств, так как исполнение происходит автоматически, минуя стадию исполнительного производства» [12].

Наиболее сложным аспектом является процессуальное доказывание наличия цифрового имущества. В российской практике суды часто отказывают в разделе криптовалюты из-за невозможности идентификации владельца кошелька. В. А. Тертышный отмечает, что «Основная проблема раздела криптовалют — это отсутствие механизмов принудительного взыскания и доступа к ключам» [9].

Здесь прослеживается коллизия между нормами ГПК РФ о допустимости доказательств и реалиями цифровой среды. Традиционные методы (запросы в банки) не работают с децентрализованными биржами. Как справедливо указывает А. Д. Крючкова, даже раздел аккаунта в Instagram (признан экстремистским в РФ) вызывает сложности: «Аккаунт как совокупность прав на контент и клиентскую базу является ценным активом, но суды часто квалифицируют его как средство коммуникации, а не объект раздела» [4].

В зарубежной практике, например, в деле «Bitcoin in a divorce case» (J. Botha), используются методы компьютерной форензики для обнаружения следов транзакций на устройствах супруга [14]. В РФ аналогичные методы пока не имеют системного закрепления. С. Л. Танг (S. L. Tang) подчеркивает, что «В эпоху Метавселенных раздел NFT и виртуальной недвижимости станет рутинным, что потребует от судов навыков работы с блокчейн-экспертизами» [13]. Российское законодательство в лице Постановления Пленума ВС РФ № 25 от 23.06.2015 оставляет простор для признания электронных переписок доказательствами, но этого недостаточно для обеспечения баланса интересов при разделе высокотехнологичных активов.

Таким образом, обсуждение показывает, что правовой режим цифровых активов супругов требует не просто точечных изменений, а системной ревизии понятийного аппарата СК РФ в части корреляции с нормами о цифровых правах.

Результаты (Results)

В ходе проведенного анализа установлено, что основной коллизией является отсутствие в Семейном кодексе РФ категории «Цифровые права», что затрудняет применение к ним законного режима имущества. Выявлено, что смарт-контракты могут выступать эффективным инструментом реализации брачного договора, однако их легитимация требует интеграции с нотариальной формой сделки. Доказано, что раздел цифровых активов (криптовалют, NFT, аккаунтов) на текущий момент возможен лишь при добровольном раскрытии информации супругами, так как механизмы принудительного поиска и идентификации в ГПК и СК РФ не адаптированы к блокчейн-системам. Предложен подход, согласно которому цифровые активы должны признаваться «Иным имуществом» по смыслу ст. 34 СК РФ с обязательной фиксацией в цифровых профилях граждан.

Заключение (Conclusion)

Исследование особенностей имущественных отношений супругов в цифровом обществе позволило сформулировать вывод о глубоком разрыве между технологическим развитием социума и нормативно-правовой базой семейного права. Основной проблемой остается латентность цифровых активов, позволяющая недобросовестным супругам скрывать значительные финансовые ресурсы от раздела. Предлагается дополнить ст. 34 СК РФ упоминанием цифровых прав и цифровой валюты как объектов общей собственности. Важным этапом должна стать разработка методических рекомендаций

для судов по использованию электронных доказательств и привлечению специалистов в области форензики. Внедрение смарт-контрактов в нотариальную практику позволит повысить исполнимость брачных договоров.

Дальнейшее развитие законодательства должно идти по пути прозрачности цифровых транзакций внутри семейного союза, обеспечивая защиту прав наиболее уязвимой стороны при разделе высокотехнологичного имущества.

Список литературы:

- [1] Вотина Е. А. Цифровые права в составе имущества супругов.
- [2] Захаркина А. В., Ладыгина В. П. Цифровые финансовые активы как новое положение брачного договора.
- [3] Сынкova Е. Н. Цифровая валюта как объект общего имущества супругов.
- [4] Крючкова А. Д. Правовая природа Instagram-аккаунта и проблема раздела данного «имущества».
- [5] Шастина А. Р. Криптовалюта и NFT как объект брачного договора: проблемы правового регулирования.
- [6] Матыцин Д. Е., Квициния Н. В. Перспективы правового регулирования имущественных отношений супругов при заключении брачного договора с применением цифровых технологий.
- [7] Хачатурян Н. Г. Брачный договор в эпоху цифровой трансформации.
- [8] Валин Д. В. Раздел цифровых прав по российскому, английскому и французскому праву: сравнительно-правовой анализ.
- [9] Тертышный В. А. Криптовалюта-объект общего имущества супругов. Проблемы раздела.
- [10] Агаева В. В. Раздел аккаунта в социальной сети при прекращении брачно-семейных правоотношений.
- [11] Пьянкова А. Ф., Шершень Т. В. Раздел общего имущества супругов в Российской Федерации: спорные вопросы теории, законодательства и правоприменения.
- [12] Sisák L. Smart marriage contracts: the future of blockchain in matrimonial property law?
- [13] Tang S. L. Cryptocurrency, NFTs and the "Metaverse": Addressing the Expanding World of Virtual Assets in Divorce Proceedings.
- [14] Botha J., Leenen L. Cryptocurrency-crime investigation: Fraudulent use of bitcoin in a divorce case.

[15] Szwajdler P. Digital assets and inheritance law: How to create fundamental principles of digital succession system?

[16] Haraminac D. Cryptocurrency in Litigation Practice: Tips and Pitfalls for the Financial Forensics Practitioner.

References:

- [1] Votina E. A. Digital rights in the property of spouses.
- [2] Zakharkina A.V., Ladygina V.P. Digital financial assets as a new provision of the prenuptial agreement.
- [3] Synkova E.N. Digital currency as an object of common property of spouses.
- [4] Kryuchkova A. D. The legal nature of the Instagram account and the problem of dividing this "property."
- [5] A.R. Shastina. Cryptocurrency and NFT as an object of a marriage contract: problems of legal regulation.
- [6] Matytsin D.E., Kvitsinia N.V. Prospects for the legal regulation of property relations of spouses when concluding a marriage contract using digital technologies.
- [7] Khachaturian N. G. Marriage contract in the era of digital transformation.
- [8] Valin D.V. Section of digital rights in Russian, English and French law: comparative legal analysis.
- [9] Tertyshny V. A. Cryptocurrency is an object of common property of spouses. Partition issues.
- [10] V.V. Agaeva. Section of an account on a social network upon termination of marriage and family legal relations.
- [11] Pyankova A.F., Hornet T.V. Division of common property of spouses in the Russian Federation: controversial issues of theory, legislation and law enforcement.
- [12] Sisák L. Smart marriage contracts: the future of blockchain in matrimonial property law?
- [13] Tang S. L. Cryptocurrency, NFTs and the "Metaverse": Addressing the Expanding World of Virtual Assets in Divorce Proceedings.
- [14] Botha J., Leenen L. Cryptocurrency-crime investigation: Fraudulent use of bitcoin in a divorce case.
- [15] Szwajdler P. Digital assets and inheritance law: How to create fundamental principles of digital succession system?
- [16] Haraminac D. Cryptocurrency in Litigation Practice: Tips and Pitfalls for the Financial Forensics Practitioner.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-493-499

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

ВАСИЛЬЕВ Алексей Юрьевич,
магистрант, федеральное государственное
образовательное бюджетное учреждение высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации»,
e-mail: makbp2007@mail.ru

ПРЕДДОГОВОРНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ СТОРОН ПО ДОГОВОРУ ДОЛЕВОГО УЧАСТИЯ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу преддоговорных правоотношений в сфере долевого участия в строительстве, затрагивает проблемы навязывания застройщиками платных услуг по бронированию объектов строительства до подписания договора участия в долевом строительстве. В работе проведен комплексный анализ правового регулирования долевого строительства, включая: эволюцию института участия граждан в жилищном строительстве (от советского периода до современности); роли Гражданского кодекса РФ и специального законодательства в регулировании правоотношений, возникающих по вопросу приобретения еще не построенного объекта недвижимого имущества; влияния введения эскроу-счетов на рыночные отношения и ценообразование. На основе судебной практики выявлены условия, при которых сделки по оказанию платных услуг бронирования могут быть признаны недействительными. Выявлены правовые коллизии между принципом свободы договора и нормами о защите прав потребителей. Сформулированы рекомендации для дольщиков по защите своих прав, а также предложений по совершенствованию законодательства в части регулирования преддоговорных отношений.

Ключевые слова: преддоговорные отношения, долевое строительство, договор участия в долевом строительстве, услуги по бронированию объектов строительства, эскроу-счета, навязывание услуг.

VASILYEV Alexey Yurievich,
Master's student, Federal State Educational
Budgetary Institution of Higher Education "Financial University
under the Government of the Russian Federation"

PRE-CONTRACTUAL LEGAL RELATIONS OF THE PARTIES UNDER THE CONTRACT OF SHARED PARTICIPATION IN CONSTRUCTION

Annotation. The article is devoted to the analysis of pre-contractual legal relations in the field of shared participation in construction, and addresses the issues of imposing by developers of paid services for booking construction sites before signing a contract of participation in shared construction. The work provides a comprehensive analysis of the legal regulation of shared construction, including: the evolution of the institution of citizens' participation in housing construction (from the Soviet period to the present); the article examines the role of the Civil Code of the Russian Federation and special legislation in regulating legal relations arising from the acquisition of an unbuilt real estate object; the impact of the introduction of escrow accounts on market relations and pricing. Based on court practice, the article identifies the conditions under which transactions for the provision of paid booking services may be declared invalid. The article also identifies legal conflicts between the principle of freedom of contract and consumer protection laws. The article provides recommendations for shareholders on how to protect their rights, as well as suggestions for improving legislation in terms of regulating pre-contractual relations.

Key words: pre-contractual relations, shared construction, contract of participation in shared construction, services for booking construction sites, escrow accounts, and the imposition of services.

Преддоговорные правоотношения в рамках договора долевого участия – важный и недостаточно регламентированный сегмент жилищного строительства, где сталкиваются интересы застройщиков и участников долевого строительства. Актуальность темы обусловлена распространенной практикой навязывания потенциальным участникам правоотношений в сфере долевого строительства платных услуг (прежде всего — «бронирования» объекта) до подписания договора долевого участия. Такие платежи зачастую оформляются как «плата за услугу», но не сопровождаются реальным встречным предоставлением, а их невозвратный характер ущемляет права участников долевого строительства, прежде всего, граждан. При этом законодательство о долевом участии в строительстве не предусматривает обязательственные преддоговорные взаимодействия, в связи с чем, повышаются риски для граждан от действий недобросовестных застройщиков.

Целью данной статьи является комплексный анализ преддоговорных правоотношений, возникающих в сфере долевого участия в строительстве; выявление проблем правового регулирования и несовершенства действующего законодательства, в результате которых возложенные на застройщиков обязанности фактически подменяются платными услугами, оказываемыми физическим и юридическим лицам до заключения с ним договора долевого участия; выработка предложений по защите прав дольщиков и совершенствованию законодательства.

Правовой институт участия граждан в долевом строительстве является относительно новым для отечественной правовой системы, но несмотря на это, является, с одной стороны, достаточно интересным и широко обсуждаемым в цивилистике, но, с другой, – вызывает определенные трудности, в том числе, в правоприменительной практике.

Весьма познавательным является так называемый «советский период» становления правоотношений, наглядно демонстрирующих допустимые пределы возможности участия иных, помимо государства, участников жилищного строительства. Прямое участие граждан в строительстве жилья носило ограниченный, строго регламентированный характер. Хотя с 1957 года предприятиям и организациям разрешили возводить жилье для своих работников (в т.ч. «хозспособом» – силами трудовых коллективов) [1], а в 1958 году были легализованы жилищно-строительные кооперативы [2], эти механизмы не означали полноценной частной инициативы: все происходило в рамках плановой экономики, при жестком контроле государства над землей, материалами и

финансированием. Граждане могли вносить паевые взносы в жилищно-строительные кооперативы, но не имели права самостоятельно выбирать проекты, подрядчиков или распоряжаться построенным жильем как частной собственностью – квартиры предоставлялись в социальный наем либо закреплялись за кооперативом. Таким образом, возможность непосредственного влияния граждан на процесс строительства оставалась минимальной и всегда опосредовалась государственными и ведомственными структурами.

В связи с принятием закона «О собственности в РСФСР» [3] в советском законодательстве впервые законодательно было введено понятие «частная собственность» и провозглашено равноправие всех форм собственности.

В современной Российской правовой системе центральное место занимает Гражданский кодекс Российской Федерации [4] (далее – ГК РФ), который регулирует и охраняет правоотношения, возникающие в процессе реализации гражданами своих конституционных прав на частную собственность и жилище.

Как правило, такие правоотношения возникают из обязательств по средствам заключения договоров: купли-продажи, мены, подряда, предметом которых традиционно выступают существующие материальные объекты недвижимого имущества: квартиры, комнаты, жилые дома и др.

Тем не менее, закон допускает совершение сделок в отношении еще не созданных, не существующих в действительности объектов недвижимости, которые, к примеру, еще не построены или не достроены (п. 2 ст. 455 ГК РФ), приобретение права собственности также возможно путем внесения денежных средств в строительство жилых помещений через жилищно-строительные и жилищные накопительные кооперативы.

Ключевым инструментом в формировании цивилизованного рынка непосредственного участия граждан в жилищном строительстве и заложившим основы для его дальнейшего развития и совершенствования, стало принятие специального закона [5], регулирующего, в частности, отношения, связанные с привлечением денежных средств граждан и юридических лиц для долевого строительства многоквартирных домов и иных объектов недвижимости (далее – Закон).

С момента принятия Закона прошло более 20 лет и, на первый взгляд, может показаться, что права и интересы участников долевого строительства, вкладывающих денежные средства в жилищное строительство как участников правоотношений, возникающих по вопросу приобретения ими прав на строящиеся объекты недвижимого имущества, обеспечены и защищены государством на всех этапах – с момента заключения сделки до

фактического получения объекта долевого строительства и регистрации прав собственности на него.

Вместе с тем, обстоятельство того, что в текст Закона на протяжении последних лет внесено множество изменений, подтверждает факт того, что правовое регулирование правоотношений, возникающих между участниками долевого строительства и хозяйствующими субъектами – застройщиками, не в полной мере учитывают сложившиеся фактические реалии, что создает риски для прав и законных интересов участников долевого строительства и требует усиления гарантий их правовой защиты.

К одним из положительных новаций Закона можно отнести обязательное использование эскроу-счетов при исполнении участниками долевого строительства своих финансовых обязательств перед застройщиком.

Вместе с тем, использование данной формы расчетов привело к тому, что стадия строительства объекта недвижимости, в конечном итоге, не влияет на его стоимость для участников долевого строительства. И если до введения института эскроу-счетов они могли приобрести строящийся объект недвижимости на так называемой «стадии котлована» по одной цене, как правило, значительно ниже, по сравнению со стоимостью объекта на финальной стадии строительства, то после введения данного института, разница в стоимости объекта долевого строительства фактически перестала существовать. Механизм эскроу-счетов не позволяет застройщикам использовать данные денежные средства в строительстве, они не являются его собственностью, а резервируются банком до момента исполнения обязательств сторон по договору либо возвращаются участнику при расторжении / прекращении договора долевого участия. При этом строительство объекта недвижимости застройщик осуществляет за счет личных либо привлеченных денежных средств (по целевому кредиту или в рамках проектного финансирования). При этом величина процентной ставки по соответствующим кредитным обязательствам застройщика, как правило, обусловлена степенью исполнения участниками долевого строительства своих обязанностей по внесению денежных средств на эскроу-счета. Оперативное исполнение ими своих платежных обязательств служит основанием для снижения процентной ставки по кредиту, выданному застройщику.

Таким образом, можно отметить следующие отрицательные моменты введения института эскроу-счетов при расчетах в долевом строительстве:

- рост цен на недвижимость, помимо общих экономических факторов, застройщикам пришлось привлекать кредиты для финансирования строительства, что увеличило себестоимость и отразилось на стоимости жилых помещений для покупателей;
- уход с рынка небольших застройщиков, небольшим компаниям стало сложнее получить проектное финансирование, что привело к сокращению числа застройщиков на рынке, доминированию отдельных, в том числе, недобросовестных компаний на данном рынке;
- ограничения для участников долевого строительства, деньги на эскроу-счете не приносят дохода, на них не начисляются проценты, они не индексируются и их нельзя досрочно снять без расторжения договора долевого участия;
- изменение модели ценообразования, исчезла практика существенного снижения цены на ранних этапах строительства, так как застройщик теперь получает средства участников только после сдачи объекта.

Кроме того, можно выделить еще один отрицательный фактор, который возник сравнительно недавно, но уже широко используется застройщиками в целях получения возможности распоряжаться денежными средствами, внесенными участниками долевого строительства, до момента фактического исполнения своих обязательств по договору – передачи объекта долевого строительства, а именно взимание платы за так называемое «бронирование» объекта долевого строительства до заключения договора участия в долевом строительстве. Застройщик предлагает потенциальному участнику подписать договор возмездного оказания услуг и «зафиксировать» выбранный им объект на определенный срок. При этом, как правило, сведения о данном соглашении, а также о выплаченных по нему денежных суммах, не отражаются в тексте самого договора долевого участия.

С точки зрения гражданского права, плата за бронирование не имеет самостоятельного основания в законе. Кроме того, в системе договоров нет конструкции такого «договора бронирования» применительно к недвижимости. Закон также не предусматривает возможности заключения иных помимо договора долевого участия в строительстве юридических конструкций и соглашений.

Вместе с тем, с учетом принципа свободы договора, закрепленного в статье 421 ГК РФ, по своей правовой природе указанное соглашение наиболее соответствует договору возмездного оказания услуг (статья 779 ГК РФ) либо, в зависи-

мости от конкретных условий соглашения, — предварительному договору долевого участия в строительстве (статья 429 ГК РФ).

По условиям подобных соглашений исполнитель, — как правило, сам застройщик либо контролируемое им лицо — агент, обязуется оказать заказчику услуги по поиску, подбору и бронированию объекта долевого строительства в строящемся многоквартирном доме с целью заключения в дальнейшем договора участия в долевом строительстве, а заказчик обязуется принять данные услуги и оплатить их. Таким образом, на основании данного соглашения: объект долевого участия как бы «резервируется» за потенциальным покупателем на определенный срок, в течение которого исполнитель гарантирует:

- исключение возможности приобретения прав на данный объект долевого строительства третьими лицами;
- обеспечения заказчику возможности приобретения у застройщика забронированного объекта долевого участия. Также в соглашении, как правило, фиксируется окончательная стоимость объекта долевого строительства с возложением на заказчика обязанности по заключению с застройщиком в пределах установленного срока бронирования договора долевого участия.

На первый взгляд, такой механизм является привлекательным для тех категорий покупателей, которые имеют намерения стать участником правоотношений в сфере долевого строительства, но, к примеру, еще не определились с выбором конкретного жилого помещения либо не располагают денежными средствами на его приобретение, решают вопросы с кредитными учреждениями относительно возможности получения кредита (ипотеки). Иными словами, когда они по определенным причинам не имеют возможности сразу заключить с застройщиком договор долевого участия в отношении выбранного ими объекта долевого участия.

Подобные услуги в таком случае позволят будущему участнику решить свои, в том числе, финансовые вопросы и в итоге реализовать свое намерение по приобретению выбранного строящегося жилого помещения в собственность и не опасаться, что данный объект будет продан иному лицу. Для застройщика такая схема взаимоотношений также выгода, поскольку гарантирует заключение сделки: потенциальный участник долевого строительства финансово подтверждает свое намерение вступить с ним в правоотношения в сфере долевого строительства, что исключает затраты времени и ресурсов на поиск нового участника.

Однако в иной ситуации, когда таких затруднительных обстоятельств нет и потенциальный участник выбрал для себя объект долевого участия, уже располагает собственными либо заемными денежными средствами для приобретения его в собственность и обращается к застройщику (агенту застройщику) по поводу вступления с ним в соответствующие правоотношения, — заключить с ним договор долевого участия, такие платные услуги по «бронированию», следует рассматривать как избыточные, навязанные и не имеющими правового основания.

При этом без заключения подобного соглашения, застройщик отказывается заключать договор долевого участия, тем самым, на дольщика возлагаются дополнительные (как правило, сверх цены договора) затраты, связанные со вступлением в правоотношения в сфере долевого участия в строительстве, которые не предусмотрены Законом.

Представляется, что возложение в такой ситуации на потенциального участника обязанности по заключению подобного соглашения и по несению им затрат по оплате услуг «бронирования», заключающихся только в зарезервировании за ним объекта долевого участия и оформления договора долевого участия, является ничтожным как не соответствующие, в том числе, законодательству о защите прав потребителей, которое в силу правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации [6], подлежит применению к Закону и прямо запрещает обуславливать приобретение одних товаров (работ, услуг) обязательным приобретением иных товаров (работ, услуг).

Следует отметить, что бремя несения обязанностей по составлению самого договора долевого участия, формирование необходимого пакета документов и их подача для регистрации договора в органах Росреестра пусть прямо и не возлагается Законом на застройщика, но неизбежно вытекает из его правового статуса и комплекса императивных требований законодательства о долевом строительстве и во всяком случае, не относится в силу Закона к обязанностям дольщика. Тем более в практике вряд ли имеются случаи, когда проект договора долевого участия готовил сам дольщик, без участия застройщика. Во всяком случае, представляется маловероятным, что застройщик, будучи заинтересованным в реализации объекта долевого строительства на выгодных для себя условиях и располагая при этом, как правило, значительным штатом сотрудников, в том числе, квалифицированными юристами, добровольно откажется от возможности повлиять на так называемый «баланс равноправия сторон

– участников сделки», предоставив участнику самостоятельно подготовить проект договора долевого участия в строительстве.

Вместе с тем, в целях устранения данной правовой неопределенности, в силу которой услуги по подготовке проекта договора долевого участия могут быть включены в предмет соглашения по бронированию объекта долевого участия, предлагается рассмотреть вопрос о возможности внесения изменений в статью 4 Закона, дополнить ее абзацем следующего содержания:

«Застройщик обязан самостоятельно подготовить проект договора участия в долевом строительстве в соответствии с требованиями законодательства. Расходы, связанные с подготовкой текста договора, не могут включаться в стоимость объекта долевого строительства и не подлежат оплате участником долевого строительства».

Вместе с тем, оказание застройщиком иных услуг участнику: юридических, по подготовке и проверке документов, представительства его интересов в кредитных организациях, в том числе, по вопросу предоставления ему кредита на более выгодных условиях, получение зарегистрированного договора долевого участия и выписки из ЕГРН и обеспечения их вручения участнику, не вытекает из существа его обязательств как застройщика в рамках Закона, в связи с чем обязанность по их оплате в силу подписанного участником соглашения возлагается на последнего.

С точки зрения правоприменительной практики является весьма интересным судебное дело, рассмотренное Четвертым кассационным суда общей юрисдикции [8], в рамках которого истец оспаривал законность действий по заключению с ним договора оказания услуг, связанных с бронированием и оформлением объекта недвижимости по договору участия в долевом строительстве. По мнению истца, факт навязывания услуг подтверждается тем, что у него не было необходимости бронирования квартиры, номера заключенных договоров оказания услуг и договора на приобретение квартиры совпадают; договоры оказания услуг и договора на приобретение квартир подписывало одно и то же лицо, при этом указанные в предмете договора услуги фактически не были ему оказаны. Истец просил суд обязать ответчика возратить перечисленные ему денежные средства по договору оказания услуг.

Судами было отказано в удовлетворении заявленных требований в полном объеме, при этом основанием для отказа являлись следующие установленные обстоятельства:

- в рамках договора на оказание услуг, ответчиком были оказаны иные, помимо состав-

ления договора долевого участия в строительстве, услуги, в том числе, услуги юридического характера, а также по получению зарегистрированного договора в МФЦ, услуги фактически были оказаны ответчиком;

- истцом не доказан факт того, что услуги были ему навязаны, а также то, что у него отсутствовала возможность оформления сделки долевого участия без заключения договора оказания услуг.

На основании анализа данного судебного акта можно заключить, что соглашение о бронировании подлежит оспариванию со стороны заказчика (потенциального участника долевого строительства) при наличии совокупности следующих юридически значимых обстоятельств:

- наличие у потенциального участника долевого строительства объективной возможности и действительного намерения подписать договор участия в долевом строительстве без предварительного заключения дополнительных соглашений об оказании услуг. В частности, им должно быть подтверждено, что на момент обращения к застройщику с целью вступления в правоотношения в сфере долевого строительства: он располагал достаточными денежными средствами для исполнения обязательств на условиях договора долевого участия; им был осуществлен окончательный выбор объекта долевого строительства;
- предмет соглашения о бронировании исчерпывается услугами, которые прямо отнесены Законом к обязанностям застройщика либо непосредственно вытекают из существа обязательств застройщика;
- застройщик обуславливает заключение договора долевого участия обязательным предварительным заключением соглашения об оказании платных услуг и отказывается от заключения договора без оформления такового.

Таким образом, правовая оценка соглашения о бронировании должна осуществляться с учетом:

- соответствия условий соглашения требованиям законодательства о долевом строительстве;
- наличия или отсутствия признаков навязывания дополнительных услуг;
- реального влияния соглашения на возможность заключения договора долевого участия без дополнительных обременений.

С практической точки зрения доказать наличие данных условий участнику будет крайне затруднительно. Представляется маловероятным, что застройщик выдаст потенциальному участнику письменный отказ от заключения договора долевого участия по указанной причине. При этом в тексте самого договора долевого участия также не будет содержаться ссылка на данное соглашение. Более того, исполнителем услуг по соглашению, как правило, выступает не сам заказчик, а иное контролируемое им лицо – агент.

Также следует иметь в виду, что основанием для удовлетворения исковых требований выступает именно установление факта нарушения прав и законных интересов истца, которое может быть выражено только в форме возложения и несения им дополнительных расходов, не предусмотренных Законом, и сверх стоимости объекта долевого участия, определенной застройщиком в договоре.

Но можно ли утверждать о нарушении прав и законных интересов участника при вступлении с застройщиком в правоотношения в сфере долевого строительства, если, застройщик учтет стоимость данных услуг при определении окончательной стоимости объекта долевого строительства, и без оформления соответствующих письменных соглашений? К примеру, на официальном сайте застройщика стоимость квартиры составляет 5 млн. рублей, при обращении к застройщику, потенциальному участнику предлагают заключить соглашение о платном бронировании, стоимость услуг составляет 500 тыс. рублей, при этом в договоре долевого участия стоимость объекта будет составлять 4,5 млн. рублей.

На первый взгляд может показаться, что потенциальный участник приобретает объект долевого строительства за ту же сумму, что и планировал – 5 млн. рублей, однако, в отличие от стоимости жилого помещения, установленной в договоре долевого участия – 4,5 млн. рублей (которые резервируются на эскроу-счете и будут возвращены участнику в случае расторжения / прекращения договора долевого участия), 500 тыс. рублей останутся в собственности у застройщика вне зависимости от того, будет ли в конечном итоге исполнен договор долевого участия или нет.

Кроме того, нередко, в тексте соглашения об оказании услуг прямо включается условие о том, что при отказе / уклонении от заключения договора долевого участия с застройщиком в пределах срока бронирования денежные средства заказчику – потенциальному участнику не возвращаются.

В этой связи в комплексе взаимосвязанных друг с другом сделок (оказания услуг, участия в долевого строительстве) фактически уплаченные по договору оказания услуг денежные средства

приобретают свойства некоего задатка (ст. 380 ГК РФ), который, исходя из условий соглашения, принятых заказчиком, не подлежит возврату в случае его отказа либо уклонения от заключения договора долевого участия, а также при расторжении последнего вне зависимости от правовых оснований. Но при таких обстоятельствах, представляется, что нарушение прав и интересов участника долевого строительства соответственно, будет иметь место, подлежит установлению и доказыванию не на стадии вступления в правоотношения в сфере долевого строительства с застройщиком, а при прекращении данных правоотношений и не получении им денежных средств, которые должны были быть получены при заключении договора долевого участия с застройщиком без оформления преддоговорных правоотношений с ним и только тогда у него возникнет обоснованное право обращения в суд с соответствующим иском.

Проведенный анализ преддоговорных отношений в рамках долевого участия в строительстве позволяет сделать ряд выводов о природе и допустимости практики платного бронирования объектов:

- взимание платы за «бронирование» до заключения договора участия в долевого строительстве не имеет прямого правового основания и не основано на Законе, в котором законодатель четко регламентирует способы привлечения средств участников долевого строительства, исключая любые промежуточные платежи, не предусмотренные договором;
- квалификация платы за «бронирование» как возмездной услуги вызывает вопросы с точки зрения правоприменения, в частности, ввиду отсутствия реального встречного предоставления (конкретной, измеримой услуги) такие платежи фактически представляют собой: скрытый обеспечительный взнос; способ обхода требований о государственной регистрации договора; механизм ограничения права участника долевого строительства на отказ от сделки; элемент схемы по выводу денежных средств и обращения их в собственность застройщика до исполнения им обязательств в рамках правоотношений в сфере долевого строительства.

В заключении можно сделать вывод о том, что защита прав участников долевого строительства требует четкого разграничения преддоговорных переговоров и юридически значимых действий. Любые платежи должны осуществляться исключительно в рамках зарегистрированного договора долевого участия, что обеспечит прозрачность и предсказуемость отношений между сторонами.

Список литературы:

- [1] Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 31.07.1957 № 931 «О развитии жилищного строительства в СССР». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- [2] Постановление Совета Министров СССР от 20.03.1958 № 320 «О жилищно-строительной и дачно-строительной кооперации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- [3] Закон РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 «О собственности в РСФСР». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- [4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- [5] Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- [6] Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- [7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- [8] Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13.10.2023 № 88-34583/2023 по делу № 2-418/2023-29 (УИД 23MS0029-01-2021-006561-89). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References:

- [1] Decree of the Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR of 31.07.1957 No. 931 "On the development of housing construction in the USSR." Access from the ConsultantPlus legal system.
- [2] Decree of the Council of Ministers of the USSR of 20.03.1958 No. 320 "On Housing and Construction and Summer Cottage Construction Cooperation." Access from the ConsultantPlus legal system.
- [3] Law of the RSFSR of 24.12.1990 No. 443-1 "On Property in the RSFSR." Access from the ConsultantPlus legal system.
- [4] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ. Access from the ConsultantPlus legal system.
- [5] Federal Law No. 30.12.2004 of 214-FZ "On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate Objects and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation." Access from the ConsultantPlus legal system.
- [6] Review of the practice of resolving disputes arising from the participation of citizens in the shared construction of apartment buildings and other real estate objects, approved. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 04.12.2013. Access from the legal system "ConsultantPlus."
- [7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2012 No. 17 "On the Consideration by the Courts of Civil Cases on Consumer Rights Protection Disputes." Access from the ConsultantPlus legal system.
- [8] Determination of the Fourth Court of Cassation of General Jurisdiction of 13.10.2023 No. 88-34583/2023 in case No. 2-418/2023-29 (UID 23MS0029-01-2021-006561-89). Access from the ConsultantPlus legal system.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-500-504

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,
ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов»
филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»,
адвокат,
e-mail: ur-fin@mail.ru

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВРАЧЕБНЫХ ОШИБОК И ДЕФЕКТОВ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ

Аннотация. В статье проводится правовой анализ врачебных ошибок и дефектов оказания медицинской помощи с учетом специфики сферы пластической хирургии. Рассматриваются доктринальные подходы к разграничению врачебной ошибки, медицинского риска и дефекта медицинской помощи, а также анализируются нормы действующего законодательства Российской Федерации и правоприменительная практика. Целью исследования является выявление правовых критериев ответственности медицинских работников и медицинских организаций при неблагоприятных исходах пластических операций. В результате исследования автор пришел к выводу, что основанием юридической ответственности в пластической хирургии является наличие нарушений стандартов оказания медицинской помощи, недостаточное информирование пациента и несоблюдение профессиональных обязанностей, при этом допустимый медицинский риск не должен рассматриваться как основание для привлечения к ответственности.

Ключевые слова: врачебная ошибка, дефекты оказания медицинской помощи, пластическая хирургия, клиника пластической хирургии, пластический хирург, медицинское право, юридическая ответственность, информированное добровольное согласие, медицинский риск, качество медицинской помощи, судебная практика.

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,
NGO "Leningrad Regional Bar Association"
branch "Pelevin and Partners Law Firm",
lawyer

LEGAL ANALYSIS OF MEDICAL ERRORS AND DEFECTS IN THE PROVISION OF MEDICAL CARE IN PLASTIC SURGERY

Annotation. This article provides a legal analysis of medical errors and defects in medical care, taking into account the specifics of plastic surgery. It examines doctrinal approaches to distinguishing between medical error, medical risk, and defects in medical care, and also analyzes current Russian legislation and law enforcement practice. The aim of the study is to identify legal criteria for the liability of medical professionals and medical organizations in the event of adverse outcomes after plastic surgery. The author concludes that the basis for legal liability in plastic surgery is violations of medical care standards, insufficient patient information, and failure to comply with professional duties. However, acceptable medical risk should not be considered grounds for liability.

Key words: medical error, defects in medical care, plastic surgery, plastic surgery clinic, plastic surgeon, medical law, legal liability, informed voluntary consent, medical risk, quality of medical care, judicial practice.

Введение

Современное развитие медицины сопровождается возрастанием числа правовых споров, связанных с оказанием медицинской помощи. Пластическая хирургия занимает здесь особое

место, так как рост популярности эстетических медицинских услуг, сделал эту сферу одной из наиболее конфликтных областей медицинской практики. Повышенные ожидания пациентов в отношении результата хирургического вмешательства

ства обуславливают увеличение количества обращений в суды и экспертные организации с требованиями о признании медицинской помощи ненадлежащей.

Актуальность правового анализа различных случаев врачебных ошибок и дефектов оказания медицинской помощи в пластической хирургии определяется необходимостью четкого разграничения допустимого медицинского риска и противоправных дефектов лечения. В отличие от экстренной или жизненно необходимой медицинской помощи, эстетические вмешательства предполагают возможность отказа от операции, и это повышает требования к информированному добровольному согласию пациента (ИДС). Неполное, либо формальное информирование пациента часто становится основанием для признания действий медицинского работника неправомерными, даже при отсутствии грубых технических нарушений [8].

Особая сложность заключается в правовой квалификации неблагоприятных исходов пластических операций, поскольку негативный результат не всегда свидетельствует о наличии дефекта медицинской помощи. В юридической и медицинской науке отсутствует единообразный подход к понятию врачебной ошибки, что затрудняет формирование устойчивой правоприменительной практики. В то же время, судебные органы все чаще рассматривают споры, связанные с эстетической медициной, применяя нормы гражданского законодательства, законодательства о защите прав потребителей и законодательства об охране здоровья граждан в Российской Федерации.

Исследование правовых аспектов оказания медицинской помощи по профилю пластической хирургии позволит выявить основные критерии правовой ответственности медицинских работников и медицинских организаций, а также определить направления совершенствования правового регулирования в сфере эстетической медицины.

Основная часть

В первую очередь, необходимо разграничить понятия врачебной ошибки, профессионального проступка и технически надлежащих, но неблагоприятных исходов, при которых важна оценка их последствий в плоскости гражданско-правовой и административной ответственности клиник пластической хирургии, гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности конкретного пластического хирурга. В российской практике показательна тенденция роста числа конфликтов вокруг пластических операций, поэтому происходит постепенное развитие доктрины и судебной практики по квалификации дефектов медицинской помощи.

Пластическая хирургия отличается высокой степенью избирательности вмешательств, а также ориентацией на эстетический результат. По этим причинам придается особое значение договорному регулированию отношений между пациентом и клиникой пластической хирургии. Приказ Минздрава России от 31.05.2018 № 298н, утвердивший Порядок оказания медицинской помощи по профилю «пластическая хирургия», задает нормативные рамки организации помощи, включая требования к оснащению, кадрам и маршрутизации пациентов, а также фиксирует цели пластических вмешательств как устранение анатомических и функциональных дефектов. Указанные нормы важны для оценки правомерности самой операции и ее объема [6]. Влияние повышенных лицензионных требований проявилось и в том, что многие клиники пластической хирургии столкнулись с необходимостью существенного обновления материально-технической базы, а нарушения стандартов оснащения и штатных нормативов составили значительную долю выявляемых дефектов оказания медицинской помощи именно по профилю пластической хирургии.

Дефекты медицинских услуг в пластической хирургии можно рассматривать как совокупность нарушений требований законодательства об охране здоровья, клинических рекомендаций и стандартов, а также договорных обязательств по качеству медицинской услуги [7]. Д.А. Зимин, Л.И. Меньшикова и В.Е. Клюкинов обратили внимание на то, что в отличие от ряда других профильных вмешательств, именно в пластической хирургии дефект услуги часто выражается в существенном несоответствии полученного эстетического результата ожиданиям пациента, закрепленным в информированном согласии и договоре [5]. При этом была определена необходимость корреляции понятий «врачебная ошибка» и «дефект медицинской услуги» с уголовно-правовой оценкой поведения пластического хирурга, так как не каждое отклонение от оптимального клинического алгоритма является общественно опасным деянием.

В российской доктрине и экспертно-медицинской практике врачебная ошибка в пластической хирургии обычно определяется как добросовестное заблуждение пластического хирурга, основанное на недостаточности знаний, неполноте информации о пациенте или особенностях течения заболевания, при соблюдении им общих требований профессии. В отличие от нее, дефект оказания медицинской помощи охватывает более широкий спектр нарушений, включая организационные просчеты, несоблюдение лицензионных требований, нарушение Порядка оказания помощи и стандартов, а также дефекты докумен-

тации, которые в совокупности могут привести к неблагоприятному исходу или невозможности его адекватной оценки. В пластической хирургии граница между допустимым осложнением и врачебной ошибкой особенно тонка, поскольку осложнения нередко связаны с индивидуальными анатомическими и физиологическими особенностями, а эксперт должен установить, имелись ли нарушения стандартов обследования, выбора методики и техники пластической операции.

Можно выделить следующие типичные группы нарушений: неполное предоперационное обследование, игнорирование противопоказаний, недостаточная оценка анатомических особенностей, выбор неадекватной методики вмешательства и отклонение от техники операции. Значительная часть неблагоприятных исходов связана с несоблюдением клинических рекомендаций и стандартов оснащения операционных и послеоперационных палат, поэтому дефекты являются смешанными с организационно-клиническим характером и это усложняет их правовую квалификацию.

Существенную роль в правовом анализе играет договорная природа отношений между пациентом и клиникой пластической хирургии, поскольку чаще всего речь идет о возмездном оказании медицинских услуг на основании договора присоединения, подпадающего под действие закона о защите прав потребителей [4]. Клиника пластической хирургии несет повышенную ответственность как профессиональный участник, а ее обязанность по результату в сфере пластической хирургии выражается как в обеспечении безопасности вмешательства, так и в достижении оговоренного эстетического эффекта, насколько это соответствует медицинским показаниям и реальным анатомическим возможностям. Вопрос о допустимости обещания конкретного эстетического результата является дискуссионным. Теоретический анализ литературы показал, что часть авторов указывает на недопустимость жестких гарантий результата, другая часть допускает формулировку ожидаемого эффекта при условии корректной фиксации рисков и возможных отклонений в информированном согласии.

При оценке гражданско-правовой ответственности клиники пластической хирургии судебная практика исходит из необходимости установления совокупности условий противоправности поведения, наличия вреда, причинной связи и вины, причем бремя доказывания факта оказания услуги надлежащего качества во многом возлагается на исполнителя с учетом защитного характера законодательства о правах потребителей. Как правило, вред, причиненный при исполнении обязанностей, возмещается клиникой пластиче-

ской хирургии независимо от вины, после чего возможно предъявление регрессного иска к конкретному пластическому хирургу при наличии доказательств его грубой неосторожности или умысла. Размер компенсации включает реальный ущерб, расходы на повторное лечение и реабилитацию, а также моральный вред, который в делах о неудачной пластической операции характеризуется выраженной психоэмоциональной составляющей в связи с обезображиванием лица или иными эстетически значимыми дефектами.

Уголовно-правовой анализ врачебных ошибок в пластической хирургии акцентирует внимание на статьях 109 и 118 УК РФ, применяемых в случаях причинения тяжкого вреда здоровью или смерти пациента в результате ненадлежащего оказания медицинской помощи или оказания медицинских услуг. С 28 декабря 2024 г. ст. 238 УК РФ согласно введенному к ней примечанию не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи. При квалификации по статьям 109 и 118 УК РФ значение имеет установление причинной связи между конкретными действиями или бездействием пластического хирурга и наступившими последствиями, а также степень отклонения от общепринятых стандартов профессионального поведения.

Показательным примером правовой оценки дефекта медицинской помощи в пластической хирургии является дело, проанализированное в юридической прессе, где при выполнении открытой ринопластики было допущено чрезмерное сужение преддверия носа вследствие недостаточного предоперационного обследования и недооценки состояния внутриносовых структур пациентки [1]. В решении суда указано, что пластический хирург нарушил технический регламент операции, не обеспечил надлежащую оценку анатомических особенностей, что в результате привело к изменению анатомии переднего клапана носа и сформировало показания к повторной ринопластике. Данные обстоятельства были квалифицированы как оказание медицинской услуги ненадлежащего качества с возложением на клинику пластической хирургии обязанности компенсировать вред и расходы на коррекционное лечение. Подобные примеры доказывают, что для признания наличия врачебной ошибки в пластической хирургии суды опираются прежде всего на экспертные заключения, устанавливающие отклонение от стандартов обследования и техники операции, а также на сопоставление достигнутого результата с тем, который был обещан пациенту и отражен в документации.

Существенное значение в правовом анализе случаев врачебных ошибок в пластической хирургии имеет институт медицинской экспертизы, так

как именно эксперт определяет, имели ли место дефекты оказания медицинской помощи, их характер и причинно следственную связь с исходом [10]. Нарушения классифицируются по этапам – предоперационному, интраоперационному и послеоперационному, что облегчает последующую юридическую квалификацию и распределение ответственности между клиникой пластической хирургии, конкретным пластическим хирургом и иными специалистами. Экспертные данные о доле подтвержденных ошибок и о случаях, когда неблагоприятный исход признан следствием индивидуальных особенностей, помогают суду оценить вероятность наступления осложнений как допустимый риск, либо как случай, выходящий за пределы приемлемого профессионального риска.

Заключение

Проведенный правовой анализ случаев врачебных ошибок, а также дефектов оказания медицинской помощи показал высокую сложность правовой оценки медицинской деятельности в области пластической хирургии. Специфика пластической хирургии, заключающаяся в преобладании эстетически ориентированных вмешательств, сформировала повышенные требования к качеству медицинской помощи.

В процессе исследования, было установлено, что неблагоприятный исход пластической операции не может рассматриваться как безусловное основание для привлечения пластического хирурга или клиники пластической хирургии к юридической ответственности. Главным критерием правовой оценки выступило наличие или отсутствие дефектов оказания медицинской помощи. Реализация допустимого медицинского риска при соблюдении всех профессиональных и правовых обязанностей не образует состава правонарушения и не должна повлечь негативных правовых последствий для пластического хирурга.

Анализ законодательства, научных источников и судебной практики позволяет утверждать, что эффективное правовое регулирование пластической хирургии должно быть направлено на достижение баланса между защитой прав пациентов и обеспечением правовой безопасности пластических хирургов. Совершенствование нормативной базы является необходимым условием снижения конфликтности и повышения качества медицинской помощи в сфере пластической хирургии. Действующее законодательство Российской Федерации в целом устанавливает базовые требования к оказанию медицинской помощи, однако оно носит универсальный характер и не всегда учитывает специфику пластической хирургии.

Список литературы:

[1] Апелляционное определение Воронежского областного суда от 29.05.2018 по делу № 33-3717/2018 // Консультант-Плюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=999410#ITKQm7V6FFrgqeb1> (дата обращения: 08.01.2026).

[2] Аськов Н. Н., Петрова Т. Н. О разграничении составов преступлений, предусмотренных статьями 109, 118 и 238 УК РФ, в применении к медицинским работникам: сравнительно-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (100). С. 87-97.

[3] Белозерова А. Н. Проблемы квалификации услуг, не отвечающих требованиям безопасности, при оказании медицинской помощи и медицинских услуг // Право и управление. 2023. № 5. С. 152-157.

[4] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014512> (дата обращения: 08.01.2026).

[5] Зимин Д. А., Меньшикова Л. И., Клюкинов В. Е. Проблемные вопросы организации оказания медицинской помощи по специальности «пластическая хирургия» в условиях изменившегося правового регулирования // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2021. № 1. С. 518-534.

[6] Приказ Минздрава России от 31.05.2018 № 298н (ред. от 14.08.2018) «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «пластическая хирургия» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.06.2018 № 51410) // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201806220061> (дата обращения: 07.01.2026).

[7] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Минздрав РФ. URL: https://minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/064/911/original/Федеральный_закон_от_21.11.2011_N_323-ФЗ.pdf?1702469292 (дата обращения: 07.01.2026).

[8] Фомина В. Г. Противоправность действий (бездействия) исполнителя в делах, связанных с ненадлежащим оказанием медицинских услуг // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10 (143). С. 167-175.

[9] Эриашвили Н. Д. Актуальные вопросы применения статьи 238 УК РФ к медицинским работникам // Закон и право. 2025. № 4. С. 265-270.

[10] Ястремский И. А. Ответственность клиники пластической хирургии за нарушение прав в сфере охраны здоровья при оказании гражданам медицинской помощи // Закон и право. 2025. № 8. С. 142-146.

References:

[1] Appeal ruling of the Voronezh Regional Court of 29.05.2018 in case No. 33-3717/2018//Consultant-Plus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=999410#IT-KQm7V6FFrgqeb1> (дата обращения: 08.01.2026).

[2] Askov N. N., Petrova T. N. On the delimitation of the corpus delicti provided for in Articles 109, 118 and 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, as applied to medical workers: comparative legal analysis//Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4 (100). S. 87-97.

[3] A. N. Belozeroва. Problems of qualification of services that do not meet safety requirements in the provision of medical care and medical services// Law and management. 2023. № 5. S. 152-157.

[4] Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1 (as amended by 07.07.2025) "On Protection of Consumer Rights" //Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014512> (access date: 08.01.2026).

[5] Zimin D.A., Menshikova L.I., Klyukinov V.E. Problematic issues of organizing the provision of medical care in the specialty "plastic surgery" in the

context of changed legal regulation//Modern problems of health care and medical statistics. 2021. № 1. S. 518-534.

[6] Order of the Ministry of Health of Russia dated 31.05.2018 No. 298n (as amended on 14.08.2018) "On approval of the Procedure for the provision of medical care in the field of "plastic surgery" (Registered with the Ministry of Justice of Russia 22.06.2018 No. 51410)//Official publication of legal acts. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201806220061> (access date: 07.01.2026).

[7] Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ (as amended by 23.07.2025) "On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" // Ministry of Health of the Russian Federation. URL: https://minzdrav.gov.ru/system/attachments/attachs/000/064/911/original/Федеральный_закон_от_21.11.2011_N_323-ФЗ.pdf?1702469292 (access date: 07.01.2026).

[8] Fomina V. G. The unlawfulness of the actions (inaction) of the contractor in cases related to the improper provision of medical services//Current problems of Russian law. 2022. № 10 (143). S. 167-175.

[9] N. D. Eriashvili. Topical issues of the application of Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation to medical workers//Law and Law. 2025. № 4. S. 265-270.

[10] I. Yastremsky. Responsibility of the plastic surgery clinic for violation of rights in the field of health protection when providing medical care to citizens// Law and law. 2025. № 8. S. 142-146.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-505-509

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

ПШЕНИЦЫНА Мария Игоревна,
старший преподаватель кафедры
административного и финансового права
Международно-правового факультета
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»,
кандидат юридических наук,
e-mail: pshenitsyna_m_i@my.mgimo.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ ПРАВА НА УСТАНОВЛЕНИЕ СЕРВИТУТА НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК

Аннотация. Установление сервитута на земельный участок зачастую сопровождается судебными спорами, в связи с отказом собственника земельного участка признавать право его ограниченного использования другими лицами. В статье рассматриваются причины возникновения споров, в том числе обеспечение баланса частных и публичных интересов; отдельно рассматриваются споры при установлении частного и публичного сервитута; исследуются особенности признания права и установление соответствующего сервитута, а также устранение препятствий его реализации.

Автор уделяет внимание доказательствам, которые могут быть представлены сторонами для установления сервитута, отдельным случаям отказа в установлении сервитута или изменении его условий. В завершении статьи на основании правовых норм и литературы формулируются выводы о выявленных закономерностях при решении возникающих спорных ситуаций с учетом принципа соблюдения баланса частных и публичных интересов.

Ключевые слова: земельный участок, частный сервитут, публичный сервитут, признание права, землеустроительная экспертиза.

PSHENITSYNA Maria Igorevna,
Senior Lecturer of the Department
of Administrative and Financial Law of Moscow State University
of Foreign Affairs, PhD in Law

LEGAL ASPECTS OF RECOGNIZING THE RIGHT TO ESTABLISH A SERVITUDE ON A LAND PLOT

Annotation. The establishment of servitudes on land plots is often accompanied by legal disputes arising from the refusal of landowners to recognize the right of others to use their land to a limited extent. The article examines the causes of disputes, including ensuring a balance between private and public interests; disputes over the establishment of private and public servitudes are considered separately; the peculiarities of recognizing the right and establishing the servitude, as well as removing obstacles to its implementation, are examined.

The author focuses on the evidence that may be presented by the parties to establish a servitude, as well as on specific cases of refusal to establish a servitude or change its terms. At the end of the article conclusions based on legal norms and literature are formulated about the patterns identified in resolving emerging disputes, taking into account the principle of balancing private and public interests.

Key words: land plot, private servitude, public servitude, recognition of rights, land management expertise.

Реализация потребности находиться на незакрытых для общего доступа земельных участках обеспечивается за счет норм гражданского права, которые закладывают основы правового режима земель общего пользования. Но с момента выделения земельного участка, оформления и передачи прав на него, возможность использования такого земельного участка ограничивается правомочиями собственника. Таким образом, ограничиваются возможности использования, переданного собственнику земельного участка всеми другими лицами, которые ранее могли иметь возможность удовлетворять свои потребности за счет не занятых земель. Определенный круг лиц или отдельные индивидуумы исторически могли иметь возможность прохода, проезда, прогона скота через свободные, не переданные конкретному собственнику земли. Такие земли могли служить единственным способом удовлетворения насущных потребностей таких лиц, например, в доступе принадлежащих им сельскохозяйственных животных к водному объекту или проезду по дороге к земельному участку, принадлежащему им на праве собственности. Поскольку передача свободных, не занятых земель собственнику могла существенным образом влиять на жизнь и уклад других землепользователей и землевладельцев, нормами гражданского и земельного права урегулирован институт сервитута, который представляет собой право ограниченного пользования чужим земельным участком, например, право осуществлять проезд (проход) через чужой земельный участок, размещать геодезические знаки, осуществлять дренажные работы, осуществлять сенокошение, выпас, прогон сельскохозяйственных животных, забор воды для водопоя, и другое предоставленное право согласно статье 274 Гражданского кодекса РФ и статье 23 Земельного кодекса РФ.

Действующим законодательством регулируется два основных вида сервитута – частный и публичный. В зависимости от вида сервитута, право ограниченного пользования чужим земельным участком позволяет урегулировать порядок реализации частных интересов между отдельными субъектами, или частных и публичных интересов различных лиц, когда речь идет об общественно значимых целях установления сервитута, необходимых для удовлетворения нужд и потребностей неопределенного круга субъектов.

В тоже время, действующих норм права недостаточно для полного исключения спорных ситуаций, возникающих между субъектами. Зачастую собственники земельных участков выступают против установления сервитута, что влечет необходимость рассмотрения и установления

оснований сервитута судом, то есть, необходимость фактического признания права на установление сервитута в судебном порядке. Лицо, которое нуждается в установлении сервитута на занятый собственником земельный участок, вынуждено обращаться за защитой своего права в соответствии со способом, установленным статьей 12 Гражданского кодекса РФ, а именно, за признанием права и установлением сервитута. В законодательстве не установлен перечень прав, в отношении которых может быть использован такой способ защиты, как признание права, поэтому можно в полной мере рассматривать право установления сервитута как подлежащее защите через признание[1]. Безусловно, при рассмотрении споров об установлении сервитута суды одновременно исследуют наличие соответствующих оснований и прав у стороны истца, и, в случае их подтверждения, выносят решение об обременении земельного участка, в отношении которого возник спор, сервитутом, определив его условия. Таким образом, признание права на установление сервитута одновременно сопровождается его установлением и определением всех необходимых условий, таких как цель, срок, размер платы и иных. В результате рассмотрения такого спора, истец получает возможность юридической формализации своего права на земельный участок, а именно, возможность внесения соответствующей записи в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН), и требования соответствующего исполнения от ответчика. В тоже время, на практике, исполнение не всегда имеет место, поскольку даже юридическое закрепление обременения на земельный участок (сервитута) в ЕГРН не гарантирует надлежащего исполнения со стороны собственника земельного участка.

Основанием для признания права установления частного сервитута является отсутствие иной возможности осуществлять пользование земельным участком его собственником: доступ к участку может быть осуществлен только посредством установленного сервитута. В обоснование позиции стороны истца суды исследуют такие доказательства, как заключение землеустроительной экспертизы или кадастровых инженеров. Часто суды назначают судебную землеустроительную экспертизу для определения всех возможных способов доступа к земельному участку. В результате исследования установленных в заключении способов доступа к земельному участку, суд определяет необходимость установления сервитута и выбирает наименее обременительный способ из всех предложенных. Например, в одном из дел судом было исследовано двенадцать способов проезда (прохода) к земель-

ному участку, которые были предложены кадастровым инженером в ходе судебной землеустроительной экспертизы.

Нередко для признания права на установление сервитута истцу необходимо пройти несколько судебных инстанций. Так, отказывая в установлении сервитута на основании искового заявления, суд сослался на уже внесенный в ЕГРН вариант доступа к земельному участку, который следует из межевого плана. В тоже время суд апелляционной инстанции не согласился с выводами суда первой инстанции и отменил вынесенное решение, признав необходимость установления сервитута и выбрав наиболее безопасный и доступный для круглогодичного использования вариант установления сервитута[5].

Даже в случае наличия права и фактическое установление сервитута, оно не всегда соблюдается на практике: собственник земельного участка может препятствовать использованию сервитута его правообладателем. В одном из дел обладатель сервитута требовал перенести забор с калиткой и металлическими воротами, а также убрать бетонные блоки, которые препятствуют реализации права доступа к земельному участку. Удовлетворяя заявленные требования суды сослались на ранее вынесенные решения об установлении двух сервитутов, необходимых для обслуживания фонтана и проезда (прохода) к земельному участку истца[6]. В другом споре, истец долгое время осуществлял проезд к принадлежащему ему земельному участку по землям общего пользования, которые затем перешли в частную собственность. Новые собственники воспрепятствовали дальнейшему проезду через переданные им земельные участки, перекрыв часть дороги и сообщив о намерении возвести забор. Истец обратился в суд за защитой своего права и установлением сервитута. Разрешая спор суды первой и последующих инстанций указали на отсутствие иного способа беспрепятственного проезда на земельный участок истца, части земельных участков, на которых планируется сервитут, являются местами общего пользования, в частности, дорогой для прохода и движения автомобильного транспорта. При этом установленный сервитут не препятствует использованию земельных участков по назначению, а площадь сервитута – обоснована и необходима[7].

Судебные споры нередко возникают и в случаях установления публичных сервитутов. Например, суды признали законным и обоснованным право на установление сервитута для строительства распределительного газопровода через земельные участки из земель населенных пунктов и земель сельскохозяйственного назначения, при-

надлежащие на праве собственности физическому лицу[8]. Поскольку публичный сервитут обуславливает соблюдение интересов широкого круга субъектов, частные интересы собственника земельного участка зачастую оказываются вторичны по отношению к публичным интересам. Обеспечение баланса достигается через урегулирование вопроса об издержках, связанных с установлением сервитута, в то время как сам сервитут отменить невозможно. В судебном деле об установлении сервитута в целях переустройства высоковольтной линии при строительстве автодороги Новороссийск – Керчь, суд встал на сторону истца, требовавшего установления платы за сервитут и возмещения убытков в соответствии с судебной оценочной экспертизой, так как первоначальная стоимость права требования на возмещение убытков, причиняемых истцу установлением сервитута, была существенно занижена. В результате, суды согласовали новое содержание пунктов соглашения об установлении публичного сервитута между сторонами, признав право на соразмерную и справедливую компенсацию понесенных истцом убытков в соответствии с проведенной экспертной оценкой[9].

Отдельные спорные случаи определения оснований возникновения права на установление частного или публичного сервитута возникают при одновременном обращении нескольких физических лиц с одинаковым требованием. Так, в одном из дел суды тщательно исследовали заявление двадцати восьми физических лиц об установлении бессрочного публичного сервитута в отношении земельного участка, находящегося в частной собственности, в целях осуществления прохода и проезда через него. В качестве причины, обратившиеся сослались на необходимость доступа через фактически не используемый по назначению земельный участок к другим земельным участкам, на которых построены жилые дома. Разрешая спор и вставая на сторону ответчика, суды признали, что в данном деле отсутствует цель удовлетворения государственных, муниципальных и общественных нужд, а целью установления публичного сервитута является удовлетворение интересов конкретных физических лиц, а не публичных интересов неопределенного круга лиц. Соответственно, отсутствует основание для установления именно публичного сервитута, но, в тоже время, физические лица не лишены права обратиться к собственнику земельного участка с предложением о соглашении об установлении частного сервитута[10].

Подводя итог следует отметить, что суды тщательно исследуют основания для установления сервитута, включая определение способов

доступа к земельному участку обратившегося лица. В качестве доказательств суды привлекают лиц, обладающих специальными знаниями – экспертов в области землеустройства или кадастровых инженеров. При заключении соглашения об установлении сервитута суды самостоятельно определяют наименее обременительный и наиболее предпочтительный вариант установления частного или публичного сервитута с учетом достижения необходимой цели, размер платы и компенсации понесенных убытков, а также иные необходимые условия сервитута. Суды признают право на установление публичного сервитута исключительно в интересах неопределенного круга лиц. В случае обращения за установлением сервитута группы граждан, суды признают ее право на установление частного сервитута, поскольку такой сервитут не служит удовлетворению государственных, муниципальных и общественных нужд. В случаях установления публичного сервитута суды стремятся к достижению баланса интересов обладателя сервитута и собственника земельного участка посредством соблюдения принципа справедливости и соразмерности компенсации установленного права ограниченного пользования чужим земельным участком.

Список литературы:

- [1] Латыпов Д.Н. Особенности признания права как способа защиты гражданских прав // Журнал российского права. 2013. № 9. С. 60-69.
- [2] Мисник Г.А. Сервитуты в земельном праве // Экологическое право. 2023. N 6. С. 28 - 31.
- [3] Монахов Д.А. Сервитуты: монография. Москва: Статут, 2023. 227 с.
- [4] Нигматуллина Э.Ф. Соблюдение баланса интересов при установлении сервитута в отношении земельных участков // Хозяйство и право. 2023. N 4. С. 98 - 109.
- [5] Решение Новосибирского районного суда Новосибирской области от 12.09.2022 по делу N 2-35/2022\$ Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 23.01.2024 N 33-1217/2023 // СПС КонсультантПлюс: <https://www.consultant.ru/> 20.01.2026.
- [6] Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28.05.2025 N 88-7787/2025; Апелляционное определение Свердловского областного суда от 22.01.2025 по делу N 33-952/2025; Решение Полевского городского суда Свердловской области от 15.10.2024 по делу N 2-932/2024 // СПС КонсультантПлюс: <https://www.consultant.ru/> 20.01.2026.
- [7] Решение Раменского городского суда Московской области от 01.04.2025 N 2-269/2025(2-9446/2024;)-М-9949/2024; Апелляционное опре-

деление Московского областного суда от 28.07.2025 N 33-27287/2025; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.01.2026 N 88-1105/2026 // СПС КонсультантПлюс: <https://www.consultant.ru/> 20.01.2026.

[8] Решение Мясниковского районного суда Ростовской области от 12.11.2024 N 2а-1031/2024; Апелляционное определение Ростовского областного суда от 07.04.2025 по делу N 33а-3950/2025; Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 04.12.2025 N 88а-30099/2025 // СПС КонсультантПлюс: <https://www.consultant.ru/> 20.01.2026.

[9] Решение Анапского городского суда Краснодарского края от 31.10.2024 по делу N 2-2015/2024; Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 31.07.2025 по делу N 33-9080/2025; Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13.11.2025 N 88-27342/2025 // СПС КонсультантПлюс: <https://www.consultant.ru/> 20.01.2026.

[10] Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 13.05.2025 по делу N 33а-5026/2025; Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.09.2025 N 88А-14704/2025 // СПС КонсультантПлюс: <https://www.consultant.ru/> 20.01.2026.

References:

- [1] Latypov D.N. Features of recognition of law as a way to protect civil rights//Journal of Russian Law. 2013. № 9. S. 60-69.
- [2] Misnik G.A. Easements in land law//Environmental law. 2023. N 6. S. 28-31.
- [3] Monakhov D.A. Easements: Monograph. Moscow: Statute, 2023. 227 pp.
- [4] Nigmatullina E.F. Observance of the balance of interests when establishing an easement in relation to land plots//Economy and law. 2023. N 4. S. 98-109.
- [5] Decision of the Novosibirsk District Court of the Novosibirsk Region of 12.09.2022 in case No. 2-35/2022\$ Appellate ruling of the Novosibirsk Regional Court of 23.01.2024 No. 33-1217/2023//SPS ConsultantPlus: <https://www.consultant.ru/> 20.01.2026.
- [6] Determination of the Seventh Court of Cassation of General Jurisdiction of 28.05.2025 N 88-7787/2025; Appeal ruling of the Sverdlovsk Regional Court of 22.01.2025 in case No. 33-952/2025; The decision of the Polevsky City Court of the Sverdlovsk Region of 15.10.2024 in case No. 2-932/2024//SPS Consultant Plus: <https://www.consultant.ru/> 20.01.2026.
- [7] Decision of the Ramensky City Court of the Moscow Region of 01.04.2025 N 2-269/2025 (2-9446/2024;) ~ M-9949/2024; Appellate ruling of

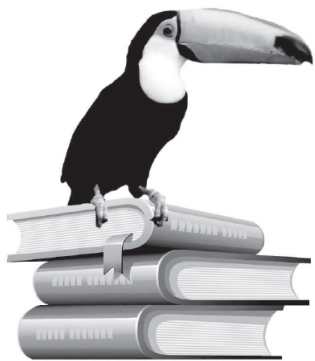
the Moscow Regional Court of 28.07.2025 N 33-27287/2025; Determination of the First Court of Cassation of General Jurisdiction of 14.01.2026 No. 88-1105/2026//SPS ConsultantPlus: <https://www.consultant.ru/> 20.01.2026.

[8] Decision of the Myasnikovsky District Court of the Rostov Region of 12.11.2024 No. 2a-1031/2024; Appeal ruling of the Rostov Regional Court of 07.04.2025 in case No. 33a-3950/2025; Cassation ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction of 04.12.2025 No. 88a-30099/2025//SPS ConsultantPlus: <https://www.consultant.ru/> 20.01.2026.

[9] Decision of the Anapa City Court of the Krasnodar Territory of 31.10.2024 in case No. 2-2015/2024; Appeal ruling of the Krasnodar Regional Court of 31.07.2025 in case No. 33-9080/2025; Determination of the Fourth Court of Cassation of General Jurisdiction of 13.11.2025 N 88-27342/2025//SPS ConsultantPlus: <https://www.consultant.ru/> 20.01.2026.

[10] Appeal ruling of the Krasnoyarsk Regional Court of 13.05.2025 in case No. 33a-5026/2025; Cassation ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction of 10.09.2025 No. 88A-14704/2025//SPS ConsultantPlus: <https://www.consultant.ru/> 20.01.2026.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-510-518

ТЕРЛЕЦКИЙ Дмитрий Игоревич,
аспирант 3 курса Государственного
академического университета гуманитарных наук,
г. Москва,
e-mail: info@gaugn.ru

ОСПАРИВАНИЕ СДЕЛОК С ЦЕННЫМИ БУМАГАМИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВЕСТОРОВ

Аннотация. В статье исследуется институт оспаривания сделок с ценными бумагами как инструмент защиты прав инвесторов. Проанализированы теоретико-правовые основы, специфика оснований оспаривания и процессуальные особенности данной категории споров. На основе изучения судебной практики выявлены проблемы правоприменения и предложены конкретные меры по совершенствованию законодательства.

Цель (Object): Комплексный анализ института оспаривания сделок с ценными бумагами как инструмента защиты прав инвесторов и разработка предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Методы (Methods): Сравнительно-правовой анализ, формально-юридический метод, системный подход, анализ судебной практики, историко-правовой метод.

Результаты (Findings): Выявлены системные проблемы в правовом регулировании оспаривания сделок с ценными бумагами, включая отсутствие единообразных подходов к квалификации нарушений, пробелы в распределении бремени доказывания и недостатки процессуального регулирования. Разработан комплекс законодательных предложений по устранению выявленных недостатков.

Выводы (Conclusions): Установлена необходимость внесения изменений в гражданское, финансовое и процессуальное законодательство для создания эффективного механизма оспаривания сделок с ценными бумагами. Предложенные меры позволят обеспечить баланс между защитой прав инвесторов и стабильностью гражданского оборота.

Ключевые слова: оспоримые сделки, ценные бумаги, защита инвесторов, недействительность сделок, финансовый рынок, инсайдерская информация, манипулирование рынком, судебная практика.

TERLETSKIY Dmitry Igorevich,
3rd year postgraduate student
of the State Academic University of Humanities Sciences,
Moscow

CHALLENGING SECURITIES TRANSACTIONS AS A TOOL FOR PROTECTING INVESTORS' RIGHTS

Annotation. The article examines the institution of challenging securities transactions as a tool for protecting investors' rights. The theoretical and legal foundations, specifics of the grounds for challenging, and procedural features of this category of disputes are analysed. Based on the study of judicial practice, problems of law enforcement are identified, and specific measures to improve the legislation are proposed.

Objective: A comprehensive analysis of the institution of challenging securities transactions as a tool for protecting investors' rights and the development of proposals to improve the current legislation.

Methods: Comparative legal analysis, formal legal method, systemic approach, analysis of judicial practice, historical legal method.

Findings: Systemic problems in the legal regulation of challenging securities transactions have

been identified, including the lack of uniform approaches to qualifying violations, gaps in the allocation of the burden of proof, and deficiencies in procedural regulation. A set of legislative proposals to address the identified deficiencies has been developed.

Conclusions: The necessity of amending civil, financial, and procedural legislation to create an effective mechanism for challenging securities transactions has been established. The proposed measures will help ensure a balance between protecting investors' rights and maintaining the stability of civil transactions.

Key words: *voidable transactions, securities, investor protection, invalidity of transactions, financial market, insider information, market manipulation, judicial practice.*

Актуальность исследования института оспаривания сделок с ценными бумагами обусловлена потребностью в эффективных механизмах защиты прав инвесторов на финансовом рынке. В условиях развития цифровых технологий и усложнения финансовых инструментов повышается значимость правовых средств обеспечения стабильности гражданского оборота. Целью настоящей работы является комплексный анализ оснований и процедуры оспаривания сделок с ценными бумагами как инструмента защиты прав инвесторов. Исследование направлено на выявление проблем правоприменения и разработку предложений по совершенствованию законодательства.

В настоящее время институт оспаривания сделок с ценными бумагами представляет собой сложный правовой механизм, занимающий важное место в системе гарантий защиты прав участников финансового рынка. Значимость данного инструмента обусловлена двойственной природой ценных бумаг, которые одновременно выступают как объекты гражданских прав и как инструменты инвестиционной деятельности [1]. Подобная двойственность определяет особенности правового регулирования соответствующих отношений.

В рамках гражданского законодательства основания и порядок оспаривания сделок с ценными бумагами регламентированы главой 9 Гражданского кодекса Российской Федерации [2]. Вместе с тем особенности применения общих норм к отношениям на рынке ценных бумаг определяются специальным законодательством, в первую очередь Федеральным законом «О рынке ценных бумаг» [3]. Дополнительное регулирование осуществляется подзаконными актами Банка России, которые конкретизируют требования к совершению операций с ценными бумагами [4].

Для выявления конкретных проблем в сфере оспаривания сделок с ценными бумагами, первоначально необходимо определить содержание защиты прав инвесторов. Так, оспаривания сделок включает две взаимосвязанные функции. Первая - превентивная функция данного механизма проявляется в установлении специальных оснований недействительности сделок, связанных с

нарушением требований законодательства о ценных бумагах. В основном, указанная функция регламентируется гражданским законодательством, предопределяющая поведение инвесторов - граждан и организаций. Вторая функция - компенсационная, выражается в возможности восстановления имущественного положения инвестора, нарушенного в результате совершения оспоримой сделки, путем обращения в компетентные органы, такие как фондовая биржа, Центральный банк, судебные органы [5]. Определив первоначальные функции, следует детально изучить сложившуюся судебную практику.

Так, современная судебная практика уже демонстрирует сложившиеся подходы к оспариванию сделок с ценными бумагами, отражающие баланс между защитой прав инвесторов и стабильностью гражданского оборота.

Например, в деле № А40-124558/2021 Арбитражный суд города Москвы признал недействительной сделку с акциями, совершенную с нарушением требований Федерального закона «О рынке ценных бумаг» [6]. Суд установил, что приобретатель действовал недобросовестно, поскольку располагал информацией о наличии корпоративного конфликта и специальных правил отчуждения акций в уставе общества. При вынесении решения суд руководствовался необходимостью защиты прав миноритарных акционеров, чьи интересы были нарушены данной сделкой.

Показательной в аспекте обеспечения стабильности оборота является практика по делу № А56-34219/2022 [7]. Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области отказал в удовлетворении иска о признании недействительной сделки с облигациями, заключенной на организованных торгах. Суд указал, что оспаривание биржевых сделок возможно лишь в исключительных случаях, когда нарушения носят существенный характер и затрагивают основы публичного порядка.

Особый интерес представляет дело № А43-28765/2020 [8], рассмотренное Арбитражным судом Нижегородской области. Суд удовлетворил требование о применении последствий недействительности сделки с векселями, совершенной под влиянием обмана. В решении подчеркива-

ется, что профессиональные участники рынка ценных бумаг обязаны проявлять повышенную осмотрительность при заключении сделок.

В постановлении по делу № А51-15643/2021 Арбитражный суд Дальневосточного округа сформулировал важную правовую позицию относительно распределения бремени доказывания [9]. Суд указал, что при оспаривании сделки с ценными бумагами по основанию нарушения требований законодательства о раскрытии информации бремя доказывания надлежащего раскрытия возлагается на профессионального участника рынка.

Значимым для практики является дело № А82-5432/2023 [10], в котором Арбитражный суд Ярославской области отказал в оспаривании сделки с инвестиционными паями, сославшись на истечение срока исковой давности. Суд отметил, что специальные сроки исковой давности по спорам, связанным с ценными бумагами, не установлены, поэтому применяется общий трехгодичный срок.

Анализ вышеуказанной судебной практики показывает, что оспаривание сделок с ценными бумагами осуществляется в рамках специального производства, учитывающего особенности данного сегмента экономических отношений. При этом суды исходят из необходимости обеспечения баланса между защитой прав инвесторов и стабильностью гражданского оборота [11]. Данный баланс достигается через строгое соблюдение условий оспаривания сделок и требований к доказыванию соответствующих обстоятельств.

Обратившись к судебной практике, возникает вопрос о субъектном составе лиц, имеющих право на оспаривание сделок с ценными бумагами. Помимо традиционных участников гражданских правоотношений, таким правом обладают специализированные организации, осуществляющие защиту прав инвесторов, а также Банк России в пределах своей компетенции [12]. Подобное расширение круга лиц, имеющих право на оспаривание, направлено на усиление защиты интересов инвесторов.

Теоретический анализ позволяет выделить несколько уровней регулирования оспаривания сделок с ценными бумагами. Первый уровень составляют общие нормы гражданского законодательства о недействительности сделок. Второй уровень образуют специальные нормы, учитывающие особенности ценных бумаг как объектов гражданских прав. Третий уровень включает подзаконное регулирование, конкретизирующее процедурные аспекты оспаривания [13].

Таким образом, теоретико-правовые основы оспаривания сделок с ценными бумагами представляют собой сложную многоуровневую

систему, сочетающую общие и специальные нормы права. Эффективность данного института напрямую зависит от согласованности регулирования на различных уровнях и единообразия правоприменительной практики.

Поскольку в основе исследования лежит критический анализ действующего законодательства и обобщение судебной практики, нами были выявлены системные проблемы защиты прав инвесторов от злоупотреблений на рынке ценных бумаг.

После подробного исследования главы 9 ГК РФ о недействительности сделок, мы установили, что общий режим оспаривания, предусмотренный статьями 178 (существенное заблуждение) и 179 ГК РФ (обман, кабальная сделка), не учитывает специфику оборота ценных бумаг.

Инсайдерская информация или манипулирование рынком не всегда подпадают под классическое понятие «обмана», требующее доказательства умысла конкретного контрагента, что затрудняет защиту прав инвесторов. При этом по общему правилу, оспорить сделку может только ее сторона (ст. 166 ГК РФ). Это исключает возможность защиты для множества инвесторов, чьи права нарушены манипуляциями, в которых они напрямую не участвовали. Также, сделки, совершенные по ст. 179 ГК РФ являются оспоримыми. Это означает, что они действительны до момента судебного оспаривания, что создает правовую неопределенность и усложняет восстановление справедливости инвесторов. Для оспоримых сделок установлен сокращенный годичный срок, течение которого зависит от момента, когда потерпевший узнал об обстоятельствах. В условиях сложных рыночных манипуляций этот момент крайне сложно определить, что ставит инвесторов в невыгодное положение. Как показывает практика, заблуждение относительно правовых последствий сделки само по себе не является основанием для ее оспаривания. Это правило, логичное для обычных сделок, не учитывает ситуацию, когда инвестор действует на основе публично недоступной информации.

Для подтверждения теоретических выводов был проведен анализ судебной практики, включая Обзор, утвержденный Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 10.12.2013 N 162. Результаты исследования следующие.

Отсутствие единообразия: суды по-разному подходят к квалификации операций с использованием инсайдерской информации. Одни суды пытаются подвести их под состав обмана (ст. 179 ГК РФ), другие - под сделки, нарушающие основы правопорядка (ст. 169 ГК РФ), что ведет к противоположным исходам аналогичных дел;

Проблема доказывания: Инвестору-истцу крайне сложно доказать все элементы состава правонарушения, особенно умысел контрагента и прямую причинно-следственную связь;

Несоразмерность защиты: Даже при успешном оспаривании возврат сторон в первоначальное положение (реституция) по ст. 167 ГК РФ не компенсирует инвестору упущенную выгоду и другие убытки, вызванные искажением всего рынка или отдельного актива

В итоге общий правовой режим оказался громоздким, неэффективным и не создавал сдерживающего эффекта для потенциальных нарушителей.

На основе проведенного анализа мы пришли к выводу, что существующий правовой механизм является исключительно реактивным (т.е. запускается после нарушения) и индивидуализированным (т.е. защищает лишь непосредственного контрагента). Для эффективной защиты прав инвесторов необходим проактивный и публичный инструмент.

Этот вывод и обосновывает наше предложение о дополнении статьи 179 ГК РФ частью 5 следующего содержания:

«Сделки с ценными бумагами, совершенные с использованием инсайдерской информации или путем манипулирования рынком, признаются ничтожными, если иное не установлено законом [14], при формировании дополнения мы основывались на следующих важных аспектах:

Специальный состав: конкретно определяет запрещенные действия -использование инсайдерской информации и манипулирование рынком;

Ничтожность: придает сделкам с такими пороками статус ничтожных. Это означает, что они недействительны изначально, не требуют судебного оспаривания для констатации этого факта, а круг лиц, которые могут требовать применения последствий, значительно шире (любое заинтересованное лицо).

Повышенная санкция: сама по себе ничтожность является более строгой санкцией, создающей высокие правовые риски для нарушителя и укрепляющей стабильность оборота.

Введение в статью 179 Гражданского кодекса Российской Федерации указанной специальной нормы (часть 5), признающей ничтожными сделки с ценными бумагами, совершенные с использованием инсайдерской информации или путем манипулирования рынком, окажет значительное положительное влияние на правоприменительную практику и повысит эффективность защиты прав инвесторов. Данное предложение является логичным и необходимым шагом по устранению выявленных в ходе научного исследования правовых пробелов.

Основным позитивным последствием станет устранение существующей в настоящее время правовой неопределенности. Как показывает анализ судебной практики, суды сталкиваются со значительными трудностями при квалификации подобных нарушений в рамках общих составов, предусмотренных статьями 178 и 179 ГК РФ [15]. Отсутствие прямого указания на инсайдерскую информацию и манипулирование рынком в качестве самостоятельных оснований недействительности сделок ведет к разнородным и зачастую противоречивым судебным решениям. Введение предлагаемой нами нормы создаст единообразный и предсказуемый критерий для правоприменителей, что является фундаментальным принципом правового государства.

Также, преимуществом предлагаемого изменения является кардинальное повышение эффективности механизма гражданско-правовой защиты. В настоящее время сделка, совершенная под влиянием обмана (в широком смысле), является оспоримой (ст. 179 ГК РФ). Это означает, что она действительна до момента признания ее недействительной судом, а право на обращение в суд принадлежит лишь стороне сделки [16]. Признание же таких сделок ничтожными (пункт 3 предлагаемой нормы) изменит эту парадигму. Ничтожная сделка недействительна изначально, независимо от судебного признания, а требовать применения последствий ее недействительности может не только контрагент, но и любой иной заинтересованный инвестор, чьи права были нарушены, а также регулятор рынка. Это существенно расширяет круг лиц, способных инициировать защиту нарушенных прав, и создает действенный сдерживающий фактор для потенциальных нарушителей.

Содержательное выделение указанных составов в самостоятельное основание ничтожности приведет к нескольким объективным позитивным последствиям.

Например, во-первых - упрощение процесса доказывания: в правоприменительный фокус сместится с установления сложно доказуемого умысла конкретного контрагента на «обман» (в классическом понимании ст. 179 ГК РФ) к доказыванию объективного факта использования информации, являющейся инсайдерской согласно Федеральному закону от 27 июля 2010 года № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком», или совершения действий, попадающих под признаки манипулирования [17];

Во-вторых - создание комплексного механизма ответственности: в настоящее время за инсайдерские сделки и манипулирование предусмотрена административная и уголовная ответ-

ственность. Однако гражданско-правовые последствия в виде недействительности самой сделки прямо не установлены. Предлагаемая норма восполнит этот пробел, создав целостный, «трехуровневый» механизм ответственности (гражданско-правовая, административная, уголовная), что значительно усилит превентивную функцию права.

В-третьих: повышение доверия и прозрачности финансового рынка: Четкое и суровое гражданско-правовое последствие в виде ничтожности сделки будет способствовать повышению стандартов поведения профессиональных участников рынка и эмитентов. Это, в свою очередь, напрямую влияет на рост уровня доверия со стороны частных и институциональных инвесторов, как отечественных, так и иностранных, способствуя притоку капитала и устойчивому развитию финансовой системы России. Данный тезис находит подтверждение в доктрине, указывающей на прямую связь между эффективной защитой прав инвесторов и ликвидностью рынка капитала [18].

Таким образом, имплементация анализируемой нормы в статью 179 ГК РФ представляет собой научно обоснованную и прагматичную меру совершенствования законодательства. Она направлена на гармонизацию общих гражданско-правовых норм со специальным регулированием финансового рынка, что приведет к усилению защиты прав инвесторов, повышению предсказуемости судебной практики и в конечном итоге – к укреплению стабильности и добросовестности всего оборота ценных бумаг.

Также, вышеизложенному стоит добавить, что особенностью оспаривания сделок с ценными бумагами выступает специальный характер оснований недействительности, применяемых в дополнение к общим гражданско-правовым составам. К числу специальных оснований относятся нарушения требований о раскрытии информации, манипулирование рынком, использование инсайдерской информации [19]. Данные составы конкретизированы в Федеральном законе «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком».

Судебная практика демонстрирует расширенное толкование оснований оспаривания в целях защиты прав инвесторов. В частности, сделки могут признаваться недействительными как совершенные с нарушением требований законодательства [20] в случае несоблюдения специальных правил совершения сделок с отдельными видами ценных бумаг. Так, в постановлении по делу № А40-124558/2021 Арбитражный суд Московского округа указал, что нарушение проце-

дуры одобрения крупной сделки в акционерном обществе является самостоятельным основанием для ее оспаривания [21].

Кроме вышеуказанного следует уделить внимание процессуальному аспекту оспаривания сделок с ценными бумагами, которые характеризуется комплексом особенностей, оказывающих существенное влияние на эффективность защиты прав инвесторов. В соответствии с действующим законодательством споры, связанные с оспариванием сделок с ценными бумагами, подведомственны арбитражным судам [22]. Специфика данной категории дел обусловлена необходимостью учета особенностей функционирования финансового рынка и обеспечения баланса между защитой прав инвесторов и стабильностью гражданского оборота.

Особого внимания заслуживает проблема распределения бремени доказывания при оспаривании сделок с ценными бумагами. В отличие от общих правил гражданского судопроизводства, по отдельным категориям споров о ценных бумагах бремя доказывания добросовестности приобретателя может возлагаться на контрагента по сделке. Такие подходы сформированы в практике высших судебных инстанций и направлены на обеспечение дополнительных гарантий защиты прав инвесторов [23].

В соответствии с общим правилом статьи 56 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений [24,25]. При оспаривании сделки по основаниям, предусмотренным статьей 179 ГК РФ (обман, угроза, кабальность), бремя доказывания всех элементов состава, включая умысел нарушителя и причинно-следственную связь, лежит на потерпевшей стороне [26]. Однако прямое применение этого подхода к сделкам, совершенным с использованием инсайдерской информации или путем манипулирования рынком, создает непреодолимые препятствия для защиты прав инвесторов.

Сложность заключается в информационной асимметрии и латентном характере данных правонарушений. Инвестор, пострадавший от манипуляций или инсайдерских сделок, зачастую не имеет процессуального доступа к информации, которая могла бы доказать умысел и конкретные действия нарушителя. Эти обстоятельства объективно находятся в сфере деятельности профессионального участника рынка или эмитента. Осознавая данную проблему, высшие судебные инстанции сформировали исключительный под-

ход. Как указано в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 21.04.2011 № 146, по отдельным категориям споров, связанным с оборотом ценных бумаг, бремя доказывания добросовестности приобретателя может быть возложено на его контрагента [27]. Эта позиция направлена на обеспечение справедливого баланса процессуальных возможностей сторон.

Судебная практика последних лет последовательно развивает данный принцип, ужесточая требования к профессиональным участникам. Тому подтверждением является постановление по делу № А40-124558/2021 Арбитражный суд Московского округа прямо обязал профессионального участника рынка доказывать проявление им всей необходимой осмотрительности при совершении спорной сделки [28]. Аналогичная правовая позиция, подчеркивающая необходимость установления специальных стандартов доказывания для профессиональных инвесторов в целях защиты прав иных участников оборота, выражена в определении Верховного Суда Российской Федерации по делу № А51-15643/2021 [29].

Несмотря на очевидную прогрессивность, выявленный судебный подход носит прецедентный и неустойчивый характер. Он существует не в силу прямого указания материального закона, а благодаря расширительному толкованию судами принципов добросовестности (ст. 10 ГК РФ) и презумпции вины нарушителя (п. 2 ст. 401 ГК РФ). Это приводит к противоречивой практике, когда в схожих по фактическим обстоятельствам делах суды по-разному решают вопрос о распределении бремени доказывания, что снижает предсказуемость судебной защиты и нарушает принцип единообразия правоприменения.

Следовательно, существует объективная необходимость легализации и унификации данного подхода через внесение соответствующей нормы в материальное гражданское законодательство.

Предлагаемое дополнение статьи 179 ГК РФ частью 5, признающей ничтожными сделки, совершенные с использованием инсайдерской информации или путем манипулирования рынком, позволит системно решить обозначенную проблему и принесет ряд фундаментальных преимуществ.

Во-первых, норма легализует и закрепляет на законодательном уровне принцип перераспределения бремени доказывания. Если ничтожность сделки прямо поставлена в зависимость от объективного факта использования инсайдерской информации или совершения действий по манипулированию (понятия, раскрытые в Федеральном законе от 27.07.2010 № 224-ФЗ) [30], то логи-

ческим следствием является возложение на профессионального участника, обвиняемого в таких действиях, бремени опровержения данного факта. От него будет требовать доказать, что использованная информация не являлась инсайдерской, либо что его операции не подпадают под законодательные признаки манипулирования. Это прямо вытекает из системного толкования предлагаемой нормы связанной с позицией высших судов [31,32,33] и радикально упрощает процессуальную позицию добросовестного инвестора-истца.

Во-вторых, введение нормы обеспечит единообразие судебной практики и правовую определенность. Четкое законодательное основание устранил необходимость в сложном казуистичном толковании общих норм и минимизирует судебные ошибки, связанные с неправильным распределением бремени доказывания. Суды получают однозначный критерий: при заявлении о ничтожности сделки по указанному основанию доказывание наличия инсайда или манипулирования (часто с привлечением заключения регулятора) инициирует обязанность ответчика доказать свою добросовестность.

В-третьих, предлагаемое изменение создаст эффективный превентивный механизм. Осознание того, что в случае судебного спора профессиональный участник будет нести повышенное бремя доказывания своей невиновности, будет стимулировать его к внедрению внутренних систем контроля и комплаенса, исключающих возможность использования инсайда и манипуляций. Это повысит общий уровень корпоративного управления и прозрачности на рынке.

Таким образом, решение проблемы распределения бремени доказывания через введение специальной нормы о ничтожности является не технической корректировкой, а системной мерой, направленной на гармонизацию материального и процессуального права. Она трансформирует защиту прав инвесторов из области исключений, формируемых судебной практикой, в область четких законодательных гарантий, что является необходимым условием для развития зрелого, защищенного и инвестиционно привлекательного финансового рынка.

Подводя итог всему вышеизложенному, стоит отметить, что предлагаемые изменения позволят создать эффективный механизм защиты прав инвесторов и обеспечить единообразие судебной практики по спорам, связанным с оспариванием сделок с ценными бумагами.

Проведенное исследование института оспаривания сделок с ценными бумагами как инструмента защиты прав инвесторов позволяет сформулировать системные выводы, обладающие теоретической и практической значимостью.

Комплексный анализ теоретико-правовых основ оспаривания сделок с ценными бумагами выявил двойственную природу данного правового механизма. С одной стороны, он основывается на общих нормах гражданского законодательства о недействительности сделок, с другой - характеризуется специальными основаниями и процедурами, учитывающими специфику рынка ценных бумаг. Установлено, что эффективность защиты прав инвесторов напрямую зависит от согласованности регулирования на различных уровнях и единообразия правоприменительной практики.

Исследование специфики оснований оспаривания сделок с ценными бумагами продемонстрировало наличие специальных составов нарушений, применяемых в дополнение к общим гражданско-правовым основаниям недействительности сделок. К числу таких специальных оснований относятся нарушения требований о раскрытии информации, манипулирование рынком, использование инсайдерской информации. Выявлена необходимость законодательного закрепления предлагаемых нами норм, что позволит унифицировать судебную практику.

Анализ процессуальных особенностей оспаривания сделок с ценными бумагами подтвердил наличие существенных проблем в данной сфере. К их числу относятся сложности доказывания и распределения бремя доказывания. Предложенные изменения в процессуальное законодательство, включая установление правил распределения бремени доказывания, направлены на повышение эффективности судебной защиты.

На основе проведенного исследования разработан комплекс предложений по совершенствованию действующего законодательства, включающий внесение изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации;

Реализация предложенных мер будет способствовать обеспечению баланса между защитой прав инвесторов и стабильностью гражданского оборота, а также повышению предсказуемости судебной практики по спорам, связанным с оспариванием сделок с ценными бумагами.

Список литературы:

- [1] Агарков, М.М. Основы банковского права. Учение о ценных бумагах / М.М. Агарков. – Москва : БЕК, 1994. – 350 с. – С. 124.
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301. – Ст. 166-181.
- [3] О рынке ценных бумаг : федер. закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1918. – Ст. 44.1.

[4] О порядке осуществления профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг : положение Банка России от 27.03.2020 № 706-П // Вестник Банка России. – 2020. – № 34.

[5] О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг : федер. закон от 05.03.1999 № 46-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 10. – Ст. 1163. – Ст. 5.

[6] Решение Арбитражного суда города Москвы от 15.03.2022 по делу № А40-124558/2021 // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс», дата обращения: 23.11.2025г.

[7] Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 08.11.2022 по делу № А56-34219/2022 // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс», дата обращения: 23.11.2025г.

[8] Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 20.07.2021 по делу № А43-28765/2020 // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс», дата обращения: 23.11.2025г.

[9] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 12.09.2022 по делу № А51-15643/2021 // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс», дата обращения: 23.11.2025г.

[10] Решение Арбитражного суда Ярославской области от 25.01.2024 по делу № А82-5432/2023 // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс», дата обращения: 23.11.2025г.

[11] О некоторых вопросах применения арбитражными судами законодательства о ценных бумагах : информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.04.2011 № 146 // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 6.

[12] О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : федер. закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 28. – Ст. 2790. – Ст. 76.

[13] Белов, В.А. Ценные бумаги в российском гражданском праве / В.А. Белов. – Москва : ЮрИнфоР, 2018. – 480 с. – С. 256-258.

[14] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[15] Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием сделок недействительными: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.03.2023 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 5. – С. 12.

[16] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[17] О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и

манипулированию рынком: федер. закон от 27.07.2010 № 224-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4193.

[18] Алексеев, А.А. Защита прав инвесторов на рынке ценных бумаг: проблемы теории и практики / А.А. Алексеев. – М.: Статут, 2021. – С. 178.

[19] О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 27.07.2010 № 224-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4193. – Ст. 5.

[20] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301. – Ст. 168.

[21] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.03.2022 № Ф05-124558/22 по делу № А40-124558/2021 // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс», дата обращения: 23.11.2025г.

[22] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012. – Ст. 33.

[23] О некоторых вопросах применения арбитражными судами законодательства о ценных бумагах : информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.04.2011 № 146 // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 6. – П. 3.

[24] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

[25] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

[26] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[27] О некоторых вопросах применения арбитражными судами законодательства о ценных бумагах: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.04.2011 № 146 // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 6.

[28] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.03.2022 № Ф05-124558/22 по делу № А40-124558/2021 // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

[29] Определение Верховного Суда РФ от 12.09.2022 № 305-ЭС22-15643 по делу № А51-15643/2021 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2022. – № 10.

[30] О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком: федеральный закон от 27.07.2010 № 224-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4193.

[31] О некоторых вопросах применения арбитражными судами законодательства о ценных бумагах: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.04.2011 № 146 // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 6.

[32] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.03.2022 № Ф05-124558/22 по делу № А40-124558/2021 // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

[33] Определение Верховного Суда РФ от 12.09.2022 № 305-ЭС22-15643 по делу № А51-15643/2021 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2022. – № 10.

References:

[1] Agarkov, M.M. Fundamentals of Banking Law. Securities Doctrine/M.M. Agarkov. - Moscow: BECK, 1994. - 350 p. - S. 124.

[2] Civil Code of the Russian Federation (part one): feder. Law of 30.11.1994 No. 51-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. - Art. 3301. - Art. 166-181.

[3] About the securities market: feder. Law of 22.04.1996 No. 39-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 17. - Art. 1918. - Art. 44.1.

[4] On the Procedure for Performing Professional Activities on the Securities Market: Bank of Russia Regulation No. 27.03.2020 dated 706-P// Bank of Russia Bulletin. – 2020. – № 34.

[5] On the protection of the rights and legitimate interests of investors in the securities market: feder. Law of 05.03.1999 No. 46-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1999. – № 10. - Art. 1163. - Art. 5.

[6] Decision of the Arbitration Court of the City of Moscow dated 15.03.2022 in case No. A40-124558/2021//Document provided by SPS “ConsultantPlus,” date of appeal: 23.11.2025

[7] Decision of the Arbitration Court of St. Petersburg and Leningrad Region dated 08.11.2022 in case No. A56-34219/2022//The document was provided by SPS “ConsultantPlus,” date of appeal: 23.11.2025.

[8] Decision of the Arbitration Court of the Nizhny Novgorod Region dated 20.07.2021 in case No. A43-28765/2020//Document provided by SPS “ConsultantPlus,” date of appeal: 23.11.2025

[9] Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated 12.09.2022 in case No. A51-15643/2021//Document provided by SPS “ConsultantPlus,” date of appeal: 23.11.2025

[10] Decision of the Arbitration Court of the Yaroslavl Region dated 25.01.2024 in case No. A82-5432/2023//Document provided by SPS "Consultant-Plus," date of appeal: 23.11.2025

[11] On some issues of application of securities legislation by arbitration courts: information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 21.04.2011 No. 146//Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2011. – № 6.

[12] About the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia): feder. Law of 10.07.2002 No. 86-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 28. - Art. 2790. - Art. 76.

[13] Belov, V.A. Securities in Russian Civil Law/ V.A. Belov. - Moscow: YurInfoR, 2018. - 480 p. - S. 256-258.

[14] Civil Code of the Russian Federation (part one): feder. Law of 30.11.1994 No. 51-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. - Art. 3301.

[15] Review of judicial practice in disputes related to the recognition of transactions as invalid: approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 15.03.2023 //Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2023. – № 5. - S. 12.

[16] Civil Code of the Russian Federation (part one): feder. Law of 30.11.1994 No. 51-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. - Art. 3301.

[17] On countering the misuse of insider information and market manipulation: feder. Law of 27.07.2010 No. 224-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2010. – № 31. - Art. 4193.

[18] Alekseev, A.A. Protection of investors' rights in the securities market: problems of theory and practice/A.A. Alekseev. - M.: Statute, 2021. - S. 178.

[19] On countering the unlawful use of insider information and market manipulation and on amending certain legislative acts of the Russian Federation: feder. Law of 27.07.2010 No. 224-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2010. – № 31. - Art. 4193. - Art. 5.

[20] Civil Code of the Russian Federation (part one): feder. Law of 30.11.1994 No. 51-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. - Art. 3301. - Art. 168.

[21] Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 15.03.2022 No. F05-124558/22 in case No. A40-124558/2021//Document provided by SPS "ConsultantPlus," date of appeal: 23.11.2025.

[22] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: feder. Law of 24.07.2002 No. 95-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 30. - Art. 3012. - Art. 33.

[23] On some issues of application of securities legislation by arbitration courts: information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 21.04.2011 No. 146//Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2011. – № 6. - ITEM 3.

[24] Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 14.11.2002 No. 138-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 46. - Art. 4532.

[25] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 24.07.2002 dated 95-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 30. - Art. 3012.

[26] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 30.11.1994 dated 51-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. - Art. 3301.

[27] On some issues of application of securities legislation by arbitration courts: information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 21.04.2011 No. 146//Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2011. – № 6.

[28] Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 15.03.2022 No. F05-124558/22 in case No. A40-124558/2021//The document was provided by SPS "ConsultantPlus."

[29] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 12.09.2022 No. 305-EC22-15643 in case No. A51-15643/2021//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2022. – № 10.

[30] On Countering the Unlawful Use of Insider Information and Market Manipulation: Federal Law of 27.07.2010 No. 224-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2010. – № 31. - Art. 4193.

[31] On some issues of application of securities legislation by arbitration courts: information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 21.04.2011 No. 146//Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2011. – № 6.

[32] Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 15.03.2022 No. F05-124558/22 in case No. A40-124558/2021//The document was provided by SPS "ConsultantPlus."

[33] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 12.09.2022 No. 305-EC22-15643 in case No. A51-15643/2021//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2022. – № 10.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-519-523

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

КУКИНА Татьяна Евгеньевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры тактико-специальной подготовки
Волгоградской академии МВД России,
e-mail: tkukina2012@yandex.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ БЕСПИЛОТНОГО ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА

Аннотация. Институт возмещения вреда, причиненного в результате эксплуатации беспилотного транспортного средства, находится в стадии становления, не имеет сформированной научной базы; этапы его развития и инициации нормативного регулирования обусловлены и во многом определены ростом технического прогресса. В научной статье автор исследует проблематику правового регулирования данных правоотношений в Российской Федерации.

Ключевые слова: беспилотное транспортное средство, высокоавтоматизированное транспортное средство, диспетчерский контроль, субъекты права, навигационная информация, источник повышенной опасности.

KUKINA Tatiana Ewgenievna,
PHD in Law, associate Professor
of the Department of tactical and special training
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

CIVIL LAW ASPECTS OF COMPENSATION FOR DAMAGES CAUSED BY THE OPERATION OF AN UNMANNED VEHICLE

Annotation. The institution of compensation for damage caused by the operation of an unmanned vehicle is in the process of formation and does not have a well-developed scientific base; its development and the initiation of regulatory measures are largely determined by the growth of technological progress. In this article, the author explores the legal regulation of these legal relations in the Russian Federation.

Key words: the unmanned vehicle, the highly automated vehicle, dispatch control, the legal entities, the navigation information, source of increased danger.

В сфере цифровых и технологических инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств совокупность норм о возмещении ущерба от их использования и теоретические подходы к определению ответственности за вред, причиненный беспилотными автомобилями, принято считать новым институтом гражданского права. Вопрос о том, кто несет ответственность за ущерб, причиненный беспилотными транспортными средствами, может быть рассмотрен с точки зрения традиционных концепций гражданско-правовой ответственности. К ним относятся: деликтная ответственность (возникшая вне договорных отношений), договорная ответственность (связанная с выполнением условий договора) и специальные

режимы ответственности, основанные на принципе риска (то есть, ответственность независимо от вины). По общему правилу, если кто-то причинил вред, он обязан возместить ущерб, но только при условии доказанной вины (согласно статье 1064 Гражданского кодекса РФ). Однако, когда речь идет об источниках повышенной опасности, таких как автомобили, закон предусматривает ответственность владельца даже без доказательства его вины. Владелец такого транспортного средства обязан возместить причиненный вред, если только не будет доказано, что причиной ущерба стало непреодолимое обстоятельство (форс-мажор) или умысел самого пострадавшего. Повышенный риск причинения вреда не исчезает при оснащении автомобиля системой автомати-

ческого вождения. Беспилотный автомобиль, даже без водителя за рулем, по-прежнему является источником повышенной опасности. В некоторых ситуациях вред может быть связан с договорными отношениями. Например, если беспилотное такси оказывает услугу перевозки, перевозчик несет ответственность перед пассажиром как сторона договора перевозки. Требования к безопасности могут быть регламентированы в договоре, и пострадавший имеет право ссылаться как на факт причинения вреда источником повышенной опасности (деликт), так и на нарушение обязательства по безопасной перевозке, закрепленного в договоре. Ответственность, основанная на принципе риска (алеаторная ответственность): законодательство устанавливает специальные режимы ответственности для определенных видов рисков. Помимо статьи 1079 Гражданского кодекса РФ, касающейся повышенной опасности, существует институт ответственности за вред, причиненный дефектами товара (продукции). Производитель или продавец товара несет ответственность за ущерб, возникший из-за конструктивных или программных недостатков, независимо от наличия его вины (статьи 1095–1098 Гражданского кодекса РФ). Этот режим фактически применяется и в случаях, когда причиной дорожно-транспортного происшествия стал дефект системы автономного управления. Пострадавший имеет право требовать возмещения ущерба от производителя или продавца техники, даже если они действовали добросовестно. На практике это дополняет общую без вины ответственность владельца: владелец возмещает ущерб пострадавшим, а затем может предъявить регрессное требование к производителю, если будет доказан дефект системы. Существуют разные методики определения, кто несет неблагоприятные юридические риски за ущерб, причиненный беспилотным транспортом. Владелец или производитель беспилотного транспортного средства может быть принужден к возмещению ущерба, даже если он не признан виновным. Если вред возник из-за невыполнения условий договора, то ответственность будет возложена на сторону, нарушившую обязательства. Под «владельцем» в данном контексте понимается любое лицо (физическое или юридическое), которое имеет транспортное средство в собственности или на законных основаниях (например, по договору лизинга, аренды или по доверенности). Ответственность производителя, продавца: гражданское законодательство предусматривает ответственность производителя или продавца за вред, причиненный из-за недостатков товара (статья 1095 ГК РФ). Эта норма может применяться, если авария произо-

шла из-за дефекта в конструкции или программном обеспечении беспилотного транспортного средства. Российское законодательство, касающееся автономных транспортных средств, находится на стадии разработки. Нормативно закреплено, что владелец беспилотника несет ответственность за его действия, даже если он управляется автопилотом. Для обеспечения безопасности, каждый автоматизированный транспорт без водителя в рамках эксперимента должен быть застрахован на сумму не менее 10 миллионов рублей, что значительно выше стандартных лимитов ОСАГО, гарантируя возмещение ущерба всем пострадавшим. В 2020 году Правительство утвердило Концепцию безопасности дорожного движения с беспилотными механизмами, признав необходимость скорейшего развития законодательства и разделения ответственности в зависимости от уровня автоматизации. Это означало отход от традиционной модели ответственности, ориентированной на управляющего водителя. На основе Федерального закона № 258-ФЗ были запущены новые экспериментальные правовые режимы для беспилотного транспорта и введен обширный метод для эксплуатации беспилотных автомобилей в ряде регионов, включая Москву. Этот принцип предлагает классификацию на два вида: с инженером-испытателем на борту (1-я категория) и без человека в салоне, но с дистанционным оператором (2-я категория). В рамках данного испытания ответственность распределяется между владельцем, оператором и лицом, ответственным за техническое состояние, в зависимости от категории и обстоятельств. Например, при ДТП с беспилотником 2-й категории, ответственность может лечь на оператора (за недостаточный контроль), владельца или ответственного за техсостояние, в зависимости от причины аварии. Таким образом, уже на уровне подзаконных актов формируется модель распределенной ответственности. В настоящее время в России отсутствует нормативная база, регулирующая использование беспилотных транспортных средств. До 1 апреля 2028 года продлен режим эксперимента, который налагает особые условия на допуск беспилотников на дороги. К таким условиям относятся: обязательное наличие специального опознавательного знака «Автономное управление» и соответствующей маркировки на кузове автомобиля. Обсуждается введение специальных дорожных знаков, информирующих водителей о движении беспилотных транспортных средств впереди (хотя эти знаки пока не утверждены). Действующие Правила дорожного движения напрямую не упоминают «беспилотный автомобиль», но фактически требуют присутствия води-

теля. Россия является участником Венской конвенции о дорожном движении 1968 года, согласно которой каждое движущееся транспортное средство должно иметь водителя. Пока эта норма международного права не изменена, в рамках нового правового опыта Российская Федерация требует наличия ответственного оператора, который может находиться как в салоне, так и управлять транспортным средством дистанционно. Тем не менее, планируется постепенное снятие этого ограничения. Уже разработаны проекты изменений в правила, которые позволяют в отдельных случаях отказаться от присутствия человека в салоне, при условии наличия функционирующей системы дистанционного мониторинга и возможности экстренной остановки транспортного средства.

По заявлениям Минтранса, законопроект впервые на законодательном уровне закрепит следующие понятия:

- определения беспилотного транспорта;
- права и обязанности всех участников процесса: производителей, владельцев, операторов дистанционной поддержки, сервисных центров и других;
- проект закона также определяет условия допуска ВАС на дороги;
- обязательное наличие «бортового устройства регистрации событий»;
- наличие системы удаленного перевода машины в «режим минимального риска» (автоматическая безопасная остановка);
- обязательный регулярный технический осмотр и обновление программного обеспечения.

В ближайшее время планируется ввести ряд ограничений для эксплуатации беспилотных транспортных средств. В частности, будет запрещено использовать дроны, чье программное обеспечение морально и технически устарело. Также будет ограничено их применение на участках дорог, где осуществляется перевозка опасных грузов, и в районах, не имеющих актуальных цифровых карт местности. Законодательная инициатива также предусматривает изменения в законе об ОСАГО. Предполагается, что все дорожно-транспортные происшествия с участием новых автоматизированных средств будут оформляться исключительно с вызовом сотрудников ГИБДД. Это означает, что «европротокол» (упрощенное оформление ДТП без полиции) будет недоступен для таких случаев. Такая мера обусловлена необходимостью детального расследования причин аварий с участием новых технологий и извлечения данных с бортовых регистраторов. Кроме того, страховым компаниям хотят предоставить право требовать возмещения убытков с вла-

дельца беспилотника, если будет установлено, что он своевременно не установил критически важное обновление программного обеспечения. Ключевым аспектом законопроекта является четкое определение того, кто несет ответственность в случае ДТП с участием беспилотных автомобилей. Министерство транспорта предлагает возложить основную гражданско-правовую ответственность на владельца данного средства, по аналогии с ответственностью за владение источником повышенной опасности. Однако, в зависимости от причины аварии, к ответственности могут быть привлечены и другие стороны. Если авария произошла из-за производственных дефектов системы управления или самого автомобиля, ответственность ляжет на производителя. Если дорожно-транспортное событие стало следствием сбоя в удаленном мониторинге (диспетчерском контроле), негативные правовые последствия возникнут у оператора-диспетчера. Если причиной аварии стала неисправность, возникшая в результате некачественного технического обслуживания, ответственным будет признан сервисный центр или дилер, проводивший ремонт. Во всех остальных случаях, по умолчанию, ответственность несет владелец беспилотного автомобиля, если только он не сможет доказать, что причиной аварии стало воздействие непреодолимой силы или умышленное действие пострадавшего. Эта норма фактически повторяет общий принцип, закрепленный в Гражданском кодексе РФ. Формирование судебной практики по беспилотным автомобилям в России: первые прецеденты и тенденции. В связи с тем, что полностью автономные транспортные средства еще не получили широкого распространения, российская судебная практика в этой области находится в стадии формирования. Большинство инцидентов с участием БПТС происходят в рамках тестовых программ и, как правило, разрешаются в досудебном порядке, посредством страховых выплат или соглашений между сторонами. Тем не менее, уже появились знаковые прецеденты, привлекающие внимание юристов. Ключевой прецедент возник с беспилотным такси, принадлежащем компании «Яндекс». Осенью 2019 года в Москве произошло дорожно-транспортное происшествие с участием экспериментального беспилотного такси «Яндекса». Столкновение произошло из-за того, что автомобиль не успел затормозить. Важным обстоятельством стало то, что инженер-испытатель, находившийся в салоне, незадолго до аварии перевел управление в ручной режим. В результате, ответственность за инцидент была возложена на водителя-испытателя, который был признан виновным в аварии, поскольку именно он управлял транс-

портным средством непосредственно перед столкновением. Компания временно отстранила данного сотрудника от дальнейших испытаний. Этот случай подтвердил тенденцию: при наличии субъекта за рулем судебные и правоохранительные органы склонны рассматривать его как причинителя вреда.

Ответственность производителя за некачественную продукцию и безопасность беспилотных автомобилей. Производитель товара, не соответствующего установленным стандартам качества, может быть привлечен к административной ответственности согласно статье 14.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В более серьезных ситуациях, когда некачественная продукция привела к гибели людей, ответственные лица компании могут столкнуться с уголовным преследованием по статье 238 Уголовного кодекса РФ, предусматривающей ответственность за производство или продажу небезопасных товаров. Например, если из-за производственного дефекта по неосторожности погибли два или более человека, должностным лицам производителя может грозить наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет. Хотя в России пока не было подобных случаев, законодательная база для такого рода ответственности уже существует. В настоящее время в рамках тестирования беспилотных моделей разработчикам предписывается самостоятельно расследовать инциденты и взаимодействовать с государственными органами. В некоторых единичных случаях организации добровольно брали на себя ответственность за фактические случаи причинения вреда. Практика показывает, что при возникновении аварий с участием беспилотных механизмов виновным, как правило, признается участник «традиционного» дорожного движения: водитель другого автомобиля, инженер-испытателя или обслуживающий персонал. Если же очевидно, что причиной ДТП стала работа самой автономной системы, дело, скорее всего, будет рассматриваться в рамках гражданского и административного права, включая выплату страхового возмещения и возможные штрафы для производителя оборудования. При этом, до появления четких законодательных норм, будет предпринята попытка избежать уголовного преследования ответственных лиц. В Российской Федерации в настоящее время отсутствуют показательные прецеденты с участием беспилотных такси, которые привели бы к гибели людей или серьезным травмам. В связи с этим судебная практика в основном ограничивается возмещением материального ущерба. Большинство таких споров решаются страховыми компаниями: полис ОСАГО покрывает ущерб пострадавшим, после чего стра-

ховщик, при необходимости, предъявляет регрессное требование к виновному лицу. Если виновным признается владелец (компания-оператор автоматизированного средства), регресс не применяется, поскольку ОСАГО уже покрывает его ответственность. Если же виновным оказывается инженер-испытатель, компания (как страхователь) может взыскать с него сумму, выплаченную страховщиком по регрессному иску. Рассмотрим, кто несет ответственность за вред, причиненный беспилотным транспортным средством, и как эта ответственность распределяется. Владелец транспортного средства как основной субъект и потенциальный ответчик. Согласно действующим нормам, главным лицом, ответственным за ущерб, причиненный автомобилем, является его владелец (собственник). В контексте беспилотных автомобилей, владельцем чаще всего выступает компания-разработчик или оператор сервиса. Ответственность возлагается на владельца источника повышенной опасности, которым в случае с беспилотным объектом является компания-разработчик. Следовательно, если беспилотный летательный аппарат принадлежит юридическому лицу, именно оно обязано возместить причиненный вред. Владелец беспилотного летательного аппарата несет объективную ответственность перед пострадавшими. Однако это не исключает возможности внутреннего перераспределения ответственности. Если в эксплуатации участвовал наемный водитель-испытатель или оператор, владелец (компания) после выплаты компенсации может попытаться взыскать убытки с этого сотрудника, если докажет его вину (например, несоблюдение инструкций). В случае, когда транспортное средство находится в собственности юридического лица, потенциальные иски будут предъявлены к нему как обязанному субъекту. Тем не менее, юридическое лицо имеет право требовать от водителя возмещения части убытков, если будет установлено, что его действия стали причиной аварии. В традиционном праве они отвечают за дефекты своей продукции. Ответственность производителя возникает, когда авария вызвана конструктивными, программными или иными техническими недостатками самого автопилота или автомобиля. Предложение законодателя четко указывает: если ДТП произошло по вине автономного транспортного средства, нарушившего правила дорожного движения (из-за сбоя системы управления), то ответственность несет изготовитель. Вопрос о возмещении ущерба от беспилотных автомобилей – это сложная, междисциплинарная проблема, но правовая основа для ее решения уже закладывается в юридических системах страны. Российское законодательство активно развивается в сторону создания ком-

плексного механизма, призванного обеспечить защиту всех пострадавших, независимо от наличия или отсутствия водителя в момент происшествия. Ответственность будет распределяться между различными участниками процесса создания и эксплуатации беспилотных технологий. Несмотря на то, что судебная практика по таким делам находится на начальной стадии, она уже опирается на проверенные временем принципы: возмещение вреда владельцем источника повышенной опасности, ответственность производителя за дефекты товара и ответственность оператора за допущенные ошибки. Экспертное сообщество поддерживает эту многоуровневую модель, ожидая, что она будет способствовать повышению безопасности и укреплению доверия к беспилотным транспортным средствам. Международный опыт подтверждает правильность выбранного пути: схожие подходы формируются в ведущих странах, таких как Китай, хотя и с использованием разных методик рассмотрения данной категории дел. В ближайшие годы мы станем свидетелями как законодательного оформления этих принципов, так и их практического применения в судебных разбирательствах по первым делам, связанным с полностью автономными автомобилями.

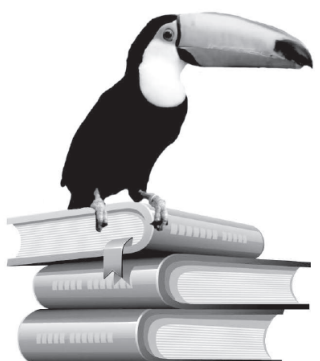
Список литературы:

- [1] Андриухин Н.Г., Ледовская К.Р. Проблемные аспекты нормативно-правового регулирования в сфере эксплуатации беспилотных транспортных средств// Административное право и процесс.- 2022.- № 12.- С.35-38.
- [2] Нестеров Е.А., Чеботарев В.Е. Беспилотные такси: векторы правового регулирования в вопросах распределения ответственности при ДТП//Транспортное право.- 2025. - № 2.- С.16-24.
- [3] Скучаев А.А. К вопросу о правосубъектности беспилотного автотранспорта и субъектах ответственности// Транспортное право.- 2025.- № 1.- С.28-33.

References:

- [1] Andryukhin N.G., Ledovskaya K.R. Problematic aspects of regulatory regulation in the field of operation of unmanned vehicles//Administrative law and process. - 2022.- No. 12.- S.35-38.
- [2] Nesterov E.A., Chebotarev V.E. Unmanned taxis: vectors of legal regulation in matters of distribution of responsibility in case of road accidents//Transport law. - 2025. - No. 2.- S.16-24.
- [3] Borozev A.A. On the issue of legal personality of unmanned vehicles and subjects of responsibility//Transport law.- 2025.- No. 1.- S.28-33.

Юридическое издательство
«ЮРКОМИ»

Издание учебников,
 учебных и методических
 пособий, монографий,
 научных статей.

Профессионально.

В максимально
 короткие сроки.

Размещаем
 в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-524-528

ГАРМАШ Дмитрий Александрович,
аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права
УВО «Университет управления «ТИСБИ»,
e-mail: garmashda@yandex.ru

УСТАНОВЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО СЕРВИТУТА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. В настоящей статье автор рассматривает правовые аспекты регулирования отношений по установлению земельного сервитута и анализирует некоторые проблемы применения положений законодательства об установлении сервитута, акцентируя внимание на межотраслевом характере правового регулирования исследуемых правоотношений. Автор подробно рассматривает установленные законодательством способы установления земельного сервитута, в том числе при обращении к конкретным примерам из судебной практики. Также в статье исследована проблема конфликта частных и публичных интересов при установлении сервитута.

Ключевые слова: сервитут, сервитут в отношении земельного участка, земельный сервитут, установление сервитута, проблемы установления сервитута, установление частного сервитута, установление публичного сервитута.

GARMASH Dmitrii Alexandrovich,
graduate student in the Department of Civil and Business Law Institution
of Higher Education «The University of Management «TISBI

ESTABLISHMENT OF A LAND EASEMENT: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Annotation. In this article, the author examines the legal aspects of regulating relations on the establishment of a land easement and analyzes some of the problems of applying the provisions of legislation on the establishment of an easement, focusing on the intersectoral nature of the legal regulation of the legal relations under study. The author examines in detail the ways established by law to establish a land easement, including when referring to specific examples from judicial practice. The article also examines the problem of conflict of private and public interests in the establishment of an easement.

Key words: easement, easement in relation to a land plot, land easement, establishment of an easement, problems of establishing an easement, establishment of a private easement, establishment of a public easement.

Правовой институт сервитута, устанавливаемого в отношении земельного участка, занимает важное место в сложившейся в России системе землепользования. Он выступает инструментом достижения баланса интересов участников гражданского оборота в использовании земельных ресурсов, тем самым обеспечивая удовлетворение различных общественных и хозяйственных потребностей, а если говорить о публичном сервитуте - государственных и муниципальных нужд, а также способствуя рациональному использованию земель.

Актуальность исследования проблем правоприменительной практики, складывающейся по вопросам установления земельных сервитутов

обусловлена, прежде всего, необходимостью выяснения и устранения пробелов правового регулирования в обозначенной сфере, препятствующих эффективному функционированию правового института земельных сервитутов. Кроме того, исследование проблем установления земельных сервитутов в динамике является актуальным в связи с тем, что многие спорные вопросы по обозначенной проблематике получают решение на практике. Такой подход позволит выявить особенности применения норм права в реальных условиях, что имеет особую ценность для формирования обоснованных рекомендаций по совершенствованию законодательства.

Легальная дефиниция сервитута приведена в п. 1 ст. 274 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ), согласно которому под сервитутом следует понимать право ограниченного пользования соседним участком, предоставления которого от собственника соседнего земельного участка, а в необходимых случаях и от собственника другого земельного участка (соседнего участка), вправе требовать собственник недвижимого имущества (земельного участка, другой недвижимости).

Российское законодательство устанавливает дифференцированные правовые режимы для частного сервитута, воплощающего классическую модель отношений между частными лицами в частных интересах, и для публичного, устанавливаемого в целях обеспечения публичных интересов и функций. В кругах ученых-юристов ведется дискуссия о правовой природе публичного сервитута, в частности, высказывается мысль о том, что по своей правовой природе публичный сервитут является не ограниченным вещным правом, а ограничением права собственности []. Не уходя в полемику, мы рассмотрим проблемы установления и прекращения как частного, так и публичного сервитута.

Правовое регулирование сервитута, устанавливаемого в отношении земельного участка в рамках отечественного права следует охарактеризовать как межотраслевое, поскольку оно основывается на нормах как частного, так и публичного характера. При этом, вопросы установления частного сервитута освещены нормами гражданского законодательства, тогда как регулированию установления публичного сервитута отведен также ряд норм Земельного кодекса Российской Федерации (далее - ЗК РФ). В случаях установления сервитута для особых целей в механизм правового регулирования включаются положения специальных законодательных актов.

Довольно сложная система межотраслевого регулирования отношений по поводу земельного сервитута обуславливает высокую роль правоприменительной практики, выступающей связующим звеном между нормами права и реалиями их применения. Рассмотрим проблемы правоприменительной практики, возникающие на фоне решения вопросов об установлении сервитутов, более подробно.

Действующее законодательство предусматривает три способа установления сервитута: по соглашению сторон, на основании судебного акта, на основании предписания компетентного органа - для публичных сервитутов.

1. Порядок установления земельного сервитута по соглашению.

К соглашению об установлении сервитута применяются общие требования согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ.

Содержание соглашения об установлении частного сервитута не имеет строгой регламентации. Исходя из положений ГК РФ можно сделать вывод, что такое соглашение должно содержать условия о предмете, сроке, размере платы, а также по усмотрению сторон иные условия. При более глубоком обращении к проблеме определения существенных условий соглашения об установлении частного сервитута нам представляется, что для ее решения ориентиром должен служить перечень условий, определенных в п. 10 Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017 (далее - Обзор), которые суд должен определить для установления сервитута.

Более строгие требования предъявлены к соглашению об установлении публичного сервитута: п. 1 ст. 39.25 ЗК РФ устанавливает обязательные условия для включения в такое соглашение. Однако в контексте публичного сервитута соглашение не является самостоятельным основанием его установления, поскольку установление публичного сервитута производится на основании решения соответствующего органа власти, несмотря на формальное наличие соглашения об установлении сервитута.

Как показывает практика, сторонам не всегда удается достичь единого мнения при заключении соглашения об установлении сервитута, в связи с чем урегулирование разногласий нередко переходит на уровень судебного разбирательства. При этом одним из наиболее проблемных аспектов при заключении соглашения об установлении сервитута является определение размера платы за сервитут.

Анализ судебной практики по обозначенной проблеме позволил нам обозначить некоторые особенности определения размера платы при установлении сервитутов по соглашению сторон, помимо уже обозначенных в Обзоре, а именно:

- 1) Условия соглашения об установлении сервитута должны быть обоснованными. Подтверждением этому могут служить различные документы: кадастровый план, отчет об оценке, заключение экспертизы и т.п.

Так, при рассмотрении требования об урегулировании разногласий по соглашению об установлении публичного сервитута в части определения размера платы за сервитут, обязанности заключить соглашение в редакции истца, суд пришел к выводу, что размер платы должен определяться с учетом утвержденных методических рекомендаций, в связи с чем результаты оценки, проведен-

ной без учета указанных рекомендаций, судом были характеризованы как необоснованные (Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 07.08.2023 № Ф08-7139/2023 по делу № А32-33741/2020).

2) Плата за сервитут должна компенсировать только законные ограничения.

Так, рассматривая спор об определении платы за сервитут, суд пришел к выводу, что запреты и ограничения на осуществление действий, которые могут нарушить безопасную работу объектов газораспределительных систем, возникшие в связи с установлением охранной зоны таких объектов в силу действующего законодательства, не могут дополнительно учитываться при определении уровня изменения рыночной стоимости земельного участка в связи с установлением публичного сервитута (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18.04.2023 № Ф09-1686/23 по делу № А60-11833/2022).

В целом же нужно отметить, что заключение соглашения об установлении сервитута не является обязанностью ни для одной из сторон. В случае недостижения согласия по какой-либо причине, лицо вправе обратиться к судебному порядку установления сервитута.

2. Судебный порядок установления земельного сервитута.

Согласно п. 3 ст. 274 ГК РФ при недостижении соглашения об установлении сервитута спор разрешается судом по иску претендента на получение статуса сервитуария. Закон не предусматривает обязательного досудебного порядка разрешения спора такого характера, поэтому действует лишь необходимость подтверждения того, что до обращения в суд сторонам не удалось достичь соглашения об установлении сервитута.

В случае удовлетворения требования об установлении сервитута суд также определяет условия его установления, в частности, о плате и сроке, в связи с чем именно эти вопросы встают наиболее остро.

Некоторые особенности определения платы за сервитут мы уже рассмотрели, в связи с чем обратимся к проблеме о критериях установления сервитута.

Гражданское законодательство связывает возможность установления сервитутов с различными нуждами собственника недвижимого имущества, которые не могут быть обеспечены без установления сервитута, конкретно называя лишь такие нужды как обеспечение прохода и проезда, строительство, реконструкция, эксплуатация линейных объектов. Открытый перечень таких нужд собственника недвижимости обеспечивает

возможность учета различных обстоятельств при установлении сервитута. Вместе с тем это указывает на отсутствие конкретных критериев установления сервитута, что на практике порождает споры и увеличивает нагрузку на суды при рассмотрении таких споров.

Так, собственники жилых помещений обратились в суд с требованием установить сервитут в отношении земельного участка ответчика, необходимого для прохода истцов к своей собственности. На основании выводов экспертизы, согласно которым возможна альтернативная организация прохода без использования земельного участка ответчика, но связанная с затратами, судом первой инстанции иски были удовлетворены, на стадии апелляции решение было оставлено без изменений. Вместе с тем на стадии кассационного обжалования Верховный суд РФ отправил дело на новое рассмотрение и определил, что при рассмотрении спора суды должны были убедиться в исключительной необходимости установления сервитута, исследовать вопрос о том, на удовлетворение каких конкретно нужд направлено требование истца и относятся ли они к тем потребностям, которые могут быть обеспечены путем установления сервитута, определить конкретный круг лиц сервитуариев (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.10.2016 № 18-КГ16-113).

Таким образом, разъяснения Верховного Суда РФ указывают, что обозначенный в п. 1 ст. 274 ГК РФ критерий исключительности сервитута подразумевает под собой как минимум четыре требования к установлению сервитута.

Обращаясь к различным примерам из судебной практики, можно обнаружить и другие критерии установления сервитута.

Например, при рассмотрении требований истца об установлении сервитута в отношении смежных участков, принадлежащих ответчикам, для обеспечения проезда к участку истца суд установил, что обязательным критерием установления сервитута является наличие соответствующей технической возможности. В рассматриваемом случае такой возможности не было, поскольку проезд отсутствовал в плане СНТ, в связи с чем суд в удовлетворении требований отказал (Апелляционное определение Саратовского областного суда от 19.09.2018 по делу № 33-6956/2018).

Можно заметить, что судебная практика значительно повышает уровень правовой определенности в сфере установления земельного сервитута. Примечателен также и тот момент, что зачастую складываются ситуации, при которых принимаемые судом обеспечительные меры, позволяющие в период длительного судебного

разбирательства использовать чужой земельный участок, фактически нивелируют спор до вступления в силу решения суда [].

3. Установление земельного сервитута на основании решения исполнительного органа.

Данный способ применим относительно установления публичного земельного сервитута и, как мы уже отмечали, соглашение об установлении сервитута в таком случае имеет второстепенный характер.

Учитывая природу соглашения об установлении публичного сервитута и императивные требования к его содержанию, мы усматриваем значительное ограничение гражданско-правового принципа свободы договора. Собственник не имеет возможности отказаться от установления публичного сервитута, в связи с чем использование договорной конструкции в таких отношениях, на наш взгляд, неуместно и противоречит самой сути договорного регулирования. И хотя правообладатель вправе обратиться в суд за защитой своих прав и законных интересов, затронутых установлением публичного сервитута, практика показывает, что в подавляющем большинстве случаев суд признает установление публичного сервитута законным.

Так, суд отказал Товариществу - собственнику земельного участка, с использованием которого был организован проход и проезд неопределенного круга лиц к земельным участкам деревни и землям лесного фонда - в прекращении публичного сервитута в связи с тем, что истец не представил доказательства того, что обстоятельства, послужившие основанием для установления сервитута, отпали. В свою очередь, истец свои требования обосновывал тем, что доступ неопределенного круга лиц к земельным участкам деревни и землям лесного фонда обеспечен по землям общего пользования соседнего сельского поселения (Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.04.2025 № 13АП-38704/2024 по делу № А56-56358/2024).

Нередко суды отказывают собственникам в удовлетворении аналогичных требований по причине того, что в суд не были предоставлены доказательства существенного ухудшения условий или затруднения пользования земельным участком. Вместе с тем критерии такого ухудшения условий или затруднения пользования законодательно не регламентированы, в связи с чем решение каждой конкретной ситуации остается на усмотрение суда. Такой подход законодателя и правоприменителя в действительности легализует приоритет публичных целей в сфере частных правовых по своему существу отношений. В

целом складывающаяся ситуация коррелирует общеправовой тенденции сближения и смешения частного и публичного правового регулирования, однако, корректность реализации этой идеи в части публичного сервитута остается спорной.

Практика решения споров по установлению публичного сервитута указывает на высокий уровень правовой неопределенности, которая, по нашему мнению, возникает на фоне искусственного и не вполне корректного включения императивного регулирования в сферу частного права. Справедливым представляется мнение Анисимова А.П. и Болтановой Е.С., которые отметили, что «...расширение перечня оснований для ограничения прав частных собственников путем установления публичных сервитутов не повлекло создания соразмерной системы гарантий прав человека» [, с. 152].

Довольно интересную концепцию, направленную на решение проблемы нарушения частного-публичного баланса в отношениях по поводу установления публичного сервитута, разрабатывает Н.Н. Мельников [, с. 209]. Автор обращает внимание к подразумеваемым сервитутам, возникающим не на основании решений органов власти, а в силу наступления особых обстоятельств, обуславливающих использование чужого земельного участка, что, на наш взгляд, может стать логичной заменой конструкции современного публичного сервитута. Публичные цели, которыми обусловлена необходимость установления сервитута и на которые ссылаются суды при установлении сервитута без согласия правообладателя, по своей сути отражают наличие особых обстоятельств, в том числе не поименованных в законе, которыми опосредована необходимость установления ограниченного вещного права.

Кроме того, реализация такого подхода может позволить нивелировать ситуации, при которых правообладатель препятствует доступу к земельному участку при наличии на то объективной необходимости, что имеет место на практике.

4. Государственная регистрация земельного сервитута.

По общему правилу порядок установления частного сервитута предполагает его государственную регистрацию (далее - госрегистрация) в ЕГРН в порядке, предусмотренном положениями законодательства (п. 3 ст. 274 ГК РФ, п. 17 ст. 23 ЗК РФ). Публичный сервитут госрегистрации не подлежит, но в реестр границ ЕГРН вносятся сведения о границах публичных сервитутов.

Центральной проблемой завершающего этапа установления сервитута - госрегистрации - заключается, на наш взгляд, недостаточная открытость и полноты вносимой в реестр информации.

Так, в ЕГРН не вносятся сведения о плате за сервитут и об обязательствах сторон, не отражаются сведения о господствующем участке, иными словами, в ЕГРН практически полностью отсутствует информация о финансовых и правовых условиях сервитута, что не позволяет участникам гражданского оборота формировать корректное представление о земельном участке. Разумеется, еще более остро эта проблема стоит в отношении публичных сервитутов.

В свою очередь, фиксация в ЕГРН размера платы и содержания обязательств сторон правоотношений, возникающих по поводу сервитута, могла бы способствовать формированию единообразных алгоритмов определения платы, что, в свою очередь, могло бы минимизировать число споров по этому основанию.

Представленное в настоящей статье исследование проблем установления земельного сервитута позволяет сделать ряд ключевых выводов, в частности:

1. Межотраслевой характер правового регулирования установления земельного сервитута, с одной стороны, отражает многоаспектность возникающих по поводу него отношений, с другой - демонстрирует проникновение публичного регулирования в частноправовые отношения.
2. Правовая неопределенность в части закрепления существенных условий соглашения об установлении частного земельного сервитута обуславливает высокую роль судебного прецедента в данной сфере. Фактически значительное развитие сервитутного права происходит именно на уровне правоприменения.
3. Доминирование публичных целей при установлении публичного сервитута порождает

проблемы в сфере защиты частных прав, что является закономерным следствием развития современной конструкции публичного сервитута. Ввиду изложенного вопрос о поиске альтернативе публичному сервитуту приобретает новый смысл.

Список литературы:

- [1] Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2024. 626 с.
- [2] Гусев А.О. О некоторых аспектах установления, изменения и прекращения частных сервитутов // Арбитражные споры. 2025. № 1. С. 100 - 118.
- [3] Анисимов А.П., Болтанова Е.С. Ограничение права частной собственности путем установления публичных земельных сервитутов: поиск баланса интересов // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 141 - 152.
- [4] Мельников Н.Н. Объекты земельных правоотношений: монография. М.: ИНФРА-М, 2024. 302 с.

References:

- [1] Sukhanov E.A. Property law: scientific and educational essay. 3rd ed., Revised and add. Moscow: Statute, 2024. 626 pp.
- [2] Gusev A.O. On some aspects of the establishment, amendment and termination of private easements//Arbitration disputes. 2025. № 1. S. 100-118.
- [3] Anisimov A.P., Boltanova E.S. Restriction of private property rights by establishing public land easements: finding a balance of interests//Journal of Russian Law. 2020. № 4. S. 141-152.
- [4] Melnikov N.N. Objects of land legal relations: monograph. M.: INFRA-M, 2024. 302 pp.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ХОДУС Валерий Михайлович,
аспирант кафедры гражданского
права и процесса юридического факультета,
Академия труда и социальных отношений, г. Москва,
e-mail: valerakhodus@list.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию гражданско-правовой природы цифровых финансовых активов (ЦФА) и трансформации их правового режима в российской правовой системе. Анализируется влияние учетно-реестровой модели существования цифровых прав на способы возникновения, осуществления и оборота имущественных прав, что обуславливает изменение традиционных конструкций обязательственного и корпоративного права. Показано, что цифровые финансовые активы функционируют не как замещение существующих институтов, а как фактор их внутренней трансформации, затрагивающей источники регулирования, договорные модели и механизмы защиты прав.

Исследуется соотношение норм Гражданского кодекса Российской Федерации и Федерального закона № 259-ФЗ, а также роль актов Банка России и правил информационных систем в формировании многоуровневой модели источников регулирования. Раскрыта конкуренция доктринальных подходов к правовой природе цифровых прав и ЦФА: как цифровой формы фиксации традиционных имущественных прав и как самостоятельных объектов гражданских прав. Обосновывается, что учетная форма существования цифровых прав предопределяет специфику их оборотоспособности и требует гармонизации гражданского законодательства и специального регулирования.

Особое внимание уделено трансформации договорных конструкций в цифровой среде. Показано, что выпуск и оборот ЦФА осуществляются в рамках алгоритмизированных процедур, изменяющих традиционные формы волеизъявления сторон и придающих договору признаки присоединения. Смарт-контракт рассматривается как технический способ исполнения обязательства, а не самостоятельный вид договора.

Выявлены ключевые проблемы правового режима ЦФА, включая фрагментацию инфраструктуры оборота, ограниченную интероперабельность информационных систем, особенности защиты прав обладателей и необходимость адаптации института добросовестного приобретателя к цифровой среде. Сделан вывод о необходимости повышения публичной достоверности реестровых записей, совершенствования механизмов защиты прав участников цифрового рынка и гармонизации национального регулирования с международными подходами для развития трансграничного оборота цифровых активов.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровые права, интероперабельность цифровых платформ, учетно-реестровая модель, информационная система, оператор информационной системы, гражданский оборот, учетная запись, добросовестный приобретатель.

KHODUS Valerii Mikhailovich,
Academy of Labor and Social Relations,
Moscow

THE MAIN DIRECTIONS OF DEVELOPMENT CIVIL LAW REGULATION OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive study of the civil nature of digital financial assets (CFAs) and the transformation of their legal regime in the Russian legal system. The influence of the accounting and registry model of the existence of digital rights on the ways of the emergence, exercise and turnover of property rights is analyzed, which leads to a change in traditional structures of obligation and corporate law. It is shown that digital financial assets do not function as a replacement for existing institutions, but as a factor in their internal transformation, affecting regulatory sources, contractual models, and rights protection mechanisms. The article examines the relationship between the norms of the Civil Code of the Russian Federation and Federal Law № 259-FZ, as well as the role of Bank of Russia acts and rules of information systems in the formation of a multilevel model of regulatory sources. The competition of doctrinal approaches to the legal nature of digital rights and CFA is revealed: as a digital form of fixation of traditional property rights and as independent objects of civil rights. It is proved that the accounting form of digital rights determines the specifics of their turnover and requires the harmonization of civil legislation and special regulation.*

Special attention is paid to the transformation of contractual structures in the digital environment. It is shown that the release and turnover of CFAs are carried out within the framework of algorithmic procedures that change the traditional forms of expression of the parties' will and give the contract the signs of accession. A smart contract is considered as a technical way of fulfilling an obligation, rather than an independent type of contract.

The key problems of the CFA's legal regime have been identified, including fragmentation of the turnover infrastructure, limited interoperability of information systems, the specifics of protecting the rights of holders, and the need to adapt the institution of a bona fide acquirer to the digital environment. It is concluded that it is necessary to increase the public reliability of registry entries, improve mechanisms for protecting the rights of digital market participants and harmonize national regulation with international approaches for the development of cross-border turnover of digital assets.

Key words: *digital financial assets, digital rights, interoperability of digital platforms, accounting and registry model, information system, information system operator, civil turnover, account, bona fide purchaser.*

Цифровые финансовые активы сформировали в российском гражданском праве особое пространство имущественных отношений, в котором традиционные конструкции обязательственного и корпоративного права функционируют в тесной связке с алгоритмизованными механизмами фиксации и исполнения прав. Их существование в форме учетной записи внутри информационной системы предопределяет качественное изменение способов возникновения, осуществления и оборота имущественных прав, что объективно выводит цифровые финансовые активы за рамки классических представлений о юридической форме имущества.

Принятие Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 259-ФЗ) закрепило цифровые финансовые активы в системе цифровых прав, однако само по себе нормативное признание не устранило глубинных вопросов гражданско-правовой квалификации соответствующих отношений. Напротив, развитие практики демонстрирует, что включение цифровых активов в гражданский оборот сопровождается не столько заменой прежних институтов, сколько их внутрен-

ней трансформацией, затрагивающей источники регулирования, договорные модели и способы защиты прав.

Исследование направлено на выявление ключевых векторов эволюции правового режима ЦФА в условиях учетной (реестровой) модели оборота. Осмысление указанных процессов представляет необходимую предпосылку для формирования внутренне согласованного и предсказуемого режима ЦФА.

Фундаментальной основой регулирования отношений в сфере цифровой экономики выступает Гражданский кодекс РФ, закрепивший в ст. 141.1 категорию «цифровые права».

Указанная норма определяет цифровые права как особый объект гражданских прав, осуществление и распоряжение которыми возможны исключительно в информационной системе, что предопределяет специфику их правового режима.

В цивилистической квалификации сохраняется конкуренция подходов относительно правовой природы данной категории.

Ряд исследователей, в частности Суханов Е. А. и Василевская Л. Ю., придерживаются позиции, согласно которой цифровые права не являются новым видом имущественных прав, а представляют собой лишь цифровую форму фиксации тра-

диционных обязательственных и корпоративных прав [1, с. 12-20] [2, 112-114]. В этом контексте цифровые финансовые активы (далее – ЦФА) квалифицируются не как самостоятельная сущность, а как особый технический способ закрепления прав, аналогичный бездокументарным ценным бумагам, но обладающий уникальными техническими характеристиками. Обоснованной представляется и конкурирующая точка зрения, высказываемая Л. Г. Ефимовой. Автор предлагает категорию «цифровое имущество», указывая, что токены, включая ЦФА, могут рассматриваться как самостоятельные объекты гражданских прав, особенно в тех случаях, когда они выполняют креационную функцию, то есть создают имущество, не существующее в реальном мире [3, с. 26-29].

Вместе с тем, ГК РФ определяет лишь общие контуры, отсылая к правилам информационной системы. Это порождает проблему соотношения императивных норм Кодекса и локальных актов операторов систем. Представляется, что ГК РФ должен сохранять приоритет в определении оборотоспособности объектов, в то время как технические аспекты могут быть отнесены к сфере специального регулирования. Отсюда логично исходить из понимания ЦФА как особой учётной формы существования имущественных прав, что обуславливает необходимость дальнейшей гармонизации норм ГК РФ и законодательства о ЦФА.

Центральное место в системе источников занимает Федеральный закон № 259-ФЗ. Согласно легальной дефиниции, ЦФА – это цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного АО и право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг Захаркина А. В. указывает, что за основу правового режима ЦФА взят именно институт бездокументарных ценных бумаг, что создает риски правовой неопределенности и смешения сущностей [4, с. 63-65]. Однако существует и иная позиция. Нигматзянова Д. А. обращает внимание на проблему «регуляторного арбитража» и фрагментарности рынка, вызванную спецификой Федерального закона № 259-ФЗ, который допускает обращение ЦФА внутри изолированных информационных систем без обязательного привлечения оператора обмена в ряде случаев [5, с. 81-82]. Это отличает ЦФА от классических ценных бумаг, требующих участия депозитария и регистратора. Кроме того, новеллы 2024 года в Законе № 259-ФЗ допустили использование ЦФА во внешнеторговой деятельности в качестве встречного предоставления, что выводит их регулирование за рамки чисто внутреннего оборота и сближает с валютным регулированием.

Спецификой регулирования ЦФА является значительная роль актов Банка России, которые де-факто наполняют гражданско-правовые конструкции конкретным содержанием. Регулятор устанавливает требования к операторам информационных систем (далее – ОИС), правила ведения реестров и квалификации инвесторов. В частности, Указание Банка России № 5635-У, впоследствии заменённое Указанием Банка России № 7176-У, определяет признаки цифровых финансовых активов, доступных исключительно квалифицированным инвесторам.

Это прямо влияет на оборотоспособность объектов гражданских прав, ограничивая круг субъектов сделок. В научной среде дискутируется вопрос о правовой природе таких актов. Рождественская Т. Э. и Гузнов А. Г. отмечают, что Банк России через процедуру согласования правил информационных систем фактически легитимизирует локальные акты операторов, придавая им нормативную силу для участников системы [6, с. 132-133]. В результате складывается многоуровневая модель источников, в которой акты Банка России и правила информационных систем становятся конструктивным элементом гражданско-правового режима ЦФА.

Выпуск цифровых финансовых активов представляет собой сложный юридический состав, опосредующий возникновение прав у первого обладателя. Согласно легальной дефиниции, закрепленной в ч. 3 ст. 2 Федерального закона № 259-ФЗ, выпуск ЦФА – это действия по внесению в информационную систему записи о зачислении ЦФА их первому обладателю. Однако с цивилистической точки зрения данная «техническая» формулировка скрывает под собой договорную конструкцию, правовая природа которой в доктрине вызывает оживленные дискуссии.

Центральным элементом, формирующим условия договорного обязательства между эмитентом и инвестором, выступает Решение о выпуске ЦФА. В соответствии с ч. 1 ст. 3 Закона № 259-ФЗ, данный документ должен содержать сведения о лице, выпускающем ЦФА, вид и объем удостоверяемых прав, цену приобретения и иные существенные условия.

В доктрине отсутствует единство мнений относительно момента заключения и правовой природы договора, лежащего в основе выпуска ЦФА. Ряд исследователей, в частности Чеботарева А. А., Чеботарев В. Е. и Правкин С. А., указывают, что юридический порядок совершения сделок с цифровыми правами существенно отличается от традиционного.

Авторы справедливо отмечают, что применение информационных технологий трансформи-

рует классические институты волеизъявления: сделки могут происходить в автоматическом режиме без привычных процедур оферты и акцепта в их традиционном бумажном понимании [12, с. 211-216].

В этом контексте договор выпуска ЦФА приобретает черты договора присоединения, где воля приобретателя выражается через конклюдентные действия – нажатие кнопки, перевод средств, совершенные в интерфейсе информационной системы в соответствии с ее правилами.

Особую научную проблему представляет соотношение правовой формы сделки и программного кода. Федеральный закон № 259-ФЗ в п. 9 ч. 1 ст. 3 прямо предусматривает возможность использования сделок, исполняемых автоматически при наступлении определенных обстоятельств. Представляется спорной позиция, отождествляющая смарт-контракт с самим гражданско-правовым договором. Более обоснованной видится точка зрения, согласно которой смарт-контракт выступает лишь техническим средством исполнения обязательств, возникших из договора выпуска. В доктрине отмечается, что использование смарт-контрактных механизмов в цифровой среде обеспечивает формализацию и автоматизированное исполнение условий сделки, включая фиксацию сроков, параметров исполнения и последствий нарушения обязательства. Вместе с тем такой программно-алгоритмический инструмент не подменяет само обязательство как правовую категорию, а выступает лишь технологической формой реализации согласованных сторонами прав и обязанностей. [12, с. 211-216].

Оборот ЦФА невозможен без участия инфраструктурных посредников – операторов информационных систем и операторов обмена (далее – ООЦФА). Отношения между обладателем ЦФА и оператором строятся на договорной основе – правилах информационной системы. Садков В. А. аргументирует необходимость введения конструкции «договора обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА».

По его мнению, это непоименованный договор, отличный от мены, так как объектом являются не вещи, а права, направленный на передачу прав в обмен на иные объекты [7, с. 160-163].

Существует конкуренция взглядов на роль оператора.

Рождественская Т. Э. и Гузнов А. Г. рассматривают оператора как ключевого субъекта, обеспечивающего фиксацию прав, чья деятельность подлежит пруденциальному надзору [6, с. 131-133]. Однако Захаркина А. В. подчеркивает, что концепция реестра в ряде случаев предполагает

устранение посредника, что вступает в противоречие с российской моделью централизованных операторов [4, с. 63-65].

Договоры перехода прав на ЦФА, например, купля-продажа, залог, совершаются путем внесения записей в систему.

При этом Закон № 259-ФЗ допускает сделки без участия оператора обмена, если они происходят внутри одной системы, что создает замкнутые экосистемы и фрагментирует рынок.

ЦФА по своей сути являются обязательственными правами требования, денежными или правами на ценные бумаги, облеченными в цифровую форму. Новиков М. А. и Ломакина М. С. обосновывают перспективность использования ЦФА в качестве способа обеспечения исполнения обязательств. Поскольку ЦФА имеют имущественную ценность и могут быть заблокированы в системе, они представляют собой эффективный обеспечительный актив, превосходящий по скорости реализации традиционный залог прав [8, с. 175-177].

Вместе с тем, Ефимова Л. Г. указывает на проблему квалификации прав. Если ЦФА удостоверяет право на ценную бумагу «право на право», возникает сложная конструкция, требующая разграничения обязательства из самого ЦФА и обязательства из базового актива [3, с. 27-28].

Закон № 259-ФЗ прямо запрещает использование цифровых финансовых активов в качестве средства платежа, одновременно допуская их применение в качестве встречного предоставления во внешнеторговых сделках и в сделках мены.

Тем самым конструируется дуализм обязательственно-правовой характеристики ЦФА: во внутреннем обороте они функционируют преимущественно как объект инвестирования, тогда как в трансграничных отношениях приобретают свойства квази-валютной ценности.

Договорные конструкции в сфере ЦФА трансформируются под влиянием технологий. Наблюдается переход от классических письменных форм к алгоритмизированным способам исполнения обязательств. Однако правовая квалификация этих процессов требует уточнения в части соотношения автоматического исполнения и волеизъявления сторон. Следует законодательно закрепить возможность использования залога ЦФА с автоматическим обращением взыскания для снижения транзакционных издержек.

Нигматзянова Д. А. справедливо отмечает, что информационные системы операторов превратились в «колодцы», где ликвидность замкнута внутри одной платформы [5, с. 81-82]. Отсутствие интероперабельности реестров препятствует сво-

бодному перетоку активов, что отличает рынок ЦФА от рынка бездокументарных ценных бумаг, где центральный депозитарий обеспечивает единство. В доктрине обсуждается вопрос о квалификации оборота ЦФА. Суханов Е. А. полагает, что это лишь новая форма оборота обязательственных прав [1, с. 12-20]. Однако Ефимова Л. Г. настаивает на появлении «цифрового имущества», которое может быть объектом абсолютных прав [3, 112-114]. Для полноценного развития оборота ЦФА необходимо создание механизма интероперабельности между различными информационными системами, что позволит преодолеть хаотичность цифровых платформ и повысить ликвидность активов.

Говоря же о защите прав обладателей ЦФА, представляется возможным подчеркнуть, что она строится на сочетании технических и правовых методов. Федеральный закон № 259-ФЗ возлагает на оператора ИС ответственность за сохранность записей и правильность их внесения. Вместе с тем, возникает проблема защиты при технических сбоях или неправомерном получении доступа. В доктрине отмечается сложность применения виндикации к цифровым активам, поскольку они не являются вещами, а принцип технической неизменности (иммутабельность) затрудняет реституцию [9, с. 112-113]. Масалимова А. А. указывает на проблемы с доказательствами принадлежности цифровых активов, требующие специальных познаний и экспертиз [10, с. 205-206].

Вопрос о применимости института добросовестного приобретения (ст. 302 ГК РФ) к обороту цифровых финансовых активов является одним из наиболее дискуссионных в современной цивилистической доктрине. ЦФА, с одной стороны, представляют собой имущественное право (обязательственное либо корпоративное), с другой — уникальную цифровую запись в реестре, обладающую свойствами технической неизменности (иммутабельности). В научном сообществе отсутствует единство мнений относительно того, насколько классическая конструкция защиты добросовестного приобретателя, выработанная для вещей и позднее адаптированная для бездокументарных ценных бумаг, релевантна для цифровой среды.

Полежаев О. А. проводит анализ применимости данного института и приходит к выводу о технологической специфике: в информационной системе выбытие актива помимо воли владельца, при надлежащем хранении ключей, практически невозможно, либо же, напротив, мгновенность транзакций делает возврат крайне затруднительным [11, с. 74-80].

В классическом праве добросовестный приобретатель защищается, если не знал о неправомерности отчуждателя.

В цифровой среде, где проверка цепочки транзакций автоматизирована, стандарт добросовестности меняется.

Вместе с тем, нельзя не согласиться с позицией Колодуба Г. В., который указывает на необходимость обеспечения правовой преемственности и устойчивости оборота через адаптацию классических институтов [9, с. 110-113].

Формирующаяся судебная практика по спорам, связанным с бездокументарными ценными бумагами, с которыми отдельные цивилисты обоснованно проводят аналогию применительно к цифровым активам, свидетельствует о том, что определяющее значение для установления принадлежности прав имеет корректность реестровой записи и наличие надлежащего правового основания их возникновения [4; 9].

В этом контексте защита добросовестного приобретателя ЦФА должна строиться на принципе публичной достоверности записи в информационной системе оператора. Если приобретатель полагался на данные реестра, обеспеченные оператором информационной системы, он должен признаваться добросовестным, даже если впоследствии выяснится дефект основания внесения записи у отчуждателя.

Совокупность полученных результатов даёт основания для формулирования следующих выводов:

1. Цифровые финансовые активы в российской правовой системе занимают двойственное положение: с одной стороны, они законодательно определены как вид цифровых прав, с другой — их экономическая сущность и способы оборота сближают их с ценными бумагами, что порождает конкуренцию правовых режимов.
2. Система источников правового регулирования ЦФА характеризуется многоуровневостью, при этом ключевую роль в наполнении правовых норм реальным содержанием играют акты Банка России и локальные акты операторов информационных систем, что создает риск «регуляторной перегруженности».
3. Квалификация ЦФА как «цифрового имущества» представляется перспективной для унификации регулирования разнородных цифровых объектов, однако на текущем этапе законодатель придерживается концепции ЦФА как способа фиксации прав, близ-

кого по модели к бездокументарным ценным бумагам, при сохранении их собственных технических особенностей.

4. Договор выпуска ЦФА может быть охарактеризован как специфическая конструкция, сочетающая элементы договора присоединения и односторонней сделки, исполнение которой обеспечивается программным кодом. Правовая природа смарт-контракта должна быть определена как способ исполнения обязательства, а не как самостоятельный вид договора.
5. Использование ЦФА в качестве способа обеспечения исполнения обязательств (залог) является одним из наиболее перспективных направлений развития, позволяющим повысить ликвидность активов и снизить транзакционные издержки за счет автоматизации обращения взыскания.
6. Основной проблемой гражданского оборота ЦФА является фрагментарность инфраструктуры «эффект колодцев», когда активы замкнуты внутри платформ отдельных операторов. Необходима законодательная поддержка технологий интероперабельности (кросс-чейн решений) для создания единого вторичного рынка.
7. Защита прав обладателей ЦФА не может эффективно осуществляться через виндикацию ввиду нематериальной природы актива. Приоритетными способами защиты должны стать восстановление корпоративного контроля над учетной записью (восстановление положения, существовавшего до нарушения права) и взыскание убытков с оператора информационной системы.
8. Институт добросовестного приобретателя применительно к ЦФА требует трансформации. В условиях прозрачности реестра «добросовестность» должна презюмироваться при доверии к записи в реестре, а риски неправомерного выбытия активов (взлом, сбой) должны перераспределяться на профессиональных посредников — операторов информационных систем.
9. Для развития трансграничного оборота ЦФА требуется гармонизация национального законодательства с международными подходами, допуская использование ЦФА во внешнеторговых расчетах, что уже начало реализовываться в новеллах 2024 года, но требует дальнейшей проработки механизмов валютного контроля.
10. К ключевым направлениям развития законодательства о ЦФА относятся унификация режимов различных цифровых прав (утилитарных и ЦФА), упрощение процедур для

неквалифицированных инвесторов при сохранении защиты их интересов и интеграция цифровых активов в общее поле гражданского права без создания избыточных специальных сущностей.

Список литературы:

- [1] Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. – 2021. – Т. 21. – № 6. – С. 7–29.
- [2] Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5 (102). – С. 111–119.
- [3] Ефимова Л. Г. Категория «цифровое имущество» в контексте доктринальных споров // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 9(121). – С. 25–39.
- [4] Захаркина А. В. Цифровые финансовые активы через призму учения о бездокументарных ценных бумагах // *Ex jure*. – 2022. – № 3. – С. 55–69.
- [5] Нигматзянова Д. А. Правовые проблемы, возникающие при вторичном обращении цифровых финансовых активов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. – № 7(286). – С. 80–87.
- [6] Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Особенности правового статуса оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов как организаций, обеспечивающих цифровые финансовые технологии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 9(85). – С. 124–134.
- [7] Садков В. А. Договор обмена прав, удостоверяемых по конструкции цифровых финансовых активов, и его разновидности // Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21. – № 1. – С. 159–165.
- [8] Новиков М. А., Ломакина М. С. Использование цифровых финансовых активов в качестве способа обеспечения исполнения обязательств по договору // Государственная служба и кадры. – 2025. – № 12. – С. 171–179.
- [9] Колодуб Г. В. Гражданско-правовая природа акций в цифровой форме и перспективы реформирования корпоративного регулирования // Правовая политика и правовая жизнь. – 2025. – № 4. – С. 104–116.
- [10] Масалимова А. А. Особенности правового регулирования цифровых активов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 12–3(87). – С. 205–207.
- [11] Полежаев О. А. Проблема применимости института добросовестного приобретателя к

обороту цифровых активов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 4(128). – С. 73–81.

[12] Чеботарева А. А., Правкин С. А., Чеботарев В. Е. Особенности правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации // Правовая информатика. – 2025. – № 3. – С. 210–218.

References:

[1] Sukhanov E. A. On the civil law nature of “digital property” // Bulletin of civil law. – 2021. – VOL. 21. – № 6. – S. 7-29.

[2] Vasilevskaya L. Yu. Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law // Actual problems of Russian law. – 2019. – № 5 (102). – S. 111-119.

[3] Efimova L. G. Category “digital property” in the context of doctrinal disputes // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSLA). – 2024. – № 9(121). – S. 25-39.

[4] Zakharkina A. V. Digital financial assets through the prism of the doctrine of uncertified securities // Ex jure. – 2022. – № 3. – S. 55-69.

[5] Nigmatzyanova D. A. Legal problems arising from the secondary circulation of digital financial assets // Property relations in the Russian Federation. – 2025. – № 7(286). – S. 80-87.

[6] Rozhdestvenskaya T. E., Guznov A. G. Peculiarity of the legal status of the operator of the

information system in which digital financial assets are issued, and the operator of the exchange of digital financial assets as organizations providing digital financial technologies // Bulletin of the Kutafin University (MSLA). – 2021. – № 9(85). – S. 124-134.

[7] Sadkov V. A. Agreement on Exchange of Rights Certified on the construction of digital financial assets, and its varieties // Legal paradigm. – 2022. – VOL. 21. – NO. 1. – S. 159-165.

[8] Novikov M.A., Lomakina M.S. Use of digital financial assets as a way to ensure the fulfillment of obligations under the contract // Public Service and Personnel. – 2025. – № 12. – S. 171-179.

[9] Kolodub G.V. The civil law nature of shares in digital form and the prospects for reforming corporate regulation // Legal policy and legal life. – 2025. – № 4. – S. 104-116.

[10] Masalimova A. A. Features of the legal regulation of digital assets // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – № 12–3(87). – S. 205-207.

[11] Polezhaev O. A. The problem of the applicability of the institution of a bona fide acquirer to the turnover of digital assets // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA). – 2025. – № 4(128). – S. 73-81.

[12] Chebotareva A. A., Pravkin S. A., Chebotarev V. E. Features of the legal regulation of digital financial assets in the Russian Federation // Legal informatics. – 2025. – № 3. – S. 210-218.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-536-541

ВИЛЬДАНОВА Марина Михайловна,
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ ФРАГМЕНТАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Аннотация. В настоящей статье анализируются основные тенденции развития российской законодательства в области жилищно-коммунального хозяйства, в частности, особенности такого явления как фрагментация, у которого есть как позитивные, так и негативные стороны. При этом основной акцент уделяется регулированию различных проблем универсального и единообразного решения вопросов управления жилыми домами и жилыми комплексами.

Важным элементом регламентации в этой сфере является соотношение нормативного и договорного регулирования. Представляется необходимым наряду с выбором форм управления, предусмотренных в законодательстве, т.е. с созданием товариществ собственников недвижимости или введением управления через управляющую компанию, установление обязательного заключения гражданско-правовых договоров с управляющими организациями, как это предусмотрено в ряде зарубежных стран.

На уровне закона целесообразно ввести обеспечение прав собственников в области получения информации, необходимой для управления и обслуживания жилых домов и жилых комплексов. В частности, необходимо ввести обязательное размещение на сайте Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации информации о порядке установления цен при оказании жилищно-коммунальных услуг, а также обзор действующих тарифов на жилищно-коммунальные услуги.

Ключевые слова: фрагментация законодательства, многоквартирный жилой дом, дом блокированной застройки, индивидуальный жилой дом, способы управления, непосредственное управление, товарищество собственников недвижимости, управляющая компания, коллизия законодательных актов, пробелы законодательства.

VILDANOVA Marina Mikhailovna,
PhD in Law, Leading Researcher at the Institute
of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation

FEATURES OF THE FRAGMENTATION OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES

Annotation. The main emphasis is placed on regulating various issues of universal and uniform solutions to issues of managing residential buildings and residential complexes.

An important element of regulation in this area is the relationship between regulatory and contractual regulation. It seems necessary, along with the choice of management forms provided for in the legislation, i.e., the creation of partnerships of property owners or the introduction of management through a management company, to introduce the obligation to conclude civil law contracts with management organizations, as is established in a number of foreign countries.

At the legislative level, it is advisable to ensure the rights of owners in the area of obtaining information necessary for the management and maintenance of residential buildings and residential

complexes; in particular, it is necessary to establish mandatory posting on the website of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation provides economically sound information on fair prices for the provision of housing and communal services.

Key words: *fragmentation of legislation, multi-apartment residential building, terraced house, individual residential building, management methods, direct management, homeowners' association, management company, conflict of laws, gaps in legislation.*

Как отмечено в правовой доктрине, фрагментация законодательства заключается в его неоднородности и раздельном регулировании ряда институтов и норм, имеющих как общие начала, так и специальные характерные черты [1]. Фрагментация может иметь целевое назначение регулирования, избранное законодателем на различных этапах эволюции правовых институтов, а также носить негативный эффект, как например, пробелы нормативных актов и отсутствие корреляции вносимых в законодательство изменений между собой. Правовым нормам в области жилищно-коммунального хозяйства в определенной степени присущи указанные элементы фрагментации.

Законодательство Российской Федерации по вопросам жилищно-коммунального хозяйства представляет собой ряд нормативных правовых актов: Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), Жилищный кодекс Российской Федерации (ЖК РФ), Градостроительный кодекс Российской Федерации (ГрК РФ), а также специальные законы, такие как Федеральный закон от 30.12.2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты», Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и подзаконные акты, такие как ГОСТ Р 56038-2023 «Услуги жилищно-коммунального хозяйства и управления многоквартирными домами. Услуги управления многоквартирными домами. Общие требования».

При разработке ЖК РФ предполагалось, что это будет центральным звеном всей системы права, регулирующей жилищно-коммунальное хозяйство, но как при принятии, так и после введения многие юристы критиковали его. В частности, В.Н.Литовкин отмечал: «Вряд ли можно найти в нашем законодательстве другой такой непроработанный законодательный акт. Кодекс неадекватен реалиями действительности и представляет полный отрыв от нее» [2]. Эта критика вызвана многочисленными противоречиями и порой правовой неопределенностью в отношении ряда ключевых проблем регулирования, в том числе в вопросах управления общим имуществом, капитального

ремонта или перепланировки, оказания жилищно-коммунальных услуг и др.

За последние двадцать лет с момента принятия ЖК РФ его место в системе права стало достаточно определенным, уточнен ряд положений как путем внесения изменений в кодекс, так путем принятия специальных законов и подзаконных актов. Однако сформировалась не всегда однозначная судебная практика применения норм жилищного права и обращение к аналогии права стало весьма распространенным явлением. Такой подход первоначально можно было бы расценить как попытку регулирования в целях специализации конкретной сферы деятельности, т.е. жилищного законодательства. Но как показывает судебная практика, специализация законодательства не должна приводить к пробелам в регулировании отдельных правовых институтов жилищно-коммунального хозяйства и к незащищенности прав граждан.

В настоящее время наиболее проблемными являются недостаточно проработанные на уровне законов правила управления жильем, в связи с чем необходимо развитие института товариществ собственников жилья. Ведение реестра собственников жилья, организация проведения общих собраний собственников представляет существенные проблемы. Довольно часто решения общих собраний членов товарищества собственников недвижимости признаются недействительными из-за отсутствия кворума [3].

Необходимо повышение ответственности управляющих компаний, а также введение единых правил и механизмов решения споров между участниками рынка жилищно-коммунального хозяйства. Наибольшее количество споров обусловлено непрозрачностью формирования тарифов, их необоснованным ростом, а также низким качеством предоставляемых услуг. Подчас подобная ситуация ведет к нежеланию собственников жилья заключать договоры по управлению и обслуживанию с управляющими компаниями и соответственно к отказу от оплаты услуг, оказываемых в многоквартирном доме или жилом комплексе, вследствие чего возникают судебные процессы в связи с неосновательным обогащением [4].

Иногда конфликтные ситуации по жилищно-коммунальному обслуживанию связаны с недостаточной правовой грамотностью жителей.

Поэтому необходимо принятие комплекса мер, направленных на повышение информированности граждан в области правового регулирования, а также усиление контроля за деятельностью товариществ собственников недвижимости, управляющих компаний и ресурсоснабжающих организаций с целью достижения необходимого баланса интересов всех участников жилищных правоотношений.

На исключение негативных черт фрагментации направлен ряд способов возможного их преодоления. В первую очередь, речь идет об унификации законодательства и сосредоточении правового регулирования в ЖК РФ. Это будет способствовать минимизации коллизии нормативно-правового регулирования и договорной практики. Для достижения целей унификации важен сравнительно-правовой анализ российских законов и законодательства зарубежных стран, направленный на гармонизацию российского законодательства.

Важно также определиться относительно общего подхода к решению вопроса о дальнейшем развитии жилищного права как самостоятельной отрасли права либо подотрасли гражданского права. Представляется, что несмотря на разрозненную регламентацию норм жилищного законодательства целесообразно рассматривать его как самостоятельную отрасль права, для совершенствования которой требуются комплексные законодательные и правоприменительные меры. Только регулирование всей совокупности нерешенных проблем, таких как улучшение системы управления, совершенствование порядка расчетов тарифов, повышение уровня энергосбережения, модернизация сетей и систем, может создать правовую основу защиты прав граждан. Кроме того, стоит урегулировать вопросы работы с проблемной задолженностью собственников при оказании жилищно-коммунальных услуг.

Рассмотрим особенности фрагментации частного права на примере домов блокированной застройки в России. В конце прошлого века произошел «строительный бум таунхаусов», который продолжается и по сей день. Однако достаточное правовое регулирование пока отсутствует. Для восполнения пробелов регулирования были подготовлены проекты нижеследующих законодательных актов, которые не приняты до настоящего времени.

Законопроект № 518259-7 «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления порядка управления малоэтажными жилыми комплексами» был внесен в 2016 году и с 2018 года нахо-

дится в архиве Государственной Думы Российской Федерации. Вместе с тем, в нем была сделана первая попытка внесения в ЖК РФ понятия домов блокированной застройки и общего имущества собственников, а также установлен принцип перехода доли в праве общей собственности на общее имущество в малоэтажном жилом комплексе при приобретении в собственность помещения в нем. Однако в связи с тем, что вопрос о государственной регистрации такого перехода права законопроектom не был решен, то было принято решение о подготовке нового законодательного акта и внесению изменений в Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 218 -ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» и иные необходимые нормативные правовые акты.

Важным импульсом законодательного регулирования домов блокированной застройки стало Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 28 декабря 2021 года № 55-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7, части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.С. Малковой», в котором Конституционный суд указал на то, что согласно требованиям Конституции Российской Федерации необходимо внести в законодательство изменения, с тем, чтобы «закрепить надлежащую модель правового регулирования организационных и имущественных отношений, связанных с функционированием комплексов индивидуальных жилых домов и земельных участков с общей инфраструктурой, обеспечивающую поддержание справедливого баланса интересов, прав и обязанностей собственников различного имущества, входящего в эти комплексы» [5].

С 2022 года вступили в силу изменения в ГрК РФ и ЖК РФ, которые касаются таких категорий жилья, т.е. многоквартирный дом и дом блокированной застройки. Согласно статье 16 ЖК РФ жилым домом признается индивидуально-определенное здание, которое состоит из комнат, а также помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком здании. В соответствии с пунктом 40 статьи 1 ГрК РФ дом блокированный застройки это жилой дом, блокированный с другим жилым домом (другими жилыми домами) в одном ряду общей боковой стеной (общими боковыми стенами) без проемов и имеющий отдельный выход на земельный участок.

Вместе с тем в целом приведения действующих правоотношений в соответствии с принятыми правовыми нормами не произошло ввиду наличия

многих пробелов нормативной базы, в том числе в области управления и обслуживания жилья. Кроме того, реализация порядка квалификации жилых домов зависит от плана застройки конкретных объектов и также действий собственников жилья, которые должны оформить технический план и получить согласие соседей на оформление статуса домов блокированной застройки и представить в ЕГРН для регистрации необходимые документы.

Новый законопроект №155842-8 «О жилых комплексах, об управлении имуществом общего пользования в комплексе индивидуальных жилых домов и земельных участков с общей инфраструктурой» был принят в первом чтении Государственной думой Российской Федерации в 2022 году. Имели место многочисленные обсуждения и в 2025 году была подготовлена редакции проекта Федерального закона №155842-8, который получил название «О коттеджных поселках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты» в целях вынесения на второе чтение в Государственной Думе Российской Федерации.

Объект правового регулирования изменился. Жилые комплексы заменены на коттеджные поселки. Для целей закона под коттеджным поселком понимается территориальное образование, представляющее собой совокупность земельных участков и предназначенных для застройки или уже застроенное индивидуальными жилыми домами/или домами блокированной застройки, а также земель общего назначения. Решение о создании коттеджного поселка должно приниматься собственниками земельных участков, которые могут выбрать способ управления общим имуществом, в том числе землями общего назначения, предназначенным для размещения проездов общего пользования, объектов улично-дорожной сети, иных линейных объектов. Согласно плану рассмотрения законопроектной деятельности в декабре 2025 года законопроект должен был быть рассмотрен законодателем, однако этого не произошло.

В прессе было высказано мнение экспертов о необходимости вынесения указанного законопроекта на публичное обсуждение [6]. Следует отметить, что в законопроекте есть существенный пробел, который касается ситуации, когда в коттеджных поселках объекты жилья, находящиеся в собственности граждан, расположены на арендованной земле (например, на земле, находящейся в собственности бывшего застройщика или его дочерних юридических лиц, либо в муниципальной собственности). Таким образом, такие граждане могут быть лишены права на участие в управлении поселков. Поэтому полагаем, что

законопроект требует доработки и возможно восстановления ранее содержащегося в законопроекте принципа участия собственников жилья в общих собраниях по поводу управления с учетом голосов, рассчитанных пропорционально размеру жилой площади, а не площади земельного участка.

В юридической литературе неоднократно подчеркивалось, что «...правовое регулирование отношений, связанных с многоквартирными домами, и смежных с ними понятий, таких как индивидуальный жилой дом, дом блокированной застройки, таунхаус и малоэтажный жилой комплекс, остается сложным и требует дальнейшего совершенствования» [7].

Некоторые ученые считают возможным отождествить правовой режим общего имущества собственников помещений многоквартирного дома и жилых домов, в том числе домов блокированной застройки, домов в коттеджных поселках. Разные формулировки в различных законах относительно состава общего имущества и правомочий собственников по распоряжению им не препятствуют сделать вывод об общих единых подходах [8].

С нашей точки зрения, в условиях неполноты и противоречивости нормативных актов нецелесообразно оформлять построенные жилые дома как дома блокированной застройки. Отсутствие регулирования «...вопроса, жизненно необходимого людям, приводит к крайне негативным явлениям, в том числе к нарушению конституционных прав граждан» [9].

Отдельным блоком регулирования являются вопросы дачного строительства и проживания в дачных поселках. В течение длительного периода времени были проблемы с использованием такого термина, как «дача», «дачные некоммерческие товарищества, партнерства и потребительские кооперативы». Регулирование в данной области стало более конкретным и достаточным. В настоящее время на основании Федерального закона от 29.07.2017 г. № 217-ФЗ «О введении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» введено новое определение «садовый дом» - здание сезонного использования, предназначенное для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их временным пребыванием в таком здании. Установлено регулирование вопросов земельных участков, в частности, садового земельного участка, предназначенного для отдыха граждан и (или) выращивания гражданами для собственных нужд сельскохозяйственных культур с правом размещения садовых домов, жилых домов, хозяй-

ственных построек и гаражей. Вместе с тем, существенные проблемы возникают с въездной группой, территорией всего дачного поселка, в частности, с подъездными путями к жилью. Данная ситуация связана с оформлением земель застройщиками на себя или на аффилированные структуры, а затем, после продажи участков с домами, взимании с дачников дополнительной платы за их использование.

Между жилыми домами и садовыми домами на сегодня имеется принципиальная разница, заключающаяся в том, что в жилых домах подразумевается постоянное проживание и право на регистрацию, а в садовых домах - сезонное проживание без прописки. Вряд ли стоит это признать обоснованным подходом, т.к. садовые дома, иногда более качественно построенные, становятся не выгодными для проживания из-за отсутствия прописки. Полагаем, что необходимо ввести регулирование садовых домов как одного из видов жилых домов.

Для того, чтобы оценить достаточность регулирования порядка регулирования вопросов жилищно-коммунального хозяйства целесообразно исследовать законодательство зарубежных стран. В ряде европейских стран вопросы жилищных отношений регулируются: 1) гражданскими кодексами, 2) жилищными кодексами или законами в области жилья и 3) градостроительными кодексами.

Так, во Франции действует Гражданский кодекс, Строительно-жилищный кодекс. В Испании действует Гражданский кодекс, Закон о жилье и Технический строительный кодекс. Какие-либо иные специальные законы отсутствуют. Таким образом, основные блоки правоотношений в России и в зарубежных странах совпадают, исходя из правовой природы: гражданско-правовые, жилищные и градостроительные.

С учетом зарубежной практики предлагается установить эффективное и достаточное соотношение нормативного регулирования и договорных основ в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Если обратиться к опыту зарубежных стран, то вопрос об оказании услуг и платежей решается путем регулирования обязательного членства в товариществах и/или заключения договоров с управляющей компанией. Во Франции и Германии действуют законы, предусматривающие при приобретении жилья одновременное вступление в товарищество собственников недвижимости или заключение договора с управляющей компанией, если управление и обслуживание в домах и жилых комплексах уже осуществляется какой-либо конкретной компанией.

Исходя из вышеизложенного, полагаем целесообразным исходить из 3 источников право-

вого регулирования в России: ГК РФ, ЖК РФ и ГрК РФ. Правовое регулирование предлагается осуществлять на уровне указанных источников права, не создавая коллизий регулирования, в том числе путем введения специального регулирования на уровне отдельных законов.

Одновременное возникает потребность в изменении подхода к структуре ЖК РФ, который целесообразно привести к компилированной структуре, как это существует, к примеру, во Франции, т.е. ввести: законодательную и регламентарную части кодекса. В регламентарную часть кодекса должны вноситься принятые подзаконные акты в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Данная мера представляется удобной и оправданной, т.к. жилищное право применяется в каждом доме и каждой семье в России.

Важно ввести в ЖК РФ единый подход к определению жилых помещений (в частности, жилых домов, включая садовые дома), установив особенности отдельных видов домов (многоквартирные дома, дома блокированной застройки, индивидуальные жилые дома, садовые дома).

Далее необходимо установление в ЖК РФ единых требований к управлению в жилых домах (возможность выбора непосредственного управления, товарищества собственников недвижимости и управляющей компании).

При регулировании целесообразно применение разумного соотношения нормативной и договорной регламентации. Исходя из 421 ГК РФ, нужно предусмотреть в ЖК РФ обязанность при приобретении жилья по вступлению одновременно в товарищество собственников недвижимости или приобретения жилья и заключения договора с управляющей компанией одновременно. Введение такого подхода будет способствовать исчезновению фрагментарности регулирования и коллизий в области правоприменения.

В ЖК РФ необходимо установить гарантии обеспечения собственников жилья информацией, необходимой для управления и обслуживания жилья:

- введение информирования о рыночных ценах на сайте Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации;
- установление обязанности предоставления уполномоченными органами реестра жителей жилых домов и садовых домов по требованию собственников в случае проведения собрания и отказа предоставления реестра органами управления жилыми домами и жилыми комплексами.

В результате проведенного исследования нерешенных вопросов содержания жилищного фонда и оказания жилищно-коммунальных услуг

становится ясным, что обеспечением прав собственников разных объектов жилья должны служить единые подходы, обозначенные в едином нормативном акте, т.е. в ЖК РФ.

Список литературы:

- [1] Залоило М.В. «Фрагментация или современные тенденции развития правового пространства»// Журнал Высшей школы экономики. 2020. №1 С.31.
- [2] Литовкин В.Н. «Право собственности и другие вещные права на жилище» // Жилищное право. 2001. №2.
- [3] Вильданова М.М. «О признании решений общих собраний членов товарищества собственников недвижимости в связи с отсутствием кворума»//Комментарий судебной практики. Выпуск 28. Отв.ред К.Б.Ярошенко. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М., Инфотропик-Медиа, 2023.С.9-10.
- [4] Вильданова М.М. «О неосновательном обогащении при оказании услуг по обслуживанию территории жилых комплексов»// Комментарий практики рассмотрения арбитражных споров (судебно-арбитражной практики). Вып.30 / под ред. О.В.Гутникова, С.А.Синицына; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. - М., Инфотропик-Медиа, 2024.С.15-24.
- [5] https://consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_405140
- [6] Эксперт: нужен единый подход к регулированию прав собственников всех типов жилья. 22 января 2026. <https://smotrim.ru/articl/4880859>
- [7] Курочкин И.В. «Проблемы определения многоквартирного дома в системе объектов субъективных прав»//«Правовые вопросы недвижимости», 2025, N 1.
- [8] Лаптев В.А «Общее имущество собственников помещений многоквартирного дома и жилых домов (жилых домов блокированной застройки) коттеджных поселков: единство и дифференциация»//Семейное и жилищное право, 2024, N 4.

- [9] Вильданова М.М. «Правовое регулирование домов блокированной застройки»// Образование и право. 2025. № 9 С. 316-322.

References:

- [1] Zaloilo M.V. «Fragmentation or Modern Trends in the Development of the Legal Space»// Journal of the Higher School of Economics. 2020. № 1, p. 31.
- [2] Litovkin V.N. «Ownership and other property rights to housing»// Housing law. 2001. № 2.
- [3] Vildanova M.M. «On the Recognition of the Decisions of General Meetings of Members of a Partnership of Real Estate Owners in Connection with the Absence of a Quorum»//Commentary on Judicial Practice. Issue 28. Edited by K.B. Yaroshenko. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow, Infotropic Media, 2023. pp. 9-10
- [4] Vildanova M.M. «On Unjust Enrichment in the Provision of Services for the Maintenance of Residential Complexes»// Commentary on the Practice of Arbitration Disputes (Judicial and Arbitration Practice). Issue 30 / edited by O.V. Gutnikov and S.A. Sinityn; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow, Infotropic-Media, 2024. Pp. 15-24.
- [5] https://consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_405140
- [6] Expert: A unified approach to regulating the rights of owners of all types of housing is needed. January 22, 2026. <https://smotrim.ru/articl/4880859>
- [7] Kurochkin I.V. «Problems of defining an apartment building in the system of objects of subjective rights»//«Legal issues of real estate», 2025, № 1.
- [8] Laptev V.A. «Common property of owners of premises in an apartment building and residential buildings (residential buildings of block development) of cottage villages: unity and differentiation»//Family and housing law, 2024, № 4.
- [9] Vildanova M.M. «Legal Regulation of Blocked-Development Houses»//Education and Law. 2025. № 9. Pp. 316-322.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-542-546

СОКК Арина Дмитриевна,
Студентка 3 курса магистратуры по программе
«Юрист в сфере управления недвижимостью»
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации, Россия, г. Москва,
e-mail: sokk_arina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИЗЪЯТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ В ЦЕЛЯХ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ: НОРМАТИВНАЯ ДОКТРИНА И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. В статье рассматриваются нормативно-правовые особенности изъятия земель сельскохозяйственного назначения для государственных и муниципальных нужд, в частности, в целях осуществления недропользования. Исследуются концептуальные основания публичного интереса, критерии допустимости изъятия, особенности процедурного регулирования, а также анализируется современная судебная практика, демонстрирующая тенденцию к ужесточению требований к обоснованию публичных нужд. На примере двух судебных дел (А13-4309/2024 и А60-58852/2023) сформулированы выводы о допустимости и пропорциональности вмешательства в право собственности.

Ключевые слова: Изъятие земель, государственные и муниципальные нужды, земли сельскохозяйственного назначения, недропользование, процедура изъятия.

SOKK Arina Dmitrievna,
A third-year Master's student
in the "Real Estate Management Lawyer"
program at the Financial University under the Government
of the Russian Federation Russia, Moscow

FEATURES OF AGRICULTURAL LAND RECLAIMS FOR SUBSOIL MANAGEMENT: REGULATORY DOCTRINE AND MODERN PRACTICE

Annotation. This article examines the legal and regulatory aspects of the seizure of agricultural land for state and municipal needs, particularly for subsoil use. It examines the conceptual foundations of public interest, the criteria for the admissibility of seizure, and the specifics of procedural regulation. It also analyzes current judicial practice, which demonstrates a trend toward stricter requirements for justifying public needs. Using two court cases (A13-4309/2024 and A60-58852/2023) as examples, conclusions are drawn regarding the admissibility and proportionality of interference with property rights.

Key words: Land acquisition, state and municipal needs, agricultural land, subsoil use, acquisition procedure.

Право частной собственности в Российской Федерации охраняется Конституцией (далее – Конституция РФ) [1] и иными федеральными законами. Вместе с тем, земельное законодательство предусматривает возможность изъятия земель из частной собственности для государственных и муниципальных нужд — институт, закреплённый, в том числе, в главе VII.1 Земельного кодекса Российской Феде-

рации (далее – ЗК РФ) [2]. Особое значение в этом контексте имеют земли сельскохозяйственного назначения: они находятся за границами населённых пунктов, предоставлены и предназначены для нужд сельского хозяйства (п. 1 ст. 77 ЗК РФ) и используются для ведения сельскохозяйственного производства, создания агролесомелиоративных насаждений и для других целей, перечисленных в статье 78 ЗК РФ.

С учётом социальной и экономической ценностей правовой режим изъятия таких земель требует повышенной аргументации и взвешенного подхода со стороны органов власти и судов.

Современная государственная политика подчёркивает значение расширения и эффективного использования земель сельскохозяйственного назначения. Утверждённые стратегические документы — Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов до 2030 года [3], Доктрина продовольственной безопасности [4], Государственная программа комплексного развития сельских территорий [5], Государственная программа эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения [6] и ряд других — ориентируют деятельность органов власти на достижение продовольственной независимости, повышение плодородия земель, вовлечение земель в оборот и увеличение объёмов сельскохозяйственного производства.

Эти задачи объективно ограничивают возможность свободного перераспределения земельного фонда: изъятие должно быть соразмерным интересам государства и не наносить непоправимого ущерба аграрному потенциалу регионов. В связи с этим, любые решения об изъятии наделаются повышенной степенью ответственности и должны приниматься с учётом целей стратегического планирования, экологической устойчивости и долгосрочных интересов продовольственной безопасности.

При принятии решений об изъятии земель сельскохозяйственного назначения органам государственной власти необходимо руководствоваться не только общими положениями Конституции РФ и ЗК РФ, но и специализированными нормативными актами и программами. Эти документы устанавливают ориентиры, которые дают возможность оценить, насколько заявленная цель изъятия соотносится с приоритетами государственной политики — например, необходимостью поддержать производство критически важных видов продукции, сохранить плодородие почв или развить инфраструктуру, обеспечивающую устойчивое развитие сельских территорий. В отсутствии подобной соотносимой с государственными задачами аргументации риск принятия необоснованного решения существенно возрастает.

При рассмотрении заявлений об изъятии земельного участка ключевым остаётся требование доказанности государственных или муниципальных нужд.

Действительно, одним из оснований принятия решения об изъятии земель является лицензия на пользование недрами (пп. 3 п. 2 ст. 56.3 ЗК РФ).

Однако «само по себе наличие действующей лицензии на изучение, разведку и добычу полезных ископаемых, факт планируемого использования земельного участка в целях добычи природных ресурсов <...> не может являться единственным и безусловным основанием для изъятия земли у собственников и землепользователей» [7].

Судебная практика подчёркивает, что заявитель должен доказать не только наличие лицензии, но и исключительность выбранного земельного участка для реализации данных работ, невозможность использования альтернативных участков, обоснование экономической и социальной выгоды для региона или государства в целом, а также оценку негативных последствий изъятия для собственника и окружающей среды. Иными словами, требуется комплексная доказательная база, демонстрирующая, что изъятие отвечает критериям неизбежности, пропорциональности и приоритета публичных интересов над частными.

Анализ двух судебных дел показывает, как эти принципы реализуются на практике. В деле № А13-4309/2024 индивидуальный предприниматель обратился в арбитражный суд с требованием признать недействительным распоряжение регионального органа об отказе в изъятии участка для целей недропользования.

Заявитель ссылаясь на выдачу лицензии на пользование недрами и на необходимость изъятия части земельного массива для проведения работ. Органы власти, рассмотрев ходатайство, отказали, усомнившись в общественной направленности заявленной деятельности и в отсутствии доказательств публичной необходимости. Судебные инстанции, исследовав материалы, пришли к выводу, что ходатайство не подкреплено сведениями о наличии публично-правовой потребности и что мотивы заявителя свидетельствуют скорее о частных, чем публичных интересах. Кассация оставила решение без изменения; указав следующее:

«В ходатайстве об изъятии должна быть указана цель изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд. <...> При этом сведений, свидетельствующих о наличии публично-правовой потребности в изъятии земельного участка, а равно доказательств в их подтверждение, заявителем не представлено» [8].

Верховный Суд Российской Федерации (далее – Верховный суд РФ) отказал в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ. По данному делу практическим итогом явилось закрепление

позиции, что наличие лицензии — не безусловное основание для изъятия, а основополагающим остаётся доказанность государственных нужд.

В деле А60-58852/2023 ситуация иного рода: приказ регионального департамента об изъятии участка сельскохозяйственного назначения для целей недропользования был оспорен главой крестьянского (фермерского) хозяйства. Суд первой инстанции удовлетворил требование фермера, усмотрев нарушение приоритетности использования земель сельскохозяйственного назначения и недостаточную аргументацию со стороны департамента и недропользователя.

Апелляция, изучив материалы, отменила решение первой инстанции, сославшись на результаты геологических исследований и на ссылку на государственные стратегические документы, обосновывающие значимость разработки месторождения.

Суд округа поддержал апелляцию, однако Верховный Суд отменил постановления предыдущих судебных инстанций и отметил следующее:

1. Сама по себе добыча полезных ископаемых, относящихся в соответствии со Стратегией развития минерально-сырьевой базы [9] к основным видам стратегического минерального сырья, не может являться безусловным аргументом, подтверждающим наличие государственной нужды, позволяющей изъять земельный участок.
2. Стратегия развития минерально-сырьевой базы не является подтверждением наличия государственного приоритета в данной области перед иными признаваемыми приоритетными направлениями и не свидетельствует о безусловном наличии государственных нужд в изъятии конкретных земельных участков.
3. Изымаемый земельный участок относится к наиболее ценным продуктивным землям, в связи с чем законодательством установлен целый ряд особенностей, связанных с их охраной, порядком предоставления и использования.
4. Приводятся положения Стратегии национальной безопасности, Доктрины продовольственной безопасности, Федерального закона «О развитии сельского хозяйства»
5. Необходимо учитывать фактор длительности периода восстановления плодородного слоя, который будет нарушен в результате недропользования, во избежание уменьшения плодородных сельскохозяйственных земель, о чем также указано в определении Верховного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2025 г. N 310-ЭС24-22890 [10].

Подводя итог, Верховный суд РФ указал на необходимость выяснения в совокупности следующих обстоятельств: «уникальности и особой экономической ценности и значимости соответствующего участка недр; возможности или невозможности его освоения в целях недропользования в соответствии с конкретной лицензией без изъятия земельных участков; характера и значимости деятельности, осуществляемой на этих земельных участках их собственником или иным законным владельцем, и возможных для него неблагоприятных последствий в результате изъятия этих участков» [11].

Судебные акты в этой группе дел подчёркивают, что хотя стратегические цели государства (включая потребности в минеральном сырье) могут иметь общественный характер, это не означает автоматической предопределённости результатов по каждому конкретному вопросу об изъятии сельскохозяйственных земель. Необходимо взвешивать экономические и социальные эффекты, влияние на сельскохозяйственное производство, возможность использования альтернативных площадок и долгосрочные экологические последствия.

Сопоставление двух дел позволяет сформулировать практическую рекомендацию: органы власти и заявители обязаны выстраивать доказательную линию, демонстрирующую, что изъятие конкретного участка действительно необходимо и что альтернативы отсутствуют или неприемлемы. Это требует проведения экономических расчётов, оценки социального воздействия, анализа альтернативных вариантов размещения работ и увязки проекта с региональными и федеральными стратегиями. Судебные органы, в свою очередь, проявляют тенденцию к более пристальному контролю над таким обоснованием, отказываясь принимать декларативные мотивы без соответствующего материального подтверждения.

Таким образом, институт изъятия земель сельскохозяйственного назначения в современной российской практике представляет собой механизм, сочетающий публично-правовую необходимость с высокими гарантиями защиты частных прав. Изъятие остаётся мерой исключительного характера и должно сопровождаться комплексной нормативно-стратегической и доказательной поддержкой. Правоприменителю следует учитывать не только формальные основания, но и широкую картину стратегических приоритетов, экологических и социальных последствий, экономической целесообразности и наличия альтернатив. Только при соблюдении этих условий вмешательство государства в права собственников будет признано обоснованным и правомерным. В

противном случае, суды склонны отдавать предпочтение защите прав собственников и сохранению целевого использования ценных сельскохозяйственных земель.

В заключение констатируем: повышение стандартов доказанности публичных нужд отражает признание судом важности сохранения сельскохозяйственного земельного фонда и стремление обеспечить баланс между государственными задачами и частными правами.

Практика показывает, что успешность инициатив по изъятию земли в целях недропользования во многом определяется не декларациями, а качеством и полнотой подготовленной доказательной базы, её увязкой со стратегическими целями и демонстрацией реальной необходимости вмешательства. Для органов власти это означает необходимость заблаговременной, прозрачной и всесторонней подготовки решений об изъятии, а для собственников — активное использование механизмов защиты своих прав в суде.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Официальный интернет-портал правовой информации. - 2022 г. - с изм. и допол. в ред. от 01.07.2020.

[2] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 29.10.2001 г. - № 44. - Ст. 4147 с изм. и допол. в ред. от 01.09.2025.

[3] Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года» от 08.09.2022 № N 2567-р // Собрание законодательства Российской Федерации. - 19.09.2022 г. - № 38. - Ст. 6481 с изм. и допол. в ред. от 07.02.2025.

[4] Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» от 21.01.2020 № 20 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 27.01.2020 г. - № 4. - Ст. 345 с изм. и допол. в ред. от 10.03.2025.

[5] Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» от 31.05.2019 № 696 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 10.06.2019 г. - № 23. - Ст. 2953 с изм. и допол. в ред. от 27.08.2025.

[6] Постановление Правительства РФ «О Государственной программе эффективного вов-

лечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации» от 14.05.2021 № 731 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 24.05.2021 г. - № 21. - Ст. 3583 с изм. и допол. в ред. от 16.05.2025.

[7] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.04.2025 № 310-ЭС24-22890 по делу N A54-1090/2023 // Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс.

[8] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа по делу N A13-4309/2024 от 03.02.2025 // Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс.

[9] Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2050 года» от 11.07.2024 № 1838-р // Официальный интернет-портал правовой информации. - 29.07.2024.

[10] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.04.2025 № N 310-ЭС24-22890 по делу N A54-1090/2023 // Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс.

[11] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2025 № 309-ЭС25-1868 по делу N A60-58852/2023 // Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993 //Official Internet portal of legal information. - 2022 - as amended and supplemented. as amended by 01.07.2020.

[2] Land Code of the Russian Federation No. 25.10.2001 dated 136-FZ//Collection of Laws of the Russian Federation. - 29.10.2001 - No. 44. - Art. 4147 with rev. and additional as amended by 01.09.2025.

[3] Order of the Government of the Russian Federation “On Approval of the Strategy for the Development of Agro-Industrial and Fishery Complexes of the Russian Federation for the Period up to 2030” dated 08.09.2022 No. 2567-r//Collection of Legislation of the Russian Federation. - 19.09.2022 - No. 38. - Art. 6481 rev. and add. as amended by 07.02.2025.

[4] Decree of the President of the Russian Federation “On Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation” dated 21.01.2020 No. 20// Collection of Legislation of the Russian Federation. - 27.01.2020 - No. 4. - Art. 345 amended and supplemented as amended by 10.03.2025.

[5] Decree of the Government of the Russian Federation “On Approval of the State Program of the Russian Federation “Integrated Development of Rural

Areas” and on Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation” dated 31.05.2019 No. 696//Co-approval of the legislation of the Russian Federation. - 10.06.2019 - No. 23. - Art. 2953 amended and supplemented as amended by 27.08.2025.

[6] Decree of the Government of the Russian Federation “On the State Program for the Effective Attraction of Agricultural Land and the Development of the Reclamation Complex of the Russian Federation” dated 14.05.2021 No. 731//Collection of Legislation of the Russian Federation. - 24.05.2021 - No. 21. - Art. 3583 amended and supplemented as amended by 16.05.2025.

[7] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.04.2025 No. 310-EC24-22890 in case N A54-1090/2023//Access from the Consultant Plus reference legal system.

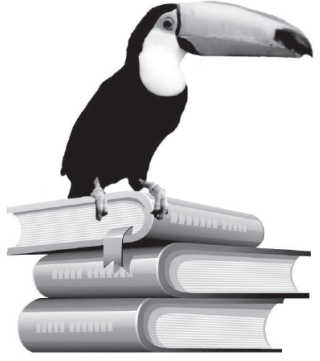
[8] Ruling of the Arbitration Court of the North-Western District in case N A13-4309/2024 dated 03.02.2025 //Access from the Consultant Plus reference legal system.

[9] Order of the Government of the Russian Federation “On approval of the Strategy for the development of the mineral resource base of the Russian Federation until 2050” dated 11.07.2024 No. 1838-r// Official Internet portal of legal information. - 29.07.2024.

[10] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.04.2025 No. N 310-ES24-22890 in case N A54-1090/2023//Before the reference legal system Consultant Plus.

[11] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.06.2025 No. 309-ES25-1868 in case N A60-58852/2023//Access from the Consultant Plus reference legal system.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-547-550

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

ТАРАСОВА Ольга Евгеньевна,

кандидат философских наук,

доцент кафедры теории и истории права и государства

Казанского филиала Российского государственного

университета правосудия им. В. М. Лебедева,

e-mail: oet72@mail.ru

ХАЛИМОВ Данил Ильич,

студент Казанского филиала

Российского государственного университета

правосудия им. В. М. Лебедева,

e-mail: danilt07@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ И НЕДОСТОВЕРНОЙ РЕКЛАМЕ

Аннотация. Вопросы привлечения к ответственности за недобросовестную конкуренцию особенно стали актуальны в последнее время, когда активно применяются санкции в отношении российского бизнеса. За нарушение законодательства о рекламе предусмотрена административная ответственность, единственным наказанием которой является штраф, зависящий от субъекта нарушения. По мнению авторов статьи, данная мера является недостаточно эффективной, так как погашение штрафов даже в максимальных размерах не представляет серьезных финансовых затрат для многих крупных компаний, а последствия распространения ненадлежащей рекламы варьируются от причинения морального вреда до наступления летальных исходов. В статье рассматриваются проблемы и пути их решения в сфере противодействия недобросовестной и недостоверной рекламе.

Ключевые слова: реклама, недобросовестная реклама, недостоверная реклама, рекламное законодательство, конкуренция, недобросовестная конкуренция.

TARASOVA Olga Evgenievna,

candidate of Philosophical Sciences, associate Professor

of the Department of Theory and History of Law and State

Kazan branch of the Russian State University of Justice

named after V. M. Lebedev

KHALIMOV Danil Ilyich,

student of the Kazan branch of the Russian State University

of Justice named after V. M. Lebedev

LEGAL BASIS FOR COUNTERING UNFAIR AND UNTRUE ADVERTISING

Annotation. The issue of liability for unfair competition has become particularly relevant in recent years, as sanctions against Russian businesses have been actively implemented. Violations of advertising laws are subject to administrative penalties, with the only punishment being a fine based on the nature of the violation. However, according to the authors of the article, this measure is not effective enough, as paying fines, even at the maximum level, does not represent a significant financial burden for many large companies, and the consequences of distributing inappropriate advertisements range from causing moral harm to leading to fatalities. The article discusses the problems and solutions in the field of countering unfair and false advertising.

Key words: advertising, unfair advertising, false advertising, advertising legislation, competition, unfair competition.

Реклама является важным инструментом развития хозяйства предприятия. На сегодняшний день невозможно себе представить продвижение товара на рынке без использования рекламных технологий. Массовая информатизация, затрагивающая все сферы общества, также оказала огромное влияние и на рекламную деятельность [6, с. 57]. Содержание, форма рекламы претерпевают кардинальные изменения вместе с развитием экономических отношений, разумеется, недобросовестные субъекты хозяйственной деятельности находят все более изощрённые способы преподнести свой товар в наилучшем виде, не считаясь с конкурентами. Считаем, что правовое регулирование рекламной деятельности должно совершенствоваться, отвечая запросам времени. Это же касается и ответственности за недобросовестную и недостоверную рекламу.

На сегодняшний день, законодательная база, регламентирующая рекламу и конкуренцию, содержит нормы из различных областей права. Нормативные акты по противодействию недобросовестной и недостоверной рекламе имеют различную юридическую силу, так как данные вопросы затрагиваются и в федеральных законах, и в подзаконных актах Президента РФ, Правительства РФ, большую роль имеют Приказы ФАС России и судебная практика. В тоже время при анализе законодательной базы следует выделить ряд правовых пробелов.

Во-первых, на сегодняшний день отсутствует на законодательном уровне понятие рекламной деятельности. Чаще всего понятие «рекламная деятельность» употребляется тождественно с понятием «реклама». Считаем не верной данную позицию, так как в самом ФЗ «О рекламе» статья 3 содержит такие понятия как «реклама», «объект рекламирования», «рекламораспространитель», «рекламопроизводитель», «рекламодатель» и т.д. Уже из обилия различных официальных терминов видно что всех субъектов упомянутых в федеральном законе и задействованных в рекламе, объединяют правоотношения связанные с отношениями в сфере рекламы. Существует некая деятельность которой характерны специфические средства, методы и способы реализации, в конкретной сфере, а именно в сфере распространения информации. Реклама это не просто передача информации, это совокупность действий конкретных субъектов по привлечению потенциальных потребителей, оказания влияния на их выбор, формирования определённых убеждений и желаний с целью реализации товара. В более широком смысле эту деятельность можно рассматривать как деятельность по формированию «обществен-

ного мнения в отношении рекламируемого товара (услуги), возможностей его приобретения» [5, с. 25]. Также не следует забывать, что эта деятельность включает в себя взаимодействие субъектов рекламного рынка. Учитывая выше сказанное, отдельные исследователи различают такие понятия как «реклама» и «рекламная деятельность» [3, с. 193].

Учитывая, что законодатель устанавливает требования к рекламе чтобы пресечь появление на рынке недобросовестной рекламы и конкуренции, в ФЗ «О рекламе» должно быть включено понятие «рекламная деятельность». Данное понятие должно сопровождаться основными принципами в соответствующие принципам добросовестной конкуренции. На наш взгляд, статья 3 ФЗ «О рекламе» должна содержать понятие рекламной деятельности в следующей редакции: «Рекламная деятельность – это особый вид деятельности, процесс взаимодействия ее участников, результатом которого является производство, продвижение и исследование рекламного продукта с целью стимулирования потребительской деятельности или создания имиджа, общественного мнения. В основу рекламной деятельности должны быть положены принцип законности, добросовестности, достоверности и принцип использования форм и средств, не причиняющих потребителю рекламы морального, физического или психического вреда».

Во-вторых, законодательство о рекламе также должно содержать не только признаки недобросовестной рекламы (ст. 5 ФЗ «О рекламе»), но и понятие. Так как недобросовестная реклама напрямую связана с проявлением недобросовестной конкуренции и в руках производителей становится инструментом борьбы с конкурентами, понятие недобросовестной рекламы следует привести в соотношение с понятием недобросовестная конкуренция. Согласимся с мнением Д.А. Григорьевым, который считает, что «В законе о защите конкуренции имеется легальное понятие «недобросовестная конкуренция», поэтому законодательство о рекламе также должно содержать понятие «недобросовестная реклама» где будет сделан акцент не только на нарушения рекламного законодательства, но и законодательства о защите конкуренции» [2, с. 22]. Статья 3 ФЗ «О рекламе» должна раскрыть сущность недобросовестной рекламы в следующей редакции: «Недобросовестная реклама – это реклама, не соответствующая требованиям законодательства Российской Федерации как результат действий хозяйствующих субъектов (группа лиц), деятельность которых направлена на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречащей законодательству о

защите конкуренции, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости».

Э.Э. Бакиров по данному вопросу дает следующее разъяснения: «закрепление легального понятия недобросовестной рекламы будет способствовать более быстрому реагированию контролирующих органов в лице антимонопольного органа на распространение недобросовестной и недостоверной рекламы» [1, с. 12]. Законодательно закрепленное понятие ненадлежащей рекламы лишь указывает на то, что в противовес рекламе, отвечающей всем требованиям рекламного законодательства, может иметь место реклама, не отвечающая данным нормам. В тоже время заметим, что недобросовестная реклама имеет свои специфические особенности, это реклама, которая направлена не только на потребителя, но прежде всего на конкурента рыночных отношений. Она может нанести не только вред потребителям, но и сформировать у них негативное отношение к производителю товара, что безусловно нанесет ущерб субъекту рыночных отношений.

Третья проблема в сфере ответственности за недобросовестную и недостоверную рекламу это отсутствие надлежащих размеров штрафов. Штрафы юридических лиц (которые чаще всего бывают нарушителями рекламного законодательства) на сегодняшний день не значительные до 500 тыс. руб. Последние изменения были внесены в 2024г. где размер штрафов были увеличены до 1 млн. руб., но только в отношении рекламы распространяемой по сетям электросвязи.

Приведем примеры из практики. В марте 2025 г. ФАС оштрафовал «Газпромбанк» на 1 млн. руб. за нарушения в рекламе финансовых услуг. По мнению ФАС информация, содержащаяся в рекламных роликах, которые демонстрировались на всю страну через СМИ, указывала на «привлекательные сведения» делал «Газпромбанк» в глазах потребителей более привлекательным чем его конкуренты [7]. Тем не менее данная информация не соответствовала действительности, а реальные условия кредитных соглашений были показаны слишком быстро и трудным для восприятия способом.

Ярким примером недостоверной рекламы будет реклама всем известной сети магазинов «Sunlight» по продаже ювелирных изделий. Все мы как покупатели систематически и настойчиво получали информацию о распродажах в связи с закрытием магазина. Так, в 2022г. Челябинское УФАС наложило штраф в размере 200 тыс. рублей на «Sunlight» за недостоверную рекламу. Отметим, что данное наказание было неоднократным. Это как раз наглядный пример того, что торговой

сети небольшие размеры штрафа с излишком оправдаются прибылью, полученной от ненадлежащей рекламы [4]. Если обратимся к зарубежной практике, то увидим, что размеры штрафов за недобросовестную и недостоверную рекламу значительно выше, иногда исчисляются в миллион долларов [8, с. 246]. На наш взгляд, при установлении размер штрафов за ненадлежащую рекламу законодатель должен ввести по аналогии с ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ «оборотные» штрафы в зависимости от финансовых показателей организации. Данное предложение кажется более обоснованным, поскольку это позволит дифференцировать ответственность в зависимости от размера бизнеса и повлечет снижение размера штрафов для хозяйствующих субъектов, для которых действующие штрафы являются неподъемными.

В заключении отметим, что рекламное законодательство должно совершенствоваться, путем внесения изменений в действующие нормативные правовые акты, отвечающие требованиям времени. Данные изменения и дополнения должны способствовать развитию рынков товаров, работ и услуг на основе соблюдения принципов добросовестной конкуренции.

Список литературы:

- [1] Бакиров Э. Э. Правовое регулирование противодействия недобросовестной рекламе: проблемы и пути их решения // МедиаВектор. 2021. № 1. С. 12-15.
- [2] Григорьев Д.А. Законы рекламы. Право для маркетинга. Правовые основы рекламы в России и СНГ. М: «Инфотропик Медиа», 2017 г. 284 с.
- [3] Захарова А. Э. Общая характеристика рекламной деятельности // Молодой ученый. 2021. № 49 (391). С. 193-194.
- [4] Запрет на недобросовестную рекламу // [Электронный ресурс] <https://www.law.ru/article/5736-nekorrektnoe-sravnenie-kak-priznak-nedobrosovestnoy-konkurentsii> (Дата обращения: 08.02.2026г.).
- [5] Костякова Ю. Б. К вопросу об определении понятия «рекламная деятельность» // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2017. № 19. С. 25-29.
- [6] Ободец Р. В. Инновационные технологии в онлайн-маркетинге: тренды 2025 // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2025. № 3 (183). С. 57-62.
- [7] ФАС оштрафовала «Газпромбанк» на 1 млн. руб. за рекламу // [Электронный ресурс] <https://pravo.ru> (Дата обращения: 08.02.2026г.).
- [8] Филатова В. И. Анализ зарубежного опыта правового регулирования рекламной деятельности // Молодой ученый. 2020. № 17 (307). С. 246-249.

References:

[1] Bekirov E. E. Legal Regulation of Counteraction to Unfair Advertising: Problems and Solutions // MediaVektor. 2021. No. 1. Pp. 12-15.

[2] Grigoriev, D.A. Advertising Laws. Law for Marketing. Legal Foundations of Advertising in Russia and the CIS. Moscow: Infotropic Media, 2017. 284 p.

[3] Zakharova A. E. General Characteristics of Advertising Activities // Young Scientist. 2021. No. 49 (391). Pp. 193-194.

[4] Prohibition of Unfair Advertising // [Electronic resource] <https://www.law.ru/article/5736-nekorrektnoe-sravnenie-kak-priznak-nedobrosovestnoy-konkurentsii> (Date of appeal: 08.02.2026).

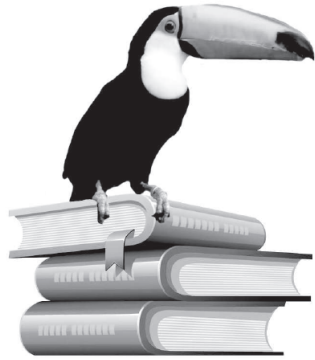
[5] Kostyakova Yu. B. On the Definition of the Concept of Advertising Activities // Bulletin of Khakass State University named after N.F. Katanov. 2017. No. 19. Pp. 25-29.

[6] Obodets R. V. Innovative Technologies in Online Marketing: Trends in 2025 // Economics and Management: Scientific and Practical Journal. 2025. No. 3 (183). Pp. 57-62.

[7] FAS fined Gazprombank 1 million rubles for advertising // [Electronic resource] <https://pravo.ru> (Date of appeal: 08.02.2026).

[8] Filatova V. I. Analysis of Foreign Experience in Legal Regulation of Advertising Activities // Young Scientist. 2020. No. 17 (307). Pp. 246-249.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-551-556

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

ЧЕШИН Андрей Владимирович,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и управления
Орский гуманитарно-технологический институт
(филиал) федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Оренбургский государственный университет»,
Россия, г. Орск,
e-mail: cheshin@sirius56.ru

ПРИНЦИПЫ ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. Настоящая научная статья посвящена комплексному исследованию системы принципов, лежащих в основе договорного регулирования предпринимательских правоотношений. Особое внимание уделяется анализу свободы договора как фундаментальной основы формирования правовых связей в сфере бизнеса, включая исследование ее современных проявлений, ограничений и соотношения с императивными нормами. В работе детально рассматриваются принципы добросовестности и разумности, раскрывается их роль как неотъемлемых требований к поведению субъектов предпринимательской деятельности на всех стадиях договорного процесса – от заключения до исполнения. Исследуется также принцип справедливости и соразмерности ответственности, его значение для защиты прав и законных интересов участников оборота, а также механизмы его реализации в современном российском праве. Исследование проводилось на основе анализа научных публикаций, монографий и действующего законодательства, что позволило систематизировать теоретические подходы и оценить практическую значимость рассматриваемых принципов для обеспечения стабильности, предсказуемости и эффективности договорных отношений в предпринимательской сфере.

Ключевые слова: договорное право, предпринимательские правоотношения, принципы права, свобода договора, добросовестность, разумность, справедливость, ответственность, договор, предпринимательская деятельность.

CHESHIN Andrey Vladimirovich,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Department of Economics and Management,
Orsk Humanitarian and Technological Institute (branch)
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Orenburg State University"
Orsk, Russian Federation

PRINCIPLES OF CONTRACTUAL REGULATION OF ENTREPRENEURIAL LEGAL RELATIONS

Annotation. This research article is devoted to a comprehensive study of the system of principles underlying the contractual regulation of business relations. Particular attention is paid to the analysis of freedom of contract as a fundamental basis for the formation of legal relations in business, including an examination of its modern manifestations, limitations, and relationship with mandatory norms. The paper examines in detail the principles of good faith and reasonableness, revealing their role as integral requirements for the behavior of business entities at all stages of the contractual process – from conclusion to execution. The principle of fairness and proportionality of liability, its importance for protecting the rights and legitimate interests of business participants, and the

mechanisms for its implementation in contemporary Russian law are also examined. The study was conducted based on an analysis of scientific publications, monographs, and current legislation, which allowed for a systematization of theoretical approaches and an assessment of the practical significance of the principles under consideration for ensuring the stability, predictability, and effectiveness of contractual relations in business.

Key words: *contract law, business relations, principles of law, freedom of contract, good faith, reasonableness, fairness, responsibility, contract, business activity.*

Введение

Предпринимательская деятельность, являясь движущей силой современной экономики, немыслима без прочных и эффективных договорных связей. Договор выступает не просто как формальный акт, закрепляющий намерения сторон, но и как основополагающий инструмент, посредством которого осуществляется распределение рисков, определение обязательств и прав, а также регулирование всех аспектов делового сотрудничества. В условиях динамично меняющегося законодательства и рыночной конъюнктуры, понимание и последовательное применение принципов договорного права приобретает особую актуальность для обеспечения стабильности, предсказуемости и справедливости в сфере предпринимательства. Несоблюдение или искаженное толкование этих фундаментальных начал может привести к возникновению правовых коллизий, экономическим потерям и подрыву доверия между субъектами хозяйствования.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ ключевых принципов, лежащих в основе договорного регулирования предпринимательских правоотношений. В частности, статья фокусируется на исследовании свободы договора как фундаментальной основы формирования правоотношений между субъектами предпринимательской деятельности, рассматривая ее современные проявления и ограничения. Особое внимание уделяется добросовестности и разумности как неотъемлемым требованиям к поведению сторон на всех стадиях договорного процесса – от переговоров и заключения до исполнения и прекращения обязательств. Кроме того, проводится анализ принципа справедливости и соразмерности ответственности в договорном праве, что является критически важным для защиты прав и законных интересов участников предпринимательского оборота.

Научная новизна данной работы заключается в систематизации и углубленном теоретическом осмыслении совокупности основополагающих принципов, формирующих современный подход к договорному регулированию предпринимательских правоотношений. Исследование предлагает переосмысление соотношения между свободой договора и императивными нормами, а также раскрывает динамику применения принци-

пов добросовестности и разумности в контексте новейшей судебной практики и доктринальных разработок.

Материалы и методы исследований

Материалами для исследования послужили фундаментальные и актуальные научные публикации отечественных и зарубежных ученых-правоведов, монографии, статьи в ведущих научных журналах, а также действующее законодательство Российской Федерации, регулирующее договорные отношения в сфере предпринимательства. Анализ теоретических трудов и нормативно-правовых актов позволил сформировать целостное представление о принципах договорного регулирования и их значении для обеспечения эффективного функционирования предпринимательских правоотношений.

Результаты и обсуждения

Свобода договора, являясь одним из краеугольных камней частного права, занимает особое место в системе правового регулирования предпринимательской деятельности. Ее сущность заключается в предоставлении субъектам предпринимательства максимально широких полномочий по усмотрению при установлении своих прав и обязанностей, формировании договорных связей и определении их содержания. В условиях рыночной экономики, где инициатива и самостоятельность бизнеса являются ключевыми факторами развития, ограничение свободы договора могло бы привести к стагнации и снижению его конкурентоспособности. Именно поэтому принцип свободы договора служит мощным стимулом для развития предпринимательских инициатив, позволяя участникам оборота наиболее полно и оперативно реагировать на меняющиеся экономические условия, удовлетворять свои потребности и реализовывать коммерческие цели.

Самостоятельность сторон в предпринимательских договорных отношениях проявляется, прежде всего, в возможности принимать решение о заключении того или иного договора. Субъект предпринимательской деятельности вправе самостоятельно решать, заключать ли ему конкретную сделку, с кем ее заключать, и на каких условиях. Данная свобода включает в себя, в частности, право выбирать необходимый тип договора, а

также возможность заключать договоры, не предусмотренные законодательством, но не противоречащие ему. Такая пластичность договорных конструкций позволяет сторонам создавать наиболее адекватные и эффективные механизмы для достижения своих целей, учитывая специфику конкретной сделки и положения на рынке. Кроме того, свобода договора распространяется на определение содержания обязательства, включая срок его исполнения, цену, порядок передачи имущества, объем предоставляемых услуг и многие другие существенные условия [4, с. 75]. Это дает возможность сторонам адаптировать договорные отношения к своим индивидуальным потребностям и взаимным интересам, избегая навязанных извне, зачастую неоптимальных, решений.

Однако, важно подчеркнуть, что свобода договора в предпринимательской сфере не является абсолютной. Она сопряжена с целым рядом ограничений, которые, однако, направлены не на умаление, а, наоборот, на обеспечение эффективности и справедливости договорных связей. Эти ограничения можно разделить на несколько групп. Во-первых, существуют обязательные нормы закона, от которых нельзя отступать. Они защищают интересы общества, основные принципы законности и стабильность гражданского оборота. Например, закон может содержать обязательные требования к форме договора, его содержанию или порядку заключения в тех областях, где высок риск злоупотреблений или ущерба для других лиц.

Во-вторых, важны ограничения, связанные с добросовестностью и запретом злоупотребления правом. Стороны не могут использовать свободу договора, чтобы ущемлять законные интересы партнеров, обманывать или вводить их в заблуждение [7, с. 32-33]. Суды активно развивают понятие злоупотребления правом в договорах, что позволяет изменять условия сделок, заключенных с нарушением честности и справедливости. В-третьих, ограничения могут быть связаны с необходимостью защиты слабой стороны в договорном отношении. Хотя в предпринимательских отношениях стороны, как правило, равноправны, в ряде случаев законодатель предусматривает защиту от недобросовестного поведения более сильной стороны, стремясь обеспечить более справедливое распределение рисков и возможностей.

Таким образом, свобода договора в предпринимательских правоотношениях представляет собой не абсолютное право делать все, что угодно, а сложный юридический конструкт, балансирующий между автономией воли сторон и необходимостью соблюдения фундаментальных прин-

ципов правопорядка [10, с. 29]. Она является движущей силой для развития бизнеса, источником инноваций и инструментом для адаптации к динамичной рыночной среде, при условии ее добросовестного и разумного применения в рамках установленных законом ограничений. Именно этот баланс обеспечивает устойчивость, предсказуемость и справедливость в сфере предпринимательских договорных связей, способствуя общему экономическому росту.

В гражданском, особенно в предпринимательском, праве принципы добросовестности и разумности крайне важны на всех этапах договора. Они схожи, но не идентичны. Добросовестность – это этическое поведение, честность и отсутствие злого умысла. Разумность же – это когда действия оцениваются по деловым обычаям, здравому смыслу и справедливости, основываясь на объективных, а не личных, взглядах.

В процессе заключения договора, добросовестность и разумность налагают на стороны ряд важных обязанностей, выходящих за рамки формального волеизъявления. Так, сторона, вступающая в переговоры, должна действовать осмотрительно, предоставлять достоверную информацию о существенных условиях договора, наличии рисков и иных обстоятельствах, имеющих значение для формирования воли контрагента [6, с. 74]. Недобросовестное поведение на данной стадии может выражаться в предоставлении ложной информации, намеренном затягивании переговоров с целью получения конкурентного преимущества, или в давлении на другую сторону. Разумность же требует от сторон проявлять должную степень заботливости и осмотрительности при оценке условий предлагаемого договора, анализе потенциальных рисков и выгод. Неразумным будет, например, принятие на себя явно обременительных обязательств без должного юридического анализа или без учета рыночной конъюнктуры.

Применение принципов добросовестности и разумности при заключении договора имеет далекоидущие последствия. Суды все чаще используют эти начала для квалификации переговоров, ведущих к заключению договора, как добросовестных, или, наоборот, для признания действий одной из сторон недобросовестными, например, если договор заключен под влиянием обмана или угрозы. Более того, даже при наличии формально закрепленных условий договора, суды могут корректировать их применение, если такое применение приведет к явно несправедливым последствиям из-за недобросовестного поведения одной из сторон на этапе согласования условий. В этих случаях, принцип разумности может проявиться в пересмотре или дополнительном толковании

договорных положений с учетом объективных рыночных реалий и ожиданий добросовестного контрагента [1, с. 10].

Переходя к стадии исполнения договоров, значение добросовестности и разумности возрастает многократно. Здесь они выступают как ориентиры поведения, позволяющие сторонам не только точно следовать букве договора, но и его духу, обеспечивая достижение той цели, ради которой договор был заключен. Согласно гражданскому законодательству, каждая сторона обязана при исполнении своих обязательств содействовать другой стороне, сотрудничать с ней, предоставлять необходимую информацию и совершать иные действия, которые требуются для надлежащего исполнения обязательства. Добросовестность обязывает стороны проявлять такую заботливость и осмотрительность, которая требуется от них по характеру обязательства и условиям оборота [8, с. 43]. Разумность же предполагает, что действия стороны при исполнении договора должны быть логичными, целесообразными и соответствовать обычаям делового оборота.

Нередко приходится сталкиваться с ситуациями, когда точное следование букве договора может привести к абсурдным или несправедливым последствиям, либо когда возникли непредвиденные обстоятельства, требующие гибкого подхода. В таких случаях, принципы добросовестности и разумности позволяют сторонам находить компромиссные решения, модифицировать условия исполнения, избегая тем самым споров и судебных разбирательств. Например, если в ходе исполнения договора обнаружилась существенная ошибка в расчетах, добросовестная сторона должна уведомить об этом контрагента, а разумная – предложить варианты исправления [2, с. 307]. Более того, в случаях, когда исполнение обязательства по договору становится невозможным или существенно затруднительным вследствие непредвиденных обстоятельств, добросовестное поведение может выражаться в намерении найти альтернативное решение, пересмотреть условия или даже досрочно отказаться от договора, если это будет справедливо [5, с. 202].

Добросовестность и разумность – это не просто юридические термины. Они влияют на то, как люди ведут себя при заключении договоров. Они делают договоры более гибкими, честными и полезными для всех. Это помогает сторонам строить длительные и хорошие отношения, основанные на доверии. Когда суды и другие органы применяют эти принципы при заключении и исполнении договоров, это улучшает законность и создает хорошие условия для бизнеса.

В системе договорного права принципы справедливости и соразмерности ответственно-

сти занимают одно из ключевых мест, выступая в качестве гаранта баланса интересов сторон и механизма восстановления нарушенных прав. Они направлены на то, чтобы ответственность, возникающая вследствие ненадлежащего исполнения или нарушения договора, была не карательной, а компенсаторной, восстанавливающей положение потерпевшей стороны до момента нарушения, и при этом не являющейся чрезмерной для стороны, допустившей нарушение. Эти принципы требуют, чтобы между нарушением и последствиями, а также между размером причиненного ущерба и наложенной ответственностью существовала адекватная связь.

Справедливость в договорном праве проявляется в стремлении к равновесию прав и обязанностей сторон. Она тесно связана с идеей эквивалентности обмена, где каждая сторона получает определенную выгоду, соответствующую ее вкладу или риску. Когда договорное обязательство нарушается, возникает дисбаланс, который и призван восстановить механизм ответственности. Однако, справедливость требует, чтобы это восстановление происходило таким образом, чтобы не ущемлять необоснованно другую сторону. Например, при установлении договорного штрафа (неустойки) он должен соответствовать возможным потерям кредитора, а не служить инструментом необоснованного обогащения. В данном контексте, справедливым будет признание неустойки, которая реально способна компенсировать понесенные убытки, но не превышает их многократно без объективных на то оснований.

Соразмерность ответственности, как более конкретное проявление справедливости, фокусируется на количественном соотношении между нарушением и мерой ответственности [3, с. 99]. Данный принцип находит свое отражение в различных институтах договорного права. В первую очередь, это касается неустойки. Законодательство и судебная практика предоставляют должнику право требовать уменьшения неустойки, если она явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства. Критериями несоразмерности могут выступать, например, ничтожно малый размер нарушения при значительной величине неустойки, или наоборот, существенное нарушение обязательства при незначительном размере установленной ответственности. Суд, применяя этот принцип, исходит из оценки всех обстоятельств дела: характера нарушения, степени вины должника, размера убытков, причиненных кредитором, а также иных заслуживающих внимания обстоятельств.

Помимо неустойки, принцип соразмерности ответственности имеет значение и при определении размера возмещаемых убытков. Договорное

право, как правило, устанавливает принцип полного возмещения убытков, возникших вследствие нарушения договора. Однако, это полное возмещение не означает безграничной ответственности. Убытки должны быть реальными, а их размер – доказуемым. Важным является и соблюдение принципа причинно-следственной связи между нарушением обязательства и возникшими убытками. Ответственность за убытки, которые не являются прямым следствием нарушения, не возникает [9, с. 229]. Кроме того, стороны могут своим соглашением ограничить размер ответственности, установив, например, предел возмещаемых убытков, при условии, что такое ограничение не будет признано несправедливым или противоречащим императивным нормам закона.

Справедливость и соразмерность ответственности также проявляются в возможности суда отступить от условий договора, если они ставят одну из сторон в крайне неблагоприятное положение. Этот механизм, часто именуемый «изменением договора в связи с существенным изменением обстоятельств» или «признанием условия договора недействительным ввиду его кабальности», позволяет восстановить нарушенный баланс, если первоначальное договорное регулирование, изначально казавшееся справедливым, в силу изменившихся обстоятельств стало приводить к явно несправедливым последствиям.

Реализация принципов справедливости и соразмерности ответственности является залогом стабильности и предсказуемости договорных отношений. Она позволяет не только эффективно защищать права кредиторов, но и избегать чрезмерного обременения должников, способствуя тем самым поддержанию деловой активности и снижению рисков необоснованного банкротства. Таким образом, справедливость и соразмерность ответственности не являются абстрактными категориями, а представляют собой действенные правовые инструменты, направленные на достижение баланса интересов и обеспечение правовой справедливости в договорных отношениях.

Выводы

Анализ показал, что для работоспособной системы договорного регулирования в предпринимательстве важны свобода договора, добросовестность, разумность, справедливость и соразмерность ответственности. Свобода договора – основа частного права, особенно в бизнесе, где она позволяет сторонам самим решать, заключать договор или нет, и определять его условия, если это не противоречит закону. Но эта свобода ограничена законом для защиты общих интересов и более слабой стороны.

Принцип добросовестности и разумности выступает в качестве важнейшего регулятивного и корректирующего начала, обязывающего предпринимателей вести себя честно, осмотрительно и учитывать интересы контрагентов на всех этапах договорных отношений – от стадии формирования воли до полного исполнения обязательств. Игнорирование данного принципа влечет за собой не только юридическую ответственность, но и подрывает доверие, столь необходимое для устойчивого развития бизнеса. Актуальность принципа добросовестности в современных рыночных условиях подчеркивается его все более широким применением в судебной практике для преодоления узкого формализма при толковании условий договора и выявлении истинных намерений сторон.

В заключение отметим, что принцип справедливости при определении ответственности помогает уравновесить интересы сторон и защитить от чрезмерного ограничения прав. Инструменты реализации этого принципа, такие как уменьшение размера неустойки или компенсация убытков, важны для создания понятной и честной правовой среды для бизнеса. Развитие теории и практики применения этих принципов укрепит законность, поддержит деловую активность и обеспечит стабильность экономики.

Список литературы:

- [1] Аветисян А. К., Новикова С. В. Понятие и система предпринимательских договоров // Эпомен. — 2018. — № 12. — С. 8-16.
- [2] Аламова С.М. Основные тенденции развития права интеллектуальной собственности в современном мире // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 305-308.
- [3] Богданов Е. В. Договоры в сфере предпринимательства : монография. — М. : Проспект, 2018. — 304 с.
- [4] Денисов С.А. Некоторые общие вопросы о порядке заключения договоров // Актуальные проблемы гражданского права. 2018. № 9. С. 74—80.
- [5] Илюшина М. Н. Правовой режим сделок в коммерческих отношениях: вопросы становления в доктрине, законодательстве и правоприменительной практике. — М. : РПА, 2011. — 214 с.
- [6] Инновации, тенденции и проблемы в области экономики, управления и бизнеса / О. Л. Брянская, В. М. Глущенко, С. В. Глушков [и др.]. — Нижний Новгород : НОО «Профессиональная наука», 2020. — 234 с.
- [7] Левушкин А. Н., Алборов С. В. Правовая природа предпринимательских договоров и обязательств, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности // Lex Russica, 2021 г. С. 29-39.

[8] Минаков А. Венчурное финансирование и краудфандинг как инструменты поддержки экономической безопасности субъектов малого инновационного бизнеса / А. Минаков // Экономическое развитие России. – 2018. – Т. 25, № 8. – С. 42-46.

[9] Минаков А. В. Управление бизнесом в цифровой экономике / А. В. Минаков, А. Е. Суглобов // Russian Journal of Management. – 2021. – Т. 9, № 1. – С. 226-230.

[10] Озарнов Р. В. Analyzing the financial and banking cooperation among Russia and the SCO member states // National security / NOTA BENE, 2023 г. С. 28-40.

References:

[1] Avetisyan A.K., Novikova S.V. Concept and System of Entrepreneurial Agreements // Epomen. – 2018. – No. 12. – Pp. 8-16.

[2] Alamova S.M. Main Trends in the Development of Intellectual Property Law in the Modern World // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 1. Pp. 305-308.

[3] Bogdanov E.V. Agreements in the Sphere of Entrepreneurship: Monograph. – Moscow: Prospect, 2018. – 304 p.

[4] Denisov S.A. Some General Issues on the Procedure for Concluding Agreements // Current Issues of Civil Law. 2018. No. 9. Pp. 74-80.

[5] Ilyushina M. N. Legal regime of transactions in commercial relations: issues of formation in doctrine, legislation and law enforcement practice. – M.: RPA, 2011. – 214 p.

[6] Innovations, trends and problems in the field of economics, management and business / O. L. Bryanskaya, V. M. Glushchenko, S. V. Glushkov [et al.]. – Nizhny Novgorod: NPO "Professional Science", 2020. – 234 p.

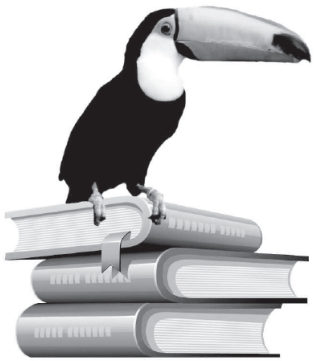
[7] Levushkin A. N., Alborov S. V. Legal nature of entrepreneurial contracts and obligations related to the implementation of entrepreneurial activities // Lex Russica, 2021. pp. 29-39.

[8] Minakov A. Venture financing and crowdfunding as tools for supporting the economic security of small innovative businesses / A. Minakov // Economic development of Russia. – 2018. – Vol. 25, No. 8. – Pp. 42-46.

[9] Minakov A. V. Business Management in the Digital Economy / A. V. Minakov, A. E. Suglobov // Russian Journal of Management. – 2021. – Vol. 9, No. 1. – Pp. 226-230.

[10] Ozarnov R. V. Analyzing the financial and banking cooperation among Russia and the SCO member states // National security / NOTA BENE, 2023. Pp. 28-40.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-557-561

ЕВДОКИМОВ Денис Андреевич,
аспирант АТuCO,
e-mail: evdok98111@ro.ru

ПОСЛЕДСТВИЯ ОСПАРИВАНИЯ ПОДОЗРИТЕЛЬНОЙ СДЕЛКИ И ВОЗМОЖНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ДОЛЖНИКА ДЛЯ ЗАЩИТЫ СВОИХ ПРАВ

Аннотация. В настоящей статье проводится анализ последствий оспаривания подозрительной сделки и возможных действия должника для защиты своих прав. В рамках проведенного исследования осуществлен последовательный анализ базовых дефиниций, ключевых критериев и процессуального регламента отнесения сделок к разряду подозрительных в рамках дел о банкротстве. Синтез положений актуального законодательства и сложившейся судебной практики позволил обозначить специфику, систематизировать условия и выделить наиболее дискуссионные аспекты применения данного специального основания для признания сделок недействительными в процедурах несостоятельности.

Раскрыты последствия признания сделок недействительными. Разработаны практические рекомендации защите должниками своих прав по делам об оспаривании подозрительных сделок.

Ключевые слова: должник, конкурсная масса, кредитор, подозрительная сделка, реституция.

EVDOKIMOV Denis Andreevich,
Postgraduate Student of ATISO

CONSEQUENCES OF THE SUSPICIOUS TRANSACTION CHALLENGING AND POSSIBLE ACTIONS OF THE DEBTOR TO PROTECT HIS RIGHTS

Annotation. This study aims to examine the legal ramifications of contesting a suspicious transaction and to outline the defensive measures available to a debtor. It provides a comprehensive overview of the definition, requisite criteria, and formal process for classifying transactions as suspicious within insolvency proceedings. Through an integrated analysis of statutory provisions and prevailing judicial practice, the work elucidates the distinctive characteristics, legal prerequisites, and recurrent challenges associated with utilizing this special mechanism to nullify transactions in bankruptcy cases. The ensuing effects of a successful invalidation are thoroughly explored. Furthermore, the article formulates actionable guidance for debtors seeking to safeguard their interests when faced with claims to set aside such transactions.

Key words: debtor, bankruptcy estate, creditor, suspicious transaction, restitution.

В процедурах банкротства существует специальный механизм оспаривания подозрительных сделок, совершенных должником. Признаками таких сделок являются неравноценное встречное исполнение по обязательствам, вытекающим из существа совершаемых сделок и причинение имущественного вреда кредиторам. Несмотря на то, что в законодательстве описаны признаки и условия подозрительных сделок, на практике возникают вопросы их толко-

вания, признания их недействительными. Сам же механизм их оспаривания не является совершенным, поскольку у должника часто отсутствует возможность доказать правомерность и экономическую целесообразность оспариваемых сделок. Суды, принимая решения о признании сделок недействительными, исходят из презумпции, что должник действовал умышленно и своими действиями желал причинить вред интересам кредиторов.

Дискуссионным и сложным на практике остается вопрос о правовом положении добросовестного контрагента, который исполнил обязательство по сделке, впоследствии признанной недействительной.

Однако, несмотря на многочисленные неурегулированные в теории и практике вопросы, касающиеся недействительности сделок в процедурах банкротства по признакам их подозрительности, сам механизм оспаривания сделок должника является эффективным и позволяет защитить интересы конкурсных кредиторов. Более того, применение последствий недействительности сделок при признании судом их подозрительными в процедуре банкротства позволяет суду вернуть имущество должника и за счет этого восстановить его платежеспособность.

В современной судебной практике отсутствует единообразный подход к определению правовой природы последствий подозрительной сделки, а также условий и порядка их применения. В процедуре банкротства должника арбитражным управляющим может быть оспорена сделка, по всем признакам формально подходящая под признание ее недействительной, однако, совершенная добросовестным контрагентом, не имеющим информации о предстоящем банкротстве должника.

Подозрительные сделки часто совершаются для того, чтобы сохранить имущество должника и не допустить передачу этого имущества в конкурсную массу. По словам А.В. Разумных, организации, находящиеся в состоянии банкротства зачастую выводят собственные активы посредством совершения сделок с другими контрагентами, что приводит к нарушению прав конкурсных кредиторов [4, с. 66].

В научных исследованиях актуальным является вопрос о соотношении подозрительных сделок и сделок с предпочтением, а также иных видов недействительных сделок. Как справедливо подчеркивает Д. Б. Коротков, на практике необходимо проводить четкую грань между «сделками с предпочтением или подозрительными сделками и сделками с пороками, выходящими за пределы дефектов сделок с предпочтением или подозрительных сделок» [2, с. 186]. В качестве дифференцирующих критериев, по его мнению, должны выступать конечная цель операции, субъективные намерения участников взаимных обязательств, а также специфика самого исполнения.

В литературе [1, с. 174] дискуссионным является вопрос о том, является ли применение последствий подозрительной сделки реституцией в аспекте ее понимания согласно ст. 167 ГК РФ или это совершенно иное правовое явление. Представляется, что цели реституции и призна-

ния сделки недействительным несколько отличаются, поскольку в первом случае суд преследует цель вернуть сторон в изначальное, т.е. существовавшее до нарушения права, состояние. В случае с подозрительными сделками цель удовлетворения иска кредиторов – восполнение конкурсной массы кредиторов тем имуществом, которое было незаконно отчуждено должником. Тем самым, становится ясным, что признание сделок подозрительными не направлено на реституцию, а преследует цель защиты интересов и прав кредиторов должника.

В российском конкурсном праве подозрительные сделки представляют собой отдельный вид оспоримых сделок. Законодательная классификация, закрепленная в ст. 61.2 Закона «О несостоятельности (банкротстве)», позволяет подразделить их на два основных типа:

1) подозрительная сделка по признаку неравноценного встречного предоставления (п. 1 ст. 61.2 указанного выше закона);

2) подозрительная сделка по признаку цели причинения вреда кредиторам (п. 2 ст. 61.2 указанного выше закона).

Отнесение сделки к первой категории требует доказательства совокупности юридически значимых обстоятельств. Критическое значение приобретает временной фактор – оспариванию подлежат операции, совершенные в так называемый «период подозрительности». Этот период охватывает один год до даты принятия судом заявления о банкротстве должника и один год после этой даты. Установление данного срока законодатель связывает с презумпцией, что в это время должник, предвидя неизбежность финансового краха, может предпринимать действия по отчуждению активов. Цель таких действий – вывести имущество из-под потенциального обращения взыскания со стороны кредиторов, сохранив его для себя или передав выгодоприобретателю.

Вторым обязательным элементом состава является установленная судом диспропорция в предоставлениях сторон. Первичным индикатором такой диспропорции выступает цена, существенно отклоняющаяся от уровня, характерного для сравнимых сделок в условиях обычного гражданского оборота. Намеренно заниженная цена может служить способом искусственного стимулирования интереса контрагента к приобретению актива.

Проявление несоразмерности не ограничивается только ценовым параметром. Существенными индикаторами также выступают иные условия договора. К ним можно отнести явно завышенные сроки исполнения обязательств для должника, экстраординарно льготный порядок или отсрочку платежа в его пользу, а также отсут-

ствие стандартных для подобных операций механизмов обеспечения, таких как залог, поручительство или неустойка. Совокупность таких условий может свидетельствовать о скрытой уступке в пользу контрагента.

При сравнении цены аналогичных сделок в целях определения признаков ее подозрительности важно исходить не из реальной, а рыночной стоимости такого имущества, для чего необходимо во всех случаях оспаривания сделок привлекать профессионального оценщика [2, с. 34]. Если будет установлено, что цена совершенной должником сделки существенно ниже рыночной, что экономически нецелесообразно при данных условиях ее совершения, то такая сделка, очевидно, будет признана недействительной.

Ключевое значение для правовой квалификации имеет установленная в рамках судебного производства основная и исключительная цель совершения сделки. Если будет доказано, что такой целью являлось исключительно создание искусственных препятствий для обращения взыскания на отчуждаемое имущество, суд, основываясь на установленных фактических обстоятельствах и признаках подозрительности, вынесет решение о признании данной сделки недействительной. Но не всегда намерения сторон оспариваемой сделки, даже при наличии признаков подозрительности, свидетельствуют о том, что передача имущества по сделке была совершена с единственной целью – избежать его включения в конкурсную массу.

Должник в целях защиты своих прав может доказать, что совершил сделку с целью осуществления нормальной хозяйственной деятельности по ранее заключенным договоренностям с контрагентами. В качестве доказательств в арбитражный суд могут быть представлены переписка с кредиторами, деловая корреспонденция, выписки из счетов, ранее заключенные договоры, а также иные доказательства, которые свидетельствуют о том, что такая сделка была совершена в рамках ранее принятых должником обязательств и вытекают из существа и характера осуществляемой им хозяйственной деятельности.

По цели причинения вреда имущественных интересов кредиторам сделка признается подозрительной, если будут доказаны следующие обстоятельства:

1) целью совершения оспариваемой сделки является причинение вреда имущественным интересам кредиторов. Признаком такого вреда является превышение пассивов над активами должника. Иными словами, изъятие должником имущества, подлежащего передаче в конкурсную массу, ставит под угрозу возможность использова-

ния данного имущества для покрытия задолженности перед кредиторами. Между тем, на практике бремя доказывания наличия прямого умысла у должника причинить вред кредиторам сопряжено со значительными трудностями. В арбитражной практике отсутствуют унифицированные и четкие критерии, позволяющие однозначно установить, что действия должника были целенаправленно нацелены на ущемление интересов кредиторского сообщества. В сложившейся правоприменительной ситуации позитивная защита должника строится на необходимости опровергнуть данную презумпцию. Для этого ему целесообразно представить доказательства, что оспариваемая операция была экономически обоснованной и не преследовала противоправных целей. В качестве такого обоснования может служить, к примеру, экстренная необходимость реализации скоропортящегося или стремительно теряющего в цене актива, отсрочка продажи которого привела бы к еще большим убыткам для конкурсной массы;

2) судом установлена цель совершения оспариваемой сделки, но не сам характер вреда. Характер такого вреда заключается в том, что у кредиторов полностью утрачивается возможность получения контроля над имуществом, которое должно быть передано в конкурсную массу, но в силу заключенной сделки, было возмездно или безвозмездно отчуждено по оспариваемой сделке в пользу третьих лиц [5, с. 372]. При этом, если сделка была совершена должником без получения равного встречного исполнения, т.е. имеет безвозмездный характер, то это явный признак ее подозрительности.

В пункте 8 Постановления Пленума ВАС РФ № 63 [4] содержится важное разъяснение, ограничивающее сферу применения пункта 1 статьи 61.2 Закона «О несостоятельности (банкротстве)». Согласно данной правовой позиции, по этому основанию могут быть оспорены исключительно те сделки, которые по своей правовой природе или сложившейся практике предполагают взаимное предоставление. Следовательно, из-под действия данной нормы выведены безвозмездные сделки (например, дарение), а также сделки, изначально не ориентированные на эквивалентный обмен (такие как поручительство или залог). Подобные операции, однако, сохраняют возможность быть оспоренными, но уже по иному основанию – по признаку цели причинения вреда кредиторам, предусмотренному пунктом 2 той же статьи.

Таким образом, итогом совершения подозрительных сделок становится существенное сокращение активов должника, что лишает креди-

торов реальной возможности удовлетворить свои требования за счет конкурсной массы. В этом и состоит основной вред их законным интересам.

В соответствии с правовой логикой института подозрительных сделок, контрагент предполагается осведомленным о противоправных намерениях должника при наличии одного из двух условий.

Во-первых, если он входит в круг заинтересованных лиц, определенный статьей 19 Закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Во-вторых, если будет доказано, что он заранее обладал достоверной информацией о том, что совершаемая операция приводит к ущемлению прав кредиторов.

В противовес этой презумпции должник, защищаясь от иска об оспаривании, вправе использовать весь комплекс процессуальных и материально-правовых возможностей. Главной стратегической задачей становится доказывание разумной обоснованности и хозяйственной оправданности оспариваемой сделки, что снимает с нее признаки противоправности.

В качестве способов защиты прав должник может совершать следующие действия:

1) тщательно фиксировать в документах все действия по подготовке и совершению сделки. Следует отдельно хранить документы, относящиеся к преддоговорным этапам заключения сделки (проекты договоров, письма, деловую корреспонденцию, протоколы согласований по будущим договорам) и документы, относящиеся к уже совершенным сделкам (счета-фактуры, акты выполненных работ или оказанных услуг). Эти документы в совокупности могут подтверждать обоснованность, законность и целесообразность заключенных сделок, даже если в них явно или скрыто присутствуют признаки подозрительности;

2) применять проверенные и стандартные способы получения оплаты по сделкам, используя легальные банковские счета и финансовые инструменты. Если оплата поступает только на расчетный счет должника, то вся информация о стоимости и характере сделки фиксируется в банковских документах — выписках, счетах. Следует избегать сомнительных или непроверенных способов оплаты, например, перевод денежных средств через небанковские учреждения, наличную оплату или оплату в иностранной валюте;

3) должнику следует убедиться в надежности и платежеспособности контрагента, для чего должна быть собрана информация о наличии у него активов, отсутствии судебных споров или исполнительных производств. Если будет получена негативная информация или будет установлено, что контрагент является заинтересованным лицом, следует отказать от совершения сделки;

4) следует заранее подготовить независимую оценочную экспертизу, подтверждающую размер рыночной стоимости отчуждаемого по сделкам имущества. Данный документ может служить весомым аргументом, если возникнет вопрос о неравноценности встречного исполнения;

5) в договоре следует прописать условия обеспечения исполнения обязательства по сделкам;

6) подготовить доказательства, что должник действовал в рамках нормальной хозяйственной деятельности, т.е. действовал добросовестно и не имел намерения причинить вред интересам кредиторов, скрыть имущество или не допустить его передачи в конкурсную массу.

В правоприменительной практике в качестве примера может служить дело, по материалам которого апелляционный суд установил следующее. Должник осуществлял деятельность по снабжению населения и предприятий поселка тепловой энергией и горячей водой, выступая единственным исполнителем данной услуги на соответствующей территории. Несмотря на введение в отношении него процедуры банкротства, компания продолжила выполнение своих публично-значимых функций.

Поскольку для технологического цикла выработки тепла требовалось твердое топливо, заключаемые должником договоры поставки угля были квалифицированы судом как операции, неразрывно связанные с поддержанием нормального производственного процесса и продиктованные хозяйственной необходимостью, что исключило их признание подозрительными.

Согласно правовой позиции, закрепленной в пункте 2 статьи 61.4 Закона «О несостоятельности (банкротстве)», для операций, совершаемых в рамках обычной хозяйственной деятельности должника, установлен специальный пороговый критерий. Передача активов или принятие новых обязательств в этом контексте не могут быть оспорены по основаниям, предусмотренным пунктом 1 статьи 61.2 и статьей 61.3 данного закона, при условии соблюдения стоимостного лимита. Таким лимитом является один процент от балансовой стоимости активов должника, которая рассчитывается по данным его последней официальной бухгалтерской отчетности. Данное правило применяется как к единичной сделке, так и к совокупности взаимосвязанных операций.

Смысл данного положения заключается в том, что под сделками, совершаемыми в рамках обычной хозяйственной деятельности, законодатель подразумевает операции, соответствующие уставной деятельности организации. Согласно пункту 4 статьи 78 Федерального закона № 208-ФЗ, к таким операциям относятся любые дей-

ствия, осуществляемые обществом или иными компаниями, ведущими аналогичный бизнес, вне зависимости от их повторяемости в прошлом. Ключевым ограничением является то, что эти сделки не должны влечь прекращения, смены профиля или радикального изменения масштабов деятельности общества. Схожие по содержанию нормативные критерии закреплены также в пункте 8 статьи 46 Федерального закона № 14-ФЗ, регулирующего деятельность обществ с ограниченной ответственностью.

Тем не менее, существенным препятствием для правовой защиты должника остается отсутствие в законодательстве о банкротстве легального определения обычной хозяйственной деятельности.

Для устранения данного правового пробела и формирования единообразной практики автором обосновывается необходимость дополнения статьи 61.4 Закона «О несостоятельности (банкротстве)» следующим положением: «При применении пункта 2 настоящей статьи под сделкой, совершенной в рамках обычной хозяйственной деятельности, понимается экономически оправданная операция должника, соответствующая его уставным целям, основанная на устойчивых договорных связях, не влекущая за собой утраты ключевых активов и не приводящая к изменению географического масштаба его деятельности».

Приведенные выше шаги позволят повысить уровень правовой защищенности должника от необоснованных обвинений со стороны кредиторов в умышленном причинении им вреда. Понятие обычной хозяйственной деятельности является способом гарантировать защиту интересов прав должника в случае, когда совершаемые им сделки подпадают под признаки подозрительности, но такими не являются.

Список литературы:

- [1] Жуков Е. Н. Некоторые проблемы применения последствий подозрительных сделок / Е.Н. Жуков, А.Е. Жуков // Право и практика. – 2025. – №1. – С.174-179.
- [2] Карпов Н. А. Особенности применения общих положения гражданского кодекса при оспа-

ривании сделок в процедурах банкротства / Н.А. Карпов // Форум молодежной науки. – 2021. – №2. – С.34-39.

[3] Коротков Д. Б. Применение статей 10 и 168 ГК РФ при оспаривании сделок должника в процедуре банкротства / Д.Б. Коротков // Шестой пермский конгресс ученых-юристов: российская национальная правовая система: современное состояние, тенденции и перспективы развития. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2015. – С. 186-188.

[4] Разумных А. В. Актуальные вопросы оспаривания подозрительных сделок должника в процедуре банкротства / А.В. Разумных // Мировая наука. – 2024. – №10. – С.65-68.

[5] Хадыев Т. И. Оспаривание сделок должника в процедурах банкротства / Т.И. Хадыев, И.А. Дударев // Вестник современных исследований. – 2018. – №5.2 (20). – С. 371-376.

References:

[1] Zhukov E. N. Some Problems of Applying the Consequences of Suspicious Transactions / E. N. Zhukov, A. E. Zhukov // Law and Practice. - 2025. - No. 1. - Pp. 174-179.

[2] Karpov N. A. Features of the Application of General Provisions of the Civil Code When Challenging Transactions in Bankruptcy Proceedings / N. A. Karpov // Youth Science Forum. - 2021. - No. 2. - Pp. 34-39.

[3] Korotkov D. B. Application of Articles 10 and 168 of the Civil Code of the Russian Federation When Challenging the Debtor's Transactions in Bankruptcy Proceedings / D. B. Korotkov // Sixth Perm Congress of Legal Scholars: Russian National Legal System: Current State, Trends, and Development Prospects. - Perm: Perm State National Research University, 2015. - Pp. 186-188.

[4] Razumnykh A. V. Current issues of challenging suspicious transactions of a debtor in bankruptcy proceedings / A. V. Razumnykh // World Science. - 2024. - No. 10. - P. 65-68.

[5] Khadyev T. I. Challenging transactions of a debtor in bankruptcy proceedings / T. I. Khadyev, I. A. Dudarev // Bulletin of modern research. - 2018. - No. 5.2 (20). - P. 371-376.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-562-566

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры техносферной и экологической безопасности
Уральского государственного аграрного университета,
профессор кафедры техносферной безопасности
Уральского государственного университета путей сообщения,
старший научный сотрудник
Уральский научно-исследовательский ветеринарный институт
ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

ПИЛЬНИКОВ Леонид Николаевич,
старший преподаватель кафедры
техносферной и экологической безопасности
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: pilnikov960@mail.ru

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: staheeva53@mail.ru

ГОЛДИНА Ирина Игоревна,
старший преподаватель кафедры
Сервис транспортных и технологических машин и оборудования в АПК
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: goldina@mail.ru

КОПАНУЛИНА Александра Евгеньевна,
старший преподаватель кафедры
техносферной и экологической безопасности
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: plhfdcndeqnt_cfif@mail.ru

ПИЛЬНИКОВА Ирина Федоровна,
ст. преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: pilnikovai@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СКЛАДХ

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные аспекты обеспечения пожарной безопасности на складах. Проанализированы причины возникновения пожаров, проблемы проектирования и эксплуатации складских помещений, современные методы обеспечения безопасности, а также законодательные аспекты, регулирующие данную сферу. Пожарная безопасность складских помещений представляет собой важнейший аспект деятельности любого предприятия, занимающегося хранением материальных ценностей. Нарушение правил пожарной безопасности может привести к значительным убыткам, повреждению имущества и даже человеческим жертвам. Статья посвящена вопросам соблюдения нормативных актов, технических решений и организационных мероприятий, обеспечивающих пожарную безопасность на складах в 2026 году.

Ключевые слова: пожарная безопасность, склады, пожаротушение, нормативы, технологии, проектирование.

ILYASOV Oleg Rashitovich,
*Doctor of Biological Sciences, Professor of the Department
of Technosphere and Environmental Safety
of the Ural State Agrarian University,
Professor of the Department of Technosphere Safety
of the Ural State Transport University,
Senior Researcher of the
Ural Veterinary Research Institute
of the Federal State Budgetary Scientific Institution
Ural Federal Research Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*

PILNIKOV Leonid Nikolaevich,
*Senior Lecturer,
Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University*

STAHEEVA Lyubov Mikhailovna,
*PhD (Economics), Associate Professor,
Department of Economics, Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University*

GOLDINA Irina Igorevna,
*Senior Lecturer,
Department of Maintenance of Transport and Technological
Machinery and Equipment in the Agricultural Sector,
Ural State Agrarian University*

KOPARULINA Aleksandra Evgenievna,
*Senior Lecturer,
Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University*

PILNIKOVA Irina Fedorovna,
*Senior Lecturer,
Department of Lecturer in the Department
of Economics, Accounting and Financial Control
at the Ural State Agrarian University*

TOPICAL ISSUES IN FIRE SAFETY IN WAREHOUSES

Annotation. *This article examines the key aspects of fire safety in warehouses. It analyzes the causes of fires, design and operation issues in warehouses, modern safety methods, and legislative aspects regulating this area. Fire safety in warehouses is a crucial aspect of any enterprise involved in the storage of material assets. Violation of fire safety regulations can lead to significant losses, property damage, and even loss of life. This article addresses compliance with regulations, technical solutions, and organizational measures to ensure fire safety in warehouses in 2026.*

Key words: *fire safety, warehouses, fire suppression, regulations, technologies, design.*

Основной регулирующий вопрос пожарной безопасности в России является Федеральный закон № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях

пожарной безопасности» [1]. Этот документ устанавливает общие принципы и нормы, которым должны следовать владельцы складских помещений.

Кроме того, действуют следующие нормативно-технические документы:

- постановление Правительства РФ от 16.09.2020 № 1479 «Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации» [2].

- СНиП 21-01-97 «Пожарная безопасность зданий и сооружений» [3].

- СП 12.13130 «Определение категорий помещений, зданий и наружных установок по взрывопожарной и пожарной опасности» [4].

Согласно указанным документам, каждое складское помещение должно иметь категорию по степени пожарной опасности, определяющую необходимость оснащения объекта соответствующими техническими средствами защиты. Эти категории зависят от типа хранимого товара, особенностей технологического процесса и конструкции самого здания.

Каждая категория складского помещения определяет уровень пожарной опасности и влияет на выбор необходимых защитных мер. Категория устанавливается исходя из следующих параметров:

- тип хранимого груза (например, бумага, масло, химические вещества);

- физико-химические свойства материалов (взрывоопасность, способность к самовозгоранию);

- особенности технологии хранения (наличие открытых ёмкостей, нагревательных приборов).

Для определения категории используется методика, изложенная в СП 12.13130. Полученные результаты фиксируются в проектной документации и влияют на дальнейшую организацию пожарной безопасности.

Складские помещения обязаны соответствовать установленным нормативам пожарной безопасности, таким как СП 5.13130.2009 и ГОСТ Р 12.3.047-98. Контроль соблюдения этих требований помогает минимизировать риски. Однако на практике многие компании сталкиваются с трудностями в реализации всех предписаний из-за высокой стоимости оборудования и нехватки квалифицированного персонала [9].

В последние годы законодательство претерпело ряд существенных изменений, касающихся требований к пожарной безопасности складов. Так, Постановлением Правительства РФ от 03.02.2025 № 90 [5] внесены поправки в Правила противопожарного режима, уточнившие порядок хранения горючих материалов и запретившие применение дежурного освещения в складских помещениях [5].

Целью данной статьи является изучение актуальных вопросов обеспечения пожарной без-

опасности на складах, выявление основных проблем и поиск решений для их минимизации.

Пожарная безопасность складских помещений является одной из ключевых задач современного бизнеса, поскольку склады представляют собой объекты с высокой концентрацией материальных ценностей. Складские пожары могут наносить значительный ущерб, включая уничтожение товаров, нарушения логистических цепочек и угрозу для жизни и здоровья сотрудников.

Статистика показывает, что основными причинами пожаров на складах являются человеческий фактор, неисправность электрических сетей и оборудования, а также несоблюдение правил хранения горючих материалов [6]. Например, нарушение регламентов по размещению легко воспламеняющихся веществ в сочетании с некачественным электрооборудованием значительно увеличивает риск возгорания.

На этапе проектирования складских помещений нередко допускаются ошибки, связанные с недостаточной проработкой систем пожаротушения и сигнализации. Помимо этого, на многих складах отсутствует должная организация эвакуационных путей и ограждений, что затрудняет борьбу с возгораниями и эвакуацию сотрудников в случае чрезвычайной ситуации [7].

Для предотвращения пожаров на складах используются современные технологии, такие как автоматические системы пожаротушения и интеллектуальные системы мониторинга. Также важным является внедрение регулярных инструктажей и тренировок для сотрудников, чтобы повысить их осведомлённость о действиях в случае пожара [8].

Автоматическая пожарная сигнализация предназначена для обнаружения признаков возгорания и оперативного уведомления персонала. Система включает в себя:

- датчики дыма и температуры;

- оповещатели звукового и светового сигнала;

- панель управления и регистрации событий.

При срабатывании сигнализации автоматически включается система пожаротушения и начинается процесс эвакуации персонала.

Система пожаротушения должна обеспечивать быстрое подавление очага возгорания. Наиболее распространены следующие типы систем:

- водяные спринклерные системы;

- газовые системы пожаротушения;

- генераторы и порошковые модули.

Выбор конкретной системы зависит от характеристик хранимого продукта и условий эксплуатации склада.

Каждый склад обязан иметь чётко обозначенные маршруты эвакуации и достаточное коли-

чество аварийных выходов. Проходы и коридоры должны быть свободны от препятствий и оборудованы указателями направления движения. Периодически проводятся учения по эвакуации персонала, проверяется исправность дверей и лестниц.

Эффективная работа по обеспечению пожарной безопасности невозможна без грамотной организации внутренних процедур. Среди обязательных мероприятий выделяются:

- назначение ответственных лиц за пожарную безопасность;
- проведение инструктажей и тренингов для сотрудников;
- составление инструкций по поведению в случае пожара;
- регулярный осмотр и проверка технического состояния оборудования.

Эти процедуры оформляются внутренними документами предприятия и подлежат контролю со стороны государственных органов надзора.

Анализируя статистику последних лет, можно отметить значительное число инцидентов, связанных с нарушением правил пожарной безопасности на складах. Например, в период с 2024 по 2025 год в России зафиксировано несколько крупных пожаров, повлёкших серьёзные убытки и повреждения имущества:

- возгорание склада бытовой химии в Московской области (площадью около 9 тыс. кв.м.);
- пожар на складе мебели во Владимирской области (около 3,5 тыс. кв.м.);
- инцидент на складе макулатуры в Ростове-на-Дону (более 1,5 тыс. кв.м.) [10].

Во многих случаях причиной пожаров стало неправильное хранение горючих материалов, отсутствие должного контроля над состоянием электропроводки и недостаточная подготовка персонала.

Основными факторами, приводящими к нарушению правил пожарной безопасности, являются:

- недостаточный контроль со стороны руководства предприятия;
- отсутствие регулярного обслуживания и ремонта оборудования;
- низкий уровень подготовки сотрудников;
- экономия на системах безопасности и обучении персонала.

Предупреждение подобных случаев требует комплексного подхода, включающего модернизацию инфраструктуры, повышение квалификации кадров и внедрение эффективных методов профилактики.

Развитие науки и техники привело к появлению инновационных решений в сфере пожаротушения. Сегодня активно внедряются:

- роботы-пожарные, способные работать в экстремальных условиях;
- лазерные детекторы пламени, реагирующие на малейшее изменение температурного фона;
- интеллектуальные системы видеонаблюдения, распознающие аномалии поведения персонала.

Применение таких технологий существенно повышает эффективность борьбы с пожарами и снижает риск человеческих потерь.

Современный подход к пожарной безопасности предполагает сочетание экологичности и энергосбережения. Например, использование экологически чистых газовых составов вместо традиционных хладагентов способствует снижению негативного воздействия на окружающую среду. Применение светодиодного освещения и интеллектуальных систем энергоснабжения позволяет экономить ресурсы и повышать надёжность функционирования складов. Таким образом, обеспечение пожарной безопасности на складах является комплексной задачей, требующей постоянного внимания и усилий со стороны владельцев и управляющих компаний. Только соблюдение установленных законом норм, правильная эксплуатация оборудования и систематическая профилактика позволят свести к минимуму вероятность возникновения пожаров и сохранить имущество и жизнь людей.

Обеспечение пожарной безопасности на складах — это комплексный процесс, включающий проектирование, эксплуатацию, использование современных технологий и соблюдение нормативных требований. Только системный подход позволит минимизировать риски возгораний и их последствий.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 22.07.2008 N 123-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» // Собрание законодательства РФ, 2008, N 30 (ч.1), ст. 3579.
- [2] Постановление Правительства РФ от 16.09.2020 N 1479 (ред. от 03.02.2025) «Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2020, N 39.
- [3] Письмо Минстроя России от 29.11.2017 N 52360-ОГ/08 «О действии СНиП 21-01-97 «Пожарная безопасность зданий и сооружений»
- [4] Приказ МЧС РФ от 25.03.2009 N 182 (ред. от 09.12.2010) «Об утверждении свода правил «Определение категорий помещений, зданий и наружных установок по взрывопожарной и пожарной опасности» (вместе с «СП 12.13130.2009»)

[5] Постановление Правительства РФ от 03.02.2025 N 90 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2020 г. N 1479»

[6] Андреев В. И. Причины и последствия пожаров на складах. Журнал «Безопасность», 2021.

[7] Соколов А. П. Пожарная безопасность: ошибки проектирования. М.: Научная пресса, 2020.

[8] Борисов И. Г. Современные технологии в пожарной безопасности. Петербург: Экспокнига, 2019.

[9] Михайлов Н. В. Практика реализации пожарных требований на предприятиях. Казань: Университетское издательство, 2022.

[10] Крупные пожары на складах в России в 2024-2025 годах // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250123/pozhary-1995175245.html> (дата обращения: 15.01.2026).

References:

[1] Federal Law of 22.07.2008 N 123-FZ (as amended on 25.12.2023) "Technical Regulations on Fire Safety Requirements" // Collected Legislation of the Russian Federation, 2008, N 30 (Part 1), Art. 3579.

[2] RF Government Resolution No. 1479 of September 16, 2020 (as amended on February 3, 2025) "On Approval of the Fire Safety Rules in the

Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation, 2020, No. 39.

[3] Letter of the Ministry of Construction of Russia No. 52360-OG/08 of November 29, 2017 "On the Effect of SNiP 21-01-97 "Fire Safety of Buildings and Structures"

[4] Order of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation of March 25, 2009 No. 182 (as amended on December 9, 2010) "On Approval of the Set of Rules "Definition of Categories of Premises, Buildings, and Outdoor Installations Based on Explosion and Fire Hazard" (together with "SP 12.13130.2009")

[5] Resolution of the Government of the Russian Federation of February 3, 2025, No. 90 "On Amendments to Resolution of the Government of the Russian Federation of September 16, 2020, No. 1479"

[6] V. I. Andreev. Causes and Consequences of Warehouse Fires. Safety Magazine, 2021.

[7] A. P. Sokolov. Fire Safety: Design Errors. Moscow: Nauchnaya Pressa, 2020.

[8] I. G. Borisov. Modern Technologies in Fire Safety. St. Petersburg: Expokniga, 2019.

[9] N. V. Mikhailov. Practice of Implementing Fire Safety Requirements at Enterprises. Kazan: University Publishing House, 2022.

[10] Major Warehouse Fires in Russia in 2024-2025 // RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20250123/pozhary-1995175245.html> (accessed: 15.01.2026).

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-567-572

ЛУТАЙ Сергей Вячеславович,
Старший преподаватель ФГБОУ ВО
«Санкт-Петербургский государственный
университет телекоммуникаций
имени профессора М.А. Бонч-Бруевича»,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: slutai@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОДГОТОВКИ СПОРТИВНОГО РЕЗЕРВА В СИСТЕМЕ СТУДЕНЧЕСКОГО СПОРТА

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью системной интеграции студенческого спорта в национальную систему подготовки спортивного резерва для достижения стратегических целей в спорте высших достижений. Несмотря на значительный человеческий и инфраструктурный потенциал университетской среды, его использование для целенаправленной подготовки спортсменов высокого класса остается фрагментарным и слабо регламентированным в научно-методическом отношении. В статье представлен комплексный теоретико-методологический конструкт, призванный преодолеть данный разрыв. На основе применения системного подхода и методов теоретического моделирования автором разработана многоуровневая структура основ, охватывающая организационно-управленческие, содержательно-процессуальные и критериально-оценочные аспекты. Практическая реализация предлагаемых основ обеспечивает научно-методический фундамент для формирования непрерывной траектории «спортсмен-студент», минимизирует риски конфликта образовательных и спортивных целей и способствует повышению эффективности отбора и подготовки конкурентоспособного спортивного резерва.

Ключевые слова: теоретико-методические основы, студенческий спорт, подготовка спортивного резерва, интеграционная модель, поэтапная специализация, управленческий механизм, сетевое взаимодействие, адаптивное планирование, персонализация подготовки, спортивные лиги.

LUTAI Sergey Vyacheslavovich,
Senior Lecturer,
The Bonch-Bruevich Saint Petersburg
State University of Telecommunications,
Saint Petersburg

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF SPORTS RESERVE TRAINING IN THE STUDENT SPORTS SYSTEM

Annotation. The relevance of the research is determined by the need for the systematic integration of student sports into the national sports reserve training system in order to achieve strategic goals in high-performance sports. Despite the significant human and infrastructural potential of the university environment, its use for targeted training of high-class athletes remains fragmented and poorly regulated in scientific and methodological terms. The article presents a comprehensive theoretical and methodological construct designed to bridge this gap. Based on the application of a systematic approach and theoretical modeling methods, the author has developed a multi-level framework structure covering organizational and managerial, substantive and procedural, and criteria-based aspects. The practical implementation of the proposed foundations provides a scientific

and methodological foundation for the formation of a continuous athlete-student trajectory, minimizes the risks of conflict between educational and sports goals, and contributes to improving the effectiveness of the selection and training of a competitive sports reserve.

Key words: *theoretical and methodological foundations, student sports, sports reserve training, integration model, step-by-step specialization, management mechanism, networking, adaptive planning, personalization of training, sports leagues.*

Введение

В современных условиях развития спорта высших достижений система подготовки спортивного резерва приобретает стратегическое значение для обеспечения конкурентоспособности национальных сборных команд. Традиционные пути через детско-юношеские спортивные школы и училища олимпийского резерва, оставаясь фундаментальными, в настоящее время дополняются иными институциональными формами. В этом контексте студенческий спорт, объединяющий наиболее перспективную в интеллектуальном и физическом отношении молодежь, представляет собой мощный, но пока еще недостаточно системно задействованный ресурс для формирования элитного спортивного резерва. Интеграция процессов профессионального образования и спортивной подготовки высшего мастерства создает уникальную среду для реализации модели «двойной карьеры» спортсмена, что является актуальной проблемой как для спортивной науки, так и для образовательной политики.

Цель исследования заключается в разработке и систематизации теоретико-методических основ построения эффективной системы подготовки спортивного резерва в рамках студенческого спорта. Данная цель конкретизируется через задачи по анализу и проектированию концептуальных моделей интеграции спортивной и образовательной деятельности, определению критериев отбора и этапов специализации студентов-спортсменов, а также обоснованию управленческих механизмов развития соответствующей инфраструктуры.

Научная новизна работы заключается в комплексном, системном подходе к рассмотрению студенческого спорта как целостной среды для подготовки резерва. В отличие от исследований, фокусирующихся на узкопедагогических или организационных аспектах, в данной статье предлагается интегративная теоретико-методическая конструкция.

Материалы и методы исследований

Методологической основой работы послужили принципы системного и деятельностного подходов. Исследование базируется на анализе широкого круга современных отечественных и зарубежных научных публикаций в области теории и методики спорта, спортивного менеджмента,

педагогике и психологии физической культуры. Был применен комплекс теоретических методов: системный и сравнительный анализ, концептуальное моделирование, обобщение и структурирование. В качестве материалов исследования выступили научные статьи, монографии, диссертационные работы, а также нормативные документы, регламентирующие деятельность в сфере студенческого спорта, что позволило обеспечить теоретическую обоснованность предлагаемых основ.

Результаты и обсуждения

Современный этап развития спорта высших достижений характеризуется обострением конкуренции на международной арене, что актуализирует поиск новых, эффективных моделей формирования и подготовки спортивного резерва. Традиционная система, основанная преимущественно на учреждениях спортивной направленности (СДЮСШОР, УОР), сталкивается с рядом вызовов, связанных с социальной адаптацией спортсменов после завершения карьеры, узкой специализацией и риском профессионального выгорания. В этом контексте образовательная среда высшего учебного заведения представляет собой уникальный и до сих пор недостаточно системно задействованный ресурс. Она объединяет молодежь в возрасте пиковых психофизиологических возможностей, обладающую высоким образовательным потенциалом и мотивацией к самореализации. Однако интеграция процессов подготовки спортивного резерва и получения высшего образования не происходит автоматически и требует целенаправленного научно-методического и организационного обеспечения. Разработка концептуальных моделей такой интеграции является ключевой задачей, позволяющей трансформировать потенциал студенческого спорта в управляемую, результативную систему.

Суть интеграции заключается не в механическом совмещении двух независимых процессов – учебного и тренировочного, – а в создании принципиально новой, синергетической среды. Эта среда должна быть построена на основе взаимодополняемости и взаимоподдержки образовательных и спортивных траекторий развития личности. Центральным элементом данной среды выступает фигура «студента-спортсмена», чей жизненный путь проектируется как единая «дорож-

ная карта». В рамках такой карты академическая нагрузка, график сессий, выполнение учебных проектов синхронизируются с циклами спортивной подготовки, календарем соревнований, периодами восстановления и спортивными сборами. Концептуальная модель, таким образом, должна предусматривать гибкие, индивидуализированные образовательные программы (включая применение дистанционных технологий, перезачетов, индивидуальных графиков), институт тьюторского сопровождения и психолого-педагогической поддержки, что минимизирует конфликт ролей и снижает риски академической неуспеваемости и спортивного переутомления [2, с. 70].

Одной из перспективных моделей представляется модель «Академического спортивного кластера». В ее основе лежит создание в структуре вуза или на базе консорциума нескольких вузов специализированного Центра подготовки спортивного резерва (ЦПСР). Этот центр выступает не как обособленное подразделение, а как интегративный орган, координирующий взаимодействие между кафедрами физического воспитания и спорта, профильными академическими институтами (медицины, психологии, менеджмента), учебными департаментами и администрацией. ЦПСР берет на себя функции: разработки и реализации индивидуальных учебно-тренировочных планов; организации научно-методического обеспечения (диагностики, мониторинга, восстановления); взаимодействия с федерациями по видам спорта и спортивными клубами; решения вопросов стипендиального обеспечения и проживания. Образовательный процесс при этом строится по принципу «обучение вокруг спорта», где спортивная специализация становится стержнем, вокруг которого выстраиваются соответствующие учебные курсы (спортивная физиология, биохимия, нутрициология, спортивное право, менеджмент в спорте).

Альтернативной, но взаимодополняющей выступает сетевая распределенная модель. Она более применима для вузов, не обладающих ресурсами для создания полноценного кластера. В данной модели вуз фокусируется на предоставлении гибкой образовательной среды и социальных гарантий для талантливых спортсменов, которые параллельно являются учащимися спортивных школ или членами профессиональных клубов. Интеграция обеспечивается через систему официальных партнерских соглашений между вузом и спортивными организациями. В рамках этих соглашений происходит взаимное признание графиков и достижений: спортивная организация информирует вуз о календаре соревнований и сборах своего спортсмена-студента, а вуз, в свою очередь, предоставляет индивидуальный учеб-

ный график, возможность онлайн-обучения и пересдачи задолженностей. Координатором выступает куратор (менеджер образовательной траектории) со стороны вуза, который является единым контактным лицом для спортсмена, тренера и учебного офиса.

Таким образом, концептуальные модели интеграции спортивного резерва в образовательную среду вуза представляют собой проектные конструкции, призванные преодолеть институциональный и методический разрыв между системами образования и спорта высших достижений. Их внедрение позволяет создать устойчивую экосистему, в которой спортивная карьера перестает быть альтернативой образовательной, а становится ее органичной и взаимовыгодной частью. Это не только повышает эффективность подготовки конкурентоспособного спортивного резерва, но и решает важнейшую социальную задачу – обеспечивает успешное будущее спортсмена после завершения активных выступлений, формируя высокообразованного, востребованного профессионала. Реализация таких моделей требует консолидированных усилий руководства вузов, спортивных федераций, тренерского сообщества и органов государственного управления в сфере образования и спорта.

Эффективное функционирование системы подготовки спортивного резерва в студенческой среде в значительной степени детерминировано научно обоснованной системой отбора и последующей поэтапной специализации. Эти процессы не могут являться простой калькой методик, применяемых в детско-юношеских спортивных школах, и требуют адаптации к специфике контингента, находящегося на этапе завершения биологического созревания и активного личностно-профессионального становления. Традиционный подход, ориентированный преимущественно на физическую готовность и спортивный результат, в условиях вуза оказывается недостаточным и даже контрпродуктивным, так как игнорирует комплексность задачи гармоничного развития студента-спортсмена. Формирование эффективной системы предполагает смещение фокуса с отбора по текущим показателям на диагностику перспективности и проектирование индивидуальной траектории, синхронизирующей спортивное совершенствование с образовательным процессом и личностным ростом.

Отбор студентов-спортсменов сложен из-за сочетания разных факторов. У них уже есть спортивный опыт, навыки и мотивация. Важно учитывать не только их текущие возможности, но и потенциал для развития при совмещении спорта и учебы [10, с. 52].

Первый блок оценки – это спортивные показатели: уровень подготовки, владение техникой, устойчивость к нагрузкам и травмам. Это определяется тестами и наблюдениями. Второй блок – психологический. Он важен для понимания, как спортсмен адаптируется к двойной нагрузке. Оцениваются умственные способности, успеваемость, мотивация, волевые качества, устойчивость к стрессу, эмоциональный интеллект и умение планировать время. Третий блок – социальные качества: умение общаться, работать в команде, лидерство и готовность следовать индивидуальной программе.

Оценка по всем этим блокам позволяет выбрать не только талантливых спортсменов, но и тех, кто сможет долго развиваться в спорте и учебе одновременно.

Попав в систему подготовки, студент-спортсмен не сразу включается в процесс специализации в избранном виде спорта на максимальном для вузовского уровня интенсивности [8, с. 20]. Целесообразно выделить три последовательных этапа, каждый из которых имеет собственные цели и критерии перехода на следующий уровень. Первый этап – адаптационно-интеграционный. Его продолжительность составляет, как правило, 1-2 семестра. Главная цель – комплексная диагностика, гармонизация учебной и спортивной нагрузок, вхождение в коллектив вузовской команды и академической среды. На этом этапе происходит углубленное тестирование по всем критериальным блокам, корректировка индивидуального плана, формирование устойчивых навыков совмещения деятельности [6, с. 80]. Критерием успешного завершения этапа является стабильная академическая успеваемость, отсутствие признаков хронического утомления, положительная динамика в базовых физических кондициях и успешная психологическая адаптация. Второй этап – специализации и спортивной реализации. Это основной этап, охватывающий основную часть обучения в вузе (2-3 года). Цель – достижение максимально возможных для данного спортсмена спортивных результатов на уровне студенческих лиг, национальных и международных университетских соревнований. Тренировочный процесс приобретает выраженную специализированную направленность с акцентом на соревновательную подготовку. Образовательный процесс строится с максимальным учетом спортивного календаря [3, с. 141]. Ключевыми критериями эффективности являются рост спортивных результатов, стабильность выступлений, успешное прохождение учебных дисциплин, связанных со спортивной специализацией, и сохранение баланса в мотивационной сфере. Третий этап – высших достижений или профессиональной ориентации в

спорте. Он предназначен для наиболее талантливых спортсменов, демонстрирующих потенциал для выхода на уровень национальных сборных или профессиональных лиг. Цель – подготовка к переходу в спорт высших достижений. Тренировочный процесс полностью индивидуализируется и по объему, и по интенсивности приближается к профессиональному. Образовательная траектория в этот период может быть предельно гибкой (индивидуальный график, проектные формы обучения). Параллельно осуществляется активная профориентация в смежных сферах (тренерская, судейская, спортивный менеджмент, медиа). Критерием является готовность к профессиональной спортивной карьере либо сформированная компетентность для работы в спортивной индустрии.

Становление студенческого спорта как полноценной ступени в системе подготовки национального спортивного резерва невозможно без создания современных институциональных структур, способных консолидировать ресурсы, обеспечить регулярную соревновательную практику и целенаправленное развитие спортсменов. Первоочередными элементами такой инфраструктуры выступают студенческие спортивные лиги (ССЛ) и центры подготовки при вузах (ЦП), которые, однако, не могут достичь синергетического эффекта при стихийном, несистемном развитии. Их трансформация в эффективные инструменты требует внедрения комплекса управленческо-организационных механизмов, обеспечивающих стратегическую устойчивость, операционную эффективность и синергию между образовательной и спортивной деятельностью. Эти механизмы должны преодолевать традиционную ведомственную разобщенность, создавая единое правовое, финансовое и коммуникационное поле для взаимодействия вузов, спортивных федераций, бизнеса и государственных органов [7, с. 145].

Фундаментальным механизмом является проектирование и внедрение стратегическо-целевой модели управления. Она предполагает переход от разрозненного проведения отдельных соревнований к формированию долгосрочной экосистемы студенческого спорта. Для студенческих лиг это означает разработку многолетнего календарного плана, синхронизированного с учебным процессом и циклами подготовки, внедрение единых регламентов, систем судейства и ранжирования команд, создание привлекательного медийного продукта. Для центров подготовки стратегия заключается в определении их миссии в зависимости от потенциала вуза: от подготовки резерва для национальных сборных по конкретным видам спорта до формирования многопрофильной среды для спортивно-ориентированных студен-

тов. Организация может создать координационные или наблюдательные советы при лигах и центрах. В них войдут представители руководства вузов, спортивных федераций, студенческих организаций и партнёры. Это поможет учесть разные интересы и видеть перспективы развития.

Важно создать систему финансирования, которая не зависит только от бюджета вуза или случайных грантов. Нужны разные источники денег: 1) основное финансирование от вуза (на инфраструктуру и зарплаты); 2) деньги из государственных и региональных программ развития спорта; 3) взносы университетов за участие в лигах и доступ к ресурсам; 4) спонсоры и партнёры (название лиги, спонсорство, медиаправа, продажа товаров); 5) гранты от спортивных фондов и организаций [5, с. 219]. Для центров подготовки эффективным механизмом может стать модель государственно-частного партнерства, при которой частный инвестор или спортивный клуб участвует в оснащении и эксплуатации инфраструктуры в обмен на приоритетный доступ к талантам или брендинговые возможности. Прозрачность финансовых потоков, обеспечиваемая регулярным аудитом и публичной отчетностью, повышает доверие всех стейкхолдеров.

Информационно-аналитический и кадровый механизмы составляют технологическую основу эффективного управления [4, с. 90]. Речь идет о создании единой цифровой платформы для студенческих лиг, которая интегрирует функции регистрации участников, ведения статистики, онлайн-трансляций, коммуникации с болельщиками и организации работы волонтеров. Для центров подготовки обязательным становится внедрение системы электронных досье на каждого студента-спортсмена, включающей данные медицинского мониторинга, педагогического контроля, академической успеваемости и психологического тестирования. Это позволяет применять методы big data для анализа эффективности тренировочных методик, прогнозирования травматизма и управления нагрузками. Кадровое обеспечение требует специальной подготовки менеджеров студенческого спорта – специалистов, сочетающих компетенции в спортивном менеджменте, маркетинге, event-организации и знание специфики образовательной среды. Создание программ переподготовки и повышения квалификации для тренеров, работающих в вузах, с акцентом на особенности подготовки студентов в условиях «двойной карьеры» является неотъемлемой частью данного механизма.

Наконец, механизм сетевого взаимодействия и интеграции обеспечивает системный эффект. Студенческая спортивная лига не должна

существовать изолированно. Ее развитие требует выстраивания вертикальных связей с профильными спортивными федерациями для унификации правил, получения статуса официальных соревнований и организации переходов лучших спортсменов в профессиональные клубы или сборные. Горизонтальные связи между лигами разных регионов или стран (например, по аналогии с американской NCAA) позволяют повышать уровень конкуренции и обмениваться опытом [1, с. 6]. Центр подготовки при вузе должен быть интегрирован в более широкую сеть – как на региональном уровне (взаимодействие со школами-партнерами для раннего выявления талантов), так и на отраслевом (сотрудничество с научно-исследовательскими институтами спорта, клиниками восстановительной медицины). Легализацию и регулирование такого взаимодействия обеспечивает разработка типовых договоров о сотрудничестве, регламентов межвузовского обмена спортсменами и тренерами, соглашений о совместном использовании инфраструктуры [9, с. 423]. Таким образом, управленческо-организационные механизмы создают не просто набор правил, а живую, адаптивную и самовоспроизводящуюся экосистему, в которой студенческие спортивные лиги становятся мощным драйвером популяризации и селекции, а центры подготовки – эффективными «кузницами» спортивного резерва, гарантирующими гармоничное развитие личности спортсмена.

Выводы

Исследование позволило сформулировать целостную систему теоретико-методических основ, обеспечивающих эффективную подготовку спортивного резерва в рамках современного студенческого спорта. Работа вносит вклад в научное осмысление студенческого спорта не как второстепенной или фоновой активности, а как полноценной, институционально оформленной ступени многолетней подготовки спортсменов высокого класса.

В результате исследования, во-первых, разработана и обоснована концептуальная модель интеграции спортивного резерва в образовательную среду вуза. Модель представляет собой динамическую систему, основанную на принципах синергии учебного и тренировочного процессов. Ключевым элементом модели является гибкое индивидуальное планирование («дорожная карта» студента-спортсмена), позволяющее синхронизировать академическую нагрузку, этапы спортивной подготовки, восстановления и участия в соревнованиях. Это создает методологическую

основу для реализации успешной «двойной карьеры», минимизируя риски профессионального и образовательного выгорания.

Также систематизированы и дополнены критерии отбора и поэтапной спортивной специализации студентов-спортсменов. Установлено, что помимо традиционных спортивно-физиологических показателей, система отбора в студенческий спортивный резерв должна включать комплексную оценку психологической устойчивости, мотивационной сферы, академического потенциала и способности к самоорганизации. Обоснована необходимость введения многоуровневой системы специализации, которая включает этапы адаптации, интеграции в вузовскую команду, целенаправленной спортивной специализации и, для наиболее талантливых спортсменов, этапа подготовки в статусе «спортсмена-профессионала при вузе».

Список литературы:

- [1] Алексеев И. С. Теоретико-методические аспекты подготовки спортсменов в условиях вуза // Вестник Бурятского государственного университета. Философия, 2013 г. С. 5-8.
- [2] Галимов А. М. Концептуальные основы содержательной интеграции спортивной подготовки и образовательной деятельности в спортивном вузе // Наука и спорт: современные тенденции, 2019 г. С. 66-72.
- [3] Галимов А.М. Модель содержательной интеграции учебного процесса и спортивной подготовки в вузе спортивного профиля / А.М. Галимов, Л.Н. Ботова, А.С. Назаренко, М. И. Галяутдинов // Наука и спорт: современные тенденции. - 2018.- Т. 21. - № 4 (21). - С. 134-144.
- [4] Грицак Н.И. Студенческий спорт и его связь с общей культурой общества // Фундаментальные исследования. 2008. №1. С. 89-90.
- [5] Мелихова Т. М. Теоретико-методические основы и технологии отбора юных спортсменов в системе подготовки резерва // Человек. Спорт. Медицина, 2005 г. С. 217-219.
- [6] Методика отбора приоритетных направлений кластерного развития региона (на примере Волгоградской области) / Дмитриева Л.В. // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2013. – № 14. – С. 80–84.
- [7] Орлова В. В., Халалеева О. Е. Студенческий спорт как фактор подготовки спортсменов высших достижений // Russian Journal of Education and Psychology, 2015 г. С. 140-162.
- [8] Пасмуров А.Г. Влияние наследия Универсиад на развитие студенческого спорта: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. - Набережные Челны, 2011. 21 с.
- [9] Родионова В. А. Использование метода экспертной оценки в ходе изучения основ управления проектами в вузе // Педагогический журнал, 2022 г. С. 421-427.
- [10] Сидоров Д.П. Педагогическая интеграция формального, неформального и информального видов образования в процессе формирования здорового образа жизни студентов : автореф. дис.... д-ра пед. наук / Д.П Сидоров.- Нижний Новгород, 2013. - 66 с.

References:

- [1] Alekseev I. S. Theoretical and methodological aspects of training athletes in a university setting // Bulletin of the Buryat State University. Philosophy, 2013. pp. 5-8.
- [2] Galimov A. M. Conceptual foundations of the substantive integration of sports training and educational activities in a sports university // Science and Sport: Current Trends, 2019. pp. 66-72.
- [3] Galimov A. M. Model of substantive integration of the educational process and sports training in a sports university / A. M. Galimov, L. N. Botova, A. S. Nazarenko, M. I. Galyautdinov // Science and Sport: Current Trends. - 2018. - Vol. 21. - No. 4 (21). - P. 134-144.
- [4] Gritsak N. I. Student Sports and Its Connection with the General Culture of Society // Fundamental Research. 2008. No. 1. Pp. 89-90.
- [5] Melikhova T. M. Theoretical and Methodological Foundations and Technologies for Selecting Young Athletes in the Reserve Training System // Man. Sport. Medicine, 2005. Pp. 217-219.
- [6] Methodology for Selecting Priority Areas of Cluster Development in a Region (using the Volgograd Region as an Example) / Dmitrieva L. V. // MIR (Modernization. Innovation. Development). - 2013. - No. 14. - Pp. 80-84.
- [7] Orlova V. V., Khalaleeva O. E. Student Sports as a Factor in the Training of High-Performance Athletes // Russian Journal of Education and Psychology, 2015. Pp. 140-162.
- [8] Pasmurov A.G. The Impact of the University Legacy on the Development of Student Sports: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Pedagogical Sciences. - Naberezhnye Chelny, 2011. 21 p.
- [9] Rodionova V.A. Using the Expert Assessment Method in Studying the Fundamentals of Project Management at a University // Pedagogical Journal, 2022. Pp. 421-427.
- [10] Sidorov D.P. Pedagogical Integration of Formal, Non-Formal and Informal Types of Education in the Process of Forming a Healthy Lifestyle of Students: Abstract of a Doctor of Pedagogical Sciences Dissertation / D.P. Sidorov. - Nizhny Novgorod, 2013. - 66 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-573-576

ГАРИФУЛЛИНА Анастасия Олеговна,
научный руководитель,
старший преподаватель кафедры
«Физического воспитания»
Казанский государственный
энергетический университет,
e-mail: k.a.o.02@mail.ru

ИМАНГУЛОВ Раис Шамильевич,
доцент кафедры «Физического воспитания»
УВО Университет управления «ТИСБИ» (Казань)
ФГБОУ ВО «Казанский государственный
архитектурно-строительный университет»,
e-mail: imangulovrais@gmail.com

ШАКИРОВА Радмила Вадимовна,
студент-бакалавр
Казанский государственный
энергетический университет,
e-mail: radmila.shakirova@list.ru

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ: КАК ВНЕДРЕНИЕ АКТИВНЫХ ПЕРЕРЫВОВ И КОРПОРАТИВНЫХ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ МОЖЕТ ПОВЫСИТЬ ПРОДУКТИВНОСТЬ СОТРУДНИКОВ

Аннотация. В статье рассматривается проблема сидячего образа жизни и хронического стресса в современной офисной среде. Обосновывается экономическая целесообразность внедрения элементов физической культуры в рабочий процесс. Анализируются два основных подхода: активные перерывы для быстрого восстановления работоспособности и корпоративные спортивные мероприятия для долгосрочного укрепления здоровья и командного духа. Приводятся практические рекомендации по успешной интеграции культуры здоровья в компании.

Ключевые слова: физическая культура, офис, рабочее место, активные перерывы, корпоративный спорт, продуктивность, сидячий образ жизни, здоровье сотрудников, командный дух, рабочая эффективность.

GARIFULLINA Anastasia Olegovna,
scientific supervisor,
senior lecturer department of physical education
Kazan state power engineering university

IMANGULOV Rais Shamilevich,
Associate Professor of the Department of Physical Education
Higher Education University of Management "TISBI" (Kazan)
Kazan State University of Architecture and Civil Engineering

SHAKIROVA Radmila Vadimovna,
Bachelor's student
Kazan State Power Engineering University

PHYSICAL CULTURE IN THE WORKPLACE: HOW THE INTRODUCTION OF ACTIVE BREAKS AND CORPORATE SPORTS EVENTS CAN INCREASE THE PRODUCTIVITY OF EMPLOYEES

Annotation. *The article discusses the problem of sedentary lifestyle and chronic stress in the modern office environment. The economic feasibility of introducing elements of physical culture into the work process is substantiated. Two main approaches are analyzed: active breaks for quick performance recovery and corporate sports events for long-term health and team spirit improvement. Practical recommendations for successful integration of health culture in the company are provided.*

Key words: *physical culture, office, workplace, active breaks, corporate sports, productivity, sedentary lifestyle, employee health.*

Введение

В условиях модернизации производства и растущего психоэмоционального напряжения стало очевидным, что физическая активность является важнейшим фактором поддержания психического и физического здоровья сотрудников [2].

Актуальность темы обусловлена повсеместным распространением офисной работы, которая все чаще сопряжена с малоподвижным образом жизни, ростом числа «болезней цивилизации» и хроническим стрессом. Эти факторы ведут к прямым экономическим потерям компаний из-за снижения продуктивности, увеличения числа больничных и текучести кадров. Степень научной разработанности проблемы освещена в трудах отечественных исследователей, изучавших медицинские аспекты гиподинамии, методы производственной физической культуры, влияние спорта на общественное здоровье, механизмы психологического стресса, а также влияние малоподвижности на психическое здоровье.

Цель статьи

Обосновать внедрение физической культуры на рабочем месте как стратегическую инвестицию в человеческий капитал, ведущую к повышению эффективности бизнеса.

Задачи

1. Проанализировать негативные последствия сидячего образа жизни для сотрудника и компании.
2. Охарактеризовать основные формы физической активности на рабочем месте (активные перерывы, корпоративный спорт) и их влияние на продуктивность.
3. Разработать практические рекомендации по успешному внедрению корпоративной культуры здоровья.

Методы исследования

В работе применялись методы теоретического анализа научной литературы и систематиза-

ции данных, а также метод сравнительного анализа эффективности различных форм физической активности в корпоративной среде.

Основные результаты и их обсуждение

1. Сидячий образ жизни и его последствия.

Длительное статичное положение за компьютером является независимым фактором риска развития заболеваний опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистой системы и ухудшения кровообращения. Помимо физических проблем (боли в спине и шее, ухудшение осанки), это приводит к снижению концентрации, профессиональному выгоранию и, как следствие, к прямым экономическим потерям для компании.

Важно отметить, что малоподвижный образ жизни, ставший неотъемлемой частью современного общества, оказывает системное влияние на психическое здоровье, затрагивая физиологические, психологические и социальные аспекты [4].

2. Активные перерывы как тактический инструмент восстановления.

Активные перерывы представляют собой короткие (5-10 минут) регулярные сессии физических упражнений, направленные на компенсацию вреда от малоподвижности. В отличие от пассивного отдыха, они целенаправленно способствуют физическому и ментальному восстановлению. Примеры включают: упражнения для шеи, плечевого пояса и спины для снятия мышечных зажимов, гимнастику для глаз для профилактики цифрового перенапряжения, динамическую растяжку и дыхательные практики для перезагрузки нервной системы.

Исследования подтверждают, что даже кратковременная активность значительно снижает уровень мышечного утомления и психологического стресса. Сотрудники возвращаются к работе с повышенной концентрацией и ментальной ясностью, что снижает количество ошибок и повышает общую скорость и качество выполнения задач. Кроме того, активные перерывы служат действенной мерой профилактики психических нарушений,

связанных с гиподинамией, способствуя снижению нервного напряжения и улучшению эмоционального фона.

3. Корпоративный спорт как стратегический инструмент развития.

Корпоративные спортивные мероприятия формируют культуру здоровья и долгосрочную лояльность сотрудников. Формы могут быть разнообразны: от турниров по футболу и волейболу до корпоративных забегов, совместных абонементов в фитнес-центры или занятий йогой.

Влияние на продуктивность

Улучшение здоровья и снижение абсентеизма. Регулярная активность укрепляет здоровье, что напрямую сокращает пропуски работы по болезни. На системном уровне физическая активность нормализует работу гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси, которая играет ключевую роль в реакции на стресс [1].

Снижение стресса и профилактика выгорания. Спорт является одним из самых эффективных немедикаментозных способов борьбы со стрессом. Систематическая физическая активность, интегрированная в рабочую среду, выступает как мощный фактор защиты психического здоровья, противодействуя развитию тревоги и депрессии у сотрудников.

Укрепление командного духа. Совместные активности способствуют неформальному общению, разрушают барьеры между отделами и укрепляют чувство общности, что улучшает коммуникацию в рабочих процессах.

Рекомендации по внедрению физической культуры в офисе. Для успешной интеграции необходима поддержка топ-менеджмента: личный пример руководителей служит мощным мотиватором, учет мнения сотрудников: сбор пожеланий через анонимные опросы и обсуждения, поэтапное внедрение: начало с малых, но регулярных инициатив (еженедельная зарядка, квартальные мероприятия), создание инфраструктуры: обеспечение минимального пространства и инвентаря (коврики, гантели, мячи).

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что внедрение физической культуры на рабочем месте является не просто элементом социального пакета, а продуманной бизнес-стратегией. Эта мера позволяет трансформировать заботу о сотрудниках в конкретные экономические результаты. Инвестируя в активные перерывы и корпоративный спорт, компания вкладывается в свой главный актив — человеческий капитал. Как показывают современные исследования, такие

инвестиции позволяют не только улучшить физическое состояние коллектива, но и создать устойчивую психологическую среду, минимизирующую риски психических перегрузок. В результате формируется коллектив из здоровых, мотивированных и сплоченных сотрудников, что в долгосрочной перспективе создает устойчивое конкурентное преимущество на рынке.

Активное внедрение физической активности в повседневную жизнь и реализацию профилактических программ является важным шагом на пути к повышению качества жизни населения и снижению бремени психических заболеваний в современном обществе [3].

Список литературы:

- [1]. Ермолаева, А. А. Влияние физических упражнений на психическое здоровье / А. А. Ермолаева, С. В. Абзалова // Физическая культура, спорт и здоровье в современном обществе: проблемы и перспективы развития : сборник научных статей 4-й Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 18 ноября 2025 года. — Курск: Курский государственный аграрный университет имени И.И. Иванова, Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2025. — С. 102-106.
- [2] Намаева, А. Л. Физическая культура и здоровый образ жизни как основа производственной активности / А. Л. Намаева, Р. А. Гильманшин // Задачи и перспективы развития физической культуры и спорта в Кузбассе : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Кемерово, 13 декабря 2024 года. — Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2025. — С. 228-232.
- [3] Савельева, Э. М. Физическая культура как инструмент профилактики психических заболеваний / Э. М. Савельева, А. Б. Хабибуллин // Физическая культура, спорт, туризм: наука, образование, информационные технологии : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Казань, 19–20 марта 2025 года. — Казань: Казанский государственный энергетический университет, 2025. — С. 238-242.
- [4] Тимофеева, А. Ю. Влияние малоподвижного образа жизни на психическое здоровье человека / А. Ю. Тимофеева // Перспективные направления в области физической культуры, спорта и туризма : Материалы симпозиума в рамках XX (LII) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей», Кемерово, 24 апреля 2025 года. — Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2025. — С. 242-245.

References:

[1] Ermolaeva, A. A. The impact of physical exercise on mental health / A. A. Ermolaeva, S. V. Abzalova // Physical culture, sport and health in modern society: problems and prospects of development : collection of scientific articles of the 4th All-Russian Scientific and Practical Conference, Kursk, November 18, 2025. – Kursk: Kursk State Agrarian University named after I.I. Ivanov, Closed Joint-Stock Company "University Book", 2025, pp. 102-106.

[2] Namaeva, A. L. Physical culture and a healthy lifestyle as the basis of industrial activity / A. L. Namaeva, R. A. Gilmanshin // Tasks and prospects for the development of physical culture and sports in Kuzbass: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Kemerovo, December 13, 2024. Kemerovo: Kemerovo State University, 2025, pp. 228-232.

[3] Savelyeva, E. M. Physical culture as a tool for the prevention of mental illness / E. M. Savelyeva, A. B. Khabibullin // Physical culture, sport, tourism: science, education, information technology: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Kazan, March 19-20, 2025. Kazan: Kazan State Power Engineering University, 2025, pp. 238-242.

[4] Timofeeva, A. Y. The impact of a sedentary lifestyle on human mental health / A.Y. Timofeeva // Promising areas in the field of physical education, sports and tourism: Proceedings of the symposium within the framework of the XX (LII) International Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists «Education, Science, innovation: contribution of young researchers», Kemerovo, April 24, 2025. Kemerovo: Kemerovo State University, 2025, pp. 242-245.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-577-582

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

БАРТНОВСКАЯ Лариса Александровна,

*Доцент кафедры физической культуры и здоровья,
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева,
e-mail: larabart@mail.ru*

КРАВЧЕНКО Вера Михайловна,

*доцент кафедры физической культуры и здоровья,
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева,
e-mail: ver1113@yandex.ru*

ЧЕРЕПАНОВА Алёна Ивановна,

*Преподаватель кафедры физического воспитания и спорта,
Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнева,
e-mail: cherepanova_9898inbox.ru*

КУРБАТОВ Никита Александрович,

*ассистент кафедры физической культуры и здоровья,
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева,
e-mail: nikita.kurbatov.00@list.ru*

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТЬЮ, КАЧЕСТВОМ СНА И КОГНИТИВНЫМИ ФУНКЦИЯМИ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ современных научных представлений о комплексной взаимосвязи между регулярной физической активностью (ФА), качественными и количественными характеристиками сна и состоянием когнитивных функций, в частности памяти и внимания, у студентов. Рассматриваются нейрофизиологические и психологические механизмы, опосредующие данную взаимосвязь. Обосновывается актуальность проведения интегративных исследований в данной популяции, характеризующейся высокими умственными нагрузками, стрессом и часто нерегулярным режимом дня. Теоретический анализ позволяет выдвинуть гипотезу о позитивном синергетическом эффекте оптимального уровня физической активности и качественного сна на нейрокогнитивный ресурс студенческой молодежи.

Ключевые слова: физическая активность, качество сна, когнитивные функции, память, внимание, студенты, нейропластичность, гиппокамп, префронтальная кора.

BARTNOVSKAYA Larisa Aleksandrovna.

*Associate Professor of the Department
of Physical Education and Health,
Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafyev*

KRAVCHENKO Vera Mikhailovna,

*Associate Professor of the Department
of Physical Education and Health,
Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafyev*

CHEREPANOVA Alyona Ivanovna,
Teacher of the Department of Physical Education and Sports,
Siberian State University of Science and Technology
named after Academician M.F. Reshetnev

KURBATOV Nikita Aleksandrovich,
Assistant Professor of the Department
of Physical Education and Health,
Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafyev

A STUDY OF THE RELATIONSHIP BETWEEN PHYSICAL ACTIVITY, SLEEP QUALITY, AND COGNITIVE FUNCTIONS IN STUDENTS

Annotation. The article presents a theoretical analysis of modern scientific ideas about the complex relationship between regular physical activity (PA), the quality and quantity of sleep, and the state of cognitive functions, particularly memory and attention, in students. The neurophysiological and psychological mechanisms that mediate this relationship are considered. The relevance of conducting integrative research in this population, which is characterized by high mental stress, stress, and often irregular daily routines, is justified. The theoretical analysis allows us to hypothesize a positive synergistic effect of optimal levels of physical activity and high-quality sleep on the neurocognitive resources of students.

Key words: physical activity, sleep quality, cognitive functions, memory, attention, students, neuroplasticity, hippocampus, and prefrontal cortex.

Студенческая молодежь представляет собой уникальную популяцию, находящуюся в периоде интенсивного интеллектуального развития и профессионального становления, что предъявляет высокие требования к когнитивной сфере, особенно к памяти и вниманию. В то же время, этот период часто сопряжен с хроническим академическим стрессом, нерегулярным режимом дня, депривацией и нарушением гигиены сна, а также снижением объема структурированной физической активности. Современные исследования в области нейронаук и поведенческой физиологии все больше свидетельствуют о том, что физическая активность и сон являются не просто фоном, но критическими модифицируемыми факторами, существенно влияющими на когнитивные процессы и академическую успеваемость.

Цель данной теоретической статьи – систематизировать современные представления о взаимосвязи между физической активностью, качеством сна и когнитивными функциями (память, внимание) у студентов, описать возможные механизмы представленной взаимосвязи и наметить перспективы для дальнейших эмпирических исследований.

Физическая активность как модулятор когнитивных функций и сна выступает в роли системного регулятора, который через комплекс нейрохимических, структурных и циркадных механизмов одновременно:

- перестраивает работу головного мозга, улучшая фундамент для памяти и внимания;
- оптимизирует процесс сна, увеличивая долю наиболее восстановительных и когнитивно-значимых фаз.

Для студенческой молодежи регулярная физическая активность — это не просто забота о физической форме, а стратегическая инвестиция в нейрокогнитивный ресурс и основу для эффективного восстановления, что в совокупности прямо влияет на академическую успеваемость и психоэмоциональное благополучие.

Регулярная ФА средней интенсивности (аэробные нагрузки: ходьба, бег, плавание, командные виды спорта) оказывает многогранное положительное влияние на мозг.

Нейробиологические механизмы влияния ФА на когницию:

1. Нейрогенез и синаптическая пластичность: физическая активность стимулирует выработку нейротрофического фактора мозга (BDNF), который является ключевым регулятором нейрогенеза в гиппокампе (структуре, отвечающей за консолидацию памяти) и синаптической пластичности [4].
2. Улучшение церебрального кровотока и ангиогенез: физические нагрузки усиливают кровоснабжение мозга, способствуя доставке кислорода и питательных веществ, а также стимулируют образование новых капилляров [7].

3. Нейромедиаторный баланс: ФА модулирует уровни серотонина, дофамина и норадреналина, что напрямую влияет на настроение, мотивацию и устойчивость внимания [12].

4. Структурные изменения: исследования методом нейровизуализации показывают увеличение объема серого вещества в префронтальной коре (ответственной за исполнительные функции, включая рабочую память и избирательное внимание) и гиппокампе у физически активных индивидов [12].

Следует отметить, что регулярная дневная физическая активность способствует более быстрому засыпанию, увеличению доли медленноволнового (глубокого) сна и улучшению субъективного качества сна. Медленно-волновой сон критически важен для процессов консолидации декларативной памяти и физиологического восстановления.

Сон является активным физиологическим процессом, необходимым для нормального функционирования когнитивной сферы.

Роль фаз сна:

- медленно-волновой сон (NREM): играет решающую роль в консолидации эпизодической и семантической памяти. В эту фазу происходит реактивация и реорганизация следов памяти, их интеграция в существующие нейронные сети;
- сон с быстрыми движениями глаз (REM-сон): связан с консолидацией процедурной памяти и эмоциональной регуляции. Депривация REM-сна негативно сказывается на творческом мышлении и эмоциональной устойчивости.

Последствия нарушения сна у студентов:

1. Дефицит сна: приводит к снижению концентрации внимания, ухудшению рабочей памяти, замедлению скорости обработки информации и снижению способности к обучению.
2. Низкое качество сна (фрагментация, инсомния): нарушает архитектуру сна, препятствуя нормальному протеканию процессов консолидации памяти. Повышает дневную сонливость и снижает когнитивную производительность.

Физическая активность и сон не являются независимыми переменными. Они находятся в динамической взаимосвязи, образуя петлю обратной связи, которая модулирует когнитивный статус [1,6,10,15].

ФА → Сон → Когнитивные функции: оптимальная дневная ФА улучшает качество последующего ночного сна (увеличивает глубину и стабильность). Качественный сон, в свою очередь,

обеспечивает оптимальные условия для нейропластических процессов, инициированных ФА (например, BDNF-опосредованный нейрогенез), что в итоге усиливает когнитивные эффекты от физических упражнений.

Сон → ФА → Когнитивные функции: хороший сон повышает уровень дневной энергии, мотивацию и снижает восприятие усилия, что может способствовать более высокой вовлеченности в ФА. Регулярная физическая активность затем напрямую воздействует на мозг, улучшая когнитивные показатели.

Гипотетическая модель синергизма: следует предположить существование синергетического эффекта. Студенты, сочетающие регулярную физическую активность и стабильный качественный сон, демонстрируют более высокий когнитивный резерв и лучшую успеваемость, чем те, у кого присутствует только один из этих факторов или оба отсутствуют. Этот эффект может быть опосредован максимальным уровнем BDNF, оптимальным нейромедиаторным балансом и эффективным устранением метаболитов мозга (например, бета-амилоида) за счет сочетания обоих факторов.

Для эмпирической проверки изложенных теоретических положений необходимы лонгитюдные или перекрестные исследования с использованием:

1. Объективных методов оценки ФА: акселерометрия, пульсометрия.
2. Объективной оценки сна: актография, полисомнография (или ее упрощенные портативные аналоги).
3. Субъективных опросников: по качеству сна (PSQI), уровню ФА (IPAQ), дневной сонливости (Шкала Эпворта).
4. Нейропсихологического тестирования: оценка вербальной и невербальной памяти (например, тест на запоминание слов, комплекс фигур Рея-Остерриета), устойчивого, избирательного внимания и исполнительных функций (тесты типа Stroop, Trail Making Test, задачи n-back) [4,9,11].

Особый интерес представляет изучение роли циркадных ритмов и времени проведения ФА (утро/вечер) в данной триаде, а также влияние разных видов ФА (аэробная, анаэробная, координационная) на специфические когнитивные домены.

Теоретический анализ подтверждает наличие тесной и двунаправленной взаимосвязи между физической активностью, качеством сна и когнитивными функциями у студенческой молодежи. Нейробиологические механизмы этого взаимодействия связаны с процессами нейрогенеза,

синаптической пластичности, нейромедиаторной регуляции и очищением мозга от токсинов. Нарушение одного из компонентов (гиподинамия или депривация сна) может нивелировать положительный эффект другого и приводить к снижению когнитивного потенциала [2,8,13].

Полученные знания о тесной взаимосвязи физической активности, качества сна и когнитивных функций имеют не только теоретическую ценность, но и прямой практико-ориентированный потенциал для трансформации образовательной среды и самоуправления здоровьем студенческой молодежи. Реализация этого потенциала требует разработки комплексных, многоуровневых программ, основанных на принципах доказательности и индивидуального подхода.

Направления для разработки профилактических и коррекционных программ:

1. Диагностико-просветительский модуль: скрининг и информирование: Внедрение в начале учебного года кратких опросников для оценки уровня ФА (например, IPAQ), качества сна (PSQI) и субъективных когнитивных трудностей. На основе анонимизированных данных можно проводить целевые лекции, онлайн-курсы и создавать инфографику, развенчивающую мифы (напр., «бессонная ночь перед экзаменом эффективна») и наглядно демонстрирующую научные данные о вреде депривации сна и гиподинамии для памяти и внимания.
2. Структурно-организационные изменения в университетской среде:
 - оптимизация расписания: по возможности, планирование наиболее сложных когнитивных задач (экзамены, зачеты) на периоды пиковой умственной работоспособности (вторую половину утра);
 - доступность и интеграция ФА: развитие не только спортивных секций, но и инфраструктуры для повседневной активности (велопарковки, маршруты для скандинавской ходьбы, залы для express-тренировок между парами). Введение «активных перерывов» в рамках длительных занятий (пятиминутки с легкой разминкой);
 - создание условий для отдыха: Организация на территории кампуса «зон тишины» или комнат релаксации, где студенты могут отдохнуть перед вечерними занятиями, что может улучшить последующее качество сна.
1. Образовательные модули с элементами тренировки навыков (Skills-based training):
 - гигиена сна: обучение конкретным техникам: правилам «цифровой гигиены» (синий свет гаджетов), методам релаксации для быстрого

засыпания (дыхательные техники, прогрессивная мышечная релаксация), основам когнитивно-поведенческой терапии инсомнии (КПТ-И) в профилактическом формате;

- рациональная ФА: тренинги по планированию нагрузок, основам интервальных тренировок высокой интенсивности (HIIT), которые являются время-эффективными, обучение самоконтролю (ЧСС, субъективное восприятие нагрузки). Важно сместить акцент с спортивных достижений на когнитивную выгоду от ФА.
- 2. Цифровизация и персонализация:
 - разработка мобильных приложений или использование существующих (с научной базой) для трекинга сна и ФА, интегрированных с университетским порталом. Возможность получения персональных «подсказок» и челленджей, основанных на анализе поведения;
 - создание онлайн-платформ с микролекциями от нейробиологов, спортивных физиологов и психологов, разъясняющих механизмы влияния поведения на мозг.
- 3. Психологическое сопровождение и работа с мотивацией:
 - включение в программу психологических консультаций, направленных на работу с прокрастинацией, стрессом и выгоранием, которые являются ключевыми причинами нарушений сна и отказа от ФА;
 - формирование сообществ («групп поддержки») для совместной физической активности (беговые клубы, группы йоги), что повышает приверженность за счет социального фактора.

Ожидаемые результаты внедрения вышеперечисленных программ:

1. На индивидуальном уровне: повышение академической успеваемости за счет роста эффективности усвоения информации и устойчивости внимания; снижение уровня тревожности и эмоционального выгорания; формирование lifelong skills (навыков на всю жизнь) для управления здоровьем.
2. На институциональном уровне: снижение академических задолженностей и отчислений по неуспеваемости; повышение рейтинга и привлекательности вуза за счет внедрения инновационных health&wellness программ; снижение нагрузки на медицинские и психологические службы университета.
3. На общественном уровне: воспитание более здорового, продуктивного и осознанного поколения специалистов, что в долгосрочной перспективе снизит расходы на здраво-

охранение и повысит качество человеческого капитала.

Таким образом, интеграция научно обоснованных модулей по управлению физической активностью и сном в образовательный процесс перестает быть факультативной рекомендацией и становится необходимым элементом современной университетской экосистемы, отвечающей за развитие не только профессиональных, но и когнитивно-личностных ресурсов будущего специалиста. Это инвестиция в когнитивный капитал студентов, окупаемая их академическими и жизненными успехами.

Список литературы:

- [1] Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем [Текст] / П.К. Анохин. — М.: Наука, 1973. — 274 с.
- [2] Данилова Н.Н. Психофизиология [Текст]: учебник для вузов / Н.Н. Данилова. — М.: Аспект Пресс, 2012. — 368 с.
- [3] Дорохов В.Б. Сон и здоровье студентов: монография [Текст] / В.Б. Дорохов Е.В. Рязанцев. — Курск: КГМУ, 2016. — 150 с.
- [4] Ильин, Е.П. Психофизиология состояний человека [Текст] / Е.П. Ильин. — СПб.: Питер, 2005. — 412 с.
- [5] Ковязина М.С. Нейропсихологический анализ когнитивных функций у студентов с разным уровнем двигательной активности [Текст] / М.С. Ковязина, А.В. Чермянин // Клиническая и специальная психология. — 2019. — Т. 8, № 2. — С. 134–150.
- [6] Колосовская Е.Н. Влияние регулярных физических нагрузок на когнитивные функции и психоэмоциональное состояние студентов [Текст] / Е.Н. Колосовская, Т.В. Походенько // Гигиена и санитария. — 2020. — Т. 99, № 5. — С. 543–548.
- [7] Корсакова Н.К. Непрописные истины нейропсихологии [Текст]: избранные статьи / Н.К. Корсакова, Л.И. Москвичюте. — М.: МГППУ, 2018. — 304 с.
- [8] Левин Я.И. Сон, депривация сна и депрессия [Текст] / Я.И. Левин // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. — 2015. — Т. 115, № 11. — С. 116–124.
- [9] Мачинская Р.И. Управляющие функции мозга и произвольное внимание: онтогенетический аспект [Текст] / Р.И. Мачинская, Е.В. Крупская // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. — 2007. — Т. 57, № 2. — С. 133–150.
- [10] Медведев В.И. Адаптация человека [Текст] / В.И. Медведев. — СПб.: Институт мозга человека РАН, 2003. — 584 с.
- [11] Пономаренко В.А. Психофизиология профессиональной деятельности и безопасность

[Текст]: учебник / В.А. Пономаренко, Р.В. Березин. — М.: Юрайт, 2019. — 238 с.

[12] Сергиенко Е.А. Внимание и память: современные методы исследования [Текст]: практикум / Е.А. Сергиенко, М.А. Котов. — М.: Институт психологии РАН, 2018. — 120 с.

[13] Солодков А.С. Физиология человека. Общая. Спортивная. Возрастная [Текст]: учебник / А.С. Солодков, Е.Б. Сологуб. — М.: Советский спорт, 2012. — 620 с.

[14] Трушкина А.В. Взаимосвязь физической подготовленности, качества сна и успеваемости у студентов первого курса [Текст] / А.В. Трушкина, С.И. Логинов // Теория и практика физической культуры. — 2021. — № 5. — С. 46–48.

[15] Шульговский, В.В. Физиология высшей нервной деятельности с основами нейробиологии [Текст]: учебник / В.В. Шульговский. — М.: Академия, 2014. — 448 с.

References:

- [1] Anokhin P.K. Fundamental issues of the general theory of functional systems [Text] /P.K. Anokhin. - M.: Nauka, 1973. - 274 p.
- [2] Danilova N.N. Psychophysiology [Text]: textbook for universities/N.N. Danilova. - M.: Aspect Press, 2012. - 368 p.
- [3] Dorokhov V.B. Sleep and student health: monograph [Text] /V.B. Dorokhov E.V. Ryazantsev. - Kursk: KSMU, 2016. - 150 s.
- [4] Ilyin, E.P. Psychophysiology of human conditions [Text] /E.P. Ilyin. - St. Petersburg: Peter, 2005. - 412 s.
- [5] Kovyazina M.S. Neuropsychological analysis of cognitive functions in students with different levels of motor activity [Text] /M.S. Kovyazina, A.V. Chernyanin//Clinical and special psychology. — 2019. - T. 8, NO. 2. - S. 134-150.
- [6] Kolosovskaya E.N. Influence of regular physical exertion on cognitive functions and psycho-emotional state of students [Text] /E.N. Kolosovskaya, T.V. Pokhodenko//Hygiene and sanitation. — 2020. - VOL. 99, NO. 5. - S. 543-548.
- [7] Korsakova N.K. Non-written truths of neuropsychology [Text]: selected articles/N.K. Korsakova, L.I. Moskvichute. - M.: MGPPU, 2018. - 304 s.
- [8] Levin Y.I. Sleep, sleep deprivation and depression [Text] /Y.I. Levin//S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry. — 2015. - T. 115, NO. 11. - S. 116-124.
- [9] Machinskaya R.I. Controlling brain functions and arbitrary attention: ontogenetic aspect [Text] /R.I. Machinskaya, E.V. Krupskaya//Journal of Higher Nervous Activity named after I.P. Pavlov. — 2007. - T. 57, NO. 2. - S. 133-150.

[10] V.I. Medvedev. - St. Petersburg: Institute of the Human Brain of the Russian Academy of Sciences, 2003. - 584 p.

[11] Ponomarenko V.A. Psychophysiology of professional activities and safety [Text]: textbook/V.A. Ponomarenko, R.V. Berezin. - M.: Yurayt, 2019. - 238 p.

[12] Sergienko E.A. Attention and memory: modern research methods [Text]: workshop/E.A. Sergienko, M.A. Kotov. - M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2018. - 120 s.

[13] A. Solodkov. Human physiology. General. Sporty. Age [Text]: textbook/A.S. Solodkov, E.B. Sologub. - M.: Soviet Sport, 2012. - 620 s.

[14] Trushkina A.V. Relationship of physical fitness, sleep quality and academic performance among first-year students [Text]/A.V. Trushkina, S.I. Loginov//Theory and practice of physical culture. — 2021. — № 5. - S. 46-48.

[15] Shulgovsky, V.V. Physiology of higher nervous activity with the basics of neurobiology [Text]: textbook/V.V. Shulgovsky. - M.: Academy, 2014. - 448 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-583-585

ХАБИБУЛЛИН Альберт Багъзанурович,
ФГБОУ ВО «КГЭУ»,
г. Казань, Республика Татарстан,
e-mail: mail@law-books.ru

ИШМУХАМЕТОВА Наиля Фаритовна,
ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский
технологический университет»,
г. Казань, Республика Татарстан,
ФГБОУ ВО «Казанский государственный архитектурно-
строительный университет»,
г. Казань, Республика Татарстан,
e-mail: mail@law-books.ru

ИЛЬИН Сергей Николаевич,
ФГБОУ ВО «Казанский государственный
архитектурно-строительный университет»,
г. Казань, Республика Татарстан,
ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры»,
г. Казань, Республика Татарстан,
e-mail: mail@law-books.ru

ИНКЛЮЗИВНЫЙ СПОРТ ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ: РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ ВОЗМОЖНОГО

Аннотация. В статье рассматривается инклюзивный спорт как инструмент социальной интеграции и реабилитации людей с инвалидностью. Анализируются история вопроса, современные тенденции и основные барьеры для его развития. Особое внимание уделено адаптивным видам спорта, модификации правил и оборудования, а также роли тренеров в обеспечении эффективных занятий. Подчеркивается важность инклюзивного спорта не только для физического здоровья, но и для формирования самооценки, уверенности и активной жизненной позиции, способствующих полноценному участию в жизни общества.

Ключевые слова: инклюзивный спорт, адаптивный спорт, люди с ограниченными возможностями, реабилитация, социальная интеграция, физическая культура, адаптация, тренер, барьеры, мотивация, уверенность в себе.

HABIBULLIN Albert Bagzanurovich,
FSBEI HE "KGEU", Kazan, Republic of Tatarstan

ISHMUKHAMETOVA Nailya Faritovna,
FSBEI HE Kazan National Research Technological University,
Kazan, Republic of Tatarstan,
FSBEI HE Kazan State University
of Architecture and Civil Engineering,
Kazan, Republic of Tatarstan

ILYIN Sergey Nikolaevich,
FSBEI HE Kazan State University
of Architecture and Civil Engineering,
Kazan, Republic of Tatarstan,
FSBEI HE Kazan State Institute of Culture,
Kazan, Republic of Tatarstan

INCLUSIVE SPORT FOR PEOPLE WITH DISABILITIES: PUSHING THE BOUNDARIES OF WHAT IS POSSIBLE

Annotation. *The article considers inclusive sport as a tool for social integration and rehabilitation of people with disabilities. The article analyzes the history of the issue, current trends and the main barriers to its development. Special attention is paid to adaptive sports, modification of rules and equipment, as well as the role of coaches in ensuring effective classes. The importance of inclusive sports is emphasized not only for physical health, but also for the formation of self-esteem, confidence and an active lifestyle that promotes full participation in society.*

Key words: *inclusive sport, adaptive sport, people with disabilities, rehabilitation, social integration, physical education, adaptation, coach, barriers, motivation, self-confidence.*

Инклюзивный спорт, подразумевающий совместное участие людей с инвалидностью и здоровых лиц, является важнейшим инструментом социальной интеграции. Он способствует не только улучшению физического и психического здоровья, но и играет решающую роль в повышении самооценки, укреплении уверенности и формировании активной жизненной позиции. Исторический обзор отражает эволюцию от медицинской модели к признанию прав людей с инвалидностью на самореализацию в спорте [1].

Исторические предпосылки в России

Развитие адаптивного спорта в СССР было тесно связано с реабилитацией ветеранов Великой Отечественной войны. Использовались средства физической культуры для восстановления здоровья и интеграции в общество [2]. С распадом СССР адаптивный спорт получил новый импульс, интегрируясь в международное паралимпийское движение [3]. Несмотря на растущий интерес и внедрение программ, сохраняются проблемы доступности объектов и финансирования.

Преимущества инклюзивного спорта

Участие в инклюзивном спорте обеспечивает комплексный положительный эффект:

- Физическое здоровье: Укрепление сердечно-сосудистой системы, мышечной силы, улучшение координации [4].
- Психическое благополучие: Снижение тревожности и депрессии, повышение самооценки, развитие социальных навыков [5].
- Социальная интеграция: Взаимодействие с разными людьми, разрушение стереотипов, формирование толерантного общества [6].
- Реабилитация: Восстановление утраченных функций после травм и заболеваний.
- Развитие личности: Формирование лидерских качеств, ответственности и уверенности в себе.

Адаптивные виды спорта и модификации

Инклюзивный спорт предполагает адаптацию существующих видов (легкая атлетика, плавание, волейбол сидя, фехтование на колясках) и создание новых (бочче, голбол). Ключевые принципы модификации включают изменение правил, адаптацию оборудования (протезы, специализированные мячи, коляски), обеспечение доступной среды и наличие квалифицированного персонала.

Роль тренеров

Тренеры играют центральную роль в создании инклюзивной среды. Их ключевые компетенции включают: знание основ адаптивной физической культуры, умение разрабатывать индивидуальные программы, навыки адаптации упражнений, понимание медицинских аспектов и способность создавать мотивирующую атмосферу.

Барьеры и проблемы в России

Развитие инклюзивного спорта сталкивается с серьезными препятствиями:

- Недостаточное финансирование инфраструктуры и оборудования.
- Низкая осведомленность общества о возможностях адаптивного спорта.
- Физические барьеры (недоступность объектов и транспорта).
- Дефицит квалифицированных специалистов.
- Социальные стереотипы и дискриминация.
- Отсутствие единой системы классификации спортсменов.

Рекомендации по развитию

Для преодоления барьеров необходим комплекс мер:

- Увеличение финансирования адаптивного спорта.
- Информационные кампании для повышения осведомленности общества.

- Устранение физических барьеров на спортивных объектах.
- Подготовка квалифицированных тренеров и специалистов.
- Борьба со стереотипами через образовательные программы.
- Разработка единой системы классификации.
- Поддержка научных исследований в области адаптивной физкультуры.
- Развитие сотрудничества между государством и общественными организациями.

Заключение

Инклюзивный спорт является мощным инструментом реабилитации и повышения качества жизни людей с инвалидностью. Преодоление существующих барьеров требует скоординированных усилий государства, специалистов и общества. Создание доступной среды позволит людям с ограниченными возможностями реализовать свой потенциал и вести полноценный образ жизни. Инклюзивный спорт — это инвестиция в гармоничное общество, где каждый человек чувствует себя полноправным членом.

Список литературы:

- [1] Евсеев, С. П. (2010). Адаптивная физическая культура: учебное пособие. Москва: Советский спорт.
- [2] Дмитриев, А.Ю., Шапкова, Л.В. (2005). Адаптивная физическая культура и спорт: учебник для студентов высших учебных заведений. СПб.: Изд-во СПбГАФК им. П.Ф. Лесгафта.
- [3] Осадчих А.И. (2018). Инклюзивное физическое воспитание: состояние, проблемы и перспективы развития. Физическая культура и спорт: интеграция науки и практики, (2), 82-87.
- [4] Николаева Е.И., Завьялова О.Л. (2012). Психологические аспекты адаптивной физической культуры и спорта. СПб.: СПбГУ.
- [5] Петрова Н.Г., Захарова Л.М. (2019). Социальная интеграция инвалидов посредством адаптивной физической культуры и спорта. Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта, 14(4), 148-154.

[6] Евсеев, С.П., Шапкова, Л.В. (2000). Теория и организация адаптивной физической культуры. Москва: Советский спорт.

[7] Мхитарян, А.Д., Бирюкова, Е.В. (2015). Проблемы доступности спортивных сооружений для инвалидов. Наука и спорт: современные тенденции, 8(2), 99-103.

[8] Литош, Н.Л. (2009). Адаптивная физическая культура: психолого-педагогическая характеристика обучающихся. Москва: СпортАкадемПресс.

References:

- [1] Evseev, S.P. (2010). Adaptive Physical Education: Tutorial. Moscow: Soviet sport.
- [2] Dmitriev, A.Yu., Shapkova, L.V. (2005). Adaptive physical education and sports: a textbook for higher education students. SPb.: Publishing House SPbGAFK named after P.F. Lesgaft.
- [3] Osadchikh A.I. (2018). Inclusive physical education: status, challenges and development prospects. Physical Education and Sports: Integrating Science and Practice, (2), 82-87.
- [4] Nikolaeva E.I., Zavyalova O.L. (2012). Psychological aspects of adaptive physical culture and sports. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
- [5] Petrova N.G., Zakharova L.M. (2019). Social integration of persons with disabilities through adaptive physical education and sports. Pedagogical-psychological and biomedical problems of physical culture and sports, 14 (4), 148-154.
- [6] Evseev, S.P., Shapkova, L.V. (2000). Theory and organization of adaptive physical education. Moscow: Soviet sport.
- [7] Mkhitaryan, A.D., Biryukova, E.V. (2015). Problems of accessibility of sports facilities for disabled people. Science and Sport: Contemporary Trends, 8 (2), 99-103.
- [8] Litosh, N.L. (2009). Adaptive physical education: psychological and pedagogical characteristics of students. Moscow: SportAkademPress.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-586-591

ШКАПОВ Павел Юрьевич,
Доцент кафедры физической подготовки
Нижегородской академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

АНДРИАНОВ Владимир Александрович,
Преподаватель кафедры физической подготовки
Казанского юридического института МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ДУБРОВИН Евгений Сергеевич,
Преподаватель кафедры
физической подготовки и спорта
Ставропольского филиала Краснодарского
университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

АЛЕШИН Евгений Александрович,
Независимый ученый,
Ставропольский край, г. Ставрополь,
e-mail: mail@law-books.ru

МОЛЕКУЛЯРНО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ВО ВРЕМЯ ФИЗИЧЕСКОЙ НАГРУЗКИ

Аннотация. В ходе работы последовательно проанализированы биологические механизмы, лежащие в основе физической выносливости, в частности роль митохондрий как ключевых элементов энергетического обеспечения, обеспечивающих синтез АТФ и регуляцию гомеостаза.

Рассмотрены основные теории утомления — гуморально-локалистическая, подчеркивающая локальные метаболические изменения в мышцах, и импульсная адаптация, акцентирующая значимость регуляции со стороны центральной нервной системы.

Вся суть проделанной работы направлена на комплексное исследование биологических, теоретических и прикладных аспектов тренировки, позволяющих целенаправленно развивать митохондриальный аппарат и повышать устойчивость организма к утомлению в условиях высоких спортивных нагрузок.

Особое внимание сосредоточено на восстановительном процессе на принципах оптимизации процессов пост нагрузочного восстановления и повышения физической работоспособности.

Ключевые слова: тренировка, физическая работоспособность, методика, выносливость, анализ, молекулярный уровень, адаптационный процесс.

SHKAPOV Pavel Yuryevich,
Associate Professor, Department of Physical Fitness,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

ANDRIANOV Vladimir Aleksandrovich,
Lecturer, Department of Physical Fitness,
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

DUBROVIN Evgeny Sergeevich,
Lecturer, Department of Physical Fitness and Sports,
Stavropol Branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ALESHIN Evgeny Aleksandrovich,
Independent Scientist Stavropol Krai,
Stavropol

MOLECULAR-BIOLOGICAL FEATURES OF ADAPTATION PROCESSES DURING PHYSICAL EXERCISE

Annotation. *This study consistently analyzes the biological mechanisms underlying physical endurance, in particular the role of mitochondria as key energy sources, ensuring ATP synthesis and regulating homeostasis. The main theories of fatigue are examined: humoral-localistic, which emphasizes local metabolic changes in muscles, and impulse adaptation, which emphasizes the importance of regulation by the central nervous system.*

The entire essence of this work is aimed at a comprehensive study of the biological, theoretical, and applied aspects of training, enabling targeted development of the mitochondrial apparatus and increasing the body's resistance to fatigue under high athletic loads.

Particular attention is focused on the recovery process, based on the principles of optimizing post-exercise recovery and improving physical performance.

Key words: *training, physical performance, methodology, endurance, analysis, molecular level, adaptation process.*

В процессе многолетнего развития физической культуры, проведено и испытано тысячи различных методик касающихся морфофункционального развития спортивных достижений человека. Актуальность работы определяется необходимостью разработки научно обоснованных подходов, учитывающих молекулярно-биологические особенности адаптационных процессов во время спортивных занятий. Применение таких методов способно обеспечить повышение эффективности тренировочного процесса, снижение риска переутомления и травматизма, а также устойчивый прогресс в показателях физической выносливости.

В данной статье рассматриваются несколько ключевых аспектов. Вначале анализируются биологические основы физической выносливости на клеточном и молекулярном уровнях с акцентом на роль митохондрий. Происходит разбор механизмов, лежащих в основе утомления, в том числе межклеточных сигналов и реакций, влияющих на функциональное состояние митохондрий, что позволяет развивать системное понимание процессов утомления. Далее обсуждаются гуморально-локалистическая и центрально-нервная система [1].

Для того чтобы тренировочный процесс имел полномасштабный уровень, необходимо всегда помнить о назначении нагрузки и восстановления, эти два понятия имеют непосредственную взаимосвязь, которая взаимозависима между собой, мы должны понимать, как утомление вли-

яет на наш организм. Теория утомления – это наш фундамент, позволяющий точно настраивать программы для воздействия на все уровни регуляции двигательной активности. Поэтому стоит обратить внимание на перспективные направления исследований и инновационные технологии, способствующие дальнейшему развитию понимания и улучшению методов тренировки митохондриального аппарата для повышения физической выносливости.

Вся суть проделанной работы направлена на комплексное исследование биологических, теоретических и прикладных аспектов тренировки, позволяющих целенаправленно развивать митохондриальный аппарат и повышать устойчивость организма к утомлению в условиях высоких спортивных нагрузок.

Порог устойчивого сопротивления к утомляемости определяется массой миофибрилл во всех активных мышечных волокнах, а также массой промежуточных митохондрий и гликолитических мышечных волокон, такое соотношение дает спортсмену приобретать так называемую скоростную выносливость, вследствие чего в организме протекают морфологические изменения. Морфологические изменения - это процессы перестройки в структуре организма: увеличение мышечной массы, увеличение объемов сердца, укрепление связок. Есть еще одно распространенное понятие в спорте, которое часто используется специалистами это - функциональные изменения, которые связывают с процессами, совершенствования

организма и его систем, таких как дыхательная система, сердечнососудистая система. Во время спортивных тренировок организм переживает трансформацию, улучшая процессы энергообеспечения, при этом, не меняя своей структуры но, меняя качество этих процессов, результатом функциональных изменений является повышение выносливости и других физических качеств [2].

Во всех биологических процессах, активное участие принимают Митохондрии. В организме человека они выполняют центральную роль в обеспечении клеток энергией, необходимой для поддержания физической активности, особенно при длительных и интенсивных нагрузках.

Указанные источники энергии работают последовательно и перекрывают друг друга, позволяя спортсменам многократно выполнять высокоинтенсивные действия на протяжении всей тренировки или во время соревнований, обеспечивая возможность сохранять длительную работоспособность. В периоды низкой интенсивности или в моменты отдыха, например при выполнении замен, аэробная система берёт на себя управление, восполняя запасы АТФ и креатинфосфата способствуя тем самым выведению лактата.

Способность наших клеток эффективно переключаться между этими системами и быстро восстанавливаться с помощью аэробной системы для выведения молочной кислоты и восполнения запасов энергии имеет решающее значение для высоких результатов в интенсивных видах спорта. Выполнение энергозатратных тренировок требует особых методических подходов, в тренировочном процессе, при котором короткие интенсивные упражнения чередуются с периодами восстановления, что эффективно улучшает физическую подготовку, развивает анаэробную выносливость и функционал всех систем организма [3].

В условиях аэробной работы мышцы требуют непрерывного поступления АТФ, который вырабатывается преимущественно в митохондриях путём окислительного фосфорилирования. Этот процесс реализуется за счёт переноса электронов по дыхательной цепи, связывающей окисление субстратов с синтезом молекул энергии, что позволяет поддерживать работу мышц на протяжении продолжительного времени.

За время тренировочного цикла физическая выносливость формируется во многом благодаря способности митохондрий увеличивать свой функциональный потенциал. Для этого происходит усиление митохондриального биогенеза – процесс, запускаемый сигналами, связанными с интенсивностью и продолжительностью нагрузки, такими как повышение концентраций внутриклеточного кальция, AMP/ATP и реактивных форм кислорода. Увеличение количества митохондрий

и их функциональной плотности в скелетных мышцах способствует повышению способности тканей к аэробному обмену и устойчивости к метаболическим стрессам.

На молекулярном уровне, ключевым компонентом регуляции митохондриального аппарата является транскрипционный коактиватор PGC-1 α , который стимулирует экспрессию генов, ответственных за окислительный метаболизм, биогенез митохондрий, а также адаптацию клеток к повышенным энергетическим требованиям [4].

Повышение уровня ингибирующих нейротрансмиттеров может снижать двигательную активность для предотвращения избыточного истощения энергетических ресурсов или повреждения тканей. Таким образом, наша центрально-нервная система контролирует процессы перегрузки. Данная теория подчеркивает интегративную роль мозга в динамике утомления, выступая как механизм защиты, ограничивающий физическую нагрузку.

Сравнивая эти две теории, следует отметить, что гуморально-локалистический подход объясняет утомление как результат накопления продуктов метаболизма и прямого снижения функциональной способности мышц. В реальности процессы утомления возникают из взаимодействия обоих уровней: локальных периферических изменений и центральной регуляции, взаимно влияющих друг на друга.

Понимание этих теоретических основ создаёт фундамент для дальнейшего изучения роли митохондриального аппарата и энергетического обеспечения, так как митохондрии находятся на этапе реализации энергии, а их состояние напрямую связано с проявлениями гуморального утомления и может влиять на сигналы, поступающие в центральную нервную систему. Это обеспечивает плавный переход к анализу митохондриальных механизмов в процессе утомления и адаптации к тренировкам.

Утомление мышц на клеточном уровне во многом обусловлено нарушениями в энергетическом обмене, которые тесно связаны с функционированием митохондрий. При интенсивной и продолжительной физической нагрузке скорость окислительного фосфорилирования может не успевать компенсировать затраты АТФ, что приводит к энергетическому дефициту в мышечных волокнах. Однако ограниченность возможности частого повторного применения и высокая степень вмешательства ограничивают их использование в спортивной практике [5].

Для регулярного мониторинга и оценки динамики тренировочного процесса активно применяются неинвазивные методы. Среди них основное место занимает спектроскопия ближнего инфра-

красного диапазона (NIRS), которая позволяет оценить оксигенацию и потребление кислорода в мышцах во время и после нагрузки. Этот метод отражает состояние митохондриального дыхания благодаря зависимости утилизации кислорода от эффективности окислительного фосфорилирования.

Кислородный транспорт и обмен в тканях также изучаются с помощью реовазографии и доплерографии, дающих представление о кровоснабжении и метаболической активности мышц. Параметры сердечного выброса и насыщения крови кислородом, получаемые через пульсоксиметрию и газоанализаторы, дополняют картину метаболического состояния.

Биохимические методы заключаются в измерении уровней определённых метаболитов в крови и моче, таких как лактат, креатинфосфат и субстраты окисления. Отслеживание динамики этих показателей во время нагрузочных тестов отражает способность митохондрий к аэробному метаболизму и скорость восстановления энергетического баланса.

Кроме того, в последние годы для оценки митохондриальной функции внедряются методы анализа экспрессии генов, ответственных за митохондриальный биогенез, а также иммуногистохимическое определение содержания ключевых белков дыхательной цепи. Несмотря на высокую информативность, данные методы требуют сложного лабораторного оснащения и применяются преимущественно в научных исследованиях.

На фоне стремительного развития и значительных достижений с установлением новых рекордов, авторским коллективом проведено значимое исследование, связанное с установлением реакции на физическую нагрузку в митохондриальном обмене. Эксперимент, проводился в спортивной школе олимпийского резерва города Ставрополя, в проведенном исследовании использовались несколько неинвазивных физиологических методик, позволяющих мониторить митохондриальную активность в реальном времени, со сравнительным анализом биохимических показателей крови.

Показатели оксигенации мышц оценивались с помощью спектроскопии ближнего инфракрасного диапазона (NIRS), позволяющей фиксировать динамику утилизации кислорода и восстановления после нагрузок. Анализ крови на концентрацию лактата проводился перед тренировками, сразу после и через 15 минут восстановления, что служило индикатором аэробно-анаэробного перехода и митохондриальной эффективности. Контроль вариабельности сердечного ритма осуществлялся с использованием мобильных карди-

омониторов, фиксирующих реакцию в покое и после физической нагрузки. Все эти данные собирались на начальном, среднем и конечном этапах эксперимента [6].

Важным элементом организации было индивидуальное планирование тренировок на основе начального тестирования, позволяющее адаптировать нагрузки к персональной физиологической реакции участников эксперимента, повышая эффективность воздействия на митохондриальный аппарат без риска перенапряжения. Такой подход обеспечил динамическое наблюдение и своевременную коррекцию программы.

В результате организации эксперимента, были выставлены приоритетные задачи: определить влияние специализированных интервальных и аэробно-силовых тренировок на функциональное состояние митохондриального аппарата в условиях спортивной школы г. Ставрополя; проследить динамику изменений показателей оксигенации мышц, лактатного порога и вариабельности сердечного ритма; выявить оптимальные параметры тренировочных нагрузок для повышения физической выносливости и снижения риска утомления у спортсменов с различной подготовленностью.

В ходе эксперимента участники двух групп выполняли определенный вид тренировок, у первой группы, основной упор шел на интервальные тренировки высокой интенсивности (ВИИТ), и аэробно-силовые тренировки. Контрольная вторая группа с традиционной программой тренировочного цикла занималась по привычной схеме. Интенсивность и объем нагрузок постепенно увеличивались, основываясь на данных обратной связи от спортсменов и результатах мониторинга физиологических параметров. Это позволяло избежать перетренированности и обеспечить оптимальную стимуляцию митохондриального биогенеза.

Протокол тренировок, направленный на стимуляцию митохондриального аппарата, был успешно реализован, что подтвердилось стабильным выполнением запланированных нагрузок спортсменами экспериментальной группы и отсутствием признаков чрезмерного утомления или травматизма. Полученные данные демонстрируют отчетливую положительную динамику функционального состояния митохондрий по основным показателям.

Активность митохондриальных ферментов, включая цитохром-с-оксидазу и сукцинатдегидрогеназу, после 12 недель тренировок увеличилась в среднем на 28%, что свидетельствует об усилении окислительного метаболизма и повышении способности к производству АТФ. Этот эффект

оказался статистически значимым по сравнению с контрольной группой, где изменения были незначительными. Рост ферментативной активности сопровождался увеличением митохондриальной плотности, зафиксированной косвенно через повышение цвета оксигенации мышц, фиксируемой спектроскопией, что указывает на биогенез митохондрий и улучшение их функционального потенциала.

Наблюдалась также значимая оптимизация динамики утилизации кислорода в мышцах: время восстановления параметров оксигенации после нагрузки сократилось на 18%, что отражает повышение эффективности дыхательной цепи и способность мышечных клеток быстрее восстанавливаться. Параллельно снижение уровня лактата в крови после физических нагрузок на 15% свидетельствует об улучшении аэробного обмена и сдвиге лактатного порога, что положительно коррелирует с увеличением митохондриальной активности.

Изменения вариабельности сердечного ритма указывали на улучшение работы автономной нервной системы и лучшее восстановление после нагрузок, что повышает общую устойчивость спортсменов к стрессу, вызванному тренировками.

По итогам проведенного исследования хотелось бы сказать, что дальнейшее изучение механизмов адаптации организма имеет свое глубокое актуальное продолжение. Понимание биометаблических основ в дальнейшем неоспоримо позволит обеспечить устойчивый прогресс в подготовке спортсменов на всех уровнях и сохранит их здоровье в условиях современного спорта [7].

Сегодня современные подходы в определении статистических данных, позволяют определить достоверные различия между группами и выявить наиболее эффективные стратегии тренировок для каждого типа спортсменов. В свою очередь полученные результаты могут послужить фундаментом для реализации индивидуализированного подхода в тренировочном процессе.

В дальнейшем планируется проведение дополнительного исследования с той же группой испытуемых. Связанно оно с выявлением сохранения устойчивости организма к применяемому типу нагрузок из предыдущего эксперимента, после длительного перерыва. Перед авторским коллективом стоит задача о проведении сравнительного анализа для выявления положительной динамики.

Список литературы:

[1] Цыгановский, А. М. Морфофункциональные характеристики как критерий индивидуализации оценки физических кондиций студентов выс-

шей школы / А. М. Цыгановский, Н. П. Катунина, Е. А. Цыбина, Е. А. Алешин // Инновационные формы и методы привлечения молодежи к спорту и здоровому образу жизни : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Брянск, 17 мая 2023 года. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2023. – С. 236-244. – EDN GAQAEF.

[2] Гайдаш, Г.А. Положительно-направленная физическая активность, как индивидуальный путь к здоровью и благополучию / А. И. Гайдаш, Д. В. Ошурков, Д. В. Ефимов, С. С. Сергеев // Право и управление. – 2025. – № 4. – С. 345-348.

[3] Ашихмина, Т. А. Способы повышения эффективности развития общей выносливости у курсантов образовательных организаций МВД России / Т. А. Ашихмина, А. И. Гайдаш // Гуманитарно-правовые аспекты развития российского общества : Сборник научных трудов Региональной научно-практической конференции курсантов, студентов и слушателей, Ставрополь, 26 мая 2023 года / Под редакцией А.Д. Котенева, Н.Н. Крыжевской, О.В. Терещенко, Ю.В. Жикривецкой. – Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью «СЕКВОЙЯ», 2023. – С. 26-29

[4] Гайдаш, А. И. Ключевые факторы воздействия на прирост физических показателей у отстающих курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России / А. И. Гайдаш, С. М. Проскурин // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 5(131)

[5] Гайдаш, А. И. Методологические особенности использования комбинированных упражнений в висах и упорах на занятиях по физической культуре / А. И. Гайдаш // Гуманитарно-правовые аспекты развития российского общества : материалы региональной научно-практической конференции курсантов, студентов и слушателей, Ставрополь, 29 мая 2020 года / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ставропольский филиал. – Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью «СЕКВОЙЯ», 2020. – С. 100-103.

[6] Леушина, М. Л. Установление взаимосвязи сенсомоторной двигательной активности у подростков с различным индексом массы тела / М. С. Малашенко, О. В. Карбанович, М. Л. Леушина, А. Е. Сентякова // Право и управление. – 2025. – № 2. – С. 291-295.

[7] Денисенко, К. В. Особенности процесса формирования профессиональных компетенций в рамках дисциплины «Физическая подготовка» / К. В. Денисенко, С. М. Хроменков // Совершенствование физической подготовки сотрудников правоохранительных органов : Сборник научных статей,

Орел, 22 июня 2023 года / Редколлегия: С.Н. Баркалов [и др.]. – Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2023. – С. 99-103.

References:

[1] Tsyganovsky, A. M. Morphofunctional characteristics as a criterion for individualizing the assessment of the physical condition of higher school students/A. M. Tsyganovsky, N. P. Katunina, E. A. Tsybina, E. A. Aleshin//Innovative forms and methods of attracting young people to sports and a healthy lifestyle: a collection of materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Bryansk, 17 May 2023. - Bryansk: Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, 2023. - S. 236-244. – EDN GAQAEF.

[2] Gaidash, G.A. Positive-directed physical activity as an individual path to health and well-being/A. I. Gaidash, D. V. Oshurkov, D. V. Efimov, S. S. Sergeev//Law and management. – 2025. – № 4. - S. 345-348.

[3] Ashikhmina, T. A. Ways to increase the effectiveness of the development of general endurance among cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia/T. A. Ashikhmina, A. I. Gaidash//Humanitarian and legal aspects of the development of Russian society: Collection of scientific works of the Regional Scientific and Practical Conference of cadets, students and students, Stavropol, May 26, 2023/Edited by A.D. Kotenev, N.N. Kryzhevskaya, O.V. Tereshchenko,

Yu.V. Zhikrivetskaya. - Stavropol: Limited Liability Company "SEQUOIA," 2023. - S. 26-29

[4] Gaidash, A. I. Key factors influencing the increase in physical indicators among lagging cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia/A. I. Gaidash, S. M. Proskurin//International Research Journal. – 2023. – № 5(131)

[5] Gaidash, A.I. Methodological features of the use of combined exercises in hangs and stops in physical education classes/A.I. Gaidash//Humanitarian and legal aspects of the development of Russian society: materials of the regional scientific and practical conference of cadets, students and students, Stavropol, May 29, 2020/Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Stavropol branch. - Stavropol: Limited Liability Company "SEQUOIA," 2020. - S. 100-103.

[6] Leushina, M. L. Establishing the relationship of sensorimotor motor activity in adolescents with different body mass index/M. S. Malashenko, O. V. Karbanovich, M. L. Leushina, A. E. Sentyakova//Law and management. – 2025. – № 2. - S. 291-295.

[7] Denisenko, K. V. Features of the process of forming professional competencies within the discipline "Physical Training "/K. V. Denisenko, S. M. Khromenkov//Improving the physical training of law enforcement officers: Collection of scientific articles, Orel, June 22, 2023/Editorial board: S.N. Barkalov [et al.]. - Eagle: Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.V. Lukyanova, 2023. - S. 99-103.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-592-596

ЛОЗОВОЙ Александр Александрович,
Старший преподаватель кафедры
физического воспитания и спорта,
Сибирский Государственный университет науки и технологий
им. М.Ф. Решетнева. Красноярск, Россия,
e-mail: 89235731323@mail.ru

ВЕТРОВА Ирина Владимировна,
Доцент кафедры методики преподавания
спортивных дисциплин и национальных видов спорта,
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева. Красноярск, Россия,
e-mail: roma.ira65@mail.ru

ЧЕРЕПАНОВА Алёна Ивановна,
Преподаватель кафедры физического воспитания и спорта,
Сибирский Государственный университет науки и технологий
им. М.Ф. Решетнева. Красноярск, Россия,
e-mail: cherepanova_9898inbox.ru

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ СТРАТЕГИЙ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ПОСЛЕ СПОРТИВНЫХ И УЧЕБНЫХ НАГРУЗОК

Аннотация. В статье рассматривается проблема оптимизации восстановительных процессов у студенческой молодежи, испытывающей сочетанное воздействие интенсивных когнитивных (академических) и зачастую физических (спортивных) нагрузок. Теоретически проанализированы ключевые стратегии восстановления: нутритивная поддержка, сон, методы физического воздействия (массаж, криотерапия) и психофизиологические техники. Особое внимание уделено специфике студенческого контингента: ограниченность ресурсов (время, финансы), нерегулярность распорядка, высокий уровень стресса. Сформулированы критерии оценки эффективности стратегий в контексте учебно-спортивной деятельности и предложена модель интегрированного подхода к управлению восстановлением в студенческой среде.

Ключевые слова: студенческая молодежь, восстановление, учебный стресс, спортивные нагрузки, сон, питание, саморегуляция, эффективность.

LOZOVOI Alexander Alexandrovich,
Senior Lecturer,
Department of Physical Education and Sports,
Siberian State University of Science and Technology
named after M.F. Reshetnev.
Krasnoyarsk, Russia

VETROVA Irina Vladimirovna,
Associate Professor of the Department
of Teaching Methods of Sports Disciplines and National Sports,
Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafiev.
Krasnoyarsk, Russia

CHEREPANOVA Alyona Ivanovna,
Lecturer, Department of Physical Education and Sports,
Siberian State University of Science and Technology
named after M.F. Reshetnev.
Krasnoyarsk, Russia,

STRATEGIES FOR RECOVERING STUDENTS AFTER SPORTS AND EDUCATIONAL LOADS

Annotation. *The article discusses the problem of optimizing recovery processes in students who experience a combination of intense cognitive (academic) and often physical (sports) loads. The article provides a theoretical analysis of key recovery strategies, including nutritional support, sleep, physical methods (massage, cryotherapy), and psychophysiological techniques. Special attention is given to the specific characteristics of the student population, such as limited resources (time and finances), irregular schedules, and high levels of stress. The article formulates criteria for evaluating the effectiveness of strategies in the context of educational and sports activities and proposes a model of an integrated approach to managing recovery in the student environment.*

Key words: *student youth, recovery, academic stress, sports activities, sleep, nutrition, self-regulation, efficiency.*

Студенческий период характеризуется как время интенсивного когнитивного развития, так и формирования базовых паттернов здорового образа жизни. Студент, особенно совмещающий академическую деятельность с занятиями спортом (в рамках учебной программы, спортивных клубов или самостоятельно), подвергается комплексной нагрузке [4,6]. Данное обстоятельство приводит к накоплению кумулятивной усталости, снижению академической и спортивной результативности, росту риска эмоционального выгорания и соматических заболеваний. Восстановление в данном контексте — это системный процесс, направленный не только на репарацию мышечной ткани после физических упражнений, но и на нормализацию нейроэндокринного статуса, когнитивных функций и психоэмоционального состояния после умственной работы. Актуальность темы определяется необходимостью разработки экономических, научно обоснованных и адаптированных к реалиям студенческой жизни протоколов восстановления, способствующих повышению резильентности и общей эффективности деятельности.

Студенческая деятельность предъявляет уникальные требования к молодежи:

1. Когнитивная нагрузка: длительная статическая работа, высокие требования к вниманию и памяти, стресс от контроля и экзаменов, дедлайны. Ведущий механизм утомления — центральный (нейрональный), связанный с истощением медиаторных систем мозга.
2. Физическая нагрузка: часто носит эпизодический или контрастный характер (от гиподи-

намии до интенсивных тренировок). Сочетает в себе элементы силового, анаэробного и аэробного утомления.

3. Социально-психологический контекст: нерегулярный суточный ритм, финансовые ограничения, высокая социальная активность, частые нарушения гигиены сна и питания.

Поэтому оценка стратегий восстановления должна проводиться по мультипараметрической системе критериев: субъективное благополучие (опросники усталости, настроения), когнитивные показатели (тесты на внимание, память, скорость обработки информации), вегетативный статус (вариабельность сердечного ритма), биохимические маркеры (кортизол) и спортивные функциональные тесты [1,8, 13].

Анализ стратегий восстановления в студенческом контексте позволил выявить несколько важных направлений поддержки учащейся молодежи. Во-первых, нутритивная поддержка, которая включает в себя:

- теоретические основы: восполнение энергосубстратов для мозга (глюкоза) и мышц (гликоген), обеспечение пластическим материалом (белки, ПНЖК для мембран нейронов), коррекция оксидативного стресса.
- Студенческая специфика: преобладание нерегулярного питания, reliance на fast-food, дефицит качественных белков и микронутриентов, высокое потребление кофеина и простых сахаров для экстренной стимуляции.
- Оценка эффективности и практические рекомендации: эффективной считается стратегия, которая реализуема в условиях

столовой/общепития и улучшает когнитивные показатели в долгосрочной перспективе. Ключевое направление — образовательные программы, формирующие навыки составления бюджетного, но сбалансированного рациона с акцентом на регулярность приема пищи, достаточное потребление воды, включение источников омега-3 (льняное масло, жирная рыба) и антиоксидантов (сезонные овощи, фрукты).

Во-вторых, развитие навыков контроля процесса восстановления, регламентация режима сна. Данное направление включает:

- теоретические основы: сон — основной период для синаптической пластичности, консолидации памяти (актуально для учебы), выработки соматотропина и снижения уровня кортизола.
- Студенческая специфика: хронический недосып, социальный джетлаг (поздние подъемы в выходные), использование гаджетов перед сном (синий свет подавляет мелатонин).
- Оценка эффективности: критически важна не столько абсолютная продолжительность, сколько регулярность и гигиена сна. Эффективность стратегий (фиксация времени отхода ко сну, ритуалы, использование берушей, масок, приложений с белым шумом) оценивается по динамике субъективной сонливости (шкала Эпворта) и точности выполнения когнитивных тестов.

Третье направление — методы физического воздействия:

1. Массаж (включая самомассаж и использование роллов):
 - Теоретические основы: снижение мышечного гипертонуса, улучшение субъективного состояния через парасимпатическую активацию.
 - Студенческая специфика: профессиональный массаж часто финансово недоступен.
 - Оценка эффективности: самомассаж с использованием роллов (foam rolling) демонстрирует высокую эффективность в снижении DOMS и улучшении краткосрочного диапазона движений при минимальных затратах. Его можно рекомендовать как базовую практику.
2. Криотерапия (локальная/общая):
 - теоретические основы: анальгетический и противовоспалительный эффект.
 - Студенческая специфика: доступность ограничена (специализированные центры). Альтернатива — контрастный душ.

- Оценка эффективности: эффективна для быстрого снятия болевого синдрома после интенсивных тренировок. Однако для типичных студенческих умственных перегрузок более актуальны иные методы.

Следует также отметить психофизиологические техники и активное восстановление:

1. Дыхательные практики, короткие медитации, mindfulness:
 - теоретические основы: снижение активности симпатической нервной системы, коррекция тревожности, улучшение концентрации.
 - Студенческая специфика: высокая стрессогенность среды. Техники требуют мало времени и ресурсов.
 - Оценка эффективности: измеряется по снижению уровня тревожности (опросники), улучшению показателей ВСР, повышению успеваемости.
2. Низкоинтенсивное активное восстановление (легкая кардионагрузка, прогулки):
 - теоретические основы: ускорение кровотока и метаболического клиренса, улучшение настроения.
 - Студенческая специфика: легко интегрируется в распорядок дня (ходьба между корпусами, велопогулка).
 - Оценка эффективности: эффективно для снятия умственной усталости и легкого мышечного напряжения.

На основе проведенного теоретического анализа предлагается многоуровневая модель процесса индивидуального восстановления студента:

1. Базовый (обязательный) уровень: гигиена сна и режим питания. Без коррекции этих факторов другие стратегии малоэффективны. Образовательные интервенции должны быть нацелены именно на эту область.
2. Повседневный (проактивный) уровень: регулярное использование психофизиологических техник (5-10 мин в день) и активного восстановления (ходьба). Направлен на повышение стрессоустойчивости и профилактику накопления усталости.
3. Ситуативный (реактивный) уровень: применение самомассажа (роллы) после физических нагрузок и контрастных водных процедур для быстрого снятия острых симптомов утомления.
4. Ресурсный (периодический) уровень: при наличии возможности — использование профессионального массажа или криотерапии в пиковые периоды (сессия, спортивные соревнования).

Эффективность стратегий восстановления для студенческой молодежи должна оцениваться не только через призму физиологических маркеров, но и через критерии практической реализуемости, экономической доступности и непосредственного влияния на академическую успеваемость и психологическое благополучие. Наиболее действенным подходом является не механическое заимствование спортивных протоколов, а разработка интегрированных, образовательно-ориентированных программ, которые учат студентов осознанно управлять своими ресурсами в условиях реальных ограничений [5,10,11]. Такие программы, основанные на принципах поведенческой медицины и педагогики, должны комбинировать знание о фундаментальной роли сна и питания с обучением простым, нефармакологическим техникам саморегуляции (дыхание, самомассаж, техники ментальной разгрузки).

Критически важным представляется внедрение вышеуказанных знаний в образовательный контекст, что может принимать следующую форму:

- модулей в рамках дисциплин по физической культуре и безопасности жизнедеятельности, смещающих фокус с нормативов на личное управление здоровьем;
- психообразовательных семинаров и воркшопов от служб психологической поддержки университетов, посвященных управлению стрессом и энергетическими ресурсами;
- цифровых сред (мобильные приложения, платформы) с персонализированными рекомендациями, основанными на расписании студента и данных с трекеров активности.

При этом разработка программ должна учитывать социокультурные и экономические особенности студенческой среды: доступность пищевых продуктов в столовых, акустическую обстановку в общежитиях, график учебных занятий. Эффективность следует измерять комплексно: через динамику академического прогресса (средний балл, процент завершенных работ), показатели психического здоровья (опросники на выгорание, тревожность), снижение заболеваемости и, что немаловажно, через формирование устойчивых поведенческих паттернов, которые студент переносит во взрослую жизнь [3,10,12].

Дальнейшие исследования должны быть направлены на оценку долгосрочного эффекта подобных учебных модулей, внедренных в образовательную среду, на показатели здоровья, академической успеваемости и качества жизни студентов. Особую ценность представляют лонгитюдные исследования, отслеживающие, как сформированные в университете привычки к вос-

становлению влияют на профессиональную адаптацию и резильентность к стрессу в первые годы после выпуска. Кроме того, необходим поиск наиболее эффективных форматов донесения информации (микро-обучение, геймификация, peer-to-peer консультирование) и изучение роли тьюторов и кураторов в поддержке этих практик. В конечном итоге, интеграция науки о восстановлении в образовательную политику вуза – это инвестиция не только в текущую успеваемость, но и в формирование здорового, продуктивного и устойчивого поколения специалистов.

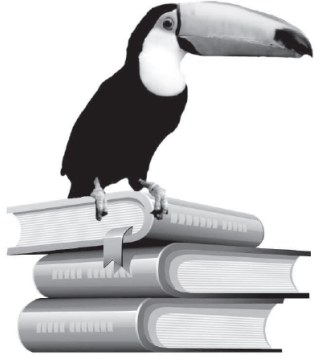
Список литературы:

- [1] Агаджанян Н.А., Баевский Р.М., Берсенева А.П. Учение о здоровье и проблемы адаптации. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. – 204 с.
- [2] Баевский Р.М., Иванов Г.Г. Вариабельность сердечного ритма: теоретические аспекты и возможности клинического применения. // Ультразвуковая и функциональная диагностика. – 2001. – №3. – С. 106-127.
- [3] Дубровский В.И. Реабилитация в спорте. – М.: Физкультура и спорт, 1991. – 208 с.
- [4] Иорданская Ф.А., Юдинцева М.С. Мониторинг функциональной подготовленности юных спортсменов – резерва национальных сборных команд. – М.: Советский спорт, 2011. – 144 с.
- [5] Куликов Л.В. Психические состояния. – СПб.: Питер, 2000. – 512 с.
- [6] Левин Я.И., Ковров Г.В. Некоторые современные подходы к терапии инсомнии. // Лечащий врач. – 2003. – №4. – С. 10-14.
- [7] Малкин В.Р. Психическая и физиологическая адаптация человека. – Л.: Наука, 1984. – 246 с.
- [8] Пономарева В.В. Гигиенические основы здорового образа жизни студентов. – М.: Изд-во МГУ, 2007. – 168 с.
- [9] Rogozkin V.A., Pshendin A.I., Shishina N.N. Питание спортсмена. – М.: Физкультура и спорт, 1989. – 159 с.
- [10] Соломин В.П., Станкевич П.В., Матусевич М.С. Психология безопасности и здоровьесбережения в образовании: учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. – 238 с.
- [11] Сонькин В.Д., Тамбовцева Р.В. Развитие мышечной энергетики и работоспособности в онтогенезе. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 368 с.
- [12] Хрущев С.В., Круглый М.М. Врачебный контроль за физическим воспитанием школьников. – М.: Медицина, 1980. – 224 с.
- [13] Шапошникова В.И. Индивидуализация и прогноз в спорте. – М.: Физкультура и спорт, 1984. – 158 с.

References:

- [1] Aghajanyan NA, Baevsky RM, Berseneva A.P. The doctrine of health and the problems of adaptation. - Stavropol: Publishing House of SSU, 2000. - 204 s.
- [2] Baevsky R.M., Ivanov G.G. Heart rate variability: theoretical aspects and possibilities of clinical application. //Ultrasound and functional diagnostics. - 2001. - №3. - S. 106-127.
- [3] Dubrovsky V.I. Rehabilitation in sports. - M.: Physical education and sports, 1991. - 208 s.
- [4] Iordanskaya FA, Yudintseva M.S. Monitoring the functional preparedness of young athletes - the reserve of national teams. - M.: Soviet Sport, 2011. - 144 s.
- [5] Kulikov L.V. Mental states. - St. Petersburg: Peter, 2000. - 512 s.
- [6] Levin Y.I., Kovrov G.V. Some modern approaches to the therapy of insomnia. //Attending physician. - 2003. - №4. - S. 10-14.
- [7] Malkin V.R. Human psychic and physiological adaptation. - L.: Science, 1984. - 246 s.
- [8] Ponomareva V.V. Hygienic foundations of a healthy lifestyle of students. - M.: Publishing House of Moscow State University, 2007. - 168 s.
- [9] Rogozkin V.A., Pshendin A.I., Shishina N.N. Athlete nutrition. - M.: Physical education and sports, 1989. - 159 s.
- [10] Solomin V.P., Stankevich P.V., Matusevich M.S. Psychology of safety and health in education: a textbook. - St. Petersburg: Publishing House of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, 2017. - 238 p.
- [11] Sonkin V.D., Tambovtseva R.V. Development of muscle energy and performance in ontogenesis. - M.: LIBROKOM Book House, 2011. - 368 p.
- [12] Khrushchev S.V., Krugly M.M. Medical control over the physical education of schoolchildren. - M.: Medicine, 1980. - 224 s.
- [13] Shaposhnikova V.I. Individualization and forecast in sports. - M.: Physical education and sports, 1984. - 158 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-597-600

ВАСЕНКОВ Николай Владимирович,
кандидат биологических наук,
доцент кафедры физического воспитания
Казанский государственный энергетический университет,
Российского государственного университета правосудия
им. В. М. Лебедева,
e-mail: Vnv62@inbox.ru

МАРТЬЯНОВ Олег Петрович,
кандидат биологических наук,
доцент кафедры общеобразовательных дисциплин
Российского государственного университета правосудия
им. В. М. Лебедева,
e-mail: o.martianov@mail.ru

МЕРХАЙДАРОВА Нурия Нурулловна,
кандидат педагогических наук,
ст. преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Российского государственного университета правосудия
им. В. М. Лебедева,
e-mail: nmerkhaydarova@mail.ru

СЕМЕНОВА Марина Геннадьевна,
кандидат педагогических наук,
ст. преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин
Российского государственного университета правосудия
им. В. М. Лебедева,
e-mail: mgks1961@mail.ru.

МЕТОДЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ КИБЕРСПОРТСМЕНОВ

Аннотация. В статье рассматривается физическая подготовка профессиональных киберспортсменов как ключевой фактор профилактики профессиональных заболеваний, связанных с гиподинамией и длительными статическими нагрузками. Анализируются основные проблемы здоровья игроков: расстройства опорно-двигательного аппарата (хронические боли в шее, спине, запястьях), синдром зрительного утомления, снижение аэробной выносливости, метаболические нарушения, нарушения сна и психоэмоциональное истощение. Особое внимание уделяется причинам их возникновения и доказанной эффективности целенаправленных физических программ.

Ключевые слова: киберспорт, киберспортсмены, физическая подготовка, гиподинамия, профилактика профессиональных заболеваний.

VASENKOV Nikolay Vladimirovich,
Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor of the Department of Physical Education
Kazan State Power Engineering University,
Lebedev Russian State University of Justice

MARTIANOV Oleg Petrovich,
Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor of the Department of General Education Disciplines
at the Lebedev Russian State University of Justice

MERKHAIDAROVA Nuriya Nurullovn,

Candidate of Pedagogical Sciences,

*Senior lecturer at the Department of Social and Humanitarian Disciplines
of the Lebedev Russian State University of Justice*

SEMENOVA Marina Gennadyevna,

Candidate of Pedagogical Sciences,

*Senior Lecturer at the Department of General Education Disciplines
of the Lebedev Russian State University of Justice*

METHODS OF PREVENTION OF OCCUPATIONAL DISEASES OF CYBERSPORTSMEN

Annotation. *The article examines the physical fitness of professional esports athletes as a key factor in the prevention of occupational diseases associated with physical inactivity and prolonged static loads. The main health problems of the players are analyzed: disorders of the musculoskeletal system (chronic pain in the neck, back, wrists), visual fatigue syndrome, decreased aerobic endurance, metabolic disorders, sleep disorders and psychoemotional exhaustion. Special attention is paid to the causes of their occurrence and the proven effectiveness of targeted physical programs.*

Key words: *e-sports, e-athletes, physical fitness, physical inactivity, prevention of occupational diseases.*

Введение. Киберспорт представляет собой динамично развивающуюся область соревновательной деятельности, где профессиональные игроки проводят за компьютером от 6 до 14 часов в сутки. Такая интенсивность сочетается с высокой когнитивной нагрузкой и почти полной гиподинамией нижней части тела, что существенно повышает риск развития профессиональных заболеваний – от расстройств опорно-двигательного аппарата до зрительного утомления, метаболических нарушений и психоэмоционального истощения [1].

Актуальность проблемы гиподинамии подчеркивается исследованиями, показывающими высокую распространенность хронических болей в шее, спине, плечах и запястьях (до 60–70 % случаев), а также снижение кардио-респираторной выносливости [2]. В то же время целенаправленная физическая подготовка зарекомендовала себя как эффективное средство не только профилактики этих состояний, но и повышения игровой производительности.

Цель исследования – систематизировать современные подходы к физической подготовке киберспортсменов и обосновать ее роль в профилактике профессиональных заболеваний, связанных с гиподинамией и перегрузками.

Задачи исследования:

- проанализировать специфику киберспорта и основные проблемы здоровья профессиональных игроков;
- выявить причины возникновения ключевых профессиональных заболеваний;

- обобщить существующие методики физической подготовки и их эффективность на основе анализа научных источников;
- сформулировать практические рекомендации по интеграции физических упражнений в тренировочный процесс и оценить их влияние на здоровье и игровые показатели.

Методы исследования включают анализ научно-методической литературы (обзоры, оригинальные статьи, систематические обзоры), сравнительный анализ отечественных и зарубежных публикаций, обобщение результатов педагогических экспериментов, рандомизированных контролируемых исследований (РКИ) и анкетных опросов киберспортсменов. Используются данные из рецензируемых источников (РИНЦ, CyberLeninka, Frontiers, PubMed), включая педагогическое тестирование физической и когнитивной подготовленности, видеоанализ тренировочных процессов, методы математической статистики для оценки эффективности программ.

Проблемы здоровья киберспортсменов

Киберспорт охватывает разнообразные дисциплины – от шутеров от первого лица (FPS) до многопользовательских онлайн-боевых арен (МОБА) и стратегий. Профессиональные игроки уделяют основное внимание практике в игре, разбору матчей и командной координации, при этом аэробная активность остается минимальной. Главная нагрузка приходится на зрительный анализатор, мелкую моторику кистей и когнитивные функции, что делает киберспорт уникальным

видом деятельности, требующим специальной компенсации сидячего образа жизни.

Профессиональные игроки сталкиваются с рядом рисков, обусловленных спецификой их работы:

1. Расстройства опорно-двигательного аппарата проявляются хроническими болями в шее, спине, плечах, запястьях и кистях (до 60–70 % случаев). Их вызывают длительная статическая поза (5,5–10 часов сидения ежедневно), неоптимальная эргономика рабочего места, а также повторяющиеся микротравмы от интенсивных движений мышью и клавиатурой, что приводит к перегрузкам мышц, сухожилий и нервов. В результате развиваются синдром запястного канала, тендиниты, остеохондроз шейного и поясничного отделов, а также мышечные дисбалансы.
2. Синдром зрительного утомления (цифровой зрительный синдром) сопровождается сухостью глаз, головными болями и снижением остроты зрения. Причины – продолжительная фиксация взгляда на экране, воздействие синего света, редкое моргание (частота падает до 5–7 раз в минуту вместо нормы 15–20), неоптимальное освещение и расстояние до монитора. Более 90 % игроков отмечают усталость глаз, часто в сочетании с головными болями и проблемами фокусировки.
3. Снижение аэробной выносливости, повышенный риск сердечно-сосудистых заболеваний и метаболических нарушений (в том числе ожирение и рост процента жира) связаны с выраженной гиподинамией, замедлением метаболизма, накоплением висцерального жира и нарушениями липидного профиля. Ситуацию усугубляют нерегулярное питание и частое употребление кофеина или энергетических напитков.
4. Нарушения сна, хронический стресс и выгорание возникают из-за нестабильного графика (включая ночные сессии), высокого психоэмоционального напряжения в соревновательной среде, чрезмерной когнитивной нагрузки и подавления выработки мелатонина синим светом от экранов. Отсутствие регулярной двигательной активности усиливает все эти состояния и снижает общую адаптационную способность организма.

Методы профилактики профессиональных заболеваний

Профилактика описанных рисков опирается на компенсацию гиподинамии, разгрузку перегруженных мышечных групп и повышение функциональной подготовленности. Ключевые направления – аэробные нагрузки, силовые упражнения,

координационная и нейроатлетическая подготовка (нейроатлетика направлена на улучшение взаимодействия нервной системы и мышц для повышения скорости реакции, координации и точности движений), а также превентивные комплексы для шеи, плечевого пояса и кистей.

Один из подходов сочетает специальные игровые упражнения (имитирующие игровые движения с добавлением координационных элементов или сопротивления) с общими физическими нагрузками. Такие программы, прошедшие педагогическое тестирование, улучшают координацию, время реакции и уменьшают признаки гиподинамии.

Другой подход строится на многоуровневой структуре, включающей развивающий, игровой, нейроатлетический и превентивный блоки. Нейроатлетический компонент развивает скорость реакции и координацию, превентивный – разгружает проблемные зоны (шея, плечи, запястья). Эффективность подтверждена видеоанализом тренировок и опросами профессиональных игроков.

Международные рандомизированные контролируемые исследования показывают пользу программ на основе высокоинтенсивного интервального тренинга – чередование коротких периодов максимальной или субмаксимальной интенсивности с периодами восстановления (HIIT). В одном из них 8-недельная программа с HIIT и упражнениями на силу хвата значительно улучшила общую координацию. В другом 6-недельный HIIT у 83 игроков FPS повысил игровые навыки (flicking на 16,4 %, tracking на 12,8 %, принятие решений на 10,5 %, точность стрельбы на 4,0 %), сократил время реакции на 8,1 % (–44,7 мс) и увеличил максимальное потребление кислорода на 18,6 %.

Регулярные упражнения на выносливость и силу положительно коррелируют с более быстрым реагированием в игре. Систематические обзоры подтверждают снижение рисков травм и улучшение когнитивных функций при интеграции физической активности.

Практические рекомендации для профилактики профессиональных заболеваний

Для эффективной профилактики целесообразно внедрять следующие меры, подкрепленные доказанной эффективностью:

- Регулярные перерывы каждые 45–60 минут с упражнениями на растяжку и мобилизацию шеи, плеч, запястий и спины (круговые движения головой, растяжка трапеций, сжатие-разжимание кистей) снижают проявления зрительного утомления и болевой синдром в перегруженных зонах, способствуя профилактике хронических расстройств опорно-двигательного аппарата [3].

- Аэробные нагрузки (бег, велосипед, HIIT) 3–5 раз в неделю по 20–40 минут повышают максимальное потребление кислорода до 18,6 % за 6 недель, улучшают общую выносливость, снижают метаболические риски и коррелируют с ускорением реакции в игре (сокращение времени реакции на 8,1 %) [4].
 - Силовые упражнения для мышц кора, плечевого пояса и кистей (планки, отжимания, работа с эспандером, жимы) значительно улучшают силу хвата и координацию за 8 недель, снижая риск перегрузочных травм верхних конечностей [5].
 - Оптимизация эргономики рабочего места (локти под углом 90°, подставки под запястья, монитор на уровне глаз на расстоянии вытянутой руки, антибликовое покрытие) уменьшает нагрузку на позвоночник и запястья, предотвращая синдром запястного канала и шейный остеохондроз [6].
 - Контроль сна (7–9 часов в сутки, гигиена сна – затемнение комнаты, отказ от экранов за час до сна) и восстановления (техники релаксации, медитация) улучшают качество сна, снижают уровень стресса и выгорания, положительно влияя на когнитивные функции [7].
- Комплексное выполнение этих рекомендаций минимизирует профессиональные риски и одновременно повышает игровые показатели (улучшение стилей прицеливания flicking и tracking, принятия решений и точности) за счет снижения утомляемости и лучшей физической формы.

Заключение

Физическая подготовка остается одним из наиболее эффективных инструментов профилактики профессиональных заболеваний киберспортсменов. Она успешно компенсирует гиподинамию, разгружает опорно-двигательный аппарат и зрительную систему, повышает аэробную выносливость и игровую производительность. Комбинированные методики с элементами HIIT, нейроатлетики и превентивных блоков дают наиболее выраженные результаты – рост максимальное потребление кислорода на 18,6%, сокращение времени реакции на 8,1%, улучшение координации и силы.

Сегодня киберспорт стоит на пороге смены парадигмы: от узкого восприятия игрока как «мозга с руками» к пониманию его как комплексного атлета, где физическое состояние напрямую определяет когнитивный потенциал, устойчивость к стрессу и способность к пиковой производительности в длительных сессиях. Стандартизация таких программ и их обязательное включение в тренировочный процесс необходимы для долгосрочного сохранения здоровья и устойчивого развития карьеры киберспортсменов.

Список литературы:

- [1] Васенков Н.В. Проблемы в мотивации студентов к занятиям физической культурой Образование и право. 2024. № 9. С. 263-265.
- [2] Васенков Н.В., Мерхайдарова Н.Н. Внедрение it-технологий в систему спортивной подготовки вузов Перспективы науки. 2023. № 7 (166). С. 125-127.
- [3] Гарифуллина А.О., Мухамердиева А.Р. Роль физической культуры в образовании Образование и право. 2024. № 11. С. 385-388.
- [4] Гильманшин Р.А. Педагогический потенциал фиджитал спорта в развитии социально-коммуникативных навыков студенческой молодежи Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 9. № 5 (146). С. 233-237.
- [5] Ибрагимов И.Ф., Нагуманова А.И., Колясова В.Н., Таштиев Р.И. Экономические аспекты управления спортивными клубами и организациями Образование и право. 2024. № 5. С. 418-425.
- [6] Севодин С.В., Идрисова А.А. Использование цифровых технологий на занятиях физической культурой Глобальный научный потенциал. 2024. № 4-2 (157). С. 100-104.
- [7] Хабибуллин А.Б., Ильин С.Н., Ишмухаметова Н.Ф. Влияние физической культуры на психологическое состояние человека Образование и право. 2024. № 10. С. 337-341.

References:

- [1] Vasenkov N.V. Problems in motivating students to engage in physical education Education and law. 2024. № 9. S. 263-265.
- [2] Vasenkov N.V., Merkhaidarova N.N. Introduction of it-technologies in the system of sports training of universities Perspectives of science. 2023. № 7 (166). S. 125-127.
- [3] Garifullina A.O., Mukhamerdieva A.R. The role of physical culture in education Education and law. 2024. № 11. S. 385-388.
- [4] R.A. Gilmanshin. Pedagogical potential of sports in the development of social and communication skills of student youth Economy and management: problems, solutions. 2024. VOL. 9. № 5 (146). S. 233-237.
- [5] I.F. Ibragimov, A.I. Nagumanova, V.N. Kolyasova, R.I. Tashtiev. Economic aspects of managing sports clubs and organizations. Education and law. 2024. № 5. S. 418-425.
- [6] Sevodin S.V., Idrisova A.A. Use of digital technologies in physical education Global scientific potential. 2024. № 4-2 (157). S. 100-104.
- [7] Khabibullin A.B., Ilyin S.N., Ishmukhametova N.F. The influence of physical culture on the psychological state of a person Education and law. 2024. № 10. S. 337-341.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-601-606

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

КОКШАРОВ Евгений Владимирович,
доцент, доцент кафедры физической культуры и спорта,
Уральский институт ГПС МЧС России,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПОЖАРНЫХ: КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ И РАЗВИТИЕ

Аннотация. В статье рассматривается физическая культура пожарных как системный фактор профессиональной эффективности и безопасности служебной деятельности. На основе анализа научно-методических источников выделены ключевые физические качества, определяющие готовность к выполнению типовых действий в условиях высокой тепловой и психоэмоциональной нагрузки: общая выносливость, силовая выносливость, координация, мобильность, а также функциональная устойчивость сердечно-сосудистой и дыхательной систем. Показано, что формальная ориентация только на нормативы общей физической подготовленности не всегда отражает реальную работоспособность в экипировке и при ограничении дыхания, что требует сочетания общей, специальной и профессионально-прикладной подготовки. Обоснована необходимость мониторинга функционального состояния и развития культуры восстановления и самоконтроля как условий профилактики перенапряжения и травматизма.

Ключевые слова: физическая культура, пожарные, силовая выносливость, функциональное состояние, восстановление.

KOKSHAROV Evgeny Vladimirovich,
Docent, Associate Professor
of the Department of Physical Culture and Sports,
Ural Institute of State Emergency Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
Yekaterinburg, Russia

PHYSICAL EDUCATION OF FIREFIGHTERS: KEY ASPECTS OF TRAINING, PROFESSIONAL EFFECTIVENESS AND DEVELOPMENT

Annotation. The article considers firefighters' physical education as a systemic factor of professional effectiveness and operational safety. Based on the analysis of scientific and methodological sources, the key physical qualities determining readiness for typical job tasks under high thermal and psycho-emotional stress are identified: general endurance, strength endurance, coordination, mobility, as well as functional stability of cardiovascular and respiratory systems. It is shown that a formal focus only on general fitness standards does not always reflect actual work capacity in full gear and under breathing constraints, which requires a combination of general, special and job related (applied) training. The necessity of monitoring functional state and developing recovery and self control culture is substantiated as a condition for preventing overstrain and injuries.

Key words: physical education, firefighters, strength endurance, functional state, recovery.

Введение

Профессиональная деятельность пожарных и спасателей относится к видам труда с экстремальной физической и психологической нагруз-

кой, где успешность действий определяется не только профессиональными знаниями и владением техникой, но и уровнем физической и психологической подготовленности. Выполнение задач

в условиях пожара или ликвидации чрезвычайной ситуации характеризуются сочетанием факторов, редко встречающихся одновременно в обычной спортивной практике: высокая температура и тепловое излучение, сильное задымление, необходимость длительной работы в тяжелом снаряжении, ограничение дыхания при использовании СИЗОД, высокие требования к скорости принятия решений и устойчивости к стрессу. В этих условиях физическая культура выступает не «дополнительной» составляющей, а базовым ресурсом обеспечения профессиональной эффективности и безопасности [1,2,3,4].

Современное понимание физической культуры личного состава пожарно-спасательных подразделений включает не только тренировочный процесс, но и ценностно-мотивационную сферу, организацию двигательного режима, гигиенические навыки, культуру восстановления и самоконтроля. Для пожарного физическая культура функционально связана с выполнением задач: разведка пожара и поиск пострадавших, прокладка магистральных и рабочих рукавных линий, подача стволов, вскрытие конструкций, работа с гидравлическим и механизированным инструментом, эвакуация и спасение людей, подъем по лестничным маршам и вертикальным участкам на верхние этажи зданий. Каждая из задач предъявляет комплексные требования к силе, выносливости, ловкости, скорости и координации, а также к устойчивости сердечно-сосудистой и дыхательной систем к нагрузкам и перегреву. При этом в практике подготовки нередко сохраняется разрыв между формальным выполнением нормативов общей физической подготовленности и реальными потребностями службы. Нормативы диагностируют отдельные качества, но не всегда отражают способность выполнять комплексную работу в снаряжении, при ограничении видимости и дыхания, под воздействием тепла и психоэмоциональной нагрузки. Следовательно, актуальной становится задача построения модели физической культуры пожарных, в которой тренировочные средства и оценочные процедуры максимально приближены к профессиональным действиям, а сама подготовка организована как управляемый процесс с мониторингом результатов и состоянием здоровья. В связи с этим, целью данной статьи является раскрытие ключевых аспектов физической культуры пожарных и их связь с профессиональной эффективностью.

Основная часть

В профессиональной деятельности пожарных ключевым является сочетание аэробной

работоспособности и силовой (физической) выносливости. Работа на пожаре часто имеет интервальный характер: короткие эпизоды высокоинтенсивных действий (переноска оборудования, вскрытие конструкций, подъем по лестничным маршам на верхние этажи здания, спасение людей) чередуются с относительно меньшей, но все равно значительной нагрузкой (переноска пожарно-технического вооружения и оборудования, прокладка рукавных линий и др.). При этом снаряжение пожарного, а также средства защиты увеличивают энергорасход и создают дополнительные биомеханические ограничения: масса снаряжения повышает нагрузку на опорно-двигательный аппарат, а СИЗОД увеличивают дыхательное сопротивление [5].

Отсюда вытекают приоритетные качества для профессиональной подготовки пожарных:

- общая выносливость (способность длительно поддерживать работу без критического утомления);
- силовая выносливость мышц ног, спины, плечевого пояса и корпуса (перенос, удержание, тяговые и толкающие действия);
- функциональная устойчивость к тепловой нагрузке и дефициту дыхательной «комфортности»;
- координация и ловкость (передвижение по лестницам, в ограниченных пространствах, работа на высоте, манипуляции инструментом);
- быстрота и мощность в рамках прикладных действий (быстрое перемещение, короткие усилия при вскрытии конструкций);
- гибкость и мобильность суставов (снижение травматизма, способность работать в неудобных позах).

Я.Д. Ломтева, Н.А. Кращенко отмечают, что регулярные занятия физической культурой и спортом для сотрудников пожарно-спасательных подразделений являются не досуговой активностью, а важным средством повышения профессиональной эффективности и поддержания здоровья. Авторы подчеркивают, что систематические тренировки развивают выносливость, силу и ловкость, а также способствуют контролю массы тела, что в совокупности снижает риск травматизма [6].

А.А. Частихин, А.М. Частихин считают, что физическая подготовка в образовательном процессе пожарных выступает одним из средств повышения умственной и физической работоспособности и обеспечивает физическую готовность к овладению избранной профессией. Ученые подчеркивают, что профессиональная деятельность

пожарных в существенной мере обусловлена их физическими кондициями: она требует значительного напряжения физических сил, а успешность выполнения функциональных обязанностей во многом определяется высокой физической подготовленностью. Физическая подготовка является составной частью профессионального образования пожарных, а физические качества и прикладные двигательные навыки — важнейшим компонентом их профессиональной пригодности (как элемента структуры профессионально важных качеств специалиста) [7].

М.Т. Лобжа, Д.В. Жернаков, Д.А. физическую подготовку определяют как составную часть профессионального образования пожарных и важным выделяют роль физических упражнений в обеспечении физической готовности пожарных к выполнению задач в сложных и экстремальных условиях. В ретроспективном обзоре авторы демонстрируют, что по мере развития системы подготовки, большее значение приобретают служебно-прикладные средства: упражнения на преодоление препятствий, работу с оборудованием, переноску тяжестей, действия на высоте, работу в условиях утомления и дефицита видимости, что связано с требованиями к выносливости, силе, ловкости, скорости, координации, смелости и психологической устойчивости [8].

М.С. Голышев, Д.С. Смольников отмечают, что физическое воспитание в системе МЧС России является обязательной частью профессиональной подготовки и напрямую связано с готовностью пожарных и спасателей к службе. Авторы подчеркивают необходимость развития ключевых физических качеств через регулярные тренировки и сдачу нормативов, а также формирования специальных умений [9].

Важно учитывать, что «усредненная» физическая подготовка без ориентации на прикладность может не дать требуемого эффекта. Например, беговые нагрузки формируют аэробную базу, но без включения тренировок (переноски пострадавшего, подъема по лестничным маршам, работы с отягощениями) могут быть недостаточны для задач по спасению людей или работы с пожарно-техническим оборудованием. Аналогично, силовая тренировка без развития выносливости и функциональной стабильности может привести к утомлению при длительной работе на пожаре [10].

Профессиональная эффективность пожарного проявляется в скорости и точности действий, способности поддерживать работоспособность в течение всего времени по тушению пожара и сни-

жать вероятность ошибок, обусловленных утомлением. Физическая культура влияет на эти параметры через некоторые механизмы:

- Во-первых, повышение функциональных резервов (сердечно-сосудистой и дыхательной систем) позволяет выполнять работу при меньшей относительной интенсивности, то есть с меньшей «ценой» для организма. Это уменьшает темп накопления утомления и повышает ресурс для повторных усилий.
- Во-вторых, развитие силовой выносливости снижает риск «локального отказа» мышечных групп, которые часто лимитируют выполнение задач (например, мышцы предплечий и плечевого пояса при удержании инструмента, мышцы корпуса при переноске, разгибатели спины при работе в наклоне).
- В-третьих, координационная подготовленность повышает эффективность движений: экономичность действий в снаряжении, устойчивость на опорах, точность манипуляций в перчатках и при ограниченной видимости.
- В-четвертых, регулярные занятия физической культурой выступают средством психофизиологической устойчивости: тренированность облегчает перенос стрессовой нагрузки, улучшает саморегуляцию, способствует сохранению когнитивной работоспособности на фоне утомления.

Отдельное значение имеет культура самоконтроля: умение соотносить ощущения, дыхание, темп работы и признаки перегрева с конкретными действиями, своевременно использовать отдых и восстановление, соблюдать питьевой режим. В условиях современной службы, где ошибки могут иметь критические последствия, такая культура является не менее значимой, чем «сила» или «скорость» как таковые. Так, Т.Ю. Федорова, А.Ю. Борискина рассматривают самоконтроль как регулярное индивидуальное наблюдение за своим самочувствием и реакцией организма на физические нагрузки, необходимое для повышения эффективности тренировок и предупреждения переутомления. Ученые выделяют субъективные показатели (самочувствие, сон, аппетит, работоспособность, эмоциональное состояние) и объективные (ЧСС, артериальное давление, масса тела, результаты тестов и др.) [11].

Рационально рассматривать систему подготовки пожарных как интеграцию трех взаимосвязанных блоков (рис. 1).

Рис. 1. Связь блоков системы физической подготовки пожарных

Общая физическая подготовка формирует базовую работоспособность и здоровье: аэробная выносливость, общая сила, подвижность, коррекция мышечных дисбалансов, укрепление связочно-суставного аппарата. Без этой базы прикладные упражнения повышают риск травм и не дают устойчивого прогресса.

Специальная физическая подготовка приближает нагрузку к характеру профессиональной деятельности: силовая выносливость в многосуставных движениях, интервальные режимы, тренировки «под утомлением», работа со смешанными энергосистемами. Здесь важны круговые и интервальные методы, которые моделируют повторяющиеся эпизоды интенсивной работы.

Профессионально прикладная подготовка ориентирована на конкретные действия и навыки: подъем и спуск по лестницам, переноска условного пострадавшего, работа с пожарно-техническим вооружением и оборудованием, преодоление препятствий, работа в снаряжении (в допустимых и безопасных условиях). Прикладность повышает перенос тренированности на служебные задачи, а также формирует двигательные стереотипы, снижающие время выполнения операций.

Эффективная система строится на принципе постепенности и вариативности: увеличение объема и интенсивности должно сопровождаться планированием восстановления и профилактикой перегрузок. Недостаток вариативности (монотон-

ные занятия) ведет к «эффекту плато» и снижению мотивации, а чрезмерная «боевитость» тренировок без базы приводит к травматизму.

Необходимо отметить, что система физической культуры нуждается в объективной оценке. Важно различать методы контроля: тесты общей подготовленности (например, беговые и силовые нормативы), функциональные показатели (частота сердечных сокращений, восстановление после нагрузки, субъективная шкала утомления), а также прикладные тесты, имитирующие профессиональные действия (полоса препятствий, переноска груза, подъем с оборудованием). Наиболее информативной является комбинированная оценка, поскольку один показатель не отражает многокомпонентность деятельности.

Мониторинг целесообразно строить по принципу «минимум данных — максимум управляемости»: регулярная фиксация ключевых показателей позволяет корректировать план подготовки и предотвращать перетренированность [12]. Практически значимы: динамика восстановительных характеристик, частота травм, соблюдение режима сна и восстановления, переносимость работы в экипировке. Включение таких параметров в управленческий контур повышает безопасность подготовки.

Травмы у пожарных часто связаны с перегрузкой опорно-двигательного аппарата, недостатком мобильности, слабостью стабилизаторов кор-

пуса, а также с несоблюдением техники перемещения оборудования (груза) и работы в неудобных позах. Поэтому развивающаяся система физической культуры должна включать профилактический модуль: упражнения на стабильность, баланс, развитие подвижности тазобедренных и плечевых суставов, укрепление мышц корпуса, обучение рациональным двигательным стратегиям (подъем и перенос тяжестей, повороты, работа на лестницах).

Не менее важным является и процесс восстановления: планирование легких тренировочных дней, использование активного восстановления, корректировка объема при признаках перегрузки. В организационном смысле это означает признание восстановления частью подготовки, а не «свободным временем». Для подразделений, работающих сменами, существенны рекомендации по управлению нагрузкой в зависимости от качества сна и предшествующих выездов; универсальная «одинаковая» программа для всех смен может снижать эффект и повышать риски.

Заключение

Физическая культура пожарных представляет собой комплексную систему, включающую тренировочный процесс, прикладную направленность, мониторинг состояния, профилактику травматизма и культуру восстановления. Ее значение определяется особенностями профессиональной деятельности, где физическая и функциональная готовность напрямую связаны с эффективностью выполнения задач и безопасностью как самого пожарного, так и окружающих. Ключевыми аспектами подготовки являются развитие общей выносливости и силовой выносливости, координации и прикладных двигательных навыков, а также формирование навыков самоконтроля и рационального восстановления. Интеграция системы физической подготовки в профессиональное обучение пожарных, повышает устойчивость работоспособности и способствует долгосрочному сохранению здоровья и профессионального долголетия.

Список литературы:

[1] Тимощенко, В. В. Аспекты профессиональной подготовки курсантов вузов МЧС России к деятельности в экстремальных ситуациях / В. В. Тимощенко, А. Д. Низяков, А. А. Карапузиков // *Право, история, педагогика и современность : Сборник статей VI Международной научно-практической конференции*, Пенза, 29–30 января 2025 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – С. 281-285. – EDN FHXJCU.

[2] Кокшаров, Е. В. Современные подходы к физической подготовке курсантов МЧС России в

условиях служебно-профессиональной деятельности / Е. В. Кокшаров, А. А. Карапузиков // *Право и управление*. – 2025. – № 8. – С. 116-120. – DOI 10.24412/2224-9133-2025-8-116-120. – EDN ZIHGHQ.

[3] Кокшаров, Е. В. Физическая культура как основа профессиональной подготовки курсантов вузов МЧС России / Е. В. Кокшаров, Д. С. Белкин, А. А. Карапузиков // *Право, история, педагогика и современность : Сборник статей VI Международной научно-практической конференции*, Пенза, 29–30 января 2025 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – С. 118-122. – EDN CPJSLU.

[4] Повышение стрессоустойчивости сотрудников Государственной противопожарной службы МЧС России при выполнении профессионального долга / А. А. Карапузиков, Е. В. Кокшаров, Т. Ф. Гайнуллин, М. Э. Бессонов // *Право и образование*. – 2021. – № 11. – С. 135-140. – EDN FEAPQL.

[5] Карапузиков, А. А. Аспекты профессиональной подготовки пожарных / А. А. Карапузиков, Н. П. Мураев // *Ученые записки Орловского государственного университета*. – 2025. – № 4(109). – С. 276-280. – DOI 10.33979/1998-2720-2025-109-4-276-280. – EDN SDUUCY.

[6] Ломтева, Я. Д. Влияние физической культуры и спорта на совершенствование навыков и качеств в пожарно-прикладном деле / Я. Д. Ломтева, Н. А. Кращенко // *Вестник науки*. – 2024. – Т. 3, № 6(75). – С. 1956-1959. – EDN OAEYCX.

[7] Частихин, А. А. Роль и место физической подготовки в образовательном процессе пожарных / А. А. Частихин, А. М. Частихин // *Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций*. – 2012. – № 1(3). – С. 298-300. – EDN WJIBNL.

[8] Лобжа, М. Т. Роль и место физической подготовки в процессе профессионального образования пожарных / М. Т. Лобжа, Д. В. Жернаков, Д. А. Слепов // *Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества*. – 2009. – № 3(4). – С. 53-61. – EDN OINIKN.

[9] Голышев, М. С. Роль физического воспитания пожарных и спасателей в системе МЧС России / М. С. Голышев, Д. С. Смольников // *Научный электронный журнал Меридиан*. – 2019. – № 15(33). – С. 650-652. – EDN PJMFVU.

[10] Карапузиков, А. А. Формирование физической выносливости у курсантов вузов МЧС России для выполнения задач в профессиональной деятельности / А. А. Карапузиков, Н. П. Мураев // *The Newman in Foreign Policy*. – 2023. – Т. 4, № 73(117). – С. 54-56. – EDN FUEXKW.

[11] Федорова, Т. Ю. Самоконтроль в процессе занятий физической культурой и спортом /

Т. Ю. Федорова, А. Ю. Борискина // Актуальные проблемы и перспективы теории и практики физической культуры, спорта, туризма и двигательной рекреации в современном мире : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Челябинск, 22–23 апреля 2016 года / ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет». – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2016. – С. 21–25. – EDN WWAYFV.

[12] Низяков, А. Д. Факторы, определяющие эффективность адаптации курсантов образовательных учреждений МЧС России к повышенному уровню физических нагрузок / А. Д. Низяков, В. В. Тимошенко, А. А. Карапузиков // Международный научный вестник. – 2025. – № 5. – С. 330–334. – DOI 10.24412/2782-3849-2025-5-330-334. – EDN MWWXYT.

References:

[1] Tymoshchenkov, V.V. Aspects of professional training of cadets of universities EMERCOM of Russia for activities in extreme situations/V.V. Tymoshchenkov, A.D. Nizyakov, A.A. Karapuzikov// Law, history, pedagogy and modernity: Collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference, Penza, January 29–30, 2025. – Penza: Penza State Agrarian University, 2025. – S. 281–285. – EDN FHJXCU.

[2] Koksharov, E.V. Modern approaches to the physical training of cadets of the EMERCOM of Russia in the conditions of official and professional activity/E.V. Koksharov, A.A. Karapuzikov//Law and management. – 2025. – № 8. – S. 116–120. – DOI 10.24412/2224-9133-2025-8-116-120. – EDN ZIHGHQ.

[3] Koksharov, E.V. Physical culture as the basis for the professional training of cadets of universities EMERCOM of Russia/E.V. Koksharov, D.S. Belkin, A.A. Karapuzikov//Law, history, pedagogy and modernity: Collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference, Penza, January 29–30, 2025. – Penza: Penza State Agrarian University, 2025. – S. 118–122. – EDN CPJSLU.

[4] Increasing stress resistance of employees of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia in the performance of their professional duty/A. A. Karapuzikov, E. V. Koksharov, T. F. Gainullin, M. E. Bessonov//Law and Education. – 2021. – № 11. – S. 135–140. – EDN FEAPQL.

[5] Karapuzikov, A. A. Aspects of professional training of firefighters/A. A. Karapuzikov, N. P.

Muraev//Scientific notes of Oryol State University. – 2025. – № 4(109). – S. 276–280. – DOI 10.33979/1998-2720-2025-109-4-276-280. – EDN SDUUCY.

[6] Lomteva, Ya. D. The influence of physical culture and sports on the improvement of skills and qualities in fire-applied business/Ya. D. Lomteva, N. A. Krashchenko//Bulletin of Science. – 2024. – Т. 3, NO. 6 (75). – S. 1956–1959. – EDN OAEYCX.

[7] Chastikhin, A. A. The role and place of physical training in the educational process of firefighters/A. A. Chastikhin, A. M. Chastikhin//Modern technologies for ensuring civil defense and eliminating the consequences of emergencies. – 2012. – № 1(3). – S. 298–300. – EDN WJIBNL.

[8] Lobzha, M. T. The role and place of physical training in the process of professional education of firefighters/M. T. Lobzha, D. V. Zhernakov, D. A. Slepov//Psychological and pedagogical problems of human and public safety. – 2009. – № 3(4). – S. 53–61. – EDN OINIKN.

[9] Golyshev, M. S. The role of physical education of firefighters and rescuers in the EMERCOM of Russia/M. S. Golyshev, D. S. Smolnikov//Scientific electronic journal Meridian. – 2019. – № 15(33). – S. 650–652. – EDN PJMFVU.

[10] Karapuzikov, A. A. Formation of physical endurance among cadets of EMERCOM of Russia universities for performing tasks in professional activities/A. A. Karapuzikov, N. P. Muraev//The Newman in Foreign Policy. – 2023. – Т. 4, NO. 73 (117). – S. 54–56. – EDN FUEXKW.

[11] Fedorova, T. Yu. Self-control in the process of physical culture and sports/T. Yu. Fedorova, A. Yu. Boriskina//Actual problems and prospects of the theory and practice of physical culture, sports, tourism and motor recreation in the modern world: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Chelyabinsk, April 22–23, 2016/Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Chelyabinsk state university.” – Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 2016. – S. 21–25. – EDN WWAYFV.

[12] Nizyakov, A. D. Factors determining the effectiveness of adaptation of cadets of educational institutions of the Ministry of Emergencies of Russia to an increased level of physical activity/A. D. Nizyakov, V. V. Tymoshchenkov, A. A. Karapuzikov//International Scientific Bulletin. – 2025. – № 5. – S. 330–334. – DOI 10.24412/2782-3849-2025-5-330-334. – EDN MWWXYT.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-607-610

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

КОТ Екатерина Михайловна,
доктор экономических наук,
заведующий кафедрой экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: katekaterina@rambler.ru

РАДИОНОВА Светлана Владимировна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: svr_svetlana@mail.ru

ПЕТРЯКОВА Светлана Викторовна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: uprkadr@mail.ru

ПИЛЬНИКОВА Ирина Федоровна,
ст. преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: pilnikovai@mail.ru

МАЛЬКОВА Юлия Вадимовна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: malkova0404@mail.ru

ГОРБУНОВА Олеся Сергеевна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: os-bakunova@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЕФИЦИТА КАДРОВ

Аннотация. Рынок труда в России отличается наличием дефицита кадров во многих отраслях экономики. Система образования вынуждена подстраиваться под современные реалии, пересматривать существующие методики образования, адаптировать образовательный процесс под требования рынка, к меняющимся реалиям. Фундаментальные знания становятся менее востребованными, фокус смещается на формирование прикладных компетенций. Ускоренная технологическая модернизация в России требует от образования формирования качественно подготовленных специалистов.

Ключевые слова: рынок труда, образование, среднее профессиональное образование, высшее образование, дефицит кадров, человеческий капитал

KOT Ekaterina Mikhailovna,
Doctor of Economic Sciences,
Head of the Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

RADIONOVA Svetlana Vladimirovna,
Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

PETRYAKOVA Svetlana Viktorovna,
Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

PILNIKOVA Irina Fedorovna,
Senior Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

MALKOVA Yulia Vadimovna,
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Economics, Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

GORBUNOVA Olesya Sergeevna,
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Economics, Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

CONTEMPORARY EDUCATION DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF A TALENT SHORTAGE

Annotation. *The Russian labor market is characterized by a labor shortage in many sectors of the economy. The education system is forced to adapt to modern realities, revise existing teaching methods, and adapt the educational process to market demands and changing realities. Fundamental knowledge is becoming less in demand, with the focus shifting to developing applied competencies. Accelerated technological modernization in Russia requires education to develop high-quality specialists.*

Key words: *labor market, education, secondary vocational education, higher education, labor shortage, human capital.*

Дефицит кадров затрагивает в настоящее время все секторы экономики, что влияет на бизнес, конкурентоспособность организаций, как следствие снижается темп экономического роста. «В условиях динамичности современного рынка труда на фоне активной цифровой трансформации проблемы кадровых экосистем становятся все более актуальными» [7].

На дефицит кадров значительно повлиял демографический спад, снижение рождаемости, старение населения приводит к отсутствию молодых кадров на рынке труда при этом есть определенный временной промежуток, где наблюдается

демографический подъем, на рынок труда такой подъем повлияет примерно в 2029-2030 гг. Процесс миграции вызывает отток трудоспособного населения в более экономически привлекательные страны. «Наиболее сложные и значимые вызовы новые технологии предъявляют рынку труда, заставляя государство заново пересматривать как политику регулирования занятости, так и обращать все большее внимание на качество человеческих ресурсов, приобретающих ключевое значение в экономике знаний» [4].

Ускоренное технологическое развитие требует актуальных знаний, так как знания быстро

устаревают, что создает разрыв между компетенциями работников и потребностями работодателей. «Вместо спроса на ручной труд формируется спрос на новые компетенции» [2], [3]. Ускоренная технологическая модернизация в России требует от образования формирования качественно подготовленных специалистов.

Целью исследования является анализ тенденций современного образования, политики государства в сфере образования, анализ факторов, влияющих на динамику кадровой потребности, разработка рекомендаций по формированию снижения кадровой потребности.

Образовательные учреждения должны реагировать на запросы работодателей мгновенно, внедрять программы обучения, направленные на развитие практических навыков, зачастую формируя программы в форме стажировок, реализуя их совместно с организациями. Огромную актуальность в настоящее время приобрело развитие у работников «мягких навыков» (soft skills), их наличие играет не меньшую роль в становлении карьеры, чем профессиональные знания. Создание индивидуальных образовательных траекторий приобретает популярность, применение таких траекторий позволяет глубже изучить определенную область знаний, приобрести значимые и наиболее ценные в настоящее время компетенции. Он-лайн образование, гибридные форматы обучения, реализуемые на электронных платформах, представляют возможность непрерывного образования, повышения квалификации в текущее время, в нужный момент. Взаимодействие образовательных организаций с бизнесом основной вектор развития образования в настоящее время.

Рассмотрим основные векторы развития образования:

- практическая значимость знаний (внедряются новые ФГОС, направленные на развитие знаний, получение практического опыта, цифровой грамотности, «мягких навыков» (soft skills);

- цифровое преобразование (цифровые инструменты применяются на всех уровнях образования, внедряются искусственный интеллект, большие данные, обучают кибербезопасности и т.п.);

- взаимосвязь с рынком труда;

- рост роли среднего профессионального образования в устранении дефицита рабочих кадров (создан Федеральный проект «Профессионалитет», который максимально ориентирован на потребности конкретных работодателей – партнеров, действует федеральный закон от 01.04.2025 № 40-ФЗ «О проведении эксперимента по расширению доступности среднего профессионального образования»);

- ограничение доступа к высшему образованию (Федеральный закон от 23.05.2025 № 114-ФЗ «О внесении изменений в статьи 101 и 104 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» «дает правительству определять общий объем и перечень направлений подготовки специалистов с высшим образованием на платной основе, а Министерству науки и высшего образования — предельные квоты (аналог контрольных цифр приема) платного набора в высшие учебные заведения, включая государственные и частные» [6]).

Таким образом, пролеживается законодательная инициатива, направленная на принятие мер по повешению качества образования. При этом существуют определенные барьеры: образовательные программы не успевают обновляться и совершенствоваться за требованиями работодателя, работодатели желают получить квалифицированного работника, которого не нужно развивать, работодатели не готовы инвестировать в разработку учебных моделей, оформлять стажировку или приглашать студентов на практику, однако эффективность подготовки работников зависит в том числе и от вовлеченности работодателей в организацию процесса обучения, педагогический состав не успевает совершенствовать свои знания в связи с быстрыми изменениями, недостаточно практиков, а также фокус на развитие и получение среднего профессионального образования приводит к нехватке кадров с высшим образованием. «Несбалансированность системы подготовки высококвалифицированных специалистов с отраслевыми потребностями экономики, усиливающийся тренд на получение выпускниками общеобразовательных организаций среднего профессионального образования, сокращение трудоспособного населения в стране, увеличение миграционных потоков из трудодефицитных регионов в экономически развитые обостряют вопрос нехватки кадров с высшим образованием как на ближайшую, так и на длительную перспективу» [1].

Для достижения долгосрочной устойчивости кадровой составляющей в сфере образования требуется смещение фокуса на совместное с работодателями обеспечение высокотехнологичных образовательных лабораторий, в сфере высшего образования уровня бакалавра рассмотреть возможность привлечения большего количества педагогов, имеющих практический опыт в преподаваемых дисциплинах, расширить практику быстрой переквалификации в соответствии с меняющимися технологиями. «В перспективе развитие системы образования России будет способствовать формированию интеллектуального капи-

тала нации и станет главной предпосылкой производства инноваций для удовлетворения потребностей населения и экономического развития общества в целом» [5].

Инвестирование в человеческий капитал становится одной из важнейших условий развития экономики, работодателям следует уделять внимание созданию условий труда, наиболее привлекательных для требуемых специалистов (гибкие графики работы, социальные пакеты, стимулирующие программы, конкурентную заработную плату). Компаниям требуется осуществлять работу с молодежью, начинать такую работу необходимо еще в школе, участвовать в профориентационных мероприятиях, создавать базу для стажировок, укреплять институт наставничества.

На государственном уровне продолжать политику, направленную на стимулирование рождаемости, поддержку семей, создание условий для возвращения квалифицированных специалистов.

Таким образом необходим системный подход к решению задач нехватки персонала и усиление партнерства между бизнесом и образовательными организациями.

Список литературы:

- [1] Блинова Т.Н., Федотов А.В., Коваленко А.А. Механизмы и ограничения ликвидации дефицита кадров с высшим образованием – региональный и отраслевой аспект. Университетское управление: практика и анализ. 2023. 27(4). С. 7-22.
- [2] Васильева Е. В., Каманина А. Н. Дефицит ИТ-кадров в России на современном этапе: причины и пути преодоления // Дискуссия. 2023. № 2 (117). С. 108-118.
- [3] Васильева Е. В. Формирование кадровых экосистем в ИТ-отрасли // Современная математика и концепции инновационного математического образования. 2023. Т. 10. № 1. С. 250-255.
- [4] Власова А.А., Шаматонова Г.Л. Государственная политика в области цифровизации непрерывного образования как фактор устойчивого экономического развития российского общества // politbook. 2024. № 2. С. 183–193.

[5] Муратова Н.К., Гордеева Е.Н. Проблемы и перспективы российского образования в новых условиях // Академическая мысль. 2024. № 3 (28). С. 38–42.

[6] Смолин О.Н. Кадровые потребности России: прогноз Минтруда и новые тенденции в образовательном законодательстве// Московский академический экономический форум МАЭФ-2025// Научные труды ВЭО России / 253 том С.165-175.

[7] Цомартова М.Э., Волик М.В. Концепция lifelong learning в современных условиях кадрового дефицита // Дискуссия. 2024. №5 (126). С.127-135.

References:

- [1] Blinova T.N., Fedotov A.V., Kovalenko A.A. Mechanisms and Limitations of Eliminating the Shortage of Personnel with Higher Education – Regional and Sectoral Aspects. University Management: Practice and Analysis. 2023. 27(4). Pp. 7-22.
- [2] Vasilyeva E.V., Kamanina A.N. Shortage of IT Personnel in Russia at the Current Stage: Causes and Ways to Overcome It // Discussion. 2023. No. 2 (117). Pp. 108-118.
- [3] Vasilyeva E.V. Formation of Personnel Ecosystems in the IT Industry // Modern Mathematics and Concepts of Innovative Mathematical Education. 2023. Vol. 10. No. 1. Pp. 250-255.
- [4] Vlasova A.A., Shamatonova G.L. State Policy in the Field of Digitalization of Continuous Education as a Factor in Sustainable Economic Development of Russian Society // politbook. 2024. No. 2. pp. 183–193.
- [5] Muratova N.K., Gordeeva E.N. Problems and Prospects of Russian Education in the New Conditions // Academic Thought. 2024. No. 3 (28). pp. 38–42.
- [6] Smolin O.N. Personnel Needs of Russia: Forecast of the Ministry of Labor and New Trends in Educational Legislation // Moscow Academic Economic Forum MAEF-2025 // Scientific Works of the VEO of Russia / Volume 253, pp. 165–175.
- [7] Tsomartova M.E., Volik M.V. The Concept of Lifelong Learning in the Current Conditions of Personnel Shortage // Discussion. 2024. No. 5 (126). pp. 127–135.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-611-616

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

ГОЛДИНА Ирина Игоревна,

Старший преподаватель кафедры
«Сервис транспортных и технологических машин
и оборудования в АПК» ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: ir.goldina@mail.ru

ИОВЛЕВ Григорий Александрович,

Кандидат экономических наук, доцент,
Заведующий кафедрой «Сервис транспортных и
технологических машин и оборудования в АПК»
ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: gri-iovlev@yandex.ru

ЗОРКОВ Владимир Сергеевич,

Кандидат экономических наук, доцент кафедры
«Сервис транспортных и технологических машин и
оборудования в АПК» ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: zorkov1956@mail.ru

БАБКИНА Анна Анатольевна,

Старший преподаватель кафедры математики и
Информационных технологий ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: anna-alikieva@mail.ru

ПИЛЬНИКОВ Леонид Николаевич,

Старший преподаватель кафедры техносферной и
экологической безопасности ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: pilnikov960@mail.ru

СПЕЦИФИКА УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АГРАРНОМ ВУЗЕ

Аннотация. Учебная деятельность в аграрном вузе предполагает комплексное изучение сельскохозяйственных наук, учебные планы включают как базовые дисциплины, так и блок профессиональных дисциплин. Студенты занимаются практическими занятиями в учебно-опытных хозяйствах: на полевых участках, в лабораториях, животноводческих фермах. Они изучают современные технологии ведения сельского хозяйства, а также принципы управления агробизнесом. Важной частью учебного процесса является практика на предприятиях АПК, где студенты получают реальный опыт работы и применения полученных знаний. Учебные проекты в аграрном вузе часто связаны с решением актуальных проблем сельского хозяйства, разработкой инновационных технологий и улучшением производственных процессов. Студенты также участвуют в научно-исследовательских работах, конференциях и семинарах, что способствует их профессиональному развитию и подготовке к будущей карьере в сельском хозяйстве. В статье рассмотрена специфика учебной деятельности в аграрном вузе и выявлены особенности, которые могут повлиять на качество образования. Реализация стратегии устойчивого развития сельского хозяйства невозможна без квалифицированных педагогов, способных готовить конкурентоспособных специалистов, владеющих как традиционными технологиями, так и современными цифровыми инструментами управления хозяйством.

Ключевые слова: аграрный ВУЗ, учебная деятельность, педагогический процесс, специфика и особенности учебного процесса.

GOLDINA Irina Igorevna,
Senior Lecturer of the Department
“Service of Transport and Technological Machines and Equipment
in the AIC” FGBOU VO Ural State Agrarian University

IOVLEV Grigory Aleksandrovich,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Head of the Department
“Service of Transport and Technological Machines and Equipment
in the AIC” FGBOU VO Ural State Agrarian University

ZORKOV Vladimir Sergeevich,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
of the Department “Service of transport and technological
machinery and equipment in the agro-industrial complex”
Ural State Agrarian University

BABKINA Anna Anatolyevna,
Senior Lecturer at the Department
of Mathematics and Information Technology,
Ural State Agrarian University

PILNIKOV Leonid Nikolaevich,
Senior Lecturer Departments
of Technosphere and Environmental Safety
Ural State Agrarian University

SPECIFIC FEATURES OF EDUCATIONAL ACTIVITIES AT AN AGRARIAN UNIVERSITY

Annotation. Academic activities at an agricultural university involve a comprehensive study of agricultural sciences; the curriculum includes both basic disciplines and a block of professional subjects. Students engage in practical training on educational and experimental farms: in field plots, laboratories, and livestock farms. They study modern agricultural technologies and the principles of agribusiness management. An important part of the educational process is internships at agricultural enterprises, where students gain real-world experience and apply their acquired knowledge. Academic projects at an agricultural university often address current agricultural issues, develop innovative technologies, and improve production processes. Students also participate in research projects, conferences, and seminars, which contributes to their professional development and preparation for future careers in agriculture. This article examines the specifics of educational activities at an agricultural university and identifies aspects that may impact the quality of education. Implementing a sustainable agricultural development strategy is impossible without qualified educators capable of training competitive specialists proficient in both traditional technologies and modern digital farm management tools.

Key words: agricultural university, educational activities, teaching process, specifics and characteristics of the educational process.

Учебная деятельность в аграрных вузах имеет свою специфику, обусловленную особенностями сельского хозяйства и сельскохозяйственного производства. Современное сельское хозяйство предъявляет высокие требования к специалистам, которые будут управлять производственными процессами, вести научные исследования и передавать опыт следующим поколениям. Аграрные профессии характеризуются наукоемкостью, так как внедре-

ние инновационных технологий и подходов становится необходимым условием конкурентоспособности современного сельскохозяйственного предприятия. Растет потребность в специалистах, владеющих новыми инструментами анализа больших данных, моделирования и управления сельскими территориями [1].

Цель статьи: определение особенностей и специфики учебной деятельности аграрных ВУЗов. Задачи: рассмотреть основные специфиче-

ческие факторы обучения; требования к квалификации и профессиональные компетенции преподавателей, необходимые для успешной реализации образовательных целей.

Методы исследования: анализ собственного практического опыта преподавания в аграрном ВУЗе; анализ научных исследований ученых и профессионального сообщества.

Сельскохозяйственное производство характеризуется сезонностью, зависимостью от природных условий и необходимостью постоянного обновления технологий. Эти факторы должны учитываться при разработке образовательных программ и организации учебного процесса. Важным аспектом является интеграция теоретического материала с практической деятельностью студентов, обеспечение возможности приобретения практических навыков и компетенций, необходимых для работы в реальных условиях сельскохозяйственного производства [2].

Рассмотрим подробнее, каким образом учитываются эти факторы в образовательном процессе.

1. Организация учебной нагрузки в зависимости от сезона.

Каждый регион страны имеет уникальные условия для выращивания тех или иных культур и содержания животных, что определяет дифференцированный подход к образованию. Сельскохозяйственные работы существенно зависят от времени года. Например, весенне-летний период наиболее интенсивен, поскольку именно тогда проводятся посевные кампании, уход за растениями, сбор урожая и многие другие важные мероприятия. Соответственно, учебный процесс строится таким образом, чтобы студенты могли получать практические навыки непосредственно в реальных условиях сельскохозяйственного производства. Интеграция теории и практики обуславливает связь академической базы с практическими навыками, что достигается путем проведения длительных практик и полевых экспериментов.

Учебная и производственная практика, практическое обучение планируются, так чтобы студенты активно участвовали в полевых работах, начиная от подготовки почвы и заканчивая уборкой урожая. Это позволяет лучше усвоить теорию и научиться оперативно реагировать на изменения погодных условий. При каждом аграрном ВУЗе есть учебно-опытное хозяйство, в котором обучающиеся получают практические навыки, связанные с профессиональной деятельностью агронома, механика, агроинженера, ветеринарного врача, зоотехника.

Поля являются важными элементами образовательного процесса. Лабораторные исследо-

вания позволяют студентам агрономам изучать свойства почв, поведение растений и насекомых в разных климатических условиях. Эти лабораторные занятия тесно связаны с практическими работами в открытом грунте и тепличных комплексах. На опытных участках студенты проводят эксперименты по выращиванию культур, изучают влияние удобрений и препаратов защиты растений.

Летом часто организуются экскурсионные мероприятия и стажировки на фермы для студентов ветеринаров и зоотехников; на предприятия хранения и переработки продукции и сельхозпредприятия, где студенты-технологи знакомятся с новейшими технологиями и оборудованием. Выездные занятия на выставки сельскохозяйственной техники, дилерские и сервисные центры, ремонтно-обслуживающие предприятия, в полевые условия дают понятия будущим инженерам-механикам о сельскохозяйственной технике и технологиях технического обслуживания и ремонта.

Студенты получают определенную подготовку к работе в экстремальных условиях. Агрономы, специалисты животноводства, агроинженеры сталкиваются с непредсказуемостью природы, такими явлениями, как засуха, заморозки, наводнения и болезни растений. Поэтому важной частью подготовки студентов становится изучение методов борьбы с неблагоприятными условиями окружающей среды.

Специальные дисциплины посвящены вопросам адаптации растениеводства и животноводства к различным погодным условиям, защите растений и профилактике их заболеваний. Будущие специалисты учатся выбирать сорта и породы, устойчивые к стрессовым факторам; эффективной борьбе с болезнями и вредителями растений и животных [3].

2. Связь с производством.

Важнейшей составляющей образовательного процесса аграрного вуза является тесная связь с реальной производственной средой. Сотрудничество с предприятиями АПК, совместные разработки, практика студентов на действующих объектах создают благоприятные условия для полноценного освоения будущей профессии. Кроме того, образовательные программы. Рабочие программы дисциплин и практик аграрных вузов учитывают региональные особенности и готовят специалистов конкретно под нужды местного агропроизводства [4].

Перспективы развития аграрного образования лежат в направлении укрепления связей университетов с аграрными и перерабатывающими предприятиями, созданием совместных центров

исследований, проектной деятельности и разработок, внедрением принципов устойчивого развития аграрной отрасли народного хозяйства.

3. Практико-ориентированное преподавание.

Профессии агроинженера, зоотехника, агронома, ветеринара, инженера-технолога требуют прикладных знаний, навыков применения их в условиях производственной деятельности. В этом существенную помощь оказывают современные лаборатории со специализированным оборудованием, приборами, компьютерным программным обеспечением. Например, «Умная теплица» позволяет воспроизводить разные климатические условия и моделировать процессы выращивания овощных культур в лабораторных условиях. Виртуальные тренажеры по управлению комбайнами и тракторами помогают студентам освоить навыки вождения и управления техникой.

Практическому освоению знаний способствуют учебные и производственные практики в учебно-опытных хозяйствах аграрных ВУЗов.

4. Инновационные подходы и адаптация к современным технологиям.

Современное сельское хозяйство активно внедряет цифровые технологии, дистанционное управление техникой, роботизацию процессов, системы точного земледелия, автоматического полива, контроля микроклимата в теплицах и складских помещениях. Для эффективного обучения этим новым методикам используются специализированные компьютерные классы и симуляторы

В образовательном процессе учат применять системы дистанционного мониторинга полей, автоматизированные оросительные установки и программное обеспечение для анализа урожайности, интеллектуальных систем мониторинга и управления различными этапами производственного процесса. Студенты аграрного вуза учатся пользоваться системами управления предприятием, базами данных и специальными приложениями для агрономов и животноводов. Студентов учат собирать, хранить и обрабатывать большие массивы данных, строить прогнозы и составлять карты плодородия; изучать принципы строительства энергосберегающих теплиц, солнечных электростанций и ветряных установок. Активное использование современного оборудования, программного обеспечения, нейросетей и искусственного интеллекта отличает их от классических гуманитарных специальностей [5].

5. Научно-исследовательские проекты.

Студенты принимают активное участие в исследовательских проектах, направленных на разработку новых сортов растений; повышение устойчивости животных к заболеваниям, улучшение почвенных характеристик и адаптацию сель-

хозпроизводства к изменению климата; модернизации сельскохозяйственной техники и оборудования. Эти исследования позволяют выявить закономерности влияния природно-климатических условий на эффективность сельского хозяйства, применить новые технологии в сельскохозяйственном производстве и разработать рекомендации для аграрных предприятий.

6. Курсовые проекты, подготовка выпускных квалификационных работ.

Курсовые проекты и выпускные квалификационные работы выполняются обучающимися на основе конкретных агропредприятий, с учетом конкретных технико-экономических данных предприятия, природных условий, материально-технической базы. Студенты предлагают свои решения по наращиванию эффективного экономического производства сельскохозяйственных предприятий.

Эти элементы учебного процесса способствуют созданию целостной картины понимания студентами взаимосвязи науки и практики, формируют готовность выпускников эффективно работать в сельском хозяйстве независимо от временных и климатических ограничений [6].

Немаловажную роль в реализации образовательной цели и содержании подготовки специалистов для сельского хозяйства играют преподаватели аграрных ВУЗов. Основная задача преподавателя состоит в формировании у студентов базовых и специализированных знаний, позволяющих успешно осуществлять профессиональную деятельность в сфере сельского хозяйства. Подготовка специалистов должна охватывать широкий спектр вопросов, начиная от фундаментальных наук (биология, химия, физика) и заканчивая специализированными дисциплинами (агрономия, ветеринария, механизация сельскохозяйственного производства, технология переработки и производства продуктов питания, экономика сельского хозяйства и др.) [7].

Педагогический процесс в аграрных вузах отличается широким использованием активных форм обучения, включающих практикумы, экскурсии, выездные занятия, лабораторные работы и научную деятельность. Все эти компоненты направлены на достижение максимального уровня усвоения материала и формирования устойчивых компетенций у студентов.

Среди ключевых методов обучения выделяют:

- проблемно-ориентированное обучение,
- кейс-метод,
- проектная деятельность,
- интегрированные занятия.

Также широко применяются дистанционные образовательные технологии, позволяющие опе-

ративно обновлять материал и поддерживать связь с зарубежными партнёрами.

Эффективность педагогического труда определяется уровнем компетентности преподавателя. Среди важнейших компетенций выделяются:

- профессиональная компетентность (глубокие знания предметной области);
- методологическая компетентность (умение организовать эффективный педагогический процесс);
- личностная компетентность (способность мотивировать и вдохновлять студентов);
- коммуникативная компетентность (искусство общения и взаимодействия с коллегами и учащимися).

Кроме того, успешному преподавателю необходимы развитые лидерские качества, способность к саморазвитию и постоянному профессиональному росту, умение создавать и реализовывать эффективные образовательные программы, взаимодействовать с коллективом и развивать междисциплинарные связи внутри университета. Преподавателям необходимо регулярно повышать квалификацию, осваивать передовые методики обучения и знакомиться с последними достижениями научной мысли. Активное использование цифровых платформ, онлайн-курсов и виртуальной реальности открывает широкие перспективы для модернизации системы подготовки специалистов аграрных ВУЗов.

Существуют многочисленные электронные библиотеки и ресурсы, посвящённые агронаукам, ботанике, агротехнике и другим областям сельского хозяйства. Наиболее востребованными источниками являются:

- Scopus: крупнейший международный индекс цитируемости научных публикаций;
- Агроинфо: российское информационно-аналитическое агентство, публикующее новости и аналитику по вопросам агропрома;
- Я в Агро: первая в России платформа, которая объединяет всех, кто хочет учиться, развиваться и строить карьеру в агротехнической отрасли. Сервис помогает выбрать подходящие программы профессионального развития, учебные заведения, пройти стажировки или трудоустроиться, участвовать в научных проектах. Партнерам предлагается решение кадровых вопросов в сфере АПК, продвижение образовательных продуктов и материалов.

Применение цифровых платформ помогает будущим специалистам приобрести ценные навыки, которые позволят им успешно справляться с проблемами современного сельского хозяйства и обеспечить устойчивое развитие агропромышленного комплекса России [8].

Несмотря на значительные успехи, существуют некоторые трудности, характерные для деятельности преподавателей аграрных вузов:

- недостаточная материально-техническая база некоторых аграрных образовательных учреждений;
- ограниченный доступ к современным технологиям и оборудованию;
- низкий уровень мотивации молодых педагогов вследствие недостаточной оплаты труда;
- сложности привлечения талантливых ученых и исследователей в сельскую местность [9].

Решению этих проблем способствует государственная политика поддержки аграрного сектора, инвестирование в инфраструктуру сельских территорий и стимулирование кадрового потенциала.

Выводы. Таким образом, анализ особенностей и специфики учебной деятельности аграрных ВУЗов показал, что интеграция теории и практики способствуют созданию целостной картины и формируют готовность выпускников эффективно работать в сельскохозяйственной отрасли. Обучение студентов должно осуществляться при комплексном подходе и сочетании практико-ориентированной, научно-исследовательской, инновационно-технологической и производственных сфер, с целью овладения ими основных профессиональных навыков.

Специфика деятельности преподавателя аграрного вуза предполагает глубокое понимание отраслевых особенностей, владение разнообразными формами и методами обучения, постоянное совершенствование профессиональных компетенций и тесное взаимодействие с потенциальными работодателями.

Список литературы:

- [1] Иовлев Г. А., Голдина И.И. Система подготовки кадров для инновационной модели сельского хозяйства// Аграрное образование и наука. 2021. № 4. С. 10. EDN DSII XM.
- [2] Попова Т. Б., Голдина И.И., Иовлев Г.А. Формирование субъектности студента как вызов времени// Развитие общества и науки в современных условиях: Монография. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2025. С. 59-73. EDN DYADSY.
- [3] Современные педагогические технологии аграрного образования: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции для молодых ученых и преподавателей, Пенза, 07–08 февраля 2022 года/ Под научной редакцией О.Н.

Кухарева, Д.А. Мурзина. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2022. 121 с. ISBN 978-5-00196-043-0. EDN XYMUIV.

[4] Рошчупкин Н. Н., Караваев А.П. Исследование факторов мотивации и демотивации у студентов аграрного вуза// Инновационные научные исследования 2023: педагогика и психология: Сборник материалов XXIV международной очно-заочной научно-практической конференции, Москва, 19 апреля 2023 года. – Москва: Научно-издательский центр «Империя», 2023. С. 37-43. EDN YNOTVG.

[5] Рачеев Н. О. Трансформация содержания педагогических задач в связи с применением VR-технологии в высшем аграрном образовании// Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ). 2024. № 3(19). С. 102-116. DOI 10.17853/2686-8970-2024-3-102-116. EDN DWJZTM.

[6] Семенова Л. М. Опыт проектной деятельности при изучении дисциплины «История России» в аграрном вузе// Российский электронный научный журнал. 2025. № 1(55). С. 840-846. DOI 10.31563/2308-9644-2025-55-1-840-846. EDN CDOKWS.

[7] Мальчукова Н. Н., Виноградова М.В. Взгляд современного студента на профессиональный имидж преподавателя вуза (на примере ФГБОУ во ГАУ Северного Зауралья)// Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3(106). С. 56-58. DOI 10.24412/1991-5497-2024-3106-56-58. EDN EGXVUP.

[8] Бабкина А. А., Андриюшечкина Н. А., Мамедова Л. Г, Мусин А. Н. Влияние педагогической оценки на положительную мотивацию студентов аграрного вуза// Педагогический журнал. 2023. Т. 13, № 9-1. С. 400-409. DOI 10.34670/AR.2023.86.14.053. EDN PCPPZQ.

[9] Ким И. Н. Об инновационности российского образования и почему региональным аграрным вузам сложно этому соответствовать// Экономика сельского хозяйства России. 2022. № 11. С. 46-54. DOI 10.32651/2211-46. EDN UEWPLG.

References:

[1] Iovlev G.A., Goldina I.I. Training system for an innovative model of agriculture//Agrarian education and science. 2021. № 4. S. 10. EDN DSII XM.

[2] Popova T.B., Goldina I.I., Iovlev G.A. Formation of student subjectivity as a challenge of time//

Development of society and science in modern conditions: Monograph. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science" (IP Ivanovskaya I.I.), 2025. S. 59-73. EDN DYADSY.

[3] Modern pedagogical technologies of agrarian education: Collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference for young scientists and teachers, Penza, February 07-08, 2022/ Edited by O.N. Kukhareva, D.A. Murzina. Penza: Penza State Agrarian University, 2022. 121 pp. ISBN 978-5-00196-043-0. EDN XYMUIV.

[4] Roshchupkin N. N., Karavaev A.P. Study of motivation and demotivation factors among students of an agrarian university//Innovative scientific research 2023: pedagogy and psychology: Collection of materials of the XXIV International part-time scientific and practical conference, Moscow, April 19, 2023. - Moscow: Scientific and Publishing Center "Empire," 2023. S. 37-43. EDN YNOTVG.

[5] Racheev N.O. Transformation of the content of pedagogical tasks in connection with the use of VR technology in higher agricultural education//Innovative scientific modern academic research trajectory (INSIGHT). 2024. № 3(19). S. 102-116. DOI 10.17853/2686-8970-2024-3-102-116. EDN DWJZTM.

[6] Semenova L. M. Experience of project activities in the study of the discipline "History of Russia" in an agricultural university//Russian electronic scientific journal. 2025. № 1(55). S. 840-846. DOI 10.31563/2308-9644-2025-55-1-840-846. EDN CDOKWS.

[7] Malchukova N. N., Vinogradova M.V. The view of a modern student on the professional image of a university teacher (on the example of FSBEI in GAU of the Northern Trans-Urals)//World of Science, Culture, Education. 2024. № 3(106). S. 56-58. DOI 10.24412/1991-5497-2024-3106-56-58. EDN EGXVUP.

[8] Babkina A. A., Andryushechkina N. A., Mamedova L. G, Musin A. N. Influence of pedagogical assessment on the positive motivation of students of an agrarian university//Pedagogical Journal. 2023. T. 13, NO. 9-1. S. 400-409. DOI 10.34670/AR.2023.86.14.053. EDN PCPPZQ.

[9] Kim I. N. On the innovativeness of Russian education and why it is difficult for regional agricultural universities to comply with this//Economics of Agriculture of Russia. 2022. № 11. S. 46-54. DOI 10.32651/2211-46. EDN UEWPLG.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-617-621

АГАРЕВ Сергей Владимирович,
магистрант факультета управления
Нижегородский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
e-mail: agarev.sv@yandex.ru

БУГРОВ Роман Владимирович,
кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры мировой дипломатии и международного права
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского,
e-mail: bougrov@mail.ru

ПАХОМОВА Елизавета Александровна,
кандидат исторических наук, доцент, магистр права,
доцент кафедры философии и социально-правовых наук
Волжского государственного университета водного транспорта,
e-mail: pahomova-e@inbox.ru

ПРЕДЛОЖЕНИЯ О НОВАЦИЯХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСКИМ ПРАКТИКАМ В ЦИФРОВОМ МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Аннотация. В статье исследуется проблема распространения мошеннических практик в цифровом медийном пространстве, связанных с продвижением псевдообразовательных продуктов (в просторечии именуемое «инфоцыганством» (Авторы подчёркивают: они не испытывают негативного отношения к цыганскому народу, они лишь используют слово, получившее широкое распространение в социуме, а к авторству означенного понятия авторы не имеют никакого отношения)). На основе анализа правовых пробелов в российском законодательстве (Закон «О рекламе», Закон «О защите прав потребителей») предложена законодательная инициатива, направленная на системное противодействие манипулятивным схемам.

Ключевые слова: цифровое мошенничество, онлайн-образование, защита прав потребителей, манипулятивная реклама, недостоверная реклама, псевдообразовательные курсы.

AGAREV Sergey Vladimirovich,
Master's Degree Student of the Faculty of Management
Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

BUGROV Roman Vladimirovich,
Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of World Diplomacy
and International Law Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod

PAKHOMOVA Elizaveta Aleksandrovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Master of Law, Associate Professor of the Department
of Philosophy and Social and Legal Sciences
Volga State University of Water Transport

PROPOSALS FOR LEGISLATIVE INNOVATIONS TO COUNTER FRAUDULENT PRACTICES IN DIGITAL MEDIA SPACE IN THE AREA OF EDUCATIONAL SERVICES

Annotation. *The article explores the problem of the spread of fraudulent practices in the digital media space related to the promotion of pseudo-educational products (colloquially referred to as "info-gypsyism" (The authors emphasize: they do not have a negative attitude towards the Roma people, they are only using a word that has become widespread in society, and the authors have nothing to do with the origin of this concept)). Based on an analysis of legal gaps in Russian legislation (the Law on Advertising and the Law on Consumer Rights Protection), the article proposes a legislative initiative aimed at systematically countering manipulative schemes.*

Key words: *digital fraud, online education, consumer protection, manipulative advertising, false advertising, and pseudo-educational courses.*

Рост цифровизации и популярности онлайн-образования сопровождается беспрецедентным увеличением числа мошеннических схем, эксплуатирующих доверие граждан. По данным Роскомнадзора, только за 2023 год количество жалоб на явление, именуемое в просторечии «инфоцыганством», выросло на 65%, а совокупный финансовый ущерб оценивается в миллиарды рублей [1; 3; 8]. Отсутствие специализированных правовых механизмов позволяет злоумышленникам безнаказанно манипулировать аудиторией: продавать курсы с нулевой образовательной ценностью, гарантировать недостижимые доходы и блокировать попытки вернуть средства. Это не только подрывает репутацию легального сектора EdTech, но и создаёт социальные риски – от роста недоверия к государственным инициативам в цифровой сфере до экономического расслоения из-за финансовых потерь уязвимых групп населения. Усиление регуляторного контроля, введение прозрачных правил для продавцов и жёстких санкций за мошенничество в сфере образовательных услуг отвечает задачам нацпроекта «Цифровая экономика», а также необходимо для успешной конкуренции на глобальном рынке, где уже проявился тренд (Китай, США, ЕС,) на ужесточение ответственности за недобросовестные действия в цифровой среде. Модернизация законодательства в виде нового законопроекта станет системным ответом на вызовы цифровой эпохи, защитит права потребителей и создаст условия для развития качественных образовательных сервисов.

Исследование проблематики мошеннических практик в цифровом медийном пространстве выявило системные проблемы, связанные с отсут-

ствием специализированного регулирования. Рост продаж псевдообразовательных курсов через манипулятивную рекламу, фейковые отзывы и гарантии недостижимых доходов привёл к миллиардным финансовым потерям граждан (7–10 млрд рублей в 2023 году) и снижению доверия к EdTech-сектору. Правовые пробелы, такие как отсутствие чёткого определения мошенничества в цифровой среде, невозможность досудебной блокировки контента и низкая эффективность привлечения к ответственности по ст. 159 УК РФ, усугубляются техническими сложностями (отсутствие AI-мониторинга фейков) и низкой цифровой грамотностью населения (60% жертв – люди старше 45 лет). Экономические риски включают вытеснение легального малого бизнеса и трансграничный характер мошенничества (40% схем регистрируются через офшоры) [2; 4; 6; 7].

В рамках депутатского корпуса в Российской Федерации наличествует понимание сложностей с регулированием продажи псевдообразовательных курсов в Российской Федерации. Один из депутатов от Нижегородской области всерьёз занят разработкой текста законопроекта, призванного оградить россиян от «инфоцыганства». Один из соавторов данного текста вовлечён в эту работу.

Предлагаемый законопроект, вводящий реестр нарушителей, обязательный демо-доступ к контенту и AI-модерацию, демонстрирует эффективность в пилотах (снижение жалоб на 30–40%), но требует доработки для минимизации ложных блокировок и снижения нагрузки на бизнес. Международный опыт, подтверждающий необходимость более жёсткого регулирования. В настоящее время, в ряде передовых по развитию цифровой

среды стран применяется достаточно консервативное законодательство: «Закон о цифровых услугах» (Digital Service Act) и «Закон о регулировании искусственного интеллекта» (Artificial Intelligence Act) в ЕС, «Закон о безопасности в интернете» (Online Safety Act) в Великобритании. Например, более «точно» защитить права пользователей в цифровой среде призвано «Правило отмены одним нажатием» (Click to Cancel Rule), разработанное Федеральной торговой комиссией в США в 2024 и обязывающее упростить отказ от любых платных подписок. Однако успех отечественной инициативы зависит не только от перенятия международного опыта, но и от интеграции образовательных программ, и своевременной адаптации законодательного регулирования к эволюции мошеннических схем.

В условиях стремительной цифровизации общества медийное пространство стало ключевой площадкой для получения знаний, профессионального развития и предпринимательской деятельности. Однако отсутствие чётких правовых механизмов регулирования этой сферы привело к распространению мошеннических схем, маскирующихся под образовательные услуги. Десятки тысяч граждан ежегодно становятся жертвами практик навязывания псевдообразовательных курсов с использованием ложных гарантий доходов, фальсифицированных отзывов и агрессивных манипулятивных техник (отчасти это связано со спецификой правовой культуры россиян [5]). Подобные действия не только наносят финансовый ущерб, но и подрывают доверие к цифровым образовательным платформам, создают социальную напряжённость и препятствуют развитию легального рынка онлайн-образования.

Действующее законодательство (Закон РФ «О защите прав потребителей», ФЗ «О рекламе») не учитывает специфику цифровых продуктов, что позволяет мошенникам безнаказанно эксплуатировать правовые пробелы. На данный момент с точки зрения Гражданского Кодекса РФ действия торговцев псевдообразовательными услугами попадают под:

- неосновательное обогащение (ст. 1102 ГК РФ) вследствие оказания услуг без подписания договора.
- Закон о Защите Прав Потребителей РФ:
- отсутствие своевременной и полной информации о товарах и услугах, которое должно обеспечивать возможность их правильного выбора (ст. 10 ЗоЗПП РФ);
- ответственность исполнителя за ненадлежащую информацию о товаре, услуге (ст. 12 ЗоЗПП РФ);
- нарушение прав потребителя в случае его одностороннего отказа от еще неисполнен-

ного договора (ст. 782 ГК РФ, ст. 29 ЗоЗПП РФ, ст. 32 ЗоЗПП РФ);

В остальных случаях, когда урегулировать конфликт по возврату денег заказчику миром не удаётся, либо инфобизнесмен заработал уже астрономические суммы, обманув приличное количество человек, его действия можно рассматривать через призму Уголовного Кодекса РФ, а именно:

- незаконная предпринимательская деятельность (ст. 171 УК РФ);
- мошенничество (ст. 159 УК РФ).

Необходимость разработки специального законодательства обусловлена:

1. Масштабностью проблемы:
 - Миллионы пострадавших;
 - Миллиардные убытки граждан (суммарно);
 - Рост социальной напряженности;
 - Деградация информационной среды;
2. Системным характером явления:
 - Профессионализация мошенников;
 - Создание целых индустрий обмана;
 - Использование современных технологий;
 - Вовлечение новых жертв;
3. Потребностью в новых подходах:
 - Внедрение превентивных мер;
 - Создание специальных механизмов защиты;
 - Упрощение процедуры доказывания;
 - Введение жёстких санкций;
4. Развитием технологий:
 - Появление новых форм мошенничества;
 - Использование искусственного интеллекта;
 - Развитие социальных сетей;
 - Трансформация способов оплаты.

Таким образом, существующее законодательство требует существенного дополнения и модернизации для эффективного противодействия торговле псевдообразовательными услугами. Необходим комплексный подход, включающий:

- Специальное определение цифровых продуктов и услуг;
- Чёткие критерии оценки качества и результатов;
- Специальные механизмы защиты прав потребителей;
- Превентивные меры противодействия;
- Упрощенную процедуру возврата средств
- Специальные санкции за нарушение законодательства

По нашему мнению, только создание отдельного закона позволит создать эффективную систему защиты граждан от данного вида мошенничества и обеспечить правовую определённость в данной сфере.

Положительно необходим закон, которым будут введены механизмы досудебного блокиро-

вания мошеннического контента, публичный реестр нарушителей, обязательный доступ к демонстрационным материалам и право на безусловный возврат средств. Реализация этих мер позволит не только пресечь недобросовестные практики, но и создать условия для роста качественных образовательных сервисов, соответствующих интересам общества и государства.

Законопроект направлен на защиту граждан от мошеннических практик в цифровом медийном пространстве, таких как продажа псевдообразовательных курсов («инфоцыганство»). Он устанавливает требования к рекламе цифровых продуктов, запрещая ложные гарантии дохода, фейковые отзывы и манипулятивные техники, а также обязывает продавцов раскрывать квалификацию авторов, условия возврата средств и предоставлять бесплатный доступ к части контента. Потребители получают право на безусловный возврат средств в течение 14 дней, а цифровые платформы (соцсети, поисковики) должны проверять рекламодателей через публичный реестр нарушителей и блокировать мошеннический контент. Закон вводит административные штрафы (до 10% оборота для юрлиц) и уголовную ответственность за ущерб свыше 1 млн рублей, а также предусматривает образовательные программы для повышения цифровой грамотности населения. Реализацию норм должна координировать Федеральная служба по надзору в сфере цифровых коммуникаций (ФСЦК) при взаимодействии с Минцифры и международными регуляторами.

Предлагаемый законопроект включает в себя 6 глав. Они озаглавлены соответственно «Основные положения», «Требования к распространению цифровых продуктов», «Права потребителей», «Обязанности цифровых платформ», «Контроль и ответственность» и «Превентивные меры». Общее число статей – 31.

Важнейшие положения законопроекта следующие. Прежде всего, не менее 20% материалов (подробная программа курса с указанием точных формулировок тем, видеолекций, текстовых модулей, тестов) должны быть доступны бесплатно до совершения покупки. Это позволяет оценить структуру курса, соответствие заявленной тематике и качество подачи информации. Продавец обязан предоставлять демонстрационную версию, которая должна объективно отражать уровень контента: например, пробный урок, фрагмент вебинара или образец методических материалов. Запрещается создавать «специальные» демоверсии, отличающиеся по качеству от основного продукта. Данные требования минимизируют риск несоответствия ожиданий и реальности, защищая потребителей от приобретения низкокачественных или мошеннических продуктов.

Должен быть введен порядок ведения реестра нарушителей (критерии включения/исключения, процедура обжалования). Действуют стандарты проверки рекламного контента на соответствие требованиям закона (методики выявления манипуляций, использования AI-инструментов). Во избежание дублирования функций между ФСЦК, ФАС и Роскомнадзором должны быть заключены межведомственные соглашения, разграничивающие зоны ответственности. Например, ФАС сохраняет полномочия по контролю за рекламой, а ФСЦК фокусируется на оперативном блокировании мошеннических схем и ведении реестра.

Список литературы:

- [1] Завгородняя П.М. Эксперты или инфоцыгане: Как блогеры продают свои курсы через Instagram (Признана экстремистской организацией в Российской Федерации. На момент публикации цитируемой статьи таковой признана не была) // Социодиггер. 2021. Т. 2. № 5 (10). С. 42-44.
- [2] Ковалишина К.В. Некоторые аспекты предупреждения правонарушений в сфере прав и законных интересов физических лиц (На примере «инфоцыган») // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве. Сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Сост. И.В. Хмиль, под редакцией С.А. Трофимова, Е.В. Евсиковой. Симферополь, 2023. С. 625-632.
- [3] Муратова А.Р. Феномен инфоцыганства в СМК: примы и методы манипулирования сознанием // Слово. Словесность. Словесник. Материалы Международной научно-практической конференции преподавателей и студентов, посвященной 225-летию А.С. Пушкина. Рязань, 2024. С. 601-603.
- [4] Николаева Н.А. Деятельность инфоцыган как новая форма интернет-мошенничества // Юридическая наука в условиях современных вызовов. Материалы III Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Уфа, 2024. С. 434-439.
- [5] Пахомова Е.А., Резанова Н.И., Фоменков А.А. Правовая культура россиян и неформальные институты // Гражданско-правовая культура России: Прошлое и настоящее. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Брянск, 2020. С. 35-39.
- [6] Пчелинцев М.В., Хиценко Е.В. Проблематика регулирования деятельности «инфоцыган» // Социальная безопасность в евразийском пространстве. Материалы III Международной научной конференции. Москва-Тюмень, 2024. С. 937-940.

[7] Фриз П.А. Языковые особенности формирования личного бренда инфоцыганами // Актуальные проблемы лингвистики: взгляд молодых исследователей. Сборник научных статей. Челябинск, 2025. С. 346-354.

[8] Шайхитдинова С.К. Как эксперты становятся «инфоцыганами» // Агзамовские чтения – 2025. сборник материалов и научных статей Международной научно-практической конференции. Казань, 2025. С. 474-480.

References:

[1] Zavgorodnaya P.M. Experts or infotsygangs: How bloggers sell their courses through Instagram (Recognized as an extremist organization in the Russian Federation. At the time of publication of the cited article, it was not recognized as such)//Sociodigger. 2021. VOL. 2. № 5 (10). S. 42-44.

[2] Kovalishina K.V. Some aspects of the prevention of offenses in the field of the rights and legitimate interests of individuals (On the example of “infotsygan”)//Protection and protection of rights and legitimate interests in modern law. Collection of articles based on the results of the II International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes. Comp. I.V. Khmil, edited by S.A. Trofimov, E.V. Evsikova. Simferopol, 2023. S. 625-632.

[3] A.R. Muratova. Phenomenon of infocyanism in the QMS. prima and methods of manipulating consciousness//Word. Literature. Wordsmith. Materi-

als of the International Scientific and Practical Conference of Teachers and Students Dedicated to the 225th Anniversary of A.S. Pushkin. Ryazan, 2024. P. 601-603.

[4] Nikolaeva N.A. The activity of infocygans as a new form of Internet fraud//Legal science in the context of modern challenges. Materials of the III International Scientific and Practical Conference of students, graduate students and young scientists. Ufa, 2024. S. 434-439.

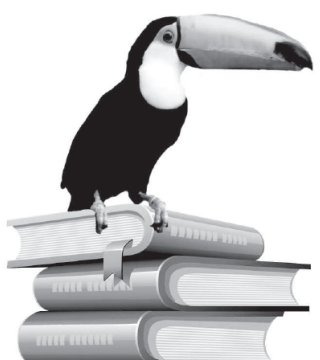
[5] Pakhomova E.A., Rezanova N.I., Fomenkov A.A. Legal culture of Russians and informal institutions//Civil law culture of Russia: Past and present. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Bryansk, 2020. S. 35-39.

[6] Pchelintsev M.V., Khitsenko E.V. Problems of regulating the activities of “infotsygangs” //Social security in the Eurasian space. Proceedings of the III International Scientific Conference. Moscow-Tyumen, 2024. S. 937-940.

[7] Frieze P.A. Linguistic features of the formation of a personal brand by infotsygangs//Actual problems of linguistics: the view of young researchers. Collection of scientific articles. Chelyabinsk, 2025. S. 346-354.

[8] Shaikhitdinova S.K. How experts become “infotsygangs” //Agzamov readings - 2025. collection of materials and scientific articles of the International Scientific and Practical Conference. Kazan, 2025. S. 474-480.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-622-626

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
Ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ РАБОТНИКОВ К РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ И МЕДИЦИНСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ, СТРАДАЮЩИХ НАРКОЛОГИЧЕСКИМИ И АДДИКТИВНЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Аннотация. Содержание аспекты компетентности пенитенциарных работников в области реализации процесса психологической и медицинской реабилитации лиц, отбывающих уголовное наказание и страдающих наркологическими, аддиктивными заболеваниями, отличается сложностью, многогранностью, междисциплинарностью и глубиной погружения в рассматриваемую проблематику. В рамках нашей статьи мы изложим только основной, ориентировочный объем рассматриваемого содержания компетентности пенитенциарных работников из которого следует серьезность тех требований, которые она предъявляет, затрагивая медицинские, психологические, социальные и иные аспекты реабилитационного процесса.

Соответственно, целью статьи определено раскрытие основных вопросов содержания подготовки пенитенциарных работников к реализации процесса психологической и медицинской реабилитации осужденных, страдающих наркологическими и аддиктивными заболеваниями.

Достижению цели исследования способствуют задачи, направленные на: изучение содержательных аспектов компетентности пенитенциарных работников в направлении процесса психологической и медицинской реабилитации лиц, отбывающих уголовное наказание и страдающих наркологическими, аддиктивными заболеваниями; акцентирование внимания лиц, реализующих процесса психологической и медицинской реабилитации осужденных, страдающих наркологическими и аддиктивными заболеваниями на симптоматику проявления алекситимии, а также на поведении осужденных по игнорированию окружающей реальности; подбор и формирование не только воспитательных, психологических и социальных содержательных аспектов, посвященных аддиктивным проявлениям осужденных, но также и содержательных аспектов духовной составляющей аддиктивной зависимости; организацию и проведение пенитенциарными работниками всех отделов и служб пенитенциарной системы комплексного процесс психологической и медицинской реабилитации лиц, отбывающих уголовное наказание и страдающих наркологическими, аддиктивными заболеваниями.

В процессе реализации исследовательской работы применялся следующий методический инструментарий: сравнительный анализ, синтез, индукция, дедукция, анкетирование, интервью, анализ практики организации исправительного воздействия на лиц, страдающих аддикцией.

Определены следующие рабочие гипотезы: содержательным аспектам компетентности пенитенциарных работников в направлении процесса психологической и медицинской реабилитации лиц, отбывающих уголовное наказание и страдающих наркологическими, аддиктивными заболеваниями, свойственны многогранность и глубина погружения в содержание рассматриваемой проблематику; реализация процесса психологической и медицинской реабилитации осужденных, страдающих наркологическими и аддиктивными заболеваниями предопределяет акцент внимания лиц, реализующих данную реабилитацию на симптоматику проявления алекситимии, а также на поведении осужденных по игнорированию окружающей реальности;

значимой частью традиционного лекционного и практического материала реабилитационного процесса осужденных являются не только воспитательные, психологические

и социальные содержательные аспекты, посвященные аддиктивным проявлениям, но также и содержательные аспекты духовной составляющей аддиктивной зависимости; процесс психологической и медицинской реабилитации лиц, отбывающих уголовное наказание и страдающих наркологическими, аддиктивными заболеваниями, является комплексным, а соответственно должен организовываться и проводится пенитенциарными работниками всех отделов и служб пенитенциарной системы.

Результаты исследования способствовали достижению цели статьи, а именно раскрытию основных вопросов содержания подготовки пенитенциарных работников к реализации процесса психологической и медицинской реабилитации осужденных, страдающих наркологическими и аддиктивными заболеваниями. В материалах статьи изложена часть ориентировочного объема рассматриваемого содержания компетентности пенитенциарных работников, из которого следует серьезность тех требований, которые она предъявляет, затрагивая медицинские, психологические, социальные и иные аспекты реабилитационного процесса.

Ключевые слова: вопросы подготовки, пенитенциарные работники, психологическая реабилитация, медицинская реабилитация, реабилитационный процесс, наркология, аддиктивные заболевания, осужденные, профилактическая работа.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Leading researcher FKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

TRAINING OF PRISON STAFF TO IMPLEMENT THE PSYCHOLOGICAL AND MEDICAL REHABILITATION PROCESS FOR PRISONERS SUFFERING FROM DRUG ADDICTION AND ADDICTIVE DISORDERS

Annotation. The content and aspects of the competence of penitentiary workers in the implementation of the psychological and medical rehabilitation process for individuals serving criminal sentences and suffering from drug addiction and other addictive disorders are characterized by their complexity, multifaceted nature, interdisciplinary nature, and depth of immersion in the issues under consideration. In this article, we will present only the basic, indicative scope of the content of the competence of penitentiary workers under consideration, from which follows the seriousness of the requirements it imposes, affecting medical, psychological, social, and other aspects of the rehabilitation process.

Accordingly, the purpose of this article is to reveal the key issues of the content of training penitentiary workers to implement the process of psychological and medical rehabilitation of convicts suffering from drug addiction and other addictive disorders.

The following objectives contribute to the achievement of the research goal: studying the substantive aspects of the competence of penitentiary workers in the process of psychological and medical rehabilitation of individuals serving criminal sentences and suffering from drug addiction and other addictive disorders; Focusing the attention of those implementing the psychological and medical rehabilitation of convicts suffering from drug addiction and addictive disorders on the symptoms of alexithymia, as well as on the behavior of convicts in ignoring the surrounding reality; selecting and developing not only educational, psychological, and social content dedicated to the addictive manifestations of convicts, but also the substantive aspects of the spiritual component of addictive dependence; organizing and implementing a comprehensive process of psychological and medical rehabilitation for individuals serving criminal sentences and suffering from drug addiction and addictive disorders by penitentiary staff from all departments and services of the penitentiary system. The following methodological tools were used in the research process: comparative analysis, synthesis, induction, deduction, questionnaires, interviews, and analysis of the practice of organizing correctional interventions for individuals suffering from addiction. The following working hypotheses have been formulated: the substantive aspects of the competence of penitentiary staff in the psychological and medical rehabilitation of individuals serving criminal sentences and suffering from drug addiction and addictive disorders are characterized by their multifaceted nature and deep immersion in the

content of the issues under consideration; the implementation of the psychological and medical rehabilitation process for convicts suffering from drug addiction and addictive disorders predetermines the focus of attention of those implementing this rehabilitation on the symptoms of alexithymia, as well as on the behavior of convicts in ignoring the surrounding reality;

a significant part of the traditional lecture and practical material of the rehabilitation process for convicts are not only educational, psychological, and social substantive aspects devoted to addictive manifestations, but also substantive aspects of the spiritual component of addictive dependence; The process of psychological and medical rehabilitation of individuals serving criminal sentences and suffering from drug addiction and other addictive disorders is complex and, therefore, must be organized and implemented by penitentiary staff from all departments and services of the penitentiary system.

The research findings contributed to the goal of this article, namely, identifying key aspects of training penitentiary staff to implement the psychological and medical rehabilitation process for inmates suffering from drug addiction and other addictive disorders. The article presents a partial outline of the indicative scope of the competencies of penitentiary staff, demonstrating the seriousness of the requirements it imposes, covering medical, psychological, social, and other aspects of the rehabilitation process.

Key words: *training issues, penitentiary workers, psychological rehabilitation, medical rehabilitation, rehabilitation process, drug addiction treatment, addictive diseases, convicts, preventive work.*

Введение.

Содержание компетентности пенитенциарных работников в направлении процесса психологической и медицинской реабилитации лиц, отбывающих уголовное наказание и страдающих наркологическими, аддиктивными заболеваниями, отличается многогранностью и глубиной погружения в рассматриваемую проблематику [3, с. 34; 5, с. 438]. В материалах нашей статьи излагается лишь ориентировочный объем рассматриваемого содержания компетентности пенитенциарных работников, из которого следует серьезность тех требований, которые она предъявляет, затрагивая медицинские, психологические, социальные и иные аспекты реабилитационного процесса [1, с. 76; 7, с. 182]. Соответственно, все указанное выше предопределяет наличие определенных конструктивных характеристик к состоянию профессионально-служебной подготовки пенитенциарных работников в направлении реализации процесса психологической и медицинской реабилитации лиц, отбывающих уголовное наказание и страдающих наркологическими, аддиктивными заболеваниями.

Гипотезы исследования:

- содержательным аспектам компетентности пенитенциарных работников в направлении процесса психологической и медицинской реабилитации лиц, отбывающих уголовное наказание и страдающих наркологическими, аддиктивными заболеваниями, свойственны многогранность и глубина погружения в содержание рассматриваемой проблематики;

- реализация процесса психологической и медицинской реабилитации осужденных, страдающих наркологическими и аддиктивными заболеваниями предопределяет акцент внимания лиц, реализующих данную реабилитацию на симптоматике проявления алекситимии, а также на поведении осужденных по игнорированию окружающей реальности;
- значимой частью традиционного лекционного и практического материала реабилитационного процесса осужденных являются не только воспитательные, психологические и социальные содержательные аспекты, посвященные аддиктивным проявлениям, но также и содержательные аспекты духовной составляющей аддиктивной зависимости;
- процесс психологической и медицинской реабилитации лиц, отбывающих уголовное наказание и страдающих наркологическими, аддиктивными заболеваниями, является комплексным, а соответственно должен организовываться и проводится пенитенциарными работниками всех отделов и служб пенитенциарной системы.

Цель статьи – раскрытие основных вопросов содержания подготовки пенитенциарных работников к реализации процесса психологической и медицинской реабилитации осужденных, страдающих наркологическими и аддиктивными заболеваниями.

Задачи статьи:

- изучение содержательных аспектов компетентности пенитенциарных работников в

направлении процесса психологической и медицинской реабилитации лиц, отбывающих уголовное наказание и страдающих наркологическими, аддиктивными заболеваниями;

- акцентирование внимания лиц, реализующих процесса психологической и медицинской реабилитации осужденных, страдающих наркологическими и аддиктивными заболеваниями на симптоматике проявления алекситимии, а также на поведении осужденных по игнорированию окружающей реальности;
- подбор и формирование не только воспитательных, психологических и социальных содержательных аспектов, посвященных аддиктивным проявлениям осужденных, но также и содержательных аспектов духовной составляющей аддиктивной зависимости;
- организация и проведение пенитенциарными работниками всех отделов и служб пенитенциарной системы комплексного процесса психологической и медицинской реабилитации лиц, отбывающих уголовное наказание и страдающих наркологическими, аддиктивными заболеваниями.

К методам и методикам работы относятся реализация: сравнительного анализа, синтеза, индукции, дедукции, анкетирования, интервью, анализа практики организации исправительного воздействия на осужденных, обобщение, моделирование, наблюдение и т.д.

Результаты исследования.

Реабилитационный процесс с осужденными предполагает акцентуацию внимания на симптомы алекситимии, а также игнорирования реальности осужденными. Функционирование терапевтической открытой группы осужденных предполагает наличие более опытных пациентов, работающих дольше в группе, а соответственно, и актуализируется и их помощь менее опытным в процессе интеграции понимания всего лекционного и практического материала реабилитационного процесса.

Традиционный лекционный и практический материал реабилитационного процесса содержит не только воспитательные, психологические и социальные содержательные аспекты, посвященные аддиктивным проявлениям. Важной частью этих материалов являются содержательные аспекты духовной составляющей аддиктивной зависимости. Для реализации этой части реабилитационного процесса необходима организация и проведение работы по привлечению пенитенциарными работниками к реабилитации осужденных священнослужителей, представляющих основные

традиционные для нашего общества конфессиональные объединения и общественные организации. В этом случае рекомендуются организация и проведение обсуждений экзистенциальных, нравственных и моральных содержательных составляющих протекания аддиктивных проявлений. При этом именно миссионерская составляющая и проповеди, как таковые, уходят на второй, второстепенный план, обеспечивая, таким образом, доминирования первых компонентов работы с клиентами, страдающими аддикциями.

Помимо священнослужителей, представляющих основные традиционные для нашего общества конфессиональные объединения и общественные организации, к работе с клиентами возможно привлечь экспертов в области теологии, философии, реализующих духовно-нравственные беседы, а также экспертов в области тренингов по замещению агрессии.

За исключением акцентуации внимания пенитенциарных работников на симптомах алекситимии, а также на игнорировании реальности осужденными страдающими аддикциями, пенитенциарными психологами реализуются специализированные тренинги по формированию у осужденных критического восприятия окружающего, бесконфликтного общения в социальной среде, а также аморегуляции эмоционально-волевых проявлений в процессе жизнедеятельности [2, с. 97].

Отметим, что процесс психологической и медицинской реабилитации лиц, отбывающих уголовное наказание и страдающих наркологическими, аддиктивными заболеваниями, является комплексным, а соответственно организуется и проводится пенитенциарными работниками всех отделов и служб пенитенциарной системы. Этот процесс, помимо воспитательных, медицинских, психологических, социальных и иных аспектов реабилитационного процесса, включает себя направления по обеспечению безопасности и режима отбывания уголовного наказания осужденными. Эти направления включают в себя мероприятия по профилактике проноса наркотических веществ и алкоголя в пенитенциарные учреждения, а также по своевременной диагностике проявлений химической зависимости и коррекции социально-психологических явлений, способствующих рецидивам проявления аддикции. Соответственно, все вышеуказанные направления реабилитационного процесса предполагают качественные организацию и проведение подготовки пенитенциарных работников к реализации процесса психологической и медицинской реабилитации лиц, отбывающих уголовное наказание и страдающих наркологическими, аддиктивными заболеваниями [4, с. 27; 7, с. 29].

Выводы, заключение. Реализованная нами, таким образом, научно-исследовательская работа позволила, прежде всего, достигнуть цели статьи, а именно раскрыть основные вопросы содержания подготовки пенитенциарных работников к реализации процесса психологической и медицинской реабилитации осужденных, страдающих наркологическими и аддиктивными заболеваниями. В материалах статьи изложена часть ориентировочного объема рассматриваемого содержания компетентности пенитенциарных работников, из которого следует серьезность тех требований, которые она предъявляет, затрагивая медицинские, психологические, социальные и иные аспекты реабилитационного процесса.

Процесс психологической и медицинской реабилитации лиц, отбывающих уголовное наказание и страдающих наркологическими, аддиктивными заболеваниями, является комплексным, а соответственно организуется и проводится пенитенциарными работниками всех отделов и служб пенитенциарной системы.

Список литературы:

- [1] Баимова Р.Р. Особенности фрустрации у подростков с девиантным поведением // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 3А. С. 182-193. DOI: 10.34670/AR.2021.90.40.019
- [2] Вилкова А.В., Холопова Е.Ю. Стрессогенность: психотравмирующие педагогические факторы // Перспективы науки. – 2021. – № 12(147). – С. 95-97.
- [3] Вилкова А.В. Причины, условия, предпосылки, факторы возникновения и развития девиантного поведения несовершеннолетних // Уголовно – исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 2. С. 34-38.
- [4] Дмитриева Т.Б., Шостакович Б.В. Агрессия и психическое здоровье. – Санкт-Петербург: Юридический центр пресс, 2002. 464 с.
- [5] Караваев О.В., Субботина О.М. Совершенствование форм и механизмов взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с региональными органами власти по вопросам социальной адаптации осужденных // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 24–25 нояб. 2016 г.) : в 2 т. Рязань, 2016. Т. 2. С. 437–440.
- [6] Кулакова С.В. Профессиональное выгорание психологов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: история феномена, анализ актуальной проблематики, направле-

ния профилактики // Педагогика и современное образование : Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования, Санкт-Петербург, 08 июня 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, 2022. – С. 76-80.

[7] Кровяков В.М. Психотравматология. Психическая травма, психогении в этиопатогенетических механизмах развития психических расстройств: монография. – Екатеринбург, 2006. С. 10.

References:

- [1] Baimova R.R. Peculiarities of frustration in adolescents with deviant behavior//Psychology. Historical-critical reviews and contemporary studies. 2021. T. 10. No. 3A. S. 182-193. DOI: 10.34670/AR.2021.90.40.019
- [2] Vilkova A.V., Kholopova E.Yu. Stressogenicity: psycho-traumatic pedagogical factors//Perspectives of science. – 2021. – № 12(147). – S. 95-97.
- [3] Vilkova A.V. Reasons, conditions, prerequisites, factors of emergence and development of deviant behavior of minors//Criminal executive system: law, economics, management. 2018. № 2. S. 34-38.
- [4] Dmitrieva TB, Shostakovich BV Aggression and Mental Health. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2002. 464 p.
- [5] Karavaev O.V., Subbotina O.M. Improving the forms and mechanisms of interaction between institutions and bodies of the penal system and regional authorities on the social adaptation of convicts//Penal policy and issues of the execution of criminal sentences: Sat. materials International. scientific-practical. conf. (Ryazan, November 24-25. 2016): in 2 vols. Ryazan, 2016. VOL. 2. S. 437-440.
- [6] Kulakova S.V. Professional burnout of psychologists of the penitentiary system of the Russian Federation: the history of the phenomenon, analysis of academic issues, areas of prevention//Pedagogy and modern education: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Scientific Leaders, Young Scientists Specializing in Education, St. Petersburg, June 08, 2022. - St. Petersburg: St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education, 2022. - S. 76-80.
- [7] Krovlyakov V.M. Psychotraumatology. Mental trauma, psychogenics in etiopathogenetic mechanisms of the development of mental disorders: monograph. - Yekaterinburg, 2006. S. 10.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-627-631

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

СКВОРЦОВ Константин Васильевич,

кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры специальной техники и информационных
технологий юридического факультета ВЮИ ФСИН России,
г. Владимир, ORCID: 0000-0001-8611-3353,
e-mail: k-skv@yandex.ru

КУРЫСЕВ Константин Николаевич,

заместитель директора по учебной работе
юридического института Владимирского государственного
университета имени Александра Григорьевича и
Николая Григорьевича Столетовых (ЮИ ВлГУ),
e-mail: kkn124@bk.ru

ВЛИЯНИЕ СИНДРОМА УПУЩЕННОЙ ВЫГОДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПРОСМОТРА КОРОТКИХ ВИДЕОРОЛИКОВ СРЕДИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ ГОРОДА ВЛАДИМИРА

Аннотация. Целью исследования явилось выявление механизмов формирования зависимости от просмотра коротких видеороликов (шортсов) с акцентом на роль синдрома упущенной выгоды (англ. *Fear of missing out, FOMO*). Гипотеза исследования: зависимость от просмотра коротких видеороликов опосредована механизмом FOMO и сопровождается патологической стимуляцией дофаминовой системы, что проявляется в снижении саморегуляции и формировании аддиктивного поведения; при этом дисциплинарная образовательная среда может выступать протективным фактором. Задачи исследования: 1) анализ связи между уровнем FOMO и выраженностью признаков зависимости от просмотра шортсов; 2) сравнительный анализ особенностей аддиктивного поведения в регламентированной и нерегламентированной образовательных средах. Проведён сравнительный анализ двух выборок – курсантов ВЮИ ФСИН России ($n=240$) и студентов ЮИ ВлГУ ($n=155$). Результаты: выявлена положительная корреляция между уровнем FOMO и выраженностью признаков зависимости ($r=0,67$, $p<0,01$). У 77% студентов с высоким уровнем FOMO (>28 баллов) отмечалось превышение запланированного времени просмотра шортсов, тогда как среди курсантов с аналогичным уровнем FOMO данный показатель составил 36%. Показано, что регламентированная образовательная среда ведомственного вуза способствует формированию навыков самоконтроля и снижает уязвимость к развитию аддикции.

Ключевые слова: зависимость, короткие видеоролики, синдром упущенной выгоды, FOMO, дофаминовая система, аддиктивное поведение, цифровая гигиена, ВЮИ ФСИН России.

SKVORTSOV Konstantin Vasilyevich,

PhD in Technical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Special Equipment and Information Technologies
of the Faculty of Law VUI of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vladimir

KURYSEV Konstantin Nikolaevich,

PhD in Technical Sciences, Associate Professor,
Deputy Director for Academic Affairs Law Institute
Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and
Nikolai Grigorievich Stoletovs

THE INFLUENCE OF FOMO ON SHORT VIDEO ADDICTION IN VLADIMIR LAW STUDENTS

Annotation. *The aim of this study was to identify the mechanisms underlying the development of addiction to watching short videos (shorts), with an emphasis on the role of Fear of Missing Out (FOMO). The research hypothesis was that addiction to watching short videos is mediated by the FOMO mechanism and accompanied by pathological stimulation of the dopamine system, which manifests in reduced self-regulation and the formation of addictive behavior; furthermore, a disciplinary educational environment may act as a protective factor. The research objectives were: 1) to analyze the relationship between FOMO levels and the severity of addiction symptoms to watching shorts; 2) to conduct a comparative analysis of the characteristics of addictive behavior in regulated and non-regulated educational environments. A comparative analysis of two samples was conducted: cadets from the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (n=240) and students from the Law Institute of VISU (n=155). Results: A positive correlation was found between FOMO levels and the severity of addiction symptoms ($r=0.67$, $p<0.01$). Among students with high FOMO levels (>28 points), 77% reported exceeding their planned time for watching shorts, whereas among cadets with similar FOMO levels, this indicator was 36%. It was demonstrated that the regulated educational environment of a specialized institutional university fosters the development of self-control skills and reduces vulnerability to developing addiction.*

Key words: *addiction, short videos, Fear of Missing Out, FOMO, dopamine system, addictive behavior, digital hygiene, Vladimir Law Institute of the FPS of Russia.*

Введение

Современные цифровые платформы короткого формата (TikTok, YouTube Shorts, VK Клипы и т.п.) создают уникальную среду для формирования поведенческих зависимостей [1]. Как отмечают авторы [2], более 50% обучающихся юридических вузов демонстрируют средний и высокий уровни зависимости от просмотра шортсов, что сопровождается нарушениями когнитивных функций и снижением продуктивности. Однако механизмы, лежащие в основе данного феномена, требуют углубленного нейробиологического анализа.

Ключевым психологическим триггером формирования зависимости выступает синдром упущенной выгоды (FOMO — Fear of Missing Out), определяемый как «постоянное беспокойство о том, что другие могут испытывать вознаграждающие переживания, от которых ты исключен» [3]. Согласно теории самоопределения, FOMO возникает при неудовлетворенности базовой потребности в социальной принадлежности и выступает фактором проблемного использования цифровых платформ [4]. Российские исследования подтверждают, что высокий уровень FOMO коррелирует с выраженностью симптомов интернет-зависимости и снижением общего уровня субъективного благополучия [5].

Нейробиологической основой зависимости от коротких видеороликов является дисфункция дофаминовой системы вознаграждения. Как показывают данные функциональной МРТ, просмотр шортсов активирует вентральный стриатум и префронтальную кору с интенсивностью, сопоставимой с реакцией на вещественные стимулы при химических зависимостях [6]. Современные алго-

ритмы платформ используют принцип переменного вознаграждения (интервальная подкрепляющая программа), аналогичный механизму игровых автоматов [7]. Такая гиперстимуляция приводит к истощению дофаминовых рецепторов, формированию потребности в постоянно возрастающей стимуляции — классическим признакам развития аддикции [8].

Цель и задачи исследования

Цель исследования — выявление психологических механизмов формирования зависимости от просмотра коротких видеороликов с акцентом на роль синдрома упущенной выгоды (FOMO) и дисфункции дофаминовой системы вознаграждения.

Задачи исследования — провести анализ связи между уровнем FOMO и выраженностью признаков зависимости от просмотра шортсов в двух выборках обучающихся юридических вузов г. Владимира. Сравнить особенности аддиктивного поведения и стратегий саморегуляции в регламентированной (ведомственный вуз) и нерегламентированной (гражданский вуз) образовательных средах.

Методика и организация исследования

Исследование проведено в апреле–мае 2025 г. на базе двух юридических вузов г. Владимира: Владимирского юридического института ФСИН России (ВЮИ ФСИН России) и Юридического института Владимирского государственного университета (ЮИ ВлГУ). В исследовании приняли участие 240 курсантов ВЮИ ФСИН России и 155 студентов ЮИ ВлГУ.

Методический инструментарий включал шкалу страха упущенной выгоды (FoMO Scale) А. Пржебыльски в адаптации для русскоязычной выборки [9], состоящую из 10 утверждений, оцениваемых по 5-балльной шкале Лайкерта (суммарный балл 10–50). Уровни интерпретации: низкий (10–24 балла), средний (25–34 балла), высокий (35–50 баллов), а также модифицированную методику диагностики интернет-зависимости К. Янг в адаптации В.А. Лоскутовой [10], адаптированную для оценки зависимости именно от коротких видеороликов (12 пунктов, шкала Лайкерта 1–3 балла; суммарный балл 12–36: низкий 12–19, средний 20–28, высокий 29–36).

Сбор данных осуществлялся посредством анонимного онлайн-анкетирования через защищенный сервис Google Forms. Для анализа использовались методы описательной статистики, корреляционный анализ Пирсона (MS Excel), а также качественный анализ открытых ответов.

Результаты и их обсуждение

Корреляция между уровнем FOMO и выраженностью зависимости. Анализ выявил статистически значимую положительную корреляцию между уровнем FOMO и суммарным баллом по шкале зависимости от просмотра шортсов ($r=0,67$, $p<0,01$). В студенческой выборке (ЮИ ВлГУ) высокий уровень FOMO (>34 баллов) отмечался у 41% респондентов, из которых 77% регулярно превышали запланированное время просмотра, 30% испытывали эмоциональное напряжение при попытках прекратить просмотр. Среди курсантов ВЮИ ФСИН России высокий уровень FOMO зафиксирован лишь у 18% респондентов, при этом лишь 36% из них демонстрировали признаки потери контроля над временем просмотра ($\chi^2=24,31$, $p<0,001$). Полученные данные подтверждают выводы Скворцова и Курысева (2025) о том, что «курсанты отличаются более умеренной частотой и продолжительностью просмотров, лучшей саморегуляцией и более активной рефлексией необходимости ограничения экранного времени» [2], что может быть обусловлено протективным влиянием регламентированной образовательной среды ведомственного института.

Известно, когда человек постоянно подвергается воздействию чего-либо, что вызывает у него сильные положительные эмоции, у него может развиться зависимость. В таких случаях в определенной части мозга (стриатум) уменьшается количество специальных рецепторов, которые помогают нам чувствовать удовольствие [11]. Это похоже на то, что происходит в мозге людей, страдающих игровой или наркотической зависимостью. Из-за этого, для получения такого же удо-

вольствия, человеку нужно все больше и больше времени проводить перед экраном, например, просматривая шортсы. Данный факт обосновывает наблюдаемые трудности с прекращением просмотра даже при осознании его негативных последствий – у 53% студентов отмечалось «частое или постоянное» затруднение в прекращении просмотра.

Роль дисциплинарной среды как защитного фактора. Сравнительный анализ выявил значимые различия в стратегиях саморегуляции. Среди курсантов ВЮИ ФСИН России 70% регулярно задумывались о необходимости ограничения времени просмотра (против 36% у студентов), 40% предпринимали конкретные попытки самоконтроля (таймеры, удаление приложений). В открытых ответах курсанты чаще предлагали радикальные меры внешнего контроля («убрать смартфон в тумбочку», «удалить приложение»), что согласуется с концепцией «структурной поддержки» как средства компенсации дефицита волевой регуляции [12]. Студенты же не проявляли зависимость от внутренней мотивации, которая оказывалась недостаточной для преодоления аддиктивного поведения при высоком уровне FOMO.

Полученные данные о снижении самоконтроля и когнитивных нарушениях у лиц с высоким уровнем FOMO коррелируют с более широкими социальными процессами, описанными в контексте цифровой трансформации. Как отмечалось ранее [13], современный человек все чаще оказывается в состоянии «Номо Confusus» (человека растерянного) из-за утраты привычных ориентиров в информационном пространстве и делегирования когнитивных функций цифровым устройствам. Утрата навыка «фактчекинга» и доверие к непроверенной информации в глобальной сети усугубляют неспособность индивида противостоять алгоритмически выстроенным потокам контента.

Применительно к нашей выборке, высокая доля студентов (77%), превышающих запланированное время просмотра, демонстрирует не только дофаминовую дисрегуляцию, но и описанный выше феномен «растерянности» перед лицом цифровой реальности, где стираются границы между необходимым и развлекательным контентом. Курсанты же, находясь в более регламентированной среде, сохраняют критическое восприятие информации и способность к структурированию собственной деятельности, что подтверждает тезис о необходимости адаптации образовательной системы к новым цифровым вызовам.

Выводы. Установлена статистически значимая положительная корреляция между уровнем FOMO и выраженностью признаков зависимости

от просмотра коротких видеороликов ($r=0,67$, $p<0,01$), что подтверждает гипотезу об опосредующей роли синдрома упущенной выгоды в формировании зависимости.

Регламентированная образовательная среда ведомственного вуза (ВЮИ ФСИН России) выступает протективным фактором, способствуя формированию навыков самоконтроля и снижая уязвимость к развитию аддиктивного поведения, что подтверждает выводы исследования Скворцова и Курьсева (2025) [2].

Для профилактики зависимости от коротких видеороликов рекомендуется комплексный подход, включающий: а) развитие навыков цифровой гигиены и осознанного потребления контента; б) использование внешних средств структурной поддержки (таймеры, ограничение уведомлений); в) поощрение альтернативных видов деятельности, способствующих естественной регуляции дофаминовой системы (физическая активность, творческая деятельность, живое общение).

Список литературы:

[1] Клинико-психопатологические особенности лиц с интернет-зависимостью: опыт пилотного исследования / А. Ю. Егоров, С. В. Гречаный, Н. А. Чупрова [и др.] // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2020. – Т. 120, № 3. – С. 13-18.

[2] Скворцов, К. В. Исследование зависимости от просмотра коротких видеороликов среди обучающихся юридических вузов города Владимира / К. В. Скворцов, К. Н. Курьсев // Письма в Эмиссия.Оффлайн. – 2025. – № 6. – С. 3545.

[3] Przybylski A.K., Murayama K., DeHaan C.R., Gladwell V. Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out // *Computers in Human Behavior*. 2013. Vol. 29, № 4. P. 1841–1848.

[4] Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55, № 1. P. 68–78.

[5] Без смартфона как без рук? Номофобия, прокрастинация и академическая мотивация: адаптация русскоязычного опросника номофобии и анализ цифровых зависимостей студентов / А. А. Максименко, А. А. Золотарева, С. В. Курапов, А. С. Курапова // Высшее образование в России. – 2025. – Т. 34, № 8-9. – С. 93-113. – DOI 10.31992/0869-3617-2025-34-8-9-93-113.

[6] Turel O., He Q., Xue G., Xiao L., Bechara A. Examination of neural systems sub-serving Facebook «addiction» // *Psychological Reports*. 2014. Vol. 115, № 3. P. 675–695.

[7] Montag C., Lachmann B., Herrlich M., Zweig K. Addictive Features of Social Media/Messenger

Platforms and Freemium Games against the Background of Psychological and Economic Theories // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2019. Vol. 16, № 14. P. 2612.

[8] Volkow N.D., Wang G.J., Fowler J.S., Tomasi D., Telang F. Addiction: beyond dopamine reward circuitry // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2011. Vol. 108, № 37. P. 15037–15042.

[9] Ардисламов, В. В. Адаптация русскоязычной версии опросника страха упущенных возможностей / В. В. Ардисламов, П. Р. Кляхина, Э. Р. Шаипова // Психологические исследования. – 2024. – Т. 17, № 96. – DOI 10.54359/ps.v17i96.1619.

[10] Короленко Ц.П., Лоскутова В.А. Интернет-зависимость в русскоязычном секторе Интернета // Бюллетень Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. 2004. Т. 24, № 3. С. 45–51.

[11] Wang, L et al. Dysfunctional default mode network and executive control network in people with Internet gaming disorder: Independent component analysis under a probability discounting task. *European psychiatry : the journal of the Association of European Psychiatrists* vol. 34 (2016): 36-42. doi:10.1016/j.eurpsy.2016.01.2424

[12] Большунова, Н. Я. Использование цифровых технологий для развития саморегуляции курсантов / Н. Я. Большунова, А. В. Андронов // Психология. Психофиз

[13] Скворцов, К. В. Человек в современной цифровой реальности / К. В. Скворцов, А. Н. Искандарян, А. Б. Люхтер // Наука и бизнес: пути развития. – 2023. – № 10(148). – С. 42-46. – EDN IJETIY.ология. – 2023. – Т. 16, № 2. – С. 67-77.

References:

[1] Clinical and psychopathological features of people with Internet addiction: the experience of a pilot study/A. Yu. Egorov, S. V. Grechany, N. A. Chuprova [et al.] // *Journal of Neurology and Psychiatry named after C.C. Korsakov*. – 2020. – T. 120, NO. 3. – S. 13-18.

[2] Skvortsov, K.V. Study of dependence on watching short videos among students of law schools in the city of Vladimir/K.V. Skvortsov, K.N. Kurysev// *Letters to Emission. Offline* – 2025. – № 6. – S. 3545.

[3] Przybylski A.K., Murayama K., DeHaan C.R., Gladwell V. Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out // *Computers in Human Behavior*. 2013. Vol. 29, № 4. P. 1841–1848.

[4] Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55, № 1. P. 68–78.

[5] Without a smartphone like without hands? Nomophobia, procrastination and academic motivation: adaptation of the Russian-language nomopho-

bia questionnaire and analysis of digital dependencies of students/A. A. Maksimenko, A. A. Zolotareva, S. V. Kurapov, A. S. Kurapova//Higher education in Russia. – 2025. - T. 34, NO. 8-9. - S. 93-113. – DOI 10.31992/0869-3617-2025-34-8-9-93-113.

[6] Turel O., He Q., Xue G., Xiao L., Bechara A. Examination of neural systems sub-serving Facebook «addiction» // Psychological Reports. 2014. Vol. 115, № 3. P. 675–695.

[7] Montag C., Lachmann B., Herrlich M., Zweig K. Addictive Features of Social Media/Messenger Platforms and Freemium Games against the Background of Psychological and Economic Theories // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16, № 14. P. 2612.

[8] Volkow N.D. , Wang G.J., Fowler J.S., Tomasi D., Telang F. Addiction: beyond dopamine reward circuitry // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2011. Vol. 108, № 37. P. 15037–15042.

[9] Ardislamov, V.V. Adaptation of the Russian-language version of the fear questionnaire of missed opportunities/V.V. Ardislamov, P.R. Klyakhin,

E.R. Shaipova//Psychological research. – 2024. - T. 17, NO. 96. – DOI 10.54359/ps.v17i96.1619.

[10] Korolenko Ts. P., Loskutova V.A. Internet dependence in the Russian-speaking sector of the Internet//Bulletin of the Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences. 2004. T. 24, NO. 3. S. 45-51.

[11] Wang, L et al. Dysfunctional default mode network and executive control network in people with Internet gaming disorder: Independent component analysis under a probability discounting task. European psychiatry : the journal of the Association of European Psychiatrists vol. 34 (2016): 36-42. doi:10.1016/j.eurpsy.2016.01.2424

[12] Bolshunova, N. Ya. The use of digital technologies for the development of self-regulation of cadets/N. Ya. Bolshunova, A. V. Andronov//Psychology. Psychophysics

[13] Skvortsov, K.V. Man in Modern Digital Reality/K.V. Skvortsov, A.N. Iskandaryan, A.B. Lukhter//Science and Business: Development Paths. – 2023. – № 10(148). - S. 42-46. - EDN IJETIY.logy. – 2023. - T. 16, NO. 2. - S. 67-77.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-632-635

КАНУННИКОВ Роман Игоревич,
кандидат психологических наук,
доцент Уральского юридического института
МВД России,
e-mail: roma.kanunnikov@inbox.ru

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ УСПЕШНОСТИ АДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ ПЕРВОГО КУРСА В ВУЗЕ МВД РОССИИ

Аннотация. Уровень адаптации курсантов первого курса определяет эффективность выполнения учебно-служебной деятельности. Вместе с тем следует учитывать систему оценки самого процесса адаптации. Это имеет большое значение, для успешности адаптации курсантов первого курса вузов МВД России, так как позволяет своевременно вносит изменения в учебно-служебную деятельность. Выделенные автором критерии: нормативность служебной деятельности, стабильность эмоционально-волевой сферы и устойчивость поведения, удовлетворённость собой как личностью, успешность выполнения учебной деятельности, удовлетворённость вузовским обучением, активность в учебной и общественной жизни вуза, должны стать основой для оценки эффективности процесса адаптации в вузах МВД России. С учетом данных критериев необходимо выстраивать дальнейшую работу по повышению успешности адаптации курсантов к учебно-служебной деятельности.

Ключевые слова: курсанты, адаптация, оценка успешности адаптации, критерии оценки, учебно-служебная деятельность, учебная мотивация.

KANUNNIKOV Roman Igorevich,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

CRITERIA FOR ASSESSING THE SUCCESS OF ADAPTATION OF FIRST-YEAR CADETS AT THE UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Annotation. The level of adaptation of first-year cadets determines the effectiveness of their academic and service activities. At the same time, the assessment system for the adaptation process itself should be considered. This is crucial for the successful adaptation of first-year cadets at Russian Ministry of Internal Affairs academies, as it allows for timely adjustments to their academic and service activities. The criteria identified by the author—standardization of service activities, emotional-volitional stability and behavioral consistency, self-satisfaction, academic success, satisfaction with their university education, and involvement in the academic and social life of the university—should form the basis for assessing the effectiveness of the adaptation process at Russian Ministry of Internal Affairs academies. Taking these criteria into account, it is necessary to organize future efforts to improve the success of cadets' adaptation to academic and service activities.

Key words: cadets, adaptation, assessment of adaptation success, assessment criteria, educational and service activities, educational motivation.

Адаптация к обучению в вузе является достаточно сложным процессом. Успешность адаптации, определяет, насколько успешно человек приспособился к новому социальному окружению, условиям и требованиям учебной организации. Между тем оста-

ется важным изучение понимания успешности адаптации. Для того, чтобы понять успешна или не успешна адаптация, необходимо выделить критерии ее оценки.

Как считают, О.А. Воскресенко, С.В. Сергеева критерии оценки успешности обучающихся,

чаще всего рассматриваются как показатели, которые способствуют выяснению эффективности или не эффективности процесса адаптации. Они позволяют выявить слабые места в образовательном процессе, с целью усиления работы на данных направлениях [1].

Важно понимать и то, что критерии оценки успешности адаптации обучающихся могут быть объективными и субъективными. Объективные критерии успешности адаптации, как правило, включают в себя: выполнение учебной деятельности на высоком уровне, стабильность эмоционально-волевой сферы. К субъективным критериям можно отнести: удовлетворенность учебной деятельностью, учебным и профессорско-преподавательским коллективами, проявлением активности в общественной жизни вуза.

Вузам МВД России также необходимо выработать систему оценки успешности адаптации курсантов первого курса, с учетом изучения объективных и субъективных критериев.

На наш взгляд оценка успешности адаптации курсантов первого курса в вузе МВД России должна включать такие критерии как:

Нормативность служебной деятельности. Этот критерий можно определить с помощью анкеты экспертной оценки, где экспертом выступает руководство курса. Курсанты на первом курсе должны усвоить нормы и правила вуза МВД России. Только к курсантам ведомственных образовательных организаций могут налагаться такие взыскания, как назначение вне очереди в наряд, лишение очередного увольнения из расположения образовательной организации, отчисление из образовательной организации. Выполнение такого рода требований включает не только учебную, но и служебную деятельность. Так, например, необходимо принимать участие в мероприятиях по уборке территории. Курсанты должны понимать значение запретов и ограничений, понимать специфику вузов МВД России, представлять смысл их будущей профессии. Это важно, потому что не все курсанты сделали выбор самостоятельно, некоторым из них выбор был навязан [4].

Стабильность эмоционально-волевой сферы и устойчивость поведения. Стабильность эмоционально-волевой сферы и устойчивость поведения обучающихся в вузе, связано с эмоциональной устойчивостью. Оценить ее можно даже визуально, наблюдая изменения, которые происходят в эмоциональных реакциях на воздействие окружающей среды. К критериям эмоциональной устойчивости можно отнести: стрессоустойчивость, поведенческие реакции, изменения в мимике, жестах, взглядах и т.д. Данный критерий должны оценивать сотрудники отдела мораль-

но-психологического обеспечения, профессорско-преподавательский состав, курсовые офицеры, кураторы. Выявление наличия проблем с применением психологических методик позволяет заранее оценить суть проблемы, подготовить ряд адаптационных мероприятий.

Удовлетворенность собой как личностью. В этом случае оценивается адекватность самооценки и другие показатели. По мнению М.А. Ступиной К.В. Пологовой, С.А. Лысуенко удовлетворенность собой как личностью (внутренняя удовлетворенность) – это состояние гармонии и радости внутри человека, когда он чувствует себя довольным, удовлетворенным и счастливым без зависимости от внешних обстоятельств. Это показатель того, насколько человек удовлетворен своей жизнью, решениями и отношениями с окружающими [6]. В процессе адаптации к образовательной среде вуза МВД России происходит система смены ценностей, ломка прежних стереотипов жизни. Задача адаптационных мероприятий и должна состоять в том, чтобы позволить курсантам пройти этот путь менее болезненно.

Успешность выполнения учебной деятельности. Успешность учебной деятельности курсантов – это интегральная оценка эффективности обучения, которая предшествует будущей профессиональной и социальной успешности. Успешность учебной деятельности курсантов выражается двумя показателями: результативным и структурным. Результативный показатель включает в себя успеваемость по учебным предметам. Структурный показатель определяет ценностное отношение к выполняемой деятельности, наличие учебной мотивации, стремление к саморазвитию. При успешном выполнении учебной деятельности мотивы усиливаются, меняется их структура. Сложность оценивания структурного показателя учебной мотивации заключается в ее динамике. Исходя из этого, следует отметить, что успешность адаптации к выполнению учебной деятельности у курсантов нельзя сводить только к полученным оценкам. Нужно понимать, что важно именно наличие осознанных мотивов, основанных на познавательном интересе, а не на стремлении понравиться родителям или из-за желания избежать наказания [5].

На учебную мотивацию курсантов влияют разные факторы, среди них:

Внутренние. Личная заинтересованность в профессии полицейского, осознание важности будущей профессии и стремление достичь высокого уровня профессионализма.

Внешние. Поддержка со стороны кураторов, преподавателей и курсовых офицеров, позитивная обратная связь, конструктивная критика и наставничество.

Для повышения уровня мотивации учебной деятельности курсантов используют, например, рейтинговую систему оценки, мотивацию личным примером, заинтересованность личным опытом курсантов в профессиональной деятельности и их личным мнением по каким-либо вопросам [2].

Удовлетворённость вузовским обучением. Необходимо оценивать содержание обучения, условия, отношения в группах, ориентацию на продолжение образования, представления о привлекательности выбранного вуза и уровень беспокойства или тревоги. Удовлетворённость вузовским обучением – один из критериев, который характеризует образовательный процесс в вузах МВД России с точки зрения его социальной эффективности. Учет данного критерия позволит снизить количество курсантов первого курса, подающих заявление на отчисление. Удовлетворённость учёбой в вузе должна оцениваться на основе удовлетворённости социальным статусом. Показатель степени реализации ожиданий относительно включенности в определённую статусную группу. Здесь учитываются такие характеристики, как стиль жизни, уровень образования, род занятий. Показатель удовлетворённостью специальностью включает в себя оценку получаемой профессии. Удовлетворённость учебным процессом, характеризует уровень адаптированности курсанта к условиям обучения, сбалансированность его потребностей и условий учебно-образовательной деятельности в вузе МВД России [3].

Активность в учебной и общественной жизни вуза. Оценивается посещаемость занятий, интерес к научно-исследовательской работе, активность во внеучебной жизни вуза. От активности в учебной и общественной жизни вуза зависит, насколько курсант коммуникативен, образован, организован и развит. Социальная активность способствует практическому применению теоретических знаний. Активность в учебной жизни вуза может проявляться в разных формах, например, стремление получать знания, умения и навыки, необходимые для профессиональной самореализации.

В исследованиях В.Л. Цветкова, Д.А. Пустовитова утверждается, что курсанты, имеющие высокий уровень личностных детерминант по отношению к будущей профессии, стремятся к профессиональной самореализации, принимают активное участие в мероприятиях, которые проводят вузы МВД России. Зачастую такие курсанты начинают принимать участие уже с первого курса, причем участвуя в мероприятиях, проводимых несколькими кафедрами. Они проявляют свою креативность, при подготовке к мероприятиям, предлагают свое виденье изменений, необходи-

мых для повышения интереса к таким мероприятиям. Для вовлечения в научно-исследовательскую деятельность курсантов уже с первого курса можно включать их в научные кружки, предлагать им участие в проектной деятельности не только с преподавателем, но и с обучающимися на старших курсах [7].

Таким образом, учет вышеперечисленных критериев оценки успешности адаптации курсантов, к образовательной среде вузов МВД России, должен быть включен в систему мониторинга приспособления обучающихся к учебно-служебной деятельности высших образовательных организаций МВД России.

Список литературы:

- [1] Воскресенский О.А., Сергеева С.В. Педагогическое сопровождение адаптации курсантов в условиях военного вуза // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2024. – №3 (51). – С. 213 – 224.
- [2] Жигалова Е.А. Адаптация курсантов к служебной и учебной деятельности высших учебных заведений МВД России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2014. – № 4(71). – С. 76 – 85.
- [3] Иванов Е.Ю. Исследование профессиональной адаптации как компонента профессионализации курсантов образовательных организаций МВД России // Вестник Нижневартского государственного университета. – 2024. – № 3 (67) – С. 100 – 108.
- [4] Кустов П.В., Силкин Н.Н. Критерии успешной адаптированности курсантов 1 курса образовательных организаций МВД России // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. – 2022. – № 05 (70). Режим доступа: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/kriterii-uspeshnoj-adaptirovannosti-kursantov-1-kursa-obrazovatelnykh-organizatsij-mvd-rossii.html> (Дата обращения: 25.01.2026)
- [5] Писарчук Т.М. Адаптация курсантов на начальном и завершающем этапах обучения // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2024. – № 2. – С. 107 – 112.
- [6] Ступина М.А., Пологова К.В., Лысуенко С.А. Условия успешной адаптации к обучению в вузе: на примере студентов педагогического вуза // Ученые записки НТГСПИ. Серия: Педагогика и психология. – 2023. – № 3. – С. 129 – 139.
- [7] Цветков В.Л., Пустовитова Д.А. Личностные детерминанты учебно-профессиональной адаптации обучающихся в образовательной организации МВД России // Психология и педаго-

гика служебной деятельности. – 2024. – № 2. – С. 91 – 96. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2024-2-91-96>.

References:

[1] Voskresasenko O.A., Sergeeva S.V. Pedagogical support for the adaptation of cadets in a military university//Izvestia Saratov University. New series. Series: Acmeology of Education. Developmental psychology. – 2024. – №3 (51). – S. 213-224.

[2] Zhigalova E.A. Adaptation of cadets to the official and educational activities of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2014. – № 4(71). – S. 76-85.

[3] Ivanov E.Yu. Study of professional adaptation as a component of the professionalization of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Bulletin of Nizhnevartovsk State University. – 2024. – NO. 3 (67) – S. 100-108.

[4] Kustov P.V., Silkin N.N. Criteria for the successful adaptation of cadets of the 1st course of edu-

cational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia//World of pedagogy and psychology: international scientific and practical journal. –2022. – № 05 (70). Режим доступа: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/kriterii-uspeshnoj-adaptirovannosti-kursantov-1-kursa-obrazovatelnykh-organizatsij-mvd-rossii.html> (Дата обращения: 25.01.2026)

[5] T.M. Pisarchuk. Adaptation of cadets at the initial and final stages of training//Psychology. Historical-critical reviews and contemporary studies. – 2024. – № 2. – S. 107 – 112.

[6] Stupina M.A., Pologova K.V., Lysuenko S.A. Conditions for successful adaptation to study at a university: on the example of students of a pedagogical university//Scientific notes of NTGSPi. Series: Pedagogy and Psychology. – 2023. – № 3. – S. 129-139.

[7] Tsvetkov V.L., Pustovitova D.A. Personal determinants of educational and professional adaptation of students in the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Psychology and pedagogy of official activities. – 2024. – № 2. – S. 91-96.

<https://doi.org/10.24412/2658-638X-2024-2-91-96>.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-636-642

ХАЛЬЗОВА Наталья Александровна,
Доцент высшей школы физико-математических наук,
кандидат экономических наук Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тихоокеанский государственный университет»,
e-mail: 003818@togudv.ru

ПАНОЧЕВНЫЙ Павел Николаевич,
Старший преподаватель высшей
школы промышленной инженерии,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тихоокеанский государственный университет»,
e-mail: 005681@togudv.ru

ПРИНЦИПЫ И ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗЕ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ИЗ РАЗНЫХ СТРАН И РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена глобализацией высшего образования и формированием в вузах многонациональных студенческих коллективов, что требует принципиально новых подходов к управлению качеством образовательного процесса. Задача статьи — теоретическое обоснование и систематизация принципов и практических подходов, направленных на обеспечение эффективного обучения в условиях культурного разнообразия и целенаправленное формирование навыков межкультурного профессионального взаимодействия. В работе предлагается целостная трехуровневая концепция. На институциональном уровне обосновываются ключевые принципы формирования межкультурной компетенции в образовательной среде, такие как инклюзивность и диалогичность. На методическом уровне анализируются подходы к адаптации педагогических технологий (кейс-методы, проектная работа в межкультурных командах) и оценочных процедур (формирующее оценивание с рубриками), позволяющие нивелировать различия академических культур.

Ключевые слова: качество образовательного процесса, межкультурная компетенция, поликультурная образовательная среда, интернационализация высшего образования, адаптация педагогических технологий, формирующее оценивание, межкультурное профессиональное взаимодействие, фасилитация, многонациональные студенческие группы, глобальные компетенции выпускников.

KHALZOVA Natalia Alexandrovna,
Associate Professor,
School of Physical and Mathematical Sciences,
PhD in Economics, Pacific National University

PANOCHEVNY Pavel Nikolaevich,
Senior Lecturer, School of Industrial Engineering,
Pacific National University

PRINCIPLES AND APPROACHES TO MANAGING THE QUALITY OF THE EDUCATIONAL PROCESS AT A UNIVERSITY IN THE CONTEXT OF TEACHING STUDENTS FROM DIFFERENT COUNTRIES AND REGIONS AND DEVELOPING INTERCULTURAL PROFESSIONAL INTERACTION

Annotation. *The relevance of this study stems from the globalization of higher education and the emergence of multinational student bodies at universities, which requires fundamentally new approaches to managing the quality of the educational process. The objective of this article is to theoretically substantiate and systematize principles and practical approaches aimed at ensuring effective learning in a culturally diverse environment and the targeted development of intercultural professional interaction skills. The paper proposes a holistic three-tiered approach. At the institutional level, it substantiates key principles for developing intercultural competence in the educational environment, such as inclusiveness and dialogue. At the methodological level, it analyzes approaches to adapting pedagogical technologies (case studies, project work in intercultural teams) and assessment procedures (formative assessment with rubrics) to mitigate differences in academic cultures.*

Key words: *quality of the educational process, intercultural competence, multicultural educational environment, internationalization of higher education, adaptation of pedagogical technologies, formative assessment, intercultural professional interaction, facilitation, multinational student groups, global competencies of graduates.*

Введение

Глобализация высшего образования и активная академическая мобильность привели к формированию в университетах многонациональных студенческих коллективов, что трансформирует традиционную образовательную среду в поликультурное пространство. Данный процесс, открывая новые возможности для межкультурного обмена, одновременно ставит перед вузами комплекс задач, связанных с обеспечением качества образовательного процесса в условиях культурного разнообразия. Эффективное обучение студентов из разных стран и регионов требует переосмысления не только содержания программ, но и педагогических подходов, систем оценки, а также целенаправленного формирования механизмов профессионального взаимодействия, преодолевающих культурные барьеры. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки научно обоснованной модели управления качеством, которая бы интегрировала задачи академической подготовки и развития межкультурной компетенции как ключевого навыка выпускника в глобализированном мире.

Цель исследования заключается в систематизации и теоретическом обосновании принципов и практических подходов к управлению качеством образовательного процесса в вузе, направленных на эффективное обучение многонационального контингента студентов и целенаправленное построение межкультурного профессионального взаимодействия в учебной и проектной деятельности.

Научная новизна работы определяется комплексным характером решаемой задачи. В отличие от исследований, фокусирующихся либо на адаптации иностранных студентов, либо на общих вопросах интернационализации, в данной статье предлагается целостная концепция.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу работы составили принципы системного и компетентностного подходов. Исследование носит теоретико-аналитический характер и базируется на анализе широкого круга научных публикаций, в том числе входящих в рецензируемые отечественные журналы. Были изучены работы, посвященные вопросам интернационализации образования, кросс-культурной психологии, педагогики сотрудничества, управления качеством в высшей школе, а также практико-ориентированные кейсы ведущих университетов. Синтез и критический анализ данных источников позволили сформулировать авторские обобщения и рекомендации.

Результаты и обсуждения

1. Принципы формирования межкультурной компетенции в образовательной среде вуза

В контексте глобализации высшего образования и роста академической мобильности классическая образовательная среда вуза претерпевает фундаментальную трансформацию, превращаясь в поликультурное пространство. В этой ситуации традиционные цели обучения, ориентированные на передачу профессиональных знаний

и навыков, оказываются недостаточными. На первый план выходит задача формирования у всех участников образовательного процесса — как у студентов-иностранцев, так и у местных студентов и преподавательского состава — межкультурной компетенции. Под этим понятием подразумевается интегративная характеристика личности, включающая в себя не только сумму знаний о других культурах, но и комплекс установок (открытость, эмпатия, толерантность неопределенности) и поведенческих навыков (эффективная коммуникация, управление конфликтами, адаптивность), позволяющих успешно и продуктивно взаимодействовать в профессиональном и социальном контекстах с представителями иных культурных систем. Таким образом, формирование межкультурной компетенции становится не дополнительной, а одной из ключевых стратегических задач современного университета, напрямую влияющей на качество образовательных результатов и конкурентоспособность выпускников на глобальном рынке труда.

Построение среды, способствующей формированию данной компетенции, не происходит спонтанно и требует реализации ряда взаимосвязанных принципов, которые должны быть заложены в основу образовательной политики вуза. Первым и базовым является принцип системности и институциональной поддержки. Межкультурная компетенция не может развиваться фрагментарно, лишь в рамках отдельных дисциплин или мероприятий. Она требует целостного подхода, интегрированного в миссию, стратегию развития, учебные планы всех направлений подготовки, а также в систему повышения квалификации профессорско-преподавательского состава. Это подразумевает разработку и принятие локальных нормативных актов, фиксирующих ценности инклюзивности и межкультурного диалога, создание структурных подразделений (офисы интернационализации, центры культурного обмена), ответственных за реализацию этой политики, и выделение соответствующих ресурсов. Без закрепления на уровне руководства и управления любые инициативы останутся точечными и не дадут кумулятивного эффекта.

Вторым ключевым принципом выступает принцип диалогичности и равноправного субъект-субъектного взаимодействия. Классическая педагогическая модель «преподаватель — транслятор знания — студент» в поликультурной среде демонстрирует свою неэффективность. Культурные нормы восприятия авторитета, допустимых форм дискуссии, критики и выражения мнения кардинально различаются. Поэтому образовательная среда должна быть переориентирована

на диалог, где каждый участник является носителем уникального культурного кода и профессионального опыта. Задача преподавателя трансформируется из монологичной передачи информации в фасилитацию, организацию пространства для обмена мнениями, где разные точки зрения, обусловленные культурным контекстом, не подавляются, а становятся предметом рефлексии и совместного анализа. Это предполагает отказ от этноцентрической позиции, предполагающей неявное доминирование «местной» культуры, в пользу культурного релятивизма, признания равноценности различных культурных перспектив при решении профессиональных задач.

Неразрывно с предыдущим связан принцип инклюзивности и обеспечения психологической безопасности. Межкультурная среда изначально является зоной повышенной неопределенности и потенциального дискомфорта для всех сторон. Студенты, оказавшиеся в иной культурной и академической среде, часто испытывают когнитивный и эмоциональный стресс (культурный шок), который может блокировать учебную деятельность. Местные студенты и преподаватели могут сталкиваться с непониманием поведенческих паттернов иностранных коллег [8, с. 2]. Для формирования компетенции необходимо минимизировать факторы угрозы. Это означает создание атмосферы, в которой ошибки в коммуникации, вызванные культурными различиями, воспринимаются не как личная неудача, а как естественный этап обучения; где вопросы и прояснения поощряются; где язык общения (как на занятиях, так и во внеучебной деятельности) доступен для всех участников. Инклюзивность также предполагает учет культурных особенностей при планировании расписания (с учетом религиозных праздников), организации пространства и подборе учебных материалов, свободных от культурных стереотипов.

К тому же фундаментальное значение имеет принцип практико-ориентированности и контекстуализации. Межкультурная компетенция формируется не в вакууме, а в процессе решения конкретных, желательно аутентичных, профессионально значимых задач. Теоретические знания о культурных измерениях Хофстеде или теории высоко- и низконтекстных культур Г. Холла должны находить немедленное применение [3, с. 74]. Поэтому проектная деятельность в смешанных межкультурных командах, ролевые игры, имитирующие международные переговоры или совместную разработку проекта, анализ реальных бизнес-кейсов с международной спецификой становятся не просто одним из методов, а основным педагогическим инструментом. В таком контексте культурные различия перестают быть

абстрактной темой для обсуждения, а становятся практическим ресурсом или ограничением, с которым необходимо работать для достижения общего результата. Это формирует не только понимание, но и конкретные поведенческие навыки управления разнородной командой, разрешения конфликтов, поиска компромиссных решений.

2. Адаптация педагогических технологий и оценочных процедур для многонациональных студенческих групп

Переход от осознания необходимости формирования межкультурной компетенции к её практическому воплощению в учебном процессе требует радикальной перестройки традиционного педагогического инструментария. Классические методы обучения и оценки, эффективные в гомогенной культурной среде, в многонациональных группах зачастую становятся не просто малоэффективными, но и могут воспроизводить системные барьеры, усугубляя неравенство и не достигая заявленных образовательных результатов. Адаптация педагогических технологий и оценочных процедур становится, таким образом, первоочередным звеном в управлении качеством образования в условиях культурного разнообразия. Эта адаптация носит не косметический характер (простой перевод материалов на английский язык), а предполагает глубокую методологическую ревизию, учитывающую различия в когнитивных стилях, коммуникативных паттернах, отношении к авторитету, восприятию времени и критериях успешности, собственных различных академическим культурам.

Наиболее значимые трансформации происходят в плоскости педагогических технологий. Лекционно-семинарская система, центрированная на монологе преподавателя как единственного носителя истины, оказывается малоприменимой в ситуации, где студенты из культур с высоким индексом дистанции власти (по Г. Хофстеде) могут быть склонны к пассивному восприятию, а студенты из низкоконтекстных культур (по Э. Холлу) ожидают явных, детализированных инструкций. На первый план выходят интерактивные, коллаборативные и проблемно-ориентированные методы. В частности, проектное обучение в специально сформированных межкультурных командах перестаёт быть лишь способом освоения предметного содержания, а становится основным полигоном для формирования профессиональных навыков межкультурного взаимодействия. Критически важным при этом является структурирование проекта: четкое определение ролей с учетом сильных сторон и культурных особенностей участников, установление промежуточ-

ных контрольных точек, обязательное включение этапа рефлексии на коммуникативные трудности и найденные способы их преодоления [6, с. 36]. Задача преподавателя смещается от контроля к фасилитации — организации процесса, помощи в налаживании коммуникации, нейтрализации потенциальных конфликтов, связанных с различным отношением к срокам или лидерству.

Метод case-study тоже меняется. Реальные примеры из международного бизнеса, дипломатии, инженерии или медицины, где культура важна, помогают применять теории о культурных различиях на практике. Когда разные люди обсуждают такой пример, сразу видны различия в восприятии. Люди из коллективных культур обычно ценят гармонию в группе и долгосрочные отношения, в то время как те, кто вырос в индивидуалистическом обществе, больше думают о личной ответственности и быстрых решениях [4, с. 222]. Попытки найти общее мнение или обосновать разные точки зрения — это очень полезный опыт. Задача преподавателя — не привести группу к «правильному» ответу (которого может и не быть), а направлять обсуждение, чтобы все могли высказаться, и помогать разбирать культурные причины разных стратегий.

Столь же глубокая трансформация необходима в системе оценочных процедур, которая в поликультурном контексте должна выполнять не только контролирующую, но и развивающую, адаптивную и справедливую функцию. Традиционный инструмент — письменный экзамен с закрытыми вопросами — оказывается культурно-зависимым, так как проверяет не только знание, но и скорость реакции, умение угадывать «ожидания» экзаменатора, что ставит в неравное положение студентов, чья образовательная традиция не поощряла подобные форматы. Поэтому акцент смещается в сторону формирующего оценивания (formative assessment) и использования аутентичных оценочных инструментов.

Ярким примером считаем внедрение детализированных критериальных рубрик (scoring rubrics). Рубрика, в которой четко и прозрачно прописаны уровни достижения по каждому критерию (например, «глубина анализа», «использование источников», «логика изложения», «учет межкультурного контекста»), служит нескольким целям. Во-первых, она выполняет роль культурного «переводчика», делая скрытые, имплицитные требования академической культуры данного вуза абсолютно явными и доступными для понимания всем студентам, независимо от их предыдущего опыта. Во-вторых, она снижает субъективность оценки, что критически важно для поддержания чувства справедливости в группе [9, с. 303].

В-третьих, рубрика используется как инструмент обратной связи до сдачи итоговой работы, позволяя студентам самостоятельно или в рамках ревью (взаимооценки) проверить свой проект или эссе на соответствие критериям.

К тому нельзя не сказать, как возрастает роль альтернативных форм итоговой аттестации, которые позволяют студенту продемонстрировать свои знания и компетенции способом, адекватным его когнитивному стилю. Помимо командных проектов с презентацией результатов, это могут быть портфолио, содержащие рефлексивные эссе о собственном межкультурном опыте в ходе обучения, создание цифровых продуктов (например, инструкций или аналитических обзоров для международной аудитории), записанные устные выступления или защита решений сложных ситуационных задач. Важно, чтобы выбор или комбинация таких форм были прозрачны и понятны всем участникам образовательного процесса с самого начала.

3. Инструменты фасилитации профессионального взаимодействия в условиях культурного разнообразия

Переход от адаптации учебного процесса к непосредственному формированию профессиональных навыков взаимодействия в многонациональной среде требует выхода за рамки традиционных педагогических методов. Здесь на первый план выходят инструменты фасилитации — целенаправленного управления групповыми процессами, направленного на раскрытие потенциала каждого участника, преодоление коммуникативных барьеров и достижение синергетического эффекта от культурного разнообразия. Фасилитация в данном контексте — это не просто модный термин, а профессиональная деятельность по созданию и поддержанию структурированного, безопасного и продуктивного пространства для совместной работы, где различия становятся ресурсом, а не источником конфликта [2, с. 72]. Её инструментарий представляет собой синтез знаний из области межкультурной коммуникации, групповой динамики, конфликтологии и организационной психологии, адаптированный к задачам высшей школы.

Фундаментальным инструментом, задающим тон всему процессу, является структурированное целеполагание и разработка группового контракта (team charter). В однородных группах цели часто подразумеваются как нечто само собой разумеющееся. В межкультурном контексте имплицитные ожидания ведут к недопониманию. Процесс фасилитации начинается с совместной выработки и письменной фиксации не только

конечной цели проекта (например, «разработать маркетинговую стратегию выхода продукта на рынок страны X»), но и процессуальных целей («научиться эффективно распределять задачи в межкультурной команде», «отработать навыки конструктивной обратной связи»). Групповой контракт, создаваемый на первых же этапах работы, становится «живой конституцией» команды [10, с. 74]. В нём явно прописываются не только роли и дедлайны, но и нормы взаимодействия: предпочтительные каналы и частота коммуникации (мессенджеры, почта, регулярные созвоны), способы принятия решений (консенсус, голосование, решение лидера), отношение к срокам (жесткие или гибкие), принятые формы обращения и критики.

Особую роль в условиях культурного разнообразия играют инструменты визуализации идей и процессов, такие как ментальные карты (mind maps), канбан-доски и диаграммы взаимосвязей. Вербальная коммуникация, особенно на неродном языке, является зоной повышенного риска потери смысла. Визуальные инструменты выполняют несколько функций: они выступают в роли общего «когнитивного поля», к которому могут апеллировать все участники; они помогают структурировать сложные идеи, делая их более доступными; они снижают эмоциональное напряжение, переводя фокус с личности говорящего на объективированную схему или картинку [1, с. 500]. Например, построение ментальной карты при мозговом штурме позволяет зафиксировать все идеи без их немедленной критики, что поощряет креативность. Канбан-доска (столбцы «Запланировано», «В работе», «На проверке», «Готово») делает процесс работы абсолютно прозрачным для всех членов команды, независимо от их отношения к вербальным отчетам, и позволяет быстро идентифицировать «узкие места» или неравномерную нагрузку [7, с. 237].

Чтобы разрешить неизбежные споры, координатор применяет методы внимательного, многоуровневого слушания и умеет перефразировать сказанное. Он не судит, кто прав, а помогает сторонам понять друг друга. Координатор пытается увидеть за словами культурные и личные ценности участников, а затем так перефразирует их позиции, чтобы все смогли услышать друг друга [5, с. 102].

Приведем пример: один участник хочет сразу принять рискованное решение (что типично для культур, где не боятся неопределённости), а другой просит больше данных и советов (что характерно для культур, где неопределённости избегают). Координатор может сказать: «Мы слышим, что важно действовать быстро, чтобы не

упустить возможность, это ценно для развивающегося рынка. В то же время, есть опасения, как бы не навредить проекту в будущем. Как нам учесть и скорость, и надёжность в нашем плане?».

Такой подход, по нашему мнению, убирает личные разногласия и переносит спор в область разных профессиональных ценностей и подходов, что помогает найти общее решение.

Выводы

Проведенное исследование позволяет констатировать, что управление качеством образовательного процесса в условиях культурного разнообразия студенческого контингента перестает быть факультативной задачей и становится системообразующим элементом конкурентоспособности современного вуза. Анализ позволил не просто выделить отдельные трудности, но и предложить целостную трехуровневую концепцию, интегрирующую ценностные установки, педагогическое проектирование и инструментарий практической реализации.

В теоретическом аспекте работа подтверждает, что ядром такой системы должны выступать принципы формирования межкультурной компетенции, закладываемые в институциональную культуру вуза. Эти принципы — инклюзивность, рефлексивность, диалогичность и практико-ориентированность — создают ценностный фундамент, на котором возможна адаптация образовательных практик. Именно они трансформируют поликультурную среду из вызова в ресурс развития.

На уровне педагогического проектирования доказана необходимость целенаправленной адаптации технологий обучения и оценочных процедур. Кейс-методы, проектная работа в межкультурных командах, реф-то-реф оценка и формирующее оценивание с четкими рубриками становятся не просто методами, а механизмами инклюзии. Они позволяют нивелировать различия в академических культурах и акцентировать внимание на общих профессиональных результатах, смещая фокус с формального усвоения информации на совместную смыслопорождающую деятельность.

Практическая эффективность предложенной модели обеспечивается внедрением конкретных инструментов фасилитации профессионального взаимодействия. Модерируемые дискуссии, межкультурные тренинги, цифровые платформы для коллаборации и тьюторское сопровождение выполняют роль «социальных лифтов», помогая студентам преодолеть коммуникативные и поведенческие барьеры. Эти инструменты переводят теоретический потенциал межкультурного обще-

ния в плоскость реальных профессиональных навыков: ведения переговоров, управления распределенными командами и решения комплексных задач в разнородном коллективе.

Список литературы:

[1] Герасимов М.В. Психолого-педагогическая безопасность в системе профессионального обучения: вызов современности и инновационные решения // Образование и право. — 2025. — № 7. — С. 499–504.

[2] Лутай С.В. Значение интернет-ресурсов в прохождении элективных курсов по физической культуре и спорту в техническом вузе // Глобальный научный потенциал. 2021. №5 (122). С. 70 – 73.

[3] Лутай С.В. Использование современных фитнес-технологий в практических занятиях со студентами технического вуза // Перспективы науки. 2020. №3 (126). С. 73 – 75.

[4] Лутай С.В. Роль физической подготовки студентов технического вуза в процессе нравственно-патриотического воспитания // Современный ученый. 2024. № 7. С. 221 – 227.

[5] Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации : стат. сб. Вып. 10. М., 2013. 139 с.

[6] Родионова В. А. Проблема психологического благополучия педагога в контексте здоровьесберегающей педагогики // Педагогический журнал Том 13. Номер: 2-3-1, 2023 г. С. 33-39.

[7] Тарева Е.Г. Межкультурный подход к подготовке современных лингвистов // Проблемы теории, практики и дидактики перевода : сб. науч. тр. Серия: Язык. Культура. Коммуникация. Т. i, Вып. 14. Н. Новгород : Изд-во НГЛУ, 2011. С. 237-244.

[8] Фалькова Е. Г. Межкультурная коммуникация в основных понятиях и определениях. СПб., 2007. 77 с.

[9] Черкашина, Е. Л. Обучение деловому иностранному (русскому) языку в техническом вузе (на примере НИУ МГСУ) / Е. Л. Черкашина // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10, № 1(34). – С. 302–305.

[10] Шамовская Т. В., Алимова Д. Б. Межкультурная коммуникация как условие социокультурной адаптации иностранных студентов в процессе обучения в вузе // Профессиональное образование в России и за рубежом, 2019 г. С. 172-177.

References:

[1] Gerasimov M.V. Psychological and pedagogical safety in the vocational training system: the challenge of modernity and innovative solutions // Education and law. — 2025. — № 7. - S. 499-504.

[2] Lutai S.V. The importance of Internet resources in passing elective courses in physical culture and sports at a technical university//Global scientific potential. 2021. №5 (122). S. 70-73.

[3] Lutai S.V. Use of modern fitness technologies in practical classes with students of a technical university//Prospects of science. 2020. №3 (126). S. 73-75.

[4] Lutai S.V. The role of physical training of students of a technical university in the process of moral and patriotic education//Modern scientist. 2024. № 7. S. 221-227.

[5] Training of foreign citizens in higher educational institutions of the Russian Federation: stat. Sat No. 10. M., 2013. 139 pp.

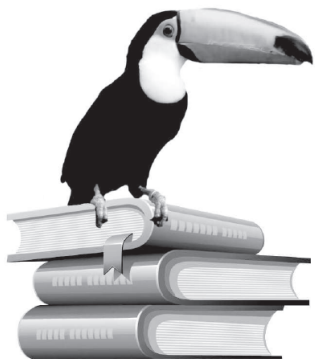
[6] Rodionova V. A. The problem of psychological well-being of a teacher in the context of health-preserving pedagogy//Pedagogical journal Volume 13. Number: 2-3-1, 2023 S. 33-39.

[7] Tareva E.G. Intercultural approach to the training of modern linguists//Problems of theory, practice and didactics of translation: Sat. scientific. tr. Series: Language. Culture. Communication. T. i, Vol. 14. N. Novgorod: Publishing House of NGLU, 2011. S. 237-244.

[8] Falkova E. G. Intercultural communication in basic concepts and definitions. St. Petersburg, 2007. 77 pp.

[9] Cherkashina, E. L. Teaching a business foreign (Russian) language at a technical university (as an example of NRU MGSU)/E. L. Cherkashina//Baltic Humanitarian Journal. – 2021. - T. 10, NO. 1 (34). - S. 302-305.

[10] Shamovskaya T.V., Alimova D.B. Intercultural communication as a condition for sociocultural adaptation of foreign students in the process of studying at a university//Professional education in Russia and abroad, 2019 p. 172-177.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-643-646

БРАЖЕНСКАЯ Наталья Евгеньевна,
доцент кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин ДВФУ РГУП
имени В.М. Лебедева,
e-mail: mail@law-books.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЮРИСПРУДЕНЦИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ПОНЯТИЕ, ОСОБЕННОСТИ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ.

Аннотация. В данной статье автор исследует методику преподавания юриспруденции в высшей школе, начиная с ее определения и выявления ключевых особенностей. Рассматриваются актуальные вопросы законодательного регулирования, а также соответствие федеральным государственным образовательным стандартам (включая аспирантуру).

Анализируются различные формы, приемы и методы преподавания, а также организационные и методические проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели и учебные заведения.

Ключевые слова: преподаватель, формы образования, преподавание, обучение, юриспруденция, высшая школа, организация, теория, методология.

BRAZHENSKAYA Natalia Evgenievna,
Associate Professor, Department of
Humanities and Socio-Economic Disciplines,
Far Eastern Branch, Russian State University
of Printing Arts named after V.M. Lebedev

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF TEACHING JURISPRUDENCE IN HIGHER EDUCATION: CONCEPT, CHARACTERISTICS, AND CURRENT CHALLENGES.

Annotation. In this article, the author examines the methodology of teaching jurisprudence in higher education, beginning with its definition and identifying key features. Current issues of legislative regulation and compliance with federal state educational standards (including postgraduate studies) are considered.

Various forms, techniques, and methods of teaching are analyzed, as well as the organizational and methodological challenges faced by teachers and educational institutions.

Key words: teacher, forms of education, teaching, learning, jurisprudence, higher education, organization, theory, methodology.

Для того чтобы корректно определить содержание методики преподавания юриспруденции в высшей школе, необходимо предварительно установить ее позицию в рамках современной педагогической науки.

В настоящее время педагогика традиционно рассматривается как наука, интегрирующая теоретические знания и практические подходы, направленные на организованное, систематическое и целенаправленное формирование личности.

Она изучает формы, методы и содержание процессов воспитания и обучения.

При этом сегодня особую значимость приобретает трактовка педагогики доктором философских наук Г. А. Торгашевым как особого вида профессиональной деятельности, связанной с воспитанием и образованием личности.

Именно это единство воспитания и образования лежит в основе современной педагогической науки и практики, а также закреплено в законодательстве (ФГОС ВО, ФГТ).

Подчеркивая значимость образовательной деятельности в целом и преподавания юриспруденции в частности, следует отметить, что педагогика является одной из старейших областей знания и неотъемлемой частью истории человечества.

Педагогика, изначально тесно связанная с философией, обрела статус самостоятельной науки в XVI веке. Для понимания ее эволюции можно выделить три основных этапа: эмпирический сбор знаний, период научного оформления и современный этап, охватывающий период с XX века. Само слово «педагогика» (от греческого «веду ребенка») изначально обозначало науку, изучающую воспитание и обучение преимущественно детей и подростков.

Однако с развитием представлений об образовании и включением в сферу изучения обучения взрослых, возник вопрос о расширении значения термина, чтобы он мог охватывать и эти новые аспекты.

На определённых стадиях развития науки возникла потребность в термине «акмеология» (от древнегреческого «акме» – вершина и «логос» – учение).

Он обозначает раздел философии и психологии развития, изучающий механизмы и закономерности, позволяющие человеку достичь пика своего индивидуального развития. Хотя мы не ставим целью детальное сравнение «акмеологии» и «педагогики», следует подчеркнуть, что «педагогика» является более традиционным и распространённым термином.

Сегодня она применяется к науке, исследующей основы и различные аспекты образования и воспитания как детей, так и взрослых. Исходя из этого, в дальнейшем при обсуждении высшего образования, в том числе в сфере юриспруденции, целесообразно использовать термин «педагогика».

В рамках высшего образования, объектом педагогики будет система педагогических взаимодействий, направленных на профессиональный рост личности.

Предметом же раздела педагогики, посвящённого высшему образованию, станут закономерности целостного и системного образовательного процесса, целенаправленно реализуемого в высших учебных заведениях.

Ключевые направления деятельности в рамках данной составляющей педагогики включают:

Выявление и формулирование закономерностей, лежащих в основе процессов воспитания, обучения, развития, а также управления образовательными системами.

Критический анализ педагогического процесса с целью идентификации как его преимуществ, так и недостатков.

Систематическое изучение и обобщение накопленного опыта в сфере педагогической практики.

Проектирование и создание инновационных систем, форматов, процедур, инструментов и методик для эффективного воспитания и обучения.

Интеграция разработанных инновационных технологий воспитания и обучения в повседневную педагогическую практику.

Для корректной организации и эффективного осуществления педагогической деятельности в области юриспруденции, включая разработку методики преподавания юридических дисциплин в высших учебных заведениях, принципиальное значение имеет глубокое понимание сущности и способов применения ряда базовых педагогических категорий.

К ним, в первую очередь, относятся: педагогический процесс в высшей школе, педагогическое взаимодействие, педагогическое управление и ряд других.

Эти концепции, будучи общепризнанными в педагогике в целом и в педагогике высшей школы в частности, будут проанализированы нами с учетом специфических особенностей, присущих преподаванию юриспруденции в высшей школе.

В высшей школе педагогический процесс представляет собой специально организованное, целенаправленное взаимодействие между преподавателями и студентами (аспирантами), направленное на их всестороннее развитие через обучение и воспитание.

Конечным результатом этого процесса является формирование уникальной, профессионально зрелой личности, стремящейся к самореализации.

В контексте юриспруденции это означает подготовку высококвалифицированного юриста.

Этот процесс является системным, и его центральным элементом выступает активное взаимодействие между преподавателями и обучающимися.

Ключевые принципы, лежащие в основе организации и осуществления педагогического процесса в вузе, включают:

1. Интеграция волевых, интеллектуальных и эмоциональных аспектов развития личности;
2. Создание увлекательной и мотивирующей образовательной среды.
3. Неразрывная связь теоретических знаний с практическим применением.
4. Ориентация на человеческие ценности и развитие личности.
5. Комплексный и последовательный подход к воспитательной работе.

6. Оптимальное сочетание индивидуальных и коллективных форм обучения.
7. Постоянство, систематичность и преемственность в развитии компетенций.

Важным элементом образовательного процесса в высшей школе при обучении юриспруденции выступает педагогическое взаимодействие.

Оно представляет собой преднамеренное и структурированное сотрудничество преподавателей с обучающимися (студентами и аспирантами), направленное на формирование у каждого студента целостной личности юриста, обладающего необходимыми профессиональными знаниями, умениями и навыками, а также компетенциями в смежных областях.

Педагогическое взаимодействие предполагает взаимную активность: преподаватели должны активно формировать образовательный процесс, грамотно распределять ресурсы и выбирать эффективные методики, а студенты, в свою очередь, должны быть вовлечены в обучение.

Обратная связь, получаемая от обучающихся, является ключевым фактором для совершенствования преподавателями методов и инструментов организации и реализации педагогической деятельности, что в свою очередь обеспечивает рост ее эффективности.

Следовательно, представляется чрезвычайно важным стимулировать активность студентов и аспирантов не только в процессе непосредственного приобретения знаний и формирования профессиональных компетенций в области юриспруденции, но и в рамках выстраивания обратной связи с преподавателем.

Вместе с тем, видами педагогического взаимодействия также являются:

1. Педагогическое партнерство.
2. Педагогическое соперничество.
3. Педагогический спор.

Приведенные формы педагогического взаимодействия могут быть применены на различных этапах образовательного процесса.

Если на начальных курсах при освоении юридических дисциплин более целесообразным представляется педагогическое партнерство, направленное на активное вовлечение студентов в изучение основ юриспруденции, то для взаимодействия со студентами старших курсов допустимым становится и педагогический спор.

В отношении же взаимодействия с аспирантами, которые уже обладают значительным уровнем знаний в соответствующей сфере юриспруденции, мы полагаем не только допустимым, но и целесообразным использование такого вида педагогического взаимодействия, как педагогическое соперничество.

Предоставление обучающимся возможности не только вступить в дискуссии, но и при опреде-

ленных условиях соревноваться с преподавателем, способствует активизации их вовлеченности в образовательный процесс.

В любом образовательном взаимодействии ведущая роль принадлежит представителю профессорско-преподавательского состава.

Педагогическое управление трактуется как деятельность по целенаправленной трансформации педагогических ситуаций для достижения заданных результатов.

Этот процесс реализуется через решение следующих задач: целеполагание, информационное обеспечение, диагностика уровня подготовленности обучающихся (студентов, аспирантов), дифференцированная постановка задач с учетом их индивидуальных способностей и уровня подготовки, проектирование содержания, форм, приемов, методов и средств педагогической деятельности, а также последующая имплементация разработанного проекта.

Применительно к преподаванию юриспруденции в высшей школе каждая из этих задач обретает специфическое юридическое (в том числе, правовое) содержание.

Педагогический процесс в высшей школе характеризуется рядом объективных закономерностей: мотивационная обусловленность, детерминированность, управление воспитательной и учебной деятельностью, личностное развитие, динамичность, единство теоретического и практического компонентов, а также интеграция познавательной и педагогической деятельности.

Указанные закономерности в полной мере проявляются и в процессе формирования юриста соответствующего квалификационного уровня, однако обладают и специфическими чертами.

Эта специфика определяется не только содержанием образовательного процесса, но и используемым инструментарием.

На современном этапе особое значение приобретает реализация закономерностей, обеспечивающих синергию теории и практики, а также единство познавательной и педагогической деятельности.

Именно полноценная реализация первой из упомянутых закономерностей является критически важным условием для успешной подготовки юриста требуемого уровня в процессе преподавания юриспруденции в высшей школе.

В заключение, необходимо констатировать, что на современном этапе успешная реализация юридической деятельности в любой сфере предполагает наличие не только теоретической базы, но и практико-ориентированных компетенций.

Отсутствие последних делает специалиста в области юриспруденции неконкурентоспособным.

Касаемо единства познавательной и педагогической деятельности, то применительно к выс-

шему юридическому образованию справедливо утверждение о необходимости рассматривать познавательную активность как преподавателя, так и обучающегося как неотъемлемый элемент педагогической деятельности и образовательного процесса.

Педагогическое воздействие, будучи научно обоснованным, характеризуется наличием логических связей, обеспечивающих целостность педагогического процесса, его направленность на конкретные цели и задачи, а также средства их достижения. В контексте преподавания юриспруденции в высшей школе эти связи приобретают особую значимость, обусловленную логической структурой юриспруденции в целом и отдельных юридических дисциплин.

В связи с этим, в целях реализации государственной политики в сфере образования, государство формирует образовательную систему.

Целью данной системы является обеспечение права на образование.

Система подготовки юристов, как составная часть национальной образовательной системы, полностью подпадает под действие Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Список литературы:

- [1] Голиченков А.К. Юридическое образование в России: вызовы XXI века / А.К. Голиченков // LEX RUSSICA. 2010. № 2.
- [2] Гушин Ю.В. Интерактивные методы обучения в высшей школе / Ю.В. Гушин // Психологический журнал. 2012. № 2
- [3] Еникеев З.Д. Актуальные проблемы юридического образования и правового воспитания в современной России и других странах СНГ / З.Д. Еникеев // Евразийский юридический журнал. 2010. № 11.
- [4] Еникеев З.Д. Ориентиры развития юридического образования в современной России / З.Д. Еникеев // Государство и право. 2010. № 2.
- [5] Загвязинский В. И. Методология и методика дидактического исследования. / В. И. Загвязинский. - М.: Педагогика, 1982. - 160 с.
- [6] Курлаева Е.И. Юридическое образование и формирование профессионального сознания юристов: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. 12.00.01 - Теория и история права и государства; История правовых учений / Е. И. Курлаева -М.2005.-30 с.
- [7] Левитан К. М. Юридическая педагогика: учебник / К. М. Левитан. — М.: Норма, 2008. — 432 с.285

[8] Мамут Л.С. Наука и образование в современной юриспруденции / Л.С. Мамут // Общественные науки и современность. 2009. — № 6. — С. 125-126.

[9] Методологические проблемы развития педагогической науки / Под ред. П.Р. Атутова, М.П. Скаткина, Я.С. Турбовского. — М. Педагогика, 1985. — 240 с.

[10] Морозова В.С. Современные педагогические технологии в области правового обучения // Вестник международного юридического института при МЮ РФ. 2001. №2.

[11] Мохов А.А. К вопросу о преподавании права в юридических вузах. / А.А Мохов // Право и образование. 2003. №1.

References:

- [1] A.K. Golichenkov. Legal education in Russia: challenges of the XXI century/A.K. Golichenkov// LEX RUSSICA. 2010. № 2.
- [2] Yu.V. Gushchin. Interactive methods of higher education/Yu.V. Gushchin//Psychological Journal. 2012. № 2
- [3] Enikeev Z.D. Actual problems of legal education and legal education in modern Russia and other CIS countries/Z.D. Enikeev//Eurasian Legal Journal. 2010. № 11.
- [4] Enikeev Z.D. Guidelines for the development of legal education in modern Russia/Z.D. Enikeev//State and law. 2010. № 2.
- [5] Zagvyazinsky V.I. Methodology and methodology of didactic research ./V.I. Zagvyazinsky. - M.: Pedagogy, 1982. - 160 s.
- [6] E.I. Kurlaeva. Legal education and formation of professional consciousness of lawyers: abstract of a dissertation for the degree of candidate of legal sciences. 12.00.01 - Theory and history of law and state; History of legal teachings/E.I. Kurlaeva -M.2005.-30 p.
- [7] Levitan K. M. Legal pedagogy: textbook/K. M. Levitan. - M.: Norma, 2008. - 432 p.285
- [8] Mamut L.S. Science and Education in Modern Jurisprudence/L.S. Mamut//Social Sciences and Modernity. 2009. — № 6. - S. 125-126.
- [9] Methodological problems of the development of pedagogical science/Ed. P.R. Atutova, M.P. Skatkina, Y.S. Turbovsky. - M. Pedagogy, 1985. - 240 s.
- [10] V.S. Morozova. Modern pedagogical technologies in the field of legal education//Bulletin of the International Law Institute at the Ministry of Justice of the Russian Federation. 2001. №2.
- [11] Mokhov A.A. On the question of teaching law in law schools ./A.A. Mokhov//Law and education. 2003. №1.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-647-650

ЛЕКОНЦЕВА Ксения Владимировна,
доцент кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
ДВФ РГУП имени В.М. Лебедева,
кандидат социологических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ, КЛЮЧЕВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ И ВЛИЯНИЯ НА СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛА

Аннотация. В настоящей научной статье представлено исследование, направленное на оценку эффективности и определение роли преподавания гуманитарных дисциплин в контексте высшего образования.

Автор акцентирует внимание на том, как гуманитарные науки способствуют формированию у обучающихся не только профессиональных компетенций, но и личностных установок, необходимых для достижения высокого профессионального статуса и успешной интеграции в социум. В статье также анализируются актуальные направления развития методик обучения гуманитарным предметам в высшем образовательном учреждении.

Ключевые слова: преподаватель, высшее учебное заведение, гуманитарные дисциплины, основные направления, методы обучения, актуальность, роль, профессионализм, обучающийся, статус, социум, образование, государство.

LEKONTSEVA Ksenia Vladimirovna,
Associate Professor,
Department of Humanities and Socio-Economic
Disciplines Far Eastern Branch, Russian State University
of Printing Arts named after V.M. Lebedev,
Candidate of Sociological Sciences

HUMANITIES EDUCATION IN HIGHER EDUCATION: AN ANALYSIS OF EFFECTIVENESS, KEY AREAS, AND IMPACT ON PERSONAL AND PROFESSIONAL DEVELOPMENT

Annotation. This research article presents a study aimed at assessing the effectiveness and defining the role of teaching humanities in higher education.

The author focuses on how the humanities contribute to the development of students' professional competencies and personal attitudes necessary for achieving high professional status and successful integration into society. The article also analyzes current trends in the development of humanities teaching methods in higher education.

Key words: teacher, higher education institution, humanities, key areas, teaching methods, relevance, role, professionalism, student, status, society, education, state.

На современном этапе развития и активного применения информационно-коммуникационных технологий практически во всех отраслях жизнедеятельности современного социального общества, по средствам в частности и которых происходит множество деловых взаимодействий, является очень актуальным уделять внимание своей репутации и статусу, а также продвижение новшеств, оказы-

вает огромное влияние на трансформацию человеческого разума, которое постепенно впитывает в себя, в основной его составляющей действительность.

Повышенный спрос населения на высшее образование обуславливает возрастающую значимость и функциональную роль высших образовательных учреждений.

Эти учреждения призваны создавать и реализовывать необходимые условия для формирования у обучающихся разнообразных компетенций, а также профессиональных навыков и умений. Данный процесс способствует полноценному повышению уровня образованности, соответствующего заявленным квалификационным требованиям в определенной сфере деятельности.

Достижению указанных целей способствуют, в частности, следующие критерии:

1. Использование побуждающих подходов в ходе обучения;
2. Внедрение сравнительных способов, способствующих углубленному обучению и пониманию изучаемой информации.
3. Использование наглядных материалов и интерактивных технологий, помогающих правильному восприятию информации;
4. Применять метод проектирования обучения;
5. Изучение определенной информации, помогающей обучаемому воссоздавать определенные моменты и тем самым обеспечить визуальное восприятие и логичное понимание получаемых сведений. Кроме того, выстраивание эффективного уровня образования в преподавательской деятельности в процессе обучения требует повышения квалификации и совершенствования навыков и умений и среди профессорско-преподавательского состава учебного заведения, что в последующем способствует получению обучаемыми необходимых знаний по изучаемым дисциплинам, поскольку преподаватель соответствующей квалификации обладает нужными навыками и умениями в своей деятельности и способен используя различные методы и способы, в том числе применяя интерактивные технологии донести необходимую информацию на высоком методическом и теоретическом уровне, а также помимо профессионализма, педагог также должен быть наделен высокими нравственными качествами и обладать методами эмпатии, то есть уметь профессионально грамотно расположить к себе аудиторию, для того чтобы донести в ходе учебного занятия изучаемый материал и суметь обеспечить его правильное восприятие и логичное и доступное его изложение студентам и именно при таком подходе определяется актуальность и важность преподавания гуманитарных дисциплин в высших образовательных учреждениях.

Также среди актуальных и достаточно значимых методов как эффективных критериев в образовательной деятельности необходимо отметить:

1. коммуникативность;
2. профессионализм,
3. исследовательские методы,
4. научные методы;
5. Организационные и творческие методы.

Выпускники вузов должны обладать не только профессиональными знаниями, но и гражданской ответственностью, уважением к истории, культуре и окружающей среде, поскольку без философских, этических, политологических и исторических знаний невозможно глубоко осмыслить мир.

Следовательно, преподавание гуманитарных наук требует всестороннего обеспечения: финансового, кадрового, организационного и методического.

При работе со студентами технических специальностей, обладающими сильным логическим мышлением, важно развивать их способности к обобщению и абстрагированию.

Эффективное изучение гуманитарных дисциплин требует не просто запоминания, а глубокого понимания их мировоззренческой природы.

Поэтому структурированный материал, дополненный схемами и таблицами, а также соответствующая форма контроля знаний, играют ключевую роль.

Механическое заучивание, эффективное для других областей, здесь не подходит.

Основные направления развития преподавания гуманитарных наук в вузах включают:

1. Стимулирование интереса: Использование мотивационных приемов, основанных на заинтересованности, целеполагании и практической направленности.
2. Эмоциональное вовлечение: Применение сравнительных контекстов для более яркого и запоминающегося изложения лекций.
3. Наглядность: Активное использование визуальных средств для передачи информации.
4. Проектный подход: Внедрение методов обучения, ориентированных на проектную деятельность.
5. Прикладной анализ: Разбор конкретных кейсов, позволяющих студентам применять теоретические знания в реальных ситуациях.

Реализация этих тенденций опирается на современные информационные технологии, высокий уровень компетенции преподавателя, учет специфики каждой гуманитарной дисциплины, а также на важность построения диалоговой системы обучения и обеспечения обратной связи со студентами.

В данном контексте более подробно, как можно использовать современные подходы для повышения вовлеченности студентов в изучение истории:

1. Мотивация в обучении:

- Количественная мотивация (балльно-рейтинговая система):
- Преподаватель может начислять баллы за различные виды активности, стимулируя студентов к участию. Например, за:
- Участие в научных конференциях или подготовку научных публикаций.
- Разработку кроссвордов или тестов по изучаемым темам.
- Эти баллы учитываются в общей рейтинговой системе, что мотивирует студентов к активной работе.
- Качественная мотивация (психологическое воздействие): Этот подход направлен на пробуждение личного интереса и положительных эмоций.
- Допустим, в качестве примера можно предложить студентам исследовать историю своей семьи, изучить профессии предков.
- Анализ участия членов семьи в исторических и современных событиях.

Такая работа помогает студентам глубже понять «сложные межпоколенческие отношения в семье, что критически важно для сохранения преемственности поколений, передачи норм, ценностей и мировоззренческих установок, предотвращения конфликтов между поколениями и укрепления семейных связей».

2. Использование сравнительных контекстов:

Данный метод способствует более эмоциональному пониманию на занятиях по истории и можно проводить параллели между прошлым и настоящим.

При изучении гражданских войн проводить аналогии с текущими международными конфликтами.

3. Визуализация информации:

Наглядные материалы способствуют обучаемым в более эмоционально и точно понимании исторических событий и важность роли определенных персон.

В курсе истории это может быть:

- 1) Транслирование документальных или художественных фильмов.
- 2) Применение слайдов, презентаций, информационной графики.

Обучаемым можно задать конкретные вопросы, ответы на которые ему предстоит найти в ходе просмотра данных средств массовой информации.

Студентам можно предложить вопросы, на которые им нужно будет найти ответы, изучая предоставленные мультимедийные презентации и слайды.

Просмотр медиа может сопровождаться заданиями, требующими от студентов поиска ответов на конкретные вопросы.

Для лучшего усвоения материала студентам можно задать вопросы, ответы на которые они найдут, анализируя предложенные медиа.

Визуализация информации в исторических курсах: Использование наглядных материалов (фильмов, слайдов) при изучении истории помогает студентам глубже и эмоциональнее воспринимать исторические события, деятельность и роль ключевых фигур в развитии стран. В рамках такого подхода студентам можно ставить конкретные задачи: находить ответы на определенные вопросы, просматривая предложенные медиа.

Проектный метод обучения: Этот подход является фундаментом для формирования как общих, так и специализированных профессиональных навыков. Студентам предлагается выбрать реальную организацию или целую отрасль для проведения комплексного исследования. Процесс включает в себя выбор темы, анализ литературы и онлайн-источников, систематизацию теоретических данных, проведение исследований, разработку стратегий и тактик, а также оценку эффективности запланированных действий. Любая проектная работа требует от студента наличия исследовательских навыков, теоретических знаний, аналитических способностей и значительного объема самостоятельной работы.

Анализ кейсов для практического применения теории: Разбор конкретных ситуаций позволяет студентам применять теоретические знания для поиска практических решений.

На основании вышеуказанного, стоит сделать вывод и отметить, что формирование эффективной образовательной парадигмы позволит обучающимся приобрести знания и умения на высоком профессиональном уровне, соответствующем статусу и компетенциям специалиста в конкретной области и обучение гуманитарным предметам, в высших образовательных организациях только будет эффективным инструментом в воспитании высоко востребованных работников и бакалавров.

Это, в свою очередь, обеспечит овладение и последующее наличие глубокого понимания философии, психологии, искусства и истории, тех сфер, которые являются неотъемлемой частью развития цивилизации, приумножаются с течением времени и в современном обществе играют ключевую роль в построении благоприятного будущего и гармоничной жизни.

Список литературы:

[1] Шагбанова Ю.Б. Педагогические методы преподавания профессиональных дисциплин в высшем учебном заведении // Интернет-журнал «Мир науки», 2018 №4, <https://mir-nauki.com/PDF/66PDMN418.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

[2] Сиволап, Т.Е. Проблемы внедрения инновационных технологий в процессе преподавания гуманитарных дисциплин // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-vnedreniya-innovatsionnyh-tehnologiy-v-protse-ss-prepodavaniya-gumanitarnyh-distiplin>, свободный – Загл. с экрана. – яз. рус., англ. (Дата обращения 12.08.2019).

[3] Сабиров, А.Г. Формирование отношения студентов к социально-гуманитарным дисциплинам // Режим доступа: <http://docplayer.ru/64499391-Formirovanie-otnosheniya-studentov-k-socialno-gumanitarnym-disciplinam.html>, свободный – Загл. с экрана. – яз. рус., англ. (Дата обращения 12.08.2019).

[4] Хрящев, В.Г., Морозова, Н.В. Формирование и развитие мотивации обучения студента в техническом высшем учебном заведении // Режим доступа: https://otherreferats.allbest.ru/pedagogics/01047720_0.html, свободный – Загл. с экрана. – яз. рус., англ. (Дата обращения 12.08.2019).

[5] Хамзина, Г.Р., Исламшина, Т.Г., Нагматуллина, Л.К. Самостоятельная работа студентов как важный компонент учебного процесса в вузе // Вестник Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева, 2012, №4, вып. 2, С. 314–316.

References:

[1] Shagbanova Yu.B. Pedagogical methods of teaching professional disciplines in a higher educational institution//Internet magazine “World of Science,” 2018 No. 4, <https://mir-nauki.com/PDF/66PDMN418.pdf> (free access). Zagl. from the screen. Yaz. Russian, English

[2] Sivolap, I.E. Problems of introducing innovative technologies in the process of teaching humanities//Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-vnedreniya-innovatsionnyh-tehnologiy-v-protse-ss-prepodavaniya-gumanitarnyh-distiplin>, free - Zagl. from the screen. - Russian language, English (Date of circulation 12.08.2019).

[3] Sabirov, A.G. Formation of students' attitude to social and humanitarian disciplines//Access mode: <http://docplayer.ru/64499391-Formirovanie-otnosheniya-studentov-k-socialno-gumanitarnym-disciplinam.html>, free - Zagl. from the screen. - Russian language, English (Date of circulation 12.08.2019).

[4] Khryashchev, V.G., Morozova, N.V. Formation and development of student training motivation in a technical higher educational institution//Access mode: https://otherreferats.allbest.ru/pedagogics/01047720_0.html, free - Zagl. from the screen. - Russian language, English (Date of circulation 12.08.2019).

[5] Khamzina, G.R., Islamshina, T.G., Nagmatullina, L.K. Independent work of students as an important component of the educational process at the university//Bulletin of Kazan State Technical University named after A.N. Tupolev, 2012, No. 4, issue 2, pp. 314-316.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-651-653

БУЧКО Николай Петрович,
заведующий кафедрой гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
ДВФ РГУП имени В.М. Лебедева,
кандидат исторических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Автор статьи анализирует историческую преемственность и актуальность историко-правового компонента в подготовке юристов в России.

Необходимо акцентировать внимание на изучении становления юридического образования и правовой науки, особенно в контексте специализированных магистерских и аспирантских программ, как дополнение к основным дисциплинам.

При этом, уделяется особое значение исследованию эволюции юридических знаний и обучения, в частности, в рамках независимых магистерских и докторских программ, что расширяет знания, полученные на вводных курсах.

Ключевые слова: образование, история, юрист, наука, высшая школа, студент, университет, реформа, законодательство, стандарт, обучение.

BUCHKO Nikolay Petrovich,
Head of the Department of Humanities and
Socioeconomic Disciplines Far Eastern Branch
of the Russian State University of Law
named after V.M. Lebedev,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

HISTORICAL AND LEGAL FOUNDATIONS AND THE CURRENT STATE OF HIGHER LEGAL EDUCATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

Annotation. The author analyzes the historical continuity and relevance of the historical and legal component in the training of lawyers in Russia.

Emphasis is placed on studying the development of legal education and legal science, especially in the context of specialized master's and doctoral programs, as a complement to core disciplines.

At the same time, special attention is paid to studying the evolution of legal knowledge and training, particularly within independent master's and doctoral programs, which expands on the knowledge gained in introductory courses.

Key words: education, history, lawyer, science, higher education, student, university, reform, legislation, standards, training.

В своей научной статье автор рассматривает глубоко укоренившуюся в России традицию стандартизации юридического образования, истоки которой восходят к имперскому периоду.

Особое внимание уделяется специфике высшей школы, где формирование новой правовой культуры и законодательства сопряжено с определенными трудностями.

Отмечается, что к середине XIX века традиционное ведомственное обучение юристов прак-

тически исчезло, а анализ профессиональных стандартов того времени требует отдельного исследования.

Хотя практические навыки долгое время доминировали, «Великие реформы» способствовали повышению статуса науки и ее интеграции в юридическое образование.

В целом, стандартизация юридического образования являлась важным проявлением государственного характера российской образовательной системы.

Интеграция историко-правовых знаний в образовательные стандарты была неразрывно связана с усилением значимости исторической юриспруденции.

Историко-правовые дисциплины, развиваясь, сопровождали юридическое образование на протяжении всей эпохи реформ и в начале XX столетия, однако принятие нового университетского устава так и не состоялось. Особое внимание привлекает вопрос о содержании историко-правовой подготовки юристов в периоды радикальных исторических изменений, когда преобразования затрагивали не только образовательные стандарты, но и саму структуру образования.

На пример из истории Московского университета после 1917 года, видно, что Октябрьская революция 1917 года привела к переименованию Московского университета в 1-й Московский государственный университет, а к лету 1918 года была удалена надпись - университет.

Однако весной 1919 года, в ходе реорганизации юридического факультета в факультет общественных наук, кафедра истории русского права подверглась критике, как «буржуазная» и «излишняя». Тем не менее, уже в мае 1919 года, в рамках юридико-политического отделения нового факультета,

Наркомпрос утвердил перечень кафедр, включающий кафедру истории права и государства.

Примечательно, что в это же время, осенью 1918 года, в сложных условиях в Иркутске был открыт университет, где юридический факультет сразу же начал функционировать и университет был создан при участии различных сторон, но все же прекратил свою деятельность на некоторое время.

И вскоре, спустя некоторое время начал свое функционирование уже на базе вновь созданного гуманитарного факультета продолжилось преподавание важных на тот момент и по сей день дисциплин.

В современных условиях, когда активно внедряются в соответствии с федеральными образовательными стандартами, историко-правовые дисциплины занимают важное место на всех уровнях высшего юридического образования, включая бакалавриат, специалитет, магистратуру и аспирантуру.

Значение этих дисциплин для подготовки квалифицированных юристов неоспоримо и подтверждено практикой.

Современная ориентация юридического образования на практическое применение не умаляет важности историко-правовых дисциплин, но изменяет их роль в наделении определенных полномочий

Становится все более очевидным, что понимание исторического опыта, юридических традиций и преемственности играет важную роль в развитии личности будущего юриста и укреплении его историко-правовой подготовки.

Такой подход может быть реализован путем тематического включения проблемных вопросов в историко-правовые курсы на разных уровнях образования в рамках соответствующих модулей и тем.

Углубленное изучение систематизации законодательства в России в первой половине XIX века неизбежно приводит к обсуждению работы законодательных комиссий XVIII века и недостатка квалифицированных юристов, компетентных в современных научных представлениях о законодательстве и его систематизации.

При изучении судебной реформы 1864 года и анализе судебных уставов необходимо осмыслить нормативные требования к кандидатам на должности судей, следователей, прокуроров, адвокатов, нотариусов и других юридических профессий.

Даже краткие размышления о юридическом образовании в контексте судебной реформы и других преобразований могут быть весьма полезными.

Интеграция аспектов истории учебного заведения в изучение истории государства и права России, в том числе через студенческие научные кружки, является перспективным подходом.

Перспективным студентам предлагается погрузиться в совместное изучение устоявшихся традиций юридической школы и науки, ознакомиться с летописью университета, работая с архивными документами и музейными экспонатами.

Вместе с тем, представляется необходимым формализованное и систематизированное представление истории юридического образования и науки в виде отдельного курса (или ряда курсов), например, в программах магистратуры или аспирантуры. В этой области российские вузы накопили определенный опыт, который заслуживает критического анализа.

Важно подчеркнуть, что к настоящему времени сформирован и в значительной мере осмыслен обширный массив соответствующей литературы, как научной, так и учебной, без которой организация преподавания была бы крайне затруднительной.

Связь истории юридического образования и научного правоведения подчеркивается не случайно: она обусловлена объективными факторами.

Их преподавание в виде отдельных курсов или как составной части иных дисциплин неиз-

бежно ведет к взаимодействию и пересечению с вопросами подготовки квалифицированных специалистов и прогресса в научной области.

Поэтому граница между ними оказывается несколько произвольной и условной.

Современные образовательные и научные институты развиваются независимо, но при этом тесно взаимосвязаны (как показано, например, в статье 72 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»).

Важно изучать вопросы курса с позиции культуры и ее исторического развития.

Изучение культуры дает возможность более глубоко и всесторонне анализировать сложные и не всегда явные аспекты истории юридического образования и развития юридической науки. Кроме того, культурологический подход способствует более эффективному изучению механизмов межкультурного взаимодействия.

Основополагающими историческими чертами системы юридического образования выступают её открытость в имперский период (привлечение иностранных специалистов для преподавания и научных исследований, отправка российских ученых в зарубежные командировки, изучение иностранных нормативных актов и управленческих моделей).

Именно осмысление этих факторов даёт возможность понять процесс формирования образовательной деятельности.

Исследование истории юридического образования и науки требует обязательного анализа следующих вопросов:

1. эволюция целей юридического образования в России на протяжении столетий;
2. влияние политических и идеологических факторов на подготовку юристов;
3. правовое регулирование;
4. организационные особенности;
- развитие инфраструктуры юридических учебных заведений и научных институтов;
- правовой статус учёных, преподавателей и студентов-юристов.

Также важно рассматривать содержание юридического образования на различных этапах, методы преподавания, а также создание научной и методической литературы.

Такой насыщенный актуальными проблемами курс для магистров и аспирантов станет сильным стимулом для самостоятельного научного поиска, серьёзной и творческой исследовательской работы.

Подводя итоги следует отметить, что современная динамика стандартизации, особенно в сфере юридического образования, формирует сложную ситуацию для всех участников образовательного процесса.

Список литературы:

- [1] Емельянова И. А. «Всеобщая история права» в русском дореволюционном правоведении (XIX в.). Ч. I. – Казань, 1981
- [2] Емельянова И. А. Историко-правовая наука России XIX в. История русского права. Методологические и историографические очерки. Ч. II. – Казань, 1988; Емельянова И. А. Юридический факультет Казанского государственного университета. 1805–1917 год : очерки. – Казань, 1998.
- [3] Ануфриев А. «Крёстный отец» университета. Идею открытия университета в Иркутске активно лоббировал министр народного просвещения Сибирского правительства Василий Сапожников // Иркутскому государственному университету 100 лет : [сайт]. – URL: <http://100.isu.ru/page1181884.html> (дата обращения: 20.03.2018).
- [4] Корнев А. В., Борисов А. В. Государственно-правовая мысль и юридическое образование в дореволюционной России : учебное пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2012
- [5] Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии : учебное пособие. – М., 2010; Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века : учебное пособие. – М., 2010

References:

- [1] Emelyanova I. A. "General History of Law" in Russian pre-revolutionary jurisprudence (XIX century). Part I. - Kazan, 1981
- [2] Emelyanova I. A. Historical and legal science of Russia of the XIX century. History of Russian law. Methodological and historiographic essays. Part II. - Kazan, 1988; Emelyanova I. A. Faculty of Law, Kazan State University. 1805-1917: essays. - Kazan, 1998.
- [3] Anoufrieve A. "Godfather" of the university. The idea of opening a university in Irkutsk was actively lobbied by the Minister of Education of the Siberian Government Vasily Sapozhnikov//Irkutsk State University is 100 years old: [website]. - URL: <http://100.isu.ru/page1181884.html> (access date: 20.03.2018).
- [4] Kornev A.V., Borisov A.V. State legal thought and legal education in pre-revolutionary Russia: a textbook. - 3rd ed., Revised and add. - M., 2012
- [5] Tomsinov V. A. Legal education and jurisprudence in Russia in the XVIII century: a textbook. - M., 2010; Tomsinov V. A. Legal education and jurisprudence in Russia in the first third of the XIX century: a textbook. - M., 2010.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-654-659

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

МАЛЬКОВА Юлия Вадимовна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: malkova0404@mail.ru

КОТ Екатерина Михайловна,
доктор экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: katekaterina@rambler.ru

ГОРБУНОВА Олеся Сергеевна,
кандидат экономических наук,
доцент, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: os-bakunova@mail.ru

ПИЛЬНИКОВА Ирина Федоровна,
старший преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: pilnikovai@mail.ru

ПЕТРЯКОВА Светлана Викторовна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: uprkadr@mail.ru

РАДИОНОВА Светлана Владимировна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: svr_svetlana@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ АНАЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ

Аннотация: Наступление «информационной» эпохи, характеризующейся бурным технологическим прогрессом, диктует новые требования к системе высшего образования. Университетские программы нуждаются во внедрении современных образовательных технологий, их регулярном обновлении. В связи с этим ключевой задачей педагога становится развитие у студентов аналитического мышления, которое позволит им в будущем эффективнее адаптироваться к выбранной профессии. Такой подход, реализуемый через интерактивные методы обучения, обеспечивает практико-ориентированность [5]. В статье приводятся методологические подходы и практические аспекты развития аналитического мышления у студентов. Акцентируется внимание на принципах эффективного развития и формирования аналитического мышления у студентов.

Ключевые слова: студенты, преподаватель, развитие аналитического мышления, обучение, задачи, кейсы, дисциплина, знания, принципы.

MALKOVA Yulia Vadimovna,
*PhD in Economics, Associate Professor
of the Department of Economics,
Accounting and Financial Control
Ural State Agrarian University*

KOT Ekaterina Mikhailovna,
*Doctor of Economics, Associate Professor,
Head of the Department of Economics,
Accounting and Financial Control
Ural State Agrarian University*

GORBUNOVA Olesya Sergeevna,
*PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of Economics, Accounting and Financial
Control Ural State Agrarian University*

PILNIKOVA Irina Fedorovna,
*Senior Lecturer at the Department of Economics,
Accounting and Financial Control Ural State Agrarian University*

PETRYAKOVA Svetlana Viktorovna,
*Lecturer at the Department of Economics, Accounting and Financial
Control, Ural State Agrarian University*

RADIONOVA Svetlana Vladimirovna,
*Lecturer at the Department of Economics, Accounting and Finance
Department of Management of the Ural State Agrarian University*

METHODOLOGICAL APPROACHES AND PRACTICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF ANALYTICAL THINKING AMONG STUDENTS

Annotation. *The advent of the “information age”, characterized by rapid technological progress, dictates new requirements for the higher education system. University programs need the introduction of modern educational technologies and their regular updating. In this regard, the key task of the teacher is to develop students’ analytical thinking, which will allow them to adapt more effectively to their chosen profession in the future. This approach, implemented through interactive teaching methods, provides a practice-oriented approach [5]. The article presents methodological approaches and practical aspects of the development of analytical thinking among students. The article focuses on the principles of effective development and formation of analytical thinking among students.*

Key words: *students, teacher, development of analytical thinking, training, tasks, cases, discipline, knowledge, principles.*

Одной из главных задач при обучении студентов через освоение компетенций является развитие аналитического мышления. Для этого при решении задач (кейсов) необходимы знания, связанные с пройденными дисциплинами.

Для развития аналитического мышления в практике обучения применяются следующие интерактивные методы:

- разбор практических задач (кейсов), «основанных на реальных ситуациях;

- применение аналитических инструментов анализа, учитывающих множественность факторов и многовариантность развития исследуемых систем [2,4].

Наибольший интерес у студентов вызывают задачи (кейсы) оптимизационного характера. Так, студентам 4-го курса профиля» [6] «Машины и аппараты пищевых производств» по дисциплине «экономика и организация производства, предлагалась следующая задача на тему: «Разработать модель производственной системы мясокомбината», исходные данные [3]:

Таблица 1. Ассортимент и объемы производства мясной продукции

Наименование продукции	Объем производства, т	Технологические линии по производству
Мясо и субпродукты:		1. Мясо и субпродукты, полуфабрикаты
- говядина	1500	
- свинина	750	
Полуфабрикаты:		
- говяжьи	500	
- свиные	250	
Колбаса:		2. Колбасы
- вареная	900	
- копченая	600	
Копчености свиные	150	3. Копчености и тушенка
Тушенка:		
- говяжья	200	
- свиная	100	

«1. Условия – ограничения:

А) Годовая проектная мощность, тонн:

- мясокомбината (по объему перерабатываемого сырья) – 6500;
- технологических линий (по объемам работы годовой продукции): мясо и субпродукты, полуфабрикаты – 4000, колбасы – 1800, копчености и тушенка – 500;

Б) Годовой фонд рабочего времени каждого работника – 1960 чел.-час.

ТРЕБУЕТСЯ:

1. Определить потребность в ресурсах, исходя из следующих норм и нормативов» [3].

Таблица 2. Потребность поставляемом сырье (мясе в убойном весе)

Наименование продукции	Объем производства, т	Требуется сырья, т	
		на 1 тонну	всего
Мясо и субпродукты:			
- говядина		1,0	
- свинина		1,0	
Полуфабрикаты:			
- говяжьи		1,0	

- свиные		1,0	
Колбаса:			
- вареная		1,2	
- копченая		1,3	
Копчености свиные		1,4	
Тушенка:			
- говяжья		1,5	
- свиная		1,6	
ИТОГО	-	-	

Примечание. Для изготовления колбас используется расход мяса при соотношениях:

1. вареные: 80% - говядина; 20% - свинина;
2. копченые: 70% - говядина; 30% - свинина.

Таблица 3. Потребность в труде (рабочей силе) по основному производству

Работники	Объемы производства в смену, тонн	Сменная норма выработки, т	Количество нормо-смен	Требуется работников в две смены, чел.
Цех убоя, субпродуктов и полуфабрикатов				
Бойцы скота	11	3,5		
Обработчики туш	11	2,0		
Колбасный цех				
Обвальщик	7	1,4		
Жиловщик	7	0,9		
Вязальщик	5	0,8		
Цех копченостей и тушенки				
Обвальщик	5,5	1,4		
Жиловщик	5,5	0,9		
Аппаратчик	1,6	0,8		
Мастер термообработки	1,6	0,8		
ИТОГО, чел.	-	-	-	

3. Определить уровень загрузки производственных мощностей мясокомбината.

Таблица 4. Уровень загрузки производственных мощностей мясокомбината

Технологические линии	Годовая загрузка, тонн		Уровень загрузки, %
	проектная	фактическая	
Убой, субпродукты и полуфабрикаты			
Колбасы			
Копчености и тушенка			
В целом по предприятию			

4. Составить структурную модель-схему мясокомбината, элементами которой являются подразделения основного и обслуживающего производств.

«Решение данной задачи требует не только знаний других дисциплин, но и способности к логическому, аналитическому мышлению [6]». «Систематическое моделирование подобных ситуаций в течение всего курса дисциплины «Эко-

номика и организация производства» способствует формированию у студентов навыков эффективного решения более сложных и многофакторных задач» [1]. В результате студенты приобретают способность к проведению обоснованного анализа и прогнозированию тенденций развития объекта исследования используя следующие принципы (рисунок 1).

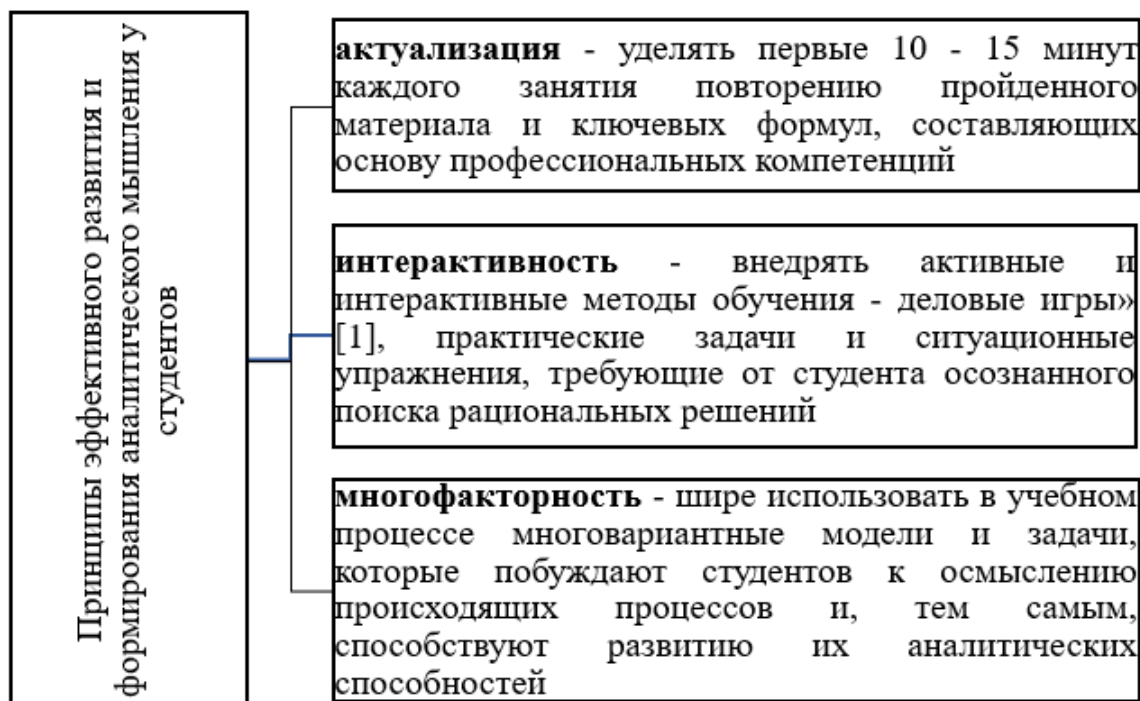

Рисунок 1. Принципы эффективного развития и формирования аналитического мышления у студентов

Таким образом, для эффективного развития и формирования аналитического мышления у студентов в процессе обучения преподавателю рекомендуется придерживаться принципов, таких как актуализация, интерактивность и многофакторность.

Список литературы:

- [1] Горбунова О. С. Методы формирования аналитического мышления студентов экономических специальностей / О. С. Горбунова, Ю. В. Малькова // Организация учебно-воспитательного процесса в современном вузе : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 14 октября 2021 года. – Екатеринбург: Уральский государственный аграрный университет, 2021. – С. 65-69.
- [2] Кротов М. И. Формирование аналитических компетенций студентов при изучении экономических дисциплин / М. И. Кротов, Ю. В. Малькова, О. С. Горбунова [и др.] // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 11, № 1(154). – С. 140-148.
- [3] Малькова Ю. В. Развитие аналитического мышления у студентов аграрных специальностей в процессе обучения / Ю. В. Малькова, О. С. Горбунова // Опыт и проблемы реформирования системы менеджмента на современном предприятии: тактика и стратегия : сборник статей XXII Международной научно-практической конференции, Пенза, 20–21 марта 2023 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 372-375.
- [4] Малькова Ю. В. Формирование аналитического мышления у студентов при решении производственных задач / Ю. В. Малькова, Е. М. Кот, О. С. Горбунова [и др.] // Право и управление. – 2024. – № 9. – С. 127-131.
- [5] Малькова Ю. В. Совершенствование компетенций у студентов в процессе обучения / Ю. В. Малькова, Е. М. Кот, О. С. Горбунова [и др.] // Образование и право. – 2023. – № 4. – С. 327-334.

- [6] Шарапова В. М. Формирование аналитического мышления студентов аграрного вуза / В. М. Шарапова, О. С. Горбунова, М. И. Кротов [и др.] // Образование и право. – 2021. – № 8. – С. 199-204.

References:

- [1] Gorbunova O. S. Methods for Developing Analytical Thinking in Students Majoring in Economics / O. S. Gorbunova, Yu. V. Malkova // Organization of the Educational Process in a Modern University: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, October 14, 2021. – Yekaterinburg: Ural State Agrarian University, 2021. – Pp. 65-69.
- [2] Krotov M. I. Formation of Students' Analytical Competencies in Studying Economic Disciplines / M. I. Krotov, Yu. V. Malkova, O. S. Gorbunova [et al.] // Economics and Management: Problems, Solutions. – 2025. – Vol. 11, No. 1 (154). – Pp. 140-148.
- [3] Malkova Yu. V. Development of analytical thinking in students of agricultural specialties in the learning process / Yu. V. Malkova, O. S. Gorbunova // Experience and problems of reforming the management system at a modern enterprise: tactics and strategy: collection of articles from the XXII International Scientific and Practical Conference, Penza, March 20–21, 2023. – Penza: Penza State Agrarian University, 2023. – Pp. 372–375.
- [4] Malkova Yu. V. Formation of analytical thinking in students when solving production problems / Yu. V. Malkova, E. M. Kot, O. S. Gorbunova [et al.] // Law and Management. – 2024. – No. 9. – Pp. 127–131.
- [5] Malkova Yu. V. Improving students' competencies in the learning process / Yu. V. Malkova, E. M. Kot, O. S. Gorbunova [et al.] // Education and Law. – 2023. – No. 4. – P. 327-334.
- [6] Sharapova V. M. Formation of analytical thinking of students of an agricultural university / V. M. Sharapova, O. S. Gorbunova, M. I. Krotov [et al.] // Education and Law. – 2021. – No. 8. – P. 199-204.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-660-664

БУГАШЕВ С.И.,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории и культурологии
Санкт-Петербургского государственного
морского технического университета,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: aaa555580@inbox.ru

«ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» - НОВЫЙ ВУЗОВСКИЙ КУРС (К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ДИСЦИПЛИНЫ)

Аннотация. Анализ актуальности новой учебной дисциплины «Основы российской государственности». Осмысление роли нового курса как одного из основных вузовских инструментов в деле формирования патриотического мировоззрения студентов.

Ключевые слова: вузы, гуманитарные науки, основы российской государственности, патриотизм.

BUGASHEV S.I.,
Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of History and Cultural Studies
of the St. Petersburg State Marine Technical University,
St. Petersburg, Russia

“FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD” - A NEW UNIVERSITY COURSE (ON THE ISSUE OF THE RELEVANCE OF THE DISCIPLINE)

Annotation. Analysis of the relevance of the new academic discipline “Fundamentals of Russian statehood”. Understanding the role of the new course as one of the main university tools in the formation of a patriotic worldview of students.

Key words: universities, humanities, foundations of Russian statehood, patriotism.

В текущем 2025-2026 учебном году в большинстве вузов РФ продолжается преподавание нового общественного курса «Основы российской государственности» (далее - «ОРГ»). Данный курс появился исходя из перечня поручений Президента РФ В.В. Путина по итогам заседания Государственного Совета Российской Федерации, состоявшегося 22 декабря 2022 года. [1, с. 26]. Появление данного курса ожидаемо и оправданно в современных внутри и внешнеполитических условиях. Более того, курс «Основы российской государственности», очевидно, призван заполнить мировоззренческий вакуум, образовавшийся в общественных вузовских науках в первой четверти XXI века.

Новый курс выполняет особую функцию в образовательном процессе. В эпоху, когда «происходит фактически полный демонтаж ключевых основ мировой политики и международных отношений... когда «старые» привычные правила мировой политической «игры» практически умерли, а «новые» договоренности еще не достигнуты» [2, с. 79] актуальность четких и внятных идейных ориентиров становится категорическим императивом для выживания народа и государства. «Фаза «переходного» этапа в мировом порядке всегда самая сложная и опасная. Можно совершенно точно констатировать, человечество пребывает в настоящий момент в одной из самых критических точек своей истории» [2, с. 79]. Мирово-

вой порядок кардинально меняется практически в режиме онлайн. Новая геополитическая эпоха, очевидно, наступила с началом второй президентской каденции Дональда Трампа. Украинский кризис, давно вышедший за рамки регионального конфликта, ввергнул человечество в пучину международной турбулентности с трудно предсказуемыми последствиями. Многочисленные эксперты и аналитики упражняются в самых невероятных прогнозах и предсказаниях. Однако, очевидно ясно только одно, нынешний этап мировой политики можно охарактеризовать только одним словом – неопределенность. Реальных сценариев выхода из российско- украинского противостояния пока не просматривается. Большинство политологов, а также действующих политиков и дипломатов сходятся в том, что временное перемирие, на котором настаивает украинское руководство, не может стать основой для долговременной стабилизации мирового порядка. У России нет другого выбора, кроме убедительной и несомненной победы. В то же время большинство государств НАТО и Евросоюза настойчиво накачивают Украину оружием и деньгами с целью продолжения военных действий. Настроения американского лидера переменчивы. Уже очевидно, что попытка Дональда Трампа сыграть роль «мировотворца» и «честного маклера» не получается. Данные объективные факторы логично обусловили появление указанной дисциплины как основного педагогического инструментария для воспитания чувства патриотизма у студентов.

Цель «ОРГ» - дать слушателям всестороннее знание о России. В этом смысле дисциплина, безусловно, новаторская. Блок объективных, в значительной мере географических знаний превращает курс «ОРГ» из дисциплины обществоведческого, общегуманитарного профиля в принципиально новый вузовский курс. Огромная территория, несметные природные ресурсы, климатическое разнообразие, этническое богатство – все это Россия. Задача курса ознакомить студента с необходимым фактическим материалом, иллюстрирующим величие нашего государства, что в свою очередь, должно помочь воспитать чувство искреннего и глубокого уважения к России. Кроме того, важнейшей задачей курса является аргументированное и доступное донесение до слушателей законности и правоты позиции российского государства в ходе судьбоносной схватки с силами «мирового зла» на фронтах Специальной военной операции. Согласно циркулярному письму министерства науки и высшего образования курс ОРГ направлен «на формирование у обучающихся развитого чувства гражданственности и патриотизма» [3]. Подобные идеи отражены и в «Проекте концепции УМК». На указанный про-

ект, как правило, ссылаются разработчики программ дисциплины «ОРГ». В традиционном блоке общественных наук в высшей школе РФ аналогичных курсов доселе не было. Быстрое внедрение, практически «с колес», нового предмета, безусловно, не может проходить без естественных проблем становления и развития. Либеральная парадигма, утвердившаяся в российском общественном сознании в 90-е годы минувшего столетия, до сих пор является источником определенного двоемыслия и создает известные трудности в образовательном процессе. Отечественный конституционализм, по-прежнему, сохраняет явный либеральный налет. Пункт 2 статьи 13 Конституции РФ гласит: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [4]. На наш взгляд, подобная формулировка в основном законе государства, в то время, когда идет широкомасштабное противостояние с глобальным Западом, является недопустимой вольностью. При этом 1 пункт той же статьи Конституции РФ предусматривает идеологический плюрализм.

Таким образом, с одной стороны государственная идеология не может стать официально признанной, а с другой стороны русофобские и прозападные либеральные взгляды имеют определенную свободу в нашей стране. Накопленный опыт СВО отчетливо свидетельствует, что подобная мировоззренческая терпимость создает питательную почву для активизации антигосударственной пропагандистской деятельности внутри РФ. Можно констатировать, что у российского общества и государства давно стоит в актуальной повестке дня потребность в формировании конституционной национальной идеи. Известное самоограничение в столь чувствительном вопросе, на наш взгляд, недопустимо.

Отсутствие государственной идеологии, закрепленной в Конституции РФ, провоцирует избыточный плюрализм политических воззрений, как в среде преподавателей, так и студентов. Насущной задачей является также внятное идейное наполнение термина «патриотизм», являющегося стержневым понятием всего курса «ОРГ». В настоящее время данный термин имеет слишком широкое мировоззренческое поле для трактовки, что порой создает теоретическую основу для оправдания откровенно предательских действий и заявлений современных «власовцев» якобы патриотическими соображениями. Восприятие студентами понятия «патриотизм» достаточно часто обусловлено национальными и региональными соображениями. Достаточно сложно молодому человеку отрешиться от обывательского, «местечкового» понимания данного термина и подняться до поистине государственного смысла.

Однако, именно чувство подлинного патриотизма становится в последнее время основой мировоззренческой платформы современной России. Можно утверждать, что именно здоровый патриотизм является стрежнем новой национальной идеи, которая рождается на наших глазах. Процесс созидания национальной идеи происходит в непростых условиях, что и предупредило в значительной мере необходимость появления курса «ОРГ».

Базисными компонентами курса «ОРГ» очевидно являются политология и историческая наука, разумеется, при гармоничном включении блоков других дисциплин. Именно в рамках данных курсов в первоочередном порядке должно сформироваться отчетливое выражение национальных интересов российского государства. Политология пришла на смену традиционному вузовскому курсу «научный коммунизм» в сложный период системного мировоззренческого кризиса в нашей стране в конце 1980-х годов. Политология как учебная и научная дисциплина оказалась под сильным воздействием западного либерализма. Увы, но до сих пор, известная часть политологической литературы содержит чуждые нашей государственности идеи и шаблоны.

Политические исследования последних лет в некоторой мере сгладили указанные недостатки, однако значительная часть научной и научно-популярной литературы по политологии была написана под сильным влиянием либеральных идей и, зачастую, на средства различных западных антироссийских фондов. К сожалению, достаточно часто литература подобного «качества» в современных условиях информационного общества становится доступным источником при самостоятельной подготовке студентов. Пресечь данную негативную тенденцию исключительно списком рекомендованной для студентов литературы, как правило, сложно. Отметим, у студенчества и молодежи в целом сохраняется стойкий интерес к современным российским политическим реалиям. [5, с. 39.] Как показывает практика преподавания курса «ОРГ» политологическая составляющая востребована в студенческой среде. Такие темы, как «политическая система общества», «политический режим», «политические элиты», «политическое лидерство» всегда в фокусе внимания и творческого поиска студентов.

Большой интерес в студенческой среде также вызывает изучение темы «глобализация». Данная комплексная социально-политическая, экономическая, культурологическая и мировоззренческая категория описывает стержневое направление развития современной цивилизации. Человечество, вступив на этот путь в последней четверти минувшего тысячелетия, движется

по магистральному пути глобализации с ускоряющейся скоростью. Достоинства и недостатки процесса глобализации вызывают жаркие дискуссии, как в академическом сообществе, так и на бытовом уровне. Студенты неплохо понимают проблематику и с большим интересом воспринимают фундаментальные знания по данной теме.

Чрезвычайно востребована в студенческой аудитории также тема «электоральные системы». Выборы – сердцевина демократического государства, основной инструмент формирования властных структур и главный канал выражения настроений граждан. Неудивительно, что современный студент обязан иметь достаточные знания в данном вопросе.

Культурологическая составляющая курса также несет крайне важную смысловую нагрузку. В ходе лекционных и семинарских занятий студенты в полной мере должны проникнуться поистине планетарным значением и уникальным статусом российской культуры и науки. Для выполнения данной учебной задачи необходимо подробно осветить и обсудить огромный вклад российских и советских ученых и деятелей культуры в мировую сокровищницу высоких достижений человечества в самых разных областях. Русский театр, балет, литература, живопись, архитектура, музыкальное творчество, кинематограф все эти направления искусства следует наполнить фактическим материалом. Развитие российской и советской науки в самых разных областях также должно стать важной темой обсуждения. Практика преподавания курса свидетельствует о значительном интересе студентов к данным сюжетам. Особенно продуктивна самостоятельная работа учащихся, подготовка и выступления с докладами и презентациями на семинарских занятиях.

Практика преподавания свидетельствует, что студенты в ходе подготовки к семинарским занятиям достаточно часто натываются на откровенно русофобские издания, в которых содержатся тенденциозные оценки различных аспектов внутренней и внешней политики российского и советского государства. В ходе семинарских занятий, в диалоге с преподавателем, основываясь на достоверном фактическом материале можно развеять многие исторические мифы и откровенные фальсификации. Однако, при самостоятельной внеаудиторной работе студенту весьма проблематично нейтрализовать пагубное влияние подобной литературы. В значительной мере указанную проблему можно разрешить интенсификацией политических исследований патриотического характера, доступных широкому кругу читателей. Однако, глобальной задачей сегодняшнего дня является создание отечественных популярных электронных научных энциклопедий, способных

на равных конкурировать, а в идеале полностью вытеснить из информационного пространства откровенно русофобскую «Википедию» и иные западные ресурсы.

Глобальная сеть в современную эпоху в значительной мере контролируется враждебным России западным миром, что естественно обуславливает необходимость прививать студентам навыки противодействия враждебной пропаганде. Создание персонального информационного фильтра становится насущной необходимостью для каждого обучающегося. Иначе говоря, проблематика информационных войн, форм и методов противодействию фальсификациям на сегодняшний день становится важнейшим навыком при изучении любой общественной дисциплины, в том числе и «ОРГ». В прямом смысле курс «ОРГ» пока не предусматривает изучения подобных вопросов, но, на наш взгляд, в качестве вспомогательного материала указанную тематику обсуждать со студентами было бы нелишним. Информационный фронт в непримиримом противоборстве с коллективным Западом давно стал по настоящему «горячим».

История русской государственности представляет собой создание и эволюцию российской империи в разных формах. Становление империи, как известно, шло разными способами, как мирными, так и насильственными. В силу этого, восприятие и оценки многих событий отечественной истории различными национальными, конфессиональными и социальными стратами нашего общества являются неоднозначными. Особое внимание следует уделять изучению процесса этногеографии русского народа с акцентом на изначальную, исконную полиэтничность и мультикультурность. При рассмотрении данных вопросов на первый план выходит осмысление понятия российской идентичности. Понятия идентичность, как и этничность, как правило, для основной массы студентов малоизвестны, либо вообще неизвестны. Как показывает практика преподавания дисциплины, указанные термины требуют значительного времени для разъяснения и обсуждения. Весь курс «ОРГ» ориентирован на формирование у студентов чувства ценности единого государства, в котором мирно уживаются народы, имеющие различные этнические и конфессиональные особенности. Как правило, студенческие группы многонациональны, что с одной стороны упрощает преподавание дисциплины, но одновременно создает известные сложности. Националистические настроения имеют распространение в разных регионах современной России, что, безусловно, находит отражение в мировоззренческих позициях отдельных студентов. Данные факторы тре-

буют крайне аккуратного, практически ювелирного изложения и обсуждения столь чувствительных аспектов.

В образовательном процессе не следует допускать дублирования традиционного курса «отечественной истории». Для большинства студентов, порой сложно провести грань между курсом «ОРГ» и, в частности исторической дисциплиной. Однако, это совершенно необходимо. Курс «ОРГ», безусловно, фундаментально основывается на конкретном историческом материале, но ни в коем случае не повторяет его. Объективные исторические факты должны стать иллюстрацией и аргументами для выполнения собственных задач дисциплины «ОРГ». Кроме того, именно исторический контекст лучше всего исполняет роль цементирующего фактора блоков разнообразных дисциплин, составляющих «ОРГ».

Особое значение также имеет изучение этической и мировоззренческой доктрины российской цивилизации, складывавшейся на протяжении нескольких столетий. В лекционном курсе следует освятить основные этапы формирования уникальной российской философской платформы, включающей самые разнообразные системы познания общества и отдельной личности. Важно подчеркнуть, что российская цивилизация всегда отличалась независимостью, как от западного, так и от восточного мира. Россия, как государство-цивилизация веками рождала свои собственные смыслы и в этом заключается наша удивительная стойкость и гибкость перед любыми невзгодами и историческими вызовами.

Курс «ОРГ» призван также, вызвать у студентов прогностический интерес. Данную функцию выполняет тема «вызовы будущего». Политическое моделирование помогает учащимся развивать аналитические качества и особое «чувство исторического времени». Данная тема в определенном смысле итоговая и позволяет понять, насколько эффективно студенты освоили предыдущие блоки курса. Политический прогноз не предсказание, не гадание на кофейной гуще, а результат глубокого вдумчивого социально-политического анализа. Полезно на семинарском занятии, давать студентам задание готовить два вида анализа: позитивный и негативный. Далее поделить группу на две команды и провести дискуссию. В ходе обсуждения каждая команда представляет свои аргументы и отстаивает свой вывод. Как правило, дискуссия бывает весьма эмоциональной. Важно, чтобы жюри также состояло из студентов, это, как правило, повышает градус спора и заинтересованность участников.

Междисциплинарный характер «ОРГ» очевидно создает известные сложности, как для сту-

дентов, так и для преподавателей. Переход от привычных предметов, таких как география, отечественная история, политология, философия, культурологи к комплексной, а значит многогранной дисциплине, сложен и тернист. Наивно предполагать, что в течение короткого срока появятся эффективные методики и универсальные приемы преподавания указанной дисциплины. Вероятно, необходим достаточно продолжительный, поистине первопроходческий путь поиска оптимальных педагогических подходов. Несложно предвидеть, что это будет путь проб и ошибок. Новая общественная дисциплина входит в вузовскую программу уже второй год, соответственно появляется реальная практика преподавания, нарабатываются приемы и методика организации учебного процесса. Справедливо звучат слова А. Ф. Никитина о том, что курс «ОРГ» способен стать стержнем не только в изучении социогуманитарных дисциплин, но и в воспитательной работе вуза, формируя истинных сынов своего Отечества. [6, с.23].

Список литературы:

[1] Бугашев С.И. «Основы российской государственности» - новый вузовский курс. (Первые впечатления). // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра. К 280-летию со дня рождения российской просветительницы княгини Е.Р. Дашковой. Материалы VI Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 15 декабря 2023 года. Т. 1.

[2] Бугашев С.И. Современный миропорядок и Россия. // Россия и мир в исторической ретроспективе. К 120-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля А.Н. Косыгина. Материалы XXX Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 11 апреля 2024 года. Т. 1.

[3] Письмо статс-секретаря – заместителя министра науки и высшего образования П.А. Кучеренко «О направлении проекта концепции модуля» 21.04.2023 г. № МН-11/1516-ПК // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. – URL https://fgosvo.ru/uploadfiles/method/Ps_MON_MN_11_1516_PK_21042023.pdf (дата обращения 20.03.2025 г.)

[4] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 10.03.2025).

[5] Сафонова Е.А. Место и роль учебной дисциплины «Политология» в системе подготовки

курсантов по специальности «Правоохранительная деятельность» // Теория и практика социогуманитарных наук. 2021. № 2(14). С. 38–42.

[6] Никитин, А. Ф. Курс «Основы российской государственности» в высшей школе: проблемы и перспективы / А. Ф. Никитин // Педагогический дизайн в образовании: Периодический сборник научных и методических материалов студентов, магистрантов и преподавателей. Т. 8 – Москва : ООО Издательский дом «Научная Библиотека», 2023. – С. 16-23.

References:

[1] Bugashev S.I. "Fundamentals of Russian Statehood" - a new university course. (First impressions). // Humanities in a modern university: yesterday, today, tomorrow. On the 280th anniversary of the birth of the Russian educator Princess E.R. Dashkova. Proceedings of the VI International Scientific Conference, St. Petersburg, December 15, 2023. Vol. 1.

[2] Bugashev S.I. The modern world order and Russia. // Russia and the world in historical retrospect. On the 120th anniversary of the birth of the outstanding statesman A.N. Kosygin. Proceedings of the XXX International Scientific Conference. St. Petersburg, April 11, 2024. Vol. 1.

[3] Letter from the State Secretary - Deputy Minister of Science and Higher Education P.A. Kucherenko, "On the Direction of the Draft Module Concept," April 21, 2023, No. MN-11/1516-PK // Portal of Federal State Educational Standards of Higher Education. – URL https://fgosvo.ru/uploadfiles/method/Ps_MON_MN_11_1516_PK_21042023.pdf (accessed March 20, 2025).

[4] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // ConsultantPlus Legal Reference System. – URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed March 10, 2025).

[5] Safonova, E.A. The Place and Role of the Academic Discipline "Political Science" in the System of Training Cadets in the Specialty "Law Enforcement" // Theory and Practice of Social and Humanitarian Sciences. 2021. No. 2 (14). Pp. 38–42.

[6] Nikitin, A. F. The Course "Fundamentals of Russian Statehood" in Higher Education: Problems and Prospects / A. F. Nikitin // Pedagogical Design in Education: Periodic Collection of Scientific and Methodological Materials for Students, Master's Students, and Teachers. Vol. 8 – Moscow: ООО Publishing House "Scientific Library", 2023. – Pp. 16–23.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-665-669

КОЛЕСНИКОВ Владимир Александрович,
курсант 3 курса факультета
(командного) Военной ордена Жукова академии
войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
НАЗАРОВА Ирина Сергеевна,
профессор кафедры
«Государственно-правовых дисциплин»
научно-исследовательского центра Военной
ордена Жукова академии войск национальной гвардии,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ: ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье исследуется трансформация правового воспитания в стратегический инструмент государственной политики, направленный на формирование осознанного патриотизма в условиях вызовов глобализации и цифровизации. Автор доказывает, что данные процессы создают риски релятивизации национального права, кризиса идентичности и формирования «клипового правосознания». На основе теоретико-правового анализа патриотизм рассматривается как сложная социально-правовая категория, интегрирующая когнитивный, ценностный и поведенческий компоненты через формирование высокой правовой культуры. В работе предложена система мер по модернизации воспитания, включающая синтез правовой и цифровой грамотности, практико-ориентированные методы и сетевые форматы партнерства. На примере деятельности Росгвардии показана эффективная модель синтеза правовой подготовки и патриотизма. Делается вывод о ключевой роли правового воспитания как фактора формирования и укрепления национальной безопасности и суверенитета.

Ключевые слова: правовое воспитание, патриотическое сознание, цифровизация, глобализация, правовая культура, национальная безопасность, государственный суверенитет, Росгвардия, информационные вызовы, правосознание.

KOLESNIKOV Vladimir Alexandrovich,
3rd-year cadet of the (Command) Faculty,
Military Order of Zhukov Academy
of the National Guard Troops

Scientific supervisor:
NAZAROVA Irina Sergeevna,
Professor of the Department of State and Legal Disciplines,
Research Center of the Military Order of Zhukov Academy
of the National Guard Troops,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

LEGAL EDUCATION AS A TOOL FOR FORMING PATRIOTIC CONSCIOUSNESS: CHALLENGES OF DIGITALIZATION AND GLOBALIZATION

Annotation. *The article examines the transformation of legal education into a strategic tool of state policy aimed at forming conscious patriotism in the context of the challenges of globalization and digitalization. The author argues that these processes create risks of relativizing national law, identity crisis, and the formation of “clip legal consciousness.” Based on a theoretical and legal analysis, patriotism is considered as a complex socio-legal category that integrates cognitive, axiological, and behavioral components through the formation of a high legal culture. The work proposes a system of measures to modernize education, including the synthesis of legal and digital literacy, practice-oriented methods, and networked partnership formats. Using the activities of the Russian National Guard (Rosgvardiya) as an example, an effective model for synthesizing legal training and patriotism is demonstrated. The conclusion is drawn about the key role of legal education as a factor of national security and sovereignty.*

Key words: *legal education, patriotic consciousness, digitalization, globalization, legal culture, national security, state sovereignty, Rosgvardiya, information challenges, legal consciousness.*

Современный этап общественного развития характеризуется глубинной трансформацией всех сфер жизни под воздействием глобализационных и цифровых процессов. Эти процессы, обладая огромным потенциалом для прогресса, одновременно порождают системные вызовы национальной безопасности, культурной идентичности и правовой стабильности. В условиях, когда информационное пространство становится ареной острой идеологической конкуренции, а традиционные институты социализации теряют монополию на формирование ценностных ориентиров, особую актуальность приобретает проблема сохранения национального суверенитета и гражданской солидарности.

Правовое воспитание, традиционно рассматривавшееся как составная часть общего образования или профессиональной юридической подготовки, сегодня выходит на уровень стратегического инструмента государственной политики. Его цель — не просто информирование о нормах, но формирование правовой культуры как основы национальной идентичности и гражданской ответственности. В эпоху, когда цифровые технологии и глобальные коммуникации создают «информационный шум» и способствуют распространению правового нигилизма, релятивизма и космополитических настроений, именно системное правовое воспитание может стать иммунитетом, позволяющим личности и обществу сохранять устойчивость. Таким образом, исследование потенциала правового воспитания в формировании патриотического сознания сквозь призму вызовов цифровизации и глобализации является не только актуальным, но и необходимым с точки зрения обеспечения устойчивого развития правового государства и сохранения его суверенитета [3].

С позиции теории государства и права патриотизм не может быть сведен к спонтанному эмоциональному порыву или врожденному чувству. Это сложная, многокомпонентная социально-правовая конструкция, содержание которой формиру-

ется и воспроизводится в процессе целенаправленной деятельности институтов государства и гражданского общества. Как справедливо отмечает Н.И. Матузов, патриотизм в правовом государстве — это «сознательная и деятельная любовь к Отечеству, основанная на уважении к его законам, готовности защищать его интересы и участвовать в его развитии». Такой подход позволяет выделить три взаимосвязанных и взаимообусловленных компонента зрелого патриотизма.

1. Когнитивный компонент включает в себя систему знаний об истории, культурном наследии, конституционном строе, основных принципах и нормах национального права. Это не просто набор фактов, а понимание причинно-следственных связей в развитии государства и права, осознание исторического пути и правовых традиций нации. Без этого фундамента патриотизм рискует превратиться в слепую веру или манипулируемый символ.
2. Ценностный (аксиологический) компонент выражается в уважении к государственным символам, праву как социальному институту, национальным традициям и интересам. Это внутреннее принятие права в качестве высшей социальной ценности, обеспечивающей порядок, справедливость и безопасность. Как подчеркивает Л.А. Морозова, «правовые ценности являются стержнем гражданской идентичности, связывая индивида с государством не через принуждение, а через добровольное признание значимости правопорядка» [4].
3. Поведенческий (деятельностный) компонент проявляется в готовности и реальной деятельности по защите Отечества, добросовестном исполнении гражданских обязанностей, активном участии в общественной жизни и правотворческой инициативе. Именно в правомерном поведении патриотизм находит свое практическое воплощение.

Правовое воспитание выступает системообразующим фактором, интегрирующим все три компонента. Его целью является формирование высокой правовой культуры личности, которая, по определению С.А. Комарова, «предполагает не только знание права, но и глубокое уважение к нему, убежденность в его необходимости и социальной полезности» [1]. Гражданин с развитой правовой культурой отождествляет свои интересы с интересами правопорядка, воспринимает закон как справедливый регулятор, а его защиту — как акт служения Родине. Таким образом, правосознание становится ядром патриотического сознания, а законность — практическим выражением патриотизма. В этом аспекте государство, реализуя функцию правового воспитания, не просто информирует, но и легитимирует себя, демонстрируя справедливость и социальную направленность создаваемых им правовых норм, выстраивая отношения доверия по модели «общественного договора» [5].

Процессы глобализации и цифровизации создают принципиально новую среду для функционирования институтов воспитания, характеризующуюся высокой динамикой, нелинейностью и противоречивостью.

Глобализация, способствуя интеграции экономик и культур, одновременно размывает границы национально-государственной идентичности. Наднациональные структуры и транснациональные корпорации зачастую формируют альтернативные системы лояльности, продвигая универсальные (космополитические) ценности, которые могут вступать в конфликт с национальными интересами и правовыми традициями. Это приводит к явлению релятивизации права: национальная правовая система начинает восприниматься как одна из многих, локальных и условных. Ее авторитет может ставиться под сомнение в пользу неких «общечеловеческих» или наднациональных стандартов, которые, как отмечает В.В. Лазарев, «зачастую являются продуктом политической воли наиболее влиятельных участников международных отношений и могут игнорировать специфику национального правового развития» [2]. В результате утрачивается восприятие национального права как уникального достижения и культурного кода нации, что напрямую подрывает ценностный компонент патриотизма.

Цифровизация, существенно упростившая доступ к информации и коммуникации, принесла с собой ряд деструктивных для правосознания эффектов.

Традиционные институты знаний (школы, вузы, научные и экспертные сообщества) утратили монополию на производство и распространение информации. В цифровой среде равный вес

могут иметь глубокое научное исследование и поверхностный блогерский пост, что способствует девальвации экспертного знания. Активное распространение дезинформации, фейковых новостей и упрощенных трактовок сложных правовых и исторических событий формирует так называемое «клиповое правосознание» — поверхностное, фрагментарное, эмоционально заряженное и неспособное к системному критическому анализу [6].

Анонимность и деиндивидуализация ответственности: Цифровое пространство зачастую размывает связь между действием и личной ответственностью, которая является краеугольным камнем правосознания. Это создает питательную среду для киберпреступности, распространения экстремистских материалов, оскорблений и нарушения прав граждан, что подрывает уважение к праву как таковому.

Манипуляция и информационные войны: Социальные сети и мессенджеры стали мощнейшими инструментами целенаправленного воздействия на массовое сознание. Технологии таргетированной рекламы, создания информационных пузырей и использования информационных технологий позволяют манипулировать общественным мнением, навязывать определенные правовые и политические нарративы, зачастую враждебные национальным интересам.

В этих условиях классические, пассивно-просветительские формы правового воспитания, ограниченные лекциями и учебниками, теряют эффективность. Возникает насущная потребность в комплексной модернизации всей системы, направленной на формирование у граждан цифровой устойчивости — способности критически ориентироваться в информационном пространстве, сохраняя приверженность национальным правовым ценностям.

Для того чтобы оставаться действенным инструментом формирования патриотического сознания, система правового воспитания должна трансформироваться, отвечая на современные вызовы. Это предполагает не отказ от классических основ, а их творческое развитие и интеграцию с новыми подходами и технологиями.

1. Интеграция правовой и цифровой грамотности в единый образовательный комплекс. Современному гражданину уже недостаточно знать содержание Конституции или Уголовного кодекса. Необходимо вооружить его навыками цифровой гигиены, медиаграмотности и кибербезопасности. Учебные программы должны включать модули, обучающие:
 - Критической оценке достоверности информационных источников в сети.

- Распознаванию манипулятивных техник (логических ошибок, эмоциональных триггеров, фейковых новостей).
 - Основам защиты персональных данных и приватности.
 - Правовым аспектам поведения в цифровой среде (кибербуллинг, авторское право, экстремистский контент). Как отмечает А.В. Прохоров, «формирование цифрового правосознания должно идти параллельно с формированием традиционного, создавая у личности целостную картину правовой реальности как в офлайн, так и в онлайн-среде» [6].
2. Смещение методологического акцента с «знания законов» на «понимание права». Необходимо уйти от методики механического запоминания норм. Вместо этого следует раскрывать социально-философские, исторические и экономические основания права. Почему появилась та или иная норма? Какие общественные потребности она призвана удовлетворить? Как она взаимодействует с другими нормами в системе? Такой подход, основанный на диалоге и проблемном обучении, формирует не страх перед санкцией, а глубокое внутреннее уважение к праву как к мудрому социальному механизму, продукту исторического развития нации. Это способствует развитию когнитивного компонента патриотизма на качественно новом уровне.
 3. Внедрение ценностно-ориентированного и практико-ориентированного подходов. Правовое воспитание должно говорить на языке фундаментальных ценностей: справедливость, свобода, ответственность, безопасность, достоинство. Через призму этих ценностей следует анализировать содержание законов и деятельность государственных институтов. Активные и интерактивные формы работы — модельные суды, дебаты, правовые квесты, социальные проекты, встречи с практикующими юристами и государственными служащими — «оживляют» право, превращая абстрактные нормы в инструмент решения реальных проблем. Это позволяет связать патриотизм с конкретной, общественно полезной деятельностью, реализуя его поведенческий компонент.
 4. Формирование гибкой сетевой модели государственно-общественного партнерства. Государство должно выступать координатором и создателем благоприятных правовых и организационных условий для правового просвещения. Однако непосредственную просветительскую деятельность целесообразно делегировать широкому кругу акто-

ров: профессиональным ассоциациям юристов (например, Ассоциация юристов России), некоммерческим организациям, университетам, библиотекам, волонтерским движениям, ответственным блогерам и медиа. Это позволит сделать контент более разнообразным, адаптированным к запросам разных возрастных и социальных групп, и повысит общий уровень доверия к информации. Такая децентрализованная, но скоординированная система более устойчива к вызовам информационной эпохи.

Яркой и наглядной моделью эффективного синтеза правового и патриотического воспитания в условиях современных угроз является деятельность войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии). Для сотрудника Росгвардии патриотизм — это не абстрактная идея, а суть профессиональной деятельности, жестко детерминированной и ограниченной рамками закона.

Правовое воспитание в Росгвардии построено на принципе неразрывной связи права, долга и патриотизма. Высокая правовая культура сотрудника, его способность действовать в строгом соответствии с законом в любой, даже экстремальной ситуации, является высшим проявлением ответственного, зрелого патриотизма, адекватного вызовам XXI века. Этот пример демонстрирует, как системная правовая подготовка формирует не просто исполнителя, а гражданина-патриота, для которого защита правопорядка тождественна защите Отечества.

В условиях, когда глобализация и цифровизация создают беспрецедентное давление на традиционные формы социальной интеграции и идентичности, правовое воспитание перерастает свои узкообразовательные рамки. Оно становится стратегическим ресурсом национальной безопасности, фактором сохранения государственного суверенитета и гражданского мира. Формируя зрелое, критическое и ценностно-ориентированное правосознание, государство воспитывает не законопослушных подданных, а свободных и ответственных граждан-патриотов.

Такой патриот любит Отечество не слепо, а благодаря пониманию его исторического пути и правовых основ. Он служит ему не по принуждению, а через добросовестное исполнение своих обязанностей в рамках права. Он хранит его не только с оружием в руках, но и через защиту его информационного пространства и правовых устоев. Реализация предложенных направлений модернизации — интеграция цифровой грамотности, смещение акцента на понимание права, внедрение практико-ориентированных методов и построение сетевого партнерства — позволит превратить правовое воспитание в эффективный

инструмент формирования именно такого, устойчивого, конструктивного и правового патриотизма, который является безусловной основой для развития сильного и справедливого государства.

Список литературы:

- [1] Комаров, С.А. Общая теория государства и права: учебник / С.А. Комаров. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма, 2012. — 432 с.
- [2] Лазарев, В.В. Теория государства и права: учебник для бакалавров / В.В. Лазарев, С. В. Липень. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2019. — 512 с.
- [3] Матузов, Н.И. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А. В. Малько. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Дело, 2017. — 528 с.
- [4] Морозова, Л.А. Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма, 2018. — 464 с.
- [5] Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма, 2018. — 576 с.
- [6] Прохоров, А.В. Правовое воспитание в условиях цифровой трансформации общества: новые вызовы и перспективы / А.В. Прохоров // Государство и право. — 2020. — № 8. — С. 122—130.
- [7] Синюков, В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию / В.Н. Синюков. — 2-е изд., доп. — Москва: Норма, 2016. — 398 с.
- [8] Ачкасов, В.А. Глобализация и национальная идентичность: политико-правовые аспекты / В.А. Ачкасов // Правоведение. — 2019. — № 4. — С. 45–60.
- [9] Боер, В.М. Правовая культура и правовое воспитание молодежи в современной России: монография / В.М. Боер, О.Ю. Рыбаков. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. — 298 с.
- [10] Головкин, А.А. Цифровая трансформация права: вызовы для юридического образования / А.А. Головкин // Вестник гражданского процесса. — 2021. — № 6. — С. 33–49.
- [11] Марченко, М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник / М.Н. Марченко. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2020. — 768 с.
- [12] Невирко, Д.Д. Патриотизм в системе ценностей правового государства: теоретико-правовое исследование: монография / Д.Д. Невирко. — Екатеринбург: УрГЮУ, 2019. — 210 с.
- [13] Петров, А.В. Информационная безопасность и правовое сознание в цифровую эпоху / А.В. Петров // Российский юридический журнал. — 2022. — № 1. — С. 88–95.
- [14] Тарасов, Н.Н. Методологические проблемы юридической науки: избранные труды /

Н.Н. Тарасов. — Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2017. — 420 с.

[15] Чиркин, В.Е. Конституционное право России: учебник / В.Е. Чиркин. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма, 2020. — 496 с.

References:

- [1] Komarov, S.A. General Theory of State and Law: Textbook/S.A. Komarov. - 8th ed., Revised and add. - Moscow: Norma, 2012. - 432 s.
- [2] Lazarev, V.V. Theory of State and Law: a textbook for bachelors/V.V. Lazarev, S.V. Lipen. - 5th ed., Revised and add. - Moscow: Yurayt, 2019. - 512 s.
- [3] Matuzov, N.I. Theory of state and law: textbook/N.I. Matuzov, A.V. Malko. - 3rd ed., Revised and add. - Moscow: Case, 2017. - 528 p.
- [4] Morozova, L.A. Theory of state and law: textbook/L.A. Morozova. - 5th ed., Revised and add. - Moscow: Norma, 2018. - 464 s.
- [5] General theory of law and state: textbook/ ed. V.V. Lazareva. - 5th ed., Revised and add. - Moscow: Norma, 2018. - 576 p.
- [6] Prokhorov, A.V. Legal education in the context of digital transformation of society: new challenges and prospects/A.V. Prokhorov//State and law. — 2020. — № 8. - S. 122-130.
- [7] Sinyukov, V.N. Russian Legal System: Introduction to General Theory/V.N. Sinyukov. - 2nd ed., Add. - Moscow: Norma, 2016. - 398 p.
- [8] Achkasov, V.A. Globalization and national identity: political and legal aspects/V.A. Achkasov// Jurisprudence. — 2019. — № 4. - S. 45-60.
- [9] Boer, V.M. Legal culture and legal education of young people in modern Russia: monograph/V.M. Boer, O.Yu. Rybakov. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2021. - 298 p.
- [10] Golovko, A.A. Digital Transformation of Law: Challenges for Legal Education/A.A. Golovko// Bulletin of the Civil Procedure. — 2021. — № 6. - S. 33-49.
- [11] Marchenko, M.N. Problems of the theory of state and law: textbook/M.N. Marchenko. - 2nd ed., Revised and add. - Moscow: Prospect, 2020. - 768 s.
- [12] Nevirko, D.D. Patriotism in the system of values of the rule of law: theoretical and legal research: monograph/D.D. Nevirko. - Yekaterinburg: Ural State University, 2019. - 210 s.
- [13] Petrov, A.V. Information Security and Legal Consciousness in the Digital Age/A.V. Petrov//Russian Law Journal. — 2022. — № 1. - S. 88-95.
- [14] Tarasov, N.N. Methodological problems of legal science: selected works/N.N. Tarasov. - Yekaterinburg: Publishing House of UrGUA, 2017. - 420 s.
- [15] Chirkin, V.E. Constitutional Law of Russia: textbook/V.E. Chirkin. - 8th ed., Revised. and add. - Moscow: Norma, 2020. - 496 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-670-672

БАХТАМОВА Натела Георгиевна,
Кандидат философских наук,
доцент кафедры общей педагогики и педагогических технологий
Филиал ГБОУ ВО «Ставропольский государственный
педагогический институт» г. Ессентуки,
e-mail: Nat.lukyanova2018@yandex.ru

ЗОЛОТАРЕВА Юлия Владимировна,
Кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры общей педагогики и педагогических технологий
Филиал ГБОУ ВО «Ставропольский государственный
педагогический институт» г. Ессентуки,
e-mail: Solotuiya@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема профессиональной деформации преподавателей вузов. Авторы анализируют главные негативные факторы, вызывающие эмоциональное выгорание у преподавателей. Главное внимание обращается на важность работы преподавателя и необходимость оказания ему помощи в его нелегкой работе. Приводятся предложения для снижения уровня стресса и тревожности преподавателей. Авторы считают необходимым снизить требования к преподавательскому составу и стремиться к повышению уровня их жизни.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, преподаватель, стресс, нагрузка, учебный процесс, тревожность, деформация.

BAKHTAMOVA Natela Georgievna,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Department of General Pedagogy and Pedagogical Technologies,
Branch of the Stavropol State Pedagogical Institute in Essentuki

ZOLOTAREVA Yulia Vladimirovna,
Candidate of Sociology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of General Pedagogy and Pedagogical Technologies,
Branch of the Stavropol State Pedagogical Institute in Essentuki

THE MAIN FACTORS OF PROFESSIONAL BURNOUT AMONG UNIVERSITY TEACHERS

Annotation. The article considers the actual problem of professional deformation of university teachers. The authors analyze the main negative factors that cause emotional burnout among teachers. The main attention is paid to the importance of the teacher's work and the need to assist him in his difficult work. Suggestions are given to reduce the stress and anxiety levels of teachers. The authors consider it necessary to reduce the requirements for the teaching staff and try to improve their standard of living.

Key words: professional burnout, teacher, stress, workload, learning process, anxiety, deformation.

Введение.

Одной из главных проблем системы высшего образования современной России стало

профессиональное выгорание преподавателей. Профессиональное выгорание оказывает негативное влияние не только на психологическое

состояние педагогов, но и существенно снижает качество высшего образования в стране. Считаем необходимым на данном этапе проанализировать главные факторы профессионального выгорания преподавателей вузов и разработать наиболее эффективные пути их преодоления[1 с. 421-428].

Основная часть.

Профессиональное выгорание преподавателей вузов, является частью проблемы профессионального выгорания любого профессионала. На любой работе, при выполнении социально значимых функций человек чувствует общественное давление. Работа позволяет каждому вписываться в социальный круг, но и имеет свои отрицательные стороны[2, с. 136-147]. Преодоление различных трудностей при выполнении своих профессиональных обязанностей, постепенно приводит к нарастанию эмоционального напряжения. Нервные срывы, тревожное расстройство и эмоциональное выгорание приводят к истощению и когнитивному искажению.

Эмоциональное выгорание наступает в ходе интенсивного социального взаимодействия и, чаще всего, им страдают медицинские работники, педагоги, социальные работники, воспитатели[3, с.5-13]. Преподаватели вуза очень часто страдают от профессионального выгорания. Оно возникает как своеобразный защитный механизм психики, позволяющий ему сохранять эмоциональную энергию на фоне ежедневного стресса.

Для противодействия профессиональному выгоранию, очень важно выявить факторы, способствующие его появлению. Человек, страдающий от профессионального выгорания, не может эффективно выполнять свои профессиональные обязанности и даже может потерять работу. Появляются проблемы со здоровьем[4, с.212-220]. А. Морроу называл профессиональное выгорание запахом горящей психологической проводки. К Маслач считает, что эмоциональное выгорание – это психологическая защита от психотравмирующего воздействия.

Преподаватели вузов испытывают большую нагрузку не только из-за учебного процесса и общения со студентами, но и от высоких требований к научной деятельности[5, с. 212-220]. Вуз оценивает преподавателя в зависимости от его научных показателей, и каждый вуз проводит эту оценку по – своему. Иногда бывает так, что человек, получивший большое научное признание будет оценен на ступеньку ниже того, кто имеет большее количество научных работ. Рейтинговая оценка преподавателей негативно влияет на его личность и психику[6, с.248-251]. Наряду с высокой учебной нагрузкой, она приводит к негативным последствиям.

Преподавателя не стоит оценивать как работника сферы услуг. Научная деятельность не может быть объективно оценена только статистическими показателями[7, с. 63-69]. Интенсивная учебная нагрузка, частые проверки, большой объем методического материала, решение эмоциональных проблем студентов, поиск общего языка с каждым из них приводят к постепенному эмоциональному выгоранию преподавателей.

Преподаватель, как субъект образовательного процесса, научный работник, еще и должен заботиться о членах своей семьи, жить полноценной жизнью, думать о своем здоровье. Мы все знаем о нехватке времени преподавателей на свою личную жизнь. С каждым днем все больше педагогов нуждается в психологической помощи[8, с. 295-298]. Низкий уровень заработной платы не позволяет преподавателю качественно отдыхать и покрывать нужды семьи.

Интеллектуальная сложность профессии не оценивается в виде высокого заработка, что заставляет его испытывать дополнительный стресс в семейной жизни.

Хронический стресс, чаще всего, становится причиной профессионального выгорания. За рубежом для лечения хронического стресса чаще всего применяют систему тренингов и физических нагрузок, как пути к релаксации.

В нашей стране с каждым днем появляется все больше исследований, связанных с профессиональным выгоранием преподавателей, но, к сожалению, не проводятся значимые мероприятия по психокоррекции и профилактике[9, с. 384-391].

Самым значимым в противостоянии профессиональной деформации, по нашему мнению, являются усилия администрации вуза. Именно администрация вуза отвечает за организационно-административное состояние вуза и всего образовательного процесса. Если администрация вуза будет прилагать усилия для наиболее оптимальной организации работы преподавателя, снижать уровень его научной и учебной нагрузки, проводить профилактические мероприятия для помощи преподавателю в его ежедневной работе.

Немаловажное значение имеет личностная работа самого преподавателя[10, с. 22-27]. Он должен прослеживать факторы не только внешнего воздействия, но и личностное выгорание, анализировать свое эмоциональное состояние, повышать свою квалификацию, заботиться о своем здоровье и питании, регулярно заниматься спортом.

Заключение.

Для предотвращения процесса профессиональной деформации преподавателей вузов счи-

таем необходимым смягчить требования к ним, повысить заработную плату, проводить различные мероприятия по сплочению и мотивации педагогического коллектива. Преподавателей следует мотивировать не угрозами и увольнением, а созданием комфортных условий для его непростой работы.

Список литературы:

- [1] Новажилова Т.Н. Самопрофилактика эмоционального выгорания преподавателей высшей школы в инклюзивном образовательном пространстве // Инновационные стратегии управления человеческими ресурсами. Сборник трудов VI Всероссийской научно-практической конференции. – Самара. – 2024. – С. 421-428.
- [2] Каяшева О.И. Социально-психологическая среда вуза как фактор развития эмоционального выгорания преподавателей// Человеческий капитал. – 2024. – № 1. – С. 136-147.
- [3] Буланкина Н.Е., Перова Е.А. Актуальные вопросы методологии исследования профессионального выгорания преподавателей высшей школы// Сибирский учитель. – 2024. – № 2. – С. 5-13.
- [4] Смагулов Н.К., Адилбекова А.А., Евневич А.М. Оценка влияния производственных и психосоциальных факторов на развитие симптомов эмоционального выгорания преподавателей вуза// Современные технологии и научно-технический прогресс. – 2022. – № 1. – С. 212-220.
- [5] Бuryкина М.Ю., Данилова Т.В., Комарова С.В. Профессиональное выгорание преподавателей вузов и стратегии его преодоления в вузах России// Управление образованием: теория и практика. – 2024. – № 1. – С. 212-220.
- [6] Иванова Е.А., Лычагина С.В., Дмитриева Н.Г. Профессиональное выгорание преподавателя высшей школы// Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. – 2023. – № 3. – С. 248-251.
- [7] Самсонова Е.А. Профессиональное выгорание преподавателей вузов как следствие деструктивного управления образовательной деятельностью// Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 1. – С. 63-69.
- [8] Корчагина М.В., Патрикеева А.А. Синдром профессионального выгорания преподавателей и методы его обнаружения // Социосфера. – 2025. – № 1. – С. 295-298.
- [9] Иванов Е.А. Некоторые аспекты исследования феномена профессионального выгорания преподавателей высшей школы// Человеческий

фактор: Социальный психолог. – 2025. – № 2. – С. 384-391.

[10] Ильина И.Ю. Профессиональное выгорание преподавателей вузов: факторы возникновения и способы предотвращения// Экономика. Социология. Право. – 2022. – № 3. – С. 22-27.

References:

- [1] Novazhilova T.N. Self-prevention of emotional burnout of higher education teachers in an inclusive educational space//Innovative strategies for human resource management. Collection of works of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. – Samara. – 2024. – S. 421-428.
- [2] Kayasheva O.I. The socio-psychological environment of the university as a factor in the development of emotional burnout of teachers//Human capital. – 2024. – № 1. – S. 136-147.
- [3] Bulankina N.E., Perova E.A. Topical issues of the methodology of research of professional burnout of teachers of higher education//Siberian teacher. – 2024. – № 2. – S. 5-13.
- [4] Smagulov N.K., Adilbekova A.A., Evnevich A.M. Assessment of the influence of production and psychosocial factors on the development of symptoms of emotional burnout of university teachers// Modern technologies and scientific and technological progress. – 2022. – № 1. – S. 212-220.
- [5] Burykina M.Yu., Danilova T.V., Komarova S.V. Professional burnout of university teachers and strategies for overcoming it in Russian universities// Education management: theory and practice. – 2024. – № 1. – S. 212-220.
- [6] Ivanova E.A., Lychagina S.V., Dmitrieva N.G. Professional burnout of a teacher of higher education//Actual problems of physical and special training of power structures. – 2023. – № 3. – S. 248-251.
- [7] E.A. Samsonova. Professional burnout of university teachers as a result of destructive management of educational activities//Society: sociology, psychology, pedagogy. – 2022. – № 1. – S. 63-69.
- [8] Korchagina M.V., Patrikeeva A.A. Professional burnout syndrome of teachers and methods for its detection//Sociosphere. – 2025. – № 1. – S. 295-298.
- [9] Ivanov E.A. Some aspects of the study of the phenomenon of professional burnout of teachers of higher education//Human factor: Social psychologist. – 2025. – № 2. – S. 384-391.
- [10] Ilyina I.Yu. Professional burnout of university teachers: factors of occurrence and methods of prevention//Economics. Sociology. Right. – 2022. – № 3. – S. 22-27.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-673-679

БОНДАРЕВА Елена Владимировна,
кандидат технических наук,
доцент кафедры информационных технологий и математики,
Сочинский государственный университет,
e-mail: bondareva_05@mail.ru

ПРЕПОДАВАНИЕ КУРСА «ГИДРОЛОГИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ»: АЛГОРИТМ РАСЧЕТА СКОРОСТИ ВЕТРА НАД АКВАТОРИЕЙ МОРЯ

Аннотация. В данной статье выстроен четкий алгоритм по расчету скоростей ветра и выяснено влияние исходных данных по повторяемости ветра на значение расчетных скоростей ветра. Как правило, исходные ветровые данные берутся либо из справочника морского регистра, в котором вся акватория Черного моря делится на районы-квадраты, в которых определены характеристики ветра, либо из Справочника. Причем, Справочник составлен по материалам гидрометеорологических наблюдений, производившихся на берегу и в открытом море. Характеристика климатических условий открытого моря даны на основе материалов наблюдений экспедиционных, транспортных и рыболовецких судов. Обработка судовых наблюдений осуществлялась по одноградусным квадратам, а в прибрежных районах — по частям квадратов, ограниченными соответствующими отрезками параллелей и меридианов и береговой чертой. Приведенные в Справочнике средние месячные величины метеорологических элементов по квадратам моря получены в результате осреднения данных судовых наблюдений либо сняты с синоптических карт. Поскольку скорости ветра над акваторией моря необходимы при вычислении параметров ветровых волн, то в соответствии с нормативной документацией, скорости ветра определены заданной повторяемостью.

Ключевые слова: Черное море, скорость ветра, повторяемость ветра, продолжительность ветра.

BONDAREVA Elena Vladimirovna,
Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor of the Department of Information
Technologies and Mathematics,
Sochi State University

TEACHING THE COURSE “HYDROLOGY IN HIGHER EDUCATION”: ALGORITHM FOR CALCULATING WIND SPEED OVER SEA

Annotation. In this article, a clear algorithm for calculating wind speeds is presented, and the influence of the initial data on wind recurrence on the calculated wind speeds is investigated. As a rule, the initial wind data is taken either from the Maritime Register Handbook, which divides the entire Black Sea into square regions with wind characteristics, or from the Handbook. Moreover, the Handbook is based on hydrometeorological observations conducted on the coast and in the open sea. The characteristics of the open sea climate are based on observations from expedition, transport, and fishing vessels. Ship observations were processed by one-degree squares, and in coastal areas, by parts of squares bounded by the corresponding segments of parallels and meridians and the coastline. The average monthly values of meteorological elements by sea squares in the Handbook were obtained by averaging ship observations.

Key words: Black Sea, wind speed, wind frequency, wind duration.

Данные по скорости ветра используются при определении параметров ветровых волн, которые в свою очередь учитываются при проектировании гидротехнических

сооружений, оказывающих на них воздействие. В зависимости от класса капитальности гидротехнического сооружения определяется повторяемость штормов в заданное число лет.

В данной статье определим пошаговый алгоритм вычисления скоростей ветра по методике, рассмотренной в [1], с выделением исходных данных и выясним влияние исходных данных по ветровому режиму на значения расчетных скоростей ветра. Для этого сначала на основе данных по ветровому режиму из [2] рассмотрим определение характеристик ветра согласно указанной

методике в [1] для города Анапы, расположенном во 2 квадрате Чёрного моря, а затем по [4]. Необходимо отметить, что в статье [1] рассматривалось определение скоростей ветра, повторяемость 1 раз в 25 лет, для 1 квадрата Черного моря.

На рисунке 1 представлена схема расположения исследуемого квадрата Черного моря.

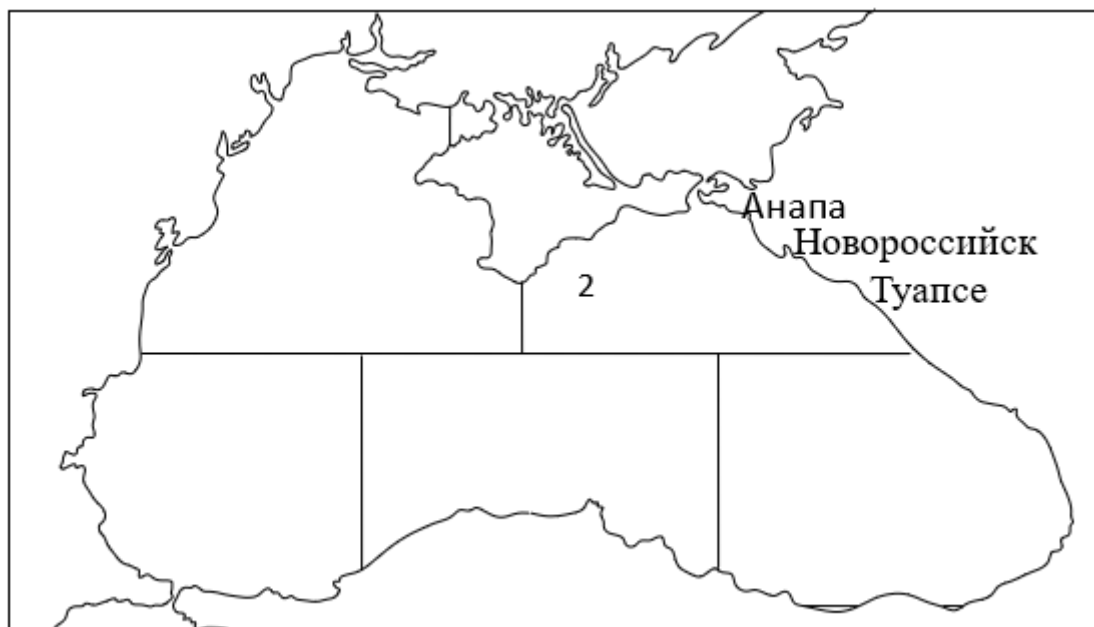

Рисунок 1. Схема расположения исследуемого района Черного моря

В качестве исходных данных для исследуемого участка акватории используются:

- продолжительность штормов, осредненная за год, представленная в таблице 1;
- данные по ветровому режиму за год, приведенные в таблице 2.

- класс проектируемого гидротехнического сооружения (ГС);
- количество дней навигационного периода: для рассматриваемого второго квадрата Черного моря – 365 дней:

Таблица 1. Продолжительность штормов, осредненная за год (часы)

V (м/с)	Продолжительность (сутки)	Продолжительность (часы)
5	1,44	34,6
10	0,65	15,6
15	0,42	10
20	0,30	7,2
25	0,24	5,8

Таблица 2. Повторяемость скоростей ветра за год, %

Градации скорости ветра, м/с	Направление ветра, румбы								
	С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ	Сумма
0-4	3,9	4,1	2,7	1,9	2,4	3,3	3,9	3,7	25,9
4-8	5,2	6,3	3,6	2,2	3	4,9	5,8	4,9	35,9
8-12	3,3	5,1	2,3	1	1,8	4	4,2	3,2	24,9
12-16	1,1	2,5	0,8	0,2	0,5	1,9	1,7	1,3	10,0
16-20	0,2	0,8	0,2	0,02	0,1	0,5	0,5	0,3	2,62
20-24	0,02	0,2	0,03	-	0,01	0,09	0,07	0,04	0,46
≥ 24	+	0,02	+	-	+	+	+	+	0,02
Сумма	13,7	19,1	9,6	5,32	7,81	14,69	16,3	13,5	100
Pw – повторяемость волноопасного направления ветра в долях единицы									
Pw	0,137	0,190	0,096	0,053	0,078	0,147	0,162	0,134	

На рисунке 2 представлена роза ветров, построенная на основе таблицы 2.

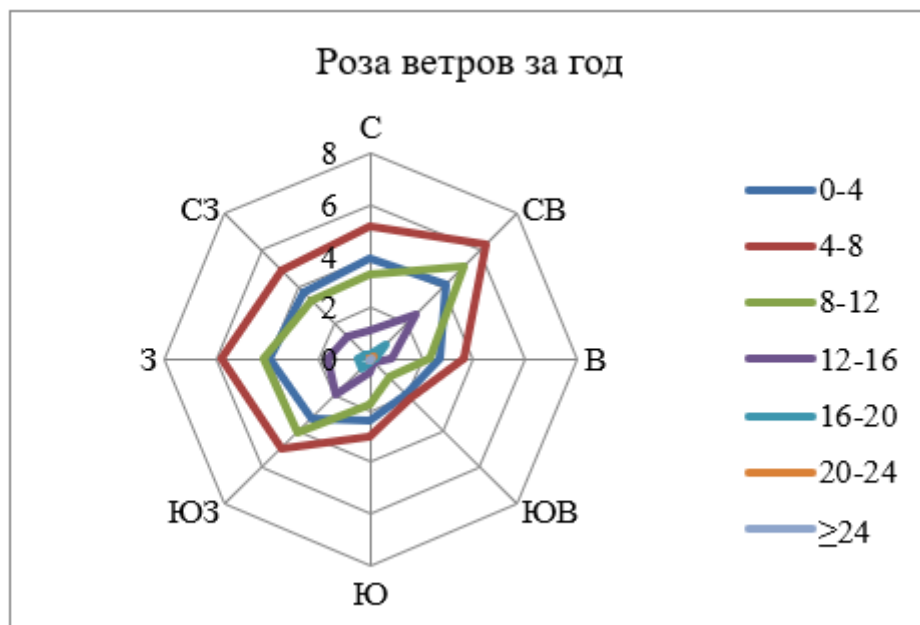

Рисунок 2. Роза ветров за год

Далее, для основных волноопасных направлений:

- по данным таблицы 2, согласно указанной методике в [1] рассчитывается обеспеченность скоростей ветра в исследуемом районе, которая приведена в таблице 3;
- используя данные таблицы 3 вычисляется обеспеченность ветра по градациям скорости каждого направления, приведенная в таблице 4.
- используя данные таблицы 4, строятся режимные функции распределения скоростей ветра по каждому волноопасному направлению, представленные на рисунке 3;
- на основе данных по непрерывной продолжительности штормов, повторяемости вол-

ноопасного направления ветра, и данных по продолжительности навигационного периода, по формуле [1] определяется расчетная обеспеченность ветра, заданной повторяемостью, которая в свою очередь определяется в зависимости от класса ГС. Расчет производился для ГС 3 класса капитальности, которые в соответствии со СП 58.13330.2012 определяются на воздействие волн шторма, повторяемостью один раз в 25 лет [3];

- на основе расчётных обеспеченностей ветра и рисунка 3 определяются расчетные скорости ветра поэтапно, методом последовательных приближений (третье приближение принимается за окончательное).

Таблица 3. Повторяемость (%) скорости ветра по волноопасным направлениям

Градации скорости ветра, м/с	Направление ветра, румбы			
	ЮВ	Ю	ЮЗ	З
0-4	35,714	30,730	22,464	24,119
4-8	41,353	38,412	33,356	35,869
8-12	18,797	23,047	27,229	25,974
12-16	3,759	6,402	12,934	10,513
16-20	0,376	1,280	3,404	3,092
20-24	0,000	0,128	0,613	0,433

Таблица 4. Обеспеченность скоростей ветра (%)

Градации скорости ветра, м/с	Направление ветра, румбы			
	Юго-восточный	Южный	Юго-западный	Западный
0-4	100,000	100,000	100,000	100,000
4-8	64,286	69,270	77,536	75,881
8-12	22,932	30,858	44,180	40,012
12-16	4,135	7,810	16,950	14,038
16-20	0,376	1,408	4,016	3,525
20-24	0,000	0,128	0,613	0,433

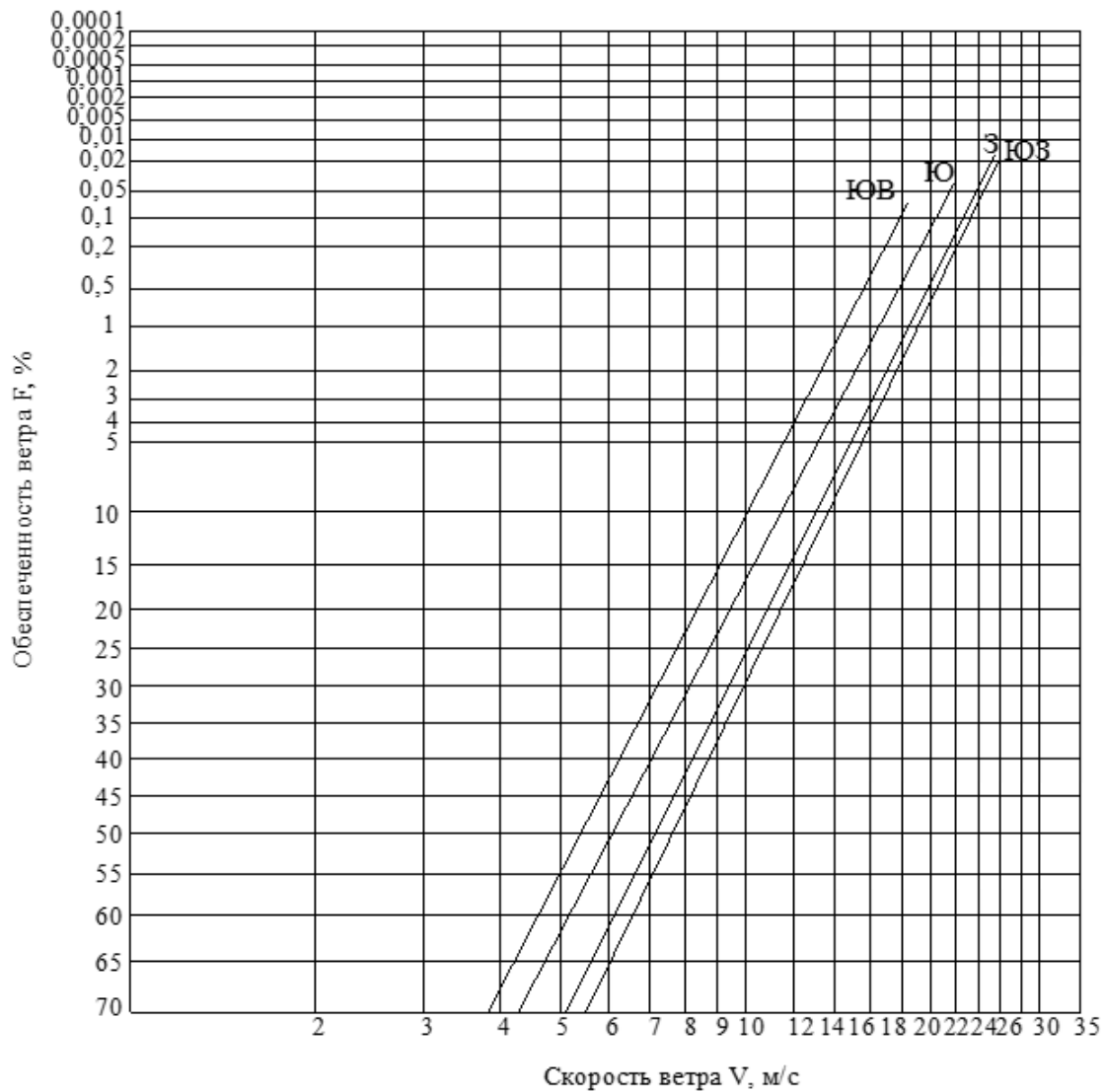

Рисунок 3. Режимные функции распределения скорости ветра

Средняя продолжительность ветра в первом приближении для морей принимается равной 12, а второе и последующие значения определяются из графика зависимости средней продолжитель-

ности штормов от скорости ветра [1], построенного по таблице 1 для данного 2 района.

Расчетные скорости ветра для 2 квадрата Черного моря приведены в таблице 6.

Таблица 5. Расчетные скорости ветра для 2 квадрата Черного моря, протяженностью от Ялты до Сочи

Румбы	t_v , час	P_w	F_n , %	V , м/с
ЮВ	8,2	0,053	0,070	18,4
Ю	6,7	0,078	0,039	21,8
ЮЗ	5,6	0,147	0,017	26,0
З	5,7	0,162	0,016	25,3

Полученный результат с использованием данных из [2] является частным ответом, который необходимо сравнить с результатом на основе многолетних измерений и обобщений, приведенными в справочнике [4]. Причем, в указанном справочнике, натурные измерения проводились с

учетом мелкого дробления моря на секторы, и поэтому сведения о характеристике ветра даны по одноградусным квадратам акватории Черного моря. Схема квадратов Черного моря представлена на рисунке 4.

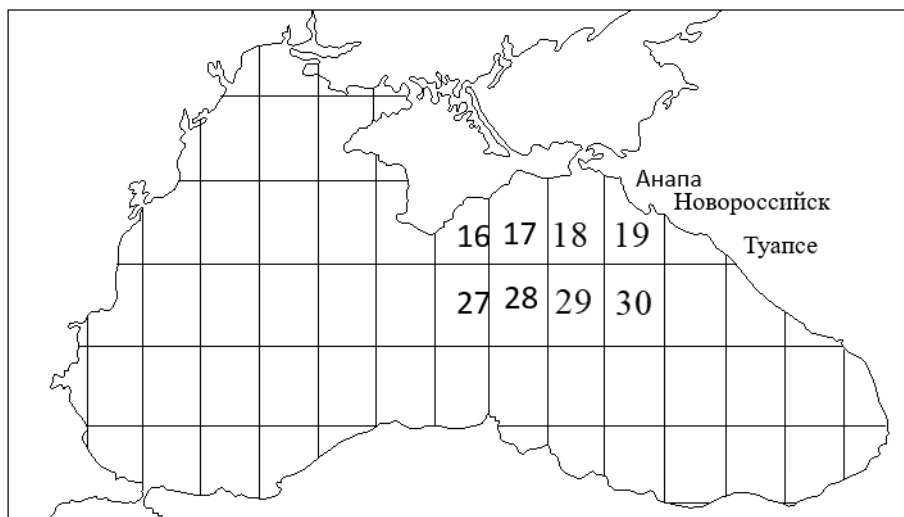

Рисунок 4. Схема квадратов открытого моря

Поскольку исследуемым участком берега является г. Анапа, то в качестве исходных данных из Справочника [4] рассмотрим данные по повторяемости ветра, указанные в нескольких квадратах, прилегающих к рассматриваемому участку берега: 18, 19, 29 и 30.

В таблице 6 приведена осредненная по указанному четырем квадратам открытого моря повторяемость ветра (%) по основным волноопасным направлениям.

Таблица 6. Осредненная по четырем квадратам открытого моря повторяемость ветра (%) по основным волноопасным направлениям

Градации скорости ветра, м/с	Направление ветра, румбы			
	ЮВ	Ю	ЮЗ	З
1-5	6,725	5,278	6,068	5,815
6-9	3,693	2,965	3,063	3,328
10-15	1,575	0,968	1,655	1,313
16-20	0,120	0,093	0,360	0,193
21-25	0,000	0,000	0,028	0,043
Сумма	12,113	9,303	11,173	10,690
Pw– в долях единицы	0,121	0,093	0,112	0,107

Согласно приведенному выше алгоритму и методики [1] по данным таблицы 6 по каждому волноопасному направлению выполнен расчет по грациям повторяемости скорости ветра, вычислена обеспеченность ветра по грациям скорости, построены режимные функции распределения скоростей ветра, вычислены расчетные обеспеченности и скорости ветра в первом приближе-

нии, во втором приближении и в третьем приближении с учетом средней продолжительности ветра в каждом приближении.

В таблице 7 представлены значения по продолжительности ветра, обеспеченность ветра и скорость ветра в третьем приближении, которое принимается за окончательное.

Таблица 7. Расчетные скорости ветра над акваторией моря, повторяемостью 1 раз в 25 лет

Румбы	t, час	Pw	Fn, %	Vn, м/с
ЮВ	6,7	0,121	0,025	21,7
Ю	6,8	0,093	0,034	21,6
ЮЗ	5,5	0,112	0,023	26,4
З	5,6	0,107	0,024	26,1

Таким образом, расчетные скорости ветра, определенные на основе данных из [2] и [4] отличаются, что обусловлено крупностью дробления акватории моря на участки, в которых проводились измерения. В данном случае рассматривался весь второй район Черного моря. Если же стоит задача о определении скорости ветра над акваторией определенного участка берега, то надо использовать исходные данные по повторяемости ветра в квадратах, которые прилегают к рассматриваемому участку берега или использовать усредненные расчетные скорости ветра.

Список литературы:

- [1] Бондарева Е.В. Методика расчета скорости распространения волн на черноморском побережье при преподавании курса «Гидрологии» в высшей школе для строительных специальностей // Вестник ГГУ. 2023. № 1. С. 110-117
- [2] Российский морской регистр судоходства «Справочные данные по режиму ветра и волнения Балтийского, Северного, Черного, Азовского и Средиземного морей», С-Пб, 2006. 450с.

- [3] СП 38.13330.2018 «Нагрузки и воздействия на гидротехнические сооружения (волновые, ледовые и от судов)». Актуализированная редакция СНиП 2.06.04-82*. М., 2019.

- [4] Справочник по климату Черного моря. Гидрометеиздат, М., 1974. 406 с.

References:

- [1] Bondareva E.V. Methodology for calculating the speed of wave propagation on the Black Sea coast when teaching the course "Hydrology" at a higher school for construction specialties//Vestnik GGU. 2023. № 1. S. 110-117
- [2] Russian Maritime Register of Shipping "Reference Data on Wind and Wave Conditions of the Baltic, North, Black, Azov and Mediterranean Seas," S-Pb, 2006. 450s.
- [3] SP 38.13330.2018 "Loads and impacts on hydraulic structures (wave, ice and from vessels)." Updated revision of SNiP 2.06.04-82 *. M., 2019.
- [4] Black Sea Climate Handbook. Hydrometeoizdat, M., 1974. 406 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-680-691

ПОРОДЕНКО Валерий Анатольевич,
доктор медицинских наук, профессор,
заведующий кафедрой судебной медицины,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
e-mail: porodenko52@mail.ru

ТРАВЕНКО Елена Николаевна,
доктор медицинских наук, профессор кафедры судебной медицины,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
e-mail: elenaschon@yandex.ru

ЛОМАКИНА Галина Владимировна,
кандидат медицинских наук,
ассистент кафедры психиатрии ФПК и ППС,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
e-mail: lomakinagalina585@gmail.com.

БЫСТРОВА Елена Ивановна,
кандидат медицинских наук, доцент кафедры судебной медицины
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
e-mail: biz39@yandex.ru

ИЛЬИНА Анна Владимировна,
ассистент кафедры судебной медицины
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
e-mail: q1213@yandex.ru

ВОПРОСЫ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ КАК АСПЕКТ МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Аннотация. Актуальность исследования определена высокой степенью значимости профилактики семейно-бытового насилия для сохранения общественного здоровья и низкой вовлеченностью медицинских работников в сферу профилактики. Целью работы явились анализ литературы по обозначенной проблеме, проведение опроса будущих врачей, разработка учебного модуля по профилактике семейного насилия. Исследования проводились путем описательного анализа и эмпирическим методом анкетирования. Изучением публикаций из различных отраслей науки выявлено: во-первых, правовые нормы защиты регулируют последствия семейного насилия, но не его профилактику; во-вторых, правовой подготовке врачей к работе с жертвами домашнего насилия уделяется недостаточное внимание. Проведенный нами опрос установил наличие диссонанса между озабоченностью исследователей нарастанием уровня семейного насилия в обществе и низким уровнем признания будущими врачами этого фактора как препятствия к созданию семьи. В то же время выделение специфических признаков семейного насилия (особенно при подготовке ординаторов) позволяет использовать их правоохранительным органам в практике защиты пострадавших. Результаты исследования легли в основу разработки модуля «Профилактика семейно-бытовых правонарушений в сфере медицины» при изучении таких дисциплин додипломной подготовки как «Судебная медицина», «Административно-правовое регули-

рование медицинской деятельности» и последипломной подготовки - «Общая и частная психиатрия». Авторы приходят к выводу, что темы профилактики семейного насилия должны быть включены в программы обучения, переподготовки и повышения квалификации врачей всех специализаций как необходимый компонент формирования правовой компетентности и воспитания.

Ключевые слова: семья, насилие, правовая защита, профилактика насилия, подготовка врачей.

PORODENKO Valery Anatolyevich,
Doctor of Medical Sciences, Professor,
Head of the Department of Forensic Medicine,
Kuban State Medical University
of the Ministry of Health of the Russian Federation

TRAVENKO Elena Nikolaevna,
Doctor of Medical Sciences,
Professor of the Department of Forensic Medicine,
Kuban State Medical University
of the Ministry of Health of the Russian Federation

LOMAKINA Galina Vladimirovna,
Candidate of Medical Sciences,
Assistant of the Department of Psychiatry
of the Faculty of Psychiatry and Teaching Staff,
Kuban State Medical University of the
Ministry of Health of the Russian Federation

BYSTROVA Elena Ivanovna,
Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor of the Department of Forensic Medicine
Kuban State Medical University
of the Ministry of Health of the Russian Federation

ILINA Anna Vladimirovna,
Assistant Professor of the Department of Forensic Medicine
Kuban State Medical University of the
Ministry of Health of the Russian Federation

FAMILY AND DOMESTIC VIOLENCE ISSUES AS AN ASPECT OF MEDICAL EDUCATION AND UPBRINGING

Annotation. The relevance of the study is determined by the high degree of importance of the prevention of domestic violence for the preservation of public health and the low involvement of medical professionals in the field of prevention. The purpose of the work was to analyze the literature on this problem, conduct a survey of future doctors, and develop a training module on the prevention of domestic violence. The research was conducted through descriptive analysis and empirical questionnaire method. The study of publications from various branches of science revealed: firstly, the legal norms of protection regulate the consequences of domestic violence, but not its prevention; secondly, insufficient attention is paid to the legal training of doctors to work with victims of domestic violence. Our survey revealed the existence of a dissonance between researchers' concern about the increasing level of family violence in society and the low level of recognition by future doctors of this factor as an obstacle to starting a family. At the same time, identifying specific signs of domestic violence (especially during the training of residents) allows law enforcement agencies to use them in the practice of protecting victims. The results of the study formed the basis for the development of the module "Prevention of family and domestic offenses in the field of medicine" in the study of such

disciplines of pre-graduate training as "Forensic medicine", "Administrative and legal regulation of medical activities" and postgraduate training - "General and private psychiatry". The authors conclude that the prevention of family violence should be included in the training, retraining and advanced training programs for doctors of all specialties as a necessary component of the formation of legal competence and education.

Key words: family, violence, legal protection, prevention of violence, training of doctors.

В настоящее время насилие в семье считается острой проблемой во всем мире [11; 30; 38]. В 2023 году МВД России зарегистрировано более 400 тысяч случаев насилия в семьях [29]. Во многих странах существует законодательная база и определенная методология выявления и профилактики домашнего насилия [5]. В России правовые нормы, в основном, регулируют последствия семейного насилия, то есть профилактика в этом случае является вторичной или третичной, что недостаточно эффективно [15]. Жертвы семейного насилия во многих случаях вынуждены обращаться за медицинской помощью в медицинские организации, которые обязаны сообщать об этом в правоохранительные органы. В работе А.В. Равнюшкина и А.О. Дрозд [28] в качестве одного из барьеров, препятствующих раскрытию информации о фактах семейного насилия в организациях здравоохранения, указывалась «неготовность значительного количества медицинских работников к приему информации от жертв семейного насилия о фактах такого насилия».

Подготовка врачей в контексте обозначенной проблемы является актуальной задачей высшего медицинского образования.

Целью и задачами работы явились обобщение и анализ результатов научных публикаций о домашнем насилии, об особенностях его выявления и профилактики; проведение исследования по выявлению отношения будущих врачей к семейному насилию как причины снижения количества браков и понимания термина «семейное насилие»; разработка модуля «Профилактика семейно-бытовых правонарушений в сфере медицины» в программах дисциплин «Судебная медицина», «Административно-правовое регулирование медицинской деятельности» и в программе подготовки ординаторов-психиатров «Общая и частная психиатрия».

Материалы и методы. Применялись теоретические и эмпирические методы: в ходе исследования проводилось изучение доступных публикаций и анализ данных анкетирования по вопросам, связанным с национальным проектом «Семья». В опросе приняли участие студенты КубГМУ 1, 3, 4 и 6 курсов лечебного факультета (267 чел.), всех курсов педиатрического факультета (607 чел.), 1 курса стоматологического факультета (204 чел.), всех курсов медико-профилактического факуль-

тета (103 чел.), 3, 4 и 5 курсов фармацевтического факультета (65 чел.), врачи-ординаторы кафедры психиатрии ФПК и ППС КубГМУ (31 чел.). Всего в онлайн-опросе участвовали 1277 респондентов.

Респондентам предлагалось два задания: выбрать из предложенных пяти вариантов причину, по которой снижается количество заключенных семейных союзов и также из пяти вариантов выбрать определение понятия «семейное насилие», заимствованных из пяти различных источников.

Семейное (домашнее) насилие считается актуальной проблемой общественного здоровья в России и во всем мире, особенно обострившейся в период пандемии COVID-19 [6; 20; 22; 47]. Проблему активно обсуждают специалисты разных областей общественной жизни. Юристы анализируют статистику преступлений, связанных с домашним насилием [12; 25; 33]. Действующее семейное законодательство и семейно-правовые акты отмечают, что домашнее насилие очень сильно коррелирует со злоупотреблением винным и/или потерпевшим алкоголем, подчеркивают увеличение в последние годы числа россиян, отметивших применение по отношению к себе нефизических видов насилия в семье [32; 39; 43].

Специалисты в области здравоохранения рассматривают медицинские аспекты насилия в семье и подчеркивают важную роль врачей, и, в частности, судебно-медицинских экспертов танатологических отделений и отделений экспертизы живых лиц. Судебные медики акцентируют внимание на необходимости привлечения специалистов клинического профиля с целью комиссионного обследования при экспертизах в отношении детей, пострадавших от насилия [10; 21; 31]. Врачи Центра по предотвращению насилия в семье Королевской женской больницы в Парквилл (Австралия) Kelsey Hegarty и L. Tarzia (2019) представили данные о выявлении случаев домашнего и сексуального насилия в рамках оказания первичной медико-санитарной помощи лицам, совершившим насилие, и их жертвам [46]. Психологи и психиатры озабочены психическим здоровьем лиц, перенесших домашнее насилие, и необходимостью формирования у них психологической устойчивости [8; 9; 13].

Насилие в отношении женщин, жестокое обращение с детьми некоторые зарубежные авторы считают глобальными эпидемиями с дол-

госрочными последствиями для здоровья [45]. Доктор медицины, научный сотрудник медицинского университета штата Нью-Йорк Alicia R. Pekarsky в справочнике «MSD Manuals» публикует обзор по жестокому обращению с детьми, в котором указывает на медицинские учреждения, где жертвы насилия подвергаются ненужным и вредным исследованиям, тестам, процедурам и операциям [44].

В отечественной литературе проблемы насилия рассматриваются, в основном, в отношении женщин и девочек и не только в семье [35; 36]. Особенно много работ в сфере предупреждения преступлений в школе, семьях школьников [15; 16]. Председатель Следственного комитета России А.И. Бастрыкин в интервью ТАСС сообщил, что в 2024 году было расследовано более 21 тыс. преступлений против детей, в результате которых погибли 1082 несовершеннолетних, что на 10% больше, чем в 2023 году [4].

Проявления агрессии по отношению к членам семьи различные авторы называют насилием бытовым, домашним, семейным, семейно-бытовым [2; 17]. Однако в правовом поле эти понятия отсутствуют, что ведет к неоднозначному их использованию на практике [32].

В 2022 г. Председатель Правительства Российской Федерации М.В. Мишустин утвердил Национальную Стратегию действий в интересах женщин [18]. Оценивая положение женщин в стране, Национальная Стратегия касается и социального неблагополучия, которое охватывает, наряду с широким спектром жизненных ситуаций, также и насилие в отношении женщин. В Стратегии употребляются термины в отношении женщин в ситуации «социального неблагополучия и насилия», подвергнувшись «домашнему насилию», «жестокому обращению»; планируется «совершенствование законодательства Российской Федерации» по предупреждению насилия в семье.

Следует отметить, что в российском законодательстве нет четкого определения не только семейного насилия, но даже самого понятия «насилие», хотя в Уголовном Кодексе РФ оно встречается в 49 статьях Особенной части [1; 40]. Бытовых агрессоров, как и других нарушителей, наказывают административно или уголовно — за рецидивы побоев, истязание, причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью и смерть жертвы. В статье 6.1.1 КоАП РФ предусмотрена ответственность за «нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль», то есть, в понятие «побои» можно отнести только действия, причинившие физическую боль, а понятие «иных насильственных действий» законодатель не уточняет [19]. Статья 116.1 УК РФ «Нанесение побоев лицом,

подвергнутому административному наказанию или имеющим судимость» Конституционным судом 08.04.2021 г. была объявлена не соответствующей Конституции [24]. Вместе с тем, многие юристы указывают на отсутствие в законодательстве эффективных мер по защите пострадавших от семейного насилия [3].

В странах, где есть соответствующие законы, под понятие семейного насилия подпадают любые действия против воли жертвы, если их применяет член семьи, сожитель или сексуальный партнёр [37]. Так, в Китайской Народной Республике в 2016 году вступил в силу «Закон о борьбе с бытовым насилием» [7].

На суд общественности несколько лет назад был вынесен Проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» [27]. Необходимость принятия закона эксперты обосновывали отсутствием в России комплексного подхода к предупреждению домашнего насилия и защите пострадавших от него. Однако противники принятия Закона выдвинули весомые аргументы юридической безграмотности его авторов. К примеру: в Проекте... семейно-бытовое насилие определяется как «умышленное деяние, ... не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления». То есть, «деяние», которое не является правонарушением. В действительности термин «деяние» в правовой доктрине является необходимым элементом в составе правонарушения [23; 42]. Закон не принят по причине, как утверждают эксперты, несоответствия юридическим нормам и национальным семейным ценностям, то есть, вопрос об определении понятия насилия и семейного или домашнего насилия является до сих пор дискуссионным и ждет законодательного урегулирования.

Анализ изученной литературы показывает, что если в системе школьного образования профилактике семейного насилия уделено большое внимание, то вузовское образование эту проблему почти не затрагивает. Имеются только единичные публикации, касающиеся представлений студентов о семейном насилии. Так М.В. Матвеев и О.Ю. Каплун [14] психодиагностическими методами выявили доминирующий уровень доверия мифам о домашнем насилии у 50 студентов Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, и не зафиксировали значимых различий в ответах юношей и девушек. В работе И.С. Сабитовой [34] методом ассоциативного эксперимента у 177 студентов 1-5 курсов института психологии и инженерно-технологического института выявлена специфика представлений о насилии в интимно-личностных отношениях. Что касается выс-

шего медицинского образования, то в единственной обнаруженной нами работе Я.В. Ушаковой и М.В. Матюгиной [41] методом онлайн анкетирования 400 респондентов нижегородских вузов, среди которых был и медицинский университет, определили студентов, которые подвергались наказаниям в детстве. Авторы пришли к выводу, что студенты, подтверждающие факт наказания, более терпимо относятся к различным формам насилия, считают их допустимыми и чаще оправдывают агрессоров.

Медицинские работники зачастую первыми сталкиваются с физическими и психическими последствиями насилия, поэтому очевидно, что от их профессионализма и правовой грамотности во многом зависит профилактика насилия. Действует приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 24.06.2021 № 664н, согласно которому медицинские работники выступают в качестве сотрудников правоохранительных органов, так как обязаны подозревать происхождение травм, повреждений и вообще вреда здоровью в результате противоправных действий [26]. Статья 122 Семейного Кодекса РФ также обязывает врача сообщать в соответствующие органы, если ему известно, что действия или бездействия родителей создают условия, опасные для здоровья и жизни их ребёнка. Налицо дисбаланс между интересами семьи и государства, которое, соблюдая принцип невмешательства во внутрисемейные отношения граждан, не реагирует правовыми средствами на сигналы о домашнем насилии и нарушениях прав членов семьи до тех пор, пока насилие не приводит к уголовным или административным последствиям.

Поскольку врачи и другие медицинские работники непосредственно сталкиваются с последствиями семейно-бытового насилия, на наш взгляд, целесообразно включение в про-

граммы обучения вопросов, связанных с семейным неблагополучием с последствиями в виде вреда здоровью.

Результаты и их обсуждение. Таким образом, анализ литературы показывает, что на настоящий момент в нашей стране нет четкого понятия «семейного насилия», слабо проработаны вопросы обучения врачей и их роль в эффективном механизме по противодействию и предотвращению распространения домашнего насилия. Результаты проведенного нами опроса участников исследования представлены в *таблицах 1 и 2*.

Основными причинами, по которым снижается количество зарегистрированных браков (таблица 1) респонденты считают рост пробных браков и сознательный выбор одиночества, причем у юношей лечебного факультета на первом месте стоит сознательный выбор одиночества, а у девушек почти в равной степени и одиночество, и пробные браки. Подавляющее большинство юношей и больше половины девушек педиатрического, стоматологического и медико-профилактического факультетов винят пробные браки. Более трети юношей и девушек фармацевтического факультета солидарны в равной степени с основной причиной в виде роста количества пробных браков. Врачи-ординаторы единодушно на первое места ставят сознательно выбранное одиночество. Немногим более 20% юношей фармацевтического факультета указали причиной патриархальные семейные устои.

Показательно, что страх семейного насилия волнует только около 20% девушек лечебного и юношей стоматологического факультетов, остальные респонденты этой причиной не озабочены.

Определения понятия «семейное насилие», представленные в таблице 2, заимствованы из разных источников.

Таблица 1. Точка зрения на причины снижения количества заключаемых браков

Процентное соотношение М/Ж	Какие причины, на Ваш взгляд, снижают количество заключенных семейных союзов				
	1. Рост так называемых пробных браков	2. Увеличение возраста создания семьи и для мужчин, и для женщин	3. Распространение одиночества как сознательно выбранной траектории жизни	4. Патриархальные семейные устои	5. Страх семейного насилия
Лечебный 1,3,4 и 6 курс: 267 студ. (М – 50, Ж – 217)					
М/Ж %	32,0/22,1	14,0/13,8	42,0/27,2	6,0/13,4	6,0/23,5
Педиатрический факультет 6 курс: 41 студ. (М – 7, Ж – 34)					

М/Ж %	85,7/58,8	0/5,9	14,3/29,5	0/2,9	0/2,9
Стоматологический факультет 5 курс: 130 студ. (М – 42, Ж – 88)					
М/Ж %	51,3/48,3	9,8/12,6	14,6/26,4	2,4/2,3	21,9/10,4
Медико-профилактический факультет 1-6 курс: 103 студ. (М – 14, Ж – 89)					
М/Ж %	78,6/42,7	0/3,4	14,3/41,6	7,1/6,7	0/5,6
Фармацевтический факультет 2,3,4,5 курсы (М – 9, Ж – 56)					
М/Ж %	44,5/42,9	0/0	22,2/30,4	22,2/14,2	11,1/12,5
Кафедра психиатрии ФПК и ППС. Врачи-ординаторы 1-й год обучения: 31 чел. (М – 10, Ж – 21)					
М/Ж %	40,0/33,3	0/0	50,0/52,4	0/9,5	10,0/4,8
Всего 1277 чел.					

Анализ полученных данных позволяет констатировать, что студенты отдают предпочтение первому и третьему определению почти в равных долях (около 40%), причем среди них больше юношей. Ординаторы в большей степени (52%) считают насилием в семье не только физическую агрессию, но и сексуальное, психологическое или экономическое давление. С тем, что это механизм подчинения женщин мужчинам единогласно не согласны будущие психиатры и фармацевты, а согласны единицы респондентов остальных факультетов, причем только девушки первых курсов. Остальные определения нашли небольшое число сторонников, преимущественно среди студентов.

Полученные результаты опроса показали наличие диссонанса между озабоченностью

исследователей нарастанием уровня семейного насилия в обществе и низким уровнем признания будущими врачами этого фактора как препятствия к созданию семьи. Исследование определяет необходимость акцента в обучении врачей на значении медицинских данных (признаков насилия) и правилах их фиксации для использования правоохранительными органами в практике защиты пострадавших.

Считаем целесообразным внедрение модуля «Профилактика семейно-бытовых правонарушений в сфере медицины» в программу дисциплин додипломной подготовки врачей «Судебная медицина», «Административно-правовое регулирование медицинской деятельности» и последипломной подготовки ординаторов-психиатров «Общая и частная психиатрия».

Таблица 2. Точка зрения на суть содержания термина «семейное насилие» будущими врачами.

Процентное соотношение М/Ж	Понятие семейного насилия:				
	1. Агрессивное поведение, применение силы или власти по отношению к человеку, совершённое близкими людьми	2. Главный социальный механизм подчинения женщин мужчинам	3. Физическое, сексуальное, психологическое или экономическое давление в семье	4. Давление или воздействие на близких с целью обретения над ними власти и контроля	5. Любое насилие, совершенное по отношению к женщинам и детям
Лечебный 1,3,4 и 6 курс: 267 студ. (М – 50, Ж – 217)					
М/Ж %	62,0/40,1	0/1,8	22,0/46,1	4,0/4,6	12,0/7,4

Педиатрический факультет 1-6 курс: 607 студ. (М – 112, Ж – 495)					
М/Ж %	51,7/43,2	0/0,8	33,1/40,0	7,1/5,5	2,7/10,5
Стоматологический факультет 1 курс: 204 студ. (М – 70, Ж – 134)					
М/Ж %	44,3/34,3	0/1,5	30,0/43,3	14,3/5,2	11,4/15,7
Медико-профилактический факультет 1-6 курс: 103 студ. (М – 14, Ж – 89)					
М/Ж %	78,6/42,7	0/3,4	14,3/41,6	7,1/6,7	0/5,6
Фармацевтический факультет 2,3,4,5 курсы: 65 студ. (М – 9, Ж – 56)					
М/Ж %	44,5/42,9	0/0	22,2/30,4	22,2/14,2	11,1/12,5
Кафедра психиатрии ФПК и ППС. Врачи-ординаторы 1-й год обучения: 31 чел. (М – 10, Ж – 21)					
М/Ж %	40,0/33,3	0/0	50,0/52,4	0/9,5	10,0/4,8
Всего 1277 чел.					

Модуль был разработан совместно кафедрой судебной медицины и кафедрой психиатрии ФПК и ППС и ориентирован на следующие темы:

1. Анализ понятия и статистика семейного насилия по данным отечественных и зарубежных источников.
2. Характеристика жертв насилия, преимущественно женщин и детей. Последствия для физического и психического здоровья.
3. Защита пострадавших от семейного насилия правовыми средствами. Анализ административных и уголовных наказаний.
4. Проблемы профилактики семейного неблагополучия.
5. Изучение медицинского законодательства по обязанностям медицинских организаций. Проблемы между обязанностью врача по сохранению врачебной тайны и обязанностью ее разглашения в определенных законом случаях.
6. Акцент на значении медицинских данных и правилах их фиксации для использования правоохранительными органами в практике защиты пострадавших.
7. Особенности судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы потерпевших от семейного насилия.

Заключение.

Необходимость ликвидации и профилактики насилия в семье доказывается многими российскими и зарубежными исследователями данной проблемы. С физическими и психическими последствиями насилия в первую очередь сталкиваются медицинские работники, от профессионализма и настороженности которых во многом зависит защита пострадавших и профилактика насилия. Врачам отводится важная роль в целенаправленном активном распознавании возможных случаев домашнего насилия при оказании медицинской помощи. Изучение будущими врачами модуля «Профилактика семейно-бытовых правонарушений в сфере медицины» преследует также воспитательные цели, так как позволяет акцентировать внимание не только на правовых, судебно-медицинских и психиатрических показателях, но и на нравственно-этических аспектах таких негативных бытовых явлений, как насилие в его различных формах. Включение в образовательные медицинские программы вопросов диагностики нарушений не только физического и психического здоровья, а также источников их происхождения, имеющих насильственный характер, даже если пострадавшие их скрывают или не осознают, имеет огромное значение для сохранения общественного здоровья и профилактики семейно-бытового насилия.

Список литературы:

- [1] Арманшина К. С. Понятие «насилие» в уголовном праве Российской Федерации // Молодой ученый. 2020. № 40(330). С. 89-91.
- [2] Бадамшин И.Д., Набиев Ф.Ф. Семейно-бытовое насилие понятие виды, причины // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 10. С. 70.
- [3] Батюкова В.Е. Противодействие домашнему насилию уголовно-правовыми средствами // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 3. С. 32-38.
- [4] Бастрыкин назвал число детей, пострадавших от насилия в 2024 году // Доступ по ссылке: <https://tass.ru/proisshestiya/23596135> (дата обращения: 2.10.2025).
- [5] Джалилов А. Причины и последствия бытового насилия в семье // Международный научный журнал «Символ науки». 2022. № 3-2. С. 68.
- [6] Домашнее насилие в условиях COVID-19 в России. Доклад семи организаций по защите прав женщин. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.asi.org.ru/wp-content/uploads/2020/07/Doklad-o-domashnem-nasiliiusloviyah-COVID-19-v-Rossii-2020-god.pdf> (дата обращения: 20.09.2025).
- [7] Закон о борьбе с бытовым насилием Китая. [Электронный ресурс] // URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinw-en/2015-12/28/content_1957457 (дата обращения: 08.08.2025).
- [8] Качаева М.А., Дозорцева Е.Г., Нуцкова Е.В. Отсроченные последствия пережитого домашнего насилия у женщин и девочек // Психология и право. 2017(7). № 3. С. 110-126.
- [9] Кекелидзе З. И., Качаева М. А., Харитонов Н. К., Васянина В. И., Шишкина О. А., Скинба Н. В., Назарова Л. Н. Медицинские аспекты проблемы домашнего насилия в отношении женщин и девочек (обзор литературы). Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2019. №27(5). С. 936—939. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2019-27-5-936-939> (дата обращения: 01.09.2025).
- [10] Ковалев А.В., Козлова Т.П. Комплексный подход к проведению судебно-медицинских экспертиз в отношении несовершеннолетних в случаях травм, подозрительных на насильственные действия. Судебно-медицинская экспертиза. 2017. № 60(2). С. 4-6.
- [11] Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием. CETS № 210 // Официальный сайт Совета Европы. 2011. [Электронный ресурс] URL: <https://rm.coe.int/168046253f> (дата обращения: 06.10.2025).
- [12] Кравцов А.Ю., Филимонов А.Д. Государственная семейная политика: анализ действующего законодательства и проблемные вопросы // Юридические исследования. 2023. № 3. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.3.40114EDN:QPSALH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40114 (дата обращения: 18.09.2025).
- [13] Логинов С.А. Особенности проведения судебно-психологической экспертизы по вопросам насилия в семье // Интернет-журнал «Мир науки», 2018 №3, [Электронный ресурс] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/48PSMN318.pdf> (дата обращения: 14.09.2025).
- [14] Матвеев М.В., Каплун О.Ю. Представления студенческой молодежи о семейном насилии // Society and Security Insights. 2023. Т. 6. № 3. С. 190-203.
- [15] Методические рекомендации «Профилактика насилия над детьми в семье и школе» [Электронный ресурс] URL: <https://multiurok.ru/files/metodicheskie-rekomendatsii-profilaktika-nasilii.html> (дата обращения: 2.10.2025).
- [16] Насилие в отношении детей. Работа с семьей и ребенком: монография (пособие для электронного учебно-методического комплекса). / Под ред. Дозорцевой Е.Г., Семья Г.В. М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ. - 2022. С. 16-18.
- [17] Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире // под ред. Этьенна Г. Круга и др. / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь мир». 2003. С. 5.
- [18] Национальная Стратегия действий в интересах женщин на 2023 - 2030 годы. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 г. № 4356-р // Документы - Правительство России [Электронный ресурс] URL: <http://government.ru/docs/all/145532/> (дата обращения: 18.09.2025).
- [19] Недоступенко Т.А. Содержание понятия «иные насильственные действия» в составе правонарушения, предусмотренного статьей 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Побои» // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 3. С. 85–89.
- [20] Пахомова Я.А. Пока все дома: домашнее насилие в период пандемии covid-19 // Вопросы российской юстиции. 2021. № 12. С. 373-384.
- [21] Петросян К.А., Ефимов А.А., Алексеев Ю.Д., Савенкова Е.Н., Буров В.В., Кулаева Л.В. Насилие в семье: судебно-медицинские аспекты // Альманах современной науки и образования. 2013. № 1 (68). С. 108-111.
- [22] Повсеместная опасность: каждая третья женщина в мире подвергается насилию [Элек-

тронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения: офиц. сайт. <https://www.who.int/ru/news/item/09-03-2021-devastatingly-pervasive-1-in-3-women-globally-experience-violence> (дата обращения: 20.09.2025).

[23] Пономарев В.Г., Рожнов А.П. «Преступление – это деяние»: возможна и нужна ли ревизия положений ч.1 ст.14 УК РФ? // М.: НИИ ИЭП. 2023. № 4. С.125-130.

[24] Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 N 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381845/ (дата обращения: 10.10.2025).

[25] Потаскаев В.В., Фоменко Е.В. Научные подходы к характеристике семейно-бытового насилия в Российской Федерации: закон и практика // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 224–238.

[26] Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 24.06.2021 № 664н «Об утверждении Порядка информирования медицинскими организациями органов внутренних дел в случаях, установленных пунктом 5 части 4 статьи 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. Приказа Минздрава РФ от 10.12.2024 N 675н). [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант» – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402537218/?ysclid=mgny0i1rp6310973899> (дата обращения: 10.10.2025).

[27] Проект Федерального закона № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия» // Совет Федерации ФС РФ: официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://council.gov.ru/> (дата обращения 18.03.2025).

[28] Равнюшкин А.В., Дрозд А.О. О барьерах и факторах, препятствующих раскрытию информации о фактах семейного насилия в организациях здравоохранения как источниках информации для полиции (опыт Великобритании) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 130–137.

[29] Равнюшкин А.В. Семейное (домашнее) насилие как межотраслевая категория научных исследований и объект административно-правового противодействия // Виктимология. 2024. Т. 11. №3. С. 460–475.

[30] Райкова К.А., Ефимов А.А., Савенкова Е.Н., Гирюк С.А., Корсак В.О. Анализ проблемы домашнего насилия и путей ее решения в совре-

менном мире // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 3. [Электронный ресурс] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31810> (дата обращения: 10.10.2025).

[31] Райкова К.А., Ефимов А.А., Савенкова Е.Н. Признаки и последствия семейного насилия над женщинами и детьми как индикаторы его выявления // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 6. [Электронный ресурс] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33117> (дата обращения: 11.10.2025).

[32] Ратникова А.Н., Пантюхина И.В. Домашнее насилие как одна из проблем российского законодательства // Актуальные исследования. 2022. №49 (128). Ч.II. С. 38-40.

[33] Решение Правительственной комиссии по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] // URL: https://www.asi.org.ru/wpcontent/uploads/2020/04/Reshenie_PKPP_ot_31032020.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

[34] Сабитова И. С. Социальные представления студенческой молодежи о насилии в интимно-личностных отношениях (на примере студентов КГУ им. К.Э. Циолковского) // Виктимология. 2024. Т. 11. №2. С. 278–288.

[35] Садыков Р.М., Большакова Н.Л. Социально-правовые основы защиты женщин, подвергшихся насилию в семье // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 4-4 (79), 2023. С.134-137.

[36] Садыков Р.М., Большакова Н.Л. Насилие в семье в новых российских реалиях: сущность, виды и причины // Вестник университета. 2022. № 8. С. 171-178.

[37] Свидерская А.Ю. Анализ Стамбульской конвенции в аспекте предупреждения сексуального насилия // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 116–124.

[38] Сланова А.Ю., Кабулашвили К.М. Домашнее насилие как социальная проблема в современном российском обществе // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2021 №1, [Электронный ресурс] URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/20SCSK121.pdf>. (дата обращения: 10.10.2025).

[39] Тихонов А. Н. Семейно-правовые акты как юридические факты // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 2. С. 41–47.

[40] Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс в 10 томах. Т. 1: Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Кн. 2: Цели, система и эффективность наказания / под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитформ, 2021. С. 199– 224.

[41] Ушакова Я.В, Матюгина М.В. Отношение молодежи к домашнему насилию: пережитый

опыт и будущие практики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 4 (68). С. 118–125.

[42] Ширяев А.Ю. Понятие деяния и уголовно-правовая интерпретация факта в доктрине и практике // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. №2. С. 44-54.

[43] Щепельков В.Ф., Савин С.Д., Тимошина Е.М. Домашнее насилие в Российской Федерации (состояние, проблемы криминологической оценки) // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 3. С. 232–244.

[44] Alicia R. Pekarsky. Overview of Child Maltreatment. // Pediatrics. MSD Reference Book Professional version. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.msdmanuals.com/ru/professional> (дата обращения: 2.10.2025).

[45] Carlson C, Namy S, Norcini Pala A, Wainberg ML, Michau L, Nakuti J, Knight L, Allen E, Ikenberg C, Naker D, Devries K. Violence against children and intimate partner violence against women: overlap and common contributing factors among caregiver-adolescent dyads. BMC Public Health. 2020; 20(1):124.

[46] Hegarty K., Tarzia L. Identification and Management of Domestic and Sexual Violence in Primary Care in the #MeToo Era: an Update // Curr Psychiatry Rep. 2019 Feb 8; 21(2):12.

[47] Usher K, Bhullar N, Durkin J, Gyamfi N, Jackson D. Family violence and COVID-19: Increased vulnerability and reduced options for support. Int J Ment Health Nurs. 2020; 29(4):549-552.

References:

[1] Armanshina K. S. The concept of “violence” in the criminal law of the Russian Federation//Young scientist. 2020. № 40(330). S. 89-91.

[2] Badamshin I.D., Nabiev F.F. Domestic violence the concept of types, causes//Law: retrospective and perspective. 2020. № 10. S. 70.

[3] Batyukova V.E. Countering domestic violence by criminal legal means//Bulletin of the Russian Law Academy. 2021. № 3. S. 32-38.

[4] Bastrykin named the number of children affected by violence in 2024//Access at the link: <https://tass.ru/proisshestviya/23596135> (date of contact: 2.10.2025).

[5] Jalilov A. Causes and Consequences of Domestic Violence in the Family//International Scientific Journal “Symbol of Science.” 2022. № 3-2. S. 68.

[6] Domestic violence in the context of COVID-19 in Russia. Report of seven women’s rights organizations. [Electronic resource]//URL: <https://www.asi.org.ru/wp-content/uploads/2020/07/Doklad-o-domashnem-nasiliiusloviyah-COVID-19-v-Rossii-2020-god.pdf> (access date: 20.09.2025).

[7] China Domestic Violence Act. [Electronic resource]//URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinw-en/2015-12/28/content_1957457 (access date: 08.08.2025).

[8] Kachaeva M.A., Dozortseva E.G., Nutskova E.V. Delayed consequences of experienced domestic violence in women and girls//Psychology and law. 2017(7). № 3. S. 110-126.

[9] Kekelidze Z. I., Kachaeva M.A., Kharitonova N.K., Vasyanina V.I., Shishkina O.A., Skibina N.V., Nazarova L.N. Medical aspects of the problem of domestic violence against women and girls (literature review). Problems of social hygiene, health care and medical history. 2019. №27(5). S. 936-939. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2019-27-5-936-939> (accessed on: 01.09.2025).

[10] Kovalev A.V., Kozlova T.P. Comprehensive approach to forensic medical examinations in relation to minors in cases of injuries suspicious of violent actions. Forensic medical examination. 2017. № 60(2). P. 4 6.

[11] Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence. CETS No. 210//Official website of the Council of Europe. 2011. [E-resource] URL: <https://rm.coe.int/168046253f> (access date: 06.10.2025).

[12] Kravtsov A.Yu., Filimonov A.D. State family policy: analysis of current legislation and problematic issues//Legal research. 2023. № 3. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.3.40114EDN: QPSAL-HURL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40114 (Accessed on: 18.09.2025).

[13] Loginov S.A. Features of forensic psychological examination on issues of domestic violence//Internet magazine “World of Science,” 2018 No. 3, [Electronic resource] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/48PSMN318.pdf> (date of reference: 14.09.2025).

[14] Matveenkov M.V., Kaplun O.Yu. Ideas of student youth about domestic violence//Society and Security Insights. 2023. T. 6. № 3. S. 190-203.

[15] Guidelines “Prevention of violence against children in the family and school” [Electronic resource] URL: <https://multiurok.ru/files/metodicheskie-rekomendatsii-profilaktika-nasiliiia.html> (contact date: 2.10.2025).

[16] Violence against children. Work with family and child: monograph (manual for electronic educational and methodological complex) ./Ed. Dozortseva E.G., Family G.V.

M.: Publishing House FSBEI HE MGPPU. - 2022. S. 16-18.

[17] Violence and its impact on health. Report on the situation in the world//ed. Etienne G. Krug et al ./Per. from English - M.: Publishing house “The whole world.” 2003. S. 5.

- [18] National Strategy for Women 2023-2030. Order of the Government of the Russian Federation of 29.12.2022 No. 4356-r//Documents - Government of the Russian Federation [Electronic resource] URL: <http://government.ru/docs/all/145532/> (date of reference: 18.09.2025).
- [19] Inaccessible T.A. Content of the concept of "other violent actions" as part of an offense under Article 6.1.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation "Beatings" //Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2023. № 3. S. 85-89.
- [20] Pakhomova Y.A. While everyone is at home: domestic violence during the covid-19 pandemic//Issues of Russian justice. 2021. № 12. S. 373-384.
- [21] Petrosyan K.A., Efimov A.A., Alekseev Y.D., Savenkova E.N., Burov V.V., Kulaeva L.V. Family violence: forensic aspects//Almanac of modern science and education. 2013. № 1 (68). P. 108-111.
- [22] Widespread danger: one in three women in the world is abused [Electronic resource] //World Health Organization: ofits. site. <https://www.who.int/ru/news/item/09-03-2021-devastatingly-pervasive-1-in-3-women-globally-experience-violence> (дата обращения: 20.09.2025).
- [23] Ponomarev V.G., Rozhnov A.P. "Crime is an act": is it possible and necessary to revise the provisions of part 1 of article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation ?//M.: NII IEP. 2023. № 4. P.125-130.
- [24] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 08.04.2021 N 11-P "In the case of checking the constitutionality of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen L.F. Sakova" //SPS ConsultantPlus [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381845/ (access date: 10.10.2025).
- [25] Potaskaev V.V., Fomenko E.V. Scientific approaches to the characterization of domestic violence in the Russian Federation: law and practice// Bulletin of the Russian Law Academy. 2023. № 3. S. 224-238.
- [26] Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of 24.06.2021 No. 664n "On Approval of the Procedure for Informing Medical Organizations of Internal Affairs Bodies in Cases Established by Paragraph 5 of Part 4 of Article 13 of the Federal Law "On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" (as amended by Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of 10.12.2024 No. 675n). [Electronic resource] //Information and legal portal "Garant" - Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402537218/?ysclid=mgny0i1rp6310973899> (accessed on: 10.10.2025).
- [27] Draft Federal Law No. 1183390-6 "On the Prevention of Domestic Violence" //Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: official website [Electronic resource]. Access mode: <http://council.gov.ru/> (access date 18.03.2025).
- [28] Ravnyushkin A.V., Drozd A.O. On barriers and factors preventing disclosure of facts of family violence in health care organizations as sources of information for the police (UK experience) //Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2022. № 6. S. 130-137.
- [29] A. Ravnyushkin Family (domestic) violence as an intersectoral category of scientific research and an object of administrative and legal opposition//Victimology. 2024. T. 11. №3. S. 460-475.
- [30] Raikova K.A., Efimov A.A., Savenkova E.N., Giryuk S.A., Korsak V.O. Analysis of the problem of domestic violence and ways to solve it in the modern world//Modern problems of science and education. 2022. № 3. [E-resource] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31810> (access date: 10.10.2025).
- [31] Raikova K.A., Efimov A.A., Savenkova E.N. Signs and consequences of domestic violence against women and children as indicators of its detection//Modern problems of science and education. 2023. № 6. [E-resource] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33117> (access date: 11.10.2025).
- [32] Ratnikova A.N., Pantyukhina I.V. Domestic violence as one of the problems of Russian legislation//Actual research. 2022. №49 (128). CH.II. S. 38-40.
- [33] Decision of the Government Commission on Crime Prevention [Electronic resource] //URL: https://www.asi.org.ru/wpcontent/uploads/2020/04/Reshenie_PKPP_ot_31032020.pdf (date of reference: 10.09.2025).
- [34] I. Sabitova Social ideas of student youth about violence in intimate and personal relationships (on the example of students of KSU named after K. E. Tsiolkovsky) //Victimology. 2024. T. 11. №2. S. 278-288.
- [35] Sadykov R.M., Bolshakova N.L. Social and Legal Foundations for the Protection of Women Subjected to Domestic Violence//International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 4-4 (79), 2023. P.134-137.
- [36] Sadykov R.M., Bolshakova N.L. Domestic violence in the new Russian realities: essence, types and causes//University Bulletin. 2022. № 8. S. 171-178.
- [37] Sviderskaya A.Yu. Analysis of the Istanbul Convention in terms of preventing sexual violence// Legal Bulletin of Samara University. 2022. T. 8, NO. 1. S. 116-124.

[38] Slanova A.Yu., Kabulashvili K.M. Domestic violence as a social problem in modern Russian society//World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies, 2021 No. 1, [Electronic Resource] URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/20SCSK121.pdf>. (accessed on: 10.10.2025).

[39] Tikhonov A.N. Family legal acts as legal facts//Russian law: education, practice, science. 2024. № 2. S. 41-47.

[40] Criminal law. General part. Punishment. Academic course in 10 volumes. T. 1: Concept, goals of criminal punishment. Criminal punishment system. Kn. 2: Goals, system and effectiveness of punishment/ed. N. A. Lopashenko. M.: Yurlitform, 2021. S. 199- 224.

[41] Ushakova Y. V., Matyugina M.V. The attitude of young people to domestic violence: experiences and future practices//Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2022. № 4 (68). S. 118-125.

[42] Shiryayev A.Yu. The concept of an act and the criminal legal interpretation of a fact in doctrine and practice//Electronic Appendix to the Russian Legal Journal. 2017. №2. S. 44-54.

[43] Shchepelkov V.F., Savin S.D., Timoshina E.M. Domestic violence in the Russian Federation (condition, problems of criminological assessment)// All-Russian Criminological Journal. 2024. T. 18. № 3. S. 232-244.

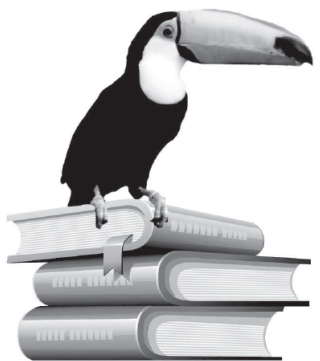
[44] Alicia R. Pekarsky. Overview of Child Maltreatment. // Pediatrics. MSD Reference Book Professional version. [Electronic resource]//URL: <https://www.msmanuals.com/ru/professional> (accessed on 2.10.2025).

[45] Carlson C, Namy S, Norcini Pala A, Wainberg ML, Michau L, Nakuti J, Knight L, Allen E, Ikenberg C, Naker D, Devries K. Violence against children and intimate partner violence against women: overlap and common contributing factors among caregiver-adolescent dyads. BMC Public Health. 2020; 20(1):124.

[46] Hegarty K., Tarzia L. Identification and Management of Domestic and Sexual Violence in Primary Care in the #MeToo Era: an Update // Curr Psychiatry Rep. 2019 Feb 8; 21(2):12.

[47] Usher K, Bhullar N, Durkin J, Gyamfi N, Jackson D. Family violence and COVID-19: Increased vulnerability and reduced options for support. Int J Ment Health Nurs. 2020; 29(4):549-552.

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-692-698

БУРМИСТРОВА Ирина Хазритовна,
кандидат технических наук,
старший преподаватель кафедры
«Государственное управление и социальные технологии»,
Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет),
e-mail: iramizova@mail.ru

СТУДНИКОВ Павел Евгеньевич,
кандидат политических наук,
доцент кафедры «История»,
доцент Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет),
e-mail: StudnikovPE@mail.ru

ЛУНЕВА Ксения Сергеевна,
студентка студент института иностранных языков
Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет),
e-mail: ksenya.lunewa@gmail.com

ИНТЕГРАЦИЯ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы и методологические особенности преподавания исторических и правоведческих дисциплин в современной высшей школе. Авторы исходят из тезиса о кризисном состоянии общественного правосознания и исторической памяти в условиях глобализации и цифровизации. Доказывается, что фрагментарное и догматическое преподавание данных предметов не отвечает вызовам времени и не способствует формированию целостного мировоззрения будущих специалистов. Цель исследования – выявить дидактический и воспитательный потенциал интеграции истории и правоведения в образовательном процессе вуза. На основе анализа педагогического опыта, нормативно-правовой базы и научной литературы предлагается модель интегрированного преподавания, основанная на компетентностном, контекстном и проблемно-ориентированном подходах. Особое внимание уделяется вопросам формирования аналитического мышления, преодоления правового нигилизма, воспитания гражданской ответственности и противодействия фальсификации истории. Делается вывод о том, что синтез исторического и правового знания создает прочный фундамент для развития системного мышления, ценностных ориентаций и профессиональной этики студентов, независимо от избранного направления подготовки.

Ключевые слова: высшее образование, методика преподавания, история права, правоведение, правосознание, гражданская идентичность, интеграция знаний, критическое мышление, образовательные стандарты, цифровизация.

BURMISTROVA Irina Khazritovna,
Candidate of Technical Sciences,
Senior Lecturer at the Department of Public
Administration and Social Technologies,
Moscow Aviation Institute (National Research University)

STUDNIKOV Pavel Evgenievich,
Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the Department of History,
Associate Professor at the
Moscow Aviation Institute (National Research University)

LUNEVA Ksenia Sergeevna,
student at the Institute of Foreign Languages,
Moscow Aviation Institute (National Research University)

INTEGRATION OF HISTORICAL AND LEGAL DISCIPLINES IN HIGHER EDUCATION AS A FACTOR IN THE FORMATION OF LEGAL AWARENESS AND CIVIC IDENTITY

Annotation. *The article discusses the current problems and methodological features of teaching historical and legal disciplines in modern higher education. The authors proceed from the thesis about the crisis state of public legal awareness and historical memory in the context of globalization and digital transformation. It is proved that the fragmentary and dogmatic teaching of these subjects does not meet the challenges of the time and does not contribute to the formation of a holistic world-view of future specialists. The purpose of the study is to identify the didactic and educational potential of integrating history and jurisprudence in the educational process of the university. Based on the analysis of pedagogical experience, the regulatory framework and scientific literature, a model of integrated teaching based on competence-based, contextual and problem-oriented approaches is proposed. Special attention is paid to the formation of critical thinking, overcoming legal nihilism, fostering civic responsibility and countering the falsification of history. It is concluded that the synthesis of historical and legal knowledge creates a solid foundation for the development of systematic thinking, value orientations and professional ethics of students, regardless of the chosen field of study.*

Key words: *higher education, teaching methods, history of law, jurisprudence, legal awareness, civic identity, integration of knowledge, critical thinking, educational standards, digitalization.*

Современная система высшего образования переживает период серьезных изменений, обусловленных как внутренними процессами реформирования, так и внешними изменениями глобального масштаба. Реформы последних десятилетий, в частности переход на двухступенчатую систему (бакалавриат/магистратура), по мнению ряда экспертов, привели к определенным дисбалансам. В некоторых случаях это выразилось в сокращении сроков фундаментальной подготовки и сужении профессионального кругозора выпускников-бакалавров. В связи с этим, а также с учетом наблюдаемой тенденции к осторожной корректировке образовательных траекторий в отечественной высшей школе, возрастает роль дисциплин гуманитарного цикла, особенно истории и правоведения [4]. Эти дисциплины имеют важное значение не только для формирования профессиональных компетенций, но и для воспитания высокообразованной, социально ответственной личности.

Актуальность и новизна определяется рядом взаимосвязанных факторов. Во-первых, это нарастающий кризис исторического сознания и правовой культуры в обществе, проявляющийся в

правовом нигилизме, гражданской пассивности, распространении упрощенных и иногда искаженных представлений о прошлом, что требует активного педагогического вмешательства. Во-вторых, это требования цифровой эпохи, когда информация, в том числе об исторических и правовых явлениях, потребляется фрагментарно, вне системного контекста, что создает удобные условия для различных манипуляций и внедрение в сознание студентов недоказанных наукой утверждений. В-третьих, это объективная потребность рынка труда в специалистах с широким кругозором, обладающих не только узкопрофессиональными знаниями, но и с развитым многосторонним системным мышлением, способностью к анализу различных процессов, пониманием социально-исторических и правовых основных аспектов современных процессов.

Степень научной разработанности проблемы характеризуется значительным количеством работ, посвященных отдельно методике преподавания истории и правоведения. Вопросы интеграции этих дисциплин чаще всего рассматриваются в рамках изучения истории государства и права [8], однако комплексный подход, охваты-

вающий дидактические, воспитательные и ценностные аспекты такого синтеза в современной высшей школе, представлен в научной литературе недостаточно.

Целью настоящей статьи является теоретическое обоснование и разработка модели интегрированного преподавания исторических и правоведческих дисциплин в высшей школе, направленной на формирование зрелого правосознания и гражданской ответственной позиции студентов.

Методологическую основу исследования составили системный подход, позволивший рассмотреть преподавание истории и правоведения как единый образовательный комплекс; сравнительно-исторический метод, применяемый для анализа эволюции педагогических парадигм; а также методы анализа и синтеза, индукции и дедукции.[3]

Преподавание исторических и правоведческих дисциплин в современном российском вузе осуществляется в рамках федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС ВО), которые задают определенный набор компетенций, подлежащих формированию. Анализ стандартов для различных направлений подготовки (как гуманитарных, так и технических) показывает наличие в них требований к формированию общекультурных компетенций, связанных с способностью использовать основы философских, социологических, исторических, политических и правовых знаний для решения социальных и профессиональных задач. Однако реализация этих требований часто сталкивается с системными проблемами.

Традиционный курс «Правоведения» или «Основ права» для неюридических специальностей зачастую сводится к ретрансляции основных положений отраслевых юридических наук. Студенты получают набор дефиниций и классификаций (нормы права, источники права, система права, правоотношения), но лишены понимания генезиса правовых институтов, их связи с культурным и историческим контекстом[9]. После прохождения курса у студентов в полной мере не формируется представление о том как в будущем действовать если у них возникли какие юридические вопросы или проблемы. Должно быть выработано представление даже универсальное с чего начинать и как действовать, это и есть начальная юридическая культура, а такой «буквалистский» подход порождает формальное, отчужденное отношение к праву как к набору внешних, навязанных предписаний, что лишь усугубляет правовой нигилизм.

Преподавание истории, в свою очередь, нередко страдает событийным подходом, когда

акцент делается на хронологической последовательности фактов без их глубокого осмысления и увязывания с современными политическими и правовыми процессами, без серьезного анализа этих процессов. Такое восприятие подходит для изучения «Истории России» в школе, но не как не в вузе. История государства и права зарубежных стран или России, читаемая для юристов, подчас превращается в перечисление правовых памятников без анализа причин их появления, социальных последствий и сравнительно-правового значения.[8] Это лишает историю ее главной дидактической функции – служить уроком на будущее.

Как исторические, так и правовые дисциплины в массовой педагогической практике слабо связаны с реальными жизненными ситуациями, с которыми сталкиваются студенты. Правоведение не учит, как действовать в случае нарушения прав потребителя, а история не отвечает на вопрос, как исторический опыт влияет, например, на современную геополитическую ситуацию. Этот разрыв снижает мотивацию к обучению и порождает скептическое отношение к гуманитарному знанию как к чему-то «оторванному от жизни».

Современные студенты – поколение «digital natives» – мыслят нелинейно, привыкли к клиповому восприятию информации. Традиционная лекционно-семинарская система, основанная на долговременной концентрации и линейной логике, зачастую оказывается, к сожалению неэффективной. Кроме того, преподаватель перестал быть монопольным источником знания, что требует коренного пересмотра его роли – от транслятора к модератору, навигатору в море информации, организатору процесса осмысления данных.

Указанные проблемы свидетельствуют о необходимости перехода от дисциплинарно-изолированной к интегративной, междисциплинарной модели преподавания. Интеграция исторического и правового знания не является механическим сложением двух курсов. Это сложный дидактический процесс, основанный на выявлении системных связей между историческими процессами и эволюцией правовых институтов, тем более, что любая эволюция и есть история! Его методологическую основу составляют, несколько взаимодополняющих подходов.

Компетентностный подход в соответствии, с которым, целью образования является не усвоение суммы знаний, а формирование комплекса компетенций – способности применять знания и самостоятельно обучаться, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области. Интеграция истории и правоведения позволяет формировать компетенции, такие как:

Системное мышление: способность видеть причинно-следственные связи между историческими событиями и изменениями в правовой системе (например, как Великая французская революция обусловила становление континентальной системы права и доктрины прав человека).[6]

Аналитическое мышление: умение анализировать правовые источники и исторические документы, выявлять их достоверность, авторскую позицию, скрытые смыслы и идеологическую направленность. [3]

Социально-коммуникативная компетенция: способность аргументировано отстаивать свою позицию по социально-историческим и правовым вопросам, вести конструктивный диалог.

Контекстный подход, разработанный А.А. Вербицким предполагает, что обучение приобретает смысл только тогда, когда оно погружено в контекст будущей профессиональной деятельности. [1,5]. История и право в этой модели перестают быть абстрактным, вспомогательными науками. Для будущего инженера история технического регулирования и патентного права становится ключом к пониманию современных стандартов. Такой подход однозначно обогащает изучаемый материал, делает его личностно значимым.

Метод проблемно-ориентированное обучение является практической реализацией интегративного подхода. В его основе лежит рассмотрение проблем, не имеющих однозначного решения. Например, тема «Становление парламентаризма в России» может быть рассмотрена через призму конкретной проблемы: «Почему опыт Государственной Думы начала XX века оказался неудачным?». Для ее решения студентам необходимо проанализировать как исторический контекст (социально-экономическая ситуация, расстановка политических сил), так и правовые аспекты (Основные государственные законы 1906 г., избирательное законодательство, правовой статус Думы). Такой анализ позволяет выйти за рамки простого описания и понять системные противоречия.

Одной из основных функций интеграции истории и правоведения является воспитательная когда речь идет о целенаправленном формировании зрелого правосознания и гражданской идентичности.[2]

Правовой нигилизм – глубоко укорененное в российском обществе явление, имеющее исторические корни. Это способ решать проблемы не через обращение в суд или правоохранительные органы, а какими-то другими не совсем законными способами. Его преодоление невозможно через

простое заучивание правовых норм. Интегративный курс позволяет показать, что право – это не просто приказ государства, а продукт длительного исторического развития, отражение компромисса между различными социальными силами, инструмент решения общественных конфликтов.[7] Понимание того, какую ценность представляли собой, например, первые писанные своды законов (Законы Хаммурапи, Римские законы XII таблиц) в условиях правового беспредела, помогает сформировать уважение к праву как к социальной ценности.

Изучение истории через призму права позволяет сформировать понимание прямой связи между деятельностью (или бездеятельностью) гражданина и состоянием правопорядка в стране. Анализ исторических примеров, когда пассивность общества приводила к установлению авторитарных режимов, попирающих базовые права, наглядно демонстрирует ответственность каждого за сохранение правового государства.[7]

В современных условиях история стала полем информационных войн. Интегрированный курс учит студентов «читать» исторические и правовые источники критически. Анализ конкретных политических документов с точки зрения их юридической законности и последствий формирует иммунитет к попытке манипуляций историческими фактами в будущем. Студент учится отличать факт от его интерпретации.

Внедрение интегративной модели требует пересмотра как содержания курсов, так и применяемых педагогических технологий. Вместо двух отдельных дисциплин «История» и «Правоведение» для неюридических направлений можно разработать единый объединяющий модуль «Историко-правовые основы современной цивилизации». Его структура может быть проблемно-хронологической:

Модуль 1: «От обычая к закону: возникновение права в древних обществах» (на примере Месопотамии, Египта, Рима).

Модуль 2: «Власть, закон и сословие: право в средневековом обществе» (сравнительный анализ феодального права в Европе и России).

Модуль 3: «Революции и права человека: становление современного правопорядка» (Английская, Американская, Французская революции).

Модуль 4: «Вызовы XX века: антидемократические политические режимы и международное право» (советский и мировой опыт, Нюрнбергский процесс, ООН).

Модуль 5: «Современная Россия: конституционный строй и исторический контекст».

Активные и интерактивные методы обучения также важны для изучения вышеперечисленных дисциплин в раздельной или комплексной форме. [4]

Деловые игры и судебные процессы: моделирование исторических судебных процессов (суд над Сократом, суд над Джордано Бруно, Нюрнбергский процесс) требует от студентов глубокого погружения в исторический контекст и правовые аргументы сторон.

Анализ конкретных вопросов, сочетающих исторические и правовые аспекты. Например, «Правовой статус императора в Византии и в Священной Римской империи: сравнительный анализ» или «Правовые основы и последствия крепостного права в России».

Дискуссии и дебаты: организация дискуссий на острые темы, требующие доказательств, как историческими фактами, так и правовыми нормами («Могла ли Россия стать конституционной монархией?», «Эволюция института собственности в России: исторические и правовые уроки»). Работа с цифровыми ресурсами рекомендованными преподавателями на предмет достоверности информации.

Междисциплинарность в рамках юридического образования очень важная вещь. Для студентов-юристов интеграция должна быть усилена в рамках таких дисциплин, как «История отечественного государства и права», «История государства и права зарубежных стран», «Римское право». Преподавание этих курсов должно быть насыщено контекстом всеобщей истории, чтобы будущий юрист понимал, что римское право формировалось в условиях республиканского и имперского Рима, а Соборное уложение 1649 года – это ответ на социальный кризис Смутного времени.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что традиционная, дисциплинарно-разобшенная модель преподавания истории и правоведения в высшей школе в значительной степени исчерпала свой потенциал. Она не отвечает на вызовы цифровой эпохи, не способствует преодолению правового нигилизма и формированию активной гражданской позиции.

Предложенная модель частичного объединения исторического и правового знания, основанная на компетентностном, контекстном и проблемно-ориентированном подходах, представляет собой адекватный ответ на эти вызовы. Ее реализация позволяет сформировать у студентов целостное, системное представление о социальном мире, в котором правовые институты являются продуктом исторического развития, а исторические процессы имеют четкое правовое обо-

снование, развить критическое мышление и способность к самостоятельному анализу сложных информационных потоков, что является важнейшим навыком в современном мире, воспитать зрелое правосознание, основанное на понимании ценности права, уважении к закону и осознании своей гражданской ответственности.

Несмотря на убедительный дидактический потенциал, практическая реализация модели интегрированного преподавания сталкивается с рядом препятствий, осознание которых позволяет подойти к ее внедрению с некоторой степенью осмотрительности.

Первая группа ограничений носит кадровый характер, поскольку междисциплинарный синтез требует от преподавателя компетенций, выходящих за рамки традиционной предметной специализации. Необходимость свободно оперировать категориями и методологиями как исторической, так и юридической науки, а также владеть техникой модерирования сложных дискуссий, формирует высокий уровень требований к преподавателю. Сопrotивление изменениям со стороны профессорско-преподавательского состава, обусловленное необходимостью перестройки устоявшихся учебных курсов и увеличением объема подготовительной работы, представляет собой фактор риска.

Вторая группа сложностей связана с организационно-методической сферой. Создание комплексного интегративного курса является ресурсоемкой задачей, требующей слаженной работы межкафедральных команд, при этом сохраняется опасность разработки поверхностной программы. Кроме того, традиционные форматы контроля знаний оказываются малоэффективными для оценки приобретенных студентами таких способностей, как системное видение проблемы, что порождает необходимость создания новых оценочных средств. Третье ограничение относится непосредственно к учебному процессу: курс, основанный на работе с первоисточниками и решении проблемных задач, предъявляет повышенные требования к аналитическим навыкам обучающихся, что на начальных этапах может привести к росту академической напряженности.

В связи с обозначенными сложностями, актуальными направлениями дальнейшей работы становятся проведение апробационных исследований по внедрению элементов интеграции, разработка стандартизированного инструментария для диагностики метапредметных результатов, а также формирование банка учебно-методических материалов для тиражирования успешного педагогического опыта. Для практического продвижения данной модели целесообразно рекомендо-

вать учебно-методическим объединениям рассмотреть возможность включения в образовательные стандарты вариативных модулей историко-правового характера для непрофильных специальностей. Администрациям вузов следует создавать организационные стимулы для межкандидатского сотрудничества и предусмотреть программы дополнительного образования, направленные на развитие компетенций, необходимых для междисциплинарного преподавания. Преподавателям, в свою очередь, целесообразно инициировать интеграцию постепенно, начиная с внедрения в существующие курсы отдельных сквозных тем или проектных заданий, требующих синтеза исторического и правового знания. Последовательная работа по данным направлениям способствует переходу интеграции истории и правоведения из области теоретических обоснований в плоскость повседневной образовательной практики.

Таким образом, интеграция истории и правоведения сегодня является стратегически важным направлением модернизации гуманитарной подготовки в высшей школе, что является необходимым для воспитания поколения мыслящих, ответственных и активных граждан, способных к созидательной деятельности в правовом поле.

Список литературы:

- [1] Вербицкий А.А., Ларионова О.Г. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции. — М.: Логос, 2009.
- [2] Зауторова Э.В. Гражданственность как междисциплинарная категория и интегративная характеристика личности / Э.В. Зауторова, И.А. Макеева // Пенитенциарная наука. — 2016. — № 3 (35). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanstvennost-kak-mezhdistsiplinarnaya-kategoriya-i-integrativnaya-harakteristika-lichnosti>.
- [3] Рассказов Л.П. История и методология юридической науки : учебник / Л.П. Рассказов. — Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2021. — 583 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-369-02064-7. — URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2037356>.
- [4] Соколова О.А. Формирование гражданской ответственности и правовой культуры студентов в образовательном процессе вузов социокультурной сферы на основе принципа интеграции / О.А. Соколова // Наука. Искусство. Культура. — 2013. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-grazhdanstvennosti-i-pravovoy-kultury-studentov-v-obrazovatelnom-protssesse-vuzov-sotsiokulturnoy-sfery-na-osnove-printsipa-integratsii>.
- [5] Сорокоумова Е.А., Пучкова Е.Б. Андрей Александрович Вербицкий: биография и научная деятельность // Актуальные вопросы контекстного

образования: материалы круглого стола, посвященного памяти академика РАО, доктора педагогических наук, профессора А. А. Вербицкого. 25 февраля 2021 г. : сборник. — 2021. — С. 20—29.

[6] Дискуссионные проблемы теории и истории государства и права : монография / В.Н. Бабенко, М.Б. Аверин, М.А. Горбунов [и др.] ; под ред. В.Н. Бабенко. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. — 133 с. — ISBN 978-5-4499-0479-9. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/1911896> (дата обращения: 04.02.2026).

[7] Место и роль теоретико-исторических правовых дисциплин в формировании гражданской позиции и чувства патриотизма обучающихся: материалы круглого стола 15 марта 2024 г. — Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2024. — 121 с. — ISBN 978-5-907789-10-4. — URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2216371>.

[8] Методологические проблемы преподавания истории государства и права : материалы международного научно-методологического семинара, состоявшегося в Российской академии правосудия 16 февраля 2009 г. / под ред. В.Е. Сафонова, В.Е. Рубаника. — Москва : РАП, 2010. — 228 с. — ISBN 978-5-93916-232-6. — URL: <https://znanium.ru/catalog/product/517565>.

[9] Правовая культура и правовая традиция: Сборник статей памяти Нины Александровны Крашенинниковой. — М. : НОПМА, 2023. — 148 с. — ISBN 978-5-00156-301-3. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/2001620>.

References:

- [1] Verbitsky A.A., Larionova O.G. Personal and competence approaches in education: integration problems. - M.: Logos, 2009.
- [2] E.V. Zautorova. Citizenship as an interdisciplinary category and integrative characteristic of a person/E.V. Zautorova, I.A. Makeeva//Penitentiary science. — 2016. — № 3 (35). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanstvennost-kak-mezhdistsiplinarnaya-kategoriya-i-integrativnaya-harakteristika-lichnosti>.
- [3] Stories L.P. History and methodology of legal science: textbook/L.P. Stories. - Moscow: RIOR: INFRA-M, 2021. - 583 p. - (Higher education). — ISBN 978-5-369-02064-7. — URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2037356>.
- [4] Sokolova O.A. Formation of citizenship and legal culture of students in the educational process of universities of the sociocultural sphere on the basis of the principle of integration/O.A. Sokolova//Science. Art. Culture. — 2013. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-grazhdanstvennosti-i-pravovoy-kultury-studentov-v-obrazovatelnom-protssesse-vuzov-sotsiokulturnoy-sfery-na-osnove-printsipa-integratsii>.

[5] Sorokoumova E.A., Puchkova E.B. Andrey Aleksandrovich Verbitsky: biography and scientific activity//Topical issues of contextual education: materials of a round table dedicated to the memory of academician of the Russian Academy of Education, doctor of pedagogical sciences, professor A.A. Verbitsky. February 25, 2021: compilation. — 2021. - S. 20 - 29.

[6] Debating problems of the theory and history of state and law: monograph/V.N. Babenko, M.B. Averin, M.A. Gorbunov [et al.]; ed. V.N. Babenko. - Moscow; Berlin: Direct Media, 2020. - 133 p. - ISBN 978-5-4499-0479-9. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/1911896> (access date: 04.02.2026).

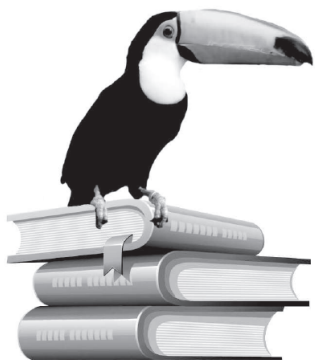
[7] The place and role of theoretical and historical legal disciplines in shaping the citizenship and sense of patriotism of students: materials of the round

table on March 15, 2024 - Vladimir: Vladimir branch of the RANEPa, 2024. - 121 p. - ISBN 978-5-907789-10-4. - URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2216371>.

[8] Methodological problems of teaching the history of the state and law: materials of the international scientific and methodological seminar held at the Russian Academy of Justice on February 16, 2009/ed. V.E. Safonova, V.E. Rubanika. - Moscow: RAP, 2010. - 228 p. - ISBN 978-5-93916-232-6. - URL: <https://znanium.ru/catalog/product/517565>.

[9] Legal culture and legal tradition: Collection of articles in memory of Nina Alexandrovna Krashenninnikova. - M.: NORMA, 2023. - 148 p. - ISBN 978-5-00156-301-3. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/2001620>.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-699-704

ШАРАЛДАЕВА Ирина Архиповна,
доктор экон. наук,
профессор кафедры гражданского права и процесса,
Восточно-Сибирский государственный
университет технологий и управления,
e-mail: sharaldaeva_ia@mail.ru

ЦЫРЕМПИЛОВА Екатерина Андреевна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Восточно-Сибирский государственный
университет технологий и управления,
e-mail: ekabr2000@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ ОТЧИСЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ: ОТЧИСЛЕНИЕ СТУДЕНТА ЗА ПРОДАЖУ КОНТРОЛЬНЫХ И ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ПРОЦЕДУРУ ПРОКТОРИНГА

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы доказывания при отчислении обучающихся из высших учебных заведений за нарушения академической этики, связанные с использованием цифровых технологий. Особое внимание уделяется двум категориям правонарушений: продаже контрольных и иных учебных работ, а также вмешательству в процедуру прокторинга при дистанционной сдаче экзаменов. На основе анализа судебной практики автором выявляются ключевые проблемы доказательной базы со стороны вузов. В статье обосновывается необходимость комплексного подхода к фиксации нарушений и соблюдения процессуальных норм для баланса между академической честностью и конституционным правом граждан на образование.

Ключевые слова: отчисление студента, доказывание, прокторинг, академическая честность, подлог, локальные нормативные акты, права обучающихся.

SHARALDAEVA Irina Arkhipovna,
Doctor of Economics,
Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
East Siberian state University of technology and management

TSYREMPILOVA Ekaterina Andreevna,
Associate Professor of the Civil law and procedure
East Siberian state University of technology and management

PROBLEMS OF PROOF IN THE CIRCUMSTANCES OF STUDENT EXPULSION: EXPULSION OF A STUDENT FOR SELLING TESTS AND INTERFERING WITH THE PROCTORING PROCEDURE

Annotation. The article discusses the current problems of proof in the case of expulsion of students from higher education institutions for violations of academic ethics related to the use of digital technologies. Special attention is paid to two categories of offenses: the sale of test and other academic papers, as well as interference in the proctoring procedure during remote exams. Based

on the analysis of judicial practice, the author identifies the key problems of the evidence base from the universities. The article substantiates the need for a comprehensive approach to recording violations and compliance with procedural norms in order to balance between academic integrity and the constitutional right of citizens to education.

Key words: *student expulsion, proof, proctoring, academic integrity, forgery, local regulations, and students' rights.*

Учитывая современные возможности цифровых технологий и искусственного интеллекта, в управлении образовательным процессом в высших учебных заведениях, все более актуальными становятся вопросы интеллектуальной собственности и защиты прав авторов. Студенты, обучаясь и создавая различные научные работы — рефераты, курсовые и дипломные проекты — сталкиваются с необходимостью понимания правовых аспектов, связанных с авторством и использованием этих материалов. В условиях быстрого развития технологий и доступности информации, защита интеллектуальной собственности требует от участников образовательного процесса не только знаний, но и осознания своих прав и обязанностей. Возникают проблемы, обусловленные не только необходимостью соблюдения авторских прав, но и возникновением новых вызовов, связанных с плагиатом, коммерческим использованием учебных материалов и правовыми последствиями их нарушения. Важно понимать, какие именно объекты интеллектуальной собственности возникают в процессе учебной деятельности, каковы их правовые статусы и какие меры можно предпринять для защиты своих прав как авторов.

В частности, на наш взгляд, целесообразно детально проанализировать процесс онлайн-экзаменации (прокторинга) и выявить наиболее распространенные стратегии, используемые учащимися для достижения успеха. Отдельное внимание следует уделить технологическим и поведенческим аспектам, позволяющим студентам обходить системы контроля, например, использование дополнительных устройств или привлечение посторонней помощи. Анализ данных практик позволит разработать эффективные меры по обеспечению академической честности в дистанционном образовании.

Системы онлайн-прокторинга получили развитие в России во второй половине 2010-х годов. Передовые университеты, такие как ВШЭ и РАН-ХиГС, а также компании, применяющие их для удаленной оценки персонала, стали первопроходцами. В период пандемии спрос на прокторинг значительно возрос, что было связано с необходимостью проведения онлайн-экзаменов и сессий в вузах. В текущем 2025 году учащиеся продолжают искать способы обхода автоматизированных систем контроля экзаменов.

Недовольные студенты, столкнувшиеся с прокторингом, выражают опасения по поводу дегуманизации образования. Однако современные прокторинговые системы еще не достигли совершенства и требуют контроля со стороны человека.

Термин «проктор» имеет исторические корни, возникнув в английских университетах в средние века. В обязанности прокторов входил контроль за дисциплиной студентов, включая экзамены. В настоящее время прокторинг относится к технологиям, позволяющим контролировать проведение испытаний, преимущественно онлайн-экзаменов.

В России, лидирующую позицию в данной сфере занимает платформа «Экзакус», которая предлагает три режима прокторинга: автоматический (полный контроль системой), с участием проктора при идентификации и асинхронный (просмотр записи экзамена проктором после завершения), синхронный (мониторинг в реальном времени) и гибридный (автоматическая система контролирует основные параметры, а проктор подключается при выявлении подозрительных действий).

Прокторинговый сервис функционирует через браузер. Система проверяет камеру, микрофон, рабочий стол пользователя и идентифицирует личность сдающего. Во время экзамена программа анализирует мимику, движения глаз, окружающую обстановку, посторонние звуки и активность экрана. Данные записываются, регистрируются отклонения от протокола, и оценивается общая вероятность нарушений.

Так, при сдаче прокторинга через вышеописанную платформу студентку отчислили из-за инцидента с наушником. Согласно решению Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербург № 2-31/2020 от 14.10.2020 г., И обратилась в суд с иском к Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (далее – ФГБОУ ВО СПбГУ), о признании незаконным приказа об отчислении, восстановлении в учебе [4].

Истец обучался в ФГБОУ ВО СПбГУ на основании договора «№...» от 15.08.2017 об оказании платных образовательных услуг. В связи с переходом на дистанционный формат обучения весной 2020 года, проведение очного экзамена для сту-

дентов было трансформировано в онлайн-формат. Согласно свидетельству И, первоначально прокторинг был запланирован на 14 апреля 2020 года, однако данная дата была изменена из-за технических неполадок в программном обеспечении. Истец выразила опасения относительно успешной сдачи экзамена, основываясь на отзывах студентов, столкнувшихся с трудностями при проверке компьютерной системы и подключении к системе прокторинга. В результате, дата проведения экзамена была перенесена на 16 апреля 2020 года.

В связи с функционированием системы прокторинга в гибридном формате, автоматизированная система задокументировала эпизод «отведения взгляда» И в процессе экзаменационного мероприятия, что послужило основанием для подключения проктора с целью верификации потенциального нарушения академической честности. Ввиду отсутствия подтвержденных нарушений со стороны И при непосредственном наблюдении проктора, истец продолжила выполнение экзаменационных заданий и успешно завершила экзамен. По истечении трех рабочих дней, в результате повторного анализа видеоматериалов студентов, у которых были зафиксированы признаки нарушений, И были предоставлены неудовлетворительные результаты экзамена. После ожидания новой даты пересдачи, И получила письмо-уведомление по истечении 20 рабочих дней об исключении из учебного заведения за академическую неуспеваемость. Приказ об отчислении выпустили 15 мая 2020 г. в соответствии с подпунктом «д» пункта 51 Устава Санкт-Петербургского государственного университета, утвержденного постановлением Правительства РФ от 31.12.2010 № 1241, обучающийся подлежит отчислению из Санкт-Петербургского государственного университета за невыполнение обучающимся обязанностей по добросовестному освоению образовательной программы и выполнению учебного плана — за академическую неуспеваемость, а именно обучающимся не ликвидирована в установленные сроки академическая задолженность.

Истец считает свое отчисление незаконным, просит восстановить сроки пересдачи экзамена, восстановить ее в качестве студента. Полагает, что ответчиком не были созданы условия и сроки для пересдачи экзамена.

В ходе судебного разбирательства, сторона ответчика представила доказательства, включающие уведомление о необходимости повторной сдачи экзамена, направленное студенту через личный кабинет на сайте образовательного учреждения. Также было предъявлено уведомление об

исключении из учебного заведения, оформленное по истечении десятидневного срока, установленное действующим законодательством.

Ключевым доказательством явилась видеозапись, полученная в результате прокторинга, на которой зафиксирован факт неправомерного использования студентом гарнитуры. В рамках внутреннего расследования, проведенного сотрудниками ФГБОУ ВО СПбГУ, установлено, что группа лиц оказывала содействие студентам в прохождении процедуры прокторинга за денежное вознаграждение. Данные лица письменно подтвердили факт получения денежных средств за оказанную помощь, что было заверено их личными подписями.

Принимая во внимание представленные доказательства, суд, принципом приоритета соблюдения академической честности отказ в удовлетворении иска.

Таким образом, рассмотренное дело И против ФГБОУ ВО СПбГУ высвечивает неоднозначность применения систем прокторинга в образовательном процессе. Несмотря на утверждения истца о несозданных условиях для пересдачи, ответчик предоставил доказательства уведомлений, направленных через личный кабинет студента, что соответствует практике информирования, принятой в образовательном учреждении.

Ключевым аргументом в пользу правомерности отчисления явилась видеозапись, зафиксировавшая использование гарнитуры, расцененное как нарушение академической честности. Данный факт, вкупе с признательными показаниями лиц, оказывавших содействие студентам за вознаграждение, стал основанием для принятия решения об отчислении.

В качестве еще одного примера, рассмотрим Определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции (далее - СКГД Второго КСОЮ) от 27 августа 2024 года по делу № 8Г-17452/2024 [3].

Студента Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»» (далее – НИУ ВШЭ) отчислили с 4 курса в качестве наказания за дисциплинарный проступок, который, по мнению ректората, состоял в следующем:

- студент участвует в деятельности группы студентов под условным названием «Синдикат» по купле-продаже материалов контрольных работ, тестовых заданий и прочих подобных материалов;

- студент за вознаграждение осуществлял подлог при выполнении письменных работ и вмешательство в процедуру прокторинга при проведении элементов контроля;
- а также участвовал в осуществлении незаконной рекламы услуг по выполнению письменных работ.

Истец считает, что ответчик нарушил условия договора, поскольку обязан уведомить истца о расторжении договора за 10 календарных дней до предполагаемой даты расторжения договора, что ответчиком не сделано.

26 января 2023 года истец ознакомился с приказом об отчислении, в котором указано, что истец отчисляется за нарушение п. 3.5 Правил внутреннего распорядка обучающихся НИУ ВШЭ, а именно:

- п.п. 3.5.1, выполнять требования законодательства Российской Федерации, устава университета, Правил внутреннего распорядка студенческого общежития, Правил пользования библиотекой и иных локальных нормативных актов университета, в том числе регламентирующих организацию и осуществление образовательной деятельности;
- п.п. 3.5.4, не нарушать академические нормы при выполнении учебных и (или) научных работ, в том числе в ходе участия в качестве обучающегося НИУ ВШЭ в конкурсах, олимпиадах и прочих внешних мероприятиях за пределами университета;
- п.п. 3.5.10, заботиться о сохранении и об укреплении своего здоровья, стремиться к нравственному, духовному и физическому развитию и самосовершенствованию;
- п.п. 3.5.14, не совершать противоправные деяния, имеющие социально-опасные последствия, в том числе для университета, его обучающихся и работников;
- п.п. 3.5.15, не причинять вред деловой репутации университета, в том числе не распространять сведения, порочащие деловую репутацию НИУ ВШЭ в средствах массовой информации и в информационно-телекоммуникационных сетях, в частности в сети Интернет.

Основанием к отчислению послужили: представление декана факультета от 23 января 2023 года, служебная записка от 20 декабря 2022 года, служебная записка от 11 января 2022 года, акт об отсутствии мнения Студенческого совета НИУ ВШЭ, объяснительная записка ФИО8 от 13 января 2023 года, письмо от коллектива родительской общественности студентов, заключение Дирекции по правовым вопросам от 16 января 2023 года.

Ни с одним из указанных документов истец не ознакомлен, ему не разъяснено, за какие конкретно действия он отчислен. 27 января 2023 года и 28 января 2023 года истец направил в адрес ответчика обращения с просьбой о рассмотрении в очной форме на заседании комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений с участием заинтересованных лиц, об отмене приказа об отчислении.

01 февраля 2023 года истец направил ответчику электронное письмо с просьбой ознакомить его с документами, которые послужили основанием к его отчислению.

Документы истцу не предоставлены. 13 февраля 2023 года состоялось заседание комиссии по урегулированию споров, в ходе заседания которой истцу не предоставлены сведения о том, какие конкретно он совершил действия, повлекшие его отчисление. Истец считает, что дисциплинарное взыскание на него возложено незаконно, с нарушением условий договора.

Хорошевский районный суд г. Москвы удовлетворил исковые требования, опираясь на показания свидетелей-покупателей «работ», счел, что студент не доказал свою непричастность к совершению дисциплинарного проступка (систематическое выполнение для других студентов вуза письменных работ, представляемых для контроля их знаний, то есть участие в подлоге), но вуз при выборе самой строгой меры взыскания не учел, что студент ранее не привлекался, хорошо учится, не являлся организатором группы «Синдикат».

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда, вынесен отказ, указав, что право выбора конкретной меры взыскания – прерогатива вуза, и не надо в нее вмешиваться. Кассационный суд общей юрисдикции отменил все состоявшиеся акты и отправил дело на пересмотр.

По данному делу, можно сделать следующие выводы:

- во-первых, вуз действительно небрежно обошелся с собственными локальными актами. А они требуют в случае выявления преподавателем «липовой» работы студента – поставить номинальному автору неудовлетворительную оценку, зафиксировать указанный факт специальным Актом и принять возможные меры к установлению личности исполнителя и лиц, вовлеченных в организацию подлога или фабрикацию. И только обнаруженная, и зафиксированная, в установленной процедуре подложная работа, является основанием для привлечения студента к дисциплинарной ответственности.

В деле нет никаких упоминаний о составлении подобных актов, и суды не оценивали соблюдение процедуры привлечения к дисциплинарной ответственности;

- во-вторых, студент и не оспаривал право вуза на исключение как таковое, – он утверждал, что его участие в группе «Синдикат» и, конкретно, его участие в подлогах конкретных студенческих работ не доказано, и это при том, что его обвинили в систематических подлогах.

И таких доказательств, действительно, нет, потому что все, на что опирались суды нижестоящих инстанций – это контексты фраз из представленного профиля сообщений группы «Синдикат», якобы принадлежащего студенту, а также показания студентов – свидетелей, являвшимися, с их слов, заказчиками выполнения соответствующих работ без оказания услуг репетиторства.

Таким образом, принимая во внимание обстоятельства дела и требования закона, суды должны были выяснить следующие юридически значимые обстоятельства:

- каким именно студентам, когда, по какому предмету истец представлял (выполнял) работы в целях прохождения студентами контроля знаний;
- сдавали ли эти студенты работы с разрешения истца, сдавали ли именно в таком виде, в котором работы представлены истцом;
- как были оценены эти работы;
- проставлены ли за сданные работы оценки «неудовлетворительно», как этого требует локальный акт вуза;
- когда вуз эти факты выявил и зафиксировал;
- были ли направлены студенты, сдавшие подложную работу, на пересдачу, привлечены к дисциплинарной ответственности, затребовано ли у истца по каждому факту объяснения.

Таким образом, дело студента НИУ ВШЭ обнажило системные проблемы в применении дисциплинарных взысканий в вузах. Формальный подход к соблюдению локальных актов, отсутствие надлежащей доказательственной базы и игнорирование принципов соразмерности взыскания ставят под сомнение законность и обоснованность подобных решений.

СКГД Второго КСОЮ справедливо указали на необходимость всестороннего исследования обстоятельств дела. В частности, судам надлежит установить конкретные факты представления студентом «липовых» работ, их использование другими студентами для прохождения контроля знаний, а также соблюдение вузом установленной

процедуры фиксации и реагирования на такие случаи, предусмотренной, например, Приказом Минобрнауки России от 15.03.2013 № 185 «Об утверждении Порядка применения к обучающимся и снятию с обучающихся мер дисциплинарного взыскания» [2]. Только при наличии совокупности доказательств и соблюдении процессуальных норм возможно привлечение студента к дисциплинарной ответственности, вплоть до отчисления. В противном случае, решение вуза может быть признано незаконным, как нарушающее права обучающегося на образование (статья 43 Конституции Российской Федерации [1]).

Действия студента, выразившиеся в продаже или покупке контрольных работ, курсовых или выпускных квалификационных работ (дипломных работ) и вмешательстве в процедуру прокторинга, представляют собой грубое нарушение академической этики и правил внутреннего распорядка любой образовательной организации.

Пути решения проблемы лежат в совершенствовании системы контроля за оригинальностью работ (использование современных программных комплексов, комбинирующих различные методы анализа), а также в разработке четких критериев оценки знаний и навыков обучающихся, позволяющих выявлять случаи несоответствия представленной работы уровню подготовки студента. Важным элементом является также усиление профилактической работы, направленной на формирование у студентов понимания недопустимости академического мошенничества. Только в этом случае возможно обеспечить баланс между академической честностью и соблюдением прав студентов, в соответствии со ст. 43 Конституции и ФЗ N 273-ФЗ.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
- [2] «Об утверждении Порядка применения к обучающимся и снятию с обучающихся мер дисциплинарного взыскания» от 15.03.2013 № 185 (ред. 21.04.2016 г. N 453) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru>, свободный.
- [3] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27 августа 2024 г. по делу № 8Г-17452/2024 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru>, свободный. (Дата обращения: 16.02.2026 г.).
- [4] Решение Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербург № 2-31/2020

№2-31/2020~М-539/2020 М-539/2020 от 14.10.2020 г. по делу № 2-31/2020 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru>, свободный. (Дата обращения: 16.02.2026 г.).

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020).

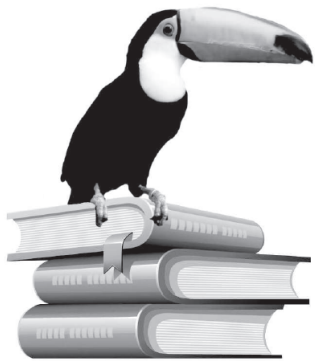
[2] “On approval of the Procedure for applying disciplinary sanctions to students and removing disciplinary measures from students” dated 15.03.2013

No. 185 (rev. 21.04.2016, No. 453)/[Electronic resource]. - Access mode: <https://base.garant.ru>, free.

[3] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Second Court of Cassation of General Jurisdiction dated August 27, 2024 in case No. 8G-17452/2024/[Electronic Resource]. - Access mode: <https://base.garant.ru>, free. (Accessed 16.02.2026).

[4] Decision of the Krasnogvardeisky District Court of St. Petersburg No. 2-31/2020 No. 2-31/2020 ~ М-539/2020 М-539/2020 dated 14.10.2020 in case No. 2-31/2020/[Electronic resource]. - Access mode: <https://base.garant.ru>, free. (Accessed 16.02.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-705-709

СВЯТОВА Наталья Владимировна,
кандидат биологических наук, доцент,
кафедры общеобразовательных дисциплин
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: nata.snv2011@mail.ru

ВАСЕНКОВ Николай Владимирович,
кандидат биологических наук, доцент,
доцент кафедры физическое воспитание
Казанский государственный энергетический университет,
кафедры общеобразовательных дисциплин
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: Vnv62@inbox.ru

БИККИНИНА Лейсан Ильгизаровна,
старший преподаватель кафедры
общеобразовательных дисциплин Казанского филиала
Российского государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: rinat.valiev.70@gmail.com

ХАМЗИНА Регина Эдуардовна,
старший преподаватель кафедры
общеобразовательных дисциплин
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: o.martianov@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕТОДИКИ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ СО СТУДЕНТАМИ, ИМЕЮЩИМИ ОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЗДОРОВЬЯ

Аннотация. Одну из ключевых ролей в процессе образования играет учебная дисциплина «физическая культура», которая не только способствует укреплению здоровья, но и помогает решать проблемы адаптации и интеграции. Исследователи поставили цель: разработать специальную программу, основанную на индивидуализации, применении корректирующих практик и создании поддерживающей среды, для эффективной адаптации студентов с ОВЗ к занятиям спортом.

Применили следующие методы исследования: анкетирование, педагогический эксперимент, тестирование, статистический анализ.

Исследование проводилось на базе кафедры физического воспитания Казанского государственного энергетического университета (КГЭУ) в 2024-2025 учебном году. В эксперименте приняли участие 12 студентов 1-3 курсов с нарушениями опорно-двигательного аппарата, заключение о наличии нарушений опорно-двигательного аппарата (сколиоз I-II степени, последствия компрессионного перелома позвоночника). Исследование показало, что традиционный подход к тренировке студентов с проблемами опорно-двигательного аппарата оказался недостаточно эффективным. Однако специально разработанный метод, основанный на индивидуализации, применении корректирующих практик и создании поддерживающей среды, продемонстрировал высокую практическую эффективность.

Ключевые слова: адаптация, физическая культура, здоровье, индивидуализация, коррекция, заболевание.

SVYATOVA Natalia Vladimirovna,
*Candidate of Biological Sciences, Associate Professor,
of the Department of General Educational Disciplines
of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice*

VASENKOV Nikolay Vladimirovich,
*Candidate of Biological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Physical Education
Kazan State Power Engineering University,
Department of General Education Disciplines
of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice*

BIKKININA Leysan Ilgizarovna,
*Senior Lecturer of the Department of General Disciplines
of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice*

KHAMZINA Regina Eduardovna,
*Senior Lecturer of the Department of General Disciplines
of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice*

FEATURES OF THE ORGANIZATION AND METHODS OF CONDUCTING CLASSES WITH STUDENTS WITH DISABILITIES

Annotation. *One of the key roles in the educational process is played by the academic discipline "physical culture", which not only promotes health, but also helps to solve problems of adaptation and integration. The researchers set a goal: to develop a special program based on individualization, the application of corrective practices and the creation of a supportive environment for the effective adaptation of students with disabilities to sports.*

The following research methods were used: questionnaires, pedagogical experiment, testing, statistical analysis.

The study was conducted on the basis of the Department of Physical Education of Kazan State Power Engineering University (KGEU) in the 2024-2025 academic year. The experiment involved 12 students of 1-3 courses with disorders of the musculoskeletal system, a conclusion about the presence of disorders of the musculoskeletal system (grade I-II scoliosis, consequences of spinal compression fracture). The study showed that the traditional approach to training students with musculoskeletal problems was not effective enough. However, a specially developed method based on individualization, the application of corrective practices and the creation of a supportive environment has demonstrated high practical effectiveness.

Key words: *adaptation, physical culture, health, individualization, correction, disease.*

В современном образовании все большее значение приобретает принцип равных возможностей в обучении для всех учащихся, в том числе и для тех, у кого есть серьезные проблемы. Одну из ключевых ролей в этом процессе играет учебная дисциплина «физическая культура», которая не только способствует укреплению здоровья, но и помогает решать проблемы адаптации и интеграции [1,2]. Физическое воспитание особенно важно для учащихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), поскольку систематические физические упражнения могут помочь исправить существующие проблемы, предотвратить развитие дополнительных заболеваний и успешно интегрироваться в общество [3, 4].

Актуальность

В связи с увеличением числа учащихся со стойкими проблемами со здоровьем в учебных заведениях возникла необходимость изучения актуальности этого вопроса. Наблюдения за существующим положением дел показывают, что многие учебные заведения не располагают достаточными ресурсами для того, чтобы эти учащиеся могли в полной мере участвовать в курсах физического воспитания и здоровья [5, 6]. Отсутствие индивидуальных курсов, низкая квалификация преподавателей и нехватка профессионального оборудования привели к использованию формальных методов обучения, которые в конечном итоге снижают эффективность образовательного процесса и могут нанести вред здоровью учащихся [7, 8]. Поэтому особенно важно разрабо-

тать научные методы физического воспитания студентов с ограниченными возможностями на практике.

Цель исследования

Разработать специальную программу, основанную на индивидуализации, применении корректирующих практик и создании поддерживающей среды, для эффективной адаптации студентов с ОВЗ к занятиям спортом.

Методы исследования

Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы: Анализ научно-методической литературы: Изучены современные подходы к адаптивному физическому воспитанию в вузе. Педагогическое наблюдение осуществлялось за процессом проведения занятий в контрольной и экспериментальной группах. Педагогический эксперимент был организован с целью сравнения эффективности традиционной и адаптированной методик. Тестирование, проводилась оценка уровня физической подготовленности и функционального состояния студентов. Математические и статистические методы: вычислить среднее арифметическое (М) и достоверность различия в соответствии со стандартом t Стьюдента (p) и обработать полученные данные.

Организация исследования

Исследование проводилось на базе кафедры физического воспитания Казанского государственного энергетического университета (КГЭУ) в 2024-2025 учебном году. В эксперименте приняли участие 12 студентов 1-3 курсов с нарушениями опорно-двигательного аппарата, заключение о наличии нарушений опорно-двигательного аппарата (сколиоз I-II степени, последствия компрессионного перелома позвоночника). Все участники

были разделены на две группы: контрольную (КГ, $n=12$) и экспериментальную (ЭГ, $n=12$). Группы были статистически однородны по полу, возрасту и нозологии. Занятия в КГ проводились по стандартной, слегка облегченной программе. В ЭГ была внедрена разработанная нами адаптированная методика, которая включала:

Индивидуализацию нагрузки. Для каждого студента ЭГ был разработан индивидуальный план-дозировка упражнений.

Основное внимание уделяется коррекционно-оздоровительным видам: в том числе лечебной физкультуре, направленной на укрепление мышечного корсета, дыхательным упражнениям и элементам растяжки.

Использовали специальное оборудование, применялись фитболы, гимнастические мячи, эспандеры, роллы для миофасциального релиза. Создали психологически комфортную среду, минимизировали соревновательный компонент, акцент на личные достижения и самосовершенствование.

Результаты исследований

Для достижения этой цели были применены различные методы исследования. На основе анализа научных и методических источников изучаются современные адаптивные спортивные технологии университета. Чтобы сравнить результаты, в двух группах был проведен педагогический контроль. Были проведены обучающие эксперименты для оценки эффективности различных методов обучения. С помощью теста оценивалась физическая подготовка и функциональное состояние студентов.

Для анализа данных использовались методы математической статистики, где средние арифметические значения (М) и степень различий по t -критерию Стьюдента (p) рассчитывались.

Таблица 1.

Показатель	Группа	Начало эксперимента	Конец эксперимента	Прирост	Достоверность различий (p)
Гибкость, см	КГ ($n=10$)	5.2 ± 0.8	6.1 ± 0.9	+0.9	> 0.05 (недост.)
	ЭГ ($n=10$)	5.4 ± 0.7	8.9 ± 0.6	+3.5	< 0.01 (дост.)
Силовая выносливость (пресс), кол-во раз	КГ ($n=10$)	14.5 ± 1.2	16.0 ± 1.1	+1.5	> 0.05 (недост.)

	ЭГ (n=10)	14.8 ± 1.0	20.2 ± 0.9	+5.4	< 0.01 (дост.)
Опросник САН, баллы	КГ (n=10)	3.8 ± 0.3	4.0 ± 0.2	+0.2	> 0.05 (недост.)
	ЭГ (n=10)	3.7 ± 0.4	4.9 ± 0.3	+1.2	< 0.05 (дост.)

В начале эксперимента уровни показателей в КГ и ЭГ были практически одинаковыми и не отличались статистически значимо ($p > 0,05$), как указано в Таблице 1. По итогам эксперимента в КГ был зафиксирован небольшой положительный сдвиг, который не достиг статистической значимости ($p > 0,05$), в то время как в ЭГ наблюдался значительный прогресс по всем анализируемым показателям. Анализ динамики силовой выносливости мышц брюшного пресса показал, что в КГ параметр незначительно увеличился на 14.

В опытной группе наблюдался значительный прирост в количестве повторений с 5 до 16,0, что равнялось увеличению в 1.5 раза. В то же время, опытная группа показала рост с 14.8 до 20.2 повторений, что составило увеличение в 5.4 раза. Этот результат превысил сопоставимые данные контрольной группы и был признан статистически значимым ($p < 0,01$).

Психологический компонент. В контрольной группе показатели по шкале САН оставались практически неизменными, увеличившись с 3.8 до 4.0 баллов (прирост +0.2 балла). В отличие от этого, в опытной группе отмечался значительный рост – с 3.7 до 4.9 баллов (прирост +1.2 балла). Эти изменения отражают заметное улучшение субъективного состояния, мотивации и эмоционального фона у студентов, занимающихся по новой методике. Полученные различия также были подтверждены статистически ($p < 0,05$).

Полученные данные четко показывают, что в опытной группе произошли значительные и статистически значимые улучшения по сравнению с контрольной группой. Психоземональное состояние было проанализировано. В контрольной группе показатели по опроснику САН оставались стабильными, увеличившись с 3.8 до 4.0 баллов (прирост +0.2 балла). В экспериментальной группе наблюдался значительный рост – с 3.7 до 4.9 баллов (прирост +1.2 балла). Эти изменения свидетельствуют о существенном улучшении эмоционального состояния, активности и настроения у студентов, занимающихся по новой методике. Отмеченные различия имеют статистическую значимость ($p < 0,05$).

Заключение

Исследование показало, что традиционный подход к тренировке студентов с проблемами опорно-двигательного аппарата оказался недостаточно эффективным. Однако специально разработанный метод, основанный на индивидуализации, применении корректирующих практик и создании поддерживающей среды, продемонстрировал высокую практическую эффективность.

Для того чтобы студенты с ограниченными возможностями могли эффективно адаптироваться к занятиям спортом, необходимо ввести специализированные курсы на спортивном факультете университета. По сравнению с контрольной группой физическая подготовка и психофизиологическое состояние экспериментальной подгруппы значительно улучшились. Это помогает повысить мотивацию учащихся к учебе и улучшить общее состояние их организма.

Список литературы:

- [1] Васенков Н.В. Проблемы в мотивации студентов к занятиям физической культурой Образование и право. 2024. № 9. С. 263-265.
- [2] Васенков Н.В., Мерхайдарова Н.Н. Внедрение it-технологий в систему спортивной подготовки вузов Перспективы науки. 2023. № 7 (166). С. 125-127.
- [3] Гарифуллина А.О., Мухамердиева А.Р. Роль физической культуры в образовании Образование и право. 2024. № 11. С. 385-388.
- [4] Гильманшин Р.А. Педагогический потенциал фиджитал спорта в развитии социально-коммуникативных навыков студенческой молодежи Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 9. № 5 (146). С. 233-237.
- [5] Ибрагимов И.Ф., Колясова В.Н., Галиуллин Р.М., Деменев С.В. Формирование универсальных компетенций на практических занятиях по физической культуре и спорту в высшем учебном заведении Образование и право. 2024. № 3. С. 450-456.
- [6] Ибрагимов И.Ф., Нагуманова А.И., Колясова В.Н., Таштиев Р.И. Экономические аспекты

управления спортивными клубами и организациями Образование и право. 2024. № 5. С. 418-425.

[7] Севодин С.В., Идрисова А.А. Использование цифровых технологий на занятиях физической культурой Глобальный научный потенциал. 2024. № 4-2 (157). С. 100-104.

[8] Хабибуллин А.Б., Ильин С.Н., Ишмухаметова Н.Ф. Влияние физической культуры на психологическое состояние человека Образование и право. 2024. № 10. С. 337-341.

References:

[1] Vasenkov N.V. Problems in motivating students to engage in physical education Education and law. 2024. № 9. S. 263-265.

[2] Vasenkov N.V., Merkhaidarova N.N. Introduction of it-technologies in the system of sports training of universities Perspectives of science. 2023. № 7 (166). S. 125-127.

[3] Garifullina A.O., Mukhamerdieva A.R. The role of physical culture in education Education and law. 2024. № 11. S. 385-388.

[4] R.A. Gilmanshin. Pedagogical potential of sports in the development of social and communication skills of student youth Economy and management: problems, solutions. 2024. VOL. 9. № 5 (146). S. 233-237.

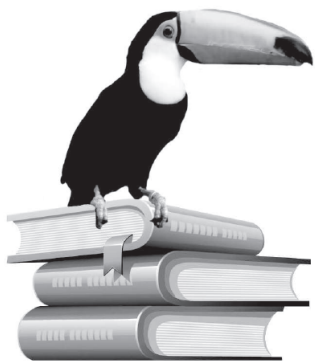
[5] I.F. Ibragimov, V.N. Kolyasova, R.M. Galiulin, S.V. Demenev. Formation of universal competencies in practical classes on physical culture and sports at the higher educational institution Education and Law. 2024. № 3. С. 450-456.

[6] I.F. Ibragimov, A.I. Nagumanova, V.N. Kolyasova, R.I. Tashtiev. Economic aspects of managing sports clubs and organizations. Education and law. 2024. № 5. S. 418-425.

[7] Sevodin S.V., Idrisova A.A. Use of digital technologies in physical education Global scientific potential. 2024. № 4-2 (157). S. 100-104.

[8] Khabibullin A.B., Ilyin S.N., Ishmukhametova N.F. The influence of physical culture on the psychological state of a person Education and law. 2024. № 10. S. 337-341.

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-710-714

ОДИНЦОВА Ольга Валентиновна,
преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева
e-mail: odintsova_leya18@mail.ru

ПОЛЯКОВА Надежда Юрьевна,
преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева
e-mail: nadpol2@mail.ru

ДИСТАНЦИОННЫЕ ТРЕНИРОВКИ И ПРАВОВОЙ ВАКУУМ КТО ОТВЕЧАЕТ ЗА ТРАВМУ ПРИ ОНЛАЙН-ЗАНЯТИИ

Аннотация. Цифровизация вносит огромный вклад в развитие современного общества и мироустройства, влияя на все сферы жизни, от способов взаимодействия между людьми до управления экономикой целого государства. Цифровая трансформация, охватившая мир затрагивает все сферы жизни общества, провоцируя изменения в экономике и мировых трендах оказания услуг. Индустрия спорта не стала исключением, и теперь можно дистанционно. Это упрощает жизнь, экономит время и делает формат тренировок более доступным для пользователей. Человек становится уже не посетителем фитнес-центра, а пользователем специального приложения, сайта или соц. сети, через которое занимается спортом. Для тренера это дополнительная ответственность, хотя на первый взгляд кажется, что работу осуществлять проще. Автор статьи исследует вопросы правового регулирования и ответственности за проведение дистанционных тренировок. С развитием цифровых технологий дистанционные тренировки стали обычным явлением. Пандемия коронавирусной инфекции также оказала свое влияние, из-за чего большинство людей вынуждены были соблюдать карантин. Миллионы людей по всему миру занимаются фитнесом, йогой, силовыми тренировками через Zoom, Skype или специальные приложения по фитнесу. Понятный интерфейс сайтов и приложений. огромный выбор спортивных тренировок стали доступны абсолютно любому пользователю смартфона. И теперь для безопасной работы тренер должен иметь соответствующую квалификацию и профессиональное образование, поскольку в такой работе одного желания и таланта недостаточно, необходимо иметь сертификаты, подтверждающие право осуществлять тренерскую деятельность.

Ключевые слова: онлайн-тренировки, дистанционные тренировки, спорт, онлайн-занятия, правовое регулирование, цифровизация, юридическая ответственность, тренер, тренерская деятельность.

ODINTSOVA Olga Valentinovna,
Teacher of the Department of General Education disciplines
of the North-West Branch of the Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev

POLYAKOVA Nadezhda Yuryevna,
Teacher of the Department of General Education disciplines
of the North-West Branch of the Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev

REMOTE TRAINING AND THE LEGAL VACUUM: WHO IS LIABLE FOR INJURIES DURING ONLINE CLASSES

Annotation. *Digitalization is making a huge contribution to the development of modern society and the world order, influencing all spheres of life, from the ways people interact to the economic management of entire countries. The digital transformation that has engulfed the world is affecting all areas of society, provoking changes in the economy and global service delivery trends. The sports industry is no exception, and now it's possible to communicate with a trainer, exercise, and consult on nutrition remotely. This simplifies life, saves time, and makes training more accessible. A person no longer simply visits a fitness center, but uses a dedicated app, website, or social media platform for their workouts. For a trainer, this represents an additional responsibility, although at first glance, it seems easier to carry out the work. The author of the article explores the legal regulation and liability for conducting remote training. With the development of digital technologies, remote training has become commonplace. The coronavirus pandemic has also had an impact, forcing most people to quarantine. Millions of people around the world are practicing fitness, yoga, and strength training via Zoom, Skype, or specialized fitness apps. The intuitive interfaces of websites and apps have made a huge selection of sports training sessions accessible to absolutely any smartphone user. And now, to work safely, trainers must have the appropriate qualifications and professional education, as desire and talent alone are not enough; they must have certifications confirming their right to coach.*

Key words: *online training, distance training, sports, online classes, legal regulation, digitalization, legal liability.*

Актуальность данной статьи заключается в обсуждении неразрешенных вопросов правового регулирования и юридической ответственности тренера за проведение тренировок в онлайн-формате. В случае получения травмы и причинения вреда здоровью клиента во время онлайн-занятия, будет ли нести тренер ответственность перед законом? Правовой вакуум создается проблемой сбора доказательств факта причинения вреда здоровью по неосторожности, халатности тренера или из-за низкой квалификации значительной части онлайн-тренеров, оказывающих услуги без соответствующих сертификатов и страховки. Целью данной статьи является изучение дистанционного формата тренировок и поля правового регулирования деятельности онлайн-тренеров. Для достижения поставленной цели необходимо проанализировать работу тренеров в онлайн-пространстве, особенности цифровизации в индустрии фитнеса и спорта, выделить преимущества дистанционных тренировок и имеющиеся проблемы в правовом поле. В процессе работы использован комплекс общенаучных и правовых методов. Теоретической основой послужили методы правового анализа, позволившие исследовать проблему регулирования дистанционных тренировок и обобщить полученные данные. Проведенное исследование указывает на недостаток правового регулирования и наличие проблем юридического контроля деятельности онлайн-тренеров. Действующие законодательные нормы не решают главных проблем: наличие требуемых сертификатов и прав осуществлять тренерскую деятельность у специалистов, добросовестность и своевременная помощь со стороны тренера, контроль условий при проведении занятий онлайн, оказание первой помощи, вызов скорой помощи.

Цифровизация и онлайн-пространство

Цифровизация затронула сферу человеческой коммуникации и взаимодействия в обществе, создав новые информационные пространства для взаимного обмена знаниями, навыками и опытом.

Теперь такие способы коммуникации используются по всему миру в самых разных сферах (образование, деловая коммуникация, общение в социальных сетях, проявление гражданской активности). Теперь практически каждый человек может обучаться онлайн, использовать интернет-платформы для записи ко врачу, посещения семинара, курсов или онлайн-совещания, а также для получения других возможностей [5].

Новые цифровые технологии делают доступным большинство услуг, включая спорт, фитнес и тренировки. Многие посетители спортивных залов, площадок и фитнес-клубов теперь имеют возможность заниматься онлайн с тренером, не выходя из дома, особенно в условиях пандемии [3, с. 66]. Это дает больше возможностей и создает комфорт для пользователей, но также имеет и определенные юридические риски.

Юридическая ответственность и дистанционные тренировки

В России около 15-20% пользователей, регулярно занимающихся спортом, используют онлайн-формат. В Европе и США этот показатель достигает 30-40%

Преимущества онлайн-формата тренировок:

1. Доступность - занятия из любой точки мира.
2. Гибкость графика - тренировки в удобное время.
3. Экономия - отсутствие затрат на дорогу и аренду залов.
4. Разнообразие - доступ к тренерам международного уровня.

Однако вместе с ростом популярности дистанционных тренировок возникла серьезная правовая проблема, касающаяся возможных травм и вреда здоровью при онлайн-тренировках [1, с. 222]. Суть проблемы в определении ответственности тренера, осуществляющего дистанционные тренировки. Данный вопрос мало изучен и требует уточнения.

Практика показала, что закона «О защите прав потребителей» недостаточно. Россияне из разных уголков страны многократно жаловались в Минспорт России на отсутствие безопасности при онлайн тренировках, а также некачественные услуги фитнес-центров и отсутствие техники безопасности.

Главными проблемами граждане выделяют: отсутствие медработников в фитнес-центрах, неисправные тренажеры или устаревшую технику, низкую квалификацию тренеров и халатное отношение к посетителям; и это касается только настоящих, «живых» занятий с тренером, что касается онлайн тренировок, все усложняется в разы [2, с. 77].

Ответственность онлайн-тренера включает профессиональную ответственность за качество

программы и безопасность тренировок, юридическую ответственность (договоры, защита данных), этическую ответственность за мотивацию и честность, а также ответственность перед законом (например, в случае допинга, но это относится к спорт-функционалам).

Тренер обязан предоставлять безопасные и эффективные планы, соблюдать законы, быть честным и не навязывать вредные добавки, а клиент имеет право отказаться от услуг согласно Закону о защите прав потребителей.

Но, что касается практики, то в реальности регулировать данный рынок гораздо труднее. У пользователя, который решил тренироваться дистанционно, может отсутствовать нужный инвентарь или находиться в неисправном состоянии. Тренер не может проконтролировать поведение клиента через экран или скорректировать некоторые упражнения, как при живых занятиях. Также многие пользователи приложений по онлайн-фитнесу используют подручные предметы, вместо специального спортивного оборудования, к примеру, стул вместо тренажера или бутылки вместо гантелей, это увеличивает риск травматизации.

Рисунок 1. Основные проблемы правового регулирования дистанционных тренировок

Выделим основные обязанности онлайн-тренера:

1. Общая оценка состояния здоровья обучающегося.
2. Регламентированная техника выполнения упражнений.
3. Следить за правильным выполнением упражнений.

4. Поставить в известность о возможных рисках.

Обязанности клиента:

1. Предоставление достоверной информации о своем состоянии здоровья.
2. Соблюдение техники безопасности выполнения тренировки.

3. Незамедлительно информировать тренера о наличии состояния дискомфорта.
4. Обеспечить безопасное окружение места тренировки.

Если этот вопрос касается дистанционного обучения студентов дисциплине физкультура, то следует указать им на необходимость знать правила использования спортивного инвентаря, методических знаний и правила выполнения упражнений, правильного контроля регулирования нагрузки и необходимости отдыха после тренировки. Педагоги отмечают, что причинами травм часто становится непрофессионализм в сфере проведения дистанционных тренировочных занятий [5, с. 384].

В физическом воспитании студентов часто используются различные программы тренировок, направленные на развитие силовых качеств, повышение выносливости, увеличение объема мышечной массы, исправление осанки т.д. Максимально удобно то, что такие приложения устанавливаются как на компьютер, так и на мобильные устройства [4, с. 84].

Для сравнения в США в большинстве штатов действует принцип «assumption of risk» (принятие риска), но суды все чаще становятся на сторону потребителей, особенно если тренер не проявил должного контроля за выполнением упражнений или не проинструктировал клиента о возможных противопоказаниях или рисках.

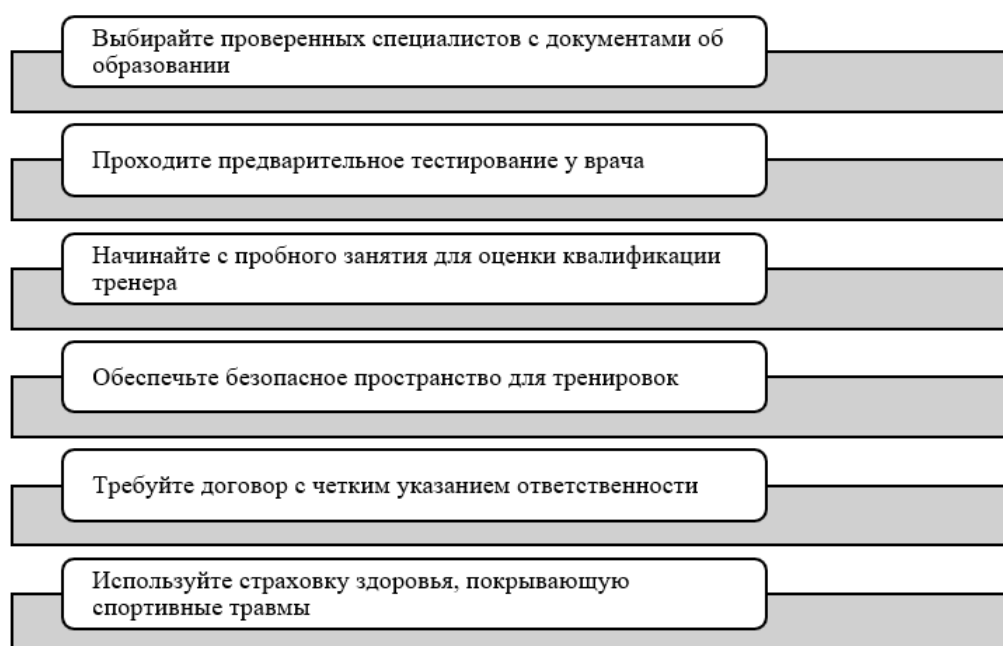

Рисунок 2. Рекомендации для безопасных дистанционных тренировок

Проблема правового вакуума требует решения со стороны законодательства, чтобы снизить риски ведения нелегальной тренерской деятельности, которая только вредит здоровью и отнимает клиентов у профессиональных тренеров, имеющих высокую квалификацию и тренерский стаж.

На законодательном уровне необходимо:

1. Разработать специальные нормативы для онлайн-тренеров.
2. Ввести обязательную сертификацию специалистов, ведущих дистанционные спортивные тренировки.
3. Установить требования к страховке ответственности.

4. Создать реестр для профессиональных онлайн-тренеров, имеющих документальное подтверждение своей компетенции и сертификаты.

5. Разработать стандарты безопасности дистанционных занятий и принять новый закон, регламентирующий деятельность онлайн-платформ, приложений и интернет-сайтов спортивной направленности.

Данные меры позволят обезопасить обычных пользователей от риска получения травм во время дистанционных тренировок, а также обратить внимание тренеров на соответствие законодательным нормам во избежание ответственности за нарушения.

Цифровизация предоставляет широкий выбор различных технологичных инструментов для автоматизации бизнес-процессов и упрощения работы специалистов во многих направлениях.

Во время дистанционных тренировок ответственность за безопасность клиента несет тренер, составляющий программу упражнений. Именно тренер должен предупредить клиента о возможных рисках и противопоказаниях к тренировкам.

Чтобы обезопасить себя при ведении дистанционных тренировок тренеру необходимо получить профессиональное образование и регулярно его подтверждать; информировать заранее и предоставлять подробные анкеты и буклеты безопасных тренировок для клиентов; вести запись всех занятий (видеозапись также); составлять письменные договоры с клиентами.

Список литературы:

[1] Гостева С. Р. Спортивное право / С. Р. Гостева, Г. Р. Гостев // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. – 2017. – № 4(35). – С. 213-238.

[2] Дисциплинарная ответственность в сфере спорта: правовой аспект / И. Ю. Рогалева, Г. В. Шония, В. А. Щербakov, Г. А. Рогалева // Теория и практика физической культуры. – 2022. – № 2. – С. 77-79.

[3] Левина И. Л. Дистанционные образовательные технологии в организации онлайн - тренировок / И. Л. Левина // Norwegian Journal of

Development of the International Science. – 2020. – № 42-4. – С. 66-70.

[4] Озерова О. А. Цифровые технологии в физическом воспитании студентов / О. А. Озерова // Северный регион: наука, образование, культура. – 2022. – № 1(49). – С. 80-87.

[5] Щадилова И. С. Применение дистанционного формата спортивных тренировок в практике вуза / И. С. Щадилова, О. Л. Лебедева // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2021. – № 6 (196). – С. 382-385.

References:

[1] Gosteva S. R. Sports Law / S. R. Gosteva, G. R. Gostev // Bereginia. 777. Sovia: Society. Politics. Economy. - 2017. - No. 4 (35). - P. 213-238.

[2] Disciplinary Liability in the Field of Sports: Legal Aspect / I. Yu. Rogaleva, G. V. Shonia, V. A. Shcherbakov, G. A. Rogaleva // Theory and Practice of Physical Education. - 2022. - No. 2. - P. 77-79.

[3] Levina I. L. Distance Education Technologies in the Organization of Online Training / I. L. Levina // Norwegian Journal of Development of the International Science. - 2020. - No. 42-4. - P. 66-70.

[4] Ozerova O. A. Digital technologies in physical education of students / O. A. Ozerova // Northern region: science, education, culture. - 2022. - No. 1 (49). - P. 80-87.

[5] Shchadilova I. S. Application of the distance format of sports training in the practice of the university / I. S. Shchadilova, O. L. Lebedeva // Scientific notes of the P.F. Lesgaft University. - 2021. - No. 6 (196). - P. 382-385.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-715-721

СУББОТИНА Инга Кеворковна,
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры
общеобразовательных дисциплин Северо-Западного филиала
Университета правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: ruslit448@mail.ru

ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основы правовой культуры с акцентом на их педагогическое применение в условиях юридического колледжа. Особое внимание уделяется анализу различных методов и подходов к формированию правовой культуры, включая традиционные лекционные занятия, интерактивные формы обучения и использование цифровых технологий. В рамках исследования изучаются современные педагогические модели, направленные на повышение мотивации и правовой осведомленности студентов.

Анализируется влияние интермедиального подхода на уровень правосознания обучающихся. Отдельное внимание уделяется разработке конкретных методических рекомендаций, позволяющих интегрировать интермедиальный анализ в образовательный процесс юридического колледжа. Акцент сделан на формировании комплекса педагогических условий, которые обеспечивают систематическое применение данного инструмента и способствуют повышению качества правового образования.

Сопоставительный анализ традиционных и инновационных методов выявляет преимущества нового подхода, включая усиление междисциплинарных связей и повышение вовлеченности студентов в учебный процесс.

Ключевые слова: интермедиальный анализ, инновационная методика, правовая культура, образовательный процесс, профессиональная деятельность.

SUBBOTINA Inga Kevorkovna,
Candidate of Philological Sciences,
Senior lecturer at the Department of General Education
of the North-Western Branch Lebedev University of Justice

INTERMEDIAL ANALYSIS AS A TOOL FOR FORMING THE LEGAL CULTURE OF LAW STUDENTS

Annotation. The article examines the theoretical foundations of legal culture with an emphasis on their pedagogical application in the context of a law college. Special attention is paid to the analysis of various methods and approaches to forming legal culture, including traditional lectures, interactive learning forms, and the use of digital technologies. The study investigates modern pedagogical models aimed at increasing student motivation and legal awareness.

The influence of the intermedial approach on the level of students' legal consciousness is analyzed. Particular attention is given to the development of specific methodological recommendations for integrating intermedial analysis into the educational process of a law college. The focus is on creating a set of pedagogical conditions that ensure the systematic application of this tool and contribute to improving the quality of legal education.

A comparative analysis of traditional and innovative methods reveals the advantages of the new approach, including the strengthening of interdisciplinary connections and increased student engagement in the learning process.

Key words: intermedial analysis, innovative methodology, legal culture, educational process, professional activity.

Правовая культура представляет собой сложное социальное явление, отражающее уровень правосознания, правового поведения и отношения к праву в определенной социальной группе. Формирование правовой культуры студентов юридических специальностей приобретает особое значение, поскольку именно в период обучения происходит первичное усвоение правовых норм, ценностей и этических стандартов будущими специалистами. Развитие правовой культуры способствует не только успешной профессиональной деятельности, но и формированию гражданской ответственности, что является основой для устойчивого социального взаимодействия.

В условиях динамичного развития информационных технологий и изменения форм образовательного процесса традиционные методы формирования правовой культуры сталкиваются с ограничениями, вызванными недостаточной активизацией познавательной активности и критического мышления студентов. Интермедиаальный анализ выступает как инновационный инструмент, способный улучшить понимание и усвоение правовых знаний за счет комплексного анализа медиaprостранства, включающего текстовые, визуальные и интерактивные компоненты. Данная методика позволяет выявлять скрытые смыслы, соотношения между различными видами информации и способствует развитию навыков комплексной интерпретации правовых явлений.

Необходимо совершенствовать образовательные технологии в сфере правового образования. Современные вызовы общества требуют от будущих юристов не только глубоких теоретических знаний, но и способности критически осмысливать и интерпретировать правовую информацию. Это способствует формированию адаптивной, проактивной правовой позиции, что в долгосрочной перспективе укрепляет правовую культуру как важный элемент гражданского общества.

Изучение интермедиаального анализа в контексте формирования правовой культуры студентов юридических направлений обеспечивает комплексный взгляд на образовательный процесс и предлагает инновационные решения для повышения его эффективности.

Правовая культура представляет собой совокупность правосознания, правового поведения и системы ценностей, регулирующих отношение личности к праву и законодательству. Она формируется через освоение знаний о праве, развитие правового мышления и навыков применения правовых норм в различных жизненных ситуациях. Для студентов юридического колледжа правовая культура служит основой профессиональной идентичности, обеспечивая сознатель-

ное и ответственное отношение к юридической деятельности, а также способность к критическому анализу правовых явлений и норм [16, с. 217].

Важным аспектом является то, что правовая культура не ограничивается лишь теоретическими знаниями. Она включает умение применять правовые нормы и этические принципы на практике, что особенно актуально для будущих юристов. Формирование правовой культуры у студентов предполагает развитие профессиональной ответственности, правовой самодисциплины и активной гражданской позиции [3, с. 43]. Это способствует не только высокому уровню правосознания, но и подготовке компетентных кадров, способных эффективно функционировать в условиях правового государства и гражданского общества.

Методологическая база изучения и формирования правовой культуры в образовательных организациях строится на междисциплинарном подходе, который учитывает социально-правовую природу феномена. Особое значение в современных условиях приобретает системный взгляд, который рассматривает правовую культуру как комплекс взаимосвязанных элементов: знаний, умений, мотиваций и ценностей. Такой системный анализ позволяет глубже понять механизмы формирования правового сознания и способствует разработке эффективных педагогических стратегий [15, с. 88].

Одной из инновационных методик, способных усилить формирование правовой культуры, является интермедиаальный анализ. Первоначально разработанный в гуманитарных науках, этот подход предполагает комплексное исследование взаимодействия различных медиасредств и знаковых систем для выявления новых значений и контекстов. В юридическом образовании интермедиаальный анализ трансформируется в инструмент комплексного восприятия и оценки правовых текстов, а также сопряженных с ними социальных и культурных аспектов, что существенно углубляет понимание правовых феноменов [17, с. 42].

Интермедиаальный анализ развивает у студентов способность не просто воспринимать информацию по отдельности, а видеть её в связном и многослойном контексте. Этот метод способствует формированию системного мышления, умению выявлять скрытые связи между различными формами правового знания, что является важным навыком для профессионала в области права [7, с. 112-113]. Помимо аналитических способностей, интермедиаальный подход стимулирует интерес к правовой информации, повышая мотивацию к обучению и активному участию в учебном процессе.

Интеграция интермедиального анализа в педагогическую практику юридического колледжа открывает новые возможности для формирования правовой культуры. Она способствует не только накоплению правовых знаний, но и развитию компетенций, необходимых для качественного правоприменения в условиях меняющегося социального и технологического контекста.

Формирование правовой культуры в образовательной среде юридического колледжа базируется на комплексном применении педагогических моделей, ориентированных на интеграцию теоретических знаний и практических навыков студентов. Среди традиционных моделей выделяются объяснительно-иллюстративный, репродуктивный и исследовательский методы, которые служат основой для усвоения правовых понятий и норм. Однако их эффективность ограничена, поскольку они зачастую недостаточно учитывают специфику правового образования и потребность в активном вовлечении обучающихся в процесс принятия правовых решений [18].

Для преодоления этих ограничений широко применяется кейс-метод, представляющий собой разбор конкретных правовых ситуаций, максимально приближенных к реальным профессиональным обстоятельствам студентов. Это способствует развитию аналитического мышления и навыков применения закона, формирует умение аргументированно защищать позицию, а также стимулирует активное участие в учебном процессе.

Также важным элементом методологического арсенала являются юридические клиники – структуры, обеспечивающие первичную профессиональную практику. Они представляют собой площадки, где студенты могут применять правовые знания на практике, получая опыт реального консультирования и решения правовых проблем [14, с. 34-35]. Создание таких клиник способствует активной социализации обучающихся, формированию профессиональной ответственности и развитию эмпатии к нуждам граждан, что непосредственно влияет на формирование добросовестного правового поведения.

Педагогические технологии, направленные на развитие коммуникативных и критических навыков, также широко используются для формирования правовой культуры. Технологии дебатов и самопрезентаций позволяют студентам овладеть риторическим мастерством и уверенностью в публичных выступлениях, что способствует формированию уверенной профессиональной позиции в правовом поле. Программно-модульное обучение, ориентированное на поэтапное освое-

ние компетенций, обеспечивает системность образовательного процесса и способствует постепенному развитию правосознания [18].

Внеурочная деятельность играет не менее важную роль. Создание Центров правовой помощи, организация речевых образовательных ситуаций и вовлечение студентов в социально ориентированные проекты позволяет превратить знания из формальных правил во внутренние ценности [3, с. 43]. Этот воспитательный аспект помогает формировать у обучающихся уважение к правовым нормам как к фундаменту гражданского общества и профессиональной этики.

К сожалению, существующие методы и технологии в образовательной практике юридических колледжей не всегда обеспечивают должный уровень формирования правовой культуры, особенно в части развития системного мышления и комплексного восприятия правовых явлений. Это обусловлено быстрыми изменениями в медиа- и информационном пространстве, которые требуют более гибких и мультидисциплинарных подходов. В этой связи нарастает необходимость внедрения инновационных инструментов, таких как интермедиальный анализ, который позволяет учащимся осмысливать правовую информацию в её многомерном контексте, усиливая взаимодействие различных форм права и медиаконтента [16, с. 217].

Вывод о необходимости новых методологических инструментов подтверждается и практическими аспектами: интеграция интермедиального анализа может комплексно расширить педагогический потенциал за счет развития у студентов навыков критического осмысления, системного анализа и эффективного применения правовых норм в современных условиях [18]. Следовательно, формирование правовой культуры в образовательной среде юридического колледжа требует сочетания проверенных педагогических моделей с новыми подходами, способными отражать вызовы современного правового пространства и медиасферы.

Таким образом, переход от традиционных методов к инновационным технологиям в педагогике правового образования создает базу для системного и эффективного формирования правовой культуры, направленного на подготовку компетентных, сознательных и социально ответственных специалистов.

Формирование правовой осведомленности студентов юридического колледжа определяется комплексом внутренних и внешних факторов, которые необходимо учитывать для эффективного развития правосознания и профессиональной идентичности. К числу ключевых внутренних

факторов относятся личностные характеристики обучающихся, такие как мотивация, уровень познавательной активности, сформированность ценностных ориентаций и нравственных установок. Уровень мотивации в учебной деятельности значительно влияет на восприятие правовых норм: мотивированные студенты демонстрируют более глубокое осмысление законодательных принципов и стремятся их применять.

Психологические особенности, включая социально-профессиональную направленность и готовность к усвоению правовых знаний, составляют основу формирования правового мировоззрения. Внутреннее принятие правовых норм как личностного обязательства – важный компонент, отличающий правосознание от механического запоминания правил. Это значение поддерживается пониманием необходимости соблюдения закона не только как внешнего требования, но как внутреннего регулятора поведения, что способствует формированию устойчивой правовой идентичности [4].

Внешние факторы включают качество и содержание образовательной среды, в которой обучаются студенты. Юридическое образование оказывает прямое воздействие на развитие правовой осведомленности, располагая средствами правового воспитания и формирования нравственных принципов, что превращает этические требования в прочные установки профессионального поведения [12, с. 188].

Также важным элементом являются педагогические и воспитательные мероприятия, рассчитанные на создание мотивирующей среды и способствующие социально-правовому становлению обучающихся [1, с. 63]. Развитие социальной активности студентов через участие в юридических проектах и дополнительных образовательных программах усиливает их заинтересованность и практическую ориентацию, что положительно отражается на внутреннем восприятии правовых норм и ответственности.

Системный подход к изучению правовой осведомленности должен учитывать взаимодействие личностных характеристик студентов с образовательной и социальной средой, что позволяет более адекватно моделировать педагогическое воздействие и оптимизировать содержание учебных программ. Пренебрежение комплексностью создает риски фрагментарного формирования правового мировоззрения, которое может оказаться недостаточно устойчивым в условиях профессиональной деятельности.

Появление интермедиального анализа обосновано необходимостью расширения инструментов педагогической диагностики, способных охватить разнообразные знаковые системы и медиа-

лингвистические каналы, взаимодействующие в современном информационном пространстве. Интермедиальный подход позволяет выявлять и анализировать перекрёстные связи между текстом, визуальными и аудиовизуальными элементами, что особенно важно при оценке влияния различных педагогических приёмов, учитывающих мультимодальную природу правового знания [11, с. 69-70].

Применение интермедиального анализа в рамках педагогического эксперимента позволяет системно фиксировать, каким образом студенты усваивают правовую информацию не только с позиции традиционного правового текста, но и в совокупности с дополнительными медиаресурсами, усиливающими восприятие и понимание материала. Интермедиальный подход раскрывает скрытые семантические и прагматические уровни учебных коммуникаций, что традиционные методы анализа не способны отразить в полной мере [7, с. 104]. Так, комбинированные лекции, использующие интеграцию текста, изображения и аудиовизуальных материалов, подлежат детальному междомодальному разбору, позволяющему оценить степень вовлечённости и критической рефлексии обучающихся.

Кроме того, интермедиальный анализ поддерживает усиление педагогической интеракции, выявляя эффективность использования различных коммуникационных кодов и модальностей в образовательном процессе [9, с. 102]. Появляется возможность не только оценить знаниевый компонент формирования правовой культуры, но и проследить динамику развития междисциплинарных компетенций, включая навыки критического мышления, медиаграмотности и умения интегрировать различные источники информации в правовой контекст [13, с. 74].

Проблематичность формулировки общего понятия интермедиальности в гуманитарных науках стимулирует к адаптации данного метода с учетом оборудования педагогической практики специфическими алгоритмами, позволяющими максимально эффективно отражать обучающий эффект. Использование алгоритмов интермедиального анализа, разработанных на примере дисциплин филологического профиля, стало отправной точкой для его применения в юридическом образовании, что подтверждает универсальность и междисциплинарный потенциал данной методики [7, с. 108].

Систематизация данных, полученных посредством интермедиального анализа, даёт возможность сравнить и оценить эффективность различных педагогических приёмов – лекций, семинаров, кейс-методов и интерактивных технологий – с учётом комплексного восприятия инфор-

мации студентами. Методы, включающие мультимодальные компоненты и основанные на интермедиальном подходе, способствуют более устойчивому усвоению правовых норм и развитию навыков критического анализа, чем традиционные подходы, опирающиеся преимущественно на вербальные тексты и формальную вербализацию знаний [2, с. 105].

Ключевым преимуществом интермедиального анализа перед традиционными методами оценки является его способность демонстрировать комплексную картину образовательного процесса, сочетающую когнитивный, эмоциональный и коммуникативный аспекты усвоения правового материала [10, с. 86]. Такой анализ позволяет учитывать разнообразие способов восприятия и переработки информации в учебном процессе, что является необходимым условием формирования полноценной правовой культуры в условиях цифрового современного общества [8, с. 93].

В итоге интермедиальный анализ выступает как перспективный и эффективный инструмент оценки формирования правовой культуры студентов юридических специальностей. Он расширяет методологические возможности педагогического контроля, способствует выявлению неочевидных связей между педагогическими приёмами и результатами обучения, а также интегрирует традиционные и инновационные формы подачи материала [6, с. 66-67]. Это позволяет не только повысить качество правового образования, но и обеспечить развитие у студентов навыков, востребованных в динамично меняющемся правовом и информационном пространстве.

Рассмотрим *методологические рекомендации* по интеграции интермедиального анализа в учебный процесс.

Во-первых, для устойчивого формирования правовой культуры и профессиональной компетентности необходима разработка и внедрение комбинированных лекций и семинаров, основанных на структурированном алгоритме интермедиального анализа. Занятия должны предусматривать последовательное выявление и анализ различных медиасредств, их типов взаимодействия и функциональной роли в правовых документах и материалах. Практика должна включать использование культурно-исторического и системного подходов, что позволит студентам осознавать контексты и скрытые смыслы, формируя комплексное понимание правовых явлений [7, с. 120]. Особое внимание следует уделить совместной работе преподавателей юридической и гуманитарной направленности для обеспечения междисциплинарного обучения.

Во-вторых, необходимо активное использование цифровых платформ и инструментов искус-

ственного интеллекта, способствующих имитации реальных профессиональных ситуаций. Такие технологии позволяют студентам составлять и анализировать правовые документы, включая иностранный юридический дискурс, что укрепляет их компетенции в международном праве и способствует развитию цифровой грамотности. Рекомендуется интегрировать эти сервисы в учебные модули, сопровождая их методически выстроенными заданиями и контролем качества выполненных работ [5, с. 1457].

В-третьих, необходимо внедрять мультимедийные материалы – видеолекции, интерактивные презентации и кейсы, объединяющие текстовые, визуальные и аудиальные компоненты. Это обеспечивает развитие интермедиальной грамотности, позволяя студентам глубже и целостнее воспринимать правовую информацию, совершенствуя навыки анализа сложных междисциплинарных взаимодействий, что соответствует требованиям цифровой эпохи [10, с. 85]. Важно обучать студентов применению дедуктивных и аналогических методов при сопоставлении различных видов правового контента, что повышает гибкость мышления и творческий потенциал.

В-четвёртых, обязательна организация междисциплинарных мастер-классов и тренингов, вовлекающих специалистов по праву, лингвистике и медиаобразованию. Это позволяет формировать профессионально ориентированную коммуникативную компетенцию. Такой междисциплинарный подход способствует усвоению правовых концепций через призму разных знаковых систем и культурно-исторических контекстов, что усилит мотивацию студентов и расширит спектр их профессиональных навыков [7, с. 121].

Наконец, для успешной интеграции интермедиального анализа необходимо выстроить системный мониторинг и оценку образовательного процесса, включающий регулярное измерение уровня сформированности правовой культуры с помощью медиаграмотных и аналитических критериев. Важно обеспечить методическую поддержку преподавателей через разработку сценариев занятий, учебных пособий и электронных методических комплексов, направленных на формирование интермедиальной грамотности и цифровых компетенций [5, с. 1464].

Таким образом, реализация описанных рекомендаций предполагает последовательный план действий:

1. Адаптация учебных программ и учебных планов с включением модулей по интермедиальному анализу и цифровым технологиям.
2. Подготовка и повышение квалификации преподавателей, объединяющих знания в праве, гуманитарных науках и цифровых технологиях.

3. Разработка и внедрение комбинированных лекций и мультимедийных учебных материалов с применением структурированного алгоритма интермедиального анализа.

4. Интеграция инструментов искусственного интеллекта и цифровых сервисов для практического освоения правовых навыков.

5. Организация междисциплинарных тренингов и мастер-классов для формирования комплексных компетенций.

6. Создание системы мониторинга и методического сопровождения для оценки и корректировки образовательного процесса.

Применение данных рекомендаций обеспечит повышение эффективности формирования правовой культуры студентов юридического колледжа, усилит их профессиональную подготовку и адаптацию к современным требованиям правовой и цифровой среды.

Комплексный анализ факторов влияния создаёт основу для применения интермедиального анализа как инструмента, способного объединять различные аспекты образовательного и социального опыта студентов. Использование такого подхода позволит не только выявить текущий уровень правовой осведомленности, но и определить направления для целенаправленной корректировки образовательного процесса.

Таким образом, внедрение интермедиального анализа в систему оценки образовательных методик обеспечивает качественно новый уровень контроля и коррекции педагогического процесса, превосходящий традиционные подходы по полноте анализа и адаптивности к современным условиям обучения.

Список литературы:

- [1] Артищева Д.А. Формирование правосознания как фактор становления профессиональной идентичности личности в студенческом возрасте // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 2. С. 61–63.
- [2] Борисова В.В. Интермедиальные уроки по русской словесности // Педагогический журнал Башкортостана. 2018. № 5 (78). С. 102–107.
- [3] Быстрова Н.В., Баканова А.А., Писарева В.А. Формирование правовой культуры студентов в условиях образовательной среды колледжа // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87-3. С. 42–45.
- [4] Волкова Е.В. Роль правосознания в формировании ценностного отношения к правовой культуре у студентов техникума // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-pravosoznaniya-v-formirovanii-tsennostnogo-otnosheniya-k-pravovoy-kulture-u-studentov-tehnikuma> (дата обращения: 20.01.2026).
- [5] Гаврилов М.В. Методическая модель обучения студентов-юристов составлению правовых документов на иностранном языке посредством инструментов искусственного интеллекта // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 6. С. 1452–1466.
- [6] Газимагомедов М.Н., Чупанова А.Ч., Магомедов Н.М. К вопросу о правовом воспитании и методах его формирования у подрастающего поколения в современном российском обществе // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2020. № 2. С. 65–69.
- [7] Дашко Е.Л. Формирование навыков интермедиального анализа у студентов-филологов средствами комбинированной лекции // Концепт. 2024. № 6. С. 104–122.
- [8] Иванова А.П. Искусственный интеллект в сфере права и юридической практике: основные проблемы и перспективы развития // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: Реферативный журнал. 2021. № 1. С. 90–98.
- [9] Калинин А.А., Королева Н.Ю., Рыжова Н.И., Федорова Ю.В. Искусственный интеллект в образовательном контенте: актуальный тренд и практические аспекты эволюции учебного процесса // Наука и школа. 2024. № 5. С. 98–113.
- [10] Камилла Т.Р. Искусственный интеллект в образовании: правовые аспекты регулирования и научного поиска // Закон и право. 2025. № 4. С. 80–86.
- [11] Клименко М.В., Слепцова Л.А. Интермедиальность в системе языкового образования в вузе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2023. № 9 (182). С. 66–71.
- [12] Кондратьева Е.В. Юридическое образование как фактор повышения правосознания молодежи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 7. С. 186–192.
- [13] Милинчук Д.С. Искусственный интеллект в праве: тенденции, угрозы и перспективы права на современном этапе развития общества // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 7 (238). С. 70–76.
- [14] Мищенко Л. И., Мамкин А. Ю. Психолого-педагогические аспекты формирования правовой культуры обучающихся СПО // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2018. № 2. С. 29–41.

[15] Савин В.Н. Правовая культура студентов в современных условиях: социологический анализ // Социум и власть. 2011. № 2. С. 88–92.

[16] Сергеева М.Г., Колчина В.В. Формирование правовой культуры студентов профессиональных образовательных организаций // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62-3. С. 215–220.

[17] Хаминова А.А., Зильберман Н.Н. Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 38–45.

[18] Ядрышников К.С. Проблемы формирования правовой культуры у студентов среднего профессионального образования // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-pravovoy-kultury-u-studentov-srednego-professionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 22.01.2026).

References:

[1] Artishcheva D.A. Formation of legal awareness as a factor in the development of professional identity of an individual in student age // Psychology and pedagogy of service activity. 2020. No. 2. pp. 61–63.

[2] Borisova V.V. Intermediate lessons in Russian literature // Pedagogical journal of Bashkortostan. 2018. No. 5 (78). pp. 102–107.

[3] Bystrova N.V., Bakanova A.A., Pisareva V.A. Formation of students' legal culture in the educational environment of a college // Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 87-3. pp. 42–45.

[4] Volkova E.V. The role of legal awareness in the formation of a value attitude towards legal culture among technical school students // Actual problems of humanitarian and natural sciences. 2011. No. 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-pravosoznaniya-v-formirovanii-tsennostnogo-otnosheniya-k-pravovoy-kulture-u-studentov-tehnikuma> (date of access: 20.01.2026).

[5] Gavrilov M.V. Methodological model of teaching law students to draft legal documents in a foreign language using artificial intelligence tools // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2023. No. 6. pp. 1452–1466.

[6] Gazimagomedov M.N., Chupanova A.Ch., Magomedov N.M. On the issue of legal education and methods of its formation in the younger generation in modern Russian society // Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences. 2020. No. 2. Pp. 65–69.

[7] Dashko E.L. Formation of Intermediate Analysis Skills in Philology Students by Means of Combined Lectures // Concept. 2024. No. 6. Pp. 104–122.

[8] Ivanova A.P. Artificial Intelligence in Law and Legal Practice: Main Problems and Development Prospects // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 4. State and Law: Abstract Journal. 2021. No. 1. Pp. 90–98.

[9] Kalinin A.A., Koroleva N.Yu., Ryzhova N.I., Fedorova Yu.V. Artificial Intelligence in Educational Content: Current Trend and Practical Aspects of the Evolution of the Educational Process // Science and School. 2024. No. 5. Pp. 98–113.

[10] Kamilla T.R. Artificial Intelligence in Education: Legal Aspects of Regulation and Scientific Research // Law and Right. 2025. No. 4. Pp. 80–86.

[11] Klimenko M.V., Sleptsova L.A. Intermediality in the System of Language Education at the University // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2023. No. 9 (182). Pp. 66–71.

[12] Kondratieva E.V. Legal Education as a Factor in Improving Legal Awareness of Young People // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2011. No. 7. Pp. 186–192.

[13] Milinchuk D.S. Artificial Intelligence in Law: Trends, Threats, and Prospects for Law at the Current Stage of Social Development // Property Relations in the Russian Federation. 2021. No. 7 (238). pp. 70–76.

[14] Mishchenko L. I., Mamkin A. Yu. Psychological and Pedagogical Aspects of Forming the Legal Culture of Secondary Vocational Education Students // Scientific Result. Pedagogy and Psychology of Education. 2018. No. 2. pp. 29–41.

[15] Savin V. N. Legal Culture of Students in Modern Conditions: A Sociological Analysis // Society and Power. 2011. No. 2. pp. 88–92.

[16] Sergeeva M. G., Kolchina V. V. Forming the Legal Culture of Students of Professional Educational Organizations // Problems of Modern Pedagogical Education. 2019. No. 62-3. P. 215–220.

[17] Khaminova A. A., Zilberman N. N. Theory of Intermediality in the Context of Modern Humanitarian Science // Bulletin of Tomsk State University. 2014. No. 389. P. 38–45.

[18] Yadryshnikov K. S. Problems of Forming Legal Culture among Students of Secondary Vocational Education // Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. 2017. No. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-pravovoy-kultury-u-studentov-srednego-professionalnogo-obrazovaniya> (accessed: 22.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-722-727

ЛАВРОВА Ольга Аркадьевна,
доцент, Петербургский государственный университет
путей сообщения (ПГУПС), г. Санкт-Петербург
e-mail: lavrolga@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ SOFT-SKILLS В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Аннотация. В статье исследуется роль soft-skills в практике преподавания русского языка как иностранного. Рассматривается влияние гибких навыков, таких как эмпатия, культурная чувствительность, коммуникативные навыки, критическое мышление и гибкость, на эффективность процесса обучения. Анализируется, как эмпатия и культурная чувствительность преподавателя способствуют установлению контакта с учащимися, созданию атмосферы доверия и взаимопонимания, что особенно важно в межкультурном образовательном пространстве. Исследуется значение развитых коммуникативных навыков преподавателя РКИ в формировании стимулирующей и поддерживающей среды обучения, способствующей активному участию студентов в учебном процессе. Особое внимание уделяется роли критического мышления и гибкости преподавателя в адаптации методики преподавания к потребностям и стилям обучения студентов, позволяющей максимально индивидуализировать образовательный процесс. На основе анализа научных публикаций предложены практические рекомендации по развитию гибких навыков у преподавателей РКИ с целью повышения качества и эффективности обучения. Результаты исследования могут быть использованы в процессе подготовки и повышения квалификации преподавателей, а также при разработке новых методик и технологий обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: soft-skills, РКИ, преподавание русского языка как иностранного, эмпатия, культурная чувствительность, коммуникативные навыки, критическое мышление, гибкость, методика преподавания, межкультурная коммуникация.

LAVROVA Olga Arkadyevna,
Associate Professor, Emperor Alexander I St. Petersburg State
Transport University (PGUPS), St. Petersburg

THE USE OF SOFT-SKILLS IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Annotation. The article examines the role of soft-skills in the practice of teaching Russian as a foreign language. The influence of flexible skills such as empathy, cultural sensitivity, communication skills, critical thinking and flexibility on the effectiveness of the learning process is considered. The article analyzes how empathy and cultural sensitivity of a teacher contribute to establishing contact with students, creating an atmosphere of trust and mutual understanding, which is especially important in the intercultural educational space. The article examines the importance of the developed communication skills of an RCT teacher in the formation of a stimulating and supportive learning environment that promotes the active participation of students in the educational process. Special attention is paid to the role of critical thinking and teacher flexibility in adapting teaching methods to the needs and learning styles of students, allowing for maximum individualization of the educational process. Based on the analysis of scientific publications, practical recommendations are proposed for the development of flexible skills among RCT teachers in order to improve the quality and effectiveness of training. The results of the research can be used in the process of training and advanced training of teachers, as well as in the development of new methods and technologies for teaching Russian as a foreign language.

Key words: soft-skills, RCT, teaching Russian as a foreign language, empathy, cultural sensitivity, communication skills, critical thinking, flexibility, teaching methods, intercultural communication.

Введение

Современные тенденции в образовании акцентируют внимание не только на передаче предметных знаний, но и на развитии у обучающихся так называемых soft-skills – гибких навыков, которые определяют успешность адаптации к быстро меняющимся условиям профессиональной и социальной среды. В контексте преподавания русского языка как иностранного роль гибких навыков у преподавателя приобретает особую значимость. Успешное освоение языка помимо лингвистической компетенции напрямую зависит от способности преподавателя устанавливать эффективный контакт с учащимися, учитывать их культурные особенности и индивидуальные потребности, а также создавать благоприятную атмосферу для обучения.

Целью данного исследования является выявление и анализ роли soft-skills в практике преподавания русского языка как иностранного. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач: определение основных навыков, наиболее востребованных в работе преподавателя РКИ; изучение практических аспектов применения данных навыков в различных аспектах обучения (установление контакта с учащимися, создание стимулирующей среды, адаптация методики).

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении soft-skills как значимого фактора эффективности преподавания РКИ. В отличие от традиционных исследований, фокусирующихся преимущественно на лингвистических и методических аспектах, данная работа акцентирует внимание на межличностных и коммуникативных навыках преподавателя, а также на его способности к адаптации и критическому мышлению.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использованы научные публикации отечественных и зарубежных авторов, посвященные вопросам методики преподавания РКИ, педагогики, психологии и теории коммуникации. Основным методом исследования – теоретический анализ и обобщение научных данных. Проведен анализ существующих исследований, публикаций, статей, посвященных применению soft-skills в образовании в целом и в преподавании РКИ в частности. Данный анализ позволил выявить наиболее значимые навыки, определить их роль и специфику в контексте преподавания русского языка как иностранного, а также сформулировать практические рекомендации по их развитию и применению.

Результаты и обсуждения

1. Эмпатия и культурная чувствительность как инструменты установления контакта с учащимися

Эмпатия, определяемая как способность понимать и разделять чувства другого человека, является фундаментальным элементом межличностного взаимодействия. В контексте преподавания РКИ эмпатия позволяет преподавателю глубже понимать мотивацию, ожидания и трудности, с которыми сталкиваются иностранные студенты при изучении нового языка и культуры. Умение поставить себя на место учащегося, осознать культурные различия и языковой барьер позволяет преподавателю адаптировать свой подход к потребностям каждого студента, создавая комфортную и поддерживающую атмосферу обучения. Проявление эмпатии может выражаться в различных формах, начиная от внимательного слушания и понимающего взгляда и заканчивая готовностью оказать помощь и поддержку в решении возникающих проблем. Например, преподаватель, осознающий культурные особенности студента из восточной страны, должен тактично избегать прямолинейных вопросов, которые могут быть восприняты как некорректные, или же, наоборот, проявлять больше внимания к студентам из индивидуалистических культур, которые могут стесняться обратиться за помощью. Преподавателю, обучающему студента из Японии, стоит избегать вопросов, напрямую касающихся его личных амбиций и планов продвижения по карьерной лестнице, особенно в начале знакомства. В японском обществе важна скромность, и прямое озвучивание личных целей может быть воспринято как нескромность или хвастовство. Вместо этого лучше делать акцент на возможностях, которые изучение русского языка открывает для профессионального развития в целом.

Культурная чувствительность, в свою очередь, представляет собой способность понимать и уважать культурные различия, а также учитывать их влияние на поведение и восприятие мира. В контексте преподавания РКИ культурная чувствительность подразумевает знание основных культурных ценностей и норм различных стран, а также умение адаптировать свой стиль общения и методы преподавания к потребностям студентов из разных культурных сред [7, с. 102]. Проявление культурной чувствительности может выражаться, например, в использовании в учебных материалах примеров и ситуаций, понятных и близких студентам из разных стран, или же в учете особенностей невербальной коммуникации, которая может существенно отличаться в разных культурах. Так,

преподаватель, осведомленный о распространенности избегания неопределенности в некоторых культурах, может структурировать занятия таким образом, чтобы предоставить студентам четкие инструкции и заранее определенный план действий.

Взаимосвязь эмпатии и культурной чувствительности в процессе установления контакта с учащимися РКИ является очевидной. Эмпатия позволяет преподавателю осознать чувства и потребности студента, а культурная чувствительность – понимание того, какие факторы, обусловленные культурной принадлежностью, могут влиять на его поведение и восприятие. Таким образом, сочетание этих двух качеств позволяет преподавателю выстраивать более эффективную коммуникацию, основанную на взаимном уважении и понимании.

Однако важно отметить, что эмпатия и культурная чувствительность не являются врожденными качествами, а развиваются в процессе обучения и практического опыта. Преподаватели РКИ могут повысить свой уровень эмпатии и культурной чувствительности путем участия в тренингах, семинарах и мастер-классах, посвященных межкультурной коммуникации, посещения культурных мероприятий, изучения литературы и общения с носителями других культур [4, с. 35]. Кроме того, важную роль играет рефлексия собственного опыта и анализ возникающих трудностей в процессе общения с учащимися из разных стран.

Развитие этих качеств однозначно позволяет преподавателю создать комфортную и поддерживающую атмосферу обучения, учитывать индивидуальные особенности и культурные различия студентов, а также выстраивать эффективную коммуникацию, основанную на взаимном уважении и понимании. В конечном итоге, это способствует повышению мотивации к обучению, улучшению результатов освоения русского языка и культуры, а также формированию позитивного отношения к России и ее народу.

2. Коммуникативные навыки преподавателя РКИ: создание стимулирующей и поддерживающей среды обучения

Коммуникативные навыки преподавателя РКИ охватывают широкий спектр умений, начиная с вербальной и невербальной коммуникации и заканчивая активным слушанием, умением задавать вопросы, давать обратную связь и разрешать конфликты. Здесь внимание стоит обратить на умение четко и ясно излагать свои мысли, адаптируя свой язык к уровню владения русским языком учащимися. Преподаватель должен избегать сложных грамматических конструкций и профес-

сионального жаргона, используя наглядные примеры и аналогии для лучшего понимания материала.

Не менее важную роль играет невербальная коммуникация, включающая в себя мимику, жесты, позу и тон голоса. Преподаватель должен следить за своей невербальной коммуникацией, чтобы она была позитивной и поддерживающей. Важно сохранять зрительный контакт с учащимися, улыбаться, использовать открытые жесты и говорить уверенным и доброжелательным тоном. Невербальная коммуникация может оказывать существенное влияние на эмоциональное состояние учащихся, поэтому преподаватель должен стремиться к тому, чтобы она создавала атмосферу доверия и поддержки.

Активное слушание – это важный навык общения для преподавателя РКИ. Нужно внимательно слушать студентов, интересоваться их точкой зрения и задавать вопросы для уточнения. Важно не прерывать говорящего и дать возможность высказаться до конца. Так студенты поймут, что их мнение важно, и это поможет построить доверительные отношения.

Умение задавать вопросы тоже важно. Преподаватель должен уметь задавать вопросы разного типа, в зависимости от задач занятия. Открытые вопросы, требующие подробных ответов, помогают студентам думать самостоятельно и развивают критическое мышление [2, с. 63]. Закрытые вопросы, на которые можно ответить кратко, помогают закрепить знания и проверить, насколько хорошо понят материал. Важно четко формулировать вопросы и давать студентам время на обдумывание.

Важный элемент обучения – получение обратной связи. Чтобы студенты понимали, что у них хорошо получается, а над чем стоит поработать, преподавателю следует давать им отзывы об их успеваемости как можно чаще. Обратная связь должна быть четкой, полезной и доброжелательной. Важно обращать внимание не только на ошибки, но и на успехи. Преподавателю нужно поддерживать прогресс и мотивацию студентов [6, с. 123].

Умение решать споры – тоже важный навык общения для преподавателя РКИ. В любой группе студентов могут возникать разногласия из-за разных взглядов, культурных особенностей или личных проблем. Преподаватель должен уметь решать их мирно, выслушивать все стороны, искать компромиссы и помогать студентам понимать друг друга. Важно создать атмосферу, где студенты чувствуют себя в безопасности и могут свободно высказывать свое мнение, не боясь критики. Умение общаться с обучающимися, строить доверительные отношения и поддерживать позитивную атмосферу – это ключевые навыки преподавателя РКИ.

тивный настрой в группе помогает повысить мотивацию к учебе, улучшить результаты в изучении языка и культуры, а также сформировать положительное отношение к России и русскому языку. Развитие коммуникативных навыков важно для каждого преподавателя РКИ, который стремится к высоким результатам в работе. Для этого нужно постоянно совершенствоваться, анализировать свой опыт и изучать новые методы общения.

3. Критическое мышление и гибкость в адаптации методики преподавания к потребностям и стилям обучения студентов

Критическое мышление в рассматриваемом контексте подразумевает способность преподавателя анализировать и оценивать эффективность используемых методик и подходов, выявлять их сильные и слабые стороны, а также адаптировать их к конкретным условиям обучения и потребностям студентов. Это включает в себя умение сомневаться в общепринятых догмах, искать новые подходы и решения, а также рефлексировать над собственным опытом, извлекая уроки из успехов и неудач. Критическое мышление позволяет преподавателю не просто слепо следовать установленным методическим рекомендациям, а творчески подходить к процессу обучения, учитывая индивидуальные особенности каждого студента.

Гибкость, в свою очередь, является способностью преподавателя быстро и эффективно адаптировать свои методы преподавания к изменяющимся обстоятельствам и потребностям учащихся [10, с. 102]. Это предполагает умение оперативно реагировать на возникающие трудности, изменять планы уроков, использовать различные типы заданий и упражнений, а также применять различные образовательные технологии [1, с. 501]. Гибкость также подразумевает умение учитывать индивидуальные стили обучения студентов, такие как визуальный, аудиальный и кинестетический, и адаптировать свои методы преподавания таким образом, чтобы они соответствовали потребностям каждого студента.

В практике преподавания РКИ применение критического мышления и гибкости проявляется в различных аспектах. Например, преподаватель, обладающий критическим мышлением, может заметить, что определенная грамматическая тема вызывает затруднения у большинства студентов [9, с. 105]. В этом случае он не просто повторяет одно и то же объяснение, а анализирует ситуацию, выявляет причины трудностей и ищет альтернативные способы представления материала, используя, например, наглядные схемы, интерактивные упражнения или аутентичные текстовые и аудиоматериалы.

Проявление гибкости в адаптации методики преподавания состоит и в том, чтобы преподаватель умел подстраиваться под темп обучения. Если группа быстро усваивает материал, можно перейти к сложным темам или дать студентам дополнительные задания [3, с. 351]. Если группа испытывает трудности, стоит замедлить темп, вернуться к пройденному материалу и предложить больше упражнений.

Учет индивидуальных стилей обучения тоже важен. Преподаватель может предлагать разные типы заданий, рассчитанные на разные стили. Например, для визуалов подойдут презентации, схемы и таблицы. Для аудиалов - аудиозаписи, подкасты и дискуссии. Для кинестетиков - игры, ролевые игры и практические задания [8, с. 118].

Кроме того, критическое мышление и гибкость позволяют преподавателю эффективно использовать образовательные технологии. Современные технологии предоставляют широкий спектр возможностей для индивидуализации обучения, такие как онлайн-курсы, интерактивные учебники, образовательные приложения и платформы для онлайн-коммуникации [5, с. 534]. Преподаватель, обладающий критическим мышлением, может выбирать наиболее эффективные технологии и адаптировать их к потребностям своих студентов. Гибкость позволяет преподавателю интегрировать эти технологии в процесс обучения таким образом, чтобы они дополняли традиционные методы преподавания и повышали эффективность обучения.

Таким образом, критическое мышление и гибкость являются ключевыми компетенциями преподавателя РКИ, позволяющими создавать эффективную и индивидуализированную среду обучения. Развитие этих качеств требует постоянного самосовершенствования, рефлексии над собственным опытом и освоения новых методов и технологий преподавания. Преподаватель, обладающий критическим мышлением и гибкостью, способен не просто передавать знания, а создавать условия для активного и творческого освоения русского языка и культуры, учитывая индивидуальные особенности и потребности каждого студента. Это, в свою очередь, способствует повышению мотивации к обучению, улучшению результатов освоения РКИ и формированию позитивного отношения к России и русскому языку.

Выводы

Проведенное исследование убедительно демонстрирует, что soft-skills играют решающую роль в современной практике преподавания русского языка как иностранного. В условиях глобализации и расширения межкультурных контактов, эффективность обучения РКИ определяется не

только уровнем лингвистической компетенции преподавателя, но и его способностью выстраивать эффективное взаимодействие с учащимися, учитывая их индивидуальные особенности и культурный бэкграунд.

Анализ показал, что такие навыки, как эмпатия и культурная чувствительность, являются незаменимыми инструментами для установления прочного контакта с учащимися. Способность преподавателя поставить себя на место студента, понять его трудности и опасения, связанные с изучением нового языка и культуры, позволяет создать атмосферу доверия и поддержки, что, в свою очередь, значительно повышает мотивацию к обучению. Культурная чувствительность, выражающаяся в уважении к особенностям мировоззрения и ценностям учащихся, помогает избежать межкультурных недоразумений и сделать процесс обучения более комфортным и эффективным.

Не менее важными являются коммуникативные навыки преподавателя РКИ. Создание стимулирующей и поддерживающей среды обучения требует не только владения методическими приемами, но и умения эффективно взаимодействовать с группой, мотивировать учащихся к активному участию в занятиях, а также конструктивно разрешать возникающие конфликты. Преподаватель, обладающий развитыми коммуникативными навыками, способен создать атмосферу сотрудничества и взаимопонимания, в которой каждый студент чувствует себя комфортно и уверенно.

Критическое мышление и гибкость в адаптации методики преподавания к потребностям и стилям обучения студентов РКИ также являются ключевыми факторами успеха. Преподаватель должен уметь оценивать эффективность применяемых методов и при необходимости оперативно корректировать их, учитывая индивидуальные особенности учащихся и динамику учебного процесса. Гибкость позволяет адаптировать учебный материал и формы работы к различным уровням подготовки и стилям обучения, что значительно повышает результативность обучения.

Список литературы:

[1] Герасимов М.В. Психолого-педагогическая безопасность в системе профессионального обучения: вызов современности и инновационные решения // Образование и право. 2025. № 7. С. 499–504.

[2] Магомедов Ш. Б., Давыдова Т. Т. Использование систем искусственного интеллекта для поддержки и совершенствования гибких навыков (SOFT SKILLS) у персонала гражданской авиации в частности, языковой и коммуникативной компетенции // В сборнике: Феномены медиа: социо-

культурная и философская реальность. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Санкт - Петербург, 2023. С. 59-64.

[3] Раицкая Л.К., Тихонова Е.В. Soft skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 3. С. 350-363.

[4] Родионова В. А. Проблема психологического благополучия педагога в контексте здоровьесберегающей педагогики // Педагогический журнал Том 13. Номер: 2-3-1, 2023 г. С. 33-39.

[5] Султанова И. В. Роль и значение дистанционных технологий при обучении английского языка в условиях образовательного пространства вуза / И. В. Султанова // Педагогический журнал. 2021. Т. 11, № 6-1. С. 533-538.

[6] Султанова И. В. Формирование иноязычной социокультурной компетенции студентов технических специальностей в процессе проектной деятельности / И. В. Султанова // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 4-3(118). С. 120-123.

[7] Черкашина Е. Л. Время строить : Учебное пособие по русскому языку (научный стиль речи) для иностранных студентов. Инженерно-строительный профиль / Е. Л. Черкашина. – Санкт-Петербург : Издательство «Наукоемкие технологии», 2022. 156 с.

[8] Черкашина Е. Л. Язык специальности как важная составляющая при обучении русскому языку как иностранному в неязыковом вузе / Е. Л. Черкашина // Интерактивность как катализатор развития вузов : Сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Москва, 11 апреля 2024 года. – Санкт-Петербург: ООО Издательский дом «Сциентиа», 2024. С. 117–122.

[9] Шабанова А.А., Вальдес Альянде С.О. Возможности преподавания РКИ для формирования «мягких навыков» у иностранных студентов // Известия ВГПУ 2023. № 2 (175). С. 101-107.

[10] Шайхутдинова Х.А. Формирование soft skills в процессе подготовки студентов к успешной профессиональной деятельности // Поволжский педагогический вестник, 2020 г. Т. 8. № 2 (27). С. 99-106.

References:

[1] Gerasimov M.V. Psychological and pedagogical safety in the system of vocational training: the challenge of modern times and innovative solutions // Education and Law. 2025. No. 7. pp. 499–504.

[2] Magomedov Sh. B., Davydova T. T. Using artificial intelligence systems to support and improve

soft skills (SOFT SKILLS) of civil aviation personnel, in particular, language and communicative competence // In the collection: Media Phenomena: Socio-cultural and Philosophical Reality. Proceedings of the 1st All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. St. Petersburg, 2023. pp. 59–64.

[3] Raitskaya L.K., Tikhonova E.V. Soft skills as perceived by teachers and students of Russian universities in the context of world experience // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy. 2018. Vol. 15. No. 3. Pp. 350-363.

[4] Rodionova V. A. The Problem of Psychological Well-Being of a Teacher in the Context of Health-Saving Pedagogy // Pedagogical Journal Vol. 13. Issue: 2-3-1, 2023. Pp. 33-39.

[5] Sultanova I. V. The Role and Importance of Distance Learning Technologies in Teaching English in the Context of a University's Educational Space / I. V. Sultanova // Pedagogical Journal. 2021. Vol. 11, No. 6-1. Pp. 533-538.

[6] Sultanova I. V. Formation of Foreign Language Sociocultural Competence of Students of

Technical Specialties in the Process of Project Activities / I. V. Sultanova // International Research Journal. 2022. No. 4-3(118). Pp. 120-123.

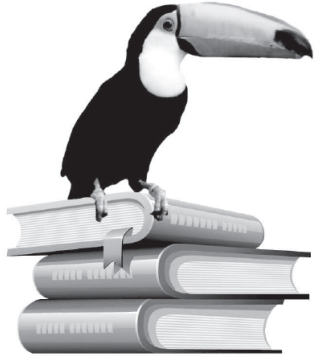
[7] Cherkashina E. L. Time to Build: A Textbook on the Russian Language (Scientific Style of Speech) for Foreign Students. Engineering and Construction Profile / E. L. Cherkashina. - St. Petersburg: Science-Intensive Technologies Publishing House, 2022. 156 p.

[8] Cherkashina E. L. The Language of the Specialty as an Important Component in Teaching Russian as a Foreign Language in a Non-Linguistic University / E. L. Cherkashina // Interactivity as a Catalyst for Universities Development: Collection of Articles from the VI International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 11, 2024. - St. Petersburg: Scientia Publishing House, 2024. Pp. 117-122.

[9] Shabanova A.A., Valdez Allende S.O. Possibilities of Teaching Russian as a Foreign Language for Developing Soft Skills in Foreign Students // Izvestiya VSPU 2023. No. 2 (175). Pp. 101-107.

[10] Shaikhutdinova H.A. Developing Soft Skills in Preparing Students for Successful Professional Activity // Volga Region Pedagogical Bulletin, 2020. Vol. 8. No. 2 (27). Pp. 99-106.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-728-732

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

КОТ Екатерина Михайловна,
доктор экономических наук,
заведующий кафедрой экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета
e-mail: katekaterina@rambler.ru

РАДИОНОВА Светлана Владимировна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета
e-mail: svr_svetlana@mail.ru

ПЕТРЯКОВА Светлана Викторовна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета
e-mail: uprkadr@mail.ru

ПИЛЬНИКОВА Ирина Федоровна,
ст. преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета
e-mail: pilnikovai@mail.ru

МАЛЬКОВА Юлия Вадимовна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономики, бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета
e-mail: malkova0404@mail.ru

ГОРБУНОВА Олеся Сергеевна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономики, бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета
e-mail: os-bakunova@mail.ru

КАДРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ АГРОПРЕДПРИЯТИЯ: КАК НЕХВАТКА СПЕЦИАЛИСТОВ ВЛИЯЕТ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ

Аннотация. В статье рассматривается проблема кадрового дефицита в агропромышленном комплексе как ключевой угрозы экономической устойчивости сельскохозяйственных предприятий. На основе анализа статистических данных и результатов научных исследований выявляются масштабы и структура кадрового голода в отрасли, оценивается его влияние на производственные показатели и конкурентоспособность агробизнеса. Особое внимание уделяется взаимосвязи кадровой обеспеченности с технологической модернизацией и продовольственной безопасностью. Предлагаются направления совершенствования кадровой политики на уровне государства, агробизнеса и системы профессионального образования.

Ключевые слова: кадровая безопасность, агропромышленный комплекс, экономическая устойчивость, дефицит кадров, продовольственная безопасность, мотивация персонала, человеческий капитал.

KOT Ekaterina Mikhailovna,
Doctor of Economic Sciences,
Head of the Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

RADIONOVA Svetlana Vladimirovna,
Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

PETRYAKOVA Svetlana Viktorovna,
Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

PILNIKOVA Irina Fedorovna,
Senior Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

MALKOVA Yulia Vadimovna,
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Economics, Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

GORBUNOVA Olesya Sergeevna,
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Economics, Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

STAFF SECURITY IN AGRICULTURAL ENTERPRISES: HOW A SHORTAGE OF SPECIALISTS AFFECTS ECONOMIC SUSTAINABILITY

Annotation. The article examines the problem of personnel shortage in the agro-industrial complex as a key threat to the economic sustainability of agricultural enterprises. Based on an analysis of statistical data and the results of scientific research, the scale and structure of the labor shortage in the industry are identified, and its impact on production indicators and the competitiveness of agribusiness is assessed. Particular attention is paid to the relationship between staffing, technological modernization, and food security. Directions for improving human resources policy at the government, agribusiness, and vocational education levels are proposed.

Key words: personnel security, agro-industrial complex, economic sustainability, personnel shortage, food security, personnel motivation, human capital.

Современная деятельность сельскохозяйственных предприятий характеризуется быстрыми изменениями, неопределённостью и потребностью противостоять разнообразным рискам и угрозам. В условиях таких вызовов кадровая безопасность становится ключевой частью экономической безопасности пред-

приятия, занимая приоритетное положение относительно остальных её компонентов. Это обусловлено тем, что именно персонал, его интеллектуальный потенциал и профессиональные компетенции определяют объёмы, качество и эффективность использования всех остальных ресурсов предприятия [1].

В сельском хозяйстве, где технологические процессы имеют жесткую привязку к сезонности и биологическим циклам, цена кадровых ошибок многократно возрастает. Потеря ключевого специалиста в разгар посевной или уборочной кампании может обернуться не просто недополученной прибылью, а полной потерей урожая. Актуальность темы усиливается современной геополитической ситуацией и курсом на импортозамещение.

Цель данной статьи — проанализировать масштабы и последствия кадрового дефицита в сельском хозяйстве, выявить каналы влияния нехватки специалистов на экономическую устойчивость агропредприятий и предложить направления решения проблемы.

Одним из существенных недостатков является низкий уровень привлекательности рабочих профессий и специальностей средней квалификации среди населения, а также неэффективность действующей системы профессиональной ориентации.

За прошедшие десятилетия существенно трансформировалась профессиональная траектория выпускников аграрных высших учебных заведений. Ранее примерно 70% молодежи трудоустраивались непосредственно в сельскохозяйственную отрасль, а около 20% — в специализированные научные учреждения. Сегодня же большинство выбирает работу вне сельскохозяйственной сферы. Только около 2% выпускников продолжают обучение в аспирантуре, что создает нехватку педагогов и ученых, приводит к старению кадров в исследовательских организациях, где средний возраст научных сотрудников составляет порядка 60–70 лет. [2].

Кадровый дефицит напрямую влияет на производительность труда. Неукомплектованность штата приводит к тому, что оставшиеся работники вынуждены выполнять увеличенные объемы работ, что ведет к переутомлению, снижению качества труда и росту производственных ошибок.

Исследования показывают снижение темпов роста производительности труда в отрасли на фоне кадрового голода [7]. Это особенно критично в условиях, когда сельскохозяйственное производство предъявляет возрастающие требования к уровню технологий и научных разработок, что влечет необходимость обновления профессиональных навыков и компетенций работников агропромышленного сектора, усиливая дефицит квалифицированных специалистов. [3].

Высокая технологичность и наукоемкость современного сельского хозяйства предъявляет новые требования к профессиональной компетенции работников АПК [3].

Однако отсутствие квалифицированных кадров, способных работать с новой техникой и технологиями, становится серьезным барьером для модернизации. Предприятия вынуждены либо отказываться от инноваций, либо нести дополнительные затраты на обучение персонала или привлечение дорогостоящих внешних специалистов.

Дефицит кадров ведет к росту прямых и косвенных издержек:

1. Повышение затрат на персонал — для привлечения и удержания работодатели вынуждены предлагать заработную плату выше среднерыночной, что увеличивает фонд оплаты труда.

2. Расходы на адаптацию и подготовку персонала увеличиваются вследствие высокой текучести кадров, вынуждая постоянно вкладываться в подбор, введение в должность и профессиональное обучение новых сотрудников.

3. Потери от простоев возникают из-за нехватки важных специалистов (таких как агрономы, инженеры, ветеринары) в ключевые моменты, что способно вызвать сбой в производственных процессах и повлечь прямую утрату продукции.

4. Финансовые штрафы и утрата договоренностей происходят вследствие неисполнения планов производства, вызванного дефицитом кадров, что вызывает нарушение сроков поставок и потерю деловых партнеров.

Организации, сталкивающиеся с постоянным дефицитом кадров, утрачивают способность конкурировать. У них отсутствует возможность внедрения новшеств, оптимизации производственного процесса и освоения новых рынков сбыта, что неизбежно приводит сначала к застою, а впоследствии — к полному выходу из бизнеса.

Министерство сельского хозяйства РФ совместно с органами власти регионов принимает действенные меры, нацеленные на совершенствование кадровой политики в аграрно-промышленной сфере путем повышения качества человеческих ресурсов и укрепления кадрового состава отрасли.

С 2025 года начинается реализация федерального проекта «Кадры в АПК» в рамках национального проекта «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности», разработанного Минсельхозом России при участии Минобрнауки России и Минпросвещения России. Цель проекта — к 2030 году повысить уровень укомплектованности кадрами предприятий агропромышленного комплекса [3].

В целях решения проблемы дефицита кадров на селе успешно внедряются программы

типа «Земский доктор» и «Земский учитель», чей позитивный опыт широко распространяется и применяется.

В современных реалиях необходима модернизации аграрного образования. Важнейшими направлениями являются [4, 5]:

развитие системы непрерывного образования;

укрепление сотрудничества между организациями системы АПК и образовательными учреждениями;

формирование максимально комфортных условий для привлечения молодых работников в агросектор.

Положительным примером является образовательный проект «Бетарен Академия» компании «Щёлково Агрохим», в котором участвуют 28 аграрных вузов из разных регионов страны. Программа включает конкурсы студенческих научных работ, совместные исследования и систему поощрений. Победители получают премии и ежемесячные стипендии, а также возможность продолжить обучение и трудоустроиться в компании [2].

Интересен опыт США, где Penn State Extension реализует инициативы по повышению удержания рабочей силы и безопасности пищевых продуктов для фермеров, выращивающих специализированные культуры. Программа, ориентированная на решение проблем высокой текучести кадров, нехватки рабочей силы и соблюдения правил безопасности пищевых продуктов, разработала двуязычные учебные материалы для преодоления языковых барьеров. В результате было обучено 288 владельцев ферм и руководителей с 97,5% готовностью внедрять предложенные практики [6].

Кадровая безопасность является критическим фактором экономической устойчивости агропредприятий. Масштабы кадрового дефицита в российском АПК достигли угрожающих размеров: сокращение численности работников на 20% за 10 лет, дефицит в 122 тыс. человек, старение кадров, низкая привлекательность отрасли для молодежи.

Последствия этого дефицита многообразны и взаимосвязаны: снижение производительности труда, сдерживание технологической модернизации, рост издержек, угрозы продовольственной безопасности, потеря конкурентоспособности.

Решение проблемы требует комплексного подхода на всех уровнях:

государственном — реализация федерального проекта «Кадры в АПК», развитие сельских территорий, поддержка молодых специалистов;

образовательном — модернизация аграрного образования, усиление практической подготовки, профориентация;

корпоративном — повышение привлекательности рабочих мест, инвестиции в человеческий капитал, сотрудничество с вузами.

Только консолидация усилий государства, бизнеса и образования позволит преодолеть кадровый кризис и обеспечить устойчивое развитие агропромышленного комплекса России.

Список литературы:

[1] Гончаров В.Н., Энговатова И.В., Иванюк И.В. Региональные и отраслевые особенности обеспечения кадровой безопасности сельского хозяйства // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 4-1. С. 41-45.

[2] Improving the staffing of agricultural organizations as a priority area for ensuring food security // Russian Journal of Management. 2025. no. 6. pp. 351-361.

[3] Мороз О. Н., Медведский Д.А. Кадровая безопасность аграрной экономики России как доминантная сфера стратегического финансового развития / О. Н. Мороз, Д. А. Медведский // Экономика труда. – 2025. – Т. 12, № 10. – С. 1501-1520.

[4] Ермакова И.Н., Гаврилова О.Ю. Актуальные вопросы обеспечения кадровой безопасности: региональный и отраслевой аспект // Финансовый менеджмент. 2025. № 3. С. 11-17.

[5] Гендиректор «Щёлково Агрохим» заявил о кадровом кризисе в АПК и призвал молодёжь идти в селекцию и защиту растений // Щёлково Агрохим. URL: <https://betaren.ru/news/gendirektor-shchelykovo-agrokhim-zayavil-o-kadrovom-krizise-v-apk-i-prizval-molodyezh-idti-v-selektiv/> (дата обращения: 06.02.2026).

[6] Penn State initiative boosts workforce retention and food safety for specialty crop farmers // FreshPlaza. URL: <https://www.freshplaza.com/north-america/article/9688636/penn-state-initiative-boosts-workforce-retention-and-food-safety-for-specialty-crop-farmers/> (дата обращения: 17.12.2024).

[7] Yarkova T.M. Staffing of agribusiness technological security in the Perm Territory // Экономика труда. 2023. Т. 10, № 6. С.900.

References:

[1] Goncharov V.N., Engovatova I.V., Ivanyuk I.V. Regional and Sectoral Features of Ensuring Personnel Security in Agriculture // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2024. No. 4-1. pp. 41-45.

[2] Improving the Staffing of Agricultural Organizations as a Priority Area for Ensuring Food Security // Russian Journal of Management. 2025. no. 6. pp. 351-361.

[3] Moroz O.N., Medvedsky D.A. Personnel Security of the Russian Agricultural Economy as a Dominant Sphere of Strategic Financial Development / O.N. Moroz, D.A. Medvedsky // Labor Economics. - 2025. - Vol. 12, No. 10. - pp. 1501-1520. [4] Ermakova I.N., Gavrilova O.Yu. Current issues of personnel security: regional and industry aspects // Financial management. 2025. No. 3. pp. 11-17.

[5] The general director of Shchelkovo Agrokhim announced a personnel crisis in the agro-industrial complex and called on young people to enter the field

of plant selection and protection // Shchelkovo Agrokhim. URL: <https://betaren.ru/news/gendirektor-shchelykovo-agrokhim-zayavil-o-kadrovom-kризисе-v-apk-i-prizval-molodyezh-idti-v-selekt/> (date of access: 06.02.2026).

[6] Penn State initiative boosts workforce retention and food safety for specialty crop farmers // FreshPlaza. URL: <https://www.freshplaza.com/north-america/article/9688636/penn-state-initiative-boosts-workforce-retention-and-food-safety-for-specialty-crop-farmers/> (accessed: 12/17/2024).

[7] Yarkova T.M. Staffing of agribusiness technological security in the Perm Territory // Labor Economics. 2023. Vol. 10, No. 6. P. 900.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-733-735

МИРОНЕНКО Екатерина Игоревна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс»
Ростовского государственного университета
путей сообщения,
e-mail: yekaterina.mironenko@yandex.ru

ВОПРОСЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ УВЕЛИЧЕНИЯ ДОЛИ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы регулирования труда в условиях растущей популярности платформенной занятости, уделяется внимание проблемам реализации трудовых прав и свобод работников, а также необходимости реформирования трудового законодательства для обеспечения трудовых гарантий.

Ключевые слова: платформенная занятость, свобода труда, цифровая платформа, занятость населения, трудовые права и гарантии.

MIRONENKO Ekaterina Igorevna,
candidate of law, docent,
Docent of chair "Civil law and process",
Rostov State Transport University

ISSUES OF TRANSFORMATION OF LABOR LEGISLATION IN THE CONTEXT OF AN INCREASE IN PLATFORM EMPLOYMENT

Annotation. The article discusses the regulation of labor in the context of the growing popularity of platform employment, focusing on the implementation of workers' labor rights and freedoms, as well as the need to reform labor legislation to ensure labor guarantees.

Key words: platform employment, freedom of labor, digital platform, population employment, labor rights and guarantees.

Труд свободен. Именно таким образом Конституция Российской Федерации подходит к закреплению и регулированию трудовых прав и свобод человека и гражданина в России. Трудовые права относятся к числу неотъемлемых и неотчуждаемых прав и свобод человека. Свобода труда закреплена не только в нашем основном законе, важнейшие нормативные правовые акты международного правового пространства устанавливают свободу труда. Свобода труда – это также важнейший принцип, закрепленный в Трудовом кодексе РФ.

Юридически свобода труда предполагает право человека не участвовать в трудовой деятельности с точки зрения трудового законодательства, не иметь трудового договора и обеспечивать себя и членов своей семьи иными законными способами: вести предпринимательскую деятельность, быть самозанятым, реализовывать свои

способности к труду через иную не запрещенную законом деятельность. На практике принцип свободы труда находит свое воплощение, в том числе путем реализации своих трудовых прав через платформенную занятость. В экономической литературе платформенную занятость рассматривают как достижение цифровой эпохи в области взаимодействия работника и работодателя, и доля лиц, занятых через цифровые платформы неукоснительно растет, так же, как и увеличивается количество цифровых платформ как коммерческих, так и государственных. Нормативно-правовое регулирование занятости в нашем государстве осуществляется Федеральным законом от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации», который пришел на смену Закону о занятости 1991 года. Глава 4 нового закона посвящена государственной цифровой платформе – единой цифровой платформе

в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России». На сегодняшний день, эта платформа выполняет функции помощи гражданам в поиске работы, размещение информации работодателей о вакансиях, а также обеспечение оказания мер государственной поддержки безработным. Создание такой цифровой платформы должно способствовать развитию человеческого потенциала, повышению качества жизни [1, с. 85].

Однако возможность подработки или постоянного заработка граждане реализуют все-таки через частные цифровые платформы, которые предоставляют возможность гибкой занятости, без привязки к режиму работы организации, но при этом с предоставлением возможности получения заработной платы или вознаграждения (прибыли) с минимальными трудностями при выборе работодателя и с потенциалом самостоятельного определения объемов работы и времени ее выполнения. Особенности такой формы занятости состоит в том, что между работником и работодателем есть посредник в виде цифровой платформы.

Нужно отметить, что в настоящий момент в нашем государстве происходит значительный рост платформенной занятости, данный вид организации трудовой деятельности уже представлен практически во всех сферах экономики. При этом наибольшая доля рабочих мест, занятых через цифровые платформы, составляют сферы торговли, транспорта и хранение. Платформенная занятость имеет свои практические преимущества для граждан, желающих найти заработок или доход. Так, цифровые платформы предоставляют возможность работы в режиме гибкого рабочего времени, выбора объема работы и места работы, в том числе территориально. Кроме того, платформенная занятость обеспечивает быстрые заработки, а также возможность занятости одновременно на нескольких платформах и у нескольких работодателей. Также к желающим найти работу и доход практически не применяются квалификационные требования, главное - чтобы гражданин был готов выполнять предложенную ему работу. Помимо очевидных положительных аспектов такого вида занятости, необходимо отметить, что увеличение доли занятых через цифровые агрегаторы граждан формирует ряд проблем, в первую очередь юридического характера. Несмотря на то, что феномен платформенной занятости появился еще до пандемии, на сегодняшний момент отсутствует законодательное регулирование правоотношений участников платформенной занятости. При этом, наиболее заинтересованным лицом в нормативно-правовой регламентации платформенной занятости высту-

пает государство. Поскольку установление четких правил поведения соответствующих субъектов правовых отношений, в первую очередь, определит их правовой статус, и соответственно у граждан появятся определенные гарантии. Кроме того, установление правового регулирования позволит снизить социальную напряженность, повысить налоговые доходы от осуществляемой деятельности, а также позволит решать проблемы социальной политики государства, в том числе вопросы социального обеспечения граждан.

В 2023 году крупные российские цифровые компании (Авито, OZON, Яндекс, СберМаркет и др.) объявили о создании Совета цифровых платформ, который представляет собой некий регулятор, объединяющий лучшие практики цифровых платформ. Одна из целей совета – обеспечение конструктивного диалога между представителями бизнеса, отраслевыми объединениями и экспертным сообществом. Очевидно, что основные интересы развития цифровых платформ и платформенной занятости лежат вне сферы влияния трудового законодательства, иначе в совет бы вошли и представители профсоюзного сообщества.

Платформенная занятость не получила своего законодательно-определенного места, поскольку ни Трудовой кодекс РФ, ни гражданско-правовое законодательство данный вид отношений не регулирует. Как справедливо отмечается в литературе, понятие трудовых отношений, закрепленное в трудовом законодательстве, не коррелируется с механизмами платформенной занятости, что на практике приводит к спорам, при которых возникшие отношения не признаются трудовыми [2, с. 626]. Таким образом, получение работы посредством цифровой платформы не предполагает оформление трудового договора, а соответственно у такого занятого не появляются права и гарантии, которые предоставляются работнику, работающему у работодателя на основании заключенного трудового договора. Гражданин зачастую не понимает, является ли он сотрудником компании, или нет. Чаше всего платформенная занятость предполагает уход работника в теневую экономику без налогов и социальных гарантий. Субъекты, ищущие и выполняющие работы через цифровую платформу, добровольно соглашались на такой вид занятости, либо соглашались под влиянием экономических причин (необходимость получения заработка или дохода) или психологических причин (достаточно высокая степень свободы), поэтому такая классическая форма оформления отношений как трудовой договор в данном случае не используется. И получает такой «работник» ненормированный рабочий день, работу в выходные и нерабочие праздни-

ные дни без соответствующей оплаты, отсутствие ежегодного оплачиваемого отпуска, отсутствие выплат страхового обеспечения по временной нетрудоспособности. Кроме того, гражданин становится незащищенным от произвола заказчика, от необходимости работать в ночное время, а также от штрафных санкций, которые зачастую применяются к работникам. Причем платформы зачастую не содержат четких критериев штрафов, их размеров. Кроме того, не предусмотрена система апелляции, либо ее алгоритмы достаточно размыты и неэффективны.

В научной литературе встречаются различные предложения по нормативно-правовому регулированию платформенной занятости, например, выявление основных критериев для установления трудовых правоотношений, возникших через посредничество цифровых платформ, и обобщение в рамках нормативно-правовых актов высших судов – постановлений Пленума Верховного Суда РФ [3, с. 158]. Кроме того, на государственном уровне предпринимались попытки регулирования такого вида занятости, и даже был разработан законопроект «О платформенной занятости», который полностью исключил регулирование платформенной занятости через призму трудового права, и закрепил регулирование за Гражданским кодексом РФ, предлагая считать возникающие правоотношения гражданско-правовыми. Такой подход, безусловно, оставляет немалую часть работоспособного населения без соответствующих трудовых и социальных гарантий.

Учитывая все изложенное выше, существует потребность совершенствования законодательства. Платформенные работники должны получить свой юридический статус с соответствующими гарантиями защиты. Конечно, правовая регламентация платформенной занятости как трудовых правоотношений заденет права и интересы крупных компаний и агрегаторов цифровых платформ, но в целом это будет способствовать соци-

альной стабильности в обществе. При этом очень важно сохранить ту гибкость, которая делает платформенную занятость привлекательной для граждан.

Список литературы:

[1] Жело, В.В. Правовое регулирование платформенной занятости: проблемы и перспективы // Человек труда и наука: V Всероссийская научно-практическая конференция (Ростов-на-Дону, 1 ноября 2024 г.): сборник материалов; Южный федеральный университет. - Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2024. – С. 85.

[2] Якунинская, Я.А. Платформенная занятость и ее правовой статус в Российском законодательстве // Международный научный журнал «Вестник науки», № 6 (87). Том 4. – С. 626.

[3] Лютов, Н.Л., Войтовская И.В. Водители такси, выполняющие работу через онлайн-платформы: каковы правовые последствия «уберизации» труда? // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15 (6). – С.158.

References:

[1] Zhelo, V.V. Legal regulation of platform employment: problems and prospects//Man of Labor and Science: V All-Russian Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, November 1, 2024): collection of materials; Southern Federal University. - Rostov-on-Don, Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University, 2024. - S. 85.

[2] Yakuninskaya, Ya.A. Platform employment and its legal status in Russian legislation//International scientific journal "Bulletin of Science," No. 6 (87). Volume 4. - S. 626.

[3] Lyutov, N.L., Voitkovskaya I.V. Taxi drivers performing work through online platforms: what are the legal consequences of "uberization" of labor ?// Actual problems of Russian law. – 2020. - T. 15 (6). - S.158.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-736-739

КОТ Екатерина Михайловна,
доктор экономических наук,
заведующий кафедрой экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: katekaterina@rambler.ru

ГОРБУНОВА Олеся Сергеевна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: os-bakunova@mail.ru

МАЛЬКОВА Юлия Вадимовна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: malkova0404@mail.ru

ПЕТРЯКОВА Светлана Викторовна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: uprkadr@mail.ru

РАДИОНОВА Светлана Владимировна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: svr_svetlana@mail.ru

ПИЛЬНИКОВА Ирина Федоровна,
ст. преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: pilnikovai@mail.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РАЗВИТИИ ПЕРСОНАЛА

Аннотация. Роль искусственного интеллекта во всех сферах жизни в настоящее время растет, много внимания уделяется применению ИИ для обучения и развития персонала, для создания адаптивных образовательных программ нужных конкретному работнику, для оценки компетенций работника.

Ключевые слова: искусственный интеллект, развитие сотрудников, обучение, повышение квалификации, персонализированное обучение, адаптивное обучение, аналитика.

KOT Ekaterina Mikhailovna,
Doctor of Economic Sciences,
Head of the Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

GORBUNOVA Olesya Sergeevna,
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

MALKOVA Yulia Vadimovna,
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

PETRYAKOVA Svetlana Viktorovna,
Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

RADIONOVA Svetlana Vladimirovna,
Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

PILNIKOVA Irina Fedorovna,
Senior Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN STAFF DEVELOPMENT

Annotation. *The role of artificial intelligence in all spheres of life is currently growing. Much attention is being paid to the use of AI for staff training and development, for creating adaptive educational programs tailored to specific employees, and for assessing employee competencies.*

Key words: *artificial intelligence, employee development, training, advanced training, personalized learning, adaptive learning, analytics.*

Искусственный интеллект зародился в середине XX века, «сегодня искусственный интеллект и нейросети используются во многих сферах жизнедеятельности человека» [2], в настоящее время он переживает бурный рост, накопив огромный арсенал инструментов и методик применения, демонстрирует целенаправленное поведение и способно осмысленно рассуждать. Искусственный интеллект «это компьютерная программа, обладающая способностью иметь и проявлять совокупность когнитивных функций человеческого мозга, то есть выполнять интеллектуальную деятельность» [1]. «Искусственный интеллект основан на алгоритмах, которые позволяют машинам имитировать форму человеческого интеллекта» [7].

Внедрению искусственного интеллекта в управленческий процесс развития работников способствуют как внешние факторы, связанные с повсеместным использованием искусственного интеллекта, так и внутренние факторы, связанные

с информатизацией, автоматизацией управленческих процессов. В настоящее время активно развиваются информационные и коммуникационные технологии, мобильные технологии, искусственный интеллект проникли во все сферы человеческой жизни, «многие учёные считают искусственный интеллект революционной технологией, способной изменить жизнь людей» [5]. Использование искусственного интеллекта открывает дополнительные возможности для качественного улучшения развития персонала.

Цель исследования: разработать научно обоснованные рекомендации по применению искусственного интеллекта в управленческом процессе – развитие персонала.

Задачи исследования:

1. Изучить теоретические подходы к использованию ИИ в развитии персонала.
2. Определить плюсы внедрения ИИ в развитие персонала, а также возможные риски.
3. Разработать рекомендации по использованию ИИ в развитии персонала.

Организациям в условиях стремительного развития технологий необходимо быстро адаптироваться к ним и адаптировать к новым условиям работников в том числе посредством повышения квалификации своих сотрудников. Эффективное развитие персонала при использовании традиционных подходов (тренинги, образовательные программы и т.п.) не всегда достигается, в том числе и из-за того, что они не учитывают индивидуальные потребности, текущий уровень знаний, цели организации и самого работника.

Искусственный интеллект, благодаря возможности быстрого и четкого анализа больших объемов данных, выявления закономерностей, способности принять решения, может преобразовать обучение работника, сделать его эффективным, персонализированным и ориентированным на результат. «Цифровизация образования представляет собой комплексное использование современных техники и технологий как в процессе обучения, так и при выполнении административных функций» [3].

Сегодня при помощи искусственного интеллекта могут создаваться персонализированные образовательные программы, адаптированные образовательные программы учитывают темп, методы обучения, индивидуальные потребности каждого обучающегося, предоставляются следующие возможности:

- диагностика знаний и потребностей в знаниях (алгоритмы искусственного интеллекта способны проанализировать данные об обучении работника в прошлые периоды, его должностные обязанности, результаты труда, ошибки и достижения в работе, мнение коллег и руководителя и на основании такого анализа определить пробелы в знаниях и навыках, выявить потенциал для дальнейшего развития работника);

- создание индивидуальных учебных траекторий (ИИ способен генерировать уникальные образовательные маршруты для каждого работника. Имеется возможность подстраивать обучение под возможности конкретного работника, такие как темп обучения, контент обучения, практические задания, уровень сложности, все перечисленное может подстраиваться в реальном времени в зависимости от успешности обучения, роста прогресса, могут быть предложены дополнительные объяснения, или более сложные задачи, если имеются способности обучающегося);

- подбор рекомендуемой системы (ИИ может предлагать учебные ресурсы, которые основаны на анализе текущих задач, карьерных целях, интересах, что помогает работникам самостоятельно ориентироваться в доступном контенте и изучать наиболее полезные из них);

- сопровождение обучения интеллектуальными тьюторами, чат-ботами (ИИ способны предоставить мгновенную обратную связь, направлять обучающихся, выступать в роли виртуальных наставников, помогая работникам ориентироваться в большом объеме информации, находить нужную, контролировать и корректировать учебный процесс);

- анализ результата обучения и вовлеченности работника в процесс обучения (ИИ может отслеживать вовлеченность в учебный процесс, а также предлагать корректирующие меры).

Искусственный интеллект позволяет оценить компетенции работника, методы оценки при этом являются наиболее прозрачными. Автоматизированный анализ выполнения трудовых функций позволяет сравнить результаты работы с эталоном или ожиданиями работодателя. Анализ производительности труда за определенный промежуток времени, оценка «мягких» навыков на основе анализа поведения в командных проектах, ролевых играх, повседневном взаимодействии позволяет прогнозировать какие сотрудники могут быть переведены на более ответственные позиции.

Внедрение искусственного интеллекта в развитие персонала имеет свои плюсы и вопросы, которые необходимо решать. Преимущества в основном перечислены, это повышение эффективности обучения (сокращение времени на обучение, сокращение затрат на обучение при этом результатом становится глубокое знание материала), увеличение мотивации к знаниям (сотрудники понимают, что их потребности в конкретной области знаний учитываются, что повышает их интерес к знаниям), прозрачность оценки компетенций, выявление способных работников и построение их индивидуальной траектории роста, снижение нагрузки на управленческий персонал, более точный анализ потребности в обучении.

Существуют недостатки и вызовы в применении искусственного интеллекта в процесс развития персонала, такие как:

- неполные или недостоверные данные приводят к ошибочным выводам;

- риск нарушения законодательства о персональных данных, установленные законодательством Российской Федерации;

- стоимость внедрения;

- поддержка ИИ систем в актуальном состоянии;

- сопротивление изменениям.

Несмотря на прогресс полная и точная оценка человеческих качеств является сложной задачей для ИИ, «искусственный интеллект

никогда не сможет заменить живого специалиста в тех сферах, где результат поведения претендентов на должность или аттестуемых сотрудников определяется психологическими факторами, или особенностями их характера» [6].

«ИИ представляет собой мощный инструмент для разработки образовательных ресурсов, способный существенно повысить эффективность обучения и расширить доступ к образовательным возможностям» [4].

Искусственный интеллект сегодня является мощным инструментом в реализации потребности развития персонала. Применение его не только повышает эффективность обучения, но и способствует более гибкой конкурентной среды в организации.

Список литературы:

[1] Архиреев Н.В. Искусственный интеллект: понятие, характеристики / Н.В. Архиреев. // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 5–20.

[2] Волкова О.Н., Домбровский Д.А., Иванцова Е.А. 2025. Трансформация профессий в эпоху цифровизации. Экономика. Информатика, 52(1): 194–202.

[3] Воронова Д.Ю. Этические аспекты использования искусственного интеллекта в образовательном процессе // Журнал правовых и экономических исследований, 2025. С. 19–27.

[4] Грицай Л. А. Потенциал искусственного интеллекта для разработки образовательных ресурсов в предметной области «культурология» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №1 (123). С. 96–108.

[5] Грицай Л.А. Возможности искусственного интеллекта для создания образовательных ресур-

сов в предметной области «Педагогика»: приоритеты и риски // Педагогическая перспектива. 2024. № 3(15). С. 87–94.

[6] Дюндик Е.П. Суртаева О.С. Искусственный интеллект как инструмент управления персоналом // Финансовая экономика. 2020. №6. С. 268–272. [7] Ефимцева Т.В., Жукова Е.Э. Последствия использования искусственного интеллекта в процессе обучения в юридическом вузе // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 2. С. 544–561.

References:

[1] Arkhiereev N.V. Artificial Intelligence: Concept, Characteristics / N.V. Arkhiereev. // The Rule of Law: Theory and Practice. – 2025. – No. 3. – P. 5-20.

[2] Volkova O.N., Dombrovsky D.A., Ivantsova E.A. 2025. Transformation of Professions in the Age of Digitalization. Economics. Informatics, 52(1): 194-202.

[3] Voronova D.Yu. Ethical Aspects of Using Artificial Intelligence in the Educational Process // Journal of Legal and Economic Studies, 2025. P. 19-27.

[4] Gritsai L.A. Potential of Artificial Intelligence for the Development of Educational Resources in the Subject Area of "Cultural Studies" // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2025. No. 1 (123). P. 96–108.

[5] Gritsai L.A. Artificial Intelligence Potential for Creating Educational Resources in the Subject Area of "Pedagogy": Priorities and Risks // Pedagogical Perspective. 2024. No. 3(15). P. 87–94.

[6] Dyundik E.P., Surtaeva O.S. Artificial Intelligence as a Personnel Management Tool // Financial Economics. 2020. No. 6. P. 268–272. [7] Efimtseva T.V., Zhukova E.E. Consequences of Using Artificial Intelligence in the Educational Process at a Law School // RUDN Journal of Law. 2025. Vol. 29. No. 2. P. 544–561.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-740-746

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры международных отношений и права
ФГБОУ ВО Национальный Исследовательский Университет «МЭИ»,
профессор кафедры частного права
ФГБОУ ВО Государственный университет управления,
профессор кафедры государственного и муниципального управления
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы», г. Москва, Россия,
e-mail: L_a_buka@mail.ru

ОСТРОУШКО Александр Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного и публичного права
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации», г. Москва, Россия,
e-mail: avostroushko@fa.ru

ПОЛУКАРОВ Александр Викторович,
доктор юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РЕКЛАМИРОВАНИЕ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЛИ ПРЕДМЕТОВ

Аннотация. В статье анализируется современное состояние уголовной ответственности за распространение и рекламирование порнографических материалов. Авторами выявлено, что для правильной квалификации преступлений, предусматривающих ответственность за незаконный оборот порнографических материалов следует иметь четкое и однозначное толкование терминов, употребленных законодателем. Предложено за основу брать понимание предмета преступления, так при распространении порнографических материалов они должны передаваться сами, а при рекламировании только информация (сведения) о том, где можно ознакомиться с порнографическими материалами. Статья призвана сформировать научно обоснованную базу для адаптации отечественной уголовно-правовой науки к вызовам цифровой эпохи.

Ключевые слова: порнографические материалы, реклама, незаконный оборот, уголовная ответственность, Интернет, распространение информации.

BUKALEROVA Lyudmila Aleksandrovna,
Doctor of Law, Professor, Professor,
Department of International Relations and Law,
FSBEI HE National Research University "MPEI",
Professor, Department of Private Law,
FSBEI HE State University of Management, Professor,
Department of State and Municipal Administration,
FSAEI HE "Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba", Moscow, Russia

OSTROUSHKO Alexander Vladimirovich,
 Candidate of Law, Associate Professor,
 Department of International and Public Law,
 FSBEI HE "Financial University under the Government
 of the Russian Federation," Moscow, Russia

POLUKAROV Alexander Viktorovich,
 Doctor of Law

TO THE ISSUE OF CRIMINAL LIABILITY FOR ADVERTISING PORNOGRAPHIC MATERIALS OR OBJECTS

Annotation. *The article analyzes the current state of criminal liability for the distribution and advertising of pornographic materials. The authors revealed that for the correct qualification of crimes providing for liability for the illegal circulation of pornographic materials, it is necessary to have a clear and unambiguous interpretation of the terms used by the legislator. It is proposed to take the understanding of the subject of the crime as a basis, so when distributing pornographic materials, they should be transmitted themselves, and when advertising, only information (information) about where you can get acquainted with pornographic materials. The article is designed to form a scientifically based basis for adapting domestic criminal law science to the challenges of the digital era.*

Key words: *pornographic materials, advertising, illegal traffic, criminal liability, Internet, information dissemination.*

Надлежащей (законной) рекламой является информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижению на рынке, как указано в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 13.03.2006 N 38-ФЗ «О рекламе». А п. 4 ст. 5 предусматривает, что реклама не должна содержать информацию порнографического характера[1].

В настоящее время Уголовный кодекс РФ не устанавливает ответственность за рекламирование какой-либо другой, продукции или информации, а только за рекламу порнографических материалов или предметов двумя статьями - 242 «Незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов» и 242.1 «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних».

Ч. 2 ст. 242 УК РФ преступлением признает распространение, публичная демонстрация или рекламирование порнографических материалов или предметов среди несовершеннолетних либо вовлечение несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста. Квалифицированным видом преступления признаются деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные: а)

группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; б) с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»; в) с извлечением дохода в крупном размере.

В статье 242.1 УК РФ незаконное рекламирование материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних является как видом деяния, так и целью его совершения: «Изготовление, приобретение, хранение и (или) перемещение через Государственную границу Российской Федерации в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования либо распространение, публичная демонстрация или рекламирование материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних». Ч. 2 ст. 242.1 УК РФ устанавливает ответственность за деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные: а) в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста; б) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в) с извлечением дохода в крупном размере; г) с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Обзор всей имеющейся судебной практики по уголовным делам позволил прийти к выводу, что суды практически не квалифицируют деяния виновных как рекламирование порнографии, но немало обвинительных приговоров в распростра-

нении виновными порнографии. С чем это связано? Толкование вышеуказанной нормы Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» дает основание полагать, что процесс рекламирования (в статье 242 УК РФ установлена ответственность, в частности, за рекламирование) – это само распространение информации. Для виновного в совершении преступления ст. 242 УК РФ важно распространение порнографических материалов любым способом, в любой форме и с использованием всех имеющихся средств, адресованное неопределенному кругу лиц. Надлежащая (законная) реклама должна быть направлена на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и способствовать продвижению на рынке. Порнографические материалы или предметы не могут законно рекламироваться ни в каком виде, то есть их законной рекламой быть не может ни в каком случае. Как мы понимаем, реклама порнографических материалов или предметов, может быть, только ненадлежащая (не соответствующая закону в терминологии рекламного законодательства).

Проблема заключается в том, что оборот порнографии – это высокодоходный нелегальный бизнес, он во все времена и сейчас достаточно востребован потребителями, поэтому распространители порнографии нуждаются в привлечении внимания именно к своим порнографическим изображениям, формируют и поддерживают интерес к своим сайтам. Следует учитывать, что в современной информационном мире порнография нашла свою широкую платформу и множество потребителей в сети Интернет, где большинство сервисов платные, и рекламодатели вкладывают колоссальные средства как сами, так и с помощью иных пользователей в сети Интернет для продвижения своего «товара» на рынке и получения максимальной прибыли.

Ученые, в основном анализировали только способы и виды распространения, публичной демонстрации порнографических материалов, к определению термина «рекламирование» мало кто обращался.

Так, В.С. Комиссаров считал, что распространение порнографии может быть реализовано одной передачей, одним актом рекламирования, дарения или продажи одного предмета или изделия порнографического характера[2]. То есть он приравнивал рекламирование к распространению, так как распространение порнографии признавал одним актом рекламирования. Его точка зрения поддерживается и другими учеными[3].

А.И. Чучаев считает, что «рекламирование – это совершение любых деяний, направленных на привлечение интереса к предмету преступления»[4]. Каких конкретно деяний, автор, не указывает.

А.В. Бриллиантов говорит: «как распространение следует квалифицировать и действия лица, оставляющего порнографические материалы в местах, где они свободно расположены и доступны любому желающему (например, размещение печатных материалов порнографического характера на рекламных стойках в магазинах, барах, клубах, ресторанах, раскладывание их в почтовые ящики, интернет-рассылка)»[5]. Не ясен мотив виновного, зачем распространять порноматериалы? С какой целью? Скорее всего лицо распространяло не саму порнографию, а сообщало (рекламировало) неопределенному кругу лиц о том, где с порноматериалами можно ознакомиться. А.В. Бриллиантов считает, что при трактовке рекламирования акцент должен быть сделан именно на наличии цели продвижения порнографических материалов и предметов на рынке. Это распространение порнографических материалов и предметов, как правило, в отношении неопределенного круга лиц с предложением приобрести такие товары»[5].

В данном случае автор смешивает понятия «распространение» самой порнографии и информации о порнографии для последующего, платного ознакомления с порнографией желающими, то есть, ее «рекламирования», в этом, на наш взгляд, существенная разница.

Авторы считают, что рекламирование выражается в анонсировании, сообщении об условиях приобретения порнографических материалов и предметов, выставлении их для всеобщего обозрения и т.п.[6]. По мнению М.А. Ефремовой рекламирование может осуществляться посредством рассылки сообщений в социальных сетях, мессенджерах, электронной почте[7]. В.В. Дорошков дает понятие «незаконного рекламирования» - в нарушение установленных правил или без соответствующего разрешения сообщение иным гражданам о наличии таких материалов и предметов, их содержании, условиях приобретения и т.п.[8]

С. Бушмин считает, что «публичная демонстрация - это показ, ознакомление хотя бы одного лица с материалами и иной порнографической продукцией без ее передачи»[9]. Данное деяние необходимо отличать от рекламирования. В первом случае имеет место фактическая реализация порнографической информации. При рекламировании распространяются сведения о предметах преступления, а не сама продукция[10].

Постараемся опереться на п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», где указано, что «рекламирование порнографических материалов или предметов представляет собой распространение любым способом, в любой форме и с использованием любых средств информации, адресованной неопределенному кругу лиц и направленной на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке. Для квалификации действий лица как рекламирования таких материалов или предметов с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», они могут выражаться в любой форме (например, рассылка сообщений в социальных сетях, мессенджерах или по электронной почте, размещение на личной странице социальных сетей), но должны быть направлены на достижение перечисленных целей»[11].

Буквальное толкование определения позволяет сделать вывод, что Пленум также приравнивает рекламирование порнографических материалов (предметов) к распространению их любым способом. В чем же отличие? Считаем следует обратить внимание на содержание предмета рекламы, самих порнографических материалов, так при распространении они должны передаваться сами, а при рекламировании только информация (сведения) о порнографии. При рекламировании виновный должен только дать информацию, где есть порнография, а сами материалы не высылать, не распространять.

По нашему мнению, распространение, как и рекламирование, не могут осуществляться адресно, а только неопределенному кругу лиц. Знакомство с информацией конечного круга лиц – это предоставление информации. К сожалению, в сети Интернет, отсутствует четкая граница между терминами «предоставление» и «распространение», например, не возможно никому, кроме подписчиков, увидеть материалы на личной странице субъекта. Однако по материалам Перечня персональных страниц пользователей социальной сети, объем аудитории каждой из которых составляет более десяти тысяч пользователей социальной сети – только таких блогеров на настоящий момент почти 200 тысяч, кроме того, число активных авторов в социальных медиа в России на конец 2025 года составило 74,9 млн. человек[12]. Все они

имеют круг подписчиков от нескольких сотен пользователей Интернет, возможность размещать на своих страницах социальных сетей и потенциально могут рекламировать порнографию.

Обратимся к судебной практике: в приговоре Свердловского районного суда г. Перми от 1 сентября 2011 г. по делу N 1-575/2011 содержится следующая формулировка: «После этого К., осознавая, что информация на его веб-странице... доступна для всеобщего обозрения пользователей в социальной сети... продолжая свои действия, непосредственно после копирования разместил на сайте... доступную для всеобщего обозрения пользователей в социальной сети... информацию об указанных выше видеофайлах и адресах их расположения на своей персональной веб-странице под псевдонимом... публично демонстрируя название и характер содержимого видеофайлов и хранил их на своем персональном компьютере... в сети Интернет, до момента пресечения преступных действий, предоставив возможность пользователям социальной сети... в сети Интернет просмотреть и скопировать их. Тем самым К. публично рекламировал, демонстрировал и распространял порнографические видеозображения...»[13].

Другой суд сделал вывод, что «обнажение виновным своих половых органов при общении с потерпевшим, не достигшим 16 лет, в видео-чате в режиме on-line при помощи web-камеры не может квалифицироваться по п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ, так как содеянное не подпадает под рекламирование, публичную демонстрацию, изготовление в целях распространения и распространение порнографических материалов»[3].

В 2004 г. в Кемеровской области было 1 уголовное дело из Заводского районного суда в отношении Ч., которая была признана виновной в распространении, рекламировании порнографических материалов, а равно в незаконной торговле видеоматериалами порнографического характера. Фактически же в обвинительном акте описывается лишь осуществление Ч. незаконной торговли видеокассетами порнографического содержания, которое было выявлено при проведении контрольной закупки.

В чем выражались действия Ч. по рекламированию указанной продукции, из обвинительного акта не ясно. Из материалов дела следует, что каких-либо активных действий, направленных на привлечение большого числа покупателей порнографической продукции, Ч. не осуществляла. Свидетель, производивший контрольную закупку, пояснил, что он сам обратился к продавцу с вопросом о наличии видеокассет порнографического содержания. Продавец ответила утвердительно и

достала указанные кассеты из-под прилавка. Таким образом, Ч. не только не рекламировала указанную продукцию, но и не выставляла ее на прилавок[14].

В Приговоре № 1-50/2021 от 21 марта 2021 г. по делу № 1-50/2021 Кушвинского городского суда (Свердловская область) суд также не установил факта рекламирования порнографии, но суд признал доказанной вину в совершении незаконного распространения, публичной демонстрации порнографических материалов с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Так ФИО1 используя мобильный телефон торговой марки «HUAWEI» модель «TRT-LX1», зашел на интернет-сайт социальной сети «<данные изъяты>», на ранее созданную им персональную страницу «<данные изъяты>», где реализуя свой преступный умысел, направленный на распространение, публичную демонстрацию порнографических материалов, посягающих на основы общественной нравственности в сфере сексуальных отношений, ранее с интернет-сайта незаконно скопировал графический файл порнографического содержания «<данные изъяты>» («данные изъяты»), видеофайл порнографического содержания «<данные изъяты>» («данные изъяты»), используя сеть «Интернет», разместил указанные материалы на своей персональной странице пользователя «<данные изъяты>», открытой для общего доступа.

В период с ДД.ММ.ГГГГ по ДД.ММ.ГГГГ, ФИО1 достоверно зная о свойствах и функциях интернет-сайта социальной сети «<данные изъяты>», позволяющих предоставлять доступ к информации, размещенной на персональной странице пользователя «<данные изъяты>», открытой для общего доступа, другим пользователям компьютерной сети, не принял мер к ограничению доступа пользователей к файлам, содержащим порнографические материалы, которые имели возможность скопировать и посмотреть любой пользователь социальной сети, так как функцию приватности ФИО1 не использовал. Тем самым, ФИО1, заведомо зная, что указанные файлы, находящиеся на его персональной странице, являются общедоступными для пользователей сети, создал вышеуказанным способом и сделал вышеуказанные файлы доступными для просмотра их содержания и загрузки (копирования) другим пользователям социальной сети «<данные изъяты>», совершив тем самым, незаконные распространение, публичную демонстрацию порнографических материалов с использованием средств массовой информации, информацион-

но-телекоммуникационной сети «Интернет». В результате незаконных действий ФИО1 за период с ДД.ММ.ГГГГ по ДД.ММ.ГГГГ графический файл «<данные изъяты>» был просмотрен пользователями социальной сети «<данные изъяты>» 522 раза, видеофайл «<данные изъяты>» был просмотрен пользователями социальной сети «<данные изъяты>» 2000 раз»[15].

Существенной правоприменительной проблемой следует в настоящее время признать широкое использование виновными для рекламирования и распространения порнографии ботнетов. На сайте Е.В. Касперского указано, что «ботнеты – это сети, состоящие из компьютеров, захваченных киберпреступниками, которые те используют для различных махинаций и кибератак. Слово Botnet (ботнет) образовано от слов «robot» (робот) и «network» (сеть). Организация ботнета обычно является начальным этапом многоуровневой схемы. Боты служат инструментом массированных автоматизированных атак, цель которых – похищение данных, вывод из строя серверов и распространение вредоносного ПО.

Ботнеты создаются, чтобы интенсифицировать и автоматизировать масштабные хакерские атаки. Активность отдельного хакера или даже команды хакеров ограничена производительностью их локальных устройств. Но потратив немного времени и средств, хакеры могут получить в свое распоряжение тысячи дополнительных компьютеров, что сильно повысит эффективность их атак.

Сетью захваченных устройств удаленно управляет ботмастер. Как только образуется сеть из ботов, ботмастер при помощи команд программирования организует их дальнейшие действия. Команда хакеров может самостоятельно организовать ботнет и управлять им или взять его в аренду. Ботами, или зомби-компьютерами, называются любые зараженные вредоносным ПО устройства, которые были включены в ботнет. Эти устройства полностью подчиняются командам ботмастера»[16]. По нашему мнению, ботнеты представляют повышенную общественную опасность, так как зачастую используются преступниками для распространения и рекламирования порнографии. Следует согласиться с К.Н. Евдокимовым, который предлагает дополнить гл. 28 УК РФ статьей «273.1 «Приобретение, создание, использование и распространение вредоносной компьютерной сети (ботнета)»[17].

Для правильной квалификации преступлений, предусматривающих ответственность за незаконный оборот порнографических материалов следует иметь четкое и однозначное толкование терминов, употребленных законодателем. В

нашем случае акцент следует делать на понимании предмета преступления, так при распространении порнографических материалов они должны передаваться сами, а при рекламировании только информация (сведения) о том, где можно ознакомиться с порнографическими материалами.

Список литературы:

- [1] О рекламе : Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. N 12. Ст. 1232.
- [2] Курс уголовного права / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002. С. 442.
- [3] Заирная М.М. Квалификация распространения порнографических видеоматериалов в режиме реального времени с использованием сети Интернет // Уголовное право. 2015. N 6. С. 16–22.
- [4] Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А.И. Рарог. М.: Велби, Проспект, 2007. 576 с.
- [5] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный); том 2 / под ред. А.В. Бриллиантова М.: Проспект, 2021.
- [6] Новое в Уголовном кодексе / под ред. А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ, 2012. Вып. 2. 114 с.
- [7] Ефремова М.А. Уголовно-правовое значение использования информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений // Российская юстиция. 2024. N 1. С. 22–27.
- [8] Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 3. Особенная часть. Раздел IX / ответственный редактор В. М. Лебедев. М.: Издательство Юрайт, 2026.
- [9] Александров Ю.В. Борьба с распространением порнографии. Уголовно-правовой и криминологический аспекты: Уч.-практ. пособие. Киев, 1977. С. 22.
- [10] Бушмин С. Преступления против общественной нравственности: новеллы и изменения в уголовно-правовом регулировании // Уголовное право. 2006. N 5.
- [11] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. N 3.
- [12] Роскомнадзор : Перечень персональных страниц, объем аудитории каждой из которых составляет более десяти тысяч пользователей социальной сети [Электронный ресурс] URL : <https://rkn.gov.ru/activity/electronic-communications/p1595/?ysclid=ml9ad4iag7930182511>. (дата обращения 03.02.2026).
- [13] Дело N 1-575/2011 // Архив Свердловского районного суда г. Перми.
- [14] Сборник судебных актов РФ [Электронный ресурс] URL : <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения 03.02.2026).
- [15] Приговор № 1-50/2021 от 21 марта 2021 г. по делу № 1-50/2021 [Электронный ресурс] URL : <https://sudact.ru/regular/doc/q2jCqs1fxKxx/?ysclid=ml40l0kj2s3198816> (дата обращения 03.02.2026).
- [16] Что такое ботнет? [Электронный ресурс] URL : <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/botnet-attacks?ysclid=ml8dpef0za614251701> (дата обращения 03.02.2026).
- [17] Евдокимов К.Н. Актуальные вопросы противодействия компьютерной преступности в Российской Федерации (криминологическое исследование) // Российский следователь. 2018. N 10. С. 56–61.

References:

- [1] On advertising: Federal Law of 13.03.2006 N 38-FZ//Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. N 12. Art. 1232.
- [2] Criminal Law Course/Ed. G.N. Borzenkova, V.S. Komissarova. M., 2002. S. 442.
- [3] Zazirnaya M.M. Qualification of the distribution of pornographic video materials in real time using the Internet//Criminal Law. 2015. N 6. S. 16-22.
- [4] Esakov G.A., Rarog A.I., Chuchaev A.I. The handbook of a criminal judge/resp. ed. A.I. Rarog. M.: Welby, Prospect, 2007. 576 p.
- [5] Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: in 2 tons (itemized); volume 2/ ed. A.V. Brilliantova M.: Prospect, 2021.
- [6] New in the Criminal Code/ed. A.I. Chuchaev. M.: CONTRACT, 2012. No. 2. 114 pp.
- [7] Efremova M.A. Criminal law significance of the use of information and telecommunication networks in the commission of crimes//Russian justice. 2024. N 1. S. 22-27.
- [8] Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation, 4 vol. 3. Special part. Section IX/ Executive Editor V. M. Lebedev. M.: Yuright Publishing House, 2026.
- [9] Alexandrov Yu.V. Combating the spread of pornography. Criminal law and criminological aspects: Uch.-pract. allowance. Kyiv, 1977. S. 22.
- [10] Bushmin S. Crimes against public morality: novels and changes in criminal law//Criminal law. 2006. N 5.
- [11] On some issues of judicial practice in criminal cases of crimes in the field of computer informa-

tion, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.12.2022 No. 37//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. N 3.

[12] Roskomnadzor: A list of personal pages, the audience of each of which is more than ten thousand users of the social network [Electronic resource] URL: <https://rkn.gov.ru/activity/electronic-communications/p1595/?ysclid=ml9ad4iag7930182511>. (date of contact 03.02.2026).

[13] Case No. 1-575/2011//Archive of the Sverdlovsk District Court of Perm.

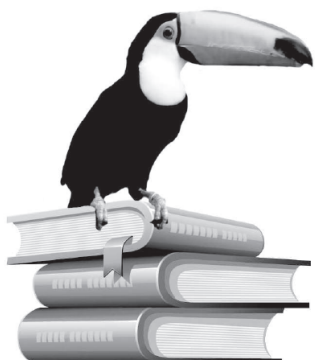
[14] Collection of judicial acts of the Russian Federation [Electronic resource] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (date of appeal 03.02.2026).

[15] Sentence No. 1-50/2021 of March 21, 2021 in case No. 1-50/2021 [Electronic resource] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/q2jCqs1fxKxx/?ysclid=ml40l0kj2s3198816> (date of appeal 03.02.2026).

[16] What is a botnet? [Electronic resource] URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/botnet-attacks?ysclid=ml8dpof0za614251701> (date of access 03.02.2026).

[17] Evdokimov K.N. Topical issues of counter-ing computer crime in the Russian Federation (criminological research)//Russian investigator. 2018. N 10. S. 56-61.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.02.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-747-752

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор 25 кафедры (военной администрации,
административного и финансового права)
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
e-mail: viktor_shestak@mail.ru

ПЕТРОВА Александра Андреевна,
курсант 3-го курса,
факультет подготовки следователей,
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева
e-mail: info@law-books.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАСПОЗНАВАНИЯ ПРИЗНАКОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые проблемы, связанные с распознаванием признаков противодействия расследованию уголовного дела. Актуализируется значимость своевременного выявления таких действий для обеспечения эффективности уголовного судопроизводства. Выдвигается и обосновывается гипотеза о том, что процесс распознавания лишен строго формализованных методов, будучи детерминированным преимущественно профессиональным опытом, личностными качествами и интуицией следователя. На основе критического анализа теоретических подходов к распознаванию противодействия выделяются основные проблемные моменты, препятствующие его объективной идентификации, и формулируются предложения по их минимизации через развитие профессиональных компетенций.

Ключевые слова: противодействие расследованию, следователь, криминалистическая тактика, субъективность, обман.

SHESTAK Viktor Anatolyevich,
Professor of the 25th Department (Military Administration,
administrative and financial law) of the Prince Alexander Nevsky
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Doctor of Juridical Science, Moscow

PETROVA Aleksandra Andreevna,
3rd year cadet, Faculty of Investigator Training,
A. Ya. Sukharev Moscow Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation

PROBLEMATIC ISSUES OF RECOGNIZING SIGNS OF COUNTERACTION TO AN INVESTIGATION

Annotation. The article discusses the key issues related to the recognition of signs of opposition to the investigation of a criminal case. The importance of timely detection of such actions to en-

sure the effectiveness of criminal proceedings is being actualized. The hypothesis is put forward and substantiated that the recognition process is devoid of strictly formalized methods, being determined mainly by professional experience, personal qualities and intuition of the investigator. Based on a critical analysis of theoretical approaches to counteraction recognition, the main problematic issues that hinder its objective identification are identified, and proposals are formulated to minimize them through the development of professional competencies.

Key words: *counteraction to the investigation, investigator, criminalistic tactics, subjectivity, deception.*

Эффективное раскрытие и расследование преступлений является фундаментальной задачей органов предварительного следствия, обеспечивающей реализацию принципа неотвратимости наказания и защиту прав и свобод граждан. Однако на пути к установлению истины по уголовному делу следователь, зачастую, сталкивается с целенаправленными попытками воспрепятствовать его деятельности – так называемым противодействием расследованию.

Противодействие расследованию понимается в криминалистике как умышленная деятельность заинтересованных лиц с целью воспрепятствования решению задач уголовного судопроизводства посредством создания помех раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений [1]. Ключевым признаком такого поведения является наличие умысла помешать работе следователя – это может выражаться как в активных формах (дача ложных показаний, фальсификация доказательств), так и в пассивных (умолчание существенных фактов, уклонение от ответов на вопросы).

Актуальность своевременного выявления противодействия обусловлена масштабами этого явления. По данным Всемирной ассоциации криминалистов, около 82% допрашиваемых прибегают ко лжи в той или иной форме в ходе допроса [2]. Иными словами, почти в каждом случае следователю приходится различать правдивую информацию и сознательное искажение фактов. Между тем эффективно распознать противодействие непросто, поскольку данный процесс до сих пор не опирается на строгие научные алгоритмы и стандартизированные методики. В этой связи полагаем возможным констатировать: если не существует универсальных, однозначных и безошибочных признаков обмана, то не может существовать и строго формализованных, объективных методов его распознавания, пригодных для любой ситуации. Это подтверждается и позицией ведущих специалистов. Так, по мнению А.Р. Белкина, нет ни одного вербального, паралингвистического или невербального признака, который достоверно свидетельствовал бы о лжи, если он взят изолированно от всех других признаков [3].

Однотипное поведение могут демонстрировать как заведомо лгущий, так и говорящий правду человек, испытывающий сильный стресс, страх или волнение. В частности, эмоциональное состояние, культурные особенности, личностные черты и даже физиологические реакции нередко ошибочно интерпретируются как признаки лжи [4]. К примеру, в своем труде В.Л. Васильева приводит многочисленные иллюстрации того, как обычная нервозность или тревога допрашиваемого могут быть приняты следователем за индикаторы обмана [5].

В этой связи полагаем, что попытки построить процедуру распознавания противодействия на поиске формальных «сигналов лжи» изначально уязвимы научно. Отечественные исследования последних лет лишь укрепляют это понимание. Так, в частности, эмпирически установлено, что личностные особенности самого воспринимающего могут влиять на способность отличать ложь от правды. Так, склонность ставить себя выше других, прагматизм и властность названы среди черт, характерных для лиц, плохо распознающих ложь [6, С. 72–85]. В этой связи полагаем возможным выдвинуть следующую гипотезу: и в современных условиях процесс распознавания противодействия следователю не является результатом применения некой стандартизированной методики, а представляет собой сложный когнитивный процесс, зависящий, прежде всего, от личных качеств, профессионального опыта, интуиции и психологической проницательности конкретного следователя. Иначе говоря, распознавание противодействия – это в большей мере индивидуальное искусство, основанное на экспертных знаниях и личной компетентности, нежели применение универсального алгоритма.

Выдвинутая гипотеза позволяет выделить ряд системных проблем, с которыми сталкиваются следователи при попытке распознать противодействие. Эти проблемы полагаем возможным сгруппировать по нескольким группам.

К первой – относятся проблемы, обусловленные субъективностью следователя. Физиологическое и психологическое состояние самого следователя (усталость, стресс) способно искажать восприятие и интерпретацию поведения

допрашиваемого, приводя к ошибочным выводам о наличии либо отсутствии противодействия. Личный когнитивный стиль и убеждения следователя также накладывают отпечаток: если он внутренне убежден в виновности лица, то может склонен видеть обман там, где его нет, или, наоборот, игнорировать очевидные признаки противодействия из-за собственных стереотипов или нежелания усложнять ход расследования. Отсутствие глубоких знаний в области судебной психологии, психологии общения и невербальной коммуникации лишь усугубляет эту проблему. Недостаточная психологическая подготовка не позволяет адекватно оценивать эмоциональное состояние допрашиваемого и характер его поведения – на что в своих исследованиях обращал внимание, в частности, А.Л. Ситковский [7].

Следователю без специальных знаний трудно отличить обычное волнение от преднамеренного обмана, что критически важно для установления психологического контакта и эффективности допроса. Кроме того, зависимость от личного опыта делает менее опытных, молодых следователей особенно уязвимыми перед изощренными формами противодействия. Им нередко не хватает того профессионального чутья и наблюдательности, которые приобретаются только годами следственной практики. В итоге неопытный сотрудник может пропустить ложь или, напротив, увидеть ее признаки ошибочно, тогда как опытный следователь лучше улавливает малозаметные несоответствия. Косвенно этот тезис подтверждают и данные психологии: некоторые личностные черты (например, завышенная самооценка, прагматизм, стремление к доминированию) статистически связаны с неспособностью эффективно распознавать ложь [6, С. 76].

Вторая группа – обусловлена характером противодействия. Современные подозреваемые и обвиняемые, особенно из состава организованных преступных групп, хорошо осведомлены о тактике расследования и целенаправленно используют изощренные методы маскировки противодействия. Они имитируют искренность, заранее готовят непроверяемые «легенды» и даже прикрываются законными правами, зачастую активно злоупотребляя ими, чтобы уйти от изобличения. Все это делает выявление противодействия особенно трудным, особенно когда преступление совершено в условиях неочевидности, а прямая ложь допрашиваемого отсутствует. В таких условиях признаки противодействия зачастую носят латентный характер: проявляются не в явных формах, а через незначительные, косвенные изменения в поведении или показаниях лица. Подобные, едва уловимые, сигналы легко пропу-

стить без должной внимательности и глубокого контекстуального анализа. К примеру, эмпирический анализ 150 реальных допросов показал, что наиболее распространенной тактикой лжи со стороны допрашиваемых является именно уклонение от прямого ответа – этот прием зафиксирован в 67% случаев, тогда как искажение отдельных фактов встречается лишь в 23%, а откровенное предоставление вымышленных сведений – в 10% случаев [8, С. 62]. Иначе говоря, люди чаще стараются скрыть информацию или обойти острые вопросы, чем сообщить явную ложь. Не существует и какого-либо универсального перечня «маркеров», по которым можно однозначно распознать факт противодействия – каждая ситуация уникальна, и признаки варьируются. Это требует от следователя индивидуального подхода в каждом случае и критической оценки совокупности даже мельчайших деталей. Только комплексный анализ поведения, речи и прочих особенностей в контексте всех материалов дела позволяет приблизиться к истине.

Третья группа – связана с несовершенством существующих методов обнаружения противодействия. Многие из практических приемов выявления лжи имеют ограниченную применимость или вызывают обоснованные сомнения. К примеру, анализ логических противоречий в показаниях, безусловно, является одним из эффективных средств изобличения обмана. Однако, даже при очевидном противоречии, всегда остается вероятность того, что оно вызвано банальной ошибкой, плохой памятью либо стрессовым состоянием допрашиваемого, а не умышленным введением следствия в заблуждение. Интерпретация таких данных во многом субъективна и зависит от уровня аналитических способностей следователя, что влияет на объективность выводов. Наблюдение за невербальным поведением (жестами, мимикой, позами, интонацией) представляет собой еще более спорный подход, поскольку толкование этих сигналов зачастую строится на бытовых представлениях, а не на строгих научных критериях. Отдельные жесты и выражения лица могут по-разному трактоваться разными людьми, а один и тот же признак способен означать разные состояния. Это создает чрезвычайно высокий риск ошибочных выводов: практика знает случаи, когда чрезмерная нервозность принималась за признак лжи, тогда как на самом деле человек говорил правду. Полиграф (детектор лжи), несмотря на сравнительно широкое распространение, также не дает однозначного решения. Вокруг его использования не утихают дискуссии, поскольку, согласно позиции судебных органов, «результаты полиграфных исследований не могут

рассматриваться как самостоятельные доказательства, а носят лишь ориентирующий характер» [9]. Действительно, высшая судебная инстанция нашего государства прямо указывает на недопустимость выводов полиграфа в качестве доказательств по уголовным делам, придавая им, тем самым, лишь вспомогательное значение. К тому же эффективность полиграфа критически зависит от квалификации специалиста-полиграфолога, психологического состояния обследуемого и, главное, от способности самого следователя правильно интерпретировать полученные показания прибора в совокупности с другими собранными по уголовному делу доказательствами. По сути, полиграф служит лишь индикатором определенных психофизиологических реакций, но не «детектором лжи» в прямом смысле. Наконец, отсутствует единый системный подход к распознаванию противодействия: зачастую следователи действуют интуитивно и бессистемно, применяя приемы распознавания эпизодически, без глубокого понимания их психологической основы. Такая несистемность ведет к фрагментарности анализа и упущению важных деталей. В этой связи, полагаем, что используемые на практике методы выявления противодействия не являются объективными и универсальными инструментами. Скорее, это набор тактических приемов, эффективность которых во многом зависит от субъективных качеств и навыков конкретного следователя.

Универсальной методики обнаружения лжи до сих пор не найдено, и наибольшую эффективность показывают только комбинированные подходы, где технические средства играют вспомогательную роль и дополняют аналитическую работу человека. В этой связи традиционные методы: будь то инструментальная детекция лжи (полиграф) или иной цифровой анализ вербальных маркеров, будучи примененными изолированно, легко нейтрализуются подготовленным противодействующим субъектом.

Эффективность комбинированных подходов объясняется принципом компенсации слабых мест одних методов сильными сторонами других. Технические средства (к примеру, анализ метаданных переписки, цифровая криминалистика, видеоаналитика) фиксируют объективные, часто неосознаваемые следы деятельности. Однако их данные остаются лишь «цифровыми следами», лишенными смысла без аналитической работы следователя, который, опираясь на эти данные, выстраивает гипотезы, выявляет логические несоответствия, оценивает контекст и мотивацию, применяя профессиональную интуицию и знание поведенческих паттернов. Таким образом, на пер-

вый план выходит не поиск «детектора лжи», а разработка интегративных моделей, где технический инструментарий систематически сопрягается с когнитивными стратегиями следователя.

Проведенный анализ подтверждает выдвинутую гипотезу: распознавание противодействия расследованию – это субъективно обусловленный процесс, лишенный строгого научно-методического обеспечения. На современном этапе не существует ни безошибочных индикаторов обмана, ни единых стандартов выявления ложных показаний. Для повышения эффективности и объективности данного процесса требуется системная работа по развитию профессиональных компетенций следователя. Полагаем, что, прежде всего, требуется существенное совершенствование психологической подготовки как в рамках базового образования, так и при последующем повышении квалификации сотрудников следственных органов. По нашему мнению, акцент должен смещаться на изучении психологии коммуникации, способов диагностики эмоциональных состояний, методов критического мышления и выявления обмана. Следственная практика свидетельствует, что специальные тренинги и обучение по тематике распознавания лжи способны существенно помочь следователю. Так, к примеру, сотрудники следственных органов, прошедшие специальную подготовку, при производстве допросов, в том числе проводимых в конфликтных ситуациях, смогли снизить уровень скрытой лжи примерно на 30% по сравнению с коллегами без такого обучения [8, С. 62–68]. Не менее важно создание и внедрение гибких методических рекомендаций, опирающихся не на поиск изолированных «признаков лжи», а на комплексный ситуационный анализ. Полагаем, что на практике следователь должен оценивать поведение допрашиваемого в контексте всей совокупности собранных по уголовному делу доказательств, сопоставляя показания с другими фактическими данными. Такой междисциплинарный подход, сочетающий криминалистический анализ с психологическими знаниями, позволит минимизировать влияние субъективных факторов. Кроме того, полагаем целесообразным активнее развивать институт наставничества в следственных органах для передачи неформализуемого опыта молодым сотрудникам. Так, в Следственном комитете Российской Федерации в настоящее время каждому начинающему следователю прикрепляется опытный наставник, готовый в любой момент оказать профессиональную помощь и поделиться практическими навыками. Подобная система наставничества и обмена опытом помогает быстрее сформировать

ровать у молодых специалистов необходимые интуитивные умения, которые не могут быть полностью переданы через инструкции и печатные материалы.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется использование современных цифровых технологий и систем анализа данных в качестве инструментов поддержки принятия решений следователем. Уже сегодня ведутся разработки программ для анализа микромимики, голосовых модуляций, нейросетевых алгоритмов профайлинга и других IT-решений, способных выявлять скрываемую информацию. Применение таких технологий в экспериментальных условиях позволило снизить уровень недоуверенной информации до 45% [2, С. 140–150].

Таким образом, несмотря на прогресс в области автоматизированного анализа данных и искусственного интеллекта, конституирующая роль человеческого фактора в уголовном судопроизводстве остается неоспоримой. Даже самые совершенные алгоритмы, способные выявлять аномалии, паттерны и вероятностные признаки противодействия, принципиально лишены ключевых для правоприменения качеств: правосознания, ценностно-нормативной оценки и способности к выбору в условиях неопределенности.

Итоговая интерпретация собранных доказательств, построение внутреннего убеждения и принятие процессуально значимых решений — это исключительная прерогатива следователя-профессионала. Именно правовое мышление следователя, объединяющее умение строго применять нормы закона, видеть за ними реальную жизненную ситуацию людей и руководствоваться принципом справедливости, обеспечивает перевод массива разрозненных данных и технических индикаторов в легитимную и обоснованную правовую позицию.

Следовательно, стратегический путь повышения эффективности борьбы с изощренным противодействием расследованию лежит не в утопической замене следователя искусственным интеллектом, а в создании устойчивой связи «высокие технологии — высокие компетенции». Технологии выступают как мощный инструмент когнитивного расширения способностей человека, усиливая аналитические возможности, в то время как специалист осуществляет целевую настройку, контекстуальную верификацию и фильтрацию полученных результатов.

В этой связи непрерывное повышение квалификации следственных кадров в области современных методов распознавания манипулятивных стратегий трансформируется из вспомогательной

задачи в системообразующее условие эффективной и результативной работы. Образование, включающее освоение цифрового инструментария, нейро- и психолингвистики, основ критического мышления и поведенческого анализа, становится важным элементом для реализации фундаментальных принципов уголовного процесса. Мы придерживаемся мнения, что только такой комплексный подход обеспечивает подлинную объективность, базирующуюся не на иллюзии непредвзятости технических средств и искусственного интеллекта, а на глубоком профессиональном усмотрении следователя, и гарантирует неотвратимость ответственности через установление истины по делу.

Список литературы:

- [1] Бастрыкин А.И., Волынский А.Ф., Дубровин С.В. Криминалистика: учебник для вузов. — М.: Издательство Юрайт, 2025. — С. 362.
- [2] Арефьева О.В. Современные подходы к выявлению скрываемой информации // Прикладная психология и педагогика. 2022. Т. 7, № 3. С. 140–150.
- [3] Белкин А.Р. О проблемах распознавания лжи и установления истины в уголовном судопроизводстве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2021. Т. 65, № 2. С. 147.
- [4] Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2025. — 471 с.
- [5] Васильев В.Л. Юридическая психология: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2022. — С. 256–260.
- [6] Яновский М.И., Малишевская Е.В. Личностные свойства, способствующие нераспознаванию лжи // Психология и психотехника. 2023. № 4. С. 72–85.
- [7] Ситковский А.Л. Психологические особенности допроса лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений: современное состояние и перспективы // Юридическая психология. 2022. № 1. С. 26–30.
- [8] Арский А.А. Противодействия тактикам лжи допрашиваемого в процессе допроса // Управление образованием: теория и практика. 2023. Т. 13, № 7. С. 62–68.
- [9] Комиссарова Я.В. Об использовании полиграфа в уголовном процессе // Судья. 2014. № 5. С. 30–33.

References:

- [1] Bastyrykin A.I., Volynsky A.F., Dubrovin S.V. Forensic Science: A Textbook for Universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2025, p. 362.

[2] Arefieva O.V. Modern Approaches to Revealing Hidden Information // Applied Psychology and Pedagogy. 2022. Vol. 7, No. 3. Pp. 140–150.

[3] Belkin A.R. On the Problems of Recognizing Lies and Establishing the Truth in Criminal Proceedings // News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. 2021. Vol. 65, No. 2. P. 147.

[4] Belkin A.R. Theory of Evidence in Criminal Proceedings: A Textbook for Universities. 2nd ed., corrected and enlarged. – M.: Yurait Publishing House, 2025. – 471 p.

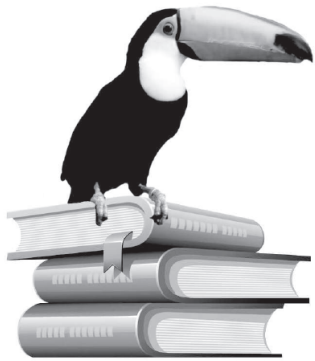
[5] Vasiliev V.L. Legal Psychology: a textbook for universities. 6th ed., revised and enlarged. – M.: Yurait Publishing House, 2022. – pp. 256-260.

[6] Yanovsky M.I., Malishevskaya E.V. Personality traits that contribute to the failure to recognize lies // Psychology and psychotechnics. 2023. No. 4. pp. 72–85.

[7] Sitkovsky A.L. Psychological features of interrogation of persons suspected (accused) of committing crimes: current state and prospects // Legal Psychology. 2022. No. 1. pp. 26–30.

[8] Arsky A.A. Counteracting the Interrogator's Lying Tactics During Interrogation // Education Management: Theory and Practice. 2023. Vol. 13, No. 7. pp. 62-68.

[9] Komissarova Ya.V. On the Use of a Polygraph in Criminal Proceedings // Judge. 2014. No. 5. pp. 30-33.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-753-758

МУРКШТИС Мариус Иокубович,
Доктор юридических наук,
председатель московской коллегии адвокатов
«Муркштис, Калининко и партнеры»;
доцент кафедры «Уголовного права,
процесса и криминалистики»
Юридического института РУДН
e-mail: 7607428@mail.ru

СИСТЕМА ПРОФИЛАКТИКИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена сохраняющейся криминальной угрозой, порождаемой незаконным оборотом оружия, и его дестабилизирующим воздействием на общественную и национальную безопасность Российской Федерации. В статье проводится комплексный анализ системы профилактики преступлений в сфере незаконного оборота оружия как многоуровневого процесса, интегрирующего общесоциальные, специальные криминологические, уголовно-правовые и международно-правовые меры. Рассматриваются макро- и микроуровневые детерминанты данного вида преступности. Особое внимание уделяется современным вызовам: функционированию «серых» рынков в интернет-пространстве, проблеме небрежного хранения оружия, хищениям оружия и влиянию специальной военной операции на динамику преступлений в отдельных регионах. Автор обосновывает вывод о том, что эффективность профилактики определяется не репрессивным потенциалом уголовного закона, а системным подходом, сочетающим устранение коренных причин преступности с применением современных цифровых технологий правоохранительной деятельности при неукоснительном соблюдении конституционных прав граждан.

Ключевые слова: профилактика преступлений, незаконный оборот оружия.

MURKSHTIS Marius Iokubo,
Doctor of Law,
Chairman of the Moscow Bar Association
«Murkshtis, Kalinenko and Partners»
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Procedure and Forensics of the Law Institute
of RUDN University

THE SYSTEM FOR PREVENTING ILLICIT ARMS TRAFFICKING IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT

Annotation. The relevance of this study is determined by the persistent criminal threat posed by illegal arms trafficking and its destabilizing impact on public and national security in the Russian Federation. This article provides a comprehensive analysis of the system for preventing arms trafficking crimes as a multi-layered process integrating general social, specialized criminological, criminal law, and international legal measures. It examines the macro- and micro-level determinants of this type of crime. Particular attention is paid to contemporary challenges: the functioning of “gray” markets in the internet space, the problem of careless weapons storage, weapons theft, and the impact of special military operations on crime dynamics in specific regions. The author substantiates

the conclusion that the effectiveness of crime prevention is determined not by the repressive potential of criminal law, but by a systemic approach that combines addressing the root causes of crime with the use of modern digital law enforcement technologies while strictly upholding citizens' constitutional rights.

Key words: *crime prevention, illegal arms trafficking.*

Актуальность проблемы незаконного оборота оружия в современной России обусловлена её многогранностью и способностью оказывать дестабилизирующее воздействие на общественную безопасность, правопорядок и национальную безопасность государства в целом. Незаконный оборот оружия представляет собой сложное социально-правовое явление, включающее в себя действия по незаконному приобретению, передаче, сбыту, хранению, перевозке, ношению, изготовлению, а также иным неправомерным действиям с огнестрельным и холодным оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, совершаемые в нарушение требований Федерального закона «Об оружии» от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ [2] и иных нормативных правовых актов, регулирующих оборот оружия на территории Российской Федерации. Уголовно-правовая оценка данных действий закреплена в главе 24 УК РФ.

Профилактика преступности в данной сфере выступает в качестве системообразующего элемента государственной политики в области обеспечения общественной безопасности, представляя собой совокупность правовых, организационных, экономических, социальных, воспитательных и иных мер, направленных на предупреждение, выявление и пресечение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, а также на устранение их причин и условий.

Сущность профилактической деятельности в рассматриваемой области заключается не только в реагировании на совершённые преступления посредством привлечения к уголовной ответственности, но и в предупреждении криминальных ситуаций через формирование эффективной системы правового регулирования оборота оружия, усиление контрольно-надзорных функций уполномоченных государственных органов, повышение правовой культуры населения, а также совершенствование механизмов международного сотрудничества в борьбе с трансграничным незаконным оборотом вооружений.

Теоретической основой профилактики преступности в сфере незаконного оборота оружия выступают положения криминологии, уголовного права, уголовно-исполнительного права, административного права и криминалистики, которые в совокупности формируют научное понимание природы данного вида преступности, её детер-

минант, а также возможностей и ограничений различных профилактических воздействий. Особое внимание в рамках криминологического анализа уделяется изучению личности преступников, совершающих такие общественно-опасные деяния, их мотивационно-целевых установок, а также социальных, экономических и психологических факторов, способствующих формированию криминальных установок и вовлечению в незаконную деятельность.

Статистические данные, публикуемые Министерством внутренних дел Российской Федерации, свидетельствуют о сохранении устойчивого уровня преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, при одновременном наблюдении тенденции к её снижению (Рисунок 1). Однако, в отдельных регионах нашей страны количество таких преступлений неуклонно увеличивается, что в первую очередь связано с проводимой специальной военной операцией (Рисунок 2) [6].

Снижение общих показателей преступлений, связанных с оружием, обусловлено активизацией работы пограничной службы ФСБ России, направленной на пресечение противоправных действий преступных групп, специализирующихся на организации каналов контрабанды в Россию оружия, боеприпасов и военного имущества [5].

Данные тенденции указывают на необходимость постоянного совершенствования профилактических механизмов с учётом эволюции криминальных и технологических возможностей современной, в т.ч. организованной преступности.

Детерминационный комплекс незаконного оборота оружия включает в себя как макроуровневые, так и микроуровневые факторы. К числу макроуровневых причин относятся социально-экономическая нестабильность в отдельных регионах страны, коррупционная составляющая в деятельности отдельных должностных лиц, ответственных за контроль за оборотом оружия, а также геополитическая напряжённость на границах Российской Федерации, способствующая контрабанде оружия из зон вооружённых конфликтов. Микроуровневые факторы охватывают личностные особенности потенциальных правонарушителей: низкий уровень правосознания, склонность к девиантному поведению, криминальные традиции в среде проживания, а также психологическую

Рисунок 1.

ТЕМПЫ ПРИРОСТА ЧИСЛА ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ

РЕГИОНЫ С НАИБОЛЬШИМИ ТЕМПАМИ ПРИРОСТА, в %

Рисунок 2.

потребность в самоутверждении посредством демонстрации вооружённой силы.

Особую опасность представляют так называемые «серые» рынки оружия, функционирующие в интернет-пространстве, где посредством зашифрованных мессенджеров и даркнет-ресурсов осуществляется координация сделок по незаконному приобретению и сбыту вооружений, что существенно затрудняет оперативно-розыск-

ную деятельность правоохранительных органов и требует внедрения современных цифровых технологий мониторинга и анализа сетевого трафика.

Система профилактических мер в сфере незаконного оборота оружия подразделяется на общесоциальные и специальные криминологические меры, находящиеся в диалектическом единстве и взаимодополнении.

Общесоциальные меры направлены на устранение глубинных причин преступности через повышение уровня жизни населения, развитие системы образования и патриотического воспитания молодёжи, укрепление института семьи, создание условий для легальной самореализации граждан, включая развитие спортивной стрельбы и других видов деятельности, связанных с законным обращением с оружием под строгим контролем государства.

Важным элементом общесоциальной профилактики выступает правовое просвещение населения, включающее разъяснение требований законодательства об обороте оружия, последствий нарушения данных требований, а также механизмов добровольной сдачи незаконно хранящегося оружия в рамках проводимых правоохранительными органами операций, которые на практике демонстрируют высокую эффективность в снижении количества незарегистрированных единиц оружия в гражданском обороте.

Специальные криминологические меры профилактики реализуются преимущественно через деятельность правоохранительных и контролирующих органов и включают оперативно-розыскные мероприятия, направленные на выявление каналов поступления незаконного оружия, пресечение деятельности преступных групп, специализирующихся на его изготовлении и сбыте, а также на установление лиц, незаконно хранящих оружие.

Ключевую роль в системе специальной профилактики играет лицензионно-разрешительная работа, осуществляемая подразделениями Росгвардии, которая предполагает тщательную проверку лиц, претендующих на получение разрешения на приобретение, хранение и ношение оружия, включая проверку на наличие судимостей, психиатрических противопоказаний, фактов употребления наркотических средств и алкоголя, а также оценку условий хранения оружия по месту жительства.

Особое внимание в контексте профилактики следует уделить проблеме небрежного хранения огнестрельного оружия, ответственность за которое предусмотрена ст. 224 УК РФ.

Данное деяние зачастую становится отправной точкой для совершения иных преступлений, поскольку утраченное или похищенное в результате таких деяний оружие попадает в руки лиц, не имеющих права на его владение, включая несовершеннолетних.

Так, анализ случаев скулшутинга на территории, либо в непосредственной близости от образовательных учреждений различного типа, за период с 2000 – 2024 год (включительно) показывает, что в 45% случаев применялось огнестрель-

ное оружие легально приобретено третьими лицами (чаще всего родителями), что указывает на серьёзные пробелы в системе контроля за хранением оружия в семьях с несовершеннолетними [4].

Профилактика небрежного хранения оружия требует не столько ужесточения уголовно-правовых санкций, но проведения разъяснительной работы с владельцами оружия о правилах его безопасного хранения, а также усиления контроля со стороны правоохранительных органов за соблюдением требований к местам хранения посредством регулярных проверок.

Важным направлением профилактической деятельности выступает борьба с хищениями оружия и боеприпасов (статья 226 УК РФ), которые зачастую совершаются организованными преступными группами, действующими по заранее разработанному плану с использованием коррумпированных сотрудников ОВД или военнослужащих. Профилактика подобных преступлений требует комплексного подхода, включающего усиление охраны мест хранения оружия, проведение профилактических бесед с ответственными лицами о недопустимости коррупционных проявлений, а также внедрение систем внутреннего контроля и аудита для своевременного выявления отклонений в учётных операциях.

Международный аспект профилактики незаконного оборота оружия приобретает всё большее значение в условиях глобализации преступности. Российская Федерация является участником ряда международных договоров, направленных на противодействие незаконному обороту оружия, включая Конвенцию Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности 2000 года и Протокол против незаконного оборота огнестрельного оружия к ней [1]. Эффективная реализация международных обязательств требует совершенствования механизмов правовой помощи по уголовным делам, экстрадиции лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота оружия, а также обмена оперативной информацией между правоохранительными органами различных государств.

Особое значение имеет сотрудничество с государствами-участниками Содружества Независимых Государств, поскольку именно через границы данных государств зачастую осуществляется контрабанда оружия из зон вооружённых конфликтов на Ближнем Востоке и в Африке. В данном контексте перспективным направлением является создание единой информационной базы данных о похищенном и утраченном оружии стран СНГ, что позволит оперативно идентифицировать оружие, изъятое на территории одного государства, как похищенное на территории другого.

Уголовно-правовые меры профилактики незаконного оборота оружия включают не только назначение справедливого наказания за совершенные преступления, но и применение института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, который в случае добровольной явки с повинной и сдачи незаконно хранимого оружия может стать мощным стимулом для лиц, незаконно владеющих оружием, к прекращению противоправной деятельности без применения репрессивных мер. Данный институт требует широкого информирования населения о его существовании и условиях применения, что способствует снижению числа незарегистрированных единиц оружия в обороте и предотвращению потенциальных преступлений, совершаемых с его применением.

Особую роль в системе профилактики играет судебная практика, формирующая единообразное толкование норм главы 24 УК РФ, в частности Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» [3], которое содержит разъяснения по вопросам квалификации деяний, определения малозначительности, а также по вопросам назначения наказания с учётом наличия смягчающих и отягчающих обстоятельств. Единообразное применение уголовного закона судами способствует повышению предсказуемости правовых последствий для потенциальных правонарушителей и укрепляет превентивный потенциал уголовного законодательства.

Необходимо отметить, что профилактика преступности в сфере незаконного оборота оружия не может быть эффективной без участия гражданского общества. Институты гражданского общества, включая общественные наблюдательные комиссии, ветеранские организации, спортивные стрелковые клубы, а также средства массовой информации, могут играть важную роль в формировании у населения ответственного отношения к оружию, выявлении фактов незаконного оборота и информировании правоохранительных органов о подозрительной деятельности. В настоящее время такая работа проводится различными общественными организациями, в том числе: Всероссийской общественной организацией ветеранов «Боевое братство», «Союзом ветеранов СВО», «Ассоциацией ветеранов СВО» и др.

В данном контексте перспективным представляется развитие практики взаимодействия правоохранительных органов с лидерами общественного мнения в регионах с высоким уровнем вооружённой преступности, а также проведение совместных профилактических акций, направленных

на популяризацию законопослушного поведения в сфере обращения с оружием.

Технологическое развитие создаёт как новые угрозы в сфере незаконного оборота оружия (например, возможность изготовления огнестрельного оружия посредством 3D-печати), так и новые возможности для профилактики. Внедрение систем автоматической идентификации оружия по баллистическим характеристикам изъятых пуль и гильз, создание единой государственной автоматизированной системы учёта оружия с использованием технологий блокчейн для предотвращения подделки документов, применение искусственного интеллекта для анализа больших данных с целью выявления криминальных сетей, специализирующихся на незаконном обороте оружия, — всё это представляет собой перспективные направления совершенствования профилактической деятельности.

Вместе с тем, внедрение новых технологий должно сопровождаться разработкой правовых механизмов, обеспечивающих баланс между эффективностью профилактики и соблюдением конституционных прав и свобод граждан, включая право на неприкосновенность частной жизни и тайну переписки. Перспективы совершенствования профилактики преступности в сфере незаконного оборота оружия связаны с комплексным реформированием законодательства и практики его применения.

В первую очередь требуется дальнейшее совершенствование Федерального закона «Об оружии», включая ужесточение требований к хранению оружия гражданами, расширение оснований для отказа в выдаче разрешений на приобретение оружия, а также обязательной периодической проверки знаний правил безопасного обращения с оружием и психологического состояния владельцев оружия.

Особое внимание следует уделить профилактике вовлечения несовершеннолетних в преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, что требует разработки специальных программ правового воспитания в образовательных организациях, а также блокировке интернет-ресурсов, пропагандирующих насилие и демонстрирующих способы изготовления оружия.

В заключение следует подчеркнуть, что профилактика преступности в сфере незаконного оборота оружия представляет собой динамичный, многоуровневый и постоянно адаптирующийся к изменяющимся условиям процесс, требующий слаженного взаимодействия всех субъектов профилактики — от федеральных органов государственной власти до отдельного гражданина. Эффективность профилактических мер определяется не только строгостью уголовно-правовых

норм и интенсивностью правоохранительной деятельности, но и глубиной социально-экономических преобразований, направленных на устранение коренных причин преступности, а также на формирование у населения устойчивых правовых установок и ответственного отношения к вопросам оборота оружия. Только комплексный, системный и научно обоснованный подход к профилактике, сочетающий в себе элементы общесоциального воздействия, специальных криминологических мер, уголовно-правового регулирования и международного сотрудничества, способен обеспечить устойчивое снижение уровня преступности в сфере незаконного оборота оружия и тем самым внести существенный вклад в укрепление общественной безопасности и правопорядка в Российской Федерации. При этом необходимо постоянно отслеживать эволюцию криминальных практик в данной сфере, своевременно вносить коррективы в профилактическую стратегию и обеспечивать её адекватность современным вызовам и угрозам, сохраняя при этом неизменной приверженность принципам верховенства права, законности и уважения прав человека в процессе осуществления профилактической деятельности. Научное осмысление проблем профилактики незаконного оборота оружия должно стать теоретической и методологической основой для дальнейшего совершенствования государственной политики в данной критически важной сфере обеспечения национальной безопасности.

Список источников:

[1] «Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности» (Принят в г. Нью-Йорке 31.05.2001 Резолюцией 55/255 на 101-ом пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Документ опубликован не был доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.02.2026).

[2] Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. N 51. ст. 5681.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Российская газета. 2002. N 48.

[4] Гришин Р.Ю. Сведения о преступлениях и террористических актах, совершенных в детских садах, школах, колледжах, университетах и иных образовательных учреждениях, а также местах с

массовым пребыванием детей, расположенных в Российской Федерации, в период с 2000 по 2024 год включительно: справочник. – Изд. 4.2 (дополнительное). – М., 2025.

[5] Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года и ожидаемые тенденции ее развития : аналитический обзор / М. В. Гончарова, М. М. Бабаев, С. А. Невский, Р. В. Черкасов, Е. М. Тимошина, Г. Э. Бицадзе, К. С. Насуев, Г. Ф. Коимшиди, В. Г. Смирнов. – Москва : ВНИИ МВД России, 2024.

[6] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2025 года // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». М., 2026.

References:

[1] “Protocol against the Illicit Manufacturing of and Trafficking in Firearms, Their Parts and Components and Ammunition, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime” (Adopted in New York on 31.05.2001 by Resolution 55/255 at the 101st plenary meeting of the 55th session of the UN General Assembly) // The document was not published; access from the ConsultantPlus SPS (date of access 10.02.2026).

[2] Federal Law “On Weapons” of 13.12.1996 No. 150-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. N 51. Art. 5681.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 12, 2002, No. 5 (as amended on June 11, 2019) “On judicial practice in cases of theft, extortion, and illegal trafficking of weapons, ammunition, explosives, and explosive devices” // Rossiyskaya Gazeta. 2002. No. 48.

[4] Grishin, R. Yu. Information on crimes and terrorist acts committed in kindergartens, schools, colleges, universities, and other educational institutions, as well as places with a large number of children, located in the Russian Federation, in the period from 2000 to 2024 inclusive: a reference book. - Ed. 4.2 (supplement). – M., 2025.

[5] Comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation based on the results of 2023 and expected trends in its development: an analytical review / M. V. Goncharova, M. M. Babaev, S. A. Nevsky, R. V. Cherkasov, E. M. Timoshina, G. E. Bitsadze, K. S. Nasuev, G. F. Koimshidi, V. G. Smirnov. – Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024.

[6] The state of crime in Russia for January – December 2025 // Federal State Institution “Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia”. M., 2026.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-759-763

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

МАГОМЕДОВ Темирлан Магомед-Саидович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Юридического института Дагестанского
государственного университета,
e-mail: mail@law-books.ru

АЛИЕВА Зарема Рамазановна,
Магистрант 2 курса Юридического института
Дагестанского государственного университета,
e-mail: mail@law-books.ru

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Аннотация. Статья анализирует понятие преступления в российском уголовном праве как исходную категорию, определяющую пределы допустимого уголовно-правового вмешательства. Показано, что формально-материальная модель ст. 14 УК РФ соединяет общественную опасность, противоправность и наказуемость с принципом виновности, но оценочность общественной опасности порождает риски произвола и формального подхода. Отдельно раскрывается проблема сближения уголовной и административной ответственности, из-за которого граница между преступлением и административным правонарушением может восприниматься как чисто формальная. Центральная проблема — малозначительность (ч. 2 ст. 14 УК РФ), которая корректирует формальное соответствие составу и одновременно выявляет противоречие с тезисом о составе как основании ответственности (ст. 8 УК РФ). В качестве направления решения предлагаются доктринальная конкретизация критериев общественной опасности, унификация правоприменения и точечные законодательные уточнения для повышения предсказуемости и соразмерности уголовной реакции.

Ключевые слова: понятие преступления, ст. 14 УК РФ, формально-материальная конструкция, общественная опасность, уголовная противоправность, наказуемость, виновность, криминализация и декриминализация, квалификация, состав преступления, ст. 8 УК РФ, малозначительность, оценочные понятия, административное правонарушение, КоАП РФ, разграничение преступления и проступка.

MAGOMEDOV Temirlan Magomed-Saidovich,
PhD in Law, Associate Professor Department
of Criminal Law and Criminology Law Institute,
Dagestan State University

ALIEVA Zarema Ramazanovna,
Second-Year Master's Student Law Institute,
Dagestan State University

DOCTRINAL PROBLEMS IN DEFINING THE CONCEPT OF CRIME IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Annotation. The article analyzes the concept of crime in Russian criminal law as a foundational category that sets the limits of permissible state coercion. It explains the formal–material definition in Article 14 of the Criminal Code, which combines social danger with legality (criminal unlawfulness and punishability) and the principle of guilt, while noting that the evaluative nature of “social danger” creates risks of arbitrariness and overly formal reasoning. The article highlights increasing conver-

gence between criminal and administrative liability, which can blur the boundary between crimes and administrative offenses and undermine predictability. A central issue is the doctrine of insignificance (Article 14(2)), which corrects purely formal qualification but also exposes a tension with Article 8, where liability is grounded in the corpus delicti (the statutory elements of an offense). The proposed approach is to develop verifiable criteria for assessing social danger, unify practice, and introduce targeted legislative clarifications to enhance proportionality and legal certainty.

Key words: *concept of crime, Article 14 Criminal Code of the Russian Federation, formal–material definition, social danger, criminal unlawfulness, punishability, guilt, criminalization and decriminalization, legal qualification, corpus delicti, Article 8 Criminal Code, insignificance, evaluative legal concepts, administrative offense, Code of Administrative Offenses, crime–administrative delict boundary.*

Понятие преступления в уголовном праве выполняет роль исходной категории, через которую определяется сама граница допустимого уголовно-правового вмешательства в сферу прав и свобод личности. Его значение не исчерпывается учебной дефиницией: легальное определение преступления выступает «метанормой», влияющей на качество криминализации и декриминализации, на предсказуемость квалификации, на единообразие практики и, шире, на доверие к уголовной юстиции как к системе, применяющей наиболее строгие формы государственного принуждения. Российское уголовное законодательство закрепляет формально-материальную конструкцию преступления: преступлением признаётся виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое уголовным законом под угрозой наказания (ч. 1 ст. 14 УК РФ) [1].

Уже сама структура формулы показывает двойственную природу понятия: оно соединяет материальный критерий криминальной вредности (общественная опасность) с формальным критерием законности (уголовная противоправность и наказуемость), дополняя их принципом личной ответственности (виновность) [8]. Такая модель предназначена для достижения одновременно двух целей: обеспечить материальную справедливость (уголовная репрессия применяется лишь к деяниям криминального уровня вредности) и формальную определённость (преступлением является только то, что прямо запрещено УК, без аналогии).

Проблемная часть понятия преступления начинается с общественной опасности как материального ядра уголовно-правовой реакции. Общественная опасность традиционно понимается как причинение вреда либо создание реальной угрозы причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям [7]. Однако определение общественной опасности неизбежно сталкивается с оценочностью: невозможно свести её к одному параметру, универсальному для всех составов. В доктрине подчёркивается, что общественная опасность «объясняет»,

почему деяние криминализовано, и удерживает уголовное право в границах справедливости, но именно оценочность делает этот признак уязвимым для правоприменительного произвола или для подмены материального анализа формальным выводом о наличии состава [8].

Дополнительное давление на категорию общественной опасности оказывает сближение уголовного и административного деликтного регулирования. КоАП РФ определяет административное правонарушение как противоправное виновное действие (бездействие), за которое установлена административная ответственность, не включая в дефиницию признак общественной опасности (ст. 2.1 КоАП РФ) [2]. На этом основании в доктрине возникает устойчивый спор: следует ли считать общественную опасность качественным отличием преступления, или же административным правонарушениям присуща общественная опасность, но меньшей интенсивности (иногда формулируемая как «общественная вредность») [9]. Проблема перестаёт быть терминологической, когда административные санкции усиливаются, а составы административных правонарушений и преступлений становятся «соседними» по фактическому содержанию. Тогда граница между преступным и административно наказуемым поведением начинает восприниматься как чисто формальная — «что законодатель назвал преступлением», — а материальный критерий общественной опасности рискует превратиться в риторическую формулу без самостоятельной роли [8]. В таких условиях возрастает риск размывания деликтной лестницы, когда право теряет ясные ориентиры соразмерности реагирования, а гражданин — предсказуемость правовых последствий своего поведения.

Ещё более явно «стык» материального и формального проявляется в соотношении понятия преступления и состава преступления. Статья 8 УК РФ фиксирует основание уголовной ответственности через состав, то есть через наличие в совершённом деянии всех признаков юридической модели конкретного запрета [1]. Однако ч. 2 ст. 14 УК РФ вводит принципиально важную кор-

ректировку: деяние, хотя формально и содержащее признаки состава, не является преступлением, если в силу малозначительности не представляет общественной опасности [1]. В доктрине это воспринимается как «корректор» формально-материальной модели: законодатель признаёт, что формальная подпадание под диспозицию ещё не гарантирует криминального уровня опасности, а значит, уголовная репрессия должна иметь порог [3]. Но именно здесь возникает концептуальная коллизия: как совместить утверждение «основание ответственности — состав» с утверждением «есть признаки состава, но преступления нет». На уровне практики эта несогласованность приводит к двум противоположным ошибкам: либо правоприменитель игнорирует малозначительность и автоматически делает вывод о преступности, ограничиваясь констатацией формального соответствия составу; либо, напротив, малозначительность используется как универсальный способ «снять» уголовную ответственность без достаточной мотивировки и без понятных критериев оценки опасности [4]. Таким образом, малозначительность одновременно демонстрирует ценность материального элемента понятия преступления и выявляет дефицит нормативной и доктринальной конкретизации критериев его применения.

В научной литературе обращается внимание на то, что малозначительность является оценочной категорией и по необходимости не может быть исчерпывающе описана в законе, иначе она перестанет работать как гибкий инструмент справедливости [3]. При этом конституционно-правовой подход допускает оценочные понятия в уголовном праве, но предъявляет к их применению повышенные требования мотивированности, проверяемости и недопустимости произвола [10]. Практически это означает, что ссылка на малозначительность должна быть не декларативной, а основанной на анализе фактических обстоятельств, раскрывающих отсутствие криминального уровня общественной опасности. Диссертационные исследования проблемы малозначительности подчёркивают необходимость устранить неопределённость в её понимании и показать, что малозначительное деяние отличается от отсутствия состава: в первом случае формальные признаки состава наличествуют, но материальный порог опасности не достигнут; во втором случае отсутствует один или несколько необходимых юридических признаков запрета [6]. Утрата этого различия разрушает системность квалификации, ведёт к неправильным основаниям прекращения дел и в итоге снижает доверие к уголовному правосудию.

Самостоятельную дискуссионную нагрузку несёт признак наказуемости. В классическом

понимании наказуемость означает, что уголовный закон запрещает деяние под угрозой наказания, то есть связывает запрет с санкцией и принципиально допускает назначение наказания при доказанности преступления [9]. Но в реальности возможны ситуации, когда преступление совершено, а наказание не назначается по причинам, предусмотренным законом: освобождение от уголовной ответственности или наказания, применение иных мер и т. п. Это порождает вопрос: является ли наказуемость сущностным признаком преступления или она отражает скорее формально-юридическую характеристику запрета как обеспеченного санкцией, даже если санкция затем может не реализоваться в конкретном деле. В современных условиях вопрос приобретает прикладное значение из-за обсуждений «промежуточных» категорий, прежде всего уголовного проступка, который потенциально способен изменить традиционную конфигурацию санкционности и критериев наказуемости для разных уровней деликтности.

Решение выявленных проблем в российских условиях рационально выстраивать как сочетание доктринальной конкретизации, правоприменительной унификации и точечной законодательной корректировки, не разрушающей базовую модель ст. 14 УК РФ. Центральным направлением является разработка верифицируемых критериев общественной опасности, применимых как при оценке необходимости криминализации, так и при решении вопросов о малозначительности. Речь не должна идти об исчерпывающем перечне, который неизбежно окажется неполным и будет порождать обходные практики, но о наборе устойчивых ориентиров, позволяющих мотивировать решения: значимость охраняемого интереса, характер и интенсивность вреда либо угрозы, способ посягательства, степень виновного отношения, распространённость деяния и эффективность иных правовых средств противодействия [5]. Такой подход соответствует и конституционно-правовой логике, согласно которой уголовное вмешательство допустимо лишь при объективно подтверждаемой необходимости и соразмерности [6].

Особое внимание требуется согласованию ст. 8 и ст. 14 УК РФ в части основания уголовной ответственности и роли малозначительности. На уровне доктрины и практики оправдано фиксировать мысль, что малозначительность не означает отсутствия состава, а означает отсутствие преступления при формальном наличии признаков состава и недостижении криминального порога общественной опасности [9]. Для снижения правоприменительных колебаний реалистичным является точечное уточнение законодательной фор-

мулы ч. 2 ст. 14 УК РФ, закрепляющее этот смысл более явно, либо уточнение ст. 8 УК РФ в части оговорки о пределах действия основания ответственности, когда деяние формально содержит признаки состава, но не признаётся преступлением в силу ч. 2 ст. 14 [1]. Такая корректировка не изменяет архитектуру уголовного закона, но уменьшает риск логической «расстыковки», которая сегодня воспроизводится в практике и доктрине.

Разграничение преступления и административного правонарушения в современных условиях также требует управляемой доктринальной и практической линии. Поскольку КоАП РФ не содержит в дефиниции общественной опасности, на практике важно сохранять материальный критерий преступления как порог, а не сводить разграничение только к формальной маркировке законодателя [2]. Расширение административной преюдиции и усиление административных санкций повышают риск «схлопывания» деликтной лестницы, поэтому при конструировании составов с преюдицией необходимо избегать автоматизма, при котором повторность сама по себе подменяет оценку криминального уровня опасности.

Если же идея уголовного проступка будет развиваться, то она должна оцениваться через стандарты законности и соразмерности: новая категория не должна размывать критерии преступления, а должна иметь ясное место в системе и понятный материально-правовой порог, иначе вместо разгрузки системы возникнет дополнительная неопределённость.

Таким образом, теоретико-доктринальные проблемы определения преступления в российском уголовном праве концентрируются вокруг баланса формального и материального начал, оценочности общественной опасности, разграничения преступления и иных деликтов, а также вокруг института малозначительности как инструмента коррекции формального запрета. Решение этих проблем возможно без пересмотра базовой формально-материальной модели ст. 14 УК РФ, но требует согласования норм Общей части, повышения мотивировочного стандарта практики и развития единообразных ориентиров, формируемых высшими судебными инстанциями, при строгом соблюдении конституционных и международных стандартов законности и соразмерности.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63 ФЗ (в действующей редакции) [Электронный ресурс] // Официальный интернет портал правовой информации.

URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891> (дата обращения: 13.02.2026).

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195 ФЗ (в действующей редакции) [Электронный ресурс] // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074277> (дата обращения: 13.02.2026).

[3] Аубакирова Тер Григорян Н. М. Малозначительность деяния: оценочное понятие уголовного закона // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4 (55). С. 261–269.

[4] Казакова В. А. Общественная опасность деяния как критерий классификации правонарушений // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27. № 4. С. 435–441.

[5] Козлов А. П. Понятие преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 817 с.

[6] Корсун Д. Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://agprf.org/userfiles/ufiles/dis_sovet/diss/2019/Korsun/%D0%9A%D0%BE%D1%80%D1%81%D1%83%D0%BD%20%D0%B4%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf (дата обращения: 13.02.2026).

[7] Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1: лекции. СПб., 1902 [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_012164089/ (дата обращения: 13.02.2026).

[8] Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой Хегай, А. И. Рапога, А. И. Чучаева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: КОНТРАКТ; ИНФРА М, 2008.

[9] Хилjuta В. В. Преступление и его признаки: проблемы доктринальной оценки // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 3 (124). С. 110–123.

[10] Шарапов Р. Д. Понятие преступления: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации // Криминалист. 2022. № 1 (38). С. 27–34.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63 FZ dated 13.06.1996 (as amended) [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891> (access date: 13.02.2026).

[2] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Federal Law of 30.12.2001 No. 195 FZ (as amended) [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074277> (access date: 13.02.2026).

[3] Aubakirova Ter Grigoryan N. M. The insignificance of the act: the evaluative concept of the criminal law // Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. 2023. № 4 (55). PP. 261-269.

[4] Kazakova V. A. Public danger of an act as a criterion for the classification of offenses // Man: crime and punishment. 2019. VOL. 27. № 4. S. 435-441.

[5] Kozlov A.P. The concept of crime. St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. 817 pp.

[6] Korsun D. Yu. Insignificant act in the criminal law of Russia: dis.... cand. jurid. sciences. M., 2019 [Electronic resource]. URL: https://agprf.org/userfiles/ufiles/dis_sovet/diss/2019/Kor-

[sun/%D0%9A%D0%BE%D1%80%D1%81%D1%83%D0%BD%20%D0%B4%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf](https://agprf.org/userfiles/ufiles/dis_sovet/diss/2019/Korsun/%D0%9A%D0%BE%D1%80%D1%81%D1%83%D0%BD%20%D0%B4%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf) (дата обращения: 13.02.2026).

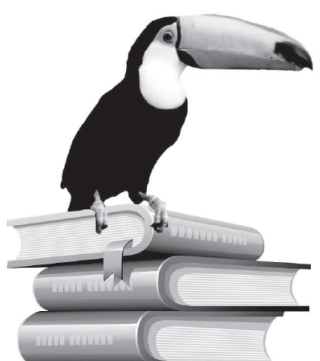
[7] Tagantsev N. S. Russian criminal law. Part general. T. 1: lectures. St. Petersburg, 1902 [Electronic resource]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_012164089/ (access date: 13.02.2026).

[8] Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook/ed. L.V. Inogamova Khagai, A.I. Raroga, A.I. Chuchayev. 2nd ed., Revised and add. M.: CONTRACT; INFRA M, 2008.

[9] Hilyuta V.V. Crime and its signs: problems of doctrinal assessment // Actual problems of Russian law. 2021. T. 16. № 3 (124). S. 110-123.

[10] Sharapov R. D. The concept of crime: legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Criminalist. 2022. № 1 (38). S. 27-34.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-764-769

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор 25 кафедры (военной администрации,
административного и финансового права)
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
e-mail: viktor_shestak@mail.ru

ПЕТРОВА Александра Андреевна,
курсант 3-го курса,
факультет подготовки следователей,
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАСПОЗНАВАНИЯ ПРИЗНАКОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые проблемы, связанные с распознаванием признаков противодействия расследованию уголовного дела. Актуализируется значимость своевременного выявления таких действий для обеспечения эффективности уголовного судопроизводства. Выдвигается и обосновывается гипотеза о том, что процесс распознавания лишен строго формализованных методов, будучи детерминированным преимущественно профессиональным опытом, личностными качествами и интуицией следователя. На основе критического анализа теоретических подходов к распознаванию противодействия выделяются основные проблемные моменты, препятствующие его объективной идентификации, и формулируются предложения по их минимизации через развитие профессиональных компетенций.

Ключевые слова: противодействие расследованию, следователь, криминалистическая тактика, субъективность, обман.

SHESTAK V.A.,
Professor of the 25th Department
(Military Administration, administrative and financial law)
of the Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Doctor of Juridical Science, Moscow

PETROVA A.A.,
3rd year cadet, Faculty of Investigator Training,
A. Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation

PROBLEMATIC ISSUES OF RECOGNIZING SIGNS OF COUNTERACTION TO AN INVESTIGATION

Annotation. The article discusses the key issues related to the recognition of signs of opposition to the investigation of a criminal case. The importance of timely detection of such actions to ensure the effectiveness of criminal proceedings is being actualized. The hypothesis is put forward and

substantiated that the recognition process is devoid of strictly formalized methods, being determined mainly by professional experience, personal qualities and intuition of the investigator. Based on a critical analysis of theoretical approaches to counteraction recognition, the main problematic issues that hinder its objective identification are identified, and proposals are formulated to minimize them through the development of professional competencies.

Key words: *counteraction to the investigation, investigator, criminalistic tactics, subjectivity, deception.*

Эффективное раскрытие и расследование преступлений является фундаментальной задачей органов предварительного следствия, обеспечивающей реализацию принципа неотвратимости наказания и защиту прав и свобод граждан. Однако на пути к установлению истины по уголовному делу следователь, зачастую, сталкивается с целенаправленными попытками воспрепятствовать его деятельности – так называемым противодействием расследованию.

Противодействие расследованию понимается в криминалистике как умышленная деятельность заинтересованных лиц с целью воспрепятствования решению задач уголовного судопроизводства посредством создания помех раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений [1]. Ключевым признаком такого поведения является наличие умысла помешать работе следователя – это может выражаться как в активных формах (дача ложных показаний, фальсификация доказательств), так и в пассивных (умолчание существенных фактов, уклонение от ответов на вопросы).

Актуальность своевременного выявления противодействия обусловлена масштабами этого явления. По данным Всемирной ассоциации криминалистов, около 82% допрашиваемых прибегают ко лжи в той или иной форме в ходе допроса [8]. Иными словами, почти в каждом случае следователю приходится различать правдивую информацию и сознательное искажение фактов. Между тем эффективно распознать противодействие непросто, поскольку данный процесс до сих пор не опирается на строгие научные алгоритмы и стандартизированные методики. В этой связи полагаем возможным констатировать: если не существует универсальных, однозначных и безошибочных признаков обмана, то не может существовать и строго формализованных, объективных методов его распознавания, пригодных для любой ситуации. Это подтверждается и позицией ведущих специалистов. Так, по мнению А.Р. Белкина, нет ни одного вербального, паралингвистического или невербального признака, который достоверно свидетельствовал бы о лжи, если он взят изолированно от всех других признаков [2].

Однотипное поведение могут демонстрировать как заведомо лгущий, так и говорящий правду человек, испытывающий сильный стресс, страх или волнение. В частности, эмоциональное состояние, культурные особенности, личностные черты и даже физиологические реакции нередко ошибочно интерпретируются как признаки лжи [3]. К примеру, в своем труде В.Л. Васильева приводит многочисленные иллюстрации того, как обычная нервозность или тревога допрашиваемого могут быть приняты следователем за индикаторы обмана [5].

В этой связи полагаем, что попытки построить процедуру распознавания противодействия на поиске формальных «сигналов лжи» изначально уязвимы научно. Отечественные исследования последних лет лишь укрепляют это понимание. Так, в частности, эмпирически установлено, что личностные особенности самого воспринимающего могут влиять на способность отличать ложь от правды. Так, склонность ставить себя выше других, прагматизм и властность названы среди черт, характерных для лиц, плохо распознающих ложь [9]. В этой связи полагаем возможным выдвинуть следующую гипотезу: и в современных условиях процесс распознавания противодействия следователю не является результатом применения некой стандартизированной методики, а представляет собой сложный когнитивный процесс, зависящий, прежде всего, от личных качеств, профессионального опыта, интуиции и психологической проницательности конкретного следователя. Иначе говоря, распознавание противодействия – это в большей мере индивидуальное искусство, основанное на экспертных знаниях и личной компетентности, нежели применение универсального алгоритма.

Выдвинутая гипотеза позволяет выделить ряд системных проблем, с которыми сталкиваются следователи при попытке распознать противодействие. Эти проблемы полагаем возможным сгруппировать по нескольким группам.

К первой – относятся проблемы, обусловленные субъективностью следователя. Физиологическое и психологическое состояние самого следователя (усталость, стресс) способно искажать восприятие и интерпретацию поведения

допрашиваемого, приводя к ошибочным выводам о наличии либо отсутствии противодействия. Личный когнитивный стиль и убеждения следователя также накладывают отпечаток: если он внутренне убежден в виновности лица, то может склонен видеть обман там, где его нет, или, наоборот, игнорировать очевидные признаки противодействия из-за собственных стереотипов или нежелания усложнять ход расследования. Отсутствие глубоких знаний в области судебной психологии, психологии общения и невербальной коммуникации лишь усугубляет эту проблему. Недостаточная психологическая подготовка не позволяет адекватно оценивать эмоциональное состояние допрашиваемого и характер его поведения – на что в своих исследованиях обращал внимание, в частности, А.Л. Ситковский [6].

Следователю без специальных знаний трудно отличить обычное волнение от преднамеренного обмана, что критически важно для установления психологического контакта и эффективности допроса. Кроме того, зависимость от личного опыта делает менее опытных, молодых следователей особенно уязвимыми перед изоощренными формами противодействия. Им нередко не хватает того профессионального чутья и наблюдательности, которые приобретаются только годами следственной практики. В итоге неопытный сотрудник может пропустить ложь или, напротив, увидеть ее признаки ошибочно, тогда как опытный следователь лучше улавливает малозаметные несоответствия. Косвенно этот тезис подтверждают и данные психологии: некоторые личностные черты (например, завышенная самооценка, прагматизм, стремление к доминированию) статистически связаны с неспособностью эффективно распознавать ложь [9].

Вторая группа – обусловлена характером противодействия. Современные подозреваемые и обвиняемые, особенно из состава организованных преступных групп, хорошо осведомлены о тактике расследования и целенаправленно используют изоощренные методы маскировки противодействия. Они имитируют искренность, заранее готовят непроверяемые «легенды» и даже прикрываются законными правами, зачастую активно злоупотребляя ими, чтобы уйти от изобличения. Все это делает выявление противодействия особенно трудным, особенно когда преступление совершено в условиях неочевидности, а прямая ложь допрашиваемого отсутствует. В таких условиях признаки противодействия зачастую носят латентный характер: проявляются не в явных формах, а через незначительные, косвенные изменения в поведении или показаниях лица.

Подобные, едва уловимые, сигналы легко пропустить без должной внимательности и глубокого контекстуального анализа. К примеру, эмпирический анализ 150 реальных допросов показал, что наиболее распространенной тактикой лжи со стороны допрашиваемых является именно уклонение от прямого ответа – этот прием зафиксирован в 67% случаев, тогда как искажение отдельных фактов встречается лишь в 23%, а откровенное предоставление вымышленных сведений – в 10% случаев [7]. Иначе говоря, люди чаще стараются скрыть информацию или обойти острые вопросы, чем сообщить явную ложь. Не существует и какого-либо универсального перечня «маркеров», по которым можно однозначно распознать факт противодействия – каждая ситуация уникальна, и признаки варьируются. Это требует от следователя индивидуального подхода в каждом случае и критической оценки совокупности даже мельчайших деталей. Только комплексный анализ поведения, речи и прочих особенностей в контексте всех материалов дела позволяет приблизиться к истине.

Третья группа – связана с несовершенством существующих методов обнаружения противодействия. Многие из практических приемов выявления лжи имеют ограниченную применимость или вызывают обоснованные сомнения. К примеру, анализ логических противоречий в показаниях, безусловно, является одним из эффективных средств изобличения обмана. Однако, даже при очевидном противоречии, всегда остается вероятность того, что оно вызвано банальной ошибкой, плохой памятью либо стрессовым состоянием допрашиваемого, а не умышленным введением следствия в заблуждение. Интерпретация таких данных во многом субъективна и зависит от уровня аналитических способностей следователя, что влияет на объективность выводов. Наблюдение за невербальным поведением (жестами, мимикой, позами, интонацией) представляет собой еще более спорный подход, поскольку толкование этих сигналов зачастую строится на бытовых представлениях, а не на строгих научных критериях. Отдельные жесты и выражения лица могут по-разному трактоваться разными людьми, а один и тот же признак способен означать разные состояния. Это создает чрезвычайно высокий риск ошибочных выводов: практика знает случаи, когда чрезмерная нервозность принималась за признак лжи, тогда как на самом деле человек говорил правду. Полиграф (детектор лжи), несмотря на сравнительно широкое распространение, также не дает однозначного решения. Вокруг его использования не утихают дискуссии,

поскольку, согласно позиции судебных органов, «результаты полиграфных исследований не могут рассматриваться как самостоятельные доказательства, а носят лишь ориентирующий характер» [4]. Действительно, высшая судебная инстанция нашего государства прямо указывает на недопустимость выводов полиграфа в качестве доказательств по уголовным делам, придавая им, тем самым, лишь вспомогательное значение. К тому же эффективность полиграфа критически зависит от квалификации специалиста-полиграфолога, психологического состояния обследуемого и, главное, от способности самого следователя правильно интерпретировать полученные показания прибора в совокупности с другими собранными по уголовному делу доказательствами. По сути, полиграф служит лишь индикатором определенных психофизиологических реакций, но не «детектором лжи» в прямом смысле. Наконец, отсутствует единый системный подход к распознаванию противодействия: зачастую следователи действуют интуитивно и бессистемно, применяя приемы распознавания эпизодически, без глубокого понимания их психологической основы. Такая несистемность ведет к фрагментарности анализа и упущению важных деталей. В этой связи, полагаем, что используемые на практике методы выявления противодействия не являются объективными и универсальными инструментами. Скорее, это набор тактических приемов, эффективность которых во многом зависит от субъективных качеств и навыков конкретного следователя.

Универсальной методики обнаружения лжи до сих пор не найдено, и наибольшую эффективность показывают только комбинированные подходы, где технические средства играют вспомогательную роль и дополняют аналитическую работу человека. В этой связи традиционные методы: будь то инструментальная детекция лжи (полиграф) или иной цифровой анализ вербальных маркеров, будучи примененными изолированно, легко нейтрализуются подготовленным противодействующим субъектом.

Эффективность комбинированных подходов объясняется принципом компенсации слабых мест одних методов сильными сторонами других. Технические средства (к примеру, анализ метаданных переписки, цифровая криминалистика, видеоаналитика) фиксируют объективные, часто неосознаваемые следы деятельности. Однако их данные остаются лишь «цифровыми следами», лишенными смысла без аналитической работы следователя, который, опираясь на эти данные, выстраивает гипотезы, выявляет логические несоответствия, оценивает контекст и мотивацию, применяя профессиональную интуицию и знание

поведенческих паттернов. Таким образом, на первый план выходит не поиск «детектора лжи», а разработка интегративных моделей, где технический инструментарий систематически сопрягается с когнитивными стратегиями следователя.

Проведенный анализ подтверждает выдвинутую гипотезу: распознавание противодействия расследованию – это субъективно обусловленный процесс, лишенный строгого научно-методического обеспечения. На современном этапе не существует ни безошибочных индикаторов обмана, ни единых стандартов выявления ложных показаний. Для повышения эффективности и объективности данного процесса требуется системная работа по развитию профессиональных компетенций следователя. Полагаем, что, прежде всего, требуется существенное совершенствование психологической подготовки как в рамках базового образования, так и при последующем повышении квалификации сотрудников следственных органов. По нашему мнению, акцент должен смещаться на изучении психологии коммуникации, способов диагностики эмоциональных состояний, методов критического мышления и выявления обмана. Следственная практика свидетельствует, что специальные тренинги и обучение по тематике распознавания лжи способны существенно помочь следователю. Так, к примеру, сотрудники следственных органов, прошедшие специальную подготовку, при производстве допросов, в том числе проводимых в конфликтных ситуациях, смогли снизить уровень скрытой лжи примерно на 30% по сравнению с коллегами без такого обучения [7]. Не менее важно создание и внедрение гибких методических рекомендаций, опирающихся не на поиск изолированных «признаков лжи», а на комплексный ситуационный анализ. Полагаем, что на практике следователь должен оценивать поведение допрашиваемого в контексте всей совокупности собранных по уголовному делу доказательств, сопоставляя показания с другими фактическими данными. Такой междисциплинарный подход, сочетающий криминалистический анализ с психологическими знаниями, позволит минимизировать влияние субъективных факторов. Кроме того, полагаем целесообразным активнее развивать институт наставничества в следственных органах для передачи неформализуемого опыта молодым сотрудникам. Так, в Следственном комитете Российской Федерации в настоящее время каждому начинающему следователю прикрепляется опытный наставник, готовый в любой момент оказать профессиональную помощь и поделиться практическими навыками. Подобная система наставничества и обмена опытом помогает быстрее сформировать у моло-

дых специалистов необходимые интуитивные умения, которые не могут быть полностью переданы через инструкции и печатные материалы.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется использование современных цифровых технологий и систем анализа данных в качестве инструментов поддержки принятия решений следователем. Уже сегодня ведутся разработки программ для анализа микромимики, голосовых модуляций, нейросетевых алгоритмов профайлинга и других IT-решений, способных выявлять скрываемую информацию. Применение таких технологий в экспериментальных условиях позволило снизить уровень недостоверной информации до 45% [8].

Таким образом, несмотря на прогресс в области автоматизированного анализа данных и искусственного интеллекта, конституирующая роль человеческого фактора в уголовном судопроизводстве остается неоспоримой. Даже самые совершенные алгоритмы, способные выявлять аномалии, паттерны и вероятностные признаки противодействия, принципиально лишены ключевых для правоприменения качеств: правосознания, ценностно-нормативной оценки и способности к выбору в условиях неопределенности.

Итоговая интерпретация собранных доказательств, построение внутреннего убеждения и принятие процессуально значимых решений — это исключительная прерогатива следователя-профессионала. Именно правовое мышление следователя, объединяющее умение строго применять нормы закона, видеть за ними реальную жизненную ситуацию людей и руководствоваться принципом справедливости, обеспечивает перевод массива разрозненных данных и технических индикаторов в легитимную и обоснованную правовую позицию.

Следовательно, стратегический путь повышения эффективности борьбы с изощренным противодействием расследованию лежит не в утопической замене следователя искусственным интеллектом, а в создании устойчивой связи «высокие технологии — высокие компетенции». Технологии выступают как мощный инструмент когнитивного расширения способностей человека, усиливая аналитические возможности, в то время как специалист осуществляет целевую настройку, контекстуальную верификацию и фильтрацию полученных результатов.

В этой связи непрерывное повышение квалификации следственных кадров в области современных методов распознавания манипулятивных стратегий трансформируется из вспомогательной задачи в системообразующее условие эффектив-

ной и результативной работы. Образование, включающее освоение цифрового инструментария, нейро- и психолингвистики, основ критического мышления и поведенческого анализа, становится важным элементом для реализации фундаментальных принципов уголовного процесса. Мы придерживаемся мнения, что только такой комплексный подход обеспечивает подлинную объективность, базирующуюся не на иллюзии непредвзятости технических средств и искусственного интеллекта, а на глубоком профессиональном усмотрении следователя, и гарантирует неотвратимость ответственности через установление истины по делу.

Список литературы:

- [1] Бастрыкин А.И., Волынский А.Ф., Дубровин С.В. Криминалистика: учебник для вузов. — М.: Издательство Юрайт, 2025. — 643 с.
- [2] Белкин А.Р. О проблемах распознавания лжи и установления истины в уголовном судопроизводстве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2021. Т. 65, № 2. С. 143–157.
- [3] Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2025. — 471 с.
- [4] Комиссарова Я.В. Об использовании полиграфа в уголовном процессе // Судья. 2014. № 5. С. 30–33.
- [5] Васильев В.Л. Юридическая психология: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2022. — 520 с.
- [6] Ситковский А.Л. Психологические особенности допроса лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений: современное состояние и перспективы // Юридическая психология. 2022. № 1. С. 26–30.
- [7] Арский А.А. Противодействия тактикам лжи допрашиваемого в процессе допроса // Управление образованием: теория и практика. 2023. Т. 13, № 7. С. 62–68.
- [8] Арефьева О.В. Современные подходы к выявлению скрываемой информации // Прикладная психология и педагогика. 2022. Т. 7, № 3. С. 140–150.
- [9] Яновский М.И., Малишевская Е.В. Личностные свойства, способствующие нераспознаванию лжи // Психология и психотехника. 2023. № 4. С. 72–85.

References:

- [1] Bastrykin A.I., Volynsky A.F., Dubrovin S.V. Forensics: a textbook for universities. — M.: Yuright Publishing House, 2025. — 643 p.

[2] Belkin A.R. On the problems of recognizing lies and establishing the truth in criminal proceedings//News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2021. VOL. 65, NO. 2. S. 143-157.

[3] A.R. Belkin. Theory of evidence in criminal proceedings: a textbook for universities. 2nd ed., Rev. and add. - M.: Yurayt Publishing House, 2025. - 471 s.

[4] Komissarova Ya.V. On the use of a polygraph in criminal proceedings//Judge. 2014. № 5. S. 30-33.

[5] Vasiliev V.L. Legal psychology: a textbook for universities. 6th ed., Revised and add. - M.: Yuright Publishing House, 2022. - 520 s.

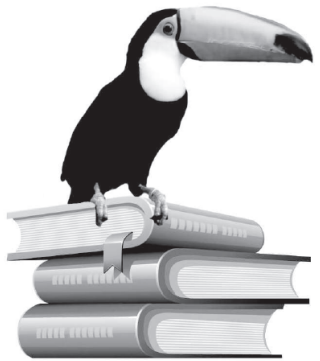
[6] Sitkovsky A.L. Psychological features of interrogation of persons suspected (accused) of committing crimes: current state and prospects//Legal psychology. 2022. № 1. S. 26-30.

[7] Arsky A.A. Countering the tactics of lying of the interrogated during the interrogation//Education management: theory and practice. 2023. T. 13, NO. 7. S. 62-68.

[8] Arefieva O.V. Modern approaches to identifying hidden information//Applied psychology and pedagogy. 2022. T. 7, NO. 3. S. 140-150.

[9] Yanovsky M.I., Malishevskaya E.V. Personal properties contributing to the unrecognition of lies// Psychology and psychotechnics. 2023. № 4. S. 72-85.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-770-775

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский
институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Целью исследования выбраны правовые, организационные и психологические особенности содержания под стражей несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы. Для ее осуществления применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации, материалы деятельности следственных изоляторов уголовно-исполнительной по содержанию в них несовершеннолетних, соблюдения их прав и законных интересов. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные акты Российской Федерации предопределили подходы законодателя в правовом регулировании, организационном и психологическом обеспечении порядка содержания под стражей в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Основными отличительными чертами национального уголовно-исполнительного законодательства, ведомственных правовых актов в рассматриваемом контексте, а также отбывании уголовных наказаний несовершеннолетними осужденными являются: реализация принципа раздельного от взрослых содержания в СИЗО и отбывания лишения свободы в воспитательных колониях; существенное увеличение количества и содержательной стороны прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных в сравнении с совершеннолетними лицами. Статья 31 ФЗ № 103 1995 г. указывает на то, что несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым создаются улучшенные материально-бытовые условия и устанавливаются повышенные нормы питания, определяемые Правительством Российской Федерации. Подобный подход законодателя и уровень, на котором решаются данные вопросы свидетельствуют об особом внимании органов государственной и исполнительной власти к обеспечению прав и законных интересов несовершеннолетних, содержащихся под стражей. Реализации гуманного подхода в национальной уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России. Несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым создаются условия для самообразования. С ними проводится культурно-воспитательная работа, им оказывается социальная и психологическая помощь. Они также имеют право на оказание помощи в получении общего, основного общего, среднего общего образования. С несовершеннолетними осуществляется культурно-воспитательная работа в соответствии с «Порядком проведения культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися», утвержденном Приказом Минюста России от 25.08.2025 № 209. Важным условием соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних, содержащихся в СИЗО УИС является максимально полное и своевременное устранение неблагоприятных факторов, влияющих на формирование их личности. Для выявления, купирования и устранения указанных негативных факторов должна использоваться воспитательно-профилактическая работа, осуществляемая сотрудниками учреждений.

Ключевые слова: права и законные интересы, несовершеннолетние подозреваемые и обвиняемые, содержание под стражей, следственные изоляторы, уголовно-исполнительная система.

KOVALEV Oleg Gennadievich,
 Doctor of Law, Candidate of Law
 of Psychological Sciences, Professor,
 Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute
 Federal Penitentiary Service of Russia

RESPECT FOR THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF JUVENILE SUSPECTS AND ACCUSED OF COMMITTING CRIMES HELD IN CUSTODY IN PRE-TRIAL DETENTION FACILITIES OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. The purpose of the study is to identify the legal, organizational and psychological features of the detention of juvenile suspects and those accused of committing crimes in pre-trial detention facilities of the penal system. To implement it, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were applied. The article analyzed legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific publications, materials on the activities of pre-trial detention facilities for minors, respect for their rights and legitimate interests. The criminal law and criminal procedure acts of the Russian Federation have predetermined the approaches of the legislator in the legal regulation, organizational and psychological provision of the order of detention in pre-trial detention facilities of juvenile suspects and accused of committing crimes. The main distinguishing features of the national penal enforcement legislation, departmental legal acts in the context under consideration, as well as the serving of criminal sentences by juvenile convicts are: the implementation of the principle of separation from adults in pre-trial detention and imprisonment in educational colonies; a significant increase in the number and content of the rights and legitimate interests of juvenile suspects, accused and convicted in comparison with adults. Article 31 of Federal Law No. 103 of 1995 Indicates that improved material and living conditions are being created for minor suspects and accused persons and increased nutrition standards are being established, determined by the Government of the Russian Federation. Such an approach by the legislator and the level at which these issues are resolved indicate the special attention of state and executive authorities to ensuring the rights and legitimate interests of minors in custody. Implementation of a humane approach in the national criminal and penal enforcement policy of modern Russia. Juvenile suspects and accused persons are provided with conditions for self-education. Cultural and educational work is carried out with them, social and psychological assistance is provided to them. They also have the right to receive assistance in obtaining general, basic general, and secondary general education. Cultural and educational work is carried out with minors in accordance with the "Procedure for conducting cultural and educational work with juvenile suspects and accused persons in custody," approved by Order No. 209 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 08/25/2025. An important condition for the observance of the rights and legitimate interests of minors held in pre-trial detention is the most complete and timely elimination of adverse factors affecting the formation of their personality. Educational and preventive work carried out by employees of institutions should be used to identify, stop and eliminate these negative factors.

Key words: rights and legitimate interests, juvenile suspects and accused, detention, pre-trial detention facilities, penal enforcement system.

Введение. Уголовно-правовой институт привлечения несовершеннолетних (лиц, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет) к уголовной ответственности, закрепленный в

национальном уголовном законе (статье 87 УК РФ) выступает правовой и методологической основой содержания их под стражей [1].

Уголовно-процессуальный закон в статьях 91, 97, 99, 100, 108 и 423 определяет порядок

задержания несовершеннолетнего подозреваемого и избрание несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу [2].

Указанные законодательные акты Российской Федерации предопределили подходы законодателя в правовом регулировании, организационном и психологическом обеспечении порядка содержания под стражей в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы (далее СИЗО УИС) несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Основными отличительными чертами национального уголовно-исполнительного законодательства, ведомственных правовых актов в рассматриваемом контексте, а также отбывании уголовных наказаний несовершеннолетними осужденными являются:

- реализация принципа раздельного от взрослых содержания в СИЗО и отбывания лишения свободы в воспитательных колониях (далее ВК);
- существенное увеличение количества и содержательной стороны прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных в сравнении с совершеннолетними лицами [3].

Перечисленные законодательные подходы, современное состояние в рассматриваемой сфере теории уголовного и уголовно-исполнительного права, уголовного процесса, а также практики содержания в СИЗО УИС несовершеннолетних, предопределили выбор темы и методики междисциплинарного исследования особенностей содержания указанной категории лиц в местах содержания под стражей, анализа их прав и законных интересов.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых, организационных и психологических особенностей содержания под стражей несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации, материалы деятельности следственных изоляторов уголовно-исполнительной по содержанию в них несовершеннолетних, соблюдения их прав и законных интересов.

Основные результаты. Проведенное исследование показало, что в настоящее время создана и активно модернизируется нормативная правовая база, регулирующая особенности и порядок содержания под стражей несовершенно-

летних, соблюдения их прав и законных интересов. Ее основными элементами выступают:

- уголовно-исполнительный закон (Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации) [4];
- Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ;
- Правила внутреннего распорядка СИЗО УИС, утвержденные Приказом Минюста РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы».

Так, статья 31 ФЗ № 103 1995 г. указывает на то, что несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым создаются улучшенные материально-бытовые условия и устанавливаются повышенные нормы питания, определяемые Правительством Российской Федерации. Подобный подход законодателя и уровень, на котором решаются данные вопросы свидетельствуют об особом внимании органов государственной и исполнительной власти к обеспечению прав и законных интересов несовершеннолетних, содержащихся под стражей. Реализации гуманного подхода в национальной уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России [5, с. 70-77].

Одним из прав несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых является их ежедневные прогулки, организуемые во внутреннем дворе СИЗО продолжительностью не менее двух часов. Во время прогулок им предоставляется возможность для физических упражнений и спортивных игр. Указанные прогулки не только способствуют поддержанию физического здоровья несовершеннолетних, но и позитивно отражаются на их психологическом состоянии, повышают социализацию, снижают уровень тревожности, стресса, депрессии и фрустрации, деструктивного поведения, направленного на нарушение установленного порядка содержания в СИЗО. Преодоление возможных суицидальных проявлений [6, с. 20-23].

При наличии условий несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым демонстрируются кинофильмы, для них организуется просмотр телепередач, оборудуются помещения для спортивных занятий и другого досуга, а также спортивные площадки на открытом воздухе [7]. Таким образом, администрацией СИЗО во исполнение ФЗ № 103 1995 г. планомерно и систематически осуществляется создание и совершенствование материально-технической базы учреждений,

направленной на соблюдение указанных прав несовершеннолетних, содержащихся под стражей.

Несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым создаются условия для самообразования [8, с. 322-327]. С ними проводится культурно-воспитательная работа, им оказывается социальная и психологическая помощь [9, с. 9-12]. Они также имеют право на оказание помощи в получении общего, основного общего, среднего общего образования.

С несовершеннолетними осуществляется культурно-воспитательная работа в соответствии с «Порядком проведения культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей», утвержденном Приказом Минюста России от 25.08.2025 № 209 [10].

Несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым администрацией СИЗО обеспечивается право на приобретение и получение учебников и школьно-письменных принадлежностей, в том числе в посылках сверх норм, предусмотренных статьей 25 ФЗ 1995 г. № 103 [11].

Исследованием установлено, что важным условием соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних, содержащихся в СИЗО УИС является максимально полное и своевременное устранение неблагоприятных факторов, влияющих на формирование их личности. К ним относятся недостатки образования, правосознания и правовой культуры, социальной адаптивности к режиму содержания в местах содержания под стражей [12, с. 169-173]. Низкий уровень социальной ответственности, агрессивность и криминальная зараженность. Для выявления, купирования и устранения указанных негативных факторов должна использоваться воспитательно-профилактическая работа, осуществляемая сотрудниками учреждений [13, с. 101-107].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

- VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;
- V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий), состоявшемся 17-19.10.2021 г. в

Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;

- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации», состоявшейся в Вологодском институте права и экономики ФСИН России 09-11.12.2022. Доклад на тему «Организационно-правовые особенности и методика проведения прокурорских проверок в СИЗО ФСИН России»;
- 10 Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия» в Пермском институте ФСИН России 15.04.2023. Доклад на тему: «Современная оперативно-розыскная политика в УИС и ее влияние на комплексное обеспечение безопасности пенитенциарных учреждений»;
- XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
- 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;
- XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвя-

щенной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 05.04. 2024 г., на секции «Правовое регулирование деятельности подразделений УИС по обеспечению режима, охраны и конвоирования». Доклад на тему: «Особенности деятельности оперативных подразделений по обеспечению режима исправительных учреждений»;

- Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-исполнительная система: история и современность», состоявшейся 16-17.10. 2024 г. в Псковском филиале Санкт-Петербургского университета ФСИН России. Доклад на тему «Современные подходы обеспечения безопасности следственных изоляторов».

Заключение. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные акты Российской Федерации предопределили подходы законодателя в правовом регулировании, организационном и психологическом обеспечении порядка содержания под стражей в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Основными отличительными чертами национального уголовно-исполнительного законодательства, ведомственных правовых актов в рассматриваемом контексте, а также отбывании уголовных наказаний несовершеннолетними осужденными являются: реализация принципа раздельного от взрослых содержания в СИЗО и отбывания лишения свободы в воспитательных колониях; существенное увеличение количества и содержательной стороны прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных в сравнении с совершеннолетними лицами.

Статья 31 ФЗ № 103 1995 г. указывает на то, что несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым создаются улучшенные материально-бытовые условия и устанавливаются повышенные нормы питания, определяемые Правительством Российской Федерации. Подобный подход законодателя и уровень, на котором решаются данные вопросы свидетельствуют об особом внимании органов государственной и исполнительной власти к обеспечению прав и законных интересов несовершеннолетних, содержащихся под стражей. Реализации гуманного подхода в национальной уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России.

Несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым создаются условия для самообразо-

вания. С ними проводится культурно-воспитательная работа, им оказывается социальная и психологическая помощь. Они также имеют право на оказание помощи в получении общего, основного общего, среднего общего образования. С несовершеннолетними осуществляется культурно-воспитательная работа в соответствии с «Порядком проведения культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися», утвержденном Приказом Минюста России от 25.08.2025 № 209.

Важным условием соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних, содержащихся в СИЗО УИС является максимально полное и своевременное устранение неблагоприятных факторов, влияющих на формирование их личности. Для выявления, купирования и устранения указанных негативных факторов должна использоваться воспитательно-профилактическая работа, осуществляемая сотрудниками учреждений.

Список литературы

- [1] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.
- [2] Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. Дашков и К. 2005. 21 с.
- [3] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.
- [4] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.
- [5] Ковалев О.Г., Зайцева С.И. Современная уголовно-правовая политика и ее воздействие на пенитенциарную преступность в местах лишения свободы // Эпомен: юридические науки. 2023. № 2. С. 70-77.
- [6] Баламут А.Н., Ковалев О.Г., Дикопольцев Д.Е. Теоретический анализ комплексных психокоррекционных программ, направленных на суицидальную превенцию подозреваемых, обвиняемых и осужденных (организационный, социальный и психологический аспекты) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 1. С. 20-23.

[7] Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Consultant.ru (дата обращения 07.01.2026).

[8] Ковалев О.Г. Реализация права подозреваемых (обвиняемых) и осужденных на получение психологической помощи: теоретико-правовой анализ // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2025. № 3. С. 9-12.

[9] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. История развития института уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних в России // Российский научный вестник. 2025. № 3. С. 322-327.

[10] «Порядок проведения культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей», утвержденном Приказом Минюста России от 25.08.2025 № 209 // Consultant.ru (дата обращения 07.01.2026).

[11] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 07.01.2026).

[12] Ковалев О.Г. Психолого-педагогические механизмы генезиса неблагоприятных факторов, влияющих на формирование личности несовершеннолетних осужденных // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 169-173.

[13] Ковалев О.Г., Кулакова С.В. Психолого-педагогические проблемы предупреждения правонарушений подростков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России, ежеквартальное научно-практическое издание. Москва. С. 101-107.

References:

[1] Russian criminal law. Special part: Textbook // Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007. 374 p.

[2] Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article). M. Dashkov and K. 2005. 21 p.

[3] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[4] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) //

Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[5] Kovalev O.G., Zaitseva S.I. Modern criminal law policy and its impact on penitentiary crime in places of deprivation of liberty // Epomen: legal sciences. 2023. No. 2. pp. 70-77.

[6] Balamut A.N., Kovalev O.G., Dikopoltsev D.E. Theoretical analysis of complex psychocorrective programs aimed at suicidal prevention of suspects, accused and convicted (organizational, social and psychological aspects) // Penal enforcement system: law, economics, management. 2023. No. 1. pp. 20-23.

[7] Federal Law No. 103-FZ dated July 15, 1995 "On the detention of suspects and accused of committing crimes" // Consultant.ru (accessed 07.01.2026).

[8] Kovalev O.G. Realization of the right of suspects (accused) and convicted persons to receive psychological assistance: a theoretical and legal analysis // Penal enforcement system: law, economics, management. 2025. No. 3. pp. 9-12.

[9] Kovalev O.G., Melnikova O.V. The history of the development of the institute of criminal penalties against minors in Russia // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 3. pp. 322-327.

[10] "The procedure for conducting cultural and educational work with underage suspects and accused persons in custody," approved by Order of the Ministry of Justice of Russia dated 08/25/2025 No. 209 // Consultant.ru (accessed 07.01.2026).

[11] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 "On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system" // Garant.ru (accessed 07.01.2026).

[12] Kovalev O.G. Psychological and pedagogical mechanisms of the genesis of adverse factors affecting the personality formation of juvenile convicts // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). pp. 169-173.

[13] Kovalev O.G., Kulakova S.V. Psychological and pedagogical problems of preventing juvenile delinquency // In the collection: Scientific papers of the Federal State Budgetary Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia, quarterly scientific and practical publication. Moscow. pp. 101-107.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-776-780

АБРАМОВА Наталья Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Псковский филиал Университета ФСИИ России,
e-mail: grpd@60.fsin.gov.ru

НЕУСТРОЕВА Наталия Николаевна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры тылового и финансового
обеспечения деятельности УИС,
Кировский ИГКР ФСИИ России,
e-mail: neustroeva.n.n@43.fsin.gov.ru

О ПЕРСПЕКТИВАХ ЦИФРОВИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. В статье обсуждены некоторые перспективные направления цифровизации как основного ориентира реформирования уголовно-исполнительной системы на примере медицинского обеспечения осужденных.

Ключевые слова: цифровизация, медицинское обеспечение, уголовно-исполнительная система.

ABRAMOVA Natalia Gennadievna,
candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
head of the Department of Civil Law Disciplines,
Pskov Branch of the Federal Penitentiary Service of Russia University

NEUSTROEVA Natalia Nikolaevna
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Logistical and
Financial Support of the Penitentiary System Kirovsky IPKR
of the Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE PROSPECTS FOR DIGITALIZATION OF MEDICAL SUPPORT IN THE PENAL SYSTEM

Annotation. The article discusses some promising areas of digitalization as the main guideline for reforming the penal system, using the example of medical care for convicts.

Key words: digitalization, medical support, penal enforcement system.

Цифровизация медицинского обеспечения в уголовно-исполнительной системе России (далее – УИС) представляет собой часть более широкой цифровой трансформации деятельности ФСИИ и направлена на обеспечение осужденным эквивалентного гражданскому здравоохранению доступа к медицинской помощи, повышение прозрачности, управляемости и эффективности пенитенциарной медицины [1]. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Концепция развития до 2030 года) прямо относит цифровую трансфор-

мацию, создание единой информационной системы и формирование баз данных по всем направлениям деятельности, включая медицинское обеспечение, к числу ключевых векторов реформирования УИС [2]. Ведомственная программа цифровой трансформации ФСИИ России, утвержденная приказом ФСИИ России от 30.12.2020 №984, нацелена на создание единой информационной системы (далее – ЕИС), сквозную автоматизацию рабочих процессов и внедрение современных цифровых решений, что создает правовую и организационную основу для комплексной информатизации медицинских служб

УИС [3]. В структуру ФСИН России, по данным А.В. Москалева (2024 год), входит 663 исправительные колонии, где по состоянию на момент подготовки исследования отбывали наказание 361 306 человек, что наглядно демонстрирует масштаб задачи цифровизации, включая сферу охраны здоровья столь значительного контингента осужденных [4, с. 13]. При этом международные стандарты, прежде всего, пересмотренные Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), исходят из обязанности государства обеспечить осужденным те же стандарты медицинской помощи, что и населению в целом, а также из необходимости тесной координации органов здравоохранения и ведомства, отвечающего за УИС, что в современных условиях немыслимо без развитой цифровой инфраструктуры обмена медицинской информацией [5, с. 76].

Содержательно цифровизация медицинского обеспечения в УИС включает несколько взаимосвязанных блоков: внедрение медицинских информационных систем (далее – МИС) в учреждениях УИС и их интеграцию с региональными и федеральными системами здравоохранения; перевод на электронный формат учета пациентов, их заболеваний и лечения; развитие телемедицинских форм взаимодействия с гражданскими медицинскими организациями; использование аналитических модулей для оценки заболеваемости, планирования профилактических мероприятий и ресурсного обеспечения [6, с. 47].

В докладе Программы развития ООН (далее – ПРООН) и партнеров по анализу состояния медицинского обслуживания в исправительных учреждениях подчеркивается, что подключение пенитенциарных учреждений к медицинским информационным системам территориальных органов здравоохранения позволяет обеспечить консультативно-диагностическую и специализированную помощь осужденным, организовать электронные направления и учет оказанных услуг, а также проводить мониторинг качества медицинской помощи в режиме, максимально приближенном к гражданскому здравоохранению обеспечения [7, с. 2]. В ряде стран и регионов в рамках пилотных проектов по передаче функций медицинского обеспечения осужденных в ведении министерств здравоохранения ключевым условием названы полнота укомплектования учреждений УИС необходимым оборудованием и обеспечение надежного подключения к информационным системам здравоохранения, что создает предпосылки для масштабируемой цифровой интеграции пенитенциарной и гражданской медицины [8].

Статистические данные свидетельствуют о существенной нагрузке на систему медицинского обеспечения УИС и одновременно демонстрируют потенциал цифровых решений для управления этой нагрузкой. Так, упомянутые 361 306 осужденных, содержащихся в 663 исправительных колониях, объективно требуют централизованного и стандартизированного учета медицинских вмешательств, хронических заболеваний, инвалидности и инвалидизирующих состояний, а также данных о вакцинации и противоэпидемических мероприятиях, что невозможно обеспечить исключительно бумажным документооборотом [9]. В документах, посвященных развитию информационного обеспечения ФСИН России, указывается, что создаваемая ЕИС должна включать подсистемы сбора и обработки данных и принятия решений с использованием технологий искусственного интеллекта, а также единое защищенное информационное пространство, что позволяет говорить о перспективах применения алгоритмов анализа больших массивов медико-санитарной информации для выявления тенденций заболеваемости, прогнозирования вспышек инфекций и оптимизации распределения ресурсов. При передаче медицинской службы пенитенциарных учреждений в ведение органов здравоохранения, как это описано в пилотных проектах, особое внимание уделяется финансово-экономическим расчетам, подготовке передаточных актов по каждому учреждению и техническим мероприятиям по подключению к медицинским информационным системам; в одном из анализируемых кейсов отмечается функционирование 64 медицинских частей и 15 здравпунктов, а также 6 лечебно-профилактических учреждений, что иллюстрирует масштаб структур, подлежащих «оцифровке» и интеграции [11].

Цифровизация медицинского обеспечения в УИС тесно связана с общими тенденциями цифровой трансформации УИС. Концепция развития до 2030 года предусматривает создание и внедрение единой информационной системы ФСИН, обеспечивающей сквозную автоматизацию рабочих процессов и формирование баз данных по вопросам деятельности службы, включая здоровье осужденных, условия содержания и оказание социальных и реабилитационных услуг. На основе ЕИС предполагается автоматизировать рабочие процессы, сформировать единое защищенное информационное пространство, использовать технологии искусственного интеллекта для автоматизированного принятия решений, а также развивать систему сбора и обработки данных, что в медицинской сфере может означать автоматизированный отбор пациентов для углубленных

обследований, контроль соблюдения стандартов оказания помощи и оперативное выявление признаков эпидемиологической опасности. Современные исследования по цифровой трансформации УИС (например, работы 2023–2025 годов, посвященные проблемам и перспективам цифровизации в контексте Концепции развития до 2030 года) указывают на необходимость повышения цифровых компетенций сотрудников УИС, развития нормативной базы обработки персональных данных и мединформации, а также повышения уровня технической защищенности каналов связи и информационных систем. Одновременно цифровизация, включая медицинский блок, рассматривается как средство повышения прозрачности деятельности учреждений, расширения возможностей внешнего контроля и правозащитного мониторинга, в том числе посредством удаленного доступа к агрегированным показателям состояния медицины в УИС для уполномоченных органов и международных организаций.

Особая группа вопросов связана с безопасностью и правовыми рисками цифровизации медицинского обеспечения в УИС. В научной литературе по цифровой безопасности системы здравоохранения подчеркивается, что цифровое здравоохранение, включая телемедицину, медицинские информационные системы и цифровые медицинские изделия, создает новые угрозы несанкционированного доступа к мединформации и вмешательства в функционирование систем, что требует разработки специальных уголовно-правовых и организационно-правовых механизмов защиты. В условиях УИС к этим рискам добавляются факторы закрытости учреждений, уязвимости контингента осужденных и потенциальной заинтересованности недобросовестных должностных лиц в манипулировании медицинской информацией (например, при решении вопроса об освобождении по болезни либо переводе в лечебные учреждения), что усиливает значимость надежной аутентификации пользователей, разграничения доступа и полной фиксации действий в информационных системах. С правовой точки зрения необходимо учитывать требования законодательства о персональных данных, медицинской тайне и врачебной тайне, а также нормы уголовного закона о преступлениях в сфере компьютерной информации и злоупотреблениях должностных лиц, что в комплексе должно образовывать механизм превенции и реагирования на возможные нарушения цифровой безопасности медицинского обеспечения осужденных [12, с.115]. Дополнительный пласт проблем связан с развитием искусственного интеллекта в здравоохранении: исследования отмечают, что его использование в диагностике и при-

нятии клинических решений порождает сложные вопросы распределения ответственности за причиненный вред, корректности алгоритмов и их соответствия принципу приоритета прав пациента, что в условиях УИС требует особенно тщательной регламентации.

Информационно-аналитические материалы [13] и данные официальной статистической отчетности УИС России [14], свидетельствуют о ежеквартальной регистрации свыше 700 тыс. заболеваний, включая социально значимые заболевания. По состоянию на 01.01.2024: осужденных больных алкоголизмом – 13368 чел.; больных наркоманий – 28376 чел.; больных психическими расстройствами – 28105 чел. На стационарную помощь в медицинских организациях муниципального (государственного) здравоохранения плановую было затрачено 46475,71 тыс.руб., экстренную – 40817,67 тыс.руб. На амбулаторную помощь в медицинских организациях муниципального (государственного) здравоохранения – 103084,87 тыс.руб.

Перспективы цифровизации медицинского обеспечения в УИС связаны с дальнейшей интеграцией медицинских подразделений ФСИН с гражданским здравоохранением [15], расширением использования телемедицинских технологий и профессиональных медицинских платформ, а также поэтапным переходом на единую цифровую среду, в которой будет обеспечен непрерывный учет медицинских данных осужденного с момента поступления в систему и до освобождения. Отдельное внимание в современных исследованиях уделяется формированию единого цифрового контура взаимодействия УИС с другими институтами социальной реинтеграции, где медико-санитарный компонент (состояние здоровья, наличие хронических заболеваний, потребность в специализированной помощи) рассматривается как важный элемент планирования постпенитенциарного сопровождения. При этом цифровизация медицинского обеспечения должна сочетаться с укреплением кадрового потенциала, обеспечением устойчивого финансирования и модернизацией материально-технической базы медицинских подразделений, иначе цифровые решения останутся формальными и не приведут к реальному улучшению состояния здоровья осужденных и соблюдению их права на охрану здоровья. В этом контексте цифровизация выступает не самоцелью, а инструментом достижения конституционных гарантий и международных стандартов, позволяя при наличии политической воли, правовой определенности и ресурсов превратить пенитенциарную медицину в прозрачный, управляемый и ориентированный на пациента сегмент национальной системы здравоохранения.

Список литературы:

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – С. 198.

[2] О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 19. – Ст. 3333.

[3] Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федеральной службы исполнения наказаний на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов: приказ ФСИН России от 30.12.2020 № 984. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Ананьева Е. О. Цифровая трансформация уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник науки и образования. – 2025. – № 3 (88). – С. 12–18.

[5] Михайлова Ю. В., Пономарев С. Б., Полищук В. Е. К вопросу о разработке Концепции информатизации медицинской службы уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Врач и информационные технологии. 2019. №2. – С.75-76.

[6] Москалев А. В. Цифровая трансформация медицинского обеспечения в уголовно-исполнительной системе // Актуальные проблемы научно-практического развития современной юриспруденции. – 2024. – № 12. – С. 45–50.

[7] Кузнецова А. А., Семелёва Е. В., Ляпина С. А. Телекоммуникационные системы телемедицинских услуг в исправительных учреждениях / МНИЖ. - 2025. - №3 (153). - С.2-3.

[8] О программе государственной гарантии бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на очередной финансовый год и плановый период: постановление Правительства РФ от 28.11.2014 № 1273 (ред. от 30.12.2023). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[9] Федеральная служба исполнения наказаний: официальный сайт. – URL: <https://fsin.gov.ru>

[10] Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федеральной службы исполнения наказаний на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов: приказ ФСИН России от 30.12.2020 № 984. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[11] Министерство здравоохранения Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <https://minzdrav.gov.ru>

[12] Нистратова И.С. Проблемы медицинского обеспечения осужденных к лишению сво-

боды, больных социально значимыми заболеваниями // ЮП. 2016. №5 (78).- С.114-119.

[13] Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь–декабрь 2023 г. Информационно-аналитический сборник. ФКУ НИИТ ФСИН России, Тверь, 2024. – 487 с.

[14] Об утверждении формы статистической отчетности ФСИН-6 (МЕД-1) «Сведения о социально значимых заболеваниях у лиц, содержащихся в учреждениях в учреждениях уголовно-исполнительной системы, и отдельных показателях деятельности медицинской службы» и инструкции по ее заполнению и представлению: приказ ФСИН России от 22.07.2013 № 415. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[15] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

References:

[1] The Penal Code of the Russian Federation: feder. Law of 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended by 11.06.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1997. – № 2. – S. 198.

[2] On the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation for the Period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation of 29.04.2021 No. 1138-r//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021. – № 19. - Art. 3333.

[3] On approval of the departmental program of digital transformation of the Federal Penitentiary Service for 2021 and for the planning period of 2022 and 2023: order of the Federal Penitentiary Service of Russia of 30.12.2020 No. 984. - Access from ConsultantPlus legal system.

[4] E.O. Ananyeva. Digital transformation of the penitentiary system of the Russian Federation//Bulletin of Science and Education. – 2025. – № 3 (88). - S. 12-18.

[5] Mikhailova Yu. V., Ponomarev S. B., Polishchuk V. E. On the development of the Concept of informatization of the medical service of the penitentiary system of the Russian Federation//Doctor and information technologies. 2019. №2. - S.75-76.

[6] Moskaev A. V. Digital transformation of medical support in the penitentiary system//Actual problems of scientific and practical development of modern jurisprudence. – 2024. – № 12. - S. 45-50.

[7] Kuznetsova A. A., Semeleva E. V., Lyapina S. A. Telecommunication systems of telemedicine services in correctional institutions/MNIZH. - 2025. - №3 (153). - S.2-3.

[8] On the program of state guarantee of free medical care for citizens for the next fiscal year and

planning period: Decree of the Government of the Russian Federation of 28.11.2014 No. 1273 (as amended on 30.12.2023). - Access from ConsultantPlus legal system.

[9] Federal Penitentiary Service: official website. – URL: <https://fsin.gov.ru>

[10] On approval of the departmental program of digital transformation of the Federal Penitentiary Service for 2021 and for the planning period of 2022 and 2023: order of the Federal Penitentiary Service of Russia of 30.12.2020 No. 984. - Access from ConsultantPlus legal system.

[11] Ministry of Health of the Russian Federation: official website. – URL: <https://minzdrav.gov.ru>

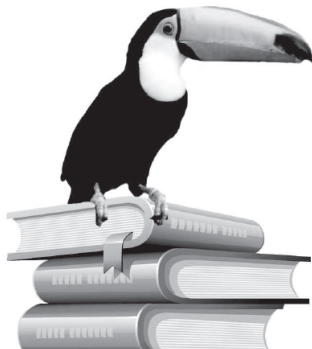
[12] Nistratova I.S. Problems of medical support for those sentenced to imprisonment, patients with socially significant diseases//UP. 2016. NO. 5 (78) .- P.114-119.

[13] Key performance indicators of the penal system. January-December 2023. Information and analytical collection. PKU NIIT FSIN of Russia, Tver, 2024. - 487 s.

[14] On approval of the form of statistical reporting FSIN-6 (MYeD-1) "Information on socially significant diseases in persons held in institutions in institutions of the penitentiary system, and certain indicators of the activity of the medical service" and instructions for its filling and submission: order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 22.07.2013 No. 415. - Access from ConsultantPlus legal system.

[15] On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation: Federal Law No. 21.11.2011 of 323-FZ - Access from the ConsultantPlus Reference and Legal System.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-781-786

МАГОМЕДОВ Темирлан Магомед-Саидович,
К.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии
Юридического института Дагестанского
государственного университета,
e-mail: mail@law-books.ru

АЛИЕВ Ахмед Шамилович,
Магистрант 2 курса Юридического института
Дагестанского государственного университета,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ «ТЕЛЕФОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА» В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Телефонные хищения представляют собой не отдельный «вид» преступления, а совокупность дистанционных имущественных посягательств, объединённых использованием голосовой связи (включая мессенджеры и VoIP) как канала обманного воздействия и как средства координации распределённой преступной группы. Отсутствие самостоятельного состава «телефонного мошенничества» в УК РФ закономерно поднимает проблем конкуренции и разграничения норм о мошенничестве (ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ) и краже (ст. 158 УК РФ, прежде всего п. «г» ч. 3), а также норм о преступлениях в сфере компьютерной информации (ст. 272–274.1 УК РФ) и неправомерном обороте средств платежей (ст. 187 УК РФ). В статье обосновывается, что «телефонный» способ воздействия сам по себе не предопределяет квалификацию по ст. 159 УК РФ; решающими являются юридический механизм изъятия (кто совершил платёжное распоряжение и в каком статусе), наличие либо отсутствие незаконного воздействия на программное обеспечение/сети (критерий ст. 159.6 УК РФ), а также использование электронных средств платежа и характер обмана (для ст. 159.3 УК РФ).

Ключевые слова: Уголовное право; дистанционные хищения; телефонное мошенничество; социальная инженерия; ст. 159 УК РФ; ст. 158 УК РФ; ст. 159.3 УК РФ; ст. 159.6 УК РФ; электронные доказательства.

MAGOMEDOV Temirlan Magomed-Saidovich,
PhD in Law, Associate Professor Department
of Criminal Law and Criminology Law Institute,
Dagestan State University

ALIEV Ahmed Shamilovich,
Second-Year Master's Student Law Institute,
Dagestan State University

FEATURES OF THE CRIMINAL LAW QUALIFICATION OF TELEPHONE FRAUD IN CONTEMPORARY CONDITIONS

Annotation. Telephone thefts are not a separate type of crime, but a set of remote property offences unified by the use of voice communication, including messengers and VoIP, both as a channel of deceptive influence and as a means of coordinating a distributed criminal group. The absence of an independent offence of telephone fraud in the Criminal Code of the Russian Federation naturally raises issues of concurrence and differentiation between provisions on fraud, Articles 159, 159.3, 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation, and theft, Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, primarily paragraph g of part 3, as well as provisions on crimes in

the sphere of computer information, Articles 272 to 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, and unlawful trafficking in payment instruments, Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article argues that the telephone method of influence in itself does not pre-determine qualification under Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation. Decisive factors are the legal mechanism of taking, who issued the payment order and in what capacity, the presence or absence of unlawful interference with software or networks, as the criterion for Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation, and the use of electronic means of payment and the nature of deception for Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: *Criminal Law, Remote Property Offences, Telephone Fraud, Social Engineering, Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation, Electronic Evidence.*

В настоящее время, «телефонное мошенничество» часто описывается как единый феномен: звонок, легенда «службы безопасности», эмоциональное давление и последующий имущественный ущерб. Однако для уголовного права принципиально важно иное: «телефон» (в широком смысле — голосовой канал связи, включая мессенджеры) является прежде всего средством воздействия на психику потерпевшего и элементом криминальной технологии, но не самостоятельным юридическим признаком состава. Поэтому корректнее говорить о квалификационной модели телефонных хищений, которая строится вокруг общего состава мошенничества и смежных составов хищений и «цифровых» преступлений [4].

По данным МВД России, в 2025 году зафиксировано снижение преступлений, совершённых с использованием информационно телекоммуникационных технологий, при этом дистанционные мошенничества сохраняют высокую распространённость; отдельно отмечалось снижение дистанционных мошенничеств на 9% при сохранении значимого массива зарегистрированных деяний [12]. Банк России, в свою очередь, фиксирует масштаб предотвращённых попыток хищений и существенные потери граждан от операций без добровольного согласия: в I квартале 2025 года банки предотвратили 43,8 млн попыток хищений, однако злоумышленникам удалось совершить 296,6 тыс. операций почти на 6,9 млрд руб., причём наибольшие потери пришлось на дистанционное банковское обслуживание и переводы [11]. В обзорной отчётности за III квартал 2025 года социальная инженерия названа наиболее распространённым типом атак, а также отражены данные о выявлении мошеннических номеров и взаимодействии с операторами связи [8].

В нормативном плане отсутствие статьи УК РФ о «телефонном мошенничестве» объективно означает, что правоприменитель вынужден выбирать среди нескольких конкурирующих конструкций. Базовый блок составляют ст. 159 УК РФ (мошенничество), ст. 159.3 УК РФ (мошенничество

с использованием электронных средств платежа), ст. 159.6 УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации) и ст. 158 УК РФ (кража), включая п. «г» ч. 3 (кража с банковского счёта, а равно в отношении электронных денежных средств — при отсутствии признаков ст. 159.3 УК РФ) [1]. «Смежный» блок охватывает преступления в сфере компьютерной информации (ст. 272–274.1 УК РФ) и неправомерный оборот средств платежей (ст. 187 УК РФ), которые в реальных кейсах нередко образуют совокупность с хищениями либо выступают формой подготовки к ним [1].

Ключевое методологическое значение для квалификации имеют разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. Постановление № 48 (2017, с последующими редакциями) закрепляет подходы к пониманию обмана и злоупотребления доверием, даёт критерии разграничения мошенничества и кражи в ситуациях, когда обман используется лишь для облегчения доступа, формулирует техническое толкование «вмешательства» применительно к ст. 159.6 УК РФ и, что особенно важно для телефонных сценариев, указывает: использование учётных данных и конфиденциальной информации (в том числе переданных потерпевшим под воздействием обмана) для списания безналичных средств при отсутствии незаконного воздействия на программное обеспечение/сети образует кражу, а не мошенничество [2]. Тем самым Верховный Суд фактически развёл «обман человека» как способ завладения имуществом и «обман как способ получения доступа», после которого изъятие происходит тайно.

Однако, главная практическая трудность уголовно правовой оценки телефонных хищений состоит в высокой вариативности механизма изъятия имущества при внешне одинаковой «легенде» звонка. Сценарий «безопасный счёт», «взлом Госуслуг», «следователь», «родственник в беде» может завершаться принципиально разными юридически значимыми действиями: потерпевший сам переводит деньги; потерпевший сообщает код/пароль, а перевод совершает виновный; потерпевший устанавливает ПО удалённого

доступа; оформляется кредит на потерпевшего и деньги выводятся на третьих лиц; наличные передаются курьеру. Следовательно, квалификацию нельзя строить по сюжету «звонка», она должна строиться по конструкции изъятия: кто совершил распоряжение имуществом, каким способом обеспечен доступ, было ли техническое вмешательство, как устроено соучастие и организованность [5].

Наиболее остро проблема проявляется в разграничении мошенничества и кражи при «социальной инженерии». Мошенничество по ст. 159 УК РФ предполагает завладение имуществом или приобретение права на него путём обмана либо злоупотребления доверием, то есть обман должен быть именно способом завладения, а не просто «фоном» события [6]. Между тем в телефонных делах обман часто используется для получения конфиденциальных данных (одноразовых кодов, паролей, реквизитов карты) или доступа к устройству, а само изъятие средств затем осуществляется виновным без участия потерпевшего, посредством списания/перевода через дистанционный банковский сервис. Пленум Верховного Суда РФ сформулировал для правоприменения принципиальную позицию: если безналичные денежные средства похищены посредством использования конфиденциальной информации, переданной держателем карты под воздействием обмана, содеянное квалифицируется как кража (при отсутствии незаконного воздействия на программное обеспечение/сети) [2]. Эта логика означает, что значительная часть того, что в обыденной речи именуется «телефонным мошенничеством», в строгом уголовно правовом смысле тяготеет к п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража с банковского счёта), а телефонный контакт — лишь способ получения доступа.

Однако такая конструкция порождает несколько проблем правоприменения. Во-первых, следствию и суду требуется достоверно установить субъект платёжного распоряжения: кто фактически «нажал кнопку» перевода, кто был авторизован, чьим устройством и учётной записью пользовались, какие действия совершал потерпевший и какие — виновный. В практике это осложняется тем, что злоумышленники нередко действуют через удалённый доступ: потерпевший устанавливает программу, затем оператор фактически управляет смартфоном и выполняет операции «руками потерпевшего» (через его устройство), а жертва лишь подтверждает отдельные этапы, не понимая их смысла. Возникает вопрос: считать ли это «добровольной передачей» под влиянием обмана (что тяготеет к мошенничеству) или тайным списанием с использованием доступа к устройству и учётным данным (что тяготеет к

краже). Сама по себе социальная инженерия здесь не отвечает на вопрос квалификации; ответ зависит от того, сохранял ли потерпевший реальный контроль над распоряжением и понимал ли юридическую значимость совершённых действий, а также от того, имело ли место техническое вмешательство, выходящее за рамки обычной авторизации [7].

Во-вторых, «переквалификационный эффект» позиции Пленума усиливает требования к доказыванию причинной связи. Для мошенничества важно показать, что именно обман обусловил передачу имущества или совершение перевода, а не просто сопровождал событие [9]. Для кражи, напротив, решающим становится доказательство тайного характера изъятия и способа доступа к платёжной инфраструктуре. На практике, особенно при отсутствии аудиозаписей и мессенджер логов, следствие вынуждено опираться на показания потерпевшего, которые нередко эмоциональны и неполны. Это повышает риск квалификационной неопределённости и расхождения оценок между следствием и судом.

Отдельный пласт проблем связан с конкуренцией ст. 159.3 УК РФ и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Законодатель специально предусмотрел оговорку «при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3» в п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, тем самым задав приоритет специальной нормы при наличии её признаков [10]. Но в дистанционных схемах нередко переплетаются несколько способов: у потерпевшего выманивают реквизиты, затем совершают операции через СБП, токенизированные инструменты, электронные кошельки, иногда с введением в заблуждение третьих лиц (например, работников организаций или служб поддержки). В таких случаях разграничение «обманного использования платёжного инструмента» (159.3) и «тайного списания» (158) может быть неочевидным и требует оценки роли обмана именно в момент совершения операции: направлен ли он на уполномоченное лицо/инфраструктуру совершения платежа или лишь на потерпевшего для получения доступа. Практическая значимость разграничения велика, поскольку влияет на структуру обвинения и на пределы доказывания.

Не менее дискуссионна конкуренция ст. 159 УК РФ и ст. 159.6 УК РФ. Пленум Верховного Суда РФ дал узкое техническое толкование «вмешательства» для ст. 159.6 УК РФ как целенаправленного воздействия программных и (или) программно аппаратных средств на серверы, компьютеры, сети, нарушающего установленный процесс обработки, хранения или передачи информации и позволяющего незаконно завладеть имуществом [2]. Разъяснено также, что распространение заведомо ложных сведений в сети

(например, поддельные сайты) само по себе образует состав мошенничества (ст. 159), а не «компьютерного мошенничества» (ст. 159.6). Если звонок лишь «подводит» потерпевшего к фишинговой странице или к передаче данных, но не доказано незаконное техническое вмешательство в функционирование средств/сетей, то применение ст. 159.6 будет необоснованным. Вместе с тем в современных схемах установка вредоносного ПО, перехват кодов, подмена реквизитов, вмешательство в работу приложения банка или систем аутентификации встречаются всё чаще, и тогда возможна квалификация по ст. 159.6, причём при неправомерном доступе или использовании вредоносных программ требуется дополнительная квалификация по ст. 272, 273 или 274.1 УК РФ [13]. Практическая трудность здесь состоит в доказательстве именно «технического» компонента: нужно установить характер программного воздействия, его связь с имущественным результатом, а также разграничить «обычное изменение баланса вследствие авторизации» и вмешательство в установленный процесс обработки информации.

Научная дискуссия вокруг ст. 159.6 УК РФ усиливает неопределённость. В доктрине подчёркивается, что конструкция нормы имеет «остаточный» характер: реальный массив дел уходит либо в мошенничество, либо в кражу, а «чистая» 159.6 применяется сравнительно редко, что провоцирует либо расширительное толкование, либо отказ от нормы там, где она могла бы быть уместна [4]. Потребность в законодательном уточнении «мошеннического блока» 159–159.6 с учётом правоприменения отмечалась и в публичных материалах Конституционного Суда РФ [7]. Для телефонных кейсов это выражается в том, что схожие фактические ситуации могут получать различную квалификацию в зависимости от того, как следствие и суд интерпретируют роль «цифрового инструмента» в механизме хищения.

Проблемы квалификации усугубляются организованным характером телефонных посягательств. Современные схемы типологически предполагают распределение ролей: «оператор» (коммуникатор), «куратор» (контроль и распределение задач), «технарь» (инфраструктура, вредоносное ПО, подмена номеров), «дроп» (получатель и обналичиватель), «курьер» (получение наличных). Пленум Верховного Суда РФ указал, что при признании преступления совершённым организованной группой действия всех участников квалифицируются по соответствующей части статьи без ссылки на ст. 33 УК РФ, независимо от фактической роли, а размер при групповом хищении определяется по общей сумме похищенного [1]. Тем не менее на практике установление организованной группы требует доказательства устой-

чивости, распределения ролей и единого умысла, что сложно при трансграничности инфраструктуры и при «многоэтажности» денежных потоков через «дропов». Особенно проблематичны «дропы», которые нередко утверждают о своей неосведомлённости; тогда требуется тонкая доказательственная работа по установлению субъективной стороны и момента формирования умысла.

Серьёзный массив вопросов связан с определением момента окончания преступления и стадийности (покушение/оконченное). Для дистанционных хищений критично установить, когда виновный получил реальную возможность распоряжаться средствами, и когда ущерб причинён владельцу. Позиции Верховного Суда ориентируют на момент изъятия средств, повлекшего ущерб, что важно для разграничения покушения и окончанного состава при прерванных переводах [9]. При этом развитие банковского антитеррора и механизмов приостановления переводов добавляет «процессуальную динамику»: если банк остановил операцию по признакам перевода без добровольного согласия, правовая оценка чаще смещается к покушению, а своевременное наложение ареста на средства повышает шанс возмещения ущерба. Обновлённые процедуры, включая двухдневный «период охлаждения» и новые признаки переводов без добровольного согласия, вступающие в силу с 1 января 2026 года и учитывающие телефонные коммуникации и данные от операторов связи/мессенджеров, усиливают эту тенденцию [3]. Следовательно, квалификация и доказывание становятся тесно зависимыми от скорости межведомственного реагирования.

С учётом обозначенных проблем, совершенствование квалификации телефонных хищений в России целесообразно рассматривать не как поиск «новой статьи» о телефонном мошенничестве, а как комплекс согласованных мер в толковании, доказывании, организационном взаимодействии и, при необходимости, точечной корректировке норм. Такой подход отвечает природе феномена: телефонный канал — лишь «вход» в разные юридические механизмы хищения, и уголовный закон уже содержит инструменты для их охвата при корректном разграничении составов.

Первое направление — развитие и актуализация разъяснений Верховного Суда РФ по типовым «матрицам» телефонных сценариев. Позиции Постановления Пленума № 48 уже заложили базовую конструкцию разграничения 159/158/159.6, однако технологическая эволюция требует детализации на уровне примеров и критериев применительно к удалённому управлению устройством, перехвату одноразовых кодов, подмене реквизитов и использованию синтеза голоса (дипфейков). Практически значимым было бы

закрепление в разъяснениях алгоритма квалификации, ориентированного на три вопроса: кто совершил платёжное распоряжение (потерпевший или виновный), было ли незаконное техническое вмешательство в функционирование средств/сетей, и какой ролью обладало электронное средство платежа в момент совершения операции. Такая детализация не требует изменения закона, но снижает разнотолкование и «плавающую» практику, особенно на границе кражи с банковского счёта и мошенничества с использованием электронных средств платежа.

Второе направление — стандартизация доказывания причинной связи между обманом и имущественным результатом с учётом природы социальной инженерии. Потерпевший рассказ должен оставаться важным, но недостаточным источником: описание «обмана» необходимо привязывать к объективным данным — аудиозаписям, детализации соединений, логам мессенджеров, фишинговым доменам, следам установки и работы приложений, цифровым артефактам удалённого доступа. В научных работах социальная инженерия описывается через повторяемые приёмы («претекст», «фишинг»), что позволяет выстраивать криминалистические модели и проверяемые версии. Для уголовного процесса это означает возможность унифицировать набор «минимально необходимых» доказательств для типовых схем и тем самым повысить устойчивость квалификации в суде, а также облегчить разграничение мошенничества и кражи в тех случаях, когда коммуникация одинакова, а механизм изъятия различен.

Третье направление — точечное нормативное уточнение и «бережная» корректировка спорных зон, прежде всего связанных со ст. 159.6 УК РФ и разграничением её с кражей и мошенничеством. Учитывая научную критику «остаточного» характера 159.6 и риск расширительного толкования понятия «вмешательство», оправданным является не «переписывание» всей конструкции, а уточнение критериев через разъяснения и, при необходимости, через корректировку диспозиции либо примечаний, чтобы повысить предсказуемость применения. Например, целесообразно нормативно и/или интерпретационно подчеркнуть, что удалённый доступ сам по себе ещё не равен «вмешательству», если он не нарушает установленный процесс обработки/передачи информации, но использование вредоносных механизмов подмены реквизитов, перехвата кодов, вмешательства в сетевое взаимодействие и модификации данных должно уверенно подпадать под 159.6 при одновременной оценке совокупности со ст. 272–273 УК РФ, когда признаки этих составов доказаны [13]. Такой подход сохраняет систем-

ность «преступлений против собственности» (как её понимает доктрина) и одновременно уменьшает квалификационные коллизии.

В целом предлагаемые меры ориентированы на достижение двух взаимосвязанных целей. Первая — обеспечить предсказуемость квалификации через ясные критерии разграничения 159/159.3/158/159.6 и корректное выявление совокупности со «смежными» составами. Вторая — повысить качество доказывания за счёт раннего закрепления телеком и финтех следов, использования антифрод инфраструктуры и стандартизированных криминалистических подходов к социальной инженерии. Именно эти направления представляются наиболее реалистичными и применимыми в российских условиях, поскольку они опираются на уже существующие правовые инструменты и актуальные регуляторные механизмы.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954. — URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891> (дата обращения: 13.02.2026).
- [2] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 13.02.2026).
- [3] Об установлении признаков осуществления перевода денежных средств без добровольного согласия клиента и отмене приказа Банка России от 27 июня 2024 года № ОД-1027 : Приказ Банка России от 05.11.2025 № ОД-2506 [Электронный ресурс]. — Официальный сайт Банка России. — URL: <https://cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/10123> (дата обращения: 13.02.2026).
- [4] Волженкин Б. В. Мошенничество. — СПб.: Изд-во СПб ЮИ, 1998. — 101 с.
- [5] Гавриленко Н. В. Методика расследования хищений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [Электронный ресурс]. — 2025. — URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vital%3A22580/SOURCE01> (дата обращения: 13.02.2026).
- [6] Когда банк обязан приостановить перевод на два дня, даже несмотря на согласие клиента? [Электронный ресурс] / Банк России. — URL: <https://www.cbr.ru/Reception/TopicalMessage/Page/9627> (дата обращения: 13.02.2026).

[7] Лопашенко Н. А. Преступления против собственности: авторский курс: монография: в 4 кн. Кн. 1: Общетеоретическое исследование посягательств на собственность. — М.: Юрлитинформ, 2019. — 294 с.

[8] Обзор отчетности об инцидентах информационной безопасности при переводе денежных средств. III квартал 2025 года [Электронный ресурс] / Банк России. — 13.11.2025. — URL: https://www.cbr.ru/statistics/ib/review_3q_2025/ (дата обращения: 13.02.2026).

[9] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) (п. 49) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400312/ (дата обращения: 13.02.2026).

[10] Овсяков Д. А. Корыстные преступления против собственности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: вопросы квалификации: монография / под науч. ред. С. М. Кочои. — М.: Проспект, 2023.

[11] Операции без добровольного согласия клиентов: итоги I квартала [Электронный ресурс] / Банк России. — 16.05.2025. — URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=24608> (дата обращения: 13.02.2026).

[12] Статистические сведения о состоянии преступности в 2025 году [Электронный ресурс] / Пресс-центр МВД России // МВД МЕДИА. — 29.01.2026. — URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-2025-godu/> (дата обращения: 13.02.2026).

[13] Уголовное право России. Части общая и особенная: учебник для бакалавров / под ред. А. И. Рарога. — М.: Проспект, 2022. — 1345 с.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 13.06.1996 dated 63-FZ (as amended on 29.12.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1996. — № 25. - Art. 2954. - URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891> (access date: 13.02.2026).

[2] On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement: decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 No. 48 (ed. 15.12.2022) [Electronic resource] // ConsultantPlus: legal system. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (access date: 13.02.2026).

[3] On establishing signs of funds transfer without the client's voluntary consent and canceling Bank

of Russia Order No. OD-1027 dated June 27, 2024: Bank of Russia Order No. OD-2506 dated 05.11.2025 [Electronic Resource]. - Bank of Russia website. - URL: <https://cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/10123> (access date: 13.02.2026).

[4] Volzhenkin B.V. Fraud. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg Yul, 1998. - 101 s.

[5] Gavrilenko N.V. Methodology for investigating thefts committed using the information and telecommunication network "Internet" [Electronic resource]. — 2025. — URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vital%3A22580/SOURCE01> (дата обращения: 13.02.2026).

[6] When is the bank obliged to suspend the transfer for two days, even despite the client's consent? [Electronic resource] / Bank of Russia. - URL: <https://www.cbr.ru/Reception/TopicalMessage/Page/9627> (access date: 13.02.2026).

[7] Lopashenko N. A. Crimes against property: author's course: monograph: in 4 books. Kn. 1: General theoretical study of property infringements. - M.: YurLitinform, 2019. - 294 p.

[8] Overview of information security incident reporting for funds transfers. Q3 2025 [Electronic Resource] / Bank of Russia. - 13.11.2025. - URL: https://www.cbr.ru/statistics/ib/review_3q_2025/ (access date: 13.02.2026).

[9] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2021) (clause 49): approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 10.11.2021 [Electronic resource] // ConsultantPlus: legal system. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400312/ (access date: 13.02.2026).

[10] Ovsyukov D.A. Mercenary crimes against property using information and telecommunication networks: qualification issues: monograph/scientific. ed. S. M. Kochoi. - M.: Prospect, 2023.

[11] Transactions without voluntary consent of clients: results of the first quarter [Electronic resource] / Bank of Russia. - 16.05.2025. - URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=24608> (access date: 13.02.2026).

[12] Statistical information on the state of crime in 2025 [Electronic resource] / Press center of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Ministry of Internal Affairs MEDIA. — 29.01.2026. — URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-2025-godu/> (дата обращения: 13.02.2026).

[13] Russian criminal law. The parts are general and special: a textbook for bachelors/ed. A.I. Raroga. - M.: Prospect, 2022. - 1345 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский
институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ПРАВОВЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАМЕНЫ НЕОТБЫТОЙ ЧАСТИ НАКАЗАНИЯ БОЛЕЕ МЯГКИМ ВИДОМ НАКАЗАНИЯ ЛИЦАМ, ОТБЫВАЮЩИМ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ И ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

Аннотация. Целью исследования явились правовые и психологические особенности замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания лицам, отбывающим лишение свободы и принудительные работы в исправительных учреждениях и в исправительных центрах уголовно-исполнительной системы. Для ее реализации использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых осуществлялся сравнительно-правовой анализ положений национального уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России, научной и учебно-методической литературы в рассматриваемой сфере уголовно-правовых и уголовно-исполнительных правоотношений. Освобождение осужденных к лишению свободы и принудительным работам, содержащимся в исправительных учреждениях и исправительных центрах уголовно-исполнительной системы от отбывания наказания и замене его более мягким видом, является релевантным институтом национального уголовного права, активно реализуемым в современной отечественной уголовно-исполнительной практике. Указанный правовой институт определен уголовным законом в статье 80 УК РФ. Он применяется к лицам, отбывающим такие виды уголовных наказаний как содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы в ИЦ и ИУ УИС соответственно. Данный институт рассматривается в теории уголовного и уголовного права, в национальном уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве в качестве своеобразной поощрительной меры. Способствующей дальнейшему исправлению, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных без применения мер строгой изоляции. Применение замены неотбытой части наказания предполагает соблюдение осужденными определенных правовых условий, перечисленных в законе. Порядок обращения с ходатайством и направления представления о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания определен в статье 175 УК РФ. Закон определил два пути направления материалов в суд для вынесения решения по данному вопросу: направление ходатайства в суд осужденным или его защитником и представление в суд ходатайства администрации учреждения в которой осужденный отбывает наказание. В обоих случаях основаниями применения судом рассматриваемого правового института являются: правопослушное поведение осужденных, участие в общественно-полезном труде, учебной деятельности и профессиональном обучении, преодолении криминальной зараженности, активном стремлении к исправлению, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. В этом состоят психологические особенности рассматриваемого правового института, призванного мобилизовывать, формировать и развивать позитивные психологические характеристики осужденных (психические свойства и эмоционально-волевые состояния личности).

Ключевые слова: осужденные, лишение свободы, принудительные работы, освобождение от отбывания наказания, замена наказания более мягким видом, представление, исправительные учреждения, исправительные центры, администрации учреждений.

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law
of Psychological Sciences, Professor,
Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute
Federal Penitentiary Service of Russia

LEGAL AND PSYCHOLOGICAL FEATURES OF REPLACING THE UNSERVED PART OF THE PUNISHMENT WITH A Milder TYPE OF PUNISHMENT FOR PERSONS SERVING IMPRISONMENT AND FORCED LABOR

Annotation. *The purpose of the study was the legal and psychological features of replacing the unserved part of the punishment with a more lenient type of punishment for persons serving imprisonment and forced labor in correctional institutions and correctional centers of the penal system. To implement it, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were used: synthesis, comparison, analogy, generalization, sociological survey, observation, which were used to carry out comparative legal analysis of the provisions of national criminal and penal enforcement legislation, departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific and educational-methodological literature in the field of criminal law and penal enforcement legal relations. The release of persons sentenced to imprisonment and forced labor held in correctional institutions and correctional centers of the penal system from serving their sentences and replacing them with a more lenient form is a relevant institution of national criminal law, actively implemented in modern domestic penal practice. This legal institution is defined by the criminal law in Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation. It applies to persons serving such types of criminal punishments as detention in a disciplinary military unit, forced labor or imprisonment in the IC and IU penal institutions, respectively. This institution is considered in the theory of criminal and penal law, in national criminal and penal enforcement legislation as a kind of incentive measure. Contributing to the further correction, re-socialization, social adaptation and social rehabilitation of convicts without the use of strict isolation measures. The use of substitution of the unserved part of the punishment presupposes the observance by convicts of certain legal conditions listed in the law. The procedure for filing a petition and submitting a submission to replace the unserved part of the punishment with a more lenient type of punishment is defined in Article 175 of the Criminal Code of the Russian Federation. The law has defined two ways of sending materials to the court to make a decision on this issue: sending a petition to the court by the convicted person or his lawyer and submitting to the court a petition from the administration of the institution in which the convicted person is serving his sentence. In both cases, the grounds for the court's application of the legal institution in question are: law-abiding behavior of convicts, participation in socially useful work, educational activities and vocational training, overcoming criminal infection, active striving for correction, re-socialization, social adaptation and social rehabilitation. This is the psychological features of the legal institution under consideration, designed to mobilize, form and develop positive psychological characteristics of convicts (mental properties and emotional-volitional states of personality).*

Key words: *convicts, imprisonment, forced labor, release from serving a sentence, commutation of punishment to a milder form, representation, correctional institutions, correctional centers, administrations of institutions.*

Введение. Освобождение осужденных к лишению свободы и принудительным работам, содержащимся в исправительных учреждениях (далее ИУ) и исправительных центрах уголовно-исполнительной системы (далее ИЦ УИС) от отбывания наказания и замене его более мягким видом, является релевантным институтом национального уголовного права, активно реализуемым в современной отечественной уголовно-исполнительной практике.

Указанный правовой институт определен уголовным законом в статье 80 УК РФ [1]. Он применяется к лицам, отбывающим такие виды уголовных наказаний как содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы в ИЦ и ИУ УИС соответственно. Данный институт рассматривается в теории уголовного и уголовно права, в национальном уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве в качестве своеобразной поощри-

тельной меры [2, с. 35-40]. Способствующей дальнейшему исправлению, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных без применения мер строгой изоляции (содержании их в ИУ или ИЦ УИС) [3, с. 337-342].

Применение замены неотбытой части наказания предполагает соблюдение осужденными определенных правовых условий, к которым относятся:

- полное или частичное возмещение причиненного преступлением вреда;
- правопослушное поведение и положительная характеристика осужденного за весь период отбывания им наказания;
- отношение осужденного к учебе и труду;
- отношение к совершенному им преступлению, за которое отбывает уголовное наказание;

При этом закон установил градацию преступлений по степени тяжести, к осужденным за которые лицам может применяться освобождение от дальнейшего отбывания наказания и назначение более мягкого его вида:

- небольшой и средней тяжести – не менее одной трети срока наказания, и не менее одной четверти – для осужденных беременной женщины, или женщины, имеющей ребенка в возрасте до четырех лет, находящегося в доме ребенка ИУ;
- тяжкого преступления – не менее половины срока наказания;
- особого тяжкого преступления – не менее двух третей срока наказания;
- преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних – не менее трех четвертей срока наказания.

Решение о замене неотбытой части наказания принимает суд, который может избрать любой более мягкий вид наказания, на основании поданного через администрацию ИУ или ИЦ УИС ходатайства осужденного или его адвоката, характеристики осужденного за время отбывания наказания в учреждении УИС, а также представления администрации о замене наказания более мягким видом наказания.

Таким образом, порядок и процедура подготовки соответствующего представления, подготавливаемого администрацией учреждения, в котором осужденный отбывает наказание, имеет правовые и психологические особенности, подлежащие рассмотрению в процессе специального междисциплинарного исследования.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и психологических особенностей замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания лицам, отбывающих

лишение свободы в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы и принудительные работы в исправительных центрах уголовно-исполнительной системы использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых осуществлялся сравнительно-правовой анализ положений национального уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России, научной и учебно-методической литературы в рассматриваемой сфере уголовно-правовых и уголовно-исполнительных правоотношений.

Основные результаты. В ходе теоретико-правового анализа темы установлено, что порядок обращения с ходатайством и направления представления о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания определен в статье 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Закон определил два пути направления материалов в суд для вынесения решения по данному вопросу.

Первый состоит в том, что осужденный, к которому может быть применена замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания на основании перечисленных выше условий и требований уголовного закона, а также его адвокат вправе обратиться через администрацию ИУ или ИЦ УИС в суд с соответствующим ходатайством, которое должно быть направлено в суд вместе с характеристикой осужденного за весь срок отбывания наказания не позднее чем через 10 дней после его подачи.

Характеристика на осужденного готовится администрацией учреждения, в котором он отбывает наказание, в соответствии с требованиями части третьей статьи 175 УИК РФ [4]. В ней должны содержаться следующие сведения:

- данные о поведении осужденного [5, с. 160-167];
- отношении осужденного к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания [6, с. 79-84];
- отношении осужденного к совершенному деянию [7, с.40-46];
- частичном или полном возмещении осужденным ущерба, заглаживании вреда причиненным преступлением.

Второй путь заключается в подаче в суд администрацией ИУ (ИЦ) УИС, в котором осужденный отбывает наказание мотивированного представления о замене ему неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Обязательным условием здесь выступает положитель-

ная характеристика, в которой также, как и в первом случае, содержатся данные о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, об отношении к совершенному деянию и о том, что осужденный возместил вред (полностью или частично), причиненный преступлением [8]. Внешение администрацией учреждения такого представления в суд может рассматриваться как применение к осужденному мер поощрения за примерное, правопослушное поведение, участие в общественно-полезном труде, учебной деятельности и профессиональном обучении, преодолении криминальной зараженности, активном стремлении к исправлению, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. В этом состоят психологические особенности рассматриваемого правового института, призванного мобилизовывать, формировать и развивать позитивные психологические характеристики осужденных (психические свойства и эмоционально-волевые состояния личности).

В случае отказа суда в замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, повторное внесение в суд соответствующего ходатайства или представления может иметь место не ранее чем по истечении шести месяцев со дня вынесения постановления суда об отказе [9].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

- VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;
- V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий), состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;
- 10 Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия» в Пермском институте ФСИН России 15.04.2023. Доклад на тему: «Современная оперативно-розыскная политика в УИС и ее влияние

на комплексное обеспечение безопасности пенитенциарных учреждений»;

- XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
- 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».

Заключение. Освобождение осужденных к лишению свободы и принудительным работам, содержащимся в исправительных учреждениях и исправительных центрах уголовно-исполнительной системы от отбывания наказания и замене его более мягким видом, является релевантным институтом национального уголовного права, активно реализуемым в современной отечественной уголовно-исполнительной практике.

Указанный правовой институт определен уголовным законом в статье 80 УК РФ. Он применяется к лицам, отбывающим такие виды уголовных наказаний как содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы в ИЦ и ИУ УИС соответственно. Данный институт рассматривается в теории уголовного и уголовно права, в национальном уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве в качестве своеобразной поощрительной меры. Способствующей дальнейшему исправлению, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных без применения мер строгой изоляции. Применение

замены неотбытой части наказания предполагает соблюдение осужденными определенных правовых условий, перечисленных в законе.

Порядок обращения с ходатайством и направления представления о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания определен в статье 175 УК РФ. Закон определил два пути направления материалов в суд для вынесения решения по данному вопросу: направление ходатайства в суд осужденным или его защитником и представление в суд ходатайства администрации учреждения в которой осужденный отбывает наказание. В обоих случаях основаниями применения судом рассматриваемого правового института являются: правопослушное поведение осужденных, участие в общественно-полезном труде, учебной деятельности и профессиональном обучении, преодолении криминальной зараженности, активном стремлении к исправлению, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. В этом состоят психологические особенности рассматриваемого правового института, призванного мобилизовывать, формировать и развивать позитивные психологические характеристики осужденных (психические свойства и эмоционально-волевые состояния личности).

Список литературы:

[1] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.

[2] Ковалев О.Г. Структура и содержание современного уголовно-исполнительного законодательства, и их влияние на организацию исполнения наказаний (теоретико-правовой и психологический аспекты) // Российский научный вестник. 2025. № 8. С. 35-40.

[3] Ковалев О.Г. Исправление, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация осужденных как цель и задачи современной теории отечественного уголовно-исполнительного права // Право и управление. 2025. № 6. С. 337-342.

[4] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[5] Ковалев О.Г., Иконников Д.С., Семенова Н.В. Проблемы организации воспитательной работы в исправительных учреждениях в процессе профилактики противоправного поведения осужденных // Перспективы науки. 2024. № 3 (174). С. 160-167.

[6] Ковалев О.Г., Ковтуненко Л.В. Учебная деятельность и профессиональная подготовка в исправлении осужденных // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Тверь, 2025. С. 79-84.

[7] Ковалев О.Г. Криминальная мотивация осужденных женщин: пенитенциарный аспект // Антропология. 2024. № 3 (15). С. 40-46.

[8] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.

[9] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

References:

[1] Russian criminal law. Special part: Textbook // O. N. Kovalev. According to G. N. O. Baev, Ya. Moscow, 2007, p. 374.

[2] Kovalev O. A. According to G. N., The structure and content of modern penal enforcement legislation, and their impact on the organization of the execution of punishments (theoretical, legal and psychological aspects) // Russian Scientific Bulletin. 2025. № 8. According to S. N. 35-40.

[3] Kovalev O. A. According to G. N. Correction, re-socialization, social adaptation and social rehabilitation of convicts as the goal and objectives of the modern theory of domestic penal enforcement law // Law and management. 2025. № 6. According to S. N. 337-342.

[4] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A. N. V. V. Geranin. V. S. Zubarev. M. N. L. Dubrovitsky. According to P. V. Epaneshnikov. According to S. N. V. Kazakov, A. N. O. Kovalev. According to G. N. S. Kudeneev. V. O. Lysyagin. B. N. E. Lyadov. V. A. Mikhlin. According to S. N. O. Filimonov. V. V. Seliverstov. Winner of the award named after (article-by-article) / Moscow, 2008. p. 448.

[5] Kovalev O. A. According to G. N. D. Ikonnikov. According to S. N. Semenova, N. V. Problems of the organization of educational work in correctional institutions in the process of prevention of illegal behavior of convicts // Perspectives of science. 2024. № 3 (174). According to S. N. 160-167.

[6] Kovalev O. A. In the opinion of G. N. L. Kovtunenkov. V. N. Educational activity and professional training in the correction of convicts // in the collection: Spiritual and moral education of the individual in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Tver, 2025. According to S. N. 79-84.

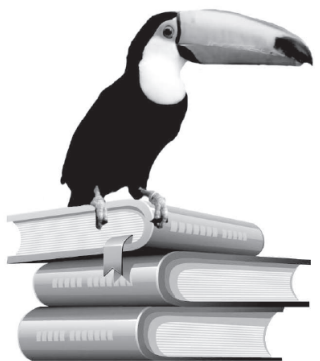
[7] Kovalev O. A. According to G. N. Criminal motivation of convicted women: the penitentiary aspect // Anthropogogics. 2024. № 3 (15). According to S. N. 40-46.

[8] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I. N. L. N. O. Filimonov. V. N. L. Aivar. K. A. Mikhlin. According to S.

N. A. Grishko, J. V. Geikhman, and L. N. O. Kovalev. According to G. N. A. Tolkachenko, A. N. Y. Truntsevsky, V. N. Ya. Lobov, V. N. A. Samoilov. According to S. N. G. Shabanov. H. S. Sharapov. N. E. Sereda. V. N. V. Kazakov. A. n. Moscow, 2006. 148 p.

[9] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article-by-article) // Brilliantov A. V. N. V. Geranin. V. N. S. Zubarev. M. N. L. Dubrovitsky. According to P. V. Epaneshnikov. According to S. N. V. Kazakov, A. N. O. Kovalev. According to G. N. S. Kudeneev. V. N. O. Lysyagin. B. N. E. Lyadov. V. N. A. Mikhlin. According to S. N. V. Seliverstov. Winner of the O. Filimonov Prize, Moscow, 2011.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-793-798

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор 25 кафедры (военной администрации,
административного и финансового права)
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
e-mail: viktor_shestak@mail.ru

ЛЕОНТЬЕВА Адель Альбертовна,
курсант 4-го курса,
факультет подготовки следователей,
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
e-mail: mail@law-books.ru

КРИМИНАЛИСТИКА И БИОМЕТРИЯ: ПРЕИМУЩЕСТВА, ОГРАНИЧЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье анализируется использование и значение биометрических данных в методике расследования преступлений. Освещаются правовые аспекты защиты персональных данных и рассматриваются основные стороны развития биометрических технологий. Авторы подчёркивают тенденцию внедрения и развития биометрических методов в криминалистике, которые представляют собой практические способы применения технологий и методов идентификации личности. Рассматриваются определённые источники биометрических данных, такие как папиллярный узор пальцев, радужная оболочка и сетчатка глаза, голосовой профиль и изображение лица. Обозначена значимость применения таких технологий при расследовании преступлений и розыске преступников. Особое внимание обращено как на имеющиеся в данной сфере преимущества, в том числе точность идентификации, так и на ограничения данного метода, а также проблемы конфиденциальности, связанные со сбором и хранением биометрических данных.

Ключевые слова: криминалистика, технологии, биометрия, персональные данные.

SHESTAK V.A.,
Professor of the 25th Department
(Military Administration, administrative and financial law)
of the Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Doctor of Juridical Science, Moscow

LEONTEVA A.A.,
4th year cadet,
Faculty of Investigator Training, A. Ya. Sukharev Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation

FORENSICS AND BIOMETRICS: ADVANTAGES, LIMITATIONS, AND PRIVACY CONCERNS

Annotation. This article analyzes the use and importance of bio-metric data in the methodology of crime investigation. The legal aspects of personal data protection are covered and the main aspects of biometric technologies development are considered. The authors emphasize the tendency of introduction and development of biometric methods in criminalistics, which represent practical ways of application of technologies and methods of personal identification. Certain sources of biometric data such as finger papillary pattern, iris and retina, voice profile and facial image are consid-

ered. The significance of the use of such technologies in the investigation of crimes and search for criminals is emphasized. Particular attention is paid to the advantages in this area, such as high accuracy of identification, as well as the limitations of this method, as well as privacy issues associated with the collection and storage of biometric data.

Key words: *forensics, biometric technologies, biometrics, personal data.*

Современная криминалистика эволюционирует в условиях активной цифровизации правоохранительной сферы, что обуславливает интенсивную интеграцию технологий автоматизированной верификации личности. Биометрия как прикладное междисциплинарное направление формирует инструментальный базис для разрешения идентификационных задач, представляя собой совокупность методов количественного анализа уникальных физиологических и поведенческих характеристик индивида. Методы идентификации личности, основанные на биометрической информации, определяются так называемыми биометрическими технологиями. Указанные технологии оперируют данными о физических и поведенческих особенностях человека, которые подвергаются сопоставлению с эталонными параметрами, зарегистрированными ранее, в целях идентификации (аутентификации).

Биометрические данные включают информацию о биометрических характеристиках личности, а именно о физических и персональных параметрах, которые сравниваются с ранее зафиксированными показателями субъекта для его идентификации (аутентификации). К числу источников биометрических данных относятся кожный покров (папиллярные узоры) пальцев, радужная оболочка и сетчатка глаза, голосовой профиль, изображение лица, особенности почерка, кинетика движений и иные параметры [2].

Исторически внедрение биометрической информации в криминалистику сопряжена с прогрессом научного знания и интеграцией различных научных областей в единую дисциплину. Биометрия, позиционируя себя как прикладная наука, уходит корнями в иные научные направления и изначально развивалась в контексте более широких отраслевых дисциплин. Данный процесс включал не только формирование теоретического аппарата, но и синтез аккумулированных знаний, что потребовало расширения научного горизонта и определения новых векторов для последующего развития. В этой связи знаковым этапом стала интеграция смежных наук для конструирования унифицированной биометрической системы [1].

Открытие минисателлитной ДНК в области молекулярной генетики в 1985–1987 гг. ученым А. Джефрисом кардинально трансформировало парадигму возможностей идентификации личности. Это позволило существенно модернизировать

методы установления личности, одновременно значительно расширив доказательственный потенциал. Структура гипервариабельных участков ДНК, локализованных в нескольких локусах хромосом, является уникальной для каждого индивидуума. С этого момента правомерно констатировать формирование фундамента для разработки молекулярно-генетической идентификации личности и для более прецизионного анализа генетических данных. Практическая значимость данного научного открытия проявилась в возможности анализа как ядерной, так и митохондриальной ДНК. Это обеспечило возможность идентификации даже по минимальным биологическим объектам — фрагментам костной ткани, волосам, частям черепа. Важно акцентировать, что параллельно с этим существуют и менее масштабные подходы к идентификации. В частности, использование параметров радужной оболочки и сетчатки глаза, которые применимы для установления личности, но в более ограниченном объеме.

Криминалистическая идентификация постепенно трансформировалась из преимущественно морфологического сличения признаков в высокотехнологичный комплекс анализа биологических, антропометрических, а впоследствии и цифровых параметров. Так, в становление фоноскопического направления криминалистической идентификации весомый вклад внесли изыскания Э.И. Абалмазова и А.И. Кугушева, которые аргументировали возможность использования акустических параметров речевого сигнала в качестве индивидуализирующих признаков личности [4]. В их исследовании фокус был направлен на поиск и формализацию таких совокупностей характеристик звуковой волны, которые позволяли бы создавать математически верифицируемые модели распознавания диктора, чем была заложена теоретическая база для разработки алгоритмов идентификации человека по фонограммам речи.

В 2016 году была учреждена Национальная биометрическая платформа (далее — НБП), впоследствии переименованная в Единую биометрическую систему (далее — ЕБС). В 2019 году эта система начала функционировать в контуре Единой системы идентификации и аутентификации (далее — ЕСИА) посредством верификации биометрических данных в ЕБС, оператором которой выступает ПАО «Ростелеком». Биометрические данные фиксируются различными способами, включая аудио- и видеозапись, фотографирова-

ние, описание, графическое отображение, а также с использованием их комбинаций [2]. При этом необходимо учитывать, что использование биометрической информации тесно сопряжено с императивом строгого регулирования процессов сбора, обработки и защиты персональных данных.

Так, развитие ведомственных информационных систем МВД России началось существенно раньше. С 2005 года в стране реализуется программа создания единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел, поддержанная Правительством Российской Федерации [6]. В рамках этой программы было разработано несколько ключевых подпрограмм, которые стали основой для функционирования Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – ГИАЦ МВД РФ). Эти подпрограммы были ориентированы на решение ряда приоритетных задач, среди которых — реконструкция и модернизация информационных центров МВД России, формирование и расширение базы данных дактилоскопической информации в регионах, развитие региональных программно-технических комплексов, а также разработка автоматизированной информационной системы (далее – АИС) для аккумуляции биометрических данных.

Необходимо учитывать, что при решении идентификационных задач совместное функционирование АИС и автоматизированных информационно-поисковых систем (далее – АИПС) с определенной алгоритмизацией обеспечивает технологическую платформу современной криминалистической идентификации. В данной архитектуре связей АИС обеспечивает учетно-организационную и информационную основу, выраженную в накоплении, структурировании и поддержании актуальности массивов данных, тогда как АИПС реализует поисково-сопоставительный механизм, направленный на выявление потенциальных совпадений и генерацию перечня релевантных результатов. Подобная взаимосвязь и последовательность этапов функционирования детерминирует скорость, полноту и достоверность идентификационного решения.

В рамках приоритетных задач информационно-аналитической работы ГИАЦ МВД РФ в условиях современной цифровизации выделяются, в частности, развитие ведомственной ИТ-инфраструктуры и комплекса учётно-регистрационных массивов, а также повышение качества аналитических продуктов (обзоры, сводки, информационные справки и проч.).

В современной практике фоноскопических исследований активно применяются комплексные АИС, обеспечивающие анализ и сопоставление речевых сигналов. К числу таких разработок отно-

сятся система идентификации диктора «SIS», созданная в Центре речевых технологий, программный комплекс «Диалект», ориентированный на обработку и акустический анализ речи, а также зарубежная автоматизированная система «CSL», разработанная в США. Использование данных технологий позволяет осуществлять идентификацию личности по зафиксированному речевому материалу, что приобретает особую значимость при расследовании преступлений, связанных с похищениями, вымогательством, финансовыми мошенничествами и заведомо ложными сообщениями о террористических актах [3]. Применение таких систем расширяет доказательственные возможности правоохранительных органов, повышая объективность и точность экспертных заключений.

В современных условиях активно разрабатываются перспективные направления биометрической идентификации, базирующиеся на расширении спектра используемых признаков. К числу таких подходов относится применение антропометрических характеристик, включая параметры кистей рук и морфологические особенности ушных раковин. Наряду с этим исследуются инновационные методы, предполагающие анализ отражающих свойств кожного покрова, построение тепловых карт тела и лица, а также идентификацию по индивидуальным одорологическим признакам. Такое расширение перечня биометрических параметров позволяет акцентировать внимание на повышении точности распознавания личности и минимизации вероятности ошибок при автоматизированном сопоставлении данных. В частности, направление, связанное с динамическими аспектами человека, охватывает методы и технологии, позволяющие идентифицировать личность по таким признакам, как жестикуляция, походка, мимика, речь, стиль набора текста на клавиатуре и другие поведенческие характеристики субъекта [4].

В России одним из наиболее распространённых методов биометрической идентификации личности остается дактилоскопия. Также активно применяются технологии распознавания по изображениям лиц и голосам, которые отличаются высокой стабильностью и уникальностью физиологических характеристик человека. Биометрические данные, основанные на физиологических характеристиках человека, обладают свойством индивидуальной неповторимости и константности на протяжении длительного времени. К таким признакам относятся папиллярные узоры пальцев, морфологические особенности лица, структура радужной оболочки глаза, параметры голосового сигнала и иные анатомо-физиологические характеристики. Их резистентность к естественным

изменениям и высокая степень межиндивидуальной вариативности позволяют использовать данные признаки в качестве надежных идентификаторов личности.

Указанные свойства обуславливают возможность длительного хранения биометрической информации, её систематизации и интеграции в централизованные базы данных. Формирование специализированных информационных массивов обеспечивает автоматизированное сопоставление параметров, повышает скорость установления личности и способствует объективизации идентификационных процедур в правоохранительной практике и иных сферах применения.

Вместе с тем именно имманентная неизменяемость большинства биометрических признаков формирует специфический правовой и технологический риск. В отличие от пароля или иного цифрового идентификатора, биометрический параметр невозможно «заменить» в случае его компрометации. Утечка таких данных способна повлечь долгосрочные негативные последствия для субъекта, поскольку повторное использование похищенной информации может происходить латентно, без его ведома. Данное обстоятельство усиливает требования к режиму хранения, алгоритмам шифрования и нормативному регулированию оборота биометрических персональных данных, что требует комплексного подхода к их защите.

Отметим, что высокая идентификационная ценность биометрических данных сочетается с повышенной степенью их чувствительности и уязвимости. Это предопределяет необходимость установления особого правового режима их сбора, обработки и хранения. В условиях цифровизации государственного управления и расширения сфер применения биометрии формирование четких нормативных механизмов защиты персональных данных становится неотъемлемым условием легитимности использования таких технологий. Именно поэтому вопросы правового регулирования биометрической информации занимают центральное место в современной научной и правоприменительной практике, требуя комплексного анализа международных и национальных норм, определяющих пределы допустимости интервенции в сферу частной жизни. Так, статья 8 Международной декларации о генетических данных человека, принятой 16 октября 2003 года на 20-м пленарном заседании Генеральной конференции ЮНЕСКО, устанавливает, что для сбора, обработки и хранения генетической информации необходимо получить информированное согласие человека. Декларация также допускает, что национальные законодательные акты могут вводить

ограничения на получение такого согласия, при условии, что они не противоречат международным правовым нормам [5].

Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает, что операторы обязаны принимать меры для защиты персональных данных, включая биометрическую информацию, от несанкционированного доступа, уничтожения и распространения [9]. Кроме того, разъяснением Минфина России в письме № 03-01-11/52306 от 15 июля 2019 года определено, что обработка персональных данных, включая биометрические параметры, может быть произведена без согласия субъекта, если это необходимо для выполнения международных договоров, отправления правосудия или в случаях, когда действия соответствуют законодательству в области обороны, безопасности и противодействия терроризму [8]. Вместе с тем, несмотря на наличие нормативных актов, направленных на обеспечение конфиденциальности и защиту прав субъекта персональных данных, на практике возможны случаи использования этих данных без согласия владельца. Примером может служить размещение фотографий сотрудников в пропускных системах или на служебных удостоверениях без предварительного уведомления, что вызывает вопросы о целесообразности и пропорциональности таких действий в контексте защиты персональных данных.

Отметим, что защита биометрических данных остаётся относительно новой и недостаточно исследованной областью, что создаёт риски злоупотреблений и манипуляций с конфиденциальной информацией. Недостаточная теоретическая и практическая проработка отдельных аспектов её защиты создаёт предпосылки для поиска и применения способов обхода существующих механизмов безопасности. Это обстоятельство повышает криминогенные риски в сфере использования автоматизированных идентификационных систем. Так, современная практика свидетельствует о том, что злоумышленники используют технические ограничения АИПС для снижения вероятности распознавания личности. В частности, модификация визуального образа может достигаться за счёт грима, имитации шрамов, применения маскирующих элементов одежды и головных уборов, а также использования очков с затемнёнными, зеркальными либо нестандартной формы линзами. Названные приёмы направлены на искажение ключевых антропометрических признаков, лежащих в основе алгоритмов распознавания [7].

В подобных ситуациях визуальный облик лица трансформируется таким образом, что алгоритмы распознавания либо не фиксируют совпа-

дений, либо формируют результаты с низкой степенью достоверности. Это существенно снижает доказательственную ценность полученных данных в рамках уголовного судопроизводства. Практика свидетельствует, что наличие видеозаписи само по себе не гарантирует установления личности, если параметры изображения не позволяют провести надёжное биометрическое сопоставление. При этом в отдельных случаях установлено, что даже при фиксации подозреваемых средствами видеонаблюдения их идентификация затруднена из-за лимитированности используемых технологий. Тем самым прослеживается объективная зависимость эффективности АИПС от качества исходного материала, алгоритмической точности и полноты базы сравнения.

В этой связи, несмотря на расширение практики применения АИПС и рост числа раскрытых преступлений с их использованием, потенциал этих систем реализуется неравномерно. Так, в Российской Федерации их вклад в общую статистику раскрываемости остаётся умеренным, тогда как в отдельных регионах, включая Москву и Московскую область, наблюдаются значительно более высокие показатели результативности, в виду наличия более развитой технической инфраструктуры и более масштабных баз данных. При этом данная сфера общественных отношений имеет ряд ограничений. Так, эффективность применения биометрических методов зависит от качества и количества предоставленных данных. Не всегда возможно получить достаточный объем образцов для обучения системы, особенно в случаях, когда речь идёт о редких или специфических характеристиках. Ограничения также проявляются и во влиянии культурных и этнических особенностей на результаты идентификации. Биометрические системы могут быть менее эффективными при работе с людьми из разных культур и этнических групп, так как их антропометрические черты могут отличаться от общепринятых стандартов.

Следует подчеркнуть, что эффективность применения биометрических методов распознавания существенно лимитируется использованием двумерных изображений. Плоский формат фиксации лица не позволяет в полной мере учитывать глубинные анатомические параметры, что может снижать точность сопоставления и увеличивать вероятность ошибок. В этой связи перспективным направлением развития габитологии выступает внедрение трёхмерного анализа лица, основанного на уникальности костной структуры черепа и пространственных пропорций лицевых элементов. Создание трёхмерной модели на основе светового или лазерного сканирования

позволяет учитывать глубину, объём и геометрию лица, а также минимизировать влияние внешних факторов — очков, головных уборов и иных маскирующих элементов. В результате обработки антропометрических данных формируется цифровой идентификатор, пригодный для инкорпорации в специализированные базы данных и дальнейшего автоматизированного сопоставления [1].

Технологии трёхмерной реконструкции открывают новые горизонты для криминалистической габитологии, однако их практическая имплементация сопряжена с рядом объективных трудностей. Формирование трёхмерного изображения лица требует сложного математического моделирования, высокоточного оборудования и специализированного программного обеспечения. Такой процесс является ресурсоёмким и требует участия квалифицированных специалистов в области информационных технологий и судебной экспертизы. Так, совершенствование методов трёхмерного анализа и постепенное снижение технологических издержек, по нашему мнению, способны существенно повысить достоверность идентификационных процедур и вывести габитологию на качественно новый уровень развития.

Отметим, что биометрия и криминалистика сталкиваются с проблемой конфиденциальности. Они связаны с возможностью хищения и несанкционированного использования биометрической информации. Злоумышленники могут получить доступ к личным данным, используя различные методы, в частности, такие как фишинг, социальная инженерия и взлом приложений и сервисов. Одним из основных рисков является кража биометрических данных: отпечатки пальцев, электронный образ радужной оболочки глаза или голоса. Эти данные могут быть использованы для создания поддельных идентификационных профилей или мошенничества с использованием чужих документов. Не способствует обеспечению биометрической безопасности и деятельность ряда крупных компаний, которые активно собирают и хранят большие объёмы биометрической информации, что периодически приводит как к утечке данных, так и нарушению конфиденциальности пользователей.

Таким образом, несмотря на то, что в России применение биометрических технологий, в том числе для распознавания лиц, распространено достаточно локально, в наиболее крупных городах (в частности, система «безопасный город» запущена в крупных городах, в частности в Москве, Краснодаре, Казани, Санкт-Петербурге), продолжающееся внедрение биометрических методов идентификации в различные аспекты жизнедеятельности человека отражает устойчи-

вую мировую тенденцию, имеющую ряд преимуществ по сравнению с другими способами идентификации личности.

Согласованное взаимодействие правоохранительных и правоприменительных структур направлено на поддержание публичного правопорядка и нейтрализацию угроз национальной безопасности. В сложившихся условиях интеграция передовых технологических решений обретает стратегический характер. Вместе с тем внедрение подобных инноваций предполагает не только их техническое совершенствование, но и формирование нормативной базы, а также неукоснительное соблюдение баланса между результативностью следственных действий и неприкосновенностью прав и свобод личности. Достижение такого баланса, по нашему мнению, является фундаментальным условием для легитимности и общественного признания идентификационных процедур.

Комплексный подход к проектированию и внедрению биометрических технологий, базирующийся на достижениях науки и цифровых инновациях, формирует облик современной парадигмы криминалистической идентификации. При обеспечении адекватного правового регулирования и реализации принципов информационной безопасности рассмотренные технологии способны качественно повысить оперативность расследования, оптимизировать доказательственную базу и внести существенный вклад в повышение общего уровня раскрываемости преступлений.

Список литературы:

- [1] Баканова Я.В. Некоторые аспекты применения биометрических технологий в криминалистике // Альманах молодого исследователя. 2020. № 9. С. 91-94.
- [2] Егоров, Н. Н. Криминалистика: учебник и практикум для вузов / Н. Н. Егоров, Е. П. Ищенко. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 617 с.
- [3] Жуков Н.М. Обоснованность использования биометрических данных в криминалистической науке: история вопроса и проблемы правовой защиты персональных данных // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 12. Ч. 4. С. 164-167.
- [4] Криминалистика: учебник для вузов / И. В. Александров. Москва : Издательство Юрайт, 2024. 409 с.
- [5] Международная декларация о генетических данных человека// Организация объединенных наций - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (дата обращения: 14.02.2026).
- [6] Новиков В.В. Перспективы развития информационной инфраструктуры органов внутренних дел // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 5. С. 72-77.
- [7] Писарев Д.Ю. Проблемы применения биометрических систем в раскрытии преступлений.: дис. канд. наук: 12.00.09 / Писарев Дмитрий Юрьевич. Краснодар, 2012. 20 с.
- [8] Письмо Минфина России № 03-01-11/52306 от 15.07.2019. – Электронный ресурс. – URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=186934&cacheid=2A80106DC9C4E1C66A4D5AC3135A3E5B&mode=splus&rnd=t8DYbQ#rBIEKBV8ydrdRKBa2> (дата обращения: 12.02.2026).
- [9] Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Российская газета. 2006. № 165. С изм. и допол. в ред. от 24.06.2025.

References:

- [1] Bakanova Y.V. Some aspects of the application of biometric technologies in forensics//Almanac of a young researcher. 2020. № 9. S. 91-94.
- [2] Egorov, N. N. Criminalistics: textbook and workshop for universities/N.N. Egorov, E.P. Ishchenko. Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. 617 pp.
- [3] Zhukov N.M. Validity of the use of biometric data in forensic science: the history of the issue and the problems of legal protection of personal data// International Research Journal. 2021. № 12. PART 4. S. 164-167.
- [4] Forensics: a textbook for universities/I.V. Alexandrov. Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. 409 pp.
- [5] International Declaration on Human Genetic Data//United Nations - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (Accessed: 14.02.2026).
- [6] Novikov V.V. Prospects for the development of the information infrastructure of the internal affairs bodies//Problems of economics and legal practice. 2009. № 5. S. 72-77.
- [7] Pisarev D.Yu. Problems of using biometric systems in solving crimes.: dis. cand. sciences: 12.00.09/Pisarev Dmitry Yuryevich. Krasnodar, 2012. 20 s.
- [8] Letter of the Ministry of Finance of Russia No. 03-01-11/52306 dated 15.07.2019. - Electronic resource. – URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=186934&cacheid=2A80106DC9C4E1C66A4D5AC3135A3E5B&mode=splus&rnd=t8DYbQ#rBIEKBV8ydrdRKBa2> (дата обращения: 12.02.2026).
- [9] Federal Law “On Personal Data” dated 27.07.2006 No. 152-FZ//Rossiyskaya Gazeta. 2006. № 165. Amended and supplemented as amended by 24.06.2025.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-799-804

МАЛЫШЕВ Дмитрий Андреевич,
Аспирант кафедры правового регулирования
экономической деятельности Юридического факультета
Федерального государственного образовательного
бюджетного учреждения высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации»,
e-mail: 259123@edu.fa.ru

Научный руководитель:
ЮЛОВА Екатерина Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
правового регулирования экономической деятельности
Юридического факультета Федерального государственного
образовательного бюджетного учреждения высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации»,
e-mail: katarina-dip@mail.ru

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕДИТОРОВ В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА, ТРЕБОВАНИЯ КОТОРЫХ ОБЕСПЕЧЕНЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ АРЕСТОМ

Аннотация. Правовое положение кредиторов, требования которых обеспечены залогом имущества должника или третьего лица достаточно подробно урегулировано действующим законодательством, чего нельзя сказать о положении кредиторов, требования которых урегулированы арестным залогом. Настоящее исследование посвящено вопросу регулирования правового положения в процедурах банкротства кредиторов, требования которых обеспечиваются арестом, наложенным в рамках рассмотрения гражданского иска в уголовном деле (уголовно-процессуальный арест). Целью исследования является выявление проблемных моментов в действующем правовом регулировании, а также предложение теоретических и практических рекомендаций по его совершенствованию. При проведении исследования применялись как общие, так и частные методы. Формально-юридический метод использовался для изучения действующих нормативно-правовых актов на предмет наличия в них положений, регулирующих правовое положение кредитора, по требованиям которого наложен арест в рамках уголовного дела, а также для выявления логических связей между ними. В результате проведения исследования сделаны выводы относительно имеющихся проблем в действующем правовом регулировании и предложены варианты их решения, в том числе предложения по внесению изменений в законодательное регулирование. В частности, приводится обоснование того, что сохранение ареста на имуществе должника в процедуре банкротства никак не влияет на защиту прав лиц, заявивших гражданский иск в уголовном деле, поскольку защита их имущественных интересов должна обеспечиваться в деле о банкротстве наравне с иными кредиторами должника.

Ключевые слова: залог, арестный залог, право арестного залога, процедура банкротства, конкурсное производство, очередность удовлетворения требований кредиторов.

MALYSHEV Dmitry Andreevich,
Postgraduate student in the Department
of Legal Regulation of Economic Activity
of the Faculty of Law of Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Professional Education «Financial University
under the Government of the Russian Federation»

Scientific supervisor:
JULOVA Ekaterina Sergeevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Department of Legal Regulation of Economic
Activity Faculty of Law Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Financial University
under the Government of the Russian Federation"

LEGAL STATUS OF CREDITORS IN BANKRUPTCY PROCEDURES, WHOSE CLAIMS ARE SECURED BY CRIMINAL PROCEDURAL ARREST

Annotation. *The legal status of creditors whose claims are secured by a pledge of the debtor's or a third party's property is regulated in sufficient detail by current legislation. This cannot be said of the status of creditors whose claims are regulated by a lien. This study examines the regulation of the legal status of creditors whose claims are secured by an arrest imposed during the consideration of a civil claim in a criminal case (criminal procedural arrest) in bankruptcy proceedings. The purpose of the study is to identify problematic issues in the current legal framework and to propose theoretical and practical recommendations for its improvement. Both general and specific methods were used in the study. The formal legal method was used to examine current regulatory acts for the presence of provisions regulating the legal status of a creditor whose claims have been arrested within the framework of a criminal case, as well as to identify logical connections between them. The study resulted in conclusions regarding existing problems in the current legal framework and proposed solutions, including proposals for legislative amendments. Specifically, it is argued that maintaining a lien on the debtor's property during bankruptcy proceedings does not affect the protection of the rights of persons filing a civil claim in a criminal case, as their property interests must be protected in bankruptcy proceedings on an equal basis with the debtor's other creditors.*

Key words: *pledge, arrest pledge, right of arrest pledge, bankruptcy procedure, bankruptcy proceedings, priority of satisfaction of creditors' claims.*

Современная нестабильная политико-экономическая ситуация обусловила значительное увеличение риска несостоятельности (банкротства) должников по обязательствам. В этой связи кредиторы вынуждены учитывать реальную угрозу полной потери предоставленных ими активов либо их возврата в объеме, не соответствующем размеру первоначального предоставления, в связи с инициированием в отношении должника процедуры банкротства и последующим распределением конкурсной массы пропорционально объему требований всех кредиторов, заявивших требования ко включению в реестр.

В условиях банкротства для кредитора приобретает исключительное значение очередность удовлетворения его требований в процедуре, равно как и определение состава имущества должника, включаемого в конкурсную массу и подлежащего реализации в ходе торгов, посредством чего обеспечивается направление полученных средств на погашение кредиторских требований.

В целях нивелирования неблагоприятных последствий введения в отношении должника процедур несостоятельности осмотрительный кредитор прибегает к использованию предусмотре-

нных гражданским законодательством способов обеспечения исполнения обязательств. Вместе с тем необходимо отметить, что эффективность отдельных способов обеспечения исполнения обязательств в условиях конкурсного производства существенно различается.

Не является новым тот факт, что залог выступает одним из наиболее эффективных способов для кредитора обеспечить возврат предоставленных должнику денежных средств. Положение кредитора, обеспеченного залогом, достаточно детально урегулировано действующим законом о банкротстве. По указанному вопросу также имеется множество разъяснений Верховного суда РФ, представлена обширная судебная практика.

В то же время законодательное регулирование касается ординарного залога, то есть залога, возникшего в силу соглашения должника и кредитора. Правовое же положение кредитора, в обеспечение исполнения требований которого наложен запрет на распоряжение имуществом должника (п.5 ст. 334 ГК РФ) действующим законом о банкротстве не урегулировано. Названное обстоятельство также справедливо и по отношению к требованиям кредиторов, которые обеспечива-

ются арестом, наложенным в ходе рассмотрения гражданского иска о возмещении вреда, причиненного преступлением (уголовно-процессуальный арест). По данному вопросу имеется разнобразная судебная практика и разъяснения Верховного суда РФ, что, однако, не решает все имеющиеся проблемы в правовом регулировании.

Целью данной статьи является разработка и обоснование предложений и научно-практических рекомендаций по совершенствованию правового регулирования положения кредиторов в деле о банкротстве, в интересах которых был наложен арест на имущество должника в рамках уголовного судопроизводства.

Задачами статьи являются: исследование правоприменительных подходов в регулировании данного вопроса, имевших место в течение последних 15 лет; выявление существующих проблем в правовом регулировании положения названных кредиторов; предложение возможных вариантов решения имеющейся проблемы.

При проведении исследования применялись как общие, так и частные методы. Формально-юридический метод использовался для изучения действующих нормативно-правовых актов на предмет наличия в них положений, регулирующих правовое положение кредитора, по требованиям которого наложен арест в рамках уголовного дела, а также для выявления логических связей между ними. Применение метода системного анализа позволило исследовать отдельные положения правоприменительных актов, в том числе постановлений Верховного и Конституционного судов РФ и выявить существующие связи и противоречия.

Итак, в процессе рассмотрения уголовного дела достаточно распространенной практикой является наложение ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления или иного лица, которое несет в соответствии с законом материальную ответственность за действия указанных лиц (ч.3 статьи 115 УПК РФ). В соответствии с этой нормой арест может быть наложен на имущество юридически не связанных с преступником лиц, в случае если, например, имеются подозрения, что их имущество приобретено на деньги, полученные в результате совершения преступления. Как отмечает А.В. Егоров, норма толкуется расширительно, в связи с чем на практике встречаются, например, аресты имущества, переданного в уставный капитал дочернего юридического лица [3, с. 207].

В отношении лиц, чье имущество находится под арестом, нередко вводятся процедуры, применяемые в делах о банкротстве. В этой связи актуальным является вопрос-какова правовая

природа требований кредиторов, обеспеченных арестом, наложенным в рамках рассмотрения гражданского иска в уголовном деле.

Следует отметить, что данная проблема в последнее время стала чаще подниматься в юридическом сообществе. В частности, Т.В. Шишмарева в статье отмечает, что для российской доктрины проблема реализации права арестного залога, возникающего в уголовно-процессуальной сфере, остается актуальной [5, С. 232].

Однако правовая неопределенность, имеющаяся в данном вопросе, существует относительно длительный период времени- свыше 15 лет. Попытки дать разъяснения по указанному вопросу предпринимались Конституционным судом РФ еще в 2011 году [6]. Тогда высший судебный орган конституционного контроля отметил, что «ч. 3 статьи 115 УПК РФ, абз. 9 п. 1 статьи 126 Закона о банкротстве не противоречат Конституции РФ, так как не предусматривают наложение ареста на имущество должника, находящегося в процедуре конкурсного производства, либо сохранение ранее наложенного в рамках уголовного судопроизводства ареста на имущество должника после введения данной процедуры».

Постановление Конституционного суда РФ не разрешило практических проблем, поскольку не имелось явного и недвусмысленного ответа на вопросы: какова правовая природа в процедуре банкротства требований, обеспеченных уголовно-процессуальным арестом, а также какова процедура его снятия.

Позиция Верховного Суда Российской Федерации по вопросу удовлетворения требований кредитора, в интересах которого применены обеспечительные меры в виде ареста имущества (не в рамках рассмотрения гражданского иска в уголовном деле), последовательно отражена в определениях [7] и обзорах судебной практики [8]. При этом ВС РФ исходит из того, что наложение ареста на имущество должника по требованию кредитора не влечет наделения последнего правами залогодержателя в процедуре банкротства. Согласно позиции суда, анализ статей 174.1 и п. 5 ст. 334 ГК РФ свидетельствует о том, что права залогодержателя предоставляются кредитору, в интересах которого произведено наложение ареста, исключительно в целях защиты от неправомерного отчуждения должником арестованного имущества третьим лицам.

Следует отметить, что подобный подход, последовательно развивающийся Верховным судом РФ, имеет немало критиков. В частности, последовательным сторонником предоставления приоритетного порядка удовлетворения требований в процедуре банкротства кредиторам, требо-

вания которых обеспечиваются арестным залогом, является Р.С. Бевзенко. Он отмечает, что право должно поощрять активных кредиторов, в том числе и тех, которые своевременно обратились в суд и смогли наложить арест на имущество должника [1, 2]. Не вдаваясь подробно аргументы сторонников и противников приоритета требований, обеспеченных арестным залогом, следует констатировать, что правоприменительный подход в РФ остается неизменным (при этом арест, наложенный по требованиям налогового органа, не является предметом рассмотрения настоящей статьи).

Вопрос юридической судьбы требований кредитора, обеспеченного уголовно-процессуальным арестом, в процедуре банкротства вновь был поднят в 2024 году при рассмотрении дела о банкротстве Сметанина О.В. В Определении СКЭС ВС РФ № 302-ЭС23-10298 от 24.10.2024 делается ряд важных выводов, которые, как казалось, должны стать отправной точкой для дальнейшего развития судебной практики. В Частности, коллегия указала, что «Именно в компетенции арбитражных судов находится решение вопроса о составе конкурсной массы и порядке ее распределения».

Дополнительно было подчеркнуто, что «Кредиторы, которым причинен вред преступлением являются обычными кредиторами третьей очереди. Их права особым образом не выделяются. Также было отмечено, что наличие обеспечительных мер не является препятствием для проведения мероприятий конкурсного производства, а сама необходимость в дальнейшем сохранении мер отсутствует».

Следует отметить, что данная позиция Верховного суда была положительно воспринята юридическим сообществом, а в особенности арбитражными управляющими, поскольку давала надежду на скорое решение проблемы, связанной с невозможностью осуществлять мероприятия конкурсного производства при наличии на имуществе должника ареста, наложенного при рассмотрении уголовного дела. Несмотря на то, что в судебном акте порядок снятия арестов прямо определен не был, идеи, высказанные в нем, имели важный практический смысл.

Далее, сразу же три дела со схожей проблематикой оказались на рассмотрении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ. В деле № А41-3910/2019 о банкротстве закрытого акционерного общества «Гема-Инвест» конкурсный управляющий должника обратился с заявлением об обязании Росреестра погасить в реестре недвижимости записи об аресте имущества, наложенном в рамках уголовного дела. Арбитражный суд отказал в удовлетворении,

исходя из невозможности снятия ареста, наложенного в рамках производства по уголовному делу.

В деле А40-8730/2024 после признания ООО «Мир дорог» банкротом конкурсный управляющий общества потребовал закрытия счета и перечисления остатка средств. Банк отказал, ссылаясь на постановление следователя об аресте денежных средств для обеспечения приговора. Суды отказали в иске, указав на отсутствие полномочий банка отменять уголовный арест. Истец же ссылался на то, что это позволяет банку удерживать средства неограниченное время, препятствуя формированию конкурсной массы.

В деле № А47-13142/2015 о банкротстве физического лица Чуриловой Аллы Николаевны рассматривался спор о порядке погашения уголовного штрафа в размере 950 000 рублей, установленного приговором суда.

Производство по всем трем делам приостанавливалось с целью направления запроса в Конституционный суд РФ. Однако, не дожидаясь постановления Конституционного суда РФ, судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ возобновила производства по указанным делам, отказав в удовлетворении кассационных жалоб, переданных на рассмотрение. Позиция суда свелась к тому, что введение в отношении должника процедуры конкурсного производства не ведет к снятию ареста, наложенного в порядке ст. 115 УПК РФ. Таким образом, суд не сделал тех выводов, которые ожидалось юридическим сообществом, и, что является основным, не предложил никакого решения имеющихся практических проблем.

17 декабря 2025 г. Конституционный суд вынес Постановление (№ 46-П) по запросу, направленному Верховным судом РФ. В нем подтверждается ранее высказанная Верховным судом РФ позиция, о том, что кредитор, по чьим требованиям разрешен гражданский иск, заявленный в уголовном деле, получает удовлетворение своих требований наравне с иными кредиторами в деле о банкротстве, то есть его положение равносильно положению кредитора первой, второй или третьей очереди. Конституционный суд предлагает временный порядок разрешения споров, связанных со снятием ареста.

Во-первых, в очередной раз подчеркнуто, что вопрос снятия ареста должен разрешаться тем судом, в производстве которого находится уголовное дело. Следует отметить, что подобная точка зрения разделяется и представителями юридической науки. Так, например, И.М. Шевченко указывает на необходимость разрешения вопроса о судьбе арестованного имущества в рамках уголовного судопроизводства, поскольку

процедура несостоятельности построена преимущественно на принципе равенства кредиторов и не предусматривает специальных механизмов для учета особенностей имущества, связанного с преступной деятельностью [4].

Конституционный суд отмечает, что требование гражданского истца в уголовном деле должно быть включено в реестр требований кредиторов в деле о банкротстве. Заявление о включении может подать арбитражный управляющий или любой конкурсный кредитор.

Кроме того, указывается, что суд, рассматривающий уголовное дело, может сохранить арест на часть имущества должника для обеспечения требования гражданского истца. В случае, если выделение части имущества для сохранения ареста невозможно, он подлежит снятию. При этом на арбитражного управляющего накладывается обязательство перечислить на депозит суда денежную сумму (часть выручки от реализации арестованного имущества). Дополнительно отмечается право арбитражного суда приостановить производство по делу о банкротстве до момента вступления приговора в законную силу.

Конституционный суд пытается найти баланс и защитить интересы как кредиторов в процедуре банкротства, так и потерпевших по уголовному делу. При этом возникает ряд вопросов. Так, в Постановлении указывается, что в соответствии с действующим регулированием требования гражданского истца (потерпевшего по уголовному делу) в рамках дела о банкротстве могут быть отнесены как к первой, так и к второй или третьей очереди, что может в случае снятия ареста привести к утрате возможности получить возмещение для такого лица.

Однако, возникает вопрос, что служит препятствием для снятия ареста в уголовном деле, если гражданский истец включен в деле о банкротстве в реестр требований кредиторов. В подобной ситуации такое лицо, особый статус которого не признается действующим регулированием (оно является таким же кредитором, как и конкурсный кредитор в деле о банкротстве), может претендовать на часть выручки от реализации арестованного имущества пропорционально размеру своего требования и в зависимости от требований иных кредиторов должника.

В рассматриваемом случае не усматривается необходимости в перечислении денежных средств на депозит суда с целью их резервирования. Выручка, поступившая в конкурсную массу, должна быть пропорционально распределена между всеми кредиторами, требования которых включены в реестр (в том числе и лицу, заявившему гражданский иск в уголовном деле). Если

потерпевшему по уголовному делу причинен вред жизни и здоровью, он будет включен в деле о банкротстве в первую очередь реестра требований кредиторов, что обеспечит защиту его интересов.

Если же гражданский иск не рассмотрен по существу на момент реализации имущества, с которого снят арест, ничто не мешает арбитражному управляющему не распределять денежные средства до момента его рассмотрения. Конкурсный управляющий может, например, обратиться с заявлением в арбитражный суд о наложении обеспечительных мер на распределение денежных средств до момента рассмотрения гражданского иска в уголовном деле. Таким образом, интересы потерпевших по уголовному делу никак не пострадают, а их требования будут пропорционально удовлетворены в порядке, установленном законом о банкротстве. Погашение реестра требований кредиторов начнется только после того, как все требования будут установлены.

Таким образом, с нашей точки зрения, введение процедуры конкурсного производства в отношении должника должно приводить к снятию арестов с его имущества, в том числе и наложенных в рамках уголовного судопроизводства. Интересы кредиторов, потерпевших по уголовному делу не будут нарушены.

На текущий же момент имеется проблема, связанная с тем, что введение процедуры банкротства в отношении лица, на чье имущество наложен арест в рамках уголовного дела, не ведет к снятию этого ареста. Имущество не может быть реализовано на торгах, что фактически лишает процедуру конкурсного производства какого-либо экономического смысла. Текущее же регулирование не решает всех имеющихся вопросов.

С нашей точки зрения, наиболее подходящим вариантом является внесение законодательных изменений, предусматривающих процедуру снятия ареста с имущества должника при введении в отношении него процедуры конкурсного производства. Защита же прав кредитора, предъявившего гражданский иск в уголовном деле, осуществляется путем включения данного требования в реестр требований кредиторов в деле о банкротстве в соответствующую очередность.

Список литературы:

- [1] Бевзенко Р.С. Залог из ареста // Журнал РШЧП. 2020. №2.
- [2] Бевзенко Р.С. Понятие и возникновение права залога // Закон. 2016. № 3.
- [3] Егоров А. В. Имущественные аресты в уголовном деле: правовая природа и регулирование // Журнал РШЧП. 2020. №2/ март-апрель.

[4] Шевченко И. М. О судьбе уголовно-процессуального ареста в конкурсном производстве// Российский судья. 2020. №12. //Доступ через систему «КонсультантПлюс».

[5] Шишмарева Т.П. Арестный залог как процессуальная обеспечительная мера в процедурах несостоятельности в России и Германии // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. №2.

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 N 1-П // СПС «КонсультантПлюс»

[7] См. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.02.2017 N 301-ЭС16-16279 по делу N А11-9381/2015.

[8] См. п.4 Обзора судебной практики по спорам об установлении требований залогодержателей при банкротстве залогодателей, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.12.2022.

References:

[1] Bevzenko R.S. Bail from arrest//RSHChP magazine. 2020. №2.

[2] Bevzenko R.S. The concept and origin of the right of pledge//Law. 2016. № 3.

[3] Egorov A.V. Property arrests in a criminal case: legal nature and regulation//RSHChP Journal. 2020. # 2/March-April.

[4] Shevchenko I. M. On the fate of the criminal procedure arrest in bankruptcy proceedings//Russian judge. 2020. No. 12. //Access through the ConsultantPlus system.

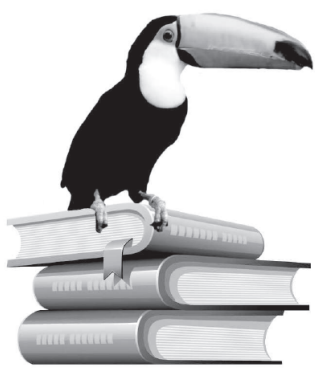
[5] Shishmareva T.P. Arrest bail as a procedural interim measure in insolvency proceedings in Russia and Germany//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2025. №2.

[6] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 31.01.2011 N 1-P//SPS "ConsultantPlus"

[7] See Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.02.2017 No. 301-EC16-16279 in case No. A11-9381/2015.

[8] See Section 4 of the Review of Judicial Practice on Disputes on the Establishment of Claims of Pledges in Bankruptcy of Pledgers, approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 21.12.2022.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-805-811

НОХРИН Михаил Юрьевич,
кандидат педагогических наук,
начальник кафедры огневой и физической подготовки
ФКОУ ВО Пермского института ФСИИ России,
доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

КАЗНАЧЕЕВ Валерий Александрович,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры физической, огневой и
тактико-специальной подготовки
Самарского юридического института ФСИИ России,
e-mail: mail@law-books.ru

МИХАЙЛОВА Наталья Викторовна,
научный сотрудник отделения организационно-
научной и редакционно-издательской деятельности
Псковского филиала Университета ФСИИ России,
e-mail: mail@law-books.ru

АЛЕКСЕЕВ Кирилл Александрович,
юрисконсульт, нотариальная контора,
нотариуса нотариального округа
Санкт-Петербурга Кечик Натальи Петровны,
e-mail: mail@law-books.ru

ВОРОБЬЕВ Юрий Алексеевич,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского и иностранных языков
Академии ФСИИ России г. Рязань,
e-mail: mail@law-books.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЖИЛИЩНЫХ ГАРАНТИЙ ДЛЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

Аннотация. Обеспечение жилищных гарантий для сотрудников уголовно-исполнительной системы является важным аспектом государственной политики в сфере социальной защиты работников правоохранительных органов. Надежное и доступное жильё способствует повышению социальной стабильности, укреплению мотивации и профессиональной лояльности сотрудников, что напрямую влияет на эффективность исполнения ими служебных обязанностей. В современных условиях правовое регулирование жилищных вопросов требует системного подхода с учётом специфики службы в уголовно-исполнительной системе.

В статье рассматриваются ключевые правовые аспекты предоставления жилищных гарантий сотрудникам данной категории, включая нормативные акты, регулирующие порядок обеспечения жильём, а также механизмы реализации этих гарантий на практике. Особое внимание уделяется анализу существующих проблем и предложений по совершенствованию законодательства, направленных на повышение качества жизни и социального благополучия сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, правоохранительные органы, жилищные гарантии сотрудников УИС, практика реализации жилья.

NOHRIN Mikhail Yuryevich,
Candidate of Pedagogical Sciences
Head of the Department of Firearms and Physical Training
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Associate Professor

KAZNACHEEV Valery Aleksandrovich,
Candidate of Psychological Sciences
Associate Professor of the Department of Physical,
Firearms, and Tactical-Special Training
Samara Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

MIKHAILOVA Natalya Viktorovna,
Researcher, Department of Organizational,
Scientific, and Editorial-Publishing Activities
Pskov Branch of the University
of the Federal Penitentiary Service of Russia

ALEKSEEV Kirill Alexandrovich,
legal consultant, notary office, notary of the notarial district
of St. Petersburg Kechik Natalia Petrovna

VOROBIEV Yuri Alekseevich,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Russian and Foreign Languages
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan

ENSURING HOUSING GUARANTEES FOR EMPLOYEES OF THE CRIMINAL SYSTEM: LEGAL ASPECTS AND PRACTICAL IMPLEMENTATION

Annotation. *Providing housing guarantees for penal system employees is an important aspect of state policy in the area of social protection for law enforcement personnel. Reliable and affordable housing promotes social stability and strengthens employee motivation and professional loyalty, which directly impacts their performance. In today's environment, legal regulation of housing issues requires a systematic approach, taking into account the specifics of service in the penal system.*

This article examines key legal aspects of providing housing guarantees to employees in this category, including regulations governing the procedure for providing housing, as well as mechanisms for implementing these guarantees in practice. Particular attention is given to the analysis of existing problems and proposals for improving legislation aimed at improving the quality of life and social well-being of penal system employees.

Key words: *penal system, law enforcement agencies, housing guarantees for penal system employees, housing sales practices.*

Обеспечение жилищных гарантий для сотрудников уголовно-исполнительной системы является одной из ключевых задач государственной политики в области социальной поддержки работников силовых структур. Жилище для таких сотрудников выступает не просто элементом материального благосостояния, но и важным фактором стабильности и надежности, что напрямую влияет на эффективность выполнения ими своих профессиональных

обязанностей. Введение в правовое поле норм, регулирующих жилищные гарантии, позволяет не только улучшить социально-бытовые условия представителей уголовно-исполнительной системы, но и повысить их мотивацию и чувство защищенности [1, С. 420-423].

Особый характер службы в уголовно-исполнительной системе обусловлен высокой степенью ответственности, связанностью с режимными условиями и специфическими рисками. Эффек-

тивная работа сотрудников зависит от их психологического состояния, а наличие надежного жилья способствует снижению уровня стресса, формированию чувства уверенности в завтрашнем дне. Социальные гарантии, включая предоставление жилых помещений или помощь в приобретении жилья, воспринимаются как знак внимания государства, что способствует формированию лояльности и повышению организационной устойчивости системы в целом.

Значение жилищных гарантий приобретает особую остроту ввиду дефицита жилого фонда и высоких цен на жилье в городах, где расположены исправительные учреждения. Многие сотрудники сталкиваются с хроническими трудностями, связанными с получением собственного жилья, что вынуждает их арендовать квартиры на рынке, нередко в удаленных от места службы районах. Это создает дополнительные проблемы, связанные с транспортной доступностью, временем на дорогу и, как следствие, влияет на качество и эффективность труда. Предоставление жильем или субсидий на его приобретение значительно сокращает подобные негативные явления, улучшая жизненные условия и создавая предпосылки для сосредоточенности на служебных обязанностях.

Правовое обеспечение жилищных гарантий для сотрудников уголовно-исполнительной системы оформлено как совокупность нормативных актов федерального и регионального уровня, регулирующих порядок и условия предоставления жилья, а также меры поддержки при приобретении жилой недвижимости. Эти меры включают выделение служебных помещений, предоставление жилищных сертификатов, субсидий на оплату первоначального взноса по ипотеке и компенсаций части расходов на жилье. Законодательная база направлена на создание комплексного механизма, позволяющего максимально полно удовлетворить потребности служащих в жилищных условиях и обеспечить социальную стабильность внутри системы.

Практическая реализация жилищных гарантий связана с целым комплексом вопросов: от формирования достаточного жилого фонда и его технического состояния до механизмов распределения и учета очередности заявок. Важную роль играют координация между различными ведомствами, прозрачность процедур и доступность информации для сотрудников. Не менее важным является контроль за соблюдением установленных норм с целью предотвращения злоупотреблений и коррупционных рисков, что повышает доверие к государственной системе поддержки.

Текущие вызовы включают необходимость регулярного обновления нормативно-правовой

базы с учетом изменения экономических условий, демографической ситуации и специфики работы уголовно-исполнительной системы. Существуют также проблемы, связанные с дефицитом служебных жилых помещений и ограничениями бюджетного финансирования. Для их решения разрабатываются новые подходы, включающие государственно-частное партнерство, льготное ипотечное кредитование и внедрение цифровых технологий для оптимизации процесса управления жилищным фондом [2, С. 3-10].

Таким образом, жилищные гарантии представляют собой важный элемент социальной политики, направленной на поддержку сотрудников уголовно-исполнительной системы. Они обеспечивают не только материальную поддержку, но и формируют условия для стабильной и эффективной службы, что в конечном итоге способствует укреплению безопасности и правопорядка в обществе. Введение и совершенствование жилищных гарантий требует комплексного подхода, объединяющего правовое регулирование, эффективное управление ресурсами и учитывающего реальные потребности работников системы.

Законодательная база жилищного обеспечения сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) представляет собой комплекс нормативно-правовых актов, регулирующих порядок предоставления жилых помещений, условия и гарантии обеспечения жильем работников данной системы. Она направлена на создание устойчивой правовой основы, обеспечивающей социальную защиту и повышение уровня жизни сотрудников УИС, что, в свою очередь, способствует стабильности и эффективности исполнения ими служебных обязанностей.

Основными законодательными документами, регулирующие жилищное обеспечение сотрудников УИС в Российской Федерации:

Федеральный закон от 30.12.2012 № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» сотрудники, имеющие общую продолжительность службы в учреждениях и органах не менее 10 лет в календарном исчислении, получили право на единовременную социальную выплату один раз за весь период государственной службы, в том числе в учреждениях и органах. Кроме того, для регулирования жилищного обеспечения сотрудников УИС важное значение имеет постановление Правительства Российской Федерации от 22 сентября 2008 г. № 696 «Об утверждении Правил предоставления служебных жилых помещений сотрудникам государственных органов исполнительной власти», где описываются критерии учета очеред-

ности, порядок и условия предоставления жилых помещений, а также обязанности сторон по содержанию и использованию служебного жилья;

Федеральный закон от 28.02.2025 N 21-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

Законом в числе прочего уточняются условия сохранения права на получение единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения; предусматривается возможность предоставления сотруднику, уволенному со службы, в собственность жилого помещения, приобретенного (построенного) за счет бюджетных ассигнований; уточняется порядок предоставления жилого помещения жилищного фонда РФ по договору социального найма.

Так, например, установлено, что право на единовременную социальную выплату сохраняется в случае расторжения контракта и увольнения по определенным в законе основаниям, в том числе по состоянию здоровья или в случае сокращения должности.

Право на выплату, а также на получение жилого помещения в собственность не сохраняется за гражданином, совершившим преступление средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое преступление, при наличии судимости за их совершение, в том числе снятой или погашенной [3, С. 102-104]

Установлены обстоятельства, при которых уволенный со службы гражданин не подлежит выселению из жилого помещения специализированного жилищного фонда без предоставления другого жилого помещения или единовременной социальной выплаты.

Также следует отметить положения Жилищного кодекса Российской Федерации (Глава 8), в которых определены общие правила найма жилых помещений и особенности социальных гарантий по жилью для государственных служащих. В частности, Жилищный кодекс вводит понятие социального найма, регулирует права нанимателей и наймодателей, а также определяет порядок предоставления жилых помещений гражданам, нуждающимся в улучшении жилищных условий.

Отдельное внимание уделяется вопросам финансирования жилищного обеспечения. В этой части законодательство сосредоточено на бюджетных нормативных актах, регламентирующих выделение средств из федерального и региональных бюджетов на приобретение, строительство и ремонт жилых помещений для сотрудников УИС.

Нормативные акты Минфина РФ определяют механизмы контроля и отчетности по использованию средств, что повышает прозрачность и эффективность расходов.

Обеспечение жилищных гарантий для сотрудников УИС также регулируется локальными нормативными актами на уровне субъектов Российской Федерации, которые могут устанавливать дополнительные льготы и социальные программы в рамках региональной политики. Такие региональные законы, в сочетании с федеральными нормативами, создают комплексную систему правовых гарантий [4, С. 30-45].

Таким образом, правовая база жилищного обеспечения сотрудников УИС представляет многоуровневую систему, включающую федеральные законы, подзаконные акты, ведомственные инструкции и региональные нормативы. Эта система направлена на закрепление за сотрудниками права на жилье, определение порядка и условий его предоставления, а также обеспечение контроля за соблюдением этих гарантий на всех уровнях государственной службы. Эффективность реализации данных норм зависит от согласованности законодательных положений, четкости процедур и реального финансирования жилищных программ, что создает основу для стабильной социальной поддержки работников уголовно-исполнительной системы.

Реализация жилищных гарантий для сотрудников уголовно-исполнительной системы сопряжена с рядом практических проблем, которые существенно препятствуют эффективному выполнению установленных законодательных норм. Эти препятствия касаются как организационно-правовых, так и финансово-технических аспектов, что требует комплексного подхода к их выявлению и устранению.

Одной из ключевых трудностей является недостаточное финансирование жилищных программ, предусмотренных для сотрудников уголовно-исполнительной системы. Несмотря на существование нормативных правовых актов, гарантирующих предоставление жилья, дефицит бюджетных средств приводит к задержкам в исполнении обязательств, ограничению числа получателей и снижению качества предоставляемого жилья. Это, в свою очередь, подрывает доверие работников к государству и негативно сказывается на социальной стабильности в системе исполнения наказаний.

Важным препятствием выступает также сложность бюрократических процедур, сопровождающих получение жилищных гарантий. Многоуровневая система согласований, необходимость сбора большого объема документов, длительные

сроки рассмотрения заявлений превращают процесс в психологически и временно затратный для сотрудников. Такая ситуация требует совершенствования административных процессов: внедрения цифровых сервисов, сокращения бумажного документооборота и повышения прозрачности процедур.

Отдельной проблемой является нехватка специализированного жилого фонда, соответствующего требованиям сотрудников уголовно-исполнительной системы. Часто предоставляемые жилые помещения находятся в неудовлетворительном техническом состоянии, расположены в отдаленных районах или не отвечают необходимым нормам безопасности, что снижает их привлекательность и функциональность. Решение этой задачи требует активного сотрудничества с органами местного самоуправления и инвесторами для создания и обновления специализированного жилого фонда [5, С. 1116-1119]

Не менее значимым препятствием является правовая неопределенность в вопросах определения очередности и приоритетности предоставления жилья. В различных регионах действуют неоднородные критерии и стандарты, что порождает конфликты и недовольство среди сотрудников. Усиление унификации правовых норм на федеральном уровне и создание прозрачных механизмов распределения жилых помещений способствуют минимизации социальных конфликтов и улучшению условий реализации жилищных гарантий.

Для преодоления указанных проблем необходим комплексный подход, включающий как законодательные, так и административные меры. На законодательном уровне целесообразно усилить финансовую поддержку программ обеспечения жильем за счет увеличения бюджетных ассигнований и привлечения софинансирования из внебюджетных источников. В административной практике важно внедрять электронные платформы, облегчающие подачу заявок и мониторинг их статуса, что повысит оперативность и прозрачность процесса.

Кроме того, привлечение частных инвесторов и развитие государственно-частного партнерства могут существенно расширить возможности по строительству и модернизации специализированного жилого фонда. Важным инструментом является также проведение регулярной инвентаризации жилой недвижимости и ее технического состояния, что позволит своевременно планировать ремонтные работы и предотвращать ухудшение жилищных условий.

Нельзя обходить вниманием и вопросы просвещения сотрудников уголовно-исполнительной системы относительно их жилищных прав и воз-

можностей. Организация регулярных информационных кампаний и консультаций способствует снижению правовой неграмотности и формированию правовой культуры, что положительно влияет на восприятие жилищных гарантий как важной социальной поддержки.

В заключение, решение практических проблем в реализации жилищных гарантий требует системного взаимодействия между законодательными органами, исполнительными структурами, местным самоуправлением и самими сотрудниками уголовно-исполнительной системы. Лишь комплексный и согласованный подход позволит создать устойчивую, прозрачную и результативную систему обеспечения жильем, соответствующую требованиям современного законодательства и социальным ожиданиям работников.

Перспективы развития жилищного обеспечения сотрудников уголовно-исполнительной системы представляют собой актуальное направление государственной политики, направленное на повышение социальной защищенности и стабильности работников одной из ключевых сфер правопорядка. В современных условиях трансформации нормативно-правовой базы и экономических механизмов, обеспечивающих жилищные гарантии, наблюдается значительный интерес к поиску новых подходов и инструментов, способных повысить эффективность и доступность жилищных программ.

Одним из важных факторов, влияющих на перспективы развития жилищного обеспечения, является совершенствование законодательства. В частности, обсуждаются возможности расширения категорий сотрудников, имеющих право на льготные жилищные условия, а также уточнение и дополнение существующих норм с целью устранения правовых пробелов и повышения прозрачности процедур получения жилплощади. Законодательные инициативы могут касаться усиления гарантий защиты прав сотрудников при предоставлении жилья, а также внедрения механизмов контроля за качеством и своевременностью исполнения обязательств со стороны государственных органов.

С точки зрения практической реализации, перспективным направлением выступает интеграция жилищного обеспечения с государственными программами поддержки в сфере строительства и развития инфраструктуры. Это позволит создавать специализированные жилые комплексы, учитывающие профессиональные особенности и потребности сотрудников уголовно-исполнительной системы. Развитие таких проектов будет способствовать не только улучшению жилищных условий, но и формированию благоприятной социальной среды, что положительно скажется на

морально-психологическом состоянии персонала и общей эффективности работы системы исполнения наказаний.

Особое внимание уделяется внедрению современных финансовых инструментов, таких как ипотечное кредитование по сниженным ставкам, субсидирование первоначального взноса и предоставление жилищных сертификатов. Использование данных механизмов позволит снизить барьеры для сотрудников, стремящихся улучшить свои жилищные условия, и повысит доступность качественного жилья. Кроме того, цифровизация процессов оформления и распределения жилья способствует сокращению бюрократических процедур и минимизации коррупционных рисков, что является ключевым аспектом в сфере государственного управления.

Не менее значимой перспективой является развитие системы накопительно-ипотечного кредитования и стимулирование участия сотрудников в формировании собственного жилищного капитала. Такие модели, хорошо зарекомендовавшие себя в других секторах общественной службы, могут быть адаптированы с учетом специфики работы уголовно-исполнительной системы. Это позволит создать долгосрочные механизмы поддержки и повысить мотивацию сотрудников к продолжительной службе.

Важным элементом системы жилищных гарантий становится межведомственное взаимодействие, направленное на координацию усилий, Минюста, Министерства строительства и региональных администраций. Совместные программы и проекты обеспечат более скоординированное и эффективное распределение ресурсов, а также позволят учитывать региональные особенности и потребности, что повысит качество предоставляемых услуг и удовлетворенность работников.

Наконец, перспективы развития жилищного обеспечения предусматривают активное включение общественных организаций сотрудников уголовно-исполнительной системы в процессы контроля, мониторинга и выработки рекомендаций по улучшению условий. Это способствует формированию обратной связи и учету реальных проблем и ожиданий персонала при формировании государственной политики.

Таким образом, перспективы развития жилищного обеспечения сотрудников уголовно-исполнительной системы основываются на комплексном подходе, включающем совершенствование правовой базы, модернизацию финансовых инструментов, создание специализированной инфраструктуры и повышение прозрачности процессов. Реализация данных направлений позволит существенно повысить уровень соци-

альной защиты и создать устойчивую систему жилищных гарантий, что является важным фактором укрепления кадрового потенциала и обеспечения эффективной деятельности уголовно-исполнительной системы.

Список литературы:

[1] Кириллова, Т. К. Субсидии и льготы для сотрудников ФСИН России как механизм укрепления профессиональной правовой культуры / Т. К. Кириллова // Образование и право. – 2025. – № 12. – С. 420-426. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-12-420-426. – EDN NUXJGW.

[2] Химеденова, Д. Н. Актуальные проблемы и перспективы развития социального обеспечения сотрудников уголовно-исполнительной системы и членов их семей / Д. Н. Химеденова, С. А. Соколова // Полицейская и следственная деятельность. – 2025. – № 4. – С. 1-15. – DOI 10.25136/2409-7810.2025.4.73977. – EDN SLPZAY.

[3] Миронов, А. В. Социальная защита сотрудников уголовно-исполнительной системы: Учебное пособие / А. В. Миронов, М. М. Попович. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – 131 с. – ISBN 978-5-94991-502-8. – EDN VRISDE.

[4] Социально-правовые гарантии и меры социальной защиты сотрудников ФСИН России: Сборник материалов Межвузовского научно-практического семинара, Псков, 09 декабря 2022 года. – Псков: Псковский филиал федерального казенного образовательного учреждения высшего образования Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. – 50 с. – ISBN 978-5-91748-082-4. – EDN DHXFQR.

[5] Смусенок, А. В. Проблемы административно-правового регулирования предоставления социальных гарантий сотрудникам уголовно-исполнительной системы / А. В. Смусенок // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний, Рязань, 17–18 ноября 2022 года. Том 2. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 1116-1119. – EDN UJGZBG.

References:

[1] Kirillova, T. K. Subsidies and benefits for employees of the Federal Penitentiary Service of Russia as a mechanism for strengthening profes-

sional legal culture/T. K. Kirillova//Education and law. – 2025. – № 12. – S. 420-426. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-12-420-426. – EDN NUXJGW.

[2] Khimedenova, D. N. Actual problems and prospects for the development of social security for employees of the penitentiary system and members of their families/D. N. Khimedenova, S. A. Sokolova//Police and investigative activities. – 2025. – № 4. – S. 1-15. – DOI 10.25136/2409-7810.2025.4.73977. – EDN SLPZAY.

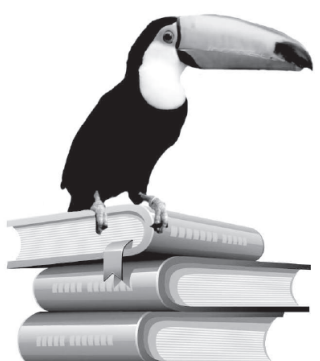
[3] Mironov, A. V. Social protection of employees of the penitentiary system: Textbook/A. V. Mironov, M. M. Popovich. - Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, 2019. - 131 p. - ISBN 978-5-94991-502-8. – EDN VRISDE.

[4] Social and legal guarantees and social protection measures for employees of the Federal Penitentiary Service of Russia: Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Seminar,

Pskov, December 09, 2022. - Pskov: Pskov branch of the federal state educational institution of higher education Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2023. - 50 p. - ISBN 978-5-91748-082-4. – EDN DHXFQR.

[5] Smusenok, A.V. Problems of administrative and legal regulation of the provision of social guarantees to employees of the penal system/A.V. Smusenok//The penal system at the present stage, taking into account the implementation of the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation for the period up to 2030: Collection of abstracts and reports of participants in the International Scientific and Practical Conference on the Problems of the Execution of Criminal Sentences, Ryazan, November 17-18, 2022. Volume 2. - Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2022. - S. 1116-1119. – EDN UJGZBG.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-812-819

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор 25 кафедры (военной администрации,
административного и финансового права)
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
e-mail: viktor_shestak@mail.ru

ЧАЙНИКОВА Анастасия Олеговна,
курсант 3-го курса,
факультет подготовки следователей,
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
e-mail: mail@law-books.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА САНКЦИЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, УСТАНОВЛИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОМБАТАНТОВ, ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ГОСУДАРСТВ - ЧЛЕНОВ ОДКБ

Аннотация. Вопросы уголовной ответственности комбатантов приобретают особую значимость в условиях военно-политической интеграции государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности. Актуальность исследования обусловлена формированием ими единого правового пространства. Проблематика заключается, в том числе и в отсутствии единых стандартов установления наказания за военные преступления в санкциях соответствующих норм уголовных законов шести государств, которые, имплементируя нормы международного гуманитарного права, демонстрируют существенные диспропорции, что нарушает принцип справедливости и создает риски искусственного изменения подследственности при определении юрисдикции. Авторы вводят в оборот верифицированный массив данных о санкциях за военные преступления комбатантов, предусмотренных уголовными кодексами Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Армения, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан, а также приходят к выводу о целесообразности применения комбинированной (смешанной) модели гармонизации уголовного законодательства государств – членов ОДКБ.

Ключевые слова: ОДКБ, комбатант, военные преступления, санкция нормы, гармонизация, уголовный закон.

SHESTAK V.A.,
Professor of the 25th Department
(Military Administration, administrative and financial law)
of the Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Doctor of Juridical Science, Moscow

CHAIKNIKOVA A.O.,
3rd year cadet,
Faculty of Investigator Training,
A. Ya. Sukharev Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation

COMPARATIVE LEGAL CHARACTERISTICS OF THE SANCTIONS OF THE CRIMINAL LAW NORMS ESTABLISHING RESPONSIBILITY FOR THE WAR CRIMES OF COMBATANTS, ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE CSTO MEMBER STATES

Annotation. *The issues of criminal liability of combatants are becoming particularly important in the context of the military-political integration of the member States of the Collective Security Treaty Organization. The relevance of the research is due to their formation of a unified legal space. The problem lies, among other things, in the absence of uniform standards for punishing war crimes in the sanctions of the relevant norms of the criminal laws of the six States, which, while implementing the norms of international humanitarian law, demonstrate significant imbalances, which violates the principle of justice and creates risks of artificially changing jurisdiction in determining jurisdiction. The authors introduce into circulation a verified data set on sanctions for war crimes of combatants provided for by the criminal codes of the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Republic of Armenia, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and the Republic of Tajikistan, and also come to the conclusion that it is advisable to apply a combined (mixed) model of harmonization of the criminal legislation of the CSTO member states.*

Key words: *CSTO, combatant, war crimes, sanction of the norm, harmonization, criminal law.*

Оправной точкой для сравнительного анализа исследуемых санкций служит определение круга лиц, подпадающих под понятие «комбатант». По справедливому мнению З.М. Маккашарипова и М.Н. Алиевой, в уголовных кодексах государств - членов Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) легальная дефиниция комбатанта отсутствует, что вынуждает исследователя обращаться к телеологическому и систематическому толкованию, где субъектом военных преступлений выступает лицо, непосредственно участвующее в боевых действиях в составе вооруженных сил либо приравненных к ним формирований и нарушающее запреты, установленные международным гуманитарным правом [6]. Руководствуясь названным доктринальным положением, полагаем возможным определить первый критерий отбора составов преступлений, включаемых в сравнительное исследование: деяние должно имплементировать нормы Женевских конвенций 1949 г., Дополнительных протоколов к ним [2] либо иных международных договоров, ратифицированных соответствующим государством. Второй критерий вытекает из концепции дуализма международного и внутригосударственного уголовного права. Как отмечал С.А. Лобанов, возможность уголовного преследования и наказания лиц, совершивших военные преступления, существует в рамках международной и национальной уголовной юрисдикции. При этом в целом национальная уголовная юрисдикция выглядит основным вариантом конкретизации и реализации уголовной ответственности [4]. В этой связи национальные составы рассматриваемых преступлений могут

как полностью воспроизводить международные запреты, так и адаптировать их с учетом особенностей правовой системы страны.

Третий критерий связан с субъектной характеристикой. Так, И.И. Лукашук и А.В. Наумов, разрабатывая базовую теорию объекта военных преступлений, подчеркивали, что деяния, посягающие на регламентированный международным гуманитарным правом порядок ведения войны, могут совершаться как специальным субъектом (военнослужащим либо иным комбатантом), так и общим субъектом, но обязательно в условиях вооруженного конфликта и в связи с ним [5]. Воспринятая такая позиция позволяет нам включить в выборку не только составы преступлений с прямым указанием на специальный субъект, но и составы, объективная сторона которых заведомо нереализуема вне контекста вооруженного противостояния. В этой связи нами в сравнительную выборку включены: нормы уголовных законов государств-членов ОДКБ об ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны (генеральная норма об ответственности комбатантов), а также нормы, устанавливающие уголовную ответственность наемнику (антиподу комбатанта, включение которого, по нашему мнению, необходимо для демонстрации полноты уголовно-правовой охраны).

Проведенный анализ уголовных кодексов Российской Федерации (далее – УК РФ) [16], Республики Беларусь (далее – УК РБ) [13], Республики Армения (далее – УК РА) [12], Республики Казахстан (далее – УК РК) [14], Кыргызской Республики (далее – УК КР) [11] и Республики Таджикистан (далее – УК РТ) [15] по состоянию на 2025–2026 гг. позволяет сформулировать ряд принципов

альных выводов относительно состояния и диспропорций рассматриваемых уголовно-правовых санкций. Так, по результатам исследования в различных национальных юрисдикциях уголовно-правовых составов наемничества выявлен значительный разброс минимальных и максимальных пределов назначения такого уголовного наказания как лишение свободы. Так, за непосредственное участие наемника в вооруженном конфликте минимальное наказание варьируется от 3 лет лишения свободы (ст. 133 УК РБ) до 12 лет лишения свободы (ч. 3 ст. 401 УК РТ, ч. 2 ст. 416 УК КР). В правовых нормах уголовных законов, устанавливающих ответственность за наемничество, санкция определена по-разному: к примеру В Российской Федерации – в виде лишения свободы на срок от 7 до 15 лет (ч. 3 ст. 359 УК РФ); в Республике Казахстан – от 7 до 10 лет (ч. 3 ст. 170 УК РК); в Республике Армения – от 6 до 12 лет (ч. 1 ст. 146 УК РА). Разрыв в нижнем пределе анализируемых санкций достигает 9 лет, что при сопоставимых признаках состава преступления не может быть объяснено различиями в объективной стороне или степени общественной опасности. Так, А.Г. Кибальник, исследуя проблемы имплементации международного уголовного права, обоснованно указывал, что подобные расхождения при идентичности международных правовых обязательств свидетельствуют не о суверенной дискреции, а о разрыве в оценке типовой степени общественной опасности деяния [3], что недопустимо в рамках одного военно-политического блока.

Еще более контрастны различия в санкциях за деяния организаторов и пособников наемничества (вербовка, обучение, финансирование). Наиболее строгая ответственность установлена в УК РФ: от 12 до 18 лет лишения свободы (ч. 1 ст. 359 УК РФ), наиболее мягкая – в УК РТ: от 5 до 12 лет (ч. 1 ст. 401 УК РТ) и в УК КР: от 7 до 10 лет (ч. 1 ст. 416 УК КР). При этом УК РБ, УК РК и УК КР дифференцируют ответственность организаторов и исполнителей, тогда как УК РТ и УК РА устанавливают сопоставимые либо идентичные санкции для тех и других.

Не менее существенные различия обнаруживаются при анализе состава преступления – применение запрещенных средств и методов ведения войны. Российская Федерация (ст. 356 УК РФ) избрала путь максимально лаконичного описания. Так норма ч. 1 ст. 356 УК РФ охватывает пять разнородных деяний (жестокое обращение с военнопленными и гражданским населением, депортация, разграбление, применение запрещенных средств, применение запрещенных методов) с единой санкцией – лишение свободы на срок до 20 лет при отсутствии нижнего предела

наказания. Законодатель Республики Беларусь (ст. 135 УК РБ) дифференцирует ответственность в три уровня: по ч. 1 – от 3 до 7 лет лишения свободы (альтернативно ограничение свободы от 3 до 5 лет); по ч. 2 – от 5 до 15 лет лишения свободы; по ч. 3 – от 8 до 25 лет лишения свободы, либо пожизненное заключение, либо смертная казнь. Республика Армения демонстрирует противоположный полюс законодательной техники: ст. ст. 140–143 УК РА представляют собой казуистичную имплементацию Дополнительного протокола I и Римского статута [8]: криминализованы обречение на голод, отдача приказа «никого не оставлять в живых», использование «живого щита»; применение ядов, газов, разрывных пуль с наказанием от 5 до 8 лет лишения свободы либо пожизненное лишение свободы. Республика Казахстан устанавливает самые высокие минимальные пороги наказания в виде лишения свободы: по ч. 1 ст. 163 УК РК – от 10 до 15 лет; по ч. 2 ст. 163 УК РК – от 15 до 20 лет либо пожизненное лишение свободы. Республика Таджикистан не имеет генерального состава применения запрещенных средств и методов ведения войны, поскольку норма ст. 397 УК РТ криминализует лишь оборот оружия массового поражения (от 12 до 20 лет лишения свободы).

Наиболее проблемным с точки зрения законодательной техники и соответствия принципу справедливости представляется подход, реализованный в ст. 356 УК РФ. Отсутствие нижнего предела санкции (лишение свободы на срок до 20 лет) вступает в противоречие с категоризацией данного преступления как особо тяжкого (см. содержание нормы ч. 5 ст. 15 УК РФ). Формально такое решение российского законодателя позволяет суду назначить наказание, не соответствующее тяжести деяния, вплоть до минимальных сроков, что нивелирует императив неотвратимости строгой ответственности за нарушение законов и обычаев войны. Полагаем, что в правоприменительной практике подобная конструкция может создавать риск судебного усмотрения, поскольку единственным ориентиром остается верхний предел наказания в 20 лет лишения свободы. Противоположный подход демонстрирует норма ч. 1 ст. 163 УК РК, где установлен нижний порог наказания в 10 лет лишения свободы, что жестко детерминирует минимальную меру уголовной репрессии.

Анализ дополнительных наказаний также свидетельствует об отсутствии сформированной единой системы. Так, конфискация имущества за военные преступления и наемничество предусмотрена в УК РК (ст.ст. 170, 406 УК РК) и УК РТ (ч. 2 ст. 401 УК РТ), факультативно – в УК РБ (ст. 133 УК

РФ). В УК РФ, УК РА и УК КР конфискация как санкция за совершение рассматриваемых преступлений отсутствует вовсе. В свою очередь, лишение гражданства как мера уголовно-правового характера – эксклюзивная особенность УК РК: ч. 2 и ч. 4 ст. 170, ч. 1-2 ст. 163 УК РК допускают возможность применения лишения гражданства. Ни одно иное государство-член ОДКБ не предусматривает подобного наказания. Штраф и ограничение свободы – специфика только норм УК РФ (ст. 359 УК РФ), поскольку санкции норм уголовных законов других рассматриваемых государств такие виды наказаний за военные преступления не устанавливают.

Сопоставление санкций за наемничество и военные преступления позволяет выявить оценку соотношения общественной опасности этих деяний в различных национальных правовых системах. Так, если в УК РФ и УК РК максимальные наказания за эти преступления практически уравнены (предусмотрено пожизненное лишение свободы либо лишение свободы на срок до 20 лет), то в УК РБ и УК РА военные преступления оцениваются как несопоставимо более тяжкие, что выражается в наличии пожизненного заключения, а в случае УК РБ – и смертной казни. Такая рассогласованность законодательных оценок создает дополнительные препятствия для гармонизации уголовного законодательства в рамках взаимодействия государств-членов ОДКБ. Впрочем, как обоснованно, по-нашему мнению, указывает П.В. Тепляшин, подобный плюрализм уголовно-правовых положений во многом объективен, поскольку отражает особенности социально-экономического и культурного развития каждой рассматриваемой страны [10].

Выявленные различия в санкциях норм, устанавливающих уголовную ответственность за военные преступления комбатантов, по-нашему мнению, требуют перехода к их оценке сквозь призму фундаментальных начал уголовного права. Ключевое значение здесь приобретает принцип справедливости. Так, исследуя категорию справедливости в современном уголовном праве, Ф.Ф. Мамедова пришел к выводу, что правовое содержание принципа справедливости раскрывается в совокупности следующих требований: справедливость криминализации деяний, справедливость привлечения к уголовной ответственности, справедливость дифференциации ответственности, справедливость назначения и реализации наказания и других мер уголовно-правового характера. Исследователь также подчеркивал, что установленные в законе критерии назначения справедливого наказания (соответствие наказания характеру и степени общественной опасности престу-

пления, обстоятельствам его совершения и личности виновного) выступают в качестве определенной гарантии соблюдения прав виновных и потерпевших [7].

Для перевода выявленных различий из плоскости «правового многообразия» в плоскость «юридической порочности» полагаем целесообразным применить следующие критерии оценки. Первый – наличие или отсутствие нижнего предела такого вида наказания как лишение свободы на определенный срок. Так, отсутствие минимального порога (как в ч. 1 ст. 356 УК РФ) создает риск неоправданно мягкого наказания при отсутствии отягчающих обстоятельств, тогда как наличие высокого нижнего предела (как в ч. 1 ст. 163 УК РК – 10 лет лишения свободы) императивно ориентирует суд на строгую репрессию. Вторым критерий – разрыв между минимумом и максимумом («вилка» наказания). Широкая «вилка» в санкциях (в частности, в УК РФ – до 20 лет лишения свободы) предоставляет суду чрезмерную свободу усмотрения, что при отсутствии единых стандартов правоприменения может привести к судебной дискреции. Третий критерий – наличие альтернативных санкций. Возможность замены лишения свободы ограничением свободы (как в норме ч. 1 ст. 135 УК РБ) либо штрафом (как в норме ст. 359 УК РФ) создает дополнительные риски неравенства. Четвертый критерий – возможность назначения пожизненного лишения свободы. По нашему мнению, наличие или отсутствие пожизненного заключения за военные преступления (есть в РК, РА, РБ; отсутствует в УК РФ и УК РТ) создает критический разрыв в оценке тяжести деяния.

Возможность применения указанных критериев к полученным данным позволяет сформировать следующие подходы в части установления нарушений принципа справедливости. Во-первых, зафиксирован разрыв в нижнем пределе санкции за участие наемника в вооруженном конфликте, достигающий 9 лет (к примеру, от 3 лет в УК РБ до 12 лет в УК РТ и УК КР). Если лицо, совершившее наемничество, будет передано для уголовного преследования, в частности из Беларуси в Таджикистан (либо наоборот), оно столкнется с непредсказуемостью правовых последствий, когда срок лишения свободы детерминирован не тяжестью содеянного, а местом рассмотрения дела. Во-вторых, по основному составу (применение запрещенных средств и методов ведения войны) ситуация еще более критична. В частности, ст. 356 УК РФ вообще не устанавливает нижнего предела. В ст. 135 УК РБ установлен нижний порог в 3 года лишения свободы (с альтернативой - ограничением свободы). В ст. 163 УК РК – нижний порог наказания определен в 10 лет лишения свободы.

УК РТ вообще не содержит данного состава, что означает декриминализацию жестокого обращения с военнопленными, депортации и разграбления на национальном уровне. Такая ситуация подрывает саму идею единого правового пространства ОДКБ: военнослужащие контингентов, направленные для выполнения коллективных задач, оказываются в неравном положении в зависимости от того, по уголовному закону какого государства квалифицируются их действия.

Принятое в 2021 г. и вступившее в силу в марте 2023 г. Соглашение по вопросам юрисдикции и оказания правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием формирований сил и средств системы коллективной безопасности, призвано урегулировать порядок привлечения к ответственности военнослужащих при выполнении задач ОДКБ [9]. Документ определяет, суд какого государства (направляющего или принимающего) рассматривает дело, закрепляет механизм создания совместных следственно-оперативных групп, взаимного признания доказательств. Однако, как справедливо отмечалось специалистами еще при ратификации Соглашения, оно регулирует процессуальные и юрисдикционные вопросы, но не унифицирует материальные нормы об ответственности комбатантов. В результате возникает коллизия: порядок определения подсудственности урегулирован, а единая размер наказаний отсутствует. Это создает предпосылки для негативного явления, известного в международной правовой практике как выбор наиболее благоприятной юрисдикции. Применительно к уголовному преследованию комбатантов – военнослужащих ОДКБ риск выбора наиболее благоприятной юрисдикции может проявляться в том, что сторона обвинения может быть заинтересована в рассмотрении дела в государстве с более мягкими либо, напротив, с более строгими санкциями.

Выявленные системные диспропорции и нарушение принципа справедливости в санкциях национальных уголовных законов, устанавливающих ответственность за военные преступления комбатантов, актуализируют поиск оптимальных путей гармонизации уголовного законодательства государств – членов ОДКБ. Отметим, что эта работа находится не только в теоретической, но и в практической плоскости. Так, 23.10.2024 Экспертно-консультативный совет при Совете Парламентской Ассамблеи ОДКБ рассматривал проект Рекомендаций по гармонизации уголовного законодательства государств – членов ОДКБ, устанавливающих ответственность за преступления против мира и безопасности человечества (военные преступления в контексте исследования – прим. авторов), определив, что высказанные в ходе

заседания замечания и предложения будут учтены в дальнейшей работе над этими документами [17].

В свою очередь, анализируя доктрину международного уголовного права и теорию законодательства, можно выделить два основных подхода, которые могут быть применены для унификации санкций в рамках ОДКБ. Так, первая модель – унификация верхних пределов наказания. Ее суть заключается в установлении единого максимального срока лишения свободы за тождественные составы военных преступлений, к примеру, на уровне двадцати лет либо пожизненного лишения свободы. Основное преимущество данного подхода состоит в том, что он не требует кардинального пересмотра всей системы наказаний государств – членов ОДКБ и оставляет значительную свободу судебного усмотрения в рамках установленного максимума. Однако ключевой недостаток этой модели – она сохраняет существующий разрыв в нижних пределах наказания, что не устраняет главную проблему неравенства наказания. Вторая модель – унификация нижних пределов наказания. Данная модель предлагает установление единого минимального порога, например, не ниже 5 или 8 лет лишения свободы за военные преступления. Ее безусловным плюсом является реализация принципа неотвратимости и строгости наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления, посягающие на международный правопорядок. Вместе с тем сложность реализации этой модели заключается в необходимости согласования с национальными системами наказаний, где минимальные пороги исторически сложились по-разному, и может повлечь за собой ужесточение санкций в странах с более либеральным подходом.

Анализ достоинств и недостатков обеих моделей приводит к выводу, что, по-нашему мнению, ни одна из них в чистом виде не является оптимальной для ОДКБ. Наиболее эффективной представляется комбинированная (смешанная) модель гармонизации. Она предполагает одновременное решение двух задач: во-первых, унификацию верхних пределов наказания как маркера принадлежности этих деяний к категории тяжчайших преступлений (по критерию возможности назначения в виде наказания пожизненного лишения свободы либо лет лишения свободы на срок 20 лет); во-вторых, согласование минимальных порогов наказания на едином уровне (к примеру, от 5 до 7 лет лишения свободы за основной состав военных преступлений). Такой подход позволит, с одной стороны, сохранить необходимую степень судебного усмотрения в рамках установленной «вилки», а с другой – гарантировать, что наказание за военные преступления во всех

государствах - членах ОДКБ будет не только потенциально строгим, но и реально неотвратимым и соразмерным.

Выбор модели напрямую связан с инструментарием гармонизации. В теории различают понятия «сближение», «гармонизация» и «унификация». Эти термины не являются синонимами [1]. Применительно к санкциям норм, устанавливающих уголовную ответственность за военные преступления, по-нашему мнению, речь должна идти именно об унификации – принятии государствами-членами ОДКБ единой (модельной) нормы, а не о простом сближении или гармонизации, допускающих значительные вариации. Именно унификация способна обеспечить тот уровень единообразия, который требуется для подлинного равенства всех перед законом в рамках одного военно-политического блока.

Таким образом, проведенное исследование позволяет нам сформулировать следующие выводы. Во-первых, санкции норм уголовных законов государств – членов ОДКБ, устанавливающих уголовную ответственность за военные преступления комбатантов, демонстрируют не просто различия, обусловленные национальными традициями, а существенные диспропорции, которые варьируются от полного отсутствия нижних пределов наказания до установления пожизненного лишения свободы, а в некоторых случаях – наличия пробелов в криминализации деяний, признанных международным правом в качестве тяжчайших преступлений. Существование такой ситуации ставит под сомнение само понятие единого правового пространства государств – членов ОДКБ. Во-вторых, выявленные различия напрямую нарушают принцип справедливости (к примеру, ст. 6 УК РФ), создавая неравенство правовых последствий для военнослужащих объединенных сил, совершивших тождественные по степени общественной опасности деяния. При этом принятое в 2023 г. Соглашение ОДКБ по вопросам юрисдикции, урегулировав процессуальные аспекты, не разрешило материально-правовые коллизии, что формирует объективно существующий риск искусственного перемещения подсудственности в государство с наиболее мягкими санкциями. В-третьих, начатая Парламентской Ассамблеей ОДКБ в 2024 г. работа над проектом Рекомендаций по гармонизации уголовного законодательства создает уникальную возможность для устранения этих диспропорций. В-четвертых, в качестве оптимального решения для государств – членов ОДКБ видится комбинированная модель унификации санкций, сочетающая установление единых верхних пределов (к примеру, пожизненное лишение свободы либо лишения свободы на срок 20 лет) как маркера особой тяжести деяния и

согласование минимальных порогов на уровне 5-7 лет лишения свободы как гарантии неотвратимости и соразмерности наказания. Такая модель требует именно унификации (принятия единой нормы), а не простого сближения законодательств. В-пятых, дальнейшие исследования в рассматриваемой области, полагаем, могут быть направлены на анализ складывающейся судебной практики применения санкций норм уголовных законов государств-членов ОДКБ, устанавливающей ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны, а также на мониторинг имплементации будущих рекомендаций Парламентской Ассамблеи ОДКБ в национальные уголовные кодексы рассмотренных стран.

Список литературы:

- [1] Артамонова Г.К., Рыбкина М.В., Муталиева Л.С., Иванов К.М. Гармонизация законодательств государств как способ сближения норм права, регулирующих схожие общественные отношения // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2016. № 3. С. 96-101.
- [2] Женевские конвенции и протоколы к ним. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/russian/humanitarian/law/geneva.shtml?ysclid=mlm7awlium278269747> (дата обращения: 14.02.2026).
- [3] Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Преступления против мира и безопасности человечества / под науч. ред. А.В. Наумова. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. 383 с.
- [4] Лобанов С.А. Военные преступления в международном и внутригосударственном праве // Образование и право. 2017. № 10. С. 166-182.
- [5] Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право: учебник для юридических факультетов и вузов / Российская академия наук, Институт государства и права, Академический правовой университет. Москва: Спарк, 1999. 286 с.
- [6] Маккашарипов З.М., Алиева М.Н. Уголовная ответственность комбатантов за нарушение норм международного гуманитарного права // Закон и право. 2020. № 7. С. 169-171.
- [7] Мамедова Ф.Ф. Справедливость в уголовном праве: современное состояние вопроса // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 148-168.
- [8] Римский статут Международного уголовного суда: (принят в г. Риме 17.07.1998) // Организация Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12118701/?ysclid=mlm7m1eufh210289333> (дата обращения: 14.02.2026).

[9] Соглашение по вопросам юрисдикции и оказания правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием формирований сил и средств системы коллективной безопасности на территориях государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (Заключено в г. Душанбе 16.09.2021) (ратифицировано Федеральным законом от 28.05.2022 № 139-ФЗ, вступило в силу для Российской Федерации 24.03.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. 03.02.2025. № 0001202502030003. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202502030003> (дата обращения: 14.02.2026).

[10] Тепляшин П.В. Уголовный закон государств-членов организации договора о коллективной безопасности: сравнительно-правовой анализ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 1 (50). С. 67-74.

[11] Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 127: принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики 28.10.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36675065#pos=4003;42 (дата обращения: 12.02.2026).

[12] Уголовный кодекс Республики Армения от 27.05.2021 № ЗР-199 // Парламент Республики Армения: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=7645&lang=rus> (дата обращения: 12.02.2026).

[13] Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 02.06.1999: одобрен Советом Республики 24.06.1999 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Минск. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 12.02.2026).

[14] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V ЗРК // ИС Параграф. – Астана. [Электронный ресурс]. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31575252&pos=7033;160 (дата обращения: 12.02.2026).

[15] Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.12.2025 г.). [Электронный ресурс]. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 12.02.2026).

[16] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=mlnn9jkbv5631382942 (дата обращения: 12.02.2026).

[17] Экспертно-консультативный совет при Совете ПА ОДКБ обсудил ключевые вопросы безопасности. [Электронный ресурс] URL: <https://paodkb.org/events/ekspertno-konsultativnyy-sovet-pri-sovete-pa-odkb-obsudil?ysclid=mlm3luw8x9115655151> (дата обращения: 14.02.2026).

References:

[1] Artamonova G.K., Rybkina M.V., Mutaliev L.S., Ivanov K.M. Harmonization of state legislation as a way to bring together the norms of law governing similar public relations//Bulletin of St. Petersburg University of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia. 2016. № 3. S. 96-101.

[2] Geneva Conventions and Protocols thereto. [Electronic resource]. URL: <https://www.un.org/ru/humanitarian/law/geneva.shtml?ysclid=mlm7awlium278269747> (дата обращения: 14.02.2026).

[3] Kibalnik A.G., Solomonenko I.G. Crimes against the peace and security of mankind/under scientific. ed. A.V. Naumova. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. 383 pp.

[4] Lobanov S.A. War crimes in international and domestic law//Education and law. 2017. № 10. S. 166-182.

[5] Lukashuk I.I., Naumov A.V. International criminal law: a textbook for law faculties and universities/Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law, Academic Law University. Moscow: Spark, 1999. 286 pp.

[6] Makkasharipov Z.M., Aliyeva M.N. Criminal liability of combatants for violation of international humanitarian law//Law and law. 2020. № 7. S. 169-171.

[7] Mamedova F.F. Justice in criminal law: the current state of the matter//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. № 1. S. 148-168.

[8] Rome Statute of the International Criminal Court: (adopted in Rome 17.07.1998) //United Nations. [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/12118701/?ysclid=mlm7m1eufh210289333> (access date: 14.02.2026).

[9] Agreement on jurisdiction and legal assistance in cases related to the temporary stay of formations of forces and means of the collective security system in the territories of the member states of the Collective Security Treaty Organization (Concluded in Dushanbe 16.09.2021) (ratified by Federal Law of 28.05.2022 No. 139-FZ, entered into force for the Russian Federation 24.03.2023) //Official Internet portal of legal information. 03.02.2025. № 0001202502030003. [Electronic resource]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202502030003> (accessed on: 14.02.2026).

[10] Teplyashin P.V. Criminal Law of the Member States Collective Security Treaty Organization:

Comparative Legal Analysis//Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 1 (50). S. 67-74.

[11] Criminal Code of the Kyrgyz Republic of 28.10.2021 No. 127: adopted by the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic 28.10.2021. [Electronic resource]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36675065#pos=4003;-42 (accessed on: 12.02.2026).

[12] Criminal Code of the Republic of Armenia dated 27.05.2021 No. ZR-199//Parliament of the Republic of Armenia: official website. [Electronic resource]. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=7645&lang=rus> (дата обращения: 12.02.2026).

[13] Criminal Code of the Republic of Belarus: adopted by the House of Representatives of the 02.06.1999: approved by the Council of the Republic of 24.06.1999 //National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. Minsk. [Electronic resource]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (accessed on: 12.02.2026)

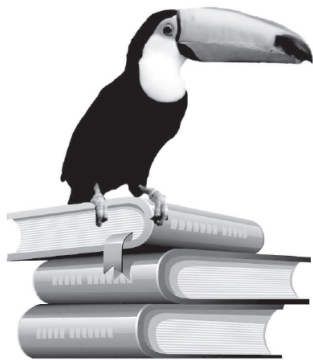
[14] Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated 03.07.2014 No. 226-V SAM//IS Paragraph. - Astana. [Electronic resource]. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31575252&pos=7033;160 (accessed on: 12.02.2026).

[15] Criminal Code of the Republic of Tajikistan dated 21.05.1998 No. 574 (as amended as of 17.12.2025). [Electronic resource]. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30397325 (access date: 12.02.2026).

[16] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended 29.12.2025) (with amendments and additions, entry effective from 20.01.2026) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=mlnn9jkbv5631382942 (accessed on: 12.02.2026).

[17] The Expert Advisory Council under the CSTO PA Council discussed key security issues. [Электронный ресурс] URL: <https://paodkb.org/events/ekspertno-konsultativnyy-sovet-pri-sovete-pa-odkb-obsudit/?ysclid=mlm3luw8x9115655151> (дата обращения: 14.02.2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-820-828

МУРКШТИС Марюс Йокубо,
Доктор юридических наук,
председатель московской коллегии адвокатов
«Муркштис, Калининко и партнеры»
доцент кафедры «Уголовного права, процесса и
криминалистики» Юридического института РУДН
e-mail: 7607428@mail.ru

3D-ПЕЧАТНОЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОРУЖИЕВЕДЕНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье анализируется современное состояние криминалистического оружиеведения в условиях стремительного распространения самодельного огнестрельного оружия, изготавливаемого с применением аддитивных (3D-печатных) технологий. На основе систематического обзора зарубежных исследований и эмпирических данных, охватывающих 186 случаев выявления 3D-печатного оружия (2014–2023 гг.), предложена типология таких изделий. Подчеркивается неэффективность традиционных методов баллистической экспертизы и контроля за оборотом оружия в отношении таких объектов. Особое внимание уделено необходимости интеграции цифровой криминалистики в экспертный процесс для выявления цифровых следов производства. Статья призвана сформировать научно обоснованную основу для адаптации отечественной системы криминалистической экспертизы к вызовам цифровой эпохи.

Ключевые слова: 3D-печать, аддитивные технологии, незаконный оборот огнестрельного оружия, производство огнестрельного оружия.

MURKSHTIS Marius Iokubo,
Doctor of Law, Chairman of the Moscow
Bar Association «Murkshtis, Kalinenko and Partners»
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Procedure and Forensics of the Law Institute of RUDN University

3D-PRINTING FIREARMS: CHALLENGES FOR FORENSIC FIREARMS IN THE AGE OF DIGITAL MANUFACTURING

Annotation. This article analyzes the current state of forensic firearms science amid the rapid proliferation of homemade firearms manufactured using additive (3D-printed) technologies. Based on a systematic review of international studies and empirical data covering 186 cases of 3D-printed firearms (2014–2023), a typology of such items is proposed. The ineffectiveness of traditional ballistic examination and weapons control methods for such items is highlighted. Particular attention is paid to the need to integrate digital forensics into the forensic process to identify digital traces of production. This article aims to provide a scientifically sound basis for adapting the domestic forensic examination system to the challenges of the digital age.

Key words: 3D printing, additive manufacturing, illegal firearms trafficking, firearms production.

Современное состояние криминалистического оружиеведения находится под прямым и все более интенсивным воздействием технологических трансформаций, про-

исходящих в XXI веке, что порождает принципиально новые вызовы для систем правосудия по всему миру. Одним из наиболее ярких и тревожных проявлений этой тенденции является стре-

мительное распространение самодельного огнестрельного оружия, производимых вне рамок государственного контроля, в частности, с использованием аддитивных технологий, или 3D-печати. Эта проблема, впервые привлекавшая широкое общественное внимание после публикации проекта «Освободителя» (англ. The Liberator) в 2013

году (Рис. 1), за последнее десятилетие перешла из разряда маргинального феномена в категорию серьезной и системной угрозы безопасности, что подтверждается растущим числом случаев их обнаружения правоохранными органами зарубежных стран.

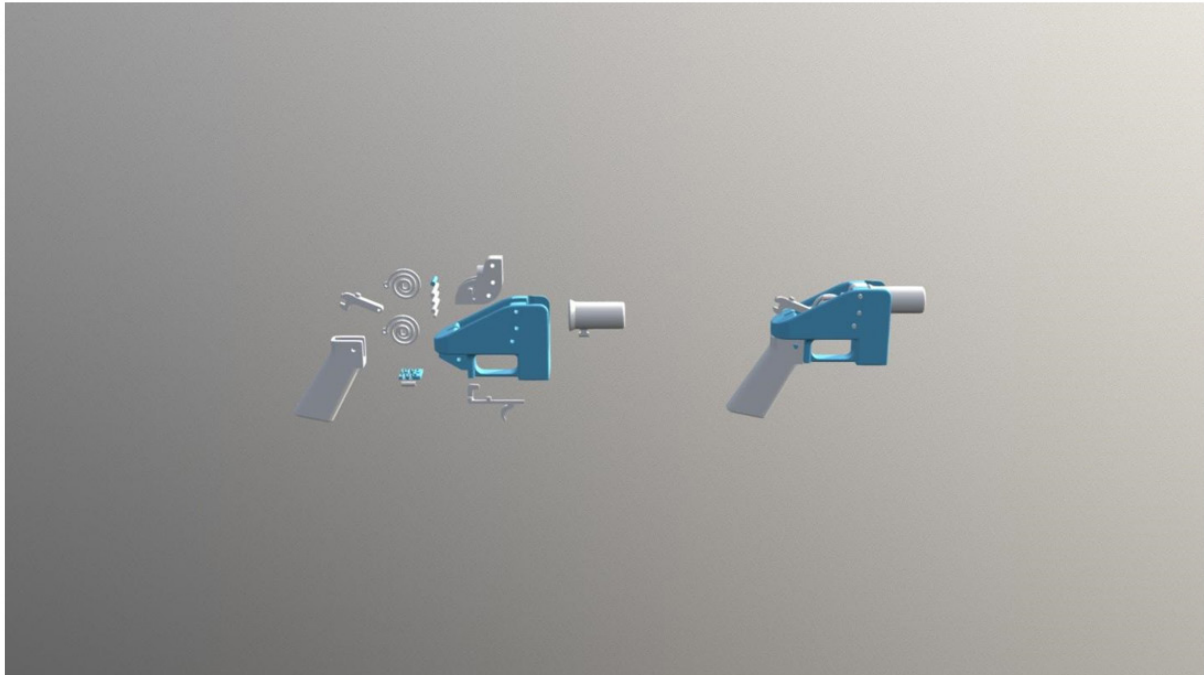

Рисунок 1. «The Liberator» 3D модель.

Цель настоящего исследования — систематизировать типологию 3D-печатного оружия и обосновать модель адаптации отечественной криминалистической экспертизы к данной угрозе.

Согласно данным зарубежных исследований [1; 2; 3], число зарегистрированных случаев, связанных с 3D-печатным оружием, демонстрирует резкий рост с 2021 года, что свидетельствует о переходе данной технологии из нишевой области в сферу массового применения за рубежом. Традиционные методы борьбы с незаконным оборотом оружия, основанные на контроле за производством, импортом и продажей серийных изделий, а также на их идентификации по уникальным серийным номерам, оказываются практически бесполезными в случае с объектами, созданными в домашних условиях на недорогих принтерах из широкодоступных материалов. Отсутствие стандартизации, использование гибридных конструкций и постоянная эволюция дизайнов делают задачу идентификации таких изделий чрезвычайно сложной, а в ряде случаев — принципи-

ально невыполнимой. В этой связи актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного и глубокого анализа современного состояния криминалистической экспертизы в условиях новых технологических реалий, с целью выявления ключевых пробелов в отечественной практике и формулирования обоснованных рекомендаций по ее модернизации.

В России изготовление огнестрельного оружия с использованием 3D технологий печати не получило широкого распространения. Несмотря на единичные случаи изготовления подобного оружия в нашей стране, анализ опыта зарубежных стран показывает, что там количество таких случаев растёт (Рис. 2) [5], что обуславливает необходимость изучения специфики и особенностей проведения криминалистических экспертиз данного огнестрельного оружия. В настоящее время в России недостаточно исследований в этой области, в виду нераспространённости данной проблемы, но за рубежом такие исследования проводятся более активно.

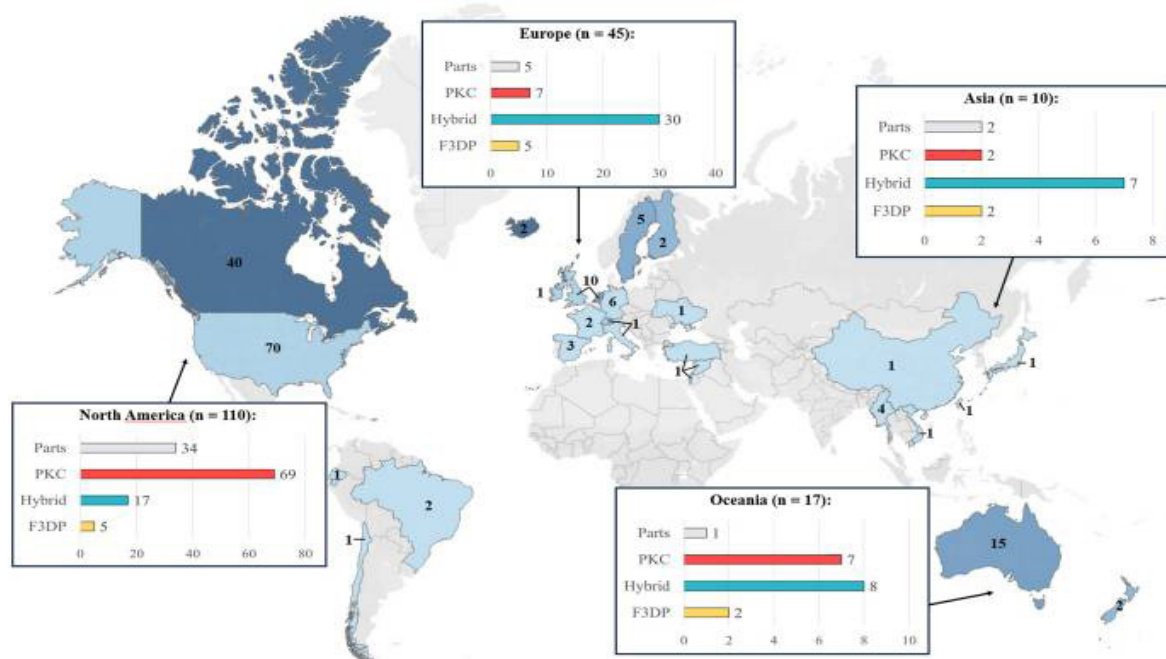

Рисунок 2. Количество выявленных случаев использования 3D печатного огнестрельного оружия или его частей.

К числу наиболее заметных работ по данной теме является исследование проведенное на базе университета Лозанны, Швейцария в 2024 году, которое представляет собой первый в своем роде систематический обзор 186 случаев, связанных с 3D-печатным оружием и его компонентами, в период с 2014 по 2023 год [3]. Этот массив данных, собранный из открытых источников, включая полицейские отчеты, прессу и социальные сети, позволяет не только оценить масштабы явления, но и провести детальную типологизацию такого оружия, что является первоочередной задачей для криминалистического оружейведения.

Анализ показывает, что 3D-печатное оружие — это не однородный класс объектов, а сложная и динамично развивающаяся экосистема, которую можно условно разделить на три основные категории, каждая из которых несет в себе специфические риски и предъявляет уникальные требования к экспертному исследованию.

Наименее распространенной, но исторически первой категорией являются полностью 3D-печатные огнестрельные изделия (англ. Fully 3D-printed, F3DP). К этой группе относятся конструкции, выполненные почти целиком из полимерных материалов, напечатанных на 3D-принтере, такие как упомянутый «Освободитель» под патрон .380 ACP или модели PM422 Songbird (Рис. 3) и Grizzly (Рис. 4) под патрон .22 LR. Такое оружие, как правило, обладает низкой надежностью и прочностью, что подтверждается многочисленными случаями его разрушения при выстреле, но их криминалистическая значимость заключается в том, что действие частей такого оружия на гильзу или патрон настолько слабое, что на них обычно не остается заметных следов, что затрудняет их идентификацию и установление групповой принадлежности.

Рисунок 3. PM422 Songbird.

Рисунок 4. Grizzly.

Несмотря на свою примитивность, они остаются важным символом, а также служат отправной точкой для понимания фундаментальных процессов слеодообразования, как это было детально исследовано в ряде работ зарубежных авторов [1].

Эти лабораторные исследования, посвященные именно «Освободителю», продемонстрировали, что даже у такого простого устройства можно выявить определенные следы: на пуле,

несмотря на отсутствие нарезов, форму и размеры канала ствола, а также внутренний микрорельеф его стенок, которые оставляют характерные следы скольжения и деформации; на гильзе следы от ударника, выбрасывателя и досылателя могут формироваться, если эти функции выполняются металлическими элементами, однако в полностью полимерных конструкциях эти следы часто отсутствуют или незаметны.

Ключевой вывод этих исследований заключается в том, что тип 3D-принтера и материала напрямую влияют на качество следов, и, например, принтеры, использующие технологию фотополимеризации, оказались не подходящими для производства функционального огнестрельного оружия из-за хрупкости материала, в то время как даже недорогие экструзионные принтеры способны создавать оружие, оставляющее достаточно информативные следы для экспертного анализа.

В одном из зарубежных исследований детально описано влияние различных параметров печати на формирование следов, что заложило научный фундамент для понимания возможностей и ограничений для баллистической экспертизы применительно к данным объектам [4]. Эти исследования являются краеугольным камнем в понимании того, что, вопреки распро-

страненному мнению, для создания функционального огнестрельного оружия не требуются дорогостоящие и сложные технологии, а доступные бытовые 3D принтеры способны производить изделия, оставляющие следы, поддающиеся исследованию.

Гораздо более опасной и распространенной категорией, выявленной в 64 случаях из 186, является гибридное оружие (англ. Hybrid firearms). Гибридные конструкции представляют собой синтез цифрового и традиционного производства, сочетая 3D-печатный корпус (затворную раму или ствольную коробку) с критически важными металлическими компонентами, такими как ствол, ударно-спусковой механизм и возвратная пружина. Ярчайшим примером такой эволюции является FGC-9 (англ. «Fuck Gun Control»), который стал своего рода стандартом для такого самодельного огнестрельного оружия (Рис. 5).

Рисунок 5. FGC-9.

Металлический ствол данного пистолета имеет нарезы, что создает гораздо более информативные и стабильные следы, сравнимые со следами от серийного нарезного огнестрельного оружия. Для эксперта-криминалиста это означает, что при исследовании пули, извлеченной из тела жертвы, нельзя исключать возможность ее происхождения из 3D-печатного оружия, что требует кардинального расширения баз данных и экспертных знаний. Сама конструкция FGC-9, по сути, является революционной, поскольку она позволяет создать оружие, по своим характери-

стикам приближающееся к заводским аналогам, используя лишь доступные компоненты и недорогой 3D-принтер. Эта модель имеет множество вариантов и калибров, что еще больше усложняет задачу идентификации. Помимо FGC-9, в расследованиях встречаются и другие гибридные модели, такие как Harlot или PG22, которые также отличаются от F3DP-изделий наличием металлических стволов и пружинных механизмов, что повышает их надежность и, соответственно, криминалистическую, исследовательскую значимость (Рис. 6).

Рисунок 6. Harlot.

Однако абсолютным лидером по распространенности является третья категория — сборка из комплектующих (англ. Parts Kit Completions/Conversions, PKC), на которую приходится 87 случаев из общего числа. Этот тип особенно популярен в Соединенных Штатах Америки и объясняется спецификой местного законодательства. Он предполагает использование 3D-печатной затворной рамы для пистолета Glock или ствольной коробки для винтовки AR-15, в которую устанавливаются легально приобретенные, серийные внутренние механизмы и ствол оружия. Получаемое в результате огнестрельное оружие по своим боевым и эксплуатационным характеристикам практически не отличается от заводского аналога. Его главная опасность для правоохранительных органов заключается в полном отсутствии серийного номера и, как следствие, в абсолютной невозможности его прослеживания через официальные каналы поставок.

С криминалистической точки зрения, следы на пулях и гильзах будут идентичны следам от любого другого оружия той же модели, что делает задачу установления конкретного источника выстрела невыполнимой без дополнительных действий, не связанных с проведением баллистической экспертизы. Эта особенность PKC-сборок напрямую коррелирует с правовой средой: в США

регулируется только рама/коробка как «основная часть» оружия, тогда как в странах Европы, где контроль жестче и распространяется на другие компоненты, такие как ствол и затвор, популярны именно гибридные модели, которые формально не являются «огнестрельным оружием» до момента установки ствола. Это наглядно демонстрирует, как правовые и культурные факторы формируют характер угрозы и, соответственно, определяют приоритеты в экспертной деятельности.

Помимо самих образцов оружия, зарубежные исследователи особое внимание уделяют 3D-печатным компонентам, в частности, модификации ударно-спускового механизма (англ. auto sears, или «giggle switches»). Эти небольшие детали позволяют легко и быстро переделать полуавтоматическое оружие в полностью автоматическое, многократно увеличив его огневую мощь. Их производство требует минимальных ресурсов и времени, что делает их крайне популярными в криминальной среде.

Таким образом, современное 3D-печатное огнестрельное оружие — это не просто «игрушка» или прототип, а полноценная угроза, представленная в виде надежных, полузаконных и полностью самодельных систем, каждая из которых требует от эксперта-криминалиста специфического,

многогранного подхода к исследованию, выходящего далеко за рамки классической трассологии.

Зарубежный опыт, накопленный в США, Канаде, Австралии и странах Европы, которые столкнулись с этой проблемой раньше, представляет огромную ценность и указывает на необходимость радикальной трансформации самой парадигмы криминалистической экспертизы.

Ключевым элементом эффективного расследования становится интеграция нескольких направлений криминалистики в единый, комплексный процесс.

Особенность 3D-печатного огнестрельного оружия заключается в том, что само оружие — это лишь конечный продукт длинной цепочки цифрового и физического производства. Поэтому современный подход к расследованию преступлений в этих странах обязательно включает поиск и анализ цифровых следов наряду с традиционным осмотром места происшествия. Источниками цифровых доказательств могут служить компьютеры, смартфоны, флеш-накопители и облачные хранилища, где могут находиться оригинальные файлы CAD-моделей (в форматах .STL, .OBJ), файлы для печати (.GCODE), история посещения сайтов с инструкциями, а также сообщения в мессенджерах и на специализированных форумах.

Вещественные доказательства на местах производств также имеют решающее значение: помимо самого оружия, правоохранители ищут 3D-принтеры, катушки с пластиком, инструменты для постобработки (наждачную бумагу, сверла

для установки металлических втулок), остатки отпечатков моделей и черновые варианты деталей. Даже сама организация рабочего места может дать ценную информацию о квалификации изготовителя.

Зарубежный опыт показывает, что успешное расследование невозможно без тесного взаимодействия различных специалистов, в том числе в области цифровой криминалистики. Только такой комплексный подход позволяет восстановить полную картину: от скачивания файла в зашифрованном чате до использования готового оружия в преступлении. Именно поэтому в ряде стран уже создаются специализированные базы данных и коллекции, содержащие эталонные следы, полученные при выстреле из известных моделей 3D-печатного оружия, напечатанных на разных принтерах и из разных материалов. Такие базы позволяют экспертам не только идентифицировать конкретный образец, но и определять его возможную принадлежность к определенной группе.

Анализ оборудования, используемого для производства, также дает важные ориентиры. Исследования показывают, что подавляющее большинство производителей (93 из 106 проанализированных принтеров) используют недорогие настольные принтеры, работающие по технологии экструзии материала, и в первую очередь модели Creality Ender 3, которые доминируют на рынке благодаря своей доступности (стоимостью от 200 евро), простоте в использовании и высокой степени модифицируемости (Рис.7).

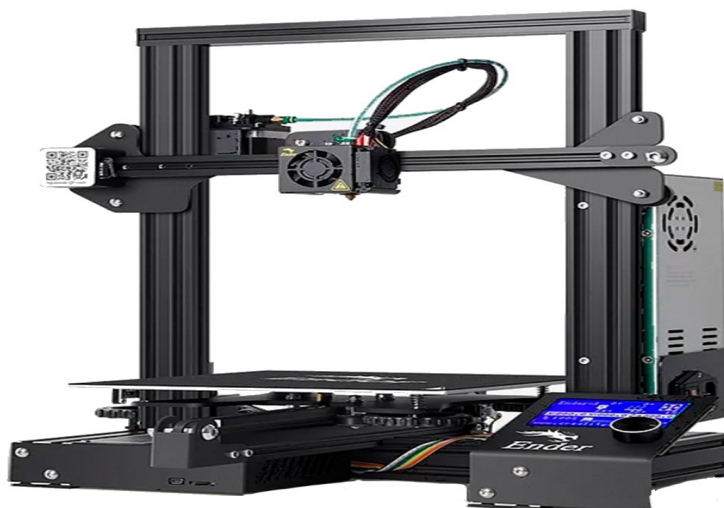

Рисунок 7. Creality Ender3.

Что касается материалов, то в подавляющем большинстве случаев используется PLA-пластик и его модификации (PLA+), которые легко печатаются на большинстве бытовых принтеров и не требуют специального оборудования. Этот факт полностью развенчивает миф о необходимости дорогостоящих и сложных технологий для создания функционального оружия, подчеркивая, что технический барьер для входа в эту сферу минимален. Это означает, что угроза не является гипотетической, а вполне реальной и доступной для широкого круга лиц, что должно быть учтено при планировании профилактических и оперативно-розыскных мероприятий.

В контексте Российской Федерации, обладающей одной из самых строгих в мире систем контроля за оборотом оружия, данная проблема пока не достигла масштабов, наблюдаемых в Северной Америке, однако это не означает, что угроза отсутствует. Скорее, она находится на начальной стадии, и именно сейчас необходимо закладывать основы для эффективного противодействия. Российское законодательство уже содержит нормы, о незаконном изготовлении и обороте оружия, однако судебная практика и экспертные методики пока не адаптированы к специфике 3D-печатных изделий. Основной пробел в отечественном криминальном оружиеведении — это отсутствие систематизированных знаний и методик по исследованию 3D-печатного огнестрельного оружия. Если зарубежные коллеги уже создают специализированные базы данных и публикуют результаты лабораторных испытаний, российская наука в этой области находится в зачаточном состоянии. Большинство экспертных учреждений, вероятно, не располагают ни коллекциями образцов, ни методиками для проведения таких исследований. Кроме того, существует значительный разрыв между классической трассологией и цифровой криминалистикой, в то время как расследование дела, связанного с 3D-печатным оружием, требует от следователя и эксперта совершенно нового мышления, ориентированного на поиск цифровых следов, что пока не является стандартной практикой.

На основе проведенного анализа можно сформулировать ряд стратегических рекомендаций для российской системы криминалистической экспертизы. Во-первых, необходимо инициировать фундаментальные исследования в области слеодообразования при выстреле из различных типов 3D-печатного оружия, напечатанного на разных типах принтеров и из разных материалов, доступных на российском рынке. На основе этих исследований следует разработать единые методические рекомендации для экспертных учрежде-

ний по проведению экспертиз таких изделий, а также создать национальную коллекцию 3D-печатного оружия и его компонентов, а также базу данных следов, оставляемых ими. Во-вторых, требуется кардинальное повышение квалификации специалистов: в программы подготовки и переподготовки следователей, оперативных работников и экспертов должны быть введены специальные курсы, посвященные 3D-печатному оружию, их типологии, методам производства и способам выявления, включая практическую подготовку по работе с 3D-принтерами. В-третьих, необходимо укрепить межведомственное и международное взаимодействие и наладить систематический обмен информацией с зарубежными партнерами о новых моделях оружия, методах их изготовления.

В заключение, проблема 3D-печатного огнестрельного оружия является ярким примером того, как технологический прогресс опережает развитие правовых и экспертных механизмов. Зарубежный опыт, представленный в анализе 186 случаев и серии лабораторных исследований, демонстрирует, что эта угроза уже стала реальностью для многих стран, требуя от криминалистической экспертизы кардинальной трансформации. Она больше не может ограничиваться исследованием только физического объекта, но должна включать в себя глубокий анализ цифрового следа и понимание всего технологического процесса его создания. Российская Федерация, имея мощный потенциал в области криминалистики, сегодня находится на распутье. Игнорирование этой проблемы или ее недооценка может привести к тому, что в будущем правоохранительные органы окажутся в ситуации, когда будут сталкиваться с оружием, которое невозможно отследить и идентифицировать. Предложенные рекомендации направлены на то, чтобы заблаговременно, на опережающей основе, подготовить отечественную систему к новым вызовам. Это требует не только финансовых вложений, но и изменения мышления, перехода к более гибким, междисциплинарным и технологически ориентированным подходам в криминалистической науке и практике. Только такой комплексный подход позволит сохранить эффективность борьбы с преступностью в эпоху цифрового производства.

Список литературы:

[1] Honsberger H., Rhumorbarbe D., Werner D., Riva F., Glardon M., Gallusser A., Delémont O. How to recognize the traces left on a crime scene by a 3D-printed Liberator? Part 1. Discharge, exterior ballistic and wounding potential. *Forensic Sci. Int.* 2018; 286:245–251. doi: 10.1016/j.forsciint.2018.03.026. // [Электронный ресурс] URL:

<https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0379073818301233> (дата обращения 03.02.2026).

[2] Maggie Clifton, Teneil Hanna, Ciara Devlin, Matthew Bolton, Scott Chadwick, Exploration of striation-based 3D print source evaluation, *Forensic Science International*, Volume 381, 2026. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0379073826000216> (дата обращения 03.02.2026).

[3] Schaufelbühl S, Florquin N, Werner D, Delémont O. The emergence of 3D-printed firearms: An analysis of media and law enforcement reports. *Forensic Sci Int Synerg*. 2024. // [Электронный ресурс] URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10998078/?spm=a2ty_o01.29997173.0.0.185c51718A4g0p#abs0010 (дата обращения 03.02.2026).

[4] Trincat T., Saner M., Schaufelbühl S., Gorka M., Rhumorbarbe D., Gallusser A., Delémont O., Werner D. Influence of the printing process on the traces produced by the discharge of 3D-printed Liberators. *Forensic Sci. Int.* 2022;331 doi: 10.1016/j.forsciint.2021.111144. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0379073821004643> (дата обращения 03.02.2026).

[5] Количество выявленных случаев использования 3D печатного огнестрельного оружия или его частей // [Электронный ресурс] URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/core/lw/2.0/html/tileshop_pmc/tileshop_pmc_inline.html?title=Click%20on%20image%20to%20zoom&p=PMC3&id=10998078_gr2.jpg (дата обращения 03.02.2026).

References:

[1] Honsberger H., Rhumorbarbe D., Werner D., Riva F., Glardon M., Gallusser A., Delémont O.

How to recognize the traces left on a crime scene by a 3D-printed Liberator? Part 1. Discharge, exterior ballistic and wounding potential. *Forensic Sci. Int.* 2018; 286:245–251. doi: 10.1016/j.forsciint.2018.03.026. // [Electronic resource] URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0379073818301233> (access date 02/03/2026).

[2] Maggie Clifton, Teneil Hanna, Ciara Devlin, Matthew Bolton, Scott Chadwick, Exploration of striation-based 3D print source evaluation, *Forensic Science International*, Volume 381, 2026. // [Electronic resource] URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0379073826000216> (access date 02/03/2026).

[3] Schaufelbühl S, Florquin N, Werner D, Delémont O. The emergence of 3D-printed firearms: An analysis of media and law enforcement reports. *Forensic Sci Int Synerg*. 2024. // [Electronic resource] URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10998078/?spm=a2ty_o01.29997173.0.0.185c51718A4g0p#abs0010 (accessed 03.02.2026).

[4] Trincat T., Saner M., Schaufelbühl S., Gorka M., Rhumorbarbe D., Gallusser A., Delémont O., Werner D. Influence of the printing process on the traces produced by the discharge of 3D-printed Liberators. *Forensic Sci. Int.* 2022;331 doi: 10.1016/j.forsciint.2021.111144. // [Electronic resource] URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0379073821004643> (date of access 03.02.2026).

[5] Number of identified cases of use of 3D printed firearms or their parts // [Electronic resource] URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/core/lw/2.0/html/tileshop_pmc/tileshop_pmc_inline.html?title=-Click%20on%20image%20to%20zoom&p=PMC3&id=10998078_gr2.jpg (date of access 03.02.2026).

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-829-834

МАТВИЕНКО Софья Васильевна,
старший преподаватель Северо-Западного филиала
ФГБОУВО «Университета правосудия им В.М. Лебедева»,
(г. Санкт-Петербург),
e-mail: karafizi.sofya@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. Представленная статья посвящена изучению отдельных аспектов современного состояния информационной безопасности несовершеннолетних в информационно-коммуникационной сети Интернет, а также ее актуальной проблематики. В настоящее время сеть Интернет стала для каждого из нас инструментом повседневной деятельности, в которой возможно получать образование, осуществлять трудовую деятельность, а также тем или иным способом организовывать свой досуг через многочисленные развлечения, которые предоставляют создатели контента и программного обеспечения.

Это обстоятельство, в свою очередь, имеет и негативное проявление, связанное с тем, что сеть Интернет активно используется для совершения противоправных и (или) аморальных деяний. К сожалению, все чаще и чаще жертвами такого рода деяний, в том числе и путем вовлечения в их совершения, становятся несовершеннолетние лица, которые являются одними из наиболее активных пользователей сети Интернет. Не имея достаточного опыта во взаимоотношениях и в социальном взаимодействии, а нередко действуя в условиях непонимания характера и значения совершаемых в отношении них действий, или же под влиянием факторов иного рода, несовершеннолетние оказываются под отрицательным влиянием злоумышленников с последующим наступлением широкого рода неблагоприятных последствий, связанных с негативным влиянием на их психическое развитие, на уровень и качество дальнейшей жизни, а в наиболее тяжелых случаях приводя к их смерти. Принимая во внимание эти аспекты, российское государство в лице законодателя, а также иных уполномоченных органов государственной власти в настоящее время нацелены на создание всесторонней и эффективной системой информационной безопасности, которая бы позволила минимизировать случаи, при которых несовершеннолетние становятся жертвами «деструктивного» влияния со стороны других пользователей сети Интернет.

Ключевые слова: ВПН, «группы смерти», «даркнет», информационная безопасность, информационно-коммуникационная сеть Интернет, кибербуллинг, цифровая среда, права ребенка, родительский контроль.

MATVIENKO Sofya Vasilievna,
THE HEAD TEACHER NWB of FSBEIHE
«RSUJ named after V.M. Lebedev»,
(St. Petersburg)

CURRENT ISSUES OF ENSURING INFORMATION SECURITY OF MINORS ON THE INTERNET

Annotation. This article is devoted to the study of certain aspects of the current state of information security of minors in the information and communication network Internet, as well as its current issues. Nowadays, the Internet has become a tool for everyday activities for each of us, where we can get an education, carry out work activities, and also, in one way or another, organize your leisure time through the numerous entertainment options provided by content and software creators. This circumstance, in turn, also has a negative manifestation associated with the fact that the Internet

is actively used to commit illegal and/or immoral acts. Unfortunately, minors, who are among the most active Internet users, are increasingly becoming victims of such acts, including through involvement in their commission. Lacking sufficient experience in relationships and social interaction, and often acting in conditions of misunderstanding the nature and meaning of actions taken towards them, or under the influence of factors of a different kind, minors find themselves under the negative influence of perpetrators, with the subsequent onset of a wide range of adverse consequences associated with a negative impact on their mental development, on the level and quality of their future life, and in the most severe cases leading to their death. Taking these aspects into account, the Russian state, represented by the legislator, as well as other authorized state authorities, is currently aiming to create a comprehensive and effective information security system, which would help minimize cases in which minors become victims of «destructive» influence from other Internet users.

Key words: VPN, «death groups», «darknet», information security, information and communication network Internet, cyberbullying, digital environment, children's rights, parental control.

В современных условиях функционирования общества информационно-коммуникационная сеть «Интернет» (далее – сеть Интернет) стала неотъемлемой частью нашей жизни. В Интернете происходит общение, обмен различными файлами и различной по виду информации, а также осуществляется взаимодействие граждан с органами государственной власти и местного самоуправления, что обусловлено его высокой мобильностью и очевидным удобством по сравнению с традиционными формами взаимодействия. Этот фактор обусловил то обстоятельство, что сеть Интернет стала местом едва ли не постоянного пребывания в ней несовершеннолетних, которые осуществляют активное взаимодействие с различного рода контентом, в том числе с таким содержанием, которое может иметь деструктивное влияние различного характера на несовершеннолетних пользователей. В свою очередь, эта проблема в настоящее время обрела пристальное внимание не только со стороны науки, но и со стороны государства, что еще больше подкрепляет ее актуальность в современных условиях.

Нужно отметить, что особенности развития сети Интернет в России предопределили внимание государства к вопросу создания системы информационной безопасности для ее пользователей сравнительно поздно по сравнению со многими другими государствами. Начав свое распространение в 1990-х годах с приобретением доступности для значительной части населения в 2000-е годы, сеть Интернет все это время и на протяжении еще нескольких лет после этого была пространством с почти что полным отсутствием внимания к ней со стороны государства. Это состояние продолжалось до 2010-х годов, когда со стороны законодателя стали предприниматься мероприятия, которые были направлены, в первую очередь, на создание и правовое регулирование системы информационной безопасности в сети Интернет, в том числе и по отношению к ее несовершеннолетним пользователям. При этом,

следует отметить, что находящейся в основе нормативно-правовой регламентации рассматриваемой системы Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» не определяет в своем составе толкование указанной категории. Однако, в настоящее время, в законодательстве существует более узкая и более подходящая в нашем случае категория: информационная безопасность детей, под которой понимается состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию [3].

Анализ представленного определения позволяет сформировать следующие признаки информационной безопасности несовершеннолетних:

- охватывает собой т.н. «цифровую среду», а точнее – область сети Интернет, содержанием которой и выступает информация в ее различных видах;

- ставит перед собой цель обеспечения и защиты детей (несовершеннолетних), которые считаются наиболее уязвимыми пользователями сети Интернет от влияния информации широко говоря «деструктивного характера»;

- реализация обозначенной цели предполагает организацию функционирования сети Интернет таким образом, чтобы ее несовершеннолетние пользователи не смогли ознакомиться (намеренно или случайно) с информацией, которая может создать угрозу причинения вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию.

Пристальный интерес государства к области информационной безопасности в современных условиях определяется особенностями роли и статуса несовершеннолетнего в современных условиях. В частности, ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ определяется, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие

всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения [2].

Указанная норма нашла отражение и в иных нормативно-правовых актах, в том числе:

- Федеральном законе от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (государство признает детство важным этапом жизни человека и исходит из принципов приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе, развития у них общественно значимой и творческой активности, воспитания в них высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданственности);

- Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (организация и поддержка несовершеннолетних, их воспитание, всестороннее духовное, нравственное, интеллектуальное и физическое развитие, выявление и развитие способностей и талантов на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей с предупреждением отдельных негативных проявлений в среде несовершеннолетних – радикализма, экстремизма и иных проявлений преступного характера).

Затрагивая систему нормативно-правового регулирования информационной безопасности несовершеннолетних, нельзя не обратить внимание и на содержание отдельных международно-правовых актов. Главенствующим из них является Конвенция ООН о правах ребенка от 20.11.1989 года, которая обращает внимание на необходимость создания условий, в которых несовершеннолетний имеет реальную возможность получить от родителей и государства в лице компетентных органов и учреждений защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия (ст. 3). Отдельно оговаривается право несовершеннолетнего на доступ к информации и материалам из различных национальных и международных источников, особенно к такой информации и материалам, которые направлены на содействие социальному, духовному и моральному благополучию, а также здоровому физическому и психическому развитию ребенка [1].

На основе этого можно отметить, что не только отдельные государства, но также и мировое сообщество в лице ООН отмечает важность защиты несовершеннолетнего от информации, которая может так или иначе причинить ему вред. В свою очередь, создавая нормативно-правовые основы осуществления этой деятельности, госу-

дарства, в том числе и Россия, стремятся к готовности отражению таких угроз в первую очередь превентивно, не дожидаясь наступления условно именуемых «тяжких последствий». Причем последние, если детально анализировать основные опасности, с которыми потенциально может столкнуться несовершеннолетний в сети Интернет, могут быть взаимосвязанными и последовательными, то есть одно может влечь за собой другое.

С учетом этого, необходимо более детально рассмотреть конкретные виды угроз, с которыми может столкнуться несовершеннолетний пользователь сети Интернет. Их перечень можно представить в следующем виде:

1. Интернет-травля (кибербуллинг). Представляет собой деятельность, которая совершается с целью унижения чести и достоинства несовершеннолетнего с использованием сети Интернет, либо с целью добиться от жертвы определенных действий (например, ухода из школы, прекращения общения с определенным человеком и т.п.). Может выражаться в угрозах, оскорблениях, распространения информации клеветнического содержания, иногда – изоляции пользователя в рамках отдельных Интернет-сообществ (например, групп школьного класса в социальных сетях, где состоит жертва кибербуллинга), а также преследования (сталкинга), харассмента (различных форм сексуальных домогательств) [9, с. 98-100].

2. Вовлечение в деструктивные сообщества. Представляет собой деятельность определенных лиц, которые, путем вовлечения несовершеннолетнего в активное участие некоего Интернет-сообщества, ставят перед собой цель направить его на совершение деяний, которое может иметь преступный и (или) аморальный характер, причем конечный вредоносный характер таких действий может быть направлен не только на третьих лиц (родителей, друзей, одноклассников и пр.), но даже и на самого себя. Ярчайшим примером последнего является вовлечение несовершеннолетних в т.н. «группы смерти», наиболее известные из которых интересовывали детей и подростков своего рода «многоуровневыми играми» через выполнение заданий т.н. «кураторов», которые были сопряжены с риском для их жизни [8, с. 166-167].

3. Вовлечение в «преступные сообщества». В этом случае речь идет о создании Интернет-сообществ, которые, путем вовлечения в них несовершеннолетних, в последующем осуществляют их психологическую обработку, либо действуя иными способами (шантажом, угрозами и пр.), подталкивают их на совершение строго определенных преступлений. Ярчайшим примером этого

являются деяния, которые в той или иной степени направлены на подрыв или угрозу государственной безопасности, на разжигание ненависти и вражды в обществе.

4. Иная опасная деятельность в сети Интернет. В эту группу Интернет-угроз входят все иные действия, которые совершаются с несовершеннолетним пользователем сети Интернет, которые не влекут вышеуказанных последствий, однако так или иначе, но все же оказывают отрицательное влияние на несовершеннолетнего.

Несмотря на то, что отраженные в рамках данного перечня киберугрозы были представлены в целом обобщенно, их представление, в том числе с точки зрения потенциально возможных последствий, позволяет нам однозначно представлять их не просто как существенные, а как реальные угрозы. Особенно ясным это становится тогда, когда происходит осознание того, что несовершеннолетний пользователь сети Интернет далеко не всегда имеет возможность осознать факт наличия такой угрозы, что обусловлено его возрастом, недостатком критического мышления, отсутствием жизненного опыта, влиянием т.н. «подросткового максимализма» и прочих факторов. Дополнительную опасность и осознание необходимости в создании надежной и эффективной системы обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в сети Интернет и тот факт, что в целом средний возраст пользователей среди такой возрастной группы уменьшается. Распространение Интернет-технологий и устройств для доступа к нему в совокупности распространения Интернет-технологий на все большие и большие сферы, о чем было сказано в самом начале, также повышают риск вовлечения несовершеннолетних пользователей в «деструктивные» сообщества в их широком понимании, а также риск того, что сам несовершеннолетний может стать как жертвой преступления, так и жертвой иного противоправного и (или) аморального деяния с крайне широким кругом потенциально возможных последствий.

Нельзя также забывать и о других трудностях, с которыми сталкивается государство в стремлении к созданию эффективной системы информационной безопасности несовершеннолетних в сети Интернет, влияние которых, к сожалению, нередко сводит «на нет» все предпринимаемые усилия.

1. Проблемы в установлении личности Интернет-преступников. Сеть Интернет в настоящее время по-прежнему сохраняет за собой относительно высокий уровень анонимности. Можно сказать, что именно анонимность пользователя сети Интернет создает для него возможности совершать противоправную деятельность, в том числе вовлекать в нее третьих лиц, включая несо-

вершеннолетних. Действующее национальное законодательство, регламентирующее функционирование сети Интернет, не определяет обязанности пользователей регистрироваться в различных сообществах, социальных сетях, сайтах, сервисах электронной почты и прочих программ для взаимодействия под своими настоящими именами, не требует верификации личности (кроме отдельных случаев, обусловленных скорее политикой отдельных социальных сетей и хостингов), а также никоим образом не ограничивает пользователя в создании аккаунтов. То есть, чтобы иметь возможность вовлечь несовершеннолетнего в «деструктивную» деятельность или же иным образом оказать на него «деструктивное» влияние достаточно лишь наличие устройства (смартфона, ноутбука, компьютера) со стабильным выходом в сеть Интернет.

Соответственно, такая деятельность может вестись из любой точки мира, что в значительной мере затрудняет противодействие Интернет-преступникам и прочим субъектам, нацеленным на противоправную и иную аморальную деятельность в сети Интернет.

Также своего рода проблемой стало распространение технологии VPN – программного обеспечения, которое, путем шифрования процесса маршрутизации и IP-адресов, не только позволяет получать доступ к контенту и иной информации, которая была изъята из размещения в российском сегменте сети Интернет по распоряжению публично-властных органов по причине его противоправного и (или) аморального деяния, но также совершать противоправную и иную аморальную деятельность в сети Интернет без возможности определения IP-адреса и реального пользователя, которым были совершены соответствующие действия [6, с. 59].

2. Отсутствие должного родительского контроля за деятельностью несовершеннолетних пользователей в сети Интернет. Действующее законодательство, устанавливая обязанность родителей по всестороннему воспитанию, защите и содействию развития своих несовершеннолетних детей, в полной мере распространяет его действие и на защиту от негативного влияния в сети Интернет. Однако, в настоящее время сеть Интернет стала едва ли не «основным помощником» в части организации досуга несовершеннолетних. Причины этого элементарны и вполне объяснимы, поскольку связаны с современным темпом и стилем жизни. Среднестатистическая семья с обоими работающими родителями элементарно не имеет возможности постоянно уделять внимание своим несовершеннолетним детям, при этом, сами нередко рассматривают сеть Интернет как способ разгрузки после трудового дня, что нередко связано с тем, что на прочие формы и виды досуга

семья либо не имеет времени, либо не имеет средств. Несовершеннолетние, в свою очередь, также, будучи нагруженными, рядом обязанностей (школа, репетиторы, спортивные и иные секции), при этом нередко не имея должной поддержки, а иногда и даже банального внимания от родителей и других взрослых (например, учителей) часто предоставлены сами себе и сеть Интернет для них является не только местом для развлечения, но и своеобразным «клубом по интересам», в которых они могут получить если не помощь и поддержку, то элементарное сочувствие.

Особо остро этот аспект проявляется по отношению к подросткам. «Переходный возраст» сам по себе является периодом, когда несовершеннолетний нуждается в особом внимании и поддержке. Не получая его, особенно со стороны самых близких лиц, такой ребенок имеет риск рано или поздно попасть во влияние тех, кто, прекрасно зная особенности детской и подростковой психологии, может стать для него тем самым понимающим человеком, незаметно подведя подростка с неокрепшей психикой к допустимости, а иногда даже и необходимости совершения противоправного и (или) аморального деяния [7, с. 119-127].

Складывающаяся ситуация предполагает необходимость решения проблемы обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в сети Интернет в комплексе. Отдельные мероприятия в этом направлении реализуются уже не первый год, например, проводится работа по выявлению и блокировке Интернет-ресурсов с запрещенным контентом, а также деятельность, направленная на ограничение распространения и использования VPN-сервисов, а также программ-анонимайзеров и браузеров для доступа к т.н. «даркнету» или «глубинному Интернету», содержание которого, как обращают внимание специалисты, представлено не только запрещенным контентом, но также и ресурсами, на которых можно приобрести запрещенные к свободному обороту предметы (оружие, наркотические средства и т.п.) [4].

В то же время, отмечается, что в настоящее время объем предпринимаемых мероприятий, с одной стороны, остается недостаточным, поскольку случаи негативного влияния на несовершеннолетних со стороны иных пользователей сети Интернет (например, в 2024 году около 65% несовершеннолетних пользователей сети Интернет сталкивались с кибербуллингом в том или ином виде) [10], а с другой стороны – возникают постоянные опасения относительно того, что куда более радикальные преобразования не приведут к должному эффекту, а лишь возьмут под полный

контроль российский сегмент сети Интернет, минимизировав допустимую свободу его пользователей, а в некоторой степени даже усложнив доступ к нему. Подобная практика в части защиты несовершеннолетних от киберугроз активно применяется в Китае, где на текущий момент времени введены ограничения по времени для участия в компьютерных играх, создана система допуска игр на китайский рынок видеоигр (в частности, не допускаются те из них, которые не соответствуют возрастной планке, пропагандируют жестокость, насилие, буллинг и прочие негативные формы поведения) [5, с. 27-28].

В России также есть аналогичные проекты, например, создание специальной государственной автоматизированной системы для допуска в сеть Интернет только зарегистрированных пользователей под своими именами [11]. Однако, его реализация, равно как и реализация некоторых других инициатив (например, полный запрет VPN-сервисов), которые, несмотря на активные обсуждения в Государственной Думе, в том числе и при участии отдельных общественных деятелей, пока что находится под вопросом по целому ряду причин, в том числе отсутствием единства в конечном результате обсуждаемых предложений, а также трудностями с технической стороной вопроса, которая преимущественно упирается в недостаточно развитый уровень отечественного программного обеспечения и объективным отсутствием возможности эффективного контроля за соблюдением предпринятых в данной области мероприятий.

Таким образом, принимая во внимание все риски, с которыми сталкиваются несовершеннолетние пользователи сети Интернет едва ли не каждодневно в процессе пользования гаджетами и компьютерами, а также учитывая необходимость создания эффективной и реально действующей системы обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в сети Интернет, мы вынуждены признать, что на сегодняшний день многие из предлагаемых проектов, некоторые из которых в том или ином виде были реализованы в некоторых зарубежных государствах, пока что нереализуемо в российских условиях. Последнему препятствует не только отсутствие однозначного понимания конечного варианта представленной системы, но также и объективные ограничения российского рынка программного обеспечения, которые в совокупности существенно замедляют рассматриваемую сферу, сохраняя для несовершеннолетних пользователей сети Интернет риски оказаться вовлеченными в различного по своему характеру «деструктивную» деятельность с неблагоприятными последствиями как для них, так и для третьих лиц.

Список литературы:

- [1] Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. – М., 1993. – XLVI.
- [2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993), с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 года // Собрание законодательства РФ. – 2020. – №11. – Ст. 1416.
- [3] О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.01.2011. – № 1. – Ст. 48.
- [4] О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федеральный закон от 29.07.2017 № 276-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 31.07.2017. – № 31 (часть I). – Ст. 4825.
- [5] Алтухов С.В., Веревкин В.М. Модель управления киберспортом в Китае как основа стимулирования здорового образа жизни и защиты национальных интересов // Управленческие науки. 2020. №. 2. С. 22-30.
- [6] Басова А.В. Охрана половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети «Интернет»: поиск решения проблем // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. №. 4 (104). С. 51-64.
- [7] Бошаева Л.Л. Криминологическая характеристика киберпреступности в отношении несовершеннолетних в России: Монография. Москва: Проспект, 2023. 144 с.
- [8] Диденко Ю.В., Федорова Е.А. Проблемы «групп смерти» в социальных сетях и их уголовно-правовое решение // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. №. 5-2 (104). С. 165-172.
- [9] Евстифеева Е.П. Способы совершения кибербуллинга как элемент криминалистической характеристики // Научный портал МВД России. 2025. №. 1 (69). С. 96-101.
- [10] Борьба с кибербуллингом. Что грозит за травлю в интернете? // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/margaryan/1771240/#:~:text=> (дата обращения: 08.01.2026).
- [11] Правительство РФ предложило меры защиты детей от нежелательного контента // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/news/1953224/#:~:text=> (дата обращения: 08.01.2026).

References:

- [1] Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 20.11.1989) (entered into force for the USSR on 15.09.1990) // Collection of International Treaties of the USSR. - Moscow, 1993. - XLVI.
- [2] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993), taking into account the amendments introduced by the Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2020. - No. 11. - Art. 1416.
- [3] On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development: Federal Law of 29.12.2010 No. 436-FZ (as amended on 30.11.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 03.01.2011. – No. 1. – Art. 48.
- [4] On Amendments to the Federal Law “On Information, Information Technologies and Information Protection”: Federal Law of 29.07.2017 No. 276-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 31.07.2017. – No. 31 (Part I). – Art. 4825.
- [5] Altukhov S.V., Verevkin V.M. The eSports Management Model in China as a Basis for Stimulating a Healthy Lifestyle and Protecting National Interests // Management Sciences. 2020. No. 2. pp. 22-30.
- [6] Basova A.V. Protection of Sexual Integrity of Minors on the Internet: Search for Solutions // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 4 (104). Pp. 51-64.
- [7] Boshayeva L.L. Criminological characteristics of cybercrime against minors in Russia: Monograph. Moscow: Prospect, 2023. 144 p.
- [8] Didenko Yu.V., Fedorova E.A. Problems of “death groups” on social networks and their criminal-legal solution // International journal of humanitarian and natural sciences. 2025. No. 5-2 (104). Pp. 165-172.
- [9] Evstifeeva E.P. Methods of committing cyberbullying as an element of forensic characteristics // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1 (69). Pp. 96-101.
- [10] The fight against cyberbullying. What is the penalty for cyberbullying? // Legal reference system “Garant”. URL: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/margaryan/1771240/#:~:text=> (date accessed: 08.01.2026).
- [11] The Russian government proposed measures to protect children from inappropriate content // Legal reference system “Garant”. URL: <https://www.garant.ru/news/1953224/#:~:text=> (date accessed: 08.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-835-841

КРАСАВИНА Вера Александровна,
кандидат экономических наук,
зав. кафедрой экономики и менеджмента,
Институт государственного администрирования,
e-mail: verunjasha@ya.ru

СКРЫНЧЕНКО Борис Леонидович,
кандидат экономических наук, профессор,
зав. кафедрой государственного администрирования,
Институт государственного администрирования,
e-mail: sbi-66@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ: ВЫЗОВЫ, ЭФФЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В условиях геополитической нестабильности и санкционного давления в сфере технологий цифровой суверенитет становится стратегическим приоритетом национальной безопасности Российской Федерации. Цифровизация государственного и муниципального управления выступает ключевым инструментом его реализации, обеспечивая повышение эффективности, прозрачности и устойчивости системы власти. В статье анализируются основные направления цифровизации (электронное правительство, искусственный интеллект, блокчейн), выявляются эффекты (снижение административных барьеров, повышение доверия), а также системные проблемы: неравномерность инфраструктуры, дефицит кадров, киберугрозы и зависимость от программного обеспечения. На основе анализа данных и научных источников за 2021-2024 годы формулируются перспективы: создание единой цифровой экосистемы, развитие «умных городов», расширение цифрового участия граждан и кадровая политика. Делается вывод о необходимости комплексного подхода, при котором технологическое развитие сочетается с социальной адаптацией и обеспечением информационной безопасности.

Ключевые слова: цифровизация, цифровой суверенитет, электронное правительство, государственное управление, муниципальное управление, информационная безопасность, информационная устойчивость, искусственный интеллект, «Госуслуги», цифровое участие граждан, цифровая грамотность.

KRASAVINA Vera Alexandrovna,
Candidate of Economic Sciences,
Head of the Department of Economics and Management,
Institute of Public Administration

SKRYNCHENKO Boris Leonidovich,
Candidate of Economic Sciences, Professor,
Head of the Department of Public Administration
Institute of Public Administration

DIGITALIZATION OF PUBLIC AND MUNICIPAL ADMINISTRATION IN THE CONTEXT OF DIGITAL SURETY OF RUSSIA: CHALLENGES, EFFECTS AND PROSPECTS

Annotation. In the context of geopolitical instability and sanctions pressure in the field of technology, digital sovereignty has become a strategic priority for the national security of the Russian Federation. The digitalization of public and municipal administration is a key tool for achieving this

goal, as it enhances the efficiency, transparency, and sustainability of the government system. The article analyzes the main areas of digitalization (e-government, artificial intelligence, and blockchain), identifies the effects (reducing administrative barriers and increasing trust), and highlights the systemic challenges, such as uneven infrastructure, staff shortages, cyber threats, and dependence on software. Based on the analysis of data and scientific sources for 2021-2024, the following prospects are formulated: the creation of a unified digital ecosystem, the development of smart cities, the expansion of digital participation by citizens, and personnel policy. The article concludes that a comprehensive approach is necessary, combining technological development with social adaptation and information security.

Key words: digitalization, digital sovereignty, e-government, public administration, municipal administration, information security, information resilience, artificial intelligence, Gosuslugi, digital participation of citizens, digital literacy.

В современной политико-технологической реальности понятие суверенитета выходит за пределы чисто политической независимости; центральным становится феномен цифрового суверенитета – способность государства самостоятельно формировать, управлять и защищать критические элементы национальной цифровой инфраструктуры, данные и технологии без непреодолимой зависимости от иностранных поставщиков и юрисдикций [9]. В условиях геополитической турбулентности и технологических санкций этот запрос приобретает статус стратегического приоритета национальной безопасности [11] и устойчивого развития.

В рассматриваемом контексте цифровизация государственной и муниципальной администрации перестаёт быть лишь инструментом оптимизации процессов и превращается в непосредственный ресурс укрепления государственной способности к управлению: она обеспечивает повышение эффективности и прозрачности публичных услуг, а также способствует обеспечению непрерывности функционирования институтов власти при внешних шоках. По данным Минцифры России, в последние годы наблюдается существенный рост охвата цифровых сервисов: число услуг на портале «Госуслуги» возросло с 650 до свыше 3 200, а количество зарегистрированных пользователей превысило 175 млн человек [6]. Эти показатели свидетельствуют о массовой интеграции цифровых сервисов в повседневную практику, однако, за ними сохраняются системные ограничения: фрагментация стандартов межведомственного взаимодействия, низкий уровень цифровой грамотности среди управленческих кадров и части населения, нарастающие киберриски и сохраняющаяся зависимость от зарубежного программного обеспечения.

Цель настоящего исследования – критически оценить влияние цифровизации на государственное и муниципальное управление в России, выделить ключевые эффекты и структурные уязвимости, а также обозначить перспективные траектории развития с учётом приоритизации цифро-

вого суверенитета. Методологической основой служит комплексный анализ официальной статистики, стратегических документов и научной литературы за 2021-2025 годы.

Электронное правительство (e-Government) – это не просто каталог услуг в интернете, это новая философия взаимодействия между государством и обществом, в которой бюрократические барьеры постепенно уступают место прозрачности, скорости и доверию. В основе этой модели лежит идея о том, что государство должно служить гражданину, а не наоборот.

Согласно Индексу развития электронного правительства (EGDI) ООН, в 2023 году Россия заняла 46-е место, что свидетельствует о среднем уровне зрелости цифрового государства [10]. Это достижение, безусловно, впечатляет, если учесть масштабы страны и разнообразие её регионов. Однако, оно также подчёркивает стратегическое отставание от лидеров цифровизации, таких как Сингапур, Дания или Южная Корея, где электронное правительство уже стало неотъемлемой частью повседневной жизни.

На федеральном уровне центральным элементом цифровой трансформации стал портал «Госуслуги», который к 2025 году превратился из простого сервиса в единую цифровую платформу государства. Сегодня он объединяет десятки федеральных информационных систем: от ФНС и ПФР до ЕМИАС и ФГИС «Образование». Это значит, что гражданину больше не нужно десять раз заполнять одни и те же формы. Данные, введённые один раз, безопасно и последовательно передаются между ведомствами.

Результаты говорят сами за себя: по данным Минцифры, более 95% всех обращений граждан в федеральные ведомства в 2024 году были оформлены в электронном виде, что сократило время обработки на 60-70% по сравнению с 2020 годом [6]. Это не просто экономия времени – это снижение административной нагрузки, повышение качества взаимодействия и рост доверия.

Однако, цифровая трансформация – это не только федеральный масштаб. Регионы стано-

ваются локомотивами инноваций, демонстрируя, как технологии могут решать конкретные местные задачи.

Москва – один из самых ярких примеров. Здесь более 98% услуг предоставляются в электронном виде, включая регистрацию транспортных средств, оформление паспортов и участие в городских программах [5]. Платформа «Москва. Госуслуги» превратилась в цифровой сервисный центр, где государство не «выдаёт разрешение», а «помогает решить вопрос».

В Республике Татарстан реализована масштабная платформа «Цифровой Татарстан», объединяющая более 1500 сервисов для граждан и бизнеса. Здесь цифровизация охватывает не только государственное управление, но и экономику, образование, здравоохранение и культуру. Платформа работает как единое цифровое пространство региона, где бизнес может получить разрешение на строительство за считанные дни, а житель – управлять своим жилищным счётом с телефона.

В Краснодарском крае внедрена система цифрового землепользования, позволяющая в онлайн-режиме подавать заявки на предоставление земельных участков, отслеживать статус рассмотрения и получать разрешения. Это не просто автоматизация – это возвращение прозрачности в одну из самых чувствительных сфер, где ранее существовали риски коррупции и неопределённости.

Таким образом, развитие электронного правительства в России – это не единый линейный процесс, а совокупность региональных и федеральных инициатив, объединённых общей целью: сделать государство ближе, понятнее и эффективнее для каждого гражданина.

Если электронное правительство – это лицо цифрового государства, то большие данные (далее по тексту – Big Data) и искусственный интеллект (далее по тексту – ИИ) – его мозг и нервная система. Эти технологии позволяют не просто реагировать на запросы, а предвидеть потребности, анализировать тренды и принимать решения на основе глубокого анализа [16], а не интуиции или устаревшей статистики.

Внедрение Big Data и ИИ в государственное управление – это переход от реактивного к проактивному стилю управления, когда власти не ждут, пока возникнет проблема, а предотвращают её заранее [4].

Москва – один из самых ярких примеров такого подхода. Городские системы, такие как «Мой район» и «Умный город», уже не просто собирают данные, а активно анализируют их и используют для управления городской средой. Системы на основе ИИ прогнозируют транспортные потоки с точностью до нескольких минут, что

позволяет динамически регулировать работу светофоров и снижать загруженность дорог на 15-20%. Это не абстрактная цифра – это тысячи человеко-часов, сэкономленных каждый день и снижение уровня стресса у водителей.

Кроме того, ИИ анализирует данные с датчиков и видеокамер, чтобы прогнозировать износ дорожного покрытия и планировать ремонтные работы до того, как на асфальте появятся ямы. Это не только экономит бюджет, но и повышает безопасность дорожного движения.

ИИ также играет важную роль в обеспечении правопорядка: камеры с функцией распознавания номеров и нарушений ПДД фиксируют правонарушения в автоматическом режиме, освобождая сотрудников ГИБДД для решения более сложных задач.

Не отстаёт и Санкт-Петербург, где внедрена специализированная ИИ-платформа для анализа социальных запросов в соцсетях и мессенджерах, что позволяет оперативно реагировать на общественные настроения.

Ещё один важный пример – Ростовская область, где ИИ используется в сфере здравоохранения. На основе анализа метеоданных, эпидемиологической статистики и обращений в поликлиники система прогнозирует вспышки заболеваемости – от гриппа до ОРВИ. Это позволяет заранее усилить работу скорой помощи, увеличить запасы лекарств и провести профилактические мероприятия.

Согласно исследованию НИУ ВШЭ, такие технологии сокращают время на подготовку аналитических отчётов на 40-60% и повышают точность прогнозов, что делает государственное управление более гибким и адаптивным [6].

Интеграция Big Data и ИИ в российское публичное управление в 2025 году приобретает прагматический характер: технологии уже перестали быть лишь экспериментом и становятся инструментом проактивного управления [13], но их потенциал реализуется только при согласовании технических решений с институциональными реформами, правовой определённой и инвестициями в кадровую и инфраструктурную базу. Только такая комплексная архитектура обеспечит переход от пунктовых эффектов к системной повышенной адаптивности и долговременному управленческому эффекту.

Если Big Data и ИИ отвечают за интеллектуальную мощь цифрового государства, то блокчейн-технологии становятся его гарантом честности и прозрачности. Блокчейн, как технология, основанная на распределённом реестре, обеспечивает неизменность, прозрачность и защиту от подделок – качества, крайне важные для таких деликатных процессов, как голосование, распределение бюджета или выдача льгот.

Использование блокчейна в государственном управлении – это попытка восстановить доверие между гражданами и властью, особенно в тех сферах, где оно исторически было подорвано [8].

Москва – один из мировых лидеров в этой области. Система электронного голосования на основе блокчейна, впервые применённая в 2020 году, к 2024 году достигла зрелости. В выборах в Мосгордуму приняли участие более 1,5 миллиона человек, что составило 32% от общего числа избирателей [4]. Главное достижение системы – не в количестве голосов, а в прозрачности процесса: каждый избиратель может проверить, был ли учтён его голос, а результаты невозможно подделать без обнаружения. Это не просто технология – это новый уровень демократии в цифровую эпоху.

В Екатеринбурге реализован проект «Бюджет для граждан» – блокчейн-платформа, позволяющая каждому жителю отслеживать, как расходуются бюджетные средства. Хотите узнать, на что тратятся деньги на вашей улице? Зайдите на сайт, введите адрес – и вы увидите, сколько выделено на ремонт дороги, детской площадки или школы. Такая прозрачность снижает риск коррупции и повышает вовлечённость граждан.

В Татарстане блокчейн применяется для учёта льгот и субсидий. Раньше одни и те же документы могли подаваться в разные ведомства, что приводило к дублированию и мошенничеству. Теперь каждая выплата фиксируется в защищённом реестре, и один и тот же человек не может получить одну и ту же льготу дважды. Это не только экономит бюджет, но и делает систему более справедливой.

Однако, несмотря на впечатляющие пилотные проекты, масштабирование блокчейн-технологий сталкивается с серьёзными препятствиями. Прежде всего, это высокая стоимость разработки и сопровождения таких систем [12]. Кроме того, отсутствует полноценная правовая база, регулирующая децентрализованные реестры, что создаёт правовую неопределённость [15]. Без чётких законов, определяющих статус блокчейн-данных и ответственность за их изменение, массовое внедрение остаётся под вопросом.

Тем не менее, эти проекты – не просто эксперименты. Они – путь в будущее, где доверие к власти будет обеспечиваться не словами, а математикой и кодом.

Блокчейн в 2025 году следует рассматривать не как универсальное средство «исцеления» институционального дефицита доверия, а как технологический инструмент, эффективность которого определяется архитектурным выбором, нормативной зрелостью и интеграцией в управленческие процессы. Для России перспективы технологий реальны при условии перехода от отдельных

пилотов к системным решениям, где математическая гарантия неизменности дополняется институциональными гарантиями правовой определённости, финансирования и человеческого капитала.

Цифровизация государственного и муниципального управления – это не просто технологическая модернизация, а глубокая трансформация самой природы взаимодействия власти и общества [3]. Ее последствия выходят далеко за рамки автоматизации процессов: они затрагивают качество принятия решений, уровень доверия граждан, степень прозрачности и справедливости. Эти изменения носят системный характер и формируют новую парадигму управления – более оперативную, открытую и ориентированную на человека [14].

Рассмотрим три ключевых эффекта цифровизации:

- повышение оперативности и качества управленческих решений;
- рост прозрачности и доверия к власти;
- снижение административных барьеров.

Каждый из этих эффектов не является изолированным – они взаимосвязаны и усиливают друг друга, создавая позитивную обратную связь, при которой эффективность ведет к доверию, а доверие – к еще большей эффективности.

Одним из самых ощутимых и измеримых результатов цифровизации стало сокращение времени на выполнение административных процедур. Раньше гражданин или компания могли часами стоять в очередях, заполнять десятки бумажных форм и неделями ждать ответа от чиновника. Сегодня многие процессы завершаются за минуты или часы, а не за дни и месяцы.

Это стало возможным благодаря автоматизации, интеграции информационных систем и устранению дублирования данных. Государство больше не требует от человека десятикратного подтверждения одних и тех же сведений – однажды введенные данные на «Госуслугах» становятся доступны всем ведомствам, участвующим в процессе.

Примеры говорят сами за себя:

1. Срок рассмотрения жалоб граждан в Роспотребнадзоре сократился с 15 до 3-4 дней [1].
2. Регистрация юридического лица через сервис «Мой налог» занимает всего один час (ранее – 5-7 дней).
3. Срок выдачи разрешений на строительство в пилотных регионах сокращён с 6 месяцев до 30 дней (проект Минстроя).

Это способствует снижению коррупционных рисков и повышению доверия к государству [7].

Цифровые платформы позволяют гражданам:

- отслеживать ход рассмотрения обращений,

- получать доступ к открытым данным (бюджет, закупки, отчётность),
- участвовать в онлайн-консультациях и голосованиях.

Согласно опроса ВЦИОМ, удовлетворённость качеством электронных услуг выросла с 58% в 2020 году до 76% в 2024 году, а доверие к цифровым сервисам – до 68% [2].

Механизмы цифровой идентификации (ЕСИА), электронной подписи (ЭП) и документооборота (СЭД) позволили сократить количество личных визитов.

Статистика:

- в Москве – 93% услуг – без личного присутствия [5];
- по России – в среднем 85% [2];
- экономия времени граждан – более 10 млн. человеко-часов в год (оценка Минцифры).

Цифровизация государственного и муниципального управления – это не только история успеха, но и сложный, многогранный процесс, сопряженный с рядом серьезных вызовов [3]. За яркими цифрами роста электронных услуг и внедрения ИИ скрываются глубинные системные проблемы, которые могут сорвать даже самые амбициозные планы, если не будут решены комплексно.

Эти проблемы носят технологический, кадровый, правовой и социальный характер. Они взаимосвязаны: отсутствие интернета в деревне делает бессмысленным электронный дневник, неграмотный чиновник не сможет эффективно использовать ИИ, а уязвимая информационная система подорвет доверие к цифровому государству.

Рассмотрим четыре ключевые группы ограничений:

- неравномерность цифровой инфраструктуры;
- нехватку кадров и низкий уровень цифровой грамотности;
- информационную безопасность;
- зависимость от зарубежного программного обеспечения.

Каждая из этих проблем – не просто технический барьер, а вызов устойчивости, справедливости и суверенитету цифрового государства.

Проблема наиболее остро стоит в сельской местности и отдалённых регионах (на Дальнем Востоке, Севере, в Сибири).

Данные Минцифры:

- 12% населённых пунктов (около 15 тыс.) остаются без стабильного широкополосного интернета;
- в арктической зоне – покрытие менее 40%;
- задержки в реализации проекта «Цифровая экономика» – до 18 месяцев в ряде регионов.

Это создаёт цифровое неравенство и ограничивает доступ к услугам [2].

Согласно исследованию НИУ ВШЭ, более 40% сотрудников государственных органов не владеют базовыми цифровыми навыками (работа с облачными сервисами, инструментами ИИ, системами электронного документооборота) [6].

Проблемы:

- отсутствие системного обучения;
- сопротивление переменам со стороны старшего поколения чиновников;
- нехватка специалистов в области информационной безопасности, анализа данных, DevOps.

Решение: создание центров цифровой трансформации при вузах и акселераторов для госслужащих.

Киберугрозы – один из главных рисков.

Статистика:

- зафиксировано 2 350 попыток кибератак на критически важную инфраструктуру;
- увеличение на 22% по сравнению с 2023 годом.

Меры:

- внедрение отечественных систем защиты («Линукс», «Астра», «Касперский»);
- создание Единой системы кибербезопасности (ЕСКБ) при Минцифры;
- ужесточение контроля за обработкой персональных данных.

После 2022 года начался массовый переход на отечественное ПО, но этот процесс сопряжён с трудностями.

Проблемы:

- недостаточное качество аналогов (особенно в CAD, САПР, научных пакетах);
- высокая стоимость лицензирования;
- нехватка разработчиков.

Прогресс:

- на 85% заменены офисные пакеты («Мой-Офис» на «1С»);
- на 70% – ОС («Астра» на «Линуксе»);
- на 50% – системы СЭД («Электронный документооборот» на базе «1С»).

Цифровизация – это не конечная цель, а непрерывный процесс трансформации, который требует не только технологических решений, но и стратегического видения, долгосрочного планирования и социального сопровождения. Текущие достижения в области электронных услуг, ИИ и блокчейна – это не итог, а начало новой эпохи цифрового государства, в которой управление становится не просто эффективным, но и прогностическим, персонализированным и вовлекающим.

Рассмотрим четыре ключевые перспективы развития цифровизации, которые определяют облик российского государства в ближайшие 5-10 лет:

- создание единой цифровой экосистемы;
- развитие «умных городов»;
- расширение цифрового участия граждан;
- подготовка кадров.

Каждая из этих траекторий – не изолированный проект, а элемент единого стратегического курса на построение цифрового суверенного государства, способного отвечать на вызовы XXI века.

Цель создания единой цифровой экосистемы – полная интеграция всех государственных систем в единую платформу с едиными стандартами (API, форматы данных, аутентификация).

Проекты:

1. «Цифровая платформа государства» (2025-2030);

2. Единая цифровая идентификация (на основе биометрии и блокчейна);

3. Межведомственное взаимодействие без участия человека.

К 2030 году планируется создать 100 «умных городов» с полной цифровизацией ЖКХ, транспорта, здравоохранения и образования.

Функции:

- интеллектуальное освещение и отопление;
- AI – управление транспортом;
- цифровые поликлиники и школы.

Относительно расширения цифрового участия граждан:

1. Онлайн-голосование – расширение для выборов всех уровней;

2. Электронные петиции – с порогом в 100 тыс. подписей для рассмотрения в Госдуме;

3. Гражданские платформы – «Активный гражданин», «Наш город».

Относительно подготовки кадров и развития цифровой культуры:

1. Обязательные курсы цифровой грамотности для госслужащих;

2. Программы переподготовки (Цифровой прорыв, IT-куб);

3. Внедрение цифровых компетенций в образовательные стандарты.

Цифровизация государственного и муниципального управления в России достигла значительных успехов, особенно в сфере электронных услуг и автоматизации. Однако, в условиях стремления к цифровому суверенитету перед страной стоят серьезные вызовы: технологическая зависимость, киберугрозы, цифровое неравенство и кадровый дефицит.

Положительные эффекты – повышение эффективности, прозрачности, снижение уровня коррупции и рост доверия – очевидны. Однако, для устойчивого развития необходимо:

1. Ускорить процесс импортозамещения с упором на качество и безопасность;

2. Обеспечить равный доступ к цифровым технологиям во всех регионах;

3. Создать систему подготовки кадров и развивать цифровую культуру;

4. Повысить уровень информационной безопасности;

5. Активизировать цифровое участие граждан.

Цифровое будущее России зависит не только от технологий, но и от человеческого фактора – готовности государства и общества к совместной цифровой трансформации.

Список литературы:

[1] Варнавский А.В., Бурякова А.О., Себеченко Е.В. Блокчейн на службе государства. – М.: КноРус, 2020. – 216 с.

[2] Всероссийский центр изучения общественного мнения. Доверие к цифровым сервисам государства: опрос 2024 года // [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 17.11.2025).

[3] Герасимова Т.А., Москвитина Н.В. Содержание понятий «цифровая экономика» и «цифровизация в сфере государственного управления» // Социальная реальность виртуального пространства: материалы I Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2019. – С. 310-315.

[4] Государственная программа города Москвы «Развитие цифровой среды и инноваций» (в ред. постановления Правительства Москвы от 29.03.2022 № 494-ПП) // [Электронный ресурс] URL: <https://www.mos.ru/> (дата обращения: 10.11.2025).

[5] Департамент ООН по экономическим и социальным вопросам. Исследование электронного правительства 2024: ускорение цифровой трансформации правительств. – Нью-Йорк: ООН, 2024. – 312 с.

[6] Дмитриева Н.Е., Санина А.Г., Стырин Е.М. [и др.]. Цифровая трансформация в государственном управлении. – М: НИУ «ВШЭ», 2023. – 208 с.

[7] Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Старостина А.Н. Цифровая трансформация государственного управления: оценка результативности и эффективности. – М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2021. – 234 с.

[8] Катанандов С.Л. Технологическое развитие современных государств: искусственный интеллект в государственном управлении // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – № 1. – С. 174-182.

[9] Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 2020. – № 144. – 04.07.2020.

[10] Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Ежегодный отчет о развитии цифровой экономики в РФ за 2024 год // [Электронный ресурс] URL: <https://digital.gov.ru/target/nacziionalnaya-programma-czifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 25.11.2025).

[11] Морозов А.В. Проблема национальной безопасности России в условиях цифровизации образовательного пространства // Профессиональное образование в современном мире. – 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 2663-2673.

[12] Морозов А.В. Роль и значение современных электронных технологий в образовательном процессе вуза // В сборнике: Современные инновационные информационно-образовательные технологии в подготовке будущих бакалавров // Материалы итоговой научно-практической конференции преподавателей и аспирантов / под ред. Ф.Г. Мухаметзяновой. – Казань: ТИСБИ, 2014. – С. 188-194.

[13] Морозов А.В. Управленческая психология. – М.: Академический Проект, 2003. – 288 с.

[14] Морозов А.В., Петрова Л.Е. Влияние профессиональной компетентности специалистов на их работоспособность и профессиональное долголетие // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. – 2011. – № 3-1. – С. 82-83.

[15] Панина О.В. Нормативно-правовое регулирование процессов цифровизации государственного управления // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13. – С. 163-170.

[16] Терещенко А.Ю., Морозов А.В. Влияние технологий искусственного интеллекта на современное образование // Человеческий капитал. – 2024. – № 4 (184). – С. 104-110.

References:

[1] Varnavsky A.V., Buryakova A.O., Sebechenko E.V. Blockchain in the Service of the State. Moscow: Knorus, 2020, 216 p.

[2] All-Russian Public Opinion Research Center. Trust in Digital Government Services: 2024 Survey // [Electronic resource] URL: <https://wciom.ru> (accessed: 17.11.2025).

[3] Gerasimova T.A., Moskvitina N.V. The Content of the Concepts of "Digital Economy" and "Digitalization in Public Administration" // Social Reality of Virtual Space: Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference. Irkutsk: Irkutsk State University, 2019, pp. 310-315.

[4] State Program of the City of Moscow "Development of the Digital Environment and Innovation" (as amended by Moscow Government Resolution of March 29, 2022, No. 494-PP) // [Electronic resource]

URL: <https://www.mos.ru/> (accessed: November 10, 2025).

[5] United Nations Department of Economic and Social Affairs. E-Government Study 2024: Accelerating the Digital Transformation of Governments. New York: United Nations, 2024, 312 p.

[6] Dmitrieva N.E., Sanina A.G., Styryn E.M. [et al.]. Digital Transformation in Public Administration. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2023, 208 p.

[7] Dobrolyubova E.I., Yuzhakov V.N., Starostina A.N. Digital Transformation of Public Administration: Assessing Performance and Efficiency. – Moscow: Delo Publishing House, RANEPa, 2021. – 234 p.

[8] Katanandov S.L. Technological Development of Modern States: Artificial Intelligence in Public Administration // State and Municipal Administration. Scientific Notes. – 2023. – No. 1. – Pp. 174-182.

[9] Constitution of the Russian Federation // Rossiyskaya Gazeta. – 2020. – No. 144. – 04.07.2020.

[10] Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. Annual report on the development of the digital economy in the Russian Federation for 2024 // [Electronic resource] URL: <https://digital.gov.ru/target/nacziionalnaya-programma-czifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczii> (date of access: 25.11.2025).

[11] Morozov A.V. The problem of national security of Russia in the context of digitalization of the educational space // Professional education in the modern world. – 2019. – Vol. 9. – No. 2. – Pp. 2663-2673.

[12] Morozov A.V. The role and importance of modern electronic technologies in the educational process of the university // In the collection: Modern innovative information and educational technologies in the training of future bachelors // Materials of the final scientific and practical conference of teachers and graduate students / edited by F.G. Mukhametzyanova. – Kazan: TISBI, 2014. – P. 188-194.

[13] Morozov AV Management Psychology. – Moscow: Akademicheskii Proekt, 2003. – 288 p.

[14] Morozov AV, Petrova LE The Impact of Professional Competence of Specialists on Their Performance and Professional Longevity // Human Factor: Problems of Psychology and Ergonomics. – 2011. – No. 3-1. – P. 82-83.

[15] Panina OV Normative-legal regulation of the processes of digitalization of public administration // Issues of Russian and International Law. – 2023. – Vol. 13. – P. 163-170.

[16] Tereshchenko A.Yu., Morozov AV The Impact of Artificial Intelligence Technologies on Modern Education // Human Capital. – 2024. – No. 4 (184). – P. 104-110.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-842-846

ПЕТРОВА Ксения Евгеньевна,
преподаватель кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин,
преподаватель кафедры общеобразовательных
дисциплин Северо-Западного филиала федерального
государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
(г. Санкт-Петербурга),
e-mail: ksu_spb@bk.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ЦИФРОВОЕ ПРАВО: ПОДГОТОВКА КАДРОВ К ВЫЗОВАМ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ И ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ

Аннотация. В современных условиях цифровой трансформации все большее значение приобретают вопросы подготовки высококвалифицированных специалистов в сфере информационных технологий и права. Успешное решение проблем кибербезопасности и функционирование электронного правосудия требуют синергии правовых знаний, умения работать с компьютерными системами и владения культурой электронной коммуникации. В статье рассмотрены основные аспекты подготовки кадров для правовой сферы с учётом современных вызовов киберпространства и необходимости обеспечения эффективного информационного взаимодействия. Проанализированы вопросы формирования культуры речи в условиях цифровой коммуникации. Отмечены тенденции развития электронного правосудия и роли специалиста, сочетающего юридические и технические компетенции.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровое право, кибербезопасность, электронное правосудие, культура речи, подготовка кадров.

PETROVA Ksenia Evgenievna,
Lecturer at the Department
of Humanities and Socio-Economic Disciplines,
lecturer at the Department of General Education
of the North-West branch of the Federal State
Budget-Funded Educational Institution of Higher Education
“Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev”
(the city of Saint-Petersburg)

INFORMATION TECHNOLOGY AND DIGITAL LAW: TRAINING FOR THE CHALLENGES OF CYBERSECURITY AND E-JUSTICE

Annotation. In the current conditions of digital transformation, the training of highly qualified specialists in the field of information technology and law is becoming increasingly important. Successfully addressing cybersecurity challenges and functioning of e-justice requires a synergy of legal knowledge, the ability to work with computer systems and a culture of electronic communication. The article discusses the main aspects of training personnel for the legal sphere, taking into account the modern challenges of cyberspace and the need to ensure effective information interaction. The issues of the formation of speech culture in the context of digital communication are analyzed. Trends in the development of e-justice and the role of a specialist combining legal and technical competencies are noted.

Key words: information technology, digital law, cybersecurity, e-justice, culture of speech, personnel training.

Введение. Цифровая эпоха актуализирует проблему адекватного реагирования правовой системы на динамические изменения в сфере технологий. Во многих странах, включая Российскую Федерацию, активно формируется цифровой контур правосудия, усиливаются требования к информационной безопасности и появляется необходимость в специалистах, способных эффективно работать на стыке права и IT. Согласно исследованиям ряда авторов, значительную роль в формировании профессиональной готовности играет не только техническая и правовая грамотность, но и культура речи в условиях интенсивной цифровизации человеческой коммуникации [1].

В современной юридической практике компьютерная информация представляет собой неотъемлемую часть доказательной базы, канал обмена документами и источник потенциальных рисков утечки данных [2]. Одновременно формируется концепция электронного правосудия: суды начинают применять электронный документооборот, дистанционные заседания и иные цифровые форматы взаимодействия [3]. Всё это требует подготовки профессионалов, которые владеют не только правовыми и информационными компетенциями, но и способностью выстраивать грамотную стратегию кибербезопасности, а также соблюдать нормы речевого и профессионального этикета в электронных коммуникациях.

Цель настоящей работы – выявить основные вызовы, стоящие перед системой подготовки кадров в условиях формирования электронного правосудия и роста рисков кибербезопасности, а также предложить возможные пути совершенствования образовательных программ, учитывающих культуру речи и специфику информационных технологий.

1. Методологические основы исследования

Методологической базой анализа служит междисциплинарный подход, объединяющий достижения юридической науки, информатики, педагогики и лингвистики. Работа опирается на исследования особенностей формирования культуры речи в электронном пространстве, а также на исследования в области компьютерной информации и её роли в юридической. В качестве дополнительного источника проанализированы результаты новейших наработок по внедрению цифровых технологий в систему правосудия.

В ходе исследования использовались следующие методы научного познания: анализ и синтез научных публикаций, контент-анализ образовательных программ и нормативных документов, обобщение практического опыта обучения право-

ведов и IT-специалистов, а также сравнительно-правовой метод, позволяющий выявить опыт зарубежных государств.

2. Вызовы кибербезопасности в условиях цифровизации права

2.1. Рост угроз в киберпространстве

Масштабное распространение цифровых сервисов и повсеместное получение, хранение и передача конфиденциальной информации создают все больше угроз для правовых институтов и граждан. По мере развития технологий растёт и число кибератак, направленных на базы данных судебных органов, адвокатских контор, нотариальных палат, а также иных государственных структур [2]. Хакерские взломы, фишинговые рассылки, несанкционированный доступ к системам электронного правосудия и другие виды киберпреступлений негативно влияют на доверие участников правовых процессов к цифровым инструментам.

2.2. Компетенции юриста в сфере кибербезопасности

Ключевая задача современного правоведа или специалиста, занимающегося цифровым правом, – уметь выявлять и пресекать нарушения, связанные с функционированием информационных систем. При этом речь идет не только о знании законов в области защиты информации, но и о базовых навыках в сфере IT: понимании технических принципов шифрования, основ функционирования сетей, механизмах аутентификации и авторизации пользователей. Специалист должен уметь анализировать доказательства, представленные в электронном виде, оценивать их достоверность и допустимость. В связи с этим в образовательных программах всё более актуальным становится введение специальных дисциплин, посвященных кибербезопасности, цифровой криминалистике и правовым аспектам компьютерной информации.

3. Электронное правосудие: современные тенденции и проблемы внедрения

3.1. Тенденции развития электронного правосудия

В мировом сообществе наблюдается устойчивая тенденция к оцифровке судебных процедур и переходу на электронный документооборот. Подобные практики позволяют сократить временные и финансовые затраты участников суда, упростить доступ к правосудию и повысить оперативность рассмотрения дел. В России последовательно внедряются электронные системы для подачи исковых заявлений, ведения судебного делопроизводства и взаимодействия с другими

правовыми институтами. Однако процесс цифровизации сопровождается проблемой несовершенства нормативно-правовой базы и нехваткой высококвалифицированных кадров, способных адекватно обеспечивать безопасность и эффективность электронного правосудия.

3.2. Проблемы нормативного регулирования

На пути становления электронного правосудия актуален ряд вопросов правового характера. Во-первых, требуется комплексная регламентация порядка хранения и защиты электронных судебных документов. Во-вторых, существуют сложности при сопоставлении понятий классического «письменного» доказательства и «электронного» документа. Практика показывает, что судьи и иные участники процесса не всегда обладают единым пониманием допустимости электронных доказательств. Кроме того, продолжает дискутироваться вопрос о правовом статусе систем автоматического анализа и распределения дел, что может приводить к рискам необъективного судебного разбирательства.

3.3. Формирование речевых компетенций в электронном судопроизводстве

Электронное правосудие значительно меняет формат коммуникации участников процесса, переносит делопроизводство в виртуальное пространство и увеличивает объем письменных электронных взаимодействий. В условиях информационной коммуникации культура речи модернизируется, происходит адаптация традиционных норм делового языка к онлайн-среде. Способность формулировать правовые аргументы и юридические документы в электронном формате, соблюдая при этом ясность, точность и лексико-грамматическую корректность, является важной составляющей профессионализма современного юриста. Некорректно составленное электронное обращение или допущенные грамматические ошибки могут привести к отказу в рассмотрении иска либо к неверному толкованию заявленных требований.

4. Формирование культуры речи в сфере информационной коммуникации

Культура речи в цифровой среде требует особого внимания, так как правовая сфера традиционно *relies on* официально-деловой стиль, точность терминов и четкость аргументации. При переходе к электронной среде возможны явления стирания жанровых границ, снижения стилистических норм, смешения личного и профессионального стиля.

Информационная коммуникация формирует новое языковое пространство, в котором взаимодействуют устные и письменные формы, формальная и неформальная лексика. Юристы и дру-

гие специалисты должны овладевать коммуникативными стратегиями таким образом, чтобы их речевые практики отвечали юридическим требованиям и при этом учитывали особенности цифровой среды. Важен вопрос этикета электронной переписки, осознания последствий неверной интерпретации сообщений и соблюдения принципов конфиденциальности.

5. Подготовка кадров: сочетание юридических, технических и лингвистических компетенций

5.1. Интеграция учебных дисциплин

Для эффективной подготовки специалистов, способных решать задачи кибербезопасности и обслуживать электронное правосудие, необходима интеграция дисциплин информационно-технологического и правового профиля. Образовательные программы должны включать курсы по основам программирования, сетевым технологиям, системам защиты информации, правовому регулированию IT-сферы, а также по современной речевой культуре и риторике, адаптированной к цифровой среде (Меретуков и др., 2023). Только такая комплексность позволит выпускникам ориентироваться в цифровых технологиях и эффективно применять их в правовой деятельности.

5.2. Формирование компетенций в области кибербезопасности

Современная образовательная среда должна ориентировать слушателей на практико-ориентированное изучение кибербезопасности, включая моделирование реальных случаев взлома, защиту данных, анализ электронных доказательств. Целесообразно привлекать к проведению занятий специалистов по информационной безопасности, судей, экспертов-криминалистов. Важным направлением учебного процесса является ознакомление с реальными кейсами расследования киберпреступлений и их правовой квалификацией.

5.3. Значение культуры речи и цифровой коммуникации в образовательных программах

Существует необходимость включения в программы подготовки специалистов целого ряда дисциплин, развивающих культуру письменной и устной речи в цифровой сфере. Речь идет не только об основах филологического образования, но и о курсах по цифровой этике, электронному документообороту, навыкам ведения деловой переписки и подготовки электронных документов. Приобретая лингвистические и коммуникационные компетенции, будущие правоведа смогут с большей ответственностью и точностью формировать тексты правовых актов, судебных документов, договоров, соглашений и иных электронных документов.

6. Перспективы развития образовательной системы в контексте электронного правосудия

В условиях быстрого развития технологий образовательные учреждения и научные организации могут выступить катализаторами адаптации юридического сообщества к цифровым реалиям. Предлагаются следующие перспективные направления:

1. Разработка комплексных образовательных стандартов по специальности «Цифровое право», «Киберправо» или «IT-право», которые предполагают обязательную подготовку в сфере безопасной работы с компьютерными системами.
2. Укрепление партнёрских связей между университетами, IT-компаниями и государственными органами, ответственными за внедрение электронного правосудия.
3. Создание сетевых образовательных модулей, которые позволят студентам и практикующим специалистам получать доступ к передовым разработкам и тренингам по кибербезопасности.
4. Усиление внимания к формированию культуры речи в электронном взаимодействии, в том числе внедрение языковых тренажёров, учебных симуляторов электронного судопроизводства.

Совместная реализация перечисленных инициатив будет способствовать более качественной подготовке кадров, способных эффективно противостоять киберугрозам и развивать электронное правосудие, сохраняя высокие стандарты правовой культуры и речевой компетентности.

Заключение

Цифровая трансформация ставит перед правовой сферой целый комплекс новых задач, связанных с кибербезопасностью и внедрением электронного правосудия. Для их решения необходимы специалисты, обладающие гибридными компетенциями: правовыми, техническими и лингвистическими. Они должны уметь использовать технологические инструменты для обеспечения доказательств и защищать информационные системы от атак, а также владеть культурными нормами электронного взаимодействия и эффективной речевой практикой в цифровом пространстве.

Ключевым условием для успешной кадровой подготовки является комплексная реформа образовательных программ, включающая специальные курсы по кибербезопасности, цифровому праву и культуре речи. Практико-ориентированная подготовка и сотрудничество с профессио-

нальным сообществом помогут выпускникам быстро адаптироваться к вызовам современной юридической практики. Развитие электронного правосудия и укрепление кибербезопасности станут драйверами качественного обновления всей правовой системы и повышения доверия к цифровым сервисам.

Список литературы:

- [1] Евдокиенко В. В. Проблемы формирования культуры речи в сфере информационной коммуникации в современной России / В. В. Евдокиенко // Теоретические и прикладные аспекты формирования информационного, образовательного и правового пространства в современном мире : сборник статей, Краснодар, 23 декабря 2022 года – 21 2023 года. – Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский Дом - Юг», 2024. – С. 37–39.
- [2] Меретуков Г. М., Швецов С. В., Комаров И. М. Компьютерная информация в юридической деятельности: теоретические основы и практика применения. — М.: Юридический центр, 2023. — 248 с.
- [3] Лошкарев А. В. Актуальные тенденции внедрения цифровых технологий в систему правосудия Российской Федерации / А. В. Лошкарев. // Вопросы экономики и права – 2022 – № 3 (165). – С. 21–27.
- [4] Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир : аналитический доклад / А. В. Кашанин, А. Б. Козырева, Н. А. Курносова), Д. В. Малов ; ответственный редактор: А. В. Кашанин ; Центр развития современного права. – Москва, 2020. – 80 с.
- [5] Ниесов, В. А. Информационные системы судопроизводства : учебное пособие / В. А. Ниесов, А. М. Черных; под общей редакцией профессора Д. А. Ловцова. – Москва : РГУП, 2018. – 268 с.
- [6] Малинский, Ю. В. Информатизация деятельности судов Российской Федерации и мира / Ю. В. Малинский. – DOI: 10.18572/1812-3791-2021-6-39-42 // Российский судья. – 2021. – № 6. – С. 39-42.
- [7] Околёснова, О. А. Информатизация судебной деятельности и её конституционные предпосылки / О. А. Околёснова // Российский конституционализм: научное осмысление и реальность : Материалы X Международного Конституционного Форума, посвященного 100-летию Конституции РСФСР 1918 г., 25-летию Конституции РФ 1993 г., 70-летию Всеобщей декларации прав человека, Саратов, 05 декабря 2018 г. – Саратов, 2019. – С. 113-118.
- [8] Удовенко, О. Б. Актуальные проблемы информатизации судебной системы / О. Б. Удо-

венко // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2020. – Т. 16. – С. 468-477.

[9] Удовенко, О. Б. Информатизация судебной системы. Суд XXI века / О. Б. Удовенко // Ученые записки казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2019, Т. 15. – С. 411-415.

References:

[1] Evdokienko V. V. Problems of Formation of Speech Culture in the Sphere of Information Communication in Modern Russia / V. V. Evdokienko // Theoretical and Applied Aspects of Formation of Information, Educational and Legal Space in the Modern World: Collection of Articles, Krasnodar, December 23, 2022 – 21, 2023. – Krasnodar: Limited Liability Company "Publishing House - Yug", 2024. – Pp. 37–39.

[2] Meretukov G. M., Shvets S. V., Komarov I. M. Computer Information in Legal Activity: Theoretical Foundations and Application Practice. – Moscow: Legal Center, 2023. – 248 p.

[3] Loshkarev A. V. Current Trends in the Implementation of Digital Technologies in the Justice System of the Russian Federation / A. V. Loshkarev. // Issues of Economics and Law – 2022 – No. 3 (165). – P. 21–27.

[4] Information Technologies in Justice: Status and Prospects. Russia and the World: Analytical Report / A. V. Kashanin, A. B. Kozyreva, N. A. Kurnosova), D. V. Malov; Editor-in-Chief: A. V. Kasha-

nin; Center for the Development of Modern Law. – Moscow, 2020. – 80 p.

[5] Niyesov, V. A. Information Systems of Legal Proceedings: A Textbook / V. A. Niyesov, A. M. Chernykh; under the general editorship of Professor D. A. Lovtsov. – Moscow: Russian State University of Economics, 2018. – 268 p.

[6] Malinsky, Yu. V. Informatization of the Activities of the Courts of the Russian Federation and the World / Yu. V. Malinsky. – DOI: 10.18572/1812-3791-2021-6-39-42 // Russian Judge. – 2021. – No. 6. – P. 39-42.

[7] Okolesnova, O. A. Informatization of judicial activity and its constitutional prerequisites / O. A. Okolesnova // Russian constitutionalism: scientific understanding and reality: Materials of the X International Constitutional Forum dedicated to the 100th anniversary of the Constitution of the RSFSR of 1918, the 25th anniversary of the Constitution of the Russian Federation of 1993, the 70th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights, Saratov, December 5, 2018. – Saratov, 2019. – P. 113-118.

[8] Udoenko, O. B. Actual problems of informatization of the judicial system / O. B. Udoenko // Scientific notes of the Kazan branch of the "Russian State University of Justice". – 2020. – Vol. 16. – Pp. 468-477.

[9] Udoenko, O. B. Informatization of the judicial system. Court of the 21st century / O. B. Udoenko // Scientific notes of the Kazan branch of the "Russian State University of Justice". – 2019, Vol. 15. – Pp. 411-415.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-847-850

РАЕВСКИЙ Даниил Игоревич,
Аспирант Гатчинского государственного университета,
e-mail: dan.raewsky@yandex.ru

ПРИРОДА И БУДУЩЕЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СМАРТ-КОНТРАКТОВ

Аннотация. На сегодняшний день цифровизация идет полным ходом, что означает и то, что предпринимательское право в целом так же развивается и будущие субъекты права уже скоро будут появляться у нас в праве, что и происходило за рубежом. Обратим так же внимание на то, что субъект, который скорее всего появится в скором времени в России, ввиду развития цифровизации и распространения маркетплейсов именно электронные лица, отличительной чертой которых является именно смарт контракты, регулирование которых для будущего будет крайне важно. Обратим так же внимание и на то, что такие смарт контракты имеют двойственную природу, а именно природу инструмента в реализации предпринимательской деятельности и форму заключения договора. Регулирование и рассмотрение подобных аспектов заранее с научной точки зрения крайне важно ввиду большого количества проблем в законодательстве, одной из которых является неупреждаемость законодательства за актуальной ситуацией, от чего и появляется необходимость в регуляции всех вопросов заранее для того, чтобы в дальнейшем изучать уже рассмотренные вопросы, связанные с такими формами заключения договора как смарт контракты.

Ключевые слова: Электронные юридические лица, ответственность, искусственный интеллект, новые субъекты, правосубъектность, гражданский процесс, гражданское право, смарт контракты, формы заключения договора, договорное право.

RAEVSKY Daniil Igorevich,
Postgraduate student
of Gatchina State University

RESPONSIBILITY OF FUTURE ENTREPRENEURS

Annotation. Today, digitalization is in full swing, which means that entrepreneurial law is also developing, and future legal entities will soon appear in our legal system, as has been the case abroad. It is also worth noting that the entity that is likely to emerge in Russia in the near future, due to the development of digitalization and the spread of marketplaces, is an electronic entity characterized by smart contracts, which will be crucial for the future. We should also note that such smart contracts have a dual nature, namely, the nature of an instrument for carrying out business activities and the form of concluding a contract. It is extremely important to regulate and consider such aspects in advance from a scientific perspective, as there are many legal issues, one of which is the lag between legislation and the current situation, necessitating the regulation of all aspects.

Key words: Electronic legal entities, liability, artificial intelligence, new subjects, legal personality, civil procedure, civil law, smart contracts, forms of contract formation, contract law.

На сегодняшний день ожидается появление новых субъектов во всех отраслях права, включая предпринимательское право. Используя зарубежный опыт можно прийти к выводу, что именно электронные юридические лица будут такими субъектами права, однако возникает потребность в том, чтобы правильно урегулировать деятельность таких субъектов права, через смарт контракты, как отличительную черту таких лиц. Отметим так же и важность

заблаговременной регуляции таких субъектов, так как крайне важно рассматривать подобные вопросы заранее и в целом максимально точно с технической точки зрения сопоставить их с правом.

На сегодняшний день, в Российской Федерации существует огромное количество различных договоров, которые регулируют все сфера гражданского права, будь то договоры, относящиеся к аренде помещений или же договоры, что регули-

руют отдельные вопросы предпринимательской деятельности. Разнообразие различных договоров и их видов обуславливается огромным разнообразием субъектов права, различных отношений и норм права, к которым они относятся. Однако с наступлением цифрового века, вопросы цифровизации стали не просто актуальными, а требующими определенных идей, которые будут помогать не только понимать природу таких вещей, но и регулировать их в целом. Одним из таких направлений являются смарт-контракты, активно используемые за рубежом.

Однако, чтобы понимать далее то, как должны регулироваться смарт контракты у нас, стоит рассмотреть два важных аспекта, а именно то, как работают смарт контракты и то, какой опыт есть за рубежом.

Начиная с первого вопроса стоит сказать, что в первую очередь это система, которая проверяет соответствие определенных параметров, заданных ранее сторонами. Это могут быть вопросы ответственности, поставок, оказания услуг, финансовые аспекты и другие существенные условия договора. Система смарт контрактов представляет собой вид заключения сделки, через использование ПО (программного обеспечения), которое самостоятельно будет принимать решение о закрытии сделки, если условия, заданные сторонами, будут выполнены. Таким образом, система самостоятельно принимает решения, закрывая сделки или выставляя требования. Двойственность и сложность природы таких контрактов заключается в том, что они являются по сути и инструментом в реализации уставной деятельности коммерческих организаций, ведь именно они и используют в мире такую систему, но в то же время и способ заключения договора, ведь это то же заключение договора через интернет. В ГК, а именно Федеральному закону от 18.03.2019 №34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [1], благодаря чему получилось внести изменения, которые связаны с оборотом цифровых прав и совершением сделок в электронной форме. В дополнении сложности природы мы хотим отметить то, что по своей природе смарт контракты являются сразу двумя аспектами, способом заключения договора и инструментом в деятельности юридического лица. В аспекте инструмента смарт контракты выступают в первую очередь как инструмент, приложение или же ПО, которое используется компаниями на свой страх и риск, осознавая последствия действий точно так же, как компании используют мессенджеры, различные программы сервисы, которые чаще выступают как

второстепенные аспекты деятельности юридических лиц. По сути, смарт контракты, что работают по системе блокчейнов выступают в первую очередь как инструмент, который так или иначе можно использовать уже сегодня в России, однако не в той форме, в которой ее используют за рубежом, а скорее как программу для контроля совершения сделок, поставок, существенных условий и так далее. Природа инструмента подтверждается тем, что сам договор или форма заключения договора не является каким-либо инструментом, что самостоятельно определяет что-либо или решает определенные функции и задачи в юридическом лице, а в электронных юридических лицах, что сегодня есть за рубежом, они выполняют так же и функцию замены управляющих органов компаний, самостоятельно принимая решение за людей о закрытии сделок. Единственное в чем чувствуют люди – устанавливают существенные условия договора.

В то же время смарт контракты представляют собой форму заключения договора, ведь как отмечают специалисты, смарт контракты можно рассматривать как разновидность договора в электронной форме [2]. Для того, чтобы убедиться в этом стоит обратиться к сравнительно правовому методу. Для этого стоит разбить договор по признакам и сопоставить его с признаками смарт контрактов. В первую очередь договор является возмездным, то есть лица, что заключают договор, как существенное условие прописывают цену услуг, товаров и так далее. В смарт контрактах же важной частью так же является возмездность, так как закрыть сделку смарт контракт не позволит пока не будут выполнены условия, в том числе и денежные. Далее, договор является взаимным, то есть обе стороны хотят извлечь определенную выгоду из договора, что так же соответствует смарт контрактам. Принцип свободы договора так же соблюдается в смарт контрактах, как и другие принципы, которые можно долго перечислять. Таким образом именно через сравнительно правовой метод можно сделать выводы о двойственной природе смарт контрактов, из чего и выходят трудности с их природным определением.

Для начала стоит отметить, что с развитием интернета, переходом деятельности многих компаний в интернет, как никогда стало актуально переходить от бюрократически сложных и долгих процессов к простым и легким в оформлении и реализации формам договоров и деятельности определенных лиц, которые будут максимально оптимизированы для быстрого решения задач, что приведет в том числе к тому, что будут появляться определенные юридические лица, которые будут базироваться именно на такой форме управ-

ления. Подобная форма управления юридического лица называется электронными юридическими лицами и представляет собой классическое юридическое лицо, однако не имеющее органов управления, присущих классическим юридическим лицам, таких как директоров, совета директоров или генерального директора. Такие юридические лица чаще всего пользуются смарт-контрактами, если рассматривать зарубежный опыт. Автор так же отмечает важность перехода к новым видам юридических лиц, ведь, как показывает опыт, страны, где такие лица появляются и функционируют, а так же инвесторы крайне заинтересованы в том, что бы переходить к новому виду юридических лиц и их деятельности так таковой, результатом которых и стали смарт-контракты, которые и были главным инструментом в деятельности таких лиц.

Впервые такие лица, как и использование смарт контрактов появилось в Америке еще в 2016м году, чем и привлекла очень большие инвестиции. На сегодняшний день, Америка и другие страны, что находятся в содружестве с ней имеют богатейший опыт предпринимательства, от чего смотреть на зарубежный опыт в этой ситуации крайне целесообразно. Например, обращая внимания на зарубежную науку, можно обратить внимание на работу «смарт контракты и легальное осуществление», за Авторством Армина Фьюкса [3], где затрагиваются основные вопросы работы смарт контрактов. Благодаря таким работам можно узнать, что в зарубежном законодательстве такие виды контрактов используются для широкого спектра коммерческих соглашений, которые уже в свою очередь регулируют практически все аспекты деятельности компаний. В Америке огромное внимание уделяется так же и тому, что такие контракты не являются полностью независимыми и полностью подчиняются федеральному законодательству, а отчетность таких организаций, что используют смарт контракты такая же прозрачная и должна отвечать принципам честности и гласности. В том числе это возможно благодаря самой природе блокчейнов, работающих, зачастую на языке программирования C++, Питоне, Джаве, Джаве Скрипт и Go, что обеспечивает прозрачность итогов работы блокчейнов и программ, на которых они основаны. При всем при этом в многих зарубежных работах отмечается высокая степень ответственности создателей такого ПО, так как от них зависят финансы целых компаний, ведь контракты это взаимодействие двух и более компаний между собой. Далее мы бы хотели отметить работу Патрика Чьюфэла, который в своей огромной работе рассмотрел огромное количество аспектов, посвященных

смарт контрактам, от субъектов что ими пользуются до налогов, которые такие компании платят. Автор подмечает так же и важный аспект ответственности, который лежит на всех сторонах сделки: создателей смарт контрактов, а также их пользователей [4]. Важно так же отметить и то, что вопрос ответственности поднимается и со стороны работы с правоохранительными органами. Автор работы подмечает важность работы компаний, использующих подобное ПО с правоохранительными органами, а также доступность кода и прозрачность компаний для них, для постоянных проверок и профилактики преступлений и правонарушений. Отмечается так же и то, что государства, в которых используются смарт контракты и электронные юридические лица крайне заинтересованы в том, чтобы отрасль развивалась, от чего не должно быть определенных серьезных барьеров, но в то же время, рамки закона должны строго ограничить незаконно использование ПО.

В целом использование блокчейнов и смарт контрактов так же обозначает и необходимость инновационного подхода к регулированию такой темы, так как на сегодняшний день у некоторых государств, в том числе России есть большие проблемы с регулированием подобных сфер, от чего те же биткойны долгое время не регулировались совершенно никак из-за политики ЦБ РФ и других органов власти, от чего потребность в регулировании сфер связанных с цифровым пространством и кодами крайне востребована и важна для своевременного правового регулирования и что немаловажно, защиты от «отмывания» денежных средств.

Говоря о будущем регулировании такого в России, что по мнению автора непременно будет, стоит отметить так же и тот факт, что технология блокчейна должна оставаться основной для создания смарт контрактов в деятельности юридических лиц, при всем при этом другие основы не должны использоваться, так как именно система блокчейн использует криптографию для проверки транзакций и регистрирует их в публичной бухгалтерской книге. Это означает большую надежность и прозрачность, что крайне важно для того, чтобы регулироваться правоохранительными органами.

Использование смарт контрактов должно быть разрешено к использованию в основном для отношений между юридическими лицами, так как именно для таких правоотношений они и создавались и для них они и предназначены, в то время как для физических лиц и так используются экспериментальные и входящие в обиход альтернативы, такие, например, как кассы самообслуживания, которые представляют собой подобие смарт контрактов. С добавлением подобных контрактов,

арбитражным судам так же нужно будет разбираться с новыми категориями дел, что так же требует дополнений в кодексы, а также четкое разграничение ответственности при использовании подобного ПО. При использовании и регулировании смарт контрактов в России, в первую очередь нужно будет решить однозначно природу таких контрактов. По нашему мнению, стоит склоняться к тому, что они представляют собой по итогу форму заключения договора, чье использование присуще определенному кругу юридических лиц, каких еще нет у нас в стране, но скоро появятся, в ходе продолжительной цифровизации всех сфер общества.

Отметим также и важный аспект работы с правоохранительными органами, так как они должны заниматься профилактикой преступлений, а также их пресечением и регулированием в целом. Это означает, что у правоохранительных органов и органов, уполномоченных на проверки должны быть доступы к информации, скрывающимся после результатов деятельности смарт контрактов, что будет возможно и легко реализуемо ввиду природы таковых. Сами проверки могут проводиться дистанционно после запросов соответствующих уполномоченных органов и сотрудников для проверки. Немаловажным так же будет и аудит, который будет так же просматривать и результаты деятельности таких смарт контрактов, от чего тем же аудиторам нужно будет освоить и работу с базами данных таких ПО. Отсутствие анонимности и все доступность будет означать публичность отслеживаемых средств, что так же будет означать простоту отслеживания таких транзакций, что так же является плюсом таких контрактов, от чего их актуальность, необходимость появления и регулирования действительно важна. Для лучшего регулирования этой сферы в целом мы рекомендуем, обращая внимание на иностранный опыт, с учетом особенностей отечественной системы права понемногу начать интегрирование смарт контрактов и электронных юридических лиц в предпринимательстве, что так же будет способствовать развитию отрасли и науки в целом.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 N 34-ФЗ (последняя редакция)
- [2] Егорий Геннадьевич Усачев – «Смарт контракт как разновидность договора в электронной форме» - Закон и право. 2025. № 2. С. 197—201.
- [3] Armin Fuchs - "Smart Contracts: A Legal Perspective on Blockchain-Based Transactions" \ published in the International Review of Law Computers & Technology. This article provides a comprehensive legal analysis of smart contracts and their implications for contract law. // URL: https://cardozo.yu.edu/sites/default/files/2020-01/smart_contracts_report_2_0.pdf
- [4] Patrick Schueffel - "Blockchain and Smart Contracts: An Overview", published in the Journal of Innovation Management. This paper offers an introduction to blockchain technology and its potential applications through smart contracts.

References:

- [1] Federal Law "On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" dated 18.03.2019 N 34-FZ (latest edition)
- [2] Egoriy Gennadievich Usachev - "Smart contract as a type of contract in electronic form" - Law and law. 2025. № 2. S. 197-201.
- [3] Armin Fuchs - "Smart Contracts: A Legal Perspective on Blockchain-Based Transactions" \ published in the International Review of Law Computers & Technology. This article provides a comprehensive legal analysis of smart contracts and their implications for contract law. // URL: https://cardozo.yu.edu/sites/default/files/2020-01/smart_contracts_report_2_0.pdf
- [4] Patrick Schueffel - "Blockchain and Smart Contracts: An Overview", published in the Journal of Innovation Management. This paper offers an introduction to blockchain technology and its potential applications through smart contracts.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-851-856

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию
нормативно-правового регулирования деятельности
уголовно-исполнительной системы центра изучения
проблем управления и организации исполнения наказаний
в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ И ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Цифровизация общественных отношений изменила не только инструменты коммуникации и экономического обмена, но и механизмы криминального поведения, что объективно требует пересмотра приоритетов российской криминологической политики. В статье исследуются ключевые направления влияния цифровых технологий на преступность: «гибридизация» криминальных практик, размывание границ между офлайн- и онлайн-средой, рост социальной инженерии как массового способа посягательств, усиление виктимологических рисков вследствие самораскрытия в цифровой среде, а также институционализация теневых рынков в анонимных сегментах сети. Показано, что цифровой след становится универсальным ресурсом раскрытия, доказывания и предупреждения преступлений, однако его использование связано с рисками утраты, модификации и фрагментации данных, что требует унификации процедур фиксации и обеспечения целостности. Обоснована перспективность использования распределённых реестров для учёта криминологически значимой информации и технологий больших данных/искусственного интеллекта для мониторинга и раннего выявления угроз при условии строгих правовых гарантий, аудита и ответственности. Особое внимание уделено кадровому обеспечению: цифровая преступность сочетает технические и социально-психологические механизмы, что обуславливает необходимость междисциплинарной подготовки специалистов и системной профилактики цифровой виктимизации населения. В выводах сформулированы практико-ориентированные положения о направлениях развития российской криминологической политики в условиях цифрового общества.

Ключевые слова: цифровая криминология; киберпреступность; криминологическая политика; цифровой след; социальная инженерия; даркнет; большие данные; искусственный интеллект; кибервиктимология.

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation
of the Activities of the Criminal Executive System of the Center
for the Study of Management Problems and the Organization
of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System
Federal Government Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia

DIGITAL TRANSFORMATION OF CRIME AND THE EVOLUTION OF RUSSIAN CRIMINOLOGICAL POLICY: VICTIMOLOGICAL AND INFORMATION-ANALYTICAL ASPECTS

Annotation. The digitalization of social relations has transformed not only communication and economic exchange but also the mechanisms of criminal behaviour, which objectively calls for a revision of priorities within Russian criminological policy. The paper analyses key vectors of technolog-

ical impact on crime: "hybridization" of criminal practices, the blurring of boundaries between offline and online environments, the rise of social engineering as a mass modus operandi, increasing victimological risks driven by self-disclosure in digital platforms, and the institutionalization of shadow markets in anonymous network segments. It is argued that digital traces become a universal resource for detection, proof, and prevention, yet their use is associated with risks of loss, modification, and data fragmentation, requiring standardized procedures for collection and integrity assurance. The study substantiates the перспективность of distributed ledgers for criminologically significant data accounting and of big data/AI tools for monitoring and early threat detection, provided strict legal safeguards, auditing, and accountability are ensured. Special attention is given to human resources: digital crime combines technical and socio-psychological mechanisms, necessitating interdisciplinary training and systematic prevention of digital victimization. The conclusion offers practical directions for the development of Russian criminological policy in the digital society.

Key words: digital criminology; cybercrime; criminological policy; digital trace; social engineering; darknet; big data; artificial intelligence; cybervictimology.

Цифровая среда стала повседневной инфраструктурой: платежи, коммуникации, получение услуг, идентификация личности и участие в публичной сфере осуществляются через платформы и сетевые сервисы. В подобных условиях криминологическая политика — как система научно обоснованных целей, принципов и мер предупреждения преступности, её причин и условий — неизбежно сталкивается с изменением криминогенных факторов и с появлением новых каналов преступного воздействия. Небольшое вступление необходимо для фиксации исходного тезиса: цифровизация не «создаёт» преступность, но трансформирует её социальные и технологические механизмы, масштабирует последствия и меняет способы выявления, доказывания и профилактики. Следовательно, требуются не частные корректировки отдельных практик, а переосмысление связки «причины и условия — профилактика — правоохранительная деятельность — общественная безопасность» с учётом цифровых реалий.

Методологически уязвимо рассматривать киберпреступность как автономный сектор. На практике цифровые каналы и цифровые следы включаются в подготовку и совершение большинства противоправных деяний: от мошенничества и вымогательства до незаконного оборота наркотических средств, экономических и коррупционных преступлений. Формируется феномен «гибридизации» — когда объект посягательства может быть традиционным (имущество, здоровье, общественная безопасность), но способы совершения, координации и сокрытия опираются на цифровые платформы, а доказательственное значение приобретают электронные данные. Такой подход согласуется с отечественными концепциями цифровой криминологии, трактующими цифровую составляющую как междисциплинарное поле, где криминологический анализ должен соединяться с

пониманием социальной динамики, коммуникационных практик и технологических ограничений расследования [1; 2].

Социологическая перспектива цифрового общества позволяет уточнить причины и условия цифровой трансформации преступности. Платформенная коммуникация стимулирует публичность, непрерывное самораскрытие и накопление данных о личности: геолокации, изображений, контактов, поведенческих паттернов, покупательских привычек. Сам факт наличия цифровых сервисов усиливает зависимость человека от инфраструктуры доверия: пользователь вынужден полагаться на интерфейсы и «подсказки» системы, а не на проверяемые собственными усилиями признаки достоверности. В результате формируются новые виктимологические риски: не только прямые имущественные потери, но и репутационный ущерб, шантаж, вымогательство, давление через компрометирующие материалы. Эти механизмы соотносятся с описанием цифрового общества как единства реального и виртуального измерений, в котором цифровые практики становятся нормой социального поведения и одновременно расширяют поле уязвимостей личности [5].

Наиболее массовым механизмом современных посягательств становится социальная инженерия. Её эффективность обусловлена тем, что значительная доля преступлений строится на манипуляции доверием, авторитетом и срочностью, тогда как «техническая оболочка» (подмена номера, фишинговая форма, имитация интерфейса банка или государственного сервиса, ложные ссылки в мессенджерах) обслуживает психологический сценарий. Для криминологической политики принципиально, что социальная инженерия снижает порог входа в преступность: для результата зачастую не требуются высокие технические компетенции, зато требуется знание поведенческих закономерностей, способность управ-

лять вниманием и эмоциями потерпевшего. Следовательно, профилактика не может ограничиваться инженерно-техническими рекомендациями; она должна включать инструменты поведенческого предупреждения: обучение распознаванию манипулятивных сценариев, формирование устойчивых когнитивных «правил остановки» (отложенное решение, независимая проверка канала связи, отказ от передачи кодов/паролей), а также стандартизацию безопасного пользовательского поведения в организациях и домохозяйствах.

Актуализация кибервиктимологии особенно отчётлива на примере кибермошенничества, которое приобретает признаки социально значимого риска и затрагивает различные возрастные и социальные группы. Для разработки профилактических программ важны эмпирические виктимологические наблюдения, фиксирующие неоднородность состава потерпевших и связь виктимизации с типичными «цифровыми привычками». Показательно, что отечественные исследования дают возможность выделять устойчивые профили риска и оценивать структуру криминальной виктимности по ряду показателей, что повышает адресность профилактики и позволяет уходить от абстрактных рекомендаций [10; 11]. В практическом плане это означает необходимость перехода от универсальных информационных сообщений к сегментированной профилактике: разные группы нуждаются в разных «языках предупреждения», разной интенсивности и разном наборе защитных практик. Для молодёжи ключевой риск часто связан с коммуникационными практиками и цифровой идентичностью, для людей среднего возраста — с финансовыми сценариями и услугами, для пожилых — с доверчивостью и дефицитом навыков проверки источников.

Отдельным фактором цифровой криминализации выступают анонимизирующие технологии и формирование теневых сегментов сети, обеспечивающих устойчивое функционирование преступных рынков. Инфраструктура скрытых сервисов и криптографические механизмы создают условия для торговли персональными данными, сбыта запрещённых товаров, распространения вредоносных программ, посредничества в обналичивании и легализации доходов, предоставления «криминальных услуг». В криминологическом смысле здесь важны два обстоятельства. Во-первых, анонимность снижает риски для участников теневого рынка и повышает его устойчивость, что стимулирует специализацию и разделение ролей. Во-вторых, сетевое взаимодействие ускоряет обмен криминогенными знаниями, стандартизирует преступные «скрипты» и расширяет географию посягательств без пропор-

ционального роста издержек. Такие процессы корреспондируют с тезисом о цифровизации и сетевизации общества постмодерна, где девиантные практики получают новые формы организации и воспроизводства [3].

При этом криминологически неверно отождествлять технологии приватности с преступностью. Анонимность может служить законным целям: защите конфиденциальности, снижению рисков преследования, обеспечению безопасности коммуникаций. Следовательно, криминологическая политика должна исходить из принципа пропорциональности вмешательства и из правовой определённости критериев, по которым государство ограничивает цифровую приватность. Иначе профилактика рискует превратиться в источник вторичных криминогенных эффектов: недоверия к институтам, ухода коммуникаций в более закрытые каналы, расширения теневых практик. Таким образом, при разработке мер противодействия преступности в анонимных сегментах сети требуется баланс: эффективное выявление и пресечение преступлений должно сочетаться с процедурами судебного контроля, ответственностью за незаконное вмешательство в приватность и прозрачными регламентами доступа к данным.

Универсальным элементом современной преступности становится цифровой след. Геолокация, сведения операторов связи, записи видеонаблюдения, данные платёжных систем, метаданные сообщений и системные журналы сервисов приобретают значение не только для раскрытия «сетевых» преступлений, но и для расследования традиционных деяний. Практика подтверждает, что для следователя критически важны навыки работы с цифровыми уликами: они позволяют устанавливать мотивы, подтверждать алиби, выявлять маршруты и контакты, восстанавливать хронологию событий. На уровне криминологической политики это меняет требования к организационным стандартам: необходимо сокращать временной разрыв между событием и фиксацией данных, унифицировать процедуру их изъятия, обеспечить непрерывность цепочки хранения и минимизировать риски модификации. Российские исследования, посвящённые расследованию интернет-преступлений и особенностям получения доказательственной информации, подчёркивают зависимость результативности от своевременности и процессуальной корректности работы с цифровыми источниками [7], а также демонстрируют, что даже в специфических сегментах (например, интернет-наркосбыт) криминалистические признаки и информационные следы позволяют выстраивать доказательственные модели при наличии надлежащих процедур [6].

Одновременно расширение цифрового доказательственного поля порождает риски: неоднородность форматов, фрагментация данных, их зависимость от коммерческих платформ и облачных сервисов, высокая скорость утраты и возможность подделки цифровых файлов. Следовательно, криминологическая политика должна включать не только технологические инициативы, но и нормативно-организационные стандарты: минимальные требования к фиксации, классификацию источников данных, регламенты взаимодействия с операторами и платформами, требования к логированию операций доступа, а также профессиональную подготовку кадров, способных оценивать достоверность и релевантность цифровых следов. Важен и виктимологический компонент: некорректное обращение с данными потерпевшего (утечка, разглашение) способно вызвать вторичную виктимизацию, снизить готовность граждан к сотрудничеству и увеличить латентность преступности.

Одним из перспективных решений проблемы целостности и неизменности данных в криминологически значимых информационных системах рассматривается использование распределённых реестров. Идея заключается не в «переносе всего» на блокчейн, а в применении его свойств (неизменяемость записей, распределённая верификация, аудит операций) для учёта и контроля жизненного цикла данных. В отечественной научной дискуссии блокчейн связывается с повышением достоверности криминологической информации и снижением рисков подделки или утраты [9]. Практически это может означать: регистрацию факта поступления цифрового носителя, фиксацию хэшей файлов, протоколирование доступа к данным, создание проверяемой истории операций. Вместе с тем криминологическая политика должна учитывать ограничения: технологические решения не заменяют процессуальных гарантий, а применение распределённых реестров требует определённости в вопросах доступа, разграничения полномочий и ответственности за внесение данных.

Важнейшее направление цифровой модернизации криминологической политики связано с большими данными и искусственным интеллектом. Мониторинг публичных информационных потоков, выявление аномалий в транзакциях и сетевой активности, автоматизированный анализ связей между событиями и субъектами способны повысить скорость обнаружения угроз и обоснованность профилактических решений [1; 2]. Однако применение алгоритмов в сфере предупреждения преступности неизбежно порождает правовые и этические риски: ложноположительные срабатывания, дискриминационные эффекты

на уровне данных и моделей, непрозрачность критериев классификации, «самоисполняющиеся» прогнозы при неосторожном использовании профилирования. Поэтому криминологическая политика должна формулировать рамки допустимости алгоритмизации: обязательный аудит моделей, проверяемость данных, документирование решений, возможность оспаривания, человеческое принятие финального решения, а также ограничение использования высокорисковых систем без специального регулирования. Значимость правовых рамок цифровой безопасности подчёркивается и в отечественных работах, рассматривающих цифровую безопасность как ресурс уголовно-правового и криминологического воздействия [4].

Межведомственная интеграция выступает организационным условием эффективности. Противодействие цифровым угрозам требует согласованного обмена данными между правоохранительными органами, финансовым сектором, операторами связи и цифровыми платформами при соблюдении законодательства о персональных данных и режимов тайны. Важна не идея «неограниченного доступа», а построение стандартных протоколов реагирования: минимально необходимых наборов сведений, сроков предоставления, способов верификации, ответственных лиц и процедур контроля. Для криминологической политики это означает переход от фрагментарных ведомственных практик к согласованной архитектуре профилактики и расследования, где единые стандарты данных и единая терминология снижают транзакционные издержки и ускоряют предупреждение ущерба.

Кадровое обеспечение является ключевым фактором устойчивости политики в цифровую эпоху. Цифровая преступность сочетает технические и социально-психологические механизмы, поэтому «узкая» подготовка специалиста — только юридическая или только инженерная — оказывается недостаточной. Необходим междисциплинарный профиль: правовое регулирование цифровых прав и обращения данных, основы цифровой криминалистики и сетевой аналитики, психология принятия решений и манипулятивных технологий, базовая криптография, понимание финансовых технологий и типовых схем кибермошенничества. Подобное понимание соответствует отечественным подходам к цифровой криминологии как междисциплинарной области, в которой результативность зависит от скорости и качества обмена знаниями между юристами, специалистами по информационным технологиям и психологами [1; 3].

Наряду с профессиональной подготовкой значима массовая профилактика, ориентирован-

ная на повышение цифровой грамотности. В отличие от ряда «классических» криминогенных факторов, цифровые риски во многом модифицируемы через обучение и стандартизацию безопасных действий. Криминологическая политика в этой части должна уходить от эпизодических кампаний к устойчивым программам, встроенным в систему образования, корпоративные стандарты и пользовательские интерфейсы сервисов. Эффективны меры, меняющие «архитектуру выбора»: двухфакторная аутентификация по умолчанию, понятные предупреждения о рисках, ограничение опасных операций без дополнительной проверки, простые каналы связи для подтверждения подозрительных действий. В виктимологическом плане такие меры сокращают вероятность успеха социальной инженерии и снижают латентность, поскольку потерпевший получает понятный алгоритм действий и не опасается стигматизации.

Заключительные положения позволяют зафиксировать, что цифровая трансформация не отменяет классических закономерностей преступного поведения, но расширяет его инструментарий, усложняет организацию преступных практик и масштабирует последствия для личности и общества. Для российской криминологической политики это означает необходимость перехода к модели, в которой цифровые параметры включаются в диагностику причин и условий преступности, в виктимологическую профилактику и в технологические стандарты работы с доказательствами. Ключевые выводы сводятся к следующему: цифровизация ведёт к «гибридизации» преступности и размыванию границ между сетевыми и несетевыми формами, что требует отказа от узкого понимания киберпреступности как изолированного сегмента и внедрения сквозного учёта цифровых факторов в профилактике; социальная инженерия становится ведущим механизмом массовой виктимизации, поэтому приоритетом выступают адресные программы цифровой грамотности и поведенческой профилактики; анонимные сегменты сети формируют устойчивые теневые рынки и преступные сообщества, что актуализирует развитие криптографических компетенций и межгосударственного взаимодействия при соблюдении принципа пропорциональности вмешательства; цифровой след превращается в ключевой ресурс раскрытия и предупреждения, что требует стандартизации процедур фиксации и хранения данных и внедрения решений контроля целостности; применение больших данных и искусственного интеллекта перспективно для мониторинга и раннего выявления угроз, но должно сопровождаться правовыми гарантиями,

аудитом и ответственностью за решения; кадровое обеспечение и устойчивость криминологической политики в цифровую эпоху зависят от междисциплинарной подготовки специалистов и институционализированного научно-практического взаимодействия. Реализация обозначенных направлений позволит укрепить научную обоснованность и результативность российской криминологической политики в условиях цифрового общества.

Список литературы:

- [1] Ищук Я. Г., Пинкевич Т. В., Смольянинов Е. С. Цифровая криминология: учебное пособие. Москва: Академия управления МВД России, 2021. 244 с.
- [2] Овчинский В. С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. Москва: ИНФРА-М, 2018. 352 с.
- [3] Комлев Ю. Ю. Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 1(39). С. 31–40.
- [4] Лебедев С. Я. Цифровой безопасности — цифровой уголовно-правовой ресурс // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4. С. 17–25.
- [5] Добринская Д. Е. Цифровое общество в социологической перспективе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 175–192.
- [6] Моисеев А. М., Кондратюк С. В. Криминалистические признаки наркосбыта посредством сети Интернет // Балканское научное обозрение. 2017. № 1. С. 43–46.
- [7] Моисеев А. М., Кондратюк С. В. Возможности получения доказательственной информации при расследовании интернет-преступлений // Хуманитарни Балкански изследвания. 2017. № 1. С. 41–43.
- [8] Кондратюк С. В. Виктимологические данные в структуре криминалистической характеристики // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки». 2019. № 3(38). С. 17–22.
- [9] Аносов А. В. Использование технологии блокчейн в процессе формирования и учета криминологической информации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 211–216. DOI: 10.24420/KUI.2018.32.13968.
- [10] Кабанов П. А. Жертвы кибермошенничества как один из объектов современной кибервиктимологии: краткий статистический анализ показателей криминальной виктимности 2021–2022 гг. // Виктимология. 2023. Т. 10. № 1. С. 17–28. DOI: 10.47475/2411-0590-2023-10102.

[11] Антонян Е. А., Клещина Е. Н. Кибервиктимность // Вестник Пермского института ФСИН России. 2019. № 3. С. 5–10.

References:

[1] Ishchuk Y. G., Pinkevich T. V., Smolyaninov E. S. Digital criminology: a textbook. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 244 pp.

[2] Ovchinsky V. S. Criminology of the digital world: a textbook for a master's degree. Moscow: Norm: INFRA-M, 2018. 352 pp.

[3] Komlev Yu. Yu. Digitalization, networking of postmodern society and the development of digital criminology and deviantology//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. T. 11. № 1(39). S. 31-40.

[4] Lebedev S. Ya. Digital security - digital criminal law resource//Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2019. № 4. S. 17-25.

[5] Dobrinskaya D.E. Digital Society in a Sociological Perspective//Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2019. VOL. 25. № 4. S. 175-192.

[6] Moiseev A.M., Kondratyuk S.V. Forensic signs of drug trafficking via the Internet//Balkan Scientific Review. 2017. № 1. S. 43-46.

[7] Moiseev A.M., Kondratyuk S.V. Possibilities of obtaining evidentiary information in the investigation of Internet crimes//Humanitarni Balkan research. 2017. № 1. S. 41-43.

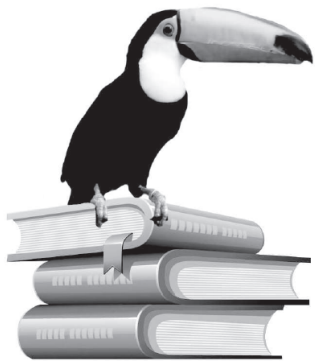
[8] Kondratyuk S.V. Victimological data in the structure of forensic characteristics//Vector of Science of Togliatti State University. "Legal Sciences" series. 2019. № 3(38). S. 17-22.

[9] A. V. Anosov. Use of blockchain technology in the process of formation and accounting of criminological information//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 2. S. 211-216. DOI: 10.24420/KUI.2018.32.13968.

[10] Kabanov P. A. Victims of cyber fraud as one of the objects of modern cybervictimology: a brief statistical analysis of criminal victimization indicators 2021-2022//Victimology. 2023. T. 10. № 1. S. 17-28. DOI: 10.47475/2411-0590-2023-10102.

[11] Antonyan E.A., Kleshchina E.N. Cybervictimity//Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2019. № 3. S. 5-10.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

БАКАЕВ Дмитрий Андреевич,
Старший преподаватель
кафедры менеджмента и маркетинга
Волгоградский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова,
Аспирант ФГАОУ ВО Волгоградский
государственный университет,
e-mail: dim.backaew2014@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРЕЕМСТВА ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ: РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. В статье исследуются теоретические и практические проблемы перехода цифровых активов в порядке наследования. Актуальность темы обусловлена стремительным развитием цифровой экономики и появлением новых видов имущества, правовой режим которых до настоящего времени окончательно не определен ни в российском, ни в зарубежном законодательстве. Цель работы состоит в выявлении основных коллизий, возникающих при правопреемстве цифровых объектов, а также в сравнительном анализе подходов к их разрешению в различных правовых системах. Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой и формально-юридический методы, позволившие сопоставить российскую правоприменительную практику с прецедентами США и европейскими законодательными решениями. В статье рассматриваются такие проблемные аспекты, как квалификация цифровых активов в качестве объектов наследственных прав, противоречие между условиями пользовательских соглашений и императивными нормами наследственного права, вопрос о доступе наследников к персональным данным умершего, а также особенности наследования криптовалюты. Особое внимание уделяется анализу зарубежного опыта регулирования цифрового наследования, включая американский закон RUFADAA, германскую судебную практику и французский институт цифрового наследника. На основе проведенного исследования делается вывод о необходимости совершенствования российского законодательства путем выработки единообразных подходов к определению правовой природы цифровых активов и создания специальных процедур, облегчающих переход таких объектов по наследству. Сравнение российской и зарубежной практики показывает, что наиболее эффективные решения проблемы лежат в плоскости сочетания законодательного регулирования и развития договорных инструментов, предоставляемых самими цифровыми платформами. При этом заимствование зарубежного опыта должно осуществляться с учетом особенностей отечественной правовой системы и сложившихся подходов к пониманию наследственных прав.

Ключевые слова: наследственное право, цифровые активы, правопреемство, криптовалюта, пользовательское соглашение, цифровое наследие, нотариат, зарубежная практика, персональные данные, цифровые финансовые активы.

БАКАЕВ Dmitry Andreevich,
Senior Lecturer, Department of Management and Marketing
Volograd Branch of the Plekhanov Russian University of Economics,
Postgraduate Student, Volgograd State University

PROBLEMS OF DIGITAL ASSET SUCCESSION: RUSSIAN AND FOREIGN PRACTICE

Annotation. This article examines the theoretical and practical issues of digital asset transfer by inheritance. The relevance of this topic is determined by the rapid development of the digital economy and the emergence of new types of property, the legal regime for which has not yet been definitively defined in either Russian or foreign legislation. The aim of this paper is to identify the main conflicts arising in the legal succession of digital assets and to conduct a comparative analysis of

approaches to resolving them in various legal systems. The methodological basis of the study is formed by comparative legal and formal legal methods, which allowed for a comparison of Russian law enforcement practice with US precedents and European legislative decisions. This article examines such problematic aspects as the classification of digital assets as objects of inheritance rights, the contradiction between the terms of user agreements and mandatory norms of inheritance law, the issue of heirs' access to the personal data of the deceased, and the specifics of cryptocurrency inheritance. Particular attention is paid to the analysis of international experience in regulating digital inheritance, including the American RUFADAA law, German judicial practice, and the French Institute of Digital Heirs. Based on the conducted research, it is concluded that Russian legislation needs to be improved by developing uniform approaches to defining the legal nature of digital assets and creating special procedures facilitating the transfer of such assets by inheritance. A comparison of Russian and international practice shows that the most effective solutions to this problem lie in a combination of legislative regulation and the development of contractual instruments provided by the digital platforms themselves. At the same time, borrowing from international experience should be carried out taking into account the specifics of the domestic legal system and established approaches to understanding inheritance rights.

Key words: *inheritance law, digital assets, succession, cryptocurrency, user agreement, digital heritage, notary services, international practice, personal data, digital financial assets.*

Введение

На сегодняшний день стремительная цифровизация всех сфер жизни привела к формированию принципиально нового вида имущества – цифровых активов [1, с. 140]. Аккаунты в социальных сетях, криптовалюта, файлы в облачных хранилищах, доменные имена, внутриигровое имущество и токены стали неотъемлемой частью жизни современного человека, зачастую представляя значительную материальную или личную ценность. Однако развитие права значительно отстает от технологического прогресса. Перед правоприменителями и законодателями остро встал вопрос: что происходит с этими активами после смерти их владельца? Традиционные институты наследственного права, формировавшиеся веками для регулирования оборота материальных вещей, оказались не готовы к работе с нематериальными, зачастую анонимными и трансграничными объектами [2, с. 469]. Проблема правопреемства цифровых активов сегодня представляет собой один из самых сложных вызовов для цивилистики, требующий переосмысления фундаментальных понятий «имущество», «наследство» и «тайна частной жизни». Целью данной работы является комплексный анализ проблем, возникающих при переходе цифровых активов по наследству, а также сравнительное исследование подходов к их решению, сложившихся в российской и зарубежной правоприменительной практике.

Материалы и методы

Источниками для теоретического анализа послужили нормы отечественного гражданского законодательства о наследовании (главы 61–65 части третьей ГК РФ), а также специальные федеральные законы, устанавливающие правовой

режим информации и регламентирующие выпуск и обращение цифровых финансовых активов и цифровой валюты. В ходе анализа зарубежной практики были изучены судебные прецеденты США (в частности, дела *Ajemian v. Yahoo! Inc.*, *In re Estate of Ellsworth*), правовые акты Европейского союза (Общий регламент по защите данных – GDPR), а также законодательные инициативы отдельных государств, таких как Германия, Франция и Япония. Эмпирическую базу составили материалы судебной практики российских судов за период с 2018 по 2024 год, а также публичные пользовательские соглашения (terms of service) крупнейших цифровых платформ (Apple, Google, Meta, Valve). Методологическую основу работы составили всеобщий диалектический метод познания, а также частнонаучные методы: сравнительно-правовой (использовался для сопоставления российских и зарубежных подходов), формально-юридический (применялся для анализа содержания правовых норм), метод системного анализа (позволил рассматривать проблему в контексте смежных отраслей права) и метод правового моделирования.

Результаты

Проведенный анализ показал, что основное противоречие возникает на стыке трех групп интересов: интересов наследодателя (его воля и право на тайну частной жизни), интересов наследников (право на получение имущества) и интересов цифровых платформ (коммерческая тайна, защита пользовательских данных и соблюдение условий договора).

В российской правовой системе ситуация осложняется отсутствием легального определения цифрового актива как объекта наследственных прав [3, с. 2]. Гражданский кодекс РФ опери-

рует понятием «имущество», включая в него вещи, имущественные права и обязанности. Отнесение цифровых активов к традиционным объектам гражданских прав, перечисленным в законе, сопряжено с серьезными теоретическими затруднениями.

Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ввел в отечественный правовой оборот понятие цифровых прав. Однако сфера его применения ограничена активами, выпущенными в информационной системе, которая функционирует в соответствии с российским законодательством, а также учитывает права на такие активы в распределенном реестре, оператором которого является российское юридическое лицо. Иными словами, закон регулирует преимущественно те цифровые инструменты, эмиссия и обращение которых централизованы или подконтрольны отечественным структурам.

Криптовалюты же, такие как биткоин, функционируют в децентрализованных блокчейн-сетях, не имеющих единого оператора, юрисдикции или национальной привязки. Они не подпадают под определение цифрового финансового актива в смысле указанного закона, хотя легальное понятие «цифровая валюта» в нем закреплено, но лишь как объект, не предназначенный для расчетов на территории России. Еще сложнее обстоит дело с аккаунтами в социальных сетях, электронной почтой и облачными хранилищами зарубежных платформ. Эти отношения регулируются иностранным правом и пользовательскими соглашениями, что выводит их за пределы действия российского законодательства о цифровых правах. В результате наиболее востребованные и массовые цифровые активы оказываются вне четкого правового регулирования, формируя зону неопределенности как для их владельцев, так и для правоприменителей.

Анализ российской судебной практики демонстрирует консервативный подход. Суды указывают на нематериальный характер таких объектов и невозможность их отчуждения от личности умершего в силу наличия личных неимущественных прав. В качестве исключения можно рассматривать лишь отдельные судебные акты, признающие наследственным имуществом доменные имена, а также права на компьютерные программы, относимые к результатам интеллектуальной деятельности. Что касается криптовалюты, ключевой проблемой является невозможность ее ареста и идентификации без содействия наследников. Даже если суд признает криптовалюту имуществом и включит ее в состав наследства (что

само по себе прецедентно), принудительное исполнение решения практически невозможно без знания закрытых ключей, так как трансграничный характер блокчейна и анонимность держателей нивелируют юрисдикцию российского нотариата и судебных приставов.

Зарубежная практика демонстрирует большую вариативность и динамику. В Соединенных Штатах подход формируется через судебные прецеденты. Дело *Ajemian v. Yahoo! Inc.* стало в этом случае ключевым: суд постановил, что содержание электронной почты умершего не является конфиденциальной коммуникацией после его смерти и может быть передано исполнителю завещания, несмотря на условия пользовательского соглашения, запрещавшего передачу прав. Это создало прецедент, согласно которому условия лицензионного договора с платформой не могут полностью блокировать наследственные права [4, с. 35]. Однако в других штатах существуют законы (например, Revised Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act – RUFADAA), которые предлагают сложную трехуровневую систему приоритетов: сначала учитывается воля пользователя, выраженная в онлайн-инструментах платформы, затем – завещание, и лишь потом – стандартное пользовательское соглашение.

Иной подход демонстрирует законодательство Республики Казахстан специальное регулирование наследования цифровых активов в настоящее время отсутствует [5, с. 29]. Гражданские кодексы не содержат норм, прямо разрешающих или запрещающих правопреемство цифровых объектов, а имеющиеся положения касаются преимущественно цифровых финансовых активов. Правоприменительная практика по данной категории дел крайне немногочисленна, что создает правовую неопределенность для наследников и нотариата. Вопросы передачи аккаунтов в социальных сетях, внутриигрового имущества и иных нефинансовых цифровых активов остаются неурегулированными на законодательном уровне, при этом отсутствует возможность восполнить этот пробел локальными актами отдельных платформ или организаций.

Законодательное решение, закрепленное в Китайской Народной Республике, существенно отличается от подходов, реализованных в России и Казахстане. Гражданский кодекс Китая, вступивший в силу в 2020 году, содержит прямое указание на допустимость перехода цифровых активов по наследству. По этому параметру китайское правовое регулирование может быть оценено как опережающее развитие соответствующих институтов в законодательстве двух названных государств. В отличие от названных государств, в Китае также существует возможность урегулирования отдель-

ных вопросов наследования цифрового имущества на уровне локальных нормативных актов. Вместе с тем, несмотря на законодательное признание самого принципа наследования цифровых активов, четкий правовой механизм их перехода к наследникам в китайском законодательстве до настоящего времени не определен, что порождает собственные трудности правоприменительного характера.

Европейский подход во многом определяется жесткими нормами GDPR. Регламент рассматривает персональные данные как неотчуждаемое право личности. После смерти человека доступ к его данным третьих лиц, включая наследников, в странах ЕС существенно ограничен. В Германии Федеральный верховный суд постановил, что цифровой аккаунт наследуется как часть имущества, и доступ к нему должен быть предоставлен наследникам для управления цифровым наследием (например, для закрытия аккаунтов или сохранения фотографий). Однако это решение вступило в противоречие с условиями конфиденциальности коммуникаций, что вызвало бурную дискуссию. Франция пошла по пути законодательного регулирования: был принят «Закон о цифровой республике», который позволяет пользователям назначать «цифрового наследника» для распоряжения их данными после смерти, что является компромиссным решением между защитой данных и правопреемством.

Обсуждение

Выявленные результаты позволяют констатировать наличие фундаментального противоречия между договорной природой пользовательских соглашений (лицензионный договор, который по общему правилу прекращается смертью лицензиата) и вещно-правовой природой наследования (переход права собственности на имущество). Платформы, такие как Apple или Valve, в своих соглашениях прямо указывают, что аккаунт и приобретенный в нем контент (игры, приложения) являются лицензией, не подлежащей передаче. Это превращает цифровые библиотеки, на которые пользователи потратили значительные средства, в арендуемое имущество, которое не может быть унаследовано.

Дискуссионным остается вопрос о природе криптовалюты. В российской доктрине ее квалифицируют то как «иное имущество», то как цифровое право, то как имущественное право требования. Отсутствие единообразия порождает правовую неопределенность для нотариусов, которые обязаны описывать наследственное имущество, но не имеют законных механизмов для установления факта обладания криптовалютой и ее оценки.

Критически важным представляется вопрос о тайне переписки и праве на неприкосновенность

частной жизни, которое Конституция РФ гарантирует каждому. Смерть человека, по мнению ряда исследователей, не должна автоматически аннулировать эти гарантии, открывая наследникам доступ ко всей личной информации умершего, особенно если в ней могут содержаться данные третьих лиц. Здесь сталкиваются право наследников на память и информацию и право на частную жизнь как самого умершего, так и его корреспондентов.

Таким образом, проблема правопреемства цифровых активов не может быть решена точечными изменениями. Она требует системного подхода, включающего унификацию понятийного аппарата, разработку специальных нотариальных процедур для работы с цифровыми данными и, возможно, внедрение института «цифрового завещания» или назначения контактного лица для распоряжения аккаунтом.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что современное состояние правового регулирования наследования цифровых активов в России характеризуется фрагментарностью и значительным отставанием от технологической реальности. Российская практика находится на начальном этапе своего формирования, демонстрируя крайне осторожный подход судов и отсутствие четких законодательных ориентиров. Зарубежный опыт, несмотря на свою разнородность, показывает возможные пути решения: от внедрения прецедентного права, признающего приоритет наследственных прав над лицензионными соглашениями (США), до принятия специальных законов, регулирующих судьбу цифровых данных после смерти (Франция, Германия). Наиболее перспективным видится комплексный подход, при котором государство, с одной стороны, создает правовые механизмы для защиты наследственных прав (например, через признание цифровых активов объектом гражданского оборота и внедрение инструментов планирования цифрового наследия), а с другой – гарантирует соблюдение прав на частную жизнь умершего и его контрагентов. Ключевым выводом является необходимость перехода от пассивного ожидания судебных прецедентов к активной законотворческой работе. В противном случае огромный пласт имущественных и личных неимущественных прав граждан останется вне сферы правовой защиты, а цифровые активы будут безвозвратно утрачены для наследников или, что еще хуже, присвоены цифровыми платформами. Решение этой задачи потребует консолидации усилий цивилистов, специалистов в области информационного права и самих участников цифрового оборота.

Список литературы:

[1] Макаров П.А. Особенности наследования цифровых активов. Всероссийский научный журнал «Вопросы права». 2025. № 3. С. 140-144.

[2] Ляпин М.А. Проблемы защиты прав собственников цифровых активов. В сборнике: Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение. Сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции. Сост. Е.В. Воскресенская, М.В. Минаева. Санкт-Петербург, 2023. С. 469-476.

[3] Байдаева В.О. Цифровые активы как объект наследственного правопреемства в современном мире: вопросы и пути решения. Наследственное право. 2022. № 1. С. 2-4.

[4] Мальцев В.А. Цифровое наследство: правовые пробелы и предложения по их устранению. Правовая позиция. 2025. № 2 (63). С. 35-42.

[5] Пашук Е.О. Наследование цифровых активов в Российской Федерации, Республике Казахстан, Китайской народной республике: правовые проблемы и пути их решения. В сборнике: Многополярный мир в фокусе новой действительности. материалы XIII Евразийского экономического форума молодежи. Уральский государственный экономический университет. Екатеринбург, 2023. С. 27-29.

References:

[1] Makarov P.A. Features of inheritance of digital assets. All-Russian scientific journal "Questions of Law." 2025. № 3. S. 140-144.

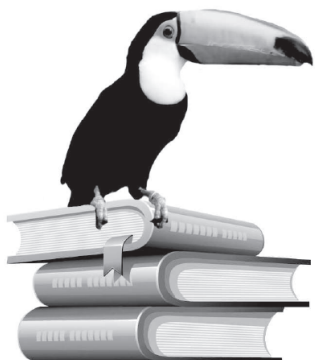
[2] Lyapin M.A. Problems of protecting the rights of owners of digital assets. In the collection: Human rights activities in modern Russia: problems and their solution. Collection of scientific works of the IX International Scientific and Practical Conference. Comp. E.V. Voskresenskaya, M.V. Minaeva. St. Petersburg, 2023. S. 469-476.

[3] Baidaeva V.O. Digital assets as an object of hereditary succession in the modern world: issues and solutions. Inheritance law. 2022. № 1. S. 2-4.

[4] Maltsev V.A. Digital Legacy: Legal Gaps and Proposals to Address Them. Legal position. 2025. № 2 (63). S. 35-42.

[5] Pashchuk E.O. Inheritance of digital assets in the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, the People's Republic of China: legal problems and ways to solve them. In the collection: Multipolar world in the focus of the new reality. materials of the XIII Eurasian Economic Youth Forum. Ural State University of Economics. Yekaterinburg, 2023. S. 27-29.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-862-868

ДИБРОВА Ольга Кирилловна
Студентка магистратуры СПбГЭУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ФОРМИРОВАНИЕ «ЦИФРОВОГО ДВОЙНИКА» КОМПЕТЕНЦИЙ РАБОТНИКА ОПК КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы управления и сохранения знаний, а также обеспечения преемственности на предприятиях оборонно-промышленного комплекса (ОПК) в условиях цифровой трансформации. Автор обосновывает необходимость перехода от традиционных, недостаточно эффективных систем управления знаниями к новому инструменту - цифровому двойнику компетенций работника. Цифровой двойник компетенций работника определяется как динамическая, адаптивная цифровая модель, интегрирующая профессиональный профиль, когнитивные паттерны и опыт принятия решений сотрудника.

Целью настоящей статьи является изучение вопроса формирования цифрового двойника компетенций работника ОПК как инструмента управления знаниями и обеспечения преемственности. Для достижения этой цели последовательно решаются следующие задачи: определение понятия цифрового двойника, определение его свойств, анализ использования цифровых двойников на предприятиях ОПК.

Рассмотрены практические примеры внедрения элементов данной технологии в корпорациях ОПК. Делается вывод, что цифровой двойник компетенций работника представляет собой стратегическую платформу для обеспечения кадрового суверенитета, превращая индивидуальный экспертный капитал в формализованный корпоративный актив. Определены ключевые риски внедрения цифровых двойников на предприятиях ОПК.

Ключевые слова: цифровой двойник, оборонно-промышленный комплекс, ОПК, цифровой двойник компетенций работника, управление знаниями, преемственность знаний, цифровое управление.

DIBROVA Olga Kirillovna
Master's student of St. Petersburg
State University of Economics

DEVELOPING AN EMPLOYEE COMPETENCY DIGITAL TWIN IN THE DEFENSE INDUSTRY AS A TOOL FOR KNOWLEDGE MANAGEMENT AND SUCCESSION PLANNING

Annotation. This article examines the challenge of knowledge management, retention, and succession planning within enterprises of the defense industry (OPK) amidst ongoing digital transformation. The author substantiates the necessity of transitioning from traditional, often inadequate knowledge management systems to a novel instrument—the employee competency digital twin. The employee competency digital twin is defined as a dynamic, adaptive digital model that integrates an employee's professional profile, cognitive patterns, and decision-making experience.

The purpose of this article is to investigate the development of an employee competency digital twin in the defense industry as a tool for knowledge management and ensuring continuity. To achieve this goal, the following tasks are sequentially addressed: defining the concept of a digital twin, outlining its core properties, and analyzing the use of digital twins within defense industry enterprises.

Practical case studies of implementing elements of this technology in major defense corporations are examined. It is concluded that the employee competency digital twin serves as a strategic

platform for ensuring workforce sovereignty, thereby transforming individual expert capital into a formalized corporate asset. Key risks associated with the implementation of digital twins in defense industry enterprises are identified.

Key words: *digital twin, defense industry, defense-industrial complex, employee competency digital twin, knowledge management, knowledge continuity, digital governance.*

Введение

В условиях модернизации промышленного производства инструменты цифровизации приобретают ключевое значение для обеспечения долгосрочной устойчивости систем высокотехнологичных предприятий, включая объекты оборонно-промышленного комплекса (ОПК).

Оборонно-промышленный комплекс, фундаментом национальной безопасности, характеризуется высоким уровнем сложности производимой продукции, длительными жизненными циклами изделий и жесткими требованиями к надежности и качеству. В настоящее время предприятия ОПК сталкиваются со следующими проблемами: демографический провал и «кадровая яма», массовый выход на пенсию специалистов – носителей уникальных знаний и практического опыта, усиление конкуренции за высококвалифицированных специалистов, обладающих профессиональными компетенциями в цифровой сфере, ускорение технологических изменений [2, 3]. Ключевой проблемой становится риск безвозвратной утраты неявных, часто нигде не зафиксированных знаний, связанных с особенностями проектирования, испытаний, технологических процессов и принятия решений в нестандартных ситуациях в сфере ОПК [11, 12].

Традиционные системы управления знаниями, базирующиеся на документации, базах данных и регламентах, оказываются недостаточно эффективными для сохранения и передачи целостного профессионального опыта. Как отмечает I. Nonaka, процесс преобразования неявных знаний в явные – социализация, экстернализация, комбинация и интернализация – остается глубоко персонализированным и контекстно-зависимым [15]. Преемственность, понимаемая как процесс передачи ключевых компетенций от опытных специалистов к следующим поколениям, зачастую носит стихийный характер, завися от личных отношений в связке «наставник-ученик».

В этом контексте возникает потребность в принципиально новом инструменте, способном формализовать, сохранить и оперативно актуализировать совокупный профессиональный профиль работника. Таким инструментом, возникшем на стыке цифровой среды и управления персоналом, является цифровой двойник компетенций работников как инструмент управления знаниями и обеспечения преемственности.

Внедрение технологий цифровых двойников на предприятиях ОПК представляет особую актуальность, поскольку позволяет повысить эффективность функционирования производственных систем и оптимизировать процессы создания продукции специального назначения.

Несмотря на высокую степень проработки цифровых двойников для технических объектов, создание цифровых двойников для организационно-социальных систем, в частности персонала предприятия, представляет собой новую и актуальную научно-практическую проблему.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы: анализ, синтез, хронологический, обобщение, системный подход. Теоретической базой выступили научные публикации, освещающие вопросы создания и использования цифровых двойников в системе управления персоналом на предприятиях.

Результаты и обсуждения

Если классический цифровой двойник физического актива является его виртуальной динамической копией, то цифровой двойник компетенций представляет собой структурированную, обучаемую и развивающуюся цифровую модель совокупности профессиональных характеристик, знаний, навыков, опыта и когнитивных паттернов сотрудника [7].

Как указывается в статье Д.В. Попкова, концептуальными основами цифровизации, формирующими базис для создания цифровых двойников, выступают следующие направления: управление полным жизненным циклом изделия (ЖЦИ), обработка больших данных, организация производственных процессов, а также развитие киберфизических систем, промышленного интернета вещей и обеспечение интероперабельности [9].

По мнению Е.В. Орловой, цифровой двойник работника можно определить как комплексную цифровую модель (ЦМ), отражающую его профессиональный профиль, а также личностные, социальные и поведенческие характеристики в контексте выполнения трудовых функций [8].

В.Н. Баранов дает определение цифрового двойника как подключенной к интернет-платформе виртуальной копии реально эксплуатируемого физического актива, представляющая собой

интегрированную многодоменную систему симуляции, отражающую его жизненный цикл в реальных условиях эксплуатации [1]. В свою очередь, Н.П. Красновой цифровой двойник определяется как виртуальный аналог физического процесса, изделия или сервиса, функционирующий на основе численного моделирования и обеспечивающий аналитику и мониторинг систем [6]. Представленное определение сформулировано для технических и производственных систем. Общим для всех трактовок является понимание цифрового двойника как комбинации физического объекта и его виртуальной модели, между которыми осуществляется информационное взаимодействие. Идеальным случаем является синхронизация, при которой обмен данными и обновление состояний происходят практически в реальном времени.

Таким образом, цифровой двойник является, прежде всего, инструментом для принятия решений. Применительно к компетенциям, внедрение цифрового двойника означает создание модели, позволяющей прогнозировать поведение и эффективность специалиста в различных производственных сценариях, моделировать траектории его развития и оптимизировать процессы передачи знаний.

Цифровой двойник компетенций является живой, адаптивной системой, отражающей текущее состояние, историю развития, а также потенциальную траекторию роста компетенций специалиста.

Ключевыми свойствами цифрового двойника являются:

- наличие двусторонней связи для обмена данными в реальном времени и поддержание актуального состояния модели относительно физической системы. Применительно к работнику это свойство трансформируется в возможность непрерывной актуализации цифрового профиля на основе данных о его деятельности, результатах оценки компетенций, участии в проектах и обучении. Такой подход формирует адаптивную модель компетентностного капитала, синхронизированную с реальным профессиональным развитием сотрудника, что является основой для эффективного управления знаниями;
- способность к существованию и моделированию полного жизненного цикла объекта до его физической реализации, включая виртуальное прототипирование. Цифровые двойники работников позволяют моделировать различные карьерные траектории, сценарии замещения ключевых позиций и послед-

ствия управленческих решений, например, программ развития, ротации до их реализации. Таким образом, система обеспечивает инструмент для стратегического опережающего кадрового проектирования и минимизации рисков, связанных с уходом работников-носителей критических знаний;

- основание на верифицированных математических моделях, обеспечивающих достоверность, и возможность для пользователя взаимодействовать с моделью, изменяя параметры и наблюдая результат;
- способность прогнозировать поведение системы, оптимизировать ее работу, проводить мониторинг и анализ для выявления аномалий и тенденций. На основе исторических и актуальных данных цифровой двойник работника может использоваться для прогнозирования профессионального выгорания, рисков добровольного увольнения или снижения эффективности. Такой подход позволяет перейти к стратегическому управлению талантами и преемственностью, своевременно оптимизируя программы лояльности и развития;
- ускорение цикла разработки и вывода продуктов на рынок, повышение безопасности и устойчивости систем за счет виртуальных испытаний и анализа рисков. В контексте преемственности свойство устойчивости реализуется через создание цифрового хранилища экспертных знаний и компетенций сотрудника. Даже в случае ухода ключевых сотрудников, структурированная информация, модели принятия решений и связи, зафиксированные в цифровом двойнике, снижают уязвимость предприятия и могут быть использованы для подготовки преемника.

Анализ существующих разработок в данной области: обучаемые ЦД на основе ИИ от компании Merlynn, виртуальные помощники в проекте «Цифровой двойник месторождения» ПАО «Газпромнефть», платформы для обучения с ИИ-ассистентами в ПАО «Сбер», системы оптимизации командной работы в АО «Навигатор», прототип ЦД рабочего для мониторинга безопасности в ИТМО, выявляет общий недостаток. Они не включают глубокого анализа специфики человека как объекта моделирования, игнорируя такие ключевые аспекты, как:

- способность к самостоятельному целеполаганию;
- целенаправленность и потенциальная неполнота предоставляемой информации;
- динамичность состояний;

- рефлексия и ограниченная рациональность.

В этой связи актуальной является разработка методологии, которая, отражая условия цифровой экономики и учитывая антропогенные особенности работника, обеспечивала бы синтез управленческих решений, направленных на повышение как индивидуальной производительности, так и общей эффективности предприятия.

В теории и практике можно выделить три фундаментальных подхода к проектированию цифровых двойников:

- А. Прохоровым предлагаются методы, основанные на математическом (структурном) моделировании [10]. Данный подход обеспечивает описание физических законов функционирования объекта и его взаимосвязей со средой. На практике он реализуется через аппарат математического программирования и имитационное моделирование (системно-динамическое, дискретно-событийное, агентное). В зависимости от характера исходных данных применяются методы линейного, нелинейного, стохастического программирования, а также элементы теории игр и нечеткой логики. Ключевым преимуществом является способность к прогнозированию в широких диапазонах параметров;
- A.N. Martinez-Garcia, D. Kim, D. Jo выделяют методы, основанные на данных. Модели строятся на основе эмпирических данных с использованием статистических методов и алгоритмов машинного обучения [13, 14]. Они эффективны для задач диагностики и прогнозирования в условиях эксплуатации, но уязвимы за пределами обучающих выборок и в ситуациях с неполными или зашумленными данными;
- P. Radanliev, D. De Roure, R. Nicolescu, M. Huth, O. Santos рассматривают гибридные методы, совмещающие достоинства первых двух подходов: модель формируется на основе известных закономерностей, а затем калибруется и адаптируется по поступающим эмпирическим данным [16]. Такой подход позволяет повысить адекватность модели, особенно на этапах роста и стабильного функционирования системы, и эффективно работать в неповторяющихся ситуациях.

При проектировании цифровых двойников организационных систем, где на этапе разработки отсутствует полнота информации, гибридный подход представляется наиболее перспективным, поскольку позволяет начать со структурной модели, постепенно обогащая ее данными в процессе эксплуатации.

Проектирование цифрового двойника сложной системы, к которой относится работник, требует учета всего спектра ее возможных состояний: прогнозируемых желательных и нежелательных, а также непрогнозируемых

Е.В. Орловой предлагается следующая модель цифрового двойника, состоящая из следующих компонентов [8]:

- оценка человеческого капитала, учитывающая как традиционные показатели: возраст, образование, опыт, так и дополнительные: социальный капитал, здоровье, надпрофессиональные компетенции, мотивация, вовлеченность;
- управление человеческим капиталом, предназначенное для формирования индивидуальных траекторий развития работников с применением методов машинного обучения с подкреплением.

Модель Е.В. Орловой основана на гибридном подходе, который соединяет структурную модель человеческого капитала и адаптивные алгоритмы машинного обучения с подкреплением. Работник рассматривается как элемент системы управления, которая подбирает оптимальную индивидуальную траекторию развития, максимизируя долгосрочный эффект.

Для оборонно-промышленного комплекса данная модель позволяет идентифицировать и формализовать уникальные компетенции ключевых специалистов, особенно в области узкоспециализированных технологий и секретных разработок. Цифровой двойник становится контейнером, аккумулирующим не только явные знания, но и параметры опыта, моделей принятия решений и профессиональных связей конкретного носителя, что превращает неявный индивидуальный экспертный капитал в защищенный корпоративный актив.

ОПК сталкивается с риском утраты уникальных компетенций из-за демографических волн. Анализируя состояние человеческого капитала и карьерные траектории, модель может заранее указывать на ключевых специалистов, чей уход создаст наибольшие пробелы.

Кроме того, на основе данных лучших специалистов можно сформировать целевые модели человеческого капитала для ключевых ролей, что объективизирует требования к кандидатам и содержанию программ подготовки.

Анализ показал, что передовые предприятия ОПК уже двигаются в направлении создания элементов цифровых двойников. Так, в Роскосмосе развивается система «Цифровой инженер», аккумулирующая данные о компетенциях для формирования виртуальных проектных команд

[4]. В ОДК реализуются проекты по записи и структурированию уникального опыта ведущих конструкторов и технологов с помощью систем видеオフィксации и последующего анализа транскриптов. Сбор данных интегрируется с существующими корпоративными системами (HRM, PLM, ERP) и использует специализированные инструменты, подобные тем, что применяются в РКК «Энергия» для фиксации сессий проектных разборов [5].

Внедрение цифровых двойников компетенций работников ОПК способно привести к качественному росту системы управления знаниями. Преемственность перестает быть проблемой поиска одного преемника под одного наставника; знания эксперта, будучи оцифрованными и структурированными, становятся компонентом корпоративной памяти, доступным для многих. Процесс обучения трансформируется в сторону адаптивного, основанного на анализе пробелов в конкретной цифровой модели.

Однако следует отметить, что внедрение цифровых двойников сопровождается следующими видами рисков:

- этические риски, затрагивающие вопросы приватности и возможного давления руководства на работников;
- риск редукации творческого потенциала работников, связанный с переходом к набору определенных алгоритмов;
- риск кибербезопасности, являющийся ключевым для предприятий ОПК.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

В современных условиях предприятия оборонно-промышленного комплекса (ОПК) сталкиваются с необходимостью адаптации системы управления знаниями и преемственностью под влиянием активного развития цифровых технологий. Традиционные подходы, основанные на документации и неформальной передаче опыта, оказываются неэффективными для противодействия риску безвозвратной утраты уникальных неявных знаний, что создает прямую угрозу технологической устойчивости и выполнению государственного оборонного заказа.

Внедрение цифровых двойников компетенций работников на предприятиях ОПК позволяет:

- повысить объективность требований к отбору и подготовке специалистов;
- снизить операционные риски, связанные с уходом специалистов – носителей уникальных знаний и узкопрофессиональных компетенций;

- внедрить персонализированные образовательные траектории, где учебный контент и симуляционные сценарии адаптируются под профиль конкретного цифрового двойника, обеспечивая целенаправленное развитие дефицитных навыков.

Пилотные проекты на предприятиях ОПК, например, системы типа «Цифровой инженер», архивы экспертных практик, подтверждают техническую осуществимость и востребованность подобных решений. Однако для их масштабирования требуется развитие отраслевых стандартов, защищенных платформенных архитектур и кросс-функциональных методик, согласующих технологические возможности с требованиями режима секретности и спецификой инженерного труда.

Таким образом, цифровой двойник компетенций работника ОПК следует рассматривать как стратегическую платформу для обеспечения кадрового и технологического суверенитета ОПК в целом. Внедрение цифровых двойников создает основу для перехода к проактивному управлению интеллектуальным потенциалом, что является значимым фактором конкурентоспособности предприятий ОПК.

Перспективные направления дальнейших исследований связаны с разработкой инструментов валидации и интерпретации моделей цифровых двойников компетенций работника, а также с созданием нормативной базы, регулирующей их применение в условиях защиты государственной тайны.

Список литературы:

- [1] Баранов В.Н., Безруких А.И., Константинов И.Л., Рудницкий Э.А., Солопеко Н.С., Байковский Ю.В. Использование цифрового двойника для обучения студентов металлургического профиля // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31. № 2. – С. 135-148.
- [2] Болаев А.В. Использование прямых иностранных инвестиций в КНР // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2008. – №4-3. – Том. 6. – С. 364-367.
- [3] Болаев А.В. Китайская концепция развития «Один пояс и один путь»: возможности и перспективы привлечения прямых иностранных инвестиций в Россию // Вестник РАЕН. – 2016. – № 5. – С. 81-86.
- [4] Буксман В. Б. Синхронизация достояния конструкторских решений на электронной платформе Госкорпорации Роскосмоса // Актуальные проблемы авиации и космонавтики : Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонав-

тики и 10-летию науки и технологий. В 3-х томах, Красноярск, 07–11 апреля 2025 года. – Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева, 2025. – С. 12-14. – EDN LESCAN.

[5] Воронина Н.Н. Цифровые технологии в оптимизации производственных процессов авиационного производства // Цифровая экономика глазами студентов: Материалы V Международной научной конференции, Казань, 16 мая 2025 года. – Казань: ИП Сагиев А.Р., 2025. – С. 737-740. – EDN SHBSFJ.

[6] Краснова Н. П. Цифровые двойники в промышленности: обзор технологий и проблемы внедрения // Сантехника, Отопление, Кондиционирование. – 2024. – № 4(268). – С. 20-24. – EDN PSLQNI.

[7] Матяш А.В., Багрин П.П., Андреева В.А., Миронова М.П., Самосудов М.В. Понятие «цифровой двойник» применительно к социальной системе // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – №10–1. – С. 428–440.

[8] Орлова Е.В. Проектирование цифрового двойника работника предприятия. Онтология проектирования. – 2025. – Т.15, №4(58). – С.471-485. DOI: 10.18287/2223-9537-2025-15-4-471-485.

[9] Попков Д.В. Особенности создания и применения цифровых двойников производственной системы высокотехнологичного предприятия оборонно-промышленного комплекса // Журнал прикладных исследований. – 2021. – vol. 2, №5. – С. 115-118.

[10] Прохоров А., Лысачев М., Боровков А. Цифровой двойник. Анализ, тренды, мировой опыт. – М.: ООО «АльянсПринт», 2020. – 401 с.

[11] Тарануха Н.Л., Семенова С.В., Панков С.Н. Цифровой двойник — эффективный инструмент цифровой трансформации промышленных предприятий // Интеллектуальные системы в производстве. – 2023. – №3. – С. 11–26.

[12] HIPER 2017, High-Performance Marine Vehicles, Zevenwacht, South-Africa, 11-13 September 2017. – 138-149 p.

[13] Martinez-Garcia, A.N. Artificial intelligence for sustainable complex socio-technical-economic ecosystems // Computation. – 2022. – Vol.10(6). DOI:10.3390/computation10060095.

[14] Kim D., Jo D. Effects on Co-Presence of a Virtual Human: A Comparison of Display and Interaction Types // Electronics. – 2022. – Vol.11(3). – P. 367. DOI:10.3390/electronics11030367.

[15] Nonaka I., Takeuchi H. The knowledge creating company: How Japanese companies create the dynamics of innovation. – N.Y.: Oxford University Press, 1995. – 304 p.

[16] Radanliev P., De Roure D., Nicolescu R., Huth M., Santos O. Digital twins: artificial intelligence and the IoT cyber-physical systems in Industry 4.0 // International Journal of Intelligent Robotics and Applications. – 2022. – Vol.6. No.1. – P.171-185. DOI: 10.1007/s41315-021-00180-5

References:

[1] Baranov V.N., Bezrukh A.I., Konstantinov I.L., Rudnitsky E.A., Solopeko N.S., Baykovsky Yu.V. The use of a digital twin for the training of metallurgical students//Higher education in Russia. – 2022. – VOL. 31. № 2. – S. 135-148.

[2] Bolaev A.V. Use of foreign direct investment in the PRC//Economic Bulletin of Rostov State University. – 2008. – №4-3. – Volume. 6. – S. 364-367.

[3] Bolaev A.V. Chinese development concept “One Belt and One Road”: opportunities and prospects for attracting foreign direct investment to Russia//Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences. – 2016. – № 5. – S. 81-86.

[4] Buksman V. B. Synchronization of the property of design solutions on the electronic platform of the State Corporation Roscosmos//Actual problems of aviation and cosmonautics: Collection of materials of the XI International Scientific and Practical Conference dedicated to Cosmonautics Day and the 10th anniversary of science and technology. In 3 volumes, Krasnoyarsk, April 07-11, 2025. – Krasnoyarsk: Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetneva, 2025. – S. 12-14. – EDN LESCAN.

[5] Voronina N.N. Digital technologies in optimizing the production processes of aviation production//Digital economy through the eyes of students: Materials of the V International Scientific Conference, Kazan, May 16, 2025. – Kazan: IP Sagiev A.R., 2025. – S. 737-740. – EDN SHBSFJ.

[6] Krasnova N.P. Digital doubles in industry: technology overview and implementation problems// Plumbing, Heating, Air Conditioning. – 2024. – № 4(268). – S. 20-24. – EDN PSLQNI.

[7] Matyash A.V., Bagrin P.P., Andreeva V.A., Mironova M.P., Samosudov M.V. The concept of “digital twin” in relation to the social system//Economy: yesterday, today, tomorrow. – 2022. – №10–1. – S. 428-440.

[8] E.V. Orlova. Designing a digital twin of an employee of an enterprise. Design ontology. – 2025. – Т.15, No. 4 (58). – P.471-485. DOI: 10.18287/2223-9537-2025-15-4-471-485.

[9] Popkov D.V. Features of the creation and application of digital twins of the production system of a high-tech enterprise of the military-industrial complex//Journal of Applied Research. – 2021. – vol. 2, №5. – S. 115-118.

[10] Prokhorov A., Lysachev M., Borovkov A. Digital double. Analysis, trends, world experience. - M.: AlliancePrint LLC, 2020. - 401 s.

[11] Taranukha N.L., Semenova S.V., Pankov S.N. The digital twin is an effective tool for digital transformation of industrial enterprises//Intelligent systems in production. - 2023. - №3. - S. 11-26.

[12] HIPER 2017, High-Performance Marine Vehicles, Zevenwacht, South-Africa, 11-13 September 2017. - 138-149 p.

[13] Martinez-Garcia, A.N. Artificial intelligence for sustainable complex socio-technical-economic ecosystems // Computation. - 2022. - Vol.10(6). DOI:10.3390/computation10060095.

[14] Kim D., Jo D. Effects on Co-Presence of a Virtual Human: A Comparison of Display and Interaction Types // Electronics. - 2022. - Vol.11(3). - R. 367. DOI:10.3390/electronics11030367.

[15] Nonaka I., Takeuchi H. The knowledge creating company: How Japanese companies create the dynamics of innovation. - N.Y. : Oxford University Press, 1995. - 304 p.

[16] Radanliev P., De Roure D., Nicolescu R., Huth M., Santos O. Digital twins: artificial intelligence and the IoT cyber-physical systems in Industry 4.0 // International Journal of Intelligent Robotics and Applications. - 2022. - Vol.6. No.1. - P.171-185. DOI: 10.1007/s41315-021-00180-5

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-869-875

ПОТАПОВА Лариса Витальевна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Крымского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
ORCID:0000-0002-6942-3162,
e-mail: polavit@yandex.ru

ЗУЕНКО Дарья Михайловна,
студент Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации,
e-mail: teckerey@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА: МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН)

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу влияния процессов цифровизации на трансформацию правовых механизмов, обеспечивающих защиту наследственных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Актуальность исследования продиктована возрастающей ролью цифровых активов и электронных реестров в сфере наследственных правоотношений, в то время как доминирующая в Российской Федерации традиционная правовая модель, ориентированная на бумажный документооборот, создает объективные предпосылки для повышения уязвимости несовершеннолетних наследников. Проведен анализ опыта Германии, Республики Беларусь и КНР, в части создания централизованных электронных реестров, автоматизированного подтверждения статуса наследника и цифрового контроля за управлением имуществом несовершеннолетних. Авторы приходят к выводу о наличии существенных пробелов в российском праве, несмотря на предпринимаемые шаги по цифровизации нотариата и созданию систем электронного взаимодействия. По результатам исследования сформулированы конкретные предложения по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики, включая: формирование единого государственного цифрового реестра прав несовершеннолетних наследников, внедрение системы цифрового мониторинга управления их имуществом, законодательное закрепление режима наследования цифровых активов, а также разработку специализированной цифровой платформы «Наследство ребенка».

Ключевые слова: цифровизация, наследственное право, дети, оставшиеся без попечения родителей, электронный реестр, зарубежный опыт, нотариат.

POTAPOVA Larisa Vitalievna,
Associate Professor of the Department
of Civil Law Disciplines Crimean Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

ZUENKO Darya Mikhailovna,
student of the Crimean Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

DIGITALIZATION OF INHERITANCE LAW: MECHANISMS FOR PROTECTING THE RIGHTS OF ORPHANED CHILDREN AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE (USING THE EXAMPLE OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES)

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive analysis of the impact of digitalization processes on the transformation of legal mechanisms that protect the inheritance rights of orphaned children and children left without parental care. The relevance of the study is dictated by the increasing role of digital assets and electronic registries in the field of inheritance relations, while the traditional legal model dominating in the Russian Federation, focused on paper document management, creates objective prerequisites for increasing the vulnerability of minor heirs. The analysis of the experience of Germany, the Republic of Belarus and the People's Republic of China in terms of creating centralized electronic registers, automated confirmation of the status of the heir and digital control over the management of property of minors. The authors conclude that there are significant gaps in Russian law, despite the steps being taken to digitalize the notary office and create electronic interaction systems. Based on the results of the study, specific proposals have been formulated to improve Russian legislation and law enforcement practice, including: the formation of a unified state digital register of the rights of minor heirs, the introduction of a digital monitoring system for their property management, the legislative consolidation of the inheritance regime for digital assets, as well as the development of a specialized digital platform "Child's Inheritance".*

Key words: *digitalization, inheritance law, children left without parental care, electronic registry, foreign experience, notary.*

Введение

Цифровизация как системный процесс трансформации правового регулирования оказывает все более заметное влияние на традиционные институты гражданского и семейного права. Особую значимость, по мнению автора, данные процессы приобретают применительно к наследственным правам детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, для которых наследование зачастую выступает единственным источником имущественной базы и социальной стабильности.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что действующая модель наследственного права в Российской Федерации, в целом, сохраняет ориентацию на традиционные формы учета имущества и волеизъявления наследодателя, однако, все большую роль начинают играть цифровые активы и ведение электронных реестров.

В сфере наследственных правоотношений несовершеннолетние сталкиваются с повышенной уязвимостью, в связи с тем, что они не участвуют в принятии юридических решений, зависят от действий законных представителей и органов опеки, а при отсутствии цифровых инструментов контроля и учета возрастает вероятность утраты наследственного имущества, его неправомерного отчуждения либо несвоевременного оформления наследственных прав.

Существенный научный и практический интерес представляет обращение к зарубежному опыту цифровизации наследственных прав детей

данной категории. Анализ правовых порядков Германии, Республики Беларусь и Китайской Народной Республики показывает, что в ряде государств уже сформированы централизованные электронные реестры, механизмы автоматизированного подтверждения статуса наследника, а также цифровые инструменты государственного контроля за управлением наследственным имуществом несовершеннолетних. В российском праве же, напротив, подобные решения либо отсутствуют, либо находятся на начальной стадии развития, что свидетельствует о наличии значительного потенциала для заимствования и адаптации зарубежных правовых моделей.

Как верно отмечает в своей работе Э.Д. Иванова: «постепенная трансформация правовых механизмов в соответствии с современными реалиями и пересмотр взглядов на наследственное право станут характерными для ближайших лет, что приведет к формированию нового подхода к институту наследственного права» [1, с.163].

Основная часть

Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ [2] установлены на законодательном уровне цифровая трансформация правовой системы Российской Федерации, основы использования цифровых данных и требования к безопасности информационных систем, а Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ [3] создал предпосылки для

удостоверения волеизъявления граждан непосредственно в цифровой среде, что послужило фундаментом для перехода российского общества к электронному документообороту.

Следует подчеркнуть, важным шагом в развитии нотариальной деятельности стало введение Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 338-ФЗ [4] существенно модернизировало работу нотариусов. н регулирует использование Единой информационной системы нотариата (ЕИС), позволяя нотариусам напрямую и в электронном виде запрашивать информацию из более чем десяти государственных баз данных, включая ЕГРН, ЕГРИП, ФНС и СФР.

Говоря о роли указанных изменений, считаем, необходимо отметить, что немаловажным результатом стало и появление новой процедуры наследования, начиная с подачи запроса о составе имущества, и вплоть до подготовки нотариальных наследственных документов уже в цифровом формате.

Согласно ст. 121–123 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), государство берет на себя обязанность по обеспечению защиты имущественных прав детей, оставшихся без попечения родителей. Органы опеки и попечительства же, как указано в ст. 121 СК РФ: «...обеспечивают защиту их прав и интересов до решения вопроса об их устройстве и исходя из конкретных обстоятельств утраты попечения родителей...»[5]. В связи с чем, указанные органы наделены полномочиями действовать в интересах ребёнка при принятии наследства, сохранении имущества и проверке действий нотариуса или иных лиц, влияющих на имущественную сферу конкретного лица.

Так, уже с 2018 года на территории Российской Федерации институту нотариата предоставляется прямой электронный доступ к Единому государственному реестру записей актов гражданского состояния (ЕГР ЗАГС), где нотариус, в пределах своих полномочий, вправе узнать о факте смерти конкретного лица, получить необходимые сведения о возможных наследниках и так далее[6].

Кроме того, опираясь на нормативные положения «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» [7], нотариус вправе направлять запросы в различные органы государственной власти по вопросам прав наследодателя, речь идет о Росреестре, ГИБДД, ФНС, СФР и др. В целом, можно утверждать, что внедрение ЕГР ЗАГС, а также расширение возможностей

нотариусов в контексте цифровизации особенно важно, в том числе если стоит вопрос о ребенке, находящемся в специализированном учреждении или же под опекой.

Обратим внимание на то, что важным инструментом защиты имущественных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является Единая информационная система нотариата (ЕИС). Данная платформа обеспечивает оперативное взаимодействие: нотариусы через неё фиксируют факт открытия наследства и незамедлительно направляют сведения в органы опеки и попечительства, а также в прокуратуру для принятия необходимых мер [8]. Это гарантирует, что наследственное дело в интересах ребенка будет заведено в обязательном порядке, даже при отсутствии обращений со стороны родственников.

Более того, Росреестр предоставляет нотариусам доступ к сведениям о недвижимости наследодателя, что практически полностью исключает риск того, что ребёнок потеряет право на квартиру или дом из-за недобросовестности родственников. Приведем пример, если квартира наследодателя зарегистрирована в ЕГРН, то даже при отсутствии документов у ребёнка, сведения автоматически будут получены нотариусом, и при получении информации органами опеки о том, что несовершеннолетний является потенциальным наследником доли, они обязаны его защитить.

По мнению авторов, информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» для самих детей, оставшихся без попечения родителей, стала ключевым инструментом в защите своих прав, в том числе наследственных. Основным источником полезной информации для них служит портал «Госуслуги», разъясняющий, как получить государственную помощь, жилье и оформить наследство. Также на данном портале подросток может самостоятельно воспользоваться сервисом электронных обращений.

Важно выделить, что Интернет-сайты органов прокуратуры, органов опеки на регулярной основе публикуют полезную информацию по указанной категории лиц от образцов обращений и до разъяснений о правах. Например, на информационном портале Правительства Республики Крым опубликован пост по порядку и условиям принятия наследства лицами, не достигшими совершеннолетнего возраста [9]. Аналогичным образом подобное публикуется и на иных интернет-площадках. Кроме того, правовые сайты Гарант, Консультант Плюс, «Наследство.Ру» [10] также публикуют информацию, с помощью которой каждый может в доступной форме узнать, что такое

наследство, кто имеет право наследовать, порядок вступления в наследство, порядок наследования конкретного предмета, образцы необходимых документов и так далее.

В том числе стоит отметить просветительские работы некоммерческих организаций и благотворительных фондов, которые размещают в социальных сетях видеоролики, буклеты о правах детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, ведут бесплатные курсы цифровой грамотности, а также публикуют доступную к прочтению информацию наследственных правах [11].

Ключевую роль в практическом правовом просвещении детей играют социальные сети (ВКонтакте, YouTube, Telegram). Они дают доступ к реальному опыту: историям о наследстве, примерам судебных исков. Так, группа «Ассоциация приемных семей «Мария»» во ВКонтакте целенаправленно информирует приемные семьи, публикует судебные решения и оказывает поддержку при обращении за защитой прав [12].

Итак, на сегодняшний день интернет является одним из основных каналов для получения правовой информации и механизмов защиты. Он предоставляет возможности для самообразования в сфере права, получения юридической помощи, оформления документов и обращения в государственные органы. Значимую роль здесь играет и прокуратура. Её сотрудники активно работают в информационном поле, используя различные онлайн-платформы для выявления и предупреждения нарушений прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Наряду с преимуществами цифровизации нельзя игнорировать и ее существенные риски. Ключевыми проблемами остаются ошибки в государственных реестрах (ЕГРН, ЕГР ЗАГС), ведущие к неправомерному исключению имущества из наследства или ошибочному установлению родства. Распространены также киберугрозы: подмена электронных документов, несанкционированный доступ к базам данных и последующие незаконные операции. Отдельная проблема — законодательные пробелы: сегодня отсутствует четкий механизм наследования цифровых активов, таких как токены, криптовалюты и виртуальные кошелки.

Ряд исследователей также поддерживают идею закрепления в российском законодательстве института электронного завещания, аналогичного существующему в ряде стран, например, в Англии и США (в частности, штат Флорида). Речь идет, в первую очередь, «о возможности составления завещания в электронном виде и удостоверении его посредством видеоконференцсвязи в присутствии двух совершеннолетних граждан, а также создании типового закона об институте электрон-

ного завещания» [13, с. 311-312]. Автор разделяет эту точку зрения, считая своевременным и необходимым рассмотрение данного вопроса. Внедрение электронного завещания, основанное на современных технологиях, способно существенно упростить процедуру оформления последней воли, сделав её более доступной, в особенности для жителей удалённых районов и маломобильных граждан.

Особый интерес представляет опыт таких стран, как Китай, Германия и Беларусь. Ключевое отличие от российской практики заключается в их активном переходе на цифровые технологии: внедрение электронного документооборота для оформления наследственных прав детей, создание единых цифровых реестров имущества и использование автоматизированных систем для верификации статуса наследника.

В Германии цифровизация наследственных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей осуществляется преимущественно через развитие электронных реестров, при этом, нельзя не отметить и то, что существенное значение имеет функционирование Центрального реестра завещаний «Zentrales Testamentsregister» (далее по тексту – ЦРЗ), который ведётся в электронном виде и обеспечивает достаточно, на наш взгляд, в полной мере сохранность сведений о волеизъявлении наследодателя. В данный реестр вносятся завещания, даже написанные рукописно, наследственные договоры и другие связанные документы, которые были заверены нотариусами или консулами [14]. В этой связи, все государственные органы и ведомства на территории ФРГ обязаны ежедневно сообщать в Центральный реестр занятости (ЦРЗ) о каждом случае смерти гражданина. Эта процедура ведения учета является обязательной. Более того, цифровизация проявляется и в деятельности семейных судов и органов опеки «Jugendamt», использующих электронные системы для контроля за управлением наследственным имуществом ребёнка. При этом основным критерием является фактическое иждивенчество ребенка у наследодателя. Это положение, в частности, материализуется через институт «Waisenrente» (пенсии для сирот) — выплаты, назначаемой детям, потерявшим родителей или оставшимся без их попечения. При этом, необходимо подчеркнуть, что правом на получение данной пенсии обладают приемные дети, пасынки, дети, находившиеся под опекой умершего, а сам размер пенсии зависит от возраста умершего. В отличие от России, немецкий подход сочетается с социально-правовыми гарантиями, обеспечивая не только сохранность имущества, но и регулярную финансовую поддержку детей данной категории.

В Республике Беларусь данный вопрос решается в первую очередь в административно-процедурном порядке. Ключевое внимание уделяется защите жилищных и имущественных прав детей-сирот, которая обеспечивается за счет ведения специального учета в информационных системах местных исполнительных комитетов и органов опеки. Для централизованного учёта, накопления и систематизации информации о таких детях создан республиканский банк данных, где сведения вносятся в него по единой форме первичного учёта — «Личная карточка ребёнка, оставшегося без попечения родителей» (ЛКР). С октября 2025 года постановлением Министерства образования Республики Беларусь утверждено Положение от 28.10.2025 № 184 «О порядке формирования республиканского банка данных детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и пользования им» [15] в котором указывается, что республиканский банк данных — это единая система, аккумулирующая сведения о детях-сиротах и детях, лишенных родительского попечения. Система формируется на основе информации от местных органов управления образованием и целого ряда учреждений: от домов ребенка и детских домов до колледжей и вузов, где обучаются такие дети и молодые люди. Решения о закреплении жилых помещений, постановке на учёт нуждающихся, бронировании мест в общежитиях фиксируются в электронных базах данных.

В Китайской Народной Республике наблюдается масштабная цифровая трансформация государственных и правовых услуг, которая в последние годы приобрела особенно ярко выраженный технологический характер. Активно внедряются такие инновации, как онлайн-нотариат, электронные реестры собственности и цифровые системы для работы с наследственными делами.

Знаковым событием стал официальный запуск 15 июля 2025 года системы Digital ID. Данная платформа, доступная для установки на смартфоны и другие устройства, предоставляет каждому гражданину универсальный цифровой идентификатор. Он формируется на основе биометрических данных, фотографии владельца и присвоенного уникального буквенно-цифрового кода, создавая защищённый и комплексный цифровой профиль [16]. На данный момент участие в системе носит добровольный характер, но эксперты и СМИ сходятся во мнении, что в ближайшем будущем цифровой ID станет обязательным для всех граждан. Таким образом, отличительной особенностью в Китае следует выделить использование электронных баз данных, цифровых идентификаций в целом, показывающих родственные отношения. Однако, модель Китая,

находящаяся на высоком уровне цифровизации, по мнению автора, не уделяет особого внимания контролю со стороны судов и приоритету интересов самих детей, чем и значительно отличается от европейского подхода.

На основе проведенного анализа можно определить ключевые направления цифровизации для совершенствования защиты наследственных прав несовершеннолетних в РФ:

- Во-первых, это формирование единого государственного цифрового реестра прав несовершеннолетних наследников (ЕГЦРНН). Его интеграция с существующими системами (ЕГРН, РНД) позволит автоматизировать учет состава наследственного имущества, доли ребенка, а также сведений об опекунах и органах контроля.
- Во-вторых, целесообразно внедрить систему цифрового мониторинга управления наследственным имуществом детей, оставшихся без попечения родителей. Это подразумевает обязательное электронное оформление всей отчетности опекунов и автоматическое информирование органов опеки о совершаемых сделках.
- В-третьих, требуется законодательное регулирование вопроса наследования цифровых активов. Несмотря на формирующуюся практику, в России до сих пор отсутствует четкий правовой режим для передачи детям цифрового имущества. По аналогии с зарубежным опытом, необходимо закрепить такие активы в составе наследства и установить особый механизм их охраны до достижения наследником совершеннолетия.

В целях комплексной защиты имущественных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, предлагается разработать и внедрить на федеральном уровне цифровую платформу «Наследство ребенка». Ее функционал будет включать автоматический мониторинг и выявление таких несовершеннолетних, оперативное информирование органов опеки и прокуратуры, а также интеграцию с государственными информационными системами (ЗАГС, ЕГРН, ФНС) и данными кредитных организаций.

Выводы

Подводя итог всему вышеизложенному, отметим, что цифровая трансформация наследственного процесса стала одним из наиболее значимых направлений модернизации гражданско-правового регулирования в России, тем самым, созданы уникальные возможности для защиты наследственных прав социально уязвимых категорий детей — детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Список литературы:

[1] Иванова Элина Денисовна Понятие и особенности наследственных правоотношений в условиях цифровизации // Вопросы российской юстиции. 2025. №36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-osobennosti-nasledstvennyh-pravootnosheniy-v-usloviyah-tsifrovizatsii> (дата обращения: 19.02.2026).

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»// «Российская газета», № 165, 29.07.2006

[3] Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»// «Российская газета», № 75, 08.04.2011

[4] Федеральный закон от 03.08.2018 №338-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// «Российская газета», № 172, 08.08.2018

[5] «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ// «Российская газета», № 17, 27.01.1996.

[6] Постановление Правительства РФ от 27.06.2018 № 738 «Об утверждении Правил ведения Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния»//URL: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-27062018-n-738/?ysclid=mim0k9sfbv966572335>(дата обращения: 19.02.2026).

[7] «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1)// «Российская газета», № 49, 13.03.1993.

[8] Нотариат на защите прав и законных интересов несовершеннолетних // Нотариальная палата Ленинградской области URL: <https://47.notariat.ru/ru-ru/news/notariat-na-zashite-prav-i-zakonnyh-interesov-nesovershennoletnih-2311?ysclid=mim0o2efrw434509551>(дата обращения: 18.02.2026).

[9] Порядок принятия наследства несовершеннолетним // Правительство Республики Крым URL: <https://dzhankoyrn.rk.gov.ru/articles/b804e5ed-3496-457c-a989-5a38449acb89> (дата обращения: 18.02.2026).

[10] Наследство.Ру//<https://e-nasledstvo.ru> (дата обращения: 19.02.2026).

[11] Вопросы наследственного права обсуждали в «Школе активного гражданина»// Общественная палата Псковской области URL: <https://op.pskov.ru/newsNKO/308> (дата обращения: 18.02.2026).

[12] Ассоциация приёмных семей «МариЯ» URL: https://vk.com/apc_rme?w=club93844238 (дата обращения: 16.02.2026).

[13] Коноплянникова Т.В., Шагивалеева И.З. Цифровизация и ее влияние на развитие института наследственного права //Право и государство: теория и практика. 2023. № 12(228). С. 311-312. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_12_309 (дата обращения: 16.02.2026).

[14] Was ist das Zentrale Testamentsregister? // Bundesnotarkammer URL: <https://www.testamentsregister.de> (дата обращения: 16.02.2026).

[15] Постановление Министерства образования Республики Беларусь от 28 октября 2025 г. №184 «О республиканских банках данных и порядке ведения Реестра иностранных организаций по международному усыновлению (удочерению)»

[16] Китай вводит обязательный цифровой ID для интернета // Общественный фонд «Евразийский цифровой фонд» URL: <https://digitalrights.asia/events/china-introduces-mandatory-digital-id-for-the-internet/> (дата обращения: 16.02.2026).

References:

[1] Ivanova Elina Denisovna The concept and features of hereditary legal relations in the context of digitalization // Issues of Russian justice. 2025.№.36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-osobennosti-nasledstvennyh-pravootnosheniy-v-usloviyah-tsifrovizatsii> (date of access: 02/19/2026).

[2] Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 "On Information, Information Technologies and Information Protection"// Rossiyskaya Gazeta", № 165, 29.07.2006

[3] Federal Law No. 63-FZ dated 04/06/2011 "On Electronic Signatures"// Rossiyskaya Gazeta, № 75, 04/08/2011

[4] Federal Law No. 338-FZ dated 08/03/2018 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"// Rossiyskaya Gazeta", № 172, 08.08.2018

[5] "Family Code of the Russian Federation" dated December 29, 1995 №. 223-FZ// "Rossiyskaya Gazeta", № 17, 27.01.1996.

[6] Decree of the Government of the Russian Federation dated 06/27/2018 №. 738 "On Approval of the Rules for Maintaining the Unified State Register of Civil Status Records"//URL: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-27062018-n-738/?ysclid=mim0k9sfbv966572335> (date of access: 02/19/2026).

[7] "Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries" (approved by the Supreme Council of the Russian Federation on 02/11/1993 №. 4462-1)// Rossiyskaya Gazeta", № 49, 13.03.1993.

[8] Notary Office for the protection of the rights and legitimate interests of minors // Notary Chamber of the Leningrad region URL: <https://47.notariat.ru/>

ru-ru/news/notariat-na-zashite-prav-i-zakonnyh-interesov-nesovershennoletnih-2311?ysclid=mi-m0o2efrw434509551 (date of access: 02/18/2026).

[9] The procedure for accepting inheritance by minors // Government of the Republic of Crimea URL: <https://dzhankoyrn.rk.gov.ru/articles/b804e5ed-3496-457c-a989-5a38449acb89> (date of access: 02/18/2026).

[10] Heritage. <url>//<https://e-nasledstvo.ru> (date of access: 02/19/2026).

[11] Inheritance law issues were discussed at the "School of an active Citizen" // Public Chamber of the Pskov region URL: <https://op.pskov.ru/newsNKO/308> (date of access: 02/18/2026).

[12] Association of Foster families "MariA" URL: https://vk.com/apc_rme?w=club93844238 (date of access: 02/16/2026).

[13] Konoplyannikova T.V., Shagivaleeva I.Z. Digitalization and its impact on the development of

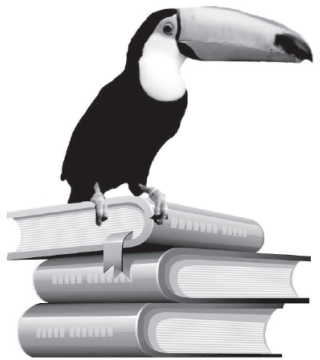
the Institute of Inheritance Law // Law and the State: theory and practice. 2023. №. 12(228). pp. 311-312. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_12_309 (date of access: 02/16/2026).

[14] Was ist das Zentrale Testamentsregister? // Bundesnotarkammer URL: <https://www.testamentsregister.de> (date of access: 02/16/2026).

[15] Resolution of the Ministry of Education of the Republic of Belarus dated October 28, 2025 No. 184 "On republican data banks and the procedure for maintaining the Register of Foreign organizations for international adoption"

[16] China introduces mandatory digital ID for the Internet // Eurasian Digital Foundation Public Foundation URL: <https://digitalrights.asia/events/china-introduces-mandatory-digital-id-for-the-internet/> (date of access: 02/16/2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-876-883

ОПАРИН Дмитрий Евгеньевич,
старший преподаватель кафедры безопасности в ЧС,
Уральский институт ГПС МЧС России,
г. Екатеринбург,
e-mail: mail@law-books.ru

КАРАПУЗИКОВ Александр Анатольевич,
канд. пед. наук, доцент, начальник кафедры безопасности в ЧС,
Уральский институт ГПС МЧС России,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ СТВОЛА ПРОБОЙНИКА ПРИ ЛИКВИДАЦИИ ЛАНДШАФТНЫХ ПОЖАРОВ И ПОЖАРОВ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы ликвидации ландшафтных пожаров и пожаров в сельской местности с акцентом на труднодоступные очаги горения и тления. Выполнен обзор распространенных методов тушения торфяных пожаров и показаны ограничения поверхностного орошения и механизированной засыпки при глубинном тлении. Обоснована целесообразность применения ствола пробойника как средства адресной подачи огнетушащего вещества в толщу торфа и в скрытые полости строительных конструкций (в том числе чердачные помещения). Представлены положительные и отрицательные стороны предлагаемого ствола-пробойника. Сформулированы преимущества и ограничения метода, а также условия его эффективного применения в составе комплексной тактики тушения.

Ключевые слова: ландшафтный пожар, торфяной пожар, сельская местность, скрытые очаги, ствол пробойник, подача воды под давлением, труднодоступное пространство, пожаротушение.

OPARIN Dmitry Evgenievich,
Senior Lecturer at the Department of Emergency Safety,
Ural Institute of the State Fire Service of the Ministry
of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg

KARAPUZIKOV Alexander Anatolievich,
Candidate of Pedagogical Sciences, Docent,
Head of the Department of Safety in Emergency Situations,
Ural Institute of State Emergency Situations Ministry
of Emergency Situations of Russia,
Ekaterinburg, Russia

ON THE ISSUE OF THE USE OF A PUNCH BARREL IN THE ELIMINATION OF LANDSCAPE FIRES AND FIRES IN RURAL AREAS

Annotation. In the article the problems of eliminating landscape fires and fires in rural areas are considered, with an emphasis on hard-to-reach burning and smoldering centers. Gorenje a review of common methods of extinguishing peat fires is performed and the limitations of surface irri-

gation and mechanized backfilling during deep smoldering are shown. The expediency of using a punch barrel as a means of targeted supply of fire extinguishing agent into the peat layer and into hidden cavities of building structures (including attic rooms) is substantiated. The positive and negative sides of the proposed punch barrel are presented. The advantages and limitations of the method are formulated, as well as the conditions for its effective use as part of a comprehensive extinguishing tactic.

Key words: *landscape fire, peat fire, rural area, hidden foci, hole hole, pressurized water supply, hard-to-reach space, firefighting.*

Введение

Ландшафтные пожары, включая торфяные, характеризуются сложностью обнаружения и ликвидации скрытых очагов, значительной протяженностью кромки горения и высокой зависимостью развития обстановки от метеорологических и геоморфологических факторов. Традиционные способы тушения (поверхностное орошение, засыпка грунтом, устройство минерализованных полос) сохраняют практическую значимость, однако при глубинном тлении торфа и при труднодоступности очага их эффективность ограничена.

По оценочным данным, ежегодно в Российской Федерации фиксируются десятки тысяч лесных пожаров на суммарной площади до нескольких миллионов гектаров. К регионам с повышенной пожарной опасностью относятся, в частности, территории Поволжья, Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока и Урала. Анализ публикаций показывает, что результативность тушения определяется не только выбранным способом воздействия, но и скоростью реагирования, возможностью доставки сил и средств, обеспеченностью водой, техническими ресурсами, а также качеством разведки и контроля ликвидации тления [1,2].

Чердачные помещения относятся к наиболее сложным участкам для ведения боевых действий по тушению пожара вследствие ограниченной высоты, плотной застройки конструктивными элементами, наличия утеплителей, воздушных зазоров и скрытых путей распространения пламени. Для чердаков характерно быстрое развитие пожара по деревянным конструкциям и утеплителям, а также формирование протяженных очагов тления. Дополнительную опасность создают высокая задымленность, слабая освещенность и ограниченная возможность применения традиционных стволов из-за малых габаритов проходов и невозможности безопасного выхода к участку горения. При позднем обнаружении тушение нередко сводится к трудоемкому вскрытию кровли и перекрытий с последующей подачей огнетушащих веществ «по вскрытию», что увеличивает время локализации и величину ущерба. Актуальной задачей является поиск средств, позволяющих обеспечить адресную подачу огнетушащего

вещества в труднодоступное пространство с минимизацией разборки конструкций и снижением риска для личного состава.

Цель работы — обобщить особенности применения ствола пробойника при ликвидации скрытых очагов горения в природной среде (торф) и в условиях сельской застройки (чердачные и иные труднодоступные полости), а также определить факторы, ограничивающие эффективность данного средства.

Методы исследования: В исследовании применялись методы анализа научных трудов, обобщения опыта пожарно-спасательных подразделений и сравнительного анализа тактических приемов подачи огнетушащих веществ при пожарах торфа и в чердачных помещениях.

Основная часть

Одним из ключевых условий успешной локализации и ликвидации ландшафтного пожара является оперативность реагирования и возможность доставки сил и средств к очагу. Для природных пожаров важное значение принимает ресурсное обеспечение водой, оборудованием и подготовленным персоналом. Существенную роль в успешной ликвидации таких пожаров играет инженерная техника, предназначенная для устройства заградительных полос и повышения доступности к участкам тушения [3].

А.В. Жердев, И.В. Андреев отмечают, что очаг торфяного пожара необходимо тушить с привлечением двух бульдозеров, оснащенных тросами на случай нештатных ситуаций [4]. Данный тезис следует трактовать как минимально безопасное организационное требование к механизированным работам на торфяниках (в том числе с точки зрения эвакуации техники), а не как универсально достаточную «норму сил и средств» для ликвидации очага. В реальной обстановке потребность в ресурсах определяется площадью и глубиной тления, обводненностью, удаленностью водоисточников, наличием подъездов и возможностью длительного мониторинга. Практика показывает, что для развившегося пожара двух единиц инженерной техники, как правило, недостаточно: требуется сочетание

инженерных мероприятий, организации подвоза (перекачки) воды, проливки, а также повторного контроля и дотушивания [5,6].

Тушение торфяных пожаров может продолжаться значительное время, поэтому важным элементом является контроль качества тушения с применением технических средств (например, щуп термометр), а также мониторинг обстановки на месте пожара с применением БЛА с тепловизионным модулем для выявления повторных точек [7].

С.В. Романов, В.О. Макарова отмечают, что тушение торфяных пожаров – процесс длительный, трудозатратный и требующий высоких капитальных и эксплуатационных затрат [8]. По мнению авторов М.А. Лосева, Л.В. Найверт, приоритет отдается разработке и внедрению современных технологий для тушения торфяных пожаров. В последние десять лет во время тушения лесоторфяных пожаров были апробированы следующие новые образцы противопожарной робототехники: дистанционно-управляемая установка пожаротушения ЛУФ-60; мобильные роботизированные комплексы пожаротушения ЕЛЬ-4 и ЕЛЬ-10; мобильная установка, роботизированная газо-водяного тушения (МРУГВТ); роботизированный комплекс «КЕДР» в составе двух машин для тушения низовых лесных и торфяных пожаров [9]. При этом эффективность неизбежно зависит от координации действий пожарно спасательных подразделений, лесоохраны и органов местного управления.

Для воздействия на скрытые очаги тления применяются стволы, обеспечивающие подачу воды (или иных огнетушащих веществ) непосредственно в глубину очага. В ликвидации скрытых полостей особое место занимают «прошивающие» решения — стволы с наконечником, позволяющим прокалывать верхний слой материала и вводить струю в область тления.

Подача огнетушащего вещества под давлением обеспечивает формирование канала ввода и последующее распространение воды в прилегающих объемах (по трещинам, пористости, пустотам), повышая глубину охлаждения и снижая вероятность повторного развития тления при условии корректного выбора точек ввода и достаточного времени проливки

Ствол пробойник целесообразно рассматривать как специализированное средство адресной подачи огнетушащего вещества в труднодоступные зоны:

- в природной среде — в толщу торфа при глубинном тлении;
- в условиях застройки — в скрытые полости и помещения (чердаки, межбалочные про-

странства, пустоты ограждений), когда прямой доступ к очагу ограничен конструкциями.

Конструктивно ствол пробойники (СП) обеспечивает механическое вскрытие преграды (в пределах возможностей конкретной модели) и формирование канала ввода огнетушащего вещества. Наличие режимов регулирования расхода и давления позволяет адаптировать подачу к условиям тушения (плотность материала, глубина очага, удаленность источника воды, требования по безопасности работ). Важно отметить, что для широкого применения и оценки устойчивой эффективности стволов пробойников требуется дальнейшая проработка сценариев использования в различных условиях (тип торфа, степень обводненности, наличие корневых систем, особенности кровельных и стеновых конструкций и др.), а также установление критериев контроля качества проливки и прекращения тления.

Для практического применения целесообразно выделять типовые группы СП по конструктивным признакам и задаче:

По назначению наконечника и способности к перфорации:

- СП для мягких (волокистых) и слабоуплотненных сред (торф, перегной, утеплитель низкой плотности) – усиленный наконечник, рассчитанный на прокол без предварительного сверления. Приоритетом является глубина ввода и стойкость к засорению.
- СП для строительных оболочек и настилов (кровельные и ограждающие конструкции) – наконечник повышенной прочности, иногда с возможностью работы через заранее выполненное отверстие. Приоритетом является контролируемое введение в полость при минимальном вскрытии.
- СП комбинированного применения – допускают работу по торфу и по легким ограждениям, но с ограничениями по «тяжелым» покрытиям.
- По типу формируемой струи:
- Компактная струя. Целесообразна для доставки воды на глубину и при необходимости «пробить» локальный канал в плотной среде; применима при торфяных очагах с выраженной глубиной тления при условии контроля увлажнения прилегающих объемов.
- Распыленная (мелкодисперсная) струя. Эффективна при воздействии на тление в пористых (волокистых) материалах и в полостях чердаков за счет лучшего теплообмена и «заполнения» объема капельно-аэрозольной фазой; требует контроля парообразования и путей дымоудаления.

- Комбинированные режимы (переключаемые). Предпочтительны для чердаков и смешанных сценариев, когда требуется чередовать «доставку» и «обработку объема».

По компоновке и включению в рукавную линию:

- Насадка (ствол) на рукавной линии (типовое подключение). Проще развертывание и замена, но ограничения по эргономике и работе в стесненных условиях.
- Отдельный перфорирующий модуль с распылителем. Удобнее для точного позиционирования, но требует слаженности расчета и времени на сборку.

Обобщая сказанное можно выделить рекомендации по применению, а именно: для торфа и корнеобитаемых участков целесообразно применять модели, устойчивые к засорению и допускающие компактную/комбинированную струю; для чердаков и межконструкционных пустот лучше использовать модели с режимом распыла и возможностью контролируемого ввода через кровлю/обшивку с минимальным вскрытием.

По обобщению практики применения СП в типовых сценариях (локальные термоточки торфяного тления; скрытые очаги в чердачных полостях при ограниченном доступе) отмечаются следующие ориентировочные эффекты:

- Сокращение времени создания доступа к очагу (чердаки, полости): за счет отказа от масштабного вскрытия по сравнению с тактикой «по вскрытию» при сопоставимых условиях доступа и численности расчета.
- Сокращение времени локализации скрытого очага (при корректной разведке и выборе точек ввода) за счет более ранней подачи огнетушащих веществ в зону горения.
- Снижение суммарного расхода воды при торфяных очагах по сравнению с длительным поверхностным орошением за счет адресного введения воды в глубину тления и уменьшения «пролива по поверхности» без достижения активной зоны.
- Снижение травматичности в части факторов «работа на высоте/под кровлей/при разборке»: в практике отмечается тенденция к уменьшению числа опасных операций и времени их выполнения; корректная количественная оценка требует накопления статистики по подразделениям и одинаковой классификации инцидентов.

Указанные оценки следует рассматривать как ориентировочные. Для усиления доказательной базы в дальнейшем целесообразно прово-

дить натурные эксперименты по единому протоколу: фиксировать время стадий (разведка—ввод—локализация—дотушивание), суммарный расход воды, число точек ввода, повторные термоточки по тепловизору (термометрии).

Для сельской местности характерна малоэтажная застройка и наличие кровельных конструкций из листовых материалов (металлочерепица, профнастил, шифер и др.), а также значительная доля горючих элементов перекрытий. Возгорания в чердачных помещениях относятся к трудноразведываемым: очаг может развиваться в местах, ограниченных несущими элементами, а вскрытие конструкций нередко сопровождается рисками обрушения и увеличением ущерба.

Применение ствола пробойника (рис. 1) позволяет подать огнетушащее вещество непосредственно в зону горения через кровельное покрытие или ограждающие конструкции, не прибегая к масштабному демонтажу. Это обеспечивает сокращение времени на создание доступа и потенциально снижает травмоопасность работ за счет уменьшения времени пребывания личного состава в опасной зоне. Одновременно метод требует строгого соблюдения мер безопасности и корректной организации работ (разведка, выбор точки ввода, контроль распространения воды и пара) [10].

Предлагаемое решение основано на применении ствола пробойника (далее — СП) как средства адресной подачи огнетушащего вещества в труднодоступные полости чердака. Конструктивно СП представляет собой жесткий перфорирующий элемент (наконечник), обеспечивающий пробивание облицовки (настила), и распыляющую часть, формирующую струю (компактную, распыленную либо комбинированную — в зависимости от модели). Подача осуществляется от рукавной линии диаметра 51 (77) мм с возможностью включения в схему ствола распылителя либо насадка на рукав.

Ключевой тактический эффект СП заключается в возможности «работы по полости» через точку ввода без создания крупного проема. Это особенно важно для чердаков, где чрезмерное вскрытие усиливает приток воздуха и может привести к интенсификации горения. При наличии признаков тления (низкая видимость пламени при высокой температуре и дымовыделении) применение СП с мелкодисперсным распылом и смачивающими добавками может повысить эффективность воздействия на пористые и волокнистые материалы.

Рис.1. Ствол-пробойник (пример конструктивного исполнения) для подачи огнетушащего вещества в труднодоступные очаги

К преимуществам ствола пробойника целесообразно отнести:

- повышение эффективности воздействия на глубинные очаги тления и скрытые зоны горения за счет адресной подачи ОТВ;
- потенциальное снижение суммарного расхода воды по сравнению с поверхностным орошением при правильном выборе точек ввода и режима подачи;
- повышение безопасности личного состава за счет сокращения необходимости непосредственного проникновения в опасные зоны и уменьшения объема вскрытия конструкций;
- возможность применения в составе комбинированной тактики (минерализованные полосы, инженерная техника, мониторинг БЛА, тепловизионный контроль и др.).
- К ограничениям и факторам, снижающим эффективность, относятся:
- потребность в достаточной мощности насосного оборудования для обеспечения требуемых параметров подачи;
- трудоемкость и временные затраты на ввод в плотные или армированные элементы (а также ограничения по глубине при наличии камней, корней, строительных преград);

- необходимость квалифицированного выбора точек ввода (при ошибке возможно «попадание в пустоту» и снижение эффективности);
- повышенные требования к контролю качества ликвидации (термометрия, повторная разведка, тепловизионный контроль);
- риск вторичного ущерба от пролива (в застройке) при отсутствии контроля путей стекания воды.

Кроме того, применение ствола пробойника имеет ряд ограничений. Во-первых, эффективность снижается при наличии многослойных кровельных конструкций с металлическими листами или плотными покрытиями, требующими предварительного отверстия. Во-вторых, при неопределенной локализации очага возможна подача вещества «в пустоту», что увеличит расход и время без эффекта. В-третьих, при недостаточном контроле за проливом воды возрастает риск ущерба нижним помещениям.

Отдельно следует учитывать опасность парогазового воздействия на личный состав при подаче воды в сильно разогретую полость: интенсивное парообразование ухудшает видимость и может повысить тепловую нагрузку. Поэтому важно обеспечить выход дыма по организован-

ному пути и соблюдать дистанцию (положение) ствола относительно направления выхода продуктов горения.

Необходимо отметить, что предлагаемое оборудование с положительной стороны зарекомендовало себя в ходе тушения торфяного пожара происшедшего в г. Екатеринбурге в 2022 году, при этом отказа работы оборудования в течении двух недель не было выявлено. Кроме того, личный состав подразделений Екатеринбургского пожарно-спасательного гарнизона также отмечает в лучшую сторону использование ствола-пробойника при тушении пожаров в чердаках без вскрытия кровли что связано с быстрым вводом огнетушащего вещества в зону горения и сокращением времени на создание доступа.

Для формирования статистически сопоставимой базы по применению СП целесообразно вести учет (по карточкам выезда/отчетам подразделений) по единому набору показателей: тип объекта (торф/здание), доступность очага, количество точек ввода, режим струи, расход ОТВ, время этапов (разведка — ввод — локализация — дотушивание), наличие повторных термоточек при контроле, а также объем вынужденного вскрытия конструкций. Такой подход позволяет перейти от качественных оценок к сопоставимым количественным выводам и корректно сравнивать тактические схем.

В современной тактике тушения применяются различные средства для адресной подачи огнетушащего вещества в труднодоступные зоны: это стволы зарубежного производства (piercing nozzle, США), ручные пробойники с комплектами сменных насадок (Россия, Китай), а также модули с дистанционным управлением, интегрируемые в робототехнические комплексы («ЕЛЬ», «КЕДР», «ЛУФ-60» и др.). Для сравнения: пирсинг-стволы американских моделей (например, TFT Piercing Nozzle) имеют длину 1,2–1,5 м, оснащаются распылителем и защитой

от засорения, могут использоваться для подавления подповерхностных возгораний и подачи пеносмеси. Стволы отечественных модификаций, имея сопоставимые габаритные параметры, могут отличаться универсальностью крепления и адаптацией под стандартные рукавные линии, а также эксплуатационной ремонтпригодностью в подразделениях.

Экономическая эффективность использования ствола пробойника проявляется в снижении прямых и косвенных потерь: уменьшается разрушение кровель (экономия материалов и стоимости восстановления), сокращаются затраты труда (уменьшение количества человеко часов), снижаются повреждения имущества за счет адресного воздействия, а также уменьшается водопотребление, что особенно важно при работе на удаленных объектах и ограниченных водоисточниках.

На примере одного пожара в чердаке жилого трехэтажного дома ущерб при тактике вскрытия кровли с учетом восстановительных работ может составлять порядка 3 млн руб. В подобных случаях применение СП потенциально снижает долю разрушений конструкций и позволяет уменьшить объем восстановительных работ при сопоставимых условиях развития пожара и доступности очага.

Для оценки эффективности применения устройства использованы параметры: время создания доступа к очагу (t_1), время локализации горения/тления (t_2), суммарный расход воды (Q). Экспериментальные сравнения проводятся между двумя тактическими схемами (применение ствола-пробойника и традиционный способ вскрытия конструкций, и подача огнетушащих веществ в зону горения). Перечисленные параметры фиксируются с контролем сопоставимых исходных условий (мощность очага, материалы ограждений, удаленность от водоисточников). Итоговые показатели рассчитываются в относительных величинах:

$$E_t = \frac{t_{2 \text{ традиц}} - t_{2 \text{ пробойник}}}{t_{2 \text{ традиц}}} \times 100\% ;$$

– Относительное сокращение времени:

$$E_Q = \frac{Q_{\text{традиц}} - Q_{\text{пробойник}}}{Q_{\text{традиц}}} \times 100\% ;$$

– Относительное снижение расхода:

– Интегральный показатель (если нужно объединить):

$$E_{\text{int}} = W_t \times \frac{t_{2 \text{ традиц}} - Q_{\text{пробойник}}}{t_{2 \text{ пробойник}}} + W_Q \times \frac{Q_{\text{традиц}}}{Q_{\text{пробойник}}}.$$

где $W_t + W_Q = 1$, коэффициенты задаются экспертно (например, в зависимости от дефицита воды/рисков конструкций).

Таким образом, ствол пробойник следует рассматривать как комплементарный инструмент: он дополняет классические подходы, повышая эффективность именно там, где поверхностное воздействие и стандартные стволы оказываются недостаточными.

Заключение

Проведенный анализ подтверждает, что ликвидация торфяных и иных ландшафтных пожаров требует комплексного подхода, включающего оперативную доставку сил и средств, ресурсное обеспечение, инженерные мероприятия, а также качественную разведку и контроль прекращения тления. Ствол пробойник является перспективным средством адресной подачи огнетушащих веществ в труднодоступные очаги тления в торфяных залежах и в скрытые полости строительных конструкций, что особенно актуально для сельской местности и малоэтажной застройки.

Рациональное применение ствола пробойника возможно при соблюдении следующих условий: достаточная насосная производительность; корректный выбор точек ввода; сочетание с мониторингом (в том числе тепловизионным) и методами контроля качества тушения; взаимодействие с инженерной техникой и традиционными способами локализации. Ограничения метода связаны с препятствиями в среде (корни, камни, элементы конструкций), трудоемкостью работ и повышенными требованиями к организации безопасности. В качестве направления дальнейшей работы целесообразно проведение натурных испытаний по единому протоколу для получения сопоставимых количественных показателей эффективности в типовых сценариях.

Список литературы:

- [1] Плотникова, Г. В. Лесные пожары: проблемы их исследования / Г. В. Плотникова, В. С. Крапивин // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 6(9). – С. 180-187. – EDN FIQXIP.
- [2] Воробьев, Ю. Л. Лесные пожары в Российской Федерации (состояние и последствия) / Ю. Л. Воробьев, В. А. Акимов, Ю. И. Соколов // Технологии гражданской безопасности. – 2006. – Т. 3, № 4(12). – С. 12-21. – EDN KWPARZ.
- [3] Катруш, С. С. К вопросу о торфяных пожарах / С. С. Катруш // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – 2014. – Т. 2, № 5-3(10-3). – С. 121-123. – DOI 10.12737/6940. – EDN TEMEMN.
- [4] Жердев, А. В. Обоснование необходимости применения новых технологий для тушения торфяных пожаров / А. В. Жердев, И. В. Андреев // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2018. – Т. 1. – С. 209-212. – EDN YXLNOR.
- [5] Карапузиков, А. А. К вопросу о тушении торфяных пожаров / А. А. Карапузиков, Н. П. Мураев // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов : Сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции, Москва, 18 октября 2022 года. – Москва: Печатный цех, 2022. – С. 95-98. – EDN CNGFAE.
- [6] Карапузиков, А. А. Применение насосно-рукавного комплекса «Шквал» при тушении природных (ландшафтных) пожаров в условиях недостатка водных ресурсов / А. А. Карапузиков, Н. П. Мураев, М. В. Дьяков // Новости науки: естественные и технические науки : Сборник материалов XXIII международной очно-заочной научно-практической конференции, Москва, 21 марта 2023 года. – Москва: Научно-издательский центр «Империя», 2023. – С. 24-27. – EDN XJGVNM.
- [7] Романов, С. В. Разработка установки для оптимизации процесса локализации торфяных пожаров / С. В. Романов, В. О. Макарова // Инженерно-технологические решения проблем развития АПК и общества : Сборник трудов LVIII международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Тюмень, 12–13 марта 2024 года. – Тюмень: Государственный аграрный университет Северного Зауралья, 2024. – С. 1316-1321. – EDN NAQIIC.
- [8] К вопросу о средствах и методах тушения торфяных пожаров / А. А. Карапузиков, А. С. Горелик, М. В. Дьяков [и др.] // Техносферная безопасность. – 2023. – № 1(38). – С. 37-49. – EDN RLXSFD.
- [9] Лосев, М. А. Современные технические средства, используемые при тушении лесных или ландшафтных пожаров / М. А. Лосев, Л. В. Найверт // Сервис безопасности в России: опыт, проблемы, перспективы. Мониторинг, предотвращение и ликвидация чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28 октября 2021 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. – С. 354-358. – EDN PABMOT.
- [10] Абуова, Г. Б. Исследование тактико-технических характеристик ручных пожарных стволов для тушения пожаров на объектах производственного назначения / Г. Б. Абуова, Д. А. Багдагулян // Перспективы развития строительного комплекса : Материалы XVI Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и сту-

дентов, Астрахань, 27–28 октября 2022 года / Под общей редакцией Т.В. Золиной. – Астрахань: Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, 2022. – С. 198-202. – EDN MBIIOX.

References:

[1] Plotnikova, G.V. Forest fires: problems of their research/G.V. Plotnikova, V.S. Krapivin//Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 6(9). – S. 180-187. – EDN FIQXIP.

[2] Vorobyov, Yu. L. Forest fires in the Russian Federation (condition and consequences)/Yu. L. Vorobyov, V. A. Akimov, Yu. I. Sokolov//Civil Safety Technologies. – 2006. - T. 3, NO. 4 (12). - S. 12-21. – EDN KWPARZ.

[3] Katrush, S. S. On the question of peat fires/S. S. Katrush//Current directions of scientific research of the XXI century: theory and practice. – 2014. - T. 2, NO. 5-3 (10-3). - S. 121-123. – DOI 10.12737/6940. – EDN TEMEMN.

[4] Zherdev, A. V. Justification of the need to use new technologies to extinguish peat fires/A. V. Zherdev, I. V. Andreev//Problems of ensuring safety in eliminating the consequences of emergency situations. – 2018. - VOL. 1. - S. 209-212. – EDN YXLNOP.

[5] Karapuzikov, A. A. On the issue of extinguishing peat fires/A. A. Karapuzikov, N. P. Muraev//Actual problems of society, economics and law in the context of global challenges: Collection of materials from the XIV International Scientific and Practical Conference, Moscow, October 18, 2022. - Moscow: Printing shop, 2022. - S. 95-98. – EDN CNGFAE.

[6] Karapuzikov, A. A. The use of the Shkval pump-hose complex in extinguishing natural (landscape) fires in conditions of lack of water resources/A. A. Karapuzikov, N. P. Muraev, M. V. Dyakov//Science news: natural and technical sciences: Collection of materials of the XXIII international part-time scientific

and practical conference, Moscow, March 21, 2023. - Moscow: Scientific and Publishing Center "Empire," 2023. - S. 24-27. – EDN XJGVNM.

[7] Romanov, S.V. Development of an installation for optimizing the localization of peat fires/S.V. Romanov, V.O. Makarova//Engineering and technological solutions to the problems of the development of the agro-industrial complex and society: Collection of works of the LVIII international scientific and practical conference of students, graduate students and young scientists, Tyumen, March 12-13, 2024. - Tyumen: State Agrarian University of the Northern Trans-Urals, 2024. - S. 1316-1321. – EDN NAQIIC.

[8] On the question of means and methods of extinguishing peat fires/A. A. Karapuzikov, A. S. Gorelik, M. V. Dyakov [et al.]//Technosphere safety. – 2023. – № 1(38). - S. 37-49. – EDN RLXSFD.

[9] Losev, M. A. Modern technical means used in extinguishing forest or landscape fires/M. A. Losev, L. V. Naivert//Security service in Russia: experience, problems, prospects. Monitoring, prevention and elimination of natural and man-made emergencies: Materials of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, October 28, 2021. - St. Petersburg: St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, 2021. - S. 354-358. – EDN PABMOT.

[10] Abuova, G. B. Study of the tactical and technical characteristics of manual fire nozzles for extinguishing fires at industrial facilities/G. B. Abuova, D. A. Bagdadyulyan//Prospects for the development of the construction complex: Materials of the XVI International Scientific and Practical Conference of Faculty, young scientists and students, Astrakhan, October 27-28, 2022/Under the general editorship T.V. Zolina. - Astrakhan: Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering, 2022. - S. 198-202. – EDN MBIIOX.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-884-889

ЧЕМШИТ Денис Александрович,
кандидат политических наук,
доцент кафедры «Теория и история государства и права»
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
e-mail: DAChemshit@sevsu.ru

ЮРИДИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ БЕНЕДИКТА СПИНОЗЫ

Аннотация. Показывается, как Спинозой углубляется концепция общественного договора по сравнению с предшественниками. В фундаментальных трудах Спинозы, таких как «Этика», «Богословско-политический трактат» отражены основные дефиниции правовой свободы индивида и государства. В них Спиноза делает глубокие выводы о характере перехода человека от уровня «воли к самосохранению» на уровень «воли к самосовершенствованию», которые знаменуют переход от естественного к правовому состоянию. Здесь Спиноза сумел расширить временные горизонты своих работ, тем самым органически влившись в современные поиски справедливости и добра.

Ключевые слова: Спиноза, Гоббс, пантеизм, свобода воли, общественный договор, право, государство.

CHEMSHIT Denis Alexandrovich,
Candidate of political Sciences,
Docent of the Department of «Theory and History of State and Law»
of the Law Institute of the Federal State Educational Institution
«Sevastopol State University»

BENEDICT SPINOZA'S LEGAL WORLDVIEW

Annotation. It is shown how Spinoza deepens the concept of the social contract in comparison with its predecessors. The fundamental works of Spinoza, such as "Ethics", "Theological and Political Treatise" reflect the basic definitions of the legal freedom of the individual and the state. In them, Spinoza draws deep conclusions about the nature of a person's transition from the level of "will to self-preservation" to the level of "will to self-improvement", which mark the transition from the natural to the legal state. Here Spinoza managed to expand the time horizons of his works, thereby organically merging into the modern search for justice and goodness.

Key words: Spinoza, Hobbes, pantheism, free will, social contract, law, state.

В теории государства и права понятие «естественного права» трактуется в достаточно широком содержательном диапазоне, но разброс точек зрения все же лежит внутри определенной канвы, признающей, что принципы, правила и права определяются непосредственно природой человека и потому относительно свободны от системы социальных условий и отношений и свободны, следовательно, от юридического признания ветвями власти государства в целом.

При подобном истолковании объема понятия «естественного права» может показаться, что оно вступает в противоречивые отношения с понятием «позитивное право». Таким образом,

при подобном теоретическом посыле естественный мир и мир государственно-правового обихода кардинально расходятся в своем бытии, когда нормы позитивного права не коррелируют с нормами естественного права. Кажущееся противоречие будет снятым если мы примем во внимание сложный, многоаспектный характер социального бытия права, который выходит за пределы каждого из указанных концептуальных подходов.

Доктринальной основой естественного права выступает его ценностное отношение к праву как к таковому, тогда как позитивное понимание права в первую очередь сосредотачивается на его нормативной природе, заключенной в совокупности законов и иных нормативных актов.

Такое различие подходов позволяет рассматривать доктрину естественного права как своеобразное оценочное средство социальной эффективности и общественной сбалансированности системы права, действующей в общественном пространстве. Умозрительная конструкция соотношенности двух основных правовых построений приобретает убедительную жизненную конкретику при ее соотношении с реальными зигзагами исторической динамики философско-правовой мысли, поэтому отметим ее лишь контурно, выделяя лишь узловые, на наш взгляд, позиции.

Заметим, в целом, что доктрина естественного права базируется на религиозных позициях, что соответствует исторической логике становления социально-правовых взглядов Древнего мира. Сузим территориальные границы анализа и остановимся на рассмотрении взглядов древнегреческих мыслителей, которые во многом определили ход развития европейской политико-правовой мысли в дальнейшем. Провести здесь какую-то одну определенную тенденцию сложно, она порою запутана и неоднозначна настолько, что даже такой известный философ как Платон, характеризуя облик другого известного современника – киника Диогена, вынужден был прибегнуть к крепким выражениям. Он назвал Диогена «бесноватым Сократом», поскольку тот, говоря об обреченности человека на несвободу при его вынужденном подчинении полисным законам обычно приходил в неистовство, поскольку сила государства, скрывающегося под сенью полисных законов, вставала непреодолимой преградой перед жаждущим свободы человеком. Подобные мысли, видимо, и закончились для Диогена бочкой и такой жесткой со стороны коллег оценкой. Уже тогда проблема грозно предупредила философов о своем непростом характере.

При всей разноголосице политико-правовых мыслей философов нельзя не обратить внимания на значительную фигуру софиста Протагора, который свои философские изыскания в области природы права слил воедино с блестящим владением тогдашней судебной практикой, что, в причём, не уберегло его от происков хитроумного Эвмакла, одного из своих учеников. Это обстоятельство лишний раз свидетельствует о том, насколько многотрудной является задача выяснения божественного и человеческого начала в праве.

Во всяком случае Протагор отчетливо артикулировал мысль о необходимости тесного слияния божественных правовых установлений с практической подготовкой субъекта права в области риторики и ораторского искусства. Эта мысль легла на благодатную почву, которую тщательно возделывали софисты. Гиппий, оставаясь в целом на позиции естественно-правовой модели, тем не

менее считал полезным провести резкую разграничительную линию между естественным миром и полисным законом. Стремясь к более точному пониманию, выражаясь современным языком, правопонимания и правоприменения, Гиппий не столько прояснил, сколько затуманил конечные задачи софистической философии, подтвердив тем самым более чем норовистый характер проблемы в целом. Можно полагать, что Антифонт был вынужден снова возвращать в софистическую традицию идею равенства всех людей по природе, которая должна была обеспечить и гармоничное построение жизни полиса, построенной на писанных законах. Идеи, выработанные софистами, оказали огромное влияние на весь дальнейший ход социально-философской мысли Древней Эллады, который был обобщен и подытожен в классических трудах Платона и особенно в «Политии» Аристотеля.

Содержащиеся в доктрине естественного права положения о некоей идее высшей справедливости, исходящей от всевластной и непогрешимой божественной силы, которая по определению выше и безоговорочней человеческой воли, зафиксированных в письменных законах укрепила в сознании древнегреческих философов идею подчинения воли властвующих правителей высшим божественным предписаниям.

Характерная для античности интенциональность социально-правовой мысли передавалась по наследству, иногда прерываемому изгибами исторического времени, христианскими мыслителями Средневековья с одной существенной поправкой; на смену языческому многобожию античности пришла вера в единого Творца, что неизбежно наложит глубокий след на генезис социально-правовых воззрений раннего Средневековья и Нового Времени (Августин Блаженный, Фома Аквинский, Гуго Гроций и др.).

Г. Гроций, которого с полным основанием считают мэтром естественного права, в лапидарном стиле закрепил основные положения доктрины. Одно из основных положений концепции он изложил короткой фразой: «Мать естественного права есть сама природа человека» [3, с. 48]. Строго и категорично, но в нем просвечивает новое положение, которого не было в античности. Роль Бога, как такового не отрицается – он безусловный творец тварного мира, но ряду с этой вселенской силой действует и общественная природа человека. Это обстоятельство действует всегда и везде, невзирая на эпохи, властные режимы, этнические уклады. Следовательно, основы доктрины естественного права представляют собой незыблемый универсальный закон человеческой истории.

Философы Нового Времени по-разному трактовали основополагающую доктрину естественного права, поскольку не до конца ясной оставалась идея причинения социально-правовых актов, которая бы удовлетворительно объяснила способ и форму перехода из обители божественных установлений в беспокойный и нередко греховный мир человеческих дел и помыслов.

Попытки более или менее согласованного бытия божественного Провидения и правовой воли законодателя закончились выработкой концепции «общественного договора», в углублении которой деятельное участие примут такие замечательные философы эпохи как Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, оставившие неизгладимый след в общеевропейской и мировой философии. Существенной стороной их разработок был подчеркнутый акцент на человека, природа которого, конечно же, определялась природой в целом, и, следовательно, Творцом всего сущего, но в центре доктрины располагался человек. Антропологический взгляд, присущий пантеизму в целом, на проблему в дальнейшем получил распространение, подтверждение чему обнаруживается в работах Монтескье, Дидро, Гольбаха, Радищева и др. Перечень имен показывает, что теория «общественного договора» получила широкое хождение и наложила существенный отпечаток на все дальнейшее развитие правовой мысли, обретая в рамках каждой индивидуальной исследовательской задачи неповторимые подробности, обогащая тем самым общее движение мысли вперед.

Весьма отлична в этом плане фигура нидерландского философа Бенедикта (Баруха) Спинозы, чей вклад в разработку доктрины в свете пантеизма, особенно в деталях, описывающих диалектику связи субъекта и объекта права, его становления и генезиса в целом, к сожалению, в истории дальнейшего развития правовой мысли, не обрел должной и всесторонней оценки (порою он был по идеологическим мотивам занижен) [2, с. 83-85; 4, с. 97-98], что обусловило, на наш взгляд, возникновение оценочного стереотипа в отношении Спинозы, когда оценочное понятие «пантеизм» отодвинуло на задний план логико-онтологическое понятие «субстанционализм».

Спиноза формирует модель построения общественного договора – если шире, то государства и права, в целом – опираясь на особый подход к пониманию места и роли феномена воли человека и его соотносительности с широким контекстом толкования принципа свободы. Последнее обстоятельство характеризуется разнообразным набором свойств и признаков, выделить доминантное направление среди которых, достаточно затруднительная задача. С ее решением Спиноза блестяще справляется при построении текстов

«Этики» и «Богословско-политического трактата». Спиноза связывает саму возможность создания общественного договора с необходимостью кардинального изменения вписывания человека в систему общественных связей и отношений, когда совершается переход человека от уровня «воли к самосохранению» на уровень «воли к самосовершенствованию» или, говоря иными словами происходит трансформация от естественного состояния «Я», которое ограничено комплексом естественно-природных потребностей (еда, питье, жилье и т.д.), к опосредованию естественных устремлений институтами политики и права (институты власти и управления, нормы права и т.д.). Голландский мыслитель, таким образом, постулирует новый подход к разрешению философской задачи анализа и синтеза «общего» и «единичного» социального управления в целом путем погружения ее в правовой контекст Нового времени. Это погружение выводило Спинозу на простор новых теоретических обобщений, которые поднимали его над интеллектуальной практикой XVII века, существенно приближая его к формату политико-правовых воззрений XVIII-XIX в.в., когда сложились концептуальные подходы классической немецкой философии.

Унификационная программа знания прямо или скрыто существовала всегда, но только к XIII столетию стало очевидно, что решить ее либо предметно, либо структурно-функционально вряд ли получится. Это становится очевидным после публикации Фомы Аквинским его доказательств бытия Бога, которые исключали любую попытку иной трактовки связи человека с государственными институтами, правовыми установлениями и с Богом вообще каким-то иным, отличным от освященного Церковью, способа, который закреплялся отныне как канонический. Вот почему Декарт решил задачу по-иному: он обозначил материальное и идеальное начало мира как независимые друг от друга субстанциональные величины, а способ интеллектуальных операций с ними свел к правилам рационалистически построенного «Декалога».

Этот пик европейского рационализма был достигнут благодаря исследовательским усилиям Б. Спинозы, которые и легли в основу геометрического обоснования «Этики», которые позднее советским философом В.В. Соколовым были истолкованы в духе линейного детерминизма и потому подверглись в целом суровому осуждению [4, с. 71-72].

С течением времени акценты оценок творчества Спинозы смещались и сегодня оценочный стереотип спинозизма претерпел существенные изменения, продвинувшись от линейных истолкований к признанию того, что в лице Спинозы мы

обнаруживаем очищенные от картезианских наслоений, черты субстанционального подхода к выработке миропонимания и мировосприятия.

Генерализующим понятием философии, а следовательно, и правовой концепции, у Спинозы является понятие субстанции или «*causa sui*», которое не является кем-то или чем-то созданным и обладает свойством самопричинения. Мысль эта войдет в сокровищницу мировой философии и юриспруденции.

Все сущее на земле, включительно естественное право, по Спинозе находится во власти необходимости, которая безусловна, ибо именно так существует природа и ее части. Спиноза следующим образом поясняет свою мысль: «Закон, зависящий от естественной необходимости, есть тот, который необходимо следует из самой природы или определения вещи; закон же, зависящий от людского соизволения и называемый удачнее правом, есть тот, который люди приписывают себе и другим, чтобы безопаснее и удобнее жить или по другим причинам» [5, с. 345]. Интересно, что понятия «мощь» и «естественное право» мыслились Спинозой как тождественные. В таком случае становилось понятным почему природа в целом и каждая ее часть самосохраняют себя.

Развивая эту мысль, Спиноза пишет: «Под законом обыкновенно понимается не что иное, как распоряжение, которое люди могут и исполнить и отвергнуть на том именно основании, что сдерживает человеческую мощь в известных пределах, за которые она стремится перейти и не приказывает ничего сверх сил; поэтому закон, по-видимому, должен определить более узко, именно: что он есть образ жизни, предписываемый человеком себе или другим ради какой-нибудь цели» [5, с. 349].

Согласно точке зрения Спинозы законодательное поле состоит из двух составных частей: законы, зависящие от воли, и законы зависящие от сферы волеизъявления. В свою очередь каждая из выделенных групп распадается на две половинки.

В первом случае: это законы природной необходимости (санкционирование их зависит от воли человека). Это право, состоящее из произвольно созданных человеком актов.

Во втором случае: это человеческий закон служащий для защиты государства; это природный божественный закон, составляющий неотчуждаемое право человека.

Спиноза стремится подчеркнуть мысль от том, что высшее Благо, данное человеку — это познание божественной сущности, познавая которую Разум достигает высоких степеней совершенства. Поэтому не случайно Спиноза именует разум природным светом. В его формулировке это

выглядит следующим образом: «Итак, суть божественного закона и его главное правило заключается в том, чтобы любить Бога как высшее благо» [5, с. 350].

Спиноза не ограничивается краткой дефиницией и весьма подробно раскрывает ее суть дальше. В силу природной необходимости каждый индивид занимает уникальное место в природной матрице, что и соответствует роду его деятельности. Сам росчерк божественной воли усматривается хотя бы в том, что равно как рыбы высшей волей определены к тому, чтобы, живя в воде большие пожирали меньших, также и по этому же закону выстраиваются человеческие иерархии, поскольку право природы совладевает с ее мощью. Если это так, то тогда приходится признавать, что Богу принадлежит верховное право на все и всех и, следовательно, под запретом находится только то, чего никто не желает и чего никто не может.

Обобщая содержание высказанных тезисов Спинозы, приходим к заключению, что сущность обозначенных связей может быть сведена к следующим положениям:

- закон признается разумным, когда он принят подавляющим большинством;
- допустимо все, что выходит за рамки запрета;
- Бог — источник Разума и, следовательно, всех законов природы. Всякое подавление природы — это протест против воли Бога, поэтому только глупцы ждут противоправного чуда, тогда как Бог — законодатель и творец всего сущего и потому его бытие не нуждается в каких-то культовых подтверждениях.

Подобную же логику мы обнаруживаем в работе М.С. Беленького, который свои выводы постулирует схожим образом [1, с. 319-320].

Однако содержание правовой концепции Спинозы содержит в себе некоторые весьма тонкие нюансы, мимо которых обычно проходят без особого внимания к ним. Между тем они по-особому высвечивают непосредственную связь его доктрины с теорией «общественного договора» Гоббса. Естественное, природное состояние субъекта по Спинозе обусловлено тем обстоятельством, что каждый из нас обладает верховным природным правом на жизнь и определенную деятельность, которые строго соответствуют своей собственной природе. Отсюда следует, что верховное, природное право вытекает не из здравого смысла, а лишь определяется устремлениями человека и его мощью.

В этой точке рассуждений Спиноза очень близок к Гоббсу, на что обратил внимание Бертран Рассел [6, с. 688]. Действительно, завершая свои умозаключения, Спиноза приходит к вполне гобб-

сианскому выводу. В естественном состоянии все равны, в нем нельзя обнаружить ни какого-либо закона, ни религии, т.к. оно соответствует «состоянию борьбы всех против всех» [5, с. 353].

Из сказанного следует непреложный вывод, что Спиноза – безусловный сторонник идеи общественного договора. Здесь он придерживается положений, упрочившихся в европейской мысли XVII века. Равенство людей Спиноза объясняет тем, что они коллективно владеют природным правом (возможна и передача его суверену). Поскольку коллективное право складывается из совокупной мощи и воли отдельно взятых людей оно не может не подчиняться законам разума. Наиболее ярко эта мысль выражена в следующих цитатах Спинозы: «Никому не делать того, чего не желаешь себе», «Защищать право другого как свое» [5, с. 339-340].

На политико-правовом уровне формируется новый тип субъектности и новый тип детерминации аффектов, уже не сводимый к индивидуальному уровню. Автор «Этики» уделял понятию разума в концептуальной динамике движения от аффектов к общественно значимой детерминации закона и норм права большое внимание.

У Спинозы этот переход в отличие от Гоббса не является скачкообразным. Естественное и политическое состояние не являются контрарно соотносенными сущностями, поскольку по мысли Спинозы, они скорее представляют собой видовое отличие «природного». Перед нами своего рода континуум от «непосредственного порыва» к самосохранению в «непосредственный порыв» к самовоплощению, т.к. Спиноза связывает воедино общественное и правовое бытие человека на концептуальном уровне.

Это положение играет центральную роль в концепции. Спиноза убежден в том, что общество обладает высшим природным правом, которое, по сути, безгранично и потому каждый человек должен ему либо покориться из-за страха наказания, либо следовать этому решению добровольно, разумно рассчитывая на получение определенных благ. Именно так, по мнению Спинозы и действует общественный договор, но он оговаривается: природное право не передается все же целиком. Оно ограничивается природным божественным законом, выраженным в свободе мысли, дарованной каждому. Возможно ли нарушение прав из договора? Да, но только между частными лицами. Занимая гуманистическую позиции, Спиноза считал невозможным, чтобы гражданские лица переживали нарушение своих прав со стороны суверена. Вместе с тем каждый индивид, в силу своей природы, неумолимо стремится к своей выгоде, которая далеко не всегда совпадает с аналогичной ориентацией других людей.

Здесь и возникает необходимость исторического государства во власти и насилии, без которых невозможно установление гражданского мира, а он всегда осуществляется поощрительными или карательными санкциями.

Связь человека с государством посредуется счастьем и потому глубоко проникает в жизнь этих двух величин. Действительно, человеку свойственно желание покоя, здоровья, благополучия, ибо они сопряжены с его представлениями о счастье. Однако и государство не может обойтись без опоры на это понятие, так как только таким образом можно обеспечить гармонию духовных и телесных потребностей, которые только и возможны при условии торжествующего разума. Мысль Спинозы очевидно стремится к тому, чтобы индивидуальное стремление к счастью уравнивалось мощью государства. Такое возможно тогда, когда целью государства становится свобода человека, которую Спиноза понимает отнюдь не как разгул страстей человеческих, но как строгое подчинение порывов души строгой логике законов. Следовательно, сохранение законности совпадает с конечными интересами и государства, и поданных как гаранта сбережения их верности, добродетели и душевного равновесия при подчинении императивам власти.

Благообразная максима Спинозы достойно выглядит на бумаге, но в жизни неизбежно упирается в тот простой факт, что люди отправляют власть, и люди подчиняются власти. Те и другие в равной степени склоны к тому, чтобы вместо труда предпочесть наслаждение. Кажущийся простым способ управления – держать подданных в страхе перед возможной карой неизбежно приводит к деспотии. Истинная задача государства должна по мысли Спинозы состоять в том, чтобы обыватели чувствовали себя в безопасности и осуществляли свое естественное право на жизнь и ее блага без вреда себе и окружающим. Здесь Спиноза подходит к ключевой идее своей правовой парадигмы. Цель государства не в жестком и безоговорочном подавлении, а в том, чтобы побуждать разум и волю своих подданных в направлении освобождения от гнетущих пороков (хитрость, гнев, зависть и т.п.) для упрочения общественного благоденствия.

Картина, как видим, исполненная мистическими идеалами, но при этом и вполне прекраснодушная, но не будем забывать о том, что Европа еще пребывает в XVII веке.

Таким образом наше предыдущее повествование приводит нас к следующим выводам:

1. Свобода принадлежит каждому человеку по праву рождения, т.е. естественным образом.
2. Свобода охраняется в тех пределах, которые не противоречат праву, в том числе,

когда возникает смелость подданных что-либо в законах изменить.

3. Свобода допустима при условии сохранения мира в государстве, т.е. она есть гарант от всяких неудобств. Если же подобные и возникают, то должны быть легко устранимы.
4. Свобода не несет никакого вреда благочестию (Sic!!!).
5. Закон, основанный на спекулятивном рассуждении, бесполезен.
6. Именно свобода является необходимым допущением для сохранения мира и покоя в государстве, которые пребывают в благочестии и праве верховных властей.

Таким образом, Спиноза полагал, что только тот вид верховной власти может быть признан достойнейшим, при котором естественная жизнь людей совпадает с органическим функционированием государства, лежащим исключительно в границах естественного права и только тогда власть превращается в «народную форму верховной власти». Говоря иными словами, Спиноза приходит к выводу, что логически невозможно, чтобы события были другими, чем они есть как таковые. Казалось бы, мы видим рабочую логическую посылку, но она существенным образом затрудняет трактовку греха, а это центральное понятие XVII века, уводя ее с привычного богословского понимания, что и приводит Спинозу к конфликту с синагогой и с европейской гуманитарной культурой XXI века.

С одной стороны, невозможно отрицать ясную и очевидную связь правовой концепции Спинозы с творчеством Ш. Монтескье, П. Гольбаха, Д. Дидро, Дж. Локка и других крупных деятелей грядущего XVIII столетия. Казалось бы, что преемственная связь будет сохраняться в веках, но милости истории оказались краткосрочны. Вслед за «коротким двадцатым веком» по словам Эрика Хобсбаума [7, с. 15] грянул непостижимый по своему неистовству и тревоге век XXI, когда наступила пора глубоких геополитических сдвигов, которые для XVII в. оказываются совершенно непредставимыми. Перекраиваются границы, правовые догмы (семейное право, да и другие отраслевые нормы права), культурные ценности – и все это происходит на фоне раздвоения социального счета: «для своих» и «чужих». Последнее особенно тревожит, т.к. возвращает нас к мрачным временам Игнация Лайолы, когда тень инквизиции накрыла собой всю Европу.

Конечно, прямые аналогии, особенно в истории неуместны, но невольно сегодня место и роль правовой мысли Спинозы осмысливается не

столько как исторический раритет, свидетельствующий о громадном вкладе рационализма и пантеизма в культуру Европы, сколько обретает новое качество социальной надежды Европы на возврат торжествующего Разума, мощь которого, как и предсказывали великие рационалисты Декарт, Гоббс, Спиноза неодолима, ибо это атрибутивное свойство «*causa sui*».

Субстанционализм, таким образом, представляет собой рабочий инструмент восстановления основательно разрушенного международного права, без устойчивого бытия которого уверенный исторический прогресс Европы и мира в целом попросту невозможен. Следовательно, мысли Бенедикта Спинозы сохраняют свою актуальность и для настоящего времени.

Список литературы:

- [1] Беленький М.С. Спиноза / М.С. Беленький. – М.: Молодая гвардия, 1964. – 554 с.
- [2] Братусь С.Н. Субъекты гражданского права / С.Н. Братусь. – М.: Гос. изд-во юр. лит., 1950. – 368 с.
- [3] Гроций Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. – М.: Ладомир, 1994. – 76 с.
- [4] Соколов В.В. Философия Спинозы и современность. – М.: МГУ, 1964. – 450 с.
- [5] Спиноза Б. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1 / Б. Спиноза. – М.: Гос. изд-во пол. лит., 1957. – 578 с.
- [6] Рассел Б. История западной философии / Б. Рассел. – М.: Академический проект, 2009. – 1008 с.
- [7] Хобсбаум Э. Эпоха крайностей / Э. Хобсбаум. – М.: Corpus, 2020. – 688 с.

References:

- [1] Belenky M.S. Spinoza/M.S. Belenky. - M.: Young Guard, 1964. - 554 s.
- [2] Bratus S.N. Subjects of Civil Law/S.N. Bratus. - M.: State. Publishing House Jurassic lit., 1950. - 368 p.
- [3] Grotius G. On the law of war and peace/G. Grotius. - M.: Lodomir, 1994. - 76 s.
- [4] Sokolov V.V. Spinoza's philosophy and modernity. - M.: MOSCOW STATE UNIVERSITY, 1964. - 450 s.
- [5] Spinoza B. Selected works. In 2 vols. T. 1/B. Spinoza. - M.: State. Publishing House Pol. lit., 1957. - 578 s.
- [6] Russell B. History of Western Philosophy/B. Russell. - M.: Academic project, 2009. - 1008 s.
- [7] Hobsbawm E. Age of Extremes/E. Hobsbawm. - M.: Corpus, 2020. - 688 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-890-893

ШИБАНОВА Наталья Владимировна,
старший преподаватель кафедры английского языка № 2
Московского государственного института
международных отношений (Университет) МИД России,
email: nshibanova@gmail.com

ВАРИАТИВНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ПРИЗНАКОВ ЖАНРОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ТЕКСТА (на материале статей из журнала «The Economist»)

Аннотация. Статья посвящена исследованию основных признаков жанровой вариативности текстов, опубликованных в журнале «The Economist». Объектом рассмотрения является англоязычный текст, освещающий и анализирующий актуальные проблемы современной политики, бизнеса, геополитики и экономики. Автор констатирует, что вариативность находит свое отражение в отходе от традиционных форм научного изложения. Это проявляется в использовании оригинальных экспрессивно-окрашенных средств языка.

Ключевые слова: жанр, вариативность, текст, экспрессивность, метафора.

SHIBANOVA Natalya Vladimirovna,
Senior lecturer, English Department № 2
Moscow State Institute of International Relations (University) of
the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

VARIABILITY AS ONE OF THE CORE FEATURES OF TEXTUAL GENRE CLASSIFICATION (on the material of articles from «The Economist»)

Annotation. The article is devoted to the analysis of the main features of textual genre variability, published in «The economist». The object of the article is the English text highlighting essential problems of politics, business, geopolitics and economics. The article shows that genre variability is a sign deviation from the traditional forms of scientific writing. This demonstrates the use of original expressive and emotively marked linguistic means.

Key words: genre, variability, text, expressiveness, metaphor.

С тех пор как несколько десятилетий назад тип текста (называемый так же жанром) и его вариативность вошел в лингвистический обиход, внимание исследователей к нему не только не ослабевает, но, напротив, растет. Вслед за М.М. Бахтиным, мы понимаем речевой жанр как тип высказывания/текста [1]. В литературе понятие «жанр», «тип текста» нередко используется, как взаимозаменяемые термины [10]. Теоретическое осмысление текста связывается в лингвистике, в той или иной период, несколькими парадигмами: функциональный подход обращается к назначению текста.

При коммуникативном подходе исследователи переносят понятие «тип текста» и его вари-

ативность на жанр и, соответственно, на его внутреннюю структуру, в которую включаются акт говорящего, акт слушающего и их взаимоотношения. Когнитивный подход связывает текст и знания, хранящиеся в долговременной памяти носителей языка. Названные подходы не противоречат друг другу, но взаимодополняют их.

Вопрос о классификации типов текста чрезвычайно сложен, поскольку связан с многоликостью самих текстов. В этой связи существуют две проблемы: дифференциация текстов и их вариативность.

По мнению некоторых исследователей, первую проблему можно определить следующим образом: необходимо обозначить некую тексто-

вую доминанту, т.е. выявить наиболее существенные, ведущие текстообразующие признаки. Вторая проблема состоит в следующем: текст может исследоваться как целостная структура, в которой ее составляющие неразрывно связаны. Например, о разграничении текстов газетно-публицистического функционального стиля лингвисты исходят из соотношения в них информационной и оценочной составляющей [7].

Отмечается, что решающее влияние на способ изложения информации в тексте оказывает адресность, для которой характерны конкретные условия коммуникации и, прежде всего, сам характер адресата [2].

Можно также рассматривать в качестве ведущего текстообразующего признака, доминирующую коммуникативную целеустановку [9].

Подчеркивается, что тексты могут быть подвержены жанровой классификации в зависимости от их композиционных признаков [6]. Эта мысль отчетливо прослеживается на материале научных текстов.

Считается, что доминантным признаком классификации научных текстов является их композиционная стереотипность, композиционная вариативность и композиционная интегрированность [5].

Заслуживает внимание такая концепция типа текста, при которой жанр создается устоявшейся композиционной формой и специфическим отбором как языковых (лексика, грамматика, способы изложения), так и неязыковых средств (протяженность текста, его членение) [11].

Обратимся к другому вопросу, неизбежно возникающему, в том случае, когда речь заходит о жанровой вариативности текста. Многими исследователями подчеркивается, что жанры редко существуют в «чистом виде». Существует мнение о «тенденции к размыванию жанровых границ» [4].

В рассматриваемом ниже материале круг проблем, связанных с анализом текста и его жанром, чрезвычайно широк. В настоящей статье мы обращаемся к современному англоязычному журналу «The Economist» и увидим, на каких критериях основываются ученые, говоря о вариативности жанров.

Организация и создание современного журнала начинается с реализации идеи, которая должна привлечь внимание читателей. При публикации материалов создатели текстов учитывают множество факторов, в частности, интересы и род занятий будущих читателей, культурный, экономический и финансовый уровень знаний [3].

Журнал «The Economist» относится к политико-экономическим журналам, освещающий и

анализирующий актуальные проблемы современной политики, бизнеса, геополитики и экономики.

«The Economist», как было упомянуто выше, ориентирован на образованную англоязычную аудиторию, знакомую с экономической терминологией и принципами торговли. Это журнал ориентирован на бизнесменов, политиков, экономистов и банкиров. Стиль изложения статей достаточно строгий, а также традиционно анонимный – авторство материалов в большинстве случаев не указывается. Коллективность создания статей связана с установкой на объективность и непредвзятость изложения. Эта коллегиальность способствует сохранению единого стиля общения с читателем, создает впечатление, что большинство статей написано одним автором.

Определить жанр текста многих современных англоязычных изданий – непростая задача, поскольку при сохранении традиционных жанров, а именно: научно-публицистического, информационного, художественно-литературного и т.д., идет поиск новых жанровых форм.

Главным различительным признаком, на основании которого в британской журналистике выделяют жанры, служит различие между «news» and «views». В своей работе Роберт Хорнби отмечает следующее: «Of all the distinction to be made, the most important is that between «news» and «views» and every trained journalist knows the ideal relationship between the two» [12]. Ряд жанров образуют определенную систему, для которой характерно взаимодействие, взаимовлияние и взаимопроникновение. Между ними нет жестких границ, элементы одних могут входить в другие, тем не менее, каждый жанр в системе обладает суверенностью. Когда вопрос касается внутрижанровой вариативности, границ жанра, его целостности, многими исследователями признается, что «границы жанра зыбки» [8]. По мнению Н.М. Разинкиной, «жанр имеет различные промежуточные типы, несмотря на то, что почти в каждом конкретном тексте можно выделить его жанровую доминанту» [8].

Вариативность текстов объясняется, в частности, различными способами отхода от устоявшихся традиционных форм научного изложения. На это указывает приводимый ниже материал, который без сомнения, показывает широкий диапазон экспрессивно-оценочных средств, традиционно не связанных со стилем научного изложения.

Элементы устной речи, а также метафора, сравнение, ирония, нарастание (градация), антитеза, разговорные вставки в составе предложения – все это используется для изложения основных положений статьи в журнале «The Economist».

Экспрессивная окрашенность в этих статьях, в определенной мере, обусловлена широким использованием таких прилагательных типа: *enormous, immense, huge, vast, gigantic, extreme, excessive, tremendous, prodigious*. Данные прилагательные обозначают гиперболизированную степень признака, которая связана с авторской субъективной оценкой. Напротив, в научном тексте были бы использованы такие прилагательные как: *considerable, great, noticeable, important, big, large, special*.

Указанные прилагательные: *enormous, immense, huge, vast* обозначают нечто чрезвычайно или чрезмерно большое. Причем подразумевается превышение всех возможных границ, используется для обозначения: а) интенсивности какого-либо процесса: *the enormous demand for the product* б) чрезвычайно большого количества чего-либо: *the enormous quantity*; в) районов и площадей, имеющих большую протяженность: *the enormous area*; г) для преодоления или достижения каких-либо успехов: *tremendous success*.

Использование таких приемов, как преувеличение (*the worst day on Wall Street; the biggest loser*), метафора (*the US is the biggest victim of the credit crunch, a wise steward of the economy*), метафорический перифраз (*financial woes*). При этом из ряда синонимов выбираются наиболее экспрессивные: *whack, a he blow, to plunge*, а не *to fall, to smell blood*, а не *to notice that the opponent is weak*. Наряду с традиционными языковыми средствами можно выделить и оригинальные метафоры: *a stale bull* («выдохшийся бык», т.е. игрок на бирже, который не может ликвидировать свою позицию, отсюда и выражение - *to go to a bull* играть на повышение, *to go to a bear* – играть на понижение); *bulls and bears* - биржевые игроки; *market bubble* (мыльный пузырь), отсюда выражение *bubble bursting*, что означает быстрый рост цен с последующим резким падением; *government was a wise steward of the economy; monetary police needs to be more hawkish; financial heavy-weights*.

Примечательно, что некоторые метафоры превратились в строго научные термины.

В текстах *The Economist* научные метафоры лишены экспрессивного компонента, они выполняют номинативную функцию и имеют терминологическое значение, например: *to freeze assets* – замораживать активы, семантически эта метафора соотносится с негативным явлением в экономике, что означает «регресс».

Обычно экспрессивно-окрашенные метафоры используются в публицистических текстах. Выбор той или иной метафоры обусловлен авторским замыслом. Метафора используется там, где имеет место скрытое сравнение описываемых

экономических реалий, иллюстрация сложных экономических процессов, например: *prices have recovered, recover one's money*, в научной публицистике мы бы сказали: *prices have become more stable; to return one's money back; stock traders* вместо *stock gamblers*.

С целью усиления выразительности в тексте широкое использование находит прием преувеличения, выраженный прилагательными, которые, как правило, являются эпитетами, например: *the giant US economy; overwhelming trade partner; an extraordinary amount for one company to lose; a magnificent company*. Гиперболистический эффект воздействия усиливается за счет использования наречий-интенсификаторов, например: *completely; greatly, hugely, undoubtedly*, и прилагательных в превосходной степени, например: *the richest place, the worst scenario, the biggest loser*.

Итак, рассмотренный нами материал показал, что в рамках одного и того же жанра текста прослеживаются значительные вариации для выражения одной и той же мысли. В текстах журнала *The Economist* лексика, с одной стороны, лишена экспрессии, что обусловлено целью-максимально точно донести и изложить материал, рассчитанный на подготовленную аудиторию. С другой стороны, экспрессивно-окрашенные языковые средства помогают визуально воссоздать определенную картину, ситуацию в экономике и политике и добиться наиболее полного понимания. Таким образом, вариативность находит свое отражение в отходе от традиционных форм научного изложения и использования оригинальных экспрессивно-окрашенных средств языка.

Список литературы:

- [1] Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 428-472.
- [2] Брандес М.П. Стилистика немецкого языка / Для ин-тов и фак. иностр. яз. [Учебник] 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1990. – 320 с.
- [3] Володина М.Н. Язык средств массовой информации. – М.: Академический проект, 2008. – С. 693.
- [4] Зильберт Б.А. Речевое общение: цели, мотивы, средства. – М.: ИЯЗ, 1985. – 215 с.
- [5] Клинг В.И. Лингвостилистические параметры жанров функционального стиля научной прозы: (На материале соврем. англ. мед. лит.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989. – 22 с.
- [6] Макаревичус А.Э. Проблемы Проблемная статья как жанр английской газеты: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1989. – 23 с.

[7] Наер В.Л. Из лекций по теоретическим основам интерпретации текста. – М.: МГЛУ, 2001. – 75 с.

[8] Разинкина Н.М. Функциональная си-
стика английского языка. – М.: Высшая школа,
2004. – 184 с.

[9] Синдеева Т.И. Речевой жанр «газетная
рецензия» и его лингвотекстовые характеристики:
Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. –
25 с.

[10] Тырыгина В.А. Жанровая стратифика-
ция масс-медийного дискурса. – М., Либроком,
2010. – 320 с.

[11] Mistrik J. Zanry vechney literatury –
Bratislava. 1975.

[12] Hornby R. The press in Modern Society. –
London: Muller, 1965. – 123 p.

Spisok literatury:

[1] Bahtin M.M. Problema rechevyh zhanrov //
Literaturno-kriticheskie stat'i. – М.: Hudozhestven-
naya literatura, 1986. – S. 428-472.

[2] Brandes M.P. Stilistika nemeckogo yazyka /
Dlya in-tov i fak. inostr. yaz. [Uchebnyk] 2-e izd., ispr. i
dop. – М.: Vysshaya shkola, 1990. – 320 s.

[3] Volodina M.N. YAzyk sredstv massovoy
informacii. – М.: Akademicheskij proekt, 2008. – S.
693.

[4] Zil'bert B.A. Rechevoe obshchenie: celi,
motivy, sredstva. – М.: IYAZ, 1985. – 215 s.

[5] Kling V.I. Lingvostilisticheskie parametry
zhanrov funkcional'nogo stilya nauchnoj prozy: (Na
materiale sovrem. angl. med. lit.): Avto-ref. dis. ...
kand. filol. nauk. – М., 1989. – 22 s.

[6] Makarevichus A.E. Problemy Problemnaya
stat'ya kak zhanr anglijskoj gazety: Avto-ref. dis. kand.
filol. nauk. – М., 1989. – 23 s.

[7] Naer V.L. Iz lekciy po teoreticheskim osno-
vam interpretacii teksta. – М.: MGLU, 2001. – 75 s.

[8] Razinkina N.M. Funkcional'naya silistika
anglijskogo yazyka. – М.: Vysshaya shkola, 2004.
– 184 s.

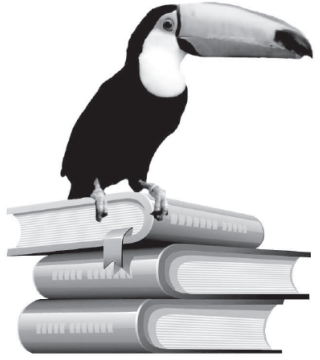
[9] Sindееva T.I. Rechevoj zhanr «gazetnaya
recenziya» i ego lingvotekstovye harakteristiki:
Avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk. – М., 1984. – 25 s.

[10] Tyrygina V.A. Zhanrovaya stratifikaciya
mass-medijnogo diskursa. – М., Librokom, 2010. –
320 s.

[11] Mistrik J. Zanry vechney literatury – Brati-
slava. 1975.

[12] Hornby R. The press in Modern Society. –
London: Muller, 1965. – 123 p.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-894-896

ЕВДОКИЕНКО Виктория Вячеславовна,
преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин
Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия
им. В.М. Лебедева»,
e-mail: v-evdokienko@yandex.ru

КУЛЬТУРА РЕЧИ И ЭТИЧЕСКИЕ СТАНДАРТЫ: ВЗАИМОСВЯЗЬ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию речевой культуры юриста как показателя его профессионализма и нравственной зрелости. Рассматриваются основные компоненты речевой культуры, включая владение литературным языком, соблюдение речевого этикета, умение доступно объяснять правовые вопросы и выстраивать аргументацию. Анализируется взаимосвязь между речевым поведением и нравственными качествами юриста, такими как честность, уважение к человеческому достоинству, ответственность за сказанное слово и профессиональная принципиальность. Освещаются современные вызовы для речевой культуры юриста в условиях информационной среды и рыночных отношений. Подчеркивается важность постоянного совершенствования речевой культуры как процесса профессионального и нравственного развития специалиста.

Ключевые слова: речевая культура юриста, профессиональная этика, нравственный облик юриста, юридическая риторика, языковая компетенция, речевой этикет, профессиональная коммуникация, судебное красноречие, правовая культура.

EVDOKIENKO Victoria Vyacheslavovna,
Lecturer at the Department of General Education Disciplines
of the Northwestern Branch of the Federal State Educational Institution
“Lebedev Russian State University of Justice”

CULTURE SPEECH AND ETHICAL STANDARDS: THE RELATIONSHIP IN LEGAL PRACTICE

Annotation. The article is devoted to the study of a lawyer's speech culture as an indicator of his professionalism and moral maturity. The main components of speech culture are considered, including the mastery of the literary language, adherence to speech etiquette, the ability to explain legal issues in an accessible manner, and the ability to build arguments. The relationship between speech behavior and the moral qualities of a lawyer, such as honesty, respect for human dignity, responsibility for what is said, and professional integrity, is analyzed. The article highlights the current challenges for a lawyer's speech culture in the context of the information environment and market relations. The article emphasizes the importance of continuous improvement of speech culture as a process of professional and moral development of a specialist.

Key words: Speech culture of a lawyer, professional ethics, moral image of a lawyer, legal rhetoric, language competence, speech etiquette, professional communication, judicial eloquence, legal culture.

Профессия юриста традиционно предъявляет особые требования к личности специалиста, его моральным качествам и интеллектуальному развитию. Одним из важнейших показателей профессионализма и нравственной зрелости юриста выступает его речевая культура. В юридической сфере речь

является не просто инструментом коммуникации, но и основным профессиональным инструментом. От точности формулировок, убедительности аргументации, соблюдения этических норм общения зачастую зависит судьба человека, справедливость принятого решения и, в конечном итоге, авторитет всей правовой системы. [2, с.12]

Речевая культура юриста – это не просто владение нормами литературного языка, но и отражение его внутреннего мира, системы ценностей и моральных принципов. Язык, которым пользуется специалист, демонстрирует уровень его образования, широту кругозора, развитость мышления и нравственную зрелость.[4, с. 45] Известный русский юрист А.Ф. Кони утверждал, что “необходимыми условиями судебного красноречия являются: знание предмета, о котором говоришь, и знание родного языка, его красот, сил и оттенков”. [5, с. 98] Это утверждение подчеркивает, что языковая компетенция неразрывно связана с профессионализмом и нравственными качествами юриста.

Речевая культура юриста включает несколько взаимосвязанных компонентов:

- Безупречное владение литературным языком, соблюдение орфоэпических, лексических, грамматических и стилистических норм.
- Соблюдение речевого этикета, уважительное отношение к собеседнику, отсутствие речевой агрессии.
- Умение доступно объяснять сложные правовые вопросы, адаптировать речь к уровню собеседника, вести конструктивный диалог.
- Способность выстраивать аргументацию, анализировать факты, формулировать четкие и последовательные выводы. [3, с. 67]

Речь юриста является индикатором его нравственных качеств:

- *Честность и объективность*

Честный юрист избегает манипулятивных речевых приемов, не искажает факты, не использует двусмысленности и умолчания для введения в заблуждение.

- *Уважение к человеческому достоинству*

Культура речи юриста проявляется в отсутствии оскорбительных выражений, унижительных характеристик, пренебрежительного тона.

- *Ответственность за сказанное слово*

Юрист с высоким нравственным обликом осознает вес своих слов, понимает, что его высказывания могут иметь серьезные последствия для судеб людей.

- *Профессиональная принципиальность*

Принципиальный юрист использует речь для защиты справедливости и законности, не боится называть вещи своими именами, когда речь идет о нарушениях прав и свобод.

Современная информационная среда с ее тенденцией к упрощению, сокращению, эмоциональности и агрессивной риторике создает новые вызовы для речевой культуры юриста. Социальные сети, где популярны провокационные высказывания и острая полемика, могут негативно влиять на стиль профессиональной коммуникации.

Нравственная зрелость юриста проявляется в способности противостоять этим тенденциям и сохранять высокую культуру речи даже в цифровой среде.

В условиях рыночных отношений речь юриста иногда становится инструментом маркетинга юридических услуг. Возникает риск использования манипулятивных речевых техник, преувеличенных обещаний, необоснованной критики конкурентов. Противостояние этим тенденциям требует не только следования профессиональным стандартам, но и личной нравственной позиции.

Профессиональная деформация речи юристов часто проявляется в чрезмерном использовании шаблонных фраз, громоздких конструкций даже там, где можно выразиться проще. Такая речь затрудняет коммуникацию с гражданами, создает барьер между юристом и обществом, иногда воспринимается как средство сокрытия истинного смысла. Преодоление этой тенденции – задача, имеющая не только лингвистическое, но и нравственное значение.

Формирование речевой культуры юриста начинается в период обучения и продолжается на протяжении всей профессиональной деятельности. Изучение классического риторического наследия (труды Цицерона, Квинтилиана, А.Ф. Кони, П.С. Пороховщикова), чтение художественной литературы, анализ образцов судебных речей – все это способствует развитию языковой личности юриста.

Совершенствование речевой культуры предполагает постоянную рефлексию, анализ своего речевого поведения, готовность признавать ошибки и работать над ними. Самокритичность в отношении собственной речи – проявление нравственной зрелости и профессиональной честности. [7, с. 91]

Речевая культура юриста представляет собой сложный феномен, в котором переплетаются лингвистические, логические, этические и психологические аспекты. Она является не просто профессиональным навыком, но и отражением нравственного облика специалиста, его приверженности идеалам справедливости, уважения к закону и человеческому достоинству.

В словах юриста воплощается его мировоззрение, ценности, моральные принципы. Поэтому развитие речевой культуры – это не только путь к профессиональному успеху, но и процесс нравственного совершенствования. Как писал А.Ф. Кони, “слово – это великая сила, но надобно заботиться, чтобы сила эта была направлена ко благу”. [6, с. 73]

В современных условиях, когда размываются нравственные ориентиры, когда язык нередко становится средством манипуляции и

агрессии, высокая речевая культура юриста приобретает особое значение. Она становится не только признаком профессионализма, но и гарантией справедливого правосудия, залогом доверия общества к правовой системе, фактором укрепления правового государства.

Речевая культура юриста представляет собой сложный феномен, в котором переплетаются лингвистические, логические, этические и психологические аспекты. Она является не просто профессиональным навыком, но и отражением нравственного облика специалиста, его приверженности идеалам справедливости, уважения к закону и человеческому достоинству.

Список литературы:

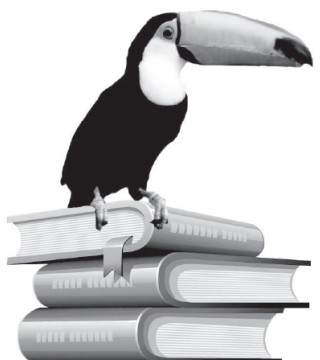
- [1] Александров Д.Н. Риторика: Учеб. Пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – 534 с.
- [2] Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. – 592 с.
- [3] Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления. М.: Флинта: Наука, 2019. 224 с.
- [4] Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов). – М.: Норма, 2014. – 592 с.

- [5] Кони А.Ф. Избранные труды и речи / Сост. И. В. Потапчук. Тула: Автограф, 2016. 550 с
- [6] Кони А.Ф. Советы лекторам // Избранные труды и речи. – М.: Юрайт, 2019. – 589 с.
- [7] Сергеич П. (Пороховщиков П.С.). Искусство речи на суде / Под ред. Н. Чулюкина. М.: Юрайт, 2017. 395 с.

References:

- [1] Aleksandrov D.N. Rhetoric: A Textbook for Universities. Moscow: UNITY-DANA, 1999. 534 p.
- [2] Baranov A.N. Linguistic Analysis of the Text: Theory and Practice. Moscow: FLINTA: Nauka, 2018. 592 p.
- [3] Vasiliev A.D. The Word on Russian Television: Essays on the Latest Word Usage. Moscow: Flinta: Nauka, 2019. 224 p.
- [4] Ivakina N.N. Fundamentals of Forensic Eloquence (Rhetoric for Lawyers). Moscow: Norma, 2014. 592 p.
- [5] Koni A.F. Selected Works and Speeches / Comp. I.V. Potapchuk. Tula: Avtograf, 2016. 550 p.
- [6] Koni, A.F. Advice to Lecturers // Selected Works and Speeches. Moscow: Yurait, 2019. 589 p.
- [7] Sergeyich, P. (Porokhovshchikov, P.S.). The Art of Speech in Court / Ed. by N. Chulyukin. Moscow: Yurait, 2017. 395 p.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-897-902

МАРУФЕНКО Елена Викторовна,
кандидат педагогических наук, PhD, доцент,
доцент кафедры музыкального образования
Высшей школы музыки и театра
Владимирского государственного университета
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
e-mail: elena.marufenko@gmail.com

ДАНИЛОВА Анна Викторовна,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры музыкального образования
Высшей школы музыки и театра
Владимирского государственного университета
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
e-mail: danilovaanna2008@rambler.ru

ОБРАЗ СЕРВИЛИИ: ПЕРСОНАЖНОЕ СОЗНАНИЕ И ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЕ ЗАДАЧИ

Аннотация. Статья посвящена анализу художественного образа Сервиллии - главной героини одноимённой оперы Н.А. Римского-Корсакова. Образ Сервиллии рассматривается в контексте системы женских оперных персонажей композитора, что позволяет выявить как общие типологические черты, характерные для корсаковской драматургии, так и индивидуальные особенности данного персонажа. Особое внимание уделяется раскрытию персонажного сознания героини, формируемого во взаимодействии музыкального текста, либретто и сценического воплощения. В работе акцентируется процессуальный характер драматургии судьбы Сервиллии, проявляющийся в постепенном развитии её внутреннего мира и нравственного выбора. Музыкально-интонационные средства, вокальная линия и тембровая характеристика рассматриваются как основные носители смысловой динамики образа. Анализ оперы позволяет проследить, каким образом композитор выстраивает образ героини как целостную, но внутренне изменяющуюся структуру, в которой личные переживания соотносятся с философско-религиозной проблематикой произведения. Методологическую основу исследования составляют музыкально-драматургический, аналитический и герменевтический подходы, а также обращение к исполнительской традиции, связанной с интерпретацией партии Сервиллии Н.И. Забелой-Врубель. В статье обосновывается вывод о том, что образ Сервиллии занимает особое место в оперном наследии Н.А. Римского-Корсакова и обладает значительным художественным и педагогическим потенциалом. Материалы исследования могут быть использованы в научной, учебной и исполнительской практике.

Ключевые слова: Сервиллия, Н.А. Римский-Корсаков, Н.И. Забела-Врубель, художественный образ, персонажное сознание, оперная драматургия.

MARUFENKO Elena Viktorovna,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Music Education,
High School of Music and Theater,
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

DANILOVA Anna Viktorovna,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Music Education,
High School of Music and Theater,
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

THE IMAGE OF SERVILIA: CHARACTER CONSCIOUSNESS AND PERFORMANCE TASKS

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the artistic image of Servilia, the main heroine of the eponymous opera by N.A. Rimsky-Korsakov. The image of Servilia is examined within the context of the composer's system of female operatic characters, which makes it possible to identify both the general typological features characteristic of Rimsky-Korsakov's dramaturgy and the individual traits of this particular character. Special attention is paid to the revelation of the heroine's character consciousness, formed through the interaction of the musical text, the libretto, and stage embodiment.*

The study emphasizes the procedural nature of the dramaturgy of Servilia's fate, manifested in the gradual development of her inner world and moral choice. Musical and intonational means, the vocal line, and timbral characteristics are considered the main carriers of the semantic dynamics of the image. The analysis of the opera allows the authors to trace how the composer constructs the heroine's image as an integral yet internally evolving structure, in which personal experiences are correlated with the philosophical and religious issues of the work.

The methodological framework of the study is based on musical-dramaturgical, analytical, and hermeneutic approaches, as well as on reference to the performance tradition associated with the interpretation of Servilia's role by N.I. Zabela-Vrubel. The article substantiates the conclusion that the image of Servilia occupies a special place in the operatic legacy of N.A. Rimsky-Korsakov and possesses significant artistic and pedagogical potential. The research materials may be used in scholarly, educational, and performance practice.

Key words: *Servilia, N.A. Rimsky-Korsakov, N.I. Zabela-Vrubel, artistic image, character consciousness, operatic dramaturgy.*

Введение. Глобальные политические изменения, произошедшие в мире, повлекли за собой переоценку ценностей, настало время повернуться в сторону своей родной культуры. Возрождение отечественных традиций становится приоритетным в настоящий момент. Особенно актуальным является разработка именно своих отечественных методических материалов для профессиональной подготовки специалистов академического вокального и инструментально-исполнительского искусства. В том числе одним из таких путей решения данной проблемы является обращение к незаслуженно забытым важнейшим явлениям русского музыкального искусства. Возникла необходимость в возрождении забытых пластов оперной музыки, переосмыслении отдельных известных музыкальных творений отечественных композиторов.

Одним из таких творений является опера «Сервилия» Н.А. Римского-Корсакова. Монументальное полотно с музыкой, уникальное сочинение, редкое по красоте и не облаканное сценической практикой. Самая загадочная опера Н.А. Римского-Корсакова остается непознанной и неизвестной широкой музыкальной общественности. Музыка, история и философия идут здесь рядом с друг другом, ведь проблема становления христианства актуальна до сих пор, вечные смыслы и примеры любви, верности, преданности нужны людям в наше время больше, чем когда либо, а совершенство музыки усиливает впечатление и

заставляет нас трепетать и восхищаться гением Н.А. Римского-Корсакова.

До сих пор остается загадкой отчего опера была не признана во времена жизни композитора и не популярна по сей день. Ведь и сам композитор оценивал уход «Сервилии» со сцены как незаслуженный, хотя и признавал, что опера «далеко не наполнила театра». Арию Сервилии «Цветы мои...» считал лучшей своей арией, а всю партию героини оценивал как вполне удачно написанную. Потрясающей красоты, изысканную, прозрачную, утонченную, обволакивающую великолепием музыкальной ткани арию исполняют не так часто, как хотелось бы.

Основная часть. Появление этой оперы в творчестве Н.А. Римского-Корсакова обусловлено тем, что для автора духовно-нравственные темы, все чаще и чаще витающие в обществе того времени, становились всё более актуальными и волнительными, среди которых особо ярко вырисовывалась идея победы добра над злом, правды над ложью, подлинности настоящих чувств над бездушием. Эта тема утверждения высоких нравственно-этических ценностей, выражаемая в стремлении к идеалу личности человека, и нашла свое отражение в опере Н.А. Римского-Корсакова «Сервилия». Своего рода романтическим лейтмотивом этого произведения явился образ героини Сервилии. Линия Сервилии в опере является главной и наиболее драматургически сильной.

Мысли и чувства, особенно волновавшие композитора и имеющие для него большое значение, связаны именно с ее образом.

На фоне созданной композитором галереи неповторимых в своем обаянии (как реальных, так и фантастических) чистых, нежно-лирических женских образов Сервилия олицетворяет собой идеал душевной красоты, физического и нравственного совершенства. Ее образ как бы вобрал в себя разные положительные качества женских персонажей предшествующих опер: от Марфы и Снегурочки – доброта, искренность, душевное тепло; от Марии, Царевны, Ольги – помимо перечисленных, добавились жизненная стойкость, сила, воля к принятию решений, настойчивость. Сложившийся образ Сервилии как бы проложил путь к главной героине оперы Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о Невидимом граде Китеже и деде Февронии» как олицетворению духовной красоты, которая также человечна, чиста сердцем и помыслами.

Как большинство героинь опер Н.А. Римского-Корсакова Сервилия красива и скромна. Её первое появление на сцене весьма эффектно в своей простоте:

«входит Сервилия в сопровождении двух невольниц и Антонию, покрывало Сервилии откинута назад, в распущенные волосы вплетены нити жемчуга.

А. Гиспо. – *(указывает движением головы на террасу).* Кто это?

Отпущенник. – *(тихо).* Дочь Сенатора Сорана, Сервилия.

Гиспо. – *(тихо)* Молва не обманула: Красавица!» [7, с. 25].

Для композитора, помимо внешне прекрасного облика наиболее важное значение имела красота внутренняя – красота души, красота мыслей. Эта замечательная героиня имела и эти качества, которые сближают ее с образом Марфы из «Царской невесты». Но все же их характеры очень разные. В сочетании таких внутренних качеств как душевное изящество, женственность и, с другой стороны, сила воли и решительность можно усмотреть сходство с образом Ольги из оперы «Псковитянка».

Есть некая схожесть и в жизненных ситуациях этих героинь: Сервилию, как и Ольгу, принуждают выйти замуж за человека, которого она не любит. Отец Сервилии – Соран хочет выдать замуж дочь за пожилого единомышленника Тразею. Но ее сердце принадлежит трибуну Валерию. Она не готова связать свою жизнь с уважаемым, но не любимым ею человеком. Несмотря на

неоспоримую и безграничную волю отца, в Древнем Риме это было так, Сервилия произносит смелые и волевые слова:

«Сервилия. – А ты, отец, скажи Тразее, что дочь твоя, Сервилия, клянётся не быть его женою никогда! (Уходит в уборную.)»

Таким решительным протестом Соран был изумлен, ведь дочь его была всегда послушной и кроткой. С недоумением Соран понимает, что «это не ребяческий порыв, а вопль души растерзанной».

Тразея пришел к мысли, что брак не может состояться и этому есть несколько причин. Основная – страдания Валерия, который безнадежно любит Сервилию. Сервилия питает к Валерию те же чувства. Любовь ее не тиха и покорна. Это всепоглощающее, глубокое, сильное чувство.

Когда неожиданно обрушиваются удары злой судьбы в виде предательства Эгнатия, Сервилия проявляет неимоверное мужество своего характера. Отца обвинили в государственной измене, а ложная новость о том, что Валерий пал от руки убийцы едва ли не убивает главную героиню. Душевно израненная она направляется к гадалке Локусте, чтобы вызвать призрака, способного «поднять завесу грядущего». Ей страшно встретиться с тенью из загробного мира, но ради спасения двух горячо любимых людей, Сервилии приходится преодолеть свой страх. Эгнатий, преднамеренно оказавшийся у Локусты, намекает Сервилии на то, что если она будет принадлежать ему тем самым спасет Сорана.

*«Эгнатий – Сервилия!
Ты можешь, если хочешь,
спасти отца твоим единым взором,
движеньем брови, лёгкою улыбкой.»*

Так Эгнатий поставил перед выбором любящую дочь.

*«Эгнатий – Пойми меня:
два слова Тигеллину –
и твой отец оправдан.»*

В этот момент Сервилия решительно с негодованием отвергает домогательства врага самых ее близких людей. Чувство справедливости и человеческого достоинства придают сил главной героине.

Мы затронули важнейшие черты характера Сервилии, обратились к внутреннему миру ее натуры и поняли, что ее личность многогранна,

как алмаз, переливающийся разными гранями положительных черт характера, и в то же время ее земная красота нисколько не уступает ее внутреннему миру.

Можно отметить еще одну существенную черту ее личности, связанную с принятием христианства. Когда Сервилия умирает в конце произведения, она говорит Валерию не мстить «заблудшимся врагам». Будучи христианкой, отбросив все земное Сервилия подавила в себе ненависть к Эгнатию по вине которого ее постигла ранняя смерть. «Прости меня небесный искупитель, как я прощаю злейшего врага», – последние слова главной героини.

Тема победы христианства над язычеством дополняет «портрет» Сервиллии мотивом христианского всепрощения, смирения с судьбой. Этот момент важен и для Н.А. Римского-Корсакова и для Л.А. Мея.

Удивительно разносторонне-положительные характеристики сочетает в себе женский персонаж Н.А. Римского-Корсакова и драматурга Л.А. Мея, в нем сплетены и активно проявляются истинные человеческие черты и чувства. Это и благородство души, и страстная любовь южанки, и некое смирение с несовершенством земного мира, и сила характера в борьбе с реальностью и нежелание мириться с обстоятельствами, а также бесстрашие если вдруг последует наказание. Н.А. Римского-Корсаков еще больше углубил и подчеркнул музыкальными средствами выразительности облик внешний и особенно внутренний, выдвигая музыкально-драматическую линию центрального образа на первый план. Самые поэтические оперные страницы связаны именно с образом Сервиллии.

«В отличие от некоторых других персонажей, представляющих собой условные театральные фигуры, одетые и загримированные под римлян, Сервилия действительно живет на сцене и в музыке. Она по-человечески близка и понятна. В ее образе композитор, по-видимому, запечатлел некоторые черты реальных женщин, хорошо ему известных. Возможно, здесь отразились некоторые черты Н.И. Забелы-Врубель. И как артистка, и как человек она вдохновляла Н.А. Римского-Корсакова, когда он создавал ряд женских образов в своих операх» [3, с. 98].

Знакомство с Н.И. Забелой-Врубель было своеобразным толчком для творчества последнего периода жизни композитора, как и собственно артистическая индивидуальность

певицы раскрылась не без участия Н.А. Римского-Корсакова и его творческого наследия. Певческое дарование Н.И. Забелы-Врубель побудило творца гениальных опер глубоко погрузиться в природу пения, в технологические особенности исполнителей, его интересовала кантилена, оперный и романсный певучий стиль. Композитор начал придавать особое, важное значение мелодической стихии в опере, он стал «ясно представлять, как берется всякая нота в хорошем голосе у искусной певицы».

Артистическому дарованию Н.И. Забелы-Врубель были доступны и близки почти все центральные женские персонажи опер Н.А. Римского-Корсакова. Композитора привлекала тонкая музыкальность, практически инструментальная передача партий, деликатная трактовка ролей с точки зрения актерского мастерства и утонченный вкус в донесении естества героинь до зрителя. Она была истинно корсаковской певицей со своим стилем, формируемым музыкой Н.А. Римского-Корсакова и чутким художником.

В ноябре 1901 г. композитор отправил певице арию Сервиллии, написав: «Думаю, что она вам по голосу, но в ней нет ваших прелестных верхних нот *pianissimo*; на этот раз не подошло» [8, с. 332]. Н.И. Забела-Врубель великолепно бы вжилась в образ Сервиллии, тем более что главная героиня имела схожие черты с «вокальным обликом» Н.И. Забелы-Врубель, но, к сожалению, ряд семейных обстоятельств не позволил ей работать над ролью и принимать участие в премьере оперы.

В одном из некрологов сказано после характеристики созданного ею образа Марфы «Аналогичен ему образ прекрасной Сервиллии. Но Забеле не суждено было воплотить его на сцене, это во многом предопределило неуспех, непонимание прекрасного создания Н.А. Римского-Корсакова» [8, с. 333].

Несмотря на то, что Н.И. Забеле-Врубель не удалось вложить в создание образа Сервиллии свойственное ей обаяние и профессиональное мастерство в оперной постановке, в концертном варианте она великолепно исполнила главную арию «Цветы мои...» и в дальнейшем практиковала ее в своих концертных выступлениях.

Характеристика музыкального образа Сервиллии включает в себя несколько тем и лейтмотивов, не имеющих лейтмотивной роли. Вот одно из проведений основного лейтмотива из третьего акта:

Рисунок 1.

Очень красива эта задумчивая, лирическая, нежная тема. Она передает изящество, грацию принадлежащие внешнему облику Сервиллии и конечно же ее душе.

Особенности мелодического строения музыкальной темы определяют ее выразительность. Мелодия – это как бы одна музыкальная волна, которую образуют ряд небольших мелодических волн. Их роднит ритмический и интонационный рисунок. Синкопированный ритм как будто бы несколько прерывает музыкальное движение, невольно нам слышится дыхание Сервиллии, бие-ние ее сердца. И в то же время мелодия, как поток, берущий свое начало в начальном зерне-мотиве, разливается широко и плавно. В ней можно усмотреть черты итальянской оперной кантилены и, с другой стороны, она не является чужой лириче-скому мелосу П.И. Чайковского. Оркестровое сопровождение темы включает в себя такие инструменты как: скрипки, флейты, гобои, клар-неты. Сочетание этих инструментов придают теме колорит теплоты, насыщенность. Краски орке-стра, гармонические фигуры как бы вплета-ются в мелодическую линию образуя мягкое, стройное звучание. Прозрачность фактуры срав-нима с вуалью, наброшенную на мелодический рисунок.

Выводы. В заключении хочется сказать, что несмотря на множество негативных отзывов кри-тиков и искусствоведов музыка оперы «Серви-лия» вобрала в себя все лучшие достижения ком-позитора: удивительно красивые мелодии, безу-пречные формы и масштабные театральные дей-ствия. Но самое прекрасное, что есть в опере

– это образ Сервиллии, главным образом нашед-ший свое отражение в арии «Цветы мои...», кото-рая по мнению самого Н.А. Римского-Корсакова – его лучшая ария. Кроме того, исполнительнице главной роли для погружения в персонажное сознание героини необходимо осознавать образ эпохи; социальные, религиозные и семейные устои того времени, а также понять процессуаль-ность драматургии судьбы Сервиллии как оперного персонажа. Сервиллия олицетворяет собой идеал душевной красоты, физического и нравственного совершенства. Помимо кротости, доброты, отзыв-чивости она наделена сильными, волевыми чер-тами характера. Процесс духовного поиска есте-ственно приводит её к принятию христианства.

Список литературы:

- [1] Гергиев В.А. Музыка. Театр. Жизнь. Про-тивостояние / В.А. Гергиев. – СПб.: Композитор, 2008. – 544 с.
- [2] Гозенпуд А.А. Н.А. Римский-Корсаков. Темы и идеи его оперного творчества / А.А. Гозенпуд. – М.: Музгиз, 1957. – 187 с.
- [3] Данилевич Л.В. Последние оперы Н.А. Римского-Корсакова / Л.В. Данилевич. – М.: Государственное музыкальное издательство, 1961. – 279 с.
- [4] Кандинский В.В. О духовном в искусстве / В.В. Кандинский // Размышления об искусстве. – М.: АСТ, 2018. – 260 с.
- [5] Карасев П.А. Римский-Корсаков, Врубель и Забела-Врубель (по личным воспоминаниям) / П.А. Карасев. – Николай Андреевич Римский-Кор-саков // К 150-летию со дня рождения и 90-летию

со дня смерти: Сб. 30 Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского. Сб. 30. – М., 2000. – С. 146-169.

[6] Кириллина Л.В. Возрождённая «Сервилия» / Л.В. Кириллина // Музыкальная жизнь. – 2016. – № 4. – С. 18-21.

[7] Мей Л.А. Сервилия. Драма в пяти действиях / Л.А. Мей. – Санкт-Петербург: типография Королева и К, 1854. – 116 с.

[8] Римский-Корсаков Н.А. Исследования. Материалы. Письма. В двух томах, том I / Н.А. Римский-Корсаков. – М.: Издательство академии наук СССР, 1953. – 413 с.

[9] Римский-Корсаков Н.А. Из семейной переписки / Н.А. Римский-Корсаков. – СПб.: Издательство композитор, 2008. – 248 с.

[10] Римский-Корсаков, Н.А. Переписка с Н.И. Забелой-Врубель / Н.А. Римский-Корсаков. – М.: Композитор, 2008. – 344 с.

[11] Силантьева И.И. Проблема перевоплощения исполнителя в вокально-сценическом искусстве : автореферат дис. ... доктора искусствоведения : 17.00.02 / Силантьева Ирина Игоревна; [Место защиты: Моск. гос. консерватория им. П.И. Чайковского]. – Москва, 2007. – 47 с.

[11] Силантьева И.И. Путь к интонации: Психология вокально-сценического перевоплощения / И.И. Силантьева. – М.: КМК, 2009 – 644 с.

References:

[1] Gergiev V.A. Music. Theatre. Life. Counterposition / V.A. Gergiev. – St. Petersburg: Kompozitor, 2008. – 544 p.

[2] Gozenpud A.A. N.A. Rimsky-Korsakov. Themes and Ideas of His Operatic Work / A.A. Gozenpud. – Moscow: Muzgiz, 1957. – 187 p.

[3] Danilevich L.V. The Last Operas of N.A. Rimsky-Korsakov / L.V. Danilevich. – Moscow: State Music Publishing House, 1961. – 279 p.

[4] Kandinsky V.V. On the Spiritual in Art / V.V. Kandinsky // Reflections on Art. – Moscow: AST, 2018. – 260 p.

[5] Karasev P.A. Rimsky-Korsakov, Vrubel, and Zabela-Vrubel (based on personal recollections) / P.A. Karasev. – Nikolai Andreevich Rimsky-Korsakov // On the 150th anniversary of his birth and the 90th anniversary of his death: Collection of 30 works of the Moscow State Conservatory named after P.I. Tchaikovsky. Collection of 30 works. – Moscow, 2000. – Pp. 146-169.

[6] Kirillina, L.V. The Revived "Servilia" / L.V. Kirillina // Musical Life. – 2016. – No. 4. – Pp. 18-21.

[7] Mei, L.A. Servilia. Drama in Five Acts / L.A. Mei. – St. Petersburg: Korolev and K Printing House, 1854. – 116 p.

[8] Rimsky-Korsakov, N.A. Research. Materials. Letters. In two volumes, volume I / N.A. Rimsky-Korsakov. – Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1953. – 413 p.

[9] Rimsky-Korsakov, N.A. From family correspondence / N.A. Rimsky-Korsakov. – St. Petersburg: Kompozitor Publishing House, 2008. – 248 p.

[10] Rimsky-Korsakov, N.A. Correspondence with N.I. Zabela-Vrubel / N.A. Rimsky-Korsakov. – Moscow: Kompozitor, 2008. – 344 p.

[11] Silantyeva, I.I. The problem of transformation of the performer in vocal and stage art: abstract of dissertation. ... Doctor of Art History: 17.00.02 / Silantyeva Irina Igorevna; [Place of defense: Moscow State Conservatory named after P.I. Tchaikovsky]. – Moscow, 2007. – 47 p.

[11] Silantyeva I.I. The Path to Intonation: Psychology of Vocal and Stage Transformation / I.I. Silantyeva. – M.: KMK, 2009 – 644 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-903-907

ФУРМАН Татьяна Геннадьевна,
кандидат культурологии, доцент кафедры
конституционного и административного права
Северо-Западного института управления —
филиала Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(РАНГХуГС, Санкт-Петербурга),
e-mail: mail@law-books.ru

СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Аннотация. В статье проводится анализ процессов формирования правовой и политической культуры в постсоветской России. Рассматриваются социокультурные, исторические и институциональные факторы, определившие специфику трансформации ценностных ориентаций российского общества в сфере права и политики. Особое внимание уделяется противоречиям между декларируемыми демократическими принципами и традиционными паттернами властных отношений, укоренёнными в отечественном правосознании. Прослеживается эволюция государственной культурной политики как инструмента целенаправленного воздействия на правовую и политическую социализацию граждан. Выявляются ключевые тенденции современного этапа развития правовой культуры: усиление акцента на суверенитете, обращение к историческим традициям, переосмысление соотношения публичных и частных интересов. Формулируются выводы о перспективах консолидации ценностных оснований российской государственности.

Ключевые слова: правовая культура, политическая культура, правосознание, государственная культурная политика, демократический транзит, правовая социализация, публичные интересы.

FURMAN Tatyana Gennadyevna,
PhD in Cultural Studies, Associate Professor
of the Department of Constitutional and Administrative Law
at the North-West Institute of Management —
a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(RANEPA, St. Petersburg)

THE FORMATION OF MODERN LEGAL AND POLITICAL CULTURE IN RUSSIA

Annotation. The article analyzes the formation processes of legal and political culture in post-Soviet Russia. Sociocultural, historical, and institutional factors that determined the specificity of value orientation transformation in Russian society regarding law and politics are examined. Particular attention is paid to contradictions between declared democratic principles and traditional patterns of power relations rooted in domestic legal consciousness. The evolution of state cultural policy as an instrument of purposeful influence on citizens' legal and political socialization is traced. Key trends of the current stage of legal culture development are identified: strengthening emphasis on sovereignty, appeal to historical traditions, rethinking the correlation between public and private interests. Conclusions about prospects for consolidating the value foundations of Russian statehood are formulated.

Key words: legal culture, political culture, legal consciousness, state cultural policy, democratic transition, legal socialization, public interests.

Проблематика правовой и политической культуры приобретает особую актуальность в периоды масштабных общественных трансформаций, когда прежние ценностные ориентиры утрачивают свою регулятивную функцию, а новые ещё не успели укорениться в массовом сознании. Российское общество на протяжении последних трёх десятилетий находится именно в таком состоянии переходности, что обуславливает научный интерес к исследованию механизмов формирования и воспроизводства культурных оснований правопорядка.

Распад советской системы повлёк за собой не только институциональные преобразования, но и глубокий кризис идентичности, затронувший все уровни социального бытия. Правовая и политическая культура, аккумулирующая исторический опыт взаимодействия личности, общества и государства, оказалась в эпицентре этого кризиса. Между тем именно от характера культурных трансформаций во многом зависит успешность государственного строительства и устойчивость политико-правовых институтов.

Цель настоящего исследования состоит в комплексном анализе генезиса современной правовой и политической культуры России, выявлении её сущностных характеристик и определении ключевых тенденций развития. Методологическую основу работы составляет сочетание историко-генетического и системного подходов, позволяющих рассмотреть изучаемый феномен в динамике и во взаимосвязи составляющих его элементов.

Концептуализация правовой культуры в отечественной науке традиционно опирается на представление о ней как о сложном многоуровневом феномене, интегрирующем когнитивные, аксиологические и поведенческие компоненты. Правовая культура, понимаемая в широком смысле, охватывает совокупность материальных и духовных достижений в сфере правового регулирования - от законодательных текстов до правовых обычаев и стереотипов массового сознания. Узкая трактовка акцентирует внимание на субъективной стороне: знаниях о праве, отношении к правовым предписаниям, готовности следовать им в повседневной практике.

Политическая культура, в свою очередь, представляет собой систему исторически сложившихся ориентаций по отношению к политической системе, её институтам, ролям и нормам. Классическая типология Г. Алмонда и С. Вербы, выделяющая парохийный, подданнический и партиципаторный типы политической культуры, сохраняет эвристический потенциал для анализа российской специфики, хотя и требует существенной адаптации с учётом цивилизационного контекста.

Взаимосвязь правовой и политической культуры обнаруживается на нескольких уровнях. Обе они формируются в рамках единого социокультурного пространства, испытывают воздействие одних и тех же исторических факторов, отражают базовые представления о справедливости, власти, свободе и порядке. Вместе с тем между ними существует и определённое напряжение: политическая культура может санкционировать практики, расходящиеся с формально-правовыми установлениями, и наоборот - правовые механизмы способны корректировать политические традиции [8].

Генезис отечественной правовой культуры неотделим от особенностей становления российской государственности. Географический фактор - протяжённость территории, суровость климата, уязвимость границ - предопределил специфическую модель взаимоотношений центра и периферии, в которой централизованная власть выступала гарантом выживания социума. Этатизм как доминанта политического сознания укоренился задолго до петровских преобразований и в модифицированном виде воспроизводился на каждом последующем историческом этапе.

Особенности рецепции византийской правовой традиции, синкретизм светского и религиозного начал, длительное отсутствие дифференциации права и морали сформировали тот субстрат, на котором впоследствии надстраивались заимствованные западноевропейские институты. Примечательно, что даже после секуляризации государственного управления архетипические представления о власти как о сакральной инстанции продолжали воспроизводиться в коллективном бессознательном. Отсюда - характерный для российской традиции приоритет содержательной справедливости над формальной законностью, апелляция к «высшей правде» в обход процедурных регламентов [7].

Советский период, при всей его идеологической специфике, не столько разорвал преемственность, сколько трансформировал прежние культурные паттерны. Этатизм обрёл форму тотального огосударствления; патернализм получил институциональное воплощение в системе социальных гарантий; коллективизм был возведён в ранг официальной ценности. Правовая культура советского типа характеризовалась инструментальным отношением к праву, восприятием его как средства реализации государственных задач, а не как механизма защиты индивидуальных интересов. Политическая культура приобрела черты мобилизационной модели с имитацией массового участия при фактическом отчуждении граждан от реальных властных решений [6].

Распад Советского Союза и последовавшие за ним реформы 1990-х годов поставили россий-

ское общество перед необходимостью радикального пересмотра ценностных оснований социального бытия. Конституция 1993 года закрепила принципы правового государства, разделения властей, приоритета прав человека - институты, не имевшие глубоких корней в отечественной традиции. Разрыв между нормативными декларациями и социальной реальностью обозначился практически сразу.

Демократический транзит сопровождался явлениями, которые в литературе получили наименование «правового нигилизма». Криминализация экономики, коррупция государственного аппарата, массовое нарушение законодательства на всех уровнях - всё это формировало у населения устойчивое недоверие к праву как регулятору общественных отношений. Парадоксальным образом демократизация политической системы не привела к укреплению правовой культуры; напротив, ослабление государственного контроля воспринималось значительной частью общества как «беспредел», хаос, утрата привычных ориентиров [4].

Политическая культура 1990-х годов характеризовалась амбивалентностью. С одной стороны, наблюдалось оживление гражданской активности, формирование многопартийности, становление независимых средств массовой информации. С другой - электоральное поведение обнаруживало устойчивые патерналистские установки: запрос на «сильную руку», персонификация власти, недоверие к политическим институтам при сохранении доверия к отдельным политическим лидерам. Эти тенденции, латентно присутствовавшие в 1990-е годы, получили развитие в последующий период.

Начало 2000-х годов ознаменовалось курсом на консолидацию государственности, который существенно скорректировал вектор культурных трансформаций. Укрепление вертикали власти, ограничение политического плюрализма, централизация федеративных отношений - эти институциональные изменения находили поддержку в массовом сознании, уставшем от нестабильности предшествующего десятилетия. Вместе с тем формировались предпосылки для воспроизводства традиционных паттернов политической культуры: деполитизации общества, делегирования ответственности государству, конформизма [3].

Осознание значимости культурных факторов для устойчивого развития государственности нашло отражение в разработке стратегических документов, определяющих приоритеты государственной культурной политики. Стратегия государственной культурной политики Российской Федерации на период до 2030 года эксплицитно

включает формирование правовой культуры в перечень национальных приоритетов. Примечательно, что документ акцентирует внимание на преемственности культурных традиций, сохранении исторической памяти, укреплении гражданской идентичности - ценностях, апеллирующих скорее к консервативному, нежели к либеральному дискурсу [2].

Институциональные механизмы реализации культурной политики включают образовательные программы, деятельность средств массовой информации, поддержку социально ориентированных некоммерческих организаций. Правовое просвещение рассматривается как одно из ключевых направлений работы. Вместе с тем эффективность этих мер ограничивается рядом факторов: недостаточной координацией между ведомствами, дефицитом квалифицированных кадров, инерцией массового сознания. Есть основания полагать, что декларативный характер многих инициатив снижает их реальное воздействие на правовую социализацию граждан [5].

Обращает на себя внимание смещение акцентов в официальном дискурсе: от универсалистской риторики прав человека к апологии суверенитета и традиционных ценностей. Эта тенденция отражает более глубокие процессы переосмысления цивилизационной идентичности России, её места в глобальном мире. Правовая и политическая культура оказывается в центре идеологических дискуссий, становится ареной столкновения конкурирующих проектов национального самоопределения.

Одним из индикаторов состояния правовой культуры выступает характер соотношения публичных и частных интересов в правосознании и юридической практике. Западноевропейская традиция, восходящая к римскому праву, проводит достаточно чёткую демаркацию этих сфер, признавая автономию частного интереса и ограничивая возможности публичного вмешательства. Российская традиция исторически тяготела к иной модели, в которой частный интерес воспринимался как подчинённый общему благу, олицетворяемому государством.

Современный период характеризуется напряжённым поиском баланса между этими полюсами. С одной стороны, конституционные гарантии неприкосновенности частной собственности, свободы предпринимательства, личной автономии создают нормативную рамку для развития индивидуалистических ценностей. С другой - дискурс национальной безопасности, социальной солидарности, государственного суверенитета легитимирует расширение публичного регулирования. В правосознании российских граждан

эти противоречия преломляются специфическим образом: декларируемая ценность индивидуальных прав сочетается с готовностью поступиться ими ради коллективных целей [1].

Здесь уместно оговориться, что данное противоречие не является исключительно российской спецификой - оно присуще любой правовой системе и обостряется в кризисные периоды. Однако в российском контексте исторически сложившийся приоритет публичного начала придаёт этой проблеме особую остроту. Перспективы развития правовой культуры во многом зависят от того, удастся ли выработать механизмы согласования интересов, не сводящиеся ни к поглощению частного публичным, ни к атомизации социума.

Анализ современного состояния правовой и политической культуры России позволяет выделить несколько следующих ключевых тенденций. Во-первых, наблюдается процесс консолидации вокруг идеи государственного суверенитета, которая приобретает не только политическое, но и культурное измерение. Суверенитет интерпретируется как ценность, требующая защиты не только от внешних угроз, но и от культурной экспансии, размывающей национальную идентичность.

Во-вторых, происходит реактуализация исторического наследия, обращение к дореволюционным и советским традициям как к ресурсу легитимации современного политического порядка. Этот процесс носит селективный характер: из исторического опыта извлекаются те элементы, которые соответствуют актуальным политическим задачам, тогда как другие замалчиваются или переинтерпретируются.

В-третьих, формируется запрос на справедливость, понимаемую преимущественно в социальном, а не в процедурном измерении. Граждане ожидают от государства обеспечения материального благополучия и социальной защищённости; формально-правовые гарантии воспринимаются как вторичные по отношению к этим ожиданиям. Данная тенденция может интерпретироваться двояко: и как проявление патерналистских установок, и как реакция на социальное неравенство, обострившееся в ходе рыночных реформ.

Перспективы развития правовой и политической культуры России связаны с несколькими сценариями. Инерционный сценарий предполагает воспроизводство существующих паттернов при постепенной адаптации к меняющимся условиям. Модернизационный сценарий ориентирован на ускоренное усвоение институтов и ценностей, характерных для развитых демократий. Консервативный сценарий делает ставку на актуализацию традиционных культурных кодов как альтернативы глобализационным тенденциям. По всей

видимости, реальная траектория развития будет представлять собой комбинацию элементов различных сценариев.

В заключении сформулируем следующие основные выводы.

Становление современной правовой и политической культуры России представляет собой сложный, нелинейный процесс, детерминированный взаимодействием исторических традиций, институциональных преобразований и целенаправленной государственной политики. Постсоветский период продемонстрировал невозможность механического заимствования культурных образцов, выработанных в иных социально-исторических условиях. Вместе с тем он выявил потенциал адаптации и творческого переосмысления как собственного наследия, так и зарубежного опыта.

Правовая и политическая культура России находится в состоянии незавершённой трансформации. Её дальнейшее развитие зависит от множества факторов - экономических, геополитических, демографических, - предсказать конфигурацию которых с достаточной степенью определённости не представляется возможным. Однако есть основания полагать, что магистральная тенденция будет связана с поиском синтеза универсальных правовых принципов и цивилизационной специфики, формированием модели правовой культуры, органичной для российского общества и отвечающей вызовам современности.

Список литературы:

[1] Немытина, М.В. Публичные интересы и публичная власть в российской правовой культуре / М.В. Немытина // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы: XXIV Международная научно-практическая конференция, в рамках XIII Московской юридической недели. Москва, 2024. С. 163-168.

[2] Кудрявцев, Ю.А. Правовая культура как национальный приоритет: оценка стратегии государственной культурной политики России на период до 2030 года / Ю.А. Кудрявцев // Новеллы права, образования, экономики и управления: сборник научных трудов по материалам X международной научно-практической конференции. Гатчина, 2025. С. 52-56.

[3] Нечаева, Н.А. Правовая культура как приоритетное направление правовой политики Российского государства / Н.А. Нечаева // Государство и право: к 30-летию Конституции Российской Федерации: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных. Пермь, 2024. С. 147-150.

[4] Орфаниди, Н.И. Динамика правовой культуры демократического периода России / Н.И.

Орфаниди, В.С. Чагин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 10. С. 159-164.

[5] Пронин, А.А. Государственная культурная политика: учебник для вузов / А.А. Пронин. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2025. 53 с. ISBN 978-5-534-20622-7.

[6] Угольников, И.А. Историко-правовое становление правовой культуры в России / И.А. Угольников // Традиции и инновации в пространстве современной культуры: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Липецк, 2024. С. 48-52.

[7] Шермухамедов, Д.Ф. Генезис российской правовой культуры: этапы и социокультурные тенденции / Д.Ф. Шермухамедов, А.А. Шестаков // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник научных трудов по материалам VI ежегодной Международной студенческой научной конференции. Москва, 2025. С. 64-68.

[8] Фурман, Т.Г. Становление современной политической и правовой культуры России / Т.Г. Фурман // Евразийский юридический журнал. 2024. № 5 (192). С. 126-129.

References:

[1] Nemytina, M.V. Public Interests and Public Power in Russian Legal Culture/M.V. Nemytina// Legal Support of Russian Sovereignty: Problems and Prospects: XXIV International Scientific and Practical Conference, within the framework of the XIII Moscow Legal Week. Moscow, 2024. S. 163-168.

[2] Kudryavtsev, Yu.A. Legal culture as a national priority: assessment of the strategy of the

state cultural policy of Russia for the period up to 2030/Yu.A. Kudryavtsev//Short stories of law, education, economics and management: a collection of scientific works based on the materials of the X International Scientific and Practical Conference. Gatchina, 2025. S. 52-56.

[3] Nechaeva, N.A. Legal culture as a priority direction of the legal policy of the Russian state/N.A. Nechaeva//State and law: on the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation: materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists. Perm, 2024. S. 147-150.

[4] Orfanidi, N.I. Dynamics of the legal culture of the democratic period of Russia/N.I. Orfanidi, V.S. Chagin//Humanities, socio-economic and social sciences. 2025. № 10. S. 159-164.

[5] Pronin, A.A. State cultural policy: a textbook for universities/A.A. Pronin. 3rd ed., Revised and add. Moscow: Yurayt, 2025. 53 pp. ISBN 978-5-534-20622-7.

[6] Ugolkov, I.A. Historical and legal formation of legal culture in Russia/I.A. Ugolkov//Traditions and innovations in the space of modern culture: materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Lipetsk, 2024. S. 48-52.

[7] Shermukhamedov, D.F. Genesis of Russian legal culture: stages and sociocultural trends/D.F. Shermukhamedov, A.A. Shestakov//Actual problems of jurisprudence: a collection of scientific works based on the materials of the VI annual International Student Scientific Conference. Moscow, 2025. S. 64-68.

[8] Furman, T.G. The formation of the modern political and legal culture of Russia/T.G. Furman//Eurasian Legal Journal. 2024. № 5 (192). S. 126-129.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-908-911

КАЛАШНИКОВА Анастасия Александровна,
старший преподаватель кафедры информатики и математики
ФГКОУ ВО «Московский ордена Почета университет
имени В.Я Кикотя», подполковник полиции,
e-mail: strogova09@rambler.ru

ДЕЖИНА Татьяна Петровна,
доцент высшей школы лингводидактики ТОГУ,
кандидат социологических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ЮРИСТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Настоящая статья посвящена глубокому анализу основополагающих этических понятий и категорий. Автор рассматривает соотношение этики и морали, а также ключевые аспекты профессиональной этики юриста. Особое внимание уделяется разграничению этического и неэтического поведения представителей юридических профессий, их взаимосвязи с понятиями законности и правопорядка. Эти вопросы на протяжении десятилетий остаются предметом острых дискуссий среди ученых и практиков.

Ключевые слова: этика, юрист, профессионализм, моральные качества, государство, граждане, деловые отношения, нравственность, компетентность.

KALASHNIKOVA Anastasia Aleksandrovna,
Senior Lecturer, Department of Computer
Science and Mathematics Moscow Order of Honor University
named after V. Ya. Kikot Police Lieutenant Colonel

DEZHINA Tatyana Petrovna,
Associate Professor, Higher School of Linguodidactics,
Pacific National University Candidate of Sociological Sciences

PROFESSIONAL ETHICS OF A LAWYER IN MODERN RUSSIA: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Annotation. This article provides an in-depth analysis of fundamental ethical concepts and categories.

The author examines the relationship between ethics and morality, as well as key aspects of a lawyer's professional ethics. Particular attention is paid to distinguishing between ethical and unethical behavior in legal professions and their relationship with the concepts of legality and the rule of law.

These issues have been the subject of heated debate among scholars and practitioners for decades.

Key words: ethics, lawyer, professionalism, moral character, state, citizens, business relations, morality, competence.

В современном мире этические и моральные аспекты приобретают особое значение для представителей юридических профессий. Соблюдение

Основного закона страны – Конституции Российской Федерации – и всех действующих законов является краеугольным камнем функцио-

нирования всего государственного аппарата и его отдельных составляющих. Именно эти принципы должны лежать в основе любой деятельности, связанной с правом.

Однако, важно понимать, что нормативные правовые акты могут закрепить лишь наиболее существенные правила и положения, регулирую-

щие профессиональную юридическую деятельность. Они не в состоянии охватить все многообразие этических и моральных норм, которые являются неотъемлемой частью работы юриста.

Успешное выполнение юристами своих профессиональных обязанностей, будь то защита прав и свобод человека, охрана законных интересов общества и государства, или обеспечение верховенства закона, напрямую зависит от наличия у них таких качеств, как правдивость, высокий уровень профессионализма, бескомпромиссность, независимость и беспристрастность.

Особую важность приобретает их способность противостоять любым незаконным попыткам оказать давление на их профессиональную деятельность.

Представители юридической профессии, осознавая всю социальную значимость своей работы и возложенную на них ответственность, обязаны активно содействовать созданию в обществе атмосферы честности и равноправия всех граждан перед законом.

Помимо этого, они должны принимать деятельное участие в сохранении и приумножении культурного и исторического наследия многонационального народа Российской Федерации.

Для успешной работы юриста крайне важно соблюдать профессиональную этику и корпоративную дисциплину.

Это требует от специалиста не только глубокого понимания сути правовых вопросов, но и приверженности принципам честности, открытости, законности и равенства.

Такое поведение служит залогом сохранения личной репутации юриста, а также поддержания чести, достоинства и авторитета всего юридического сообщества.

Профессиональная этика юристов определяется как совокупность моральных принципов и установок, которые определяют их действия и поступки в рамках законной и правозащитной деятельности.

Вместе с тем, очень важно понимать, что юридическая этика, помимо общих моральных норм, устанавливает специфические требования к профессиональной деятельности юриста.

В свою очередь функции представителей рассматриваемой юридической профессии, таких как судьи, прокуроры, адвокаты, следователи и другие, неразрывно связаны с обеспечением прав и интересов граждан.

Следовательно, профессиональная деятельность юриста должна соответствовать общепринятым нормам нравственности. Их полномочия строго регламентированы законодательством Российской Федерации.

Любые противоправные действия со стороны юриста являются проявлением преступного и безнравственного поведения, несовместимого с профессиональной деятельностью и нарушающего профессиональную этику.

В контексте юридической деятельности, право и мораль тесно переплетаются и обладают общими чертами.

Профессиональная этика юриста – это набор моральных правил, которые действуют во всех частях системы правосудия, которая имеет непосредственное соприкосновение с деятельностью следователей, прокуроров, а также адвокатов, нотариусов и других работников юридических специальностей.

Рассматриваемая форма этики учит юристов всегда действовать по закону и по совести, более того требует, чтобы при выполнении своей работы юристы думали не только о результате, но и о том, как они его достигают, ставя моральные принципы выше всего.

В дополнение к обозначенному, стоит отметить и главные составляющие этики:

1. Как юристы сами себя чувствуют в профессиональном и моральном плане.
2. Уровень развития их этической культуры.
3. Правила, прописанные в специальных кодексах.
4. Степень тактичности в ходе контакта с людьми, а также друг с другом.
5. Непосредственно сами кодексы, как источники права и регулирования правоотношений.

В своей деятельности, юристы часто решают сложные проблемы людей и общества, поэтому они несут большую ответственность за принимаемые ими определенные решения и эта еще одна из причин почему юридическая этика представляется достаточно важной и неотъемлемой в данной профессии.

Далее исследуя вопросы связанные с профессиональной этикой юриста, актуально отметить, что это набор моральных правил, которые действуют во всех частях системы правосудия, которая напрямую соприкасается работы следователей, прокуроров, а также адвокатов, нотариусов и других юристов.

Эта этика учит юристов всегда действовать по закону и по совести.

Она требует, чтобы при выполнении своей работы юристы думали не только о результате, но и о том, как они его достигают, ставя моральные принципы выше всего и именно поэтому юридическая этика так важна для этой профессии.

Далее рассматривая этические нормы представителей данной профессии, актуально отметить следующие принципы, а именно сконцентрируем свое внимание на такие как:

1. Служение общественным интересам, которая призывает юриста действовать в интересах всего общества;
2. Учет различных социальных, этнических и религиозных групп;
3. Принятие мер способствующих взаимопониманию и мирному сосуществованию между ними, как основная задача юриста.

Наряду с выше обозначенными принципами, целесообразно выделить и в дополнение не менее важные как:

1. Принцип добросовестности и корректности:
Юрист должен осознанно соблюдать установленные правила и нормы поведения, проявляя вежливость, тактичность и уважение.
2. Уважение к работе СМИ, иными словами необходимо с уважением относиться к деятельности представителей средств массовой информации.
3. Сотрудничество со СМИ для информирования общества, юрист должен способствовать профессиональному освещению своей работы в СМИ.
4. Это помогает повысить правовую осведомленность граждан, укрепить доверие к юридической профессии и ее авторитет, а также позволяет СМИ выполнять свою важную роль в информировании населения.
5. Принцип справедливости, поскольку именно справедливость является ключевым вектором при принятии любых решений, касающихся прав и свобод человека и гражданина.
6. Принцип профессиональной солидарности и командной работы, который по своей сути является своего рода, конкретно отношениях с коллегами неотъемлемой частью в деятельности и способствует тому, чтобы поддерживать дружескую и уважительную атмосферу, стремиться к продуктивному взаимодействию, быть тактичным, доброжелательным и внимательным. Необходимо проявлять должное уважение и заботу по отношению к коллегам.
7. Принцип профессионализма и ответственности, как один из важных и востребованных принципов требует как таковой от юриста быть обладающим глубокими профессиональными знаниями и навыками (компетентность), а также добросовестно и ответственно выполнять свои служебные обязанности.

Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что для успешной юридической прак-

тики ключевыми являются профессионализм, добросовестность и непрерывное развитие, включающее постоянное обновление знаний и навыков.

При взаимодействии с клиентами и гражданами юрист обязан проявлять корректность и внимательность, при этом устраняя напрочь проявление бюрократизма, формализма, высокомерия и неуважения к их законным запросам.

Внешний облик юриста должен соответствовать деловому этикету: рекомендуется придерживаться консервативного стиля, избегая пирсинга, татуировок и броских ювелирных украшений в рабочее время, а аккуратность в гардеробе способствует проявлению доверия и определенной симпатии.

Привычка держать руки в карманах также считается неприемлемой.

В эпоху цифровых технологий особую значимость приобретает этика общения в корпоративных чатах, поскольку неточное разъяснение сообщений может привести к недопониманию, препятствуя эффективному офлайн-взаимодействию и снижая общую продуктивность работы.

Список литературы:

- [1] Протанская, Е. С. Культура и этика профессиональной деятельности: история и современность / Е. С. Протанская, Е. П. Островская, О. В. Прокуденкова. - Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. ин-т культуры, 2020. - 211с.
- [2] Профессиональная этика : конспект лекций / сост. В. Н. Скворцова ; Томский политехнический университет. - Томск : Томский политехнический университет, 2015. - 201с.
- [3] Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов : учебное пособие / под ред. Г. В. Дубова, А. В. Опа-лева. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва : Щит-М, 1999. - 383 с.
- [4] Сикорская, В. П. Требования этикета к внешнему виду и культуре юриста / В. П. Сикорская // Юридическая клиника: тенденции и перспективы оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации : сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27 ноября 2020 года / Российская таможенная академия ; отв. И. И. Шарачпов. - Москва : Российская таможенная академия, 2021. С. 31-33.
- [5] Ситяева, Л. П. Профессиональная этика: учебное пособие / Л. П. Ситяева, Н. Н. Остапенко, Н. М. Коржевская. Екатеринбург : Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2009. - 106 с.
- [6] Титова, Е. В. Профессиональная этика юриста : учебно-методическое пособие / Е. В. Титова. - Орел : РАНХиГС, 2014. - 280 с.

[7] Тундума, Э. Э. Электронная коммуникация «e-mail» как один из видов общения / Э. Э. Тундума // Вестник Туvinского Государственного Университета. Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 1 (32). С. 173-177.

[8] Цвык, В. А. Профессиональная этика: проблемы теории и методологии / В. А. Цвык // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2012. № 3. С. 148-161.

[9] Якушева, С. Е. О нравственных началах прокурорской деятельности / С. Е. Якушева, Н. В. Желоков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1 (132). С. 198-206.

References:

[1] Protanskaya, E. S. Culture and ethics of professional activity: history and modernity/E. S. Protanskaya, E. P. Ostrovskaya, O. V. Prokudenkova. - St. Petersburg: St. Petersburg. State Institute of Culture, 2020. - 211s.

[2] Professional Ethics: Lecture Summary/Comp. V.N. Skvortsova; Tomsk Polytechnic University. - Tomsk: Tomsk Polytechnic University, 2015. - 201s.

[3] Professional ethics - law enforcement officers: a textbook/ed. G.V. Dubova, A.V. Opa - leva. - 2nd ed., Rev. and add. - Moscow: Shield-M, 1999. - 383 p.

[4] Sikorskaya, V.P. Etiquette Requirements for the Appearance and Culture of a Lawyer/V.P. Sikorskaya//Legal Clinic: Trends and Prospects for Providing Free Legal - in the Russian Federation: Collection of Materials of the I All - Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, November 27, 2020/Russian Customs Academy; resp. I.I. Shara - pov. - Moscow: Russian Customs Academy, 2021. S. 31-33.

[5] Sityaeva, L. P. Professional ethics: educational posobie/L. P. Sityaeva, H. N. Ostapenko, N. M. Korzhevskaya. Yekaterinburg: Ros. state. prof. un-t, 2009. - 106 s.

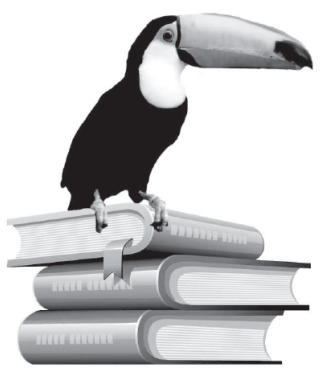
[6] Titova, E.V. Professional ethics of a lawyer: educational - methodological manual/E.V. Titova. - Eagle: RANEPa, 2014. - 280 s.

[7] Tundum, E. E. Electronic communication "e-mail" as one of the types of communication/E. E. Tundum//Bulletin of Tuva State University. Social sciences and humanities. 2017. № 1 (32). S. 173-177.

[8] Tsvyk, V. A. Professional ethics: problems of theory and methodology/V. A. Tsvyk//Bulletin of RUDN University. Philo - Fiya series. 2012. № 3. S. 148-161.

[9] Yakusheva, S.E. On the moral principles of prosecutorial de - involvement/S.E. Yakusheva, N.V. Zhelokov//Vestnik Saratov - State Law Academy. 2020. № 1 (132). S. 198-206.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-912-917

АНТОНОВА Анна Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Набережночелнинский филиал Казанского инновационного
университета им. В.Г. Тимирязова,
e-mail: antonovaam80@mail.ru

ШАМСУТДИНОВА Аделина Маратовна,
студент Набережночелнинского филиала
Казанского инновационного университета
им. В.Г. Тимирязова,
e-mail: doubleme000w@gmail.com

СУБКУЛЬТУРИЗАЦИЯ ДЕСТРУКТИВНЫХ ДВИЖЕНИЙ «КОЛУМБАЙН» И «СКУЛШУТИНГ» СРЕДИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматриваются причины и процесс субкультуризации деструктивных движений в молодежной среде современной России. Анализируются социальные и психологические факторы, способствующие распространению данных явлений среди подростков. Особое внимание уделяется роли интернет-пространства и социальных сетей в формировании норм поведения и ценностей, характерных для данных деструктивных направлений. В заключении обозначаются основные направления профилактики и противодействия распространению деструктивных ценностей в молодежной среде.

Ключевые слова: Колумбайн, молодежь, субкультура, скулшутинг, деструктивное поведение.

Статья выполнена при стипендиальной поддержке ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИУЭП)»

ANTONOVA Anna Mikhailovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure,
Naberezhnye Chelny branch of Kazan Innovative University
named after V.G. Timiryasov

SHAMSUTDINOVA Adelina Maratovna,
student of the Naberezhnye Chelny branch
of Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

SUBCULTURE OF DESTRUCTIVE MOVEMENTS «COLUMBINE» AND «SKULLSHOOTING» AMONG RUSSIAN YOUTH

Annotation. This article examines the causes and process of subculturalization of destructive movements among young people in contemporary Russia. It analyzes the social and psychological factors contributing to the spread of these phenomena among adolescents. Particular attention is paid to the role of the internet and social media in shaping the behavioral norms and values characteristic of these destructive movements. The conclusion outlines key areas for preventing and countering the spread of destructive values among young people.

Key words: Columbine, youth, subculture, school shooting, destructive behavior.

The article was written with the support of the Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IUEP).

Проблема деструктивного поведения среди детей и подростков остается острой. Современные подростки растут в условиях нестабильности и неопределенности, где влияние семьи и государственных институтов ослабевает. Вместо этого, медиа и интернет, часто транслирующие девиантные ценности, оказывают все большее воздействие. В результате, увлечение развлечениями и потребительством, подпитываемое медиа, при одновременном снижении интереса к учебе и работе, создает благоприятную почву для деструктивного поведения.

Наиболее опасной деструктивной субкультурой на сегодняшний день является международное молодежное движение «Колумбайн» (также известное как «Скулшутинг»). В Российской Федерации оно признано Верховным судом террористической организацией и запрещено к любой деятельности [1, с. 234].

Наиболее деструктивными и опасными для молодежи сегодня являются течения, связанные со «скулшутингом», «колумбайном» и идеологией АУЕ.

В научной литературе молодежная субкультура рассматривается как комплекс взаимосвязанных элементов, включающих эстетические, политические и ценностные ориентации, систему символов, поведенческие паттерны, жизненный стиль и внешнюю атрибутику, свойственные конкретной молодежной группе [2, с. 153]. Деструктивный характер молодежного движения проявляется в наличии консолидированной антиобщественной идеологии, разделяемых убеждениях и интересах, а также в призывах к противоправной деятельности. Ключевым отличием деструктивных молодежных субкультур от правомерных является антисоциальное мировоззрение, унифицированные внешние проявления (включая стиль одежды) и тенденция к имитации девиантного поведения.

Арчаков М.К. определяет скулшутинг как «вооруженное нападение на учащихся внутри школы, совершаемое либо учеником, либо посторонним человеком, проникшим в здание с оружием» [3, с. 143]. Хотя в России эта проблема стала обсуждаться относительно недавно, за рубежом случаи стрельбы в школах известны уже давно, с начала XX века. Трагический инцидент 1927 года в США, когда в результате массового расстрела погибли 44 человека и 56 получили ранения, стал одним из первых известных примеров. С тех пор наблюдается тенденция распространения подобных инцидентов по всему миру.

В 2014 году в России произошел первый резонансный случай вооруженного нападения школьника на педагога в Москве. Ученик застрелил учителя и прибывшего полицейского, а также захватил заложников. После этого инцидента в СМИ участились сообщения о стрельбе в школах.

В 2018 году произошла серия подобных происшествий: в Перми подростки с холодным оружием ранили 15 человек, а в Улан-Удэ школьник с топором напал на учительницу и учеников, устроив поджог в классе. Похожий случай произошел в 2019 году в Вольске, Саратовской области, где ученик с топором и «коктейлями Молотова» ранил школьницу. В России нападения в школах чаще совершаются с использованием холодного оружия, что объясняется более легкой доступностью ножей по сравнению с огнестрельным оружием.

«Колумбайн» – американская школа, где в 1999 году произошло резонансное вооруженное нападение учеников, унесшее 13 жизней. Этот случай стал отправной точкой для распространения субкультуры, вдохновленной насилием. Явление подражательных убийств и самоубийств, известное как «синдром Вертера», объясняет, почему громкие трагедии могут провоцировать волну аналогичных действий, особенно среди восприимчивых подростков. В России «скулшутинг» набирает популярность в социальных сетях среди школьников, напоминая опасные «группы смерти». В каждом из этих вариантов сохранены основные идеи исходного текста, но изменены формулировки и акценты. Выберите тот, который лучше всего соответствует вашим потребностям.

Несмотря на кажущуюся безобидность, даже те молодежные группы, которые позиционируют себя как мирные, могут навредить подросткам и юношам. Определенные черты характера подростка увеличивают вероятность его попадания в деструктивные неформальные объединения:

- сложности с определением своих жизненных целей и ценностей;
- ощущение собственной неудачи и нереализованности;
- неправильное представление о себе (завышенная или заниженная самооценка);
- отсутствие стремлений и планов на будущее;
- трудности в общении и выстраивании отношений с другими людьми;
- нестабильное эмоциональное состояние, подверженность перепадам настроения.

Молодежная субкультура в научных работах определяется как набор ценностей (эстетических, политических и других), символов, моделей поведения, образа жизни и внешнего вида, характерных для определенной группы молодых людей. Деструктивные молодежные движения отличаются от других наличием общей антиобщественной идеологии, убеждений и интересов, а также призывами к незаконным действиям. Главное

отличие деструктивных субкультур от нормальных – это антиобщественное мировоззрение, схожие внешние проявления (включая одежду) и склонность к копированию негативного поведения [4, с. 177].

«Колумбайн» – это тревожная тенденция, выражающаяся в нападениях на школы, совершаемых, как правило, подростками с психическими расстройствами, ставшими жертвами буллинга и охваченными жадой мести. В последние годы стал актуален вопрос о кибербуллинге детей и подростков, негативно влияющее на их психическое здоровье [5, с. 474]. «Колумбайнеры» – это последователи этой опасной идеологии. «Колумбайн» – это не просто отдельные случаи насилия, а дестабилизирующий фактор для общества, поскольку его корни уходят в глубокую ненависть к обществу, что делает его потенциально более опасным, чем просто нападения на учебные заведения.

Современные подростки, активно вовлеченные в жизнь социальных сетей, подвергаются риску столкновения с деструктивными культурами и сообществами, процветающими в онлайн-пространстве. По проведенным исследованиям российские городские школьники в среднем проводят в соцсетях ежедневно 5 и более часов [6, с. 838].

Именно через интернет в Россию проникает идеология «Колумбайна». Постоянное воздействие деструктивного контента формирует у молодых людей опасные взгляды и нормы, подталкивая их к воспроизведению этих моделей поведения в реальной жизни. Движение «Колумбайн» основано на идеологии насилия, стремящейся к массовой гибели людей, запугиванию населения и дестабилизации обстановки в стране путем организации масштабных насильственных акций, в первую очередь в школах. Таким образом, данное движение подводит своих «преверженцев» к совершению «преступлений террористической направленности» [7, с. 155].

В 2017 году в Ивантеевке произошел первый в России инцидент, отражающий стилистику американской субкультуры «Колумбайн», самой опасной разновидности школьных расстрелов.

Нельзя делать вывод о принадлежности подростка к группе потенциальных «колумбайнеров» на основании одного или нескольких отдельных признаков [8, с. 98]. Только совокупность всех перечисленных признаков может указывать на то, что он входит в эту группу риска. Среди школьных стрелков выделяют несколько типов:

- обиженно-мстительный тип характеризуется доминированием переживания несправедливости и хронической обиды. Указанные чувства формируются на фоне субъективных событий (травля, социальное отверже-

ние, унижение и пр.). Ключевым механизмом в данном случае выступает фиксация на причиненном вреде и его источниках. В дальнейшем, она сопровождается формированием сценария возмездия как способа восстановления утраченного чувства достоинства;

- суицидально-депрессивный тип определяется преобладанием аффективных расстройств (депрессия, суицидальные наклонности т.д.). Насилие в данном случае воспринимается как «финальный акт», придающий смысл собственной гибели или прекращению психического состояния. Исследования показывают, что у представителей данного типа наблюдаются социальная изоляция, заниженная самооценка и «туннельное» мышление. Важной особенностью является высокая летальность исходов.
 - нарциссический тип связан с потребностью в подтверждении собственного «я». Центральным механизмом является стремление к статусу, известности или ощущению превосходства. Насилие здесь рассматривается как средство самопрезентации.
 - идеологически мотивированный тип формируется на основе радикальных убеждений (экстремистских, расистских, мизогинных). Ведущую роль здесь играет моральное оправдание агрессии как «миссии» или «послания». В данном случае снижаются субъективные барьеры к насилию, а также усиливается готовность к самопожертвованию ради идеологической цели. К данному типу в том числе относятся «Колумбайнеры»
- Именно «колумбайнеры» представляют наибольшую опасность для общества, поскольку они несут ответственность за самые громкие и жестокие нападения.

«Колумбайнеры» стремятся быть похожими на тех, кто совершал подобные преступления ранее, копируя их:

- внешний вид: подражают стилю одежды и другим элементам имиджа известных «колумбайнеров»;
- убеждения: придерживаются схожих, часто искаженных и радикальных, взглядов и идей;
- методы: повторяют способы совершения преступлений, характерные для «колумбайнеров» (заранее сообщают о своих планах, тщательно планируют и организуют нападение, совершают умышленные убийства или наносят тяжкие телесные повреждения, совершают самоубийство после совершения преступления).

Рассмотрим обобщенный портрет российского подростка, склонного к «колумбайну» [9, с. 25].

В гендерном отношении подавляющее большинство выявляемых случаев приходится на мужской пол. Данный фактор соотносится с общими данными о высокой распространенности внешне направленной агрессии у юношей, а также участием мужчин в радикализованных сообществах. При этом женские случаи редки, но не исключены.

Возрастной диапазон наиболее выраженного риска, как правило, охватывает 13-20 лет, с пиком в среднем и старшем подростковом возрасте (14–17 лет). Указанный период совпадает с кризисом идентичности, усилением рефлексии и резким ростом значимости школьного статуса. Именно в этом возрасте уязвимость трансформируется в радикализм и чувство мести.

В отношении учебной успеваемости не выявляется однородного профиля. Чаще встречается средний или нестабильный уровень успеваемости, что сопровождается снижением мотивации к учебной деятельности. Подросток может демонстрировать избирательную успешность в отдельных предметах. Существенным фактором является субъективное переживание проблем с успеваемостью.

Социальный статус в школьном коллективе, как правило, характеризуется маргинальным или периферийным положением. Подросток редко занимает позиции лидерства и чаще находится вне устойчивых дружеских групп. Типичны роли «незаметного», «странного» или, в ряде случаев, объекта систематической травли. Длительное переживание низкого статуса выступает значимым фоном для формирования враждебной установки по отношению к учебному заведению.

Социальное окружение вне школы обычно ограничено по объёму и качеству. Офлайн-контакты немногочисленны и нестабильны, тогда как онлайн-среда выполняет компенсаторную функцию. В ней подросток находит сообщества, разделяющие его чувство отчуждения. Сообщества формируются вокруг различных кодов, связанных с насилием и романтизацией «крайних» форм протеста. Значимым является не столько прямое подстрекательство, сколько нормализация агрессивных фантазий и суицидально-деструктивных нарративов.

Поведенчески для данного профиля характерна фиксация на переживаниях обиды и несправедливости. Подросток демонстрирует низкую толерантность и трудности эмоциональной регуляции. В коммуникации преобладают обесценивающие или нигилистические высказывания, а также косвенные или прямые сигналы внутреннего кризиса (тексты, рисунки, шутки о смерти, насилии).

Психологический профиль таких подростков часто включает уязвимую самооценку. Формируются черно-белое мышление, персонализация и депрессивная симптоматика. Существенным фактором риска является наличие суицидальных идей. Внешняя агрессия и аутоагрессия образуют единый сценарий «финального действия».

Решающим фактором риска является не наличие отдельных описанных признаков, а их накопление во времени, негативная динамика психического состояния и отсутствие корректирующего взрослого вмешательства.

К сожалению, суицидальное поведение часто наблюдается у подростков, находящихся в депрессионном состоянии. Подростки сами по себе очень импульсивны, мнительные, тяжело воспринимают критику, многие не уверены в себе, имеются сложности в коммуникации со сверстниками. В таком состоянии они пропускают учебу, они замкнуты и немногословны.

Замкнутым подросткам свойственно одиночество, они не имеют близких друзей. Такие подростки зависимы от компьютерных игр. В связи со сложностью общения и трудностью восприятия чужих эмоций, замкнутый подросток может неправильно воспринимать окружающих, что приведет к конфликтам и травле. Такие подростки могут совершать насильственные преступления в отношении своих обидчиков или, наоборот, совершает преступление для обращения на себя внимания.

В интернете появились сообщества, не признанные экстремистскими организациями, размещающие на своих страницах экстремистские лозунги. Молодые люди могут попасть под влияние таких сообществ, что приведет к формированию у них экстремистских взглядов.

Государство предусматривает меры борьбы с такими незаконными проявлениями путем признания их экстремистскими, запретом их контента, и привлечения виновных к ответственности.

2 февраля 2022 года Верховный суд РФ признал движение «Колумбайн» террористическим и запретил его деятельность на территории России, удовлетворив иск Генеральной прокуратуры [10]. Любые действия, связанные с пропагандой, участием или организацией деятельности «Колумбайна», будут преследоваться по закону.

Чтобы эффективно бороться с деструктивной агрессией, необходимо не просто реагировать на уже возникшие проблемы, а активно заниматься профилактикой, начиная с самых ранних этапов. Это подразумевает целенаправленное воспитание у детей и подростков нравственных ценностей, этических норм и социально одобряемого поведения.

Однако, сложность заключается в том, что сегодня и у подростков, и у взрослых преобла-

дают материальные интересы. Поэтому, воспитательная работа должна строиться постепенно, стимулируя как подростков, так и их родителей к осознанию важности духовных ценностей.

Важно понимать, что стремление подростков к материальному благополучию обусловлено не только желанием обладать вещами, но и стремлением повысить свой социальный статус в глазах сверстников, демонстрируя свою состоятельность.

Профилактика субкультуризации деструктивных движений рассматривается как многоуровневая система мер. Данная система направлена на предупреждение формирования и закрепления насильственных установок.

Первичная профилактика в данном контексте ориентирована на нейтрализацию факторов риска еще до появления устойчивого интереса подростков к деструктивным идеологиям. К таким факторам относятся дефицит позитивной социальной идентичности, переживание социальной изоляции, недостаточная эмоциональная саморегуляция, а также неконтролируемое потребление медиаконтента, содержащего элементы романтизации насилия.

Реализация первичной профилактики предполагает:

- формирование безопасной и поддерживающей образовательной среды;
- развитие у обучающихся социальных и коммуникативных компетенций;
- внедрение программ медиа- и цифровой грамотности;
- систематическую работу с родителями, направленную на повышение их психолого-педагогической компетентности и вовлеченности в воспитательный процесс.

Существенное значение имеет формирование позитивных альтернативных форм молодежной субкультурной самореализации.

Вторичная профилактика ориентирована на раннее выявление и коррекцию уже проявляющихся признаков вовлеченности подростков в деструктивные субкультурные практики. В научной литературе подчеркивается, что к таким признакам могут относиться выраженная социальная изоляция, фиксация на темах насилия и мести, идентификация с агрессорами и демонстративное противопоставление себя социальному окружению.

Эффективная вторичная профилактика предполагает функционирование системы психолого-педагогического мониторинга в образовательных организациях. Важным компонентом вторичной профилактики является недопущение

стигматизации подростков группы риска, поскольку карательные меры способны усилить маргинализацию.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что хотя большинство нападающих воспроизводят методы и средства, использованные в предыдущих нападениях, демонстрируя тем самым свою принадлежность к определенной идеологии, каждый из них стремится привнести в свои действия уникальные элементы. Эта индивидуализация направлена на то, чтобы выделиться и стать новым «героем» для подражания в среде последователей идеологии Колумбайн.

Список литературы:

- [1] Старосветский Е. А. Экстремизм в современном российском обществе // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. - 2020. - С. 234.
- [2] Атагимова Э.И., Рыбакова О.С. Информационная грамотность молодежи в системе мер противодействия идеологии терроризма и экстремизма в цифровом информационном пространстве // Мониторинг правоприменения. - 2022. - № 11 – С. 153.
- [3] Арчаков М. К. Политический экстремизм в России: сущность, проявления, меры противодействия: монография / М. К. Арчаков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. – С. 143.
- [4] Гусейнов А. Ш., Шиповская В. В. Развитие научных представлений о радикализации протестной активности личности // Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы взаимодействия теоретиков и практиков. – 2020. – С. 177.
- [5] Spyropoulos, F. Techno-Ethical and Legal Aspects of Cyberbullying: Structural Analysis of Power Imbalances in the Digital Sphere. Journal of Digital Technologies and Law, [S.l.], v. 3, n. 3, p. 474, nov. 2025.
- [6] Глухова А.А., Иудин А.А., Шпилев Д.А. Колумбайн как разновидность молодежного деструктивизма // Russian Journal of Economics and Law. – 2022. - №16(4). С.838.
- [7] Бикеев И.И., Клемин А.В., Никитин А.Г. Преступления террористической направленности по законодательству государств-участников БРИКС // Пробелы в российском законодательстве. - 2023. - Т. 16. - №1. - С. 155.
- [8] Гусейнов А. Ш. Психологический анализ условий радикализации деструктивных форм протестной активности личности // Казанский педагогический журнал. – 2024. - № 20 – С. 98-99.
- [9] Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург: У-Фактория, 2021. – С. 25

[10] Определение Верховного суда Российской Федерации от 02.02.2022 №310-ЭС21-27307 по делу №А54-2510/2020 // СПС «Консультант-Плюс». Дата обращения: 24.10.2025 г.

References:

[1] Starosvetsky E. A. Extremism in modern Russian society//Scientific Gazette of BelSU. Series: Philosophy. Sociology. Right. - 2020. - S. 234.

[2] Atagimova E.I., Rybakova O.S. Information literacy of young people in the system of measures to counter the ideology of terrorism and extremism in the digital information space//Monitoring law enforcement. - 2022. - NO. 11 - S. 153.

[3] Archakov M.K. Political extremism in Russia: essence, manifestations, countermeasures: monograph/M.K. Archakov. Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2023. - S. 143.

[4] Huseynov A. Sh., Shipovskaya V. V. Development of scientific ideas about the radicalization of protest activity of the individual//Psychology of safety and psychological safety: problems of interaction between theorists and practitioners. – 2020. - S. 177.

[5] Spyropoulos, F. Techno-Ethical and Legal Aspects of Cyberbullying: Structural Analysis of Power Imbalances in the Digital Sphere. Journal of Digital Technologies and Law, [S.l.], v. 3, n. 3, p. 474, nov. 2025.

[6] Glukhova A.A., Judin A.A., Shpilev D.A. Columbine as a type of youth destructivism//Russian Journal of Economics and Law. – 2022. - №16(4). S.838.

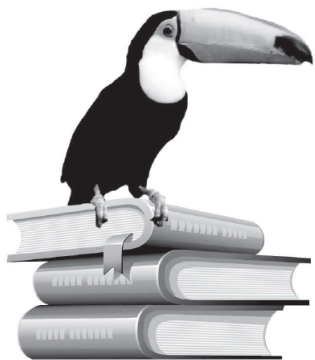
[7] Bikeev I.I., Klemin A.V., Nikitin A.G. Terrorist crimes under the legislation of the BRICS member states//Gaps in Russian legislation. - 2023. - T. 16. - №1. - S. 155.

[8] Huseynov A. Sh. Psychological analysis of the conditions for radicalization of destructive forms of protest activity of the individual//Kazan Pedagogical Journal. – 2024. - NO. 20 - S. 98-99.

[9] Castells M. Galaxy Internet. Yekaterinburg: U-Factoria, 2021. - S. 25

[10] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 02.02.2022 No. 310-EC21-27307 in case No. A54-2510/2020//SPS «ConsultantPlus.» Accessed 24.10.2025

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-918-921

РАХИМБАЕВА Инга Эрленовна,
декан факультета искусств
Педагогического института СГУ имени Н.Г. Чернышевского,
зав. кафедрой теории, и истории, и педагогики искусства,
доктор педагогических наук, профессор,
e-mail: rachimbaeva_inga@mail.ru

ТАИРОВА Виктория Руслановна,
Руководитель вокально-танцевального ансамбля «FINMUSE»
Финансового университета при Правительстве РФ,
e-mail: vitaito2002@mail.ru

ИМПРОВИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ХОРЕОГРАФИИ КАК ФОРМА ПРОИЗВОДСТВА ЗНАНИЯ ПРАКТИКА КАК ИССЛЕДОВАНИЕ: ИМПРОВИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ХОРЕОГРАФИИ КАК ФОРМА ПРОИЗВОДСТВА ЗНАНИЯ

Аннотация. В статье предлагается рассмотреть эволюции импровизации в западно-европейской и североамериканской хореографии второй половины XX – начала XXI века через призму эпистемологического поворота. Отталкиваясь от методологии «практики как исследования» (*Practice as Research*), автор доказывает, что импровизация совершила фундаментальный переход от средства художественной выразительности к автономной форме производства специфического, невербального знания. На материале ключевых хореографических методов – от экспериментов постмодерн-танца 1960-х до технологичных систем Уильяма Форсайта и гибридных перформансов – прослеживается, как телесная спонтанность была методизирована, превратив процесс танца в способ генерации знания о теле, времени, пространстве, коллективности и взаимодействии с нечеловеческими акторами. Делается вывод о формировании в поле современного танца автономной исследовательской парадигмы, где импровизационные практики выступают не инструментом для создания шоу, а полноценным лабораторным процессом, расширяющим понимание возможностей человеческого тела и сознания.

Ключевые слова: практика как исследование, эпистемология танца, импровизационные технологии, телесное знание, *contemporary dance*, постмодерн-танец, Уильям Форсайт, невербальное знание.

RAKHIMBAEVA Inga Erlenovna,
Dean of the Faculty of Arts of the Pedagogical
Institute of SSU named after N.G. Chernyshevsky,
Head of the Department of Theory, and History and Pedagogy of Art,
Doctor of Pedagogy, Professor

TAIROVA Victoria Ruslanovna,
Head of the vocal and dance ensemble “FINMUSE”
of the Financial University under the Government
of the Russian Federation

IMPROVISATION IN MODERN CHOREOGRAPHY AS A FORM OF KNOWLEDGE PRODUCTION PRACTICE AS RESEARCH: IMPROVISATION IN MODERN CHOREOGRAPHY AS A FORM OF KNOWLEDGE PRODUCTION

Annotation. *The article proposes to consider the evolution of improvisation in Western European and North American choreography of the second half of the 20th - beginning of the 21st centuries through the prism of an epistemological turn. Starting from the methodology of "practice as research" (Practice as Research), the author proves that improvisation has made a fundamental transition from a means of artistic expressiveness to an autonomous form of production of specific, non-verbal knowledge. On the material of key choreographic methods - from experiments of post-modern dance of the 1960s to technological systems of William Forsyth and hybrid performances - it can be traced how bodily spontaneity was methodized, turning the dance process into a way of generating knowledge about body, time, space, collectivity and interaction with inhuman actors. It is concluded that an autonomous research paradigm is formed in the field of modern dance, where improvisational practices are not a tool for creating a show, but a full-fledged laboratory process that expands the understanding of the capabilities of the human body and consciousness.*

Key words: *practice as research, epistemology of dance, improvisational technologies, bodily knowledge, contemporary dance, postmodern dance, William Forsyth, non-verbal knowledge.*

О т «как танцевать» к «что познавать» в импровизации - этот дискурс о танцевальной импровизации долгое время вращался вокруг вопросов техники, выразительности и спонтанности. Однако в контексте общего «поворота к практике» (practice turn) в социальных и гуманитарных науках [1], а также развития методологии «практики как исследования» (Practice as Research, PaR) в художественном образовании, возникает необходимость переосмысления эволюции импровизации. На данный момент ее недостаточно рассматривать лишь как инструмент в арсенале хореографа или навык исполнителя. Мы утверждаем, что центральным вектором развития импровизации в современной хореографии стал её переход из статуса художественного средства в статус исследовательского метода. Импровизация эволюционировала в форму производства знания, где само тело в действии становится основным инструментом познания, а процесс — важнее фиксированного результата.

Цель данной статьи — наметить траекторию этой эпистемологической эволюции, выделив ключевые этапы методизации спонтанности и показав, как различные импровизационные практики порождают уникальные типы телесного и процессуального знания. Методологическую основу составляет сравнительно-исторический анализ хореографических концепций, подкрепленный структурным анализом методов их реализации.

Генезис исследовательской парадигмы - это постмодерн-танец и контактная импровизация, как поле экспериментов зарождение исследовательской логики в импровизации - отчетливо прослеживается в американском постмодерн-танце 1960-х годов. Хореографы, связанные с Judson Dance Theater, сознательно порывали не только с драматическим нарративом модерна, но и с его экспрессионистским направлением. Их интерес сместился к движению как таковому. Импровиза-

ция здесь перестала быть способом выразить внутреннее чувство и стала методом проверки гипотез.

Триша Браун в своих ранних «Equipment Pieces» исследовала гравитацию и пространство, используя страховочные тросы для движения по стенам зданий [2]. Её импровизация была не спонтанным жестом, а ответом на строгие условия физического эксперимента. Ивонн Райнер в знаменитом «Трио А» и манифесте «NO» отказывалась от виртуозности, зрелищности и вовлеченности, ставя вопрос: «Что остается от танца, если последовательно изъять из него все традиционные ценности?» [3]. Её задача-ориентированные (task-based) импровизации были методическим исследованием движения в его чистой, нефункциональной процессуальности.

Кульминацией этой тенденции стало возникновение контактной импровизации (Contact Improvisation), основанной Стивом Пэкстоном в 1972 году. Пэкстон, вдохновленный айкидо и движением «телесного осознания» (body-mind centering), сформулировал импровизацию не как искусство, а как «арт-спорт» [4]. Фокус сместился на кинестетическую отзывчивость, совместное отслеживание веса, импульса, инерции. Познавательным объектом здесь стал не образ или эмоция, а физические законы, управляющие двумя (или более) телами в постоянном диалоге. Контактная импровизация институционализировала форму совместного физического исследования, где знание рождается в момент взаимодействия и не может быть полностью вербализовано постфактум. Это был первый шаг к конституированию импровизационной сессии как лаборатории.

Методизация познания - это скоринг и «Импровизационные технологии» как исследовательские системы. Если постмодернисты деконструировали прошлое, то хореографы конца XX века приступили к конструктивному созданию новых систем. На этом этапе импровизация окон-

чительно оформляется как рефлексивная, методизированная дисциплина. Ключевой фигурой здесь является Уильям Форсайт.

Разработанные Форсайтом и его труппой «Импровизационные технологии» (Improvisation Technologies) представляют собой не набор упражнений, а сложную эпистемологическую машину [5]. Это цифровой архив (изначально — CD-ROM, теперь онлайн-платформа), демонстрирующий сотни «инструментов» для генерации движения: от работы с геометрическими ментальными моделями (точка, линия, плоскость, объем) до принципов «аугментации», «изоляции», «складывания» времени и пространства. Импровизация по Форсайту — это не свободный поток, а решение когнитивных задач в реальном времени. Танцор мысленно создает виртуальные объекты в пространстве и строит движение как логическую операцию с ними.

Эта система радикально меняет гносеологический статус исполнителя. Он становится не интерпретатором заданного материала, а активным исследователем, применяющим метод к собственному телу. Знание, производимое в этом процессе, — это знание о скрытых возможностях кинетического и пространственного мышления. Форсайт перевел импровизацию из области интуиции в область прикладной когнитивной науки, сделав процесс познания алгоритмичным, воспроизводимым и доступным для анализа.

Расширение исследовательского поля: тело в контексте и интердисциплинарность.

Современная фаза эволюции характеризуется экспансией импровизационных практик за пределы чистого движения в контекстуальные и междисциплинарные поля. Импровизация становится способом исследования не только тела, но и его связей с окружающим миром.

- 1) Site-specific импровизация превращает конкретное место (завод, парк, музей) в соавтора и объект исследования. Тело в диалоге с архитектурой порождает знание о памяти места, его тактильных и акустических свойствах, социальном предназначении.
- 2) Соматически ориентированные практики (связанные с Body-Mind Centering, техникой Александра, идеокинезисом) используют импровизацию для исследования внутренних телесных процессов, проприоцепции, микро-движений. Это знание направлено внутрь, на картографию тела и его глубинных паттернов.
- 3) Социально-ангажированные и комьюнити-практики применяют импровизацию как метод исследования коллективной динамики, построения сообщества, работы с

травмой или социальными границами. Знание здесь носит этический и социальный характер.

Импровизация становится универсальным интерфейсом для диалога с другими дисциплинами — философией, нейронауками, урбанистикой, — поставляя уникальный, процессуальный и эмбиентированный (воплощенный) тип данных, недоступный традиционным научным методам.

Новые эпистемологические вызовы представляют собой импровизацию в эпоху цифрового гибрида и современный технологический контекст ставит перед импровизацией как исследовательской практикой новые фундаментальные вопросы. Взаимодействие с системами motion capture, интерактивным звуком и генеративной графикой в реальном времени создает гибридные когнитивные системы. В перформансах, подобных работам группы Гийома Мариенса (Companu in L.A.) или проектам Кейт Денни, импровизирующий танцор является лишь одним из агентов в сложной сети [6].

Кто в таком случае является субъектом познания? Чье знание производится — танцора, реагирующего на алгоритм; алгоритма, обучающегося на движениях тела; или принципиально нового, дистрибутивного «киборг-сознания»? Импровизация становится полем для исследования агентности, расширенного сознания и природы творчества в условиях соавторства с человеческим интеллектом. Это передний край эпистемологической эволюции, где проверяется гипотеза о танце как интерфейсе между органическим и цифровым.

Исходя из всего перечисленного мы можем сделать вывод, что импровизация как хореографическая эпистемология и прослеженная эволюция позволяет сделать вывод о формировании в рамках современной хореографии полноценной телесной эпистемологии, ядром которой являются методизированные импровизационные практики. От деконструирующих экспериментов постмодерна через строгие когнитивные системы Форсайта к контекстуальным и технологическим гибридам, импровизация последовательно наращивала свой исследовательский потенциал.

Сегодня она представляет собой не просто технику, а способ мышления и производства знания, обладающий собственными критериями валидности. Это знание — процессуальное (существует в действии), телесное (не может быть полностью отчуждено от испытующего тела), контекстуальное (зависит от места, времени, партнеров) и часто коллективное. Оно отвечает на вопросы не «что это означает?», а «как это работает?» и «что может произойти, если?».

Таким образом, современная танцевальная импровизация вышла за рамки искусства в его классическом понимании и утвердилась как мощная, автономная форма исследования человеческого опыта, предлагающая уникальные пути познания через воплощенное действие и осознанное присутствие в непрерывно разворачивающемся настоящем. Её дальнейшее развитие будет связано с углублением рефлексии о производимом ею знании и укреплении диалога с другими дисциплинарными полями науки и философии.

Список литературы:

- [1] Schatzki, T. R., Knorr-Cetina, K., & von Savigny, E. (Eds.). (2001). *The practice turn in contemporary theory*. Routledge.
- [2] Banes, S. (1987). *Terpsichore in Sneakers: Post-Modern Dance*. Wesleyan University Press.
- [3] Rainer, Y. (1965). Some retrospective notes on a dance for 10 people and 12 mattresses called "Parts of Some Sextets". *Tulane Drama Review*.
- [4] Novack, C. J. (1990). *Sharing the Dance: Contact Improvisation and American Culture*. University of Wisconsin Press.
- [5] Forsythe, W. (1999). *Improvisation Technologies: A Tool for the Analytical Dance Eye*. ZKM.
- [6] Kozel, S. (2007). *Closer: Performance, Technologies, Phenomenology*. MIT Press.
- [7] Бёме, А. (2018). *Контактная импровизация. Танец, движение, исцеление*. СПб.: Алетейя. – Ключевая монография на русском о КИ, содержит исторический и методологический анализ.
- [8] Гиршензон, Т. (2017). *Очерки по философии танца*. М.: Бахрах-М. – Содержит разделы о телесности и импровизации в философском ключе.
- [9] Делаев, С. (2020). *Современный танец: эстетика и методология*. М.: Канон+. – Анализирует методологические сдвиги, включает главу об импровизации как исследовании.
- [10] Ивлева, Л. Д. (2016). *Хореографическое искусство и современность: направления, стили, практики*. Челябинск: Энциклопедия. – Дает общий контекст, в котором существует импровизация.
- [11] Кондратенко, Ю. А. (2019). *Постдраматический театр и пластический перформанс*. СПб.: Изд-во СПбГАТИ. – Полезно для анализа связей импровизации с постдраматической парадигмой.
- [12] Лисициан, М. Р. (2021). *Практика как исследование в современном искусстве*. М.: ГИТИС. – Ключевой сборник статей, напрямую затрагивающий теоретическую рамку PaR.
- [13] Сапожникова, Е. Р. (2020). *Танец в диалоге с технологиями: от кинетогрaфии к motion capture*. М.: Индрик. – Единственное в России комплексное исследование на стыке танца и digital.
- [14] Халприн, А. (2020). *Возвращаясь к жизни. Танец, исцеление и творческий процесс*. Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер. – Классика, демонстрирующая ранние формы импровизации как терапии и исследования.

References:

- [1] Schatzki, T. R., Knorr-Cetina, K., & von Savigny, E. (Eds.). (2001). *The practice turn in contemporary theory*. Routledge.
- [2] Banes, S. (1987). *Terpsichore in Sneakers: Post-Modern Dance*. Wesleyan University Press.
- [3] Rainer, Y. (1965). Some retrospective notes on a dance for 10 people and 12 mattresses called "Parts of Some Sextets". *Tulane Drama Review*.
- [4] Novack, C. J. (1990). *Sharing the Dance: Contact Improvisation and American Culture*. University of Wisconsin Press.
- [5] Forsythe, W. (1999). *Improvisation Technologies: A Tool for the Analytical Dance Eye*. ZKM.
- [6] Kozel, S. (2007). *Closer: Performance, Technologies, Phenomenology*. MIT Press.
- [7] Boehme, A. (2018). *Contact improvisation. Dance, movement, healing*. St. Petersburg: Aletheia. - Key monograph in Russian on CT, contains historical and methodological analysis.
- [8] Hirschenson, T. (2017). *Essays on the philosophy of dance*. M.: Bakhrah-M. - Contains sections on physicality and improvisation in a philosophical vein.
- [9] Delaev, S. (2020). *Modern dance: aesthetics and methodology*. M.: Canon+. - Analyzes methodological shifts, includes a chapter on improvisation as a study.
- [10] Ivleva, L. D. (2016). *Choreographic art and modernity: directions, styles, practices*. Chelyabinsk: Encyclopedia. - Gives a general context in which improvisation exists.
- [11] Kondratenko, Yu. A. (2019). *Post-drama theatre and plastic performance*. SPb.: Publishing House SPbGATI. - Useful for analyzing the connections of improvisation with the post-dramatic paradigm.
- [12] Lisitian, M. R. (2021). *Practice as a study in contemporary art*. M.: GITIS. - A key collection of articles directly addressing the theoretical framework of PaR.
- [13] Sapozhnikova, E.R. (2020). *Dance in dialogue with technology: from kinetography to motion capture*. M.: Indrik. - The only comprehensive study in Russia at the junction of dance and digital.
- [14] Halprin, A. (2020). *Coming back to life. Dance, healing and creative process*. Per. from English M.: Mann, Ivanov and Ferber. - A classic that demonstrates early forms of improvisation as therapy and research.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-922-928

ПОЛЯНСКАЯ София Михайловна,
студент 3 курса обучения,
Томский государственный университет,
e-mail: sof1yapol@mail.ru

«INTER ARMA ENIM SILENT LEGES?»: ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления историко-правовых предпосылок, обусловивших качественный скачок в развитии международного гуманитарного права (далее – МГП) в середине XX века. Традиционный тезис «*Inter arma enim silent leges*» («Во времена войны безмолвствуют законы») требует пересмотра в контексте системной кодификации правовых норм, последовавшей за ужасами Второй мировой войны.

Целью статьи является комплексный анализ роли Второй мировой войны в качестве ключевого катализатора, определившего содержание и направление развития современной системы МГП. Для достижения цели решаются следующие задачи: выявить ограниченность и пробелы системы МГП, существовавшей к 1939 году; документально проиллюстрировать систематический характер наиболее вопиющих нарушений существовавших правовых норм государствами «Оси» на основе исторических и правовых источников; проследить прямую причинно-следственную связь между этими нарушениями и принятием основополагающих международно-правовых актов в послевоенный период.

Методологическую основу составляют историко-правовой метод, позволивший реконструировать генезис правовых институтов, и сравнительно-правовой метод, использованный для сопоставления нормативных положений Гаагского и Женевского права с практикой их применения и последующего развития.

Результаты и научная новизна заключаются в системном доказательстве того, что Вторая мировая война не привела к «безмолвию» права, а, напротив, стала импульсом для его кардинальной трансформации. В работе показано, что именно ответ на беспрецедентные военные преступления и преступления против человечности привел к появлению четырех Женевских конвенций 1949 года, становлению принципа верховенства прав человека, запрету агрессивной войны в Уставе ООН и созданию прецедента международной уголовной ответственности (Нюрнбергский процесс).

Выводы подтверждают центральный тезис: Вторая мировая война выполнила функцию катализатора, который актуализировал потребность в более эффективном и универсальном правовом регулировании вооруженных конфликтов, заложив фундамент той системы МГП, которая, несмотря на вызовы, продолжает функционировать сегодня.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, Вторая мировая война, Женевские конвенции, Нюрнбергский процесс, военные преступления, права человека, ООН.

POLYANSKAYA Sofia Mikhailovna,
third-year student, Tomsk State University

«INTER ARMA ENIM SILENT LEGES?»: THE SECOND WORLD WAR AND THE FORMATION OF A NEW LEGAL ORDER IN THE CONTEXT OF ARMED CONFLICTS

Annotation. *The relevance of the study is due to the need to understand the historical and legal prerequisites that led to a qualitative leap in the development of international humanitarian law (hereinafter referred to as IHL) in the mid-20th century. The traditional thesis «Inter arma enim silent leges» («In times of war, laws are silent») requires revision in the context of the systematic codification of legal norms following the horrors of the Second World War.*

The aim of the article is a comprehensive analysis of the role of the Second World War as a key catalyst that determined the content and direction of the development of the modern IHL system.

To achieve this aim, the following tasks are set: to identify the limitations and gaps of the IHL system that existed by 1939; to document, based on historical and legal sources, the systematic nature of the most egregious violations of the existing legal norms by the Axis states; to trace a direct causal link between these violations and the adoption of fundamental international legal instruments in the post-war period.

The methodological basis comprises the historical-legal method, which allowed for the reconstruction of the genesis of legal institutions, and the comparative-legal method, used to compare the normative provisions of the Hague and Geneva law with the practice of their application and subsequent development.

The results and scientific novelty lie in the systematic proof that the Second World War did not lead to the «silence» of law but, on the contrary, became an impulse for its radical transformation. The paper demonstrates that it was the response to unprecedented war crimes and crimes against humanity that led to the crystallization of the four Geneva Conventions of 1949, the establishment of the principle of the supremacy of human rights, the prohibition of aggressive war in the UN Charter, and the creation of a precedent for international criminal responsibility (the Nuremberg Trials).

The conclusions confirm the central thesis: the Second World War served as a catalyst that highlighted the need for more effective and universal legal regulation of armed conflicts, laying the foundation for the IHL system which, despite challenges, continues to function today.

Key words: *international humanitarian law, Second World War, Geneva Conventions, Nuremberg Trials, war crimes, human rights, UN.*

«Inter arma enim silent leges», –
Марк Туллий Цицерон

Классический афоризм Марка Туллия Цицерона «Inter arma enim silent leges» («Когда говорят пушки, законы молчат») долгое время считался аксиомой, описывающей реалии войн древности и средневековья, для которых была характерна слабость правовой регламентации. Однако этот тезис требует пересмотра в свете последующего исторического развития. Настоящее исследование основано на гипотезе, что крупномасштабные вооружённые конфликты, вопреки мнению Цицерона, являются не причиной «безмолвия» права, а мощным катализатором его развития. Наиболее ярким подтверждением служит эволюция международного гуманитарного права (далее – МГП) после Второй мировой войны.

Такой диалектический подход коренится в самой природе права. Правовые нормы возникают не из пустоты, а как отражение насущных потребностей и общественных отношений, которые в ответ на кризисы и вызовы обретают нормативную форму и получают официальное закрепление.

История свидетельствует, что различные общества повсеместно создавали правила, ограничивающие насилие, в том числе в военных дей-

ствиях. Формирование таких нормативных рамок в научной доктрине рассматривается как фундаментальный признак перехода от догосударственного состояния к цивилизационному развитию.

Таким образом, правовые системы древности и средневековья вырабатывали регуляторы, выполнявшие защитные функции, схожие с современным МГП, но существенно отличавшиеся по своей юридической природе и сфере действия. Обязательность этих исторических норм обеспечивалась главным образом религиозными доктринами и морально-этическими постулатами, актуальными для конкретных социокультурных общностей. В противоположность этому, современная система МГП формируется в рамках позитивистской доктрины, где источником юридической обязательности служит согласованная воля суверенных государств, формализованная в международных договорах и устоявшихся правовых обычаях.

Многие принципы современного МГП имеют глубокие исторические корни, уходящие в древние военные обычаи. Ещё до появления письменных норм на международной арене действовали неписанные правила, регулировавшие начало и ведение боевых действий. Яркой иллюстрацией служит практика киевского князя Святослава Игоревича, который перед походом направлял противнику лаконичное предупреждение: «Хочу на вы идти». В древнерусском языке форма вини-

тельного падежа в этой конструкции совпадала с именительным, что делало высказывание недвусмысленным объявлением войны. [1]

Спустя столетия этот обычай был кодифицирован. Статья 1 Гаагской конвенции о начале военных действий 1907 года прямо обязывала государства не начинать боевые действия «без предварительного и недвусмысленного предупреждения». [10] Таким образом, уже в древности существовали протогуманитарные обычаи, которые, несмотря на иную (религиозную или этическую) основу обязательности, выполняли сходную функцию – ограничение насилия. Эволюция от обычая князя Святослава до Гаагской конвенции наглядно демонстрирует многовековую тенденцию перевода обычного права в позитивное, что ставит под сомнение абсолютный характер тезиса Цицерона.

К сожалению, от войн нам никуда не деться, ведь история человечества – это и история войн в том числе. Так, 9 мая 2025 года отмечалась юбилейная дата – 80-летие Великой Победы над германским нацизмом в Великой Отечественной войне, которая темпорально стала основной частью Второй мировой войны (далее – ВМВ). Затронув огромные территории, ВМВ стала не просто крупным политическим и историческим событием, которое изменило границы государств, она стала фактором кризиса мирового правосознания, более того, изменила ценностные приоритеты в международном гуманитарном правотворчестве. Именно после столь ужасного во всех аспектах события акцент с содержания нормы, сместился на её эффективность. Рассмотрим это далее.

Формирование МГП как системы норм началось задолго до середины XX века. Зарождение современной правовой регламентации конфликтов связано с инициативой швейцарского Союзного совета, которая легла в основу первой Женевской конвенции 1864 года об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Впоследствии документ неоднократно пересматривался (1906, 1929, 1949 гг.). [8]

Ключевую роль в создании Конвенции 1864 года сыграл швейцарский общественный деятель Анри Дюнан, впечатлённый страданиями солдат после битвы при Сольферино (1859).

Однако, несмотря на свою историческую важность, эффективность первой Женевской конвенции была ограниченной. Её действие распространялось исключительно на раненых и больных комбатантов, оставляя без правовой защиты гражданское население и иные категории жертв конфликтов. Кроме того, в документе отсутствовали действенные процедуры мониторинга и обе-

спечения соблюдения его положений, что серьёзно осложняло практическую имплементацию. Ярким свидетельством этих недостатков стала судьба дополнительных статей 1868 года, которые были разработаны для уточнения отдельных норм Конвенции 1864 года и, в частности, для распространения её принципов на сферу военно-морских операций. Данные положения не были ратифицированы государствами и, как следствие, не приобрели юридической силы. [5]

Наиболее значимыми для довоенного МГП были Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., заложившие основы права ведения войны («право Гааги»). Хотя Первая Гаагская конференция 1899 года не достигла главной цели, она стала важным шагом в кодификации «права войны», развитии арбитража и посредничества, а также ограничении вооружений. В историческом контексте это был первый международный документ, установивший процедуры мирного урегулирования споров. Тогда же был создан Постоянный третейский суд – прообраз будущих международных судов. Вторая конференция (1907) пересмотрела прежние конвенции и приняла десять новых, значительная часть которых посвящалась морскому праву.

Несмотря на значительные проблемы применения гуманитарных норм, уже само их наличие явилось огромным качественным «прорывом» в области международного права. Дело в том, что в начале двадцатого столетия правовой подход к войне кардинально отличался от современного. Ведущие государства мира признавали вооружённый конфликт легитимным инструментом решения международных противоречий. Эта позиция находила практическое подтверждение в ряде крупных войн начала века, включая Русско-японскую (1904–1905) и Первую мировую (1914–1918), в ходе которых, помимо прочего, применялись методы и средства ведения боевых действий, уже попадавшие под существовавшие запреты. [12]

Тем не менее, в последующие десятилетия произошла радикальная трансформация глобального правосознания. Знаковым событием на этом пути стал Парижский пакт 1928 года, известный как Пакт Бриана–Келлога. [4] В данном документе государства-участники провозгласили принципиальный отказ от использования войны в качестве инструмента своей национальной политики.

Историческая практика, однако, продемонстрировала ограниченную эффективность одних лишь декларативных договорённостей. Нацистская Германия, вопреки взятым международным обязательствам, осуществила серию откровенных актов агрессии, положивших начало Второй мировой войне. Последующие действия немецкого режима на оккупированных территориях характе-

ризовались беспрецедентной жестокостью. Масштаб и характер совершённых преступлений выходили не только за рамки действовавших норм международного гуманитарного права, но и преодолевали все общепринятые границы человеческой морали и этики.

Анализ нормативно-правовой базы, действовавшей на момент начала Второй мировой войны, позволяет констатировать, что правовой статус военнопленных, раненых и больных комбатантов формально регламентировался двумя ключевыми международными договорами: Женевской конвенцией об обращении с военнопленными [7] и Женевской конвенцией об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях [9], обеими от 27 июля 1929 года. Германия, являвшаяся участником указанных конвенций, была обязана соблюдать установленные ими стандарты. Дополнительным источником норм, регулирующих поведение сторон в конфликте, служило Положение о законах и обычаях сухопутной войны, приложенное к IV Гаагской конвенции 1907 года. [6]

Совокупность этих актов устанавливала конкретные гуманитарные гарантии. В частности, продовольственное снабжение военнопленных должно было быть эквивалентно по качеству и количеству пайкам войск, находящихся на казарменном положении (ст. 11 Об обращении с военнопленными). Комбатанты, ставшие *hors de combat* вследствие ранения или болезни и попавшие под контроль противной стороны, подлежали признанию военнопленными (ст. 2 Конвенции об улучшении участи раненых и больных). Центральным императивом провозглашалось обязательство гуманного обращения, включая неприкосновенность личной собственности, за исключением предметов, непосредственно относящихся к ведению боевых действий (ст. IV Положения 1907 г.).

Однако оперативная практика германских вооружённых сил (вермахта) в ходе кампании на Восточном фронте демонстрирует систематическое отклонение от данных предписаний. Архивные документы свидетельствуют: приказы санкционировали лишение советских военнопленных нормального довольствия (например, замена его падалью) и их привлечение к опасным работам, таким как разминирование. Подобные инструкции не были единичными, а отражали общую установку. [13]

Аналогичный разрыв между *lex lata* и *lex ferenda* наблюдался в сфере защиты гражданского населения. Статья 25 Положения 1907 года содержала императивный запрет на атаки или бомбардировки населённых пунктов, не имеющих фортификационных сооружений (*open towns*). Тем не менее, на начальном этапе войны данная

норма была последовательно нарушена, что подтверждается фактами нанесения ударов по незащищённым городам.

С первых дней войны немецкая авиация, известная как люфтваффе, начала систематически наносить мощные удары по городам Польши. Такие населённые пункты, как Варшава, Велюнь, Фрамполь и другие, подверглись массированным бомбардировкам немецкими войсками, нередко направленным непосредственно на мирных жителей. Фрамполь, например, был стёрт с лица земли, причём это разрушение не имело военной целесообразности – оно проводилось исключительно для испытания силы и меткости авиации.

Правовой режим управления на оккупированных территориях был определён в разделе III Положения о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года, озаглавленном «О военной власти на территории неприятельского государства». Статья 46 данного акта прямо устанавливала обязанность оккупационных властей уважать семейные права, жизнь и частную собственность местных жителей, а также их религиозные убеждения и связанные с ними практики.

Несмотря на это чёткое нормативное предписание, реальная практика оккупации с первых её дней характеризовалась систематическими и массовыми нарушениями данных принципов. На оккупированных территориях СССР были проведены целенаправленные акции по уничтожению мирного населения, принявшие характер геноцида: массовые расстрелы в Житомире (около 18 тыс. евреев), Днепропетровске (11 тыс.), Одессе (26 тыс.). Апогеем стал Бабий Яр в Киеве (сентябрь 1941), где было убито около 70 тысяч человек, преимущественно евреев. [11]

Эти примеры – лишь часть длинного списка военных преступлений, потрясших мир своей бесчеловечностью. Блокада Ленинграда, уничтожение Хатыни, массовые расстрелы – масштабы трагедии исчисляются миллионами жизней. Подобные действия, хотя и в ином контексте, совершались и другими участниками войны, что порождает сложные вопросы о военной необходимости и пропорциональности (например, при бомбардировках Дрездена, Хиросимы и Нагасаки, затоплении берлинского метро).

Именно этот трагический опыт заставил мировое сообщество задуматься о создании механизмов, призванных предотвратить подобное в будущем.

Учреждение Организации Объединённых Наций в 1945 году, по итогам конференции в Сан-Франциско, стало прямым институциональным ответом международного сообщества на трагический опыт Второй мировой войны. Среди ключевых целей новой организации, закреплённых в

её Уставе, значилась задача содействия прогрессивному развитию международного права и его систематической кодификации.

Для её реализации Генеральная Ассамблея ООН учредила Комиссию международного права. Примечательно, что на начальном этапе Комиссия исключила из повестки детальную разработку «права войны». Это решение объяснялось тем, что Устав ООН, объявив агрессивную войну вне закона, *de jure* устранил основу для такой кодификации. Кроме того, подобная инициатива могла быть воспринята как сомнение в способности ООН поддерживать мир. [3]

Ключевым новшеством Устава ООН стал императивный запрет на применение силы в международных отношениях (ст. 2). Катастрофические последствия войны окончательно дискредитировали её как допустимое средство политики. Однако вооружённые конфликты не исчезли; их правовая оценка варьируется от акта агрессии (вторжение Ирака в Кувейт, 1990) до законной самообороны. [18] В таких случаях легитимирующую роль играет глава VII Устава, наделяющая Совет Безопасности полномочиями санкционировать применение силы, как это было в операции «Буря в пустыне». [20]

Глубокое этическое-правовое осмысление гуманитарных последствий войны стимулировало интенсивное развитие международного гуманитарного права в послевоенные десятилетия (1949–1977 гг.). Значительную роль в этом процессе сыграло параллельное становление самостоятельной отрасли – международного права прав человека, институционально оформившегося благодаря принятию Всеобщей декларации прав человека (1948) и последующих международных пактов 1966 года.

Непосредственным ответом на выявленные в годы войны системные пробелы и недостатки существовавших договоров стала масштабная кодификационная работа Международного комитета Красного Креста. Её результатом явилась разработка четырёх новых конвенций, призванных заменить, расширить и усилить правовой режим, установленный Женевскими конвенциями 1929 года. Эти документы, известные как Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 года, универсализировали гуманитарные стандарты и в настоящее время составляют ядро общепризнанного международного гуманитарного права. Ценность этого нового института заключается в огромном влиянии на Основные законы послевоенных государств. Связано это во многом с тем, что некоторые положения попросту «перекочевали» из одного нормативного акта в другой.

Принцип верховенства прав человека, ставший краеугольным камнем послевоенного право-

порядка, нашёл своё прямое отражение в базовых законах государств, переживших поражение и переосмысление своей политико-правовой системы. Так, Основной закон ФРГ (статья 3) и Конституция Японии (статья 14) закрепили императив равенства всех перед законом и запрет дискриминации по широкому спектру признаков, включая пол, расу, вероисповедание и социальное положение.

Эта же философия недискриминации и универсальной защиты была инкорпорирована в ядро обновлённого международного гуманитарного права. Статья 13 Женевской конвенции IV (1949 г.) о защите гражданского населения во время войны устанавливает, что её положения распространяются на всё население без какого-либо различия, в особенности основанного на расе, национальности, религии или политических убеждениях.

Четыре Женевские конвенции 1949 года, усиленные нормами международного обычного права, сформировали универсальный правовой каркас, неоднократно применявшийся в последующих вооружённых конфликтах различного характера. Их действие и толкование были актуальны в ходе Шестидневной войны (1967), Фолклендского конфликта (1982), ирано-иракской войны (1980–1988), операции «Буря в пустыне» (1990–1991), а также в конфликтах на территории бывшей Югославии и в ряде внутренних вооружённых столкновений в Азии и Африке.

Параллельно закладывались основы международной уголовной ответственности. Устав Нюрнбергского трибунала (1945) ввёл юрисдикцию над лицами за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, утвердив принцип индивидуальной ответственности. Приговор трибунала (12 смертных казней, 7 тюремных сроков, 3 оправдательных приговора из 24 обвиняемых) создал судебный прецедент исторического значения. [16]

Дальнейшая эволюция МГП была связана с адаптацией к новым вызовам, что выразилось в принятии в 1977 году двух Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям. Эти документы конкретизировали защиту особо уязвимых категорий, таких как дети, ввели прямой запрет на использование голода среди гражданского населения как метода войны и усилили нормы, касающиеся охраны объектов, необходимых для выживания населения.

В академическом дискурсе сохраняется критика, касающаяся проблем имплементации и эффективности современного МГП, особенно в контексте асимметричных конфликтов. Однако его нормативная и сдерживающая роль часто

остаётся незамеченной. Соблюдение права – когда военнопленные содержатся в человеческих условиях, семьи воссоединяются, а удары наносятся исключительно по военным объектам – редко становится новостным поводом, являясь ожидаемой нормой, сформированной именно послевоенным консенсусом.

Таким образом, Вторая мировая война опровергла, а не подтвердила тезис «*Inter arma enim silent leges*». Она стала катализатором для создания всеобъемлющей системы правовых ограничений, которые, несмотря на нарушения, установили чёткие стандарты поведения в конфликтах и легитимизировали механизмы ответственности за их нарушение. Война перестала считаться допустимым политическим инструментом, а право – безучастным наблюдателем.

Список литературы:

- [1] Абдулаев, Э. Н. О некоторых приемах изучения истории культуры / Э. Н. Абдулаев // Преподавание истории в школе. – 2010. – № 5. – С. 8-12.
- [2] Газиева, Л. Л. Проблемы и противоречия использования опыта Первой мировой войны по спасению детей в период Великой Отечественной войны / Л. Л. Газиева // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2015. – № 2 (29). – С. 139-147.
- [3] Гессер, Г. П. Вызов, брошенный 26-й конференцией Красного Креста и Красного Полумесяца / Г. П. Гессер // Московский журнал международного права. – 2021. – № 3.
- [4] Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (пакт Бриана – Келлора) // Conventions. URL: <https://www.conventions.ru/int/22663/> (дата обращения: 09.04.2025).
- [5] Дополнительные статьи, касающиеся положения раненых на войне. Женева, 20 октября 1864 г. // Международный Комитет Красного Креста. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/add-arts-gc-1868?activeTab=historical> (дата обращения: 09.04.2025).
- [6] Заключительный акт Второй мирной конференции. Гаага, 18 октября 1907 г. // Международный Комитет Красного Креста. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/hague-finact-1907?activeTab=historical> (дата обращения: 09.04.2025).
- [7] Конвенция об обращении с военнопленными. Женева, 27 июля 1929 г. Исторический договор // Международный Комитет Красного Креста. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/gc-pow-1929?activeTab=historical> (дата обращения: 09.04.2025).
- [8] Конвенция об улучшении участи раненых в действующих армиях. Женева, 22 августа 1864 г. // Международный Комитет Красного Креста. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/gc-1864?activeTab=historical> (дата обращения: 09.04.2025).
- [9] Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Женева, 27 июля 1929 г. Исторический договор // Международный Комитет Красного Креста. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/gc-wounded-1929?activeTab=historical> (дата обращения: 09.04.2025).
- [10] Конвенция об открытии военных действий от 18 октября 1907 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902038162/titles/64U0IK> (дата обращения: 09.04.2025).
- [11] Котляров, Иван Иванович 70 лет Великой Победы: международно-правовая оценка военных действий германских войск в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) // Вестник Московского университета МВД России. 2015. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/70-let-velikoy-pobedy-mezhdunarodno-pravovaya-otsenka-voennyh-deystviy-germanskikh-voysk-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945> (дата обращения: 09.04.2025).
- [12] Леншин, С. И., Тюркин, М. Л. Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право: Монография // М.: За права военнослужащих. – 2009. – № 94.
- [13] Минасян, Н.М. Международные преступления третьего рейха. – Издательство Саратовского университета, 1977. – С. 217, 218, 224.
- [14] Понятие насилия в социально-политической философии Аристотеля // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. URL: <https://rrhumanities.ru/journal/article/2879/> (дата обращения: 20.11.2025).
- [15] Романовский, Г. Б. Современное развитие международного гуманитарного права (к 100-летию с начала Первой мировой войны и 75-летию с начала Второй мировой войны) // Гражданин и право. – 2014. – № 8. – С. 3-16.
- [16] Смирных, Сергей Евгеньевич Значение Нюрнбергского процесса для дальнейшего развития международного права // Вестник Московского университета МВД России. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-nyurnbergskogo-protsessa-dlya-dalneyshego-razvitiya-mezhdunarodnogo-prava> (дата обращения: 09.04.2025).
- [17] Скобина, Е. А., Рожкова, Н. А. Значение Второй мировой войны для развития международного публичного права // Международное право. – 2018. – № 4. – С. 34-43.

[18] Устав ООН, ст. 39 и 42.

[19] Франсуа, Б. Справедливая война, агрессивная война и международное гуманитарное право // Международный журнал Красного Креста. – 2002. – № 845-847. – С. 205-233.

[20] Шагалов, Вячеслав Александрович Миротворческая операция оон в Сомали в 1992 1995 годах // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2005. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirotvorcheskaya-operatsiya-oon-v-somali-v-1992-1995-godah> (дата обращения: 09.04.2025).

References:

[1] Abdulaev, E. N. On some methods of studying the history of culture/E. N. Abdulaev//Teaching history at school. – 2010. – № 5. – S. 8-12.

[2] Gazieva, L. L. Problems and contradictions of using the experience of the First World War to save children during the Great Patriotic War/L. L. Gazieva// Bulletin of Perm University. Series: History. – 2015. – № 2 (29). – S. 139-147.

[3] Gesser, G.P. The challenge posed by the 26th Red Cross and Red Crescent Conference/G.P. Gesser//Moscow Journal of International Law. – 2021. – № 3.

[4] Treaty of Renunciation of War as an Instrument of National Policy (Briand-Kellogg Pact)//Conventions. URL: <https://www.conventions.ru/int/22663/> (access date: 09.04.2025).

[5] Supplementary articles concerning the situation of war wounded. Geneva, October 20, 1868// International Committee of the Red Cross. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/add-arts-gc-1868?activeTab=historical> (дата обращения: 09.04.2025).

[6] Final Act of the Second Peace Conference. The Hague, October 18, 1907//International Committee of the Red Cross. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/hague-finact-1907?activeTab=historical> (дата обращения: 09.04.2025).

[7] Convention on the Treatment of Prisoners of War. Geneva, July 27, 1929. Historical Treaty//International Committee of the Red Cross. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/gc-pow-1929?activeTab=historical> (дата обращения: 09.04.2025).

[8] Convention on Improving the Lot of Wounded in Active Armies. Geneva, August 22, 1864//International Committee of the Red Cross. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/gc-1864?activeTab=historical> (дата обращения: 09.04.2025).

[9] Convention on Improving the Lot of Wounded and Sick in Active Armies. Geneva, July 27, 1929. Historical Treaty//International Committee of the Red Cross. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-trea->

[ties/gc-wounded-1929?activeTab=historical](https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/gc-wounded-1929?activeTab=historical) (дата обращения: 09.04.2025).

[10] Convention on the Opening of Hostilities of October 18, 1907//Electronic Fund for Legal and Regulatory Documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902038162/titles/64U0IK> (access date: 09.04.2025).

[11] Kotlyarov, Ivan Ivanovich 70 years of the Great Victory: international legal assessment of the military operations of German troops during the Great Patriotic War (1941-1945)//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/70-let-velikoy-pobedy-mezhdunarodno-pravovaya-otsenka-voennyh-deystviy-german-skih-voysk-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945> (дата обращения: 09.04.2025).

[12] Lenshin, S. I., Turkin, M. L. The legal regime of armed conflicts and international humanitarian law: Monograph//M.: For the rights of military personnel. – 2009. – № 94.

[13] Minassian, N.M. International Crimes of the Third Reich. - Saratov University Publishing House, 1977. - S. 217, 218, 224.

[14] The concept of violence in the socio-political philosophy of Aristotle//Scientific result. Social and humanitarian studies. URL: <https://rrhumanities.ru/journal/article/2879/> (access date: 20.11.2025).

[15] Romanovsky, G. B. Modern development of international humanitarian law (to the 100th anniversary of the beginning of World War I and the 75th anniversary of the beginning of World War II)//Citizen and law. – 2014. – № 8. - S. 3-16.

[16] Smirnykh, Sergey Evgenievich The importance of the Nuremberg trials for the further development of international law//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-nyurnbergskogo-protssesa-dlya-dalneyshego-razvitiya-mezhdunarodnogo-prava> (дата обращения: 09.04.2025).

[17] Skobina, E. A., Rozhkova, N. A. The importance of World War II for the development of public international law//International law. – 2018. – № 4. - S. 34-43.

[18] UN Charter, Articles 39 and 42.

[19] Francois, B. Just War, Aggressive War and International Humanitarian Law//International Journal of the Red Cross. – 2002. – № 845-847. - S. 205-233.

[20] Shagalov, Vyacheslav Alexandrovich UN peacekeeping operation in Somalia in 1992 1995//Uchen. zap. Kazan. University. Ser. Humanite. sciences. 2005. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirotvorcheskaya-operatsiya-oon-v-somali-v-1992-1995-godah> (дата обращения: 09.04.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-929-933

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,
кандидат исторических наук,
доцент, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: palamit@rambler.ru

ЧУПИНА Ирина Павловна,
доктор экономических наук,
профессор, профессор кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: irinacupina716@gmail.com

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук,
доцент доцент кафедры менеджмента и экономической теории,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: nikolina73@yandex.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,
старший преподаватель кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: vsinko71@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
доцент кафедры теории, методологии и правового
обеспечения государственного и муниципального управления
Уральский федеральный университет,
e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

«ПРАВДА» И «СЕРОВСКИЙ РАБОЧИЙ»: ПАРТИЙНЫЙ КОНТРОЛЬ НАД РАЙОННОЙ ПРЕССОЙ В 1946 ГОДУ

Аннотация. Статья посвящена анализу критики газеты «Серовский рабочий» в центральном печатном органе ЦК ВКП(б) «Правда» в мае 1946 года и ее последующему обсуждению на XXVII пленуме Свердловского обкома. На примере этого случая раскрываются внутренние противоречия и реальные механизмы функционирования советской печати в послевоенный период. Обзор прессы в «Правде» «Канцелярские произведения на газетном листе» обвинил районную газету в бюрократизме, пассивности, отсутствии живой связи с рабочими, что противоречило декларируемой роли прессы как инструмента «критики и самокритики».

Особое внимание в статье уделяется реакции местной партийной номенклатуры на критику из центра. Отражены выступления первого секретаря Серовского горкома П.Н. Исаева и главного редактора областной газеты «Уральский рабочий» Е.Я. Багреева на пленуме обкома. Их позиция демонстрировала не поиск решения проблемы, а попытку перераспределить ответственность за недостатки, выявленные в обзоре «Правды».

Таким образом, статья на конкретном историческом материале показывает, как партийно-административная система регулировала работу средств массовой информации в первые послевоенные годы. В данном эпизоде наглядно проявилось противоречие между формальными требованиями к советской прессе быть «народной» и реальной прак-

тикой её функционирования, которая зачастую сводилась к распространению официальных идеологических установок и демонстрации лояльности в ущерб содержательной журналистской работе.

Ключевые слова: «Правда», «Серовский рабочий», Свердловский обком ВКП(б), П.Н. Исаев, Е.Я. Багреев, советская пресса, редакционная политика, партийный контроль.

EGOROV Sergey G.,

*Candidate of historical sciences, Associate Professor,
Associate professor of the Department of philosophy,
Ural State Agrarian University*

CHUPINA Irina P.,

*Doctor of Economic Sciences, Professor,
Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University*

SIMACHKOVA Natalya N.,

*Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Associate Professor,
Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University*

SINKO Vera N.,

*Senior lecturer at the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University*

SHILOVTSEV Andrey V.,

*Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University, Associate Professor
of the Department of Theory, Methodology and Legal Support
of Public and Municipal Administration,
Ural Federal University*

PRAVDA AND SEROVSKY RABOCHY: PARTY CONTROL OVER THE REGIONAL PRESS IN 1946

Annotation. *This article analyzes criticism of the Serovsky Rabochy newspaper in Pravda, the central press organ of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), in May 1946 and its subsequent discussion at the 27th Plenum of the Sverdlovsk Regional Party Committee. This case illustrates the internal contradictions and real mechanisms of the Soviet press in the post-war period. Pravda's press review, "Office Works on a Newspaper Sheet," accused the regional newspaper of bureaucracy, passivity, and a lack of active communication with workers, which contradicted the declared role of the press as an instrument of "criticism and self-criticism."*

The article devotes particular attention to the reaction of the local party elite to criticism from the center. It also reflects the speeches of P.N. Isaev, First Secretary of the Serov City Party Committee, and E.Ya. Bagreev, Editor-in-Chief of the regional newspaper Uralsky Rabochy, at the regional party committee plenary session. Their position demonstrated not a search for a solution to the problem, but an attempt to redistribute responsibility for the shortcomings identified in Pravda's review.

Thus, the article, using specific historical material, demonstrates how the party-administrative system regulated the work of the media in the first post-war years. This episode clearly revealed the contradiction between the formal demands on the Soviet press to be "people's" and the actual practice of its functioning, which often boiled down to the dissemination of official ideological guidelines and demonstrations of loyalty at the expense of substantive journalistic work.

Key words: «Pravda», «Serovsky rabochy», Sverdlovsk Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), P.N. Isaev, E. Ya. Bagreev, Soviet press, editorial policy, party control.

23 мая 1946 года в «Правде» вышел обзор прессы, в котором характеризовалась редакционная политика газеты «Серовский рабочий». Данное печатное издание было старейшей газетой Северного Урала, однако название заметки «Канцелярские произведения на газетном листе» указывало на критическую оценку деятельности районной редакции со стороны печатного органа ЦК ВКП(б).

В обзоре в сатирическом ключе преподносилась пассивность главного редактора Черезова и «канцелярский» характер работы сотрудников газеты. Вместо содержательных статей на страницах издания размещались готовые материалы от различных районных учреждений, что позволило автору «Правды» сравнить «Серовский рабочий» с «печатным придатком к ведомственному делопроизводству». Основными авторами уральской газеты выступали должностные лица, что приводило к превращению издания в «свод служебных записок» и «бюллетень ведомственной переписки» [1, с. 2].

«Правда» упрекала районное издание в отсутствии собственной позиции, критики и анализа деятельности руководящих лиц района. В соответствии с духом времени осуждалось игнорирование точки зрения рабкоров, простых рабочих, потребителей товаров и услуг местных организаций.

Особое неодобрение вызвала поддержка газетой административного произвола местного директора Гончаренко, который своим приказом заставил «всех счетных работников и работников других отделов заводоуправления выйти на разгрузку кирпича». В этой ситуации редакция «Серовского рабочего» не предоставила слово работникам заводоуправления, придерживаясь исключительно точки зрения администрации завода.

Итоговый вывод, посвященный оценке работы районной газеты, был суров. «Правда» считала, что «Серовский рабочий» «отчуждает себя от масс» [1, с. 2]. Издание обвинялось в неспособности выполнять функцию общественного контроля, поскольку играло роль рупора местного ведомственного аппарата, а не выступало подлинно народным изданием, выражающим интересы и проблемы простых людей.

Статьи, очерки и фельетоны, публиковавшиеся в «Правде» в советский период, фактически являлись прямыми директивами для исполнения, и местное партийное руководство не могло не отреагировать на критику в адрес «Серовского рабочего». В конце июня 1946 года на XXVII пленуме Свердловского обкома ВКП(б) обсуждался вопрос «О состоянии и улучшении внутрипартийной работы в областной партийной организации».

В докладе первого секретаря В.И. Недосекина прозвучало признание наличия серьезных проблем в культурной сфере региона (при цитировании первоисточников пунктуация, орфография и стиль оригиналов сохранены – авт.): «Очень серьезные недостатки и упущения имеются на таком важнейшем участке работы, как печать, радио, кино, театр... Резкий принципиальный обзор “Правды” по адресу “Серовского рабочего” говорит о том, что Серовский горком т. Исаев плохо руководит своей газетой» [2, Лл. 72-73].

Глава городской партийной организации Серова Павел Николаевич Исаев по образованию был инженером-металлургом и первоначально работал конструктором на Уралмашзаводе. В военные годы он перешел на партийную работу и с должности инструктора обкома был направлен на север области, став первым секретарем Серовского горкома ВКП(б). Здесь он успешно проявил себя как руководитель, содействовал выполнению Серовским металлургическим заводом заданий ГКО по обеспечению военной промышленности металлом, освоению новых марок стали и наращиванию производственных мощностей. В 1950-е годы Исаев вернулся к работе в обкоме, достигнув должности второго секретаря. В 1958 году Павел Николаевич получил назначение на ответственный пост первого секретаря Карагандинского обкома КПСС. Данное кадровое решение во многом обуславливалось тем, что на территории Карагандинской области была развернута Всесоюзная ударная стройка крупного металлургического завода в городе Темиртау. Успешная партийная карьера Исаева была перечеркнута в 1959 году волнениями и беспорядками рабочих, занятых на строительстве завода в Темиртау, после чего он был снят со своего поста, исключен из партии и вернулся в Свердловск [3, с. 151].

В своем выступлении на пленуме Исаев подробно остановился на работе газеты «Серовский рабочий», фактически обвинив обком и редакцию областной газеты «Уральский рабочий» в том, что они сами проследили недостатки, выявленные в обзоре «Правды»: «Слабым звеном в работе городской партийной организации, как здесь говорил тов. Недосекин в своем докладе, являлась печать. Несколько месяцев тому назад наша областная газета “Уральский рабочий” дала обзор газеты “Серовский рабочий” и обзор был положительный, в частности, писалось, что газета “Серовский рабочий” грамотно и оперативно поднимала вопросы заочных производственных совещаний. Я редактора вызывал и сказал, что тов. Черезов, давай, в таком духе работай. Через два месяца в обзоре “Канцелярские произведения на газетном листе” камня на камне не оставили из всего нашего благополучия. Я хочу сказать и все,

конечно согласны, мы у себя в Серове и Областной Комитет партии, что против тех фактов, которые привела “Правда” в “Обзоре” не попрешь. Надо сектору печати отдела пропаганды солидно следить за газетами. Если бы два месяца тому назад нам сказали, что нужно править дело, то было бы иначе» [2, л. 108].

Таким образом, глава Серовского горкома объяснил сложившуюся ситуацию со своей газетой отсутствием эффективного контроля со стороны отдела пропаганды и агитации Свердловского обкома. Ошибочная обратная связь редакции областной газеты не позволила своевременно выявить недочеты в работе районной редакции, что привело к разгромной критике со стороны «Правды». Исаев подчеркнул: «...меры были бы приняты, мы всегда на все указания Обкома партии привыкли реагировать оперативно в силу возможностей». Такая позиция городского руководителя, который во многом снимал с себя ответственность за неудачное руководство районной печатью, не встретила понимания у областного руководства. Недосекин прервал речь Исаева вопросом: «Газета-то у вас выходит, вы ее читаете?» Отвечая на этот вопрос, Исаев еще раз признал очевидность и обоснованность критики, однако не удержался от подчеркивания недоработки обкома как контролирующего органа: «Она у нас выходит, но и в Обкоме ее читают иногда даже внимательнее, чем мы. За что нас критиковали “Правда”, товарищи читали, и нет необходимости на этом деле останавливаться» [2, л. 109].

На XXVII пленуме Свердловского обкома с речью выступил также и главный редактор областной газеты «Уральский рабочий» Е.Я. Багреев. Евгений Яковлевич был направлен на работу в Свердловск в 1938 году после окончания газетных курсов при ЦК ВКП(б). С 1939 года он возглавил редакцию «Уральского рабочего», проработав в этой должности 18 лет, до 1957 года. Багреева уважительно звали «старейшиной цеха» [4, с. 166]. В течение полутора десятилетий, с 1939 по 1955 годы, он участвовал в работе пленумов горкома и обкома, избирался депутатом Свердловского городского и областного Совета депутатов трудящихся. Однако на пленуме Багреев воздержался от прямого упоминания об ошибочной положительной оценке «Серовского рабочего» на страницах своей газеты, лишь коснувшись темы недостаточного внимания районных властей к сигналам, которые поступали от местных печатных изданий: «У нас есть такая группа товарищей директоров заводов, секретарей РК партии, которые хотят, чтобы критика была дружеской, подслащенной, т.е. приглаженной... Два корреспондента выезжают с секретарем райкома в колхозы,

обнаруживают недостатки. Зачем ты записываешь, не пиши, не надо, мы это исправим, а ты напиши потом, как у нас хорошо дело идет» [2, л. 230].

Главный редактор «Уральского рабочего» заключил свое выступление дежурными фразами о необходимости реагирования на критические статьи в региональных газетах: «Я думаю, что парторганизациям необходимо прислушиваться к голосу печати, помогать нам развивать критику, добиваться, чтобы выступления газеты имели обязательно свой результат, и таким образом это будет способствовать развертыванию критики и самокритики и ликвидации тех крупнейших недостатков, которые нам мешают и построить партийную работу, и усилить руководство нашим хозяйством, бороться за план пятилетки» [2, л. 230].

Критика газеты «Серовский рабочий» на страницах «Правды» и ее обсуждение на пленуме Свердловского обкома ВКП(б) в июне 1946 года является характерным примером механизмов партийного контроля над средствами массовой информации в послевоенный советский период. Данный эпизод высветил серьезные проблемы районной печати: нехватка критических материалов, бюрократизация, отсутствие живой связи с читателями.

Выступление центральной партийной газеты, носившее директивный характер, немедленно активизировало местное партийное руководство. Однако последовавшее обсуждение на пленуме обкома продемонстрировало не столько искреннее стремление исправить недостатки, сколько попытку переложить ответственность между различными уровнями партийной иерархии. Секретарь Серовского горкома П.Н. Исаев, признавая справедливость обнародованных замечаний, основную вину возложил на отдел пропаганды и агитации обкома и областную газету за отсутствие своевременных указаний на допущенные ошибки. В свою очередь, редактор «Уральского рабочего» Е.Я. Багреев уклонился от прямой самокритики, сведя проблему к нежеланию местных руководителей воспринимать любую, кроме «приглаженной», критику.

В целом, данный эпизод из истории свердловской печати 1946 года показывает, что в рамках жестко централизованной политической системы функция прессы как инструмента «общественного контроля» иногда становилась формальной. Газеты той поры должны были балансировать между необходимостью отражать руководящую роль партийных, советских и хозяйственных органов и декларируемым требованием быть близкими к широким народным массам, занимать активную общественную позицию.

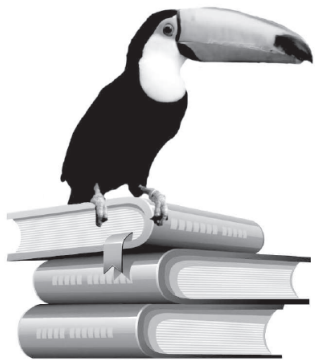
Список литературы:

- [1] Правда. – 1946 – 23 мая.
 [2] Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 41. Д. 4. Стенограмма заседания XXVII пленума Свердловского обкома ВКП(б). I часть. 18-21 июня 1946 года.
 [3] Козлов В.А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953-1985 гг. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006.
 [4] Р.Л. Исхаков. Е.Я. Багреев – основатель уральской школы журналистики // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – N 2 (89).

References:

- [1] True. - 1946 - May 23.
 [2] Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (CDOOSO). F. 4. Op. 41. D. 4. Transcript of the meeting of the XXVII Plenum of the Sverdlovsk Regional Committee of the CPSU (B.). I part. June 18-21, 1946.
 [3] Kozlov V.A. Unknown USSR. Confrontation between the people and the authorities 1953-1985. - M.: OLMA-PRESS, 2006.
 [4] R.L. Iskhakov. E.Ya. Bagreev - founder of the Ural School of Journalism//Izvestia of the Ural State University. Ser. 1. Problems of education, science and culture. - 2011. - N 2 (89).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
 учебных и методических
 пособий, монографий,
 научных статей.

Профессионально.

В максимально
 короткие сроки.

Размещаем
 в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-934-938

НАЛЁТОВ Михаил Андреевич,
Аспирант Московского университета им. С.Ю. Витте,
e-mail: Naletovmisha@gmail.com

Научный руководитель:
СУСЛОВА Светлана Игоревна,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВО НА БЛАГОПРИЯТНЫЙ ВИД В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД 1 – 3 В. Н.Э НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУЦИЙ И ДИГЕСТ ЮСТИНИАНА I

Аннотация. Статья посвящена исследованию права на благоприятный вид в классический период развития Римского права 1 – 3 в. н.э. В работе анализируется правовая природа права на вид как городского сервитута, которое впервые позволило гарантировать защиту неэкономического, а эстетического интереса субъекта. На основе изучения Институций и Дигест Юстиниана 1 исследуются условия установления сервитута вида, содержание права и границы его применения, а также способы защиты данного права.

Ключевые слова: Римское частное право, классический период Римского права, вещное право, сервитуты, городские сервитуты, сервитут вида, право на вид, ограниченное вещное право, соседские права и обязанности, Дигесты Юстиниана, Институции Юстиниана, вещный иск, интердикты, справедливость.

NALETOV Mikhail Andreevich,
Graduate student,
Moscow University named after S. Yu. Witte

Scientific Supervisor:
SUSLOVA Svetlana Igorevna,

RIGHT TO A FAVORABLE VIEW IN THE ROMAN EMPIRE DURING THE 1ST–3RD CENTURIES A.D. BASED ON THE STUDY OF THE INSTITUTES AND THE DIGEST OF JUSTINIAN I

Annotation. The article is dedicated to the study of the right to a favorable view (prospect) during the classical period of Roman law (1st–3rd centuries AD). The work analyzes the legal nature of the right to a view as an urban servitude, which for the first time allowed for the protection of a non-economic, aesthetic interest of the subject. Based on the study of the Institutes and Digest of Justinian I, the conditions for establishing the servitude of view, the content of the right and the boundaries of its application, as well as the means of protecting this right are examined.

Key words: Roman private law, classical period of Roman law, property law, servitudes, urban servitudes, servitude of view, right to a view, limited property right, neighbor rights and duties, Digest of Justinian, Institutes of Justinian, action in rem, interdicts, justice.

Введение

Настоящее исследование имеет целью изучить правовые воззрения на благоприятный вид в Римском праве 1 - 3 века н.э., который называют эпохой расцвета Римской классической юриспруденции [11]. При этом за основу взяты Институции (лат. Institutiones) и Дигесты (лат. Digesta) императора Восточной Римской империи Юстиниана I (далее – Юстиниана I), хотя и составленные позднее исследуемого периода (6 век н.э.), но пред-

денции [11]. При этом за основу взяты Институции (лат. Institutiones) и Дигесты (лат. Digesta) императора Восточной Римской империи Юстиниана I (далее – Юстиниана I), хотя и составленные позднее исследуемого периода (6 век н.э.), но пред-

ставляющие собой систематизированный свод постулатов о праве от наиболее авторитетных (классических) Римских ученых правоведов, проживавших в период 1 - 3 века н.э., среди которых Гай, Павел, Ульпиан, Яволен.

Актуальность исследования обусловлена высоким уровнем правовой культуры в классический период развития Римского частного права, который позволил впервые в истории обеспечить правовую защиту благоприятного вида. Настоящее исследование позволяет проследить как Римские юристы решали проблему конкуренции между правом собственности соседей и необходимостью обеспечить защиту благоприятного вида, открывающегося с объекта недвижимости.

Правовая природа благоприятного вида как городского сервитута

Возможность защиты благоприятного вида признавалась Римскими юристами, как верно отмечено многими авторами [4].

Есть мнение, что появление потребности в защите вида было обусловлено экономическими и географическими факторами [13]. Автор согласен с данным утверждением, но также полагает, что в основе возникновения данной потребности в первую очередь могли лежать культурные и этические аспекты.

Благоприятный вид в Римском праве рассматривался как предмет сервитута, т.е. как вещное право на чужие вещи – *jura in re aliena* [15]. Так, в 8.2.3 Дигест [5] приводится высказывание Ульпиана согласно которому «имеется и сервитут, заключающийся в том, чтобы не заслонялся вид» – *ne prospectui officiatur*. Этот сервитут относится к так называемым отрицательным сервитутам [9]. Предметом отрицательных сервитутов являлось само благо [12], в рассматриваемом случае – это благоприятный вид.

Следуя 8.1.1 Дигест, сервитуты подразделялись на сельские и городские. При этом сервитут вида отнесен к городским сервитутам.

С формальной стороны данная классификация ограничивает территорию его применения чертой города. Однако могли ли городские сервитуты, включая интересующий нас сервитут вида, применяться на территории, расположенной за городской чертой?

Можно предположить, что установлении видового и иных городских сервитутов в сельской местности просто не было хозяйственно необходимости ввиду отсутствия густой застройки.

Однако ответ мы находим в Институциях Юстиниана, представляющих собой учебник для юристов, которому также придана сила закона.

Так, в параграфе 1 третьего титула указано, что «к сервитутам в городских поместьях относятся те, которые связаны с постройками, и названы сервитутами в городских поместьях потому, что все здания называются городскими поместьями, хотя бы они были возведены за городом. Далее, сервитуты в городских поместьях заключаются в том, чтобы один сосед помогал другому».

Заслуживает интереса максима, приведенная Павлом во 2-й книге «Вопросов» (8.2.38 Дигест), согласно которой «если мои здания отстоят от твоих настолько, что из одного нельзя видеть другого, или лежащая между ними гора препятствует взору, то сервитут не может быть установлен». Из указанного можно сделать вывод о том, что для возникновения сервитута вида необходимым являлось наличие соседних участков и построек на них в видимом спектре, наличие построек на господствующем участке, наличие полезности господствующему участку, а не лицу – *praedio utilis* [1].

Важно, что полезность сервитута вида как предиального (вещного) права должна быть объективной и не зависеть от личности владельца участка. Это предполагает, что польза от вида могла быть присуща участку при любом собственнике. Однако Институции и Дигесты не содержат конкретных примеров или характеристик охраняемого вида. Отсутствие таких указаний, вероятно, связано с договорной природой установления данного сервитута.

Согласно 4 параграфу 3 титула 2 книги Институций Юстиниана [10], основанием возникновения сервитута на вид является соглашение, стипуляция (обязательство, выраженное в устной форме) или завещательный отказ. Также, как обоснованно указывает И.А. Покровский [6], сервитут мог быть установлен на основании судебного акта по формуле *adjudicatio* (спор о разделе общего имущества). Представляется также, что в такой ситуации защиту получал сложившийся порядок пользования имуществом. При этом Павел в 15-й книге «Комментариев к Сабину» (8.1.14 Дигест) указывает, что поскольку сервитуты являются бестелесной вещью (*res incorporalis* []), то давность владения не может быть основанием для их возникновения (поскольку ими нельзя владеть и пользоваться непрерывно).

Помимо сервитута вида (*ne prospectui officiatur*), Дигесты упоминают смежные сервитуты: *altius non tollendi* (запрет на постройку выше определенной высоты, загораживающую вид или свет) и *ne luminibus officiatur* (запрет на препятствование доступу света). От *altius non tollendi* сервитут вида отличается тем, что он ограничивает не только строения, но и насаждения.

Исследуемый сервитут тесно связан с правом на свет [2], поскольку при наличии вида, как правило, обеспечивается и свет. То есть сервитут вида включает в себя большее ограничение по сравнению с сервитутом на свет (8.2.15 Дигест). Свет, как указывает Павел (8.2.16 Дигест), это когда видно небо. Разницу Павел находит в том, что вид существует даже с мест, расположенных внизу, а свет, только с мест, расположенных на высоте.

Поскольку сервитут мог быть предоставлен на вид, отрывающийся с нижних этажей здания или с земельного участка, и вероятно, имелся ввиду не панорамный обзор ландшафта.

Данные сервитуты получили дальнейшее развитие и рецепцию, в том числе в современных правовых порядках Западной Европы [8], что лишь подтверждает высокий уровень правовой культуры римских юристов, а также актуальность защиты права на вид.

Защита сервитута вида

Согласно Институциям Юстиниана (4.6.2), защита сервитута вида осуществлялась вещным иском, который мог носить как позитивный (требование о признании права на вид), так и негативный (отрицание такого права у другой стороны) характер.

Как отмечает Д.В. Дождев [14], следуя постулату Ульпиана (D. 8.5.10.1), вещный иск в защиту сервитута мог быть предъявлен не только к собственнику подчинённого участка, но и к любому лицу, препятствующему его осуществлению.

Однако применительно к сервитуту вида (не *prospectui officiator*) это не означает неограниченного права на защиту против любого заслона, где бы он ни находился. Такой подход был бы чрезмерным и выходил бы за пределы существа сервитута.

Следовательно, защита против третьего лица возможна лишь в пределах того объёма прав, который был установлен соглашением сторон (или иным основанием) и связывает именно подчинённый участок.

В этой связи интересным представляется также следующее положение, приведенное Ульпианом в 68-й книге «Комментариев к эдикту», согласно которому «терпит ущерб (тот), кто упускает выгоду, которая проистекала (для него) из публичного (места), какая бы она ни была. Поэтому если для него вид (из окна) или если для него доступ (в дом) будет ухудшен или стеснен, нужен интердикт (43.8.2.11, 43.8.2.12 Дигест).

Согласно указанному положению в целях прекращения нарушения допускалось прибегнуть

к интердикту. Интересно указанное положение тем, что речь идет о виде, который «проистекает» именно в публичном месте, а не из частного строения. Следовательно, защита могла быть предоставлена не только против собственника соседнего участка, а и против третьих лиц, действующих на публичной земле.

Можно заключить, что сервитут вида защищался с помощью преторского интердикта и вещно-правового иска, и эта защита предоставлялась не только перед владельцем подчиненного участка, а перед всяким нарушителем. Существенно также, что данное обстоятельство о защите перед всеми причинителями вреда в части сервитута вида нельзя трактовать слишком широко. Конкретных расстояний защиты сервитута вида ни Дигесты, ни Институции не называют.

Исходя из имеющихся источников, можно сделать вывод об отсутствии нормативного регулирования в 1 – 3 в. н.э. права на вид. Возможно такое нормативное регулирование было представлено местными строительными регламентами, как полагает И.А. Покровский [6], но до нас они не дошли. Однако это не означает, что вещное право на вид защищалось на любом видимом расстоянии. Это противоречило бы принципу добросовестности – *Bona fides* [2]. Предполагаем, что закрепление данного сервитута в условиях отсутствия нормативного регулирования предоставляло возможно вида на близлежащие к господствующему земельные участки.

Заключение

По результатам исследования сформулированы следующие выводы:

1. Право на благоприятный вид в классический период развития римского права (1 – 3 в. н.э.) представляло собой ограниченное вещное право в форме сервитута – *ne prospectui officiator*.
2. Установление сервитута требовало наличия соседних застроенных участков и полезности вида для господствующего участка (а не для конкретного лица).
3. Нормативно не были определены ни возможные охраняемые видовые (пространственные) характеристики, ни объекты, которые могли бы быть предметом охраняемого вида. Предполагаем, что в большинстве своем данные характеристики определялись сторонами по соглашению.
4. Можно предполагать, что поскольку сервитут вида возникал на основании соглашений двух или более частных землевладельцев, а нормативных установлений о дальности

вида не имелось, то его предметом выступал вид на соседний участок или на несколько участков. Панорамный вид на ландшафт в отсутствие нормативного закрепления, вероятно, не мог являться предметом данного сервитута.

5. Сервитут вида мог защищать не только от построек, но и растительности на земле соседа.
6. Сервитут вида защищался с помощью преторского интердикта и вещноправового иска, и эта защита предоставлялась не только перед владельцем подчиненного участка, а перед всяким нарушителем.

Список литературы:

[1] Азревич Д. И. Система римского права : в 2 т. / Д. И. Азревич. – Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1887. – Т. 1. – 475 с.

[2] Андреева П. Н. Право на вид в России: история, законодательство и перспективы / П. Н. Андреева // RUDN Journal of Law. – 2024. – Т. 28, № 4. – С. 762–777.

[3] Быков Д. И. Становление понятия добросовестности в римском праве / Д. И. Быков // Экономика. Социология. Право. 2025. № 1(37). С. 94–101. DOI: 10.22281/2542-1697-2025-04-01-94-101.

[4] Волочай Ю.А. Защита права на вид, открывающийся с недвижимой вещи (в аспекте сравнения права России и Германии) / Ю.А. Волочай // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 75–96.

[5] Дигесты Юстиниана : избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И. С. Перетерского / отв. ред. Е. А. Скрипилев. – М. : Наука, 1984. – 455 с.

[6] Покровский И. А. История римского права / И. А. Покровский. – Москва: Статут : Консультант плюс, 2004. – 538 с. – (Классика российской цивилистики / Кафедра гражданского права Юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова).

[7] Сантбаталова Д. М. Земельный сервитут в римском, российском дореволюционном и советском периодах / Д. М. Сантбаталова // Вопросы российской юстиции. 2022. № 22. С. 51–57.

[8] Сварчевский К. Г. Влияние римского права на возникновение негативных сервитутов в праве Англии / К. Г. Сварчевский // Актуальные проблемы истории государства и права зарубежных стран. 2024. № 3. С. 108–114.

[9] Сюбаева Ю.Д. Право на свет и вид в соседском праве / Ю.Д. Сюбаева // Гражданское право. 2019. № 1. С. 37–40.

[10] Институции Юстиниана = Institutiones Iustiniani / пер. с лат. Д. Расснера; под ред. Л. Л.

Кофанова, В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 1998. – 395 с.

[11] Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / О. С. Иоффе. – М. : Статут, 2000. – 777 с.

[12] Максимов В. А. Негативные сервитуты по римскому частному праву и праву Англии: вопросы рецепции / В. А. Максимов // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2025. № 1. С. 39–46.

[13] Некрасова И. Е., Давлетукаев М., Котец В. П. Сервитуты в римском праве / И. Е. Некрасова И. Е, М. Давлетукаев, В. П. Котец // Научные известия. 2022. № 27. С. 42–44.

[14] Римское частное право : учебник / Дождев Д. В., Нерсисянц В. С. ; под общ. ред. В. С. Нерсисянца. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 1996. – 704 с.

[15] Римское частное право : учебник для вузов / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. – Москва : Юрайт, 2025. – 607 с.

References:

[1] Azrevich D.I. System of Roman Law: in 2 vols /D.I. Azarevich. - St. Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich, 1887. - VOL. 1. - 475 s.

[2] Andreeva P.N. Right to see in Russia: history, legislation and prospects/P.N. Andreeva//RUDN Journal of Law. – 2024. - T. 28, NO. 4. - S. 762-777.

[3] Bykov D.I. The formation of the concept of good faith in Roman law/D.I. Bykov//Economics. Sociology. Right. 2025. № 1(37). S. 94-101. DOI: 10.22281/2542-1697-2025-04-01-94-101.

[4] Volochay Yu.A. Protection of the right to a view that opens with an immovable thing (in terms of comparing the law of Russia and Germany)/Yu.A. Volochay//Bulletin of Civil Law. 2018. № 2. S. 75-96.

[5] Digests of Justinian: selected fragments in translation and with notes by I. S. Peretersky/rev. ed. E. A. Skripilev. - M.: Nauka, 1984. - 455 s.

[6] Pokrovsky I.A. History of Roman Law/I.A. Pokrovsky. - Moscow: Statute: Consultant plus, 2004. - 538 p. - (Classics of Russian Civil Studies/Department of Civil Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University).

[7] Santbatalova D.M. Land easement in the Roman, Russian pre-revolutionary and Soviet periods/D.M. Santbatalova//Issues of Russian justice. 2022. № 22. S. 51-57.

[8] Svarchevsky K. G. The influence of Roman law on the emergence of negative easements in the law of England/K. G. Svarchevsky//Actual problems of the history of the state and the law of foreign countries. 2024. № 3. S. 108-114.

[9] Yu.D. Syubaeva. Right to Light and View in Neighborhood Law/Yu.D. Syubaeva//Civil Law. 2019. № 1. S. 37-40.

[10] Justinian Institutions = Institutiones Iustiniani/per. With lat. D. Rassner; ed. L. L. Kofanova, V. A. Tomsinov. - M.: Mirror, 1998. - 395 p.

[11] Ioffe O.S. Selected works on civil law: From the history of civilistic thought. Civil relations. Criticism of the theory of "economic law"/O.S. Ioffe. - M.: Statute, 2000. - 777 s.

[12] Maximov V. A. Negative easements on Roman private law and the law of England: reception

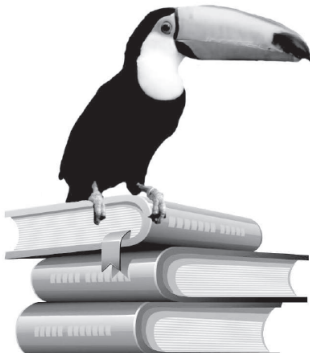
issues/V. A. Maximov//Historical and legal problems: A new angle. 2025. № 1. S. 39-46.

[13] Nekrasova I. E., Davletukaev M., Kotets V. P. Easements in Roman law/I. E. Nekrasova I. E, M. Davletukaev, V. P. Kotets//Scientific news. 2022. № 27. S. 42-44.

[14] Roman private law: textbook/Dozhdev D.V., Nersesyants V.S.; under the general. ed. V. S. Nersesyants. - Moscow: Norma: INFRA-M, 1996. - 704 s.

[15] Roman private law: a textbook for universities/ed. I. B. Novitsky, I. S. Peretersky. - Moscow: Yurayt, 2025. - 607 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ научных статей, поступающих в редакцию научно-правового журнала «Образование и право»

1. Автор научной статьи предоставляет оформленную и заверенную рецензию (отзыв) доктора наук, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале, либо предоставляет выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

2. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную и аргументированную оценку ее материала и обоснованные рекомендации по улучшению качества представленной работы. Рецензент оценивает основные достоинства и недостатки рукописи статьи, руководствуясь при этом следующими критериями: соответствие содержания статьи профилю журнала, актуальность избранной темы, научный и методологический уровень, использование необходимых методик исследования, новизна и оригинальность основных положений и выводов, практическая полезность. При анализе представленных материалов, рецензентом уделяется внимание следующим вопросам:

а) общий анализ научного уровня, терминологии, структуры статьи, актуальности темы;

б) оценка подготовленности статьи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи;

в) научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки и практики;

г) место рецензируемой работы среди других работ на подобную тему: что нового в

ней или чем она отличается от них, не дублирует ли содержание рукописи работы других авторов или ранее напечатанные работы данного автора);

д) допущенные автором неточности, ошибки, нарушение правил цитирования.

3. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется автору статьи по его письменному запросу, а также по соответственному запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

4. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать две недели с момента поступления рукописи к рецензенту. Рецензент вправе отказаться от рецензирования в течение одной недели с момента поступления рукописи к нему и уведомить об этом редакционную коллегию журнала.

5. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

6. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецен-

зирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

7. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу мотивированный отказ.

8. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

9. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

10. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет три месяца с момента поступления рукописи в редакцию.

11. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

12. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ НАУЧНО-ПРАВОВОГО ЖУРНАЛА «ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО»

Сведения общего характера

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в журнале «Образование и право» осуществляется **БЕСПЛАТНО**, при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования и с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Допускается издание статей вне общей очередности (в кратчайшие сроки) на **ДОГОВОРНОЙ** основе.

Авторские экземпляры журнала предоставляются за **ПЛАТУ**.

Почтовые расходы («Почта России», заказное, бандероль) – за счёт денежных средств автора.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи от 10 рабочих дней до 1 месяца.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания об этом факте необходимо поставить в известность редакцию.

Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 30% от ранее опубликованных материалов). Рукописи должны иметь авторство не менее 80%, что подтверждается системой Антиплагиат.

Отправляя статью в редакцию, в случае принятия ее к публикации, автор соглашается на размещение редакцией статьи в электронных базах данных.

Технические требования

1. Тексты статей принимаются объемом от 5 до 12 машинописных страниц и (не более 25 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 5 машинописных страниц. В расчет объема статьи не входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах).

2. Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

3. На e-mail: mail@law-books.ru (в соответствии с правилами оформления статей) высылаются:

- электронная версия рукописи (сохраненная в формате Документ Word), которая должна иметь:

А. аннотацию (на русском и английском) объемом 150-250 слов. Аннотация должна иметь информативный характер и отражать актуальность, цели научного исследования, используемую методологию, основные научные результаты полученные автором (-ами) и их практическое значение.

Б. ключевые слова (на русском и английском) - 5-10 ключевых слов или словосочетаний. Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, определять предметную область исследования, встречаться в тексте статьи;

В. сведения об авторах: ФИО, их должности, ученые степени, ученые звания, место работы и адрес электронной почты (на русском и английском языках);

Г. УДК и ББК;

Д. Список литературы должен состоять не менее чем из 10 источников. Приветствуется наличие в библиографическом списке зарубежных изданий.

4. Перевод на английский язык статуса автора(-ов), название статьи, аннотация и ключевые слова должны соответствовать грамматике и стилистике языка, использованием принятой в англоязычных изданиях специальной терминологии. Не допускается осуществление перевода на английский язык при помощи автоматических переводчиков.

5. Статья, поступившая в редакцию регистрируется в журнале регистрации статей с указанием даты поступления, названия, Ф.И.О. автора, места работы автора. Статье присваивается индивидуальный регистрационный номер.

6. Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам.

7. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями.

8. Рецензирование статей проходит несколько уровней по системе type of peer-review: главным редактором, открытой экспертной оценки, одного слепого редактирования, двойного контрольного рецензирования (не менее двумя рецензентами по тематике представленных материалов). Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора

9. Рецензии на опубликованные статьи за последние 5 лет подлежат хранению в редакции.

10. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена с замечаниями вместе с ее первоначальным вариантом.

11. Статья, задержанная после переработки на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

12. После анализа рецензий принимается решение об опубликовании или отказе в опубликовании статей. На основе принятого решения автору/ам направляется письмо, в котором дается общая оценка статьи, если статья может быть опубликована после доработки / с учетом замечаний — даются рекомендации по доработке; если статья не принимается к опубликованию — указываются причины такого решения.

Правила оформления статей

Набор текста производится в формате Microsoft Word 1997-2003. Шрифт – TimesNewRoman; размер шрифта – 12; межстрочный интервал – 1,0; выравнивание текста – по ширине; поля: левое – 3,5 см, правое, верхнее, нижнее – по 3,5 см; отступ первой строки (абзацный отступ) – 0,5 см (для образования отступа не следует использовать клавишу пробела и табуляции).

Аннотация, ключевые слова, примечания, библиография, сведения об авторе оформляются 12 шрифтом, интервал 1,0).

Последовательность оформления статьи

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

1. УДК, ББК;
2. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;
3. Название статьи (буквы – прописные);
4. Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);
5. Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;
2. Название статьи (буквы – прописные);
3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

После текста статьи располагаются (выравнивание «По ширине»):

- Список литературы оформленный исходя из правил (ГОСТ 7.05–2008).

Источники выстраиваются в алфавитном порядке, сначала — литература на русском языке, затем — на других языках.

Указываются:

заглавие работы;

название журнала или сборника (если это статья из журнала или сборника материалов), отделенное от заглавия статьи двойным слешем (/), без кавычек;

выходные данные: для журнала — номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции — город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются издательства, общее количество страниц.

При оформлении интернет-источника указываются: автор (если есть), название статьи, после двойного слеша (/) полное название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (URL) и в скобках — дата обращения.

Архивные источники указываются в тексте статьи в круглых скобках, например: (ЦГА. Ф. 1, д. 2. Л. 15). В библиографию не выносятся.

После этого размещается Spisok literature (References), в котором библиографическое описание источников на кириллице транслитерировано на латинский шрифт.

Правила транслитерации. Транслитерацию следует делать по сайту www.translit.ru, выбирать вариант LC (Library of Congress). Транслитерированные русские источники оформлять по модели для российских источников. В квадратных скобках давать перевод названия статьи или книги, а также периодического издания, в котором статья была опубликована.

На английском языке фамилия отделяется от инициалов автора через запятую, затем год издания работы в скобках (только цифры).

Описание статьи, опубликованной на русском языке, делается по следующей схеме:

- фамилия и инициалы автора (авторов) - в транслитерации по системе LC (<http://translit.ru/?direction=ru&account=lc>);

- заглавие статьи / монографии — в транслитерации;

- заглавие статьи / монографии — в переводе на английский язык, в квадратных скобках;

- название журнала в транслитерации которое отделено от заглавия статьи двойным слешем (/);

- название журнала — в переводе на английский язык, в квадратных скобках (название на английском языке смотреть на сайте журнала);

- выходные данные, исключая год (город, название издательства, «дата обращения») — в транслитерации, заменив обозначение страниц статьи (общее количество страниц монографий, учебников, сборников материалов конференций) на латинское Р. (р.);

- указание на язык публикации, вышедшей не на английском языке [напр.: (In Russ.)], — обязательно!

Отдельным файлом направляется сопроводительная информация

Вместе с текстом статьи на адрес редакции направляется доп. персональная информация об авторе (-ах):

- полный почтовый адрес места работы (включая индекс), город и страну либо полный почтовый адрес места жительства (включая индекс), город и страну;

- № тел. рабочий (домашний) с кодом города либо № моб. тел.;

- электронный адрес.

Данная информация не подлежит обнародованию в журнале, кроме электронного адреса.

Для аспирантов, соискателей ученой степени кандидата наук в обязательном порядке необходимо указывать:

- телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены;

- данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание).

Автору рекомендуется при оформлении статьи внимательно ознакомиться со всеми правилами, сверяться с образцом, а в случае возникновения вопросов — направлять обращения на эл. адрес редакции.

Примерный образец

УДК 37.07

ББК 74.4

ИВАНОВА Ирина Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры государственного и муниципального управления
Института социально-гуманитарного образования
Московского педагогического государственного университета,
e-mail: 1234567@mail.ru

SPIN-код: 0000-0000, AuthorID: 000000 (при наличии)

**СОВРЕМЕННЫЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ:
РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Аннотация. Актуальность исследования вызвана ... Цель: ... Методология исследования - ... В результате обосновано ... Во-первых, ... Во-вторых, ... Авторы приходят к выводу, что ... В этой связи важно отметить ...

Ключевые слова: критерии оценки, высшая школа, научно-исследовательская работа, индекс Хирша, образовательное право.

IVANOVA Irina Ivanovna,
PhD in Law, Associate Professor,
Professor of the Department of State and Municipal Administration
of the Institute of Social and Humanitarian Education
of the Moscow Pedagogical State University,
e-mail: 1234567@mail.ru

**MODERN CRITERIA FOR THE ASSESSMENT OF SCIENTIFIC ACTIVITY OF HIGHER
EDUCATION INSTITUTIONS: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE**

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО № 2 • 2026

Annotation. The relevance of the research is caused by ... Purpose: ... The research methodology is ... As a result, it is justified ... First, ... Second, ... The authors conclude that ... In this connection, it is important to note ...

Key words: assessment criteria, higher education, research work, Hirsch index, educational law.

Текст статьи

.....

Список литературы:

[1] Адизес И.К. Об образовании [Электронный ресурс] / Сайт «Институт Адизеса в России». – Режим доступа: <http://adizes.ru/ichak-adizes-blog/ob-obrazovanii/> (дата обращения: 10.08.2018).

[2] Боброва Н.А. Первый профессорский форум // Проблемы науки . 2018. № 3 (37). – С. 66 – 68.

[3] Галажинский Э. Зачем нужны рейтинги университетов [Электронный ресурс] / Сайт «Ведомости». – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/17/723970-reitingi-universitetov> (дата обращения: 20.08.2018).

[4] Кузьмина Н.Б. Эффективный университет: перезагрузка. М.: МГИМО-Университет, 2014. – 134 с.

[5] Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Гарант» (дата обращения: 20.08.2018).

[6] Сапожков О. Для экономики знаний России придется переучиваться [Электронный ресурс] / Сайт «Коммерсантъ». – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3450155?from=four_economic (дата обращения: 15.08.2018).

[7] Wuestewald T. Adult Learning in Executive Development Programs [Электронный ресурс] // Adult Learning. 2016. Vol. 27. N2. P. 68-75. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/1045159515602256> (дата обращения 30.07.2018).

[8].....

Spisok literatury:

[1] Adizes I.K. Ob obrazovanii [Elektronnyy resurs] / Sayt «Institut Adizesa v Rossii». – Rezhim dostupa: <http://adizes.ru/ichak-adizes-blog/ob-obrazovanii/> (data obrashcheniya: 10.08.2018).

[2] Bobrova N.A. Pervyy professorskiy forum // Problemy nauki . 2018. № 3 (37). – S. 66 – 68.

[3] Galazhinskiy E. Zachem nuzhny reytingi universitetov [Elektronnyy resurs] / Sayt «Vedomosti». – Rezhim dostupa: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/17/723970-reitingi-universitetov> (data obrashcheniya: 20.08.2018).

[4] Kuz'mina N.B. Effektivnyy universitet: perezagruzka. M.: MGIMO-Universitet, 2014. – 134 s.

[5] Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. № 295 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii «Razvitiye obrazovaniya» na 2013-2020 gody» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Elektronnyy resurs] / Informatsionno-pravovoy portal «Garant» (data obrashcheniya: 20.08.2018).

[6] Sapozhkov O. Dlya ekonomiki znaniy Rossii pridetsya pereuchivat'sya [Elektronnyy resurs] / Sayt «Kommersant». – Rezhim dostupa: https://www.kommersant.ru/doc/3450155?from=four_economic (data obrashcheniya: 15.08.2018).

[7] Wuestewald T. Adult Learning in Executive Development Programs [Elektronnyy resurs] // Adult Learning. 2016. Vol. 27. N2. P. 68-75. Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.1177/1045159515602256> (data obrashcheniya 30.07.2018).

[8].....

ОБРАЗОВАНИЕ *и* ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

Подписано в печать 10.02.2026.
Формат 60х90/8. Печать цифровая. Печ. л. 118,25.
Тираж 300 экз. Заказ № 18.
Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево, Моск. обл., ул. Ленина, д.102.